

Ю. И. Семенов

Автор фундаментального труда

*Введение
в НАУКУ
ФИЛОСОФИИ*

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ

**От первобытного коммунизма
к обществам с частной
собственностью, классами
и государством:**

**древневосточному,
античному и феодальному**

URSS

Ю. И. Семенов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ:

**От первобытного коммунизма
к обществам с частной собственностью,
классами и государством
(древневосточному, античному
и феодальному)**

Издание стереотипное

Семенов Юрий Иванович

Происхождение и развитие экономики: От первобытного коммунизма к обществам с частной собственностью, классами и государством (древневосточному, античному и феодальному). Изд. стереотип.
М.: КРАСАНД, 2019. — 720 с.

Настоящая работа относится к области сразу двух наук: политической экономии и этнологии (социальной и культурной антропологии), к научной дисциплине, которая занимается исследованием социально-экономических отношений первобытного общества. На Западе, где она возникла, ее принято называть экономической антропологией.

Автором данной работы впервые в истории экономической и этнологической мысли создана целостная теория одной из докапиталистических экономик — экономики первобытного общества. Создание теории позволило автору найти разгадку явления, известного под названием престижной экономики. Книга содержит не только изложение теории. Она представляет собой самую полную из всех существующих в науке сводок фактических данных об экономике первобытности. Открытие исходной, первоначальной формы социально-экономических отношений дало автору возможность воссоздать процесс становления экономики. Это опять-таки сделано в науке впервые. До этого экономгенезом никто не занимался.

Исследование собственно первобытной экономики не может считаться доведенным до конца без обращения к экономике общества переходного от собственно первобытного к классовому (цивилизованному) — предклассового общества. Предклассовая экономика является необходимым связующим звеном между собственно первобытной и ранней классовой экономикой.

В заключение работы рассматривается переход от предклассового общества к классовому. Из предклассового общества возникла не только первая историческая форма классового общества — древневосточное, политарное. Оно дало начало и второй форме классового общества — античному рабовладельческому, и третьей его форме — обществу феодальному. Поэтому нет и не может быть одной единой схемы становления общества, базирующегося на частной собственности, общества с классами и государством. Существуют три основных исторических варианта становления частной собственности, общественных классов и государства. И ключ к пониманию сущности этих процессов дает теоретическое исследование экономики первобытного и предклассового общества.

Издательство «КРАСАНД». 117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.
Формат 60х90/16. Печ. л. 45.

ISBN 978-5-396-00930-1

© КРАСАНД, 2013, 2019

25635 ID 249293

9 785396 009301

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Содержание

Часть первая

Введение в проблему: теория и история	11
Глава 1. Общество и история	13
1. Основные значения слова «общество»	13
2. Проблема самой общей периодизации истории человечества	14
3. Типология доклассовых социоисторических организмов	15
4. Задача настоящего исследования	17
Глава 2. Производство и экономика	21
1. Вводное замечание	21
2. Общественное производство, хозяйство и экономика	21
3. Труд и производство	22
4. Общественное производство как единство собственно производства и потребления	23
5. Отношения присвоения, они же — отношения распределения	24
6. Основные виды присвоения: собственность, владение, распоряжение и пользование	28
7. Отношения распределения и обмена как экономические отношения собственности — социально-экономические, производственные отношения	31
8. Два вида отношений собственности — экономические и волевые	33
9. Основные виды ячеек собственности	34
10. Первичное, вторичное и третичное распределения общественного продукта	36
11. Главные принципы распределения общественного продукта	37
12. Распределение, обмен и перераспределение	37
13. Социально-экономические и организационно-трудовые отношения	38
14. Производительные силы общества и проблема их развития	40

15. О хозяйственной и экономической сферах человеческой деятельности	44
Глава 3. Экономика и общество	45
1. Общественно-экономический уклад, способ производства, общественно-экономическая формация, социально-экономический строй общества	45
2. Частная собственность, общественные классы и антагонистические способы производства	48
3. Древнеполитарный способ производства	51
Глава 4. Открытие экономических отношений и возникновение политической экономии	57
1. Вводное замечание	57
2. Капитализм — индустриальное рыночное общество	57
3. Возникновение политической экономии и ее развитие до середины XIX в.	62
Глава 5. Проблема докапиталистических способов производства в экономической науке второй половины XIX — начала XXI в.	71
Глава 6. Ортодетерминирующие и трансдетерминирующие социально-экономические отношения. Ортоэкономика и трансэкономика	87
Глава 7. История и современное состояние исследования экономики доклассового общества	96
1. У самых истоков	96
2. Первые обобщения. Идея первобытного коммунизма	97
3. От Н. И. Зибера до Б. Малиновского	103
4. Возникновение экономической антропологии (этнологии)	106
5. Субстантивисты против формалистов	117
6. После битвы	129
7. Исследования экономики доклассового общества в нашей стране в советское и постсоветское время	135
Глава 8. Отношения полов, род, брак, родство и экономика	142
1. Основоположники марксизма о первобытности	142
2. Возникновение и сущность рода	149
3. Отношения по воспроизводству человека: половые (биологические) и брачные (социальные)	153
4. Дуально-родовая организация и групповые системы родства	156

5. Возникновение брака между индивидами и линейно-степенных систем родства	158
6. Родовые отношения, узы родства и экономика	159
Глава 9. Хозяйство первобытного и предклассового общества	163

Часть вторая

Экономика первобытно-коммунистического общества . . . 167

Глава 10. Корни первобытного коммунизма.	
Жизнеобеспечивающий и избыточный продукт	169

Глава 11. Разборно-коммуналистические отношения 177

1. Проблема реконструкции начального этапа развития первобытной экономики	177
2. Разбор пищи и его пережитки	180
3. Пережитки разборно-коммуналистической собственности на вещи	188

Глава 12. Возникновение экономики и общества 191

1. Вводные замечания	191
2. Животные и их объединения	191
3. Биологические сверхорганизмы	193
4. Объединения обезьян	195
5. Стадо предлюдей	196
6. Естественный отбор как фактор биологической эволюции. Индивидуальный и групповой отбор	201
7. Производственная деятельность и отбор	202
8. Перелом: начало обуздания пищевого инстинкта и становления коммуналистических социально-экономических отношений	205
9. Завершение становления коммуналистических социально-экономических отношений	216

Глава 13. Возникновение дележно-коммуналистических отношений 224

1. «Первоначальное общество изобилия»?	224
2. Шаг вперед: дарение и дележ	230
3. Эволюция ранней первобытной общины	236
4. Социальная организация современных раннепервобытных охотников и собирателей	246
5. Разделодележ: свидетельства очевидцев	252

Глава 14. Эволюция дележно-коммуналистических отношений	257
1. Нужны новые стимулы	257
2. Дачедележ: свидетельства очевидцев	265
3. Бушмены кунг Калахари: от каждого по способностям, каждому по потребностям	271
4. Пилага: вождь кормит народ	276
5. Раннепервобытные земледельцы	280
Глава 15. Сущность дележно-коммуналистических отношений	285
1. Дачедележ: теоретический анализ	285
2. Первобытный коммунизм (коммунализм)	292
3. Собственность на землю	298
4. О критике и критиках первобытного коммунизма	302
 Часть третья	
Экономика первобытно-престижного общества	307
Глава 16. Возникновение дародачеобмена (церемониального обмена) и дароплатежеобмена	309
1. Кризис коммуналистических отношений	309
2. Возникновение дародачеобмена (церемониального обмена): хксаро, мербок, кула	313
3. Возникновение дароплатежеобмена	322
Глава 17. Возникновение великодараобмена и дароторжеств	328
1. Верховые танана: дележ и потлач	328
2. Дароторжества и великодарения	331
3. Бушмены и австралийские аборигены: межобщинные сборища	338
4. Ваиваи и кубео: от межобщинных сборищ к дароторжествам	340
5. Гостеприимство и его место в системе социально-экономических отношений доклассового общества	343
Глава 18. Раздвоение первобытной экономики на престижную и жизнеобеспечивающую и его последствия для развития общества	346
1. Раздвоение первобытной экономики на престижную и жизнеобеспечивающую	346
2. Престижная экономика и изменения в жизнеобеспечивающей экономике	347

3. Погоня за престижем как стимул развития производства. Возникновение престижной частной собственности и эксплуатации человека человеком	353
4. Экономика и обычное право	359
Глава 19. Престижная экономика и зарождение первых форм эксплуатации человека человеком	364
1. Эскимосы Северной Аляски: пиры вестников, богатые и бедные, лидеры и приверженцы	364
2. Возникновение эгоцентрических помогодачеделажных (центроделажных) систем и центроделажного метода эксплуатации	370
3. Индейцы Калифорнии южнее мыса Мендосино: народ кормит вождя	377
4. Возникновение главарно-приносного (капито-трибутивного) образа эксплуатации	389
Глава 20. Возникновение помогодоминарного, заемнодоминарного и доминарного образов эксплуатации: финальные бигмены, преплутаристы и геронтократы	399
1. Престижная экономика и возникновение помогодоминарного, заемнодоминарного и доминарного образов эксплуатации	399
2. Танаина, татлиты и атна Аляски: престижная экономика с финальными бигменами	408
3. Толова и юроки: власть первобытных сокровищ	410
4. Нивхи Дальнего Востока: церемониальные сокровища и медвежьи праздники	416
5. Тиви Северной Австралии: геронтократы, вечные жены и сателлиты	418
Глава 21. Престижная экономика собирателей, охотников и рыболовов с поздними чифменами и преполитархами . . .	435
1. Престижная экономика с поздними чифменами	435
2. Индейцы северо-западного побережья Северной Америки: потлачи, знать, простолюдины, приживалы, рабы	436
Глава 22. Новая Гвинея: жизнеобеспечивающая и престижная экономика земледельцев и животноводов	454
1. Первоначальные земледельцы: никаких общинных полей	454
2. Кума Новой Гвинеи: типичное общество горных папуасов	457

3. Папуасы гор Новой Гвинеи: дачедеlež,	
дародачеобмен, дароплатежи и дароторжества	465
4. Папуасы гор Новой Гвинеи: бигмены,	
приверженцы и приживалы	473
Глава 23. Архипелаги меланезии и остров Алор (Индонезия):	
 престижная экономика с бигменами	482
1. Престижная экономика в Меланезии	
за пределами Новой Гвинеи	482
2. Сиуаи острова Бугенвиль: раковинные деньги,	
займы, пиры соперничества	483
3. Торговля, рынки, кредит	
и ростовщичество в Меланезии	493
4. Генезис примитивных (первобытных) денег	495
5. Мужские союзы и экономика: ранги и платежи	496
6. Горные жители острова Алор (Индонезия):	
престижная экономика, имущественное неравенство,	
соперничество и конфликты	499
Глава 24. Жизнеобеспечивающая и престижная экономика	
 земледельцев и животноводов: вариант с чифменами	501
1. Остров Вогео: экономика будней	
и экономика праздников	501
2. Острова Мовехафен: знать и простолюдины	508
3. Мафулу Новой Гвинеи:	
престижная экономика с чифменами	509
4. Остров Гуденаф: от бигменов к чифменам	511
5. Манус островов Адмиралтейства:	
от чифменов к бигменам	514
Глава 25. Жизнеобеспечивающая и престижная экономика	
 земледельцев и животноводов:	
 преполитаризм и переход к протополитаризму	516
1. Острова Улава и Манам, мекео Новой Гвинеи,	
Буин: ранние преполитархии	516
2. Остров Тикопия: единственное преполитарное	
общество, экономика которого детально изучена	520
3. Маори Новой Зеландии:	
протополитархий пока еще нет	526
4. Острова Тробриан: протополитархии возникают	531
Глава 26. Первобытно-престижный способ производства	
 и первобытно-престижная общественно-	
 экономическая формация	542

Глава 27. Дополнительные материалы о всеобщности престижной экономики: доклассовые общества	547
1. Вводное замечание	547
2. Полинезия и Микронезия	548
3. Островная Юго-Восточная Азия	549
4. Континентальная Юго-Восточная Азия	551
5. Средняя Азия	555
6. Кавказ	557
7. Дальний Восток и Сибирь	558
8. Северная Америка	561
9. Центральная и Южная Америка	566
10. Африка	571
Глава 28. Дополнительные материалы о всеобщности престижной экономики: классовые общества	575
1. Древний Китай	575
2. Индоевропейцы. Древние германцы и Древняя Русь	575
3. Пережитки престижной экономики в мире традиционного крестьянства, прежде всего российского	576
 Часть четвертая	
Экономика предклассового общества и переход к классовому (цивилизованному) обществу	587
Глава 29. Общие тенденции развития экономики доклассового общества	589
1. Формирование ячеек приватной (обособленной и частной) собственности. Пракрестьянские домохозяйства и пракрестьянская община	589
2. Формы эксплуатации в доклассовом обществе	598
Глава 30. Основные социально-экономические типы предклассового общества	602
1. Пракрестьянское и пракрестьянско-доминирующее общество	602
2. Протополитарные общества	606
3. Протополитоманное общество	617
4. Взаимопревращение протополитарных и пракрестьянских обществ	620
5. Протодоминирующее общество	623
6. Протонобиларное и протонабиллодоминирующее общество	624

7. Протонобиломагнарное общество	626
8. Взаимопревращение протонобиломагнарных и протодоминомагнарных обществ	628
9. Протомилитомагнарное общество	630
Глава 31. Переход от предклассового общества к классовому: основные пути и варианты развития	632
1. Стадия предклассового общества как межформационный период	632
2. Глобально-формационная теория всемирной истории	634
3. Понятийный аппарат глобально-формационного понимания всемирной истории	638
4. Возникновение древнеполитарных обществ и наступление первого периода истории цивилизированного общества — эпохи Древнего Востока	643
5. Возникновение античного серварного (рабовладельческого) общества и наступление второго периода истории цивилизованного общества — античной эпохи	645
6. Возникновение феодального общества и наступление третьего периода истории цивилизованного общества — эпохи Средних веков	651
7. Возникновение классового общества в Центральной, Восточной и Северной Европе	654
Сокращения	657
Литература	661
Именной указатель	700
Указатель названий культурно-языковых общностей («народов», «племен» и т. п.)	705
Указатель географических названий	711
Указатель названий предгосударственных, прагосударственных и древних государственных образований	716

Часть первая

Введение в проблему: теория и история

Глава 1. Общество и история	13
Глава 2. Производство и экономика	21
Глава 3. Экономика и общество	45
Глава 4. Открытие экономических отношений и возникновение политической экономии	57
Глава 5. Проблема докапиталистических способов производства в экономической науке второй половины XIX – начала XXI в.	71
Глава 6. Ортодетерминирующие и трансдетерминирующие социально-экономические отношения. Ортоэкономика и трансэкономика	87
Глава 7. История и современное состояние исследования экономики доклассового общества	96
Глава 8. Отношения полов, род, брак, родство и экономика	142
Глава 9. Хозяйство первобытного и предклассового общества . . .	163

Глава 1

Общество и история

1. Основные значения слова «общество»

Главная задача настоящей работы — исследование экономики первобытного общества. Но для ее уяснения необходимо уточнить значение понятия «первобытное общество». Это в свою очередь предполагает выявление смысла слова «общество».

В исторической, социологической и философской литературе это слово имеет по меньшей мере пять основных значений.

Первое из этих значений — конкретное отдельное общество, представляющее собой относительно самостоятельную единицу исторического развития. Каждое такое общество локализовано во времени и пространстве: оно занимает определенную территорию, оно обязательно когда-то возникло, а многие родившиеся в свое время такие общества давно уже исчезли, ушли с исторической арены. Общество в таком понимании можно назвать *социально-историческим (социоисторическим) организмом* или, сокращенно, *социором*. Примеры: Египет, Афинская республика, Спарта, Византия, Россия, Франция и т. п.

Второе значение — пространственно ограниченная *система социально-исторических организмов*, или *социорная система*. Примеры: общество Западной Европы, Ближнего Востока, Латинской Америки и т. п. Третье значение — все когда-либо существовавшие и ныне существующие социально-исторические организмы вместе взятые — *человеческое общество в целом*. Четвертое значение — *общество вообще*, безотносительно к каким-либо конкретным формам его реального существования. Пятое значение — *общество вообще определенного типа (особенное общество или тип общества)*, например феодальное общество, капиталистическое общество, постиндустриальное общество и т. п. (подробно см.: Семенов, 2003а. С. 21–27).

2. Проблема самой общей периодизации истории человечества

Общепризнанно в мировой исторической науке, что первые цивилизованные, т. е. классовые, общества появились примерно лишь 5 тыс. лет тому назад. Этими первыми цивилизациями были, как известно, шумерская и египетская. Ранее все общества были качественно иными: нецивилизованными, доклассовыми. В современной западной литературе их принято называть примитивными (*primitive*), примордиальными (*primordial*), бесклассовыми (*classless*), безгосударственными (*stateless*), эгалитарными (*egalitarian*) обществами. В отечественной литературе их обычно именовали первобытными, первобытно-общинными, первобытно-коммунистическими.

Даже такие противники унитарно-стадиального понимания истории, как, например, Арнольд Джозеф Тойнби (1889–1975), автор многотомного «Исследования истории» (1935–1961), были вынуждены рассматривать примитивные общества в качестве стадии, предшествовавшей цивилизованным обществам и подготовившей их появление. Таким образом, многие историки прежде всего подразделяли историю человечества на стадию примитивного и стадию цивилизованного общества.

Признавая существование качественной грани между первобытным и классовым (цивилизованным) обществом, историки-марксисты в то же время давали более дробное членение истории человечества. Большинство из них рассматривали первобытное общество как первую общественно-экономическую формацию, а в развитии классового общества выделяли: одни — три (рабовладельческая, феодальная и капиталистическая), другие — четыре общественно-экономических формаций (в последнем случае в качестве первой классовой формации добавляется «азиатское», или политарное общество).

Но все эти схемы игнорируют крайне важное обстоятельство.

В свете современных данных науки совершенно ясным стало, что между непосредственными животными предшественниками человека и подлинными людьми лежит длительный период превращения первых во вторых, период формирования человека — *антропогенез* (от греч. «антропос» — человек и «генезис» — происхождение). Он же одновременно является и периодом трансформации зоологического объединения (стада) животных предков человека в человеческое общество, периодом становления человеческого общества — *социогенез* (от лат. *societas* — общество). Антропогенез и социогенез — не два самостоятельных процесса, а две неразрывно связанные стороны одного единого процесса становления человека и общества — *антропосоциогенез*. Люди, жившие в эту эпоху, были людьми еще только формирующимися — *пралюдьми*. Пралюди жили в формирующемся обществе — *праобществе*.

Начался антропосоциогенез примерно 1,9–1,8 млн лет тому назад, а завершился совсем недавно, где-то около 40 тыс. лет тому назад.

По археологической периодизации это ранний древнекаменный век — ранний палеолит (от греч. «палайос» — древний и «литос» — камень). На грани раннего и позднего палеолита на смену формирующимся людям (пралюдям) пришли люди готовые, сформировавшиеся — *неоантропы* (от греч. «нес» — новый), или *Homo sapiens*, люди того самого биологического вида, к которому принадлежит все современное человечество. Одновременно завершилось становление человеческого общества, и начался период развития готового человеческого общества. На смену праистории человечества пришла его история. Первой исторической формой этого готового общества было *первобытное общество*.

Таким образом, под названием истории первобытного, или примитивного, общества в литературе объединяются два существенно отличных друг от друга периода истории человечества: (1) эра становления человека и общества и (2) первый этап развития уже готового сложившегося человеческого общества. Но как бы эти два периода истории человечества ни отличались друг от друга, между ними есть и существенное общее. Процесс становления человеческого общества с неизбежностью был не чем иным, как процессом формирования первой исторической формы этого общества — первобытного общества. Данное обстоятельство и дает основания для объединения периода становления человека и общества с периодом истории готового первобытного общества в единое целое. Лучше всего было бы назвать это единое целое историей не первобытного общества, а историей *первобытности*, сохранив название «история первобытного общества» для обозначения лишь первого этапа истории готового человеческого общества.

При самом общем подходе в истории первобытного общества принято прежде всего выделять периоды (1) собственно первобытного общества и (2) общества, переходного от собственно первобытного — к классовому. В последнее время за этим переходным обществом закрепилось название *предклассового общества*.

В свою очередь, ступень собственно первобытного общества теперь чаще всего подразделяют на стадии (1) *раннего первобытного (раннепервобытного) общества* и (2) *позднего первобытного (позднепервобытного) общества*. Во всем дальнейшем изложении, во избежание путаницы, *первобытным обществом* будет именоваться только собственно первобытное общество. Собственно первобытное общество, взятое вместе с предклассовым, будет называться *доклассовым обществом*.

3. Типология доклассовых социоисторических организмов

Как доклассовое, так и классовое общество могут существовать только как множества конкретных отдельных обществ — социоисторических организмов (социоргов). Первобытные и классовые социоисторические организмы отличаются друг от друга не только социальным,

прежде всего социально-экономическим строем, но способом их внутренней организации.

Первобытные социоисторические организмы представляют собой союзы людей, которые организованы по принципу личного членства, чаще всего родства (разумеется, не биологического, а социального). Каждый такой социор неотделим от своего личного состава и способен, не теряя своей идентичности, перемещаться с одной территории на другую. Такие общества можно назвать *демосоциальными организмами (демосоциорами)*.

Границы классовых социоисторических организмов — это границы территории, которую они занимают. Такие образования организованы по территориальному принципу и неотделимы от занимаемых ими участков земной поверхности. В результате личный состав каждого такого организма выступает по отношению к этому организму как особое самостоятельное явление — его *население*. Такого рода общества можно назвать *геосоциальными организмами (геосоциорами)*. Обычно их называют государствами или странами (подобнее см.: Семенов, 2003а. С. 28–35).

Первобытные социоисторические организмы принято называть *первобытными общинами*. Социальными единицами раннепервобытного общества были *раннепервобытные общины*, позднепервобытного — *позднепервобытные общины*. Несколько соседних первобытных общин могли образовывать систему, которую этнографы чаще всего называют *племенем*.

На стадии предклассового общества наряду с однообщинными социоисторическими организмами начали возникать социоисторические организмы, состоящие из нескольких общин или подобщиин. Существует несколько типов такого рода сложных, составных предклассовых социоисторических организмов. Одни из них также принято называть *племенами*. Другие именуются *вождествами (chiefdoms)*, еще один их тип — *великообщины*. Но слово «племя», а также и слово «народ» в этнографической литературе употребляется для обозначения любой совокупности демосоциальных организмов, члены которых имеют общую или сходные культуры и говорят на одном или сходных языках, совершенно независимо от того, имеются между этими демосоциорами какие-либо реальные практические социальные связи или нет.

В применении к доклассовому обществу важное значение имеет еще одно подразделение составляющих его социоисторических организмов. Как известно, с возникновением классовых обществ доклассовые социоисторические организмы не исчезли полностью. Они, непрерывно уменьшаясь в числе, продолжали существовать вплоть до середины, а может даже быть и конца XX в. Таким образом, первобытные социоисторические организмы подразделяются на две группы: (1) существовавшие до появления цивилизованных обществ и (2) существовавших после возникновения цивилизации бок о бок с классовыми обществами.

Различие между этими двумя видами первобытных обществ, конечно, давно уже осознавалось, но лишь имплицитно. Эксплицитным это различие впервые сделал крупнейший отечественный специалист по истории первобытного общества Абрам Исакович Першиц (1923–2007). В первой главе коллективной монографии «Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (Проблемы исторических контактов)» (Першиц и Хазанов (ред.), 1978) он, раскрыв, с одной стороны, общее, а с другой, различие между первобытными обществами, какими они были до возникновения цивилизаций, и первобытными обществами, какими они стали после этого перелома в ходе человеческой истории, предложил первые именовать *апополитейными* (от греч. «апо» — до, и «политейя» — государство, цивилизация), а вторые *синполитейными* (от греч. «син» — существующий одновременно).

В середине XIX в. возникла наука — *этнология*, или *этнография*, которую на Западе чаще всего именуют *социальной и культурной антропологией*. Она первоначально имела два объекта исследования. Первый — сохранившиеся к тому времени доклассовые (включая предклассовые) общества, второй — традиционное крестьянство классовых обществ Европы. Соответственно, она подразделялась на две во многом самостоятельные научные дисциплины — этнографию первобытности и этнографию крестьянства (см.: Семенов, 1998).

С чисто формальной точки зрения этнография не может быть отнесена к числу исторических наук. Она изучает не прошлое, как историология и археология, а настоящее. Этнографы, в противоположность историкам, всегда вели полевые исследования, в ходе которых изучалась жизнь реально существующих в наше время первобытных обществ. Но настоящее, с которым имеют дело этнологи, одновременно является и прошлым: прошлым для большей части человечества. Этнологи изучают такое прошлое, которое существует в настоящем, такое настоящее, которое одновременно есть и прошлое. Недаром же этнографию нередко именовали наукой о *живой старине*.

В последующем развитие этнологии первобытности разделилась на несколько дисциплин, одна из которых получила название в западной науке *экономической антропологии*, у нас — *экономической этнологии*. Предметом ее исследования является экономика доклассового общества.

4. Задача настоящего исследования

Целью настоящего исследования является раскрытие сущности и законов развития экономики первобытного общества в узком смысле слова, т. е. собственно первобытного общества, причем, разумеется, апополитейного первобытного общества. Прямым источником фактических данных о апополитейном первобытном обществе является археология.

В применении к первобытности археология сама по себе взятая может дать нам сведения о жилищах, формах хозяйственной деятельности, используемой технике, некоторых особенностях быта, способах погребения, об изобразительном и прикладном искусстве и еще о многом другом, но только не о характере существующего социального строя. О письменных источниках применительно к этой эпохе не может быть и речи. Получается, что о социальном строе первобытного общества мы в принципе знать ничего не можем. Этот вывод был бы верен, если бы первобытные общества существовали только во время до возникновения цивилизации. На деле же первобытные общества продолжали существовать и после появления классовых вплоть до наших дней. И существует наука об этой живой старине — этнология.

Главное, что может дать этнография, и на что не способна археология, сама по себе взятая, — представить в наше распоряжение фактические данные о социальном строе синполитейных первобытных социоисторических организмов. И если собрать воедино всю огромную массу фактического материала о известных науке синполитейных первобытных обществах, то на этой основе вполне возможно реконструировать сущность и внутреннюю необходимость развития социально-экономического строя апополитейного первобытного общества вообще, т. е. создать теорию функционирования и эволюции первобытной экономики.

Во второй и третьей частях работы на основе анализа большого фактического материала выделяются основные стадийные типы первобытных социально-экономических отношений и раскрываются закономерности их смены. В этих двух частях дается не только теория первобытной экономики. Они представляют собой самую полную из всех существующих в науке сводок фактических данных о первобытной экономике.

Выявление исходной, первоначальной формы социально-экономических отношений открывает возможность реконструкции процесса становления экономики. Происхождению экономики посвящена специальная глава.

Но исследование собственно первобытной экономики не может считаться доведенным до конца без обращения к экономике предклассового общества: только в последней в отчетливой форме проявились тенденции экономического развития, наметившиеся в позднепервобытном обществе. Кроме того, предклассовая экономика является необходимым связующим звеном между собственно первобытной и ранней классовой экономикой. Потому вполне логично, что четвертая, заключительная часть настоящего труда посвящена экономике предклассового общества. Но изложение здесь носит иной характер, чем это сделано во второй и третьей частях.

И об экономике предклассовых обществ существует огромный фактический материал не только не уступающий по объему имеющимся данным о первобытной экономике, но значительно превосходящий

их. Изложение его потребовало бы увеличения листажа монографии в два, а то и в три раза. В существующих условиях это невозможно. Поэтому в четвертой части излагается в основном теория. В ней дается характеристика всех социально-экономических типов предклассового общества с примерами и ссылками на основные источники и обобщающие работы в этой области знания.

Последняя глава четвертой части посвящена переходу от предклассового общества к классовому. Из предклассового общества возникла не только первая форма классового общества — древневосточное, политарное. Из него возникли и вторая форма классового общества — античная рабовладельческая общественно-экономическая формация, и третья его форма — феодальная общественно-экономическая формация. Поэтому нет и не может быть одной единой схемы становления общества, базирующегося на частной собственности, общества с классами и государством. Существуют три основных исторических варианта становления частной собственности, общественных классов и государства. И ключ к пониманию сущности этих процессов дает теоретическое исследование экономики первобытного и предклассового общества.

Разработка теории с необходимостью предполагает создание системы понятий, отражающей сущность изучаемых явлений. Сотворение категориального аппарата социальной экономики первобытности — дело в ряде отношений более трудное и сложное, чем разработка понятий политической экономики капитализма. Основоположники теории капиталистической экономики жили вместе с массой своих современников в условиях этой экономики. В языках народов Западной Европы еще в пору господства в городах этого региона купеческо-бюргерской экономики появились, а с возникновением капитализма окончательно утвердились понятия товара, купли-продажи, цены, стоимости, денег, заработной платы, прибыли, процента, капитала, ренты и т. п. Эти понятия обыденного языка и легли в основу категорий политической экономики капитализма.

Иначе обстоит дело с социальной экономикой первобытности. В языках современных цивилизованных народов понятия, относящиеся к первобытной экономике, практически отсутствуют, ибо в социоисторических организмах, в составе которых они живут, существует иная экономика. Не может помочь и обращение к языкам народов, недавно живших, а иногда и продолжающим еще частично жить в условиях первобытной экономики. Остается единственный путь — конструирование на основе разработки фактического материала искусственных чисто научных понятий и терминов. Это нелегко. Предлагаемые автором термины могут кому-то показаться неудачными. Но другого выхода нет.

Как уже указывалось, многие историки-марксисты относили и относят всю историю человечества от появления первых формирующихся

людей до возникновения самых ранних цивилизаций к одной единой общественно-экономической формации. Но были и другие точки зрения. В 20-е и начале 30-х гг. XX в. некоторые советские историки вообще отрицали применимость понятия общественно-экономической формации к первобытному обществу (см., например: Пригожин, 1933. С. 38). Другие считали, что в доклассовую эпоху существовала не одна, а несколько общественно-экономических формаций. «...Первобытная эпоха, — писал социолог и этнограф Павел Иванович Кушнер (Кнышев) (1889–1968), — не является единой общественно-экономической формацией. И если мы не делим ее на несколько самостоятельных формаций, то это объясняется лишь недостаточностью наших сведений о первобытном обществе» (1931. С. X). Крупный советский историк Владимир Капитонович Никольский (1894–1953) некоторое время придерживался взгляда, что в развитии доклассового общества сменились две общественные формации: (1) родовое, или первобытное общество и (2) родовое общество (1929. С. 24–25). Эта же точка зрения излагалась в книге Н. Н. Андреева «История общества в докапиталистическую эпоху» (1929).

На мой взгляд, праобщество в принципе не может быть отнесено ни к какой общественно-экономической формации. Формации суть стадийные типы готового сформировавшегося человеческого общества, выделенные по признаку господствующего способа производства, или, что в данном случае то же самое, господствующего общественно-экономического уклада. Вопрос о принадлежности собственно первобытного общества к одной или нескольким общественно-экономическим формациям, а также о социально-экономической природе предклассового общества может быть решен только после исследования их экономики, что из числа марксистов пока никто еще не делал.

Производство и экономика

1. Вводное замечание

Первобытная экономика — одна из нескольких качественно различных друг от друга систем социально-экономических отношений. Но при всем различии между этими экономическими системами существует фундаментальное общее. И выявление этого общего позволяет лучше понять специфику каждой из этих конкретных экономических систем.

2. Общественное производство, хозяйство и экономика

Коренное различие между человеком и животными заключается в том, что животные только приспосабливаются к окружающей среде, присваивают для обеспечения своего существования готовые продукты природы, а человек создает и потребляет материальные вещи, которые без его участия никогда бы не возникли. Производство материальных благ, или иначе материальное производство, — основа существования человека. Стоит только этому процессу прекратиться и человечество с неизбежностью погибнет. Материальное производство всегда происходит в определенной общественной форме. Этой формой является определенная система экономических, точнее, социально-экономических отношений.

Наряду со словосочетанием «общественное производство» в литературе широко используется слово «экономика», причем в разных смыслах.

В самом широком смысле под экономикой понимают общественное производство, как оно существует в том или ином конкретном отдельном обществе (социально-историческом организме) в целом, в единстве всех его сторон и моментов, включая технику и технологию разных отраслей хозяйства, их взаимосвязь и взаимоотношения, уровень производительности и формы организации труда и, наконец, общественные отношения по производству. Именно такой смысл нередко вкладывают в это слово, когда говорят об экономике той или иной страны.

В самом узком смысле под экономикой подразумевают организацию, структуру или состояние той или иной отрасли производства

или вообще формы хозяйственной деятельности. Именно такой смысл вкладывается в этот термин, когда говорят об экономике сельского хозяйства, экономике транспорта и т. п.

И наконец, под экономической понимается только та или иная система социально-экономических отношений, являющаяся общественной формой, в которой осуществляется процесс производства материальных благ. Исследованием экономики именно в последнем смысле занимается наука, которая при своем возникновении получила название политической экономии. Иногда для того чтобы отличить экономику, понимаемую именно в этом смысле, от остальных значений данного слова, ее называют *социальной экономикой*, что можно считать вполне оправданным. Во всем последующем изложении под экономикой будет пониматься исключительно система социально-экономических отношений, т. е. только социальная экономика.

Крайне неопределенным в литературе является значение слова «хозяйство». Когда говорится не просто о хозяйстве, а об общественном хозяйстве, то чаще всего в это словосочетание вкладывается тот же самый смысл, что и в термин «общественное производство». В дальнейшем изложении под хозяйственной деятельностью будет пониматься деятельность по созданию материальных благ, рассматриваемая независимо от той общественной формы (т. е. системы социально-экономических), в которой она осуществляется.

3. Труд и производство

Материальное производство — всегда единство двух сторон: отношений людей к природе и отношений людей друг к другу. Если отвлечься от отношений людей друг к другу, то производство выступит просто как *труд*. Самое простое определение труда — деятельность человека по созданию предметов, предназначенных для удовлетворения тех или иных его потребностей, т. е. творение новых *потребительных ценностей (благ)*. Как указывал в «Капитале» Карл Генрих Маркс (1818–1883), труд представляет собой единство трех моментов (23. С. 188–192).

Первый из них — *предмет труда*. Это вещь, которая в ходе трудовой деятельности подвергается заранее намеченному изменению, имеющему целью превратить ее в нужную человеку потребительную ценность. Если человек пилит бревно, то бревно — предмет труда. Предмет труда — и металлическая заготовка, которую токарь обрабатывает на станке.

Второй момент труда — *средство труда*. Это вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и при помощи которого он производит заранее намеченное изменение предмета труда. Если взять те же примеры, то в первом из них средство

труда — пила, во втором — токарный станок. Простые средства труда нередко именуются также *орудиями труда*.

Существуют вещи, которые сами не оказывают воздействия на предмет труда, но без которых его преобразование было бы невозможным. Таковы здания мастерских или заводов, светильники, транспортные средства и т. п. Их тоже обычно характеризуют как средства труда. Таким образом, средства труда подразделяются на активные и пассивные. Последние можно было бы назвать также условиями труда. Но различие между активными и пассивными средствами труда важно лишь в чисто техническом отношении. В социально-экономическом смысле они суть одно то же, что оправдывает использование для их обозначения одного единого термина.

Различие предметов и средств труда не абсолютно, а относительно. Когда землю пахут и боронят, тогда она — предмет труда. Но когда ее засеяли, — она уже средство труда. Теперь она — вещь, которую человек поместил между собой и зерном и при помощи которой он воздействует на зерно с тем, чтобы это зерно дало начало новому растению и новым зернам.

Третий момент труда — *собственно труд* как сознательная, целесообразная деятельность человека по использованию средств труда для совершения заранее намеченного изменения предмета труда.

Труд есть деятельность человека. Но в результате труда в объективном мире происходит изменение вещей: предмет труда превращается в отличный от него продукт труда. Рассматриваемый с точки зрения его результатов труд выступает как *производительный труд*, как *производство* в самом узком смысле слова, а предмет труда и средства труда (включая условия труда) — как *средства производства*.

Средства производства представляют собой один из *факторов производства*; другой его фактор — *рабочая сила*. Чтобы процесс производства имел место, необходимо соединение средств труда с рабочей силой.

4. Общественное производство как единство собственно производства и потребления

Продукты труда создаются для *потребления*. Производство невозможно без потребления, так же как и потребление — без производства. Производство и потребление составляют неразрывное единство, ведущая роль в котором принадлежит производству. Производство и потребление не только связаны друг с другом, но в определенном отношении даже тождественны. С одной стороны, производство есть одновременно и потребление: потребление рабочей силы, предмета труда и средств труда. С другой стороны, потребление есть одновременно и производство, а именно — производство рабочей силы. Но это тождество не исключает различия. Всегда нужно отличать собственно

производство как создание материальных благ от собственно потребления как процесса иного, чем создание материальных благ. Собственно потребление — процесс, подчиненный собственно производству, то есть момент производства, понимаемого в *более* широком смысле.

Между собственно производством и собственно потреблением есть фундаментально общее: в процессе и первого, и второго происходит физическое использование вещей. В процессе собственно производства используются средства производства, в процессе собственно потребления — предметы потребления. Последние подразделяются на две основные категории: предметы личного, индивидуального потребления: пища, одежда, обувь; и предметы совместного потребления — например, жилище.

Все вещи, созданные в процессе производства, рано или поздно используются, потребляются и тем самым сразу (пища) или через определенное время (обувь, одежда, средства труда) уничтожаются, исчезают. Поэтому они *должны* снова и снова производиться. Процесс производства всегда есть и процесс *воспроизводства*.

И это позволяет взглянуть на него под новым углом зрения. Каждый конкретный отдельный акт труда может состояться, а может не состояться, но процесс производства в целом не может не осуществляться. Если он прекратится — исчезнут люди, исчезнет человеческое общество.

5. Отношения присвоения, они же — отношения распределения

Использование вещей в процессе и собственно производства, и собственно потребления есть отношение людей к вещам и только к вещам. Но оно совершенно невозможно без определенных отношений между людьми. Понять это проще всего на примере собственно потребления, прежде всего личного, индивидуального потребления.

Человек, чтобы жить, должен использовать, потреблять пищу, одежду и другие предметы личного потребления. Но чтобы человек мог потратить ту или иную вещь, предназначенную для личного потребления, совершенно недостаточно, чтобы она была создана, чтобы она существовала. Необходимо, чтобы эта вещь стала для него своей (и тем самым для всех остальных людей чужой), чтобы он ее присвоил, чтобы она стала принадлежать ему, а он сам стал обладать ею.

Если кто-то что-то присвоил, сделал своим, чем-то обладает, то тем самым *он* является присвоителем, обладателем этого чего-то, а это что-то является для него своим, принадлежит ему, является его принадлежностью. Поэтому данное отношение может быть названо *отношением присвоения*. Другое возможное обозначение — отношение обладания и принадлежности (короче, обладапринадлежности). В дальней-

шем изложении в основном будет использоваться первый термин — отношение присвоения.

С чисто внешней стороны отношения присвоения выступают как отношения человека и вещи. В действительности они есть отношения между людьми, причем не физические, природные, а социальные. Они наделяют и людей и вещи определенными качественными характеристиками.

Человек и вещи, которые он присвоил, сделал своими, которыми он обладает, которые принадлежат ему, являются для него своими, образуют своеобразную ячейку, которую можно назвать *ячейкой присвоения*, короче, присвойячейкой, или *своеячейкой*. Эта ячейка отделена от других таких же ячеек границами. И эти границы являются не физическими, не природными, а социальными и только социальными. Своеячейки являются единицами социальными и только социальными. Все они находятся в неразрывной связи друг с другом. Они являются узлами одной единой сети отношений присвоения. И эта система отношений является социальной и только социальной.

В случае личного потребления используемые вещи в конечном счете поступают в такую своеячейку, в составе которой находится только один единственный человек, т. е. ячейку с одним присвоителем. Таких своеячеек в идеале существует столько, сколько существует членов общества. Естественно, что в каждую такую ячейку поступает только часть, одна определенная доля продукта, созданного в обществе, или, иначе, *общественного продукта*.

Словосочетание «общественный продукт» далеко не однозначно. Одно его значение — весь продукт, созданный в том или ином социоисторическом организме (социоре), социорный продукт. Другое — продукт не просто созданный обществом, а принадлежащий всем членам общества вместе взятым, но ни одному из них взятому в отдельности. В данном контексте словосочетание «общественный продукт» употребляется в первом из названных смыслов. Имеется в виду социорный продукт.

Так как в каждую своеячейку рассматриваемого типа поступает только определенная доля общественного продукта (точнее, той его части, которую составляют предметы личного потребления), то поступление в своеячейки тех или иных вещей суть не что иное, как *распределение* созданных в обществе предметов личного потребления между его членами. Распределение есть наделение обществом всех своих членов долями созданного в нем продукта, выделение обществом долей созданного в нем продукта *каждому из его членов*.

Распределение есть и процесс образования своеячеек, и наполнения их вещами, и результат этого процесса — существование наполненных этими вещами своеячеек. Только такое распределение предметов потребления между людьми делает возможным их потребление этими людьми.

Выше уже отмечалось, что производство материальных благ есть необходимое условие существования людей. Это верно во всех отношениях и во всех смыслах. В числе материальных благ создаются и предметы личного потребления (пища, одежда и т. п.). Без их потребления невозможно существование людей, а тем самым и общества. А так как потребление их невозможно без распределения, то последнее тоже — необходимое условие существования людей и общества. Распределение есть необходимое связующее звено между собственно производством и собственно потреблением. Производство в широком смысле с необходимостью включает в себя не только собственно производство и собственно потребление, но и распределение.

Но распределение есть крайне своеобразный компонент производства в широком смысле этого слова. Как уже указывалось, и собственно производство и собственно потребление суть отношение людей к вещам. Иное дело — распределение. Оно есть движение вещей, в результате которого одни вещи становятся своими для одних людей, другие — для иных, одни вещи входят в одни своячейки, другие поступают в состав иных своячеек. Это движение вещей есть заполнение ими своячеек. Оно может сопровождаться физическим перемещением вещей, но само оно физическим не является. Это движение является социальным и только социальным.

Процесс собственно производства и процесс собственно потребления идут непрерывно. Столь же непрерывным должен быть и процесс распределения. Поэтому система своячеек, в которые поступают вещи, не возникает каждый раз заново. Она, возникнув, в последующем постоянно воспроизводится, хотя и претерпевает при этом изменения: одни своячейки исчезают, другие появляются. Но структура этой системы отношений до поры до времени остается неизменной. Социальные связи, образующие эту систему, которые являются одновременно отношениям и распределения и присвоения, и есть отношения, которые принято называть *экономическими*, или *социально-экономическими*.

До сих пор для простоты речь шла только о таких своячейках, в которые входят лишь предметы личного потребления. Но вполне понятно, что ими система экономических отношений, отношений распределения (присвоения), исчерпываться не может. В эти ячейки не входят средства производства. Поэтому в них не может создаваться и не создается общественный продукт. А раз так, то он должен поступать в них извне — из ячеек другого типа, таких, в состав которых входят средства производства и в которых тем самым может создаваться и создается общественный продукт. Совершенно ясно, что не только предметы потребления, но и средства производства должны быть кому-то своими, кому-то принадлежать, быть в чьем-то обладании. Необходимым условием использования не только предметов потребления, но и средств производства является их вхождение в какие-то своячейки.

И эти своячьи должны существенно отличаться от описанных выше не только по своему содержанию (в них находятся средства производства), но и по характеру, по форме присвоения. В частности, в составе этих ячеек может входить не один присвоитель, а несколько. Все это делало систему экономических отношений, отношений распределения (присвоения) довольно сложной даже на самых ранних этапах развития человеческого общества. И тогда сеть экономических отношений состояла не из одного, а из нескольких этажей, нескольких уровней, нескольких страт. И самым низшим ее пластом была сеть своячье, которые включали в себя лишь предметы личного потребления. Если на первых порах экономические отношения исчерпывались отношениями распределения, то в последующем к распределению добавился *обмен*: особого рода социальное движение вещей из одних своячье в другие. Так, наряду с отношениями распределения начали существовать иные отношения присвоения, иные экономические отношения — отношения обмена.

Распределения в человеческом обществе не может не быть, как не может в нем не существовать ни собственно производства, ни собственно потребления. Поэтому в обществе не могут не существовать экономические отношения. Их бытие не зависит от сознания и воли людей. Не зависит от сознания и воли и характер этих отношений, их тип. В этом смысле эти отношения являются объективными и только объективными. Ничего субъективного в них нет. Но они не только существуют вне и независимо от сознания и воли людей, но, существуя вне и независимо от их сознания и воли, они определяют сознание и волю людей, живущих в системе этих отношений, т. е. выступают как нечто первичное по отношению к их сознанию и воле. Именно это дало основание характеризовать их как отношения материальные, а их систему как социальную материю.

Система объективных социально-экономических отношений суть сеть каналов, по которым идет непрерывное социальное движение материальных благ. Это социальное движение вещей связывает воедино людей, превращает их совокупность в единое целое, в социоисторический организм.

Люди, живущие в системе этих объективных отношений, не могли в той или иной форме не осознать их существования, прежде всего бытия своячье и границ между ими. Это осознание приобрело форму признания наличия или отсутствия у тех или иных людей *права* на те или иные вещи. Объективный процесс распределения и обмена всегда проявлялся в действиях людей по распределению и обмену, которые были сознательными, волевыми. Эти действия закреплялись в определенных нормах, определенных правилах поведения людей. Возникали и закреплялись правила, которые определяли приобретение и потерю теми или иными людьми различных прав на те или иные вещи, те или иные способы реализации этих прав, пределы этих прав и т. п. Эти нормы регулировали отношения людей по поводу вещей.

В результате наряду с объективными отношениями присвоения — отношениями распределения и обмена, отношениями экономическими возникли фиксирующие и закрепляющие их в сознании людей нормативные отношения присвоения, которые были отношениями волевыми. Таким образом, отношения присвоения существуют в двух качественно отличных видах. Один из них — экономические отношения присвоения, отношения распределения и обмена, которые по своей природе объективны, материальны. Другой их вид — нормативные, волевые отношения присвоения. Первые из них лежат в основе вторых. Они неразрывно связаны и друг без друга не существуют. Наделение человека вещами обязательно является и наделением его правами на эти вещи.

6. Основные виды присвоения: собственность, владение, распоряжение и пользование

Отношения присвоения, о которых выше шла речь, принято называть отношениями *собственности*. Соответственно, присвоителей вещей обычно именуют их *собственниками*. Однако для различения понятий присвоение и собственности имеются серьезные основания.

Собственность есть не просто присвоение, а высшая форма, высший вид присвоения. Она представляет собой сложное явление, включающее в себя несколько моментов. Экономисты их чаще всего не замечают. Иное дело люди, постоянно имеющие дело с волевыми, нормативными отношениями собственности, которые в классовом обществе приобретают форму правовых, юридических связей.

Как считается в юриспруденции, собственность есть полное и безусловное присвоение вещи или вещей, полная и безусловная их принадлежность присвоителю. В идеале право собственника на принадлежащие ему вещи ничем не ограничено. Согласно общему представлению юристов, право *собственности* включает в себя три правомочия: право *владения*, право *распоряжения* и право *пользования*. Владеть означает использовать все правомочия собственника. Распоряжение предполагает возможность передачи вещи в иную своячейку, отчуждение вещи. Пользования означает никем и ничем не ограниченное использование вещи для удовлетворения нужд собственника. В идеале собственник должен быть одновременно и владельцем, и распорядителем, и пользователем. Соответственно, в идеале ячейка собственности (собщаячейка) должна быть одновременно ячейкой и владения, и распоряжения, и пользования. В таком случае собственность выступает как нечто целое, включающее в себя несколько моментов.

Но в определенных условиях моменты собственности могут обособиться, обрести известную самостоятельность по отношению и к друг к другу и к целому, в которое они входят. Эта самостоятельность никогда не может быть полной: названные моменты никогда не могут су-

существовать друг без друга и без того целого (собственности), в которое входят. Но определенное обособление их друг от друга может возникнуть. И в такой ситуации собственность может выступать не только как целое, но и в качестве особого момента этого целого. Обособление это выражается в расщеплении собственности как целого на *собственность* как один из своих моментов, *владения, распоряжения и пользования*.

Собственником совсем не обязательно должен быть один единственный член общества. Собственником может быть и группа индивидов, и все члены общества вместе взятые. Иными словами, собственность может быть не только *персональной*, но и *групповой*, и, наконец, *общественной, социорной*. Чтобы главное стало ясным, я для простоты буду в последующем рассуждении иметь в виду собственность только персональную.

Один из вариантов — расщепление собственности и владения. Оно предполагает, что собственником того или иного имущества является один человек, а *его* владельцем — другой. Но такое положение возможно лишь при условии определенных обязательств, как собственника по отношению к владельцу, так и владельца по отношению к собственнику. Это особенно наглядно можно видеть на примере собственности на средства производства. Собственник отказывается в пользу владельца от всех своих правомочий, а владелец за это обязывается отдавать ему часть продукта, созданного в его владельческой ячейке.

В подобной ситуации отделенные друг от друга собственность и владение приобретают специфическую природу. Собственность перестает быть собственностью в привычном смысле. Она становится не полной, а только *верховой собственностью*. Владение же, соответственно, становится почти полной собственностью, ограниченной лишь соблюдением определенных обязательств по отношению к верховному собственнику, — *подчиненной собственностью*. Таковы, например, отношения между феодалом и зависимым от него крестьянином.

Второй вариант — расщепление собственности и распоряжений. В таком случае собственник представляет другому индивиду право распоряжаться, а тем самым и пользоваться каким-то принадлежащим ему имуществом. Возникает особая ячейка распоряжения (и пользования), не совпадающая с ячейкой собственности, но входящая в нее в качестве автономной части. При этом право распорядителя, не являющегося собственником, всегда так или иначе ограничено: над ним стоит собственник.

И наконец, третий вариант — расщепление собственности и пользования. Возникает особая ячейка пользования, не совпадающая с ячейкой собственности, но входящая в последнюю в качестве ее составной части. Право пользователя, не являющегося ни собственником, ни даже распорядителем, весьма ограничено. Он может лишь потреблять полученные в пользование вещи, использовать их только для удовлетворения своих непосредственных потребностей и никак не больше.

С этим связано нередкое отождествление пользования вещами с их физическим использованием, их потреблением. А между тем это разные явления: одно — социальное, другое — физическое.

Использование вещи есть отношения человека к вещи и только к вещи, физическое использование вещи. Человек ест пищу, носит одежду и обувь, превращает при помощи средства труда предмет труда в продукт труда. Пользование же есть такое отношение человека к вещи, в котором он выступает как ее присвоитель, а она — как своя для него, как его принадлежность. В случае с предметами личного потребления пользование вещью и ее использование, потребление так неразрывно связаны, что отделить их друг от друга можно только теоретически.

Иначе обстоит дело со средствами производства. Когда, например, рабу пред тем, как отправить его на работу дают орудие с тем, чтобы он использовал его в процессе труда, оно не поступает в его пользование, не становится для него своим. Он использует это орудие для удовлетворения не своих собственных нужд, а нужд рабовладельца. Раб является только пользователем вещи, но не ее пользователем. Пользователем же вещи является рабовладелец. Он пользуется и работником, и средством труда для своих нужд. Здесь налицо полное расщепление между использованием вещи и пользованием вещью. Использует вещь один человек, а пользуется ею другой.

Именно потому, что раб в описанном случае получает орудие только для использования, но не для пользования, задача орудий труда рабам перед отправкой их на работу не есть распределение в том смысле, в котором это слово использовалось ранее. Здесь отношения распределения отсутствуют. А вот когда рабам раздают пищу и одежду, то здесь налицо отношения распределения общественного продукта. Рабы получают пищу и одежду в пользование, а тем самым и для использования, потребления.

Из сказанного отнюдь не следует, что пользователь, который не является ни собственником, ни распорядителем, может получать в пользование только предметы потребления, но ни в коем случае не средства производства. Рабовладелец, например, может выделить рабу участок земли и необходимый для его обработки инвентарь с тем условием, чтобы последний одну часть урожая использовал для обеспечения своего существования, а другую отдавал господину. В таком случае раб получает средства производства не просто для использования, но и в свое пользование. Он использует их для удовлетворения не только чужих, но и своих собственных нужд.

Из всего изложенного выше видно, насколько важно понятие присвоения как отличное от понятия собственности. Оно является более широким, родовым. Присвоением является и собственность как единство всех моментов, и собственность как один из обособленных моментов целого, и владение, и распоряжение, и пользование, когда они выступают в качестве относительно самостоятельных компонен-

тов. Своячейками являются и ячейки собственности, и ячейки владения, распоряжения и пользования, когда они не совпадают с ячейками собственности.

7. Отношения распределения и обмена как экономические отношения собственности — социально-экономические, производственные отношения

Сказанное выше позволяет уточнить понятие и распределения и обмена. *Распределение* есть переход, поступление общественного продукта в своячейки любого из существующих типов: собственности, владения, распоряжения или пользования, обеспечивающее использование этого продукта либо для личного потребления, либо для производства и тем самым существования людей и общества в целом. Это — движение продукта, причем движение не физическое, а социальное, которое может сопровождаться, а может не сопровождаться физически его перемещением.

Другой формой социального движения вещей является *обмен* — переход вещей из собственности (или владения или распоряжения) одних лиц в собственность (а также владение или распоряжение) других, т. е. из одних ячеек собственности (или владения и распоряжения) в другие подобные же ячейки, возмещаемый встречным движением равных по ценности предметов или их знаков (бумажных денег, например). Обмен в принципе всегда должен быть эквивалентным. В результате его меняется предметное наполнение ячейки собственности (владения и распоряжения), но не общий объем содержащейся в нем доли общественного продукта.

Если же после завершения распределения общественного продукта в ходе последующего социального движения вещей происходит изменение размеров (уменьшение или увеличение) доли, поступившей первоначально в ячейку собственности (владения, распоряжения), перед нами предстает еще один процесс социального движения вещей — *перераспределение*. Он, как и обмен, появляется в обществе не сразу. Это более позднее явление. Перераспределение, как и другие процессы социального движения вещей (распределение и обмен), проявляется в человеческих действиях. Действия по перераспределению подразделяются на два основных разряда. В одном из этих действий проявляется такое социальное движение вещей, которое органически входит в общий процесс социального движения вещей, обеспечивающий нормальное функционирование и собственно производства и собственно потребления. Пример — купля и продажа различного рода услуг. Это — *системное перераспределение*. Оно узаконено, является легитимным.

Но существуют и такие действия по перераспределению, которые не только не нужны для функционирования процесса общественно-

го производства, но и, более того, могут препятствовать ему. Это — грабеж, кража, различные виды мошенничества, попрошайничество. Это — *асистемное*, а иногда даже *антисистемное перераспределение*. Оно является аномальным, нелегитимным. Если в отношении распределения, обмена и системного перераспределения существуют нормы их регулирующие, то в отношении асистемного перераспределения могут существовать лишь запреты. Отношения асистемного перераспределения не являются ни экономическими, ни нормативными. Но грань между нормальным и аномальным перераспределением весьма относительна, одно может превращаться в другое. Во всем последующем изложении под перераспределением, если не оговорено особо, будет пониматься только нормальное, системное перераспределение.

Социальное движение вещей (распределение, обмен и перераспределение) всегда происходит в рамках особой системы общественных отношений — отношений распределения, обмена и перераспределения, или отношений присвоения, высшим видом которых являются отношения собственности. Эти отношения и есть те самые связи, которые принято называть экономическими, а точнее, социально-экономическими отношениями. Экономические отношения собственности — не какой-то особый вид социально-экономических отношений, существующий наряду с другими их видами. Понятия экономических отношений собственности и социально-экономических отношений полностью совпадают. Экономические отношения собственности, отношения распределения, обмена и перераспределения — единственные социально-экономические связи.

Социально-экономические отношения собственности — отношения распределения, обмена и перераспределения образуют внутреннюю структуру производства, являются общественной формой, в которой идет процесс производства. Если в самом узком смысле слова производство есть деятельность по созданию потребительных ценностей, то в самом широком смысле оно есть *единство собственно производства, распределения, обмена и потребления*. Производство в узком смысле, собственно производство может существовать только в составе производства в широком значении слова.

Именно потому, что социально-экономические отношения входят в качестве важнейшего компонента в производство, Карл Маркс и Фридрих Энгельс (1820–1895) именовали их *производственными* отношениями. Как уже указывалось, характерная особенность социально-экономических, или производственных отношений, отличающая их от всех прочих социальных связей заключается в том, что они являются отношениями объективными или, как принято говорить, материальными. Они не только возникают и существуют независимо от сознания и воли людей, но и определяют их сознание и волю, а тем самым их общественную деятельность и все прочие социальные отношения, являющиеся отношениями волевыми.

8. Два вида отношений собственности — экономические и волевые

Социально-экономические отношения выше были названы не просто отношениями собственности, а экономическими отношениями собственности. Это связано с тем, что, как мы уже знаем, отношения распределения и обмена — не единственные отношения собственности. Как явствует из всего того, что было сказано выше об отношениях присвоения в целом, кроме них существуют отношения собственности и другого вида, которые являются не материальными, а волевыми, нормативными.

При переходе вещей в пользование, распоряжение, владение или собственности происходит наделение пользователей, распорядителей, владельцев или собственников определенными правами на эти вещи. Таким образом, экономические отношения присвоения вообще, отношения собственности в частности — отношения распределения, обмена и перераспределения — закрепляются и выражаются в нормативных, волевых отношениях присвоения вообще, собственности в частности. Как уже отмечалось, в классовом обществе, где существует государство, волевые, нормативные отношения присвоения вообще, собственности, прежде всего, закрепляются в государственном праве, в законах и приобретают форму правовых, юридических отношений. Правовые отношения, в которых выражаются экономические отношения распределения и обмена, нередко называются *имущественными* отношениями. Традиция именовать волевые юридические отношения собственности *имущественными* существует в русской марксистской мысли давно. Начало ее было положено Георгием Валентиновичем Плехановым (1856–1918) (1956. С. 528 сл.).

В работах К. Маркса встречаются две трактовки отношения собственности. Одна из них — понимание собственности как юридического выражения социально-экономических, производственных отношений (13. С. 7). Однако в большинстве случаев речь у него идет о существовании двух видов отношений собственности: волевых, юридических, и социально-экономических, производственных, материальных. «То, о чем в сущности шла речь у Прудона, — писал он, например, в письме И. Б. Швейцеру, — была существующая, современная буржуазная собственность. На вопрос: что она такое? — можно было ответить только критическим анализом „политической экономии“, охватывающей совокупность этих отношений собственности не в их юридическом выражении как волевых отношений, а в их реальной форме, то есть как производственных отношений» (16. С. 26). Эта же точка зрения излагается в других сочинениях К. Маркса (4. С. 318; 27. С. 406, 407; 42. С. 108–112 и др.), в работе Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» (1. 545–346) и совместных трудах этих двух мыслителей «Святое семейство» (2. С. 34) и «Немецкая идеология» (3. С. 218–219).

Экономические и волевые (нормативные) отношения собственности всегда существуют в неразрывном единстве. «Это юридическое отношение, формой которого является договор, — писал К. Маркс, характеризуя акт товарообмена, — все равно закреплён он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением» (23. С. 94). Из этих двух видов отношений собственности одни, именно экономические отношения собственности, отношения распределения, обмена и перераспределения являются материальными, существующими независимо от сознания и воли людей, живущих в системе этих связей, т. е. первичными, вторые — производными, вторичными — закреплением и выражением социально-экономических отношений в общественной воле, в системе социальных норм.

Собственность, взятая в целом, есть высшая форма присвоения. В ней в наиболее отчетливой форме выступают все особенности присвоения как особого социального явления. Собственность — не вещь и не отношение человека к вещи, взятое само по себе. Собственность есть отношение между людьми, но такое, которое проявляется в их отношении к вещам. Или — иначе — собственность есть отношение людей к вещам, но такое, в котором проявляются их отношения друг к другу.

Собственность — такое отношение людей по поводу вещей, которое наделяет и людей, и вещи особыми социальными качествами: делает людей собственниками, а вещи — их собственностью. Каждая вещь в человеческом обществе всегда обладает таким социальным качеством. Она всегда не только потребительная ценность, но обязательно одновременно и чья-то собственность (индивида, группы индивидов или даже общества в целом).

9. Основные виды ячеек собственности

Так как отношения собственности есть высшая форма отношений присвоения, то необходимо рассмотреть их детальнее и прежде всего выявить основные типы ячеек собственности.

Когда в ячейку собственности входят средства производства, она представляет собой производственную единицу: в ней создается общественный продукт. Такую ячейку собственности можно назвать *экономико-хозяйственной ячейкой* (сокращенно — *хозяйчейкой*). Эта хозяйчейка может совпадать с социоисторическим организмом (социором). В таком случае она одновременно является и таким экономическим образованием, которое в принципе в экономическом отношении может существовать и функционировать совершенно независимо от других таких же образований. Такого рода производственное образование можно назвать *экономико-хозяйственным организмом* (сокращенно — *хозорганом*). При таком варианте хозяйчейка, хозорган и со-

циоисторический организм совпадают. Если при этом все члены социоиисторического организма вместе взятые являются собственниками средств производства и предметов потребления, перед нами *общественная собственность* в ее наиболее чистом виде.

Когда экономико-хозяйственная ячейка не совпадает с социоиисторическим организмом, то это означает, что в данном социоре существует не одна, а несколько хозяйчesk. В таком случае собственниками средств производства являются не все члены общества вместе взятые, а отдельные его члены или группы его членов. Такого рода собственность на средства можно назвать *приватной*. Если приватная собственность на средства производства не является основой эксплуатации человека человеком, ее можно назвать *особоленной (особенной)* собственностью. Обособленная (особенная) собственность может быть *персональной*, когда собственник — один человек, и *групповой*, когда несколько человек совместно владеют средствами производства. Если же в экономико-хозяйственной ячейке процесс производства есть одновременно и процесс эксплуатации человека человеком, перед нами — ячейка частной собственности. Частная собственность тоже может быть и *персональной* и *групповой*.

Когда собственность на средства производства является приватной, в социоре с неизбежностью существует не одна, а несколько хозяйчesk. Они в таком случае обязательно входят в состав более высокого производственного образования — экономико-хозяйственного организма (хозорганизма). Хозорганизм, представляющий собой объединение, систему экономико-хозяйственных ячеек, *может совпадать с социоиисторическим организмом*. Это — один вариант.

Но хозорганизм может и не совпадать с социоиисторическим организмом. При таком варианте в социоиисторическом организме существует несколько экономико-хозяйственных организмов. В результате возникает необходимость в еще одном более высоком уровне системы экономических отношений, которая связывала бы все эти хозорганизмы в единое целое и тем самым была бы объективной основой такого рода социоиисторического организма.

Если в ячейку собственности входят только предметы потребления, но не средства производства, общественное производство осуществляется в ней не может: в ней происходит только распределение и потребление полученной доли общественного продукта. Если в ней и ведется хозяйство, то только домашнее (приготовление пищи для личных нужд его членов и т. п.). В такой ячейке нет производства, в ней может существовать лишь домоводство. В эти ячейки обычно входят не только собственники предметов потребления, но и люди, находящиеся на их иждивении. Данные ячейки собственности можно назвать *иждивенческими*, или *иждивенческо-потребительскими*.

Связанную с ними собственность нередко называют личной, что не очень точно, ибо она может быть не только персональной, но и групповой. Лучшее для нее название — *отдельная собственность*.

Нередкий случай — совпадение хозяйственной ячейки с иждивенческо-потребительской. Особенно часто совпадают с иждивенческо-потребительскими ячейки обособленной собственности. При этом отдельная собственность отсутствует. Существует лишь обособленная собственность одновременно как на средства производства, так и на предметы потребления.

10. Первичное, вторичное и третичное распределения общественного продукта

Как уже отмечалось, всякий продукт труда всегда имеет двойственную природу: он одновременно и потребительная ценность и чья-то собственность. Любые вещи создаются одновременно и как потребительная ценность и как чья-то собственность. Поэтому процесс собственно производства вещей — всегда одновременно и процесс поступления вещей в чью-то собственность, т. е. процесс распределения.

Таким образом, отношения собственности проявляются не только в процессах собственно распределения и обмена, но и в процессе собственно производства. Присутствуя в процессе собственно производства, отношения собственности делают производство и в самом узком смысле этого слова отношением людей не только к природе, но и друг к другу, т. е. общественным отношением.

Рассмотренное выше распределение — распределение *первичное*. Это распределение всего созданного в процессе производства — и средств производства, и предметов потребления. Когда весь общественный продукт или, по крайней мере, часть его создается работниками как чужая собственность, процесс собственно производства — это одновременно и процесс эксплуатации человека человеком. Производственные, социально-экономические отношения носят при этом антагонистический характер.

После первичного распределения в большинстве случаев происходит собственно распределение как особый процесс, отличный от процесса собственно производства. Раб получает содержание — пищу, одежду, рабовладелец — доход. Капиталист получает прибыль, рабочий — заработную плату. Это — *вторичное* распределение.

В тех обществах, где в результате вторичного распределения долю общественного продукта получает лишь часть членов общества (в обществах без частной собственности — работники, в обществах с частной собственностью — собственники средств производства и работники), существует еще и *третичное* распределение. Это распределение, в отличие от первичного и вторичного, происходит в пределах не всего социогисторического организма, а лишь в рамках существующих внутри социума особых ячеек, который уже выше были названы иждивенческо-потребительскими. Чаше всего, но не обязательно всегда, это семьи. Отношения третичного распределения — это отношения хотя

и экономические, но не социально-экономические, не производственные. Поэтому политэкономией они не изучаются. Это — *приватно-экономические отношения*.

11. Главные принципы распределения общественного продукта

Третичное распределение всегда происходит *по потребностям*, сообразно потребностям. Таковым было и вторичное распределение в раннем первобытном обществе. В позднем первобытном обществе возникло распределение *по труду*. На смену ему пришло столь характерное для классового общества распределение *по собственности*.

В классовых обществах в основе первичного распределения созданного продукта лежит распределение средств производства, которое уже существовало к началу данного производственного цикла. Распределение используемых средств производства определяет распределение и вновь создаваемых средств производства. Таким образом, собственно производство — это воспроизводство не только вещей, но и социально-экономических отношений, в рамках которых оно осуществляется. В этих же обществах отношения собственности на оба фактора производства, т. е. на средства производства и рабочую силу, определяют и вторичное распределение.

Поэтому во всех классовых обществах отношения по распределению средств производства или, что то же самое, отношения собственности на средства производства, образуют внутри системы производственных отношений особую подсистему, играющую роль детерминанта по отношению ко всем остальным социально-экономическим связям. Именно эти и только эти отношения очень часто в марксистской литературе определялись как отношения в процессе производства — производственные и противопоставлялись отношениям распределения и обмена. Подобное противопоставление ошибочно: производственные отношения и отношения распределения и обмена суть одно.

Другая ошибка состояла в том, что такую структуру системы социально-экономических отношений рассматривали как всеобщую, присущую всем обществам без исключения. В действительности же, например, в раннем первобытном обществе отношения собственности на средства производства не образовывали особой подсистемы и не определяли характер прочих социально-экономических отношений.

12. Распределение, обмен и перераспределение

В идеале за распределением, в результате которого каждый член общества получает в собственность, владение, распоряжение или пользование причитающуюся ему долю общественного продукта, должно наступить потребление этого продукта. Так как продукт исчезает, то он

должен быть воспроизведен. Процесс производства, как мы уже знаем, есть процесс постоянного воспроизводства. В некоторых обществах, действительно, собственно производством, распределением и потреблением исчерпываются все действия с общественным продуктом. В таких обществах никаких других социально-экономических отношений, кроме отношений распределения, которые одновременно являются и экономическими отношениями собственности, не существует.

Однако в большинстве обществ к этим действиям прибавляется обмен и, соответственно, отношения обмена, которые могут приобретать самые разнообразные формы. Вопреки мнению значительного числа экономистов, товарообмен — всего лишь одна из многих форм обмена. Кроме обмена товарами существовал обмен *дарами* (дарообмен), помощью (помогообмен) и т. п.

Отношения обмена могут существовать рядом с отношениями распределения, образуя особую область, отличную от сферы распределения. Но при капитализме, например, распределение происходит в форме обмена. Получение рабочим заработной платы есть акт распределения. Но он же представляет собой заключительный момент акта товарообмена между капиталистом и рабочим.

Во многих обществах наряду с распределением и обменом существует также еще и перераспределение, принимающее самые разнообразные формы. К числу отношений перераспределения, входящих в систему социально-экономических отношений того или иного общества, относятся, заемно-долговые отношения, некоторые формы и методы эксплуатации, оплата различного рода личных услуг и т. п. Что же касается налогов, то они в разных классовых обществах играют различную роль: в социоисторических организациях одного типа они принадлежат к числу отношений распределения (пример — рента-налог в обществах с т. н. азиатским способом производства), в других — к отношениям перераспределения (например, налоги при классическом капитализме).

13. Социально-экономические и организационно-трудовые отношения

Применение в марксистской литературе для обозначения социально-экономических отношений прилагательного «производственные» и часто встречавшееся в ней определение производственных отношений как отношений в процессе производства нередко имело следствием неверное понимание данного термина.

Люди нередко, а в наше время чаще всего трудятся совместно. Работники кооперируют свои усилия: совместно изменяют предмет труда, или последний поочередно переходит из одних рук в другие, каждый раз подвергаясь все новой и новой обработке. Существуют

определенная организация труда и, соответственно, люди, которые организуют и координируют трудовую деятельность и т. п.

Все описанные выше и другие связи, несомненно, представляют собой отношения в процессе производства, являются производственными в буквальном смысле этого слова. С этим и связана трактовка этих отношений, как тех самых, которые К. Маркс называл производственными и которые, согласно его взглядам, образовывали базис общества. Такой точки зрения придерживался, например, крупный экономист-марксист Николай Иванович Бухарин (1888–1938). «Под производственными отношениями, — писал он, — я разумею трудовую координацию людей (рассматриваемых как „живые машины“) в пространстве и времени» (1924б. С. 365).

В действительности данные отношения не являются социально-экономическими и тем самым производственными в том смысле слова, который вкладывали в него К. Маркс и Ф. Энгельс. Это отношения существуют в масштабе не социоисторического организма в целом, а лишь внутри существующих в нем хозяйственных ячеек. Их можно изменить, не меняя типа общества. Лучше всего их было бы назвать *организационно-трудовыми отношениями*.

Таким образом, с одной стороны, отношения производственные в буквальном, житейском смысле не есть отношения производственные в марксовом значении этого слова. А с другой, отношения производственные в последнем смысле ни один человек, не изучавший политэкономии, никак не отнесет к числу производственных. Ведь это же отношения распределения и обмена, которые, как это представляется обычному человеку, явно относятся к иной сфере, чем производство. И тем не менее именно эти отношения, безусловно, являются производственными. Именно их система образует внутреннюю структуру процесса общественного производства в целом.

Подмена социально-экономических отношений была присуща не одному только Н. И. Бухарину. Она заметна, в частности, и у советских этнографов, обращавшихся к изучению экономики первобытного общества. Так, например, известный специалист в области этнографии первобытности Николай Александрович Бутинов (1914–2000) критиковал представителей одного из направлений в сфере исследования первобытной экономики — субстантивизма «за полный отказ от изучения производства материальных благ» (1970. С. 74). «Они, — возмущался автор, — изучают только процесс их распределения» (С. 74). Н. А. Бутинов при этом отнюдь не призывает к исследованию лишь собственно процесса создания материальных благ. Он критикует и такую практику, когда «изучались только формы хозяйства, орудия труда, способы и методы работы, но не изучались отношения между людьми в процессе производства» (С. 75). Недостаток такого рода работ автор видит в том, что «при описаниях обычно употреблялись безличные обороты: „хижина строится так-то“, „на огороде сажают то-то“, „рыба ловится тогда-то“. Кто строит хижину, сколько людей ловят рыбу,

каковы при этом отношения между ними — об этом почти или совсем не упоминалось. Не изучалась организация труда (единственным исключением было разделение труда между полами), распределение материальных благ» (С. 75). Н. А. Бутинов не забывает отношений распределения, но они у него лишь один из многих компонентов отношений по производству, причем далеко не главный. Основные отношения по производству у него — это организационно-трудовые. Этим положением он руководствовался при работе над книгой «Папуасы Новой Гвинеи (хозяйственно-общественный строй)» (М., 1968), что привело к резкому искажению картины реальности (см.: Семенов, 1969).

14. Производительные силы общества и проблема их развития

Одно из основных положений материалистического понимания истории состоит в том, что тип производственных, социально-экономических отношений определяется уровнем развития производительных сил. Это положение нередко оспаривается с ссылкой на те или иные факты истории. Так, например, общество майя классического периода (I тыс. н. э.) было, бесспорно, классовым. Но майя той эпохи совсем не знали металлических орудий, даже медных. А с другой стороны, многие народы Африки южнее Сахары еще в середине I тыс. до н. э. освоили плавку железа и изготовление и использование орудий из этого металла. И тем не менее они и к XIX в. не смогли продвинуться далее стадии предклассового общества.

Люди, приводящие эти доводы, исходили из того, что уровень развития производительных сил есть прежде всего уровень развития техники производства. Такая точка зрения была господствующей в историческом материализме. Она получила, например, четкое выражение в книге Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма». «...Исторический способ производства, т. е. форма общества, — читаем мы в ней, — определяется развитием производительных сил, т. е. развитием техники» (Бухарин, 1924а. С. 133). А в другом месте автором прямо ставится знак равенства между степенью развития производительных сил и степенью развития техники (С. 113).

И основание для отождествления развития производительных сил общества с прогрессом техники дали сами основоположники материалистического понимания истории. «Таковую же важность, — писал К. Маркс, — какое строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда — не только мерило развития человеческой производительной силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» (23. С. 191).

«Приобретая новые производительные силы, — пояснял К. Маркс (4. С. 133), — люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает нам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом». «Орудия дикаря, — вторил ему Ф. Энгельс, — обуславливают его общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия — капиталистическое общество» (36в. С. 146).

Производительной силой общества являются люди, вооруженные средствами труда и умсующие приводить их в движение. И вполне понятно, что уровень развития этой силы не может не зависеть от характера используемых ими средств труда. Но не только от них. Поэтому нужен иной показатель уровня развития производительных сил. Показателем уровня развития сил, создающих общественный продукт, может быть только величина создаваемого ими общественного продукта. Общественный продукт всегда создается в том или ином соционисторическом организме. И уровень развития производительных сил каждого конкретного отдельного общества измеряется величиной создаваемого в нем продукта в расчете на душу его членов. Этот показатель можно было бы назвать *продуктивностью общественного производства*.

Продуктивность общественного производства, разумеется, зависит от применяемой в производстве техники и от других возникших в процессе развития общества факторов. Но не только от них. Она зависит также и от тех природных условий, в которых совершается процесс общественного производства. Когда люди занимаются собирательством, охотой и рыболовством, то количество добываемого ими продукта определяется не только техникой и временем, затрачиваемым на работу, но и богатством местных природных ресурсов. При одном и том же уровне техники, но в различных природных условиях продуктивность общественного производства может быть разной.

Природные ресурсы могут использоваться не только в качестве предметов труда. Земля, например, в земледелии выступает не только как предмет труда, но и как средство труда. Тем самым она становится элементом производительных сил. Превращение земли в средство труда и ее включение в состав производительных сил было результатом исторического развития. Использование земли в качестве средства труда, бесспорно, есть показатель развития производительных сил.

Но естественное плодородие земли — дар природы. А от него в значительной степени зависит продуктивность сельскохозяйственного производства. При одной и той же сельскохозяйственной технике, одних и тех же системах земледелия, при одинаковом количестве времени, затрачиваемом на труд, продуктивность общественного производства в обществе с плодородной почвой может быть намного выше, чем в обществе, где природные условия хуже.

Но дело не только в природном плодородии земли. В одних регионах почва обрабатывается легко, в других — это требует больших

усилий и значительно больше времени. Продуктивность общественного производства зависит и от климата. Существуют такие регионы (тропики и субтропики), в которых сельскохозяйственные работы возможны круглый год, где в течение этого периода времени собирается два, а то и три урожая. В других же регионах (умеренный пояс) сельскохозяйственная активность ограничена определенным сезоном: там больше одного урожая в год получить невозможно.

Поэтому настоятельно необходимо различать в продуктивности общественного производства две основные составляющие. Одна из них — результат социального, исторического развития. Другая — дар природы. Первую я буду называть *общественной (или социальной) продуктивностью*, вторую — *естественной продуктивностью*, а их неразрывное единство — *суммарной продуктивностью общественного производства*. Соответственно, необходимо различать социальный уровень развития производительных сил и суммарный уровень, или состояние, производительных сил.

Для докапиталистических обществ характерен больший или меньший разрыв между социальным уровнем развития производительных сил и их суммарным уровнем (состоянием). С переходом к индустриальному обществу этот разрыв сокращается и может даже совсем исчезнуть. В таком случае можно говорить просто об уровне развития производительных сил без каких-либо уточнений.

У основоположников исторического материализма есть высказывания, которые дают основания полагать, что они приближались к различению естественного и социального уровней развития производительных сил, но сколько-нибудь четких формулировок мы у них не находим. И это понятно — классики марксизма прежде всего исходили из данных, относящихся к капиталистическому обществу.

Когда говорят о прогрессе производительных сил общества, то речь, разумеется, идет о росте социальной продуктивности производства. Бросается в глаза, что социальная продуктивность общественного производства может быть повышена за счет роста производительности труда. В свою очередь рост производительности труда может быть обеспечен путем приобретения работниками большего опыта и квалификации, повышением интенсивности их труда, внедрением более совершенных способов использования техники, совершенствования организации труда. Но все эти приемы рано или поздно исчерпывают свои возможности.

Единственный путь, который может обеспечить беспредельный рост производительности труда, — прогресс техники. Именно в данном направлении и шло в основном развитие производства с момента зарождения капитализма. Такой способ увеличения продуктивности общественного производства долгое время рассматривался как единственно возможный. Именно с этим и связано отождествление эволюции производительных сил общества с прогрессом техники и.

соответственно, уровня развития производительных сил со степенью развития техники, которое присутствовало в трудах основоположников материалистического понимания истории и их многочисленных последователей.

Несомненно, качество человека как производительной силы в значительной степени зависит от используемой им техники. Но не только от нее. Социальный уровень развития производительных сил никогда не сводится к техническому. Существуют и иные, кроме техники, социальные факторы, от которых зависит степень способности человека к созданию общественного продукта.

И важнейшим среди них является существующая система социально-экономических отношений. При одной и той же технической вооруженности, но при разных социально-экономических отношениях люди могут создавать далеко не одинаковое количество общественного продукта. Не только производительные силы влияют на производственные отношения, но, производственные отношения — на производительные силы. Этот и другие нетехнические факторы можно объединить под общим названием социально-гуманитарного фактора. Таким образом, в социальной продуктивности общественного производства тоже нужно различать две составляющие: техническую и социально-гуманитарную.

К этому можно добавить, что нередко существует упрощенный взгляд и на технику производства. Ее часто сводят к орудиям и машинам. Но к технике в более широком смысле относятся и системы земледелия, и конская упряжь и т. п. Технический уровень развития производительных сил характеризуется не только орудийной (орудийно-машинной) техникой, но и неорудийной техникой. Можно привести пример огромного значения неорудийной техники. В Древнем Риме пара лошадей могла везти груз, который не превышал 500 кг, в средневековой Европе такая же пара тянула груз в 2500 кг, т. е. в 5 раз больше. Это было следствием внедрения в VIII в. н. э. новой, заимствованной у кочевников евразийских степей, конской упряжи. В результате стало возможным использовать в земледелии вместо быков лошадей, что способствовало значительному подъему этой отрасли общественного хозяйства (Gimpel, 1983. P. 32–35).

В силу того, что качество человека как производительной силы зависит не только от техники, но и от других социальных факторов, кроме *технического (технологического)* способа повышения продуктивности общественного производства существуют и иные.

Один из них заключается в повышении продуктивности общественного производства за счет увеличения продолжительности рабочего времени. Это — *темпоральный* (от лат. *tempus* — время) способ повышения продуктивности общественного производства. Другой — *демографический*. Он состоит в повышении доли работников в составе людей, образующих социоисторический организм. И без учета этих

двух способов повышения уровня развития производительных сил совершенно невозможно понять смену способов производства во всемирной истории.

Так как тип существовавших в докапиталистических обществах социально-экономических отношений определялся не техническим и даже не социальным, а суммарным уровнем продуктивности общественного производства, то вполне возможно было существование в обществе с примитивной техникой, но живущем в благоприятных природных условиях, социально-экономических отношений более высокого типа, чем в обществе с более развитой техникой, но обделенном природой.

15. О хозяйственной и экономической сферах человеческой деятельности

Общество есть прежде всего система отношений, в которой живут люди. Эти отношения принято называть общественными, или социальными. Поэтому важнейшим для понимания сущности общества является подразделение социальных отношений на два основных вида: (1) отношений объективных, материальных, к которым относятся социально-экономические, производственные связи, и (2) отношений волевых, к которым принадлежат все прочие общественные. Все отношения проявляются и существуют в человеческой деятельности, человеческом поведении.

Даже в самом раннем обществе существовали разные виды и разные сферы человеческой деятельности. С развитием общества число этих видов и, соответственно, сфер человеческой деятельности увеличивалось. Но всегда в нем существовали два вида и, соответственно, две сферы деятельности: деятельность по созданию потребительных ценностей, трудовая, хозяйственная, образующая сферу трудовой, хозяйственной деятельности, и деятельность вначале по распределению материальных, а затем также по их обмену и перераспределению, составляющая сферу экономической деятельности. И понятия сферы хозяйственной деятельности и сферы экономической деятельности (экономического поведения) нужны для решения целого ряда важнейших теоретических проблем не только экономической науки, но философии и общей теории истории.

Экономика и общество

1. Общественно-экономический уклад, способ производства, общественно-экономическая формация, социально-экономический строй общества

Как явствует из сказанного выше, существует несколько качественно отличных друг от друга типов социально-экономических отношений. Некоторые из них уже упоминались: раннепервобытные, позднепервобытные, рабовладельческие, капиталистические. В идеале социально-экономические отношения того или иного типа образуют целостную систему — *общественно-экономический (социально-экономический) уклад*.

Каждая система социально-экономических отношений одного определенного типа (общественно-экономический уклад) представляет собой внутреннюю структуру процесса производства, особую общественную форму, в которой осуществляется процесс создания материальных благ. Производство материальных благ всегда происходит в определенной общественной форме.

Производство, взятое не вообще, а в определенной общественной форме, есть не что иное, как определенный способ производства. Таким образом, *способ производства* есть тип производства, выделенный по признаку его общественной формы. Способов производства существует столько, сколько существует общественно-экономических укладов. Общественно-экономические уклады и, соответственно, способы производства подразделяются на *основные* и *неосновные*. Основные способы производства суть такие социально-экономические типы производства, которые одновременно являются и стадиями всемирно-исторического развития общественного производства.

Особенность социально-экономических отношений заключается в том, что они, в отличие от всех прочих общественных отношений, не зависят от сознания и воли людей. Существовая независимо от сознания и воли людей, они определяют их волю и сознание. Социально-экономические связи являются отношениями объективными и в этом смысле материальными.

Поэтому система этих отношений, являясь общественной формой, в которой идет производство, одновременно представляет собой

фундамент любого социоисторического организма. Он определяет общественное сознание и волю живущих в нем людей, а тем самым и все остальные существующие в нем общественные отношения. В отличие от социально-экономических связей, которые по своей природе объективны, все прочие общественные связи — отношения волевые. Общественное сознание в узком смысле слова (т. е. совокупность взглядов и представлений лишь об общественных явлениях, социальное сознание) вместе с волевыми общественными отношениями и представляет собой надстройку над социально-экономическим базисом.

Так как социально-экономические отношения составляют базис, фундамент любого общества, то совершенно естественным является положить в основу классификации социоисторических организмов тип господствующих в них производственных связей. Тип общества, выделенный по такому признаку, принято называть *общественно-экономической формацией*. Но общественно-экономической формацией может быть назван не всякий социально-экономический тип общества, а только такой, который есть одновременно и стадия всемирно-исторического развития. Общественно-экономических формаций существует столько, сколько существует основных общественно-экономических укладов и, соответственно, основных способов производства.

Кроме общественно-экономических формаций существуют и такие социально-экономические типы общества, которые не представляют собой стадий развития человеческого общества в целом. Если они и оказываются стадиями развития, то лишь тех или иных отдельных обществ. Эти типы общества, представляющие собой своеобразные дополнения к общественно-экономическим формациям, могут быть названы *общественно-экономическими параформациями* (от греч. «пара» — возле, при).

Важнейшим инструментом анализа социально-экономической структуры общества является категория общественно-экономического уклада. Этот термин имеет три тесно связанных, но несколько отличных значения. Одно из них — целостная система социально-экономических отношений одного типа вообще. Второе — целостная система социально-экономических отношений одного особенного типа вообще (феодальный общественно-экономический уклад, капиталистический уклад и т. п.). Третье значение — целостная система социально-экономических отношений одного определенного типа, существующая в одном определенном социоисторическом организме, т. е. не уклад вообще и не особенный уклад вообще, а единичный, социальный уклад.

Разные социально-экономические отношения могут существовать в социоисторическом организме по-разному. Отношения того или иного определенного типа могут образовывать в обществе целостную систему — общественно-экономический уклад, но могут существовать в нем в качестве лишь придатка к существующим укладам — *общественно-экономического подуклада*. Когда производство осуществляется

в оболочке не уклада, а общественно-экономического подуклада, перед нами — не способ, а лишь тот или иной *образ производства*.

Отличие общественно-экономического подуклада от уклада состоит в том, что подуклад не обладает своими собственными хозяйственными; специфические для него экономические отношения существуют в рамках чужих хозяйственных ячеек. Различать укладное бытие социально-экономических отношений от неукладного их бытия очень важно.

Как известно, характерным для капитализма является наемный труд. Но наем работника встречается в самые различные эпохи всемирной истории: в предклассовых обществах, на Древнем Востоке, в античном мире, что дает основание некоторым историкам и экономистам говорить о существовании там капитализма. В действительности ни в одном из этих обществ никакого капитализма не было. Нигде там отношения наемного труда не образовывали единой целостной системы. Везде они существовали в неукладной форме, т. е. в виде подуклада.

Когда в социоисторическом организме существуют социально-экономические отношения только одного типа, то общество *одноукладно*. Одноукладно оно и тогда, когда в нем наряду с единственным укладом существует один или даже несколько подукладов. Но в социоисторическом организме могут одновременно существовать и несколько общественно-экономических укладов, не говоря уже о подукладах. Такое общество *многоукладно*.

Все существующие в многоукладном обществе социально-экономические отношения образуют единую целостную систему. Так как подобная система состоит из социально-экономических отношений не одного, а несколько разных, то она не может быть названа общественно-экономическим укладом. Нужен иной термин. Им может послужить словосочетание «*социально-экономический (социоэкономический) строй общества*». Когда общество одноукладно, определенный общественно-экономический строй общества и социальный социально-экономический уклад совпадают.

Обычно в многоукладном обществе один из существующих в нем укладов — *господствующий, доминирующий*, остальные же — *подчиненные*. Господствующий уклад определяет характер социально-экономического строя общества в целом, а тем самым и тип общества, его формационную или параформационную принадлежность. Различие между господствующими и подчиненными укладами во многих случаях носит относительный характер. В процессе исторического развития тот или иной господствующий уклад может стать подчиненным, а подчиненный превратиться в доминирующий.

Однако не всякий подчиненный уклад может стать господствующим. И здесь мы сталкиваемся с иной классификацией общественно-экономических укладов. Они подразделяются на такие, которые

в принципе могут быть господствующими, и такие, которые никогда не могут стать господствующими. Первые уклады можно назвать *стержневыми*, вторые — *дополнительными*. Стержневой уклад может быть единственным в обществе или господствующим в нем и, соответственно, определять тип общества, его принадлежность к той или иной общественно-экономической формации или параформации.

В качестве примера дополнительного общественно-экономического уклада можно привести существующую при капитализме систему хозяйств, владельцы которых совмещают в себе собственников средств производства и непосредственных производителей. Этот уклад принято называть мелкобуржуазным. Различного уклады мелкого самостоятельного производства существовали и в докапиталистических классовых обществах, в частности в античном.

Каждый общественно-экономический уклад, будь то стержневой или дополнительный, имеет характерные для него экономико-хозяйственные ячейки. Каждому стержневому общественно-экономическому укладу присущ также свой собственный экономико-хозяйственный организм. Что же касается дополнительных укладов, то они своих собственных хозорганизмов не имеют. Их экономико-хозяйственные ячейки вкраплены в состав экономико-хозяйственного организма одного из существующих наряду с ним стержневых укладов, чаще всего господствующего. Так, например, при капитализме ячейки мелкого самостоятельного производства входят в систему национального капиталистического рынка.

2. Частная собственность, общественные классы и антагонистические способы производства

Выше уже шла речь о частной собственности. Но это понятие столь важно, что требует особого рассмотрения.

С чисто юридической точки зрения частная собственность — такое отношение собственника к вещам, которое в идеале предполагает его безраздельное господство над ними. Все остальное не имеет значения. Частная же собственность как экономическое отношение есть нечто иное.

Частная собственность как экономическое отношение есть такая собственность одной части членов общества, прежде всего на средства производства, которая позволяет ей присваивать труд другой (и обязательно большей) части его членов. Эти две части общества, отличающиеся друг от друга местом, занимаемом ими в определенном общественно-экономическом укладе (конкретно: отношением к средствам производства и способом получения и размерами получаемой доли общественного продукта), а нередко также ролью в организации труда, представляют собой не что иное, как *общественные классы*. Каждый

антагонистический общественно-экономический уклад с неизбежностью предполагает существование двух общественных классов. Это — *парно-антагонистические классы*.

В обществе, кроме антагонистических укладов, которые являются стержневыми, могут существовать дополнительные уклады, как правило, антагонистическими не являющиеся. И люди, связанные с каждым из таких дополнительных укладов, образуют особый общественный класс, ибо занимают особое место, но только не внутри какого-либо общественно-экономического уклада, как это обстоит с парно-антагонистическими классами, а в социально-экономическом строе общества в целом. Примером может послужить мелкая буржуазия в капиталистическом обществе. Такого рода классы можно было бы назвать *одиночными*. В результате существования в обществе нескольких различного рода укладов число общественных классов в нем может доходить до пяти. Кроме того, в обществе всегда имеются люди, не входящие в состав ни одного класса. Это — *внеклассовые* слои общества.

Понятие эксплуатации употреблялось уже неоднократно. Сейчас имеет смысл на нем несколько подробнее остановиться. В узком, строго научном смысле слова эксплуатация есть безвозмездное присвоение (получение в собственность) одной частью общества доли общественного продукта, созданного другой частью общества. В широком смысле под эксплуатацией понимается также и безвозмездное присвоение одними людьми услуг со стороны других людей. В дальнейшем изложении будет рассматриваться эксплуатация только в узком смысле слова. Объектом такой эксплуатации могут быть только производители материальных благ.

Важнейшее понятие, характеризующее эксплуатацию, — категория прибавочного продукта. *Прибавочный продукт* есть та доля общественного продукта, созданного одной частью общества, которая безвозмездно присваивается (переходит в собственность) другой ее части. Эксплуатация есть присвоение прибавочного продукта. Она может происходить по-разному. Можно выделить два ее основных вида.

Первый вид эксплуатации человека человеком характеризуется тем, что присвоение прибавочного продукта происходит непосредственно в процессе собственно производства — процесс производства есть одновременно и процесс эксплуатации. При этом весь продукт или, по крайней мере, его часть (прибавочный продукт) создается производителем не как его собственность, а как собственность иных людей, которые тем самым выступают в роли эксплуататоров. В данном случае отношения эксплуатации выступают как отношения собственно производства.

Внутри этого первого основного вида эксплуатации в свою очередь можно выделить две разновидности. Когда общественная форма, в которой идет процесс производства, — общественно-экономический уклад — перед нами способ производства, а тем самым и *способ эксплуатации* человека человеком. Если процесс производства происходит

в рамках производственных отношений, не образующих уклада, то мы имеем дело с образом производства, а тем самым и *образом эксплуатации* человека человеком.

При *втором* основном виде эксплуатации безвозмездное присвоение продукта происходит не в процессе собственно производства, а уже после того, как этот процесс завершился. Здесь процесс эксплуатации не совпадает с процессом производства и представляет собой явление, отличное от него. Она представляет собой одну из форм перераспределения общественного продукта. Форму эксплуатации, не представляющую способа производства, можно назвать *методом эксплуатации*. Так как метод эксплуатации есть форма лишь присвоения, но не создания прибавочного продукта, этот метод всегда существует только в связи с тем или иным способом производства — антагонистическим или неантагонистическим.

Методы эксплуатации подразделяются на внутрисоциальные (интрасоциальные) и межсоциальные (интерсоциальные). Примерами межсоциальных методов эксплуатации могут послужить систематический военный грабёж и данничество, примером внутрисоциального — рабовладение.

В основе деления на парно-антагонистические классы лежит различие отношения этих групп людей к средствам производства. Но оно совершенно не обязательно выражается в том, что один класс полностью владеет средствами производства, а другой полностью лишен их. Это справедливо в отношении рабовладельческого и капиталистического способов производств, но не феодализма. Оба класса, порождаемые феодальным способом производства, владеют средствами производства. Но их отношение к этим средствам производства различно. Один класс — *верховный собственник* средств производства, прежде всего земли, другой класс — *подчиненный собственник этих же средств производства*, главное среди которых — земля.

Частная собственность является *полной*, когда члены господствующего класса безраздельно владеют средствами производства, а члены другого класса целиком отчуждены от них. Таковы рабовладельческая и капиталистическая частная собственность.

Но частная собственность может быть *расщеплена* на *верховную частную собственность* членов господствующего класса и *подчиненную обособленную собственность* членов эксплуатируемого класса. Такова, например, феодальная частная собственность. В подобном случае антагонистический способ производства является двухэтажным. Феодальный общественно-экономический уклад включал в себя в качестве своей основы крестьянско-общинный уклад. Верховная частная собственность — всегда собственность не только на средства производства, но и на личности непосредственных производителей. Последнее — подчиненные собственники не только средств производства, но и своей личности.

Кроме верховной частной собственности на личность производителя, может существовать и полная собственность на нее, как это имело место при рабовладельческом способе производства. Рабовладельческая экономико-хозяйственная ячейка была единицей полной собственности как на все средства производства, так и на личности работников, входивших в нее. Таким образом, в ячейку собственности, кроме собственника (собственников) могут входить и иные люди. Однако они не обязательно должны входить в нее в качестве объектов собственности. Они могут быть, например, и наемными работниками.

Частная собственность может различаться и по тому, как конкретно члены господствующего класса владеют средствами производства (а иногда и работниками). Частными собственниками могут быть члены этого класса, взятые по отдельности. Это — *персональная частная собственность*. Частная собственность может быть *групповой*. Такова, например, акционерная собственность при капитализме.

Своеобразной была частная собственность при феодализме. Каждый верховный частный собственник был включен в иерархически организованную корпорацию верховных собственников, состоявшую из слоя низших верховных собственников (рядовых дворян, шевалье), нескольких категорий все более высоких верховных собственников (баронов, виконтов, графов, герцогов) и, наконец, наивысшего верховного собственника — короля. Такая собственность по всей справедливости должна быть названа *персонально-корпоративной*.

Таким образом, частная собственность совершенно не обязательно является персональной. С другой стороны, персональная собственность совершенно не обязательно должна быть частной. Персональной может быть собственность на средства потребления, которая частной никак не является.

3. Древнеполитарный способ производства*

Группой, владеющей средствами производства и работниками и безвозмездно присваивающей продукт, созданный трудом последних, может быть класс эксплуататоров в целом. В таком случае средствами производства (и работниками) владеют все члены господствующего класса только вместе взятые, но ни один из них взятый в отдельности. Это — *общеклассовая частная собственность*. Общеклассовая частная собственность всегда приобретает форму государственной. Это с неизбежностью обуславливает совпадение класса эксплуататоров, если не со всем составом государственного аппарата, то, во всяком случае, с его ядром.

Описанный способ производства известен под названием азиатского. Лучше всего назвать его *политарными* (от греч. «полития», «политея» — государство), или просто *политаризмом*. Но если говорить

* Подробно об этом способе производства см.: Семенов, 2011.

точнее, существует не один единый политарный способ производства, а несколько разных политарных способов производства. Один из них, который был первым в истории человечества основным антагонистическим способом производства и существовал в эпоху Древнего Востока, а затем и в последующие периоды истории Востока (и не только Востока) вплоть до XIX в., я буду называть *палеополитарным*, или *древнеполитарным*. Так как развитие экономики доклассового общества завершилось в конечном итоге возникновением именно этого, а не какого-либо другого антагонистического способа производства, необходимо рассмотреть его несколько подробнее. Как говорил К. Маркс: «Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны» (12. С. 731).

Политаристы владели средствами производства и производителями материальных благ только сообща. Поэтому они с неизбежностью образовывали особую корпорацию. Общеклассовая частная собственность всегда была корпоративной. Все политаристы входили в особую иерархически организованную систему распределения прибавочного продукта — *политосистему*. Они образовывали несколько ступеней служебной пирамиды, которые сужались по мере приближения к ее вершине. На самой же вершине этой пирамиды находился один-единственный человек, к которому, в конечном счете, сходились все линии политосистемы. Этого верховного политариста, который был главой политосистемы и одновременно государственного аппарата, т. е. правителем государства, можно назвать *политархом*. Соответственно с этим возглавляемую политархом ячейку общеклассовой частной собственности, которая одновременно была и государством и социоисторическим организмом, следует называть *политархией*.

Именно политарха европейские наблюдатели восточных порядков и принимали за единственного собственника земли. Но наиболее пронывательные из них не могли не заметить, что эта собственность носила крайне своеобразный характер. Земля, если и принадлежала ему, то не как определенной конкретной личности, а как носителю должности. Стоило ему только лишиться положения главы государства, как он лишался и собственности. Все его права переходили к человеку, занявшему его место. Как отмечали исследователи, его собственность была не персональной, а должностной, титульной.

В действительности же политарх был не собственником, а лишь верховным распорядителем общеклассовой частной собственности и, соответственно, прибавочного продукта. Весь прибавочный продукт, который обеспечивала политарная частная собственность, составлял особый фонд, за счет которого жили политаристы, — *политофонд*. Он находился в распоряжении политарха, который в идеале выделял каждому нижестоящему политаристу определенную долю прибавочного продукта в соответствии с занимаемым им в политосистеме местом.

Любой политарный способ производства предполагал собственность политаристов не только на средства производства, прежде всего

на землю, но и на личность непосредственных производителей. И эта верховная собственность класса политаристов дополнялась полной собственностью главы этого класса — политарха на личность и имущество всех его подданных.

Полная собственность политарха на личность всех его подданных выражалась в его праве лишать их жизни без какой-либо вины с их стороны. На самых ранних стадиях становления политаризма политарх имел право на жизнь лишь рядовых подданных, затем по мере созревания данного способа производства оно распространилось и на всех политаристов. Полное право политарха на имущество подданных выражалось в праве по произволу безвозмездно отбирать его. Право политарха на жизнь и имущество подданных реализовывалось через посредство государственного аппарата. Для политарных обществ характерно существование практики систематического террора государства против всех своих подданных. Он мог проявляться в разных формах, но он всегда существовал. Практика постоянного, систематического террора особенно характерна для начального этапа развития всех вообще политарных обществ (см.: Wittfogel, 1957. Р. 137—160).

Суть политарного террора заключалась не в наказании виновных или подозреваемых во враждебных замыслах, а в создании и постоянном поддержании атмосферы всеобщего страха. Ни одному подданному политарха не было гарантировано исключение из числа возможных жертв. Каждый мог в любое время быть схвачен и уничтожен без какого бы то ни было следствия и суда. Для этого вполне достаточно было приказа политарха или специально уполномоченных им лиц.

Нижестоящие политаристы даже самого высокого ранга права на такого рода репрессии не имели. Даже когда они, выступая в роли судей, приговаривали действительно виновного человека к смерти, приговор мог быть приведен в исполнение только после санкции политарха или опять-таки особо уполномоченных им лиц. Попытки нарушить монополию политарха на жизнь и смерть его подданных жестоко пресекались.

Древнеполитарный способ производства существовал в трех основных вариантах. Один из них был самым распространенным, и когда говорят об азиатском способе производства, то только его и имеют в виду. В этом смысле его можно считать классическим. Существуют, по крайней мере, еще два варианта древнеполитарного способа производства, которые описываются, но к азиатскому способу производства обычно не причисляются.

При классическом варианте древнеполитарного способа производства эксплуатируемый класс — крестьяне, живущие общинами. Крестьяне платят налоги, которые одновременно представляют собой земельную ренту, а иногда также наряду с ведением собственного хозяйства, обрабатывают землю, урожай с которой поступает государству. Этим же крестьян нередко в порядке трудовой повинности используют

на различного рода работах (строительство и ремонт каналов, храмов, дворцов и т. п.).

Крестьянские дворы, таким образом, входят одновременно в состав двух разных хозяйственных организмов: крестьянской общины и политархии. Как составные части крестьянской общины они представляют собой ячейки по производству необходимого продукта; они же в составе политархии и сама политархия в целом суть ячейки по производству прибавочного продукта, идущего классу политаристов. Как явствует из сказанного, древнеполитаризм в данном варианте — двух-этажный способ производства. Политарный общественно-экономический уклад включает в себя в качестве своего основания крестьянско-общинный уклад.

Таким образом, при данном варианте политаризма, который можно назвать *политарно-общинным* или, короче, *политообщинным*, частная собственность на средства производства вообще, на землю, прежде всего, раздвоена. Общеклассовая политарная частная собственность является при этом не полной, а верховной, и, разумеется, как всякая верховная частная собственность представляет собой собственность не только на землю, но и на личности непосредственных производителей. Крестьянские общины или отдельные крестьянские дворы при этом — подчиненные обособленные собственники земли, а входящие в них крестьяне — подчиненные собственники своей личности, а тем самым и своей рабочей силы.

Существовавшие в недрах крупных политарных социоисторических организмов крестьянские общины не были простыми их подразделениями. В основе этих общин лежали иные социально-экономические отношения, чем те, что образовывали базис классового социоисторического организма, в который они входили. Поэтому крестьянские общины обладали некоторыми особенностями социоисторических организмов, выступали в ряде отношений как подлинные социоры. В частности, они имели свою особую культуру, отличную от культуры классового социоисторического организма, в состав которого входили. Они были *субсоциорами* (подробнее см.: Семенов, 2002б).

Крестьянские общины являлись глубинной подосновой политообщинных обществ. Древнеполитарные социоисторические организмы возникали, исчезали, сливались и раскалывались. Но общины при этом сохранялись.

Возникновению зрелого политарного способа производства предшествовал длительный период его становления, который относится не к классовому, а к доклассовому обществу. Формирующийся политарный способ производства может быть назван *протополитарным*. Между протополитарным и политарным способами производства нет принципиальной разницы. Отличие между ними лишь в степени зрелости. Даже самые небольшие формирующиеся политархии (*протополитархии*) включали в себя несколько формирующихся крестьянских

(*пракрестяньских*) общин. В таком случае верховному правителю — протополитарху — были непосредственно подчинены старосты общин.

Что же касается политархий классового общества, то они обычно имели не менее трех уровней управления. Политарху подчинялись правители подразделений политархии (дистриктов, округов) — субполитархи, которым в свою очередь были подчинены старосты общин. В крупных политархиях могла существовать четырехзвенная система управления: (1) политарх — (2) правитель провинции (субполитарх первого ранга) — (3) правитель округа (субполитарх второго ранга, или субсубполитарх) — (4) староста крестьянской общины. Система, состоящая из политарха и субполитархов, — *политархосистема* была костяком, скелетом, несущей конструкцией политосистемы в целом.

В идеале весь прибавочный продукт должен был поступать в распоряжение политарха, который, оставив себе определенную его часть, все остальное должен был распределить между членами политосистемы. В чисто социальном плане весь прибавочный продукт шел от непосредственных производителей на самый верх политосистемы, т. е. к политарху, минуя все промежуточные звенья, и уже от него растекался сверху вниз по ее каналам. В некоторых политархиях действительно предпринимались попытки сконцентрировать весь этот продукт в одном месте с последующей его раздачей членам господствующего класса.

Но чаще физическое перемещение прибавочного продукта не совпадало с социальным его движением. Правители территориальных подразделений политархии — субполитархи, собрав налоги, оставляли себе определенную, установленную политархом долю, а все остальное передавали вышестоящему правителю. Если этот правитель тоже был субполитархом, то он, получив налоги от всех нижестоящих субполитархов, опять-таки оставлял себе определенную политархом их часть, а остальное передавал выше. В конце концов, часть продукта, причем обычно значительная, оказывалась в руках политарха. В таком случае физическое движение прибавочного продукта шло по каналам политосистемы снизу вверх. Но в идеале это ни в малейшей степени не мешало прибавочному продукту в социальном отношении двигаться сверху вниз: ведь именно политарх назначал субполитархов и тем самым выделял им доли прибавочного продукта, определяя при этом и размеры этих долей.

Правители всех рангов, получив в свое распоряжение установленную политархом долю прибавочного продукта, часть ее использовали для обеспечения своего существования, а другую — на содержание подчиненного им аппарата управления, состоявшего из различного рода должностных лиц. Причем, в идеальной политархии размеры долей продукта, получаемого этими лицами, определялись не субполитархом, а опять-таки политархом. По существу субполитарх распоряжался не всем выделенным ему продуктом, а лишь той его частью, которая

шла на его содержание. Политарх за счет полученного им продукта содержал центральный аппарат управления. Чаше всего чиновники, которые не являлись субполитархами, получали причитающуюся им долю продукта в виде своеобразного жалования натурой. Жалование получали и люди, обслуживающие политарха и его семью.

Однако ряд должностных лиц мог получать от политарха не жалование натурой, а право на сбор части или даже всего налога с определенного числа крестьян, иногда даже с целой крестьянской общины. Такого рода вариант можно было бы назвать *алиментарным* (от лат. *alimentum* — содержание). Алиментарист не приобретал никаких особых прав ни на землю алиментариума, ни на личности крестьян-алиментариев, кроме тех, что он имел в качестве члена господствующего класса. Он получал лишь особое право на часть созданного в алиментариуме продукта до тех пор, пока занимал должность. С лишением должности это право терялось.

Открытие экономических отношений и возникновение политической экономии

1. Вводное замечание

Экономические отношения существовали всегда, на всех этапах развития человеческого общества. Но долгое время их не замечали и не изучали. Их начали исследовать лишь начиная с XVI в. Только в это время начала зарождаться наука об экономических отношениях — политическая экономия. Связано это было со становлением капиталистических социально-экономических отношений. Капиталистические экономические отношения — первые, что были замечены и стали объектом исследования. И тому есть серьезные причины.

2. Капитализм — индустриальное рыночное общество

Капиталистическое общество было первым в истории человечества индустриальным обществом. В этом обществе ведущая роль принадлежит не сельскохозяйственному производству, а обрабатывающей промышленности. Переход к индустриальному обществу предполагал появление достаточно крупных хозяйственных ячеек, специализированных на производстве того или иного вида промышленной продукции. Как следствие, для индустриального общества характерно существование необычайного широкого общественного разделения труда. Каждая вещь в таком обществе есть продукт труда не отдельного работника, а множества производителей, занятых в разных отраслях производства и в разных хозяйственных ячейках.

Производство каждого конкретного продукта происходило в одной из множества хозяйственных ячеек, каждая из которых является при капитализме ячейкой частной собственности. Поэтому необходимым условием не просто даже нормального функционирования, а вообще функционирования общественного производства в таком обществе является непрерывная циркуляция средств производства между хозяйственными ячейками и, соответственно, постоянная координация их производственной деятельности.

При капитализме это осуществляется посредством рынка. Все продукты, покидая хозяйственную ячейку, в которой они были созда-

ны, принимали форму товара. Соответственно, непрерывная циркуляция продуктов труда между хозяйственными ячейками происходила как обмена товарами, приобретала форму товарного обращения. Но товарный характер производства при капитализме обусловлен не только и даже не столько разделением труда между хозяйственными ячейками. Он вытекает из самой сути капиталистического производства. И мелкое промышленное (ремесленное) производство, которое тоже было специализированным, предполагало ту или иную форму обмена, в частности и товарообмен. Но ремесленник создавал тот или иной вид продукта для того, чтобы взамен получить набор вещей, необходимых для обеспечения существования и самого себя и своей семьи. На капиталистическом же предприятии продукт создается исключительно для продажи, и целью является получение максимально возможной прибыли. Капитализм без рынка в принципе невозможен.

Каждый товар имеет не только потребительную ценность, но и стоимость, которая выражается в цене. Когда продукт поступает на рынок, цена его не может быть установлена его собственником произвольно. Она зависит не только от его стоимости, но и от спроса и предложения. Когда данного продукта произведено больше, чем нужно, цена на него падает, производить его становится невыгодным, и производство его сокращается или даже совсем прекращается. Если данного продукта производится меньше, чем необходимо, цена на него поднимается, и становится выгодным производить его в большем количестве. Соответственно, производство его растет. Так рынок осуществляет координацию производственной деятельности частновладельческих хозяйственных ячеек.

Цены на рынке все время колеблются, причем независимо от воли и сознания продавцов и покупателей. Капиталист с неизбежностью сталкивается на рынке с конкурентами, предлагающими такой же товар. Чтобы победить соперников, капиталист должен либо продавать по той же цене, что и они, товар более высокого качества, либо предлагать товар того же самого качества, но по более низкой цене. Но существует объективный предел снижения цены — издержки производства. Продавать товар по цене, равной издержкам производства, тем более не окупающей издержек производства, капиталист не может. Он в таком случае с неизбежностью разорится.

Чтобы продавать товар по более низкой цене, чем конкуренты, и в то же время получать прибыль, капиталист должен снизить издержки производства. Один из важнейших способов достижения такой цели — внедрение более совершенной техники и технологии. Но когда он добивается таким образом снижения издержек производства и наносит поражение своим конкурентам, у последних не остается никакого другого выхода, кроме как заняться тем же самым. В противном случае они с неизбежностью разорятся. Так рынок диктует капиталистам, как им действовать.

Капиталист, чтобы выжить, должен непрерывно вести самый точный расчет. Прежде чем заняться производством того или того продукта, капиталист должен прикинуть, во сколько ему обойдется его производство этого товара, найдет ли этот товар сбыт, много ли у него будет конкурентов, как будет складываться рыночная конъюнктура к тому времени, когда его товар поступит в продажу. Каждый капиталист есть не только продавец, но и покупатель. Как продавец он стремится продать свой продукт по возможно большей цене, как покупатель — купить товар как возможно дешевле, но при том по возможности лучшего качества. Необходимостью для него является самое точное калькулирование издержек производства, соотношение цены и качества и т. п., и т. д.

Каждый капиталист стремится к наиболее экономному расходованию имеющихся у него средств, к наиболее эффективному хозяйствованию, к извлечению максимально возможной прибыли при минимально возможных расходах. Все это вместе с целым рядом других моментов дало крупному немецкому социологу Карлу Эмилию Максимилиану (Максу) Веберу (1864–1920) основание охарактеризовать капиталистическое общество как общество рационалистическое и противопоставить ему докапиталистические общества как общества традиционные (1923; 1990).

Капиталистическое общество возникло одновременно как общество индустриальное и общество рыночное. Товарные, а затем и товарно-денежные отношения возникли задолго до капитализма. Рынки встречаются даже в предклассовом обществе, не говоря уже о докапиталистических классовых обществах. Рынки были на Древнем Востоке и в античном мире. Но даже в античном обществе в пору его расцвета, когда товарно-денежные отношения достигли небывалой для древности степени развития, рынок играл в экономике периферийную роль. До капитализма существовали товарно-денежные, но они не образовывали особого общественно-экономического уклада, существовали *экономики с рынком*, но никогда и нигде не было *рыночной экономики*.

Капитализм — высшая форма товарно-денежного производства. При нем товарно-денежные отношения становятся укладом. Капиталистическая экономика — первая в истории человечества рыночная экономика. При капитализме рынок не просто существует и действует. Он является регулятором общественного производства. Рынок при капитализме есть общественная форма, в которой осуществляется процесс производства.

При капитализме все экономические отношения в обществе выступили в форме рыночных, товарно-денежных. И люди в большей степени начали осознавать, что эти отношения существуют независимо от воли и сознания людей, являются отношениями объективными. Рынок представляет собой объективную систему отношений, функционирующую по объективным законам. И когда такого рода рынок

возник, людям ничего другого не оставалось, по крайней мере, в экономической сфере, как приспосабливаться к этой объективной реальности. Рынок не просто существует и действует независимо от сознания людей. Он выступает как объективная сила, заставляющая людей действовать именно так, а не иначе. Он определяет сознание и волю людей, формирует у них определенные мотивы, стимулирует их деятельность, заставляет людей поступать именно так, а не иначе. И это относится не только к капиталистам.

Человек, чтобы жить, должен удовлетворять, по меньшей мере, хотя бы такие свои потребности, как, например, нужды в пище и одежде. В капиталистическом обществе единственный способ получить пищу и одежду — купить их на рынке за деньги. Чтобы иметь деньги, нужно что-то продать. Капиталист продает товары, созданные на его предприятии с помощью принадлежащих ему средств производства. Человек, не имеющий средств производства, может продать только одно — свою рабочую силу. Поэтому ему не остается ничего другого, кроме как искать покупателя этой силы, т. е. стать наемным работником на предприятии капиталиста.

Разумеется, он стремится продать свою рабочую силу по возможности дороже. Капиталист же старается купить ее по возможности дешевле. И когда работник получил заработную плату, он должен рассчитать, как максимально эффективно ее потратить. И перед ним встает проблема наиболее экономного расходования имеющихся средств, но только в отличие от капиталиста в форме вопроса о том, как прожить «от полочки до полочки».

Система рыночных отношений всегда выступает перед людьми, живущими в капиталистическом обществе, как объективная сила. Особенно наглядно это проявляется во время экономических и финансовых кризисов. Перед этими катастрофами люди столь же беспомощны, как и перед природными бедствиями. Они не могут их отворотить, и становятся их жертвами.

Конечно, и при капитализме существует право, существуют волевые отношения собственности. И при капитализме экономические отношения собственности проявляются в правовых отношениях собственности. Каждое действие по обмену, каждая купля-продажа является правовым актом — сделкой, которая регулируется законами государства. Однако не право заставляет людей продавать и покупать, не право вынуждает капиталиста стремиться к извлечению максимальной возможной прибыли, а пролетария — наниматься на работу к нему. Действовать так заставляет рынок.

При капитализме в сфере экономической деятельности в идеале не существует внеэкономического принуждения. Капиталистическая экономика для своего функционирования в принципе в нем не нуждается. И роль права как внеэкономической силы заключается в области экономики в том, чтобы не допустить внеэкономического принуждения. Не право определяет, каким должен быть рынок. Наоборот,

рынок определяет, каким является право. Задача права и государства при капитализме заключается в охране частного собственника и его собственности, в защите его от какого бы то ни было произвола с любой стороны.

Общепризнанно, что для капитализма характерно экономическое принуждение. Но далеко не все делают из этого соответствующие выводы. Ведь бытие экономического принуждения означает, что система экономических отношений выступает как явление, существующее независимо от сознания и воли людей, живущих в этой системе, и прямо, непосредственно заставляющее, принуждающее этих людей действовать именно так, а не иначе, т. е. определяющее их сознание и их волю. И люди, живущие под диктатом экономических отношений, рано или поздно с неизбежностью должны были осознать вначале на уровне обыденного сознания, а затем и теоретически и существование этих отношений, и их объективность, т. е. их независимость от человеческого сознания и человеческой воли.

На житейском уровне осознание диктата товарно-денежных, рыночных отношений происходило не в адекватной форме. Характерная особенность товарного, рыночного производства заключается в том, что отношения людей, втянутых в его процесс, с необходимостью приобретают вещный характер. Иными словами, материальные производственные отношения людей с неизбежностью предстают в их глазах как вне их сознания существующие общественные отношения вещей (Маркс, 23. С. 43–165; 46.1. С. 99–108).

Приняв форму общественных отношений вещей, рынка, система производственных отношений выступает перед людьми как объективная реальность, к которой они должны приспособляться, которая не только не находится под их контролем, а, наоборот, господствует над ними, определяет их экономическую деятельность. «Величины стоимостей, — писал К. Маркс, — непрерывно изменяются, независимо от желания, предвидения и деятельности лиц, обменивающихся продуктами. В глазах последних их собственное общественное движение принимает форму движения вещей, под контролем которого они находятся, вместо того чтобы его контролировать» (23. С. 85). Великий экономист назвал это явление товарным фетишизмом.

Наиболее ярко осознание власти товарно-денежных отношений над людьми как господства над ними вещей проявилось в представлении о владычестве над ними товара, являющегося всеобщим эквивалентом, деньгами — золотом. Достаточно вспомнить знаменитые куплеты Мефистофеля из оперы Шарля Гуно (1818–1893) «Фауст» (1859):

На Земле весь род людской
Чтит один кумир священный.
Он царит над всей вселенной.
Тот кумир — телец златой.
В умилении сердечном, прославляя истукан,

Люди разных каст и стран
 Пляшут в круге бесконечном,
 Окружая пьедестал, окружая пьедестал.
 Сатана там правит бал, там правит бал.
 Этот идол золотой
 Волю неба презирает,
 Насмехаясь, изменяет
 Он закон небес святой.
 В утоженье богу злата
 Край на край идет войной.
 И людская кровь рекой
 По клинку течет булата.
 Люди гибнут за металл, люди гибнут за металл.
 Сатана там правит бал, там правит бал.

(Барбье, Карпе, 1874. С. 6–7)

3. Возникновение политической экономии и ее развитие до середины XIX в.

Таким образом, с возникновением капитализма открытие экономических отношений стало неизбежным. Однако процесс научного осознания их бытия, причем существования объективного, был далеко не прост. С началом становления капитализма стал возникать единый экономический комплекс в масштабах целой страны, подобного которому в истории человечества никогда не существовало. С этого времени начинают говорить о народном, или национальном хозяйстве и его продукте — национальном богатстве, богатстве страны, государства. Все яснее становилось: чем богаче страна, тем она могущественнее. Это побуждало людей, стоящих у власти, принимать меры, способствующие росту богатства страны. Возникает настоятельная нужда в принятии государством определенной линии поведения в области национального хозяйства и претворения ее в жизнь. И экономическая наука возникает первоначально как такая область знания, которая должна помочь людям, стоящим у кормила власти, выработать наиболее правильную, наиболее выгодную для государства экономическую политику.

Первая экономическая концепция и вытекающая из нее практика получили название меркантилизма. Она зародилась в XVI в. Одним из первых представителей этого направления был Антуан Монкретьен (1575/6–1621). Именно ему новая наука была обязана своим названием. В 1615 г. в Руане увидела свет его книга, носившая название «Трактат политической экономии».

Термин экономика возник в результате сочетания двух греческих слов. Первое из них — «ойкос», обозначавшее домовое хозяйство, в состав которого, кроме членов семьи, могли входить зависимые люди,

в частности рабы: второе — «номос» — закон. Уже в античной Греции стали появляться книги, целью которых было научить искусству ведения этого хозяйства. Одна из самых известных «Экономикос» Ксенофонта (ок. 439–355/4 до н. э.) (Ксенофонт, 1993).

Целью А. Монкретьена было подчеркнуть, что в его работе речь идет о ведении не домашнего хозяйства, а хозяйства страны, государства. Греческий термин для обозначения государства — «полития». Отсюда и термин «политическая экономия», т. е. наука об экономике государства, страны.

Уже меркантилисты стремились не только предложить определенную экономическую программу, но и разобраться в сущности самой экономики. Капиталистическая экономика на поверхности выступает как рынок, как система отношений обмена, а люди, втянутые в эту систему, исключительно лишь как продавцы и покупатели. Если принять во внимание, что меркантилисты особое внимание обращали на международную торговлю, то нетрудно понять, почему они занимались в основном лишь сферой обращения. Собственно производством они пренебрегали.

Их прежде всего интересовала прибыль, которая у них сводилась к торговой. Такую прибыль можно было получить одним путем: покупая товары по одной цене, а продавая по другой, более высокой. Поэтому их не мог не заинтересовать механизм образования и изменения цен. Так они подошли к проблеме стоимости и закона стоимости. Но решить ее они не могли. Помимо всего прочего мешало и то, что внешняя торговля, которая находилась в центре их внимания, нередко носила в те времена характер неэквивалентного обмена.

Следующий шаг был сделан двумя выдающимися экономистами XVII в. — англичанином Уильямом Петти (1623–1687) и французом Пьером Лепезаном де Буагильбером (1646–1714). Они явились родоначальниками буржуазной классической политэкономии. Оба они пришли к выводу, что источник богатства нужно искать в сфере не обращения, а производства.

Исследуя стоимость товара, У. Петти пришел к выводу, что она определяется затратами труда. Так, в политическую экономию наряду с обращением был введен труд, а тем самым и производство. У. Петти заложил основы трудовой теории стоимости. Это позволило ему открыть закон стоимости и тем самым проложить путь к пониманию законов движения капиталистического способа производства.

О законах, управляющих обществом, говорили и раньше. Но это были лишь слова. Закон стоимости — первый открытый людьми реальный закон общественного движения. И было совершенно ясно, что этот закон существует и действует независимо от сознания и воли людей. Люди не могут отменить этот закон. Единственное, что остается им: считаться с этим законом, соотносить с ним свои действия. У. Петти одним из первых понял, что в экономике действуют законы

столь же объективные, что и законы природы. Поэтому он назвал их естественными законами, естественными в смысле объективных.

Своеобразие капиталистического способа производства состоит в том, что отношения распределения при нем проявляются в отношениях обмена, и поэтому они не сразу заметны. Если подходить чисто внешне, то создается впечатление, что при капитализме вообще нет отношений распределения, а существуют лишь отношения обмена. Когда У. Петти перенес центр внимания с товарного обращения на производство, стало ясным, что все, чем люди обмениваются, является продуктом труда, и что этот продукт, прежде чем поступить в обращение, должен быть распределен между членами общества. Так было обнаружено, что за отношениями обмена скрываются отношения распределения. У. Петти интересовала не торговая прибыль, а рента, из которой он выводил и промышленную прибыль, и процент. Обращал он внимание и на такую форму получения доли общественного продукта, как заработная плата. У. Петти ставил вопрос о законах, которые естественным образом определяют ренту и заработную плату.

Несмотря на достижения названных выше, а также целого ряда других экономистов, политическая экономия все же так и не стала в их трудах подлинной теоретической дисциплиной. Первая настоящая система политэкономии была создана Адамом Смитом (1723–1790) и изложена в его знаменитом «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776). Другой крупнейший представитель английской (точнее — британской) классической политической экономии — Давид Рикардо (1772–1823), основная работа которого носит название «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817). В трудах этих выдающихся ученых политическая экономия выступила как истинная наука о системе капиталистических экономических отношений.

В центре внимания А. Смита и Д. Рикардо был, конечно, не обмен, не обращение, а производство, причем как сельскохозяйственное, так и промышленное. Но они, как и все вообще политэкономы, занимались исследованием не собственно производства, а той общественной формы, в которой оно осуществлялось, т. е. системы социально-экономических отношений. В их трудах получила глубокую разработку трудовая теория стоимости, а рыночный закон стоимости окончательно выступил как регулятор, координатор и двигатель общественного производства.

Отношения по распределению национального дохода, а не обмена товарами, — важный объект исследования у А. Смита и главный у Д. Рикардо. Результатом было открытие ими классов, на которые распадается капиталистическое общество. «Весь годовой продукт земли и труда каждой страны, или, что то же самое, вся цена этого годового продукта, — писал А. Смит (1962. С. 194), — естественно, распадается, как уже было замечено, на три части: ренту с земли, заработную плату труда и прибыль на капитал — и составляет доход трех различных классов народа: тех, кто живет на ренту, тех, кто живет на заработную

плату, и тех, кто живет на прибыль с капитала. Это три главных и первоначальных класса в каждом цивилизованном обществе, из дохода которых извлекается в конечном счете доход всякого другого класса».

Как явствует из приведенной цитаты, А. Смит прекрасно видел, что в основе распределения национального дохода лежало распределение факторов производства. В основе получения ренты лежала собственность на землю, в основе получения прибыли — собственность на капитал, т. е. на средства производства, заработную плату получали люди, которые могли предложить лишь свой труд.

Со всей отчетливостью это было сформулировано Д. Рикардо, который писал: «Продукт земли — все, что получается с ее поверхности путем соединенного приложения труда, машин и капитала, — делится между тремя классами общества, а именно: владельцами земли, собственниками денег или капитала, необходимого для ее обработки, и рабочими, трудом которых она обрабатывается» (Рикардо, 1955. С. 30).

Выявив, что земельная рента представляет собой вычет из прибыли капиталиста, Д. Рикардо, по существу, свел три класса капиталистического общества к двум основным. А далее им был четко сделан вывод об обратной зависимости размеров прибыли и заработной платы. Стоимость национального дохода распадется на заработную плату и прибыль (включая ренту). Увеличение прибыли капиталиста достигается за счет уменьшения заработной платы, возрастание заработной платы означает сокращение прибыли. Отсюда у Д. Рикардо вытекает вывод о принципиальной противоположности классовых интересов буржуазии и пролетариата.

Вполне понятно, что и А. Смит, и Д. Рикардо рассматривали экономические отношения как объективные, как не только не зависящие от сознания и воли людей, но, наоборот, определяющие их сознание и волю, по крайней мере в сфере обращения и производства. У них не было сомнения в объективности экономических законов.

Как подчеркивал А. Смит (1962. С. 332), каждый капиталист «преследует лишь собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится сделать это». Под «невидимой рукой» А. Смит понимает здесь стихийное действие объективных законов капиталистической экономики.

Когда классики британской политической экономики окончательно пришли к выводу об объективном характере экономических отношений, то перед ними, пусть в неявной форме, встал вопрос: а почему в Англии и не только в ней существуют именно такие, а не иные экономические отношения? И ответ, который давался ими, был довольно прост: потому что иных экономических отношений быть не может. Они существовали всегда, ибо вытекают из самой природы человека.

Охарактеризовав огромное прогрессивное значение разделения труда, А. Смит (1962. С. 27) писал: «Разделение труда, приводящее к таким выводам, отнюдь не является результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей то общее благосостояние, которое будет порождено им; оно представляет собой следствие — хотя очень медленно и постепенно развивающееся — определенной склонности человеческой природы, которая отнюдь не имела ввиду такой полезной цели, а именно склонности к торговле, к обмену одного предмета на другой. В нашу задачу в настоящий момент не входит исследование того, является ли эта склонность одним из основных свойств человеческой природы, которым не может быть дано никакого дальнейшего объяснения, или, что представляется более вероятным, она является необходимым следствием способности рассуждать и дара речи? Эта склонность обща всем людям и, с другой стороны, не наблюдается ни у какого другого вида животных...»

Нарисовав в своей работе картину исторического развития от падения Западной Римской империи до своего времени, упомянув о существовании у древних греков и римлян рабства, а в средневековой Западной Европе — крепостных крестьян, А. Смит тем не менее упорно утверждает, что в каждом цивилизованном обществе всегда существуют одни и те же классы: получателей земельной ренты, получателей прибыли на капитал и людей, живущих на заработную плату. Буржуазное общество он считает единственно возможным, естественным и вечным.

Такого мнения придерживалось первоначально большинство экономистов. «Новая наука, — писал Ф. Энгельс (20. С. 155), — была для них не выражением отношений и потребностей их эпохи, а выражением вечного разума; открытые ею законы производства и обмена были не законами исторически определенной формы исторической экономической деятельности, а вечными законами природы: их выводили из природы человека. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что этот человек был просто средним бюргером того времени, находившимся в процессе своего превращения в буржуа, а его природа заключалась в том, что он занимался производством и торговлей на почве тогдашних, исторически определенных отношений».

Однако, с накоплением знаний экономистам становилось все труднее игнорировать существование и других, кроме капиталистической, экономических систем. Многими из них выход был найден опять-таки в той же человеческой природе. Люди склонны не только обмениваться, но и прибегать к насилию. И в результате применения силы единственная естественная экономическая система могла быть искажена или даже полностью разрушена, заменена, разумеется, лишь на время, неестественной, извращенной, искусственной системой.

Как писал по этому поводу К. Маркс (4. С. 142): «Экономисты употребляют очень странный прием в своих рассуждениях. Для них существуют только два рода институтов: одни — искусственные, другие — естественные. Феодалы институты — искусственные, бур-

жузные — естественные. В этом случае экономисты похожи на теологов, которые тоже устанавливают два вида религий. Всякая чужая религия является выдумкой людей, тогда как их собственная религия есть эманация бога».

Но уже в начале XIX в. появились и такие экономисты, которые не только поставили вопрос о существовании и иных экономических систем, кроме капиталистической, но и попытались дать им определенную характеристику. К числу их прежде всего относится Ричард Джонс (1790—1855). Ему принадлежит несколько работ, из числа которых прежде всего следует отметить «Опыт о распределении богатства и об источниках налогов» (1831), «Вводная лекция по политической экономии» (1833), «Лекции о труде и капитале» (ок. 1833), «Политическая экономия народов» (1852).

Р. Джонс исходит из того, что политическая экономия есть наука, изучающая законы производства и распределения общественного богатства. Установив, что в разные эпохи и в разных странах общественное богатство (т. е. общественный продукт) создается и распределяется по-разному, он вводит понятие об особых, специфических формах производства и распределения общественного богатства.

Для обозначения этих особых форм общественного производства Р. Джонс использует словосочетания «способ производства и распределения», «способ распределения» и «способ производства». Под способом распределения и производства он понимает, то (1) лишь особую систему экономических отношений, являющуюся общественной формой, в которой идет производство, то (2) все производство в целом, но взятое именно в данной специфической общественной форме, т. е. особое, конкретно-историческое производство.

Способ производства и распределения, понимаемый как система экономических отношений, образует экономический строй, экономическую структуру, экономическую организацию, скелет общества, который определяет все прочие существующие в нем социальные отношения и различные проявления его духовной жизни. Поэтому существуют различные формы общества.

У Р. Джонса много говорится о развитии производства. Способы производства и распределения выступают у него как ступени экономического развития. В историческом развитии человечества происходит смена способов производства и распределения богатства. Он говорит также о стадиях развития производительных сил. Но сколько-нибудь четкое представление об отношении между системой экономических связей и производительными силами общества у него отсутствует. Он лишь в самом общем виде говорит о влиянии способов распределения общественного богатства на производительные силы. Ничего определенного не может он сказать об источниках развития производства.

Но для него несомненно, что развитие производства и преобразования в экономической структуре общества приводит к изменениям во всем обществе. «Изменения в экономической организации

общества, — писал Р. Джонс (1937б. С. 320–321), — сопровождаются крупными политическими, социальными, моральными и интеллектуальными изменениями, затрагивающими те обильные или скудные средства, при помощи которых осуществляются задачи хозяйства. Эти изменения неизбежно оказывают решительное влияние на различные политические и социальные основы соответствующих народов, и влияния эти распространяются на интеллектуальный характер, обычаи, манеры, нравы и счастье народов». С изменением экономического строя изменяется форма общества. На каждой новой ступени экономического развития общество обретает новую форму. Поэтому он пишет не только о различных формах, но и этапах развития общества.

То, что экономическая структура общества определяет все его основные особенности, у Р. Джонса не вызывает никакого сомнения. Отсюда он делает очень важный вывод: «Только точное познание этой структуры может дать нам ключ к пониманию минувших судеб различных народов мира, вскрывая их экономическую анатомию и показывая таким образом наиболее глубокие источники их силы, элементы их учреждений и причины их обычаев и характера... Нет ни одного периода древней или новой истории, на который обстоятельное знание различий и изменений в экономической структуре наций не проливалось бы ясного и постоянного света. Именно такого рода знание должно научить нас понимать тайные чудеса древнего Египта, могущество его монархов, великолепие его памятников; военную силу, с которой Греция отбивала легко возобновляемые мириады войск великого царя; юную мощь и длительную слабость Рима; преходящую силу феодальных государств; более постоянную мощь современных наций Европы...» (Джонс. 1937а. С. 221).

Великая заслуга Р. Джонса заключается в том, что он первый с предельной четкостью сделал вывод, который с необходимостью напрашивался из открытия экономических отношений и выявления их объективного характера, а именно о том, что экономические отношения, возникая и существуя вне и независимо от сознания и воли людей, определяют их сознание и волю и тем самым их поведение не только в сфере экономики, но и других областях человеческой деятельности.

Можно спорить о том, кто стоял у самых истоков того понимания основы общества и движущих сил истории и тем самым самой истории, которое в последующем получило название экономического детерминизма, но, безусловно, что его основные положения сформулированы Р. Джонсом с предельной ясностью.

В своих работах он главное внимание уделяет обществам, в которых господствовало земледелие. По существу им было введено понятие аграрного общества, отличного от промышленного, индустриального. Хотя он признает существование первобытного общества, но оно находится за пределами его исследования. Согласно его точке зрения, там, где люди занимаются земледелием, земля всегда находится в собственности немногих, и, соответственно, там уже существует земельная рента.

В центре его внимания — земельная рента, которую он называет просто рентой. Люди, составляющие любое сельскохозяйственное общество, прежде всего подразделяется на тех, кто платит ренту, и тех, кто ее получает. Ренту получают владельцы земли от людей, которые обрабатывают принадлежащую первым землю. Система отношений между владельцами земли и теми, кто на ней работает, — главные связи внутри сельскохозяйственного общества.

Таким образом, и здесь перед нами предстает система экономических отношений, причем столь же естественная, как и капиталистическая, но только качественно иная. И здесь в основе отношений по распределению общественного продукта лежат не произвол, не насилие, а отношения по распределению средств производства, но только в данном случае, прежде всего земли. Эта система также с неизбежностью порождает общественные классы, но иные, чем при капитализме. Рентные отношения образуют скелет сельскохозяйственного общества и определяют его социальные, политические и моральные особенности. Поэтому изучение ренты дает ключ к пониманию такого общества. Рента, которую платят люди, обрабатывающие землю, ее владельцам, Р. Джонс называет первичной, или крестьянской. Существуют разные формы крестьянской ренты, которые Р. Джонс подвергает исследованию.

Самая древняя форма ренты с незапамятных времен существовала и продолжает существовать в Азии. Ее Р. Джонс именует рентой райятов (райотов). Единственным собственником земли является здесь правитель государства, монарх. Поэтому все земледельцы страны обязаны платить ему ренту. Полученные доходы монарх использует на содержание своего двора, чиновничьего аппарата и армии. Люди, занимающиеся ремеслом, обслуживают монарха и его двор. Как следствие, никакой общественной силой они не являются. Когда монарх переносит столицу, все ремесленники и торговцы переселяются вслед за ним, и старый город хиреет и исчезает. Так как не существует никакой социальной силы, которая могла бы ограничить власть монарха, в подобном государстве господствует деспотизм.

Для такого общества характерно стремление к непрерывному росту земельной ренты. Рост ренты при неизменном характере производства ведет к разрушению производительной способности райятов. Это в конце концов приводит государство к краху. На месте могущественной империи остаются руины.

Таким образом, Р. Джонс впервые дал экономический анализ того способа производства, который впервые был описан французским философом и путешественником Франсуа Бернье (1620–1688) в книге «История последних политических потрясений в государстве Великого Могола» (1670–1671; Бернье, 2008) и в последующее время получил название азиатского способа производства. В Европе в прошлом, по мнению Р. Джонса, также преобладали такие же порядки, а затем они приняли смягченные формы и, наконец, исчезли.

В земледельческом обществе более позднего типа существует класс крупных землевладельцев. Они сами ведут хозяйство при помощи чужих рабочих рук. Чтобы избавиться от забот по пропитанию работников, хозяева земли выделяют им участки, чтобы те могли сами содержать себя. А за это землевладельцы требуют от их работы на остальной земле. Это — рента трудом. При такой форме ренты крестьянин находится в личной зависимости от землевладельца. Земельная аристократия, имея собственный источник дохода, не зависящий от воли монарха, ограничивает власть последнего. Р. Джонс неоднократно употребляет слово «феодализм», но понимает под ним систему иерархических отношений внутри класса землевладельцев. Поэтому, с его точки зрения, феодализм существовал только в Западной Европе и лишь в Средние века.

Неэффективность такого рода хозяйства делает неизбежным замену его издольной арендой. При такой форме землевладелец предоставляет работнику землю и снабжает его капиталом. Крестьянин-арендатор самостоятельно ведет хозяйство и платит землевладельцу ренту продуктами. Он является лично свободным человеком.

В земледельческом обществе с издольной арендой проявляются ремесленники. Некоторые из них, разбогатея, начинают нанимать работников. Так возникает класс капиталистов, отличный от классов наемных рабочих, землевладельцев и земледельцев. Этот класс иногда появляется и в сельском хозяйстве и берет в свои руки земледелие. Таких капиталистов обычно называют фермерами. Ренту, которую они платят земледельцам, можно назвать вторичной, или фермерской.

В целом же при капитализме центр тяжести перемещается с земледелия на промышленность. Основная масса населения капиталистического общества не занимается земледельческим трудом. Капитал выступает как мощный двигатель производительных сил. Рост капитализма приводит к появлению и широкому использованию машин. Но и капитализм является преходящей формой общественного производства и общественного устройства. На смену ему рано или поздно придет новый строй, при котором рабочие станут собственниками средств производства.

В трудах Р. Джонса был сделан большой шаг вперед в понимании развития общества. Он увидел источник общественных идей, и основу общества в системе социально-экономических отношений. Однако дать ответ на вопрос, чем определяется характер социально-экономических отношений, а тем самым и на вопрос, почему в одну эпоху существуют одни социально-экономические отношения, а в другую — иные, и почему одна социально-экономическая система сменялась в истории человечества другой, он оказался не в состоянии. Поэтому он не смог до конца открыть объективное социальное бытие и, соответственно, создать целостную концепцию основы общества и движущих сил истории. Эту задачу решили только К. Маркс и Ф. Энгельс.

**Проблема докапиталистических способов
производства в экономической науке
второй половины XIX – начала XXI в.**

На основе обобщения данных исторической, экономической и других общественных наук К. Марксом и Ф. Энгельсом был сделан вывод о зависимости типа существующих в обществе социально-экономических отношений от уровня развития его производительных сил. Уровень производительных сил общества определяет существующую в нем систему социально-экономических (производственных) отношений. Развитие производительных сил общества рано или поздно ведет к тому, что одна система экономических отношений сменяется качественно иной их системой. А вместе с тем меняется и тип общества: одна общественно-экономическая формация сменяется другой, более прогрессивной.

Как мы уже видели, к выводу о том, что система социально-экономических отношений, существуя независимо от сознания и воли людей, определяет их сознание и волю в явной или неявной форме пришли экономисты еще до Маркса. Но никто из них не мог объяснить, откуда берется их объективность, почему эти отношения являются именно такими, а не иными. Ссылка на природу человека ничего в этом отношении не давала.

К. Маркс и Ф. Энгельс впервые нашли объективную, независимую от сознания и воли людей основу социально-экономических отношений — уровень развития производительных сил. И тем самым эти отношения впервые выступили у него как отношения объективные и только объективные, как отношения определяющие сознание и волю людей и в то же время ни прямо, ни косвенно не зависящие от их сознания и воли. Так, наконец, было открыто объективное социальное бытие, так марксизмом наконец-то была решена проблема, над которой бились целые поколения мыслителей.

К. Маркс и Ф. Энгельс прекрасно понимали, что капиталистическая система экономических отношений является не единственно существующей. Они не сомневались, что кроме нее существуют и другие экономические системы, качественно отличные от буржуазной, и что они тоже нуждаются в исследовании. Помимо теории капиталистической экономики должны существовать теории и иных экономик.

Ф. Энгельс впервые ввел четкое разграничение между наукой о капиталистической экономике — политэкономией в узком смысле слова — и наукой о всех вообще экономических системах — политэкономией в широком смысле. Политэкономия в узком смысле (политэкономия капитализма) является частью политэкономии в широком смысле наряду с другими ее частями, для обозначения которых Ф. Энгельс также употреблял термин «политическая экономия», дополняя его названием экономической системы, являющейся объектом исследования. «Политическая экономия, в самом широком смысле, — писал он, — есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе» (Энгельс, 20. С. 150).

И тут же он подчеркивал, что политическую экономию в широком смысле нельзя понимать как одну единую универсальную экономическую теорию, как теорию экономики вообще. Она неизбежно должна включать в свой состав столько теорий, сколько имеется особых систем общественного производства.

«Условия, при которых люди производят продукты и обмениваются ими, — указывал Ф. Энгельс (20. С. 150–151), — изменяются от страны к стране, а в каждой стране, в свою очередь, — от поколения к поколению. Политическая экономия не может быть поэтому одной и той же для всех стран и всех исторических эпох... Кто пожелал бы подвести под одни и те же законы политическую экономию Огненной Земли и политическую экономию современной Англии — тот, очевидно, не дал бы ничего, кроме самых банальных общих мест. Таким образом, политическая экономия по своему существу — *историческая наука*. Она имеет дело с историческим, т. е. постоянно изменяющимся материалом, она исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена, и лишь в конце этого исследования она может установить немногие, совершенно общие законы, применимые к производству и обмену вообще».

Вводя понятие политэкономии в широком смысле, Ф. Энгельс одновременно указывал, что такой науки пока не существует. «Однако политическая экономия как наука об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, в каждом данном обществе совершается распределение продуктов, — политическая экономия в этом широком смысле еще только должна быть создана. То, что дает нам до сих пор экономическая наука, ограничивается почти исключительно генезисом и развитием капиталистического способа производства...» (20. С. 153–154).

С предложенным Ф. Энгельсом разграничением экономической науки в широком и узком смыслах слова нельзя не согласиться. Но возникает проблема обозначения. Словосочетание «политическая экономия» более или менее подходит для наименования науки не только

о капиталистической экономике, но и экономике докапиталистических классовых обществ, ибо там везде было государство (полития). Но в первобытную эпоху государства не существовало. Поэтому термин «политическая экономия» явно не подходит для обозначения науки о социальной экономике первобытного общества, а тем самым и науки о социальной экономике всех вообще человеческих обществ. Лучше всего ее было бы именовать не политической экономией (политэкономией), а *социальной экономией (социоэкономией)*. Кстати именно так и делают некоторые исследователи первобытной экономики (Part, 1935; Oberg, 1972; Wenzel, Hovelsrud-Broda, Kishigani, 2000).

Возвращаясь к приведенному выше высказыванию Ф. Энгельса, отмечу, что оно относится к 1877 г. За годы, прошедшие с тех пор, в мире произошли колоссальные изменения. Но они меньше всего затронули положение дел в рассматриваемой области, несмотря на то, что представление об историческом характере экономики получило некоторое распространение и за пределами марксистской экономической науки. Исторический подход к экономике был свойственен представителям новой (молодой) исторической школы в политэкономии, в частности Карлу Вильгельму Бюхеру (1847–1930), и целому ряду других экономистов. Однако, хотя отдельные попытки и предпринимались, никому из экономистов до сих пор не удалось создать теории ни одной докапиталистической экономической системы.

Причин этому немало. Одна из них заключается в том, что политическая экономия возникла как наука о современной ей системе общественного производства. Появление ее диктовалось практической нуждой. Она была нужна и классу капиталистов и государству. Поэтому власть имущие содержали экономистов и хорошо оплачивали их труд. В разработке же экономических систем, которые исчезли, ушли в прошлое, практической потребности не было. Да и исследовать их было нелегко: ведь они к тому времени уже не существовали, их нужно было, опираясь на источники, мысленно реконструировать. А этим экономисты никогда не занимались и не имели навыков такой работы. Исследование экономических систем нужно было лишь историкам, причем не всем, а лишь тем, которые пришли к выводу о том, в основе общества лежит экономик. Но заниматься этим было трудно. Они же не были экономистами. К тому же подлинное исследование той или иной ушедшей в прошлое экономической системы предполагало создание ее теории. А к этому делу историки были непривычны. История носила и сейчас носит в основном нарративный, описательный характер. В отличие, например, от физики, в которой фигура физика-теоретика обычна, историков-теоретиков практически нет.

И еще одна, очень важная причина — изменение характера самой экономической науки. Представители классической буржуазной политэкономии не ограничивались описанием экономической деятельности людей, они стремились проникнуть в сущность изучаемых

явлений, выявить скрытую за ними и проявляющуюся в них систему социально-экономических отношений. Все это позволило буржуазным экономистам создать пусть не вполне совершенную, но тем не менее настоящую научную теорию капиталистической экономики. Ядром ее была идея о том, что стоимость товара определяется временем, общественно необходимым для его создания.

С утверждением буржуазии у власти и выходом на первый план классовой борьбы между нею и рабочим классом положение в буржуазной экономической науке радикально изменилось. Как писал К. Маркс (23. С. 17–18): «Буржуазия во Франции и в Англии завоевала политическую власть. Начиная с этого момента, классовая борьба, практическая и теоретическая, принимает все более ярко выраженные и угрожающие формы. Вместе с тем пробил смертный час для научной буржуазной политической экономии. Отныне дело шло уже не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, а о том, полезна она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям насмешных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой... Люди, все еще претендовавшие на научное знание и не довольствовавшиеся ролью простых софистов и сикофантов господствующих классов, старались согласовать политическую экономию капитала с притязаниями пролетариата, которые уже нельзя было игнорировать. Отсюда тот плоский синкретизм, который лучше всего представлен Джоном Стюартом Миллем. Это банкротство буржуазной политической экономии, что мастерски показал в своих „Очерках из политической экономии (по Миллю)“ великий русский ученый и критик Н. Чернышевский».

В результате буржуазная политическая экономия оказалась не только неспособной развивать дальше свою теорию. Она стала отказываться от прошлых своих достижений в этой области. Нужно было опровергнуть марксову теорию прибавочной стоимости. Но для этого нужно было отбросить трудовую теорию стоимости, созданную классиками буржуазной политэкономии. И это было сделано. В конце концов возникло неоклассическое направление в экономической науке, оформившееся в последней трети XIX в. в трудах Уильяма Стэнли Джевонса (1835–1882), Карла Менгера (1840–1921), Альфреда Маршалла (1841–1924), Джона Бейнса Кларка (1847–1938) и др. В основу его легла теория предельной полезности. Это течение именуют также субъективной школой в экономике, маржинализмом (от франц. *marginal* — предельный), формальной экономической теорией, или просто формальной экономикой.

Суть сдвига, который произошел в буржуазной экономической науке, состоял в том, что она стала ограничиваться изучением только явлений, лишь экономической деятельности людей, их экономическое поведение, отказавшись от проникновения в их сущность, от исследования экономических отношений. Как следствие, в данной области

знания исчезла теория. Накапливались факты, делались частные обобщения, создавались концепции, но ни одна из них не была подлинной теорией. Экономическая наука перестала быть наукой в точном смысле слова. Это выразилось, в частности, и в изменении самого названия этой сферы знания. Словосочетание «политическая экономия» стало все чаще заменяться словом «экономикс» (economics).

Кризис современной буржуазной экономической науки не могли не заметить наиболее дальновидные из ее представителей. Президент Королевского экономического общества Генри Фелпс Браун в своем обращении к съезду общества 8 июля 1971 г. отметил, что используемые в «экономикс» теоретические модели не воспроизводят преобладающие тенденции реального мира и поэтому не могут помочь тем, кто пытается диагностировать и предвидеть движение реальной экономики (Phelps Brown, 1972. P. 2.). Как подчеркнул он, именно это расхождение между экономикс и практическими проблемами «есть причина разочарования и беспокойства не только тех, кто занимается решением этих проблем, но также и тех, кто озабочен развитием экономикс как науки» (P. 2.). Поэтому он считал необходимым привлечь к данной ситуации внимание членов Экономического общества.

Дэвид Уорсвик в работе «Возможен ли прогресс экономической науки?» (1972) писал, что «сейчас существуют целые направления абстрактной экономической теории, не имеющие связи с конкретными фактами и почти не отличимые от чистой математики» (Worswic, 1972. P. 78.). Поэтому, если прогресс в этой науке возможен, то крайне незначительный. В том же году появилась книга Бенджамина Уорда «Что же все-таки неладно с экономикс?», в которой говорится о теоретическом кризисе этой науки. Как констатирует автор: «Желание систематически сопоставлять теорию с фактами не было заметной чертой этой дисциплины» (Ward, 1972. P. 173).

В книге Марка Блауга «Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют» (1992; Блауг, 2004) целая глава носит название «Кризис экономической теории».

«Утратив все свои корни в обществе, — пишут американские экономисты Джон Беллами Фостер и Фред Мэдофф (2008. С. 178), — ортодоксальная неоклассическая экономика, презентовавшая себя как единственную парадигму, стала дисциплиной, в которой доминируют бессмысленные абстракции высокого уровня, механистические модели, формальные методологии и математический язык, отвлеченные от исторического развития. Это — все, что угодно, но не знание о реальном мире; скорее, основное значение так понимаемой экономики заключено в ее роли саму себя подтверждающей идеологии».

«Я думаю, — говорил в интервью, данном в 2010 г., крупный американский экономист Кеннет Джозеф Эрроу, — что господствующее сейчас направление экономической науки не дает ответа на многие вопросы» (см.: Гринберг Р., Рубинштейн А., 2010. С. 16). И в заключение приведу название статьи, написанной в том же году восьмью

западными экономистами (Д. Коландером, А. Кирманом, Г. Фельмером, А. Хаасом, М. Голдбергом, К. Джелиусом, Т. Люке и В. Слотом), — «Финансовый кризис и провалы современной экономической науки» (Коландер и др., 2010.).

Но если неоклассическая экономическая наука оказалась совершенно неспособной к теоретической разработке объекта, которым она специально занимается, — капиталистической экономики, то что можно ожидать от нее в области совершенно чуждых ей докапиталистических экономических систем.

В современной западной экономической науке существует три основных точки зрения на экономику.

Прежде всего, до сих пор продолжает существовать отчасти в прямом, отчасти в завуалированном виде тот взгляд, который был присущ А. Смиту и Д. Рикардо. По-прежнему многие западные экономисты (и не только экономисты) убеждены, что рыночные капиталистические отношения, а тем самым и их законы являются единственно естественными и, соответственно, вечными, а все прочие отношения порождены насилием и искусственны. С такой точки зрения единственной экономической теорией может быть только теория капиталистической экономики.

В период перестройки и в постсоветское время взгляды западных экономистов по рассматриваемому вопросу были подхвачены и стали упорно пропагандироваться и навязываться нашему обществу не только публицистами, но и специалистами в области экономики.

Вот, например, что писал доктор экономических наук (ныне еще и академик) Николай Петрович Шмелев еще в 1989 г.: «...Законы природы и законы экономики — это одно и то же... Либо сила, либо рубль — иного выбора в экономике не было и нет от века, от Адама и до наших дней. Не мы первые (и не мы последние), кто пытался сделать ставку на силу... Люди жили до нас и будут жить после нас. И неужели мы еще недостаточно убедились, что стимулы к добросовестному, творческому труду везде, во всем мире, одинаковы, будь то Америка, или Япония, или Европа, или Соломоновы острова? Да-да — одинаковы!» (Шмелев, 1989. С. 129–130).

Исходя из такого убеждения, Н. П. Шмелев устраивает головойой-ку египетским фараонам, которые вместо того чтобы следовать законам рынка, силой принуждали людей строить совершенно нерентабельные пирамиды. И Рим просуществовал всего каких-то там 12 веков лишь потому, что вместо рубля сделал ставку на силу. Остается при этом совершенно непонятным, какая же сила заставила пренебречь рублем Адама и Еву, т. е. первобытных людей.

Сходных мнений придерживается и другое светило нашей экономической науки — академик Николай Яковлевич Петраков. На первых страницах книги «Русская рулетка. Экономический эксперимент ценой 150 миллионов жизней» (М., 1998) он категорически утверждает,

что рынок органически присущ экономике, что экономика без рынка невозможна (Петраков, 1998. С. 7–9) Снова возвращаясь к этому вопросу, он пишет: «Выше мы уже имели основания поверить в неизбежность рынка как формы существования экономики. Рынок невозможно отменить, закрыть, уничтожить, как невозможно отменить заход и восход Солнца, пока существуют Земля и Солнце» (С. 36).

Но одновременно мы узнаем, что рынок возник не сразу, что «он представляет собой одно из важнейших достижений цивилизации» (С. 43). Далее сообщается, что «тот или иной строй экономических отношений отличается от другого (например, первобытнообщинный от рабовладельческого, феодальный от буржуазного) мотивацией поведения участников хозяйственного процесса. Это — основополагающий момент» (С. 50) Но ведь если экономика может быть только рыночной, то никаких других мотивов хозяйственной деятельности, кроме рыночных, быть не должно. Именно из этого исходил Н. П. Шмелев, когда утверждал, что стимулы к труду везде одинаковы. Он, по крайней мере, в этом был последователен, чего не скажешь о Н. Я. Петракове, который, кстати, в другой своей работе писал о наличии у человека «естественного, органически соответствующего природе человека импульса» к продолжению производственной деятельности (Петраков, 1992. С. 5).

Таким образом, у Н. Я. Петракова в «Русской рулетке» получается, что, с одной стороны, экономика может быть только рыночной и никакой иной, а с другой — могут существовать и существуют качественно различные экономики: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, буржуазная, в которых действуют разные мотивы хозяйственной деятельности.

Буржуазная экономика — бесспорно рыночная, в ней действуют рыночные стимулы. В других экономиках действуют иные, — выходит нерыночные мотивы. Значит, они являются нерыночными экономикami. И, наконец, Н. Я. Петраков прямо признает, что в СССР не было рынка, что советская экономика была нерыночной, безрыночной (1998. С. 195–194) Получается, что восход и заход солнца все же можно отменить.

Стремясь обосновать взгляд на рыночную экономику как единственно могущую существовать, Н. Я. Петраков заявляет, что в противном случае пришлось бы допустить, что рынок есть «историческая случайность или промежуточная форма экономических отношений» (С. 8). Но рынок — явно не случайность и не промежуточная форма экономических отношений. Отсюда вывод, что рынок — всеобщ и вечен. Но ведь возможен и еще один ответ: рыночная экономика — закономерно возникающая историческая стадия в развитии человеческой экономики.

Одна из попыток обосновать естественность и неизбежность капиталистических отношений была предпринята известным «демокра-

тическим» т. е. буржуазным, публицистом Львом Михайловичем Тимофеевым в целом ряде сочинений, прежде всего в книге «Институциональная коррупция. Очерки теории» (М., 2000). Суть его рассуждений довольно проста. Всегда, в любые эпохи людям был присущ совершенный одинаковый здравый смысл. «Здравый смысл, — пишет автор, — это неуловимое, но фундаментальное свойство личности, приводящее ее — и обеспечивающее принадлежность — к очевидному всеединству человечества, всеединому опыту человечества. Этот опыт не знает временного фактора. Он метафизичен и абсолютен. Он единожды и навечно дан Господом — на всю историю человечества» (Тимофеев, 2000. С. 171).

Этот здравый смысл с неизбежностью требует строго определенных отношений — отношений даже не просто частной собственности, но рыночных, капиталистических. Большевики, взяв власть в 1917 г., силой, путем репрессий навязали российскому обществу совершенно чуждую здоровому человеческому смыслу коммунистическую доктрину и тем оторвали его от исторического опыта человечества. Но здравый смысл все равно восторжествовал — в форме теневой экономики, коррупции. Поэтому коррупция в российском обществе должна не осуждаться безоговорочно, как это делается, а «рассматриваться как явление положительное разумное, как проявление здравого смысла в экономическом поведении человека» (С. 7). Не трудно понять реальные истоки концепции Л. М. Тимофеева. Они диктуются стремление оправдать современную коррупцию и современных российских коррупционеров. Последние — не преступники, а носители общечеловеческого здравого смысла. Поэтому они достойны не осуждения, а прославления.

Нельзя не обратить внимание и на то, насколько же деградировали взгляды современных защитников вечности капитализма. Если А. Смит искал естественные причины существования рыночных отношений, то Л. М. Тимофеев апеллирует к богу, что выводит его концепцию за пределы науки.

В рассуждениях сторонников данной точки зрения нет никакого сколько-нибудь ясного ответа на вопрос, существует ли в обществах, в которых отсутствует рыночная капиталистическая экономика, хотя бы какая-то экономика. И понятно почему. Если признать, что в таких обществах экономика все же существует, то это ведет к выводу о бытии некапиталистических экономик. А это идет вразрез с их исходным основным тезисом.

И объявление таких экономик ненормальными искусственными не дает выхода из создавшегося положения. Ведь эти экономики, как они сами же признают, существовали сотни (Римская империя — Н. П. Шмелев) и даже тысячи лет (первобытное общество — Н. Я. Петраков; Древний Египет — Н. П. Шмелев). А если принять во внимание совершенно твердо установленный исторической наукой факт возникновения капитализма всего-навсего четыреста-пятьсот лет тому назад,

то получается, что почти вся история человеческого общества была историей существования и смены ненормальных экономик.

Не решаются сторонники рассматриваемой точки зрения и прямо признать, что в некапиталистических обществах никакой экономики вообще не было. В результате все их построение, как можно было видеть на примерах работ П. Н. Шмелева и Н. Я. Петракова, насквозь эклектичны. Эти люди противоречат сами себе на каждом шагу.

Представители *второго* направления решительно отвергают изложенный взгляд «Многие говорят о капитализме, — пишут крупные американские экономисты Роберт Л. Хейлбронер (1919–2005) и Лестер Карл Туроу, — будто он столь же стар, как мир и как Библия. Подразумевается, что в этой системе есть нечто, соответствующее человеческой природе. Однако это не так. Никто никогда не называл египетских фараонов капиталистами. Греки, о которых писал Гомер, не жили в обществе свободного предпринимательства, хотя в Древней Греции были лавочники и купцы. И средневековая Европа не была капиталистической. Никто не употребил бы это слово для характеристики блистательных цивилизаций Индии и Китая, описанных Марко Поло, ни великих империй Древней Африки, ни исламских держав, представление о которых дает „Тысяча и одна ночь“» (Хейлбронер, Туроу, 1994. С. 5–6).

Характеризуя названные некапиталистические общества, авторы подчеркивают: «Ни одно из этих обществ не обладало главным атрибутом капитализма — рыночной системой. Конечно везде были рынки, где продавались специи, золото, рабы, ткани, посуда и провизия. Но ни в древних Азии и Африке, ни в Египетском царстве и Римской империи мы не видим ничего похожего на обширную сеть всевозможных договоров и сделок, связывающих всю нашу экономику» (С. 6–7).

И из всего сказанного Р. Хейлбронер делает вывод, что экономика существует только при капитализме, в некапиталистических странах ее нет. Поэтому экономическая наука не может, как полагает немалое число экономистов, претендовать на универсальность по отношению к обществу. Она должна ограничиться исследованием единственно существующей экономики — капиталистической. «Я намерен начать, — пишет Р. Хейлбронер (1993. С. 42), — рассмотрение имперских претензий экономической науки с изучения ее места и роли в изучении тех социальных формаций, на которые приходится большая часть человеческой истории, а именно первобытного и командного общества. Главная моя мысль может быть сформулирована кратко: в этих обществах предмет нашей науки, то есть экономика как таковая, отсутствовал. На протяжении большей части своей истории человечество прекрасно обходилось без всякой экономики».

Критикуя взгляд на экономическую науку как на универсальную, Р. Хейлбронер имеет в виду вовсе не ту точку зрения, которая была изложена выше в качестве первой. Как явствует из сказанного он считает

ее во всех отношениях противоречащей действительности и не принимает всерьез. Кстати, такового мнения придерживается большинство современных буржуазных экономистов. Это только наши академики, ранее рьяно повторявшие марксистские истины, могли польститься на эту рухлядь. Но ренегаты всегда ренегаты. В своем усердии доказать свою приверженность новой вере они всегда перехлестывают через край.

Р. Хейлбронер имел в виду представителей совсем другого направления, *третьего* по счету в данном разделе. Это уже известные нам маржиналисты.

Политическая экономика возникла как наука исключительно о рыночной капиталистической экономике. Поэтому созданное ей понятие экономики относилось только к этой экономике и никакой другой. С накоплением материала об экономиках, отличных от капиталистических, перед экономистами встал выбор, либо, сохранив прежнее понятие об экономике, заявить, что в некапиталистических обществах никакой экономики нет, либо выработать другое понятия экономики, такое, под которое подошли и капиталистическая и некапиталистические экономики. По первому пути пошли экономисты, взгляды которых нашли свое четкое выражение в работах Р. Хейлбронера. По второму — маржиналисты.

Исходный пункт маржиналистского учения — не понятия товара, товарообмена и рынка, прибыли, заработной платы и т. п., как это обстояло в теориях классической политэкономии, а положение о всегда имеющей место ограниченности (scarcity) числа благ (вещей, услуг), необходимых для удовлетворения человеческих потребностей. Именно эта ограниченность, по мнению маржиналистов, и делает нужным существование экономической теории.

Блага, имеющиеся в неограниченном количестве, например, воздух, не являются экономическими. Лишь в том случае, когда средств для удовлетворения потребностей недостаточно, возникает необходимость в их экономии, а тем самым и экономика. Экономия заключается в распределении ограниченных средств между альтернативными нуждами человека. Вполне понятно, что возможны самые различные варианты такого распределения. Человек по самой своей природе всегда стремится к максимально возможному в данных условиях удовлетворению своих потребностей. Поэтому перед ним всегда стоит задача рассчитать, какой из вариантов распределения ограниченных средств обеспечит ему эту «максимизацию», т. е. является наиболее экономным. Экономическая теория и призвана помочь ему сделать правильный выбор.

Переходя от распределения к производству, маржиналисты говорят об ограниченности ресурсов, с помощью которых создаются блага. И главной проблемой является, разумеется, вопрос о распределении ограниченных ресурсов между альтернативными целями. Одни и те же

ресурсы могут пойти на производство разных благ. Одни и те же блага могут быть произведены разными способами с затратой различного количества разных ресурсов. Одни и те же ресурсы могут быть использованы с разной степени эффективности, как более, так и менее экономно. Человек всегда стремится к тому, чтобы с наибольшей эффективностью использовать все имеющиеся в его распоряжении ресурсы, чтобы добиться максимально возможной в данных условиях отдачи. Поэтому насущной жизненной необходимостью является для него тщательнейший расчет: какие именно блага, в каком количестве, в какой комбинации и каким способом произвести с помощью имеющихся в его распоряжении ограниченных ресурсов.

Таким образом, по самой своей природе человек является существом, рационально калькулирующим «максимизацию». И экономическое учение, выражающее эту сущность человека, неизбежно должно представлять собой теорию рационального выбора наиболее экономного, наиболее эффективного распределения средств вообще, производственных ресурсов в частности.

Внешне маржинализм действительно выступает как универсальная теория, не несущая в себе ничего специфически капиталистического. Это дало основание даже некоторым советским экономистам утверждать, что маржинализм в качестве своего исходного пункта берет не капиталистическое и вообще никакое общественно определенное производство, а производство вообще, процесс взаимодействия человека и природы, взятый вне какой бы то ни было общественной формы (Кузнецов, 1964. С. 808, 824–828, 831–832).

Но это только внешне. В действительности, как это уже было показано выше, рационально калькулирующий «максимизацию» индивид суть не человек вообще, а продукт определенных экономических отношений, а именно капиталистических, рыночных. И сам маржинализм представляет собой не универсальную экономическую теорию и даже не набор положений, относящихся к производству вообще, а теорию капиталистической экономики, своеобразное, крайне абстрактное выражение капиталистических и никаких иных экономических отношений. Ее возникновение было еще одним шагом на пути маскировки сущности капитализма.

Маржиналисты никогда не отрицали, что их концепция была создана на основе обобщения данных, относящихся к капитализму. Но это несколько не мешало им в то же время утверждать, что она является не специальной теорией капиталистической экономики, а теорией экономики вообще, универсальной экономической теорией, в одинаковой степени применимой к любой экономической системе.

Маржиналисты никогда прямо не отвергали существование и иных, кроме капиталистической, экономических систем. Но когда сторонники этой концепции настаивали на ее универсальности, то тем самым они фактический отрицали наличие качественного различия между

экономическими системами, сводили его к различиям в степени, к количественному различию. А так как их теория выражает реалии лишь капиталистической экономики, то тем самым они практически сводили все экономики в конечном счете к капиталистической.

То, что маржинализм является учением о капиталистической экономике, прекрасно понимал Р. Хейлбронер. Он характеризовал претензии этой концепции на универсальность как мошенничество. «Прежде всего, — разъяснял он, — этот обман заключается в том, что экономика представляется нейтральной наукой, а не системой объяснения капитализма, несущей в себе идеологический заряд. Подобная „невидимая“ социологическая нагрузка лежит и на других экономических терминах, включая и само слово „производство“...» (Хейлбронер, 1993. С. 52).

И наконец, среди современных западных экономистов есть и такие, которые и признавали и признают, что кроме капиталистической экономики существуют и другие, качественно отличные от нее. Это — четвертое по счету направление. «Развитие экономической науки, — писал нобелевский лауреат по экономике (1972) Джон Ричард Хикс (1904–1989), — прошло этап, когда экономисты были настолько поглощены проблемами рынка, что не хотели даже задумываться о чем-либо другом (когда я приступал к изучению экономики в 1920-е гг., большинство из них все еще находилось на этом этапе). Люди попросту не желали признавать, что когда-то существовал иной тип экономической организации, который мог быть серьезной альтернативой рынку. С тех пор многое изменилось. Экономисты поняли, что к нерыночным типам экономической организации необходимо относиться намного серьезнее. Обычными стали сопоставления рыночного и нерыночного типа экономики...» (Хикс, 2006. С. 27) Сам Дж. Хикс, кроме рыночной экономики, выделяет еще два типа экономической организации: традиционную и командную. Разумеется никакой теории этих экономических систем мы у него не находим.

Большинство советских экономистов, считавшихся марксистами или, крайней мере, объявлявших себя марксистами, принимало положение о существовании нескольких качественно отличных экономических системах и необходимости создания их экономических теорий. Но такой взгляд восторжествовал далеко не сразу.

В СССР в 20-е гг. точки зрения, близкой к той, что отстаивал Р. Хейлбронер, придерживались и некоторые из марксистов. Так, например, Н. И. Бухарин в работе «Экономика переходного периода» доказывал, что политическая экономия есть наука исключительно лишь о товарном хозяйстве и поэтому «конец капиталистически-товарного общества будет и концом политической экономии» (1920. С. 8) Решительно высказал свое несогласие с такой точкой зрения Владимир Ильич Ленин (1870–1924) в своих «Замечаниях на книгу Н. И. Бухарина „Экономика переходного периода“» (Ленин, 1929. С. 340).

Н. И. Бухарин был далеко не одинок, что наглядно показала дискуссия об исторических границах предмета политической экономии.

происходившая в начале 1925 г. Ивана Ивановича Скворцова-Степанова (наст. фам. — Скворцов) (1870–1928), отстаивавшего во вступительном докладе «Что такое политическая экономия?» (1925) взгляд, согласно которому политическая экономия есть наука обо всех способах производства, поддерживали тогда только философ и экономист Александр Александрович Богданов (наст. фам. — Малиновский) (1873–1928) и историк Михаил Николаевич Покровский (1868–1932). Против этого тезиса, помимо Н. И. Бухарина, выступило значительное число виднейших экономистов: Шолом Моисеевич Двойлацкий (1893–1937), Александр Феликсович Кон (1897–1941), Лев Натанович Крицман (1890–1937), Валериан Валерианович Осинский (наст. фам. — Оболенский) (1887–1938), Евгений Алексеевич Преображенский (1886–1937).

Правда, в ходе дискуссии Н. И. Бухарин несколько уточнил свою точку зрения. Он не отрицал, что, кроме товарно-денежной, прежде всего капиталистической, экономики, существует и иная экономика — натуральная и что последняя может стать объектом теоретического изучения. Однако при этом он подчеркивал, что натуральная экономика столь резко отлична от капиталистической, что теория этой экономики, если она будет когда-нибудь создана, не может быть названа теоретической экономией, не будет представлять собой политическую экономию. Политическая экономия есть теория только капиталистического хозяйства (1925. С. 292–299).

Сходные взгляды возродились после смерти И. В. Сталина (1953) и особенно после XX съезда КПСС (1956), когда появилась некоторая возможность свободного обсуждения ряда теоретических проблем общественных наук, включая политэкономия и историческую науку (историологию). Их сторонники прямо не отрицали существования экономических отношений в докапиталистических обществах. Но утверждали, что во всех этих обществах, в отличие от капиталистического, где доминировали экономические отношения, господствующими связями были иные, например, политические.

Но считать экономические отношения вторичными, производными от иных социальных связей, которые могут быть только волевыми, равносильно признанию их волевыми, зависящими от сознания и воли, иными словами, равнозначно отрицанию их объективности, материальности. А объективность материальность — неотъемлемое свойство экономических отношений. Такого рода точка зрения фактически предполагает переход с позиций материалистического понимания истории на прямо противоположную.

Подобного взгляда на докапиталистические общества придерживались специалист по истории России Людмила Валерьяновна Данилова (1968), философ Михаил Абрамович Виткин (1968. С. 427), медиевист Арон Яковлевич Гуревич (1970. С. 49–52, 63), востоковед Леонид Сергеевич Васильев (1982. С. 65). «Господствовавшие во всех докапиталистических структурах связи, — утверждала Л. В. Данилова, — были

неэкономическими» (1968. С. 59). При этом она ссылалась на К. Маркса. «Как доказал Маркс, — писала она, — доминантным типом социальных связей в первобытную эпоху являются связи естественные, родоплеменные, в классовых докапиталистических обществах — политические, отношения господства-подчинения» (С. 56).

В самое последнее время такой взгляд отстаивает философ Вадим Михайлович Межуев. Как утверждает он, система социально-экономических отношений стала базисом общества только при капитализме. В античном мире и средневековом обществе Западной Европы это процесс только намечался. А что касается остальных эпох всемирной истории, то в отношении их позиция В. М. Межуева не вполне ясна: то ли в них вообще не было экономики, то ли она существовала, но не была базисом общества. Приписывая подобную точку зрения К. Марксу, он патетически восклицает: «Вот тебе и „экономический историцизм“ Маркса, выводящий за пределы экономической истории большую часть человеческой истории» (Межуев, 2007. С. 68). Другой современный философ, считающий, кстати говоря, себя марксистом, Сергей Николаевич Мареев (2008. С. 109–111), утверждает, что экономика определяет иные общественные связи лишь в капиталистическом обществе, а при феодализме, наоборот, политические и правовые связи определяют долю общественного богатства, которое получает человек.

В действительности же К. Маркс придерживался прямо противоположного взгляда. Он, как и Ф. Энгельс, ни в малейшей степени не сомневался ни в существовании докапиталистических экономик, ни в том, что именно на них покоились классовые общества прошлого. Критикуя Прудона, который писал о «внеэкономическом» происхождении собственности, К. Маркс подчеркивал, что «...внеэкономическое происхождение собственности означает не что иное, как историческое происхождение буржуазной экономики, т. е. тех форм производства, которые получают теоретическое или идеальное выражение в категориях политической экономики. Но та истина, что добуржуазная история и каждая ее фаза имеют свою экономику и экономическую основу своего движения, эта истина, в конце концов, сводится к той тавтологии, что жизнь людей искони покоилась на производстве, на того или иного рода общественном производстве, отношения которого мы как раз и называем экономическими отношениями» (46.1. С. 477).

Еще при жизни К. Маркса отдельные авторы выступали с утверждением, что его положение о системе производственных отношений как основе всех прочих общественных отношений, фундаменте общества в целом, будучи справедливым в отношении капитализма, совершенно неприменимо к добуржуазным обществам.

И К. Маркс давал им совершенно четкий и недвусмысленный ответ: «Поистине комичен г-н Бастиа, который воображает, что древние греки и римляне жили исключительно грабежом. Ведь если люди целые столетия живут грабежом, то должно, очевидно, постоянно быть

в наличии что-нибудь, что можно грабить, другими словами — предмет грабежа должен непрерывно воспроизводиться. Надо думать поэтому, что и у греков с римлянами был какой-нибудь процесс производства, какая-нибудь экономика, которая служила материальным базисом их мира в такой же степени, в какой буржуазная экономика является базисом современного мира... Я пользуюсь этим случаем, чтобы вкратце ответить на возражение, появившееся в одной немецко-американской газете по адресу моей работы „К критике политической экономии“, 1859. По мнению газеты, мой взгляд, что определенный способ производства и соответствующие ему производственные отношения, одним словом — „экономическая структура общества составляет реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания“, что „способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще“, — все это, по мнению газеты, справедливо по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но неприменимо ни к средним векам, когда господствовал католицизм, ни к древним Афинам или Риму, где господствовала политика. Прежде всего удивительно, что находится еще человек, который может предположить, что эти ходячие фразы о средних веках и античном мире остались хоть кому-нибудь неизвестными. Ясно, во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир — политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, в другом — католицизм» (Маркс. 23. С. 91–92).

К. Маркс не только говорил о бытии докапиталистических экономик, но предпринял попытки исследовать их. «Чтобы всесторонне провести эту критику буржуазной экономики, недостаточно было знакомства с капиталистической формой производства, обмена и распределения, — писал Ф. Энгельс. — Нужно было также, хотя бы в общих чертах, исследовать и привлечь к сравнению формы, которые ей предшествовали, или те, которые еще существуют рядом с ней в менее развитых странах. Такое исследование и сравнение было в общем и целом предпринято пока только Марксом, и почти исключительно его работам мы обязаны поэтому всем тем, что установлено до сих пор в области теоретического исследования добуржуазной экономики» (20. С. 154).

К. Маркс не только создал научную теорию капиталистической экономики, но и заложил основу теорий иных, кроме капиталистической, систем социально-экономических отношений. Особенно много было сделано им для выявления особенностей экономических отношений античного и феодального обществ.

Под влиянием созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом материалистического понимания истории во второй половине XIX в. возникло и получило самое широкое распространение в исторической науке Гер-

мании, Франции, Великобритании, России направление, которое принято называть историко-экономическим, или просто экономическим («экономизмом»). Его представители не были марксистами. Но это не мешало им исходить из того, что экономика существовала и до капитализма и всегда определяла структуру общества.

Английский историк Джеймс Торольд Роджерс (1823–1890), перу которого принадлежат такие выдающиеся работы, как «История земледелия и цен в Англии» (Т. 1–8. 1866–1888), «История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в.» (1884), «Экономическая интерпретация истории» (1888), «Индустриальная и коммерческая история Англии» (1891), писал в предисловии к одной из них: «Труды, подобные предпринятому мною, весьма существенны для экономической интерпретации истории, которая, я смело берусь утверждать это, имеет первостепенное значение для понимания прошедшего, все равно идет ли речь о юридических древностях, дипломатических интригах или военных походах. Немного можно насчитать таких событий в истории, на которые не был бы пролит яркий свет с помощью фактов, составляющих предмет изучения одних лишь экономистов» (Rogers, 1866. P. VI).

**Ортодетерминирующие
и трансдетерминирующие
социально-экономические отношения.
Ортоэкономика и трансэкономика**

Если обратиться к первым трем рассмотренным точкам зрения на экономику, то наибольший интерес представляет вторая из них. В своем ортодоксальном виде она заключается в отрицании существования экономики в докапиталистических обществах. В несколько завуалированном варианте она состоит в отрицании объективности экономических отношений и их детерминирующей роли в обществе. Удивительным является, что тот же Р. Хейлбронер, отрицающий бытие экономики в докапиталистических обществах, ни в малейшей степени не сомневается в существовании в них и производства, и распределения, и обмена. «Попробуем, например, — пишет он, — обнаружить экономику в укладе жизни племени кунг, населяющего пустыню Калахари в Южной Африке. Разумеется, мы без труда обнаружим у них производство и принципы распределения. Внутри племени и между соседними племенами возникают и отношения обмена...» (Хейлбронер. 1993. С. 42). Но, рассуждает автор, если считать, что у кунг есть экономика, то встает вопрос, «в чем же состоит эта экономика?». И далее следует очень характерная сентенция: «Чтобы разобраться в жизни племени, желательно иметь подготовку в области этнологии, антропологии и политологии, но сомнительно, чтобы нам пригодились знания по экономической теории» (С. 42–43).

Р. Хейлбронер исходит из того, что под экономикой можно понимать лишь то, что изучается современной западной экономической наукой. Как уже отмечалось, экономические отношения были открыты как капиталистические экономические отношения и никакие другие. Наука об экономике возникла, развивалась и до сих пор остается концепциальным знанием об одной только капиталистической экономике и не о какой другой. Понятие экономического появилось для обозначения всего того, что связано с капиталистической экономикой. Неизбежный результат — тождество понятия экономики с понятием капиталистической экономики. Соответственно, и понятие экономического было равнозначно понятию капиталистического экономического. И совершенно естественно, что когда начинали искать капиталистическую экономику в некапиталистических обществах, ее там

не находили. И не находили потому, что ее там не было. И это истолковывалось как отсутствие там экономики вообще. А экономика там была, но только другая, качественно отличная от капиталистической экономики.

И самая важная задача — раскрыть различие между капиталистической и некапиталистическими экономиками, между капиталистическими и некапиталистическими социально-экономическими отношениями. И забегая несколько вперед, можно сказать, что это различие заключалась вовсе не в том, что первые были объективными, материальными, и тем самым детерминирующими все прочие социальные связи, а вторые — волевыми, вторичными, подчиненными. Материальными, объективными, базисными, фундаментальными были все социально-экономические отношения, как капиталистические, так и некапиталистические. И те и другие в равной степени определяли, детерминировали все прочие социальные связи, но только детерминировали их по-разному.

Специфика капитализма — наличие экономического принуждения. Это означает, что капиталистические экономические отношения, выступает как некая объективная, существующая вне и независимо от сознания и воли людей сила, которая прямо, непосредственно определяет волю индивидов и тем самым их поведение, по крайней мере, в области экономической деятельности. Именно это, как мы уже видели, и позволило открыть эти отношения и создать науку о них.

Слово «принуждение» невольно наводит на мысль, что экономические отношения просто заставляют людей действовать именно так, а не иначе вопреки их желаниям, намерениям, стремлениям, Разумеется, бывает и такое. Однако чаще всего экономические отношения определяют волю людей, формируя у них определенные желания, намерения, стремления. Объективным необходимым условием функционирования капиталистического предприятия является получение его владельцем прибыли, прибавочной стоимости, и чем больше размеры этой прибыли, тем успешнее деятельность данной капиталистической хозяйственной ячейки. Поэтому у капиталиста с неизбежностью возникает стремление к получению максимальной прибыли, подлинная жажда прибыли. Ради прибыли капиталист готов на все.

К. Маркс в первом томе «Капитала» привел высказывание английского профсоюзного деятеля и публициста Т. Дж. Данинга (1799–1873), в котором прекрасно показано значение прибыли для капиталиста. «Капитал, — писал тот, — избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но еще не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал способен на любое применение, при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломить себе голову, при 100

процентах он попирает все человеческие законы, хотя бы под страхом виселицы» (Маркс, 23. С. 770).

У людей, живущих в условиях рыночной экономики, для которых, чтобы жить, нужно иметь деньги, с неизбежностью возникает стремление иметь их, причем, по возможности, в большем количестве, которое может перерасти в неукротимую жажду денег. Люди ради денег могут пойти на все. Как отмечали все экономисты, при капитализме люди стремятся к достижению личной выгоды. Именно стремление к личной выгоде, жажда денег, погоня за прибылью имелись в виду, когда говорилось об экономических мотивах деятельности людей. Поэтому, может быть, более точно говорить не об экономическом принуждении, а о прямой экономической детерминации поведения.

Наряду с понятием экономического принуждения в литературе широко используется и понятие внеэкономического принуждения. Если об экономическом принуждении говорят в основном применительно к капиталистическому обществу, то внеэкономическое принуждение рассматривается как присущее всем типам общества, не исключая, разумеется, и капиталистического.

О внеэкономическом принуждении принято говорить, когда воля и тем самым поведение того или иного индивида определяется какой-то иной волей. Этой иной волей может быть воля другого лица. Но самой важной детерминирующей силой является воля не отдельных индивидов, а та или иная форма *социальной воли*.

Если понятие общественного сознания давно уже получило право гражданства в науке, то несколько иначе обстоит дело с понятием общественной воли. Оно официально не числится в списке категорий общественной науки, хотя в ней и используется. Достаточно вспомнить данное основоположниками марксизма определение права как воли господствующего класса, возведенной в закон (Маркс и Энгельс, 4. С. 443). В их работах говорится также и о *государственной воле*, *воле государства* (Энгельс, 20. С. 310). Другой, кроме права, важнейшей формой социальной воли является мораль.

Право предполагает внеэкономическое принуждение в точном смысле слова. От каждого члена общества государство требует соблюдения правовых норм, законов. Обеспечение соблюдения членами общества правовых норм возлагается на аппарат принуждения — государственную машину. Если человек нарушает законы, то он становится преступником, и его хватают и карают.

Значительно сложнее обстоит дело с применением понятия внеэкономического принуждения к морали. В отличие от права она не есть воля государства. В идеале она есть воля общества. Если правовые нормы зафиксированы в различного рода документах: конституциях, уголовных и гражданских кодексах, отдельных законодательных актах и т. п., то моральные нормы не записаны нигде. Они существуют лишь в общественном мнении. И общественное мнение одновременно является единственной силой, обеспечивающей соблюдение норм морали.

Когда человек появляется на свет, он представляет собой всего лишь биологический организм. Затем он шаг за шагом вступает в человеческую среду. Он совершает различного рода поступки, а окружающие его люди определенным образом их оценивают. Для оценки этих действий существуют два основных понятия: добро и зло. Постоянно, повседневно оценивая действия людей как добрые или злые, одобряя одни и осуждая другие, общество тем самым формирует у человека представление не только о том, что делать можно и что делать нельзя, но главное — о том, что делать должно.

Самое важное в морали заключается в том, что ее нормы в отличие от права не выступают как что-то внешнее по отношению к человеку. Мораль проникает во внутренний мир человека. Происходит ее *интериоризация* (от лат. *internus* — внутренний), или *интернализация* (тот же лат. корень). Нормы морали закрепляются во внутреннем духовном мире человеке, формируя у него чувства долга, чести и совести. Неуклонное следование велениям долга, незапятнанная честь, чистая совесть становятся для человека величайшими ценностями. Во имя этих ценностей он готов на лишения, даже на смерть. Система этих ценностей выступает перед человеком как идеал, к которому он стремится. В результате перед нами предстают не просто нормы поведения, в привычном смысле этих слов, а мощные стимулы, императивы, движущие людьми. И эти стимулы поведения в норме являются у человека более могущественными, чем биологические инстинкты.

При капитализме в сфере экономической деятельности волю того и иного действующего лица определяет в первую очередь не воля других лиц, не проявляющаяся в тех или иных общественных нормах поведения та или иная форма социальной воли (воля общества в целом или отдельных групп людей, прежде всего классов), а прямо, непосредственно безликая сила экономических отношений, в системе которых он живет. Капиталист должен гнаться за прибылью, иначе он перестанет быть капиталистом. Пролетарию не остается ничего другого, как наниматься на работу. Заставляет его это делать не принуждение со стороны капиталиста и не закон, а нужда.

Совершенно иначе обстоит дело в рабовладельческом обществе. Раб работает потому, что его заставляет это делать либо сам рабовладелец, либо лица, уполномоченные последним. Если он попытается уклониться, его накажут. А за рабовладельцем стоит государство, по законам которого один человек может быть полным собственником другого человека. Воля раба определяется волей его хозяина и стоящего за ним общества с его законами.

В обществе с крепостным правом крестьянин вынужден работать на помещика потому, что государство прикрепило его к данному поместью и обязало отдавать часть своего труда его хозяину.

В раннем первобытном обществе существуют моральные нормы, которые обязывают каждого трудоспособного его члена делиться добытой им пищей и другими продуктами с остальными его членами.

Короче говоря, во всех этих обществах воля людей в сфере экономической деятельности определяется чьей-то другой волей: индивидуальной или социальной, точнее ими вместе взятыми. В раннем первобытном обществе нет ничего похожего на стремление к личной выгоде, не говоря уже о жажде денег и погоне за прибылью. В этом смысле в раннем первобытном обществе даже в сфере экономической деятельности, не говоря уже об остальных сферах жизни, нет никаких экономических мотивов. Вот отсюда и делается вывод об отсутствии в докапиталистических обществах экономики и вообще чего бы то ни было экономического.

Но если в этих обществах воля индивидов в сфере экономической деятельности определяется социальной волей и основанной на ней воле других индивидов, то естественно возникает вопрос об источнике, determinante социальной воли.

В применении к первобытному обществу, не знающему деления на классы с противоположными интересами, имеются все основания говорить о воле общества в целом, воле социоисторического организма. Эту волю обычно именуют моралью. Содержание этой воли общества определяется его интересами. Эти интересы объективны. Своими корнями они уходят к системе социально-экономических отношений, образующей базис общества. Таким образом, в основе первобытной морали лежит первобытная экономика.

Необходимое условие существования любого общества — наличие в нем одной единой власти, одной основной социальной воли, которой должны подчиняться все его члены. Любое классовое общество всегда расколото на группы людей с разными, более того, во многом противоположными интересами и тем самым различными по содержанию волями. В таком обществе обеспечить бытие одной власти можно только одним способом: навязать волю одного класса всему обществу. Сделать это можно силой: экономически господствующему классу нужно создать особый аппарат насилия, не совпадающий прямо с обществом, внешне стоящий над обществом, и с его помощью превратить свою волю в господствующую, обязательную для всех членов общества. Эта особая машина принуждения — государство. Вместе с государством возникает право. Как уже указывалось, оно — воля господствующего класса, возведенная в закон. Содержание правовых норм, или законов, определяется интересами господствующего класса, которые порождены его местом в системе социально-экономических отношений. Интересы господствующего класса диктуют и линию поведения государства — его политику. Таким образом, в основе бытия в классовом обществе государства и права лежат социально-экономические отношения. Они определяют характер и правовых, и политических отношений.

Примат экономики по отношению к праву и политике при капитализме признают не только марксисты, но многие обществоведы,

не приемлющие материалистического понимания истории. Последнее, как мы уже видели, считают, что данное положение неприменимо к некапиталистическим обществам. Но, как наглядно явствует из всего сказанного выше, отношения между экономикой и правом, экономикой и политическими институтами в главном и основном одинаковы и в капиталистических и в некапиталистических классовых обществах: везде государство и право порождено расколом общества на классы, коренящемся в отношениях частной собственности, отношениях по распределению средств производства. Везде социальная воля детерминируется системой социально-экономических отношений.

Отличие капиталистических социально-экономических отношений от некапиталистических заключается в другом. Капиталистические экономические отношения детерминируют сознание и волю людей двумя разными способами. Один из них — прямое определение воли и тем самым поведения, действий людей, *ортодетерминация*, *ортодетерминирование* (от греч. «орто» — прямой). Он имеет место в сфере экономической деятельности. Второй способ — определение воли и тем самым действий людей через посредство промежуточных звеньев, прежде всего через посредство той или иной формы социальной воли, *трансдетерминирование*, (от лат. *trans* — через). Трансдетерминация характерна для иных, чем сфера экономической поведения, областей деятельности людей.

Но при этом нельзя не заметить, что трансдетерминация имеет место при капитализме и в сфере экономической деятельности. Люди в этой области должны руководствоваться не только экономическими мотивами, но и нормами права. А с другой стороны, по мере развития капитализма ортодетерминация все в большей и большей степени проникает и во внеэкономические сферы: политики, брака и семьи, искусства и т. п. Происходит то, что носит название коммерциализации тех или иных видов человеческой деятельности.

Выгодой и расчетом при капитализме стали определяться действия людей не только в экономической, но и в других сферах жизни. «Буржуазия, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс (4. С. 426), — повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идилические отношения. Безжалостно разорвала она быстрые феодальные путы, привязывавшие человека к его „естественным повелителям“, и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного „чистогана“. В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой».

Буквально то же самое пишет в наше время британский социолог Кришан Кумар. «Рыночные механизмы и ментальности, — пишет он, — проникают в каждую сферу жизни — не только в труд и политику, но и в отдых, дружбу, семью и брак. Все подчинено капиталистической рациональности „наименьшей стоимости“ и „максимальной выгоды“» (Kumar, 1988. P. 119).

В результате непрерывно нарастающей коммерциализации заключение брака превращается в сделку, искусство уступает место шоу-бизнесу, артисты трансформируются в шоуменов. С развитием коммерциализации исчезает мораль, идет даже не одичание людей, а их оскотинивание (см.: Семенов, 2003а. С. 518–589).

В отличие от капиталистических экономических отношений докапиталистические экономические связи могут определять волю и тем самым действия только через посредствующие звенья, прежде всего через ту или иную форму социальной воли. Это имеет место и в сфере экономического поведения. В докапиталистических обществах во всех областях человеческой деятельности одинаково происходит трансдетерминирование. Ортодоминирования там нет. Но это требует известной оговорки.

Хотя капиталистические социально-экономические отношения способны не только к ортодоминированию, но и к трансдетерминированию, они вполне могут быть названы ортодоминирующими экономическими связями, короче, ортоэкономическими связями, ибо именно в ортодоминировании заключена их специфика. Докапиталистические экономические отношения вполне могут быть названы трансдетерминирующими экономическими связями, короче, трансэкономическими связями. Первобытно-коммунистические, первобытно-престижные, политарные, рабовладельческие, феодальные отношения сами по себе взятые были трансэкономическими.

Капитализм появился поздно, но товарно-денежные, рыночные отношения возникли и существовали задолго до него. И эти связи, как и капиталистические, были не трансэкономическими, а ортоэкономическими. Они, как и капиталистические отношения, определяли волю и поведение людей в сфере экономической деятельности в основном не через промежуточные звенья, а прямо, непосредственно. И в эпохи, когда рыночные связи получали значительное развитие, люди осознавали их существование как объективной силы, определяющей их сознание и волю. И это их господство над ними люди чаще всего осознавали как власть денег. Так было во время расцвета древнегреческого общества. Вот, что, например, говорит один из героев трагедии Софокла «Антигона»:

Ведь нет у смертных ничего на свете,
Что хуже денег. Города они
Крушат, из дома выгоняют граждан,
И учат благородные сердца

Бесстыдные поступки совершать,
И указуют людям, как злодейства
Творить, толкая их к делам безбожным.

(Софокл, 1988. С. 185)

И совершенно неудивительно, что именно к античной эпохе относится попытка не просто описать явления экономической жизни, но проникнуть в суть экономических отношений. Она была предпринята великим греческим мыслителем Аристотелем (384–322 до н. э.). В его «Никомаховой этике» (1983а) впервые была поставлена проблема стоимости. А в «Политике» (1983б) он впервые же попытался дать анализ капитала в тех его формах, в которых последний существовал в ту эпоху: в форме торгового и ростовщического капитала. Для деятельности, направленной на извлечение прибыли, Аристотель предложил даже особый термин — хрематистика. Поэтому некоторые историки политэкономии считают, что именно он стоял у истоков этой науки. (Поланьи, 2010). Но поставив все эти проблемы, Аристотель их не решил. И вряд ли его можно за это упрекнуть.

В последующей истории власть товарно-денежных, рыночных отношений была достаточно четко осознана в обществе Западной Европы после переворота, который иногда называют *коммерческой революцией* (см.: Lopez, 1976.) И тоже осознано в виде власти денег. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует «Стих о всесии денег» (XII–XIII вв.) неизвестного поэта-ваганта:

Ныне повсюду на свете
Великая милость монете.
Ныне деньгою велики
Цари и мирские владыки.
Ради возлюбленных денег
Впадет во грехи и священник;
И на вселенском соборе лишь
Золото властвует в споре

<...>

Деньги повсюду в почете,
Без денег любви не найдете.
Будь ты гнуснейшего нрава —
За деньги поют тебе славу.
Нынче всякому ясно:
Лишь деньги царят самовластно!
Трон их — кубышка скупого,
И нет ничего им святого.

(Аноним, 1975. С. 149–151)

94 | Но до появления капитализма товарно-денежные отношения сами по себе взятые никогда не образовывали целостной системы. Они

существовали в виде придатка к иным общественно-экономическим укладам. Как уже говорилось, были экономики с рынками, но не было рыночной экономикой. Существовали ортоэкономические отношения, но не было ортоэкономик. Первой и единственной ортоэкономикой является капиталистическая. Все докапиталистические экономики были трансэкономиками. И это отсутствие в предшествующей капитализму истории человечества ортодоминирующей экономики истолковывается как отсутствие во всех докапиталистических обществах экономики вообще. В действительности же во всех этих обществах существовали и были их фундаментами, базами именно экономики, но только экономики не ортодоминирующие, а трансдетерминирующие, не ортоэкономии, а трансэкономии.

Именно потому, что капиталистические социально-экономические отношения детерминируют поведение людей в сфере экономической деятельности не только через право, и прежде всего не через право, а прямо, они и были замечены как таковые, как особые отношения, отличные от правовых, волевых, как экономические. В отличие от них докапиталистические отношения прямо поведение людей в сфере экономической деятельности не детерминировали. Именно это и породило иллюзию их полного отсутствия. Их просто не замечали. Видели лишь волевые, нормативные отношения собственности: моральные в первобытном обществе, правовые — в докапиталистических классовых обществах.

История и современное состояние исследования экономики доклассового общества

1. У самых истоков

В отличие от капиталистических связей первобытные экономические отношения долгое время не были объектом социального научного исследования. Как уже не раз указывалось, политическая экономия возникла и развивалась как наука исключительно лишь о рыночных, товарно-денежных отношениях. Первобытность была совершенно вне поля зрения экономистов. Что же касается этнографов, то, изучая доклассовые общества, они, как правило, никогда не выделяли существующие в них социально-экономические отношения в качестве особого предмета рассмотрения, а нередко и вообще их не замечали. И это вполне объяснимо.

Этнографы не замечали социально-экономических отношений первобытного общества потому, что последние качественно отличались от тех, в системе которых сами эти ученые жили, к которым они привыкли и считали единственно возможными. Не обнаруживая в первобытном обществе привычных форм экономических отношений, исследователи невольно приходили к выводу об полном их отсутствии в нем.

Разумеется, они не могли не видеть, что люди доклассового общества производят, распределяют и потребляют материальные блага, ведут хозяйство. Но обращаясь к их хозяйственной жизни, они более или менее детально описывали лишь технику и технологию производства, а также организацию труда. Конечно, в своих исследованиях первобытных обществ этнографы не могли не сталкиваться с производственными связями, но при этом они, как правило, даже не подозревали, что имеют дело именно с социально-экономическими отношениями. И поэтому все сведения, которые они сообщали о них, были разбросаны по самым различным разделам их работ и носили отрывочный характер. Чаше всего данные о социально-экономических отношениях содержались в разделах, в которых давалась характеристика нравов и обычаев. В разделе о хозяйстве, если таковой имелся, речь, как правило, шла о материальной культуре, формах хозяйственной деятельности (охота, рыболовство и т. п.), о технологии производства, организации труда. И такой характер носили работы большинства этнографов не только в XIX, но и в XX в. Естественно, что все сказанное

выше еще в большей степени может быть отнесено к трудам путешественников, миссионеров, торговцев XVIII–XIX вв., которые долгое время служили чуть ли не единственным источником сведений о жизни людей доклассового общества.

2. Первые обобщения.

Идея первобытного коммунизма

Тем не менее на основе этих разрозненных свидетельств довольно рано начало формироваться определенное, самое общее представление о характере первобытных социально-экономических отношений. Оно складывалось одновременно с понятием первобытного общества. Возникновение последнего было длительным процессом.

Решающий шаг был связан с Великими географическими открытиями, расширившими кругозор европейцев, ознакомившими их с различными народами, жившими совершенно иначе, чем европейцы. Главный материал дала Америка. Более или менее детальное знакомство с народами Черной Африки, Австралии и Океании было еще впереди.

Значительная часть народов Америки не знала столь привычных для европейцев земледелия и скотоводства. Они жили охотой, рыболовством и собирательством. Не знали эти люди и металлов. Их орудия были каменными, костяными и деревянными. Не было у них не только городов, но и деревень. Они жили небольшими бродячими группами.

И, что сразу же бросилось в глаза европейцам, у многих из них отсутствовала частная собственность, на которой основывались все общества Европы. Одним из первых обратил на это внимание Христофор Колумб (1451–1506). «Я не мог узнать, — писал он об индейцах Америки, — имеют ли они собственность. Мне, однако, приходилось замечать, что то, чем владел один, делили между собой все остальные» (Колумб, 1950. С. 69).

Заметил это и Пьетро (Педро) Мартир де Ангьера — итальянский писатель-гуманист, состоявший на испанской службе в качестве «королевского советника по Индии», а затем «секретаря совета по Индии». На основе донесений, писем и устных рассказов командиров, солдат и матросов он создал труд «О Новом Свете». В первом его выпуске (1511) он писал, что туземцы Кубы не делят ресурсы на «мои и твои (что источник всех бед)» (см.: Voget, 1975. Р. 24). Французский мореплаватель Жак Картье (1491–1557), совершивший три путешествия в Канаду (1534; 1535–1536; 1541–1542) писал об ее обитателях: «Этот народ имеет общее имущество, как и бразильцы» (Картье, 1999. С. 23). Не было у многих народов Америки социального неравенства и господства одних людей над другими.

Для европейцев все более ясным становилось, что в Америке они столкнулись с совершенно иным состоянием общества, чем то,

которое существовало не только в Европе, но и в государствах Азии. И для обозначения этого состояния все чаще стало употребляться слово «дикость». Людей, живущих в таком состоянии, соответственно, начали называть дикарями.

На вопрос о том, в каком отношении находилась дикость к европейскому состоянию, давалось два основных ответа. Первый из них состоял в том, что дикость есть результат деградации человека и общества. Второй основной ответ: дикость есть состояние, представляющее собой более низкую стадию общественного развития, чем та, на которой находились европейцы. Люди, населяющие Европу, тоже раньше были дикарями. Но они в своем развитии ушли вперед, поднялись на более высокую стадию, а многие народы Америки не сумели этого сделать и остались на стадии дикости.

Последнее представление о дикости постепенно стало господствующим. К нему привело сравнение общественных порядков индейцев Америки с тем, что писали древнегреческие и римские авторы о социальном строе целого ряда тех народов Европы, которые именовались ими варварами. Соответственно, многие авторы стали использовать для обозначения этого низшего состояния наряду со словом «дикость» также и слово «варварство».

Одним из первых, если не первым, попытался сравнить американских индейцев с древними обитателями Старого Света испанский иезуит Иосиф (Хосе) де Акоста (1539–1600). В своей книге «Естественная и моральная история Индии» (1589) он отметил наличие значительного числа параллелей между культурами индейцев Америки и древних обитателей Старого Света. Называя тех и других дикарями и варварами он тем самым практически обосновывал мысль, что и предки современных европейцев жили в состоянии дикости и варварства.

В более четкой форме эти идеи были изложены в труде Джона Огилби (1600–1676) «Америка: Последнее и наиболее точное описание Нового Света» (1671). Он указывал, что многие древние народы Европы и Азии вели точно такой же образ жизни, как современные индейцы Америки.

Английский философ Джон Толанд (1679–1722) в своих «Письмах к Серене» (1702) писал: «Современные язычники, населяющие большую часть Африки, почти всю Америку и несколько уголков Европы, весьма приближаются по своим взглядам к древним» (Толанд, 1927. С. 75).

Но самый большой вклад в обоснование положения о дикости как исходной стадии развития человека внес французский миссионер Жозеф Франсуа Лафито (1670–1740) в своем двухтомном труде «Нравы американских дикарей в сравнении с нравами древних времен» (1724). «Я не ограничивал себя, — писал Ж. Лафито, — знакомством с характером индейцев и исследованием их обычаев и практики. Я искал

в их практике и в их обычаях следы более отдаленной древности; я читал, причем тщательно, наиболее древних авторов, которые описывали нравы, законы и обычаи людей, с которыми они были знакомы; я сравнивал эти обычаи друг с другом. И я должен сказать, что если древние авторы помогли мне найти подтверждение некоторым моим счастливым догадкам о дикарях, то обычаи дикарей помогли мне более легко понять древних авторов и объяснить некоторые моменты в их работах» (Lafitau, 1724. Р. 3–4).

Одновременно с утверждением взгляда на дикость как на первоначальную стадию эволюции человечества шло развитие представления о характере общественных отношений, существовавших на этой стадии. Выше уже были приведены слова П. Мартира де Ангьера об отсутствии частной собственности у индейцев. Еще до трудов И. де Акосты, Дж. Огилби и Ж. Лафито, выдающийся французский мыслитель Мишель Эйкем де Монтень (1533–1592), обобщая имевшиеся в его распоряжении материалы об индейцах Америки, писал в своих знаменитых «Опытах» (1580): «...Эти народы кажутся мне варварскими только в том смысле, что их разум мало возделан и они еще очень близки к первобытной непосредственности и простоте... Философы не были в состоянии вообразить себе столь простую и чистую непосредственность, как та, что мы видим своими глазами: они не могли поверить что наше общество может существовать без всяких искусственных ограничений, налагаемых человеком. Вот народ, мог бы я сказать Платону, у которого нет никакой торговли, никакой письменности, никакого знакомства со счетом, никаких признаков власти или превосходства над остальными, никаких следов рабства, никакого богатства и никакой бедности, никаких наследств, никаких разделов имущества, никаких занятий, кроме праздности, никакого особенного почитания родственных связей, никаких одежд, никакого земледелия, никакого употребления металлов, вина или хлеба» (Монтень, 1954. С. 266) Таким образом, М. Монтенем впервые была более или менее определенно сформулирована идея первобытного коммунизма.

Более обстоятельное выражение этой идеи мы находим в книге выдающегося голландского юриста Хейга де Гроота, известного как Гуго Гроций (1583–1645) «О праве войны и мира» (1625). На основании данных об американских индейцах он пришел к выводу, что на ранних стадиях развития люди владели всем сообща. «...Общность имущества, — писал Г. Гроций (1994. С. 202), — как следствие чрезвычайной простоты можно наблюдать у некоторых американских племен, которые в течение многих веков без особого затруднения пребывали в таком быту»

Вначале люди довольствовались дикими растениями, жили в пещерах и одевались в древесную кору или звериные шкуры. Переход к земледелию и скотоводству привел к некоторому распределению имущества. Скот перешел в собственность отдельных лиц, произошел

передел земли. Но пастбища оставались общими. С ростом населения землю стали делить не между родами, а между семьями. С появлением ремесла окончательно утвердилась частная собственность. Исчезло равенство и в труде, и в потреблении его плодов. Таким образом, по Гроцию, частная собственность есть сравнительно позднее явление.

В последующем идея первобытного коммунизма присутствовала в работах Бенедикта (Баруха) Спинозы (1632–1677) «Политический трактат» (1677; Спиноза, 1957), Морелли «Кодекс природы или истинный дух ее законов» (1755; Морелли, 1957. С. 83–85, 103–106), Габриэля Бонно де Мабли (1709–1785) «О законодательстве, или Принципы законов» (1776; Мабли, 1950. С. 93, 120, 121), Дени Дидро (1713–1774) «Добавление к „Путешествию“ Бугенвиля» (1772) (Дидро, 1956. С. 182, 211).

Но глубоко разработана была эта идея и превращена в концепцию только в опубликованной в 1767 г. книге Адама Фергюсона (1723–1816) «Очерк истории гражданского общества» (Ferguson, 1767; Фергюсон, 2000).

А. Фергюсон прежде всего различает «нации» развитые, воспитанные, цивилизованные и «нации» неразвитые, грубые, примитивные. Было время, когда все человечество находилось в грубом, примитивном состоянии. В дальнейшем часть его в результате медленного и постепенного прогресса достигла более высокого уровня развития.

В свою очередь грубые «нации» подразделяются на дикие и варварские. Дикие «нации» жили охотой, рыболовством и собирательством. Говоря об отсутствии собственности у диких наций, А. Фергюсон имеет в виду не собственность вообще, а частную собственность. Сам же он в дальнейшем, характеризуя это состояние, говорит о собственности как отдельных лиц, так и «наций» в целом.

Охота и рыбная ловля совершались совместно, и вся добыча доставалась общине. Ее либо сразу же потребляли, либо она шла в общественный запас. Некоторые дикие «нации» наряду с охотой занимались и примитивным земледелием. Но это не меняло характера отношений. Подобно тому как мужчины охотились сообща, женщины сообща занимались земледельческими работами. Поле, которое они обрабатывали, так же как и лес, в котором охотились мужчины, было собственностью «нации». Оно не подразделялось между ее членами. Урожай собирался в общественную житницу, из которой каждая семья получала долю для обеспечения своих нужд. Характерной чертой дикого состояния было равенство людей. Не было ни бедных, ни богатых, не существовало деления на правителей и управляемых.

Варварское состояние А. Фергюсон связывает прежде всего со скотоводством. Однако он не настаивает на том, что все варвары были скотоводами-кочевниками. В Западной Европе, например, они были оседлыми земледельцами. С переходом от дикого состояния к варварскому возникает собственность (т. е. частная собственность), имущественное неравенство, различного рода отношения зависимости.

деление на ранги, власть одних людей над другими. Варварскому состоянию приходит конец, когда возникает разделение труда, появляются классы и государство (Ferguson, 1767. P. 112–189, 197, 199, 211, 229–230, 262, 277, 282, 288, 306).

В последующем эта концепция получила определенное развитие в трудах Генри Хоума (лорда Кеймса) (1696–1782). В своей работе «Очерки истории человека» (1774) он указывает, что первоначально все было общей собственностью и продукты труда распределялись между членами общества по потребностям. Но такое распределение на определенном этапе стало тормозить развитие. В результате оно сменилось распределением по труду, которое стало мощным стимулом прогресса производства.

Никто из названных авторов, включая А. Фергюсона, термина «коммунизм» не употреблял, ибо его еще не существовало. Как показал известный марксовед Норайр Бадамович Тер-Акопян (1926–2007), этот термин появился и начал широко использоваться только с началом 40-х гг. XIX в., причем первоначально лишь для обозначения определенного социального движения и его идеалов (Тер-Акопян, 1986; 1991. С. 162–184). В дальнейшем на его основе возникли различного рода составные термины: икарыйский коммунизм, утопический коммунизм, аграрный коммунизм и др. В числе их был и термин «первобытный коммунизм».

Впервые он был употреблен К. Марксом в 1858 г. в одном из набросков к первоначальному варианту «Капитала» (46.2. С. 394) и в письме к Ф. Энгельсу (29. С. 257). Однако оба эти документа увидели свет лишь в XX в. Вообще при жизни К. Маркса не было опубликовано ни одной его работы, в которой этот термин бы использовался. До 1884 г. не употреблял его и Ф. Энгельс.

Поэтому когда великий американский этнограф Льюис Генри Морган (1818–1881) в 1877 г. в «Древнем обществе» (Morgan, 1964; Морган, 1934а) пользуется термином «коммунизм» в применении к первобытности, то это никак не связано с марксизмом. Однако, хотя Л. Г. Морган в своей работе четко противопоставил два качественно отличных типа общества: родовое, основанное на личности и чисто личностных отношениях и характеризующееся свободой, равенством и братством, и политическое, базирующееся на территории и собственности (частной) и характеризующееся существованием неравенства между людьми, первое из них он нигде в целом не характеризовал как коммунистическое. Он говорил о коммунизме в жизни, который господствовал в кровнородственной и сменившей ее пуналуальной семьях, бывших, по его мнению, в свое время двумя сменившимися основными единицами общества. Этот коммунизм, добавлял Л. Г. Морган, и сейчас господствует среди племен, находящихся на стадии дикости и варварства. В последующем изложении он уточнил, что с появлением парной семьи коммунизм практиковался в домашних общинах, объединявших несколько таких семей (Морган, 1934а. С. 224, 233, 256, 259).

В своей последней работе «Дома и домашняя жизнь американских туземцев» (1881; Морган, 19346) Л. Г. Морган большое внимание уделяет «закону гостеприимства», который, как он утверждает, господствовал среди индейских племен в эпоху открытия Америки. В силу этого закона любому человеку, вошедшему в дом индейца, будь то односельчанин, одноплеменник или чужак, предлагалась пища. Если человек был голоден, то ел. Если был сыт, то вежливость требовала, чтобы он попробовал пищу и поблагодарил хозяев. И поэтому, хотя общность пищи у индейцев ограничивалась рамками домашних общин, практически получить ее могли все обитатели деревни или лагеря. Не могло быть такого положения, чтобы в одной части деревни были голод и нужда, а в другой — царило изобилие. Хотя у деревни не было общего запаса, принцип гостеприимства облегчал последствия нужды. Закон гостеприимства имел своей конечной тенденцией уравнивание средств существования. Объяснение этого закона нужно, по мнению Л. Г. Моргана, искать во владении землей сообщества, в распределении земледельческих продуктов по домашним общинам и в практиковании коммунизма внутри их. Владению землей сообщества Л. Г. Морган посвятил целый раздел (1881. Р. 42–45, 61, 63–67, 79 сл.).

К. Маркс в набросках ответа на письмо В. Засулич, написанных в 1881 г. уже после знакомства с «Древним обществом» Л. Г. Моргана, выделяет две основные общественные формации: первичную (архаическую), основанную на общей или коммунистической собственности, и вторичную, базирующуюся на частной собственности. Основной единицей архаической формации является первобытная община, которая проходит в своем развитии несколько фаз (19. С. 403–404, 412–413, 417–419).

Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», характеризуя экономический строй первобытного общества, писал, что производство на этом этапе «было по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин» (216. С. 174). Раскрывая это положение, он больше всего говорит о домашнем коммунистическом хозяйстве (С. 42, 52, 53, 76, 98, 159), лишь в одном месте допуская, что ему предшествовало хозяйство всем родом (С. 139).

В целом представления К. Маркса и Ф. Энгельса о первобытных социально-экономических отношениях были не очень конкретными. Об этом говорит хотя бы тот факт, что К. Маркс характеризовал «земледельческую» общину, примером которой была русская крестьянская община XIX в., как один из типов первобытной общины, как последнюю фазу первичной общественной формации, добавляя к этому, что она является переходной фазой ко вторичной формации (19. С. 417, 419). Ф. Энгельс неоднократно писал о крестьянских общинах Явы, Индии и России как о первобытно-коммунистических (216. С. 443, 452;

22. С. 78; 36а. С. 78; 36б. С. 97), хотя иногда и с известными оговорками (21б. С. 443–444, 446). Как «высшая и последняя форма первобытно-коммунистической системы хозяйства» характеризовалась крестьянская община в работах Розы Люксембург (1871–1918) (2010. С. 148).

В действительности же, конечно, о первобытно-коммунистическом характере экономических отношений в крестьянских общинах классового общества говорить не приходится. Крестьянская община даже с общей собственностью на землю не только не была первобытно-коммунистической, но и не представляла собой пережитка первобытного коммунизма в недрах классового общества. Она была новообразованием, хотя генетически и связанным с первобытной общиной (см.: Семенов. 2002б).

3. От Н. И. Зибер до Б. Малиновского

Чтобы сделать шаг вперед в области конкретного изучения первобытной экономики, нужно было попытаться свести воедино и систематизировать те отрывочные данные, которые содержались в записках путешественников, миссионеров, торговцев, этнографов. Такая попытка была предпринята русским экономистом Николаем Ивановичем Зибером (1844–1888). Вышедший в 1883 г. его труд «Очерки первобытной экономической культуры» выгодно отличался от многих последующих сводных работ как широтой охвата материала, так концентрацией внимания преимущественно на социально-экономических отношениях.

В предисловии к работе, датированной 1881 г., Н. И. Зибер отмечал, что результаты предпринятых в последние десятилетия исследований общинного устройства быта народов преимущественно арийского происхождения привели, между прочим, «к тому предположению, пользующемуся более или менее всеобщим распространением, что общинные формы хозяйства в их различных стадиях представляют универсальные формы экономической деятельности на ранних ступенях развития» (1883. С. 1). «Но, — продолжал он, — как ни популярно означенное предположение, справедливость требует заметить, что для научного подтверждения его сделано еще мало, так как сведения, относящиеся к формам хозяйственной жизни народов Океании, Америки, Азии и Африки, до настоящего времени почти не подвергались самостоятельной и цельной разработке» (С. 1–2). Автор ставит своей задачей восполнить этот пробел. Приводит он материалы и по Австралии.

Общий вывод его состоит в том, что на ранних ступенях развития не только земля, но все вообще имущество, прежде всего пища, находилось в общинной собственности (С. 172–173). Таким образом, Н. И. Зибер полностью разделял идею первобытного коммунизма, хотя и не пользовался этим термином.

Но в целом слова и словосочетания «первобытный коммунизм», «коммунизм», «коммунализм», «коммунистические отношения», «ком-

муналистические (коммунальные) отношения» и им подобные в применении к первобытному обществу во второй половине XIX в. и в XX в. достаточно широко использовались в трудах полевых исследователей (Миддендорф, 1878. С. 679; Erenreich, 1887. S. 31; Шренк, 1903. С. 36–37, 55 и др.; Jochelson, 1908. P. 746, 759–670; 1910. P. 124; Чурсин, 1913. С. 184; Лопатин, 1922. С. 119, 192; Vanoverbergh, 1924. P. 409; Rasmussen, 1932. P. 483; Lee, 1979. P. 409; 1988 и др.). Наряду с ними употреблялся и термин «социализм» (Bourlet, 1906; Kidd, 1908; Karsten, 1932. P. 92–94). Причем ни один из авторов, на труды которых сделаны выше ссылки, не был марксистом.

Вслед за работой Н. И. Зибера в конце XIX и начале XX в. появилось значительное число работ, посвященных как хозяйству народов доклассового общества в целом, так и отдельным его аспектам (Bucher, 1893; 1898; Бюхер, 1897; 1898; 1899; 1918; Durkheim, 1893; Дюркгейм, 1900; Grosse, 1896; Гроссе, 1898; Letourneau, 1897a; 1897b; 1899; Летурно, 1897; 1899a; 1899b; Cunow, 1897–1898; Moszkowski, 1911; 1912; Nieboer, 1900; Нибур, 1907; Panckow, 1896; Somlo, 1909; Vierkandt, 1899). Наряду с описанием технологии производства и организации труда они нередко содержали материалы и о социально-экономических отношениях, а в некоторых такие материалы даже преобладали. В этом отношении наибольший интерес представляет книга венгерского исследователя Феликса Шомло «Обращение материальных благ в первобытном обществе» (Somlo, 1909). На материале движения материальных благ в обществах аборигенов Австралии, тасманийцев, андманцев, веддов Цейлона, негритосов Филиппин, ботокудов Бразилии, индейцев сери (Калифорния), бушменов автор показал, что на этой стадии развития существовали разнообразные формы обращения и обмена материальных благ как внутри племен, так и между племенами. У одних только австралийцев он насчитал до 17 форм циркуляции материальных ценностей.

Во всех перечисленных выше источниках приведенные данные так или иначе истолковывались авторами, а некоторые из них даже пытались набросать более или менее целостную картину социально-экономических отношений первобытности.

Однако все теоретические построения, если таковые создавались, в большинстве своем носили чисто умозрительный характер. Давая ту или иную интерпретацию фактов, исследователи, в массе своей являвшиеся буржуазными учеными, исходили не столько из самих фактов, сколько из предвзятых представлений, имевших своим источником, с одной стороны, общественные условия, в которых они сами жили, а с другой, различного рода социологические, а в дальнейшем и экономические концепции.

Влияние экономических теорий возрастало по мере того, как в центре внимания исследователей все в большей степени оказывались социально-экономические отношения. И среди них особое воздействие на умы исследователей первобытности оказывала уже известная

нам т. н. формальная экономическая теория (формальная экономия), или маржинализм. Это имеет свои причины. По мере того, как накапливались фактические материалы, становилось все более очевидным, во-первых, что и в первобытном обществе существовала экономика, система экономических отношений, во-вторых, что эта первобытная экономика отличалась от капиталистической. В этих условиях маржинализм привлекал возможностью примирить факты, свидетельствующие о существовании различия между первобытной и капиталистической экономикой, с тезисом о том, что экономика у всех народов и во все времена была в сущности одной и той же.

Как уже указывалось, маржиналисты, не отрицая существования и иных экономик, кроме капиталистической, притязали на создание универсальной экономической теории, в равной степени относящейся ко всем экономическим системам без исключения. Это фактически означало не что иное, как отрицание качественного различия между экономическими системами, сведение его к различию в степени. И в полном соответствии с этим взгляд, согласно которому отличие первобытной экономики от буржуазной носит не качественный, а всего лишь количественный характер, проводится в работах всех буржуазных исследователей экономики доклассового общества, придерживающихся маржинализма, не исключая и современных.

«Экономический человек» маржиналистов, суть которого заключается в рациональном калькулировании, максимизации, действительно внешне больше похож на человека вообще, чем «экономический человек» буржуазных политэкономов первой половины XIX в., в качестве основной особенности которого прямо называлось стремление к обмену, к извлечению наибольшей личной материальной выгоды, к наживе, однако он не в меньшей степени, чем его предшественник, является продуктом буржуазных отношений. И поэтому даже когда маржиналисты берут, казалось бы, исключительно лишь взаимодействие человека вообще и природы, отвлекаясь от общественной формы производства, они в действительности привносят в эту картину капиталистические отношения, ибо их человек вообще на деле является человеком конкретного, а именно буржуазного общества. Рассматривая рациональное калькулирование, максимизацию, т. е. расчитывание наибольшей личной материальной выгоды, в качестве всеобщей и необходимой черты человека, присущей ему от природы, маржиналисты тем самым фактически отстаивают взгляд на человеческое общество как на являющееся всегда в сущности капиталистическим. И в этой связи нельзя не вспомнить слов К. Маркса о том, что буржуазные экономисты изображают производство как «заключение в рамки независимых от истории вечных законов природы, чтобы затем при удобном случае буржуазные отношения совершенно незаметно проташить в качестве непреложных естественных законов общества *in abstracto*» (12. С. 713).

Маржиналистское истолкование первобытной экономики могло внешне предстать как вполне согласующееся с фактами в силу того,

что сами эти факты носили крайне фрагментарный характер. Эта особенность фактического материала по первобытной экономике делала возможным придать вид правдоподобия самым разным его интерпретациям. В массе разнообразных примеров всегда можно было найти такие, которые вполне укладывались в рамки той или иной концепции.

4. Возникновение экономической антропологии (этнологии)

Следующий шаг на пути к созданию теории первобытной экономики был сделан тогда, когда началось систематическое целенаправленное полевое исследование социально-экономических отношений у народов, которые все еще продолжали оставаться на стадии доклассового общества.

Первые работы, посвященные хозяйственной жизни отдельных первобытных народов и групп народов, стали появляться в начале XX в. (Mayer, 1905; Stiies, 1905; Kidd, 1908; Richter, 1911; Gaul, 1914). Однако в большинстве своем они носили чисто описательный характер. Исключение представляли труды Макса Шмидта «Правовые, социальные и хозяйственные отношения у южноамериканских природных народов» (Schmidt, 1909) и «Основы этнологических хозяйственных исследований» (Schmidt, 1921–1922) и Рихарда Турнвальда (1869–1954) «Исследования на Соломоновых островах и архипелаге Бисмарка. Т. 3. Народ, государство и хозяйство» (Thurnwald, 1912). И тот, и другой автор использовали собранный ими полевой материал об экономических отношениях определенных первобытных обществ для теоретических обобщений. Поэтому некоторые историки науки считают именно этих этнографов основоположниками особой дисциплины, предметом исследования которой является доклассовая экономика (Köcke, 1979).

Однако ранние их работы оказались во многом незамеченными, и решающий шаг в указанном направлении связан с именем Бронислава Каспера Малиновского (1884–1942). Им была детально изучена и описана экономика меланезийцев островов Тробриан (Тробриант). Конечно, он исследовал не только экономику тробрианцев, но все их общество в целом. Однако социально-экономическим отношениям им было уделено особое внимание, что дало ему возможность собрать фактический материал, не идущий ни в какое сравнение с тем, что имелся в распоряжении ученых раньше. Специально тробрианской экономике были посвящены его работы «Кула: Обменная циркуляция ценностей в архипелагах Восточной Новой Гвинеи» (Malinowski, 1920), «Примитивная экономика тробрианских островитян» (Malinowski, 1921), «Аргонавты Западной части Тихого океана» (Malinowski, 1922) и «Коралловые огороды и их магия» (Malinowski, 1935. V. 1–2).

Б. Малиновский имел в своем распоряжении не грудку разрозненных примеров, а большое количество твердо установленных фактов.

относившихся к системе социально-экономических отношений одного конкретного доклассового общества. Все это не могло не способствовать более глубокому пониманию специфики доклассовой экономики. Именно Б. Малиновскому принадлежит честь открытия такого своеобразного компонента системы социально-экономических отношений доклассового общества, который в дальнейшем получил название *престижной экономики*.

Сами проявления престижной экономики, в частности, *потлачи* у индейцев Северной Америки, были, разумеется, известны и раньше. Однако исследователи, описывающие их, как правило, даже не подозревали, что имеют дело с одной из форм социально-экономических связей. Они обычно рассматривали их как явления чисто ритуальные, обрядовые. Некоторые этнографы и сейчас выступают против трактовки потлача как экономического института (см.: Кап, 1990. Р. 154; Гринев, 1992. С. 152).

Исключением, по-видимому, был Франц Боас (1858–1922). Но догадавшись, что потлач представляет собой экономическое явление, он попытался истолковать его как такое, которое присуще и европейской экономике. «Экономическая система индейцев Британской Колумбии, — писал он, — в значительной степени основана на кредите, также как это обстоит и в цивилизованных странах. Во всех своих предприятиях индеец рассчитывает на помощь своих друзей. Он обещает заплатить им за эту помощь впоследствии. Если оказанная помощь заключается в ценных вещах, измеряемых индейцами в одеялах, как мы измеряем их деньгами, он обещает вернуть стоимость займа с процентами. Получение в долг, с одной стороны, оплата долга — с другой, — это потлач» (Boas, 1898. Р. 545). В результате Ф. Боас так и не смог понять сущность потлача. Об этом достаточно четко было сказано Гомером Барнеттом (1906–1985) в статье «Природа потлача» (1938). «Совершенно ясно, — указывал он, — что то, что дается гостям, вовсе не заем. Определенная путаница возникает вследствие того, что институт займа с процентами, сравнимый с нашим собственным, процветавший у квакиютлей, был известен, по меньшей мере, селищам, хайда и цимшианам. Но самый значительный факт состоит в том, что заем с отплатой не был частью распределения на потлаче. Заем был подготовлением к потлачу и его целью было накопление массы продукта, необходимого для распределения» (Barnett, 1938. Р. 353). Так считали И. М. Доусон (Dawson, 1887), Э. Куртис (Curtis, 1913; 1915) и Джордж Питер Мердок (1897–1985) (Murdock, 1936).

В отличие от Ф. Боаса, Б. Малиновский, столкнувшись с таким проявлением престижной экономики, каким является *кула*, сумел увидеть в ней «экономическое явление огромной теоретической важности» (Malinowski, 1922. Р. 2), но при этом такое, которое качественно отличается от тех, что столь привычны для европейцев. Как он сам изображал кулу, она есть «система торговли», заключающаяся в «циркуляции

двух видов предметов, которые высоко ценятся, но не имеют никакого практического употребления. Это — браслеты, сделанные из раковины *Conus Millenpunctatus*, и ожерелья из красных раковинных дисков, предназначенные для украшения, но вряд ли когда используемые даже для этой цели. Предметы этих двух видов движутся по круговому маршруту, который простирается на множество миль и охватывает множество островов. Ожерелья совершают оборот по направлению движения часовой стрелки, а браслеты движутся в противоположном направлении. Предметы обоих видов никогда не задерживаются на сколько-нибудь длительный промежуток времени в руках какого-либо владельца; они постоянно движутся, постоянно встречаются и обмениваются друг на друга» (Malinowski, 1920. P. 97–98).

Назвав кулу «формой торговли», Б. Малиновский в то же время подчеркивает, что она всеми своими основными чертами не только отличается, но противоположна торговле в обычном смысле слова. Это, несомненно, обмен, но ни в коем случае не товарообмен. Никто из участников не извлекает непосредственно из него никакой прямой материальной выгоды. И тем не менее этот происходивший с соблюдением определенных правил «переход из рук в руки двух бессмысленных и совершенно бесполезных предметов» играл большую роль в экономической жизни тробрианцев. С ним было связано множество разнообразных форм деятельности, отнимавших массу времени. Но дело не просто в самой куле. Она интересна как доведенное до крайнего предела выражение тех черт, которые были присущи и другим первобытным экономическим формам.

Б. Малиновский подвергает резкой критике взгляд, согласно которому обмен в примитивных общинах носил лишь зачаточный характер, происходил от случая к случаю и не играл никакой сколько-нибудь существенной роли в жизни общества. Ни в одной из существующих теорий нет «даже намек», — писал он, — на реальное положение дел, каким мы находим его на Тробрианах: именно, что *вся племенная жизнь пронизана постоянной дачей и отдачей*; что каждая церемония, каждый публичный акт сопровождается материальным даром и отдаром; что богатство, даваемое и получаемое, представляет собой один из главных инструментов социальной организации, власти вождя, уз родства, правовых отношений» (Malinowski, 1922. P. 167).

И хотя товарообмен не неизвестен тробрианцам, но этот понижающий все общество обмен имеет иную природу. «И это важно понять, — пишет Б. Малиновский, — что почти во всех формах обмена на Тробрианах нет даже следа корысти, нет также и никаких оснований рассматривать его с чисто утилитарной и экономической точки зрения, ибо здесь отсутствует извлечение взаимной материальной выгоды» (P. 175). Этот обмен вообще, обмен дарами в первую очередь, связан с выполнением обязательств индивидов и групп по отношению друг к другу, с созданием и поддержанием социальных связей между индивидами и группами.

Открытие всего этого позволило пролить свет на стимулы и мотивы производственной деятельности. Оказалось, что тробрианцев побуждало к труду вовсе не желание извлечь максимальную личную материальную выгоду. Ими двигало прежде всего стремление выполнить свои социальные обязательства, добиться признания и уважения общины. Немалую роль играл и интерес к труду самому по себе.

Все это вместе взятое дало основание Малиновскому обрушиться с резкой критикой на концепцию «экономического человека» во всех ее вариантах, в том числе и в маржиналистском. «Другое понятие, — писал он, — которое должно быть отброшено раз и навсегда — это примитивный экономический человек некоторых экономических учебников. Это фантастическое причудливое существо, которое крепко обосновалось на страницах популярной и полупопулярной экономической литературы, и чья тень преследовала умы даже сведущих этнографов, затмевая их взгляд предвзятой идеей, есть воображаемый примитивный человек или дикарь, побуждаемый ко всем своим действиям рационалистической концепцией личной выгоды и достигающий своих целей прямым путем и с минимумом усилий. Даже один твердо установленный пример сможет показать, насколько абсурдным является, что человек, и особенно человек на низком уровне культуры, побуждается к деятельности чисто экономическими мотивами и четко осознаваемой личной выгодой. Примитивный тробрианец обеспечивает нас таким примером, противоречащим этой ложной теории» (Р. 60).

Убедительно показав на тробрианском материале полную несостоятельность претензий маржиналистов на то, что их теории носят универсальный характер, Б. Малиновский в то же время попытался использовать этот материал и для опровержения материалистического понимания истории (Р. 516). И с ним было бы трудно спорить, если бы основная идея исторического материализма действительно состояла бы, как он это представлял, в том, что человек во всех своих действиях и поступках руководствуется исключительно лишь мотивами личной материальной выгоды. Однако реальное материалистическое понимание истории ничего общего с подобными вульгарно-экономическими представлениями не имеет, и поэтому вся критика Малиновского ни в малейшей степени не затрагивает ни одного из его положений.

Огромный вклад Б. Малиновского в этнографию заключается прежде всего в том, что он впервые конкретно показал всю глубину отличия экономических отношений примитивного общества от экономических отношений капитализма и вообще современного общества. Собранный им материал наглядно свидетельствовал, что в первобытности существовали не просто иные формы привычных экономических отношений, а отношения, абсолютно непривычные, совершенно не укладывающиеся в рамки сложившихся представлений о том, какими должны быть экономические отношения. Экономическими в примитивном обществе оказались, в частности, такие отношения, которые

в капиталистическом обществе никем не рассматриваются как таковые и действительно не являются таковыми. А некоторые из примитивных производственных отношений не только не походили на экономические, но вообще выступали, с точки зрения европейца, как совершенно бессмысленные, нелепые, иррациональные.

Тем самым Малиновский нанес сокрушительный удар по теории маржинализма. И хотя его субъективное отношение к марксизму не было благожелательным, однако весь его материал и обобщения доказывали правильность положения Маркса о том, что «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (3. С. 3). Как неоднократно подчеркивал сам Б. Малиновский, понять мотивы и стимулы деятельности человека можно только путем анализа отношений, в которых он живет. Даже здравый смысл, на который любят ссылаться маржиналисты, является продуктом определенных отношений. Иррациональное, бессмысленное, нелепое, с точки зрения европейца, понятно и естественно для человека примитивного общества.

Убедительно показав, с одной стороны, что в доклассовых обществах существует сложная система экономических отношений, а с другой, что никакой теории этой экономики не существует, Б. Малиновский тем самым поставил этнографов перед задачей дальнейших как полевых, так и теоретических исследований в этой области. И эти исследования постепенно стали приобретать все больший размах. Внутри этнографической науки выделилась особая дисциплина, специализирующаяся на изучении социально-экономических отношений первобытных, а также предклассовых, т. е. переходных к классовым обществ.

В англо-американской литературе она получила название *экономической антропологии*. Впервые это термин, по-видимому, был употреблен в 1927 г. (Gras, 1927). Следуя традициям, сложившимся в русской и советской этнографической науке, ее следовало бы называть *экономической этнологией (этнографией)* или *этнологической (этнографической) экономией (этноэкономией)*. В процессе дальнейшего развития предметом экономической антропологии, наряду с социально-экономическими отношениями первобытного и предклассового обществ («*примитивной экономикой*») стала также и т. н. «*крестьянская экономика*».

Уже в течение первых двадцати лет после появления ранних этно-экономических работ Б. Малиновского экономической антропologией был накоплен большой фактический материал, не идущий ни в какое сравнение с тем, которым располагала наука раньше (работы об экономике отдельных народов: Barton, 1922; Armstrong, 1928; Firth, 1929; 1930; 1939; Wedgwood, 1932; Richards, 1932; 1939; Hogbin, 1932; 1938–1939; Stanner, 1933–1934; Deacon, 1934; Blackwood, 1935; Part, 1935; Tueting, 1935; Bateson, 1936; Dubois, 1936; Mekeel, 1936; Murdock, 1936; Beaglehole, 1937; Schapera, 1937; MacCarthy, 1939; Leach,

1940; общие работы: Buxton, 1924; Schmidt und Koppers, 1924; Krause, 1924; Leroy, 1925; Mauss, 1925; Cunow, 1925; Кунов, 1929; Hoyt, 1926; Thurnwald, 1932; Viljoen, 1936; Miller, 1937; Bunzel, 1938; Landtman, 1938; Herscovits, 1940; сборники: Mead (ed.), 1937). Среди этой литературы следует особо отметить превосходную книгу американского исследователя Роя Франклина Бартона (1883–1947) «Экономика ифугао» (Barton, 1922), появившуюся в том же году, что и «Аргонавты» Б. Малиновского.

Накапливающийся материал все в большей степени подтверждал правоту Малиновского, увидевшего в куле экономическое явление огромной теоретической важности. Аналогичные формы обмена были обнаружены и у других культурно-языковых групп. Было открыто большое число и другого рода «иррациональных», «бессмысленных», т. е. не укладывающихся в рамки привычных представлений, экономических отношений.

Сводя воедино все эти данные, Н. Миллер писал в 1937 г., что «теперь становится очевидным, что термины, которые обычно используются для описания „экономической“ жизни, должны быть значительно пересмотрены. Коллективные усилия, предпринимаемые людьми для обеспечения выживания и в большей степени комфорта в негостеприимной среде, обычно рассматриваются как основа, на которой воздвигнута более тонкая суперструктура культуры, т. е. искусство, религия, мораль. Экономисты традиционно мыслили, что имеют дело с усилиями человека уменьшить материальную ограниченность и уничтожить нужду. Факты не согласуются с этими положениями» (Miller, 1937. Р. 443). Они неопровержимо свидетельствуют о существовании глубокого, коренного отличия примитивной экономики от капиталистической. «Отсутствие того, что может быть названо „страстью к приобретательству“, и высокой оценки индивидуально накопленного богатства является поражающим. Своекорыстные чувства или совсем отсутствуют, или быстро перевешиваются давлением коллективных требований через обращение к личному тщеславию индивида. „Богатство“, как думается, состоит не столько в обладании, сколько в даче и отдаче, в постоянном распределении или циркуляции ценностей от человека к человеку. Так как побуждение к активному распределению проистекает из социальных чувств личного достоинства и престижа, то отсюда следует, что „экономическая“ жизнь не управляется простой рассчитанной количественной выгодой. Этот тип обмена скорее характеризуется этикетом и формализмом. Тот экономический рационализм, который лежит в основе современной коммерции и торговли, практически отсутствует» (Р. 443–434).

Но если накопление фактического материала шло в 20-е и 30-е гг. сравнительно быстрыми темпами, то значительно хуже обстояло дело с разработкой теоретических проблем. То, что маржиналистские концепции не годились в какой-то степени признавали многие этнографы. Но создать целостную теорию первобытной экономики никому

не удавалось. Исследователи в большинстве случаев оказались не в состоянии продвинуться дальше частных обобщений, дальше постановки отдельных проблем.

Среди всех этих работ наибольший интерес представляет труд французского социолога и этнографа Марселя Мосса (1872–1950) «Очерк о даре» (Mauss, 1925; Мосс, 1996). Прежде всего, он показал принадлежность кулы и потлача к одному кругу явлений, который в последующем получил название престижной экономики. Правда, это было сделано не вполне в адекватной форме. М. Мосс фактически отождествил кулу и потлач, в то время как они представляют два разных вида престижно-экономических связей. Не мог он и отличить обычный дарообмен от престижного. Но как бы то ни было, М. Мосс одним из первых, если не первым показал, что престижная экономика в прошлом имела самое широкое распространение по всему миру. Работа содержит много интересных догадок, но в целом и М. Мосс не смог создать теории ни престижной экономики, ни тем более первобытной экономики в целом.

Однако, по мере накопления фактического материала, обходиться без общей теории становилось все труднее. И не сумев создать такую теорию собственными силами, специалисты по экономической антропологии потянулись за помощью к экономистам. Наряду с этим наметилось и встречное движение. Если первоначально доклассовой экономикой занимались почти исключительно этнографы, то со временем она стала привлекать внимание и экономистов, которые в подавляющем большинстве стояли на позициях маржинализма.

Обратившись к первобытной экономике, буржуазные политэкономы приложили все усилия к тому, чтобы доказать полную применимость к ней всех основных принципов и категорий маржинализма. «Применим ли метод современной экономической теории в равной степени и к тробрианцу, и к лондонцу? К крестьянину Восточной Европы и китайскому аристократу?», — спрашивал в опубликованной в 1939 г. работе «Принципы экономической социологии. Экономика примитивной жизни на примере банту» Дэвид Мартин Гудфеллоу. И категорически утверждал: «...Предположение, что может быть более одной экономической теории, абсурдно. Если современный экономический анализ с его инструментальными понятиями не может быть в равной степени применим и к австралийскому аборигену, и к лондонцу, не только экономическая теория, но социальная наука в целом могут быть в значительной степени дискредитированы» (Goodfellow, 1939. P. 3–4).

Если теперь принять во внимание, что в 30-е гг. в сферу исследований — экономических антропологов, наряду с доклассовой экономикой, начала постепенно входить и крестьянская, в которой товарно-денежные отношения играли значительную роль, то становятся ясными причины наметившегося среди них поворота в сторону

признания формальной экономической теории. Он нашел свое достаточно отчетливое выражение в вышедшей в 1939 г. книге Раймонда Уильяма Ферса (1901–2002) «Примитивная полинезийская экономика» (Firth, 1967) и в опубликованном год спустя труде Мелвила Джина Херсковица (1895–1963) «Экономическая жизнь примитивных народов» (Herscovits, 1940) (был переиздан в 1952 г. в переработанном виде под названием «Экономическая антропология. Исследование сравнительной экономики» (Herscovits, 1952)). Так возникло теоретическое направление в экономической антропологии, которое в дальнейшем получило название *формалистского*.

Однако принятие формальной экономической теории этнографами было далеко не безоговорочным, что можно наглядно видеть на примере работ Р. Ферса — одного из лучших знатоков как доклассовой, так и крестьянской экономики. С одной стороны, Р. Ферс провозглашал применимость формальной экономической теории к анализу примитивной экономики, с другой, он не мог не видеть, что «сама природа современной экономической теории создает фундаментальные трудности для применения ее техники к изучению примитивных институтов» (Firth, 1967. P. 22). И эти трудности, как он признает, уже неоднократно проявлялись. «Антрополог, привлеченный вначале некоторыми обобщениями теоретика-экономиста, вскоре наотрез от них отказывается... Его буквально поражает прямая неприменимость к примитивному обществу многого из понятийного аппарата и терминологии экономической науки» (P. 27).

И Р. Ферс пытается разобраться, что именно из формальной экономической теории может быть использовано для анализа примитивной экономики. Выводы, к которым он приходит, далеко не утешительны. Он вынужден признать, что «принципов экономики, которые поистине общи и универсальны, мало. Большинство из тех, что претендуют на универсальность, были созданы первоначально внутри рамок идей индустриальной, капиталистической системы» (Firth, 1951. P. 122). «Если мы рассмотрим положения экономической науки, — пишет он в другом месте, — то увидим, что все они, кроме наиболее абстрактных и формальных, выражены в терминах институционализированных понятий» (P. 125). А такие понятия, даже когда они прямо не относятся к экономическим институтам капитализма, необходимо предполагают их существование. Поэтому «многие из этих понятий чужды тем видам экономики, что описывают антропологи» (P. 125).

Таким образом, по мнению Р. Ферса, из всех понятий и положений маржинализма к примитивной экономике может быть применено лишь несколько самых абстрактных и общих. К ним относятся положения, «что экономическая деятельность заключается в применении ограниченных средств к альтернативным целям, что это применение управляется принципами рационального выбора, и что целью индивидов, занятых экономической деятельностью, является максимизация удовлетворения» (Firth, 1967. P. 356).

Однако, как показывает сам же Р. Ферс, все попытки практически использовать даже эти, казалось бы, самые общие, универсальные положения для анализа примитивной экономики наталкиваются на непреодолимые трудности. Оказывается, что экономисты, категорически настаивая на универсальности положений маржинализма, в то же время буквально ничего не могут сказать о том, как их вообще можно использовать для анализа какой-либо другой экономики, кроме капиталистической (Firth, 1951. P. 131; 1967. P. 26).

«Тенденция экономистов, — писал Р. Ферс, — заключается в претензии на всю сферу, где имеет место выбор при распределении ресурсов, как на свою область, но на практике они ограничивают свой анализ ситуацией, где существуют цены, где все измеряется в деньгах» (Firth, 1951. P. 131). Соответственно, все они под максимизацией понимают извлечение наибольшей возможной в данных условиях денежной выгоды (Firth, 1967. P. 26).

Но в примитивном обществе деньги отсутствуют. Там неизбежно должны действовать иные стимулы. Можно, конечно, предположить, что человек в примитивном обществе руководствуется стремлением к материальной выгоде, к наибольшему возможному удовлетворению своих материальных потребностей. Но даже если это допустить, совершенно неясно, каким образом можно осуществить в данных условиях рациональный расчет максимизации. Ведь если нет денег, то тем самым отсутствует способ выразить все возможные варианты распределения ограниченных ресурсов между альтернативными целями человека в одних и тех же количественных единицах и тем сделать их сопоставимыми, сравнимыми.

Но дело еще более усложняется, если мы примем во внимание, что люди примитивного общества руководствуются в своей экономической деятельности отнюдь не только стремлением к прямой материальной выгоде. А на этом Р. Ферс категорически настаивает. «Иногда воображают, — пишет он, — что главным стимулом экономической деятельности людей племенного общества является непосредственное желание удовлетворить свои материальные нужды... Это является важным фактором в их жизни. Но было бы ошибочным интерпретировать их экономическую организацию как простую реакцию на их потребности в пище, одежде, жилье и т. п. Во-первых, эта реакция не индивидуальная, а социализированная, общественная. Ценность пищи, заключается для них не просто в ее способности утолить голод, но и в том, что она может быть использована для выражения их обязательств по отношению к свойственникам, вождям, предкам, для проявления гостеприимства, для выставления напоказ богатства, для устройства инициации или браков сыновей... Вся экономическая система этих людей пронизана данным сложным, комплексом духовных ценностей. Из этого можно видеть, во-вторых, что многие из потребностей, на которых базируется их экономическая жизнь, носят

нематериальный характер. Стремление создать себе репутацию может толкать человека к накоплению пищи, коров, каноэ, но в определенных случаях это побуждает его к отказу от накопления, заставляет его преднамеренно давать больше, чем он получает взамен, или расходовать свои ресурсы на то, чтобы женить сына или похоронить отца, или, как в крайнем случае потлача индейцев северо-западного побережья Северной Америки, разрушать наиболее ценную свою собственность с тем, чтобы стать выше соперника в глазах окружающих. Все это — экономическое поведение, ибо связано с выбором способа распоряжения богатством. Но оно не покрывается идеей, что максимизация удовлетворения материальных потребностей является экономической целью» (Firth, 1956. P. 74–75).

По какому же признаку можно отделить в этих условиях вариант распределения ресурсов, обеспечивающий максимизацию, от всех прочих, менее экономичных? И здесь сторонникам маржинализма ничего другого не остается, как рассуждать примерно таким образом: раз человек выбрал данный вариант распределения ресурсов, значит он и обеспечивает максимальное удовлетворение его потребностей.

Р. Ферс указывает на возможность такого подхода. «Если тикопиец бросает свою копательную палку и оставляет саженцы таро вянуть, чтобы идти и причитать на похоронах тетки, или разрушает каноэ, потому что племянник совершил самоубийство путем ухода в море, или воздерживается от строительства каноэ, ибо на громкий шум наложено табу, пока не высажен ямс, то может быть постулировано, что эти изменения в деятельности человека или разрушение его собственности представляют собой выбор, сделанный с учетом альтернатив, что удовлетворение, которое он получил от этого выбора, большее, чем он получил бы, приняв другой курс действия, и что для экономического анализа самое важное — достигнутый результат» (Firth, 1967. P. 357–358). Но, хотя такого рода подход и возможен, он ничего не дает для понимания экономической жизни примитивного общества, ибо его «результатом был бы анализ, который оторван от реальности и исключает возможность предсказания будущего» (P. 357). Действительно, в таком случае ни о каком рациональном калькулировании, ни о каких принципах рационального выбора не может быть и речи. И все применение формальной экономической теории к анализу примитивной экономики сведется к обряжению актов человеческой деятельности в мишуру маржиналистской терминологии. Но, показав, что подобного рода «экономический анализ» примитивной экономики представляет собой пустую фразеологию, Р. Ферс ничего не может предложить взамен.

Таким образом, сам Р. Ферс в достаточной мере убедительно показывает, что ни формальная экономическая теория в целом, ни ее наиболее общие и абстрактные положения и понятия ни в малейшей степени не помогают разобраться в примитивной экономике. «Эко-

номическая деятельность, — читаем мы у Р. Ферса, — подчинена социальным целям. Только путем изучения этих целей можно увидеть, как особая экономическая система действует». Но формальная экономическая теория никогда даже не претендовала на исследование социальных целей (Firth, 1951. P. 153).

Именно сознание непригодности формальной экономической теории для анализа примитивной экономики заставляет Р. Ферса все время возвращаться к мысли о необходимости ее перестройки или даже создания новой экономической теории. Так, например, в «Примитивной полинезийской экономике» он ставит задачу «перевода формальных принципов анализа в систему обобщений, которая была бы способна объяснить и предсказать экономическое поведение в обществах иных, чем наше» (Firth, 1967. P. 28). В другом месте он формулирует эту мысль несколько иначе: «В идеале примитивной экономике требуется: анализ материала из нецивилизованных общин, причем таким образом, чтобы его можно было прямо сравнить с материалом современной экономики, сопоставление положения с положением, что позволило бы в конечном счете построить обобщения, которые резюмировали бы явления и цивилизованных, и нецивилизованных, и денежных, и безденежных общин в единую теорию принципов человеческого поведения, которая была бы поистине универсальной» (Firth, 1951. P. 129).

По существу Р. Ферс здесь прямо отказывает формальной экономической теории в праве считаться универсальной, трактуя ее лишь как теорию современной (т. е. буржуазной) экономики. Остается совершенно непонятым, почему для понимания капиталистической экономики вполне достаточно специальной ее теории, а для анализа примитивной необходимо создание универсальной теории, охватывающей без исключения все экономики. Ведь гораздо более логичным был бы вывод о необходимости создания специальной теории примитивной экономики.

Все попытки создать универсальную экономическую теорию, содержащую понятия еще более общие, еще более абстрактные, чем формальный экономический анализ, и в то же время дающую ключ к пониманию примитивной экономики, ни к чему не привели, да и не могли привести. Р. Ферс не мог этого не понять. В книге «Элементы социальной организации», появившейся десятилетия спустя после «Примитивной полинезийской экономики», он видит теоретическую задачу экономической антропологии не в создании новых, более универсальных экономических категорий, а в «контекстуализации» тех универсальных положений, что выработал маржинализм, причем понимает ее он довольно широко. Речь идет о выражении положений маржинализма в новых терминах, о создании новых понятий, которые были бы применимы к примитивному обществу. Он говорит даже о целом «понятийном аппарате для изучения примитивного общества», в который будет абсорбирована лишь очень незначительная часть того, что содержится в формальной экономической теории (Firth, 1951.

Р. 129). По существу Р. Ферс здесь приближается к идее о необходимости создания специальной теории первобытной экономики. Однако эту идею он нигде сколько-нибудь четко не выражает. Буквально тут же мы находим утверждения об универсальности маржинализма и о его пригодности к исследованию примитивной экономики.

В целом взгляды Р. Ферса крайне противоречивы. Он соединяет признание глубокого, качественного различия между примитивной и капиталистической экономикой с отрицанием этого различия; категорическое настаивание на применимости маржинализма к анализу примитивной экономики с убедительной демонстрацией его полной непригодности для этой цели.

То же самое характерно и для воззрений М. Херсковица. В его «Экономической антропологии» торжественное провозглашение применимости формальной экономической теории к примитивным обществам противоречиво сочетается с фактическим доказательством полной несостоятельности этого тезиса (Herscovits, 1965. Р. 3–7, 17–23, 60, 155–163 и др.).

5. Субстантивисты против формалистов

В 20–30-х гг. экономическая антропология занимала сравнительно скромное место в системе этнологических исследований. В 40–60-х гг. она приобретает все более важное значение, превращаясь в одну из ведущих этнографических дисциплин. Это прежде всего связано с теми огромными изменениями, которые произошли после Второй мировой войны — развертыванием массовых национально-освободительных движений и возникновением молодых независимых государств в Азии, Африке и Океании.

Проблемы экономического развития как стран, добившихся политической независимости, так и тех, что продолжали оставаться колониями, оказались в центре внимания. Но решение их предполагало детальное знание как традиционной экономической структуры, так и тех изменений, которые происходили в ней в результате ее втягивания в орбиту мировой экономики. И помочь в этом могла только экономическая антропология.

Отсюда резкое возрастание размаха исследований в этой области и вместе с тем изменение их направленности. Продолжалось исследование примитивной экономики, причем работ, посвященных ей, в 40–60-х гг. было опубликовано значительно больше, чем в 20–30-х. Это монографии об экономике отдельных народов: (Nadel, 1942; Stevenson, 1944; Gitlow, 1947; Mead, 1947; Thomson, 1949; Codere, 1950; Odaka, 1950; Belshaw, 1954; 1955; 1965; Gulliver, 1955; Oliver, 1955; Winter, 1955; Wagner, 1956; Conclin, 1957; Sahlins, 1958; Sy-Chuan, 1958; White, 1959; Price, 1962; Salisbury, 1962; Uberoi, 1962; Douglas, 1963; Pospisil, 1963a;

1963b; Mellassoux, 1964; Saxena, 1964; Alkire, 1965; Bascom, 1965; Sundstrom, 1965; Elmsberg, 1966; Hammond, 1966; Singh, 1966; Drucker, Heizer, 1967; Harding, 1967; Rapoport, 1967; Bohanan and Bohanan, 1968; Epstein, 1968; Hart and Pilling, 1960); общие работы: (Einzig, 1949; Quiggin, 1949; Herscovits, 1952; Nash, 1966; Birketh-Smith, 1967; Barnett, 1968); сборники: (Bohanan and Dalton (eds.), 1962; London (ed.), 1963; Herscovits and Harwitz (eds.), 1964; Helm (ed.), 1965; Helm, Bohanan and Sahlin (eds.), 1965; Firth (ed.), 1967; Dalton (ed.), 1967; LeClair and Schneider (eds.), 1968; DeVore and Lee (eds.), 1968; Gray and Birmingham, 1970).

Но эта экономика менялась буквально на глазах исследователей, и естественно, что в их работах все большее место стал занимать анализ этих изменений. И в целом центр исследований экономических антропологов постепенно стал перемещаться с примитивной экономики на крестьянскую. В целом накопление фактических данных в течение этого времени шло необычайно быстрыми темпами. И попытки втиснуть этот поистине гигантский материал в рамки формальной экономической теории не могли не способствовать выявлению всей несостоятельности этого подхода к доклассовой экономике.

Как реакция на появление «*формалистского*» направления в экономической антропологии постепенно возникло и выкристаллизовалось теоретическое течение, придерживавшееся совершенно иных взглядов на примитивную экономику. Если духовным предтечей этого направления, получившего название *субстантивистского*, был Б. Малиновский, то его непосредственным основоположником — экономист и историк экономики Карл Поланьи (1886–1964) (о нем: Dalton, Bohanan, 1965; Humphrays, 1965; Stanfield, 1986; Polanyi-Levit (ed.), 1990; Bary, 2005).

В центре внимания К. Поланьи находились не столько различия между примитивной и капиталистической экономикой, сколько между докапиталистическими экономическими системами и домонополистическим капитализмом XIX в. Среди докапиталистических экономик его прежде всего интересовали «примитивные» («племенные») и «архаичные». Под первыми он понимал экономику первобытных и переходных к классовым обществам, под вторыми — экономику древних классовых, в том числе древневосточных, обществ.

Впервые свои взгляды по этим вопросам он изложил в 1944 г. в книге «Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени» (Polanyi, 1944), а также в ряде статей, но определенную известность они получили лишь после выхода в 1957 г. в свет книги «Торговля и рынок в ранних империях» (Polanyi, Arsenberg, Pearson (eds.), 1957), где было опубликовано несколько его работ (Polanyi, 1957a; 1957b; 1957c; 1957d). В том же сборнике были напечатаны и статьи ряда его единомышленников (Arsenberg, 1957; Hopkins, 1957; Fusfield, 1957; Neale, 1957a; 1957b; Pearson, 1957a; 1957b; 1957c etc.). Другими, кроме К. Поланьи, крупными представителями *субстантивизма*

являются Джордж Дальтон (Dalton, 1961; 1962; 1964; 1966; 1968; 1969a; 1969b; 1971a; Dalton (ed.), 1971b; 1971c) и Маршалл Салинс (Sahlins, 1958; 1960; 1962; 1963; 1965; 1966; 1968a; 1968b; 1969; 1972).

К. Поланьи настаивает на необходимости четкого разграничения двух различных значений термина «экономика» — формального и субстантивистского. Формальное значение связано с понятием «экономить», «экономизировать». Экономика в формальном смысле существует везде, где экономят, экономизируют. Отсюда сторонники формальной экономической теории делали вывод, что существование экономики равнозначно существованию экономизирования, рационального калькулирования, а так как экономика универсальна, то отсюда необходимо следует, что такую же природу имеют экономизирование, максимизирование и т. п.

К. Поланьи указывает, что в подобного рода рассуждении формальное значение термина «экономика» незаметно подменяется другим — субстантивистским. Экономика действительно универсальна, но вовсе не в смысле наличия во всех обществах экономизирования, максимизации, а лишь в том значении, что в каждом обществе неизбежно должен иметь место процесс производства, распределения и потребления материальных благ и услуг.

Нетрудно заметить, что, говоря об экономике в субстантивистском значении этого термина, Поланьи фактически имеет в виду производство вообще. Далее он пытается перейти к понятию об общественно определенном производстве.

Чтобы бесперебойно снабжать общество всеми необходимыми материальными благами, экономический процесс должен отличаться единством и стабильностью, а это может быть обеспечено лишь действием определенных общественных институтов. Экономика всегда является институционализированным процессом. «Институционализация экономического процесса, — пишет К. Поланьи, — наделяет этот процесс единством и стабильностью; это порождает структуру с определенной функцией в обществе» (Polanyi, 1968. P. 148). Именно общественные институты, через посредство которых организован экономический процесс, определяют мотивы и стимулы, побуждающие человека к производству. В изучении именно институционального, а не технического аспекта экономики и заключается задача экономической науки вообще, экономической антропологии в частности.

Большое внимание в своих работах К. Поланьи уделяет анализу экономики домонополистического капитализма, которую он резко противопоставляет всем прочим экономическим системам. Капиталистическую экономику он характеризует прежде всего как рыночную, как саморегулирующуюся систему рынков. «В рыночной экономике, — пишет К. Поланьи, — производство и распределение материальных благ в принципе осуществляется через саморегулирующуюся систему рынков со свободно устанавливающимися ценами. Она управ-

ляется своими собственными законами — законами спроса и предложения и стимулируется страхом перед голодом и погоней за прибылью. Не кровные узы, правовое принуждение, религиозные обязательства, верность сюзерену или магия создают социологические ситуации, которые заставляют индивидов участвовать в экономической жизни, но специфические экономические институты, такие, как частное предприятие и система заработной платы» (Polanyi, 1968. P. 81–82).

Следует отметить, что многие из ученых, не исключая и советских, решительно отрицая, что стремление к прибыли является естественным и вечным стимулом производства, в то же время приписывают такую роль страху перед голодом. К. Поланьи убедительно показывает, что страх перед голодом как стимул к труду не в меньшей степени обусловлен капиталистической организацией экономики, чем стремление к максимальной прибыли. «Голод и прибыль, — пишет он, — связываются с производством через необходимость „зарабатывать доход“. При такой системе человек, если хочет остаться в живых, принужден покупать блага на рынке с помощью дохода, полученного от продажи других благ на этом же рынке» (Р. 64). Сама экономическая система диктует человеку, как ему себя вести. Если он рабочий, то продает труд по существующей цене, если собственник капитала, то добывает максимально возможной прибыли. И никакими другими мотивами, кроме извлечения денежной выгоды, человек в экономической, рыночной сфере руководствоваться не может.

Анализ капитализма у К. Поланьи носит довольно односторонний характер. Однако он дает ему возможность показать, что формальное значение термина «экономика», в отличие от субстантивистского, относится не к экономике вообще, а лишь к капиталистической ее форме, что все вообще понятия и положения маржинализма имеют своим истоком рыночные капиталистические отношения, что маржинализм является вовсе не универсальным экономическим учением, а всего лишь теорией капиталистического рынка (Р. 140–145).

Характерную особенность домонополистического капитализма К. Поланьи видит в том, что экономика в институциональном отношении отделена от общества, образует особую самостоятельную сферу со своими собственными законами, противостоящую всем остальным сферам и прежде всего политической. «При рыночной системе, — подчеркивает К. Поланьи, — существование человека обеспечивается посредством институтов, что приводятся в действие экономическими мотивами и управляются законами, которые являются специфическими. Огромный всеобъемлющий механизм экономики может быть понят как работающий без вмешательства человеческой власти, государства или правительства; нет нужды в появлении каких-либо других мотивов, кроме страха перед нищетой и желания законной прибыли; никаких других юридических требований не возникает, кроме охраны собственности и обеспечения контракта» (Р. 82).

Так как нормальное функционирование экономики является необходимым условием существования общества, то из этого следует, что все оно в целом должно быть при капитализме приспособлено к нуждам экономики, определяться последними. Рыночная экономика может существовать лишь в «рыночном обществе». К. Поланьи признает справедливость «экономического детерминизма», под которым он понимает, в частности, и марксово материалистическое понимание истории, по отношению к домонополистическому капитализму. При капитализме экономическая система действительно не просто влияет на остальное общество, а определяет его, определяет все общественные институты и тем общество в целом (Polanyi, 1968. P. 61, 70, 71).

Однако распространение «экономического детерминизма» на все человеческие общества К. Поланьи характеризует как заблуждение, имеющее своей основой игнорирование коренного отличия экономики примитивного и архаичного обществ от капиталистической. Глубоко ошибочно представлять это отличие как заключающееся в том, что в примитивном и архаичном обществах просто существуют качественно иные экономические отношения, чем в капиталистическом. Вся суть дела, по мнению К. Поланьи, состоит в том, что в примитивном и архаичном обществах экономика занимает совершенно иное место, иное положение, чем в капиталистическом. Если в капиталистическом обществе она образует особую сферу, противостоящую остальному обществу, то в примитивном и архаичном она «погружена», «встроена», «врезана» в само общество (P. 7, 23, 65, 66. 84).

В примитивном и архаичном обществах специальных экономических институтов, базирующихся на экономических мотивах, либо совсем не существует, либо они не играют сколько-нибудь существенной роли (P. 9, 30). Экономический процесс в них организован через посредство не экономических, а социальных институтов. «Элементы экономики, — пишет К. Поланьи, — погружены в неэкономические институты, экономический процесс институционализирован через посредство родства, брака, возрастных групп, секретных обществ, тотемных ассоциаций и публичных торжеств» (P. 84).

Соответственно, в примитивных и архаичных обществах человеком движут не индивидуальные экономические интересы, не стремление извлечь наибольшую личную материальную выгоду, как при капитализме, а мотивы социальные. «Его целью является не защита личных интересов в приобретении материальной собственности, но скорее обеспечение санкции доброй воли, своего социального положения, своих социальных ценностей. Он ценит собственность прежде всего как средство достижения этой цели. Его стимулы — „смешанного“ характера, что мы связываем со старанием достигнуть социального одобрения: производственные усилия не более чем побочны по отношению к этому. Экономика человека, как правило, погружена в его социальные отношения» (P. 65).

Как именно должен вести себя человек, чтобы добиться социального одобрения и обеспечить себе достойное положение в обществе, определяется семейными, моральными, политическими, религиозными, правовыми и иными неэкономическими факторами. Социальные интересы, порождаемые этими институтами, различны в разных примитивных и архаичных обществах, но экономическая система приводится в действие неэкономическими мотивами (Polanyi, 1968. P. 7). «Обычай и закон, магия и религия кооперируются в побуждении индивида к подчинению правилам поведения, которые в конечном счете обеспечивают его функционирование в экономической системе» (Р. 19).

Таким образом, между примитивными и архаичными экономиками, с одной стороны, и капиталистической, с другой, существует глубокое качественное отличие. В частности, оно выражается в том, что в примитивных и архаичных обществах рынок либо совсем не существует, либо играет несущественную роль. Естественно, что формальная экономия, являющаяся теорией капиталистического саморегулирующегося рынка со свободно устанавливающимися ценами, совершенно непригодна для анализа примитивной и архаичной экономик. Использование ее понятий и принципов не только не способствует, но, наоборот, препятствует пониманию экономической жизни примитивных и архаичных обществ.

Необходимостью, таким образом, является создание специальной теории примитивной экономики, базирующейся на совершенно иных принципах, чем маржинализм. Этот вывод и был сделан К. Поланьи. Наиболее четко он был сформулирован Дж. Далтоном: «Различие между примитивной экономической организацией... и нашей столь велико, что специальная система понятий, руководящих идей и терминов необходима для анализа этих жизнеобеспечивающих (subsistence) экономик» (Dalton, 1969a. P. 69).

Но, ставя вопрос о создании специальной теории примитивной экономики, К. Поланьи и Дж. Далтон тем самым вступали в противоречие со своими же собственными исходными положениями.

К. Поланьи нигде в работах не употребляет термина «экономические отношения», предпочитая говорить об «экономических институтах». Редко он употребляет и термин «социальные отношения», чаще всего говоря о «социальных институтах». Смысл же последнего термина весьма неопределен. Разные авторы вкладывают в него далеко не одинаковый смысл. Все это затрудняет понимание взглядов К. Поланьи. Однако основная его мысль ясна: при капитализме существуют специфические экономические отношения, образующие в обществе особую систему; в примитивных и архаичных обществах особых экономических отношений не существует, их роль выполняют моральные, религиозные, политические и иные неэкономические отношения.

Но если согласиться с ним, то мы должны неизбежно прийти к выводу, что нет и не может быть никакой особой теории примитив-

ной и архаичной экономики. Ведь если в примитивном обществе родственные, брачные, моральные, религиозные отношения одновременно функционируют и как экономические, то отсюда следует, что теории родственных, семейно-брачных, моральных, религиозных отношений должны быть одновременно и теориями первобытной экономики.

Однако, вступая в противоречие со своими собственными исходными положениями, К. Поланьи стремится создать особую теорию примитивной и архаичной экономики, отличную от теории морали, религии, политики и т. п.

В своих работах он выделяет три основные формы интеграции экономики. Одна из них — *рыночный обмен* — характерна для капитализма, две другие — *реципрокация* (или *реципрокность*) (*reciprocity*) и *редистрибуция* (*redistribution*) — для примитивных и архаичных обществ.

Под реципрокацией К. Поланьи понимает взаимный обмен дарами, вытекающий из обязательств, существующих между родственниками и друзьями, под редистрибуцией — переход части продукции, произведенной в обществе, в распоряжение центра (главаря, вождя, деспота и т. д.), с последующим ее распределением либо среди нуждающихся членов общества, либо среди элиты, с использованием ее для различного рода общественных нужд и т. п. Для примитивных (племенных) обществ К. Поланьи считает характерными и реципрокацию и редистрибуцию, для архаичных, в число которых он включает Древний Египет, Вавилонию, — редистрибуцию (Polanyi, 1968. P. 9–14, 153–156).

В то же время он специально предупреждает, что эти формы интеграции экономики нельзя рассматривать как «стадии развития». Между ними не существует строгой последовательности во времени. Кроме того, в любом обществе наряду с господствующей формой могут существовать в качестве подчиненных и остальные, которые, однако, в данном случае для экономики данного общества формами интеграции не являются (P. 155–156).

Определенные уточнения внес в эти понятия Дж. Дальтон. Прежде всего, он охарактеризовал реципрокацию, редистрибуцию и рыночный обмен как общие способы передачи, циркуляции материальных благ и услуг (Dalton, 1968. P. XIV). Далее он определил редистрибуцию как систему обязательных платежей со стороны общества центральной политической или религиозной власти с последующим использованием полученной продукции для обеспечения существования представителей власти, организации общественных работ, оказания помощи населению в случае стихийных бедствий и т. п. (P. XIV). Собственно примитивное общество он определял как основанное на реципрокации, а архаичное — как базирующееся на редистрибуции.

Не ограничиваясь общими положениями о реципрокации и редистрибуции, К. Поланьи, а вслед за ним и Дж. Дальтон, и М. Салинс предприняли попытки дальнейшей разработки этих понятий и их применения для анализа целого ряда сложных явлений экономической

жизни примитивных и архаичных обществ. В целом их работы, несомненно, представляют определенный шаг вперед в исследовании той самой экономической структуры примитивных обществ, существование которой они по существу отрицали. И по мере того как они все дальше продвигались в своих изысканиях, противоречие между отрицанием ими существования экономических отношений в примитивном обществе и определенными результатами, достигнутыми в анализе этих отношений, становилось все более явственным. Отсюда попытки каким-либо образом его преодолеть.

В последней работе К. Поланьи, посвященной проблемам примитивной и архаичной экономики, которая увидела свет в 1960 г., встречаются положения, вступающие в противоречие с тем, что говорилось в его прежних трудах. Он здесь, в частности, прямо заявляет, что в любом обществе экономика образует особую подсистему, отличную от таких его подсистем, как политическая и религиозная. Далее он подчеркивает, что единство и стабильность экономического процесса прежде всего обеспечиваются основными формами интеграции — реципрокностью, редистрибуцией и рыночным обменом, действующими порознь или совместно. И, наконец, он говорит об институтах, неотъемлемых от таких форм интеграции, как реципрокация и редистрибуция, как об экономических (Polanyi, 1968. P. 307–310). Однако все эти идеи лишь намечены, и буквально рядом с ними мы находим повторение всех старых положений.

Взгляды Дж. Дальтона по этому вопросу тоже крайне противоречивы. Принимая положение К. Поланьи о том, что в примитивных обществах экономика погружена в социальные отношения, он истолковывает его несколько по-своему. Если К. Поланьи упорно подчеркивал, что родственные, моральные, политические и т. п. институты, через посредство которых был организован экономический процесс, были неэкономическими, сохраняя термин «экономическое» лишь для характеристики рыночного обмена и связанных с ним мотивов личной материальной выгоды, то Дальтон предпринимает попытку расширить понятие «экономического». Товарообмен и все связанное с ним он характеризует как «чисто экономическое» или «коммерческое» (Dalton, 1966b. P. 733–773). Родственные, политические, религиозные и т. п. институты он квалифицирует как такие, которые являются одновременно и социальными, и экономическими, т. е. как социально-экономические. «Передачи материальных благ в примитивном обществе представляют собой выражение социальных обязательств и не имеют никакого собственного механизма и никакого собственного значения в отрыве от социальных уз и социальных ситуаций, которые они выражают. „Экономики“ в западном значении этого слова в примитивном обществе нет, есть лишь социально-экономические институты и процессы» (Dalton, 1961. P. 21).

Однако с точкой зрения, согласно которой родственные, политические и т. п. отношения являются в примитивном обществе одновременно и экономическими, у Дальтона переплетается другая.

Если К. Поланьи под «экономикой» в субстантивистском смысле слова подразумевает прежде всего производство вообще, то Дж. Дальтон, говоря об «экономике», чаще всего имеет в виду экономическую организацию, экономическую структуру. В отличие от К. Поланьи, он постоянно пользуется терминами «экономическая организация», «экономическая структура», говорит даже о «типах систематической экономической структуры». «То, что мы называем экономической организацией, — пишет он, — есть система действующих правил, посредством которых естественные ресурсы, человеческая кооперация и технология соединяются вместе, чтобы обеспечивать общество материальными благами и услугами специалистами постоянным и повторяющимся образом» (Dalton, 1969a. P. 72). Изучение этих структурных правил и установлений и является задачей экономической антропологии.

Но если и в примитивном обществе существует особая экономическая организация, то, спрашивается, каково же ее отношение к остальным общественным связям? «Маркс был неправ, — отвечает на этот вопрос Дальтон, — распространяя экономическое детерминирование социальной организации на ранние и примитивные общества. Действительный урок экономической антропологии заключается в том, что экономическая организация в примитивном обществе не оказывает определяющего влияния на социальную организацию и культуру. Скорее, именно родство, племенная принадлежность, политическая власть и религиозные обязательства контролируют, управляют и выражаются в экономике в примитивных обществах» (Dalton, 1968. P. XVII). «Эти примитивные экономики, — подчеркивает он в другой работе, — так организованы, что распределение труда и земли, организация труда в производственном процессе и распоряжение благами и услугами — короче, производство и распределение представляют собой выражение лежащих под ними родственных обязательств, племенной принадлежности и религиозного и морального долга» (Dalton, 1964. P. 381).

Буквально те же самые положения содержатся и в более поздней статье Дж. Дальтона «Теоретические проблемы экономической антропологии» (Dalton, 1969a. P. 73). В одном из комментариев к ней они были подвергнуты критике. «Прежде всего, — писал Дж. Блэкинг, — я не очень доволен взглядом, что формы экономической организации в „примитивных“ или „жизнеобеспечивающих“ экономиках часто являются выражением родственных, религиозных или политических отношений. Не в равной ли, если не в большей степени похоже, что родство, религия или политика представляют собой кристаллизацию и ритуализацию экономического процесса?» (Blacking, 1960. P. 80). Дж. Дальтон в своем ответе признал данную им в статье формулировку явно неудачной: «Заявление о том, что „экономическая организация

в примитивных или жизнеобеспечивающих экономиках часто представляет собой выражение родственных, религиозных или политических отношений“, приписывает первичность социальным отношениям и подчиненный, производный характер экономическим устройствам. Я бы предпочел не приписывать первичность ни тем, ни другим» (Dalton, 1969b. P. 80).

Здесь мы сталкиваемся уже с третьей его точкой зрения по этому вопросу. Если первая состояла в том, что в примитивном обществе родственные, религиозные, политические отношения одновременно являются и экономическими, вторая — в том, что экономические отношения в примитивном обществе производны от родственных, религиозных, политических, то третья — в том, что родственные, религиозные, политические отношения, с одной стороны, экономические, с другой, по существу в примитивном обществе равноправны. И если не все три, то по крайней мере первая и вторая точки зрения не просто соседствуют, но буквально переплетаются на страницах всех теоретических работ Дж. Дальтона.

Несмотря на все рассмотренные выше противоречия, К. Поланьи, а за ним и другие субстантивисты поняли, что для адекватного отображения некапиталистических экономических систем нужен иной категориальный аппарат, чем тот, которым пользуются экономисты, изучающие рыночную экономику, но их попытка создать его не увенчалась успехом. Предложенные ими понятия реципрокации, т. е. взаимности, и редистрибуции, т. е. перераспределения, оказались не слишком удачными.

Под термином «реципрокация» субстантивисты объединили совершенно разные экономические отношения: с одной стороны, некоторые формы первобытного распределения, с другой, ряд форм нетоварного обмена. Это, во-первых. А, во-вторых, противопоставляя реципрокацию товарному обмену как качественно иной форме экономической интеграции, субстантивисты не заметили, что товарообмен, по крайней мере в своем простейшем виде, в виде бартера, полностью подходит под созданное им понятие реципрокации.

Не лучше обстоит у него дело и с понятием редистрибуции, которое они рассматривают как ключевое для «архаичных» (т. е. для классовых докапиталистических) экономик. По существу под ним понимается явление, характерное для наиболее распространенного варианта политарной экономики — политообщинного: изымание прибавочного продукта с крестьян и последующее распределение его между членами господствующего класса. Термин «редистрибуция» («перераспределение») в данном случае не только не помогает понять сущность данного явления, а, наоборот, мешает этому. Плохо и то, что К. Поланьи, и другие субстантивисты не только называют перераспределением то, что им не является, но и крайне сужают это понятие. Реальное перераспределение в многообразных формах имеет место в качественно

различных системах социально-экономических отношений, включая, кстати, и капиталистическую, и играет в них самую различную роль.

Но даже если бы эти два понятия оказались более или менее подходящими, ни о каком понятийном аппарате здесь говорить не приходится. Категориальный аппарат всегда есть система более или менее значительного числа понятий. Но хотя попытка создания категорий, специфичных для нерыночных экономик, у субстантивистов и не удалась, сама идея разработки такого рода понятийного аппарата, является ценной.

Хотя субстантивизм проявил себя еще в 50-х гг., широкую известность он получил только в последующем десятилетии. Немалую роль в этом сыграла опубликованная в 1961 г. в журнале «Америкэн антрополоджист» статья Дж. Дальтона «Экономическая теория и примитивное общество» (Dalton, 1961), которая впервые сделала идеи субстантивизма достоянием самых широких кругов этнографов. После появления этой статьи и последующих работ Дж. Дальтона число сторонников этого направления стало быстро расти.

Реакция сторонников формалистского направления не замедлила последовать. Уже в следующем году в том же самом журнале появились статьи Робинса Берлинга (Burling, 1962) и Эдуарда Э. ЛеКлера (LeClair, 1962), в которых была предпринята попытка опровергнуть субстантивизм и отстоять идеи формализма. За ними последовали выступления и других сторонников формалистского направления (Cook, 1966a; 1966b; Cohen, 1967; Meltz, 1970). Естественно, они не остались без ответа. В результате все последующие 7–8 лет оказались временем ожесточенной борьбы этих двух теоретических направлений в экономической антропологии. Своей кульминации она достигла в 1968 г., когда под редакцией Эдуарда ЛеКлера и Гарольда К. Шнейдера вышел сборник «Экономическая антропология. Теория и анализ» (LeClair, Schneider (eds.), 1968).

В числе других в него были включены одна из работ К. Поланьи и упомянутая выше статья Дж. Дальтона. Но сборник был составлен сторонниками «формалистского» направления. Не ограничившись перепечатыванием пяти ранее опубликованных теоретических статей, в которых критиковался субстантивизм и защищался формализм, составители включили в его состав три специально написанных раздела, преследующих те же самые цели (части 1,4 и вторая секция части 5).

Однако, как бы ни стремились сторонники формалистского направления представить свои позиции неуязвимыми для субстантивистской критики, сами они не могли не сознавать всей ее основательности. Отсюда масса противоречий даже в самых общих исходных положениях их теоретических работ. С одной стороны, сторонники формализма категорически настаивают на том, что все основные понятия маржинализма (экономизирование, максимизация, рациональное калькулирование и т. п.) имеют универсальное значение, а с другой,

те же самые авторы говорят о необходимости создания более общей теории, чем современный маржинализм, создания подлинно универсальной экономической теории, по отношению к которой современная формальная экономика выступает лишь как частный случай.

Еще больше противоречий возникает, когда они пытаются реализовать свои общие положения. Одни и те же свои теоретические выкладки они трактуют одновременно и как создание новой, поистине универсальной экономической теории, и как до конца последовательное и тем самым истинное толкование сущности формальной экономической теории. В целом все выступления сторонников «формалистского» направления не только не помогли им отбить атаки субстантивистов и укрепить свои теоретические позиции, но, наоборот, нагляднейшим образом продемонстрировали полную бесплодность и практическую бесполезность маржиналистского подхода к первобытной экономике. И этого не могли не осознать и самые убежденные из них. В результате Э. ЛеКлер и Г. Шнейдер в той же самой работе, в которой они столь ревностно отстаивали применимость маржинализма к первобытности, в конечном счете пришли к выводу о необходимости существования наряду с универсальной экономической теорией и специальной теорией капиталистической экономики также и специальной теории примитивной экономики (LeClair, Schneider (eds.), 1968. P. 12, 487).

В дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Каррент антрополоджи» вокруг статьи Дж. Дальтона «Теоретические проблемы экономической антропологии» (Dalton, 1969a), в которой приняли участие 22 исследователя, мало кто из сторонников формальной экономической теории решился прямо отстаивать ее применимость к примитивному обществу. Почти все они говорили о необходимости создания новой, подлинно универсальной экономической теории.

По существу мы здесь имеем дело с отходом от формальной экономики многих ее сторонников. Но он не всегда сопровождался их переходом на позиции субстантивизма. И одна из важнейших причин такого положения вещей заключается в том, что в ходе дискуссии помимо практической бесполезности формализма раскрылись и слабые места субстантивизма. Хотя субстантивистская концепция и имеет определенные преимущества перед формалистской, но в целом и она не стала и не может стать подлинно научной теорией доклассовой экономики.

Результатом разочарования как в формалистской, так и в субстантивистской концепциях доклассовой экономики явилось появление своеобразной «средней» линии в экономической антропологии, сторонники которой выступили с критикой как того, так и другого теоретического направления (Cancian, 1966; Belshaw, 1967; Frankenberg, 1967; Edel, 1969; Panoff, 1970). Однако сами они никакого позитивного решения теоретических проблем доклассовой экономики не предложили. Некоторые из них увидели выход из того теоретического тупика,

в который зашла экономическая антропология, в своеобразном синтезе субстантивистской и формалистской концепций. Такая точка зрения встречается в работах исследователей, стоящих на позициях, во многом совпадающих с субстантивистскими (Kaplan, 1968). К подобному выводу склоняется и целый ряд сторонников формалистского направления.

Даже такие ревностные защитники формализма, как Э. ЛеКлер и Г. Шнейдер, вступая в противоречие со всем ими ранее сказанным, на последней странице своей совместной работы заявили, что специальная теория примитивной экономики возникнет, по их мнению, в результате скрещивания и даже слияния субстантивистской и формалистской школ в экономической антропологии (LeClair, Schneider (eds.), 1968. P. 487). Скот Кук, который в первых своих работах выступил в качестве непримиримого противника субстантивизма и ярого апологета формализма, в более поздних — не только признал, что экономическая антропология находится в теоретическом тупике, но и охарактеризовал оба существующие в ней направления как сектантские. По его мнению, выход из сложившегося положения следует искать на путях преодоления односторонности как формалистской, так и субстантивистской концепции (Cook, 1969).

6. После битвы

Однако все заявления о необходимости построения новой теории примитивной экономики на основе синтеза двух существующих направлений остались только словами. Никаких реальных попыток в этом направлении никто из экономических антропологов даже и не пытался предпринять. По существу вся западная экономическая антропология, а не только ее формалистское направление, оказались на рубеже 60-х и 70-х гг. в состоянии глубокого теоретического кризиса. Не только формалисты, но и субстантивисты в теоретическом отношении полностью исчерпали себя в ходе рассмотренной выше дискуссии. В результате к началу 70-х гг. она практически прекратилась. Лишь изредка появлялись ее отголоски. В целом в развитии экономической антропологии наметился определенный спад.

В 70-х гг. появилось несколько меньше работ, посвященных экономике доклассового общества, чем в предшествующем десятилетии (монографии об экономике отдельных народов: Rosman, Rubel, 1971; Strathern, 1971; Young, 1972; Hill, 1972; Oberg, 1973; Ndisi, 1974; Suttles, 1974; Volkman, 1975; Weiner, 1976; Hughes, 1977; Lee, 1979; Rubel and Rosman, 1978; Silioe, 1979; Bergman, 1980; Missing, 1980; общие работы: Titmus, 1971; Sahlins, 1972; Schneider, 1974; Prior, 1977; сборники: Meillassoux (ed.), 1971; Dalton (ed.), 1971a; 1971b; 1971c; Bicchieri (ed.), 1972; Plattner (ed.), 1975; Seddon (ed.), 1978; Specht and White (eds.), 1978; Clammer (ed.), 1979; Dorjahn and Isaak (eds.), 1979; Leos and Rothstein (eds.), 1979; Kotani and Workman (eds.), 1980; библиография: Van

der Pas, 1973). В 1978 г. под редакцией Дж. Дальтона вышел первый том продолжающегося издания «Исследования по экономической антропологии» (Researches in Economic Anthropology).

Но дело не в числе работ. Уменьшение количества публикаций, относящихся к доклассовой экономике отдельных народов, в известной степени объясняется прогрессирующим исчезновением самого объекта исследования. В настоящее время большинство работ экономических антропологов посвящено не первобытной, а крестьянской экономике. Главное в том, что обобщающие работы по доклассовой экономике, которые появились за это время, не содержали в себе в теоретическом отношении ничего принципиально нового.

Не представляет исключения и в целом интересный труд М. Салинса «Экономика каменного века» (Sahlins, 1972), написанный, как и другие работы того же автора, с позиций субстантивизма. Для него характерны те же самые противоречия, что и для работ К. Поланьи и Дж. Дальтона. С одной стороны, М. Салинс утверждает, что «даже говорить об „экономике“ примитивного общества значит упражняться с нереальностью. В структурном отношении „экономики“ не существует» (Р. 76). С другой стороны, он же говорит о постоянно существующем на данной стадии развития противоречии между обществом в целом и его экономикой (Р. 124). С одной стороны, он заявляет, что в примитивном обществе нет отношений, институтов или системы институтов, которые были бы экономическими сами по себе. Экономические функции в нем выполняют самые разнообразные отношения и институты: родственные, семейные, политические, ритуальные и т. п. (Р. 101, 185–186). С другой стороны, он же характеризует одни отношения доклассового общества как экономические, а другие — как неэкономические (Р. 77–78, 124–129). И при этом нередко эти две различные характеристики даются буквально одним и тем же отношениям, взятым в одном и том же контексте (Р. 95, 101–102, 123–130, 137). В результате всего этого автор оказался не в состоянии нарисовать картину доклассовых социально-экономических отношений.

В 1977 г., спустя 13 лет после смерти К. Поланьи, была опубликована оставшаяся незаконченной его фундаментальная работа «Обеспечение существования человека» (Polanyi, 1977). В ней имеется немало интересного, особенно в главах, посвященных экономике античной Греции. Но в области теории экономики вообще, теории доклассовой экономики в частности, в ней нет ничего, что не содержалось бы в ранее опубликованных трудах К. Поланьи.

Несколько больше было опубликовано работ по доклассовой экономике в 80-х гг. (монографии об экономике отдельных народов: Gregory, 1982; Feil, 1982; Morris, 1982; Lee, 1984; Stelzer, 1984; Harding, 1985; Lederman, 1986; Altman, 1987; LiPuma, 1988; Hage and Haare, 1988; Weiner, 1988; Wilmsen, 1989; Healy, 1990; Kan, 1990; общие работы: Clammer, 1985; Gudeman, 1986; Testart, 1986; Halperin, 1988; сборники:

Dalberg (ed.), 1981; Kahn and Llobera (eds.), 1981; Singh (ed.), 1982; Leach and Leach (eds.), 1983; Ortiz (ed.), 1983; Gardner and Modjeska (eds.), 1985; Plattner (ed.), 1985; Appadurai A. (ed.), 1886; Clammer (ed.), 1987; MacLachlan (ed.), 1987; Bennett and Bowen (eds.), 1988; Parry and Bloch (eds.), 1989; Cashdan (ed.), 1989; Polanyi-Levit (ed.), 1990). Но в теоретическом плане ничего не изменилось.

В поисках выхода из теоретического тупика, в котором оказалась экономическая антропология, некоторые специалисты в этой области стали обращать свои взоры к марксизму. Еще в 1969 г. уже упоминавшийся выше американский исследователь С. Кук в одной из статей писал, что изучение конкретных данных по примитивной экономике, с одной стороны, марксистской литературы — с другой, привело его к выводу, «что подлинное преодоление противоречия между формалистской и субстантивистской концепциями может быть достигнуто через творческое применение диалектического метода, постигнутого Гегелем и использованного Марксом в социальных и экономических исследованиях» (Cook, 1969. P. 278). «Я смею утверждать, — продолжал он, — что экономическая антропология может выйти из ее нынешнего теоретического тупика путем следования примеру Маркса, увидевшего в производстве ядро экономики и ключ к выделению экономически существенных явлений и в применении диалектического метода для приближения к экономической реальности» (P. 381).

Но еще раньше экономической антропологией стала заниматься целая группа исследователей, которые считали, что они подходят к изучению доклассовой экономики с марксистских позиций. Все их работы были первоначально опубликованы только на французском языке, в результате чего они на первых порах оказались несколько в стороне от основного русла развития экономической антропологии (Mellassoux, 1964; Godelier, 1966; 1973; Terray, 1969). В дальнейшем некоторые работы этих авторов переведены на английский язык (Godelier, 1972; 1977; Mellassoux, 1972; Terray, 1972; Bloch (ed.), 1975; Seddon (ed.), 1978).

Намерения данных авторов, безусловно, были самыми лучшими. Но сказать, что они увенчались успехом, нельзя. И главная причина заключалась в том, что ими были некритически приняты основные положения субстантивизма. Не представляют в этом отношении исключения и работы Мориса Годелье, в которых субстантивизм совершенно справедливо характеризуется как одно из течений немарксистской политэкономии (Godelier, 1977. P. 21). Однако такая оценка субстантивизма ничуть не помешала М. Годелье, следуя за К. Поланьи, отстаивать идею о существовании качественного различия между местом экономики в капиталистическом и докапиталистических обществах. В капиталистическом обществе существуют чисто экономические отношения, специальные производственные отношения. В докапиталистических обществах особых производственных отношений, отличных

от прочих социальных отношений, не существует. Их функцию выполняют самые разнообразные общественные отношения, которые тем самым одновременно являются и производственными. В первобытном обществе в качестве производственных отношений функционируют отношения родства, в обществе Древнего Шумера — религиозные отношения, в античном обществе — политические отношения. В обществе инков в качестве производственных отношений функционировали политико-религиозные факторы (Godelier. 1972. P. 94–95; 1977. С. 24, 33, 35; 1978b. P. 763–764).

Из сказанного может следовать только один вывод — именно тот, к которому пришли К. Поланьи и Дж. Дальтон, — исторический материализм, являясь верным по отношению к капиталистическому обществу, не применим к докапиталистическим. Однако М. Годелье этот естественно напрашивающийся вывод принять не хочет. В результате ему остается путем различного рода словесных приемов пытаться примирить непримиримое: положение о доминировании в докапиталистических обществах надстройки с тезисом о детерминирующей роли в них базиса (Godelier, 1978b. P. 765).

Эмманюэль Террей в работе «Марксизм и примитивные общества» выступает с критикой точки зрения, согласно которой родственные отношения в доклассовом обществе являются одновременно и производственными (Теттау, 1972. P. 139). Однако в дальнейшем он по существу приходит к той же самой точке зрения, что и М. Годелье. Э. Террей также подчеркивает качественное отличие капиталистических производственных отношений от докапиталистических. Первые являются отношениями исключительно лишь экономическими (P. 147–148). Характерными для докапиталистических «способов производства» «были, — пишет он, — неэкономические узы между производителями, средствами производства и иногда также непроизводителями. Эти узы были не только политическим или идеологическим представительством производственных отношений, но и входили в них как составляющие элементы» (P. 149). Чуть ниже мы узнаем, что «в докапиталистических способах производства эти узы (т. е. неэкономические. — Ю. С.) выполняют функции, принадлежащие коммерческим отношениям в капиталистическом способе производства» (P. 149). Неэкономические узы по существу оказываются уже единственным составным элементом докапиталистических производственных отношений. Ни о каких других их элементах автор не говорит. И завершается это утверждением, что в докапиталистических «способах производства» доминирующим фактором является не «экономический базис», а «идеологическая и политическая надстройка» (P. 149). «Доминирование надстройки, — разъясняет Э. Террей, — означает сравнительную интеграцию трех фаз способа производства: это имеет место, когда юридические, политические или идеологические узы становятся условием процесса производства, и, соответственно, надстройка по необходимости вводится в самый экономический базис» (P. 150).

Таким образом, Э. Террей в конечном счете приходит к выводу, что в докапиталистических обществах роль производственных отношений выполняют неэкономические, надстроечные связи — политические, юридические, идеологические. Но если все обстоит именно так, от материалистического понимания общества и истории ничего не остается. И Э. Террею не может помочь ссылка на то, что, согласно его точке зрения, в докапиталистических «способах производства» «экономический базис» не будучи доминирующим, является в то же время детерминирующим (Р. 147). О каком «экономическом базисе» и какой детерминации может идти речь, если сам этот базис не включает в себя никаких других отношений, кроме неэкономических, надстроечных? Сами понятия базиса и надстройки теряют при таком подходе всякий смысл.

Между М. Гodelье и Э. Терреем существуют расхождения по целому ряду вопросов. Они, например, по-разному понимают термины «способ производства», «общественно-экономическая формация» (Terray, 1972. Р. 73, 97, 98, 104, 140, 144, 147, 177–178; Godelier, 1978b. Р. 24, 66; 1979. Р. 109). Но в главном, основном они едины. Оба они считают, что особые экономические, производственные отношения, отличные от всех прочих общественных отношений, существуют и, соответственно, образуют основу общества лишь при капитализме. В докапиталистических обществах таких связей нет.

Попытки применения марксизма к исследованию первобытной экономики не ограничились одной лишь Францией. В 70-х гг. в поисках выхода из теоретического тупика, в котором оказалась экономическая антропология, обратился к марксизму целый ряд английских исследователей, работающих в этой области. В 1978 г. вышел сборник их статей под названием «Новая экономическая антропология» (Clammer (ed.), 1978). В нем приняли участие Дж. Кламмер, Роналд Франкенберг, Дэвид Седдон и ряд других авторов.

Во введении к сборнику, написанном Дж. Кламмером, говорится о новом открытии марксизма как источника вдохновения в той области, которую он до сих пор избегал, а именно в области этнографии (Р. VII). Нельзя сразу же не обратить внимания на допущенную автором фактическую неточность. Марксизм никогда не избегал области этнографии. Достаточно вспомнить труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». И советские авторы всегда руководствовались материалистическим пониманием истории как при решении общих проблем истории первобытности, так и при изучении отдельных конкретных классовых обществ. Далее Дж. Кламмер разъясняет, что задача авторов статей, помещенных в сборнике, состояла не просто в применении марксистского анализа к «теоретически совсем неразработанной» области общественных наук, а в «фундаментальном переосмыслении» всего марксизма в целом. С этим связана характеристика позиции авторов не как просто марксистской, а как неомарксистской (Р. VII).

Нельзя не отметить, что некоторыми авторами марксизм был настолько «фундаментально переосмыслен», что от него остались лишь термины, лишенные сколько-нибудь определенного содержания. Как результат, никакого сколько-нибудь глубокого теоретического анализа проблем доклассовой экономики мы в сборнике не находим. Обращение к марксизму нередко сводится к простому облачению давно известных фактов и концепций в наряд марксистской терминологии, что, конечно, заведомо не может привести ни к какому-либо продвижению вперед в области теории ни доклассовой, ни любой другой экономики.

Все упомянутые авторы, начиная с С. Кука, на наш взгляд, правы, когда подчеркивают, что путь из теоретического тупика, в котором оказалась экономическая антропология, может открыть только марксизм. Однако одного только желания применить марксизм мало. Надо по-настоящему овладеть марксизмом, причем подлинным, настоящим, и только такой марксизм, а не различные его суррогаты, может помочь создать подлинно научную теорию первобытной экономики.

Исследования первобытной экономики продолжались на Западе и в конце XX в. и в начале XXI в. Но они уже не отличались таким размахом, как раньше. Это прежде всего объясняется быстрым разрушением в наше время систем первобытных социально-экономических отношений под натиском мировой капиталистической экономики. Объект исследования стремительно исчезал. В результате, изучение первобытной экономики потеряло былое практическое значение и стало представлять собой в основном лишь теоретический интерес. Как-то я спросил одного английского этнографа, почему в англоязычных этнологических журналах почти полностью исчезла первобытная тематика. Ответ был предельно краток: «За первобытность теперь больше не платят».

С 1991 г. по настоящее время появились: работы по экономике отдельных народов и групп народов: (Smith, 1991; Barnard, 1992; Lee, 1993; Hill and Hurtado, 1996; Bracken, 1997); общие работы: (Weiner, 1992; Halperin, 1994; Kelly, 1995; Earle, 1997; Graeber, 2001; Gregory, 1997; Strathern, 1999; Gudeman S., 2001); сборники: (Peterson and Masuyama (eds.), 1991; Humphrey and High-Jones (eds.), 1992; Ortiz and Lebs (eds.), 1992; Duncan and Tandy D. M. (eds.), 1994; Price and Feinman (eds.), 1995; Gudeman (ed.), 1998; Hann (ed.), 1998; Hunt and Gilman (eds.), 1998; Redmond (ed.), 1998; Akin and Robbins (eds.), 1999; Lee and Daly (eds.), 1999; Wenzel, Hovelsrud-Broda, Kishigami (eds.), 2000; Dittler and Hayden (eds.), 2002; Osteen (ed.), 2002; Carrier (ed.), 2005).

В последнем десятилетии прошлого века и первом десятилетии нового столетия трудов по экономической антропологии стало не только меньше, но они существенно изменили свой характер. Центр тяжести окончательно сместился с первобытной экономики на крестьянскую, причем исследовалась не столько традиционная крестьянская экономика, сколько ее превращение в рыночную, фермерскую. В какой-то

степени первобытными остались народы, продолжающие существовать за счет охоты и собирательства, но и их экономические отношения в большинстве случаев претерпевают столь существенные изменения, что использование вновь полученные данных для реконструкции стадий развития подлинной первобытной экономики становится делом все более проблематичным. Вот, например, название одного из перечисленных выше сборников «Деньги, товаризация и меняющиеся охотники и собиратели» (Peterson and Masuyama (eds.), 1992).

В общих работах по экономической антропологии вначале намечалась, а затем начала набирать все большую силу еще одна тенденция. Если раньше эта дисциплина довольно единодушно понималась как наука о первобытной и крестьянской экономиках, то теперь все чаще она начала трактоваться как наука об экономике вообще, отличная от других экономических дисциплин своим особым подходом к этой области человеческой жизни — антропологическим. Такая трактовка совершенно отчетливо проявилась в работах Стивена Гадемана «Антропология экономики» (Gudeman, 2001), Дэвида Гребера «По направлению к антропологической теории стоимости» (Graeber, 2001), в сборниках «Понимание экономического процесса» (Ortiz and Lebs (eds.), 1992), «Бартер, обмен и стоимость: антропологический подход» (Humphrey and High-Jones (eds.), 1992), «Отношения собственности: обновление антропологической традиции» (Hann (ed.), 1998) и особенно в вышедшем под редакцией Джеймса Кариера огромном (584 с.) томе «Руководство по экономической антропологии» (Carrig (ed.), 2005).

Но без конца говоря об антропологическом подходе к экономике, все авторы нигде не раскрывают, в чем собственно он заключается. Конечным результатом такого нового понимания экономической антропологии был по сути полный отказ от попыток создания теории первобытной экономики. Никаких сдвигов в этой области даже не намечилось.

7. Исследования экономики доклассового общества в нашей стране в советское и постсоветское время

До сих пор речь шла о положении в западной этноэкономической науке. Но изучением экономики доклассового общества занимались и советские ученые. Мало кому известно, что в 20-е и начале 30-х годов XX в. одновременно с зарождением экономической антропологии на Западе широкие этноэкономические исследования развернулись в СССР. В результате их был собран большой фактический материал как о социально-экономических отношениях народов, находившихся к 1917 г. на стадии доклассового общества, так и о тех изменениях, которые происходили в их экономической жизни в те годы. Большое

внимание было уделено изучению экономики малых народов Севера (Самохин, 1929; Скалон, 1930; Скачко, 1930; 1931; 1933; Спиридонов, 1930; Терлецкий, 1930; 1934; Билибин, 1932; 1933а; 1933б; 1934а; 1934б; Анисимов, 1933; Расцветаев, 1933; Маслов, 1934; 1935; Никульшин, 1939; Сергеев, 1955; Архинчеев, 1957; Куликов, 1958 и др.). Исследовались экономические отношения у якутов, казахов, киргизов, народов Алтая, Памира, Дагестана и Северного Кавказа (Расцветаев, 1932; Соколовский, 1926; Токжанов, 1927; 1934; Гуртовый, 1926; Сластухин, 1933; Семевский, 1941; Дахшлейгер, 1961; 1965, Гаврилов, 1927а; 1927б; Кушнер, 1927; 1929; Погорельский, Батраков, 1930; Гордиенко, 1931; Чучкалов (ред.), 1932; Потапов, 1933; 1935; 1936; Токарев, 1936; Кисляков, 1936; Кириллов, 1926; Османов, 1965; Поджидаев, 1925 и др.).

К середине 30-х гг. полевые этноэкономические исследования начали постепенно свертываться и к концу этого десятилетия почти совершенно прекратились. Одна из причин состояла в том, что к данному времени старые социально-экономические отношения у названных народов исчезли.

Меньше внимания советскими учеными уделялось разработке теоретических проблем первобытной экономики. В работах общего характера, относящихся к 20–40 гг., мы находим либо сводку материалов, сопровождаемую довольно общими положениями о первобытно-коммунистическом характере производственных отношений докалассового общества, либо эти же самые общие положения, иллюстрируемые большим или меньшим количеством примеров, либо, наконец, только общие положения (Косвен, 1927; Моторин (ред.), 1932; Белин, 1933; Никольский, 1933; Зеленин, 1934; Рейхардт, 1934 и др.).

В работах 20-х и первой половины 30-х гг., посвященных как первобытному обществу вообще, так и его экономике, постоянно использовался термин «первобытный коммунизм». Он и его варианты и раньше использовались в марксистской литературе России. Например, В. И. Ленин писал о «первобытном родовом коммунизме», «первобытной коммуне», «первобытном коммунизме» (4. С. 36; 48. С. 232; 39. С. 68). Эта практика полностью прекратилась после появления в 1938 г. книги «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс». Во включенном в четвертую главу разделе «О диалектическом и историческом материализме», написанном Иосифом Виссарионовичем Сталиным (1879–1953), докалассовый социально-экономический порядок был назван «первобытнообщинным строем» (Сталин, 1953. С. 25–26). С тех пор термин «первобытный коммунизм» и все производные от него фактически оказались под запретом. «Понятие первобытного коммунизма, — категорически утверждалось в 32 томе второго издания „Большой советской энциклопедии“, — является ненаучным, так как он приводит к отождествлению двух совершенно различных исторических ступеней развития человеческого общества — первобытнообщинного строя и коммунизма» (Аноним, 1965. С. 360).

Указанный выше запрет был настолько строг, что когда в 70-е гг. началась работа по созданию предметного указателя к 1–39 томам второго издания собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса дирекция Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС долгое время не давала согласия на включение в словник термина «первобытный коммунизм». Это было сделано только после получения разрешения из ЦК КПСС.

Из послевоенных работ, посвященных первобытной экономике, наибольший интерес представляет статья талантливейшего этнографа и историка Андрея Иосифовича Блинова (1915–1980) «Партнерство (к вопросу о ранних формах обмена)» (Блинов, 1947), в которой на широком этнографическом материале поднимались важные теоретические проблемы экономики доклассового общества. Им был также написан большой труд «Возникновение первобытного обмена», который, к сожалению, так и не увидел свет.

Проблемы первобытной экономики рассматривались в целом ряде других работ, опубликованных в 40–90-х гг., большая часть которых принадлежала перу профессиональных этнографов (Першиц, 1955; 1960; Хрустов, 1959; Бахта, 1960; 1968; Бутинов, 1960; 1970; Аверкиева, 1961; 1967; Кабо, 1962; 1968; 1986; Файнберг, 1964 и др.). Однако ни в одной из них система социально-экономических отношений доклассового общества не анализировалась в целом, в единстве всех ее сторон.

Но если советские этнографы в той или иной степени занимались исследованием первобытной экономики, то политэкономы в большинстве своем стояли в стороне от этого дела. О том состоянии, в котором находилась в последние десятилетия существования СССР разработка общей теории экономики доклассового общества, в достаточной степени красноречиво свидетельствовали соответствующие разделы общих курсов политической экономии. В них больше говорилось об орудиях труда, формах хозяйства и организации труда в первобытном обществе, чем о его производственных отношениях. Характеристика последних носила самый общий характер. Мы узнаем лишь, что в первобытном обществе труд был коллективным и непосредственно общественным, что собственность на средства производства была общей, а распределение уравнительным. Дальше этих общих положений авторы не шли (Козлов (ред.), 1969. С. 47–71; Саголов (ред.), 1970. С. 35–52 и др.).

Отдельные политэкономы и специально обращались к экономике первобытного общества (Колганов, 1962. С. 22–166; Дятел, 1973а; 1973б; 1974 и др.). В первой половине 80-х гг. появились две работы Алексея Матвеевича Румянцева (1905–1993) (1981; 1985), которые были в последующем доработаны и сведены в одну, опубликованную под названием «Первобытный способ производства. Политико-экономические очерки» (1987). Однако в этом труде рассматривается не столько система первобытных производственных отношений, сколько хозяйство первобытного периода человеческой истории.

Господствующим в советской общественной науке вообще, в экономической, исторической и этнографической в первую очередь считалось материалистическое понимание истории. Казалось бы, советские экономисты, историки и особенно этнографы должны были обратить особое внимание на экономическую антропологию. Но ничего похожего не произошло. Возникновение и существование этой научной дисциплины советскими учеными вообще не было замечено. Ее не замечали даже тогда, когда, казалось бы, не пройти мимо ее было просто нельзя.

В статье известных этнографов Дмитрия Алексеевича Ольдерогге (1903–1987) и Ивана Изосимовича Потехина (1903–1964) «Функциональная школа в этнографии на службе британского империализма» немало страниц отведено Б. Малиновскому. Рассказывается о его жизненном пути, его полевых исследованиях, работах, концепциях, об используемом им функциональном методе. Общий вывод авторов: «Функциональная школа не является научной школой. Она вызвана к жизни определенной империалистической политикой, в меру своих сил обслуживает ее и будет существовать, пока будет существовать породившая ее политика» (Ольдерогге, Потехин, 1951. С. 66).

И это все. Ничего позитивного научного авторы статьи у Б. Малиновского не заметили. Критикуя его концептуальные построения и методологию, авторы, по-видимому, считали, что они проявляют марксистскую партийность. Концепции и методология Б. Малиновского действительно заслуживают критики. Они во многом ошибочны. Его работы действительно использовались британскими и не только британскими колониальными администраторами. Но вместе с грязной водой авторы указанной статьи выплеснули из ванны и ребенка.

Они совершенно забыли слова В. И. Ленина, сказанные о буржуазных представителях тех наук, которые гораздо более партийны, чем этнология. «...Ни единому профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, — писал великий мыслитель, — нельзя верить ни в одном слове, когда речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо последняя такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология*. В общем и целом профессора-экономисты — не что иное, как ученые-приказчики класса капиталистов, и профессора философии — ученые-приказчики теологов. Задача марксистов и тут и там суметь усвоить себе и переработать те завоевания, которые делаются этими „приказчиками“ (вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), и уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со *всею линией* враждебных нам сил и классов» (Ленин, 18. С. 363–364).

Только в 1973 г. появилась большая статья автора настоящих строк «Теоретические проблемы „экономической антропологии“» (Семенов,

1973), в которой была изложена история и современное состояние этой области знания, и показано огромное значение накопленного ею истине гигантского материала для понимания истории первобытности. Но и это не слишком сказалось на нашей научной мысли.

Социолог Александр Бенционович Гофман в обстоятельной статье о научном творчестве М. Мосса, в которой большое внимание было уделено его «Очерку о даре», так и не заметил существования экономической антропологии (1976). Прозрел он только спустя 29 лет (Гофман, 1996).

В появившейся в 1979 г. в целом очень интересной монографии Юлии Павловны Аверкиевой (1907–1980) «История теоретической мысли в американской этнографии» (Аверкиева, 1979) об экономической антропологии не было сказано ни слова. Годом раньше вышла книга Сергея Александровича Токарева (1899–1985) «История зарубежной этнографии», в которой экономическая антропология хотя и была названа особой отраслью науки, но все сказанное о ней сводилось к констатации наличия в ней двух направлений: формализма и субстантивизма (Токарев, 1978. С. 301–302).

Самостоятельной научной дисциплиной была названа экономическая антропология и в статье Н. А. Бутинова «Американская экономическая антропология (формализм и субстантивизм)». Но все основное содержание его работы сводилось к обоснованию положения о том, что суть и формалистского и субстантивистского направления заключается в обосновании необходимости развития стран, освободившихся от колониальной зависимости, по капиталистическому пути (Бутинов, 1979).

Словосочетание «экономическая антропология» появилось в одной из статей известного социолога Юрия Александровича Левады (1930–2006), но область знания, обозначаемую им, он понял не в исходном, первоначальном смысле, а в более позднем, т. е. не как науку о первобытной и крестьянской экономиках, а как особый подход ко всякой экономике. «В дисциплинарном плане, — читаем мы у него (Левада, 1983. С. 87), — экономическая антропология, по-видимому, должна занять позицию на грани экономики, социологии (относя к ней и социальную психологию) и культурологии (культурной антропологии)... Сюда можно отнести довольно широкий круг проблем: положения человека в системе экономической деятельности (труд, организация, потребление, распределение, мотивации, профессиональный и потребительский выбор, обмен, партнерство, конфликт, инструментальные и символические ценности и др.).»

В постсоветское время об экономической антропологии стали говорить значительно чаще. Но в этот термин, как и у Ю. А. Левады, стал вкладываться совершенно иной смысл, чем тот, который присутствовал в трудах основоположников этой отрасли знания. Под экономической антропологией понимается не наука о первобытной и крестьянской

экономике, а нечто другое. Причем разные авторы понимают это нечто другое далеко не одинаково.

Вот, например, что сказано в аннотации к книге немецкого ученого, профессора Санкт-Петербургского государственного университета Хайко Шрадера «Экономическая антропология»: «Экономическая антропология — научная дисциплина, возникшая в XX в. на стыке социологии, экономики и социальной антропологии. Экономическая антропология занимается исследованием взаимодействия людей по поводу товаров и обеспечения услуг. Предметом классической экономической антропологии являлась экономика докапиталистических стран или так называемых крестьянских обществ, где рынок, хотя и присутствует, но не определяет образ жизни. Сейчас в фокусе научного понимания экономической антропологии оказались проблемы современных обществ, поскольку народы не живут более изолированными общинами, они так или иначе интегрированы в мировой рынок, и эта интеграция в значительной степени изменила их образ жизни» (Шрадер, 1999. С. 4).

А вот что мы читаем в аннотации к коллективной монографии «Очерки экономической антропологии»: «Книга посвящена изучению и обобщению многовекового опыта обращения экономической мысли к природе человека в целях раскрытия сущности и содержания экономических явлений. Это позволяет ставить вопрос о возникновении в рамках экономической науки нового направления — экономической антропологии» (Автономов и др., 1999. С. 2.). Примерно то же самое говорится и во введении к книге Александра Александровича Сусоколова «Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию» (М., 2006). На положении в данной области знания никак не сказалось появление в 1993 г. монографии автора настоящих строк «Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество» (Семенов, 1993). Это ротاپринтное издание тиражом в 250 экземпляров не поступало в свободную продажу и осталось почти совсем не замеченным. Пожалуй, единственные современные работы, в которых присутствуют правильное понимание экономической этнологии, — книги доктора экономических наук Ульяны Геннадиевны Николаевой (2005а; 2005б).

Нельзя не отметить, что в последние десятилетия были переведены и изданы у нас ряд важных работ по настоящей экономической антропологии. Появились: сборник работ М. Мосса под названием «Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии» (М., 1996), в который вошел его «Очерк о даре», книги М. Салинса «Экономика каменного века» (М., 1999), Б. Малиновского «Аргonautы западной части Тихого океана» (М., 2004) и М. Годелье «Загадка дара» (М., 2007). В 2002 г. увидел свет русский перевод труда К. Поланьи «Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени» (СПб.), а в 2010 г. вышла книга «Избранные работы»

(М., 2010), в которую вошли девять произведений основоположника субстантивизма.

В результате наши экономисты и социологи познакомились с предложенными К. Поланьи терминами «реципрокация» («реципрокность», «взаимность») и «редистрибуция» («перераспределение»). Некоторых из них эти понятия привели в неописуемый восторг. Они начали их применять и кстати и некстати. Примером может послужить хотя бы статья кандидата социологических наук Светланы Юрьевны Барсуковой «Реципрокные взаимодействия. Сущность, функция, специфика» (2004).

Если подвести итоги, то в постсоветский период нашей истории, несмотря на такое бесспорно положительное явление, как перевод на русский язык трудов ведущих западных экономических антропологов, в изучении экономики первобытного общества по существу ничего сделано не было.

Отношения полов, род, брак, родство и экономика

1. Основоположники марксизма о первобытности

Выше уже приводилось утверждение Л. В. Даниловой, что, согласно взглядам К. Маркса, во всех докапиталистических обществах экономические связи не были доминирующими: в основе первобытного общества лежали связи естественные, родоплеменные, базисом классовых докапиталистических обществ были политические связи, отношения господства-подчинения (Данилова, 1968. С. 56, 59). Как мы уже видели, в отношении классовых докапиталистических обществ она была совершенно не права. Иное дело — первобытное общество. Здесь взгляды К. Маркса были изложены в основном верно.

Чтобы понять позицию К. Маркса, нужно прежде всего принять во внимание, что материалистическое понимание истории было создано на материалах истории исключительно цивилизованного (классового) общества. И это вполне объяснимо. Других данных просто не было. Вплоть до конца XIX в. историческая наука (историология) была наукой об истории только цивилизованного общества. Науки о первобытной истории до конца XIX в. не было. Не существовали до середины XIX в. ни археология первобытности, ни палеоантропология, ни этнография — наука о живой старине, о современных синполитейных первобытных обществах. Но последние три науки во второй половине этого столетия все же возникли и получили общее признание. Иначе обстояло дело с историологией первобытности.

Два крупных французских историка Шарль Виктор Ланглуа (1863–1929) и Шарль Сеньобос (1854–1942) в своей знаменитой книге «Введение в изучение истории» (1898) прямо писали, что познание истории первобытности в принципе невозможно (1898. С. 278).

Многие, если не все вообще, профессиональные историки всегда категорически настаивали на том, что понятие истории полностью совпадает с понятием писаной истории. «Историей, — писал, например, крупный немецкий востоковед Гуго Винклер (1863–1913), — мы называем то развитие человечества, которое засвидетельствовано письменными документами, которое передано нам в слове и письме. Все, что лежит до этого, относится к эпохе доисторической. История, следовательно, начинается тогда, когда нам становятся известными письменные источники» (1913. С. 3).

В западной науке ни сама история первобытности, ни наука о ней, как правило, никогда не именовалась историей. В ходу другие названия: доистория, преистория, праистория, протоистория, предыстория и т. п. Так продолжается и сейчас. Так, например, первый том «Истории человечества», созданной международным коллективом ученых под эгидой ЮНЕСКО, называется «Доисторические времена и начало цивилизации» (де Лаат, 2003).

Термин «история» в применении к первобытности использовался в основном лишь в советской науке. Появились учебные пособия и монографии с таким названием (Равдоникас, 1939; 1946; Першиц, Монгайт, Алексеев, 1968; Бромлей (ред.), 1983–1988). В 1968 г. в нашей стране по инициативе А. И. Першица был создан первый и единственный центр по исследованию истории первобытности, вначале группа, а затем сектор истории первобытного общества Института этнографии АН СССР, просуществовавший до 1992 г. (см.: Семенов, 2003б).

Но многие советские ученые, прежде всего археологи, часто пользовались терминами «доистория» и «праистория». А сейчас они снова выдвинулись на первый план. Достаточно сослаться хотя бы на книгу петербургского археолога Леонида Борисовича Вишняцкого «Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры» (2002).

Что же тогда можно сказать о положении, существовавшем в первой половине XIX в. Поэтому великий немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) в своей «Философии истории» полностью исключал первобытность из своей философско-исторической концепции. Всемирную историю он начинал с возникновения государства. Первобытное состояние человечества, «распространение языка и формирование племен лежат за пределами истории» (1935. С. 107). Впервые государство возникло на Востоке. Поэтому началом истории является, по Г. Гегелю, «восточный мир».

«В 1847 г., — писал Ф. Энгельс во внесенном им в 1888 г. в текст английского издания „Манифеста Коммунистической партии“ примечании, — предыстория общества, общественная организация, предшествовавшая всей писанной истории, почти совсем еще не была изучена» (Маркс и Энгельс. 4. С. 424). Именно этим объяснялось, почему первый раздел этой работы открывался словами: «История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов» (Маркс и Энгельс, 4. С. 424).

Взгляд на всемирную историю как на историю одних лишь цивилизованных обществ совершенно явственно проявляется и в работе К. Маркса «К критике политической экономии» (1859). Завершая изложение сущности исторического материализма, великий мыслитель писал: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономического общественного формирования. Буржуазные производственные отношения — это последняя антагонистическая форма общественного процесса производства, ан-

тагониристическая не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуальных; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Этой общественной формацией завершается поэтому предистория человеческого общества» (Маркс, 13. С. 7–8). Места первобытному обществу в этой схеме не было. Можно привести и другие, подобного же рода утверждения, но и сказанного вполне достаточно.

Но исключая первоначально доклассовое общество из своей схемы мировой истории, К. Маркс и Ф. Энгельс не переставали им интересоваться. За неимением достаточного материала они принимали за истину сложившиеся к тому времени штампы о нем. Важнейший из них — первобытные общества основывались на узах кровного родства, которые в то время понимались как естественные, природные, иными словами, биологические связи.

Этот тезис имел под собой определенные основания. Выше (1.3)¹¹ уже говорилось о существовании двух основных типов социоисторических организмов: демосоциальных, какими были первобытные, и геосоциальных, какими были классовые, цивилизованные. Принадлежность к демосоциальному организму определялось родством. В глазах членов демосоциального организма их единство действительно выступало как производное от родства. Но это было не более как видимость. И это явление принималось за сущность. Для людей первобытного общества это было вполне естественно. Принятие же этого житейского взгляда исследователями диктовалось крайней скудностью материала, которым они располагали.

В качестве элементарной родственной ячейкой выступала семья. И тогдашние исследователи первобытности, а за ними К. Маркс и Ф. Энгельс, принимали семью за исходный пункт развития общества. «Третье отношение, с самого начала включающееся в ход исторического развития, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в „Немецкой идеологии“ (1845–1846), — состоит в том, что люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это отношение между мужем и женой, родителями и детьми — семья. Эта семья, которая вначале была единственным отношением, впоследствии, когда умножившиеся потребности порождают новые общественные отношения, а размножившееся население — новые потребности, становится... подчиненным отношением» (Маркс и Энгельс, 1966. С. 38). «Чем больше мы углубляемся в историю, — утверждал К. Маркс, — тем в большей степени индивидуум, а следовательно, и производящий индивидуум, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род...»

¹¹ Здесь и далее в подобных ссылках первое число означает номер главы, второе — номер параграфа.

(12. С. 71.). В других работах он говорит о семье, разросшейся в племя (46.1. С. 462). В этих и других высказываниях основоположников материалистического понимания истории содержатся намеки на то, каким образом они пытались соединить эту концепцию со своими представлениями о первобытности. Понятие производства материальных благ, которое осуществлялось в форме системы экономических отношений, дополнялось производством самого человека (детопроизводством), происходившего в рамках отношений между полами и связей кровного родства.

К. Маркс и Ф. Энгельс всегда использовали все возможности, чтобы пополнять свои знания о первобытности. Поэтому они с огромным интересом отнеслись к появившейся в 1877 г. книге Л. Г. Моргана «Древнее общество» — первой подлинно научной работе по истории первобытного общества. В ней была предпринята смелая попытка на основе анализа прежде всего этнографического материала выявить основные стадии развития первобытного общества и раскрыть закономерности перехода от него к цивилизованному обществу, нарисовать более или менее конкретную картину становления частной собственности, общественных классов и государства. Первым с этой книгой ознакомился К. Маркс, который в 1880–1881 гг. составил подробный ее конспект (Маркс, 45).

Результатом знакомства был новый взгляд на всемирную историю. Объединив в «Набросках ответа на письмо В. И. Засулич» (1881) все стадии развития классовых обществ под названием вторичной общественной формации, К. Маркс охарактеризовал доклассовое общество тоже как общественную формацию, но первичную, архаическую, подчеркнув при этом, что в ее эволюции вполне могло быть несколько этапов (Маркс, 19. С. 402, 417). Различие первичной и вторичной общественных формаций он видел в том, что первая основана на общей, коммунистической собственности, а вторая — на частной собственности (19. С. 412, 419). Однако одновременно К. Маркс продолжает утверждать, что все ранние первобытные общины покоились на отношениях кровного родства своих членов (С. 403, 414, 418). И у него нет никакой попытки объяснить, как это совмещалось. Вообще во всех работах и К. Маркса, и Ф. Энгельса, в которых затрагивается первобытность, вопрос об отношении между родственными и экономическими связями вообще никак не обсуждался.

Ф. Энгельс, ознакомившись и с книгой Моргана и марксовым ее конспектом, как известно, уже после смерти своего друга, написал труд «Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана» (1884). В нем рассматривается множество вопросов, прежде всего проблема перехода от первобытного общества к классовому. Но помимо всего прочего Ф. Энгельс проявляет особое внимание к созданной Л. Морганом схеме эволюции семейно-брачных отношений.

В этой схеме в качестве основных этапов эволюции выступают: (1) орда с промискуитетом, (2) кровнородственная семья, (3) семья пуналуа, (4) парная семья, (5) моногамная семья. Из этих пяти форм первые три (орда с промискуитетом, кровнородственная семья, семья пуналуа) являются одновременно и формами общественного устройства, формами организации общества в целом. Смена этих трех форм, согласно представлению Л. Моргана, никак не была связана с ростом числа изобретений и открытий (т. е. с развитием производства материальных благ) и эволюцией отношений собственности. Она, по Моргану, была обусловлена действием естественного отбора, шаг за шагом ограничивавшего кровосмешение.

Этот процесс завершился возникновением вначале родовой организации, а в дальнейшем и парной семьи. Рост числа изобретений и открытий и развитие отношений собственности выступили как фактор, определяющий смену форм общества, только после появления парной семьи, причем далеко не сразу. Именно с действием этих, а не каких-либо иных факторов был вызван следующий шаг в эволюции семейно-брачных отношений: превращение парной семьи в моногамную (Морган, 1934а. С. 216–277, 301–305, 315–325). Согласие с этой схемой неизбежно влекло за собой принятие положения о решающей роли производства самого человека в определении характера общественных порядков на ранних стадиях эволюции человечества.

На том этапе развития этнографической науки, которого она достигла в 70–80-х гг. XIX в., предложенная Л. Г. Морганом схема эволюции брачно-семейных отношений выступала как в достаточной степени обоснованная фактами. У Ф. Энгельса не было серьезных оснований сомневаться в ее правильности. Поэтому он принял эту схему и вытекающий из нее общий взгляд на раннюю историю человечества. Но главную роль сыграло, по-видимому, то обстоятельство, что Ф. Энгельс увидел в труде Л. Моргана фактологическую базу для создания такой общей материалистической концепции истории, которая в равной степени относилась и к классовому обществу, основой которого были экономические связи, и первобытному, в котором экономика (как полагали основоположники марксизма) не была господствующей. И Ф. Энгельсу показалось, что ему удалось это сделать.

В предисловии к первому изданию «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельс объявил, что определяющим моментом истории является не просто общественное производство, под которым всегда понималось производство материальных благ, а «производство и воспроизводство непосредственной жизни». «Вообще, — писал там Ф. Энгельс, раскрывая содержание этого понятия, — само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны — производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной

страны, обуславливаются обоими видами производства: ступенью развития, с одной стороны — труда, с другой — семьи. Чем меньше развит труд, чем больше ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей. Между тем в рамках этой, основанной на родовых связях структуры общества все больше и больше развивается производительность труда, а вместе с ней — частная собственность и обмен, имущественные различия, возможность пользоваться чужой рабочей силой и тем самым основа классовых противоречий: новые элементы, которые в течение поколений стремятся приспособить старый общественный строй к новым условиям, пока, наконец, несовместимость того и другого не приводит к полному перевороту. Старое общество, покоящееся на родовых объединениях, взрывается в результате столкновения новообразовавшихся общественных классов; его место занимает новое общество, организованное в государство, низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения, — общество, в котором семейный строй полностью подчинен отношениям собственности, и в котором отныне свободно разворачиваются классовые противоречия и классовая борьба, составляющие содержание всей писаной истории вплоть до нашего времени» (216. С. 25–26).

Нельзя не отметить наличие некоторых неясностей в данном высказывании Ф. Энгельса. Говоря о зависимости общественных порядков от производства человека, он расшифровывает ее то как зависимость от степени развития семьи, то как зависимость от родовых связей. А между тем это далеко не одно и то же. Даже согласно собственным взглядам Ф. Энгельса, изложенным в той же самой работе, семья возникла задолго до появления рода, а тем самым и родовых связей. При этом возникновение родовых связей отнюдь не означало исчезновения семьи. Род и семья существовали бок о бок.

Но основная мысль Ф. Энгельса ясна. На ранних этапах развития человечества, а именно на стадии первобытного общества, общественные порядки, при которых жили люди, обуславливались, прежде всего, производством человека. На более поздних этапах, во всяком случае после возникновения классового общества, они обуславливаются прежде всего производством средств к жизни.

Эта мысль находилась в противоречии с основными идеями материалистического понимания истории в его исходном виде. Излагая его, основоположники марксизма всегда подчеркивали, что общественные порядки, при которых живут люди, определяются системой производственных отношений, которая в свою очередь зависит от уровня развития производительных сил. При этом способ производства средств к жизни рассматривался не просто как главный, а по существу как единственный фактор, определявший общественные порядки. Производство человека при этом вообще не упоминалось даже

в качестве второстепенного фактора. Это особенно наглядно можно видеть на примере предисловия «К критике политической экономии» К. Маркса, в котором дано сжатое и четкое изложение основ исторического материализма (13. С. 6–8). Правда, всегда можно сказать, что К. Маркс, излагая все это, имел в виду только классовое общество, ибо, перечисляя последовательно сменяющиеся способы производства, он не упоминает в их числе первобытного (С. 7–8).

Во всяком случае, контраст между основными идеями материалистического понимания истории и тем, что было сказано в предисловии к первому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства», был столь разителен, что не мог остаться незамеченным. Особое внимание на это обратили некоторые противники марксизма, в частности видный русский критик, публицист и философ Николай Константинович Михайловский (1842–1904). Он указал, что в работе Ф. Энгельса излагаются две совершенно разные концепции, видимость единства которых обеспечивается использованием одного слова, а именно слова «производство» (Михайловский, 1884. С. 103–111). Ответ В. И. Ленина на эту критику был не слишком убедительным (1а. С. 149–150).

Резкой критике изложенное выше положение Ф. Энгельса подверг, но уже с позиций марксизма, немецкий социал-демократ Генрих Кунов (1862–1936), который подчеркнул, что оно совершенно разрушает целостное материалистическое понимание истории (Кунов, 1930. С. 121–124). И хотя Г. Кунов выступил с ревизией целого ряда положений марксистской философии, но в этом вопросе он в целом был прав.

Нельзя в связи с этим не отметить, что в ряде советских изданий «Происхождения семьи, частной собственности и государства» приведенное выше высказывание Ф. Энгельса сопровождалось примечанием, в котором указывалось на допущенную им «неточность» (см.: Энгельс, 1949. С. 4; Маркс и Энгельс, 1955. С. 161). В последующем это примечание было снято. И, начиная с середины 50-х гг. XX в., появилось немало работ, в которых данное положение Ф. Энгельса трактовалось как совершенно правильное (см.: Платковский, 1959; Власов, 1962; Крапивенский, 1963; Обичкин, 1963; Бородин, 1969; Нуреев, 1969). Появлялись работы, в которых предпринимались попытки более или менее детально обосновать данные положения (Тер-Акопян, 1968; Виткин, 1972). А сам по себе тезис о том, что именно «естественные, родоплеменные» связи, а не производственные, экономические были фундаментом первобытного общества (Данилова, 1968. С. 56), что первобытный коллектив имел «чисто природную, кровнородственную основу» (Данилова, Данилов, 1978. С. 11), встречался постоянно.

И это не только прошлое. В вышедшей в 2012 г. в целом очень интересной работе экономиста Андрея Ивановича Колганова «Что такое социализм? Марксистская версия» первобытное общество характеризуется как доэкономическая, предэкономическая формация (2012.

С. 127–128, 146), что, впрочем, не мешает автору тут же говорить о первобытном способе производства.

Как уже указывалось, у Ф. Энгельса были определенные основания считать, что созданный им новый вариант материалистического понимания истории имеет под собой серьезную фактологическую базу в виде труда Л. Моргана. Но с тех пор прошло более ста лет. К настоящему времени этнографической наукой совершенно точно установлено, что ни кровнородственной семьи, ни семьи пуналуа в прошлом человечества никогда не существовало. Это еще в начале XX в. сделал выдающийся английский этнолог Уильям Хэлс Риверс Риверс (1864–1922) (Rivers, 1907). В результате неизбежным стал отказ от моргановской схемы эволюции семейно-брачных отношений (подробнее см.: Семенов, 2010. С. 12–52). Как следствие, положение, сформулированное Ф. Энгельсом в предисловии к первому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства», лишилось всякого фактического основания.

Чтобы разобраться в том, насколько применим к первобытному обществу классический марксистский вариант материалистического понимания истории, и нуждается ли он в дополнениях, необходимо более или менее детально рассмотреть отношение между половыми, родственными, родовыми, брачно-семейными узами, с одной стороны, экономическими связями, отношениями собственности, с другой.

2. Возникновение и сущность рода

Не только в решении, но даже и в постановке указанного выше вопроса много неясного, недосказанного. Иногда в работах исследователей чуть ли не как синонимы употребляются словосочетания «родственные связи», «родовые связи» и «отношения по детопроизводству» (Бахта, Гурьев, Кузнецов, 1965. С. 175–177). Говоря о родственных связях, некоторые авторы сводят их к столь привычному для нас родству между индивидами, которое в свою очередь понимается как биологическая естественная связь (Бахта, Сенюта, 1972. С. 83–90).

Приходится поэтому начать с самого исходного пункта. Как уже отмечалось выше (1.2), вся история человечества прежде всего подразделяется на два основных периода: (1) эпоху становления человека и общества и (2) эпоху истории готового, сформировавшегося человеческого общества.

Путь к человеку начался с появления австралопитеков — ранних предлюдей, которые в отличие от всех прочих животных систематически использовали для защиты от хищников и охоты различного рода естественные орудия — палки, камни, крупные кости. На смену им пришли поздние предлюди — хабилисы, которые уже начали изготавливать орудия и использовать эти, уже искусственные средства труда для обеспечения своего существования.

Не только ранние, но и поздние предлюди были животными и жили в составе биологических объединений — стад. В основе этих обра-

зований лежали, разумеется, естественные природные связи, но этими базисными узлами не были ни половые отношения, ни кровное биологическое родство. И, конечно, эти стада заведомо не могли основываться ни на брачных, ни на семейных отношениях. Ни брака, ни семьи в животном мире нет. Брак и семья — явления социальные, присущие только человеку. У животных могут существовать только зоологические аналоги брака и семьи, но не более. Не были эти стада и продуктом общественного (социального) инстинкта, на существовании которого настаивали многие, если не все исследователи позапрошлого и даже прошлого веков (Сутерланд, 1900; Каутский, 1907а; 1907б; 1922; 1923; Васманн, 1906; Кропоткин, 1922; Тих, 1956; 1957; 1970; Грей, 1961; Yerkes, 1943 и др.). В основе объединений предлюдей лежала прежде всего необходимость защиты от хищников (см.: Семенов, 1989; 2010).

Не только австралопитеки, но хабилисы были животными и, как у всех животных основными стимулами их поведения были биологические инстинкты, прежде всего такие, как пищевой, половой и инстинкт самосохранения. Эти инстинкты были индивидуалистическими. В стаде хабилисов царил зоологический индивидуализм.

Когда животные живут не в одиночку, а в составе объединения, то там неизбежно должно иметь место постоянные столкновения стремлений разных особей удовлетворять свои инстинкты. Поэтому необходимое условие существования всякого сколько-нибудь прочного зоологического объединения — систематическое согласовывание сталкивающихся стремлений всех животных, входящих в его состав. Оно осуществляется путем *доминирования*.

Доминирование есть такого рода отношение между двумя животными, при котором одно животное получает возможность удовлетворить свои инстинкты, не считаясь с потребностями другого животного и даже за его счет, а это второе животное вынуждено воздерживаться от удовлетворения своих инстинктов, если это стремление приходит в противоречие со стремлениями первого животного. Первое животное занимает положение *доминирующего* (господствующего), а второе — *доминируемого* (подчиненного). Доминирующим, как правило, становится физически более сильное животное, доминируемым — более слабое.

Доминирование представляет собой наиболее зримое проявление зоологического индивидуализма. В зоологическом объединении отношения доминирования устанавливаются между всеми животными, исключая детенышей. Элементарные отношения доминирования, существующие между каждым двумя взрослыми животными, образуют сложную иерархическую систему, в которой каждая особь занимает определенное место. Одно из животных может быть только доминирующим. Оно в таком случае имеет высший ранг и играет роль вожака. Большинство членов объединения становятся господствующими по отношению к одним и подчиненными — по отношению к другим. На самом низу находятся животные, которые являются только подчиненными.

Уже у хабилисов важной формой обеспечения существования стада охота, которая свершалась с помощью созданных этими существами орудий. В силу господства в их стадах доминирования основная часть мяса доставалась доминирующим особям, доминируемые же члены объединения получали мало или совсем ничего. На определенном этапе эта зоологическая форма распределения продукта стала препятствием на пути прогресса производственной деятельности (см.: Семенов, 1989. С. 116–119; 2002а. С. 757–761). Возникла объективная необходимость в качественно иных отношениях распределения, суть которых должна была заключаться в том, что все члены объединения без исключения должны были получить равный доступ к мясу. А это предполагало возникновение строжайшего запрета физическим сильным членам объединения лишать более слабых доступа к мясу. Так стали возникать отношения распределения, которых не могло быть в животном мире, отношения принципиально иные — социальные, отношения вначале общей собственности на мясо, а затем и все предметы потребления и орудия производства, отношения первобытно-коммунистические, коммуналистические. Животный эгоизм мог быть обуздан только человеческим, социальным коллективизмом. Так стали формироваться социально-экономические отношения. Стал обуздываться и в конце концов был полностью обуздан пищевой инстинкт. С началом обуздания пищевого инстинкта и становления коммуналистических отношений на смену стаду поздних предлюдей пришла формирующаяся община (праобщина) формирующихся людей (пралюдей). Начался процесс становления людей и человеческого общества. Социальные отношения, возникая, обуздывали индивидуалистические биологические инстинкты, обуздывали животный эгоизм.

С появлением коммуналистического распределения и, соответственно, пищевого табу, запрещавшего отстранять кого бы то ни было от мяса, доминирование начало рушиться во всех сферах жизни пралюдей, включая удовлетворение полового инстинкта. Старое биологические регулирование отношений между полами исчезло, а новое не возникло, как это произошло в сфере распределения пищи. В результате отношения между полами в праобщине пралюдей стали беспорядочными, никак не регулируемые или, иначе, промискуитетными.

Неконтролируемое проявление полового инстинкта, даже когда оно не вело к открытым столкновениям, расстраивало хозяйственную жизнь формирующейся общины (праобщины), особенно сказываясь на тех ее формах, которые требовали для своего успеха сплоченности усилий всех ее членов. Важнейшей из них была охота. Поэтому развитие пошло по линии запрета половых отношений между членами коллектива в период, предшествовавший охоте, и самой охоты. Во всяком случае, как свидетельствуют данные этнографии, половые охотничьи табу и шире — вообще табу, связанные с различными видами хозяйственной деятельности, имели в прошлом человечества универсальное

распространение. Люди, принадлежавшие к самым разным первобытным обществам, были глубоко убеждены, что воздержание от половых отношений в течение определенного времени (от одного дня до нескольких недель и даже месяцев) перед, скажем, охотой — необходимое условие ее успеха, что нарушение полового табу неизбежно влечет за собой неудачу (см.: Семенов, 2002а. С. 372–383; 1989. С. 256–262).

В результате появление половых производственных табу жизнь праобщины стала состоять из чередования периодов, когда половые отношения были возможны, и периодов, когда они были строжайше воспрещены. Праобщина раздвоилась во времени на группу, в которой были возможны половые отношения, и на объединение, в котором они были строжайше воспрещены, где безраздельно господствовала *акойтия* (от греч. «а» — отрицание, «коитус» — половой акт). Общая тенденция развития состояла в сокращении времени, в течение которого половые отношения были возможны, т. е. нарастании периодов акойтии.

Подавление возможности удовлетворения полового инстинкта внутри праобщины толкало к поискам половых партнеров в других праобщинах. В свою очередь завязывание половых отношений между членами разных праобщин делало возможным полный запрет половой жизни внутри каждого из первобытных коллективов. Когда этот запрет окончательно утвердился и частичная, временная акойтия превратилась в полную, праобщина стала родом.

Привычный обыденный взгляд на род — группа людей, происшедших от одного общего предка. Он неверен. Род может существовать и без представления об общем предке. Ранний род был беспредковым. Каждый род с самого начала имел тотем, которым был обычно какой-либо вид животных, и члены его осознавали свое единство как общность тотема (Семенов, 2010. С. 159–162).

Суть рода заключалась в том, что эта была такая группа людей, в которой были абсолютно воспрещены половые отношения. Нарушение этого запрета влекло за собой строжайшее наказание — нарушителей акойтного запрета либо убивали, либо заставляли покончить жизнь самоубийством. Убийство сородича могло быть прощено, нарушение акойтного табу — никогда.

В силу акойтии рода отец и мать человека всегда должны были принадлежать к разным родам. Принадлежность человека к роду могла считаться либо только по матери, либо только по отцу. Род мог быть только либо материнским, либо отцовским. Род — унилинейная (от лат. *unus* — один и *linea* — линия), или унилатеральная (от лат. *unus* — один и *lateralis* — боковой) родственная группа. Односторонний счет принадлежности к роду есть особое явление, отличное от счета родства в привычном смысле слова. Его нередко называют *филиацией*.

В одних обществах существовала материнская филиация — соответственно, роды в них были материнскими (матрилинейными), в других — отцовская филиация — соответственно, роды в них были отцовскими (патрилинейными).

На первых порах род был одновременно социоисторическим организмом, причем не формирующимся, а уже вполне сформировавшимся, уже не праобщиной, а вполне сформировавшимся, подлинной первобытной общиной. Род был первой формой существования готового, сформировавшегося человеческого общества. Его подлинная социальная природа необычайно ярко проявлялась в том, что в нем не только было окончательно покончено с отношениями доминирования во всех сферах жизни, но и из него были полностью изгнаны такие важные биологические связи, как половые отношения.

Род был явлением социальным и только социальным. Он был вызван к жизни исключительно потребностями развития деятельности по производству материальных благ. Поэтому характеристика родовых отношений как природных, естественных полностью ошибочна.

Еще хуже обстоит дело с их трактовкой как отношений детопроизводственных. Ведь суть рода состояла в акойтии. Родовые отношения — отношения акойтии. Родовые отношения возникли исключительно потому, что производство материальных благ требовало обуздание не только пищевого, но и полового инстинктов, постановку не только первого, но и второго под строжайший социальный контроль.

С пищевым инстинктом это получилось. Внутри праобщины возникли и утвердились первобытно-коммунистические экономические отношения, которые с полным правом могут быть названы отношениями производственными. Половые отношения поставить под контроль внутри праобщины оказалось невозможным. Единственный выход из создавшегося положение состоял в полном их изгнании, полном их вытеснении из праобщины, в результате чего она стала родом, родовой общиной.

Отношения акойтии, родовые отношения были тогда действительно необходимыми для нормального функционирования и развития материального производства. В этом плане они, как и экономические связи, были отношениями и производственными, и материальными. И они, как и экономические, выражались и закреплялись в нормах поведения, прежде всего в акойтном табу. Появление рода означало вытеснение из социоисторических организмов биологических по своей природе половых отношений. И это дало возможность экономическим производственным отношениям стать безраздельно господствующими внутри сформировавшихся социоров.

3. Отношения по воспроизводству человека: половые (биологические) и брачные (социальные)

Но вполне понятно, что половые отношения могли быть вытеснены только из социоисторических организмов, но не из человеческого общества в целом. Превращения праобщин в роды было одновременно

и процессом образования систем, каждая из которых состояла из двух родов, члены которых могли систематически и постоянно вступать в половое общение друг с другом. Эти системы получили в науке название *дуально-родовых организаций*. С появлением дуально-родовой организации половые связи перестали быть неупорядоченными, промискуитетными. Они были введены в социальные рамки. На смену промискуитету пришел брак.

Среди подавляющего большинства философов, социологов и даже этнологов, не говоря уже о людях далеких от всякой науки, бытует представление, что брак между индивидами и элементарная семья, т. е. группа, состоящая из мужчины, женщины и их детей, существовала всегда.

Очень многие из них утверждают, что существование такого брака и такой семьи обусловлено биологией размножения человека и что эти институты унаследованы им от его животных предков. Все это совершенно не верно.

В действительности же, ни брак, ни семья не вытекают из биологии. Чтобы происходило биологическое воспроизводство человека, нужен не брак, а половые отношения. Брачные же и половые отношения — далеко не одно и то же. Половые отношения, а тем самым и рождение детей возможно у людей и без брака и вне брака. Брачные отношения, включая в себя половые, никогда к ним не сводятся. *Брак* есть определенная социальная организация отношений между полами. Он предполагает наличие определенных прав и обязанностей между связанными им сторонами. В животном мире нет ни общества, ни норм, регулирующих отношения между полами. Поэтому в нем, в крайнем случае, можно встретить лишь биологические аналоги брака и семьи, да и то не всегда. Таким образом, существуют два качественно вида отношений по производству себе подобных (детопроизводство): биологические, половые, которые бытуют и у животных и у человека, и социальные, брачные, которые присущи только людям. И последние связи являются той социальной оболочкой, в которой в норме осуществляются первые

Другой почти безраздельно господствующий предрассудок заключается в том, что брак понимается как отношение между индивидами. На деле, кроме брака между индивидами в истории человечества существовал и брак между группами индивидов. И первой формой такого брака, и первой формой социальной организации отношений между полами вообще был дуально-родовой брак.

Этот брак, как и любой другой, предполагал существование определенных прав и обязанностей между связанными им сторонами — родами. Каждый род, входивший в дуальную организацию, строжайше воспрещал половые связи между своими членами, и тем самым предписывал им всем вступать в такие отношения с членами другого рода. Этим социальное регулирование половых отношений и ограничивалось. Для каждого конкретного человека обязанность вступать

в половые отношения только с членом другого рода являлось лишь указанием на круг лиц, внутри которого он имел право искать половых партнеров, и только. Кто же конкретно из данного круга лиц становился его половым партнером и на какое время, это определялось лишь доброй волей вступающих в связь. Вступление в половые отношения лиц, принадлежавших к разным половинам дуальной организации, не давало им никаких прав друг на друга и не накладывало на них никаких обязанностей. Поэтому их индивидуальные отношения браком не являлись. Индивиды, взятые сами по себе, в браке не состояли. Браком была лишь связь между двумя группами, двумя родами.

Вполне понятно, что члены разных родов, составлявших дуальную организацию жили раздельно. Каждый из родов был самостоятельным социоисторическим организмом, первобытной общиной. Дуально-родовой брак был дисэкономическим (греч. «дис», лат. *dis* — приставка, означающая разделение, отделение, отрицание) и дислокальным. В этих условиях человек всю жизнь принадлежал к коллективу, в котором родился, т. е. к тому, к которому принадлежала его мать. Поэтому первоначальные роды могли быть и были лишь *материнскими*

Дуально-родовая организация была системой отношений только по воспроизводству человека, но не по производству материальных благ. Но не будучи производственными, эти отношения тем не менее были, по крайней мере на первых порах, как и экономические связи материальными. Их материальность была обусловлена материальностью первоначальных родовых отношений. Не трудно понять, что эти отношения по детопроизводству были чисто социальными, но не биологическими. И они имели чисто социальную природу, были вызваны к жизни в конечном счете потребностями развития материального производства.

Подводя некоторые предварительные итоги, можно еще раз повторить, что становления человеческого общества с необходимостью предполагало обуздание и введение в социальные рамки двух важнейших биологических инстинктов — пищевого и полового. Первым был обуздан пищевой. Возникли первобытно-коммунистические отношения распределения. С появлением дуально-родового брака был обуздан и поставлен под социальный контроль половой инстинкт. Тем самым завершился процесс становления человека и общества. С завершением антропосоциогенеза на смену эпохе праобщества пришла эпоха существования и развития готового сформировавшегося человеческого общества, первой формой бытия которого было первобытно-коммунистическое общество. Вместе с готовым обществом возникли и готовые, сформировавшиеся люди — неоантропы, или *Homo sapiens*. Как писал В. И. Ленин, «„зоологический индивидуализм“ обуздано и первобытное стадо, и первобытная коммуна» (48. С. 232).

4. Дуально-родовая организация и групповые системы родства

Возникновение первой формы брака — дуально-родовой организации — вызвало к жизни появление особого типа систем отношений родства, которые открывший их Л. Морган назвал *классификационными*. Они, как и любые другие системы родства, включая европейские, *линейно-степенные*, не существуют и не могут существовать без систем терминов родства, включают их в себя. Они с самого начала были отношениями волевыми. Самые ранние из этих систем родства были закреплением и фиксацией отношений дуально-родового брака. Брак был групповым, и потому данные системы родства тоже были групповыми. В них было одно единственное отношение непосредственно между индивидами — а именно связь человека, от которого ведется отсчет родства — *эго*, в самых ранних системах лишь с матерью, ибо первоначальный род был только материнским, а когда появился патрилинейный род — лишь с отцом. Это отношение принято именовать *связью происхождения*. В применении к обществу с родовой организацией связь происхождения прежде всего определяла принадлежности каждого человека к тому или иному конкретному роду. Выше она уже была названа филиацией. Все остальные отношения родства в подобного рода системах суть отношения не непосредственно между индивидами, а между их группами, и только тем самым — между индивидами. Связь происхождения, или филиация, определяет принадлежность *эго* к роду и одной определенной группе, на которые подразделяются роды, составляющие дуальную организацию, и тем самым его отношение ко всем другим людям, входящим как в его группу, так и во все остальные. Каждая из существующих групп родства выступает по отношению к другим группам по-разному. Отсчет ведется от группы, к которой принадлежит *эго* — индивид, определяющий свое место в системе отношений родства. Групповые системы родства являются одновременно и группоцентрическими и эгоцентрическими. Поэтому их термины тоже являются относительными.

В самых ранних системах родства, основанных на дуально-родовом браке, важны были различия между принадлежностью людей к одному из двух родов, к одному из полов, и к одному из трех поколений. Соответственно, возникла система терминов родства, состоявшая из 12 элементов. Она тоже была эгоцентричной. Шесть из них обозначали членов моего рода:

- (1) мужчина моего рода поколением старше меня;
- (2) мужчина моего рода моего поколения;
- (3) мужчина моего рода поколением моложе меня;
- (4) женщина моего рода поколением старше меня;
- (5) женщина моего рода и моего поколения;
- (6) женщина моего рода поколением моложе меня.

Другие шесть обозначали членов союзного рода:

- (7) мужчина союзного рода поколением старше меня;
- (8) мужчина союзного рода моего поколения;
- (9) мужчина союзного рода поколением моложе меня;
- (10) женщина союзного рода поколением старше меня;
- (11) женщина союзного рода моего поколения;
- (12) женщина союзного рода поколением моложе меня.

Подобного рода групповые системы родства были обнаружены этнографами у целого ряда народов и создали для них много трудностей. Их нередко называют австралийскими. Но самое точное обозначение — *дуально-родовые* системы. Они прежде всего определяли, с кем данный человек мог вступать в половые отношения, а с кем такие отношения были исключены.

Исследователи всегда пытались передать термины групповых систем родства столь привычными для европейцев терминами линейно-степенного родства. Иногда это удавалось, когда они сталкивались с народами, у которых в результате влияния более развитых обществ давно уже была разрушена родовая организация. Но когда они попытались так поступить с описанными выше дуальными системами родства, то их ждал конфуз.

Термин, с которым туземец обращался к отцу, был естественно переведен британскими и американскими этнографами английским словом *father* («отец»). А затем им оставалось только удивляться тому, что человек называет отцом не только своего собственного отца, но и множество других мужчин. В действительности же у народов с материнским родом этот термин означал — «человек другой половины общества поколением старше меня». И он не мог быть передан одним словом ни английского, ни другого европейского языка, ибо у европейцев отсутствовали подобного рода реалии, а поэтому и соответствующие термины. Термин, с которым туземец обращался к жене, переводился словом «жена». А потом выяснялось, что так туземец называет не только свою собственную жену, но и множество других женщин. Делался вывод, что все они являются его женами. В действительности же этот термин означал — «женщина другой половины общества одного со мной поколения».

С такими трудностями столкнулся Л. Г. Морган, который впервые открыл, что кроме столь привычных для европейцев систем родства, которые он назвал *описательными*, существуют иные, качественно отличные системы, которым он присвоил имя *классификационных* систем. Но понять природу группового родства он так до конца и не смог.

Впервые суть качественное отличие групповых, прежде всего дуальных, систем родства от линейно-степенных их систем почти одновременно раскрыли советский этнолог Сергей Павлович Толстов (1907–1976) в работе «Пережитки тотемизма и дуальной организации

у туркмен» (1935) и британский исследователь Артур Морис Хокарт (1883–1939) в статье «Системы родства» (Носарт, 1937).

Как видно из всего вышесказанного, по крайней мере, групповые отношения родства ни в коем случае не могут быть названы природными, естественными. Это, конечно, родство, но совершенно иное, чем кровное, биологическое родство. Оно явление социальное и только социальное. Таким образом, у людей существует два качественно отличных типов родства: (1) родство биологическое и (2) родство социальное. И то родство, которое определяет поведение людей, это родство вовсе не биологическое, а социальное. Этот вывод с неизбежностью вытекал из открытия Л. Моргана. И дело не просто в обнаружении существования классификационного (группового) родства, которое истолковать как биологическое было совершенно невозможно, а в выявлении бытия нескольких качественно различных типов отношений родства, которые сменяли друг друга в процесс развития общества. Но ведь биологическое-то, кровное родство у человека никак не менялось. Оно всегда было одним и тем же. Более того, оно ничем не отличалось от родства у обезьян и других высших животных.

5. Возникновение брака между индивидами и линейно-степенных систем родства

Социальным и только социальным является не только групповое (классификационное) родство, но также и столь привычное для нас линейно-степенное (описательное) родство, в котором родственные связи суть отношения между индивидами и только индивидами. Связи этого типа родства идут по линиям биологического родства, дублируют их. В результате рождается иллюзия, что родственные связи являются кровными, биологически. И она до сих пор господствует в умах не только людей, далеких от науки, но и специалистов разных профилей, особенно юристов. О том, что пред нами не более как иллюзия говорит хотя бы тот факт, что несмотря на всю близость всех описательных систем родства между ними существуют и различия. А ведь кровное родство у разных народов совершенно одинаково.

И прежде всего об этом свидетельствует их происхождение. Они появились только после того, как наряду с групповым браком возник и получил развитие столь привычный для нас брак между индивидами.

Индивидуальный брак первоначально был дислокальным. Супруги продолжали жить в разных общинах, которые, как уже говорилось, одновременно были и родами. Затем началась локализация брака и тем самым семьи: либо муж переселялся в общину жены, либо жена — в общину мужа. В результате род перестал совпадать с общиной, перестал быть обществом, социоисторическим организмом. Сородичи перестали быть членами одного и только одного социора. В один и тот же социоисторический организм начали входить люди, принадлежащие

не к одному и тому же роду, как это было раньше, а к разным, вначале — лишь к двум. Община начала состоять из семей, основанных на браке членов обязательно разных родов.

А это означало, что вытесненные на одном из предшествующих этапов исторического развития из социоисторического организма половые отношения вернулись в него. Это свидетельствовало о том, что акойтия социора перестала быть необходимым условием нормального функционирования и развития материального производства. Акойтные, родовые отношения перестали быть производственными и материальными. Они превратились в волевые. Волевыми стали и дуально-родовые брачные связи.

Акойтия социора перестала быть необходимой, потому что половой инстинкт теперь был полностью обуздан и заключен в социальные рамки. И характер этих рамок во многом стал теперь определяться экономическими отношениями. Именно изменения в экономических отношениях сделали возможным появление брака между индивидами. Экономические отношения во многом предопределили и характер первоначального индивидуального брака. Коренные изменения отношений собственности привели к превращению первой формы индивидуального брака — *протоэгалитарного* брака — в брак *патриархический* (см.: Семенов, 2010. С. 237–257). Как уже указывалось (8.1), это было отмечено еще Л. Морганом, а затем и Ф. Энгельсом.

Ни в каком отношении никакие природные причины, а только социальные — возникновение брака между индивидами — сделало возможным появление линейно-степенных родственных отношений. И эта возможность превратилась в действительность в результате изменений экономических отношений.

6. Родовые отношения, узы родства и экономика

Любое социальное родство, будь оно групповым или линейно-степенным, есть такая система отношений людей, в которой каждый человек занимает определенное место в силу того вида связи, которую принято называть связью происхождения. С местом человека в системе родства связаны определенные его права и его обязанности. Права и обязанности всегда реализуются только в деятельности. Иначе говоря, система родственных отношений возникла и существует для того, чтобы определять действия человека в той или иной сфере жизни общества. Но никакой особой области человеческой деятельности, которую можно было бы назвать родственной, не существует. Нет никакой особой самостоятельной сферы родства. А это значит, что родство есть явление, которое не имеет своего собственного содержания. Оно есть оболочка, форма, которая может быть наполнена самым разным содержанием.

Самые ранние групповые системы родства регулировали отношения между полами: указывали с кем половое общение возможно, а с кем — абсолютно воспрещено. Но возникнув первоначально для регулирования отношения полов, отношения группового родства в последующем могли определять поведение людей и в других сферах жизни.

Родовые отношения возникли как содержательные. Суть их заключалась в акойтии. Но с самого начала существовали не только материальные родовые отношения, но и порожденные ими волевые родовые связи. И последние сразу же стали наполняться другим содержанием и прежде всего экономическим.

Как уже указывалось, все докапиталистические производственные отношения, включая первобытные, определяли волю индивидов не прямо, а через волю общества, в частности первобытные экономические связи — прежде всего через мораль. Общественная воля обязывала каждого трудоспособного человека делиться созданным им продуктом с другими людьми. Но такое коллективистическое распределение по самому своему характеру возможно только в пределах сравнительно узкого круга людей. Поэтому общественная воля не может обязывать человека делиться созданным им продуктом просто с людьми вообще. Необходимостью является проведение достаточно четкой, всеми осознаваемой границы между людьми, с которыми данный человек обязан делиться, и с людьми, с которыми он делиться не обязан, т. е. нужна четкая фиксация круга лиц, внутри которого осуществляется коммуналистическое распределение.

Этот круг не мог быть не только чрезмерно велик, но и чрезмерно мал и, главное, должен был оставаться сравнительно постоянным. Поэтому принадлежность к этому кругу должна была носить пожизненный характер. Необходимостью поэтому было и существование особых правил, определявших, в какой из дележных кругов должен был войти человек, который только что появился на свет. Войдя в тот или иной дележный круг, человек, как правило, оставался в нем на всю жизнь. И до самой смерти он был обязан делиться с его членами добытым им продуктом и, соответственно, имел право на долю продукта, добытого ими.

На ранних стадиях развития первобытного общества круг, в пределах которого существовало коллективистическое распределение, совпадал с производственным коллективом, являвшимся одновременно родом. Формой, в которой члены рода осознавали свою общность и в то же время отличие от членов других родов, был тотемизм. Все люди, имевшие один тотем, были членами одного рода, одного социально-исторического организма и, соответственно, были включены в одну систему коммуналистических производственных отношений.

То обстоятельство, что род первоначально был первобытной общиной, которая представляла собой первобытную коммуну, привело

немалое число исследователей к выводу о полном совпадении родовых и первобытно-коммунистических отношений, а тем самым и тождестве родовых и экономических связей. Это ярко проявилось в термине «родовой коммунизм». Такой взгляд получил, например, яркое выражение в работе известного историка и этнографа Евгения Георгиевича Кагарова (1882–1942) «Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев» (19376). Вопреки названию в этом труде нет абсолютно никаких данных о пережитках первобытно-коммунистической экономики у названных народов. Речь в ней идет исключительно о пережитках древних форм брака и родовой организации.

Род, будучи первобытной коммуной, был тем самым собственником всех продуктов труда своих членов, всех средств производства, включая и землю. В результате первобытно-коммунистическая собственность выступала как родовая. Когда род перестал совпадать с общиной, то именно он, а не община, продолжал считаться собственником земли. Род должен был мстить за убийство своих членов. И эта обязанность продолжала лежать на нем и после того, как он перестал быть социоисторическим организмом. И даже, когда род лишился всех экономических функций, он остался союзом защиты.

Отожествление понятий родового и первобытно-коммунистического строя породило представление о полном совпадении процессов разрушения родовых отношений и исчезновения первобытно-коммунистических связей. Это было ошибкой.

Судьбы первобытно-коммунистического строя и родовой организации могли в процессе исторического развития существенно разойтись. Этнографической науке известны общества, где полностью исчезли родовые связи, но продолжали господствовать первобытно-коммунистические отношения, и такие, в которых наблюдалась противоположная картина: сохранение рода, иногда даже материнского, при полном отсутствии первобытного коммунизма.

Родственные отношения в отличие от родовых всегда были отношениями волевыми, а не материальными, и только формальными, а не содержательными. И эта волевая оболочка наполнялась самым различным содержанием, причем чаще всего экономическим. Это особенно верно в отношении линейно-степенного родства.

И после того, как род перестал совпадать с производственным коллективом, даже между теми его членами, которые входили в состав разных общин, в течение еще длительного времени продолжало осуществляться коллективистическое распределение, т. е. он продолжал еще в какой-то степени сохраняться как круг, члены которого были обязаны делиться друг с другом. В дальнейшем по мере появления наряду с старыми коллективистическими связями новых производственных отношений, круг людей, обязанных делиться друг с другом, стал все в большей степени определяться не столько принадлежностью

к роду, сколько родством, причем не столько даже групповым, сколько линейно-степенным.

Все это, вместе взятое, и дало основание для утверждения как о том, что в первобытном обществе экономические отношения отсутствуют, а их роль выполняют родовые или родственные отношения, так и о том, что в первобытном обществе экономические отношения являются производными от родовых родственных связей. И такие утверждения, казалось, соответствуют фактам. Ведь в самом деле: родственники делились пищей, а люди, не состоящие в родстве, не делились ею. И на вопрос о том, что побуждало первых делиться, напрашивался вполне естественный ответ — родство. Они делились потому, что были родственниками, а родство есть природное, естественное явление. Ответ казался исчерпывающим.

Но стоит только поставить вопрос, почему то же самое природное, естественное родство, что побуждало людей систематически, изо дня в день делиться в раннепервобытном обществе, не побуждает их к тому же в обществе классовом, почему в ходе развития самого первобытного общества сужался круг лиц, обязанных систематически делиться друг с другом, как становится ясным, что дело вовсе не в родстве, взятом само по себе. Делиться людей заставляет не родство само по себе взятое, а воля общества, содержание которой было детерминировано системой производственных отношений. Что же касается родства, то оно лишь определяло круг лиц, внутри которого лежался обязательным, причем как факт существования такого круга, так и все его основные особенности определялись характером системы производственных отношений.

Подводя теперь итоги всему сказанному, следует подчеркнуть, что каким бы специфическим ни было первобытное общество, в одном отношении оно ничем не отличается от всех остальных типов человеческого общества, включая и капиталистическое. В его основе, как и в фундаменте всех прочих обществ, лежало производство материальных благ. И какими бы специфическими ни были его производственные отношения, они являлись столь же материальными, как и социально-экономические отношения всех других обществ. И будучи таковыми они образовывали базис этого общества и в конечном счете определяли все остальные существующие в нем отношения.

Поэтому только проникновение в сущность первобытной экономики может дать ключ к пониманию природы первобытного общества и позволит выявить закономерности его развития.

Хозяйство первобытного и предклассового общества

Цель настоящей работы — изучение экономики, т. е. системы социально-экономических отношений первобытного общества, а не первобытного производства в целом, в единстве всех его сторон. Но прежде чем перейти к рассмотрению социально-экономических отношений первобытного общества, необходимо хотя бы коротко остановиться и на производстве в нем в самом узком смысле слова, т. е. на процессе собственно производства, создания материальных благ. Как уже отмечалось, для обозначения собственно производства нередко используется термин «хозяйство».

Собственно производство всегда есть единство нескольких видов трудовой, производственной, или хозяйственной, деятельности. В применении к собственно первобытному и предклассовому обществу обычно различают две формы хозяйства: *присваивающее* и *производящее*. Присваивающим называют хозяйство таких народов, которые занимаются *охотой, рыболовством и собирательством*. Как производящее характеризуют хозяйство тех народов, которые занимаются *земледелием и животноводством*.

Нетрудно заметить, что в основе этого деления лежит различие способов, которыми люди обеспечивают себя пищей. И охота, и рыболовство, и собирательство представляют собой присвоение пищевых ресурсов, которые доставляет природная среда. Это — разные виды добывающей, присваивающей деятельности. Суть земледелия и животноводства состоит в производстве, создании пищи.

Пища играла столь важную роль в жизни первобытных и предклассовых обществ, что все исследователи при характеристике их хозяйства прежде всего начинали с описания способов, при помощи которых члены этих обществ обеспечивали себя продуктами питания. При этом нередко оставалось в тени, что и в обществах с хозяйством, именуемом присваивающим, люди не только присваивали, но и производили в самом узком смысле этого слова.

Прежде всего они создавали средства труда, с помощью которых осуществляли присвоение. Ими производились разнообразные орудия охоты и рыболовства. И от того, насколько они были совершенными, в значительной степени зависел успех этих видов добывающей деятельности.

Употребление средств труда было необходимо и при собирательстве. Иногда, говоря о собирательстве, не принимают во внимание, что оно является специфически человеческим видом деятельности. Обезьяна, скажем, не занимается собирательством. Она просто кормится. Тем более не занимается собирательством корова. Она просто пасется. Подлинное собирательство имеет место только там, где сорванные дикорастущие плоды, выкопанные корни и т. п. в начале сосредотачиваются в руках индивида, т. е. собираются в буквальном смысле слова, а затем доставляются в лагерь, стойбище. Все это невозможно без использования корзин или каких-либо других переносных вместилищ, т. е. средств труда.

Основой любой человеческой деятельности по добыванию пищи является деятельность по созданию средств труда. Поэтому любая человеческая деятельность по присвоению пищи является не чем иным, как своеобразным видом собственно производства, а именно производством предметов потребления.

Но к числу предметов потребления относится не только пища, но и жилище, одежда, утварь, украшения. Все они, как и средства труда, создаются людьми. Многообразная деятельность людей по созданию вещей нуждается в обозначении. Однако в нашей этнографической литературе единого термина, который бы в равной степени охватывал все разновидности этой деятельности, не существует. Слово «ремесло» для этой цели явно не подходит, ибо предполагает наличие работников, для которых одна из разновидностей этой деятельности была бы профессией. В англоязычной этнографической литературе вся эта деятельность в целом нередко именуется мануфактурой. Но в русской научной литературе термин «мануфактура» уже имеет другой, причем достаточно четко определенный смысл.

Слово «мануфактура» на русский язык буквально переводится как «рукоделие». В обыденном словоупотреблении под рукоделием понимается не всякий ручной труд, а преимущественно лишь женский (шитье, вязанье и т. п.). На мой взгляд, вполне возможно использование слова «рукоделие» в качестве научного термина, обозначающего всевозможные разновидности деятельности по созданию вещей в первобытном и предклассовом обществе. Это производство было действительно ручным. Оно было рукоделием в буквальном смысле слова.

Чтобы завершить перечень основных видов трудовой, или хозяйственной, деятельности в первобытном и предклассовом обществе, следует упомянуть еще один. Это — собирание и переноска дров, разжигание и поддержание огня, доставление воды, приготовление пищи, уборка мусора и т. п. Все эти разновидности трудовой деятельности можно объединить под названием *домоводства*.

Таким образом, к числу основных видов трудовой, или хозяйственной, деятельности в первобытном и предклассовом обществе на ранних этапах его развития относятся рукоделие, охота, рыболовство,

собираательство и домоводство. Позднее возникли земледелие и животноводство. Однако возникновение животноводства не всегда означает переход от присваивающего хозяйства к производящему. Люди довольно рано приручили собаку. Но это не вывело их за рамки присваивающего хозяйства. Известны народы, которые разводили оленей и лошадей, но использовали этих животных только для передвижения и/или в качестве средств охоты. Их хозяйство тоже не может быть охарактеризовано как производящее. О животноводстве как виде производящего хозяйства может идти речь только в том случае, если домашние животные используются в пищу, дают пищу, например молоко, или служат в качестве тягловой силы в земледелии.

В идеальном варианте развития производящее хозяйство возникает как комплексное: земледельческо-животноводческое. Но известны народы, у которых из этих двух видов деятельности существует одно лишь земледелие. В результате важную роль продолжают играть охота и/или рыболовство. И вообще даже с возникновением комплексного земледельческо-животноводческого хозяйства охота, рыболовство, собираательство сразу не исчезают. Они еще долгое время могут продолжать сохраняться, но уже как дополнение к основным видам хозяйственной деятельности.

Возникшее, скорее всего, на стадии позднего первобытного общества земледелие как в этом, так и в раннем предклассовом обществе было, как правило, ручным (использовались палка-копалка или мотыга) и подсечно-огневым. Его называют также *огородным* земледелием, *огородничеством*, или *хортикультурой* (от лат. *hortos* — огород, вообще огороженное место). Следующий шаг — появление плуга, который тянут животные (волы или лошади). Это *плужное*, оно же *полевое* земледелие, или *агрикультура* (от лат. *ager* — поле), возникло позднее.

Многие исследователи рассматривали переход к производящему хозяйству как важнейший рубеж в развитии доклассового общества, выделяя, например, стадии доземледельческой и земледельческой общины. Нельзя сказать, что они видели различие между этими, выделяемыми ими, стадиями только в формах хозяйства. Но все они жестко связывали с каждой из этих форм определенные социально-экономические отношения.

Однако на деле такой жесткой связи не существует. С одной и той же формой хозяйства могут сочетаться далеко не одинаковые виды социально-экономических отношений. И, наоборот, одни и те же виды социально-экономических отношений могут быть связаны с различными формами хозяйства. С одной стороны, существовали такие земледельческие общества, в которых господствовали первобытно-коммунистические отношения. С другой, известны социоисторические организмы охотников, рыболовов и собирателей, которые уже достигли стадии предклассового общества.

Возникнув, земледелие на первых порах могло долгое время создавать несколько не больше общественного продукта, чем его достав-

ляли в благоприятных условиях те или иные формы присваивающего хозяйства. Потенциальные возможности земледелия раскрылись далеко не сразу. Но бесспорно, что только оно могло обеспечить переход к классовому обществу. Науке не известно ни одно классовое общество, которое базировалось бы на присваивающем хозяйстве.

Орудия в раннепервобытном, позднепервобытном и раннем предклассовом обществе в большинстве случаев изготавливались из камня, дерева, кости, рога и раковин. Согласно археологической периодизации — это каменный век. Науке сейчас известны настоящие классовые общества, которые не знали никаких металлических орудий, даже медных. Но в большинстве случаев переход к использованию медных орудий произошел еще на стадии предклассового общества. Известны науке и предклассовые общества, в которых изготавливались бронзовые и даже железные орудия. Таким образом, не существует жесткой связи не только между формами хозяйства и типом социально-экономических отношений, но и между социально-экономической структурой общества и уровнем развития техники производства.

Одна из характерных особенностей хозяйства доклассового общества состоит в разделении труда между полами. Наличие его отмечено у всех без исключения народов, находившихся на этой стадии. У каждого из них были виды хозяйственной деятельности, которыми занимались в основном либо мужчины, либо женщины.

Помимо чисто мужских и чисто женских занятий существовали также виды хозяйственной деятельности, которыми могли заниматься представители обоих полов. Однако, как правило, одни из них считались мужскими, а другие — женскими. Если оставить в стороне земледельческие народы, то чисто мужскими видами деятельности чаще всего были охота, особенно на крупных животных, рыболовство, изготовление оружия, сетей, обработка камня, дерева, рога, кости, постройка хижин, лодок. К чисто женским занятиям у неzemледельческих народов чаще всего относились собирательство, подготовка мяса и рыбы к хранению, изготовление циновок, корзин, веревок, материалов для одежды, шитье и починка одежды и обуви, сбор топлива, приготовление пищи (Murdock, 1937; Murdock and Provost, 1937; Herscovits, 1965. P. 127–142).

Часть вторая

Экономика первобытно-коммунистического общества

Глава 10. Корни первобытного коммунизма. Жизнеобеспечивающий и избыточный продукт	169
Глава 11. Разборно-коммуналистические отношения	177
Глава 12. Возникновение экономики и общества	191
Глава 13. Возникновение дележно- коммуналистических отношений	224
Глава 14. Эволюция дележно-коммуналистических отношений . . .	257
Глава 15. Сущность дележно-коммуналистических отношений . . .	285

Глава 10

Корни первобытного коммунизма. Жизнеобеспечивающий и избыточный продукт

Несомненным является факт, что все члены ранней первобытной общины делились между собой предметами потребления, прежде всего пищей. Он свидетельствует о том, что на первой стадии эволюции первобытного общества все эти предметы были общей собственностью всех членов социоисторического организма. И сразу же возникает вопрос, почему предметы потребления создавались в первобытном социоисторическом организме как его собственность. Естественным кажется, по аналогии с другими способами производства, вывести это из общественной собственности на средства производства. Но все обстоит сложнее.

Многие даже советские исследователи, анализируя отношения по распределению средств производства в социоисторических организациях, относящихся к первой стадии развития первобытного общества, приходили к выводу, что орудия труда в них находились, как правило, в индивидуальной (личной) собственности (Токарев, Толстов (ред.), 1956. С. 183–184; Кабо, 1962. С. 74–77 и др.).

В результате взоры исследователей обращались к собственности на землю. Земля и ее ресурсы, утверждали они, является главным средством производства. А это основное средство производства находилось в собственности коллектива в целом. И данное обстоятельство определяло общественный характер собственности на предметы потребления. Общественная собственность на землю являлась основой первобытного коллективизма.

Приведя слова К. Маркса о том, что в первобытном обществе люди относятся к земле как к собственности коллектива, А. М. Румянцев

пишет: «Подобное отношение к земле как к всеобщему средству производства — ведущая черта возникших первобытных производственных отношений. Именно она приводит к тому, что общей собственностью становятся и все конкретные средства и предметы труда, и, соответственно, результаты совместной трудовой деятельности» (1987. С. 79). Данный автор выводит из общественной собственности на землю коллективную собственность не только на предметы потребления, но и вообще на все продукты труда, включая и средства труда. И поэтому остается совершенно необъяснимым, каким образом в дальнейшем при сохранении той же коллективной собственности на землю возникает личная собственность на орудия труда (С. 213–214).

И вообще ссылка на общественную собственность на землю ни в малейшей степени не объясняет коллективный характер собственности на предметы потребления. Как известно, собственниками земли и ее ресурсов были не только первобытные общины, но нередко также и крестьянские общины. Однако это ни в малейшей степени не мешало тому, что в любой крестьянской общине продукт создавался как обособленная собственность отдельных дворов, но не всей общины в целом. Таким образом, общественная собственность на землю, сама по себе взятая, не может породить и не порождает коллективную собственность на продукт вообще, на предметы потребления в частности. Кроме того, сама общественная собственность на землю в первобытном обществе нуждается в объяснении.

Значительное число людей, которые рассматривают раннее человеческое общество как коллективистическое, выводило присущий ему коллективизм из совместного труда всех его членов. С предельной четкостью эта точка зрения нашла свое выражение в работе И. В. Сталина «О диалектическом и историческом материализме». «Чтобы собрать плоды в лесу, — сказано там, — наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства» (Сталин, 1953. С. 26).

Такое представление ошибочно. Члены раннепервобытной общины совершенно не обязательно должны были даже охотиться все совместно, не говоря уже о сборе плодов, корней и т. п. Они вполне могли действовать и группами в два, три человека и в одиночку. Но независимо от того, как было убито животное — совместно или в одиночку, мясо распределялось между всеми членами общины. В раннепервобытном обществе собственностью коллектива становились все предметы потребления, совершенно независимо от того, были ли они добыты людьми в одиночку или совместно.

Путь к решению рассматриваемой проблемы в свое время указал К. Маркс. Но прежде чем обратиться к соответствующему месту из его работы, необходимо сделать несколько уточнений. Привычным

в марксистской литературе является положение об общественном характере производства. При этом, однако, нередко не учитывается, что под общественным характером производства можно подразумевать вовсе не одно и то же.

В первую очередь можно иметь в виду тот простой факт, что производство всегда происходит в обществе. В этом смысле производство всегда носило общественный характер. Далее под общественным характером производства можно понимать наличие у него такой общественной формы, при которой весь продукт создается как собственность общества. Общественным в этом смысле является не всякое производство, а только определенное, в частности раннепервобытное.

И наконец, еще один смысл вкладывается в это словосочетание, когда говорится о том, что характерным для капитализма является противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения. Здесь имеется в виду возникновение при капитализме особой структуры производительных сил, при которой их функционирование невозможно без непрерывной циркуляции средств производства в масштабах всего общества. При наличии данной структуры каждая вещь является продуктом труда не отдельного рабочего, а множества работников, занятых в различных отраслях производства. Процесс создания такой структуры производительных сил обычно характеризуется как обобществление производительных сил или просто производства. Именно это обобществление делает, по Марксу, не только возможным, но необходимым переход средств производства в собственность общества. Последний процесс тоже нередко характеризуют как обобществление.

Таким образом, если словосочетание «общественный характер производства» имеет три значения, то словосочетание «обобществление производства» — два, связанных с двумя последними значениями словосочетания «общественный характер производства».

Теперь можно обратиться к взглядам К. Маркса. «Этот первобытный тип кооперативного или коллективного производства, — писал он, характеризуя первобытное производство, — был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства» (19. С. 404). Что имел в виду К. Маркс, говоря об отсутствии обобществления средств производства в первобытном обществе? Отсутствие в нем общественной собственности на средства производства? Такое предположение находится в резком противоречии со всем содержанием «Набросков ответа на письмо В. И. Засулич», откуда приведена данная цитата. Здесь К. Маркс прямо говорит о наличии в первобытном обществе «общей собственности» (С. 404). Мысль К. Маркса можно понять, если учесть, что в «Набросках» он говорит не только о «первобытном» типе коллективного производства, но и о том новом типе, который, по его мнению, с неизбежностью придет на смену капитализму (С. 402). И ему важно подчеркнуть различие между объективными предпосылками той и другой форм коллективного производства.

Появление новой формы коллективного производства подготовлено происходящим в недрах капитализма обобществлением производства.

В первобытную эпоху производство не было обобществлено в том смысле, в каком оно обобществлено при капитализме: не существовало структуры производительных сил, которая требовала бы общественной собственности на средства производства. Коллективистический характер первобытного производства был обусловлен совсем иной причиной, чем коллективистический характер будущего коммунистического производства. И эту причину К. Маркс видит в «слабости отдельной личности».

Речь, разумеется, идет не о физической слабости, а о недостаточной вооруженности человека в борьбе с природой, иначе говоря — о низком уровне развития производительных сил. Как уже указывалось (2.14.), показателем уровня развития производительных сил является объем созданного общественного продукта в расчете на душу населения социоисторического организма.

Для понимания первобытной экономики огромное значение имеют понятия жизнеобеспечивающего и избыточного продукта. *Жизнеобеспечивающим* является общественный продукт, абсолютно необходимый для поддержания физического существования членов первобытного коллектива, причем такого, при котором их организмы функционируют более или менее нормально, не претерпевая необратимых патологических изменений. Понятие жизнеобеспечивающего продукта важно для понимания не только первобытной, но других экономик. Он вслед за К. Марксом может быть назван «физически необходимым минимумом жизненных средств» (25.2. С. 360). Весь общественный продукт, превышающий этот уровень, является *избыточным*. Избыточен он вовсе не в том смысле, что не может быть потреблен членами общества, а лишь в том, что и без него возможно их нормальное физическое, а тем самым и социальное существование.

Нетрудно понять, что основную массу жизнеобеспечивающего продукта составляла пища. Добывание определенного количества пищи — абсолютно необходимое условие нормальной жизнедеятельности человека. Как свидетельствуют данные этнографии, пища всегда была в центре внимания людей доклассового общества (Morgan, 1881. P. 31; Malinowski, 1922. P. 170; Firth, 1930. P. 308; 1967. P. 37–38; Bell, 1931. P. 117; Dalton, 1971a, P. 44; Hogbin, 1939. P. 324–325; Henry, 1941. P. 35–36; Oliver, 1955. P. 364; Service, 1966. P. 7–9; Young, 1971. P. 146; Elemendorf, 1974. P. 137; Johnson, 1982; Kahn, 1986). По словам российского этнографа Владимира Ильича Иохельсона (1855–1933), у них существовал «культ еды» (1898. С. 262). «В наиболее первобытных племенах, — указывала английская исследовательница Одри Исабел Ричардс (1899–1984) в монографии „Голод и труд в дикарском племени“, — голодовка есть постоянная возможность, если не реальность. Поиски пищи есть главное занятие каждого активного члена общества, и все наиболее главные институты связаны с владением и распределением ее запасов. Эмоциональная жизнь примитивного

человека поэтому управляется желаниями и тревогами, связанными с пищей. Его отношения с другими членами общества фактически определяются в огромной степени нуждой в пище, и сама пища как объект такого острого и многообразного интереса становится центром комплекса ценностей в его социальной жизни» (Richards, 1932. P. 14). «Она, — пишет океанист Ф. Белл о значении пищи в обществе меланезийцев островов Танга, — играет важную, если не наиболее важную роль в жизни этого примитивного народа. Их экономические усилия почти полностью направлены на производство пищи. Интересы индивида, так же как и общины, сконцентрированы главным образом на пище, и тот род жизни, который они ведут, в конечном счете определяется их нуждой в пище» (Bell, 1948. P. 74). «Пища, — вторят ему африканисты Мейер Форте (1906–1983) и С. Форте, — есть главная практическая проблема в социальной жизни талленси. Она, как и во всех вообще примитивных обществах, является фундаментальной составляющей множества социальных ситуаций, непосредственно не связанных с питанием, например, жертвоприношений духам предков или погребальных церемоний» (Fortes and Fortes, 1936. P. 237).

Важно отметить, что в двух последних высказываниях речь идет о народах, давно уже перешедших к земледелию и животноводству и производивших довольно значительный избыточный продукт. Тем более велико значение пищи в обществах охотников и собирателей. Главная их забота всегда состояла в том, чтобы добыть столько пищи, чтобы ее хватило для обеспечения существования (см.: Service, 1956. P. 7–8). Все сказанное выше делает более чем понятным слова Р. Ферса: «Любое исследование примитивной экономики имеет дело прежде всего с производством и потреблением пищи» (Firth, 1967. P. 37–38).

Когда весь или почти весь общественный продукт был жизнеобеспечивающим, необходимым условием существования социосторического организма являлся особый способ распределения предметов потребления вообще, пищи прежде всего, между всеми его членами, который нередко именуется уравнильным. В обыденном представлении уравнильность в распределении материальных благ нередко понимается как раздел их поровну между всеми членами коллектива. Однако во всех известных этнографам раннепервобытных социосторических организмах различные члены общества нередко получали неодинаковые доли продукта.

Это обстоятельство побудило некоторых авторов выступить с призывом отказаться от термина «уравнильное распределение» и заменить его другим. В качестве такового был предложен термин «равнообеспечивающее распределение» (Хрустов, 1959). Однако более удачным признать его нельзя. Ведь его буквальное значение: равное обеспечение всех членов коллектива, что может быть понято как распределение общественного продукта между ними поровну. По сравнению с этим старый термин выглядит значительно лучше, ибо его буквальный смысл не равенство, а уравнивание.

Отношения, получившие название уравнилельных, не предполагают с необходимостью распределение продукта между всеми поровну, хотя это и могло иметь место. Суть их заключается в том, что каждый член социоисторического организма имел право на часть созданных в нем продуктов потребления, прежде всего пищи, исключительно лишь в силу принадлежности к нему. Никаких других оснований для этого не требовалось.

Что же касается размеров получаемой членом коллектива доли продукта, то она при такого рода распределении определялась, во-первых, общим объемом произведенных материальных благ, во-вторых, потребностями данного индивида, в-третьих, интересами коллектива, которые могли в определенных условиях пойти на увеличения доли одних его членов за счет доли других. Но последнее могло иметь место только в том случае, когда имелся хотя бы небольшой избыточный продукт. В условиях же, когда весь продукт был жизнеобеспечивающим, он мог распределяться лишь по потребностям. Только это могло обеспечить выживание всех членов коллектива, а тем самым и существование самого социоисторического организма.

Вот, что писал, например, В. И. Йохельсон о юкагирах Сибири: «Охотники убивают оленей не для себя и своей семьи, а для целой группы, с которой живут в сезон охоты; и те же самые правила соблюдаются при распределении мяса; сам охотник не имеет особого права на добычу. В случае охоты за „мясом“ коммунистический принцип обеспечения всех членов рода продолжает доминировать над трудовым принципом — правом охотника на продукт собственной охоты. Охотник трудится, предпринимает неимоверные усилия, терпит страшные лишения — и все это для людей своей „крови“, а не для себя лично. Описанные выше обычаи — следствие материальных условий, в которых продолжают жить юкагиры. Если бы способному охотнику было разрешено охотиться только для себя, большая часть сородичей умерла бы от голода: в сознании этого состоит честолюбие охотника» (Jochelson, 1910. P. 124).

В главном и основном рассматриваемое распределение было распределением по потребностям, *коммунистическим, коммуналистическим*. Особенно наглядно это проявлялось в такие периоды жизни социоисторических организмов, когда добытой пищи, которая всегда была основным объектом распределения, было вполне достаточно для полного удовлетворения потребностей членов коллектива. Пища распределялась тогда по потребностям в точном смысле слова, т. е. каждый член общества получал столько, сколько хотел. Но и в периоды, когда добытого продукта было недостаточно для полного удовлетворения потребностей членов общества, он все равно распределялся по потребностям, т. е. в соответствии с реальными потребностями индивидов, пропорционально их потребностям. Взрослые мужчины, занятые тяжелым физическим трудом, требовавшим значительных затрат энергии,

нуждались в большем количестве пищи, чем женщины, дети, старики, и, соответственно, получали большие доли продукта.

Коммуналистическое распределение является выражением того, что предметы потребления, пища в первую очередь, принадлежит всем членам социоисторического организма вместе взятым. Именно поэтому каждый из них имеет право на долю этих благ.

Укреплению общей собственности на пищу способствовало еще одно обстоятельство. Хорошо известно, что ход и исход таких видов хозяйственной деятельности, как охота и в значительной степени также рыболовство, во многом зависят не столько от собственных усилий человека, сколько от случайного стечения обстоятельств.

Не приводя примеров, которые можно в изобилии почерпнуть из описаний путешественников и трудов этнографов, ограничусь обобщающим высказыванием одного из крупнейших исследователей в этой области. «Какими же методами, — писал Лев Яковлевич Штернберг (1862–1927), — человек борется за свое существование? В первую голову он применяет свои собственные силы. Его основной метод борьбы за существование — это метод техники, изобретений. Но вот оказывается, что все его гениальные изобретения недостаточны для борьбы с природой. При всем своем искусстве, в одном случае он направляет стрелу в животное даже в самую плохую погоду и убивает его, а в другом случае при самых благоприятных условиях делает промах, стреляет и не попадает. В одном случае он может наловить рыбы в один день столько, что ее хватит надолго, а в другом случае могут пройти целые месяцы, и он не поймает ни одной рыбы. Одним словом, перед ним в борьбе за существование встает „его величество случай“, то, что мы называем удачей, счастьем и т. д.» (1936. С. 246–247).

Зависимость самого существования человека от власти случайностей с особой силой давала себя знать на той ступени развития, когда весь общественный продукт был жизнеобеспечивающим. В этих условиях неблагоприятное стечение обстоятельств могло привести к гибели людей. И естественно, что необходимой предпосылкой существования общества была нейтрализация власти случайностей над деятельностью по добыванию пищи. А к этому вел только один путь: установление полной собственности социоисторического организма на всю пищу, добытую его членами, причем независимо от того, была ли она добыта совместно или в одиночку. И эта полная собственность на пищу могла выразиться только в одном — в распределении пищи между всеми его членами, причем совершенно независимо от того, участвовали они в ее добывании или не участвовали. Только утверждение коллективной собственности и распределения по потребностям делало возможным погашение неудач одних членов коллектива удачами других его членов и тем самым систематическое обеспечение каждого человека прожиточным минимумом. Взгляд на коммуналистическое распределение как на способ нейтрализации власти случайностей над

процессом добывания пищи встречается у целого ряда исследователей (Dowling, 1968. P. 503–504; Damas, 1972. P. 227; Yellen and Harpending, 1972. P. 244–254; Ingold, 1980. P. 145; Gould, 1982; Wiessner, 1982. P. 61, 65; Cashdan, 1985; Winterhalder, 1986; Renshaw, 1988. P. 341; Smith. 1988. P. 233–234 и др.).

Вся суть средств производства заключается в том, что с их помощью прямо или косвенно создаются предметы потребления. И если все предметы потребления создаются как общественная собственность, то это означает, что и все средства производства, включая орудия труда, тоже являются общественной собственностью. На первой фазе развития первобытного общества как предметы потребления, так и средства производства были полной собственностью социоисторического организма, который поэтому с полным правом может быть назван *первобытной коммуной*. Соответственно, социально-экономические отношения, лежащие в основе этого организма, с полным правом могут быть названы *первобытно-коммунистическими*, или *коммуналистическими*. Коммуналистической была собственность как на предметы потребления, так и на средства производства. Коммуналистическим может быть названо и распределение, в котором проявлялась эта собственность.

В отличие от других способов производства при коммуналистическом социально-экономическом строе производства собственность на предметы потребления не только не определялась, а, наоборот, определяла собственность на средства производства. Сама же она прямо, непосредственно детерминировалась объемом произведенного общественного продукта, который был выражением уровня развития производительных сил. Последние прямо, непосредственно определяли как общественный характер собственности на предметы потребления, так и способ распределения этих, принадлежащих обществу, предметов между членами коллектива.

И только в процессе дальнейшего развития в предклассовом, а затем классовом обществе отношения собственности на средства производства обособляются и вклиниваются между производительными силами, с одной стороны, и отношениями собственности на предметы потребления, с другой. Только тогда как первичное, так и вторичное распределение предметов потребления начинает определяться не производительными силами непосредственно, а отношениями собственности на средства производства, которые становятся главными, ведущими в системе производственных связей.

Таким образом, на стадии, когда весь общественный продукт полностью или почти полностью был жизнеобеспечивающим, собственность могла быть только коммуналистической и, соответственно, лишь таким могло быть и распределение. Именно такой, а не иной характер производственных отношений был обусловлен объемом общественного продукта на душу членов социора и тем самым уровнем развития производительных сил общества.

Разборно-коммуналистические отношения

1. Проблема реконструкции начального этапа развития первобытной экономики

Проблема эволюции первобытной экономики относится к числу наименее разработанных в этноэкономической литературе. Современные зарубежные исследователи, как правило, вообще отказываются ставить вопрос о стадиях эволюции первобытных экономических отношений. Они в основном ограничиваются выделением и описанием различных форм экономических отношений, нередко при этом подчеркивая, что данные формы нельзя рассматривать как стадии развития (Polanyi, 1968. P. 155–156).

Исследователей, стоящих на позициях марксизма, всегда характеризовало стремление подойти к первобытной экономике исторически. Однако обращаясь к первобытным производственным отношениям, они чаще всего изображали их эволюцию как процесс разложения первобытного коллективизма. При этом нередко упускалось из вида, что сам первобытный коллективизм не оставался неизменным и что изменения, которым он подвергался, не всегда могут быть охарактеризованы просто как его разложение. В течение длительного периода первобытно-коммунистические производственные отношения не разлагались, не вытеснялись качественно иными социально-экономическими связями, а развивались, меняли формы, стадийно трансформировались. И вполне понятно, что теория первобытной экономики должна, прежде всего, быть воспроизведением объективной логики развития первобытных производственных отношений.

На стадии раннепервобытного общества, или первобытной коммуны, все предметы потребления и средства производства находились в полной собственности социально-исторического организма. Как уже отмечалось, производственные отношения на этой стадии развития могут быть с полным основанием названы первобытно-коммунистическими, или коммуналистическими.

Но сами коммуналистические отношения на всем протяжении этой стадии не оставались неизменными. Они эволюционировали. И важнейшим является вопрос о самой ранней стадии их развития, т. е. об исходной, первоначальной форме первобытных производственных отношений, а тем самым и производственных отношений вообще. Без правильного ответа на него невозможно создание претендующей

на соответствие с действительностью схемы развития первобытных производственных отношений. Но вопрос этот сложен.

Сложность эта в первую очередь связана с тем, что этнографии не известен ни один народ, экономические отношения у которого находились бы на самой первой стадии. Все без исключения человеческие группы, с которыми имеет дело этнография, далеко ушли от исходного состояния, не говоря уже о том, что все они подверглись воздействию со стороны более развитых народов. Последнее обстоятельство тоже не могло не сказаться, причем иногда весьма существенно, на их экономике.

Таким образом, начальную стадию развития первобытной экономики нельзя наблюдать воочию. Ее можно только восстановить, реконструировать, основываясь на материалах, почерпнутых из наблюдений над народами, экономика которых в большей или меньшей степени отдалена от исходной.

Вполне понятно, что исследователь, поставивший своей задачей восстановить первоначальную форму первобытной экономики, должен прежде всего обратиться к данным, относящимся к народам, находящимся на возможно более низкой стадии эволюции первобытного общества, в первую очередь к раннепервобытным охотникам и собирателям. Однако материалы, которыми располагает этнография об экономических отношениях в социоисторических организмах раннепервобытных охотников и собирателей, носят большей частью отрывочный и фрагментарный характер.

Это чаще всего отдельные места в описаниях путешественников и трудах этнографов. Из них можно понять, что в обществе этих народов господствовали коллективистические отношения. Но определить конкретную их форму зачастую представляется совершенно невозможным. Суждения наблюдателей, к сожалению, обычно носят самый общий характер.

Однако, являясь трудной, задача реконструкции первоначальной формы первобытных производственных отношений не представляется совершенно невозможной.

Одна из важных особенностей эволюции первобытных производственных отношений заключается в том, что возникновение новой их формы не означало полного исчезновения старой. Оно означало лишь сужение сферы действия старых форм. Последние долго еще продолжают существовать наряду с новыми, причем совершенно не обязательно лишь в виде пережитка. Как отмечают исследователи, в первобытных социоисторических организмах обычно одновременно действовало несколько разных систем распределения продуктов (Jochelson, 1908. P. 769–770; Damas, 1972 и др.).

В одно и то же время и внутри одного и того же круга лиц одни и те же виды продуктов распределялись по одним нормам, а другие — по другим. В одно и то же время одни и те же виды продуктов распределялись между одними лицами по одним нормам, а между другими — по другим (Sahlins, 1965. P. 149–158, 186–200). И наконец, в разное

время и в разных условиях одни и те же виды продуктов могли распределяться между одними и теми же людьми по разным нормам. Иными словами, в одном и том же конкретном первобытном обществе нормы распределения могли быть различными в зависимости от того, какие именно продукты, между кем, в какое время и в каких условиях распределялись.

В одном и том же обществе существовали различные формы не только распределения, но и обмена. Как отмечают многие исследователи, во многих доклассовых обществах наличествовали обособленные друг от друга сферы циркуляции материальных благ, в каждой из которых действовали разные принципы (DuBois, 1936; Bohannan, 1955; Firth, 1967. P. 340–344; Salisbury, 1962. P. 39–41).

Длительное сохранение старых социально-экономических отношений после возникновения новых открывает реальную возможность реконструкции последовательных стадий эволюции первобытной экономики. Но вполне понятно, что эта реконструкция будет истинной лишь при условии, если мы сможем правильно установить, какие именно из сосуществующих форм социально-экономических отношений являются более архаичными, а какие — новыми. Неверный ответ на этот вопрос неизбежно привел бы к созданию такой схемы эволюции, которая расходилась бы с действительностью.

Этнографические данные позволяют выявить некоторые объективные критерии различия между более и менее архаичными производственными отношениями.

Как уже отмечалось, главным объектом собственности и распределения в первобытном обществе была пища. Поэтому именно в сфере распределения пищи дольше всего сохранялись самые архаичные формы распределения. Даже у тех племен, у которых возникло имущественное неравенство и зачаточные формы эксплуатации человека человеком, нередко в сфере распределения пищи продолжали в значительной степени действовать нормы коммуналистического распределения. В качестве примера можно указать на толова-тутутни Калифорнии, у которых отчетливо выраженное имущественное неравенство и кабальничество существовали бок о бок с коммуналистическим распределением охотничьей добычи (DuBois, 1936. P. 51).

У большинства народов, уже перешедших к земледелию и скотоводству, обычно продолжали сохраняться в качестве дополнительных занятий охота и собирательство. И если в новых областях деятельности утверждались новые формы производственных отношений, то в старых нередко продолжали сохраняться прежние, более архаичные. И вероятность сохранения в области распределения, например, продуктов охоты, старых норм в таком обществе была тем большей, чем меньшую роль играли эти продукты в жизни общества. При этом у земледельческих народов иногда сохранялись в области распределения продуктов охоты такие нормы, которые исчезали у племен, продолжавших развиваться без выхода за пределы присваивающего хозяйства. И эти нормы могли не только сохраняться, но даже распространяться

на иные продукты. Это позволяет привлекать для реконструкции начальной формы производственных отношений материалы по народам не только с присваивающим, но и с производящим хозяйством.

Но наибольшие шансы на восстановление исходного пункта развития первобытной экономики дает очень своеобразное явление, которое можно было бы охарактеризовать как *обратимость* производственных отношений.

Прогресс первобытных производственных отношений теснейшим образом связан с увеличением объема производимого продукта, который в свою очередь является в конечном счете показателем уровня развития производительных сил. Самая архаичная, первоначальная форма производственных отношений соответствовала такому уровню развития производительных сил, когда создавался лишь жизнеобеспечивающий продукт. С появлением более или менее регулярного избыточного продукта возникли новые формы социально-экономических отношений. Дальнейший рост избыточного продукта имел своим результатом появление еще более прогрессивных форм.

Но в условиях присваивающего хозяйства объем созданного продукта зависел не только от степени совершенства средств труда и опыта производителей, но и от различного рода природных факторов, не поддающихся контролю человека. Эти факторы могли приводить как к возрастанию, так и уменьшению объема добываемого продукта. Такие колебания нередко были чисто случайными. Но они могли также происходить более или менее систематически, что имело место тогда, когда эти колебания были обусловлены периодическими изменениями природных условий, в частности сменой времен года.

Вполне понятно, что иногда объем продукта уменьшался настолько, что он весь превращался в исключительно лишь жизнеобеспечивающий. И в первобытных обществах, в которых сокращение объема продукта происходило не от случая к случаю, а периодически, причем нередко в таких масштабах, что весь он становился жизнеобеспечивающим, довольно часто вырабатывалась такая форма обеспечения существования членов общества (а тем самым и самого общества), как обратимость производственных отношений. Когда весь продукт становился жизнеобеспечивающим, господствующие в нормальных условиях производственные отношения на время отходили на задний план, а взамен их выдвигались на первый план более архаичные формы, которые в предшествующее время либо совсем не проявлялись, либо играли второстепенную роль.

2. Разбор пищи и его пережитки

Наиболее изученными из такого рода обществ являются эскимосские.

Отдельные группы эскимосов (инуитов) значительно отличались друг от друга уровнем социально-экономического развития. В одних обществах создавался сравнительно большой избыточный продукт, что

имело своим следствием возникновение довольно значительного имущественного неравенства. Таковы многие эскимосы Аляски. В других обществах избыточный продукт был сравнительно невелик. Соответственно, в них господствовали коммуналистические отношения. Таковы многие эскимосы Канады (нетсилик, иглулик, медные, карибу), а также полярные эскимосы Гренландии.

Именно материалы о формах распределения пищи в этих группах представляют наибольшую ценность для решения поставленной задачи. Обратимость экономических отношений по мере сокращения объема продукта буквально бросалась у них в глаза. Так, например, канадский этнограф Дэвид Дамас, выявив существование у центральных эскимосов (медных, нетсилик, иглулик) трех разных систем распределения мяса, писал, что «взятые вместе эти различные системы образуют перекрывающую и взаимосвязанную сеть распределения, которая обеспечивает страхование против капризов охоты и служит средством компенсации искусства охотников. Дележ мяса является наиболее полным, когда охотничья добыча едва покрывает текущие нужды или ниже их» (Damas, 1972. P. 227).

Согласно утверждению подавляющего большинства исследователей, во всех эскимосских группах существовало то, что они именуют личной, индивидуальной или даже частной собственностью. Причем многие из них заявляют, что в собственности отдельных лиц или семей находилась пища. Особенно характерны в этом отношении сведения Даймонда Дженнесса (1886–1969) о медных эскимосах. У них родственные элементарные семьи не только бродят в поисках добычи вместе, но иногда даже живут в одном помещении. Однако при этом не только орудия и утварь, но и запасы пищи, принадлежащие каждой из семей, хранятся отдельно, какими бы близкими ни были родственные узы (Jenness, 1922. P. 85). И в дальнейшем изложении Д. Дженнесс неоднократно подчеркивает, что пища у медных эскимосов является семейной собственностью. И прежде всего это относится к пище, запасаемой на зиму. Как утверждает исследователь, взять пищу из чужого зимнего склада считается серьезным преступлением (P. 90). О существовании у различных групп эскимосов семейной собственности на пищу вообще, зимних складов пищи прежде всего, пишут многие исследователи (Rink, 1875. P. 30; Boas, 1888. P. 143; Birket-Smith, 1929. P. 143; Rasmussen, 1931. P. 147, 173; Weyer. 1962. P. 184–185).

Однако те же самые авторы сообщают, что, когда наступает голодная пора, все ограничения снимаются, и пища становится общей собственностью. Каждый получает полное право взять из склада любой семьи пищу, в которой нуждается. Общей собственностью становится и любое животное, убитое в это время. Каждый получает право взять часть добычи, совершенно независимо от того, участвовал он в охоте или не участвовал (Rink, 1875. P. 30; Jenness, 1922. P. 90; Birket-Smith, 1929. P. 263; 1936. P. 149; Weyer, 1962. P. 186).

И эскимосы не исключение. У аборигенов Камчатки во время голода владельцы оленьих стад должны были в течение недель и даже месяцев безвозмездно кормить нуждающихся соплеменников (Гапанович, 1925. С. 23).

Впрочем, так было не у всех народов, живших в доклассовом обществе. Когда они в своем развитии переваливали определенный рубеж, положение резко менялось. Как сообщает Владимир Германович Богораз (1865–1936), в поселках приморских чукчей зажиточные люди делились пищей с бедняками. «Даже во время голода, — пишет он, — беднейшие семьи получают хоть немного, пока голодная смерть не начинает угрожать всему поселку. Тогда каждый сохраняет свой последний кусок для собственной семьи» (Богораз, 1934. С. 158).

Но если у большинства эскимосских групп описанные выше отношения распределения носили экстраординарный характер, то у некоторых они были повседневным явлением. Так, например, согласно сообщению Кнуда Иохана Виктора Расмуссена (1879–1933), еще в начале XX в. они чуть ли не господствовали в сфере распределения пищи у одной из групп эскимосов нетсилик. «Люди одного и того же селения, — писал он об уткиликъялингмиут, — живут совместно летом и зимой в состоянии такого резко выраженного коммунизма, что у них не существует даже дележа охотничьей добычи. Все мясо поедается совместно столь быстро, сколь это возможно, хотя мужчины и женщины едят раздельно» (Rasmussen, 1931. P. 483).

К выводу о том, что описанные отношения являются самыми архаичными из всех существующих у эскимосов, пришел в своей работе, посвященной общественному строю этого народа, Лев Абрамович Файнберг (1929–1993). Он же обратил внимание на автоматическое восстановление этих архаичных норм во время голода (1964. С. 117–120). На мой взгляд, данные отношения являются не только самыми архаичными у эскимосов, но и вообще самой древней, исходной формой первобытных производственных отношений.

Суть этих отношений в их исходном виде заключалась в том, что вся пища находилась не только в полной собственности, но и в безраздельном распоряжении коллектива. Ею мог распоряжаться только коллектив в целом, но ни один из его членов взятый в отдельности. Каждый член коллектива имел право на долю продукта, но она не поступала ни в его собственность, ни в его распоряжение, а только в его пользование. Он не мог ее употребить для какой-либо иной цели, кроме непосредственного физического потребления. Вследствие этого процесс потребления был одновременно и процессом распределения.

Наглядным воплощением основной особенности этих отношений — перехода пищи только в потребление индивида, в его желудок, но не в его собственность и даже распоряжение — был способ распределения и одновременно потребления пищи, бытовавший у целого ряда эскимосских групп. Большой кусок мяса шел по кругу. Каждый

мужчина отрезал от него такую порцию, которую мог взять в рот, и передавал следующему, который проделывал то же самое. К тому времени, когда кусок мяса возвращался к тому же человеку, последний успевал прожевать и проглотить первую порцию и отрезал вторую. И таким образом постоянно уменьшавшийся кусок циркулировал до тех пор, пока него ничего не оставалось. Подобным же образом шел по кругу и сосуд с супом. Каждый делал глоток и передавал следующему. Такой метод распределения наблюдался у центральных эскимосов (Mathiassen, 1928. P. 201; Freichen, 1961. P. 138).

У эвенков было зафиксировано такого же рода распределение особого блюда, представляющего собой кашу из размельченного лосиного мяса. «Котел, — описывает Александр Федорович Миддендорф (1815–1894), сам принимавший участие в такого рода трапезе, — обошел весь кружок, каждый брал полную ложку и передавал котел соседу. Опять соблюдалось высшее приличие со спокойным ожиданием очереди» (1878. С. 714). То же самое наблюдал уже в середине XX в. после охоты на медведя советский этнограф Владилен Александрович Тутолов (1924–1986) (личное сообщение автору).

Сходные порядки существовали у некоторых групп бушменов. У них большой кусок мяса также переходил от одного присутствующего к другому, и каждый при этом брал для себя весьма умеренную долю. Если пищи было мало, то брали ровно столько, сколько можно было проглотить за один прием (Marshall, 1961. P. 235). В связи со сказанным выше нельзя не вспомнить, что в русском языке слово «кусок» происходит от глаголов «кусать», «откусывать».

В этом же способе распределения находила яркое выражение и еще одна важнейшая особенность данных отношений — обеспечение доступа к пище всех членов коллектива. Ни один его член не мог удовлетворять свою потребность за счет подавления потребностей других его членов. Пока пища имелась — доступ к ней был открыт для всех.

Если у названных выше народов описанный способ распределения наблюдался в повседневной жизни, то у папуасов сиане он сохранялся лишь в качестве своеобразного ритуала. Когда у них человек устраивал церемонию, во время которой вареная свинина распределялась между членами своего рода, то мясо при этом не делилось на порции между присутствующими. Свиная туша переходила поочередно от одного участника церемонии к другому, и каждый из них при этом откусывал одну частичку. Это продолжалось до тех пор, пока мясо не кончалось. Важно отметить, что такого рода распределение, в отличие от других форм раздачи, не накладывало на получателей мяса никаких обязательств. Они не должны были отплачивать тем же (Salisbury, 1962. P. 102).

У адыгов во время жертвоприношений мясо шло по кругу. Каждый человек, съев кусок, передавал оставшееся другому, и эта передача происходила до тех пор, пока мясо не кончалось. По кругу шел

и кубок со спиртным (Белл, 1974. С. 506; Тавернье, 1974. С. 76–77). Питье в круговую имело место у них и на обычных пирах (Бхажноков, 1983. С. 65–66).

Последний обычай имел самое широкое распространение. Он известен, например, у индейцев мискито (Conzemius, 1932. P. 161), нивхов (гиляков) (Шренк, 1903. С. 39), бытовал у древних греков (Свенцицкая, 1999, С. 63) северных германцев (Стриннгольм, 2002. С. 612) и прибалтийских славян (Гельмольд, 1963. С. 129). На Руси существовали большие сосуды, специально предназначенные для питья «в круговую». Их называли чарами и братинами (Рабинович, 1978. С. 204; Такала, 2002. С. 26). У некоторых групп украинцев в XIX в. питье в круговую имело церемониальный характер (Байбурин, Топоров, 1990. С. 149). Исследователи, отмечавшие бытование этого обычая у сравнительно развитых народов, указывают, что он, вероятно, имел архаические истоки (Байбурин, Топоров, 1990. С. 149).

В силу неотделимости процесса распределения от процесса потребления все, что еще не было потреблено, продолжало на стадии, когда эти отношения были единственно существующими, находиться в полной собственности и распоряжении всего коллектива. Поэтому каждый его член имел равное с остальными право на долю еще не потребленного продукта. Он мог взять часть его, но с таким расчетом, чтобы это не лишило остальных членов коллектива возможности удовлетворить свои потребности.

Одна из особенностей описанной выше первоначальной формы коммуналистических отношений заключается в том, что при распределении продуктов, находящихся в полной собственности коллектива, ни один из его членов не получает своей доли от кого-то. Он просто берет ее из массы продукта, находящегося в собственности и распоряжении коллектива в целом. Распределение продукта происходит в форме его *разбора* членами коллектива. Поэтому такого рода отношения коммуналистического распределения можно было бы назвать *разборными*. В соответствии с этим данную форму коммуналистической собственности можно было бы именовать *разборно-коммуналистической* собственностью, а данные социально-экономические отношения — *разборно-коммуналистическими*. Когда разбор пищи членами человеческой группы был одновременно и ее совместным поеданием, можно говорить о *трапезоразборе*. Одним из видов последнего был описанный выше *круговой трапезоразбор* (*круготрапезоразбор*).

Из всех известных этнографии народов разборно-коммуналистические отношения в наибольшей степени сохранились у эскимосов Канады. Помимо уже приведенных выше свидетельств, имеется и много других.

Если совместное потребление всей пищи в течение целого года всем селением, описанное К. Расмуссеном у уткиликъялингмиют, было редким явлением, то значительно более широкое распространение

у центральных эскимосов имел обычай, согласно которому в летнее время пища для целого поселка готовилась поочередно замужними женщинами. Когда женщина, очередь которой подошла, кончала готовить, ее муж становился рядом с очагом и кричал, созывая всех жителей селения. При этом еда не распределялась между семьями. Все мужчины селения садились в круг. Другой круг образовывали женщины и дети. В каждом из этих двух кругов от одного человека к другому шел большой кусок мяса и сосуд с супом. Каждый из сидящих отрезал себе небольшой кусок, проглатывал ложку супа и передавал следующему (Boas, 1888. P. 577–578).

Сходные порядки существовали у веддов Цейлона (Шри-Ланки), у которых замужние женщины тоже нередко поочередно готовили пищу для всей общины (Seligman and Seligman, 1911. P. 86).

Разборные отношения были зафиксированы у онге (онгхи) Малого Андамана, причем возможно, что они были у них даже господствующими. Охотник приносил мясо в селение, где оно разрезалось на куски и готовилось другими людьми. Каждый имел полное право взять по своему выбору то, что он хотел. Никаких ссор относительно долей не происходило. Как пишут исследователи, с продуктами собирательства иногда обращались как с личным достоянием. Однако любой мог взять пищу в хижине, не встречая никакого возражения со стороны «владельца» (Bose, 1964. P. 301; Анопум, 1990. P. 36–37).

Разборные отношения существовали у аборигенов Австралии. Когда австралиец племени нариньери убивал эму, то птицу ошипывали, жарили, а затем в месте, обязательно находившемся за пределами лагеря, разрезали на множество частей, удобных для потребления. После окончания данной операции все куски приносились в лагерь, где они и поедались мужчинами, женщинами и детьми (Howitt, 1904. P. 763).

У племени чепара все члены локальной группы рано утром покидали лагерь в поисках пищи. Когда ее было добыто достаточно, все отправлялись к ближайшему источнику, где и занимались приготовлением. Когда пища была готова, мужчины, женщины и дети совместно поедали ее. Пищу между всеми присутствующими распределяли старики (P. 767). Последнее обстоятельство, на первый взгляд, казалось бы, говорит о том, что мы имеем здесь дело не с разбором, а с иной формой распределения. Ведь люди не брали пищу сами, а им ее давали. Однако о тех или иных отношениях распределения следует прежде всего судить не по внешнему проявлению, а по их сущности. Одна и та же сущность может проявиться в разных внешних формах. В данном случае, хотя люди и не сами брали долю пищи, а получали ее, она переходила только в пользование индивидов, но не в их распоряжение. Об этом говорит и тот факт, что все оставшееся несъеденным относилось женщинами в лагерь, в то время как мужчины снова отправлялись на охоту (P. 767).

У племени мухьяравайнт охотники, убив кенгуру, прежде всего готовили его, а затем ели часть мяса. И только после этого наступал черед иным формам распределения (с. 764).

Как уже отмечалось, при разборе в его исходной форме процесс распределения был теснейшим образом связан с процессом потребления. Получив свою долю, люди ее тотчас же ее потребляли. Поэтому пищевые продукты, которые не принято было потреблять в сыром виде, перед разбором должны были подвергаться соответствующей обработке. В разбор поступала только готовая к употреблению пища. И в этой связи нельзя не отметить, что у многих австралийских племен, у которых отмечено существование иных форм распределения, добыча тем не менее перед распределением подвергалась кулинарной обработке (Р. 756, 758, 759, 762–765). На мой взгляд, это обыкновение следует рассматривать как пережиток разборных отношений.

Очень интересно сообщение Т. Уиффена об уитото Бразилии. У них мужчины одного рода вместе с женами жили обычно в одном (единственном в селении) доме. Род возглавлялся вождем, очаг которого являлся одновременно и родовым. Как пишет Т. Уиффен, «на племенном (т. е. родовом. — Ю. С.) костре, или костре вождя, стоит племенной горшок с пищей, который открыт для всех, так как все пополняют его, по крайней мере все неженатые воины должны так делать. Этот горшок никуда не убирается, и огонь под ним никогда не гаснет» (Whiffen, 1915. Р. 136).

Существование обычая подобного рода отмечено у людей, живущих в другой части света и в совершенно иных условиях, — хантов (остяков) Васюганской тундры. По словам очевидца, посреди их селения пылал общий огонь, на котором стоял котел с кипящей водой. И каждый имел полное право взять долю варившейся в котле рыбы, кем бы она ни была добыта (К., 1858). Интересно, что таким образом распределялось лишь вареная рыба, т. е. такая, которая могла быть использована исключительно для еды и никакой другой цели. Здесь в наглядной форме проявлялась одна из основных особенностей разборно-коммуналистических отношений — неотделимость распределения от потребления, переход пищи только в пользование, но не в собственность и распоряжение индивида.

Сходный обычай существовал у манси. У них бедняки могли беспрепятственно брать рыбу, причем опять-таки только для еды. У них же охотник, нуждавшийся в пище, мог взять ее из чужого запаса, и при этом возмещать взятое он был не обязан (Носилов, 1888. С. 68).

У эвенков (тунгусов) Сибири повсеместно любой охотник, нуждавшийся в пище, мог без малейшего опасения взять половину, а при необходимости и все мясо зверя, попавшего в чужую ловушку. Он лишь был обязан оставить на месте шкуру и голову животного (Миддендорф. 1878. С. 713). Как сообщает другой, более поздний исследователь, хотя у эвенков воровство вообще, обворовывание лабаза считалось страшным преступлением и жестоко каралось, но если голодный эвенк,

который по уважительным причинам (например, по болезни) не смог обеспечить себя продуктами питания, брал пищу из чужого склада, то это рассматривалось как его право и не подлежало наказанию (Суслов, 1928. С. 61). У кетов Сибири при необходимости разрешалось взять добычу из ловушки или припасы из чужого амбара. Нужно было при этом лишь известить хозяина (Алексеев, 1967. С. 75). У нганасанов каждый нуждающийся в продуктах питания мог без разрешения хозяина воспользоваться оставленными в тундре припасами (Попов, 1984. С. 141). Сходный обычай отмечен у якутов. У них путник, нуждавшийся в пище, имел право безвозмездно взять ее в отсутствие хозяина (Р-в, 1885). Эта необычайно широко распространенная у народов Северной Евразии практика получила название *молчаливого займа* (Сергеев, 1955. С. 177).

«Сушеная рыба, являющаяся главной пищей гиляков (нивхов. — Ю. С.), — сообщает Л. Я. Штернберг (1933. С. 40), — рассматривается почти как общая собственность, и всякий, у кого вышли запасы, берет ее у соседа без всяких возражений. Во всяком случае, никто не голодает, пока хоть у кого-нибудь из сородичей есть запасы». Важно подчеркнуть, что все это говорится о народе, у которого, как сообщает тот же автор, даже внутри больших семей, ведущих общее хозяйство, отдельные их члены являлись самостоятельными собственниками различного рода движимого имущества и у которого кража считалась величайшим грехом, покрывающим человека позором (С. 12, 14). У юкагиров к человеку, запасшему много рыбы, приходили без приглашения все остальные члены его группы, причем они нередко питались у него в течение всей зимы (Кибер, 1823. С. 133–134).

У ульчей (ольчей), нанайцев (гольдов) и ряда других народов Амура был обычай иметь в тайге «свои охотничьи шалаши, которыми может пользоваться вместе со всей находящейся в них домашней утварью и охотничьими снарядами любой охотник, какой бы национальности он ни был, при молчаливом соглашении, что не будет ничего похищено, не исключая охотничьей добычи» (Шренк, 1903. С. 55).

Русские крестьяне-промысловики Архангельской губернии строили в тайге избышки, в которых находился запас провизии, и временно складывалась добыча. Продовольствием мог воспользоваться каждый путник, нуждавшийся в нем (Ефименко, 1869. С. 81–82).

У бурят голодный бедняк мог зайти в любую юрту своего улуса и без спроса взять съестное (Щапов, 1875, С. 131). У европейских ненцев (самоедов) в случае, если богатый человек отказывался дать страдающим от голода соплеменникам оленей для пропитания, последние могли не боясь наказания или даже порицания угнать у него нужное число животных (Ефименко, 1878. С. 230–231).

У полинезийцев наблюдался разбор и продуктов земледелия. На о. Пасхи (Рапа-Нуи), например, каждый человек имел право войти в огород близкого родственника и без всякого разрешения взять там столько

продуктов, сколько необходимо для удовлетворения нормальных нужд его семьи в пище, однако ни в коем случае не больше (Ferdon, 1953. P. 145–146).

Отдельные пережитки разборно-коммуналистических отношений в области распределения пищи встречаются и у народов, находившихся на стадии классового общества. Так, например, в некоторых местностях Архангельской губернии еще в XIX в. не считалось воровством, если человек брал на чужом огороде овощи для еды (Ефименко, 1899. С. 227, 278). О том, что такое явление имело в прошлом довольно широкое распространение, достаточно красноречиво свидетельствует «Устав о земских делах», в котором говорится, что «еще неции в винограды, или в сады входят в чужие, аще вьясьи токмо внидоша, неповинни суть» (С. 278–279).

Подобного же рода обычай был зафиксирован в XIX в. в станице Темижбекской на Северном Кавказе. Там не считалось грехом сорвать арбуз на чужой бахче, срезать кочан капусты, вырыть ведро картофеля, вырвать несколько редок или бураков на чужом огороде, вытрясти рыбу из чужой мережи с рыбой, но при одном непременном условии: взятое должно быть использовано только для еды, но не для продажи (Передельский, 1883. С. 21–22).

В древних Афинах аристократы Писистрат и Кимон, следуя давнему обычаю, не огораживали своих садов и позволяли рвать в них плоды всем членам своего рода или фратрии (позже дема) (Лурье, 1940. С. 133).

3. Пережитки разборно-коммуналистической собственности на вещи

Как уже отмечалось, основную массу жизнеобеспечивающего продукта составляла пища. Разборно-коммуналистические отношения и возникли прежде всего как отношения собственности на пищу и распределения пищи. Но, возникнув, они неизбежно распространялись и на все вещи, которые подлежали распределению между членами коллектива.

Вещи, находившиеся в разборно-коммуналистической собственности, не могли переходить ни в собственность, ни даже в распоряжение индивидов. Единственным собственником и распорядителем оставался коллектив в целом, а отдельные его члены могли лишь потреблять вещи, пользоваться ими. В силу того, что вещи находились в полной собственности и полном распоряжении коллектива, право пользоваться каждой из них имел любой член общества.

Но если вещь была предназначена для индивидуального, а не коллективного пользования, то в каждый данный момент реализовать это право, т. е. физически потреблять ее, мог только один человек. В применении к таким условиям распределение было не чем иным, как

реализацией отдельными членами коллектива их права пользоваться вещами, находящимися в полной собственности коллектива.

И здесь имело место различие в распределении вещей и пищи, вытекающим из различия между физическим потреблением вещей и физическим потреблением пищи. Данную порцию пищи можно было потребить только раз. Сведенная пища переставала существовать и тем самым выпадала из последующего распределения. Иными словами, право на каждую конкретную долю пищи могло быть реализовано только один раз.

В отличие от пищи каждой конкретной вещью можно было пользоваться неоднократно в течение более или менее длительного времени. Поэтому неоднократный характер могло носить и распределение вещи. Право на потребление вещи могло быть реализовано в каждый конкретный момент только одним лицом. Пока он пользовался вещью, права всех остальных членов коллектива на эту вещь носили лишь потенциальный характер. Но как только он переставал пользоваться вещью, любой член коллектива мог реализовать это свое право.

У всех народов, известных этнографам, господствовали иные формы собственности на вещи. Однако наряду с ними у некоторых из них в какой-то степени продолжала существовать и разборно-коммуналистическая собственность на вещи. И среди таких народов в первую очередь могут быть названы эскимосы.

Как пишут все без исключения исследователи, все вещи личного пользования (одежда, орудия, оружие, утварь и т. п.) находились у эскимосов в индивидуальной собственности. Человек мог распоряжаться принадлежащими ему вещами, в частности дарить, обменивать, передавать по наследству.

Кай Биркет-Смит (1893–1977) в своей работе об эскимосах карибу особо подчеркивает, что право индивидуальной собственности у них уважалось и строго соблюдалось. Однако буквально тут же он сообщает, что когда у них собственник сам не пользовался вещью, то его права на нее носили весьма ограниченный характер. Так, например, охотничьи загороди, капканы и рыболовные приспособления, которыми не пользовались хозяева, могли свободно использовать все желающие, и люди, считавшиеся собственниками, не могли этому воспрепятствовать (Birket-Smith, 1929. P. 263–264; 1936. P. 149).

У австралийцев йир-йоронт, как и у подавляющего большинства народов первобытного общества, вещи непрерывно переходили из рук в руки. И в числе других способов их перехода от одного лица к другому Лоренс Шарп называет «апроприацией», определяя последнюю как такое взятие вещи без разрешения владельца, которое не представляет собой кражу, является законным (Sharp, 1934. P. 38).

У австралийцев Арнемленда кража даже внутри лагеря могла иметь серьезные последствия. И одновременно у них же внутри определенного круга родственников можно было брать вещи без разрешения и без опасения каких-либо последствий (Thomson, 1949. P. 54).

Выше, когда речь шла о разборе пищи, уже упоминались полинезийцы о. Пасхи. Но разборно-коммуналистическая собственность не ограничивалась у них только пищей. Она распространялась и на вещи. Интереснейший материал по этому вопросу содержится в статье Э. Фердона «Системы обмена на о. Пасхи». Одну из выделенных им «систем обмена» он именует «кража-торговля». В действительности здесь нет ни кражи, ни торговли, ни обмена вообще. Суть описанной формы экономических отношений заключалась в том, что каждый человек, принадлежащий к определенной родственной группе, имел право без спроса и разрешения взять любую вещь, принадлежавшую любому другому члену этой же родственной группы. Он мог войти в дом родственника и взять все, что ему заблагорассудится. Единственное ограничение — перед уходом он должен показать взятую вещь ее бывшему хозяину. Он мог взять вещь и из кармана родственника, из его сумки, снять ее с тела (Ferdon, 1958. P. 144–146).

Такого рода форма распределения находилась в резком противоречии с господствовавшими в обществе островитян Пасхи экономическими отношениями. В частности, она препятствовала развитию имущественной дифференциации. И как средство нейтрализации описанной формы распределения возникло обыкновение хранить самое ценное имущество в пещерах, секрет существования которых тщательно оберегался от всех окружающих. Как сообщал еще Жан Франсуа Лаперуз (1741–1788), туземцы о. Пасхи держали в тайниках провизию, утварь и многое другое (Ferdon, 1958. P. 146). Этот обычай существовал до самого последнего времени. В пещерах-тайниках хранились скульптуры, изображения, кувшины, одежда, деньги (Хейердал, 1959. С. 235, 253–256, 267–271, 274 и др.).

Явным пережитком разборных отношений был существовавший у казахов обычай, согласно которому человек, нуждавшийся в орудиях или лошадях, мог без всякого спроса взять их у других людей для использования. Со временем круг людей, внутри которого такое было возможно, сужался, ограничиваясь определенными категориями родственников, но продолжал существовать (Маковецкий, 1886. С. 55).

Приведенные выше факты, на мой взгляд, дают достаточное основание для вывода, что самой ранней, первоначальной, исходной формой первобытнообщинных отношений вообще, коммуналистических в частности, были разборно-коммуналистические связи.

Вполне понятно, что разборно-коммуналистической была собственность лишь на пищу, а также на те вещи, пользоваться которыми можно было лишь индивидуально. Вещи, которыми пользовались коллективно, не распределялись между членами коллектива и тем самым не шли в разбор. Они находились просто в коммуналистической собственности. В такой собственности находилась, в частности, земля и ее ресурсы.

Возникновение экономики и общества

1. Вводные замечания

Выявление первоначальной формы социально-экономических отношений позволяет поставить вопрос об их возникновении. Но чтобы решить проблему генезиса экономических отношений, мало знать, какова была их первоначальная форма. Необходимо иметь более или менее точное представление о том, каким был исходный пункт процесса, который завершился возникновением изначальной формы первобытной экономики, а тем самым и экономики вообще. Экономика есть базис общества. Соответственно, становление экономики есть основа формирования человеческого общества. Экономикогенез есть решающий, ведущий компонент социогенеза. Поэтому нельзя понять, как возникло общество, не раскрыв картины становления его экономики. Но с другой стороны, и экономогенез может быть понят только в том случае, если его рассматривать как важнейший, но тем не менее момент процесса социогенеза.

2. Животные и их объединения

Из всех наук о животном мире в данном случае наиболее интересна та, которая исследует поведение животных в естественных или близких к естественным условиям. Она называется *этологией* (от греч. «этос» — характер, нрав и «логос» — учение). Эта наука выявила стимулы и мотивы поведения животных. Ими являются биологические инстинкты. К числу их прежде всего относятся пищевой, половой и инстинкт самосохранения. Особое место занимает инстинкт, побуждающий заботиться о потомстве. Его называют материнским, когда о детенышах заботится одна лишь самка, и родительским, когда в этом деле участвует и самец.

Материнский или родительский инстинкт — единственная в животном мире потребность, удовлетворение которой состоит в заботе о других. Все прочие инстинкты данного животного индивида предполагают и требуют его заботы только о себе. Это особенно легко заметить на примере пищевого инстинкта. У взрослого животного этот инстинкт может быть удовлетворен одним и только одним способом — путем обеспечения себя пищей. Он непосредственно побуждает к одному — к поискам пищи для себя и только для себя. Если животное при этом найдет столько пищи, что ее хватит и для других, или если

найденной пищей завладеет другое животное, то это ни в малейшей степени не меняет общей направленности его поведения. Оно ориентировано на заботу только о самом себе. В этом смысле пищевой инстинкт — это инстинкт индивидуалистический. Такой же характер носят половой инстинкт и инстинкт самосохранения.

Индивидуалистические инстинкты определяют поведение животного во всех сферах его деятельности, исключая лишь область отношений к детенышам. Поэтому вполне правомерно говорить о господстве в животном мире, взятом как целое, *зоологического индивидуализма*. Животный эгоизм, т. е. ориентация на удовлетворение своих индивидуалистических инстинктов, не только не исключает, но, наоборот, в определенных условиях с неизбежностью предполагает объединение животных. Там, где животные в одиночку оказываются не в состоянии удовлетворить свои инстинкты, включая индивидуалистические, они объединяются для совместной деятельности. В условиях, когда совместная охота более успешна, чем одиночная, волки и дикие собаки образуют стаи. Опасность, грозящая со стороны хищников, побуждает обезьян объединяться в стада.

Стремление животного к удовлетворению своих инстинктов может согласовываться с такими же стремлениями других особей того же вида, а может вступать с ними в противоречие. Если при этом у животных, ведущих одиночный образ жизни, столкновение стремлений отдельных особей происходит от случая к случаю, то у животных, живущих в объединениях, такого рода противоречие носит более или менее постоянный характер. Поэтому необходимое условие существования всякого сколько-нибудь прочного зоологического объединения — систематическое согласовывание сталкивающихся стремлений всех животных, входящих в их состав. Оно осуществляется путем доминирования.

Характеристика *доминирования* была уже дана в одной из предшествующих глав (6.2). Напомним, что доминирование есть такого рода отношение между двумя животными, при котором одно животное получает возможность удовлетворить свои инстинкты, не считаясь с потребностями другого животного и даже за его счет, а это второе животное вынуждено воздерживаться от удовлетворения своих инстинктов, если это стремление приходит в противоречие со стремлениями первого животного. Первое животное занимает положение (приобретает «статус», как говорят этологи) доминирующего (господствующего), а второе — положение (статус) доминируемого (подчиненного). В зоологическом объединении отношения доминирования устанавливаются между всеми животными, исключая детенышей. Элементарные отношения доминирования, существующие между каждым двумя взрослыми животными, образуют сложную иерархическую систему, в которой каждое животное занимает определенное место. В зоологическом объединении существует таким образом система рангов. Одно из животных может быть только доминирующим. Оно в таком случае имеет

высший ранг и играет роль вожака. Большинство членов объединения становятся господствующими по отношению к одним и подчиненными по отношению к другим. Отдельные животные находятся в положении только доминируемых. Поведение каждого животного в значительной степени зависит от его положения в иерархии, от его ранга.

Эти отношения наглядно зримы у групп обезьян, живущих в неволе. Когда животным дают пищу, к ней нередко первоначально приближается один вожак, иногда вместе с ним начинают есть еще несколько обезьян, которых он поощряет к этому своим поведением. Когда эти животные насытятся, наступает очередь следующих по рангу. Самые слабые и робкие животные получают доступ к пище лишь после того, как основная часть группы покидает место кормления. В самом худшем положении оказываются подростки и старые животные. Они нередко голодают даже тогда, когда пищи поступает вполне достаточно.

Иногда доминирование пытаются истолковать как обуздание зоологического индивидуализма. В действительности же оно представляет собой наиболее яркое проявление животного эгоизма. Доминирующие животные удовлетворяют свои инстинкты, совершенно не считаясь с потребностями подчиненных животных, а иногда и за их счет.

В естественных условиях отношения доминирования по-разному проявляются в объединениях различных животных и в разных сферах деятельности. Обезьяны — животные, в основном, растительноядные. Их пища, как правило, рассеяна в пространстве и доступна всем. Поэтому отношения доминирования в этой сфере у обезьян почти не проявляются. Однако когда в поле зрения нескольких животных оказывается более или менее редкий или привлекательный пищевой объект, то им завладевает именно доминирующее животное, а подчиненные, как правило, уступают без особого сопротивления.

У шимпанзе — человекообразных обезьян, наиболее близких по своей биологической организации к человеку, наблюдались случаи охоты на более или менее крупных животных. Из-за добычи вспыхивали драки. Все мясо или, во всяком случае, основная его часть доставалась доминирующим животным. Остальные, как правило, не получали ничего. В сфере распределения мяса у шимпанзе всецело господствовал зоологический индивидуализм.

Доминирование — единственный способ согласовывания сталкивающихся стремлений членов обычного зоологического объединения. Доминирование предотвращает постоянные конфликты внутри объединения высших животных, обеспечивает в рамках такого объединения относительный мир и порядок.

3. Биологические сверхорганизмы

Все сказанное выше об объединениях животных относится к обычным их объединениям. Однако существуют группировки животных и иного рода: рои пчел, муравейники, термитники и т. п. В науке

их принято называть *колониями*. Особенность этих группировок заключается в биологической специализации их членов. Если обычное животное способно выполнять все функции, которые необходимы для существования как его самого, так и вида, то в колониях существует разделение функций между индивидами. Одни особи способны только к размножению, другие могут добывать пищу и защищаться, но лишены способности к воспроизводству и т. п. В результате все функции, необходимые для обеспечения существования индивидов и вида, могут выполнять только все члены колонии, вместе взятые, но не каждый из них, взятый в отдельности. Иначе говоря, колония, по существу, представляет собой не что иное, как своеобразный биологический сверхорганизм, а отдельные, входящие в его состав индивиды и группы индивидов (касты) — различного рода органы этого «сверхиндивида». К такому выводу относительно природы данных группировок животных склоняются сейчас многие ученые (см.: Шовен, 1960; Кипятков, 2013).

Сверхорганизм более сплочен, чем любое самое прочное обычное зоологическое объединение. И в основе этой сплоченности лежит во все не какая бы то ни было система доминирования. В сверхорганизме практически отсутствуют столкновения на почве удовлетворения полового инстинкта, ибо подавляющее большинство особей, составляющих это образование, бесполо.

Нет в сверхорганизме и соперничества из-за пищи. Добытая, например, пчелами-собираательницами пища образует такой фонд, к которому имеют доступ все члены роя. Этот фонд отнюдь не исчерпывается пищей, запасенной в особых хранилищах. Между всеми пчелами роя идет интенсивный обмен питательными веществами, совершаемый путем передачи изо рта в рот. Это явление называется *трофаллаксис* (Кипятков, 2013. С. 217 сл.). Оно существует у многих насекомых, живущих колониями. В результате происходит постоянное распределение и перераспределение пищи между индивидами, образующими колонию.

В одном из экспериментов шести пчелам был дан радиоактивный фосфор. Через сутки 40 % обитателей улья, состоявшего примерно из 40 тыс. особей, было радиоактивным (Шовен, 1960. С. 197–198). В эксперименте с обычными черными муравьями одной особи была дана радиоактивная вода. В течение 24 часов радиоактивными стали все рабочие муравьи. Через неделю все члены колонии несли примерно одинаковое количество радиоактивных веществ (Вильсон, 1986).

Таким образом, пища, добытая членами сверхорганизма, становится общей для всех них. Энтомологи нередко называют совокупность зобиков всех насекомых колонии «общественным желудком» (Кипятков, 2013. С. 222). Эта общность пищи — чисто биологическая. Пища оказывается общей для всех особей, входящих в состав сверхорганизма, в том смысле, в каком общими для всех органов и клеток обычного

организма являются поступившие в него питательные вещества. Всю эту пищу объединяет то, что ее добыл и потребляет один биологический сверхорганизм.

Однако биологические сверхорганизмы не были исходным материалом для социогенеза. В чисто биологическом отношении все люди полноценны. Биологическая специализация среди них отсутствует. Это свидетельствует о том, что первоначальные сообщества людей возникли не из сверхорганизмов, а из обычных зоологических объединений.

4. Объединения обезьян

Нашими далекими предками были крупные человекообразные обезьяны. С рассмотрения объединений обезьян я и начну.

Единственная ассоциация, существующая у всех видов обезьян, — это группа, состоящая из самки и детенышей. Жизнь такой группы обусловлена особенностями биологии размножения обезьян, делающей абсолютно необходимой заботу матери о детеныше в течение определенного периода. У некоторых обезьян, в частности у орангутанов, материнско-детская группа — единственное стабильное объединение. Взрослые самцы обычно ведут одиночный образ жизни.

У большинства обезьян материнско-детская единица существует не самостоятельно, а входит в состав более крупной группировки. У гиббонов существуют группы, состоящие из взрослого самца, самки и детенышей. Такие группы обычно именуют семьями или семейными группами. Встречаются одиночные самцы и самки, но это состояние всегда временное.

У части обезьян взрослый самец связан не с одной, а с несколькими самками и их детенышами. Такую группу обычно именуют гаремом, гаремной семьей или гаремной группой. У некоторых видов обезьян гаремные группы — вполне самостоятельные единицы. За пределами гаремных групп находятся самцы-холостяки, которые живут либо в одиночестве, либо группами. У других видов обезьян гаремные группы входят в состав более широкого объединения (его обычно называют стадом), включавшего в себя также и самцов-холостяков.

Часть обезьян образует объединения (они тоже называются стадами), в состав которых входят животные обоих полов и всех возрастов (взрослые и молодые самцы, молодые самки и взрослые самки с детенышами). При этом нет подразделения ни на семейные, ни на гаремные группы. Чтобы отличить эти стада от гаремно-холостяцких стад, назову их общими стадами. Среди человекообразных обезьян общее стадо существует у гориллы.

Наблюдая за шимпанзе в естественных условиях, исследователи первоначально пришли к выводу, что у этих животных нет других постоянных объединений, кроме материнско-детских групп: все прочие группировки отличались крайней неустойчивостью, преходящим характером и разнообразием состава. Они непрерывно возникали, ис-

чезали, раскалывались и сливались. Животные переходили из одной такой группы в другую, а иногда не входили ни в одну из них, причем были замечены бродившие в одиночку и самцы, и самки.

Однако в процессе дальнейших исследований было обнаружено, что все это движение происходит в рамках сравнительно постоянной совокупности животных, члены которой знают друг друга и отличаются тех, кто в нее входит, от тех, которые к ней не принадлежат. Между животными, составляющими эту совокупность, устанавливаются различные связи, в том числе отношения доминирования.

Иными словами, перед нами не просто совокупность животных, а определенное их объединение. Эту совокупность нельзя назвать стадом, хотя по составу она ничем не отличается от общего стада. Стадо как объединение предполагает, что животные, входящие в него, хотя бы часть времени держатся вместе, движутся рядом. Объединение, которое бытует у шимпанзе, можно назвать ассоциацией.

Как свидетельствуют данные этологии, формы группировок обезьян зависят прежде всего от среды обитания. У животных, принадлежащих к одному и тому же виду, но живущих в разных природных условиях, объединения могут иметь различную форму. Например, у одной части лангуров Индии существуют изолированные гаремные группы, а у другой — общие стада.

5. Стадо предлюдей

Наши далекие предки — человекообразные обезьяны эпохи миоцена, будучи в основном обитателями деревьев, значительную часть времени проводили на земле. Это по большей части исключает существование у них самостоятельных материнско-детских групп, как у орангутанов, или семейных групп, как у гиббонов. Гиббоны представляют собой специализированную древесную форму. Живут они в чаще леса, высоко на деревьях, в относительной безопасности от хищников, что делает излишними более крупные группировки. Орангутаны тоже весьма специализированная, чисто древесная форма.

Маловероятным представляется существование у миоценовых предков человека гаремных групп. Они не обнаружены ни у одной из современных человекообразных обезьян. Учитывая, что миоценовые предки человека и по среде обитания, и по образу жизни ближе всего стояли к шимпанзе, наиболее вероятно бытование у них ассоциаций. Но не может быть исключено существование у них и общих стад (подробнее см.: Семенов, 1989. С. 44–65).

В последующем часть этих крупных антропоидов примерно 6–5 млн лет тому назад перешла к наземному образу жизни и превратилась в ранних предлюдей — прямоходящих существ, характерной особенностью которых была праорудийная деятельность, т. е. систематическое использование естественных предметов в качестве орудий. Предлюди

не только стали вести полностью наземный образ жизни, но и перешли из леса в открытую местность. За небольшим исключением у всех видов обезьян, живущих в саванне и саванном редколесье, существуют общие стада. Общее стадо есть и у гориллы, хотя эта наземная человекообразная обезьяна, отличающаяся могучим телосложением, огромной физической силой и большими клыками, живет в лесу, и в случае опасности может забраться на дерево.

Тем большей была необходимость общего стада для предлюдей, которые обитали в саванне и саванном редколесье. Важно при этом отметить, что стада горных горилл в тех районах, где они ночуют только на земле, по своей средней численности (17 особей) примерно в два раза превышают размеры их объединений в тех районах, где эти животные имеют возможность проводить ночь на деревьях.

В некоторых районах Африки шимпанзе живут не только в лесу, но и на грани леса и саванны. Они могут проводить часть времени в саванном редколесье и совершать вылазки в саванну. Иногда они при своем передвижении вынуждены проходить через безлесные участки. Как сообщают все исследователи, чем более открыта местность, в которой находятся шимпанзе, тем более сплочены их группы. При передвижении по безлесному пространству ассоциация шимпанзе движется как единое целое, как обычное общее стадо.

Каковы бы ни были формы объединений у крупных антропоидов миоцена, с большой долей вероятности можно полагать, что у их потомков, перешедших на землю, существовали общие стада.

Самые сплоченные и стабильные из всех объединений обезьян — общие стада павианов, живущих в саванне. В состав общих стад этих приматов входят все без исключения животные. У них нет одиночных взрослых самцов, не говоря уже о самках и подростках. Все животные, образующие стадо, всегда держатся вместе. Общие стада павианов саванны — прочные, постоянные, замкнутые объединения. Такими, по всей вероятности, были и стада ранних предлюдей (австралопитеков).

Необходимое условие существования стабильного и прочного обычного объединения животных — наличие в нем достаточно четко выраженной системы доминирования. Поэтому именно у павианов саванны мы находим самую жесткую иерархическую систему из всех известных в мире обезьян. Стадо предлюдей должно было представлять прочное и постоянное объединение. Это заставляет предполагать существование в нем довольно жесткой иерархии.

Даже у шимпанзе, у которых существовали не стада, а аморфные ассоциации, система доминирования сказывалась на распределении мяса, добытого в результате охоты. При воссоздании картины распределения добычи в стаде предлюдей нужно учитывать, что охота у предлюдей носила иной характер и играла иную роль, чем у шимпанзе.

В отличие от шимпанзе охота у предлюдей была не случайностью, а необходимостью. Предлюди охотились не от случая к случаю, а постоянно. Регулярная охота сделала потребление мяса систематическим

и тем самым вызвала к жизни потребность в этом ценнейшем пищевом продукте. В результате потребление мяса стало важным условием существования вида, что в свою очередь делало систематическую охоту необходимостью.

Предлюди применяли орудия, что позволяло не только успешно охотиться на мелких животных, но и убивать крупных, справляться с такими, которых голыми руками не возьмешь. В отличие от шимпанзе, предлюди нуждались в мясе. Это побуждало каждого из них стремиться получить долю добычи. Предлюди добывали значительно больше мяса, чем шимпанзе. Тем самым стало возможным обеспечение мясом всех членов объединения.

Павианы, которые тоже иногда охотятся на животных, делали это в одиночку. У шимпанзе, вопреки мнению некоторых исследователей, в самом лучшем случае можно обнаружить лишь слабые зачатки кооперации. У предлюдей охота на более или менее крупную дичь с неизбежностью должна была приобрести кооперативный характер, что порождало тенденцию к распределению мяса между всеми участвующими в охоте. Крупных животных в отличие от мелких невозможно быстро разорвать на части. В течение какого-то периода их туши должны были поедаться на месте, что делало мясо доступным гораздо большему числу членов объединения.

Однако вряд ли правильно было бы считать, что во всех случаях все члены стада получали доступ к мясу. Этого нет даже у хищников, питающихся исключительно мясом. А предлюди продолжали употреблять в пищу растения. Более того, можно с уверенностью сказать, что именно растения, а не мясо составляли большую часть их рациона. Как твердо установлено этнографами, растительная пища преобладала в диете всех современных раннепервобытных охотников-собирателей, живших в областях, сходных по природным условиям с теми, в которых обитали предлюди. А ведь эти охотники-собиратели стояли значительно выше предлюдей в искусстве охоты. И если даже у хищников, питающихся только мясом, не все члены объединения обязательно после каждой охоты получали мясо, тем более это было возможно у предлюдей.

Детальную картину распределения мяса у предлюдей вряд ли когда-нибудь удастся нарисовать, тем более что она не могла быть одинаковой во всех объединениях и всех ситуациях. Конечно, могли быть случаи, когда все члены стада получали долю добычи. Но, скорее всего, в каждом случае добыча распределялась между частью членов объединения, хотя, возможно, и значительной. Всегда долю добычи получали лишь доминирующие животные. Что же касается подчиненных, то в каждом конкретном случае они могли ее получить, а могли не получить.

Вряд ли могут быть сомнения в существовании неравенства и в размерах получаемых долей. Доминирующие животные получали лучшие и большие куски, подчиненные — худшие и меньшие. Распределение

мяса между членами стада определялось как уже сложившейся иерархией, так и теми изменениями в соотношении сил, которые вносила каждая конкретная ситуация. Но все это относится лишь к взрослым животным. Что же касается детенышей, то они, по-видимому, всегда получали мясо, как это наблюдается повсюду у хищников.

Ранние предлюди использовали в качестве орудий палки, кости крупных животных, рога и камни. Весьма возможно, что камни использовались для защиты от хищников, а также в процессе охоты. Скорее всего, камни употребляли для сдирания шкур, резки, разделения мяса, дробления костей. Содрать шкуру, разрезать мясо можно было только при помощи камней, имеющих острые края. А найти такие камни было нелегко.

Систематически оперируя каменными орудиями, предлюди неизбежно должны были сталкиваться со случаями, когда одни камни ударялись о другие, разбивались — вообще претерпевали изменения. В результате могли появляться такие осколки, которые были более пригодны для применения в качестве орудий, чем исходные объекты.

Если первоначально это происходило чисто случайно, то в дальнейшем, по мере накопления опыта, предлюди начали намеренно разбивать одни камни при помощи других, а затем выбирать из числа образовавшихся осколков наиболее пригодные для использования в качестве орудий. Как свидетельствуют эксперименты, проводившиеся археологами, простое бросание камня на глыбу или глыбы на камень, помимо бесформенных осколков, нередко дает отщепы правильной формы и с четко выраженным острым краем.

Переход к изготовлению орудий произошел постепенно. На смелую праорудийную деятельность пришла подлинная орудийная, включающая в себя два компонента: (1) деятельность по изготовлению орудий — *орудийно-созидательную* и (2) деятельность по присвоению предметов природы с помощью изготовленных орудий — *орудийно-присваивающую*.

Самые первые орудия, с помощью которых изготавливались другие орудия, по всей вероятности, были каменными. С их помощью создавались не только каменные, но и деревянные орудия. Поэтому каменная техника была основной, ведущей.

Первые существа, изготавливавшие орудия, появились примерно 2,5 млн лет назад. Останки этих существ впервые были обнаружены в Восточной Африке, вместе с ними были найдены искусственные каменные орудия. Исследователи, которые сделали это открытие, присвоили этим существам название *Homo habilis*, что означает «человек умелый». Они считали их людьми.

Однако многие из антропологов не согласились с первооткрывателями: по своей морфологической организации, включая структуру головного мозга, хабилисы сколько-нибудь существенно от австралопитеков не отличались. Если бы с хабилисами не было найдено орудий, никто не усомнился бы в том, что они — животные.

Специфические человеческие черты в морфологической организации вообще, в строении мозга в частности, появились только у потомков хабилисов, которых называют питекантропами (от греч. «питекос» — обезьяна, «антропос» — человек), архантропами (от греч. «архайос» — древний, «антропос» — человек) или *Homo erectus*, что означает «человек прямоходящий». Два последних термина имеют более широкое значение, чем термин «питекантроп». Архантропами или *Homo erectus* называют не только питекантропов, но другие, сходные с ними формы — синантропов, атлантропов и т. п. В том, что архантропы были уже людьми, не сомневается никто. Появились они примерно 1,9–1,8 млн лет тому назад.

Таким образом, грань, отделяющая человеческую морфологическую организацию от животной, проходит не между австралопитеками и хабилисами, а между хабилисами и архантропами. Только с переходом к архантропам начали формироваться такие специфические человеческие особенности, как мышление, воля, язык. Это означает, что хабилисы — не люди, а предлюди, но только не ранние, как австралопитеки, а поздние.

Стадо поздних предлюдей, по крайней мере, на ранних порах, в главном и основном не отличалось от объединения ранних предлюдей. Все, что сказано о доминировании и распределении мяса у ранних предлюдей, вполне может быть отнесено и к поздним. И тем не менее именно развитие стада поздних предлюдей подготовило появление качественно нового образования — формирующегося человеческого общества.

В настоящее время, когда окончательно выяснилось, что появлению людей предшествовало возникновение охоты, многие исследователи именно в ней видят тот фактор, который вызвал к жизни и определил основные особенности первых человеческих объединений. Охота на крупных животных предполагает объединение усилий индивидов, совместную деятельность. Из этой кооперации обычно и выводят присущий людям первобытного общества коллективизм.

Однако сколь очевидной ни казалась бы на первый взгляд эта концепция, признать ее верной нельзя. Не охота, взятая сама по себе, сделала возможным, а в дальнейшем и неизбежным, переход к обществу. Как известно, совместная охота — явление, широко распространенное в животном мире. Однако нигде ее существование не вызвало движения к обществу, ни к какому коллективизму не вело и не ведет. Наличие охоты не отделяет стадо предлюдей от всех других зоологических объединений, а, наоборот, роднит его с группировками большого числа животных. Отделяет стадо поздних предлюдей от всех объединений животных, не исключая не только антропоидов, но и ранних предлюдей, существование в нем деятельности по изготовлению орудий при помощи орудий, — то есть производственной деятельности в полном смысле слова.

6. Естественный отбор как фактор биологической эволюции. Индивидуальный и групповой отбор

Чтобы понять, что принесло с собой появление производственной деятельности, нужно рассмотреть факторы биологической эволюции. Главный из них — естественный отбор, то есть избирательное устранение одних и, соответственно, избирательное сохранение других особей. Выживают и оставляют потомство индивиды, более приспособленные к среде.

Естественный отбор, как его обычно понимают, есть отбор индивидов. Однако в последнее время в биологической науке все чаще говорят о групповом отборе. Понятие группового отбора появилось тогда, когда биологи попытались применить учение о естественном отборе для объяснения возникновения таких группировок животных, как рои пчел, муравейники, термитники.

Было ясно, что эти биологические сверхорганизмы не могли появиться в результате действия обычного естественного отбора, отбора индивидов. Необходимо было допустить существование группового отбора — отбора прежде всего групп и только через них — индивидов. Объектами группового отбора могут быть самые различные группировки животных, включая популяции. Нас из всех форм группового отбора в данном случае представляет интерес лишь отбор объединений животных. Его можно называть *грегарным* отбором (от лат. *greg* — стадо).

Существуют две формы этого отбора. Первая включает в качестве необходимого момента отбор индивидов. Но если при индивидуальном естественном отборе выживают и оставляют потомство такие особи, те или иные признаки которых делают их более приспособленными к среде, то при грегарном отборе дело обстоит иначе — отбираются индивиды и с такими особенностями, которые могут и не давать им отдельно взятых никаких преимуществ в сравнении с остальными. Более того, могут отбираться организмы даже с такими признаками, которые делают индивида менее приспособленным к среде: менее способным найти пищу, избежать опасности, оставить потомство и т. п. Происходит это потому, что данные особенности организма, не давая ему самому, взятому изолированно, никаких преимуществ по сравнению с другими индивидами, в то же время делает более приспособленным к среде объединение, в состав которого он входит. Объединение лучше сохраняется и члены его оставляют большее потомство. Такого рода грегарный отбор, как и индивидуальный отбор, ведет к наследственным изменениям. Результаты такого грегарного отбора закрепляются в генотипе индивидов, входящих в объединение. Это — *грегарно-индивидуальный отбор*.

Кроме признаков, присущих морфофизиологической организации индивидов, входящих в объединение, существуют также и особенности самих объединений или шире — грегарной организации вида (популяции). Существуют объединения различных форм. Одни из них

в большей мере отвечают потребностям приспособления к среде, другие — в меньшей. Возникновение той или иной формы гregarной организации, той или иной структуры объединения происходит в результате отбора объединений как целостных единиц. Результат отбора — изменение не индивидов, входящих в объединение, а самого объединения. Такого рода отбор можно назвать просто *грегарным*.

В процессе гregarного отбора объединения одной формы исчезают, объединения другой формы сохраняются. Исчезновение объединений не предполагает с необходимостью гибель составляющих их индивидов — они либо входят в состав других продолжающих существовать объединений, либо образуют новые объединения. Чисто гregarный отбор не предполагает изменения наследственности: объединения изменяются независимо от морфофизиологических изменений составляющих их индивидов.

Таким образом, когда мы обращаемся к объединениям животных, то сталкиваемся с гregarным и гregarно-индивидуальным отборами. Но главным фактором эволюции этих животных (если только развитие не пошло по линии превращения объединения в биологический сверхорганизм) является все же обычный индивидуальный естественный отбор.

7. Производственная деятельность и отбор

Основной формой приспособления ранних предлюдей к среде была деятельность с использованием орудий. Поэтому объективной необходимостью было ее дальнейшее совершенствование.

В определенных пределах прогресс праорудийной деятельности был возможен и без изменения морфологической организации индивидов: путем проб и ошибок, закрепления удачных действий и торможения неудачных. Более совершенные действия не только закреплялись у данного индивида. Они усваивались путем подражания остальными членами объединения. Все это происходило без участия отбора.

Однако, рано или поздно дальнейшее развитие праорудийной деятельности становилось невозможным без такого изменения морфологической организации индивидов, которое делало бы их более способными к действиям с орудиями. Это совершенствование способности индивидов к праорудийной деятельности происходило под действием индивидуального естественного отбора.

Но рано или поздно с неизбежностью наступило время, когда возможности совершенствования праорудийной деятельности были исчерпаны и дальнейшее развитие морфологической организации не могло обеспечить ее прогресса. Начиная с этого момента, единственно возможным способом совершенствования деятельности по приспособлению к среде с помощью орудий стало совершенствование применяемых орудий, т. е. их изготовление. На смену праорудийной де-

тельности пришла орудийная с двумя ее компонентами: орудийно-созидательной деятельностью и орудийно-присваивающей.

Уже праорудийная деятельность значительно отличалась от прочих видов поведения животных. Тем не менее она относилась к тому же качеству, что и поведение животных в целом. Праорудийная деятельность была деятельностью приспособительной. Такой же была и деятельность по присвоения природных предметов или по защите от опасности при помощи искусственных орудий.

Что же касается деятельности по изготовлению орудий, то она приспособительной не была — она была деятельностью производственной. Действие по изготовлению орудия не представляет собой акта приспособления к среде. Оно само по себе биологически бесполезно. Лишь использование того или иного орудия для охоты, обороны и т. п. представляет собой акт приспособления (адаптации) к среде.

Но степень успешности действия по приспособлению к среде с помощью орудия во многом зависит от совершенства применяемого орудия, а следовательно, и от степени совершенства действий по его изготовлению. Производственная деятельность, сама не будучи приспособительной, в то же время составляла на стадии поздних пред людей необходимое условие успешной адаптации к внешним условиям существования. Без прогресса этой деятельности было невозможно совершенствование приспособления к среде. Поэтому ее развитие было объективной биологической необходимостью. И в то же время, производственная деятельность не могла развиваться таким же способом, каким шло совершенствование праорудийной деятельности, ибо она сама по себе взятая была биологически бесполезной.

Развитие орудийно-созидательной деятельности так же, как и орудийно-присваивающей, требовало и предполагало изменение морфологической организации индивидов. Изменение морфологической организации при ее приспособлении к орудийно-присваивающей деятельности происходило под действием индивидуального естественного отбора. Особенности, делавшие индивида более способным к использованию орудий для охоты и обороны, давали ему прямые преимущества перед другими членами группы, позволяли выжить и оставить потомство.

Конечно, некоторые из особенностей организма, которые делали индивида более других способным к орудийно-присваивающей деятельности, могли быть одновременно и теми, что способствовали успеху орудийно-созидательной деятельности. Однако были и такие, которые, делая более успешной производственную деятельность, в то же время не давали индивиду никаких преимуществ в орудийно-присваивающей деятельности. Разумеется, употребление более совершенных орудий в принципе всегда делало более совершенной и деятельность по их использованию. Но более совершенные орудия, созданные одними индивидами, могли быть использованы другими, не способными в силу своих морфологических особенностей их изготовить.

Таким образом, индивиды, по своим морфологическим и иным данным более способные к производственной деятельности, не имели никаких биологических преимуществ по сравнению с теми особями, которые такими способностями не обладали. В результате такие особенности их морфофизиологической организации не могли возникнуть и совершенствоваться под влиянием индивидуального отбора.

Но если такого рода особенности не давали никаких преимуществ одним членам объединения перед другими его членами, то наличие в объединении индивидов, более способных к производственной деятельности, делало всех его членов вместе взятых более приспособленными к среде, чем членов тех объединений, где таких индивидов либо совсем не было, либо было меньше. Поэтому здесь с неизбежностью должен был начать действовать гregarно-индивидуальный отбор. Только под его воздействием могло идти и шло развитие способности к производственной деятельности. При этом сам этот отбор приобрел особый характер, который ранее в животном мире не был ему присущ.

Праорудийная деятельность в определенных пределах могла развиваться независимо от обычного естественного отбора путем накопления индивидом опыта и заимствования его другими особями через подражание. Таким образом передавался опыт не только праорудийной, но и всей вообще индивидуально приобретенной (условно-рефлекторной) деятельности у высших млекопитающих. Однако в животном мире нет материальных структур, в которых этот вид опыта мог бы закрепиться. С появлением производственной деятельности положение изменилось.

Начиная с определенного этапа развития производственной деятельности, изготовленное орудие стало не чем иным, как материализованным, объективно зафиксированным опытом действий по его изготовлению. Каждое новое поколение, вступая в жизнь, получало в свое распоряжение этот закрепленный в вещах опыт, обогащало его и в таком виде передавало следующему.

В результате появился особый материальный процесс — эволюция орудий. Он качественно отличался от эволюции организмов, ибо не направлялся естественным отбором. Это не значит, что развитие орудий вообще не было первоначально связано с естественным отбором. Вплоть до возникновения человека современного физического типа (неоантропа, *Homo sapiens*) развитие производственной деятельности рано или поздно приходило в противоречие с морфологическим обликом производящих существ и требовало его изменения, которое могло происходить только под действием отбора. Однако этот отбор не определял направление развития организма. Напротив, само действие отбора направлялось процессом эволюции орудий. Такой отбор был подчиненным фактором, при помощи которого производственная деятельность формировала морфологический облик производящих существ. Его с полным правом можно назвать *производственным гregarно-индивидуальным отбором*.

Возникнув, производственная деятельность подчинила себе не только гregarно-индивидуальный, но и гregarный отбор. Развивающаяся производственная деятельность рано или поздно предъявила к гregarной организации определенные требования, которые могли быть реализованы лишь в результате действия гregarного отбора.

8. Перелом: начало обуздания пищевого инстинкта и становления коммуналистических социально-экономических отношений

Большая способность к производственной деятельности не обеспечивала индивиду никаких преимуществ перед другими членами объединения. Это верно и в том случае, если рассматривать отношение индивида только к внешней природной среде. Однако необходимо принять во внимание и отношение индивида к другим членам его группы, ибо и от этого в известной степени зависело, сможет ли данная особь выжить и оставить потомство. По отношению к предлюдям можно говорить не просто о некоторой, а о значительной зависимости.

Чтобы предчеловек мог нормально существовать и развиваться, он должен был систематически получать мясо. Однако доступ к мясу зависел от его положения в существующей в стаде иерархической системе доминирования. Только доминирующим индивидам был гарантирован доступ к мясу. Большая по сравнению с другими членами группы приспособленность к производственной деятельности не была таким качеством, которое могло бы доставить предчеловеку высокий статус в системе доминирования — это обычно обеспечивалось значительной физической силой, агрессивностью, смелостью, которые совершенно не обязательно должны были сочетаться с большей, чем у остальных членов стада, способностью к изготовлению орудий.

Можно сказать даже больше — имеются серьезные основания полагать, что наличие у индивида качеств, способствующих успеху производственной деятельности, делало менее вероятным существование у него таких особенностей, которые бы обеспечивали ему высокий ранг в иерархии. Изготовление более совершенных орудий предполагало усложнение центральной нервной системы, прежде всего головного мозга, способность к более тонким и точным движениям, но отнюдь не развитие мускулатуры. Обладание большой физической силой не столько способствовало, сколько препятствовало изготовлению более совершенных орудий.

В результате индивиды, более способные к изготовлению орудий, имели не только не больше, а напротив, меньше шансов получить высокий статус (а потому выжить и оставить потомство), чем особи, менее способные к этому. Но в таком случае естественный индивидуальный отбор должен был вести к уменьшению числа индивидов,

более других способных к производственной деятельности. В противоположном направлении действовал гregarно-индивидуальный отбор. Однако последний не всегда мог взять верх или хотя бы даже нейтрализовать действие индивидуального отбора. Все это всегда мешало совершенствованию производственной деятельности, а на определенном этапе с неизбежностью стало преградой на пути ее дальнейшего развития.

Таким образом, существовавшие в объединениях поздних предлюдей отношения, которые всегда были препятствием для развития производственной деятельности, начиная с определенного момента, сделали просто невозможным ее дальнейшее совершенствование. С этих пор дальнейший ее прогресс стал абсолютно невозможным без появления у индивидов, обладающих большими способностями к производственной деятельности, по крайней мере, не меньших шансов получить мясо, чем у любых других членов объединения. А для этого нужно одно — такой порядок, при котором все взрослые члены объединения без исключения получили бы равный доступ к охотничьей добыче.

Необходимость в новых отношениях внутри объединения диктовалась нуждами развития производственной деятельности, и в этом смысле была производственной потребностью. Она возникла внутри объединения и заключалась в необходимости его перестройки, была нуждой прежде всего объединения в целом, т. е. всех его членов вместе взятых, и только тем и каждого из них взятого в отдельности.

Так в стаде поздних предлюдей наряду с биологическими потребностями его членов возникла еще одна потребность, которая по своему источнику и по своему характеру качественно отличалась от всех остальных. Она не была биологической, она не уходила своими корнями в зоологические материальные структуры. Эта потребность была, во-первых, производственной, во-вторых, групповой, гregarной. Тем самым стадо поздних предлюдей стало принципиально отличаться от всех объединений животных, не исключая стада ранних предлюдей, что и предопределило путь его дальнейшего развития.

Новая потребность состояла в объективной нужде возникновения общности охотничьей добычи, общности мяса, общности пищи в пределах целого объединения. Эта общность пищи не могла быть биологической по своей природе, подобной той, что существовала в биологическом сверхорганизме — рое пчел, муравейнике и т. п.

Стадо поздних людей не могло превратиться в биологический сверхорганизм, ибо морфологическая специализация высших млекопитающих, превращение их из полноценных биологических индивидов в органы сверхорганизма была практически невозможной. Требуемая общность пищи должна была иметь совершенно иную природу.

Для обозначения этой общности давно уже существует термин — «коллективная собственность». В результате появления и развития производственной деятельности рано или поздно насущной необходимо-

стью стало возникновение собственности на мясо, причем собственности коллективистической, коммунистической, коммуналистической. Коммуналистическая собственность могла существовать и проявляться только в коммуналистических отношениях распределения. Суть этой собственности и этого распределения заключалась в том, что каждый член объединения имел неотъемлемое право на долю добытого другими его членами исключительно лишь в силу принадлежности его к этому объединению. Принцип коммуналистического распределения — от каждого по способностям, каждому — по потребностям.

Иначе говоря, возникновение и развитие производственной деятельности рано или поздно сделало необходимым возникновение социально-экономических и вообще социальных отношений, т. е. появление общества. И становление общества началось. Стадо поздних предлюдей превратилось в формирующееся общество — праобщество, а поздние предлюди — в формирующихся людей — пралюдей.

Экономические отношения собственности не могут существовать без волевых, нормативных отношений собственности. Поэтому зарождение социально-экономических отношений с неизбежностью предполагало становление общественной и индивидуальной воли, появление первых норм поведения.

Пролить свет на генезис первых социальных норм позволяют данные этнографии. Этнологи давно уже выделили из огромного многообразия правил поведения, существовавших в первобытном обществе, нормы особого рода, которые получили название *табу*, и столь же давно заподозрили, что именно в такой форме возникли самые древние из всех существующих человеческих поведенческих норм.

Табу есть норма поведения не позитивная, а негативная. Она не предписывает совершение каких-либо действий. Наоборот, она запрещает определенные действия. Суть табу — в запрете. Термин «табу» прежде всего применяется для обозначения особого рода запретов совершать определенные действия и самих этих запретных действий. Первоначально табу и представляли собой лишь запреты. Не все табу-запреты регулировали отношения людей в обществе, т. е. были нормами поведения. Но именно в табу — нормах поведения, поведенческих табу, все особенности табу-запретов проявлялись наиболее отчетливо. Они были исходной, первоначальной формой табу. В дальнейшем речь будет идти только о них.

Если всякое поведенческое табу есть запрет, то не всякая норма поведения, состоящая в запрете тех или иных действий, есть табу. Табу — запрет особого рода. Он с неизбежностью включает в себя три основных компонента.

Первый компонент — глубокое убеждение людей, принадлежащих к определенному коллективу, что совершение любым его членом определенных действий неизбежно навлечет не только на данного индивида, но и на весь коллектив какую-то страшную опасность, возможно,

даже приведет к гибели их всех. При этом люди не могут сказать ничего определенного ни о природе этой опасности, ни о том, почему и каким образом данные действия влекут ее за собой. Им известно только, что, пока люди воздерживаются от такого рода действий, эта опасность остается скрытой, когда же они их совершают — эта опасность из потенциальной автоматически превращается в реальную и угрожает им гибелью. Вот почему они рассматривают человека, совершающего такого рода действия, одновременно и как находящегося в опасности, и как представляющего опасность для коллектива.

Второй компонент — чувство ужаса перед неведомой опасностью, которую навлекают известные действия людей на коллектив, и тем самым страха перед этими таящими опасность действиями.

Третий компонент — собственно запрет, норма. Наличие запрета говорит о том, что ни веры в опасность, навлекаемую данными актами поведения человека, ни ужаса перед ней не было достаточно, чтобы отвлечь людей от совершения опасных действий. Отсюда следует, что эти действия были чем-то притягательны для людей, что были какие-то достаточно могущественные силы, которые толкали человека к совершению этих действий.

И так как эти действия того или иного члена общества были опасны не только для него самого, но и для человеческого коллектива в целом, коллектив должен был принимать меры, чтобы заставить всех своих членов воздерживаться от опасных действий, наказывая тех, кто с этим требованием не считался. Опасные действия становились запретными.

Таким образом, табу представляли собой нормы поведения, как бы извне навязанные обществу какой-то посторонней, внешней силой, с которой невозможно было не считаться. На эту особенность табу давно уже обратили внимание некоторые исследователи. Именно такой характер должны были иметь первые нормы поведения, возникшие как средства нейтрализации опасности, которую представлял для формирующегося общества зоологический индивидуализм. При таком подходе становится понятнее природа силы, толкавшей людей к опасным действиям. Этой силой была власть биологических инстинктов.

На основе анализа одних только этнографических данных многие исследователи пришли к выводу, что табу возникли первоначально как средство подавления животных инстинктов, как средство предотвращения опасности, угрожавшей человеческому коллективу со стороны животного эгоизма. «Наиболее характерной чертой человеческого ума и поведения, — писал, например, Роберт Стивен Брифф (1871–1938), — является дуализм социальных традиций, с одной стороны, и унаследованных естественных инстинктов — с другой, а также постоянный контроль первых над вторыми» (Briffault, 1927a. P. 352–353).

В подавлении и регулировании биологических инстинктов и заключается, по его мнению, сущность морали. Запреты, налагаемые

на естественные инстинкты, должны были впервые появиться в очень прямой и категоричной форме. Они должны навязываться человеку как неотвратимая необходимость. Табу и являются этими первыми, навязанными человеку как неотвратимая необходимость, запретами (Briffault, 1927a. P. 351–365; 1927b. P. 251–253). Такого же мнения придерживался Соломон Рейнак (1858–1932). «...Табу, — писал он, — это преграда, возведенная против разрушительных и кровавых стремлений, являющихся наследством человека, полученным от животных» (Рейнак, 1919. С. 16).

Выявление основных компонентов, входящих в состав табу, позволяет составить представление о том, как конкретно протекал процесс становления самой первой такой нормы. Она с неизбежностью была запретом. Равный доступ всех членов объединения к мясу с неизбежностью предполагал появление запрета любому члену объединения отстранять, отгонять других его членов от добычи. А это было не чем иным, как началом обуздания зоологического индивидуализма и ликвидации наиболее яркого его выражения — системы доминирования.

Свободный доступ к мясу всех без исключения членов объединения и тем самым предоставление ранее подчиненным индивидам равной с ранее доминировавшими возможности получить этот продукт с неизбежностью означали ограничение возможности доминировавших удовлетворить свою потребность в нем. Если раньше они могли съесть всю добычу, то теперь на их долю доставалась лишь часть ее.

Иными словами, возникновение общественной собственности на пищу предполагало известное подавление пищевого инстинкта у части членов объединения, причем самых решительных и сильных. Вполне понятно, что силой, ограничивающей пищевой инстинкт ранее доминировавших особей, не могли быть подчиненные животные — ни в одиночку, ни все вместе. Этой силой могли быть только все члены объединения, включая и ранее доминирующих особей.

Такой одной, единой силой они могли стать потому, что производственная потребность в общей собственности на мясо была потребностью объединения в целом, — всех его членов вместе взятых и каждого из них в отдельности. Эта потребность начала реализовываться под давлением гregarного отбора.

В объединениях поздних предлюдей гарантированный доступ к мясу имели доминирующие члены. Что же касается подчиненных, то получение ими доли добычи зависело от различного рода обстоятельств. Поэтому в разных объединениях и в разное время возможность доступа к мясу подчиненных членов была далеко не одинаковой. В одних стадах вероятность получения мяса подчиненными индивидами была сравнительно велика, в других — мала. Вполне понятно поэтому, что указанная объективная потребность в новых отношениях по-разному реализовалась в различных объединениях поздних предлюдей.

Именно здесь в действие вступал подчиненный производственной деятельности гregarный отбор. Он сохранял те стада, в которых веро-

ятность получения мяса подчиненными членами была сравнительно велика, и разрушал те, в которых эта вероятность была мала. Разрушая одни объединения и сохраняя другие, гregarный отбор укреплял у производящих существ убеждение в том, что отстранение одними индивидами других от мяса таит в себе опасность для всех членов объединения.

Таким образом, объективная производственная потребность в равном доступе всех членов объединения к охотничьей добыче выступала в форме опасности, порождаемой отстранением одних членов объединения другими его членами от мяса. Необходимость новых, социальных по своей природе отношений проявилась как опасность старых, чисто биологических отношений, как опасность системы доминирования для существования производящих существ.

Нельзя забывать, что у животных, помимо пищевого и полового инстинктов, существует инстинкт самосохранения. Животные чувствуют опасность. Она находит у них отражение в эмоции страха, ужаса и в эмоции злости, агрессии.

Рассматриваемая объективная производственная потребность первоначально отразилась в головах производящих существ в форме ужаса перед действиями любых членов объединения, направленными на отстранение других его членов от мяса. Этот страх вызывал взрывы злости, направленные против тех членов объединения, которые своими действиями навлекали опасность на всех остальных. Как следствие, члены объединения набрасывались на индивида, совершавшего эти опасные действия, избивали, а иногда, может быть, и убивали его. Это, конечно, подрывало доминирование в области распределения мяса и способствовало доступу подчиненных членов объединения к этому продукту. Объединения, в которых это происходило, сохранялись и получали возможность дальнейшего развития, а те, в которых все оставалось по-прежнему, исчезали и выпадали из эволюции.

В результате, по крайней мере в некоторых объединениях, все их члены получали возможность равного доступа к мясу. Но это состояние было, конечно, крайне неустойчивым. Какой бы ужас ни испытывали производящие существа, вместе взятые, перед действиями индивидов, направленными на отстранение других от мяса, отдельные члены объединения то и дело вступали на этот путь.

И это было неизбежно. Ведь этими индивидами двигал могучий стимул — стремление по возможности более полно удовлетворить свой пищевой инстинкт. Всегда возникали ситуации, когда этот стимул оказывался более сильным, чем страх. Не всегда могла удержать от этих действий и боязнь нападения со стороны остальных членов объединения. Такие нападения предполагали определенное состояние эмоций членов объединения, а потому происходили не всегда.

Внешних по отношению к индивидам факторов было недостаточно, чтобы удерживать сильного и решительного члена объединения, который испытывал чувство голода, от того, чтобы схватить мясо и съесть

его, не считаясь ни с кем. Нужны были внутренние. Чтобы объективная производственная потребность превратилась во внутренний стимул поведения индивида, необходимо возникновение сознания и воли. Без этого производящее существо не может стать социальным. Социальное существо — это такое существо, которое способно ограничивать свои собственные биологические потребности ради удовлетворения своих же собственных социальных потребностей — тех, в которых выражаются потребности общества.

Производственный гregarный отбор, под действием которого в объединении началось обуздание зоологического индивидуализма, чтобы закрепить достигнутые результаты, сделать возможным дальнейшее движение вперед, должен был вызвать к жизни сознание и волю. Но возникновение сознания и воли, а также языка, без которого они не могли существовать, невозможно также и без появления соответствующего физиологического механизма, то есть без коренной перестройки структуры мозга производящих существ. В результате гregarный отбор выступил одновременно и как гregarно-индивидуальный.

Но в том же направлении действовал уже упоминавшийся ранее производственный гregarно-индивидуальный отбор. Развитие производственной деятельности, взятой самой по себе, на определенном этапе потребовало ее освобождения от рефлекторной, животной формы, т. е. опять-таки возникновения мышления как специфически человеческой формы отражения мира, а тем самым и воли. Сознание, мышление, воля представляют собой проявление того, что принято называть человеческим духом. Этот дух не представляет собой простую функцию организма. Он сам является очень своеобразным субъектом деятельности. Наличие духа резко отличает человека от всех животных. Любое животное есть только биологический организм, есть только тело. Человек есть не только тело, но и дух. Он представляет собой неразрывное единство тела и духа, в котором ведущую роль играет дух. Дух подчиняет себе тело, делает его свои инструментом и не только направляет его внешнюю деятельность, но регулирует, подавляет плотские, биологические инстинкты. Тело есть явление биологическое и только биологическое. Дух — явление социальное и только социальное. Индивидуальный человеческий дух, человеческая душа может существовать лишь как частичка и проявление коллективного духа, общественного сознания и общественной воли. (Подробнее об этом см.: Семенов, 2013а. С. 168–174; 2013б. С. 143–150; 2013в. С. 119–226).

Сознание появилось прежде всего как общественное сознание. Индивидуальное сознание возникло в связи с общественным, лишь как его проявление, как форма его бытия. В первую очередь как общественная появилась и воля. Она была общественной не просто в том смысле, что определялась социально-экономическими отношениями и существовала в праобществе. Вся ее суть заключалась в том, что она возникла как воля всех членов праобщества, вместе взятых, и иной быть не могла.

Эта воля возникла первоначально как средство удовлетворения объективной необходимости в обеспечении равного доступа всех членов объединения к мясу, которая с самого начала была потребностью групповой, общей, а когда группа превратилась в праобщество, стала социальной, общественной. Удовлетворение этой социальной потребности было невозможно без ограничения биологических потребностей членов праобщества.

На самом раннем этапе своего становления общественное сознание практически выступало только как общественная воля, а эта общественная воля, по существу, сводилась к одной единственной норме — запрету кому бы то ни было из членов праобщины отстранять любого другого ее члена от мяса. Поэтому зарождение общественной воли было не чем иным, как возникновением этого запрета, который с неизбежностью принял форму табу.

И такую форму с необходимостью должны были принять все вообще нормы, которые были средствами обуздания зоологического индивидуализма. Табу были отражением не просто и не только опасности, которую представлял собой для жизни и деятельности пралюдей животный эгоизм, но и силы, под воздействием которой шло, по крайней мере на первых порах, его обуздание. Этой силой был вначале производственный гregarный, а затем праобщинный отбор.

Совокупность этих норм требует своего названия. Понятие мораль к ним не вполне применимо, ибо нарушение табу влекло за собой не только осуждение общественным мнением, но и грозило физическим наказанием, включая и смерть. Эту исторически первую форму общественной воли естественно назвать *табуитетом*. Табуитет был формирующейся моралью (праморалью). Первоначально весь он сводился к одному единственному табу.

Первым и поначалу единственным требованием воли праобщества, обращенным к каждому из его членов, было: не препятствовать доступу никого из остальных членов праобщества к мясу. Это было требование всех членов праобщества, вместе взятых, к каждому его члену, взятому в отдельности. Оно было первым правилом, первой нормой человеческого поведения.

Воспрепятствовать доступу к мясу можно двумя способами: активным и пассивным. Активный способ состоял в том, чтобы отгонять других членов группы от места, где находилось мясо. С ним прежде всего и было покончено. Но существовал и другой способ лишения доступа к мясу других индивидов — схватить кусок мяса, убежать с ним и съесть в одиночку. Пищевое табу должно было включать в себя запрет как отгонять других от мяса, так и утаскивать его с места, где оно находилось. И то, и другое действие было нарушением пищевого табу и люди, преступившие его, вероятно, жестоко карались, скорее всего их убивали.

Как писал великий английский поэт Джозеф Редьярд Киплинг (1965–1936) в своих «Законах джунглей»:

Добыча Стаи — для Стаи; ты волен на месте поесть,
Смертная казнь нечестивцу, что кроху посмел унесть.

(Киплинг, 1936. С. 255).

У пралюдей все мясо было добычей праобщины. Другой собственности на него не было.

Существова в праобществе как проявление общественной воли, норма поведения — табу с неизбежностью представляла перед каждым индивидом как его обязанность перед праобществом, а именно обязанность не препятствовать доступу к охотничьей добыче остальных членов коллектива. Но эта обязанность всех членов праобщества с неизбежностью оборачивалась для них и правом, а именно правом каждого из них свободно взять долю мяса, добытого любыми членами коллектива.

Так возникла самая ранняя и одновременно самая простая форма коммуналистических социально-экономических отношений, которая была детально рассмотрена в предшествующей главе. При этой форме человеку не выделялась ни коллективом, ни отдельными его членами определенная доля общественного продукта. Он просто сам брал ее из общего фонда, но всегда с таким расчетом, чтобы не оставить без продукта остальных членов коллектива. Выше эти отношения были названы разборно-коммуналистическими. Разбору прежде всего подлежала пища.

Суть этих отношений заключалась в том, что вся пища находилась не только в полной собственности, но и в безраздельном распоряжении коллектива. Ею мог распоряжаться только коллектив в целом, но ни один из его членов, взятый в отдельности. Каждый член коллектива имел право на долю продукта, но она не поступала ни в его собственность, ни в его распоряжение, а только в его пользование. Он не мог использовать ее для какой-либо иной цели, кроме непосредственного физического потребления. Вследствие этого процесс потребления был одновременно и процессом распределения.

Именно в такой форме и должны были возникнуть коммуналистические отношения. Они первоначально состояли в том, что каждый член праобщины получал свободный доступ к добыче. Он мог, нико-го не остерегаясь, подойти к туше, оторвать кусок и тут же съесть его. Если этого было недостаточно, он мог взять и потребить другой кусок. Но унести хотя бы небольшую часть мяса с собой он права не имел, ибо это означало бы отстранение всех остальных от доступа к данной части продукта. Тем самым такое действие было нарушением указанной выше нормы и поэтому сурово наказывалось. Беря кусок за куском, человек должен был следить за тем, чтобы в результате этих его действий ни один член коллектива не остался бы совсем без мяса.

Поедание всей имевшейся в наличии пищи тоже расценивалось как отстранение им других членов коллектива от добычи и, соответственно, каралось. В результате обязанностью каждого члена коллектива становилось обеспечение того, что бы каждый другой его член не просто имел бы возможность получить долю мяса, но обязательно в любом случае получил бы ее. Если человек сам по каким-либо причинам не мог взять свою долю мяса сам, его товарищи обязаны были принести и вручить ему это долю. Таким образом, указанный выше запрет оборачивался позитивной нормой поведения — требованием обеспечения каждого члена коллектива долей мяса. Здесь перед нами уже не табуирует, а зародыш настоящей морали.

И обязанность всех членов праобщины никому и никоим способом не препятствовать доступу к охотничьей добыче, и право каждого из ее членов взять долю добытого мяса, и обязанность всех членов праобщины обеспечить реализацию этого права для каждого из них, и сама норма, в которой все это слито воедино, были одновременно и порождением и отражением материальных отношений собственности праобщества на мясо. Объективные отношения собственности, порождая и определяя волю общества, воплощаются в определенных нормативных, волевых отношениях, которые тем самым тоже выступают как отношения собственности. В становящихся нормативных, волевых отношениях собственности воплощались зарождающиеся объективные отношения собственности.

С появлением сознания старая — эмоциональная — форма отражения объективной производственной потребности в новых отношениях не исчезла. Но страх перед опасными действиями был теперь осознан. Наряду с ним возникло убеждение в том, что эти действия опасны не только для того, кто их совершает, но и для всех членов объединения. Одновременно появилось обращенное ко всем членам коллектива требование воздерживаться от этих опасных действий. Это требование выкристаллизовалось как осознание не только и не столько страха перед опасными действиями, сколько практики и опыта совместной деятельности членов объединения по пресечению такого рода действий со стороны тех или иных индивидов. Таким образом, объективная производственная потребность в новых отношениях была осознана. Причем осознана она была не прямо, а косвенно — как опасность старых отношений, как необходимость отказа от старых отношений.

Общественная воля, представляя собой явление, отличное от индивидуальных волей, в то же время не может существовать без индивидуальных волей. Существование воли общества предполагает существование воли у каждого из его членов. Чтобы праобщество могло регулировать поведение своих членов, необходимо наличие у каждого из них способности управлять своими действиями. Чтобы праобщество могло ограничивать, подавлять биологические инстинкты своих

членов, необходимо, чтобы каждый из них был способен обуздывать свои собственные биологические потребности.

Понимание сущности отношений общественной и индивидуальной воли предполагает ответ на вопрос, что именно заставляет индивида подчиняться требованиям общественной воли, нормам поведения. Объяснить это одной лишь угрозой наказания со стороны праобщества нельзя. Праобщество состоит из тех же самых индивидов. Все эти индивиды, вместе взятые, могли систематически требовать от каждого индивида неуклонного соблюдения определенных норм поведения лишь при том непременном условии, чтобы все они были кровно заинтересованы в этом.

Нормы были выражением потребностей праобщества. Но потребности праобщества с неизбежностью были и потребностями всех его членов. Это и было объективной основой превращения требования праобщества к своим членам в требования каждого из них к самому себе. Результатом было превращение существовавшей в коллективе нормы во внутренний стимул поведения прачеловека. Этой нормой прачеловек руководствовался не потому, что боялся быть наказанным, а потому, что иначе действовать не мог.

Общественная воля не просто контролировала волю индивидов — она ее формировала, делала именно такой, а не иной, определяла ее внутреннее содержание. В результате объективные потребности формирующегося социоисторического организма становились одновременно и субъективными потребностями каждого из его членов. Выступая в качестве внутренних побуждений, собственных стремлений человека, эти потребности определяли его поведение. Так социально-экономические отношения входили в плоть и кровь производящего существа, делая его существом не биологическим, а социальным, то есть человеком. Происходило зарождение чувств долга, вины, чести и совести.

«Если мы не ошибаемся, — писал Зигмунд Фрейд (1856–1939), — то понимание табу проливает свет на природу и возникновение совести. Не расширяя понятия, можно говорить о совести табу и о сознании вины табу после нарушения табу» (Фрейд, 1991. С. 261). И представляется, что в этом он был прав.

Разрушение системы доминирования не только не привело к падению сплоченности объединения, а, наоборот, вызвало ее возрастание. Это произошло потому, что на смену одному способу обеспечения порядка, характерному для животного мира, пришел совершенно иной, невозможный в рамках биологической формы движения материи.

Если в животном мире согласовывание стремлений членов объединения к удовлетворению биологических инстинктов достигается путем подавления слабых сильными и возникновения системы рангов, то в праобществе это обеспечивалось подчинением всех его членов одной единой воле коллектива, в которой выражались потребности коллектива, бывшие одновременно потребностями всех входивших в его

состав индивидов. Будучи порождением и отражением системы производственных отношений, воля праобщества, регулируя поведение его членов, обеспечивала порядок в этом объединении и тем самым его сплоченность. Общественная воля была в праобществе тем механизмом, посредством которого социально-экономические отношения определяли поведение пралюдей.

Утверждение общей собственности на мясо требовало ликвидации системы доминирования в сфере его распределения, а тем самым и уничтожения системы доминирования вообще. Обеспечить сплоченность объединения должна была теперь новая сила — табуитет — возникающая мораль (прамораль), имевшая основой формирующиеся отношения собственности. Превратив стадо пралюдей в формирующийся социоисторический организм — праобщину, направляемый производственной деятельностью гregarный отбор тем самым изменил и свой собственный характер. Из отбора зоологических объединений он превратился в отбор формирующихся социоисторических организмов — праобщин. В виде уже не гregarного, а праобщинного отбора он действовал на протяжении всего периода существования праобщества. Соответственно, и производственный гregarно-индивидуальный отбор трансформировался в праобщинно-индивидуальный.

9. Завершение становления коммуналистических социально-экономических отношений

С переходом от хабилисов к архантропам, что произошло 1,9–1,8 млн лет тому назад, начался процесс становления человека и общества — антропосоциогенез, который завершился где-то около 40 тыс. лет тому назад. В периоде формирования человека и общества обычно выделяют две основные эпохи. Первая из них — эпоха ранних формирующихся людей — *архантропов*, вторая — эпоха поздних формирующихся людей, которых традиционно было принято называть *палеоантропами*. Процесс превращения архантропов в палеоантропов занял очень долгое время. Поэтому некоторые исследователи выделяют таких формирующихся людей (пралюдей), которые являются формами переходными от архантропов к палеоантропам. Те же антропологи, которые предпочитают бинарное деление, часто расходятся в решении вопроса о том, какие из находок, совмещающих признаки архантропов и палеоантропов, относить к числу первых, а каких — к числу вторых. Отсюда крайняя неопределенность времени перехода от архантропов к палеоантропам. По разным данным, это произошло в период от 400 до 200 тыс. лет.

Таким образом, первая стадия становления человека и общества — эпоха архантропов длилась с 1,9–1,8 млн лет до 400–200 тыс. лет тому назад. По археологической периодизации это ранний ашель (в широком смысле, включая то, что раньше именовалось шеллем) и совре-

менный ему поздний олдувай (ранние олдувайские орудия были делом рук не пралюдей, а хабилисов).

Археология дает возможность составить представление о материальной культуре архантропов, прежде всего об их каменных орудиях. Значительно хуже обстоит дело с данными об их духовной культуре. К эпохе архантропов относится ряд находок, которые невозможно объяснить, если исходить из того, что вся деятельность архантропов была направлена исключительно лишь на удовлетворение чисто материальных потребностей. В одной из стоянок знаменитого Олдувайского ущелья (Танзания) были найдены два куска красной охры. Куски красящего вещества — гематита были обнаружены в стоянке Хунгти (Индостан), куда они были принесены с расстояния в 25 км. В стоянке Амброна (Испания) была обнаружена плитка охры, которой путем преднамеренного стесывания была придана определенная форма, в стоянке Терра-Амата (Франция) — более 60 кусков красной охры со следами использования. Куски красной охры со следами стирания были найдены в стоянке Бечов (Чехия). Там же был обнаружен плоский камень, на котором растирали охру с тем, чтобы получить порошок. Вместе с останками синантропов (Чжоукоудянь, Северный Китай) находились кварцевые призмы, которые если и могли представлять какой-либо интерес для людей, то только эстетический. Можно полагать, что в ряде описанных случаев мы имеем дело с памятниками духовной культуры. Однако более точная их интерпретация пока невозможна.

Вряд ли могут быть сомнения в том, что в праобществе архантропов продолжался процесс становления общественных отношений. Он, конечно, был сложным и противоречивым. Не сразу были преодолены отношения доминирования. Неверным было бы считать, что с началом становления сознания и воли всякие попытки со стороны сильных индивидов отстранить слабых от мяса полностью прекратились. Пищевой инстинкт был слишком могуч, чтобы быть так легко обузданным.

Возникновение рассматриваемой нормы поведения было длительным процессом, в ходе которого неизбежно происходило ее нарушение отдельными членами праобщества. В определенных условиях нарушение данной нормы одним членом коллектива могло привести к своеобразной цепной реакции — к нарушению ее всеми, кто имел для этого достаточно сил и решимости.

При этом на время мог произойти возврат не просто к прежнему состоянию, но в ряде отношений еще к более худшему. В стаде поздних предлюдей определенный порядок в распределении мяса обеспечивался существующей иерархией доминирования. В данном случае новый способ согласовывания сталкивающихся стремлений членов объединения — через волю праобщины — выходил из строя, а старый не мог восстановиться, ибо для возникновения системы рангов нужно время.

С появлением праобщества бытие социально-экономических отношений стало абсолютно необходимым условием существования про-

изводящих существ. Их исчезновение означало бы не просто деградацию, а гибель объединения. Поэтому рецидивы зоологического индивидуализма в сфере распределения мяса представляли для праобщества огромную опасность. Объединения, в которых данная норма не восстанавливалась, с неизбежностью исчезали. Сохранялись и получали возможность дальнейшего развития только такие объединения, в которых указанная норма возрождалась и утверждалась.

Праобщинный отбор, уничтожая одни праобщины и сохраняя другие, формировал и в итоге полностью сформировал эту норму. Она окончательно утвердилась, когда это требование коллектива к индивиду стало внутренней потребностью каждого из членов праобщества, причем более могущественной, чем его биологические инстинкты.

Мнения о том, что в праобщине архантропов имели место конфликты, приводившие к столкновениям, в том числе кровавым, придерживаются многие исследователи. Оно основывается на данных палеоантропологии.

Хотя прорывы зоологического индивидуализма, несомненно, случались и в сфере распределения мяса, в целом отношения общей собственности на него все в большей степени укреплялись. Если вначале такой собственностью было лишь мясо, то в дальнейшем ею стала вся пища, включая растительную, а затем и все вообще вещи. Весьма возможно, что это произошло именно на рассмотренной стадии.

На смену эпохе палеоантропов пришла эпоха неандерталов, которая длилась до 35–40 тыс. лет, когда на смену формирующимся людям (пралюдям) пришли люди готовые, сформировавшиеся — неандерталы, а праобщество превратилось в готовое, сформировавшееся общество.

В эволюции каменной индустрии этого периода можно выделить два этапа, которые особенно отчетливо прослеживаются на материалах Европы. К первому из них относятся культуры, которые характеризуются как позднеашельские, премустьерские и раннемустьерские. Их возраст от 400–200 тыс. лет до 75–70 тыс. лет. Ко второму этапу относятся культуры позднего, типичного, развитого мустье. Они существовали во времена от 75–70 тыс. лет до 40–35 тыс. лет до нашего времени.

Среди неандерталов выделяются две основные группы. Первую из них составляют неандерталы, жившие в миндель-риссе, риссе и рисс-вюрме, то есть во время от 350–200 тыс. лет до 70–75 тыс. лет. Это — *ранние неандерталы*. К ним относятся все останки в находках Европы, которые именовались атипичными, прогрессивными неандертальцами, пресapiенсами и т. п.

Вторую группу составляют неандерталы, жившие в Вюрме I и первой половине Вюрме II, т. е. во время от 75–70 тыс. лет до 35–40 тыс. лет. К ним прежде всего относятся классические, типичные неандерталы Западной Европы. Это *поздние неандерталы*.

Поздние палеоантропы пришли на смену ранним. Каждая из этих групп связана с одной из двух стадий эволюции каменной индустрии второй половины раннего палеолита: ранние палеоантропы — со стадией, представленной позднеашельскими, премустьерскими и раннемустьерскими культурами, поздние — со стадией, представленной культурами позднего мустье. Все это дает достаточное основание полагать, что ранние и поздние палеоантропы — это две последовательно сменявшиеся стадии эволюции палеоантропов.

Еще одну группу — третью по счету составляли люди, которые были, по существу, не столько палеоантропами, сколько существами, промежуточными между палеоантропами и людьми современного физического типа (неоантропами). Их можно назвать *позднейшими палеоантропами*.

Превращение ранних палеоантропов в поздних было связано с переходом от одного этапа эволюции каменной индустрии к другому — в целом, несомненно, более высокому. Но эта смена означала прогресс не только в развитии производственной и вообще хозяйственной деятельности. Она — и это для нас самое важное — была ознаменована резким переломом в формировании общественных отношений. Признаком этого перелома много.

Данные палеоантропологии и археологии свидетельствуют, что в праобщине ранних палеоантропов, как и ранее в праобщине архантропов, довольно широко бытовало убийство и, может быть, каннибализм. Всего, по подсчетам некоторых исследователей, следы смертельных ранений обнаружены на черепях и скелетах 16 из 25 ранних палеоантропов, остатки которых были найдены на территории Европы (Rogez, 1969).

Остатков поздних палеоантропов найдено гораздо больше, чем ранних. Однако более или менее убедительные признаки насильственной смерти и следы каннибализма обнаруживаются значительно реже. Среди многочисленных находок классических неандертальцев Западной Европы таковых две. Одна из них — Монте-Чирчео I (Италия). Другая сделана в гроте Ортю во Франции. Один несомненный случай убийства отмечен среди позднейших палеоантропов. Череп и скелет Схул IX носят следы ранений, вызвавших смерть.

Не может быть, конечно, исключено, что повреждения на черепях некоторых из названных выше ранних палеоантропов, истолковываемые как следы смертельных ран, причиненных оружием, на самом деле имеют посмертное происхождение и связаны с действием естественных сил. Однако, в любом случае контраст между ранними и поздними палеоантропами в этом отношении достаточно разителен. Кроме этих имеются и другие данные о более высоком, чем у ранних палеоантропов, уровне сплоченности коллектива поздних неандертальцев. К эпохе палеоантропов относится появление первых бесспорных памятников духовной культуры. Наиболее известные из них — погребения. Они появились только с переходом от ранних палеоантропов к поздним.

Появление погребений бесспорно свидетельствует о том, что живые стали заботиться о мертвых. Совершенно ясно, что забота живых членов коллектива о мертвых не могла бы появиться без возникновения заботы живых членов коллектива друг о друге. По данным этнографии, у народов, стоящих на стадии первобытного общества, забота о мертвых объясняется тем, что они и после смерти продолжали считаться членами коллектива. Заботу о покойниках, которую проявляли поздние и позднейшие палеоантропы, невозможно объяснить, не допустив, что мертвецы рассматривались как полноправные члены коллектива — праобщины. Но осознание связи между мертвыми членами коллектива и коллективом невозможно без осознания связи между всеми живыми его членами, то есть без осознания единства праобщины. Первой формой осознания единства человеческого коллектива является тотемизм. И имеются достаточные основания полагать, что у поздних палеоантропов тотемизм уже существовал (Семенов, 2002а. С. 627–665).

Так как человек и после смерти продолжал считаться членом коллектива, то на него и тогда продолжало распространяться действие норм, регулирующих отношения внутри коллектива.

Целый ряд особенностей неандертальских погребений свидетельствует о том, что в праобщине поздних палеоантропов уже в значительной степени утвердились коммуналистические отношения. Каждый член праобщины имел право жить в пещере — месте обитания коллектива. Поэтому покойника оставляли в жилище. Каждый член праобщины имел право на часть добычи коллектива. Поэтому рядом с покойником клали причитавшуюся ему долю. Покойник продолжал сохранять право на орудия, бывшие собственностью праобщины. Этим, скорее всего, объясняется нахождение орудий возле скелетов.

Сенсацию в свое время вызвало исследование почвы вокруг одного из погребений в пещере Шанидар (Ирак), возраст которого определен примерно в 60 тыс. лет. Как выяснилось, в могилу человека, получившего обозначение Шанидар IV, были положены цветы, связанные в букеты, что позволило, в частности, установить время захоронение: конец мая — начало июля.

Эта находка в какой-то степени приподнимает завесу, скрывающую от нас духовную жизнь поздних палеоантропов. Она прежде всего говорит о развитии у них чисто человеческих эмоций. Но это еще не все. Из 8 видов растений, цветы которых были положены в могилу, 5 обладали целебными свойствами, 1 был съедобным и 1 — одновременно и целебным, и съедобным. Такой подбор вряд ли можно считать чисто случайным. Вероятно, поздние палеоантропы уже знали полезные свойства этих растений. Несколько видов из этих 7 до сих пор используются в народной медицине этого региона для лечения ран и воспалений.

Кроме погребений, имеются и другие данные, свидетельствующие о существовании у поздних палеоантропов заботы друг о друге.

Об этом, в частности, говорит еще одна находка в уже упоминавшейся пещере Шанидар. Речь идет о взрослом мужчине, который получил наименование Шанидар I. Жил он примерно 45 тыс. лет тому назад. У него задолго до смерти была серьезно повреждена левая глазная впадина, в результате чего он был, вероятно, слеп на левый глаз. Два повреждения обнаруживает правое плечо. Правая рука была, по-видимому, ампутирована выше локтя. И произошло это задолго до его смерти. Об этом говорят следы заживления раны и атрофия оставшейся части руки. Правая ключица была поражена остеомиелитом, лодыжка и колено правой ноги — сильнейшим артритом. К этому можно добавить заживший перелом одной из костей правой стопы и, наконец, полностью стертые зубы.

Таким образом, Шанидар I был по существу полным калекой, неспособным не только внести какой-либо существенный вклад в обеспечение существования коллектива, но даже прокормить и защитить самого себя. И тем не менее он дожил, по крайней мере, до 40 лет, что для неандертальца означало глубокую старость. 40 лет для неандертальца эквивалентны примерно 80 годам для современного человека. А некоторые исследователи определяют его возраст в 50–60 лет. И он вполне мог бы прожить больше, если бы не обвал кровли пещеры (Solecki, 1971. P. 184, 195–196; Stewart, 1977; Trinkaus, 1978. P. 62; Trinkaus and Zimmerman, 1979; 1982. P. 62–70).

По крайней мере последние годы жизни полным калекой был и человек из Ла Шапель-о-Сен (Франция), умерший в возрасте 55–60 лет. Весь его позвоночник был изуродован жесточайшим деформирующим артритом. Он был буквально скрючен и, разумеется, не мог принимать участия в охоте. Даже ел он, по-видимому, с трудом, ибо артритом был поражен также сустав нижней челюсти и у него отсутствовали почти все зубы. Артритом были также поражены плечевые и, возможно, бедренная кости. В дополнение ко всему, у него когда-то были сломано ребро и палец на ноге (Straus, Cave, 1957; Trinkaus, 1978; 1985; Дробышевский, 2010б. С. 215).

На какую участь были бы обречены подобные существа, если бы они жили в зоологическом объединении, — об этом красноречиво повествуют данные о наших ближайших животных родственниках — шимпанзе. В течение многих лет велись наблюдения за жизнью этих обезьян в национальном парке Гомбе (Танзания). Однажды там разразилась эпидемия полиомиелита, в результате которой некоторые животные стали калеками.

У одного взрослого самца, которого исследователи именовали Мак-Грегором, были парализованы обе ноги, что с неизбежностью обрекало его на гибель. Страшную картину представляли последние дни его жизни. «Но самым ужасным в этой кошмарной истории, — писала известная исследовательница поведения шимпанзе Джейн Гудолл, — было то, как отнеслись остальные шимпанзе к ставшему калекой сородичу... Когда Мак-Грегор впервые появился в лагере и уселся

в высокой траве неподалеку от места подкормки, все взрослые самцы приблизились к калек и устали на него, распушив шерсть, а потом начали демонстрировать угрозы. Они не только угрожали старому больному самцу, но кое-кто пытался и в самом деле атаковать его. Он же, неспособный ни убедать, ни обороняться, с искаженным от ужаса лицом и оскаленными зубами лишь втягивал голову в плечи и, съезжившись, ждал нападения» (Лавик-Гудолл, 1974. С. 157, 159.) И нападение последовало. Один самец ударил Мак-Грегора несколько раз по спине, другой налетел на него, размахивая большой веткой. Только вмешательство исследователей заставило самцов удалиться.

Судьба Шанидара I и Ла Шапельль была совершенно иной. И это означает, что в праобщине поздних палеоантропов уже окончательно утвердились коммуналистические отношения собственности. Только в условиях бесперебойного действия коммуналистического распределения люди, подобные Шанидару I и Ла Шапельль, могли изо дня в день получать потребную для их существования долю продукта. В любых других условиях они с неизбежностью были обречены на смерть от голода. На гибель они были бы обречены не только в случае полного господства доминирования, но и в случае частых рецидивов зоологического индивидуализма в данной сфере жизни.

Эти находки свидетельствуют, однако, не только о существовании коммуналистических отношений, но и о том, что эти отношения стали если не полностью, то в значительной степени определять все остальные отношения в праобщине. Шанидар I не только получал пищу в достаточном количестве — он вообще находился под защитой коллектива: о нем заботились, его выхаживали, когда он был серьезно болен. И он не был в этом отношении исключением: число таких примеров можно было бы без труда умножить. У найденного в той же пещере Шанидара IV был обнаружен заживший перелом правого ребра. У Шанидара III острым орудием было пробито левое 9-е ребро и поражено легкое. И судя по следам заживления, он прожил после ранения несколько дней или даже недель (Дробышевский, 2010б, С. 138–139).

Следы зарубцевавшихся повреждений обнаруживаются и у других поздних палеоантропов. У человека из Неандертала (Германия) была изуродована левая рука, что, по-видимому, сделало его калек на всю жизнь, у мужчины из Ла Феррасси (Франция) — серьезно повреждено правое бедро. У молодой женщины Ля Кина V (Франция) была рана на правой руке, а левая плечевая кость в значительной степени атрофирована, у человека из Шале (Словакия) — рана на правой стороне лба выше брови (Hrdlička, 1930. P. 156, 272, 295–296; Trinkaus, 1978. P. 63; Trinkaus and Zimmerman, 1982. P. 75; Дробышевский, 2010б, С. 184). Все рассмотренные находки принадлежат ко времени после 70 тыс. лет. Особняком стоит нижняя челюсть из Бом-де-л'Обезье (Франция), датируемая 170–190 тыс. лет. Она носит явные следы серьезной патологии, что не мешало человеку прожить достаточно долгое время.

Как полагают специалисты, это свидетельствует о существовании заботе коллектива о своих членах. Однако насколько древней является находка с уверенностью о сказать нельзя. Вместе с челюстью были найдены орудия леваллуа-мустье, характерные для времени бытия поздних палеоантропов. Да и сама челюсть обладает типично неандертальскими признаками, правда, сочетающимися с более архаичными чертами (Дробышевский, 2010а. С. 294–296).

Таким образом, существуют серьезные основания полагать, что обуздание пищевого инстинкта и становление коммуналистических социально-экономических отношений завершилось на стадии поздних палеоантропов, т. е. еще до окончания процесса формирования человека и общества. Пищевой инстинкт был введен в социальные рамки.

Но другой эгоистический животный инстинкт — половой — на этой стадии полностью обуздан еще не был. Необходимостью было введение его в социальные рамки, возникновение социальной организации отношений между полами, т. е. брака. Первой формой социальной организации отношений между полами была дуально-родовая. Возникновение рода было одновременно и появлением человека современного физического типа. И когда после подавления пищевого инстинкта был обуздан и половой, процесс антропосоциогенеза завершился. На смену формирующемуся обществу пришло готовое, сформировавшееся общество. Кончился период становления человека и общества, период праистории человечества и начался новый — период подлинной истории, период развития готового человеческого общества.

Возникновение дележно-коммуналистических отношений

1. «Первоначальное общество изобилия»?

Разборно-коммуналистические отношения являются первой формой коммуналистических связей. Они соответствуют такому уровню развития производительных сил, при котором весь создаваемый обществом продукт является жизнеобеспечивающим. Но развитие производительных сил рано или поздно привело к появлению более или менее регулярного избыточного продукта. Это сделало неизбежным перестройку производственных отношений.

Долгое время в науке и за ее пределами господствовало убеждение, что, по крайней мере, ранние первобытные охотники и собиратели при всем своем старании не были способны произвести продукта больше, чем его было необходимо для обеспечения их выживания, что все их время было поглощено упорной борьбой за существование. Проведенные в последние десятилетия XX в. исследования в значительной степени подорвали такого рода представление.

В этом отношении особенно интересны наблюдения Ричарда Борш-шя Ли над бушменами кунг области Добе (пустыня Калахари). В неделю каждый взрослый бушмен тратил на добывание пищи в среднем 2,4 дня или 20 часов, что составляет примерно 3 часа в день. При этом мужчины уделяли добыванию пищи 2,7 дня, женщины — 2,1. Если принять во внимание изготовление орудий и других вещей, строительство шалашей, домашние дела и вообще всю трудовую деятельность, то мужчины работали в неделю 44,5 часов, женщины — 40,1 часа, что в среднем дает 42,3 часа в неделю, 20 часов в неделю было достаточно, чтобы обеспечить каждому дневной рацион в 2355 калорий, содержащий при этом 96,3 г протсина (Lee, 1972. P. 51–53; 1979. P. 278, 440, 450).

В более ранних работах Р. Ли приводил еще более впечатляющие цифры. Как он утверждал, бушмены тратят на добывание пищи от 12 до 19 часов в неделю, т. е. в среднем 15 часов, что примерно равняется 2 часам в день. При этом он ничего не говорил о времени, затрачиваемом на другие виды труда (Lee, 1968. P. 37; 1969. P. 68). И бушмены кунг не стоят особняком. По утверждению Джеймса Вудберна, хадза Танзании обеспечивают себя пищей в среднем менее чем за два часа (Woodburn, 1968. P. 54).

Так обстоит дело не в одной только Африке. По данным Фредерика Маккарти и Маргарет Макатур, взрослые члены двух изученных ими в 1948 г. локальных групп аборигенов Арнемленда (Австралия) затрачивали на добывание и приготовление пищи в среднем около 4–5 часов в день (McCarthy and MacArthur, 1960. P. 145–194). Это вполне согласуется со свидетельствами таких ранних исследователей Австралии, как Джордж Грей (1812–1898) и Эдвард Джон Эйр (1815–1901). По их словам, аборигены тратили на обеспечение себя пищей от 2 до 4 часов в день (Gray, 1841, P. 261–263; Eyre, 1845. P. 252, 254, 255).

Основываясь на ранних работах Р. Ли, данных, приводимых Ф. Маккарти и М. Макатур, свидетельствах Дж. Грея, Э. Дж. Эйра, Дж. Вудберна и ряда других исследователей, М. Салинс охарактеризовал охотников и собирателей как живущих в «первоначальном обществе изобилия» (Sahlins, 1968b; 1972. P. 1–39). К этому во второй своей работе, в которой рассматривается данная проблема, он добавил, что «недоиспользование» рабочей силы и природных ресурсов наблюдается и в обществах «примитивных» (т. е. доклассовых. — Ю. С.) земледельцев (1972. P. 41–69). В качестве доказательства он ссылаясь на данные целого ряда исследователей. И эти свидетельства несомненно заслуживают внимания.

У бемба Замбии (Северной Родезии) в период, когда не требовалось напряженного труда, мужчины работали в среднем 2,75 часа в день, женщины тратили 2 часа на работу в поле, 4 часа — на работу по дому; в периоды, требовавшие особых усилий, мужчины работали 4 часа в день, женщины — 6 часов (Richards, 1939. P. 393–394). У тулури Камеруна мужчина работал в году: в поле — 105,5 дней (28,7 %), а всего — 193 дня (52,2 %); женщина в поле — 82,1 день (22,5 %), а всего — 188,7 дней (51,5 %) (Guillard, P. 415–428).

У куикуру Центральной Бразилии взрослый мужчина тратил в день 2 часа на сельскохозяйственную работу и 1,5 часа на рыбную ловлю (Carniero, 1973. P. 142–145). Гавайцы в XIX в. во время сельскохозяйственного сезона работали 4 часа в день (Steward, 1928. P. 111). У папуасов капану Западного Ириана (Новая Гвинея) мужчина трудился на своем участке 5,5 часов в день, причем за каждым таким днем следовал день отдыха (Pospisil, 1963. P. 142–145).

Этнологи отнеслись к концепции М. Салинса по-разному. Одни из них выступили с критикой, которая шла по разным линиям. В частности указывалось, что использованные М. Салинсом данные недостаточно представительны. Подчеркивалось, что две группы, хозяйственная деятельность которых исследовалась Ф. Маккарти и М. Макатур, жили в довольно искусственных условиях. Да и наблюдение велось в течение слишком короткого времени: соответственно, 7 и 14 дней (Jones, 1980; Bird-David, 1992. P. 26). Обращалось внимание на то, что все цифры, приведенные в ранних работах Р. Ли, основывались на исследовании одной группы бушменов кунг области Добе в течение всего лишь четырех или даже скорее трех недель (Bird-David, 1992. P. 26).

Выступая с критикой и Р.Ли, и М. Салинса, некоторые исследователи приводили свои собственные данные о времени, которое тратили члены тех или иных «примитивных» групп на обеспечение своего существования. Так, например, сообщалось, что у альявара (илиаура) Центральной Австралии женщины для обеспечения себя пищей «должны были часто (хотя и не всегда) тратить от 5 до 6 часов, а иногда даже 10 часов в день каждый день» (Hawkes and O'Connell. 1981. P. 623). Но авторы при этом имели в виду не только собственно сбор продуктов, но также их последующую обработку и подготовку к потреблению.

Р.Ли в своих ранних работах указывал только время, необходимое для добытия пищи. В более поздних трудах им было подсчитано и время, которое тратилось на домашнюю работу, включая приготовление пищи. Женщины у бушменов кунг области Добе расходовали в среднем в неделю 12,6 часов на добычу пищи и 22,4 на домашнюю работу, что в общей сложности дает 35 часов в неделю или 5,28 часов в день. Кроме того, 5,1 часа в неделю они занимались изготовлением орудий (Lee, 1979. P. 278).

Критикуя М. Салинса, Аллен У. Джонсон указывает, что у земледельцев мачигуснга Перу мужчины тратили на «продуктивную деятельность» в среднем 8,5 часов в день, а женщины даже 9,5 часов (Johnson, 1975. P. 306–307). Но в «продуктивную деятельность» он включает и еду, и уход за детьми, и гигиенические процедуры и, наконец, хождение в гости (P. 307). Если все это исключить, то рабочий день мачигуснга предстанет в следующем виде: мужчины тратили 4,4 часа на обеспечение пищей, включая работу в огороде, охоту, рыболовство, 0,2 часа на приготовление пищи и 1,4 часа на рукоделие, женщины расходовали 1,8 часа на добычу пищи, 2,4 часа — на приготовление пищи и 2,1 часа — на рукоделие (P. 307).

Дж. Алтмен вел наблюдение за хозяйственной деятельностью одной из групп гунвинггу Арнемленда. Каждый взрослый работник тратил у них на добычу пищи в среднем 2,6 часов в день (Altman, 1984. P. 185). Но аборигены к моменту исследования давно уже использовали ружья и были прочно связаны с рынком европейских товаров. Они изготавливали различного рода вещи, продавали их и на полученные деньги покупали пищу. Исходя из этого, а также ряда других обстоятельств, автор делает вывод, что в доконтактное время аборигенами затрачивалось на добычу пищи больше времени, хотя и не указывает, сколько именно (P. 183–185). Таков же ход рассуждений и таков же вывод Б. Михен, исследовавшей хозяйственную деятельность анбарра — одной из групп гидийнгаги Арнемленда (Mehan, 1982).

Исследование аче (гуаяков) Восточного Парагвая велось в 1980–1982 гг. целой группой исследователей (Х. Каплан, К. Хилл, К. Хокс, А. М. Хуртадо). Согласно их данным, у этих индейцев во время пребывания в лесу мужчины из 12,8 часов светлого времени тратили на обеспечение пищей: в хорошие дни — 7 часов, в дождливые — меньше.

а в среднем — по 6 часов каждый день. Кроме того, 1,5 часа в день они уделяли другим работам, что в среднем дает 7,5 часов рабочего времени каждый день. Совершенно свободными у них оставались всего лишь 4 часа в день (Hill, Kaplan, Hawkes, Hurtado, 1985. P. 33–37).

Эти данные находятся в резком контрасте с тем, что сообщают эти же исследователи о женщинах аче. Из 12 часов 2 минут светлого времени женщины тратили на сбор природных ресурсов — 1 час 19 минут, на их обработку — 32 минуты, на прочие работы, включая домоводство и изготовление орудий, — 2 часа 30 минут, на хождение по лесу в составе группы — 1 час 54 минуты. Свободного времени у них оставалось 5 часов 30 минут (Hurtado, Hawkes, Hill, Kaplan, 1985. P. 9–12). Все эти цифры в общем и целом вполне согласуются с приведенными Р. Ли данными о женщинах кунг.

Что же касается трудовой деятельности мужчин аче, то данные о ней нельзя считать представительными. До 70-х гг. XX в. аче занимались исключительно охотой и собирательством. В 1971–1978 гг. они вступили в контакт с цивилизованным миром, поселились в католической миссии и стали заниматься земледелием. Однако время от времени группы индейцев численностью от 9 до 68 человек совершали экспедиции в лес, длившиеся от 5 до 15 дней. Именно во время этих экспедиций велось исследование, именно в эти кратковременные периоды мужчины аче столь напряженно трудились.

Получить представление о действительной напряженности мужского труда у аче можно только в том случае, если знать, какую часть года проводят мужчины в этих экспедициях и сколько времени они затрачивают на обеспечение пищей в периоды пребывания в миссии. К сожалению, об этом исследователи ничего не сообщают. Во всяком случае, если в одной из работ они ставят под сомнение данные Р. Ли и объявляют концепцию М. Салинса противоречащей фактам (Hill, Kaplan, Hawkes, Hurtado, 1985. P. 38, 44), то в другой высказывают предположение, что при учете времени, проводимого мужчинами аче в миссии, получается картина мужской деятельности, в целом совпадающая с той, что наблюдалась у кунг (Hill, Hawkes, Hurtado, Kaplan, 1984. P. 133).

Но у концепции М. Салинса имелись не только противники, но и сторонники. Полностью разделяет все его основные положения Т. Дингл в работе «Аборигенная экономика. Образец житейского опыта» (Dingl, 1988. P. 30–31). Уже после появления первой работы М. Салинса, в которой была изложена его концепция, в научный оборот были введены новые данные, аналогичные тем, что легли в ее основу. Они относятся как к охотникам-собираателям, так и к первобытным земледельцам. Начну с последних.

Еще в 1965–1966 гг. датский этнограф Софус Кристиансен вел полевые исследования на острове Беллона (Мунгики), принадлежащим к Соломоновым островам, но населенном полинезийцами. По его под-

счетом каждый трудоспособный островитянин тратил на работу, направленную на обеспечение существования, менее 3,5 часов каждый день (Christiansen, 1975. P. 118).

Детально исследовалось использование 14 часов светлого времени (с 6 часов утра до 8 часов вечера) взрослым населением четырех деревень четырех племен Центральной Бразилии: мекраноти, шаванте, бороро и канела. У мекраноти взрослый человек в среднем тратил в день: на земледелие — 1,21 часа, уход за домашними животными — 0,03 часа, охоту — 0,87 часа, рыбную ловлю — 0,21 часа, собирательство — 0,17 часа. Таким образом, всего на деятельность по обеспечению пищей расходовалось 2,49 часа. На прочую работу, включая изготовление орудий, заготовку дров, приготовление пищи, уход за детьми и домом тратилось 4,34 часа. Свободное время составляло 6,72 часа.

У шаванте, бороро и канела, соответственно, затрачивалось: на земледелие — 2,09; 1,44 и 2,50 часа, уход за домашними животными — 0,08, 0,12 и 0,08 часа, охоту — 0,47; 0,09 и 0,55 часа, рыбную ловлю — 0,44; 0,50 и 0,13 часа, собирательство — 0,32; 0,32 и 0,07 часа, всего на обеспечение пищей — 3,40; 2,47 и 2,57 часа. Прочая работа занимала 3,29; 2,80 и 2,51 часа. Свободными были, соответственно, — 6,73; 7,69 и 6,80 часа (Verner, Flowers, Ritter, Gross, 1979. P. 307–310).

У папуасов аснат Новой Гвинеи, которые жили добыванием саго, собирательством, охотой и рыболовством, человек затрачивал на обеспечение пищей самое большое 2 рабочих дня (12 часов) в неделю, т. е. 1,7 часа в день. Причем в это время входило не только добывание, но и переработка саго, а также заготовка и транспортировка дров. Как утверждает исследователь, аснат могут рассматривать в качестве еще одного примера «первоначального общества изобилия» (Arsdale, 1978. P. 456–457).

Охотники и собиратели палиян юга Индостана расходовали на обеспечение пищей не более 3–4 часов в день (Gardner, 1972. P. 414). У хиви Венесуэлы, которые были охотниками, рыболовами и собирателями, в разные сезоны мужчины тратили на добывание пищи от 1,3 до 2,2 часов в день, беременные и кормящие женщины — от 0,91 до 1,9 часов, прочие взрослые женщины — от 1,5 до 2,6 часов (Hurtado and Hill, 199. P. 324).

Но в то же время вряд ли можно говорить об обществе хиви как «обществе первоначального изобилия». Как отмечают этнографы, работавшие среди туземцев, последние постоянно жаловались на голод. Туземное слово «голод» было первым с которым познакомились исследователи. Хиви в среднем потребляли в день 2043 калории, что меньше любой цифры, приводимой Р. Ли для бушменов кунг: 2140 (Lee, 1969. P. 72–73) и 2335 калорий (Lee, 1984. P. 53). Однако одновременно сообщается, что хиви потребляли в среднем на душу населения в день 930 г. мяса (Hurtado and Hill, 1990. P. 313), что в 4 раза больше, чем его получали бушмены кунг. У последних на душу населения в среднем приходилось 230 г. мяса в день (Lee, 1969. P. 72–73). Лучше, чем

у бушменов, обстояло дело у хиви и с растительной пищей. У них на душу в день приходилось 617 г. растительной пищи, не считая при этом некоторого, по существу мизерного количества земледельческой продукции (расчет сделан на основании данных таблицы 4) (Hurtado and Hill, 1990. P. 310–312). У бушменов кунг области Добе в день на душу населения приходилось всего лишь 400 г растительной пищи (Lee, 1969. P. 72–73). Трудно сказать, как можно согласовать все эти цифры.

Во всяком случае, если о бушменах кунг области Добе сообщается, что пищи у них было вполне достаточно, то о хиви — что ее у них не хватало. Этнографы, исследовавшие общество хиви, пытались ответить на вопрос, почему туземцы, испытывая нужду в пище, в то же время тратят на ее добычу не более 2,6 часов в день. Но убедительного объяснения они так и не нашли (Hurtado and Hill, 1990. P. 337–339).

В целом, если и можно говорить об изобилии в обществе охотников и собирателей, то весьма относительном. Наряду с периодами, когда пищи хватало, были и такие, когда добыть ее было нелегко. Голодовки были нередким явлением, особенно у охотников, живших в условиях Крайнего Севера. Вот, что писал, например, об одной из групп эскимосов Канады К. Расмуссен: «Нетсиллингмиут живут в стране, где никогда не живетя слишком сытно, Разумеется, в некоторые периоды года добыча превышает ежедневное потребление, главным образом во время больших осенних охот на оленей или в период обильного лова лососей. Но учитывая, что зимой часто неделями невозможно раздобыть ничего съестного, нельзя не признать устройство складов мяса и рыбы абсолютной жизненной необходимостью. Жизнь здесь — почти непрерывная жестокая борьба за существование, и роковые периоды нужды и голодания нередки. Неудивительны поэтому и нередкие случаи каннибализма.» (1958. С. 123).

Далеко не легким делом было обеспечение себя пищей и в тропиках. Вот, что рассказывал немецкий этнолог Вильгельм Фольц о кубу Суматры, живших в основном собирательством: «Пища кубу разнообразна, но не так легко из дня в день отыскивать ее в достаточном количестве. Пища — повсюду, но в конце концов настолько скудная, что приходится прилагать много усилий, чтобы утолить голод. И не будь кубу так неприхотливы и так неутомимы, много натерпелись бы они лишений. Они не могут подолгу оставаться на одном месте. Нет, они должны странствовать, без конца, без отдыха кочевать и бродить. Иначе — голодная смерть. Когда случается найти место, богатое пищей, то два-три дня кубу тут остаются. Но такие случаи — исключение» (Фольц, 1935. С. 67–88).

А вот картинка из современной жизни онге (онгхи) о. Малый Андаман, нарисованная индийским писателем и журналистом Сурешем Вайдья. «...Онгхи были печальны. Они, понуриив головы, сидели вокруг своего общинного костра». На вопрос журналиста о причинах такого

подавленного настроения работающий на острове этнограф ему ответил: «Они голодны... За весь день они добыли лишь горшок меда.... На острове становится все меньше пищи» (Вайдя, 1968. С. 95). Постоянно жаловались на голод не только хиви, о которых выше уже шла речь, но и сирiono Боливии, которые будут рассмотрены позднее.

Но несомненен факт, что у многих первобытных охотников и собирателей, начиная с какого-то момента, появляется немало свободного времени (см.: Just, 1980). А это означает, что на каком-то этапе развития они оказались в состоянии регулярно производить избыточный продукт. И почти все они, если не все вообще, со временем начали его создавать.

2. Шаг вперед: дарение и дележ

Пока не было регулярного избыточного продукта, общество не могло позволить ни одному из своих членов использовать создаваемый в нем продукт для каких-либо других целей, кроме физического его потребления. С появлением регулярного избыточного продукта объективная необходимость в такого рода ограничении отпала. Возникла реальная возможность использования членами коллектива созданного в нем продукта и для иных целей. И эта возможность рано или поздно с неизбежностью превратилась в действительность.

Реализация этой возможности была во многом ускорена одной из важных особенностей структуры первоначальной коммуны. Как уже указывалось (8.2–8.3), пришедшая непосредственно на смену праобщине первобытная коммуна была одновременно и родом, т. е. объединением, между членами которого были полностью воспрещены половые отношения. Возникновение рода-коммуны было одновременно и появлением системы, состоящей из двух родов, связанных отношениями группового брака, — дуально-родовой организации (см.: Семенов, 1989; 2002a; 2010). В результате каждый взрослый член любого из этих двух коллективов был не только связан, по крайней мере, с одним взрослым членом другого коллектива, принадлежащим к противоположному полу, но и заинтересован в поддержании такой связи (см.: Семенов, 2010. С. 152–198). И способом закрепления этих связей между индивидами, принадлежащими к разным коллективам, стал обмен пищей, а также и другого рода продуктами между лицами, составлявшими пару. По своей природе этот обмен был качественно отличен от товарообмена. Он принадлежал к той распространенной в доклассовом обществе форме, которая получила название *обмена дарами* (подарками), или *дарообмена*.

Дарообмен подробно описан и проанализирован в огромном количестве работ, посвященных первобытному обществу. Замечен он был давно. Довольно подробно он был описан в уже упоминавшейся книге Ф. Шомло «Обращение материальных благ в первобытном обществе»

(Somlo, 1909). Но никакой попытки концептуально отделить дарообмен от других форм обмена там предпринято не было. По-видимому, дарообмен был впервые подвергнут специальному анализу в работе немецкого этнолога В. Гауля «Подарок по своей форме и содержанию в особенности применительно к исследованию африканских народов» (Gaul, 1914). Затем дар был рассмотрен в уже известных нам работах Б. Малиновского «Аргонавты западной части Тихого океана» (Malinowski, 1922; Малиновский, 2004) и М. Мосса «Очерк о даре» (Mauss, 1925; Мосс, 1996). Немало внимания уделил дару М. Херсковитц в «Экономической жизни примитивных народов» (Herskovits, 1940), М. Салинс в «Экономике каменного века» (Sahlins, 1972; Салинс, 1999), Криса Грегори в книге «Дары и товары» (Gregory, 1982). Проблема дара рассматривается в целом ряде и других работ (Tournier, 1953; Titmuss, 1973; Cheal, 1980; Hyde, 1983; Lederman, 1986; Godelier, 1996; Годелье, 2007; Yan, 2005).

Как свидетельствуют данные этнографии, суть дарообмена заключается в создании новых или поддержании уже существующих социальных связей между индивидами или группами индивидов. Данная связь устанавливается, как правило, не по взаимному предварительному соглашению сторон, а по инициативе одной из них, которая предлагает другой стороне дар. Принятие дара означает установление связи. В качестве дара может выступить вещь, которая нужна получателю. Однако он принимает дар и в том случае, если вещь ему абсолютно не нужна. Дело в том, что отказ от дара рассматривается как оскорбление. Если, приняв дар, человек получал друга, союзника, то, отказавшись принять его, он наживал врага. Поэтому отказ от дара был крайне редким явлением. По существу принятие дара было обязательным.

Ценность дара заключалась не в самой вещи, а в связи, которая устанавливалась в результате дарения между дародателем и дарополучателем. Связь эта носила двусторонний характер. Принятие дара накладывало на человека обязательство ответного дара. Природу и время отдара определял сам получатель. Даритель, как правило, не имел права ни потребовать отдара, ни указать на то, что бы он хотел получить в качестве отдара. Однако свобода отдаивания была ограничена определенными рамками. Важным в дарообмене был принцип не только взаимности, но и эквивалентности. Отдар должен был быть примерно равноценен дару. Отдар не должен был следовать немедленно за даром, ибо это могло быть расценено как стремление возможно быстрее оборвать связь. Подобное действие могло вызвать вражду.

Отдар должен был последовать спустя определенное время после дара. Этот промежуток времени никогда точно не определялся, однако не мог быть не только чрезмерно малым, но и чрезмерно большим. Если дарополучатель долгое время тянул с отдаром, то связь обрывалась, и даритель из друга превращался во врага. То же самое происходило, если отдар был несоразмерно мал по сравнению с даром.

Если отдар происходил вовремя и был приблизительно эквивалентен дару, то за ним следовал новый дар, и все начиналось сначала. Но если отдариватель особо ценил данную связь, то он в качестве отдара давал заведомо больше, чем получил в качестве дара. Тем самым он ставил первоначального дарителя в положение человека обязанного отдаривать. Тот в свою очередь мог отдарить с избытком над полученным и т. д.

Таким образом, социальная связь, возникшая в результате дара, сохранялась и поддерживалась, пока она функционировала как своеобразный канал, по которому шло встречное движение даров, причем примерно в равном количестве.

Возникновение дарообмена между лицами противоположного пола, принадлежавшими к разным половинам дуальной организации, привело к появлению индивидуального брака. О связи последнего с дарообменом говорят многочисленные этнографические данные (см.: Семенов, 2010. С. 193–195).

Но, что в данном случае главное, появление дарообмена привело к существенному изменению коммуналистических отношений. Вместе с дарообменом продукты труда наряду с потребительской ценностью приобрели новую, чисто социальную по своей природе ценность — дарообменную. Если раньше вещи можно было только потреблять, то теперь стало не только возможным, но и необходимым их дарить. Но дарить вещи — значит распоряжаться ими. Появление дарообмена с необходимостью предполагало переход по крайней мере части продуктов, являвшихся собственностью коллектива, не только в пользование, но и в распоряжение отдельных его членов. Результатом было движение от разборно-коммуналистической собственности к иной форме коммуналистической же собственности. Если разборно-коммуналистическая собственность предполагала, что все добытое членами коллектива находится не только в собственности, но и в распоряжении общества в целом, а отдельные индивиды только пользуются взятой долей, то характерная черта новой формы коммуналистической собственности заключалась в том, что многие продукты труда, продолжая оставаться собственностью коллектива, перешли в распоряжение отдельных его членов. Произошло своеобразное расщепление между собственностью на продукты труда и распоряжением этими продуктами труда.

Изменение характера собственности наглядно проявилось в изменении природы отношений распределения. Если разбор означал переход доли общественного продукта исключительно лишь в пользование членов коллектива, то новые отношения распределения прежде всего состояли в том, что индивиду выделялась доля общественного продукта, которой он мог распоряжаться. Часть этого продукта он потреблял, часть использовал для разных социальных потребностей, в частности, дарил. Здесь уже имел место не *разбор*, а *дележ*. Поэтому данные отношения распределения можно было бы назвать *делажными*, и, соответ-

ственно, новую форму коммуналистических отношений в целом можно было бы именовать *дележно-коммуналистическими* отношениями.

Можно выделить два варианта первичного распределения продукта. При первом общественный продукт создавался как находящийся и в собственности и в распоряжении коллектива. Вещи общественно-го пользования дальнейшему распределению не подлежали. Иначе обстояло дело с остальными продуктами, поступавшими в собственность и распоряжение коллектива, прежде всего с охотничьей и рыболовной добычей. Она поступала во вторичное распределение, для обозначения которого лучше всего подходит слово «*дележ*».

Слово «*дележ*» имеет в обыденном употреблении два неразрывно связанных, но отличных смысла. Одно значение слова «*дележ*» связано с глаголом «*делить*». Делить между собой люди могут только то, что до этого находилось в их совместной собственности и распоряжении. Такого рода действие есть переход того, что ранее находилось в совместном распоряжении группы лиц, в одних случаях в собственность и, соответственно, распоряжение меньших групп или отдельных лиц, в других — только в распоряжение, но не в собственность меньших групп или индивидов. В обыденном языке это действие называется не только *дележом*, но и *разделом*.

Таким образом, существует два вида раздела: один — переход в собственность, другой — только в распоряжение. Чтобы провести между ними терминологическое различие, я буду называть первый вид *разделоразделом*, а второй — *разделодележом*. На рассматриваемой стадии развития из этих двух экономических форм имел место один только разделодележ. При этом продукт переходил только в распоряжение отдельных лиц, но не в их собственность. Собственником же продукта по-прежнему оставался социоисторический организм.

Индивидуальное распоряжение продуктом, характерное для *дележно-коммуналистических* отношений, исследователи нередко именуют личной, индивидуальной или даже частной собственностью. Личное распоряжение вещами, находящимися в общественной собственности, действительно имеет черты, сближающие его с отдельной собственностью. Это особенно отчетливо проявляется в праве передачи вещи, находящейся в личном распоряжении, лицу, принадлежащему к другому коллективу, т. е. иной ячейке общественной собственности. По отношению к членам других коллективов человек выступал как отдельный собственник. Но только по отношению к ним. По отношению же к членам своего коллектива он выступал лишь как распорядитель долей общественной собственности.

Выше уже говорилось об одном из значений слова «*дележ*». Но оно имеет и другое. Последнее связано с глаголом не «*делить*», а «*делиться*». Делиться с другими людьми можно только тем, что находится в личном распоряжении данного человека. Тот или иной индивид обязан делиться вещами с другими людьми только в том случае, если эти вещи

находятся в его распоряжении, но не в его собственности, и лишь с теми людьми, которые принадлежат к группе, чьей собственностью эти вещи являются. Такого рода дележ есть переход вещи из распоряжения одного человека, принадлежащего к группе, чьей собственностью эта вещь является, в распоряжение другого человека, принадлежащего к той же самой группе.

Если переход вещи из распоряжения группы в распоряжение отдельного лица, принадлежащего к этой группе, при сохранении собственности на эту вещь за группой, был назван *разделодележом*, то переход вещи из распоряжения одного лица в распоряжение другого в рамках общей собственности можно назвать *дачедележом*. В данном случае человек делится с другими, давая им вещи, находящиеся в его распоряжении. Таким образом, общественный характер собственности на вещи, выделенные обществом в распоряжение индивида, наглядно проявляется в его обязанности делиться ими с другими членами коллектива.

Нетрудно понять, что без дачедележных отношений не могут существовать и разделодележные. Там, где нет дачедележных отношений, нет и обязательства делиться друг с другом вещами. А это значит, что вещи находятся не просто в распоряжении индивидов, а в их собственности. И раздел в этих условиях является не разделодележом, а совсем иной формой распределения — *разделоразделом*.

Различие между разделодележом и дачедележом было замечено Аленом Тестартом, но понято им было не вполне правильно. У него разделодележ и дачедележ выступают как две различные системы, даже два различных способа производства, которые связаны с разными социальными структурами и существуют в разных обществах (Testart, 1997. P. 287–300).

Будучи близки к разборным отношениям, дачедележные в то же время от них отличаются. При разборных отношениях любой человек мог взять вещь у другого человека, не спрашивая согласия того, кто ею раньше пользовался. При дачедележных отношениях любой член коллектива также мог получить нужную ему вещь от любого другого члена коллектива, но только либо по инициативе последнего, либо, если инициатива была проявлена нуждавшимся, с его согласия. И хотя согласие всегда следовало, оно, тем не менее, должно было иметь место.

Вполне понятно, что между разбором и дачедележом существовали переходные формы. У многих народов, стоявших на стадии первобытного общества, человек, желавший принять участие в трапезе других членов коллектива, не мог приступить к еде без приглашения, которое незамедлительно следовало. После этого гость брал пищу наряду со всеми. Здесь имеет место не собственно дачедележ, ибо пища не переходит из распоряжения хозяина в распоряжение гостя. Последний ее только потреблял. Но это не было и разбором в точном смысле, ибо пища, которую брал гость, находилась в распоряжении не коллектива,

а отдельного индивида, который и предоставлял ему возможность ее потреблять. Эту переходную форму можно было бы назвать *дачеугодборм, дачеугощением или трапезодачей*.

При рассмотренном выше варианте первичного распределения продукт труда поступал прежде всего в собственность и распоряжение коллектива. В распоряжение индивида он попадал лишь в результате вторичного распределения — разделодележа. Но так обстояло дело только с самыми ценными продуктами, прежде всего пищей, да и то не со всей, а в основном лишь с охотничьей и рыболовной добычей.

Что же касается остальных продуктов труда, то они сразу же создавались как находящиеся в собственности коллектива, но в распоряжении человека, который добыл или произвел их. В отличие от первого варианта продукт здесь поступал в распоряжение индивида в процессе первичного распределения. Таким способом в распоряжение человека поступали многие, если не все, продукты собирательства, а также созданные им орудия, оружие, утварь, украшения и т. п.

Конечно, слово «дележ» в обыденном смысле в данной ситуации не кажется слишком уместным. Но оно был введен в качестве экономического термина, обозначающего переход вещи в распоряжение человека при наличии собственности на нее социоисторического организма. И в этом смысле здесь перед нами своеобразная форма дележа, которую можно было бы назвать *трудодележом*.

Если рассматривать трудодележ сам по себе взятый, то он выступает как распределение по труду. Каждый человек получает то, что произвел. Но трудодележ сам по себе никогда не существует. Он, как и разделодележ, неразрывно связан с дачедележом. Человек обязан всем полученным в результате трудодележа делиться с остальными членами коллектива. И это доказывает, что все полученное в результате трудодележа находится только в распоряжении, но не собственности индивида. Подлинным собственником всего этого является только коллектив.

Экономические отношения собственности всегда существуют в неразрывной связи с волевыми, нормативными отношениями собственности. Как уже было отмечено, экономические разборно-коммуналистические отношения проявлялись и закреплялись прежде всего в табуитетных волевых отношениях, а также и в зарождавшихся моральных отношениях. Дележно-коммуналистические экономические отношения проявлялись и закреплялись в основном уже только в морали. Важнейшей нормой первобытной морали стало обращенное к каждому члену коллектива требование делиться пищей и всеми другими вещами со всеми остальными его членами. Оно было столь само собой разумеющимся, что ни одному человеку не могло даже прийти в голову не посчитаться с ним. В этой норме выражалась и закреплялась прежде всего *общественная собственность на пищу*.

Если в обществе с государством волевые отношения собственности были правовыми, юридическими, то в раннепервобытном обще-

стве — вначале в основном табуитетными, а затем в основном моральными. Таким образом, в раннем первобытном обществе социально-экономические отношения определяли волю отдельных людей через общественную волю: табуитет и мораль. Для людей раннепервобытного общества дележ продукта в масштабах общества, т. е. общины, выступал прежде всего как требования табуитета и морали и осознавался как нормы этих видов общественной воли, а не как насущная экономическая необходимость, каковой в реальности он был.

3. Эволюция ранней первобытной общины

Потребительную ценность продукты труда, прежде всего пища, имели для всех членов коллектива без исключения. Что же касается чисто социальной — дарообменной ценности, то они имели ее только для взрослых членов коллектива. Поэтому если в разборные отношения были непосредственно вовлечены все члены коллектива без исключения, то дележные прямо охватывали лишь взрослых его членов, которые одновременно являлись и работниками, производителями материальных благ.

Но вполне понятно, что в пище и иных продуктах по-прежнему нуждались не только взрослые, но и дети. И поэтому с переходом от разборных отношений к дележным в обществе с неизбежностью, кроме первичного и вторичного распределения, возникло и третичное.

Конечным результатом первичного и вторичного распределения был дележ материальных благ, прежде всего пищи, между взрослыми членами коллектива. Каждый из них получал от общества определенную долю продукта. Третичное распределение состояло в передаче взрослыми членами коллектива части своей доли детям.

Этот последний вид распределения не был дележом, ибо полученная ребенком доля не переходила в его распоряжение. Она предназначалась исключительно лишь для потребления. Но он не был и разбором. Ребенок не брал долю общественного продукта, а получал ее от человека, частью первоначальной доли которого она являлась. Эти распределительные отношения можно было бы назвать отношениями *кормления*, или *иждивения*. Они представляли собой отношения между иждивителем (иждивителями), с одной стороны, и иждивенцем (иждивенцами) с другой. Группа, состоявшая из иждивителя (иждивителей) и иждивенцев, выше (2.9; 2.10) уже была названа *иждивенческо-потребительской ячейкой*.

Иждивенческие отношения были экономическими, но в отличие от разборных и дележных они не были социально-экономическими, ибо были отношениями в масштабе не общества в целом, не социоисторического организма, а только отдельных его подразделений — иждивенческо-потребительских ячеек.

Естественным кормильцем человека была его мать. Вначале она вскармливала его своим молоком, затем вообще брала на себя заботу об обеспечении его пищей. На стадии разборных отношений, если ребенок не мог самостоятельно взять пищу, мать брала и свою, и его долю. С переходом от разборных отношений к долежным доля продукта, получаемая женщиной от общества, должна была стать источником доли ребенка или детей, если их было несколько.

Группа, состоящая из женщины и ее детей, обладала некоторыми чертами иждивенческо-потребительской ячейки. Однако как подлинную иждивенческо-потребительскую ячейку охарактеризовать ее нельзя. Прежде всего, нельзя забывать, что женщина была включена в систему долежных отношений.

А это означало, что в принципе все члены коллектива должны были с ней делиться. И делясь своей долей с женщиной, имеющей детей, человек тем самым неизбежно выступал в роли иждивителя последних. В принципе все взрослые члены коллектива были иждивителями всех детей коллектива. Однако и коллектив в целом не был подлинной иждивенческо-потребительской ячейкой.

Как уже указывалось, одна из особенностей разборных отношений в их исходной форме состояла в том, что распределение было неотделимо от потребления. Люди, распределяя, потребляли; потребляя, распределяли. Переход к долежным отношениям сделал возможным отделение во времени распределения от потребления. Если раньше все женщины коллектива готовили и потребляли всю пищу совместно, то теперь возникла возможность раздельного приготовления и раздельного потребления пищи.

Иначе говоря, возможным стало появление среди женщин коллектива нескольких раздельно готовящих пищу и раздельно питающихся групп. Внешним признаком каждой такой группы было, как правило, наличие собственного очага. Поэтому данные группы можно было бы назвать *очажными*. Конечно, в принципе собственным очагом могла обзавестись каждая женщина, имеющая детей. Однако в таком случае ей постоянно пришлось бы обращаться с просьбой поделиться с другим женщинами. Да и вести, пусть даже несложное, домашнее хозяйство в одиночку было трудно. Необходимостью было кооперирование. Очажные группы состояли, как правило, не из одной женщины, а из нескольких.

Выше уже говорилось о тесной связи женщины с детьми. Эта связь не обрывалась и после того, как дети становились взрослыми. Старая женщина была центром, вокруг которого кристаллизировалась очажная группа. В нее входила она сама, ее взрослые дочери и дети дочерей. Не исчезала эта группа и после смерти старой женщины. Ее теперь составляли сестры и их дети. И только когда дочери сестер становились взрослыми и сами обзаводились детьми, старая очажная группа распадалась на несколько новых.

Каждая взрослая женщина, входившая в очажную группу, была распорядительницей полученной ею от общества доли продукта. Но когда наступала пора приготовления пищи, каждая женщина вкладывала по крайней мере часть своей доли в общий фонд группы. Это явление можно было бы назвать *дачевкладом*. Общий фонд очажной группы носил своеобразный характер. Он состоял только из пищи, которая при этом сразу же готовилась, а затем совместно потреблялась. Здесь перед нами снова разбор, но в масштабе не общества в целом, как это было раньше, а только отдельных его ячеек. Очажная группа была ячейкой трапезоразбора.

Однако сказанное выше еще не дает представления о характере иждивенческих отношений на данной стадии развития. Из поля зрения пока совершенно выпали мужчины. Несколько выше при характеристике эпохи господства разборных отношений уже было сказано, что в то время все женщины коллектива совместно готовили и совместно потребляли пищу. Мужчины здесь упомянуты не были. И это не случайно.

В предшествующих моих работах были приведены, на мой взгляд, достаточно убедительные доводы в пользу положения о том, что еще праобщина пралюдей на определенном этапе своего развития разделилась на две обособленные группы: мужскую и женско-детскую (Семенов, 1989. С. 265–266; 2010. С. 119–122). С возникновением дуально-родовой организации это обособление не только не исчезло, а, наоборот, усилилось. Мужская и женско-детская группы одного коллектива стали жить во многом раздельно.

Большой степени достигло их бытовое обособление друг от друга. У значительного числа народов мужчины всецело жили в мужском доме. По свидетельству данных этнографии даже у тех народов, у которых были только мужские клубы, мужчины нередко продолжали питаться в этих общих помещениях. А ведь у этих народов давно существовал индивидуальный брак и основанная на нем семья. И важно в этой связи отметить, что запрет мужчинам и женщинам есть вместе, а иногда и готовить пищу на одном огне встречается у многих народов, у которых давно уже исчезли и мужские дома и женские клубы. У значительного числа этнических групп мужчинам во время действия производственных половых табу категорически запрещалось есть пищу, приготовленную женщинами. И этот запрет обычно сочетался с запрещением жить в это время под одной крышей с женщинами (см.: Семенов, 2010. С. 120, 133–142, 177–188).

Все эти материалы вместе взятые дают основание полагать, что мужская и женско-детская группы первоначально раздельно готовили пищу и раздельно питались. Разбор есть форма распределения, неотделимая от потребления. Так как мужская и женская группы были обособлены друг от друга во время потребления, то, соответственно, и разбор внутри каждой из них осуществлялся самостоятельно. В этой

связи нельзя не вспомнить, что у эскимосов уткиликьялингмийот, у которых существовали разборные отношения, мужчины и женщины ели раздельно.

Однако это не значит, что в каждой из них существовала самостоятельная система разборных отношений. Ни одна из названных выше групп, взятая в отдельности, не была собственником произведенного ею продукта. Собственником продукта, созданного членами обеих групп, была вся родовая коммуна в целом. Это находило наглядное проявление в перераспределении между группами созданного в каждой из них продукта. Я говорю о перераспределении, а не об обмене, ибо при этом не происходил переход продукта из собственности в собственность. Абсолютно необходимым было это перераспределение в силу разделения труда между полами.

Как уже выше указывалось, разделение труда между полами является одной из самых характерных особенностей хозяйства доклассового общества. Наличие его отмечено у всех без исключения народов, находящихся на данной стадии развития. У каждого из них были такие виды деятельности, которыми занимались только мужчины, и такие, которыми занимались исключительно женщины. Имеются достаточные основания полагать, что половое разделение труда возникло еще в праобщине на определенном этапе ее развития (Семенов, 2010. С. 119–122). И вряд ли поэтому могут быть сомнения в его существовании в первоначальной родовой коммуне.

Основными видами хозяйственной деятельности были в то время охота и собирательство. Они были четко распределены между полами: мужчины занимались охотой, женщины — собирательством. И соответственно, перераспределение продукта, происходившее между мужской и женско-детской группой, заключалось в том, что мужчины передавали женщинам часть охотничьей добычи, а женщины мужчинам — продукты собирательства.

На стадии разборных отношений перераспределение продукта могло происходить только между мужской и женско-детской группами как целостными образованиями, но не между членами этих групп, взятыми в отдельности, ибо последние не имели права распоряжаться своей долей продукта. Мужская группа в целом давала часть своей добычи женской группе, женская группа отдавала часть собранного продукта мужской. С переходом от разборных отношений к долежным характер перераспределения продукта между мужчинами и женщинами изменился. С переходом общественного продукта в распоряжение отдельных членов коллектива перераспределение продукта из отношения между группами превратилось в отношение между отдельными мужчинами и отдельными женщинами.

Охотничья добыча, одна часть которой раньше поступала в разбор внутри мужской группы, а другая часть передавалась женской группе, где она тоже поступала в разбор, теперь делилась, причем между

членами мужской группы. Женщины при разделодележе охотничьей добычи ничего не получали. Но каждый мужчина, получив долю добычи, делился ею с теми или иными женщинами. В принципе, конечно, он мог делиться с любыми, но в действительности он чаще всего вкладывал часть своей первоначальной доли в общий фонд одной и той же очажной группы, а именно той, в которую входил сам, будучи ребенком, которую образовывали его мать и сестры с их детьми.

В сущности здесь имел место не столько дележ, сколько дачевклад. Мужчина не только вкладывал часть своей доли в общий фонд группы, но и сам получал из этого фонда. Тем самым в его рационе оказывались продукты собирательства, вложенные в общий фонд женщинами.

И постоянно вкладывая долю продукта в общий фонд данной группы, мужчина выступал в роли реального иждивителя входящих в ее состав детей. Вполне понятно, что с одной и той же очажной группой могли быть и обычно были связаны несколько мужчин. И вместе с женщинами и их детьми все они образовывали одну иждивенческо-потребительскую ячейку, которая в работе «Происхождение брака и семьи» (Семенов, 1974; 2010) была названа *родьей*.

Родья, таким образом, состояла из братьев, сестер и детей последних. Разумеется, и мать взрослых членов группы, если была жива, входила в ее состав. Если процесс становления родьи можно только реконструировать, то сам факт существования этой ячейки в прошлом человечества не подлежит сомнению. В несколько измененном виде родья продолжала существовать у целого ряда народов вплоть до самого последнего времени (см.: Семенов, 2010. С. 202–206).

Мужчины и после перехода от разборных отношений к дележным и образования родей в подавляющем большинстве случаев продолжали питаться отдельно от женщин и детей, однако пищу для них нередко уже готовили женщины их родьи. После приготовления пищи часть ее потреблялась женщинами и детьми, а часть передавалась мужчинам родьи. При этом на первых порах, вероятно, все мужчины общины независимо от их принадлежности к той или иной родье делились готовой пищей, а еще чаще совместно ели.

Нельзя не отметить, что в силу господства в коллективе дележных отношений, охватывающих всех его взрослых членов, границы между описываемыми иждивенческими группами, особенно на первых порах, были крайне неопределенными. Любой член коллектива был в принципе обязан делиться с любым другим его членом вне зависимости от принадлежности к той или иной родье. Каждый мужчина мог при необходимости принять участие в трапезе мужской части любой родьи, каждая женщина — в трапезе женской ее части.

Говоря выше о коллективе, я везде имел в виду первобытную коммуну, которая была и экзогамной группой, т. е. родом, причем родом материнским. Разборные, а первоначально и дележные отношения существовали только между членами материнского рода и в этом смысле

были родовыми отношениями. Но как уже указывалось выше, переход от разборных отношений к долежным был связан с появлением экономических отношений между мужчинами и женщинами, принадлежавшими к разным первобытным коммунам, разным родам, а тем самым и с возникновением индивидуального брака. Первая форма брака между индивидами характеризовалась равенством мужа и жены. Поэтому ее можно назвать *протоэгалитарным браком*.

Супруги обменивались дарами, причем в силу разделения труда мужчина давал жене мясо, а она ему — растительные продукты. И это создавало возможность появления иждивенческой ячейки, состоящей из мужа, жены и детей последней, — *элементарной семьи*. По мере становления семьи и превращения мужа в иждивителя детей жены обмен продуктами между супругами постепенно терял характер дарообмена. В частности, он переставал быть эквивалентным. Муж давал больше, чем он получал от жены.

Семья долгое время существовала бок о бок с родьей. Между той и другой иждивенческо-потребительскими ячейками шла упорная борьба, которая у разных народов протекала далеко не одинаково. Детально этот процесс во всех его основных вариантах был рассмотрен в моей книге «Происхождение брака и семьи» (Семенов, 1974; 2010). Не желая повторяться, я остановлюсь только на основных его моментах.

Один из вариантов развития характеризуется длительным существованием родьи в качестве основной иждивенческо-потребительской ячейки. Отношения внутри нее консолидируются. Хотя мужчины чаще всего продолжают питаться отдельно от женщин и детей, однако пищу для них нередко готовят женщины их родьи. После приготовления пищи часть ее поступает мужчинам, другая — женщинам и детям. Вся родья в целом составляет одну очажную группу. Экономические связи между супругами остаются крайне слабыми и неустойчивыми, а брак — дислокальным. Каждый из супругов и после заключения брака продолжал оставаться в своей родной очажной группе.

Два других варианта развития характеризуются сравнительно быстрым превращением элементарной семьи в основную иждивенческо-потребительскую ячейку общества. Это предполагало совместное поселение супругов и, соответственно, раздельное — братьев и сестер. Очажной группой при этих вариантах развития сравнительно быстро стала элементарная семья.

В результате всего этого каждый социоисторический организм перестал совпадать с родом. В его состав теперь входили члены по крайней мере двух разных родов. При одном из двух данных вариантов развития по-прежнему продолжал существовать только материнский род, при другом — наряду с материнским родом возникает отцовский, к которому постепенно переходит ведущая роль.

Но хотя социоисторический организм перестал совпадать с родом, последний не утратил экономического значения. Перестав совпадать

с социоисторическим организмом, род сохранился в качестве основы последнего. Это особенно наглядно можно видеть на примере варианта с отцовским родом, который представлен значительным числом племен аборигенов Австралии.

Люди, составлявшие общину или, как ее часто называют, локальную группу, четко делились на три части. Первую составляли мужчины. Все они принадлежали к одному отцовскому роду. Родившись в данной локальной группе, они оставались в ней всю свою жизнь. Вторую часть составляли женщины, родившиеся в данной локальной группе. Они принадлежали к тому же самому отцовскому роду, что и мужчины. Но в отличие от мужчин они находились в составе родной локальной группы только до вступления в брак. С выходом замуж они переходили в группу супруга. И, наконец, третью часть составляли жены мужчин данной локальной группы. Они родились в иных локальных группах и пришли в данную в результате замужества. Возможно, что первоначально они принадлежали к одному роду, отличному, разумеется, от того, к которому принадлежали их мужья. Но в дальнейшем они чаще всего принадлежали к разным родам.

Соответственно с этим, люди, образовывавшие отцовский род, делились на две части. Одну часть составляли мужчины, которые от рождения до смерти входили в состав одной локальной группы, т. е. жили вместе. Другую его часть составляли женщины, которые, родившись и выросши в одной локальной группе, с выходом замуж покидали ее и переходили в состав иной общины, в локальную группу мужа. Как видно из сказанного, мужчины составляли одновременно постоянное ядро как своего рода, так и своей локальной группы. Община и род, не совпадая полностью, имели одно и то же ядро. И в этом смысле община продолжала быть родовой, а род, соответственно, может быть охарактеризован как локализованный.

На той стадии эволюции, на которой род полностью совпадал с общиной, экономические связи внутри общины были одновременно и экономическими связями между членами рода. Экономические отношения внутри ранней общины выступали по форме как отношения между членами одного рода, между людьми, имеющими один тотем.

Люди, принадлежавшие к одной первобытной коммуне, являющейся одновременно родом, делили между собой продукты и делились друг с другом продуктами в силу объективной экономической необходимости. Уровень развития производительных сил с неизбежностью определял существование именно этих, а не каких-либо иных производственных отношений. Но сами члены первобытной коммуны осознавали обязанность делить продукты и делиться ими как производное от принадлежности к одному роду. Принадлежность к роду была пожизненной. Столь же пожизненной была и обязанность делиться с членами рода. Дележные отношения между членами рода не были приобретенными. Они не заключались и не могли быть расторгнуты. Они существовали постоянно.

Когда род перестал совпадать с общиной, когда члены одного рода оказались принадлежавшими не к одной общине, а к разным, род в целом не утратил своего экономического значения. По-прежнему считалось, что члены рода обязаны делиться продуктами друг с другом. В принципе род продолжал оставаться кругом людей, связанных общей собственностью и долевыми отношениями.

И членов рода, входивших в состав одной общины, действительно по-прежнему продолжали связывать долево-коммуналистические отношения. Несколько иначе складывались реальные отношения между членами рода, входившими в состав разных общин. Они, так же как и члены рода, входившие в одну общину, обязаны были делиться друг с другом продуктами. Формально все оставалось по-прежнему. Однако в силу того, что они жили раздельно, постоянный повседневный обмен между ними был практически невозможен. Делиться между собой продуктами они могли лишь время от времени при встречах. Те или иные члены рода обращались к сородичам, принадлежавшим к другим общинам, с просьбой поделиться лишь в том случае, если не могли получить потребное от сородичей-однообщинников, т. е. лишь в случае крайней нужды. В результате экономические отношения между членами рода, принадлежавшими к разным общинам, формально оставаясь долевыми, в действительности превратились в особую форму связей, которые можно было бы назвать *помогадолевыми*.

Помогадолевые отношения, соединяя членов рода, входивших в состав разных общин, связывали тем самым и сами эти общины. В тех случаях, когда браки постоянно практиковались в основном лишь между членами сравнительно небольшого числа живущих по соседству общин, они вместе взятые образовывали своеобразное объединение, основой которого были помогадолевые связи. Такого рода объединения существовали у аборигенов Австралии. В литературе их принято именовать племенами. Как показали исследования Нормана Тиндала, примерно 75 % браков у австралийцев заключались внутри племени и только 15 % между членами разных племен (Tindale, 1953. P. 185). Образование племен сделало возможным уменьшение размеров общин. Австралийские локальные группы насчитывали в своем составе 16–50 человек (Tindale, 1963. P. 315). Средний же размер приближался к 25 индивидам (Birdsell, 1968. P. 234). Численность племени варьировалась в пределах от 150 до 600 человек. Средний размер племени равнялся 450–500 человекам (Tindale, 1963. P. 365, 375, 378). С образованием племен каждая из локальных групп, продолжая оставаться социоисторическим организмом, в то же время утратила некоторые из его особенностей, которые перешли к племени.

Таким образом, с образованием общин, состоящих из членов разных родов, экономические отношения, которые ранее были только внутренними, частично стали и внешними, претерпев при этом определенные изменения. Одновременно с этим некоторые экономические

отношения, которые раньше были внешними, стали внутренними. Речь идет прежде всего об отношениях между супругами. Первоначально они были отношениями между членами разных родов и одновременно общин. Теперь, оставаясь отношениями между членами разных родов, они стали отношениями между членами одной общины. Если раньше они были отношениями дарообмена, то теперь они приняли иную форму, а именно — *дачевклада*. Но эти отношения дачевклада отличались от описанных выше. Различие состояло в том, что муж и жена, входя в состав двух разных родов, относились тем самым к двум разным ячейкам коммуналистической собственности. Отношения коммуналистической собственности, связывая каждого из супругов с членами его рода, отделяли их друг от друга. Если члены одного рода выступали по отношению друг к другу не как собственники, а как распорядители общей собственности, то муж и жена выступали по отношению друг к другу как самостоятельные собственники.

В этой связи следует подчеркнуть, что многие исследователи, писавшие о народах доклассового общества, особое внимание обращали на существование у них раздельной собственности мужа и жены. Так обстояло дело у бушменов (Schapera, 1930. P. 147–149; Marshall, 1961. P. 243), андаманцев (Radcliffe-Brown, 1964. P. 4), эскимосов карибу и медных (Weyer, 1962. P. 194), которые все относились к стадии раннепервобытного общества. Для многих народов доклассового общества характерным был резкий контраст между имущественными отношениями сородичей и имущественными отношениями между мужем и женой. Человек нередко мог свободно брать вещи, находящиеся в распоряжении сородича, но не имел права делать это с вещами жены. И это имело место в позднепервобытных (и даже предклассовых) обществах. В качестве примера можно привести папуасов Новой Гвинеи: киваи (Landtman, 1937. P. 173), кума (Reay, 1959. P. 8), сиане (Salisbury, 1962. P. 62–67, 74), капауку (Pospisil, 1963. P. 133, 403).

Муж и жена были по отношению друг к другу не только распорядителями, но и собственниками продуктов. Однако перед приготовлением пищи каждый из них вносил часть своей доли в общий фонд семьи. В тех случаях, когда муж питался отдельно от жены и детей, он получал от супруги часть приготовленной пищи, которой нередко делился с другими мужчинами. Еще чаще при этом все мужчины общины ели совместно. В других случаях пища вместе потреблялась всеми членами семьи. Эта форма, как свидетельствуют данные этнографии, является более поздней. Пережитки раздельного потребления пищи мужчинами и женщинами, как уже отмечалось, встречаются практически у всех народов первобытного общества.

Таким образом, социально-экономическая структура рассмотренного выше социоисторического организма в общих чертах предстает в следующем виде. Большая часть людей, составлявших его, принадлежала к одному роду. Между этими людьми существовали дележно-

коммуналистические отношения. Они прочно связывали людей, составлявших ядро одновременно и рода, и общины. И в этом смысле данный первобытный социоисторический организм продолжал оставаться первобытной коммуной.

Но в отличие от первобытной коммуны более раннего типа не все его члены были включены в систему дележно-коммуналистических отношений. Это особенно наглядно видно на примере обществ, в которых женщины, вступая в брак, переходили в общины мужей и где рано возник отцовский род. Замужние женщины в таких обществах были связаны с остальными членами коллектива иными отношениями, чем дележно-коммуналистические. Каждая из замужних женщин была связана отношениями дачевклада, причем не с группой, образующей ядро общины, а всего лишь с одним из членов этой группы, а именно со своим мужем. И только через мужа она была связана с остальными членами коллектива, исключая лишь своих детей.

В случае, если замужние женщины принадлежали к разным родам, они не были обязаны делиться друг с другом. И недаром многие исследователи довольно категорически утверждают, что все продукты, собранные замужней австралийкой, идут исключительно лишь на потребу ее мужа и детей (Malinowski, 191. P. 283, 386; Токарев, Толстов (ред.), 1956. С. 171). Это не совсем верно, ибо имеются сообщения, что, например, у племени Юго-Западной Виктории, женщины делились друг с другом продуктами собирательства (Howitt, 1904. P. 765). Однако они носят слишком общий характер. При более близком знакомстве обычно выясняется, что женщины делились продуктами, как правило, со своими матерями, сестрами, бабушками, т. е. ближайшими родственницами (Kabegy, 1939. P. 33).

В предшествующем изложении речь шла о варианте развития, для которого характерным было образование отцовского рода. Но многое из сказанного выше в принципе может быть отнесено и к тому варианту развития, при котором превращение элементарной семьи в основную иждивенческую ячейку не сопровождалось переходом от материнского рода к отцовскому.

И здесь ядро общины составляли мужчины, принадлежавшие к одному роду, но только не отцовскому, а материнскому. С этим связана особенность пополнения мужского ядра общины. Мужчины, составлявшие его, не рождались в данной общине, а приходили в нее извне по достижении определенного возраста. Но это не мешало им быть костяком, вокруг которого строилась община (см.: Семенов, 2010. С. 210–215). Внутри мужского ядра безраздельно царили дележно-коммуналистические отношения. Каждый из женатых мужчин был связан отношением дачевклада с женой и детьми, относившимися к иному роду. Женщины, входившие в состав общины, первоначально принадлежали к одному материнскому роду. Вполне понятно, что тогда между ними существовали дележно-коммуналистические отношения. Социально-экономическая структура общины состояла тогда из двух систем

дележно-коммуналистических отношений, связанных между собой отношениями дачевклада. Однако в последующем развитии женщины общины могли принадлежали не к одному материнскому роду, а к нескольким разным. Это делало дележ между ними не обязательным.

После рассмотрения этих двух вариантов развития можно вернуться к тому, который характеризовался длительным существованием роды в качестве основной иждивенческой ячейки. Он предполагает совместное поселение двух материнских родов-коммун. Члены этих двух коммун, а тем самым и коммуны были связаны дарообменными отношениями, которые постепенно превратились в отношения дачевклада. Результатом было объединение обеих коммун в одну общину, социально-экономическая структура которой состояла из двух более или менее самостоятельных систем дележно-коммуналистических отношений, скрепленных отношениями дачевклада.

Таким образом, когда первобытный социоисторический организм перестал совпадать с родом, его структура во всех случаях начала включать в себя, кроме продолжавших господствовать дележно-коммуналистических связей, также и отношения дачевклада между членами различных родов. И это в равной степени характерно для всех трех рассмотренных выше вариантов развития, несмотря на все существующие между ними различия. Во всех описанных выше случаях мы имеем дело в сущности с одним и тем же основным типом социоисторического организма.

В развитии такого вида общины в любых вариантах действовала тенденция к образованию в ней одной единой системы дележно-коммуналистических отношений, включающей в себя всех ее членов независимо от их родовой принадлежности, а тем самым и к превращению этой общины как целого в единицу коммуналистической собственности. Степень реализации этой тенденции была различной в разных конкретных обществах.

4. Социальная организация современных раннепервобытных охотников и собирателей

У охотников и собирателей, находившихся на стадии раннепервобытного общества, этнографами зафиксировано существование из трех выделенных выше форм социальной организации только одной — родовой общины, ядром которой был отцовский род, отцовской, или патрилинейной, родовой общины. О том, что на стадии раннепервобытного общества в прошлом человечества существовали и остальные формы, свидетельствует бытие подобного вида организаций на стадии позднепервобытного и предклассового общества. Такие структуры не могли возникнуть из патрилинейной родовой общины. Они могли быть унаследованы только из прошлого состояния общества.

Во всяком случае, если точно таких структур с материнским родом, которые описаны выше, у народов, находившихся на стадии раннепервобытной общины, не обнаружено, материнский род, а тем более следы материнского рода у некоторых из них зафиксированы были. Материнский род, в частности, существовал наряду с отцовским у многих австралийских племен. Но основой общины он у них не был (см.: Radcliffe-Brown, 1951. P. 40; Элькин, 1952. С. 89–90, 139–140; Stanner, 1961. P. 20–21; Murdock, 1965. P. 51–55 и др.).

Говоря, что из трех описанных выше структур у народов, относящихся к стадии раннепервобытной общины, этнографами была обнаружена одна лишь патрилинейная родовая община, я тем самым не хочу сказать, что никаких других форм организации у них зафиксировано не было. До сих пор речь шла о нормальном пути развития первобытного общества. Он характеризуется сохранением рода в качестве определенной экономической единицы и после того, как он перестал совпадать с социоисторическим организмом.

Но в силу неравномерности исторического развития некоторые народы продолжали оставаться на стадии раннепервобытного общества, в то время как другие давно уже ушли вперед, достигли стадии классового общества. Охотники и собиратели, находившиеся на стадии раннепервобытной общины, продолжали сохраняться во многих местах земного шара и к тому времени, когда в Западной Европе возник капитализм, втянувший в дальнейшем в сферу своего влияния весь мир. И воздействие народов, стоящих на более высоких стадиях развития вообще, на стадии капитализма в частности, имело своим следствием существенную перестройку всей социальной организации ранних охотников и собирателей.

Это наглядно можно видеть на примере аборигенов Австралии. В доколониальный период у значительной части их существовала социальная организация, описание которой было приведено выше. Основной социальной единицей была локальная группа, все мужчины которой принадлежали к одному отцовскому роду.

Наиболее полно и тщательно эта организация была охарактеризована в работах Алфреда Реджиналда Радклиффа-Брауна (1881–1955), опиравшегося как на свои собственные полевые исследования, так и на многочисленные труды этнографов XIX в. (Radcliffe-Brown, 1918; 1930–1931). С ним в течение длительного времени было согласно подавляющее большинство австралистов.

Этнографы, проводившие полевую работу в 30–60 годах XX века, обнаружили у многих изученных ими австралийских племен организацию уже иного типа. Как показал Л. Хайэтт, обобщивший результаты этих исследований, основной ее единицей была довольно крупная территориальная община, включавшая в себя мужчин, принадлежавших не к одному, а нескольким патрилинейным родам (Hiatt, 1964; 1968).

В качестве одного из наиболее ярких примеров можно привести валбири, описанию социальной организации которых Мервин Мег-

гитт посвятил целую монографию (Meggitt, 1962). Это племя делилось на четыре группы, численностью от 200 до 400 человек, которые автор именует общинами. Каждая община включала в свой состав мужчин, принадлежавших не к одному отцовскому роду, а к нескольким (от 6 до 12). Браки заключались как между членами разных общин, так и внутри каждой из них. В самое благоприятное время года — осенью или в начале зимы — все члены каждой такой общины образовывали одну или две большие группы. Когда пищи и воды становилось меньше, община раскалывалась на все меньшие единицы. В конце весны и начале лета типичная группа состояла из мужчины, его жен и детей, а также включала иногда вдовую мать или престарелого тестя. После дождей начинался процесс прогрессирующего укрупнения групп. Образовывались более крупные группы по самым разнообразным принципам — родства, свойства, дружбы. Состав их был крайне непостоянным и неустойчивым (Р. 47–50).

Валбири интересны тем, что все особенности вновь открытой формы организации выступают у них необычайно четко. Общественная структура других австралийских племен, исследованных в 30–60 годах XX века, нередко соединяла признаки данной организации с некоторыми чертами той, что была описана А. Р. Радклиффом-Брауном.

Основываясь на последних данных, часть австраловедов выступала с критикой тех представлений о социальной организации австралийцев, которые нашли свое выражение в работах А. Р. Радклиффа-Брауна, объявив их ошибочными. По их мнению, аморфная территориальная община всегда была присуща австралийцам.

Однако никаких данных, говорящих в пользу того, что такого рода социальная организация существовала не только в доколониальные времена, но даже в первой половине XIX века, им привести не удалось. И несомненным фактом является, что все этнографы, которые вели полевые исследования в 30–60 годах XX века, имели дело с племенами, социальная организация которых претерпела серьезные изменения в результате воздействия капиталистического общества.

Большой материал, свидетельствующий о позднем характере аморфной территориальной общины у австралийцев, был приведен Дж. Бердселлом (Birdsell, 1970). Последний не только показал, что система обособленных групп с патрилинейным ядром является более ранней, но и в значительной степени раскрыл механизм ее превращения в многогородовые аморфные территориальные группы. Таким образом, все факты говорят о том, что если не во всех, то во многих случаях аморфные территориальные общины являются не исконной формой, а новообразованием, возникшим в результате воздействия капиталистического общества, в сфере систематического воздействия которого оказались аборигены. К тому же имеются основания полагать, что часть австралийских племен, в частности валбири, уже миновала стадию раннепервобытной общины.

Аморфные территориальные общины численностью в 100 и более человек, распадающиеся на более мелкие группы, открыты не только у австралийцев. Такая организация существовала, в частности, у эскимосов нетсилик, иглулик и медных. В зимнее время они обитали в стойбищах с населением в среднем около 100 человек. Летом они жили группами в 5–50 человек (в среднем — 20 человек) (Damas, 1969. P. 122). У хадза Танзании отмечено существование нескольких областей, в каждой из которых обитало 50–150 человек. Жители каждой из них никогда не собирались вместе. Они входили в состав нескольких групп, непостоянных по составу и размерам. Отдельные люди и их группы могли переходить из области в область (Woodburn, 1968. P. 103–110).

В отличие от австралийцев, у эскимосов родовая организация вообще отсутствовала. И этого следовало ожидать. На примере валбири можно наглядно видеть, как с образованием аморфной территориальной общины род теряет всякое экономическое и вообще практическое значение. Образование малых групп внутри аморфной общины тоже протекает без учета родовой принадлежности. Родовые связи полностью отрываются от экономических, род превращается в чисто ритуальное объединение (Meggitt, 1962. P. 203–214). В результате существование рода теряет всякий практический смысл. Не принося никакой реальной пользы, он в то же время затрудняет вступление в брак. И как следствие неизбежным становится его исчезновение. Ни одно австралийское племя не успело сделать этого шага, что объясняется кратковременностью существования у них аморфной территориальной общины. Но все те охотники и собиратели, которые, с одной стороны, сравнительно давно оказались в сфере прямого или косвенного влияния более развитых народов, а с другой, в течение всего этого времени вели относительно самостоятельное существование, рано или поздно частично или полностью утратили родовую организацию.

Не у всех у них существовали сравнительно большие по величине аморфные территориальные общины. Общины у них по размерам могли не отличаться от патрилинейных родовых групп. В таком случае можно было бы говорить о малых аморфных общинах. Вполне понятно, что грань между большими и малыми аморфными общинами является весьма относительной. Характерной особенностью малых аморфных общин была изменчивость их состава. Такого рода общины описаны у части бушменов, у кубу Суматры, агта (азта) Филиппин, малапантарам Индостана (Lee, 1979. P. 42, 54–55; Маретин, 1972. С. 99–100; Peterson, 1978. P. VIII, 11; Morris, 1972. P. 29).

Проблема социальной организации раннепервобытных охотников и собирателей вообще, а не одних только аборигенов Австралии, давно уже интересовала этнографов. Одним из первых к ней обратился Джулиан Хейнс Стюард (1902–1972). Первоначально он выделил три типа социальной организации ранних охотников и собирателей:

патрилинейные общины, композитные общины и матрилинейные общины. Под первыми он понимал отцовские родовые общины, под вторыми — аморфные общины, не различая большие и малые, под третьими — матрилинейные родовые общины с матрилокальным поселением (Steward, 1936). Однако вскоре он несколько изменил свою точку зрения. Из трех перечисленных выше типов общин он сохранил только две первые. И, кроме того, он выделил народы (западные шошоны), у которых вообще, по его мнению, не было никакой общинной организации (1938. С. 259). В последующем он стал говорить о них как о народах с «семейным уровнем интеграции» (1955. Р. 101–121). В своих последних работах Дж. Стюард снова пришел к выводу, что у всех ранних охотников и собирателей была община, хотя понятие матрилинейной общины им не было восстановлено (1968. Р. 231).

Его идеи получили развитие в трудах Элмана Роджерса Сервиса (1915–1996). Выделив два основных типа социальной организации ранних охотников и собирателей: патрилокальную общину и композитную общину, он отнес западных шошонов к числу обществ с композитной общиной. В отличие от Дж. Стюарда, рассматривавшего патрилинейную и композитную общины как равноценные формы, Э. Сервис настаивал на том, что патрилинейная община является исконным и нормальным для ранних охотников и собирателей типом организации. Что же касается композитной общины, то она представляет собой продукт разрушения патрилинейной общины в результате контакта с цивилизацией (Service, 1971. Р. 47–97).

Подобный взгляд разделяют и некоторые другие исследователи. Так, например, по мнению Б. Уильямса, исконной, идеальной формой для ранних охотников и собирателей является линиджная община, т. е. локальная группа, ядро которой принадлежит к одному линиджу. Такие группы, как правило, являются экзогамными, патрилокальными и патрилинейными. Однако в определенных конкретных условиях могут существовать и матрилинейные общины. Подобного рода организация исчезает почти полностью и очень быстро под влиянием цивилизации (Williams. 1968. Р. 126; 1974. Р. 105–106).

С такой точкой зрения согласны далеко не все этнографы. Многие из них истолковывают социальную организацию охотников и собирателей, у которых не было обнаружено рода, как исконно безродовую. Однако на мой взгляд, этнографические исследования в целом все в большей степени свидетельствуют о том, что род у этих народов в прошлом существовал.

Если, например, в 20-х годах XX в. Роберт Генри Лоуи (1883–1957) категорически утверждал, что у северных атапасков Канады рода никогда не было (Lowie, 1961. Р. 150–151), то к настоящему времени американскими этнографами собран большой материал, неопровержимо свидетельствующий о существовании у них в прошлом, а отчасти и в настоящем, материнской родовой организации (Murdock, 1955;

McKenna, P. 126–127; 627; 707). Эскимосы долгое время рассматривались в зарубежной литературе как классический пример народа, никогда не имевшего родовой организации. Однако к настоящему времени у одних групп эскимосов обнаружены пережитки отцовского рода, а у других — деление на две матрилинейные фратрии (Lantis, 1946. P. 239–242; Huges, 1958; Eggan, 1969. P. 265). Отчетливые признаки бытования в прошлом рода обнаружены и у других культурно-языковых групп.

Исчезновение рода, изменчивость состава общин не могли не сказаться на дележных отношениях. Они утратили свой врожденный характер, практически стали временными, приобретенными. Присоединяясь к той или иной группе, человек вступал в круг, члены которого были связаны дележными отношениями. Выходя из ее состава, человек покидал этот круг.

Но утратив родовую оболочку, дележные отношения обрели другую. Систематически делились друг с другом люди, принадлежащие к одной малой аморфной общине. Но чтобы присоединиться к ней, нужно было, как правило, иметь в этой общине хотя бы одного родственника или свойственника. Дележные отношения приобретали форму родственных или/и свойственных связей, а тем самым в случае с родством и связей врожденных.

Но это не значит, что все родственники и свойственники были обязаны делиться. Родство и свойство далеко выходило за рамки малой аморфной группы. Наличие родственных и свойственных связей между людьми само по себе означало лишь возможность существования между ними дележных связей. Но эта возможность превращалась в действительность лишь в случае вхождения этих индивидов в состав одной общины. Впрочем, в определенных условиях дележ был возможен между определенными родственниками и свойственниками, принадлежавшими к разным общинам. Однако такой дележ, как правило, был строго регламентирован. Дележный круг по необходимости всегда был ограниченным.

При исследовании больших аморфных общин бросается в глаза, что для большинства их характерны циклические изменения. В одной фазе все члены общины живут вместе. Это — *компактное* состояние общины. В другой фазе члены большой аморфной общины живут меньшими группами. Это *рассеянное*, или *дисперсное*, состояние общины. В случае дисперсного состояния большой аморфной общины дележные отношения реально имеют место внутри меньших групп, из которых она состоит.

Смена фаз компактного и дисперсного состояния могла иметь место также и в жизни как малых аморфных общин, так и общин с родовой организацией вообще, отцовских родовых общин в частности. Во время дисперсного состояния такая община состояла из раздельно живущих групп семей или даже раздельно живущих семей.

5. Разделоделаж: свидетельства очевидцев

Знакомство с основными типами социальной организации, основу которой образовывали дележные отношения, делает возможным переход к рассмотрению этих связей в их реальном бытии у тех или иных конкретных народов.

Не все народы, речь о которых пойдет ниже, относились к стадии ранней первобытной общины. Некоторые из них находились на этапе поздней первобытной общины и даже предклассового общества. Но дележные отношения, которые у них существовали, были унаследованы от стадии раннепервобытной общины. Поэтому рассмотрение их проливает свет на сущность и эволюцию дележных отношений вообще.

На первых порах среди дележных отношений ведущую роль играли разделоделажные связи. Именно разделоделажу подлежали самые ценные пищевые продукты — мясо и рыба. Это и заставляет начать с рассмотрения именно этих отношений.

Первоначально разделоделаж непосредственно имел уравнилельный, коммуналистический характер. Человеку выделялась доля добычи вне зависимости от того, участвовал ли он в данной конкретной охоте или ловле рыбы либо не участвовал. Это положение, впрочем, нельзя понимать упрощенно. В частности, оно вовсе не означает, что добыча обязательно делилась между всеми без исключения взрослыми членами коллектива. Как уже отмечалось, вначале в силу деления родового коллектива на две обособленные группы: мужскую и женскую, а затем вследствие принадлежности мужчин коллектива к иному роду, чем взрослые женщины, добыча часто делилась лишь между взрослыми мужчинами. Женщинам при разделоделаже доля нередко не выделялась. И это не было нарушением коммуналистического принципа, ибо в конечном счете и женщины получали долю добычи. Впрочем, исключение женщин из разделоделажной охотничьей добычи имело место не везде и не всегда. Иногда они получали равную с мужчинами долю. На более позднем этапе развития добыча делилась не между лицами, а между семьями, в качестве представителей которых могли выступать и женщины.

Этнография дает нам массу примеров непосредственно коммуналистического разделоделажной охотничьей добычи.

Начну с австралийцев. У племени гурндитч-мара охотничья добыча делилась между всеми присутствовавшими (Howitt, 1904, p. 765). Между всеми присутствовавшими поровну всегда делилась добыча у племени йеркла-мининг, причем равную с мужчинами долю получали женщины (Р. 762). О дележе охотничьей добычи поровну сообщают также в отношении племен вирадьюри и грингаи (Р. 764, 767). У племени вотьебалук распределение всей добычи производил один из охотников (Р. 764). Для аборигенов Северного Квинсленда был характерен коммуналистический дележ, причем пищу получали и те люди, которые не принимали участия в труде (Roth, 1901. P. 7).

Аналогичные данные сообщает об аэта (агта) о. Лусон (Филиппины) в отчете за 1763 год миссионер А. Мосо. «У них, — пишет он, — господствует полная общность имущества. Когда они убивают какого-либо красного зверя или кабана, то они распределяют его между всеми: только голову и спину оставляют для собак» (цит.: Кунов, 1929. С. 82). И мало что изменилось у аэта в этом отношении за прошедшие более 200 лет. «Дележ, — пишет Джин Петерсон, проводившая исследование в 1969–1970 гг., — является первостепенной ценностью среди агта: для них совершенно немислимо не поделиться пищей» (Peterson, 1978. С. 38).

Энн Патнем в своей книге о пигмеях мбути леса Итури (Конго) описывает случай, когда в сети попала молодая буйволица весом в 130 кг. После того как туша была принесена в деревню, мясо было поделено поровну между всеми пигмеями независимо от того, ходили ли они на охоту или оставались дома. Таким же образом поровну между всеми семьями было разделено мясо антилоп, когда их было добыто большое количество (Патнем, 1951. С. 40–41, 148).

«Во всем, что касается средств питания, — писал Пауль фон Эренрейх (1855–1914) о ботокудах Эспириту-Санту и Минас-Жерайс (Бразилия), — у них господствует строжайший коммунизм. Добыча и подарки распределяются между всеми членами орды, несмотря на то, что благодаря этому каждому приходится довольствоваться нередко весьма незначительной долей» (Ehrenreich, 1887. S. 31).

У малапантарам (горных пандарамов) Кералы (Индостан) любая охотничья добыча делилась между всеми членами лагеря. Это относилось не только к крупным животным, но и к мелким. Дележ не был абсолютным равным. Мужчины обычно получали большую долю мяса, чем женщины, а дети — часто остатки (Morris, 1982. P. 103).

У северных пайуте (нуму) Большого бассейна и плато (США) большая охотничья добыча делилась поровну между всеми обитателями деревни (Steward, 1938. P. 60; Powell, 1971. P. 48–49). То же самое имело место у обитавших там же северных шошонов (Steward, P. 74).

У многих эскимосских групп добытый кит делился между всеми жителями селения (Rink, 1875. P. 29; Weyer, 1962. P. 176–177). У эскимосов Западной Гренландии такого рода разделу подлежал тюлень особо крупного размера (Weyer, 1962. P. 178). У полярных эскимосов, когда пищи было мало, мясо любого добытого морского животного распределялось между всеми семьями селения (Eidlitz, 1969. P. 150).

У эскимосов чучачей мясо всегда было общей собственностью и распределялось между всеми жителями селения (Birket-Smith, 1953. P. 96). У эскимосов уналит любая крупная добыча (олень, тюлень) разделялась стариками и раздавалась всем жителям деревни (Weyer, 1962. P. 183). У медных эскимосов обычный тюлень делился между жителями деревни (Rasmussen, 1932. P. 106).

У алеутов убитое крупное животное считалось принадлежащим не добытчику, а общине в целом — всем ее членам, совершенно неза-

висимо от того, участвовали они в охоте или нет, имели родственников среди участников охоты или не имели. Соответственно, все мясо делилось между семьями селения. Добытчик, кроме равной с другими доли мяса, получал шкуру (Bascom, 1946. P. 613).

По сообщению В. Г. Богораза, «у приморских чукчей все жители поселка получали часть добычи удачливого охотника» (1900. С. 11). У нивхов (гиляков) деревни Пуир белуха распределялась не только между добывшими ее охотниками, но между всеми жителями деревни, к которой добытки принадлежали (Крейнович, 1935. С. 108, 112). О комовских эвенках (тунгусах) сообщается, что «при добыче лося мясо его непременно распределялось между всеми членами данного рода, независимо от участия в охоте» (Ковязин, 1931. С. 138).

По сообщению В. И. Иохельсона, у юкагиров охотники имели на добытый ими продукт ничуть не больше прав, чем любые другие члены коллектива. Семья охотника, как и другие семьи, получала долю в соответствии с числом своих членов (Jochelson, 1910. P. 124; Иохельсон, 2005. С. 184).

У нанайцев (гольдов) ловля кеты производилась усилиями всего селения. «Весь добытый запас рыбы, — писал Иван Алексеевич Лопатин (1888–1970), — распределяется между семьями стойбища не в соответствии с числом участвующих охотников, а в зависимости от числа едоков. Кроме того, если к концу зимы у кого-нибудь выйдет запас юколы, то он обращается к соседям, и те дают из своих запасов. Вообще, пользование запасами происходит у гольдов вполне в коммунистическом духе. Заготовленные пищевые продукты, как и жилище, считаются общими для всего стойбища, подобно воздуху и воде» (1922. С. 191). Как отмечает исследователь, коммунизм нанайцев представляет собой рудимент «того первобытного коммунизма, который является характернейшей чертой первобытного состояния» (С. 192).

У ряда народов в случаях, когда было добыто много мяса, каждый член общины мог подойти к добыче и взять себе столько, сколько ему было нужно. Так обстояло дело у эскимосов района мыса Барроу (Северная Аляска). Когда команда лодки доставляла на берег деревню убитого ею кита, то каждый присутствующий член деревни имел полное право отрубить от туши столько, сколько мог унести. И полученное таким образом мясо поступало в распоряжение взявшего: его, в частности, можно было использовать для создания запасов (Spencer, 1959. P. 342).

И эскимосы мыса Барроу — отнюдь не редкое исключение. Так распределялась во многих других эскимосских обществах добыча, которая выделялась своими размерами, редкостью или другими особенностями. Когда убивалось особо крупное животное, каждый мог прийти и взять свою долю, никого не спрашивая (Rink, 1875. P. 29; Birket-Smith, 1936. P. 149; Weyer, 1962. P. 176, 186). У некоторых групп эскимосов так же обстояло дело с первой в сезоне крупной добычей

охотника, а также первой в жизни добычей юноши (Rink, 1875. P. 29; Kroeber, 1900. P. 37, 43; Weyer, 1962. P. 183).

У приаянских эвенков после охоты на нерпу каждый житель поселения мог взять себе столько мяса, сколько ему было нужно. Когда у них же охотник убивал много каменных баранов, то каждый из соседей мог взять из его добычи столько, сколько мог унести (Пекарский, Цветков, 1913. С. 55, 62).

По форме такое распределение есть не разделоделаж, а разбор. Но лишь по форме. Суть разбора в переходе пищи только в пользование, но не в распоряжение человека. При разборе распределение неотделимо от потребления. Здесь же мясо совершенно не обязательно должно быть потреблено на месте. Оно переходило в распоряжение взявшего его человека. По сути это был дележ, лишь облеченный в форму разбора. Эта разновидность разделоделажа может быть названа *разбороделажом*. Но у тех же приаянских эвенков во время промысла рыбы, который велся артельно, потребление добытого было совершенно свободным: «каждый ест, сколько хочет, из общего улова» (С. 43). Это уже был подлинный разбор.

Непосредственно коммуналистический характер продолжал сохранять разделоделаж продуктов охоты и рыболовства у многих народов, перешедших к производящему хозяйству.

Среди оленеводов — якутов, эвенков и русских низовьев Лены охота на диких оленей совершалась 2–3 искусными стрелками, но добытое ими мясо распределялось между всеми наличными членами кочевой группы (Хитров. 1856. С. 66). На атолле Ламотрек (Каролинские о-ва), где основным занятием было земледелие, нередкими были общинные экспедиции за рыбой. Совместный улов делился между большими материнскими семьями острова в соответствии с числом взрослых членов в каждой из них. Дети при распределении во внимание не принимались. По такому же принципу распределялось и мясо убитой черепахи (Alkire, 1965. P. 97–101).

У тайпи о. Нукухива (Маркизские острова) во время полнолуния молодые люди отправлялись на рыбную ловлю, которая длилась двое суток. Возвращения их с нетерпением ждали. «После того как тюки с рыбой прибыли, — пишет очевидец, — их разложили в ряд на террасе дома и вскрыли... Около восьмой части всего запаса оставалось для нужд дома Тай (вождя. — Ю. С.), а остальное делилось на целый ряд меньших свертков, которые немедленно рассылались по всем направлениям в самые отдаленные части долины. Прибыв по назначению, содержимое свертков делилось поровну и распределялось между всеми домами отдельного участка. Рыба находилась под строжайшим табу, пока дележка была не закончена; производилась она в высшей степени беспристрастно, и каждый мужчина, женщина и ребенок получали по равной доле этого всеми любимого угощения» (Мелвилл, 1956. С. 68–69).

В отличие от охотничьей и рыболовной добычи продукты собирательства, как правило, не подлежали разделодележу. Первоначальной формой их распределения был трудодележ. Но если их не делили, то ими делились. Этнография располагает примерами дачедележа продуктов собирательства. Он имел место у аборигенов Австралии (Howitt, 1904. P. 765; Wilkins, 1928. P. 245–247; Myers, 1991 P. 76), батэков Малакки (Endikott, 1988. P. 116–117), андаманцев (Radcliffe-Brown, 1964. P. 43), бушменов Калахари (Lee, 1972. P. 342–343; Thomas, 1959. P. 214–215); пигмеев мбути Конго (Ichikawa, 1979. P. 178–179), хадза Танзании (Woodburn, 1982. P. 442), индейцев Большого бассейна и плато США, в частности у пайуте (Steward, 1938. P. 231; Powell, 1971. P. 49), у пиллага Аргентины (Henry, 1951. P. 190–192, 215), аче (гуаяков) Парагвая (Kaplan and Hill, 1985. P. 229–334). И это обстоятельство наглядно свидетельствует, что и здесь происходил переход продукта только в распоряжение, но не в собственность отдельных лиц. В этой связи нельзя не отметить, что у онге Малого Андамана в разбор поступала не только животная, но и растительная пища (Bose, 1964. P. 301).

Теперь, когда рассмотрен разделодележ в его первоначальной, исходной форме и затронут трудодележ, можно перейти и к анализу дачедележных отношений. Как уже говорилось, дачедележные отношения с самого начала играли определенную, причем существенную роль в системе дележных отношений. Именно наличие дачедележа делало и разделодележные, и трудодележные отношения дележными, а не какими-либо другими отношениями.

Однако на первых порах через каналы дачедележа проходило сравнительно немного продукта. Он в основном лишь корректировал результаты разделодележа и трудодележа. Но в дальнейшем его значение выросло. И связано это было с объективной необходимостью в появлении новых стимулов трудовой деятельности.

Эволюция дележно-коммуналистических отношений

1. Нужны новые стимулы

На той стадии развития, на которой весь продукт был жизнеобеспечивающим, ни один способный к труду человек не мог от него уклониться. Противоположный образ действия с неизбежностью непосредственно ставил под угрозу само бытие коллектива. Существующие отношения побуждали человека не просто трудиться, но трудиться с максимальной отдачей. Ни один индивид не мог ограничиться добычей такого количества продуктов, которое было достаточно для его собственного прокормления. Ведь все, что он добыл, поступало в общую собственность коллектива и вместе со всей остальной добычей подлежало распределению между членами коллектива сообразно с их потребностями. В результате даже добыв много, человек мог получить мало, остаться полуголодным, если потерпели неудачу остальные члены коллектива.

В таких условиях человек с неизбежностью должен был стремиться добыть возможно больше продукта. Только таким способом он мог гарантировать себе прожиточный минимум. Все это было достаточным стимулом развития производства.

С появлением более или менее регулярного избыточного продукта существование людей стало значительно более гарантированным. Общество оказалось теперь в состоянии обеспечивать прожиточным минимумом всех своих взрослых членов даже в том случае, если не все они принимали участие в труде. Если теперь принять во внимание, что в условиях существования коммуналистических отношений человек имел право на долю общественного продукта исключительно лишь в силу принадлежности к кругу, между членами которого разбор или дележ были обязательными, то нетрудно понять, что все это создавало возможность для отдельных трудоспособных лиц жить, не трудясь.

Трудно сказать, часто ли превращалась эта возможность в действительность в подлинной первобытной коммуне. Однако в ранне-первобытных общинах, затронутых влиянием более развитых обществ, случаи социального паразитизма отмечены. Об одном из них рассказал К. Биркет-Смит в своем исследовании об эскимосах карибу.

Эскимос, с которым он встретился и историю которого поведал, начал с того, что проиграл ружье и другие вещи, что лишило его

возможности охотиться. Через месяц тесть забрал у него жену, и он был вынужден уйти в другое селение. С тех пор он бродил из селения в селение, из стойбища в стойбище в качестве крайне нежелательного гостя. Однако с голоду он не умер, ибо никто не отказывал ему в пище. Но всеми он рассматривался как пария (Birket-Smith, 1929. P. 261).

Обязанность трудиться является одной из самых важных из числа тех, что возлагаются первобытным социоисторическим организмом на своих членов. Уклоняющиеся от труда всегда являются объектом презрения. «Имеются действия, — писал А. Р. Радклифф-Браун в своей монографии об аборигенах Андаманских островов, — которые хотя и не представляют собой оскорбления какого-либо определенного индивида, тем не менее рассматриваются как антисоциальные. Одним из них является лень. От каждого человека ожидают, что он внесет соответственный вклад в обеспечение себя и других пищей. Если человек уваливает от своих обязанностей, ему ничего не будет сказано, если он не является юношей, и другие по-прежнему будут давать ему пищу, но он обнаружит себя занимающим унижительное положение в лагере и полностью потеряет уважение товарищей» (Radcliffe-Brown, 1964. P. 50). Буквально то же самое, почти слово в слово говорил К. Биркет-Смит об эскимосах (Birket-Smith, 1936. P. 148). «От всех мужчин племени чепара, — сообщает Алфред Уильям Хауитт (1830–1906), — ожидают, что они будут обеспечивать пищей, если только они не больны. Если мужчина ленив и остается в лагере, другие его высмеивают и оскорбляют» (Howitt, 1904. P. 767). Насмешек и презрения, как правило, было достаточно, чтобы заставить человека трудиться.

Но общество не может ограничиться только этим. Оно объективно заинтересовано не просто в том, чтобы человек трудился, но чтобы он по-прежнему стремился добыть как можно больше продукта. В противном случае объем произведенного продукта мог упасть до уровня жизнеобеспечивающего. Но старых стимулов теперь было недостаточно. В новых условиях каждый человек, взятый в отдельности, мог рассчитывать получить достаточную долю продукта даже в том случае, если сам не прилагал слишком больших усилий.

Если полный социальный паразитизм в раннепервобытной общине, не затронутой внешними влияниями, вероятно, если и встречался, то крайне редко, частичный — работа не с полной отдачей — по-видимому, имел место чаще. Об этом красноречиво свидетельствуют высказывания А. Р. Радклиффа-Брауна, К. Биркет-Смита и А. Хауитта.

В работе о батеках — одной из диалектных групп семангов Малакки сообщается, что у них некоторые трудоспособные мужчины получали от общины больше, чем давали. И причина состояла не в том, что они не могли вносить большой вклад, а в том, что они трудились не в полную силу. На вопрос исследователя, почему человеку, чья лень очевидна, не предложат покинуть группу, следовал ответ: «но вед он же батека» (Endicott, 1988. P. 118).

Судя по одной из работ Поли Уисснер, что-то похожее наблюдалось и у бушменов кунг Калахари. Во всяком случае, по ее мнению, бушмены опасались, как она выражается, «эксплуатации» со стороны своих товарищей. И как утверждает она, чтобы предотвратить возможность этого, люди намеренно сокращали свой трудовой вклад, добывали пищи меньше, чем могли (Wiessner, 1982. P. 68–69, 78–79).

В этих условиях нужны были новые стимулы к труду. И они возникли.

Объективная заинтересованность общества в том, чтобы каждый его член трудился с наибольшей отдачей, первоначально находила свое проявление в почете, которым стали окружать людей, внесших больший, чем остальные, вклад в создание общественного продукта. Искусные и удачливые охотники пользовались уважением и раньше. Однако если раньше в центре внимания были их личные качества, то теперь, прежде всего, их вклад в совокупный общественный продукт. В соответствии с этим вырабатываются различные формы общественной оценки и общественного признания вклада данного охотника. Если добыча была велика, то она нередко торжественно демонстрировалась, причем охотнику воздавались почести. Иногда дело обходилось без демонстрации, но охотника восхваляли. Так у одного из австралийских племен, когда члены локальной группы узнавали о крупной охотничьей удаче своего товарища, то испускали общий крик одобрения, восхваляя его ловкость и умение и превознося перед всеми остальными (Oldfield, 1865. P. 271). У аборигенов Арнемленда удачливый охотник получал особый почетный титул. Особый титул получала и женщина, прославившаяся собирательством пищи. Эти титулы давали значительный престиж, и люди всеми силами стремились их заполучить (Thomson, 1949. P. 33). Вообще у австралийцев успехи в охоте обеспечивали человеку видное положение и в других сферах жизни, в частности в ритуальной (Sackett, 1979; Altman, 1984. P. 183, 189).

Нередко особо выделялся и обставлялся сам акт передачи охотником своей добычи коллективу. К одной из форм общественного признания вклада охотника в совокупный общественный продукт коллектива уходит своими корнями обычай, который под названием нимата сохранялся у эвенков и эвендов до самого последнего времени.

Суть нимата заключается в том, что человек, добывший крупного зверя, не имел права не только присвоить его, но даже распределить его мясо между товарищами. Он был обязан отдать тушу в распоряжение какого-либо другого человека, который и делил ее между членами группы (Расцветаев, 1933. С. 32–37, 42–44; Никульшин, 1939. С. 44). Стремление дать нимат было огромным стимулом к труду. На эту сторону особо обратил внимание М. К. Расцветаев. «Молодежь, например, — писал он, — ночей не спит, по словам тунгусов, чтобы больше добыть и дать нимат. Неудачливый молодой охотник доходит до слез, так как безуспешность его стараний ложится на него некоторым позором. Нимат есть гордость охотника. К лицам, мало дающим

нимат, общественное мнение относится отрицательно, и только общее признание их как неудачливых или неумелых охотников, освобождает их от общественного порицания. Но такое признание для них равносильно общественной смерти» (С. 44).

Как видно из приведенного выше, одновременно с возвеличиванием охотников, вносящих существенный вклад в общий фонд, формировалось неуважительное отношение к тем, чей вклад был невелик. Деление охотников на удачливых и неудачливых и дифференцированное отношение к ним встречается у самых различных народов (Thomas, 1959. P. 167, 182; Freichen, 1961. P. 152; Classtres, 1972. P. 168). Вот, например, что писал В. И. Иохельсон о юкагирах: «В охотничьем быту хороший промышленник первое лицо. Это хороший человек — *омоча шоромах*. Плохой охотник — худой человек. Худой и непромышленный — синонимы. Хороший промышленник страдает и мучается за всех, но за то его *урасу* ставят впереди других и его бабы руководят дележом пищи» (Иохельсон, 1898. С. 258).

Зависимость общественной оценки охотника от величины его вклада в общественный фонд сделала необходимым более или менее точное установление размеров этого его вклада. Когда человек охотился в одиночку, это не составляло труда. Сложнее обстояло дело в случае коллективной охоты. Возникли различного рода правила, определяющие, кого именно из участников охоты считать главным или даже единственным добытчиком.

Различные правила такого рода существовали у эскимосов, в частности у эскимосов карибу. Если у них два человека попадали в карибу (вид оленя), то добытчиком считался тот, чья стрела или пуля прошла ближе к жизненно важным органам (Birket-Smith, 1929. P. 262). У медных эскимосов, если два или три человека ранили карибу, то добытчиком считался охотник, нанесший первую рану (Jenness, 1922. P. 90).

У андаманцев при охоте на дикую свинью добытчиком считался человек, чья стрела первой поразила животное, однако при условии, если она застряла в ране. Добытчиком дюгоня, черепахи или большой рыбы считался тот, кто бросил гарпун, с помощью которого добыча была вытащена (Radcliffe-Brown, 1964. P. 41).

Все упомянутые выше исследователи рассматривали эти правила как такие, которые определяют собственника добычи. Такого же мнения придерживается и Дж. Доулинг — автор сводки материалов по этому вопросу (Dowling, 1968). Однако приводимые ими же самими данные находятся в противоречии с таким выводом.

В ряде рассматриваемых выше случаев добыча не переходила даже в распоряжение добытчика, не говоря уже о подлинной собственности. Так, когда у эскимосов карибу в охоте на названное животное участвовало два человека, то туша обязательно делилась между добытчиком и вторым охотником, а если их было три человека, то между всеми тремя (Birket-Smith, 1929. P. 262).

Все это заставляло остальных исследователей выражаться более осторожно. Некоторые из них считают, что эти правила определяют собственника не добычи в целом, а лишь определенной ее части. Например, у эскимосов Кадыяка человек, признанный добытчиком выдры, получал шкуру (Weyer, 1962. Р. 181). Действительно, во многих случаях добытчик получал строго определенную часть убитого им животного. Однако эта доля совершенно не обязательно была большей по размеру и лучшей по качеству. У эскимосов нетсилик, например, охотник, убивший тюленя, получал меньше других, и его доля не включала ни одного куска хорошего мяса. Меньшую долю получал добытчик и при охоте на карибу. Ему поэтому было выгоднее получить долю добычи другого охотника, чем убить самому, но зато, «он был удовлетворен сознанием того, что был способен накормить целую деревню» (Rasmussen, 1931. Р. 163). Вообще, обыкновение выделять добытчику меньшую и худшую часть добычи существовало у многих народов, в частности у аборигенов Юго-Западной Виктории (Dawson, 1881. Р. 22) и андаманцев (Radcliffe-Brown, 1964. Р. 43).

Как сообщает Дж. Харрис, у шошонов Невады животное принадлежит человеку, который его поразил. Однако тут же он добавляет, что эта собственность на добычу представляет собой исключительно лишь дело престижа, ибо мясо широко распределяется (Harris, 1940. Р. 47).

У пигмеев мбути добытчиком считался человек, чья стрела или копье первыми нанесли рану животному. Если убийство зверя произошло без прямого участия других охотников, то добытчик, как пишет исследователь, становился «собственником» добычи. Если был еще один человек, чье оружие способствовало умерщвлению животного, то он получал в «собственность» филейную часть. Но когда «первичные собственники» приносили мясо в лагерь, то они раздавали его до тех пор, пока каждый член общины не получал долю (Harako, 1981. Р. 535). «Таким образом, — пишет Р. Харако, — хотя первичная собственность на добычу формально устанавливалась, создается впечатление, что добыча в действительности принадлежала всем членам общины, и каждый из них выражал удовлетворение в случае успешной охоты. Можно сказать, что личные права на добычу, установленные правилами первичного распределения, функционировали главным образом как формальный способ социального чествования удачливого охотника» (Р. 536).

Как видно из всего сказанного, сущность рассматриваемых правил заключалась вовсе не в приведении доли, получаемой человеком, в соответствие с его вкладом в создание общественного продукта, а только в определении размеров этого вклада с целью его общественного признания.

Первоначально человека чтили только и просто как добытчика продукта. В дальнейшем он стал выступать и несколько в ином качестве.

Характерная особенность разделодележных отношений состояла в том, что человек получал свою долю не от какого-либо другого индивида, а от коллектива в целом. Как уже отмечалось, разделодележ был переходом продуктов труда из распоряжения коллектива в распоряжение отдельных его членов. Конечно, при этом сам акт разделодележа чаще всего осуществлялся тем или иным конкретным человеком, однако последний не был распорядителем продукта, не был давателем. Он выступал лишь в роли уполномоченного коллектива.

Иное дело дачедележ. Здесь имел место переход вещи из распоряжения отдельного человека в распоряжение другого. Соответственно, первый выступал в роли давателя, а второй — получателя. Делиться с другим человеком можно было не только полученным в результате разделодележа. Как уже указывалось, с самого начала некоторые продукты разделодележу не подлежали. Они поступали в распоряжение человека в результате трудодележа. В первую очередь это относится к растительной пище, а также различного рода вещам.

И в отношении продукта, который поступал непосредственно в распоряжение индивида, минуя распоряжение коллектива, общественного признания заслуживало не количество продукта, произведенного человеком вообще, а то, сколько его было дано им другим людям. Человек пользовался общественным признанием не столько как производитель, сколько как даватель продукта. Чем больше он давал, тем большим уважением пользовался. Но чтобы больше давать, нужно было больше добыть. Так стремление добиться общественного признания побуждало человека к тому, чтобы больше производить. Рост уважения к людям, которые много давали, с неизбежностью сопровождался его падением по отношению к тем, кто мало давал, и особенно к тем, кто в основном лишь получал.

Подобного рода представления могли быть распространены на охотников лишь при условии перехода добычи непосредственно в распоряжение добытчиков. И это постепенно начинает происходить. Первоначально это коснулось только продукта одиночной охоты. Он стал объектом трудодележа. В результате, если раньше он подлежал разделодележу, то теперь — дачедележу, точнее *раздачедележу*. Охотник, вернувшись с добычей, делился ею с другими членами коллектива, выступал в роли давателя, точнее раздавателя. Право охотника на распоряжение добычей выступает в таком случае столь отчетливо, что А. Тестарт рассматривает добытчика как собственника, а само распределение как раздавание (Testart, 1987. Р. 288–290).

Что же касается продукта коллективной охоты, то он, как правило, по-прежнему подлежал разделодележу. Однако последний претерпевает изменения. Если раньше добыча делилась между всеми взрослыми мужчинами общины или даже между всеми взрослыми жителями селения, то теперь только между теми, кто участвовал в охоте.

Таким образом в результате первичного распределения продукт поступал в распоряжение не коллектива в целом, а только группы

охотников, добывших его. По существу это своеобразный вид трудодележа. Этот трудоделаж в отличие от рассмотренного выше был переходом продукта в распоряжение не одного человека, а группы людей. Он был групповым. Соответственно, разделоделаж стал переходом продукта из распоряжения не коллектива в целом, а лишь группы охотников, и в распоряжение не каждого из членов коллектива, а только тех людей, которые входили в данную охотничью группу. В результате данный разделоделаж был не коммуналистическим, а групповым.

Подобный порядок подробно описан у нгатарьяра, питьянтяра и пинтупи Западной пустыни Австралии. Хотя мясо у них составляет менее половины диеты, ценится оно значительно выше растительной пищи. Охотятся аборигены обычно группами. Убитое животное потрошат, а затем готовят на огне. Одновременно жарятся на углях внутренности. В случае, если убито крупное животное, например, кенгуру, то охотники едят только внутренности. Что же касается мяса, то оно поступает в потребление только после возвращения в лагерь. Но этому потреблению предшествует распределение, в котором можно выделить две фазы.

Приготовленное в земляной печи животное разрубается на куски. Затем все охотники, исключая добытчика, в определенном порядке, который зависит от их отношения к добытчику, берут по куску мяса. Право первого выбора принадлежит собственникам добытчика (тестю, братьям тестя, зятям). Затем наступает очередь братьев охотника. Если в охоте участвовало мало людей, то указанные люди берут больше, чем по одному куску. Добытчик получает то, что осталось. Если группа охотников велика, то ему ничего не достается, кроме внутренностей. Это первая фаза распределения. Внешне она выступает как разбор, но по существу является разделоделажом. Это — разбороделаж.

Вторая фаза наступает после возвращения охотников в лагерь. Она представляет собой дачеделаж. Каждый из охотников, принесший мясо, делится им с целым рядом родственников. Существует общее правило, что каждый человек, имеющий пищу, делится ею с родственниками, у которых ее нет. Это правило в сочетании с другими приводит к тому, что даже самые отдаленные родственники получают долю добычи, если только они находятся в лагере. В 10 изученных случаях в результате первой фазы распределения долю добычи получили от 1 до 6 человек, в результате второй — от 9 до 64 человек. Для 6 случаев рассчитан средний размер доли, доставшейся после второй фазы распределения. Он составлял от 200 до 740 граммов на человека (Gould, 1967. Р. 41–66). Щедрое распределение мяса давало охотникам социальный престиж (Gould, 1961. Р. 435).

Выше уже были приведены примеры, когда у эскимосов добыча делилась между всеми жителями селения. Но у эскимосов же встречается и дележ мяса убитого зверя исключительно лишь между охотниками. У эскимосов нетсилик, например, только между участниками охоты

делились бородатый тюлень и карибу (Rasmussen, 1931. P. 163, 173). У эскимосов карибу названное животное, а также морж и бородатый тюлень тоже делились только между охотниками, причем по строгим правилам. Но карибу делился только в том случае, если число охотников не превышало трех человек. Если их было больше, то все животное поступало в распоряжение добытчика, который определялся согласно рассмотренным выше правилам. О том, что убитое животное поступало только в распоряжение, но не в собственность добытчика, красноречиво говорит тот факт, что он был обязан обеспечить вечером мясом весь лагерь (Birket-Smith, 1929. P. 262).

На этом примере можно видеть, что хотя прочие участники охоты получали в конечном счете мясо и в том случае, когда добыча не подлежала разделу, сами эскимосы проводили отчетливую грань между разделом и дачей. Для прочих, кроме добытчика, участников охоты различие заключалось в том, что в первом случае они являлись равными с добытчиком дольщиками добычи, а во втором — они наравне с лицами, совсем не участвовавшими в охоте, были лишь получателями.

Отстранение от дачи даже участников охоты, не говоря уже об отсутствующих, наблюдалось у эскимосов карибу и при разделе моржа и бородатого тюленя. Если охотников присутствовало слишком много (более 11), то те из них, которые не принимали активного участия в охоте, не получали доли при разделе. Мясо они получали после возвращения домой наряду с отсутствовавшими в форме дачи (Birket-Smith, 1929. P. 262). Но основной тенденцией было, конечно, отстранение от раздела людей, не принимавших участия в охоте. Человек, не участвовавший в охоте, теперь выступал не как равный с охотниками дольщик добычи, а только как ее получатель. Это, конечно, не могло не вызвать недовольства, особенно среди тех людей, которые по тем или иным причинам не могли часто принимать участия в охоте (инвалиды, престарелые).

Если теперь учесть, что у тех же самых эскимосов размер добываемого продукта был подвержен столь большим колебаниям, что даже делал в определенные периоды объективно необходимым возрождение разборных отношений, то нетрудно понять, что рассмотренная выше тенденция пробивала себе дорогу в борьбе с прямо противоположной — тенденцией к разделу добычи между всеми жителями селения.

И последняя тенденция иногда брала верх над первой. У полярных эскимосов Гренландии, когда охотники возвращались в селение, любой мужчина мог выступить навстречу и бросить по направлению к добыче какое-либо оружие. Такое действие давало ему право на долю добытого. Таким же образом приобретали право на долю добычи охотники бывшие на охоте, но не участвовавшие непосредственно в убийстве данного животного. В результате право на долю добычи получали люди, которые были слишком стары или слишком ленивы,

чтобы охотиться. Хотя последние не пользовались хорошей репутацией, они, тем не менее, никогда не голодали (Freichen, 1961. P. 154).

В последнем случае имеет место противоречие между формой и содержанием разделодележа. По форме здесь разделоделёж добычи между людьми, не просто принимавшими участие в охоте, но непосредственно убившими зверя. Но в действительности разделоделёж происходил между всеми мужчинами селения.

Однако несмотря на все отступления и возвращения, общей тенденцией было ограничение круга лиц, между которыми происходил разделоделёж добычи лишь теми, кто принимал участие в охоте. Когда разделоделёж ограничивается лишь непосредственными охотниками, то взятый сам по себе он теряет коммуналистический, уравнилительный характер. Однако сам по себе разделоделёж никогда не существует. В противном случае он становится разделоразделом. Разделоделёж всегда неразрывно связан с дачеделёжом. Распределённая путем разделодележа добыча затем с неизбежностью перераспределяется посредством дачедележа. В результате последнего все взрослые члены коллектива получали долю добычи, которая первоначально была распределена только между участниками охоты. Наличие дачеделёжных отношений делало разделоделёжные отношения не чем иным, как неотъемлемой составной частью системы распределительных отношений, в целом носившей уравнилительный, коммуналистический характер.

2. Дачеделёж: свидетельства очевидцев

Дачеделёжные отношения всегда занимали место в системе делёжных отношений. Однако пока разделоделёж охотничьей добычи имел непосредственно коммуналистический характер, они во многом оставались на заднем плане. По мере изменения характера разделодележа роль их становилась все более заметной. Возрастает масса общественного продукта, подлежащего дачеделёжу. Все большее число людей получают свою долю в результате дачедележа.

Когда охотничья добыча начинает делиться только между участниками охоты, каждый из них выступает в роли не просто давателя, а раздавателя мяса, полученного в качестве первичной доли. Ведь теперь только от них, только через посредство дачедележа могут получить долю мяса все остальные члены общины. И совершенно отчетливо в роли раздавателя выступает охотник, получивший всю добычу в свое единоличное распоряжение.

Все без исключения исследователи отмечают наличие широко распространенной практики дачедележа среди эскимосов. Некоторые его примеры были уже приведены выше. Как уже отмечалось, у эскимосов карибу охотник, получивший названное животное в единоличное распоряжение, был обязан обеспечить вечером весь лагерь мясом.

Много материала имеется о дачедележных отношениях среди медных эскимосов. Вильямур Стефансон (1879–1963) наблюдал, как жена охотника, дав по куску мяса членам своей семьи и гостю, далее разделила все оставшееся на четыре части по числу семей на стойбище, у которых в этот день не было своего свежего тюленьего мяса. Далее ее дочь отнесла пищу по назначению. Как узнал потом В. Стефансон, то же самое проделала каждая семья стойбища, имевшая мясо. В результате семьи, не имевшие своего мяса, получили, по подсчету исследователя, не меньше, а даже больше пищи, чем семьи тех охотников, которые в этот день сами добыли мясо. Во время еды пища приносилась из соседних жилищ. Каждая из хозяек знала, что готовили другие, и старалась прислать что-либо отличное. Каждые 1–2 минуты, сообщает В. Стефансон, входили маленькие девочки и приносили все новые куски (Stefanson, 1929. Р. 176–177).

Как сообщает Д. Дженнесс, у медных эскимосов каждая семья должна делиться пищей с соседями. Количество пищи, которое она может сохранить для себя, зависит от того, сколько всего добыто пищи в лагере в данное время. Если в лагере, состоящем из 6 семей, в день добыто 10 тюленей, то можно ограничиться посылкой в каждую семью лишь небольшой порции мяса. Но если добыт всего лишь один тюлень, то он весь распределяется (Jenness, 1922. Р. 90).

Эскимос, с которым ехал Д. Дженнесс, вез груз жира и мяса со своего склада. Когда они остановились в одном селении из 5 семей, хозяин груза послал каждой порцию мяса и жира, достаточную для прокормления одного человека. Когда автор и его спутник были гостями одной семьи, то каждая из остальных семей лагеря послала им куски вареного тюленьего мяса (Р. 90).

Наряду с дачеделем широкое распространение у эскимосов имела трапезодача, представлявшая собой своеобразное сочетание разбора и дачедележа. У тех же медных эскимосов летом, когда пища готовилась вне жилища, вокруг семейного котла собирались все желающие и ели (Jenness, 1922. Р. 90). Но трапезодача не всегда представляла собой простое участие нескольких посторонних лиц в обычной трапезе семьи. Он нередко приобретал характер подлинного пира.

У полярных эскимосов охотник, добывший много мяса, вставал у входа в свое жилище и громко кричал, приглашая всех к себе. Все семьи селения в полном составе являлись к нему, и начинался пир. Когда гости уставали, они тут же ложились спать, а проснувшись, продолжали есть. Так длилось до тех пор, пока запасы мяса у хозяина не кончались. Тогда другой охотник приглашал к себе, и все начиналось сначала. От того, насколько часто человек приглашал к себе гостей, зависела его репутация. Вполне понятно, что часто устраивать пиры могли только удачливые охотники (Freichen, 1961. Р. 135–137).

У эскимосов нетсилик считалось похвальным, когда охотник, полюбив в свое распоряжение карибу, не клал все мясо в свой склад,

а устраивал для жителей селения пир (Rasmussen, 1931. Р. 173). Пир у них устраивались и тогда, когда человек в зимний период привозил в селение мясо, запасенное с лета. И здесь на пир собиралось все селение. Пир сопровождался песнями, перед которыми гости наедались без всякого ограничения (Р. 147). У эскимосов карибу вечером все мужчины селения собирались для совместной еды в жилище охотника, который был наиболее удачлив (Birket-Smith, 1929. Р. 268). У медных эскимосов по вечерам в одном жилище собиралось для совместной еды и развлечений до 25 человек (Rasmussen, 1932. Р. 129). Д. Дамас не только подтверждает это сообщение, но и подчеркивает, что по мнению его информаторов еда в идеале всегда должна происходить совместно. «Совместная еда, — утверждает он, — образует важную систему дележа» (Damas, 1972. Р. 226).

«Очень отчетливой характеристикой негритосов, — писал Морис Вановерберг об аэта о. Лусон, — является их модифицированный коммунизм. Я говорю модифицированный, ибо он существовал только в вопросах пищи. Когда негритос добыл много, его соседи приглашались принять участие в еде, и они продолжали пользоваться этой возможностью до тех пор, пока ничего не оставалось» (Vanoverbergh, 1924. Р. 409).

У бушменов гви Центральной Калахари добытчик один или вместе со своим партнером по охоте мог устроить пир, на который приглашались мужчины лагеря. Они собирались около шалаша добытчика, готовили и ели мясо. Происходило все это в праздничной атмосфере и способствовало налаживанию дружеских отношений между участниками пира. Каждый гость получал также кусок сырого мяса, который шел его семье (Silberbauer, 1981. Р. 233–234). Однако чаще всего у гви имел место простой дачедеж. В одном случае охотник, добыв 42 кг мяса, оставил себе 5 кг, а остальное раздал 10 людям. Семьи с детьми получили по 5 кг мяса, семьи без детей — по 3 кг (Silberbauer, 1961. Р. 494–496).

Пир, подобные описанным у эскимосов и гви, наблюдались и у народов, которые находились на стадии более высокой, чем раннепервобытная. Так, например, у эвенков Сибири каждый раз, когда человек колот оленя, все взрослые мужчины стойбища собирались у его костра или в его чуме, и он их всех угощал (Никкульшин, 1939. С. 59). У них же семьи, живущие в одном стойбище, как правило, объединялись в группы по 2–4 вокруг одного костра (*гулона*) для совместного приготовления и потребления пищи. В каждой из таких групп женщины готовили пищу по очереди. Ели все члены группы совместно на открытом воздухе у костра (С. 58).

Как дачедеж, так и трапезодача повсеместно встречаются у охотников и собирателей. У кулин Юго-Восточной Австралии, когда день кончается, те люди, которые удачливы, делятся с теми, кому не повезло. Поэтому у них никогда не бывает, чтобы у кого-то

ничего не было, в то время как другие имеют. И нуждающиеся при этом рассматривают полученное ими не как милость со стороны имеющих, а как то, на что они имеют полное право. Все это приносится и бросается к их ногам (Howitt, 1904. P. 767). У далебура той же области, когда группа останавливается на ночь, все потерпевшие неудачу на охоте приглашаются получить долю добычи удачливых охотников (P. 768). У ватчандее Западной Австралии, если мужчина неудачлив в охоте, он уверен, что вечером получит пищу от других охотников. Когда он сам очень удачлив, то делится со всеми своими друзьями (Gldfield, 1865. P. 271).

У пигмеев мбути широко практиковалась коллективная охота с семьями, в которой принимали участие не только мужчины, но и женщины. После охоты каждая женщина получала в свое распоряжение и несла в лагерь добычу, попавшую в сети ее или мужа. В лагере животные разделялись. И каждый, кто оставался без добычи или чья добыча была мала, шел к месту разделки и получал мясо. Головы и внутренности поступали в распоряжение мужчин, которые собирались на центральной площадке лагеря — *теле*. Они их там готовили на общем очаге — теле и совместно поедали. Остальные части распределались между всеми семьями, и женщины готовили их на своих семейных очагах. После приготовления женщины и дети тут же у очагов садились и ели. Что же касается мужчин, то полученную ими от жен долю они несли на теле и пускали по кругу. Так же обстояло дело и с растительными продуктами. Как особо отмечают исследователи, совместная еда мужчин на теле была воплощением единства общины (Icikawa, 1979. P. 178–179; Narako, 1981. P. 536). О дачеделе у мбути рассказывает и Патрик Патнем (Putnam, 1953. P. 332).

Существовал дачедележ у семангов Малакки. «Каждая семья, — писал Пауль Шебеста (1887–1967), — давала часть своей пищи, уже приготовленной, каждой другой семье. Если одна семья в какой-либо особенный день была необычайно хорошо снабжена, она щедро давала всем другим родственным семьям, даже если ей самой оставалось мало» (Schebesta, n.d. P. 84). Но дачедележ совершался только между семьями, образовывавшими локальную группу. Если же в лагере временно находились семьи, не принадлежавшие к данной группе, то с ними либо совсем не делились, либо делились в самой незначительной степени.

Подробно описан дачедележ у батеков Малакки. Дележ пищи, причем продуктов как охоты, так и собирательства, был у них абсолютно обязательным. Вначале делились с родственниками и свойственниками, а затем и со всеми вообще семьями в лагере. Порция, которая давалась, была достаточно большой, чтобы представлять существенный вклад в еду. Если человек добыл мало пищи, то давал ее не всем, а только некоторым семьям. Но последние в свою очередь делились. И в результате все семьи получали какое-то количество пищи

даже в дни, когда ее в лагере было мало. Если пища была в изобилии, то каждая семья давала другим и в свою очередь получала от них, причем иногда продукты того же рода, что давала сама (Endicott, 1988. P. 116–117).

Правда, у одного из исследователей негритосов Малакки встречается утверждение, что все собранное женщиной принадлежит ей и ее семье. Но тут же он добавляет, что после возвращения в лагерь женщины обмениваются принесенной пищей (Carey, 1976. P. 81–82). В действительности же они вовсе не обменивались пищей, а делились ею. Это следует хотя бы из того, что доли, причем весьма основательные получали люди, которые по старости и слабости здоровья в добычании пищи не участвовали (P. 82).

У андаманцев каждый, кто имел пищу, делился с теми, кто ее не имел. Пожилые женатые мужчины, оставив часть пищи для своей семьи, все остальное раздавали друзьям. От молодых мужчин, особенно холостяков, ожидали, что они отдадут лучшее, что имеют, старшим (Radcliffe-Brown, 1964. С. 43).

Дачедеж существовал у найка Тамилнада (Южная Индия). «Найка, — пишет Н. Бэрд-Дэвид, работавшая среди них в 1978–1979 и 1989 годах, — дают друг другу, просят друг у друга, ожидают получить то, что просят, и чувствуют себя обязанными давать то, что у них просят. Они дают друг другу продукты вовсе не в расчете получить что-либо взамен и не чувствуют, что кто-то перед ними в долгу» (Bird-David, 1990. P. 191).

У кайнгангов штата Санта-Катарина (Бразилия), живших охотой и собирательством, добыча подлежала дачедежу. Отказ в пище был самым страшным грехом, который только могли представить себе индейцы (Henry, 1941. P. 97–101). «Щедрый дачедеж пищи с родственниками и друзьями был правилом» у ягана (ямана) Огненной Земли (Cooreg, 1946. P. 96).

Дачедежные отношения зафиксированы в Северной Америке у кри мистассини (Rogers, 1972. P. 120), монтанье (Leacock, 1954. P. 33), пайуте (Powell, 1971. P. 48), в Азии — у бирхоров (Williams, 1974. P. 52, 87), в Африке — у доробо (Huntingford, 1955. P. 605–608, 612) и хадза. Как сообщает о последних Дж. Вудберн, мясо у них широко распределяется и потребляется. Люди, имеющие мясо, делятся им со всеми, кто просит. Отказать в просьбе считается невозможным (Woodburn, 1968. P. 53).

Совершенно иная картина наблюдалась у сирионо Боливии, которые были довольно обстоятельно исследованы Аланом Р. Холмбергом в 1940–1942 гг. Разделодеж существовал, но не в масштабах всей общины, а в рамках небольших ее подразделений — «расширенных семей», состоявших из 3–4 элементарных семей. Как специально отмечает исследователь, сирионо делились пищей с большой неохотой. Норма поведения, обязывавшая делиться с членами своей «расширенной семьи», хотя и считалась самой важной, но не всегда соблюдалась.

С этим связано обыкновение есть ночью, когда все спят, чтобы избежать просьб поделиться. Чем больше была добыча, тем ревностнее человек стремился сохранить ее за собой. Охотник, чтобы избежать дележа, иногда прятал добычу и демонстративно возвращался домой с пустыми руками. В идеале у сирионо мужчина не должен был есть мясо, которое добыл сам, но практически этот запрет не соблюдался (Holmberg, 1950. P. 32–33, 36, 60–62, 95–96).

В результате люди постоянно жаловались и ссорились из-за пищи. Они без конца обвиняли друг друга в отказе от дележа, в жадности, припрятывании пищи и тайном ее поедании. Из 75 конфликтов, отмеченных исследователем, 44 произошли из-за пищи (P. 61–62). В обществе сирионо голод был постоянным явлением. Люди почти все время испытывали чувство голода и ни о чем другом, кроме пищи, не думали (P. 95–96). Под навесом у сирионо постоянно слышались одни и те же слова: «Мой желудок пуст», «Дай мне что-нибудь поесть» (P. 30).

Следствием была необычайная обедненность духовной жизни сирионо. У них практически отсутствовали фольклор и мифология, не было календаря, деления времени на годы и месяцы, прикладного искусства, музыкальных инструментов (P. 44–48). В целом общество сирионо отчетливо обнаруживает признаки далеко зашедшей деградации. Как утверждает М. К. Мартин, сирионо когда-то в далеком прошлом были земледельцами, но затем были вынуждены превратиться в бродячих охотников и собирателей (Martin, 1969. P. 253). По словам А. Р. Холмберга сирионо потеряли многое из своей исходной культуры (Holmberg, 1950. P. 9).

Не все ясно в вопросе о современной их хозяйственной деятельности. По мнению А. Р. Холмберга, сирионо в прошлом были полностью бродячим народом. И сейчас их главными занятиями являются охота, рыбная ловля и собирательство. Наряду с этим они уже много лет тому назад начали практиковать земледелие, что однако не сделало их полностью оседлыми. С одной стороны, А. Р. Холмберг утверждает, что земледелие было не более как дополнением к охоте, рыболовству, собирательству (P. 21, 28), с другой, сообщает, что продукты земледелия (маис, маниок и др.) составляли важную часть их пищевого фонда (P. 32).

Во всяком случае сирионо с их нежеланием делиться пищей крайне нетипичны не только для раннепервобытных, но и позднепервобытных охотников и собирателей. Развитые дачеделejные отношения наблюдались и у народов, явно стоявших выше сирионо по своему социально-экономическому развитию, например, у эвенков Сибири и Маньчжурии (Shirokogoroff, 1929. P. 195). Человек, заколовший оленя, обычно всегда давал куски мяса тем или иным соседям по стойбищу (Никульшин, 1939. С. 60).

Дачеделej охотничьей добычи был у эвенков столь укоренившимся явлением, что совершался даже тогда, когда был лишен всякого

практического смысла. В этом отношении интересно одно из сообщений Н. Л. Никульшина (1939). Три охотника-эвенка: Прокопий, Алексей и Андрей отправились промышлять диких оленей. Прокопий убил двух оленей, Андрей — одного, Алексей — ни одного. При разделе добычи каждый из охотников получил по оленю. Но этим дело не ограничилось, вслед за разделом последовал дачеделаж. Прокопий из своей доли дал восемь кусков мяса Андрею и пять Алексею. Андрей дал восемь кусков Прокопию и семь Алексею. Наконец, Алексей дал семь кусков Прокопию и шесть Андрею. В следующий раз, когда Прокопий убил семь оленей, Алексей — двух, а Андрей — одного, Прокопий при разделе получил четырех оленей, а Андрей и Алексей по три каждый. Затем охотники опять начали давать друг другу части убитых оленей (С. 33–34).

3. Бушмены кунг Калахари: от каждого по способностям, каждому по потребностям

Приведенные выше данные о дачеделажных отношениях имеют в большинстве случаев отрывочный характер. Это связано с особенностями источников. В трудах исследователей XVIII, XIX, первой половины XX в., посвященных жизни раннепервобытным охотникам и собирателям, обычно отсутствует сколько-нибудь цельная картина существующих у них социально-экономических отношений. Сведений об этих отношениях не только мало, но они обычно разбросаны по той или иной работе. К настоящему времени положение несколько изменилось. В распоряжении науки сейчас имеется более или менее полное описание социально-экономических отношений у ряда групп бушменов. Я имею в виду прежде всего бушменов кунг области Добе (Ботсвана и Намибия), исследованных Р. Ли, и бушменов кунг области Ньяе-Ньяе (Намибия), изученных Лорной Джин Маршалл (1898–2002) и ее дочерью Элизабет Маршалл Томас.

Р. Ли вел полевую работу в области Добе в 1963–1965, 1967–1969 и 1973 годах. Результаты исследований были изложены им в целой серии работ (Lee, 1968; 1969; 1972; 1979; 1984). В ноябре 1964 г. в области постоянно обитало 379 бушменов и 340 скотоводов банту. Часть бушменов работала на банту, получая от них молоко и мясо. Вместе с членами семей их было 106 человек. Остальные 273 бушмена жили охотой и собирательством. Они были объединены в 15 независимых друг от друга групп, каждая из которых образовывала свой самостоятельный лагерь. Группы эти жили возле 9 постоянных источников воды. Возле одного такого источника могли располагаться лагерь несколько таких групп (1979. Р. 42–43, 57).

Число членов в группах варьировало в то время от 9 до 30 человек. Однако состав групп не оставался неизменным. Отдельные люди

и целые семьи постоянно переходили из группы в группу, не говоря уже о бесконечных визитах. Внутри каждой группы было более или менее постоянное ядро, состоявшее из нескольких братьев или братьев и сестер с потомством. Остальные члены группы были связаны с людьми, образовывавшими ядро, различного рода родственными и свойственными отношениями. Каждый бушмен имел хотя бы одного родственника или свойственника в каждой группе и поэтому всегда мог к ней присоединиться (1972. Р. 350–356; Lee, 1979. Р. 54–61).

Основным источником средств существования бушменов области Добе было собирательство. Оно давало 60–70 % состава всей пищи. На втором месте стояла охота, результаты которой в значительной степени зависели от случайного стечения обстоятельств (1979. Р. 243, 450; 1984. Р. 51).

Но хотя охота давала меньшую часть пищи, чем собирательство, мясо было в центре внимания коллектива. Доля мяса в течение года никогда не падала ниже 20 %, а во время особо удачливых периодов достигала даже 90 % всего состава пищи. В последнем случае на каждого человека приходилось по 2 кг в день (Lee, 1979. Р. 204–205). Всего же в среднем на душу населения у кунг приходилось в год 70–80 кг мяса, что сравнимо с потреблением его в развитых странах (1984. Р. 53–54).

Несколько иные, но в целом сходные цифры приводит Дж. Танака в работе о бушменах Центральной Калахари — гви и гана. У них растительная пища составляла 81,3 %, а животная — 18,7 %. В целом по его расчетам каждый бушмен потреблял в день 600–1000 г. растительной пищи (в среднем — 800 г) и 220 г. животной пищи (т.е. около 80 г в год). Из этих 220 г съедобной были 2/3, т.е. 147 г, что дает 53.5 кг в год (Tanaka, 1976. Р. 112–113).

При охоте кунг использовали собак. Орудия были традиционными, однако наконечники стрел и копий были из железа, которое с конца XIX в. вытеснило кость. Кооперация труда была развита слабо. Женщины бродили в поисках пищи группами по 3–5 человек, причем каждая собирала для себя. Мужчины охотились в одиночку, вдвоем или втроем (Lee, 1972. Р. 345; 1979. Р. 211).

Однако все это ни в малейшей степени не исключало полного господства коммуналистических отношений. Каждая лагерная группа была социальной единицей, внутри которой осуществлялся дележ всей добытой пищи. Каждый ее член имел равное с другими право доступа к ней (1979. Р. 118; 1984. Р. 55).

Основными формами дележных отношений у бушменов области Добе были трудовые и дачеделеге. Когда наступало время вечернего приема пищи, каждая семья садилась вокруг собственного очага. Но от одного семейного очага к другому шел постоянный поток различного рода пищи: орехов, ягод, корней. Детей постоянно звали к соседнему костру, чтобы они съели что-либо или отнесли родителям. В результате, хотя каждой день в сборе растений и охоте участвовало

лишь от 1/5 до 1/2 взрослых членов группы, вечером все без исключения живущие в лагере получали долю продукта, достаточную для пропитания (1979. Р. 347–348).

Несколько более формализован был дележ мяса. Независимо от того, сколько человек участвовало в охоте, один из них считался добытчиком. Р. Ли именует его собственником мяса. В действительности он был только распорядителем. Вся его роль сводилась к тому, что он разделывал тушу и распределял мясо.

Небольшая добыча, весящая менее 4 кг, разделывалась, готовилась и поедалась членами семьи добытчика и теми, кто присоединялся к их семейному костру. Добыча среднего размера, весом 8–16 кг, обычно разделывалась и готовилась самим добытчиком, а затем куски приговоренного мяса распределялись по лагерю.

Большая добыча, весом 40–160 кг, разделывалась и делилась на три части. Примерно 1/5 шла семье добытчика, 1/5 разрезалась на куски и сушилась, остальные 3/5 раздавались близким родственникам добытчика. Эта первичная раздача мяса проводилась особенно тщательно. Добытчик, особенно если он был молод, советовался с пожилыми людьми или даже передоверял дележ отцу либо тестю. При этом принимались во внимание и запреты, лежавшие на каждом получателе, и размеры их семей, и число лежащих на них вторичных обязательств. Учитывались также существующие внутри лагеря расхождения между теми или иными лицами. Последнее могло повлечь за собой тонкие различия: например, если добытчик был в плохих отношениях с зятем, то мог молчаливо выразить свое недовольство, дав ему менее желаемый кусок или передав его порцию не самому непосредственно, а его жене.

Как видно из сказанного выше, добытчик давал долю мяса не каждому. Результатом могло быть недовольство лиц, претендовавших на долю, но обойденных добытчиком при распределении. Обвинения в неправильном распределении мяса были обычной темой разговоров вечером у костра (1972. Р. 348–350).

Люди, получившие мясо непосредственно от добытчика, в свою очередь делились им со своими близкими родственниками. В результате этого вторичного распределения мясо попадало к лицам, состоявшим в дальнем родстве с добытчиком. В следующие дни, когда слухи о большой добыче достигали соседних групп, прибывали гости, которые ели свежее мясо и получали 5–6 кусков сухого мяса с тем, чтобы унести с собой. Как бы ни велика была добыча к исходу четвертого дня она вся потреблялась.

По подсчетам Р. Ли, при максимальном размере группы в 30 человек в потреблении большой добычи участвовало порой до 60 человек (1972. Р. 349). Но за пределы группы поступала только крупная добыча. Средняя и мелкая потреблялась почти исключительно в рамках локальной группы. Каким бы ни было первоначальное распределение, в конечном счете каждый член группы получал достаточную, или,

как выражается Р. Ли, справедливую долю общественного продукта (Р. 342, 345–350).

В заключение нужно отметить, что в 60-е годы бушмены Добе, наряду с охотой и собирательством, начали заниматься животноводством и земледелием (Solway and Lee, 1990. Р. 117).

Семьей Маршаллов полевые исследования среди бушменов велись в 1951–1961 годах. За это время они несколько раз побывали у бушменов кунг области Ньяе-Ньяе, что позволило им описать социально-экономические отношения последних.

В 1952 г. в области жило 567 бушменов, которые были объединены в 22 группы. Взрослые члены 3 групп работали в хозяйствах скотоводов-негров. Основным объектом исследования были 19 групп, которые обитали во внутренней части района возле 15 источников воды и насчитывали в своем составе 472 человека. Они сохранили древний образ жизни (Marshall, 1967. Р. 15–18; 1976. Р. 19, 156–159).

Группы у бушменов были автономными единицами. Каждая из них обладала определенным участком территории. Они были связаны между собой взаимными браками. Бесчисленное число родственных и свойственных отношений связывало всех обитателей области. Результатом были разнообразные формы взаимопомощи и постоянные визиты (Marshall, 1967. Р. 19–20, 32–33, 41–42).

Основным источником существования у бушменов кунг Ньяе-Ньяе было собирательство. Оно давало 80 % всей потребляемой ими пищи (1967. Р. 23–24). Добытой пищей бушмены непрерывно делились друг с другом, это было у них, по словам Э. Томас, бесконечным занятием. «Бушмены, — писала она, — чувствовали огромную нужду в том, чтобы давать и получать, может быть для того, чтобы цементировать родственные отношения друг с другом, может быть для того чтобы испытывать и укреплять свою зависимость друг от друга» (Thomas, 1959. Р. 215). Делились бушмены растительной пищей. Если ее было много, то они давали друг другу целые мешки. В ходе этого дележа человек нередко получал столько же, сколько давал. Затем пища снова перераспределялась, причем все в меньших количествах. И наконец, небольшими количествами готовой пищи люди делились непосредственно во время еды (Р. 215).

Охота у бушменов была делом продолжительным и трудным. Каждая группа в среднем в год добывала 15–18 крупных животных. Мелкими животными человек мог делиться с членами своей элементарной семьи и вообще с любым с кем желал. Крупным животным делились с каждым в группе. Получали мясо и гости.

В охоте на крупное животное обычно принимали участие несколько человек (от 2 до 5), причем совершенно не обязательно они должны быть членами одной группы. Но добытчиком всегда признавалось только одно лицо. Им являлся хозяин стрелы, наиболее способствовавшей гибели животного. Этим человеком мог быть и не сам

охотник, а человек, давший охотнику стрелу. Хотя Л. Маршалл именует его собственником животного, в действительности он являлся лишь распорядителем. Он прежде всего отвечал за распределение мяса.

Первоначально добыча делилась между 5–6 людьми, получавшими крупные порции. Этими людьми были хозяин стрелы и участники охоты. Мясо при этом распределялось сырым. Это скорее всего разделоделаж. Затем следовал второй этап распределения, на котором оно принимало форму дачедележа. Каждый человек, получивший мясо в результате предшествовавшего распределения, разрезал свою долю и раздавал. Объем розданного зависел от числа получателей, но во всяком случае он должен был раздать возможно больше. При вторичном распределении в качестве важнейшего фактора выступало родство. Обязанности по отношению к определенным лицам являлись принудительными. Прежде всего, мужчина был обязан дать родителям жены. Причем он должен был дать им по возможности лучшие куски и столь щедро, сколь было можно. Первичной являлась также обязанность по отношению к собственным родителям, жене и детям. Из оставшегося он давал доли, чаще всего небольшие, братьям, женам братьев и прочим родственникам, свойственникам и друзьям.

Каждый получивший мясо в результате второго этапа распределения в свою очередь делился им со своими родителями, родителями мужа (жены), мужем (женой), детьми, братьями и сестрами и т. п. Мясо при этом могло быть теперь готовым, а порции — очень небольшими. Ни на первом, ни на последующих этапах распределения не существовало никакой регламентации. Заранее не определялось ни то, какая часть туши должна быть отдана тому или иному лицу, ни то, какими должны быть размеры долей. Члены других групп, если только они не являлись близкими родственниками или свойственниками, получали доли от тех лиц, в гости к которым пришли. Гостю обычно давались небольшие куски готового мяса. Кончалось все это тем, что все получали по порции свежего мяса (Marshall, 1961. P. 236–240; 1967. P. 213).

Важно отметить, что при последних волнах распределения, когда все первичные родственные обязательства были уже выполнены, давание мяса приобретало характер дарения. Дары давались лицам, по отношению к которым у данного человека не было никаких определенных обязательств. Человек, получивший мясо в дар, обязан был в будущем отдарить. Дарение в отличие от дачедележа носило совершенно свободный характер. Человек дарил тому, кому хотел, причем размер дара он определял всецело сам. Дарение пищи имело такой же характер, что и дарение прочих вещей, которое имело место у бушменов Ньяе-Ньяе (Marshall, 1961. P. 239, 241–242).

Дележ и дарение являлись постоянной темой разговоров. Люди, проявлявшие скупость как при дележе, так и дарении, осуждались. Высоко ценным качеством считалась щедрость. В первую очередь она требовалась от главаря группы. И человек, имевший что-либо, всегда

давал, причем не только и, может быть, не столько потому, что желал добиться уважения, сколько для того, чтобы не возбуждать зависти (Marshall, 1961. Р. 232–233, 244). О главаре одной из групп, который был превосходным охотником, Э. Томас сообщает, что он совсем ничего не имел, ибо все, что приходило ему в руки, он немедленно отдавал (Thoma, 1959. Р. 182).

Не пользовались уважением люди, которые не раздавали в большом количестве мясо, даже если причина заключалась не в скупости, а в их неудачливости на охоте. Так, Э. Томас рассказывает об одном взрослом мужчине — Ленивом Кви. Вопреки прозвищу он не был ленивым человеком, а просто неудачливым охотником. Он никогда не имел в своем распоряжении достаточно большой доли мяса и получал то, что приходило к нему через несколько посредствующих звеньев системы распределения. Все это ставило его в положение бедного родственника и вынуждало есть то, что другие не брали (Thomas, 1959. Р. 167).

Данные, собранные Р. Ли и семьей Маршаллов, дают возможность значительно уточнить наши представления о дачедежных отношениях. Однако и они достаточно полной картины не дают. В частности, в них отсутствует количественный аспект.

4. Пилага: вождь кормит народ

Значительно конкретизировать знания позволяет уникальная в своем роде работа американского этнографа Джулиуса Генри «Экономика распределения пищи у пилага» (Henry, 1951). В ней детальнейшим образом изучены дачедежные отношения в одной из деревень индейского племени пилага (Аргентина).

Чтобы правильно оценить эти данные, нужно принять во внимание, что пилага не относятся к числу типичных раннепервобытных охотников и собирателей. Сам Дж. Генри, нигде прямо не характеризуя их хозяйство, говорит в основном лишь о распределении продуктов охоты, рыболовства, собирательства (Р. 207, 215). Только в одном месте упоминается распределение мяса овцы (Р. 189–190). В работах других исследователей сообщается, что пилага занимались земледелием, которое, однако, существенной роли в обеспечении их пищей не играло. Использовали они лошадей, в основном, по-видимому, для охоты. Главными способами обеспечения их существования были охота, рыболовство и собирательство (Metraux, 1946. Р. 250, 252, 256–257).

Пилага в доконтактный период жили деревнями, численность населения которых колебалась от 50 до 200 человек. Деревня состояла из элементарных семей, члены которых находились в различных степенях родства, начиная с самого близкого и кончая весьма отдаленным. Каждая деревня имела вождя, который являлся сердцем деревенской

организации. Когда он умирал, данная деревня распадалась: каждая семья отправлялась в селение, где имела родственников.

Как подчеркивает автор, сам он имел дело с индейцами, жизнь которых претерпела значительные изменения в результате внешнего воздействия. За 3 года до начала исследования, в 1933 г., аргентинская армия напала на индейцев пилага. Часть была убита, многие из оставшихся в живых были переселены в место, находящееся в 50 км от их старых деревень. Некоторые остались на прежнем месте, но состав селений претерпел существенные изменения. С одной стороны, люди, жившие вместе, оказались в разных селениях, с другой, люди, жившие врозь, оказались в одной деревне. Все это имело своим следствием существование в исследуемой деревне двух групп, населявших разные ее концы. Ранее члены этих групп жили раздельно. Соответственно, в деревне оказалось два вождя.

Разрушающее влияние на жизнь пилага данной деревни оказал уход примерно половины населения для работы на сахарные плантации сроком на 6 месяцев. Результатом ухода многих трудоспособных людей была резкая диспропорция между производителями и непроизводителями.

Однако все это не снижает ценность исследования Дж. Генри. Его работа — единственная в этноэкономической литературе, в которой предпринят количественный анализ дачедележных отношений определенного конкретного общества. Автор в течение 6 месяцев вел тщательную регистрацию всего того, что давал и получил каждый из 36 человек, составлявших взрослое население деревни.

Как выяснилось, основным объектом передач была пища. На ее долю приходится 95 % всего передаваемого (Henry. P. 193). Дача пищи принадлежит к двум основным видам. При первом человек передавал одному или нескольким индивидам определенные порции пищи. Второй заключался в том, что определенный человек приглашал к себе несколько других, которые и ели вместе с ним. Этот вид раздачи назывался «*kon kodiya*», что буквально означало «ныряние в горшок» (P. 189, 193–195). Выше это было названо трапезодачей.

Тщательная регистрация всех случаев дачедележа и трапезодачи сделала возможным получить ответ на целый ряд вопросов. Так как эти ответы проливают свет на сущность дачедележных отношений, имеет смысл на них задержаться.

Ответить на вопрос, какому количеству людей давал каждый взрослый, позволяет одна из таблиц, приведенных в статье Дж. Генри (P. 194). Как видно из нее, число людей, которым давал взрослый человек, колебалось от 0 до 40. Пять человек не дали ни одному, 1 человек дал 1, 3 человека дали 2 каждый, 2–4, 2–5, 3–6, 2–7, 2–8, 1–9, 1–10, 1–11, 2–13, 1–14, 1–15, 1–16, 1–18, 3–19, 1–22, 1–25, 1–26, 1–40.

Число людей, которым давал тот или иной индивид, зависело главным образом от того, насколько он был производителем как работник, и лишь в некоторой степени от того, что он получил от других людей.

Эта же таблица позволяет ответить на вопрос, от какого количества людей получал каждый взрослый. Число дающих одному человеку варьировалось от 0 до 15 человек. Два человека не получили ни от кого, 4 человека получили от одного каждый, 2 от 2 каждый, 5 от 3, 2 от 4, 3 от 5, 1 от 6, 1 от 7, 3 от 8, 5 от 9, 4 от 10, 1 от 11, 1 от 12, 1 от 13, 1 от 14, 1 от 15. Самые производительные индивиды получили от наименьшего числа людей, самые непроизводительные — от наибольшего числа.

Как явствует из таблицы, характерным для пилага является несоответствие между числом лиц, которым давал данный индеец, и числом лиц, от которых он получал. Одни люди давали большему числу лиц, чем сами получали. Они составляли большинство (21 из 36). Другие, наоборот, получали от большего числа лиц, чем сами давали. Они были в меньшинстве (15 из 36). В результате всегда существовали люди, которым данный индивид давал, но от которых он ничего не получал.

Другая таблица (Р. 196) дает ответ на вопрос, сколько раздач устраивал каждый человек. Число их варьировало от 0 до 37. Пять человек не произвели ни одной раздачи. 3 человека совершили по 1, 4 по 2, 8 по 3, 2 по 4, 5 по 5, 2 по 6, 2 по 11, 2 по 13, 1—15, 1—16, 1—37. На число раздач влияли те же самые факторы, что определяли число лиц, которым давал каждый индивид, т. е. прежде всего производительность человека.

И наконец, таблица показывает, как часто каждый индивид получал. Это число варьирует от 0 до 29. Два человека не получили ни разу, 4 по 1 разу каждый, 2 по 2 раза, 4 по 3, 1—4, 1—5, 1—6, 2—7, 1—8, 1—9, 2—10, 1—11, 1—12, 3—13, 2—14, 1—15, 2—16, 1—18, 1—20, 2 по 21, 1—29.

В целом между числом дач и получений у каждого пилага существовало, как правило, несоответствие. Из сказанного выше видно, что между двумя индивидами отношения могли быть односторонними в том смысле, что только один из них давал другому. Здесь асимметрия выступала совершенно отчетливо. Но она могла быть и не столь явной. Два индивида могли взаимно давать друг другу, но при этом число дач одного могло превышать число дач другого. Как отмечает Дж. Генри, это обстоятельство вызывало недовольство и ворчание (Р. 203). Обычной жалобой в обществе пилага было: «Я дал ему, а он мне не дал» (Р. 199).

Не ограничиваясь рассмотренным выше, Дж. Генри попытался выявить соотношение между объемом того, что каждый человек дал в течение 6 месяцев, и объемом того, что он получил в течение того же времени. Результаты наблюдений были сведены в таблицу (Р. 201). Как выяснилось, из 36 человек 17 дали больше, чем получили, 15 получили больше, чем дали, и только 3 человека дали примерно столько же, сколько получили. В асимметрии даваемого и получаемого Дж. Генри видит одну из характерных особенностей описываемых им отношений распределения (Р. 210).

Большое внимание уделяет Дж. Генри вопросу о том, кому человек чаще всего дает. Не вдаваясь в подробности, остановлюсь на основных его выводах.

Добыв какой-либо продукт, человек делился частью его с другими членами деревни, а иногда и лицами, живущими вне деревни. Однако при этом он, во-первых, делился не со всеми жителями деревни, во-вторых, давал выбранным лицам неодинаковое количество продукта. Отношение человека к окружающим лицам было избирательным: кому-то он в данном случае давал, кому-то — не давал (Р. 204–207). Выбор определялся различными факторами, среди которых особое значение имели близость или отдаленность родства, совместность или раздельность проживания, зависимость и т. п. Чаще всего давали друг другу совместно или рядом проживающие родственники (Р. 206–207).

«Каждый улов рыбы, каждый груз лесных плодов, что доставляется в деревню, — пишет Дж. Генри, — распределяется по волосяной нити социальной дистанции таким образом, что никто совершенно точно не знает от одного распределения к другому, получит он что-либо при следующей раздаче или не получит. Эти позиции столь неопределенно обрисованы, что для человека трудно знать совершенно точно, какое место он занимает в каждой экономической ситуации. В случае какого-либо распределения в своей части деревни он никогда не находится столь далеко от распределителя, чтобы не надеяться на получение, но никогда и слишком близко, чтобы точно рассчитывать получить. Никогда не может он так точно знать о своем социальном положении, чтобы смириться с тем, что другой получит, в то время как сам он останется с пустыми руками. И над всем этим маячит угроза и реальность голода, внедряющая в сознание боль реального или воображаемого „экономического пренебрежения“» (Р. 215).

Стремясь выявить, какие именно лица больше всего давали, Дж. Генри особое внимание обращает на роль вождя. Как видно из таблицы (Р. 194), вождь одной из частей деревни и всей деревни в целом дал большее число раз (37) и большему числу людей (40). Положение вождя в обществе пилага не только давало престиж, но и накладывало тяжелые обязательства. И главная обязанность вождя, главное бремя, лежащее на нем, заключалось в том, чтобы постоянно снабжать по возможности всех членов общины пищей. Именно это и давало основание для характеристики вождя как отца, а членов общины как его детей. Как указывает Дж. Генри, вождь у пилага, снабжая всех членов деревни пищей, тем самым объединял их в единое целое, выступал в роли цементирующего фактора. Это делает понятным, почему деревни у пилага распадались после смерти вождя (Р. 214–215).

Положение вождя у пилага не является уникальным. У целого ряда индейских народов Южной Америки вождь был обязан своим положением тому, что он снабжал всех членов своей общины пищей и различного рода вещами. Так обстояло дело, в частности, у намбиквара и урубубы (Levy-Strauss 1944; Clastres, 1972. Р. 22–23, 31).

5. Раннепервобытные земледельцы

До сих пор речь шла в основном об охотниках и собирателях. Долгое время многие исследователи считали, что все охотники и собиратели без исключения находятся на одной стадии развития первобытного общества. Конец этой стадии и начало новой они связывали с переходом от присваивающего хозяйства к производящему. Такую точку зрения некоторые ученые отстаивали до самого последнего времени (Кабо, 1986; Румянцев, 1987). Они жестко связывали определенные социально-экономические отношения с определенными формами хозяйства.

На самом деле такой жесткой связи не существует. Как уже отмечалось (см. главу 9), с одной и той же формой хозяйства могут быть связаны далеко не одинаковые формы производственных отношений. И наоборот, с разными формами хозяйства могут быть связаны одни и те же формы социально-экономических отношений. При таком расхождении форм хозяйства и форм социально-экономических отношений нужно сделать четкий выбор между критериями стадийного членения первобытного общества: класть ли в основу его периодизации смену форм хозяйства или форм социально-экономических отношений. На мой взгляд, верным решением является второе.

Как уже говорилось, первой стадией эволюции сложившегося первобытного общества является раннепервобытная, которая характеризуется безраздельным господством коммуналистических отношений внутри человеческого коллектива. Именно к ней относятся подробно рассмотренные выше общества бушменов кунг областей Добе и Ньяе-Ньяе. Однако существуют общества охотников, рыболовов и собирателей, относящиеся к позднепервобытной стадии и даже к предклассовому обществу. С другой же стороны встречаются общества, в которых уже существует земледелие, но которые по всем основным признакам должны быть отнесены к раннепервобытной стадии.

Обращаясь к обществам, в которых существовало земледелие, нужно видеть различие между ними. В одних обществах земледелие уже существует, но играет второстепенную роль. В таком случае точнее было бы говорить о *праземледелии*. В других обществах земледелие уже стало основой жизни. Здесь перед нами земледелие в полном смысле слова и тем самым подлинное земледельческое общество (Шнирельман, 1969. С. 364; Семенов, 1969. С. 157).

К числу обществ с земледелием, находившихся на стадии раннепервобытной общины, прежде всего, по-видимому, должны быть отнесены ваиваи Южной Америки. Они были детально изучены датской экспедицией в 1954–1955 годах, когда еще в основном сохраняли традиционный образ жизни. Жили они в то время частично в Гайяне, частично в Бразилии. Насчитывалось их 180 человек, обитавших в 7 деревнях. Деревенские общины не были организованы по родовому принципу, хотя существование рудиментов материнских экзогамных

родов у ваиваи зафиксировано. Среднее население деревни — 25 человек. Наиболее детально была изучена деревня Якаяка с ее 40 обитателями.

Жители каждой из деревень жили в одном общем доме, разделенном на семейные секции. Земледелие у ваиваи было подсечно-огневым. Важнейшее возделываемое культурное растение — горький маниок. Один из исследователей безоговорочно утверждает, что земледелие является основным занятием ваиваи (Yde, 1965. Р. 28). Позиция другого менее однозначна. С одной стороны, он пишет, что в экономической жизни ваиваи доминирует земледелие и что горький маниок бесспорно является главным пищевым продуктом (Fock, 1963. Р. 183). А с другой, он же говорит о стремлении ваиваи сохранить в качестве сравнительно преобладающего занятия охоту (Р. 12).

Расчистка леса под огороды велась совместно мужчинами деревни. Расчищенное поле затем делилось на семейные участки размерами около 0,81 га каждый. В деревне Якаяка было два расчищенных поля. И в каждом из них главарь деревни имел по участку. Он был единственным человеком в деревне, имевшим два участка. Однако это не делало его богаче других.

Ваиваи ели три раза в день. Утром и вечером каждая семья питалась по отдельности. Но днем чаще всего вся община ела совместно. И эта общая еда обеспечивалась продукцией с огородов главаря. Последний просил женщин общины поочередно собирать маниок и другие продукты с его полей и готовить пищу для общего стола. Меню было довольно однообразным: напиток из тапиоки или пиво из маниока, суп из перца и маниоковый хлеб (Fock, Р. 205–208). С экономической точки здесь — трапезодача, осуществляемая главарем. Последний частично обеспечивал продуктами со своих полей пожилых людей деревни, а также кормил гостей.

Работа на полях была делом женщин. Мужчины охотились и рыбачили. Если добыча была невелика, то она потреблялась семьей. Если мужчина убил крупное животное или добыл много рыбы, то все это распределялось среди членов общины. Можно выделить три формы распределения. Первая из них состояла в том, что добытчик распределял мясо и рыбу в сыром виде между всеми членами деревни. Все это потреблялось посемейно во время вечерней еды. Это — дачедеж. Вторая форма: добыча распределялась между членами деревни, готовилась каждой семьей по отдельности, но потреблялась совместно во время общей дневной трапезы. И третья. Удачливый охотник или рыболов устраивал пир, на который приглашал всю деревню. Это — трапезодача (Fock, 1963. Р. 212–213).

К фазе раннепервобытной общины должны быть, по всей вероятности, отнесены намбиквара (Мату Гросу, Бразилия). Их занятиями были подсечно-огневое земледелие с горьким маниоком в качестве основной культуры, охота и собирательство. Относительно всех намбиквара вместе взятых известно, что одним из основных правил их

поведения внутри группы является обязательство делиться пищей друг с другом. Любая добыча достаточных размеров делится между всеми присутствующими членами деревни (Price, 1987. P. 3, 15).

Более детальные данные имеются о дележе в одной из групп намбиквара — мамаинде (Aspelin, 1979). Главным объектом изучения была одна из деревень, состоявшая из ядра — 8–9 элементарных семей и периферии — 1–2 добавочных семей. Исследование велось в 1971 г. Наиболее важными пищевыми продуктами были маниоковый суп и охотничья добыча. Они распределялись между всеми членами деревни. Когда в деревню приносилась охотничья добыча, то либо все семьи собирались вместе, либо каждая посылала 1–2 представителей для получения доли. В качестве распределителя выступал или сам охотник, или кто-либо другой, если первый чувствовал себя усталым. Доля, которую получала каждая семья, зависела от числа ее членов. Распределитель брал себе последнюю долю. Если он ошибался в расчетах, то сам же и страдал. Распределялся между всеми и маниоковый суп. Остальные продукты, кроме мяса и маниокового супа, распределялись реже. Из 116 наблюдавшихся распределений 40,9 % составляло мясо, 41 % — маниоковый суп и только 18 % остальные продукты (бананы, маниоковые лепешки) (P. 314–315).

Возможно, к стадии раннепервобытного общества относились чороти Гран-Чако (Karsten, 1932). Большую роль в их жизни играло рыболовство и собирательство. Меньшую — охота. Занимались они и земледелием, но значение последнего было ограниченным. Основные культуры: тыква, дыня, бобы. В результате влияния европейцев у них появились домашние животные: птица, козы, овцы (P. 2–3, 18, 38–40, 99).

Несомненно существование у чороти дележных отношений. Когда группа мужчин возвращалась с рыбной ловли, улов распределялся таким образом, что каждая семья деревни получала долю. Даже когда не было реальной нужды, удачливый охотник делился добычей с членами деревни, зная, что другие поступят точно так же. Неписаным законом у чороти было, что ни один человек не мог страдать от голода, если другие имели пищу. В результате они не знали деления на богатых и бедных. У этого племени существовал «социализм» (P. 45, 92–94).

Интересны данные о распределении пищи у кубео, живших в бассейне Амазонки на территории Колумбии. Они были подвергнуты обстоятельному изучению в 1939 и 1940 годах. У кубео существовала родовая организация. Отцовские роды были локализованы. Ядро каждого такого рода было одновременно ядром общины. Каждая такая родовая община жила в одном поселении, причем нередко в одном большом доме — *молока*. Однако в селении могло быть и несколько больших домов, и один большой дом и несколько малых (Goldman, 1948. P. 780; 1963. C. 26). Однако последнее представляло, вероятно,

позднее явление. В идеале все члены общины должны были жить в одном большом доме, где каждая семья занимала особую секцию. В каждом селении жило от 20 до 100 человек.

Кубео занимались земледелием, причем главной культурой был горький маниок. Каждая семья имела огород. Важной формой хозяйственной деятельности было рыболовство. Меньшую роль играла охота. Главной пищей кубео были маниковые лепешки и рыба. Рыбная ловля и охота могли совершаться как индивидуально, так и коллективно, но добытая рыба и мясо делились между всеми членами общины (1948. Р. 786; 1963. Р. 54, 55, 57). Иногда добычки устраивали пир, на который приглашалась вся община (1963. Р. 77). Собранные фрукты сваливались в кучу на полу молоки, и любой свободно брал для еды (Р. 78). Семьи обычно завтракали по отдельности. Но главная еда — вечерняя — была совместной. Каждая женщина готовила на своем очаге рыбу и мясо, а затем ставила свой горшок и поднос с маниковым хлебом в центре дома. Все мужчины и мальчики собирались вокруг, и каждый из них брал что-нибудь из каждого горшка. Затем наступала очередь женщин и девочек (Goldman, 1948. Р. 783, 786; 1963. Р. 88). Во всяком случае, для кубео было немыслимым позволить сородичам голодать, если он сам имел какую-либо пищу (Goldman, 1949. Р. 73).

Описанные выше отношения распределения нельзя оценить иначе как коммуналистические. И если бы эти экономические отношения были бы единственно существующими, то кубео без всяких колебаний должны были быть отнесены к фазе раннепервобытной общины. Однако общество кубео имело и такие особенности, которые позволяют его рассматривать как более продвинувшееся в своем развитии. Однако с большей степенью вероятности можно предположить, что было время, когда описанные выше отношения всецело определяли характер общества кубео.

В свете приведенных выше данных становится понятным, почему многие западные исследователи, придерживающиеся эволюционистских взглядов, отказываются положить в основе периодизации истории доклассового общества смену форм хозяйства.

Э. Сервис выделяет три, как он выражается, уровня социокультурной интеграции: уровень общин (bands), уровень племен (tribes) и уровень вожеств (chiefdoms). К третьему уровню, наряду с земледельцами и скотоводами, он причисляет индейцев северо-западного побережья Северной Америки, хозяйство которых всецело было присваивающим (Service, 1971. Р. 46, 47, 100, 131, 137, 143).

По мнению Мортон Герберта Фрида, возникновению государства предшествовали такие стадии развития, как эгалитарное общество, ранжированное общество и стратифицированное общество. Индейцев северо-западного побережья он отнес наряду с фиджийцами, тикопийцами, сиуаи о. Бутенвиль, капауку Новой Гвинеи, мандари Судана, камаюра Бразилии, хозяйство которых несомненно было производя-

шим, ко второй стадии развития (Fried, 1967. P. 112, 117, 130–132, 134–136, 140, 144–147, 180).

В книге «Эволюция человеческих обществ» Аллен У. Джонсон и Тимоти Эрл выделили три стадии. Первая из них представлена бушменами Калахари, шошонами Большого бассейна, которые были охотниками и собирателями, мачигуенга Перу, занимавшимися земледелием, и нганасанами Таймыра, имевшими стада домашних оленей. В качестве представителей второй фигурируют эскимосы Аляски и индейцы северо-западного побережья Северной Америки, хозяйство которых было присваивающим, яномамо Венесуэлы, маринг и центральные энга Новой Гвинеи, главным занятием которых было земледелие, и, наконец, скотоводы-кочевники: туркана Кении и киргизы Северного Афганистана (Johnson and Earle, 1987. P. 27–186).

Сущность дележно-коммуналистических отношений

1. Дачеделег: теоретический анализ

Приведенный выше материал в значительной степени помогает уточнить представления как о дачедележных отношениях, так и о первобытном коммунизме вообще. Прежде всего, он дает возможность точнее представить как сходство, так и различие между разделодележными и дачедележными отношениями.

Как разделодележные, так и дачедележные отношения имеют круговой характер. Это отношения не между индивидами, взятыми каждый в отдельности, а внутри определенного их круга. Круговой характер разделодележных отношений бросается в глаза. Существует круг, между членами которого делится добыча. Разделодележные отношения являются круговыми и только круговыми. Поэтому свое наиболее адекватное оформление они находят в родовых связях.

Сложнее обстоит дело с дачедележными связями. Они тоже являются круговыми. Существует круг людей, члены которого обязаны делиться и делятся друг с другом. Этот круг чаще всего совпадает с тем, внутри которого осуществляется разделоделег добычи. В таком случае существует один единый дележный круг. В раннем первобытном обществе он первоначально совпадает с родом, затем с локализованной частью рода. В раннепервобытных общинах с разрушенной родовой структурой дачедележный круг мог не совпадать с разделодележным, и грани его являлись крайне неопределенными.

Но совершенно независимо от того, совпадал ли дачедележный круг с разделодележным или не совпадал, его и можно, и следует рассматривать особо. Дачедележный круг, в отличие от разделодележного, выступал по отношению к каждому своему члену как потенциальный. Человек в принципе должен был делиться со всеми членами этого круга, но в действительности он не всегда это делал. И не делал он это тогда, когда ему не хватало продукта, чтобы давать одновременно всем членам круга.

Положение о том, что каждый член дачедележного круга был обязан делиться со всеми другими его членами нуждается в уточнении. Человек был обязан делиться с другими только в том случае, если что-либо имел. И сами масштабы дележа зависели от объема продукта, которым он располагал. Человек не мог раздать больше, чем имел.

В том случае, когда человек имел очень ограниченное количество продукта, он мог поделиться им его только с очень ограниченным числом лиц из круга потенциальных получателей. Все остальные на этот раз ничего от него не получали. Они могли рассчитывать либо на себя, либо на других давателей. Характерным для дачедележа было противоречие между крутом потенциальных и кругом реальных получателей. Первый был сравнительно неизменным и не зависел от воли давателя. Состав его в значительной степени был предопределен. Даватель от рождения принадлежал к нему. Что же касается того, кто же именно из его членов в каждый данный момент что-то реально получит, то это при ограниченном количестве продукта в определенной степени зависело от выбора давателя. Здесь имел место элемент неопределенности, элемент свободы.

Наличие этого элемента отличает дачедележ от разделедележа. Последний всегда носил в значительной мере предопределенный характер. Фиксирован был круг людей, внутри которого осуществлялся разделедележ. Это были либо все взрослые члены общины, либо все взрослые мужчины, либо участники охоты. Человек, осуществлявший раздел, не мог ни выйти за пределы этого круга, ни обойти ни одного из его членов.

В значительной степени предопределенными были и доли продукта, которые получали дольщики. Добыча либо делилась поровну, либо каждый получал строго определенные части животного. В частности, строго регламентированным был раздел определенных видов животных у части австралийцев, эскимосов и бушменов (Howitt, 1904. P. 756; Rasmussen, 1931. P. 163; Thomas, 1959. P. 49).

Дачедележ имел более свободный характер. Человек не мог не давать. И были люди, которым он обязательно должен был давать в первую очередь. Но были и такие люди, которым при ограниченном количестве продукта он мог дать, а мог и не дать. Здесь он в какой-то степени был волен выбирать. Был он в какой-то мере свободен и в определении размеров доли, даваемой им каждому конкретному лицу.

Одно из условий обеспечения свободы принятия решения состояло в том, что потенциальные получатели, как правило, не должны были обращаться с просьбой к раздавателю, не должны были стремиться повлиять на его волю. На стадии безраздельного господства коммуналистических отношений просить пищу нередко считалось совершенно неприличным. Если человек пришел к чужому очагу, то должен был ждать приглашения, если, конечно, в обществе уже не существовало разборных отношений. Если последние еще были, то он мог есть, не спрашивая хозяев. Если кто-либо раздавал пищу, то человек должен был ждать, когда ему дадут долю. Если он доли не получал, то мог быть недоволен, мог ворчать, но не должен был просить. Были люди, которые все же делали это. Они всегда получали пищу, но общество нередко осуждало подобное поведение.

По мере вытеснения коммуналистических отношений иными связями просьбы дать пищу у части народов доклассового общества стали все более частым явлением (Colson, 1960. P. 53–54; Scuder, 1962. P. 244–245). У другой части, наоборот, они стали совсем невозможными (Hogbin, 1947. P. 274).

Степень свободы, с какой человек распоряжался продуктом в различных обществах, была различной. Она могла быть очень малой, могла быть сравнительно большой. Но она всегда была. И наличие этой свободы не осталось незамеченным исследователями. Именно относительную свободу они имеют в виду, когда указывают как на характерную черту дачедележа на его добровольность.

О добровольном характере дачедележа как у бушменов, так и у других охотников и собирателей писал Р. Ли (Lee, 1968. P. 75). Дж. Стюард в своей монографии об индейцах Большого бассейна и плато наряду со случаями, когда добыча отдельного охотника в обязательном порядке делилась поровну между всеми жителями деревни, отмечает и другие, когда дележ не имел принудительного характера. Охотник делился, хотя и не обязан был это делать, причем прежде всего или даже исключительно лишь с родственниками. Такой же характер имел у этих племен (пайуте, шошоны) и дележ продуктов собирательства (Steward, 1938. P. 115, 184, 190, 204, 231).

Аналогичные данные существуют и об австралийцах. О племени юин, например, сообщают, что охотник у них совершенно не был обязан делиться своей добычей с кем-либо. Однако тут же мы узнаем, что он, если желал, давал часть добытого родственникам и друзьям (Howitt, 1904. P. 764).

Неопределенность, которая возникала в обществе в результате такой свободы при каждой конкретной раздаче, с неизбежностью порождала напряженность и трения. Об этом достаточно убедительно свидетельствуют приведенные выше материалы Л. Маршалла о бушменах и Дж. Генри о пиласа. При этом напряженность в обществе приобретает тем более опасные формы, чем большей является свобода дачедележа. Чрезмерная свобода дачедележа угрожала самому существованию данных отношений и тем самым и общества.

К тому же нельзя забывать, что человек не только раздавал, но и дарил долю продукта, имевшуюся в его распоряжении. При этом, чем больше продукта он раздавал чужим, тем меньше его оставалось для раздачи своим. Все это вместе взятое заставляло общество принимать меры, делавшие обеспечение определенного ряда лиц строго принудительным. В результате общество нередко от чрезмерной свободы дачедележа переходило к жесткой регламентации. Примером могут послужить некоторые австралийские племена.

Когда у племени курнаи человек убивал кенгуру, то каждый из сопровождавших его лиц получал строго определенную долю добычи. Это — разделоделаж. Затем охотник делился оставшейся у него частью животного с целым рядом лиц. Однако в отличие от подлинного

дачедележа эта форма распределения была строго регламентированной. Заранее известно и то, какое именно лицо получит долю добычи, и то, какая часть животного составит эту долю (Fison, Howitt, 1880. P. 261–264). Подобного рода регламентированный дачеделаж имел место и у других австралийских племен, в частности, у нгариго, волгал, наранг-га (Howitt. 1904. P. 759–760, 762, 764).

В некоторых случаях человек, получивший в результате регламентированного дачедележа определенную долю, в свою очередь делился еще с некоторыми лицами, причем такой дележ нередко также был регламентированным (Fison, Howitt, 1880. P. 265–266).

Своеобразные меры принимало общество в том случае, когда результатом чрезмерной свободы дачедележа было существенное уменьшение той доли продукта, которую человек раздавал, за счет той, которую он оставлял себе. В качестве примера можно привести гуаяков (Парагвай), у которых все дележные отношения сводились к трудовладельным и дачеделажным. Ограничение свободы дачедележа, наблюдавшееся у них, заключалось в том, что ни сам охотник, ни его родители не имели права есть убитое им животное. Они могли употреблять в пищу только мясо, добытое другими охотниками. Вполне понятно, что это само по себе вынуждало каждого охотника полностью отдавать все добытое им другим членам группы. Описанный запрет обеспечивал бесперебойное распределение добычи в форме дачедележа между членами группы (Clastres, 1972. P. 167–169).

И гуаяки не исключение. Запрет охотнику есть добытое им, обязательство отдавать это другим людям или иные сходные ограничения, существовал и у целого ряда народов: сирионо Боливии (Holmberg, 1950. 32–33), хуаненьо и луисеньо Калифорнии (Kroeber, 1925. P. 643, 688), пигмеев ака Центральноафриканской республики (Testart, 1987. P. 298), эвенов (Левин, Потехин (ред.), 1956. С. 768), юкагиrow (Jochelson, 1910. P. 124), папуасов топ (Oosterwal. 1961. P. 65), ятмул и йимар (Testart, 1987. P. 297, 301).

У папуасов квомы, у которых охота была побочным занятием, существовала убеждение, что охотник не должен есть собственную добычу, ибо он от этого он с заболеет и умрет (Whiting, 1941. P. 113).

Однако как строгая регламентация дачедележа, так и запрет охотникам употреблять в пищу мясо убитых ими животных встречается сравнительно нечасто. Относительная свобода дачедележа была объективной необходимостью. Поэтому строгая регламентация и упомянутый выше запрет нередко исчезали, и дачеделаж снова принимал в значительной степени добровольный характер. Во всяком случае, у ряда народов запрет охотнику есть мясо убитого им зверя встречается как пережиточное явление. У эскимосов иглулик, например, этот запрет касался только первых животных, убитых юношей (Rasmussen. 1932. P. 179).

Общество, как правило, принуждало людей делиться добытым продуктом друг с другом иным путем. Оно, с одной стороны, порицало и осуждало тех, кто оставлял себе слишком много, и прославлял

ляло, окружало почетом тех, кто раздавал по возможности большую часть добытого и возможно большему числу людей. Именно потому, что дачедеж, как правило, всегда имел в той или иной степени свободный, добровольный характер, человека, выступавшего в роли раздавателя, можно было, как порицать за скупость, так и превозносить за щедрость. Понятия «скупость» и «щедрость» применимы только при характеристике дачедежа, но не разделедежа. В обществах, в которых дачедеж получил развитие и стал основной формой распределения, щедрость считалась одним из самых важных человеческих качеств. Щедрость, как правило, приносила человеку всеобщее уважение, высокий социальный престиж. И желая прослыть щедрым, человек стремился не только добыть больше, но и раздать почти все добытое. Нередко охотник при этом оставлял себе самую незначительную часть добычи, причем худшие куски.

Выше уже были приведены материалы, свидетельствующие о высокой социальной ценности щедрости у бушменов. То же самое имело место у австралийцев. Согласно рассказу К. Лумхольца, австралийские охотники, чтобы прославиться, добровольно раздавали своим товарищам больше, чем нужно (Lunholtz, 1892. S. 213). Как сообщает Э. Палмер о целом ряде племен Квинсленда, охотник у них скорее останется с пустыми руками и будет притворяться, что он не голоден, чем подвергнет себя опасности быть обвиненным в жадности (Palmer, 1884. P. 284). «Упор всегда делается на обязательство делиться всем, чем только можно, с родственниками, — пишет Филлис М. Каберри (1910–1977) об австралийцах. — Жадность презирается, в то время как щедрость вызывает восхищение и похвалу» (Kaberri, 1941. P. 33–34). На щедрость как на одно из ведущих качеств у аборигенов Австралии указывали Уолтер Болдуин Спенсер (1860–1929) и Фрэнсис Джон Гиллен (1855–1912) (Spencer, Gillen, 1927. P. 37). Обвинение в скупости было у аборигенов очень серьезным оскорблением (Gould, 1969. P. 18).

«Щедрость, — пишет А. Р. Радклифф-Браун, — почитается туземцами Андаманских островов как одна из наивысших добродетелей и неограниченно практикуется большинством из них» (Radcliffe-Brown, 1964. P. 43).

Высоко ценили щедрость и одновременно сурово осуждали скупость эскимосы. Об этом говорят многочисленные материалы. У полярных эскимосов охотник ограничивался тем, что приносил добычу домой. Раздачей занималась его жена. И величайшей гордостью женщины было обойти другие дома, разнося мясо. И чем более щедро женщина раздавала, тем выше была репутация как ее самой, так и ее мужа. Один из жителей Туле женился на женщине из южной Гренландии, где старые обычаи держались менее прочно. Эта женщина всегда стремилась сохранить как можно больше для себя и дать как можно меньше соседям. В результате и она сама, и ее муж были, в конце концов, настолько опозорены, что вынуждены были покинуть селение и уйти на север подальше от людей. Два года они прожили в изоляции,

что является самой худшей бедой для полярного эскимоса (Freichen, 1961. Р. 155–160).

Несколько иную, но тоже характерную историю рассказывает другой исследователь об эскимосах Северного Лабрадора. Когда муж одной из эскимосок узнал, что его жена прячет пищу и ест ее тайком от других, то он замуровал ее в снежной хижине, где она и погибла. Если бы она попыталась освободиться, то была бы убита (Turner, 1894. Р. 187).

Характерным для дачедележа является и то, что отдельные люди, входящие в круг потенциальных получателей, выступали по отношению к давателю как более близкие или, наоборот, менее близкие. Дачедележ предполагает существование разных степеней близости к раздавателю. И степень близости к давателю имела существенное значение. Чем ближе потенциальный получатель к давателю, тем больше вероятность, что он станет реальным получателем.

Таким образом, хотя дачедележные отношения в целом являются круговыми, любой индивид, принадлежащий к определенному дележному кругу, является центром, от которого отходят линии, причем различной длины, связывающие его с каждым другим членом этого круга. Круговые отношения при дачедележе дополняются линейными, канальными, которые неразрывно связаны с первыми. Вероятно, в применении к даче-дележу можно говорить о круго-линейных отношениях.

Линейные отношения, существующие как дополнение к круговым отношениям и проявление последних, существенно отличаются от линейных отношений, существующих самостоятельно, подобно отношениям дарообмена. Эти отношения в отличие от дарообменных имели, если можно так выразиться, не двусторонний, а односторонний характер. Это были каналы с движением только в одну сторону. Движение по этим линиям шло только в одном направлении: от человека, являвшегося центром системы линий (А) к остальным людям. Конечно, каждый другой человек в принципе тоже был центром, и от него в свою очередь отходил целый веер линий, среди которых была и связывающая его с А. От А отходили линии, связывающие его с Б, В, Г и т.д., от Б, В, Г и т.д. отходили линии, связывающие их с А. Но линия, связывающая А с Б, и линия, связывающая Б с А, не совпадали, не были одной линией. Это были две линии, два канала движения продукта, идущие параллельно. И движение продукта от А к Б вовсе не было с необходимостью обусловлено его движением от Б к А, как в случае дарообмена. А давал Б не потому, что ранее Б давал А, а потому, что оба они принадлежали к одному дележному кругу.

Иначе говоря, при дачедележе во всех случаях имеет одна только дача и никогда отдача. Человек всегда дает и только дает и никогда не отдает, никогда не возмещает полученного. Конечно, в определенных случаях взаимные дачи могут покрывать друг друга, но это не обязательное условие и вообще не условие существования и функционирования дачедележа. И если А по какой-либо причине перестает

давать Б, то это не снимает с Б обязанности давать А. И Б давал А даже в том случае, когда последний А ничего не давал ему. Это наглядно можно видеть на примере пилага.

На принципиальную безвозмездность, точнее даже безответность дачеделажных и вообще дележных отношений, на качественное их отличие от отношений обмена указывают многие исследователи. Как подчеркивает в своей обобщающей статье «Эгалитарные общества» Дж. Вудберн, при дележе вовсе не давание человеком продукта другим людям обеспечивает ему право на получение продукта от них. Некоторые люди, являющиеся регулярными получателями, сами ничего не дают (Woodburn, 1982. Р. 441–442). «Наиболее важная функция дележа, — пишет Дж. Петерсон в монографии об агта (азта), — заключается в том, что люди, которые не способны себя прокормить, обеспечиваются всем необходимым» (Peterson, 1978. Р. 39). Но если в отношениях между А и Б совершенно не обязательно должна была существовать взаимность, то тем более не требовалось эквивалентности между тем, что А получал от Б, и тем, что он сам давал Б. Во всем этом нагляднейшим образом проявлялся круговой характер дачеделажных отношений.

Однако в существовании линий таилась возможность превращения дачеделажных отношений в качественно отличные от них подлинные линейные отношения. И эта возможность в дальнейшем развитии не замедлила превратиться в действительность.

Адекватной формой выражения и закрепления разборных и раздолоделажных связей, имевших исключительно лишь круговой характер, были родовые отношения. Наиболее адекватной формой для выражения и закрепления дачеделажных связей были отношения линейно-степенного родства. Как известно, характерной особенностью последних было то, что отсчет родства велся от определенного лица — «эго», и все родственники располагались по степени удаленности от него (см.: Семенов, 2910. С. 16–22, 25). И поэтому во всех обществах, где дачеделажные отношения стали господствующими, но которые, во-первых, не смогли подняться на более высокую ступень развития, во-вторых, оказались в сфере влияния более развитых обществ, наблюдается исчезновение родовой организации и победа линейно-степенных отношений. Таковы многие из обществ с так называемой аморфной территориальной общиной.

Однако, как явствует из приведенного выше материала, хотя степень родственной близости очень часто была одновременно и степенью дачеделажной близости, их совпадение имело место далеко не всегда. Важным фактором было поселение. С отдаленным родственником, жившим рядом, в одном лагере, делились чаще, чем с близким родственником, но обитавшим в другом стойбище. Другим важным фактором была объективная нужда в пище. Как говорят материалы об эскимосах, человек давал пищу прежде всего тому, кто больше всего нуждался в ней. Более обеспеченные получали во вторую очередь и нередко чисто символическую долю.

В качестве отдельных пережитков дачеделезные отношения долгое время продолжали сохраняться и после того, как возникло классовое общество. Их можно обнаружить во многих крестьянских общинах.

У крестьян долины Оахака (Мексика) вплоть до настоящих дней сохраняется обычай делиться пищей с соседями. Он проявляется в разных формах. Во время обеда блюдо с готовой пищей нередко посылается семье, с которой поддерживаются дружеские отношения. Во время еды в поле приглашаются разделить трапезу люди, работающие на соседнем участке (Beals, 1970. P. 232). В населенной крестьянами майя деревне Сан-Антонио (Белиз) человек, наловивший много рыбы, часть ее раздавал родственникам и друзьям. Так же обстояло дело и с некоторыми другими пищевыми продуктами (Gregory, 1975. P. 76). Александр Константинович Сержпутовский (1864–1940) сообщает, что у белорусов Полесья вплоть до начала XX в. строго соблюдался обычай делиться пищевыми продуктами с ближайшими соседями и вообще односельчанами. Он носил название *бонды*. Когда крестьянин убивал кабана, то обычай требовал дать соседям по куску мяса или сала — бонду. То же самое имело место, когда он колот овцу или свинью. Необходимо было делиться с соседями рыбой, пойманной в большом количестве, а также убитым зверем. При вырезке сотов меда бонду давали всем тем, кто был поблизости. Сюда же относится обычай давать плоды с садовых деревьев, овощи из огорода, хлеб из свежей пшеницы или ржи. Существовало поверье, что тот, кто не дает, сам не будет ничего иметь (Сержпутовский, 1907. С. 151–152). Обычай щедро делиться медом с родственниками и соседями зафиксирован у крестьян Арзамасского уезда Нижегородской губернии. Они были убеждены, что у того, кто не делится медом, пчелы переведутся (Понамарев, 1887. С. 62.). Здесь перед нами подлинный дачеделез.

2. Первобытный коммунизм (коммунализм)

Теперь, когда более или менее полно рассмотрен дачеделез, можно подвести некоторые итоги всему сказанному об эволюции коммуналистических отношений.

Первая стадия характеризуется господством безраздельной коммуналистической собственности на землю, природные ресурсы, вещи общего пользования и разборно-коммуналистической собственности на пищу и вещи индивидуального пользования. Суть разборно-коммуналистических отношений состояла в том, что пища и вещи находились не только в собственности, но и в распоряжении коллектива. Члены коллектива взятые в отдельности не распоряжались ни пищей, ни вещами; они их только потребляли, только пользовались ими. Все необходимые для существования членов коллектива продукты труда распределялись между ними пропорционально их потребностям, т. е. коммуналистически.

На следующей стадии эволюции коммуналистических отношений земля, природные ресурсы, вещи общего пользования продолжали находиться в коммуналистической собственности. Изменения произошли с пищей и вещами индивидуального пользования.

Продолжая оставаться собственностью коллектива, они перешли в распоряжение отдельных его членов. Разборно-коммуналистическая собственность сменилась дележно-коммуналистической.

В свою очередь в эволюции дележно-коммуналистических отношений можно выделить два основных этапа. Для первого из них характерно широкое развитие разделоделжных отношений. Трудоделжные и дачеделжные отношения существуют в основном как дополнение к ним. Уже на этой стадии возникает различие между долей продукта, поступившей в распоряжение человека (*распорядительной долей*), и долей продукта, которую человек сам физически потреблял (*потребительной долей*). Однако на этой стадии развития не наблюдалось слишком большого неравенства в распределении не только потребительных, но и распорядительных долей.

Положение изменилось с переходом к следующему этапу, на котором трудоделжные и дачеделжные отношения приобрели значительно более важное, чем раньше, значение, а разделоделжные в большой степени утратили первоначальный коммуналистический характер. Первичное распределение во многих случаях приобрело форму трудодележа как индивидуального, так и группового. В процессе первоначального распределения доли стали существенно отличаться друг от друга. Возникло значительное неравенство в первоначальном распределении долей продукта между отдельными лицами.

Выше уже говорилось, по каким причинам в обществе возникла необходимость в существовании и фиксации этого неравенства. Нужно было заинтересовать человека в том, чтобы он как можно больше производил продукта.

Человек, раздававший больше продукта, чем другие, завоевывал престиж, тем больший, чем он больше раздавал продукта. Чтобы человек, который больше других производил продукта, мог больше других раздавать его, нужно было, чтобы весь продукт, который он произвел, поступил в его распоряжение. Однако самое важное заключалось в том, что человек являлся только распорядителем, но не собственником продукта. Собственником был коллектив. Человек не мог сохранить весь продукт для своего потребления. Он должен был его раздать, оставив себе лишь небольшую его часть.

Общество, которое на этой стадии было объективно заинтересовано в том, чтобы каждый индивид получал свою первичную долю по труду, было одновременно по-прежнему не в меньшей степени заинтересовано в том, чтобы распределение продуктов в конечном счете было коммуналистическим, чтобы каждый его член получал долю, соответствующую не его трудовому вкладу, а его потребностям. Иными словами, общество, как и прежде, было объективно заинтересовано в том, чтобы собственность оставалась коллективной, общественной.

Именно наличие разрыва между неравенством в распределении порядительных долей и равенством в распределении потребительных долей и давало возможность отдельным членам коллектива проявлять щедрость по отношению к другим его членам.

В некоторых, изученных этнографами обществах, наблюдалось даже полное вытеснение разделодележных отношений трудодележными и дачедележными. Однако, скорее всего, это позднее явление, связанное с тем, что данные общества застряли на стадии дележных отношений, оказались неспособными подняться на следующую, более высокую ступень. Возможно, здесь сказалось и влияние окружающих более развитых обществ. При нормальном развитии и на втором этапе эволюции дележных отношений наряду с трудодележными и дачедележными продолжали существовать и разделодележные, причем разделодележ частично сохранял и непосредственно коммуналистический характер.

В первобытных обществах, в которых получили развитие трудодележные и дачедележные отношения, значительная часть продукта поступала в распоряжение индивида, минуя распоряжение коллектива. Что же касается обществ, в которых существовали одни лишь трудодележные и дачедележные отношения, то в них весь продукт поступал сразу в непосредственное распоряжение индивидов.

Принимая индивидуальное распоряжение продуктом за собственность на него, некоторые западные авторы пришли к выводу, что в таких обществах вообще отсутствует общественная, коллективная собственность на продукты труда, включая пищу. Однако факты столь красноречиво свидетельствовали об общественном характере собственности, по крайней мере, на пищу, что ни один из авторов не мог эту точку зрения провести до конца последовательно.

В качестве примера можно привести работу Исаака Шаперы (1905–2003) о кхойсанских народах Южной Африки. Говоря о бушменах, автор подчеркивает, что «пища, животная и растительная, и вода являются частной собственностью и принадлежат человеку, который добыл их». Но буквально тут же он добавляет, что «от каждого, кто имеет пищу, однако, ожидают, что он даст тому, кто ее не имеет». «В результате, — пишет он, — практически вся добытая пища поровну распределяется по всему лагерю». Окончательный вывод, к которому приходит И. Шапера, заключается в том, что, хотя экономическая жизнь группы бушменов «реально основывается на понятии частной собственности», практически она «приближается к разновидности коммунизма» (Schapera, 1930. P. 147–148).

То же самое, почти слово в слово, пишет А. Р. Радклифф-Браун в своей монографии о туземцах Андаманских островов. Он тоже начинает с категорического утверждения, что «вся пища есть частная собственность и принадлежит мужчине или женщине, которые добыли ее». Однако он тут же добавляет, что «от каждого, кто имеет пищу, ожидают, что он даст тому, у кого ее нет». И «результатом этого обычая является то, что практически вся добываемая пища поровну распределяется по лагерю» (Radcliffe-Brown, 1964. P. 43). И основной вывод

полностью совпадает с тем, к которому пришел И. Шапера. Хотя экономическая жизнь андаманского селения основывается на понятии частной собственности, в действительности она приближается к коммунизму (Р. 41).

О безраздельном господстве у андаманцев, правда, не частной, а индивидуальной собственности на вес, кроме земли, говорит Софья Александровна Маретина в книге «Андаманцы. К проблеме доземледельческих обществ» (СПб, 1995). Но буквально тут же она пишет «об одной особенности андаманского социального сознания: ни одна вещь не может принадлежать одному лицу долгое время. Происходит постоянный обмен вещами, предметы собственности находятся в непрерывном движении... Личные вещи постоянно меняют хозяев, что тоже мешает стабилизации отношений собственности... Легкость обмена сказывается на психологии островитян. Она определяет отсутствие чувства жадности, чувства собственности. В просьбах почти никогда не отказывают, это считается непочтительно невежливым; нужно немедленно отдать то, что просит друг или просто соплеменник» (С. 128). Дело, конечно, не в социальном сознании и психологии, а в господствующих социально-экономических отношениях, которые являются коммуналистическими. И обмен имеет место только между членами разных общин, в остальных случаях — это разбор или дачеделаж.

То же противоречие пронизывает работы Р. Ли о бушменах. «Пища, — утверждает автор в одном месте, — есть собственность мужчины или женщины, которые добыли ее, однако, — тут же добавляет он, — почему-то каждый член лагеря участвует в вечерней трапезе даже в дни, когда только некоторые из его членов участвовали в добычании пищи» (Lee, 1972. Р. 348). И Р. Ли рисует в работе детальную картину распределения всего добытого членами группы внутри лагеря, в результате которого каждый получает справедливую долю (Р. 342–343, 348, 349). Общий вывод, к которому он приходит, состоит в том, что общество бушменов есть коммунистическое, в котором действует принцип: от каждого по способностям, каждому по потребностям (Lee, 1968. Р. 74). В последних своих работах Р. Ли прямо характеризует первобытное общество как первобытно-коммунистическое или коммуналистическое (1988).

Дж. Дулинг в своей работе «Индивидуальная собственность и дачеделаж добычи в охотничьих обществах» не сомневается, что во всех этих социоисторических организмах вся пища находится в индивидуальной собственности. И вполне понятно, что все существующие в этих обществах способы определения добытки зверя он трактует как методы установления собственника добычи. Но в связи с этим перед ним встает вопрос, почему же законные, признанные обществом собственники добычи не оставляют ее себе, не пользуются ею по своему усмотрению, а в обязательном порядке раздают товарищам по охоте или селению. И никакого сколько-нибудь вразумительного ответа на этот вопрос автор так и не смог найти (Dowling, 1968. Р. 86).

На основании всех этих фактов многие исследователи отказались говорить о существовании не только частной, но и даже личной собственности, по крайней мере, на пищу у охотников и собирателей. Так, например, Чарлз Габриэл Селигмен (1873–1940) и Бренда З. Селигмен (1882–1965) в монографии о ведах Цейлона (Шри-Ланки), описывая те же самые явления, что и И. Шапера, А. Р. Радклифф-Браун, Р. Б. Ли, заявляют, что им не кажется, что пища у этого народа была индивидуальной собственностью (Seligman and Seligman, 1911. P. 86).

Другие этнографы прямо утверждают, что в изученных ими классовых обществах пища или, по крайней мере, охотничья и рыболовная добыча являлась общей собственностью (Gribble, 1874. P. 117; Erenreich, 1887. S. 31; Шренк, 1903. С. 36; Howitt, 1904. P. 764; Jochelson, 1910. P. 124; Лопатин, 1922. С. 191; Vanoverbergh, 1924. P. 409; Kroeber, 1925, P. 301; Кунов, 1929. С. 82; Shirokogorov, 1929. P. 195; Штернберг, 1933. С. 40; Henry, 1941. P. 97; Ransom. 1946. P. 613; Freichen, 1951. С. 152; Powell. 1971. P. 49; Bohanan, 1975 P. 96; Зибарев, 1990. С. 176 и др.).

И они правы. Пища у значительной части этих народов находилась только в индивидуальном распоряжении, но не в индивидуальной собственности. У всех у них она полностью или частично была коллективной собственностью. И разбор и дележ являются нагляднейшим проявлением коллективистического характера собственности на пищу.

«У нас, — писала Рут Бунцел в разделе „Экономическая организаций примитивных народов“ вышедшего под редакцией Ф. Боаса руководства „Общая антропология“, — противопоставляя капиталистическое и первобытное общества, — пищевые запасы есть движимое имущество, над которым мы имеем абсолютное право собственности. Однако большинство примитивных народов имеет тенденцию рассматривать пищу как часть природы, над которой они могут проявлять лишь ограниченный контроль» (Bunzel, 1938. P. 345). Как указывает она, такое отношение к пище существует не только у низших (т. е. раннепервобытных. — Ю. С.) охотников и собирателей, но и у народов, достигших более высоких ступеней развития. Так, индейцы дакота «чувствуют, что пища в действительности не может быть собственностью. И это находит выражение в их языке, в котором притязательное местоимение не может быть отнесено к пище» (P. 346).

Вещи, которыми делятся, всегда являются общей собственностью тех лиц, которые ими делят с другим делятся. Это верно по отношению не только к пище, но и любым предметам. Общественной собственностью, лишь находящейся в индивидуальном распоряжении, являются на данной стадии развития все вообще вещи личного пользования.

В отличие от пищи, вещи, как правило, не подлежали разделу. Они были прежде всего объектами трудового обмена. Любая вещь поступала первоначально в распоряжение того человека, который ее изготовил. Исключением было, когда один человек изготовлял вещь специально для другого. Вещь тогда сразу же поступала в распоряжение того, для кого была изготовлена.

О том, что и в случае с вещами, а не только пищей мы имеем дело не с личной собственностью, а личным распоряжением общественной собственностью, говорит дачеделаж. Люди на той стадии развития делились вещами друг с другом.

«Они, — писали, например, об австралийцах племени арунта (аранда) Б. Спенсер и Ф. Гиллен, — всегда были привычны отдавать долю пищи или всего того, чем могли обладать, своим товарищам» (Spencer and Gillen, 1927. P. 37). Если один член коллектива просил у другого какую-либо вещь, последний не мог ему в этом отказать. В результате этого внутри первобытного коллектива происходила быстрая циркуляция вещей. Они постоянно переходили из рук в руки. Л. Шарп в своей статье, посвященной австралийскому племени йири-йоронт, особо указывает на ту свободу, с которой вещи переходили из рук одного аборигена в руки другого. Переход этот осуществлялся как с согласия прежнего распорядителя вещи, так и без согласия (Sharp. 1934. P. 38).

И тот факт, что вещи у аборигенов Австралии находились не в личной, а общественной собственности, достаточно четко осознавался рядом исследователей. «Внутри рода нет личной собственности, — писал Дж. Таплин, — все орудия, оружие и т. д. принадлежат всем членам рода коллективно; каждый рассматривает их как собственность его рода... Если у него есть какое-либо оружие или сеть, или лодка, которые в известном смысле являются его собственными, он знает, что его собственность на эти предметы подчинена верховным правам его рода» (Taplin, 1879. P. 11).

Э. Томас, детально знакомая с жизнью бушменов, сообщает, что имеющиеся у них вещи постоянно циркулируют между членами группы. Стоит только кому-нибудь что-либо попросить, как человек немедленно отдает. «Их культура требует, чтобы они делились друг с другом, и никогда не бывает, чтобы бушмен отказывался поделиться вещью, пищей или водой с другим членом его группы» (Thomas, 1859. P. 21). Сюзанна Кент, которая изучала одну из общин бушменов Калахари, особо подчеркивает, что туземцы регулярно делились не только животной и растительной пищей, но и вещами. Орудия и другие предметы постоянно переходили из рук в руки (Kent. 1993. P. 496, 503).

В своей уже неоднократно упоминавшейся монографии об андаманцах А. Р. Радклифф-Браун утверждает, что у них все движимое имущество находится в индивидуальной собственности. Однако он тут же отмечает наличие у них обычаев, которые имеют своим результатом приближение имущественных отношений к коммунизму. Как отмечает он, андаманцы постоянно обмениваются вещами друг с другом. «Отказ в просьбе другого, — пишет А. Р. Радклифф-Браун, — рассматривается как нарушение хороших манер. В результате если к человеку обращаются с просьбой дать что-либо, то он немедленно откликается» (Radcliffe-Brown, 1964. P. 42).

Диалектику соотношения общественной собственности на продукты труда и индивидуального распоряжения ими не смог понять

Рудольф Карстен. Отсюда явное противоречие в его характеристике имущественных отношений у чороти. С одной стороны, он утверждает, что все добытое или созданное индейцем является его исключительной собственностью, частной собственностью (Karsien, 1932. P. 94). С другой, он же неоднократно повторяет, что собственность у чороти практически в большой степени является общей для всех, что продукты труда у них практически принадлежат всем (P. 45, 93).

Все вещи у кубео делились на две категории. Большие каноэ, большие сосуды, печь, в которой готовился хлеб из маниока, пресс для сахарного тростника, скамейки для гостей, которые изготовлялись главарем и его женой, были общественной собственностью. Что же касается горшков, небольших каноэ, орудий охоты и рыболовства, то они рассматриваются исследователем как собственность отдельных лиц. Но одновременно исследователь сообщает, что люди совершенно свободно делились ими друг с другом. Мужчины брали друг у друга эти вещи как с разрешения, так и без разрешения. Циркуляция вещей среди людей была тем более свободной, чем ближе были узы, их связывающие (Goldman, 1948. P. 785; 1963. P. 75).

У индейцев дакота каждый имел право попросить что-либо у другого, и отказа в такой просьбе не могло быть (Bunzel. 1938. P. 346).

Все это вместе взятое не оставляет сомнения в коммунистическом (коммуналистическом) характере первобытных производственных отношений и на том этапе их развития, когда господствующей или даже единственной формой распределения стал дележ. И на этом этапе человеческий коллектив продолжал оставаться первобытной коммуной. Ранее первобытное общество имело своей основой первобытно-коммунистический, или коммуналистический, способ производства, в развитии которого имели место два этапа, один из которых характеризуется разбором, а второй — дележом. Поэтому оно представляло собой особую, первую в истории человечества общественно-экономическую формацию — первобытно-коммунистическую, или коммуналистическую.

Развитие дележно-коммуналистических отношений вообще, да-чележных в особенности, подготовило условия для появления отношений распределения по труду, а тем самым и для перехода к другому основному способу производства — первобытно-престижному и тем самым ко второй в истории человечества общественно-экономической формации. Позднее первобытное общество тоже представляло особую общественно-экономическую формацию — первобытно-престижную.

3. Собственность на землю

Но прежде чем обратиться к процессу превращения раннепервобытного общества в позднепервобытное стоит, пожалуй, несколько задержаться на вопросе, который до сих пор рассматривался лишь в самом общем плане.

Речь идет о характере собственности на землю, а тем самым и на природные ресурсы в раннепервобытной общине. До сих пор я ограничивался утверждением, что она была коммуналистической. Необходимо конкретизировать это положение.

В буквальном смысле положение о том, что земля является коммуналистической собственностью, означает, что она представляет собой собственность определенного социоисторического организма, т. е. конкретной раннепервобытной общины. Однако в отношении некоторых народов, находившихся на этой стадии, исследователи утверждают, что у них вообще отсутствовала какая-либо собственность на землю. Так, например, К. Биркет-Смит указывал, что у эскимосов карибу ни индивиды, ни община не могли претендовать на какую-либо определенную территорию (Birket-Smith, 1929. P. 260–261). Об отсутствии и индивидуальной, и групповой собственности на землю у батаков Малакки пишет К. Эндикотт (Endicott, 1988. P. 113). Дж. Николайсен категорически утверждает, что понятие собственности на землю было совершенно чуждо пунанам Саравака (о. Калимантан, или Борнео) и многим, если не всем, аэта о. Лусон (Nicolaisen, 1974–1975. P. 426–427).

Но это отсутствие собственности на землю реально означало, что каждый член общины мог пользоваться всеми природными ресурсами, которые были физически доступны ему, без каких-либо социальных ограничений. Чтобы понять отношение такого состояния и коммуналистической собственности, нужно выявить, в чем именно выражалась последняя. Собственность раннепервобытной общины на землю проявлялась в том, что все ее члены без исключения могли пользоваться природными ресурсами территории, которой она владела. Нетрудно заметить, что в главном и основном отсутствие собственности на землю и коммуналистическая собственность на нее совпадают. Отличие заключается лишь в том, что в случае с коммуналистической собственностью человек мог свободно пользоваться не всеми физически доступными природными ресурсами, а лишь теми, что находились на территории, принадлежащей его общине. В первом случае существовало только физическое ограничение доступа к природным ресурсам, во втором — и социальное.

Это социальное ограничение имело не только негативную, но и позитивную сторону. Последняя состояла в том, что не все вообще люди, а только члены данной общины имели свободный доступ к природным ресурсам данной территории. Члены других общин такого доступа не имели. Это отнюдь не значит, что природные ресурсы определенной территории всегда были в исключительном пользовании членов только одной общины. Как свидетельствуют данные этнографии, члены одной общины могли охотиться и заниматься собирательством на территории другой общины. Однако это предполагало согласие, пусть молчаливое, членов общины-хозяйки.

У большинства народов, находившихся на рассматриваемой стадии, земля была собственностью общины. Так, например, обстояло дело

у андаманцев (Radcliffe-Brown, 1964. Р. 26, 29). Как уже указывалось, у бушменов кунг группа была текуча по своему составу. Однако в каждой из них было более или менее постоянное ядро. Именно члены этого ядра и считались собственниками определенной территории. Однако свободный доступ к природным ресурсам имели все без исключения члены группы, в том числе и те, кто только недавно к ней присоединился. В этом смысле вся группа в целом была собственником данного участка земли (Marshall, 1976. Р. 184–187; Lee, 1979. Р. 333–337).

У австралийских племен, у которых существовала родовая община, собственником земли считался род (Берндт, Берндт, 1981. С. 27–30). Но вполне понятно, что право пользоваться природными ресурсами имели все члены общины независимо от их родовой принадлежности. И в этом смысле собственность на землю была не столько родовой, сколько общинной.

Некоторые исследователи утверждают, что у части охотников и собирателей существовала семейная или индивидуальная собственность на землю (см.: Hershovits, 1965. р. 335–339). Немало сообщений подобного рода относится к аборигенам Австралии (см.: Davidson, 1928; Кабо, 1986. С. 67–71). Если остановиться только на последних, то не может не броситься в глаза, что подавляющее большинство их содержится в работах ранних авторов, которые не были этнографами. Кроме того, эти сообщения крайне противоречивы. Одновременно утверждается и то, что индивиды владели участками земли, и то, что эти участки земли совместно использовались всеми членами общины (Кабо, 1986. С. 70).

Более поздние авторы в большинстве своем говорят об общинной собственности на землю у австралийцев, не упоминая ни об индивидуальной, ни о семейной (Radcliffe-Brown, 1913. Р. 46; Элькин, 1952. С. 53–54). Роналд Мюррей Берндт (1916–1990) и Катрин Хелен Берндт (1918–1994) в своей обобщающей работе «Мир первых австралийцев» (1981) даже категорически заявляют, что «земля, от которой всецело зависят аборигены, не бывает личной собственностью. Нет частной собственности как таковой, нет индивидуальных участков для сбора ямса или личных деревьев и т. д. Земля принадлежит локальной группе, клану или даже племени» (Берндт и Берндт, 1991. С. 102).

Владимир Рафаилович Кабо (1925–2009) допускает существование у отдельных австралийских племен индивидуальной или семейной собственности на землю, но при этом подчеркивает, что над ней возвышалась собственность общины в целом (1986. С. 69, 71). Представляется, что в самом крайнем случае можно говорить лишь об индивидуальном пользовании участком земли, принадлежащим общине.

Если покинуть пределы Австралии, то у некоторых групп охотников и собирателей можно обнаружить закрепленные за семьями и передающиеся по наследству охотничьи участки. Так обстояло, например, дело у части северных алгонкинов: монтанье, наскапи, кри (Соопер, 1939; Speck, 1942). Но как показали исследования Элеоноры Бёке Ликок (1922–1987), это представляет собой позднее явление.

связанное с европейской колонизацией и пушной торговлей (Leacock, 1954; 1962).

У кадаров Кералы (Индостан) лес вокруг деревни был разделен между ее жителями. Человек имел исключительное право на сбор растительных продуктов на выделенном ему участке (Iyers, 1909–1912. P. 36). По утверждению некоторых исследователей индивидуальные или семейные охотничьи и собирательские участки существовали у ряда других охотников и собирателей Индии (Aiyappa, 1930–1937. P. 29).

Для правильного понимания этого явления необходимо принять во внимание, что как кадары, так и другие охотники и собиратели Индии (бирхоры, малапантарам, ченчу, наяди, наяка и др.) веками находились в тесной экономической связи с соседями-земледельцами. Они постоянно поставляли им мед, воск, мясо обезьян и оленей, дикорастущие плоды, веревки, корзины, получая в обмен железные орудия, наконечники стрел, ткани, рис. И без этого обмена они уже не могли обходиться. Постоянный приток продуктов земледелия и ремесла стал для них необходимым условием существования. По существу они во многом были уже интегрированы в индийское классовое общество в качестве своеобразных специализированных групп, подобных ряду профессиональных каст Индии. А некоторые из них, например, наяди Кералы, переселившись из джунглей в многокастовые деревни, превратились в подлинную касту (Furer-Haimendorf, 1943. P. 79–81; Ehrenfelds, 1952. P. 11–17; Fox, 1969; Morris, 1982 Byrd-David, 1990).

Сходными в ряде аспектов были отношения между азта (агта) и земледельцами на о. Лусон (Peterson, 1978). Такие охотники и собиратели Африки, как бамботе Конго, а также пигмеи, в частности мбути и батва, также в течение веков находились в тесных экономических и иных связях с земледельческим населением, но находившимся на стадии не классового, как в случае с Индией, а предклассового общества. В результате мбути и батва даже утратили собственные языки и усвоили языки своих земледельческих соседей — банту.

Как сообщают исследователи, мбути половину своей охотничьей добычи отдают банту, получая взамен металлические орудия, ткани и главное — продукты сельского хозяйства: маниок, бананы, рис, сладкий картофель. Эти продукты составляли более половины весового состава их пищи. С этим связана сравнительно незначительная роль в их жизни собирательства. Мбути больше предпочитали охотиться и обменивать мясо на земледельческие продукты, чем заниматься сбором даров природы (Icikava, 1979. P. 135–138; Tanaka, 1976. P. 201; Terashima, 1980. P. 228–232).

Однако влияние экономического обмена с банту на социально-экономические отношения мбути было менее значительным, чем у охотников и собирателей Индии. У мбути земля находилась в безраздельном владении общины. Ничего похожего на семейные участки у них не существовало (Icikava, 1979. P. 171).

В целом есть все основания полагать, что на стадии ранней первобытной общины собственность на землю и природные ресурсы носила коммунистический (коммуналистический) характер.

4. О критике и критиках первобытного коммунизма

Все приведенные выше данные убедительно свидетельствуют о существовании в эпоху раннепервобытного общества коммунистических (коммуналистических) отношений. Но тем не менее имеются исследователи, которые выступают против концепции первобытного коммунизма. И важно ознакомиться с их доводами. Как обосновывают они свои взгляды, на что ссылаются, какие факты приводят?

Один довод был уже рассмотрен: коммунизм предполагает отсутствие индивидуальной собственности, а таковая существует даже у бушменов и андаманцев, не говоря уже о более развитых народах. Как было показано выше, и у бушменов, и у андаманцев существовала не индивидуальная, а тем более не частная собственность, а индивидуальное распоряжение объектами, находящимися в общинной собственности. И это выступает настолько явно, что и И. Шапера и А. Р. Радклифф-Браун, начав с утверждения о существовании у этих народов частной собственности, кончают заявлением, что их экономическая жизнь в действительности приближается к разновидности коммунизма.

Своеобразную эволюцию претерпели взгляды на первобытную экономику у Б. Малиновского. В монографии «Семья у австралийских аборигенов» (1913) исследователь безусловно признавал существование у них коммунизма, хотя и подчеркивал, что распространяется он лишь на пищу, точнее даже, на охотничью добычу (Malinowski. 1913. P. 283–286). В более поздней работе «Аргонавты Западной части Тихого океана» (1922) Б. Малиновский характеризует концепцию «первобытного коммунизма дикарей» как явно ошибочную, как недоразумение (Malinowski. 1922. З. 97, 167). В этой книге в отличие от первой он исходит из данных об экономике меланезийцев о-вов Тробриан. И в отношении тробрианцев он был совершенно прав: коммунизма у них действительно не существовало. Но это ни в малейшей степени не опровергает концепции первобытного коммунизма.

Как уже указывалось, в развитии общества, которое принято называть первобытным, примитивным, догосударственным и т. п., можно выделить эпоху собственно первобытного общества и эпоху перехода от собственно первобытного общества к классовому, — предклассовую. В свою очередь в эволюции собственно первобытного общества существуют две стадии: (1) раннего первобытного общества (раннепервобытной общины) и (2) стадию позднего первобытного общества (позднепервобытной общины). Первобытный коммунизм был характерен только для первой из этих стадий. Раннепервобытная община была коммунной. На этой стадии все средства производства и предметы

потребления были собственностью общины, что, начиная с определенного времени, сочеталось с нахождением их в распоряжении отдельных индивидов. Все продукты труда распределялись между членами общины в соответствии с их потребностями.

Переход к стадии позднепервобытного общества был ознаменован появлением, наряду с распределением по потребностям, распределения по труду, а также индивидуальной собственности, имущественного неравенства и первых форм эксплуатации человека.

Период предклассового общества характеризуется формированием частной собственности и основанных на ней различных видов эксплуатации. Тробрианское общество, детально изученное Б. Малиновским, находилось на грани перехода от позднепервобытного к предклассовому. В нем в лучшем случае сохранялись лишь рудименты уже ушедшего в прошлое коммунизма.

Разделоделаж, дачеделаж, а иногда разбор продолжали существовать и в позднепервобытном, и даже в предклассовом обществе. На этом основании некоторые исследователи говорили о существовании первобытного коммунизма в отдельных позднепервобытных и даже предклассовых обществах. Возражая им, другие ученые приводили данные, свидетельствующие о наличии в этих обществах подлинной индивидуальной или даже частной собственности и т. п. Они считали, что тем самым опровергают концепцию первобытного коммунизма. Так, например, поступал Р. Лоуи в своем «Примитивном обществе» (Lowie, 1961. Р. 205–210).

У него обнаруживается и еще один подход к проблеме первобытного коммунизма. Он создал для себя представление о том, каким должен быть этот коммунизм. В частности, он, по его убеждению, должен исключать какие бы то ни было личные права на вещи, какие бы то ни было личные мотивы деятельности (Р. 206, 209). Сопоставляя реальные общества с созданным им идеалом, Р. Лоуи отказывает им в праве именоваться коммунистическими на том основании, что они не полностью согласуются с ним.

И все-таки в конце концов он вынужден признать, что по крайней мере общества некоторых «примитивных» народов являются коммунистическими. В частности, это относится к народам Арктики. Он даже говорит об «арктическом коммунизме» и указывает как на одну из его черт на «альтруистический дежеж пищевых запасов» (Р. 210).

Решительным противником концепции первобытного коммунизма был Г. Кунов. Первобытный коммунизм, в его представлении, это такой строй, при котором «все принадлежит всем», в частности земля является «собственностью всех» (1929. С. 4). Но подобного рода общественные нормы никогда не существовали. Земля на ранних стадиях развития принадлежала «не всем без различия, а определенным маленьким кочующим ордам» (С. 5). И вообще, когда сообщается о совместной собственности, то это всегда собственность не всех, а определенных групп людей (С. 4).

Положение о том, что земля принадлежала отдельным общинам, в основном верно, хотя, как мы уже видели, существовали и исключения. Но оно ни в малейшей степени не опровергает концепции первобытного коммунизма. Коммунизм предполагает не всеобщую собственность, а общественную собственность, собственность общества. Первобытная община была обществом. Поэтому общинная собственность была собственностью общества.

Это настолько очевидно, что в дальнейшем изложении Г. Кунов снимает это свое возражение. Он выдвигает уже иное понимание первобытного коммунизма: все члены общины сообща владеют всеми имеющимися налицо предметами, и пытается доказать, что у австралийцев, например, ничего такого не было. Земля, конечно, принадлежала общине в целом, но все, что добывает индивид собственными усилиями, является его собственностью (С. 64).

Конечно, Г. Кунов не может обойти тот факт, что члены общины делились своей добычей друг с другом. И вот что он пишет по этому поводу: «Правда, у австралийцев мы находим род потребительского коммунизма. Счастливый охотник должен отдать орде часть своей добычи; и в этом случае не все члены орды без различия имеют равное право на мясо и рыбу, а только определенный круг родственников. К тому же этот потребительский коммунизм возникает не из так называемого первобытного „духа общественности“ или „чувства солидарности“ и т. д., вообще не из какого-либо этического принципа, а под давлением нужды: это фактически коммунизм нищеты (Notstandskommunismus)» (С. 64). С тем, что первобытный коммунизм возник вовсе не из этических принципов, а по объективным причинам, согласиться вполне можно. Но одно несомненно: он возник и существовал.

Самая последняя по времени попытка поставить под сомнение концепцию первобытного коммунизма была предпринята Э. Сервисом. Его позиция крайне противоречива. Он безусловно признает, что социальная экономика «примитивных» народов является полной противоположностью капиталистической, в силу чего ее иногда характеризуют как коммунизм или первобытный коммунизм. Как отмечает он, слово «коммунизм» имеет несколько значений, но все они включают идею общественной, коммунальной или государственной собственности, по крайней мере, на важнейшие ресурсы и средства производства (Service, 1971. P. 22).

Бесспорно, что естественные ресурсы, используемые общиной охотников и собирателей, находятся в коллективной или коммунистической собственности. Что же касается вещей, то они — в руках отдельных людей. Поэтому в каком-то смысле можно сказать, что они были в «собственности» (это слово поставлено в кавычки Э. Сервисом) индивидов. Но это обладание вещами носило крайне своеобразный характер. Существовало мощнейшее обязательство делиться всеми продуктами труда. В силу его самые различные люди имели право на долю всего того, чем обладал данный индивид. В результате каждый обладатель не имел права распоряжаться вещами по своему усмотрению. Тем

более нет смысла говорить о существовании в примитивной общине частной собственности, которая предполагает, что одни люди что-то имеют, а другие — лишены этого (Р. 23–24).

Но, убедительно показав, что в ранней общине охотников и собирателей существовал коммунизм, Э. Сервис откровенно признает, что рассматриваемое общество коммунистическим. «Если, — пишет он, — не существует истинной частной собственности в сколько-нибудь пригодном смысле в примитивных общинах, то являются ли они коммунистическими? Если подойти к вопросу поверхностно, то ответ будет утвердительным. Рассмотрение его по существу влечет за собой отрицательный ответ. Если коммунизм означает просто отсутствие частной собственности на природные ресурсы и средства производства, то, безусловно, общины охотников и собирателей являются коммунистическими. Но это в лучшем случае поверхностное, если не ведущее к заблуждению заявление. Община охотников и собирателей базируется на родстве: она является фамилистической (familistic). Но разве семьи (фамилии), особенно домашние семьи в любом обществе, включая „капиталистическую Америку“ и „коммунистическую Россию“, не являются в равной степени коммунистическими? Если мы будем сравнивать сопоставимое, то обнаружим, что примитивная община охотников и собирателей из 30–60 человек, несомненно, превышает по размерам семью в урбанизированной Америке, но она все же семья и она же все-таки очень небольшое общество. И неудивительно, что ее члены действуют фамилистически, как в экономических, так и в других делах» (Р. 24–25).

Далее следует длинная цепь рассуждений, суть которых коротко сводится к следующему. В наше время коммунизм рассматривается как альтернатива капитализму. Говоря и о капитализме, и о коммунизме, имеют в виду большие индустриальные государства. Поэтому собственность принадлежит не кучке родственников, а либо миллионам граждан государства, либо самому государству. Средствами производства, которые находятся в собственности, являются не каменные ножи, а фабрики, рудники и т. п. Говоря и о капитализме, и о коммунизме, мы имеем в виду не семьи, а большие сложные государства, базирующиеся не на родственных, а на безличностных связях. И если употреблять слово «коммунизм» в этом смысле, то общину охотников и собирателей нельзя назвать коммунистической. Экономике этой общины лучше всего можно было бы охарактеризовать как фамилистическую. И ни одно современное общество, каким бы коммунистическим оно ни было, не является фамилистическим в целом (Р. 25–26).

Э. Сервис совершенно прав, когда говорит о качественном отличии первобытных общин от тех современных обществ, которые принято называть коммунистическими. Но это ни в коем случае не ставит под сомнение концепцию первобытного коммунизма — именно первобытного, а не какого-либо иного коммунизма. По существу Э. Сервис признает эту концепцию, отказываясь лишь от использования слова «коммунизм» в применении к первобытности. Ученый прав, указывая

на определенное сходство отношений в первобытной общине и современной семье. И там, и там действует принцип распределения по потребностям. Но коренное различие заключается в том, что первобытная община была обществом, социоисторическим производственным организмом, базисом которого были коммунистическая собственность, а современная семья является всего лишь небольшой индивидуальностепотребительской ячейкой в составе общества, социоисторического организма, основанного на социально-экономических связях, отличных от коммунистических отношений собственности.

Выше уже отмечалось, что термин «первобытный коммунизм» был в советской марксистской литературе довольно продолжительное время фактически под запретом. Сейчас этот запрет исчез. Но некоторые экономисты, считающиеся марксистами, им по-прежнему не пользуются. Он, например, полностью отсутствует в уже упоминавшемся выше труде А. И. Колганова «Что такое социализм? Марксистская версия», в котором целый раздел посвящен первобытному способу производства. Возможно, причина — в укоренившейся за много лет традиции. Но может быть и другое, более серьезное объяснение. Автора прежде всего смущает, что в первобытном обществе «большая часть деятельности в сфере собирательства, охоты (рыболовства), изготовления орудий покоилась на индивидуальном или мелкогрупповом труде» (Колганов, 2012. С. 135). Отсюда следует вывод: «Соответственно, орудия труда находились в индивидуальном пользовании (за небольшим исключением — например, большие лодки для морского рыболовства), а продукты охоты, рыболовства, собирательства *чаще всего не составляли общего фонда*» (С. 135. Курсив автора). И еще: «*Ни орудия труда, ни произведенный продукт, как правило, не составляли в общине общего фонда, которым бы распоряжались вожди или старейшины, или собрание общины*» (С. 135). Да, действительно, в раннепервобытной общине не было особого склада, где бы хранились орудия труда и куда бы сносился бы весь созданный продукт, не было особых лиц, которые выдавали орудия и распределяли средства потребления. И тем не менее общественный фонд был. В него входила все без исключения вещи (и средства производства, и предметы потребления), которыми пользовались члены общины, ибо все они без малейшего исключения находились в общей собственности всех членов общины вместе взятых. Колхозов в первобытности действительно не существовало, а коммунизм был. Кстати говоря, сам же А. И. Колганов предостерегает от «перенесения на первобытную общину современных представлений об общей собственности» (С. 135). Но до конца последовательно он эту линию не выдерживает.

Часть третья

Экономика первобытно- престижного общества

Глава 16. Возникновение дародачеобмена (церемониального обмена) и дароплатежеобмена	309
Глава 17. Возникновение великодараобмена и дароторжеств	328
Глава 18. Раздвоение первобытной экономики на престижную и жизнеобеспечивающую и его последствия для развития общества	346
Глава 19. Престижная экономика и зарождение первых форм эксплуатации человека человеком	364
Глава 20. Возникновение помогодоминарного, заемнодоминарного и доминарного образов эксплуатации: финальные бигмены, преплутаристы и геронтократы	399
Глава 21. Престижная экономика собирателей, охотников и рыболовов с поздними чифменами и преполитархами	435
Глава 22. Новая Гвинея: жизнеобеспечивающая и престижная экономика земледельцев и животноводов	454
Глава 23. Архипелаги меланезии и остров Алор (Индонезия): престижная экономика с бигменами	482
Глава 24. Жизнеобеспечивающая и престижная экономика земледельцев и животноводов: вариант с чифменами	501
Глава 25. Жизнеобеспечивающая и престижная экономика земледельцев и животноводов: преполитаризм и переход к протополитаризму	516
Глава 26. Первобытно-престижный способ производства и первобытно-престижная общественно- экономическая формация	542
Глава 27. Дополнительные материалы о всеобщности престижной экономики: доклассовые общества	547
Глава 28. Дополнительные материалы о всеобщности престижной экономики: классовые общества	575

Глава 16

Возникновение дародачеобмена (церемониального обмена) и дароплатежеобмена

1. Кризис коммуналистических отношений

С появлением более или менее регулярного избыточного продукта остро встал вопрос о стимулах дальнейшего развития производства. Один из способов решения этой проблемы состоял в том, чтобы работник непосредственно получал в свое распоряжение весь продукт, который он создал своим трудом. Иными словами, свою первоначальную долю человек получал по труду. Однако он получал ее только в распоряжение, но не в собственность. Собственником созданного им продукта по-прежнему оставался социоисторический организм. Это находило выражение прежде всего в обязанности добытчика делиться продуктом с остальными членами общины. Человек делился продуктом с другими членами коллектива, те в свою очередь также делились с ним созданным ими продуктом. В результате доля продукта, которую он получал в пользование (потребительная доля) могла существенно отличаться от той, которую он первоначально получал в свое распоряжение (распорядительной доли). Если распорядительную долю он получал по труду, то потребительную — в конечном счете по потребностям.

Распорядительная доля могла быть и большей, и меньшей, чем потребительная. Если распорядительная доля была больше потребительной, то это различие обеспечивало человеку уважение и престиж, причем его престиж был тем более велик, чем больше распорядительная доля превышала потребительную. Стремление получить и повы-

ситель престиж за счет щедрой раздачи созданного работником продукта членам своего коллектива было важным стимулом производственной деятельности.

Чем больше человек создавал своим трудом, тем больше он мог раздать и тем самым добиться более высокого престижа. Вполне понятно, что не все люди могли грудиться в одинаковой степени. Были более способные к труду и менее способные, более трудолюбивые и менее трудолюбивые, более удачливые, скажем в охоте, и менее удачливые. Одним удавалось довольно легко добиться престижа, у других с этим ничего не получалось. Все это с неизбежностью порождало известное неравенство людей. Люди, имевшие престиж, всегда составляли меньшинство в коллективе. И большинство относилось к ним амбивалентно. С одной стороны, ими восхищались, их уважали, а с другой — им завидовали.

Подобную картину наблюдалась, например, у пигмеев мбути. Хотя способность человека как охотника и давала ему известный авторитет, однако слишком большие успехи в этой деятельности могла привести к осмеянию. Мужчина, что выставлял себя как великого охотника и слишком громко хвастался своими достижениями, становился до некоторой степени подозрительной личностью. Любая попытка с его стороны использовать свою репутацию для приобретения большего влияния, чем другие, немедленно вела к тому, что он становился объектом насмешки (Turnbull, 1966. P. 178–179).

Более подробны сведения о бушменах кунг. Как отмечает исследователь, охотники значительно отличались друг от друга по результату своей деятельности. Так из 127 охотников 37 ни разу не убили антилопу, а 43 — по десять и более раз (Lee, 1979. P. 243). Но это не привело к появлению системы бигменов (больших людей), в которой бы несколько талантливых индивидов возвышались бы над остальными в терминах престижа (Lee, 1979. P. 246; 1984. P. 50). Господствовал идеал равенства. Основные требования, которые предъявлялись к удачливому охотнику, — скромность и преуменьшение своих заслуг (Lee, 1979. P. 247; 1984. P. 48). При вести об успешной охоте люди проявляли внешнее безразличие или даже отрицательное отношение (Lee, 1984. P. 48). Однако наряду с этим исследователем утверждается, что распределение мяса приносило охотнику престиж (Lee, 1979. P. 247). Впрочем, оно могло повлечь за собой и обвинение в скупости и неверных действиях, если кому-либо не понравились его результаты (1979. P. 247; 1984. P. 50).

В целом же слишком энергичного охотника или собирателя могли высоко ценить, но только до известного предела, за которым начинали действовать чувства зависти и обиды (1979. P. 249). В одной из работ утверждается, что каждого мужчину поощряли охотиться настолько хорошо, насколько он мог (P. 244). Однако одновременно мы узнаем, что после серии удачных охот и распределений охотник мог на время прекратить свою деятельность, чтобы дать и другим мужчинам шанс

проявить себя (Р. 249). Существует, правда, и другое объяснение этого явления, которое уже приводилось: человек не желал, чтобы его «эксплуатировали» (Wiesner, 1982. Р. 68–69, 79).

Таким образом, одно лишь превышение распределительных долей над потребительными и вытекающий отсюда престиж не могли сами по себе взятые обеспечить достаточно успешное развитие общественного производства. Рано или поздно оно должно было начать пробуксовывать. Необходимо было изменение принципа распределения, приход на смену коммуналистическому распределению распределения по труду, причем не по форме, а по существу.

Попробуем представить, к чему в идеале это должно было привести.

Это должно было означать переход продукта, созданного человеком, не только в его распоряжение, но и в собственность, а тем самым и возникновение наряду с общественной собственностью собственности отдельных членов общины. Эту собственность можно было бы назвать отдельной. В тот период времени *отдельная собственность*, как правило, была собственностью отдельных лиц, т. е. *персональной*.

Утверждение распределения по труду означало исчезновение трудодележа. Продукт переходил теперь не просто и не только в распоряжение индивида, а в его собственность. Это отнюдь не должно было означать, что все созданное человеком использовалось одним лишь им самим, что община превратилась в совокупность субъектов, которые ничем в экономическом отношении не были между собой связаны. Циркуляция продукта внутри общины, которая существовала раньше, не могла прекратиться. Она по-прежнему оставалась необходимым условием существования общества. Люди по-прежнему должны были давать друг другу и получать друг от друга различного рода продукты, среди которых главную роль играла пища. Однако эта циркуляция, происходившая раньше в форме дележа, прежде всего дачедележа, теперь должна была приобрести иные общественные формы.

Одна из таких форм описана у некоторых групп эскимосов, находившихся еще в целом на стадии раннепервобытной общины. Два человека, принадлежавшие к одному или разным стойбищам, договаривались о том, что они будут взаимно давать друг другу части добычи (Rasmussen, 1931. Р. 164; 1932. Р. 106).

При всем внешнем сходстве с дачеделом это были иные отношения. Дачедел не носил, как уже отмечалось, круго-линейный характер. Здесь же перед нами — чисто линейная связь, причем такая, которую можно установить и можно расторгнуть. Связь носит длящийся характер. Стороны постоянно дают друг другу, причем примерно в равном количестве. Однако требование эквивалентности не имеет явного характера. Скорее всего можно говорить о тенденции к эквивалентности. Каждые две непосредственно следующие друг за другом дачи могут быть и неэквивалентными, однако сумма всех дач одной стороны в течение длительного времени должна была быть примерно равна сумме всех дач другой стороны в течение того же времени.

Иначе говоря, в данном случае мы сталкиваемся с такой формой циркуляции материальных благ, которая представляет собой не распределение, а обмен. Ее, соответственно, можно было бы назвать *дачеобменом*. Без появления внутри социоисторического организма более или менее эквивалентного возмещения одним из его членов полученного от другого его члена невозможно утверждение ни распределения по труду, ни отдельной собственности.

Дачеобмен непосредственно смыкается с дачеделением. И логично было бы ожидать, что дальнейшее развитие социально-экономических отношений пойдет по линии простого перерастания дачеделенных отношений в дачеобменные. Однако в действительности все обстояло гораздо сложнее. Нарисованная выше идеальная картина выражает только общую тенденцию развития, а не его реальный ход.

Как следует из сказанного выше, суть перехода к распределению по труду заключалась в том, что человек не был больше обязан делиться с остальными членами социоисторического организма. Теперь все, что он давал другим членам общины, подлежало эквивалентному возмещению. Вещественный состав полученной им доли общественного продукта мог меняться, но сама эта доля должна была оставаться неизменной. И вполне понятно, что в таких условиях у человека, который трудился больше других, должно было скапливаться больше материальных благ, чем у других членов общества.

Но, как мы уже знаем, на стадии раннепервобытного общества формировалось и сформировалось резко отрицательное отношение к накоплению ценностей в руках отдельных людей, к тому, что этнографы именуют скупостью, жадностью. Идеалом была щедрость, прежде всего в отношении между членами коллектива. И такое отношение по инерции сохранялось очень долгое время и после перехода к стадии позднепервобытного общества и даже к предклассовому обществу.

В качестве примера можно привести общество папуасов капауку (Западный Ириан, Новая Гвинея), подробно описанное в монографиях Леопольда Ярослава Посписила (Pospisil, 1958; 1963a; 1963b), который вел там полевую работу в 1954–1955 и 1959 гг. У них уже существовало значительное имущественное неравенство и возникла эксплуатация человека человеком. Но обычной предполагал равенство. Согласно туземной этике было аморальным для богача потреблять больше пищи и лучшую пищу, чем остальные, носить украшения, которые выделяли бы его из общей массы и т. п. От него ожидали не выделяющегося потребления, а выделяющейся щедрости. По мнению туземцев, единственное, что может оправдать накопление богатства, это его распределение между менее удачливыми людьми (1963a. Р. 361, 405). Наличие большого богатства в сочетании с отсутствием щедрости расценивалось как преступление против общества. Обычным наказанием были недоброжелательные слухи, отказ в поддержке, бойкот, ostracism. Но бывало, что скупого богача убивали. Такой случай произошел, например, в одном из районов проживания капауку в 1955 г. Был убит

главарь деревни (1958. Р. 80, 243–245). В результате богачи стремились скрыть свое состояние. Они прятали особо ценные раковинные деньги в тайниках среди скал, в пещерах, отдавали их на хранение другим людям (1963а. Р. 311).

У капауку продолжал существовать обычай, обязывавший человека делиться пищей с родственниками и друзьями, предлагать ее тому, кто ее не имел. Чтобы избежать дефека, человек, получив деликатес, стремился скрыть это, ел тайком. Очень часто удачливый охотник или просто человек, получивший кусок свинины, поедая мясо вместе с женой и детьми в глубине леса, подальше от глаз своих сообщников (1963а. Р. 365–366). И это, повторяю, имело место в позднепервобытном обществе.

Сходную картину рисует в книге «Эскимосы Берингова пролива» Эдуард Уильям Нелсон (1855–1934), который вел там исследования в 1877–1881 гг. Если человек накапливал богатство лишь для себя и не заботился о членах своей деревни, то становился предметом зависти и ненависти. Его либо заставляли устроить пир и раздать все свое добро, либо убивали, а имущество делили (Nelson, 1899. Р. 305).

Таким образом на определенном этапе первобытного общества столкнулось с огромным препятствием на пути его дальнейшего развития. Производство не могло дальше развиваться без перехода к распределению по труду, без хотя бы частичного отказа человека от обязанности делиться с другими членами общины. Однако назревшая объективная необходимость в отказе от дефека в вопиющее противоречие с утвердившихся на протяжении тысячелетий требованием общества к своим членам делить между собой добытый продукт и делиться им друг с другом. Общество по-прежнему не желало позволить человеку накапливать в своих руках материальные ценности. Оно по-прежнему продолжало обязывать его быть щедрым, отдавать созданные ценности другим людям.

Отказ от дефека, с одной стороны, был насущно необходим, а с другой — продолжал считаться абсолютно невозможным. Общество оказалось в тупике, выхода из которого, казалось, не было. Но он нашелся. Выход заключался в возникновении и развитии особой формы дарообмена — системы престижного дарообмена, *престижной экономики*.

2. Возникновение дародачеобмена (церемониального обмена): хксаро, мербок, кула

Престижная экономика уходит своими корнями в зародившийся с возникновением избыточного продукта простой обыкновенный дарообмен. Последний с самого момента своего появления представлял собой циркуляцию избыточного продукта между членами разных

социоисторических организмов. Однако на первых порах он не играл сколько-нибудь важной роли в экономике. Значение его возросло, когда возникла необходимость в переходе к распределению по труду, которое не могло осуществляться без хотя бы частичного выпадения созданного человеком продукта из дележа. Существование дарообмена открывало путь к реализации этой задачи.

Чтобы не делиться созданным или добытым продуктом с другими членами своего коллектива, человеку достаточно было передать его в дар члену другого социоисторического организма. Причем важно подчеркнуть, что дая предмет члену другой общины, он не терял его полностью. Он лишался данного предмета, но получал право на отдар — предмет равноценный подаренному, причем иногда даже такой, который во всех отношениях был подобен дару. Ведь только в товарообмене всегда обмениваются предметы, имеющие разные потребительные ценности. Иначе этот обмен не имеет смысла. Иное дело — дарообмен. При нем возможен обмен вещей с одинаковой потребительной ценностью, т.е. во всем подобных (см.: Gregory, 1982. P. 47).

Но как бы то ни было, человек, подаривший одну реальную вещь, становился потенциальным собственником другой реальной вещи, эквивалентной по ценности подаренной. И так как он был не реальным, а только потенциальным собственником, вещь реально в его руках не находилась, то он не был обязан делиться ею с членами своего коллектива. Такая обязанность появлялась только тогда, когда он реально получал отдар. Но достаточно было, получив вещь, снова подарить ее, как она опять оказывалась недостижимой для других членов его общины.

Чем больше человек дарил, тем объемней становилась его потенциальная собственность. Иначе говоря, он получал возможность в своеобразной форме накапливать материальные ценности. У него появлялся своеобразный фонд собственности, в который он мог постоянно вкладывать. Чтобы увеличить свое потенциальное богатство, человек должен был постоянно дарить. Чтобы сохранять свои накопления, человек должен был постоянно, получив вещь в качестве отдара, снова отдавать в качестве дара. Также он должен был поступать и с полученным от кого-либо даром. Причем, кроме названной выше причины, в последнем случае действовала еще одна. Получив дар, индивид брал на себя обязательство возместить его эквивалентной материальной ценностью, оказывался в долгу. Если он оставлял дар у себя, то был обязан поделить им с другими членами коллектива. Предмет исчезал, а долг сохранялся. Человек должен был беспокоиться о том, чтобы к определенному моменту оказаться платежеспособным, точнее отла-ропоспособным, принимать все меры для того, чтобы обзавестись к этому времени вещью, равноценной полученному дару. Поэтому наилучшим выходом из положения было, получив вещь в дар от одного человека, подарить ее другому. В таком случае индивид оказывался в выгодном положении: его долг одному человеку уравнивался тем, что ему

самому был должен другой человек. Получив отдар от одного индивида, он в свою очередь использовал его в качестве отдара другому.

До сих пор речь шла об одном человеке. Но в таком положении оказывались все люди, связанные с ним дарообменными отношениями. Получив в качестве дара или отдара вещь, они также в свою очередь дарили ее или отдаривали с ее помощью ранее полученный дар. В результате могли получиться длинные цепи, по которым шел поток даров и отдаров. А дает дар Б, последний дает дар В, который в свою очередь вручает его Г и т. д. В обратном направлении идут отдары. Г, получив отдар, передает его В, от В отдар идет к Б, от Б к А. Цепи обмена могли включать в себя десятки людей и простирались на сотни километров.

Так как в каждой общине дарением и отдариванием занимались чуть ли не поголовно все взрослые их члены, то образовывалось множество параллельных, идущих в одном направлении цепей обмена, составлявших один поток, один путь. И таких потоков, таких путей или троп обмена могло существовать много. Подобного рода обмен этнографы часто именуют *церемониальным обменом*.

Логичным завершением было бы смыкание первого и последнего звеньев цепи церемониального дарообмена. Следствием было бы возникновение кольца, внутри которого шло бы бесконечное движение: прямое — даров и обратное — отдаров. И самое поразительное заключается в том, что все описанные выше, казалось бы, чисто логические схемы, были воплощены в реальность.

Дарообмен существует у всех народов, находящихся на поздних этапах первой стадии эволюции первобытной экономики. Но не у всех он приобретает подобные формы, не у всех становится, выражаясь словами некоторых этнографов, церемониальным. Но у некоторых он приобрел именно такой характер.

В начальной своей форме это явление было обнаружено у бушменов кунг области Добе, жизнеобеспечивающая экономика которых была ранее подробно рассмотрена. Говоря об области Добе, я буду иметь в виду также и район водного источника Ксаи-Ксаи, который одни и те же авторы то включают в данную область, то рассматривают как особое территориальное подразделение (Lee, 1979. P. 16–17, 40, 51–52).

У бушменов Добе существовал обмен, который обозначается словом *хксаро*. Он более или менее детально описан в работах Поли Уисснер и Р. Ли (Wiessner, 1982; 1986; Lee, 1984. P. 97–101). Хксаро представлял собой дарообмен. Однако существовали особенности, отличавшие его от классического дарообмена. В идеале дарообмен на фазе раннепервобытной общины имеет место только между членами разных общин. Хксаро происходил и внутри общины. Одно из объяснений состоит в том, что общины у бушменов Добе были аморфными с текущим составом. Поэтому провести грань между своими и чужими было

далеко не к просто. Вчера человек был членом одной общины, сегодня — другой.

Но ограничиваться только таким объяснением нельзя. Обмен происходил и между людьми, которые либо всегда, либо часто принадлежали к одной группе: супругами, родителями и детьми, братьями и сестрами. Особенно часто партнерами были супруги. И, это вполне понятно. Как уже отмечалось, супруги были людьми в принципе чужими по отношению друг к другу. Собственно, и дарообмен первоначально возник между половыми партнерами и положил начало движению, которое привело в конечном счете к появлению индивидуального брака.

Супруги и близкие родственники, будучи формально равноправными партнерами по хксаро, на деле чаще всего были лишь посредниками. Человек, например, не мог прямо передать дар свойственнику. Он делал это через супругу (супруга). Но, во всяком случае, люди из своей общины составляли сравнительно незначительное меньшинство среди партнеров по хксаро. Так, например, у бушменов Ксаи-Ксаи они составляли всего лишь 18 % общего числа. Остальные партнеры жили в других лагерях: 25 % — в радиусе 25 км, 25 % — в радиусе между 25 и 49 км, 24 % — между 50 и 100 км, 9 % жили на расстоянии свыше 100 км (Wiessner, 1986. P. 107). Поэтому обмен чаще всего происходил во время визитов в чужие лагеря, а также в периоды, когда несколько групп собирались вместе.

При хксаро, как это вообще характерно для дарообмена, отдар происходил спустя некоторое время — от полугода до года. В некоторых работах утверждается, что с хксаро не связано требование эквивалентности дара и отдара (Lee, 1984. P. 97–98; Wiessner, 1986. P. 105). Однако в других говорится, что для завязывания прочных отношений необходимо возвращение дара такой же ценности, что неадекватный отдар без обещания дать дополнительный влечет за собой напряженность в отношениях (Wiessner, 1982. P. 67, 71).

Партнерство при хксаро носило постоянный, иногда даже наследственный характер. Человек систематически давал партнеру вещи. Это могло происходить раз в несколько месяцев, раз в год, раз в несколько лет. Вещь, поступившая в обмен, должна была двигаться по определенному пути. По этому же пути в обратном направлении двигались отдары. Человек, получив дар, должен был, продержав его некоторое время у себя, в свою очередь передать другому. Если он желал оставить вещь за собой на более или менее длительное время, то должен был заменить ее другой вещью, чтобы не прервать поток даров. Переходя из рук в руки, вещи передвигались на большие расстояния. Так, например, за два года вещь могла пройти 200 км, при этом 5 раз переменяв хозяев. Далекие пути хксаро могли включать и 20–30 человек. На вопрос о том, где кончался путь, источники четкого ответа не дают. По-видимому, он кончался там, где индивид либо решал сохранить за собой дар, либо послать его в другом направлении.

При этом он посылал обратно по тропе, по которой получил дар, отдар. Как свидетельствуют материалы, из даров, проходивших по путям, получатели использовали для удовлетворения потребностей лишь 25–40 %. Остальные же только переходили из рук в руки.

Объектами обмена могли быть самые разнообразные вещи, но никогда — пища. Наиболее часто по путям хксаро двигались ожерелья из бус, сделанных из скорлупы страусовых яиц, различного рода изделия из бус, стрелы, копья, ножи. Имеются данные, говорящие о том, что в прошлом в хксаро использовались только изделия из бус.

Вещи, которые использовались в хксаро, назывались *кай*, что означает богатство. Соответственно, каждый их обладатель именовался *кайха*, т. е. богачом. У некоторых наиболее активных участников обмена на внешней стороне их хижин висели сумки, наполненные вещами, использовавшимися в хксаро. Однако наличие кай в сумках не делало человека кайха — богачом. Богач не тот, кто хранит кай, а тот, который дарит вещи другим. Истинное богатство то, которое находится в дарообращении. Богатство человека измеряется частотой передач, а, соответственно, и числом партнеров.

Разные люди по-разному участвовали в хксаро. Одни были более активными, другие — менее. Человек мог иметь от 2 до 40 партнеров. Среднее число партнеров — 16. Уже юноши могли иметь по 10 партнеров. С возрастом число партнеров увеличивалось. Особенно активны были люди в возрасте 30–60 лет. Со старостью число партнеров снижалось.

Пока вещи находились в сумках, каждый мог попросить их для себя. По обычаям кунг в такой просьбе трудно отказать. Единственное основание для отказа — сообщить, что вещь уже обещана в дар. Таким образом, предметы, предназначенные для хксаро, выбывали из сферы дележа еще до того, как они реально поступали в дарообращение. Люди тщательно следили за тем, чтобы вещь, предназначенная для хксаро, действительно поступила в обмен. Иначе говоря, вещи для хксаро всегда находились в сумках лишь временно. Любая выставка богатств отдельных людей всегда быстро расточалась: вещи шли либо в дар, либо в дележ.

Участие в хксаро приносило людям престиж. Чем больше он дарил, чем более он был щедр, тем большим было уважение к нему. Если человек получал ценный дар, то это давало ему высокий статус, ибо было показателем уважения со стороны других. С иной стороны, люди всегда знали, когда кто-либо не выполнял своих обязательств по хксаро. Если дар не возвращался, это порицалось. Когда человек получал ответный дар, но не передавал его дальше, возникал конфликт.

Участие в хксаро является мощным стимулом к труду. Чем больше человек имел партнеров, тем больше он должен был работать. Подсчитано, что каждый партнер обходился человеку в среднем в 5 полных рабочих дней. Если бушмен имел 16 партнеров, то каждый год давал

по меньшей мере 14 из них. Для этого он должен был потрудиться 70 полных дней в году. Если учесть, что каждый взрослый бушмен тратил в среднем для добывания пищи 2,4 дня в неделю, т. е. 124,8 дней в году, то эта цифра выглядит весьма внушительной (Lee, 1984. P. 51). В этой связи нужно напомнить, что число 16 является средним. Самые активные индивиды могли иметь 40 партнеров, что заставляло работать их особо упорно.

Явление в основных своих чертах, сходное с описанным выше, наблюдалось Уильямом Эдгаром Ханли Станнером (1906–1981) у племен муллу-муллу и маднгелла, живших в районе реки Дейли в Арнемленде (Австралия) (Stanner, 1933; 1933b. P. 156–175). Существовавшая у них система дарообмена называлась *мербок*. Партнерами по мербоку могли быть люди как в своей общине, так и в других. Обмен мог производиться между мужем и женой, родителями и детьми. Но все же в основе своей мербок был системой межобщинного обмена. Объектами обмена становились самые разнообразные вещи, но только не пища. Некоторые предметы особо ценились из-за своей редкости — особенно те, что были сделаны из жемчужных раковин. Традиция связывала определенные вещи с определенными направлениями их движения. Существовали особые пути, связывавшие разные племена.

Каждый человек находился между двумя партнерами. Главный принцип мербока состоял в том, чтобы, получив предмет от одного партнера, продержать его у себя в течение определенного времени, например, года, а затем передать его другому. Но если абориген чрезмерно затягивал передачу вещи, то это вызывало публичное нареkanie со стороны партнера, которое доводилось до сведения первого в форме слухов и сплетен. И дело не ограничивалось слухами. Человека могли ждать серьезные неприятности.

Вполне понятно, что вещь, которую человек получал в дар от одного партнера и которая предназначалась в дар другому партнеру, выпадала из дележа, т. е. становилась отдельной собственностью человека.

Партнерства носили постоянный характер. Индивид стремился обзавестись партнерами на всю жизнь. Каждый партнер обязан был время от времени давать другому дар. Получение дара делало человека должником. Он должен был в будущем вернуть отдар равный, а еще лучше — больший по ценности, чем полученный им дар. Дары во время движения могли уменьшаться за счет «доения». Например, туземец, получив кусок охры, мог отколоть часть. Человек мог, получив дар, полностью сохранить его за собой. Но в таком случае он оказывался в сложном положении. Он имел партнера, которому был обязан отдаром, но у него не было партнера, который был бы ему обязан отдаром. Он должен был заместить полученный и присвоенный дар. Неспособность выполнить обязательства вела к конфликтам. Человек оказывался в унижительном положении. Против него использовалось колдовство, что, согласно убеждениям туземцев, вело к болезни

и даже смерти. Поэтому обычной была практика использования дара, полученного от одного партнера, для выполнения обязательств перед другим партнером.

Но самая выгодная ситуация создавалась, когда индивид, получив дар от одного партнера, немедленно возмещал его встречным даром. Если он еще перед этим дал дар другому, то его положение было завидным. Он не имел обязательств ни в каком направлении, в то время как его партнеры были должны ему. У него был запас ценностей, который он мог использовать по своему желанию. И использовал он его опять-таки для мербока. Человек мог иметь не одну пару партнеров, а несколько. Чем активнее он участвовал в мербоке, тем больше был его престиж.

У аборигенов не было обыкновения копить вещи. Они извлекали престиж и удовлетворение из преходящего обладания предметами, движущимися по путям мербока. Ценность вещей состояла не в том, чтобы ими можно было владеть, а в том, что их можно использовать для выполнения различного рода обязательств, в частности проистекающих из мербока. Не было ничего более бесполезного в туземной экономике, чем накопление вещей, которых некому было посылать. Вполне понятно, что необходимость выполнения обязательств, в частности тех, что связаны с мербоком, заставляли человека трудиться более упорно.

Сходная картина описана Доналдом Ф. Томсоном в книге «Экономическая структура и церемониальный обменный круг в Арнемленде» (Thompson, 1949), у племен, обитавших на северо-востоке полуострова. Там каждый человек был центром дарообменных связей, тянувшихся к нему с пяти направлений, с каждого из которых он получал определенные виды ценностей: например, с юго-запада — бумеранги, с юго-востока — каменные наконечники для копий и т. п. Каждый из этих предметов переходит из рук в руки, никогда не возвращаясь обратно. Эта система дарообмена носила название *кумур-мэрдна*.

У Станнер, подробно описав мербок, указывает на его сходство с церемониальным обменом *кула*, существовавшим в одном из районов Меланезии — островах Соломонова моря (Stanner, 1933b; P. 107). Кула была детально рассмотрена в работах Б. Малиновского (Malinowski, 1920; 1921; 1922) и последующих исследователей. По ней существует большая литература (Macinture, 1963; Van der Pas, 1973; 718; Austen, 1945; Belshaw, 1965. 1977, 12–20; Huge, 1977; Gregory, 1982. P. 195–202; Leach and Leach (eds.), 1983; Persson, 1983; Hage, Harari, James, 1986; Weiner, 1988 и др.).

Не вдаваясь в детали, отмечу лишь, что в куле реально произошло логически напрашивающееся смыкание первого и последнего звеньев обмена, подобного хксаро и мербоку. В результате возникло кольцо. Кольцо кулы со всеми разветвлениями охватывало острова восточной оконечности Новой Гвинеи, о. Норманби, о. Добу, о. Санароа, о. Фергюссон, о. Тевара, о-ва Амфлетт, о-ва Тробриан, о-ва Маршалл-Беннетт,

о. Муруа (Вудларк), о-ва Лафлон, о. Токона, о. Янаба и о. Йегума, о. Мисима и о. Панаэти, о. Вару, о. Тубетубе.

По этому кольцу двигались предметы, которые туземцы называли *соулава* и *мвали*. Соулава — ожерелья из особого вида раковин, мвали — браслеты из раковин другого рода. Оба эти рода вещей в принципе представляли собой украшения, но вряд ли когда-либо использовались для этой цели. Главное их предназначение — использование в обмене. Ожерелья двигались по часовой стрелке, браслеты — в противоположном направлении.

Кольцо состоит из единиц, которые Б. Малиновский назвал общинами кулы. Каждая община представляет собой деревню или группу деревень, которые организовывали заморские путешествия. Кула состояла, во-первых, из передач, которые происходили постоянно внутри общин кулы, во-вторых, больших заморских экспедиций, в результате которых большое количество ценностей перемещалось между общинами, отделенными друг от друга морем. Однако не следует думать, что во время заморских экспедиций сторонами обмена были общины кулы. Обмен всегда происходил между отдельными людьми, которые являлись постоянными партнерами. Каждый человек, участвовавший в куле, всегда имел дело по меньшей мере с двумя партнерами. Получая от одного из них в качестве дара, скажем, ожерелье, он, продержав его у себя определенное время, передавал другому. Получив от последнего в качестве отдара браслет, он, продержав его у себя, передавал первому. И так поступал каждый участник кулы. В результате ни ожерелья, ни браслеты никогда не задерживались надолго в чьих-либо руках. Они постоянно двигались по кругу навстречу друг другу. Человек мог иметь не одну пару партнеров, а несколько. И чем больше у него партнеров, тем выше был его престиж.

Партнеры по куле передавали друг другу не только мвали и соулава. Они обменивались и другими вещами. Частично — это чистый дарообмен. Когда экспедиция достигала места назначения, каждый гость направлялся в дом своего партнера и вручал ему небольшой подарок. Хозяин дарил ему пищу, а перед отплытием давал ответный подарок. Но партнеры могли давать друг другу и такие вещи, в которых получающий испытывал нужду. Здесь перед нами по существу товарообмен, но такой, который велся в оболочке дарообмена. Его можно было бы назвать *дароторговлей*. Дароторговля всегда велась только между определенными людьми, которых в этнографической литературе принято именовать *торговыми партнерами*. Партнеры по куле были одновременно и торговыми партнерами.

Если между партнерами по куле любые передачи происходили только в форме дарообмена, то с остальными членами данной общины кулы гость вел чистый товарообмен (Malinowski, 1921. P. 105; 1922. P. 99–100, 276–278, 361–364). Но это, по-видимому, позднее явление. Туземцы о. Вогео, которые находились на более ранней стадии

развития, вели товарообмен с соседями только в форме дарообмена и исключительно лишь через торговых партнеров (Hogbin, 1935. P. 398–399).

С кулой было тесно связано много различного рода явлений. Но они не должны заслонять от нас ее существа. Кула, взятая сама по себе, представляет интерес прежде всего тем, что в ней доведен до крайнего предела основной принцип дарообмена: важно не то, чем обмениваются, а процесс обмена сам по себе взятый. Этот важный принцип проявляется, правда, нередко в менее заметной форме во всех системах дарообмена.

Дарообмен существовал в Австралии не только в Арнемленде, но и по всему континенту. И отдельные районы Австралии и весь материк в целом пересекали пути, по которым двигались, переходя из рук в руки, самые различные вещи (Roth, 1897. P. 134–136; McCarthy, 1939a; Tindale, 1974. P. 82–88). Подвески из раковин перемещались от одного конца континента к другому. Бумеранги попадали в места, отстоявшие на 1200 км от места их изготовления (Mulwaney, 1976. P. 80). Исследователи говорят и о дарообмене, и о товарообмене. В некоторых случаях, по-видимому, действительно имел место настоящий товарообмен. Однако чаще всего перед нами дарообмен.

Это особенно наглядно видно в тех случаях, когда вещи обменивались на буквально такие же. Например, бумеранги обменивались на бумеранги, копья на копья. Люди не ценили вещи, которые делали сами, и с готовностью меняли их на такие же, но изготовленные иными мастерами. Полученные в обмен вещи были лучше отданных в дар только потому, что были сделаны в другой местности. Особо ценились вещи, сделанные прославленными умельцами. Их стремились всеми силами получить, хотя вполне могли изготовить и сами. И вообще люди определенного племени чаще всего не изготавливали, хотя вполне могли это сделать, вещи, которые можно было получить по путям дарообмена. Сэкономленное время использовалось на производство вещей, идущих на «экспорт».

Результатом было своеобразное разделение труда между племенами, которое не было связано с различием природных ресурсов и имело чисто социальное происхождение. Существовала традиция изготавливать одни вещи в одних местах, другие — в других. Важно отметить также, что вещи, полученные в обмен, нередко вообще не использовались. И тем не менее их постоянно стремились получить. Значение их состояло не в их потребительной ценности, а в том, что они были получены в дар. Человек чувствовал большое удовлетворение, когда посылал и получал дары. Великая гордость человека состояла в том, чтобы выставить на всеобщий показ предметы, полученные в дар. Это давало ему большой престиж (McCarthy, 1939a. P. 432; 1939c. P. 171–174; Thomson, 1949. P. 56–57, 80; Warner, 1958. P. 95, 145).

Чтобы совершить обмен, люди навешали другие группы. Обмен совершался во время межобщинных сборищ, которые устраивались

по разным поводам. В некоторых районах отмечено существование особого рода мест, где люди собирались специально для обмена (Roth, 1897. P. 134–135; McCarthy, 1939a. P. 407, 410; 1939c. P. 178 и др.). Исследователи иногда называют их «рыночными» местами, хотя правильнее было бы говорить не о рынках, а о своеобразных ярмарках.

Если подвести некоторые итоги, то можно сказать, что обмен между общинами возник в форме дарообмена. Первоначально был важен сам факт обмена, а не обмениваемые вещи. Вещи, переходя из рук в руки, преодолевали большие расстояния. В результате к людям, живущим в определенной местности, могли попадать предметы, которые в ней не изготовлялись. Как следствие, обмен мог приобрести и утилитарный характер. Люди начали вести обмен и ради получения определенных предметов, которые сами не изготовляли и не были способны изготовить. Так, в рамках дарообмена начал возникать товарообмен. Он долгое время происходил в форме дарообмена и по каналам дарообмена. В дальнейшем товарообмен мог выделиться и обрести самостоятельный характер. Возможно, что это имело место и у австралийцев. Во всяком случае товарообмен наряду с дарообменом существовал у бушменов Добе (Lee, 1984. P. 98). Но все же, хотя у австралийцев кое-где уже существовало и такое межплеменное разделение труда, которое было связано с различием ресурсов — природных и трудовых, т. е. невозможностью или неспособностью изготовлять те или иные предметы, в целом у них преобладал дарообмен.

3. Возникновение дароплатежеобмена

Рассмотренный выше дарообмен осуществлялся сам по себе и не был связан с какими-либо иными ситуациями в жизни людей. Человек сам решал, кому дарить и что дарить. В этом смысле дарообмен носил свободный характер. Однако в дальнейшем наряду с дарообменом подобного рода возник и такой, который носил, если можно так выразиться, вынужденный характер.

Примером может послужить своеобразный церемониальный обмен, который, как и мербок, описан У. Станнером у племен муллу-муллу и маднгелла Арнемленда (Stanner, 1934). Этот обмен носил название *куе*. Он был связан с браком. *Кую* состоял из двух моментов. Первый — пир, который устраивался мужем для родственников жены. Второй момент — реципрокальный *куе* — дарение тестем во время этого пира целого набора предметов мужу дочери.

Все родственники жены, которые участвовали в пире, должны были внести свой вклад в реципрокальный *куе*. Они помогали отцу жены в сборе вещей для дарения зятю. Здесь перед нами предстает особое экономическое явление, которое можно назвать *помогадой*. Помогача при реципрокальном *куе* носила своеобразный характер: человек получал помощь сразу от нескольких людей. В таком случае можно

говорить не просто о помогодаче, а о *помогосборе*. В реципрокальном куде использовались те же предметы, что и в мербоке. Кто имел такой предмет, тот вкладывал его. Кто не имел, должен был предварительно залучить его. Делалось это путем займа у других людей: в своей общине, в других общинах, в других племенах. Заем через сравнительно короткий срок должен был быть возвращен такими же вещами и в таком же количестве. Здесь перед нами *помогозаемные* или даже *заемно-долговые* отношения. Они могли устанавливаться между членами не только разных общин, но и внутри одной общины, исключая лишь близких родственников.

Никто из родственников жены не мог отказаться от вклада в реципрокальный куд. В противном случае не только он сам, но все его близкие (отец, мать, сестры, братья, сыновья, дочери, жена) становились объектами осмеяния и презрения.

Куд происходил через несколько лет после заключения брака. Через некоторое время следовало повторение. Для дальних родственников жены куд проводился дважды, для близких — трижды.

Когда время куде приближалось, мужчина, который устраивал пир, обращался за помощью к своим братьям и сестрам. И она оказывалась. Утром в день куде мужчина и его братья отправлялись за пищевыми ресурсами, которые были заранее разведаны, разысканы и отмечены, т. е. в какой-то степени запасены. Пища доставлялась в лагерь, где готовилась сестрами.

В данном случае перед нами снова помогосбор. Помощь оказывается как пищей, так и трудом. Когда при помогосборе несколько человек дают продукты одному, то перед нами вывернутый наизнанку дачеделаж, каким он был, например, после удачной охоты. В последнем случае, как известно, один человек одновременно давал добытый им продукт нескольким людям.

Куд начинался с того, что отец жены вручал дочери реципрокальный куд, который она позднее передавала мужу. После этой процедуры следовал пир. В церемонии куде участвовали не только близкие родственники мужа и жены, но и другие лица, причем не обязательно приглашенные. В обществе аборигенов считалось nonsensical отстранить даже отдаленных родственников от еды, если ее было достаточно, особенно когда она носила публичный характер. Не ели лишь муж, его братья и сестры. Они сидели голодными. Несколько более счастливыми были старшие родственники. Они имели право немного попробовать.

Количество пищи, которая собиралась для пира куде и потреблялась на нем, было в прежние времена значительным. И она щедро выставлялась и расточалась. Как уже отмечалось, люди, которые собирали и готовили пищу, к ней не прикасались. И понятно почему. Они ее дарили и поэтому теряли на нее право. Пища была даром. Правда, получившие этот дар не относили его домой, а тут же поедали. Но это

не меняло сути дела. Такого рода дарение можно было бы назвать *дароугощением*, или *даротрапезой*.

Таким образом куде представляло собой, хотя и своеобразный, но дарообмен. Своеобразен он и тем, что в нем дарение трудно отличить от отдаривания, ибо они происходили одновременно. Но главное, куде происходил не сам по себе, а был привязан к определенным отношениям людей, отличным от дарообменных, а именно к брачным. Куде был обязательным сопровождением брака. Человек, вступивший в брак, не мог не устраивать куде. В этом смысле пища, которая доставалась на пире куде родственникам жены, была не просто даром, а одновременно и платежом. Она совмещала в себе особенности дара и платежа. Поэтому ее можно было бы охарактеризовать как *дароплатеж*. Слово «дароплатеж» одновременно обозначает как особую форму дара, так и процесс передачи его. Оно соединяет в себе понятие дара и понятие дарения.

Дароплатежом был и реципрокальный куде, т. е. совокупность вещей, которая от тестя поступала зятю. Эта передача также была совершенно обязательной. Куде представлял собой обмен дароплатежами. Оба они были связаны с браком и в этом смысле являлись брачными.

Вообще брачные дароплатежи были одной из самых распространенных форм дароплатежей. Первые из них чаще всего производились при заключении брака. Такого рода дароплатежи нередко понимаются как только платежи, причем такие, которые поступают исключительно лишь со стороны жениха. В действительности, когда брачные дароплатежи (именно дароплатежи, а не просто платежи) появились, то во многих, если не во всех случаях, они делались не только стороной жениха, но и стороной невесты. И нередко при этом встречные дароплатежи в конечном счете были эквивалентными. Ни одна сторона не получала никаких прямых материальных выгод.

Дароплатежи, помимо брака, были связаны и с другими событиями жизненного цикла: рождением, инициациями, смертью и т. п. При этом не всегда происходил прямой обмен дароплатежами. Человек мог выступать в ролях, которые обязывали дарить, но не давали право на получение отдара. Но наряду с ними были обязательно и такие роли, которые давали право на получение дароплатежа без обязательства отдаривания. В конечном же счете человек в течение жизни получал примерно столько же дароплатежей, сколько давал сам. Поэтому вполне возможно говорить о существовании *дароплатежного обмена* (*дароплатежеобмена*). И уже во всяком случае для обозначения циркуляции дароплатежей совершенно точно подходит термин «дароплатежное обращение» или, короче, «дароплатежеобращение».

У многих народов позднепервобытного и предклассового общества система дароплатежного обращения была необычайно развита. Она являлась важнейшим элементом престижной экономики, но отнюдь не единственным. Как уже сообщалось, у мулук-мулук и мадн-

гелла, кроме куе, существовал и мербок. До сих пор я называл последний просто дарообменом. Но дарообменом является и куе. И если для обозначения куе был введен особый термин, то в особом названии нуждается и мербок. Термином для обозначения этой формы дара и одновременно процесса его передачи может стать слово «дародача». Соответственно, мербок может быть охарактеризован как *дародачеобмен*, или *дародачеобращение*. Таким образом, в престижную экономику мулук-мулук и маднгелла входили две составляющие: дародачеобращение и дароплатежное обращение.

Дародачеобмен всегда был личным делом отдельных людей. Он был отношением исключительно между двумя индивидами. Чтобы дародача состоялась, достаточно было их встречи.

Дароплатеж даже в том случае, когда он осуществлялся между двумя лицами, всегда предполагал отношение двух сторон, двух групп индивидов. Поэтому в большинстве случаев он осуществлялся на особом рода сборищах, где присутствовали представители обеих вовлеченных сторон, а нередко также и другие лица. Примером может послужить тот же куе. Такого рода сборища нуждаются в особом обозначении. Я буду называть их *даропредставлениями*.

Масштабы даропредставлений могли быть различными. Однако ни в одном из них ни с той, ни с другой стороны не могла выступать целая община. Если это имело место, то перед нами уже не даропредставление, а качественно иной экономический институт.

Кроме куе, у мулук-мулук и маднгелла существовало еще несколько форм дароплатежа. Муж у них, например, был обязан постоянно посылать дары пищи или вещами братьям жены. Отдара от них он не ожидал. Наряду с дарообменом типа мербока самые разнообразные формы дароплатежа существовали почти у всех, если не у всех племен Арнемленда. К сожалению, они детально не описаны. Существует лишь самая общая их характеристика.

Известно, что у них существовал специальный термин «*герри*», который обозначал богатство. Герри и пища использовались при дародачах и дароплатежах. Дароплатежи имели место при инициациях. Человек был обязан давать большие дары старшим мужчинам, которые руководили этими церемониями. Существовали дароплатежи, связанные с браком. Дароплатежи совершались при погребальных обрядах. В случае, если человек совершал кражу, его ближайшие родственники давали большие дары пищей, чтобы предотвратить серьезные последствия. Дароплатежи потерпевшим и обиженным для восстановления спокойствия делались и в других случаях (Thomson, 1949. P. 35, 37, 39, 40, 43, 54, 61; Berndt, 1951. P. 159).

В отношении и Арнемленда, и ряда других регионов Австралии некоторые исследователи специально отмечают существование даров, имеющих целью искупить убийство и предотвратить кровную месть (McCarthy, 1939с. P. 179). Иначе говоря, перед нами *вергельд*, явление, которое, как обычно считается, возникает сравнительно поздно,

а именно на стадии перехода к классовому обществу. О существовании неразвитой «концепции» вергельда у мурнгин Северо-Западного Арнемленда сообщает У. Уорнер (Warner, 1958. P. 177).

На любом человеке лежало множество обязательств. Одни из них относились к сфере жизнеобеспечивающей экономики. Человек был обязан делиться пищей с членами своей группы. У племен Арнемленда добыча первоначально распределялась между всеми участниками охоты или рыбной ловли поровну. Затем, когда они являлись в лагерь, каждый делился своей долей с определенным кругом лиц согласно соответствующим обязательствам (Thomson, 1949. P. 18, 25).

Но самыми тяжелыми были обязательства в сфере престижной экономики, т. е. связанные с дародачами и дароплатежами. Особенным грузом на человеке лежали дароплатежи. Они были связаны с ситуациями, которые присутствовали в жизни любых людей. Без дароплатежей нельзя было пройти инициации, вступить в брак, похоронить близкого родственника, уладить обиду, искупить преступление и т. п. Иначе говоря, часть избыточного продукта, а именно та, что шла на дароплатежи, стала столь же необходимой, как и жизнеобеспечивающий продукт. В известной степени это относится и к той части продукта, что шла по каналам дародачеобмена. Человек не мог добиться уважения от окружающих, если не дарил и не отдаривал. В результате производство по крайней мере части избыточного продукта стало не менее необходимым, чем создание жизнеобеспечивающего. И это все более отчетливо проявлялось.

Если индивид щедро дарил и отдаривал, то это укрепляло и повышало его престиж, обеспечивало сохранение и повышение статуса. Если же он оказывался неспособным выполнять обязательства, то терял престиж и лицо, становился объектом всеобщего презрения. Сам он испытывал чувство стыда и унижения. Даже затяжка с выполнением обязательств могла вести к экспедициям, имевшим целью отомстить, к вражде между общинами. Против индивида, не выполнившего обязательства, могло быть использовано колдовство. С целью добиться его смерти применялись магические обряды (Thomson, 1949. P. 33, 35, 38, 39, 43, 44).

Чтобы выполнять обязательство, нужно было упорно трудиться. Стремление получить и повысить престиж и страх потерять лицо, стать объектом колдовских манипуляций были важным стимулом к труду (P. 33, 35, 38, 39). И как свидетельствуют этнографические данные, аборигены Арнемленда действительно трудились много и упорно (P. 32–33).

Вряд ли, на мой взгляд, можно сомневаться в том, что, по крайней мере, некоторые племена Арнемленда уже поднялись на стадию более высокую, чем фаза ранней первобытной общины. Как свидетельствуют факты, у них существовали не просто зачатки престижно-экономических отношений, а собственно престижная экономика, которая сказывалась на всей их жизни. У них, в частности, шла борьба важных людей за престиж и влияние (Berndt, 1965. P. 202).

Возникли в Арнемленде и такие сравнительно поздние социально-экономические отношения, как *помогозаемные* или даже *заемно-долговые*. Правда, возможно они существовали лишь в сфере престижной экономики. У племен этого региона известны случаи, когда человек строил для другого каноэ для охоты на дюгоня, за что получал плату (Thonson, 1949. Р. 27). Здесь перед нами *услугоплатеж* — явление также сравнительно позднее. Без указания на какие-либо определенные племена исследователи сообщают, что вознаграждение за услуги получали различного рода умельцы, а также знахари (Берндт и Берндт, 1981. С. 93).

Однако хотя престижная экономика у части аборигенов уже существовала, проследить ее эволюцию на австралийском материале трудно, если вообще возможно. Чтобы сделать это, нужно обратиться к народам иных частей света.

Возникновение великодараобмена и дароторжеств

1. Верховые танана: дележ и потлач

В качестве примера можно привести индейцев верховьев реки Танана (Аляска). Хотя они, по-видимому, находились на довольно раннем этапе развития позднепервобытной общины, но у них уже появились более сложные формы престижной экономики, чем дародачеобмен и дароплатежеобмен.

Индейцы, обитавшие в верховьях р. Тананы, были детально исследованы Р. Маккеннаном в 1929–1930 гг. В последующем он посетил их снова в 1962 г. (McKenna, 1959; 1981; 1982). Явления престижной экономики у них были дополнительно изучены М. Гедон в 1969–1970 гг. (Guedon, 1961).

Верховые танана относятся к северным атапаскам. У них существовали две матрилинейные фратрии и несколько материнских родов. Но роды не были основами их общин. Последние были аморфными, причем состав их менялся: одни люди приходили, другие уходили. В 1929–1930 годах верховые танана насчитывали в своем составе 152 человека. Они образовывали пять общин. Численность их, соответственно, 16, 18, 34, 59 и 25 человек. Некоторые группы имели зимние деревни, где жили по несколько месяцев в году. Другие постоянно бродили, как это было в прежнее, доконтактные времена.

Основным занятием была охота. Убив животное, мясо заготавливали впрок: замораживали, сушили. Второе место занимало рыболовство. Рыбу тоже запасали. Сравнительно скромную роль играло собирательство. Оно становилось важным лишь в условиях, когда охотничья и рыболовная добыча была скудной.

У верховых танана существовал дачеобмен. Партнер по такому обмену обязательно был членом противоположной фратрии. Чаще всего он входил в состав соседней общины. Но бывало, что оба партнера принадлежали к одной общине. Убив крупное животное, человек отдавал строго определенную часть партнеру. Остальное мясо распределялось среди членов общины, находившихся в лагере. Обязанностью каждого, кто имел пищу, было делиться ею со всеми, у кого ее не было. Делились не только свежей добычей, но и пищей, заготовленной впрок. Дележ добычей с членами общины обеспечивал охотнику престиж. Дележ не исчерпывался получением доли добычи. Человек, если

он был голоден, мог подсесть к любому семейному очагу, на котором готовилась пища, и принять участие в трапезе. Как говорит Р. Маккеннан, общим результатом всего этого был дележ всей пищи между членами общины (McKenna, 1959. P. 46).

В целом, если ограничиться только приведенными выше данными, перед нами картина общества, находящегося на раннепервобытной стадии. Но в резком контрасте с нею находятся страсть к богатству, присущая всем мужчинам, и наличие среди туземцев богатых людей. Р. Маккеннан отмечает существование у описанных им индейцев конфликта между старым полукоммунистическим порядком и новым, основанным на богатстве (Р. 133).

Новый порядок он склонен связывать с торговлей с европейцами, которая велась через посредников: через тлинкитов и клуане. С последними верховые танана контактировали непосредственно. Торговля осуществлялась ежегодно зимой, в определенном месте, где обе группы жили рядом в течение почти месяца. Это время было занято не только торговлей, но и развлечениями, включая танцы и песни. От клуане верховые танана получали раковины, бусы, одеяла, железные инструменты, табак. Из всех названных предметов главными объектами богатства были первые три.

Но чтобы добиться признания, человеку было мало иметь эти вещи, их нужно было раздарить, причем особым образом. Существовала специальная церемония раздаривания вещей, которую в этнографии принято именовать *потлачем*. Считалось, что каждый мужчина должен организовать по крайней мере один, а лучше — три потлача до вступления в брак. Но только тот считался богачом, кто устраивал потлачи постоянно.

Это делали люди, которые стремились стать лидерами общины. Лидерство основывалось на богатстве, которое в свою очередь происходило из успехов человека в добычании мяса и пушнины. Но, как уже отмечалось, само по себе наличие вещей ничего не давало. Человек должен был проявить себя не только как труженик, но и как щедрый даритель, как устроитель потлачей. Только таким путем он мог добиться престижа.

Однако стать лидером было далеко не просто. Нередко между претендентами на эту роль развертывалась упорная борьба. Соперники стремились превзойти друг друга числом и пышностью организованных ими потлачей. Человек обычно становился лидером в лучшие свои годы, когда он был в расцвете сил. В это время путем различного рода дач он приобретал приверженцев, но верность их была преходящей. Со старостью человек терял положение. Потлач давал человеку престиж не только в своей общине, но и в соседних.

В 1929–1930 годах потлач был связан со смертью близкого человека. Но это по существу был формальный момент. С одной стороны между смертью человека и потлачем в его честь могло пройти несколько

ко лет. С другой, когда шла борьба за лидерство и соперники стремились превзойти друг друга в щедрости, поводом для потлача могла быть смерть любого отдаленного родственника или просто сородича. Для организации потлача важно было, чтобы человек стремился к престижу и обладал достаточным запасом пищи и вещей. В 1969–1970 годах потлачи устраивались по самым различным поводам.

Когда человек решал организовать потлач, он начинал накапливать не только вещи, но и пищу, ибо должен был кормить все собрание. Вещи, предназначенные для потлача, были неприкосновенными. То же самое обстояло с пищей. Семья предпочитала голодать, чем использовать продукты, запасенные для потлача (McKenna, 1959. P. 134). Иными словами, и вещи, и пища, предназначенные для потлача, выбывали из сферы дележа. Организатору потлача могли помогать родственники, но лишь добровольно и без просьб с его стороны.

Когда все было готово, то в соседние общины посылались вестники с приглашениями. В большом потлаче участвовали не только верховые танана, но и люди из других культурно-языковых групп. Гостей встречали песнями и стрельбой из ружей. Несколько дней шло веселье. Люди пели и танцевали, играли в азартные игры. Чем на больший срок хозяин обеспечивал пищей, тем лучшим считался праздник.

Р. Маккеннан ничего не говорит о порядке распределения пищи во время потлача. М. Гедон сообщает, что пища, разложенная по корзинам, вначале вручалась почетным гостям, которые затем делились ею с людьми, сидящими рядом. Во время пира хозяева не ели с гостями. Потлач продолжается до тех пор, пока пища не подходит к концу.

В последний день происходило главное — собственно потлач: раздаривание вещей. Раньше дары, по-видимому, получали только члены фратрии, противоположной той, к которой принадлежал умерший. Это связано с тем, что именно они погребали умершего. Члены этой фратрии считались почетными гостями, которые должны быть вознаграждены за службу. В 1929–1930 годах подарки получали и члены фратрии покойного, но принадлежавшие к другим родам. Члены рода умершего на потлаче даров не получали. Им доставалось то небольшое из собственности покойного, что не уничтожалось на его могиле.

Когда подходило время последней церемонии, организатор потлача сваливал в кучу все вещи, предназначенные для раздаривания: одеяла, меха, одежду, ружья, орудия. При раздаривании произносилась речь, в которой сообщалось, какие именно дары принадлежат самому устройтелю потлача, а какие внесены людьми, которые помогали ему в деле накопления. Дары вручались организатором потлача и его помощниками. Последними чаще всего являются люди, которые больше других вложили в лежащую на земле грудку добра. Раздаривание часто длилось несколько часов.

Больше всего даров получали старшие и важные лица. Во время одного из потлачей было раздарено 165 одеял. Лидеры трех групп

получили по 14 одеял и ружью. Молодые индейцы получили по два одеяла. Одеяла вообще являлись одним из главных объектов раздаривания. Ни для какой другой цели, кроме этой, они не использовались. На упоминавшемся выше потлаче было роздано вещей на 2 тыс. долларов. Но бывают и такие потлачи, которые обходятся в 15–20 тыс. долларов. М. Гедон сообщает, что в последний день раздаривалась также и вся оставшаяся пища.

В добавление к главному потлачу может происходить несколько мелких. Каждый из хозяев выступает с собственной кучей добра и вполне самостоятельно производит раздаривание.

В случае смерти особо важного человека потлач давался не отдельным человеком, а общиной в целом. К сожалению, никаких подробностей о такого рода потлачах не сообщается.

По словам Р. Маккеннана, дары на потлаче не влекут за собой обязанности отдара (1959. Р. 132). И это понятно, ибо они представляют собой по идее оплату услуг. Но как сообщает М. Гедон, если человек устроил большой потлач и тем самым добился немалого престижа, то в силу этого своего престижа он получит много даров на потлачах, которые организуют другие. Чем большим был престиж человека, тем легче ему было организовывать новые потлачи, ибо в таком случае родственники и сородичи все более охотно помогают ему (Guedon. Р. 580).

В заключение можно отметить, что у верховых танана существовали дароплатежи. Одни из них были связаны с браком, другие с различного рода проступками, ранениями, убийствами. В последнем случае перед нами настоящий вергельд. В 1969–1970 годах в случае ранения или убийства преступник или его родственники устраивали потлач для потерпевшей стороны (Р. 577).

2. Дароторжества и великодарения

Слово «потлач» в этнографической литературе употребляется в нескольких смыслах, которые необходимо различать. Одно из таких разграничений идет по линии выделения его широкого и узкого смыслов. В широком смысле, говоря о потлаче, имеют в виду всякое раздаривание вещей, которое происходит публично. В более узком потлачем называют только такое раздаривание, которое является событием в жизни целой общины. Такой потлач может быть назван великим.

Бесспорно великим является потлач, организованный общиной в целом. Но таким он может быть и в случае, когда его устраивает несколько лиц или даже только один член общины. Для этого нужно, чтобы все члены общины приняли участие в сборище. В этом смысле великий потлач всегда есть дело общинное. И одновременно всегда — межобщинное. В нем обязательно должны принять участие члены, по меньшей мере, еще одной общины. Дары на потлаче всегда идут

чужакам. Пока сохраняется родовая организация, вещи раздариваются только членам других родов.

Приведенное выше разграничение смыслов слова «потlach» является далеко не единственным. Оно может идти и по другой линии. Под потlachем понимают и собственно процесс раздаривания, и этот процесс вкупе со всеми действиями, сопровождающими его, а также и все в целом сборище, на котором все это происходит. Когда речь идет о потlачах, которые не вовлекают всю общину раздаривателя или раздаривателей и которые тем самым являются не великими, а малыми, нужды в особых терминах не возникает. Малые потlачи, как правило, были связаны с определенными ситуациями в жизни людей. Иначе говоря, в данном случае мы сталкиваемся не с чем иным, как с дароплатежами, происходящими на даропредставлениях.

Иначе обстоит дело с великими потlачами. Здесь нужны новые термины. Они нужны не только в силу многозначности слова «потlach», но и потому, что великие потlачи всего лишь один из видов общиннозначимого престижного одаривания. Существуют и другие его виды. Наличием нескольких видов такого рода мероприятий объясняется и использование для их обозначения иных, чем потlach терминов: чаще всего слов «пир» и «праздник». Иногда это сопровождается принципиальным отказом от использования слова «потlach». Но и эти два слова не вполне удачны, ибо они значительно еще более многозначны чем слово «потlach». Они употребляются для обозначения и таких социальных явлений, которые не имеют никакого отношения к престижной экономике. Недаром, когда эти два слова применяются для обозначения общиннозначимого престижного одаривания, то почти всегда в сопровождении других слов: говорят о свином и ореховом праздниках, пире мертвых и т. п.

Поэтому существует нужда в термине, который обозначал бы все виды общиннозначимого престижного одаривания. Таким могло бы стать слово *«дароторжество»* для обозначения сборища в целом со всем происходящим на нем. Его могли бы дополнить слова *«великодары»* и *«великодарение»* (*«великоодаривание»*, *«великораздаривание»*) — для обозначения, соответственно, даров и процессов их передачи. Вполне понятно, что грань между даропредставлениями и дароторжествами является не абсолютной, а относительной. В ряде случаев трудно установить, имеем ли мы дело с первыми или вторыми. Относительна грань и между великодарами и дароплатежами. Например, дары на великих потlачах верховых танана с чисто внешней стороны есть дароплатежи, связанные со смертью. Но, как мы видели, смерть была лишь поводом для потlача. Суть последнего состояла не столько в выполнении обязательств, сколько в борьбе за престиж.

Конечно, любые дароплатежи были связаны с престижем. Но они не столько повышали его, сколько способствовали его сохранению. Великораздаривание же было прежде всего средством завоевания и по-

вышения престижа, а затем уже и сохранения его. Дароплатежи становились великодарами, когда их передача совершалась не на даропредставлениях, а на дароторжествах. Но подобно тому, как не все дароплатежи были великодарами, не все великодарами обязательно являлись дароплатежами. Это особенно наглядно проявляется на примере иных, чем великие потлачи, дароторжеств.

Во время многих дароторжеств происходило дарение и пищи, и вещей. Но потлачами их обычно не называют. Причина в том, что на них шло не раздаривание вещей, а просто их дарение. Различие между раздариванием и просто дарением в некоторых случаях выступает совершенно отчетливо. Когда на потлаче один человек дарит вещи множеству людей, то здесь мы явно имеем дело не просто с дарением, а с раздариванием. С другой стороны, когда на дароторжестве выступает довольно значительное число людей, каждый из которых делает подарок лишь одному гостю, то здесь о раздаривании вещей отдельными лицами говорить не приходится.

Вполне понятно, что между этими двумя крайностями существует целая гамма переходов. И совершенно невозможно точно сказать, какому именно числу гостей должен дарить человек, чтобы его действия считались не просто дарением, а раздариванием. Не может быть четким критерием, отличающим потлач от других видов дароторжеств, на которых производилось дарение вещей, и число дарителей. Известны дароторжества, где выступало несколько дарителей, но которые тем не менее могут считаться потлачами.

Суть дароторжества заключается в том, что хозяева с целью обретения, сохранения или повышения престижа одаривают гостей. Это одаривание может происходить и происходить по-разному. Прежде всего и главным образом в качестве даров выступают материальные объекты, обладающие потребительной ценностью. Их можно объединить под названием материальных благ (либо просто благ) или материального добра (либо просто добра). Дароторжество есть прежде всего *благодаривание* или *доброодаривание*. Это одаривание может происходить и происходит в разных видах. Один из них: гостям вручают дары, они становятся их собственниками и уносят их с собой домой. Это — *раздаривание* или, точнее, *великораздаривание*.

Дароторжества в принципе могли сводиться только к раздариванию вещей и, возможно, в некоторых случаях дело обстояло именно так. Но обычно они включали в себя, кроме публичного раздаривания, щедрое угощение гостей. Такого рода обильное совестное поедание пищи, которое, как правило, предшествовало раздариванию, в этнографической литературе чаще всего именуют *пиром*. А нередко пиром там именуют и само дароторжество в целом.

Редко бывало, чтобы на дароторжестве гости просто принимались за еду. Чаще всего и прежде всего хозяева распределяли пищу между гостями. Термин «распределение» употребляется здесь в чисто техни-

ческом смысле. В социально-экономическом — происходило не распределение пищи, а ее дарение. Гостям пища дарилась. И даром пища была для гостей в любом случае, включая и тот, когда они, принимаясь за еду, ее совершенно свободно брали. А затем они поступали с ней так, как было принято в данном обществе. Они могли всю ее тут же съесть. Чаще всего так и происходило. В таком случае пища выступала как очень своеобразный дар, такой, который не поступал в собственность одариваемого. Он попадал в его желудок и тем самым исчезал. Этот своеобразный вид престижного одаривания может быть назван *трапезодарением*, точнее, *великотрапезодарением*. Великотрапезодарение есть пир, но не всякий пир является великотрапезодарением. Пиром в этнографической литературе именуют и трапезодачу и целый ряд других внешне сходных явлений.

Но гости могли часть пищи съесть на месте, а часть унести с собой домой. Наконец, гости могли всю пищу без остатка унести с собой. В последнем случае престижное одаривание не включало в себя трапезодарение, оно целиком сводилось к великораздариванию. В этнографической литературе имеется немало сведений о такого рода дароторжествах (Williamson, 1912. P. 152; Williams, 1930. P. 30 и др.). Пища при этом иногда дарилась уже уложенной в корзины и иные емкости (Mead, 1934. P. 241). Такого рода дароторжества невозможно было называть пиром. Поэтому некоторые исследователи из числа тех, которые не считали возможным пользоваться словом «потlach», именovali их просто *праздниками*. Кстати сказать, и на потлачах в ряде случаев гостям дарились не только вещи, но и упакованная пища (Snyder, 1975. P. 156).

До сих пор понятия «вещи» и «пища» использовались так, как если бы они исчерпывающе охватывали все объекты, которые способны выступать в роли даров. Но дело обстоит несколько сложнее. Дарами могли быть, например, живые свиньи. Пищей их не назовешь, но к вещам их относить не принято. В качестве даров могло выступать сырое мясо. Это не пища, если понимать под нею только то, что сразу же может быть съедено, во всяком случае это — не готовая пища. Сырое мясо есть пищевой продукт. То же самое относится и ко многим растениям, которые в сыром виде не потребляются.

В связи с этим нельзя не заметить, что с дароторжеств гости чаще всего уносили домой не готовую пищу, а пищевые продукты. Когда гостям дарились целые туши и части туш свиней, то само собой разумеющимся было, что они будут не потреблены на месте, а унесены домой. В этом отношении данные объекты не отличались от обычных вещей.

Кроме великораздаривания и трапезодарения дароторжества могли включать и чаще всего включали в себя еще один компонент различного рода развлечения (песни, пляски, сценки, состязания и т. п.). Это тоже было одаривание гостей хозяевами, но одаривание не материаль-

ными благами, а услугами, *услугодарение*. *Великораздариивание* (1), *великотрапезодарение* (2) и *зрелищедарение* (3) — три основных компонента идеального дароторжества. Но в реальных дароторжествах те или иные компоненты могли отсутствовать. Выше уже говорилось о дароторжествах, которые не включали в себя великотрапезодарение. Но были и такие дароторжества, в которых отсутствовало великораздариивание. Они включали только великотрапезодарение и зрелищедарение, а иногда и одно только трапезодарение. Особый случай, когда в качестве материального дара выступал лишь хмельные напитки. Дароторжества, состоящие в том, что хозяева напивали гостей по возможности до бесчувствия, в этнографической литературе принято называть *питейными праздниками*. Такие праздники бытовали, например, у меланезийцев о. Эроманга (Humphreys, 1965. Р. 83–86).

На дароторжествах раздариивалось большое количество избыточного продукта: вещей, пищи, напитков, пищевых продуктов, живых животных и т. п. Но чтобы продукт раздарить, нужно было предварительно его сосредоточить в руках отдельных индивидов. Это явление можно было бы назвать *концентрацией избыточного продукта*.

На самых ранних этапах этот продукт мог концентрироваться в руках отдельных людей несколькими различными способами.

Один путь: человек в течение определенного периода времени сам самостоятельно или с помощью членов своей семьи производил и накапливал произведенный таким образом продукт. Если речь идет о пище, то этот путь предполагает, что люди данного общества уже обладают навыками ее заготовки впрок.

Все охотники, рыболовы, собиратели, перешедшие на позднепервобытную стадию, как правило, уже умели запасать пищу. Однако не все охотники, рыболовы и собиратели, умеющие запасать пищу, обязательно относятся к этой фазе. Например, эскимосы карибу, не-тилики, иглулик, медные, хотя и обладали таким умением, но тем не менее относились к стадии раннепервобытной общины. Они запасали в основном жизнеобеспечивающий продукт. Для стадии же позднепервобытной общины характерным является запасаение не только жизнеобеспечивающего, но и избыточного продукта.

В силу этого вряд ли можно безоговорочно согласиться с теми исследователями, которые считают, что появление умения запасать пищу означает переход к новой высшей стадии эволюции первобытной экономики, хотя определенная доля истины в их построениях несомненно имеется (Testart, 1966).

Если человеку нужны вещи, которые он сам не был в состоянии произвести, и если он выменивал их на созданный им продукт, то все это не меняет общей картины: человек создает запасы за счет результатов собственного труда.

Второй способ — помогосбор: получение человеком пищи и вещей от людей, которые входят в его дележный круг.

Еще один способ — использование ресурсов своих партнеров по дародачеобмену. Каждый человек, включенный в сеть дародачеобмена, был, как правило, связан с несколькими людьми, принадлежащими к другим общинам. Он был своего рода центром, от которого отходили линии дарообмена, соединяющие его с партнерами. Такую систему можно назвать *звездной системой дарообмена*. Число таких партнеров могло доходить до нескольких десятков и даже превышать сотню. И человек мог использовать свою звездную систему для мобилизации избыточного продукта: он может затребовать от них отдачи, которые они должны ему, или дать им понять, что нуждается в дарах с их стороны. В определенных условиях таким путем могли быть получены определенные средства. Сходные звездные системы существовали и в сетях дароплатежеобращения и великодараобращения.

В целом названные выше три способа не могли обеспечить концентрации слишком большого объема избыточного продукта, ибо в основе их лежал в основном собственный труд человека и его семьи. Ведь в сфере дарообмена действовал принцип эквивалентности: все полученное должно было быть возмещено. Необходимостью было эквивалентное возмещение всего полученного. Значительная концентрация избыточного продукта с необходимостью предполагала безвозмездное присвоение чужого труда, т. е. эксплуатацию человека человеком. И, как будет показано позднее, такие ее способы с неизбежностью появились.

Концентрация добра наблюдается не только при дароторжествах. Она имеет место и при даропредставлениях, что можно было видеть на примере куе. Различие между дароторжеством и даропредставлением заключается в масштабах. Здесь количество переходит в качество. Значительно большая концентрация добра приводит к тому, что манипулирование им приобретает характер события в масштабах нескольких социоисторических организмов.

Когда продукта собрано достаточно, наступает время для дароторжества. Его устраивает либо один человек, либо несколько. В последнем случае каждый из них выступает на дароторжестве в качестве самостоятельного дарителя или раздаривателя.

Разновидностей дароторжеств, как уже указывалось, существует много. Но суть их всегда одна: расточение собранного, сконцентрированного избыточного продукта, удаление его из общины. Продукт перестает быть собственностью тех, кому раньше принадлежал. Это удаление продукта из общины и совершается на дароторжествах путем великодараения. Как видно из сказанного выше, великодараение принимает две основные формы. Первая — гостям представляется готовая пища, которую они в торжественной обстановке поедают на месте. Это — *великотрапезодараение*, или просто *трапезодараение*. Вторая — *великоблагораздаривание*, или просто *великораздаривание*: гостям раздаются вещи, упакованная пища или иные объекты, которые они уносят с собой. Дополнительные к этому гости могут унести с собой недоеден-

ные во время дароторжества остатки угощения. Кроме раздаривания во время дароторжества может происходить и вручение отдельными членами общины-хозяйки подарков одному или небольшому числу гостей.

Дароторжества могут представлять собой: (1) только великотрапезодарение, (2) только великоблагораздаривание и (3) вместе и великотрапезодарение, и великоблагораздаривание. Последний вариант принадлежит к числу наиболее распространенных.

Великодари должны быть возмещены, и в связи с этим нельзя не сказать, что в некоторых случаях гости приходили на дароторжества не с пустыми руками. Они приносили с собой и пищу, и вещи. Иногда даже практиковалась предварительная договоренность с гостями, какие именно вещи они принесут и вручат хозяевам. Однако это не было отплатой великодаров. Великодари могли быть возмещены только великодарами. А дары становились великодарами лишь тогда, когда вручались во время дароторжеств. Поэтому любое дароторжество предполагало одно или несколько ответных дароторжеств, которые давали бывшие гости и на которые приглашались бывшие хозяева. Великодарообмен был невозможен без обмена дароторжествами.

Иногда он происходил между двумя общинами, которые поочередно устраивали дароторжества. Но чаще всего на дароторжества приглашались члены не одной другой, а нескольких общин. Иногда приглашались целые общины, иногда отдельные их члены, хотя и в последнем случае число участвующих в дароторжестве обычно превышало число специально приглашенных.

Общины, члены которых участвовали в том или ином дароторжестве, с неизбежностью сами должны были устраивать дароторжество. В противном случае и сами эти общины, и члены их теряли престиж.

В обмене дароторжествами мог присутствовать момент соперничества. Устроители их нередко стремились превзойти друг друга пышностью пиров и количеством раздариваемых богатств. Когда одна сторона брала верх над другой, ее престиж стремительно рос. Соответственно, престиж побежденной стороны падал. На такого рода дароторжествах вещи и пища иногда не дарились, а уничтожались.

Система великодараообмена, или великодараообращения, была важнейшей составной частью престижной экономики. Последняя таким образом представляла собой не что иное, как систему особого рода дарообмена, или дарообращения. Этот дарообмен в целом может быть назван престижным. В идеале престижная экономика включала в себя в качестве составных частей три подсистемы. Низшую составляла система *дародачеобмена*, или *дародачеобращения*. Следующую — система *дароплатежного обмена*, или *дароплатежного обращения*. Высшей была система *великодараообмена*, или *великодараообращения*.

Возникновение великодараообращения сказалось на других подсистемах, в частности на дародачеобмене. Последний в ряде случаев превратился во вспомогательную систему, обеспечивающую мобилизацию средств для дароторжеств.

Не у всех народов, у которых существовала престижная экономика, все ее три составные части были одинаково развиты. В ряде случаев одна из них могла отсутствовать даже у тех народов, у которых престижная экономика была важной частью их социально-экономической структуры. Наиболее живучей из всех трех подсистем престижной экономики оказалась вторая — система дароплатежного обращения. Она долгое время могла сохраняться, правда в существенно ином качестве, и после исчезновения двух других подсистем. Ее мы находим у народов, в целом уже прошедших тот этап, на котором престижная экономика не могла не существовать.

3. Бушмены и австралийские аборигены: межобщинные сборища

Дароторжества были межобщинными событиями. Поэтому естественным является в поисках их корней обратиться к истории межобщинных сборищ. Последние имели место еще на фазе раннепервобытной общины. Уже тогда общины могли встречаться, даже жить некоторое время рядом друг с другом.

Это можно наблюдать, в частности, у бушменов Добе. Обычно зимой, когда пища обильна, у них вместе собирались 8 и более общин. Численность собравшихся достигала, а иногда и превышала 200 человек. Длилось это несколько недель. В это время велся интенсивный обмен хксаро, заключались соглашения о браках, организовывались танцы. Танцы, в которых участвовало до 100 лиц, шли подряд две ночи и день. Особенно много людей собиралось, когда раз в несколько лет производились обряды инициации мальчиков. Длились такого рода сборища 6 недель. Традиционным местом сборищ у бушменов Добе был район водного источника Ксаи Ксаи (Lec, 1979. P. 365–366; 1984. P. 16, 100).

Межобщинные и даже межплеменные сборища повсеместно имели место в Австралии. Число собравшихся колебалось от нескольких десятков до 1000 человек. Среднее число — 200–300 человек. Но нужно учитывать, что все эти цифры относятся к послеконтактному времени. В доколониальный период сборища были более многочисленными. Вероятно, 800–1000 человек собирались довольно редко, но сборища в 400–600 человек представлялись обычными для любых природных условий (Mulwaney, 1976. P. 84).

Собирались люди обычно в сезоны, когда было достаточно воды и обильна пища. Иногда люди собирались специально для потребления какого-либо плода, который сезонно вызревал в определенной ограниченной области. Так обстояло дело с орехом бунья-бунья, который был обилен каждые три года в одном из районов Юго-Восточного Квинсленда. Полакомиться им собиралось 600–700 человек, причем некоторые при этом проходили расстояния в 200–300 миль. Длилось

это около месяца. В это время проводились инициации, совершался дарообмен и товарообмен, устраивались развлечения, прежде всего танцы (McCarthy, 1939a. P. 410). То же самое происходило во время почти всех австралийских сборищ. Иногда они специально организовывались для проведения инициаций. Если не во всех, то по крайней мере, во многих случаях люди из других общин и племен специально приглашались. С этой целью посылались вестники, которые покрывали большие расстояния (Mulvaney, 1976. P. 80).

В пору сборищ люди обычно жили тем, что собирали и добывали в это время. Пища специально не заготавливалась. Австралийцы в большинстве своем не обладали искусством запасать пищу впрок. Но имелись и исключения. Так, например, на полуострове Арнемленд некоторые растения собирались и хранились несколько недель и даже месяцев. В некоторых случаях таким способом создавался запас пищи для проведения церемоний (Thomson, 1949. P. 22–24). К сожалению, сведения о том, каким именно образом этот запас пищи использовался во время церемониальных сборищ, отсутствуют. В литературе приводятся и другие случаи запасаения пищи аборигенами (Берндт и Берндт, 1981. С. 81).

Во время описанных выше сборищ происходили дарения и отдаривания, возможно производились дароплатежи. Но взятые сами по себе явлениями престижной экономики они не были, ибо собирались не для дарения, и последнее не было их центральным моментом.

Но зато явлениями престижной экономики были встречи более скромного порядка. В каждой из них участвовало только две небольших общины. Описаны они были у племен Западного Арнемленда Р. М. Берндтом (Berndt, 1951). Этот исследователь отрицает за мербоком право называться церемониальным обменом, ибо он происходил в тени других событий, причем без церемоний, без ритуала. Церемониальным обменом он называет такой, который не просто происходит во время межобщинных праздников, но является при этом основной, центральной темой этих праздников и сопровождается церемониями и ритуалом. Р. М. Берндт описывает несколько таких праздников.

Для всех их характерно четкое подразделение участвующих в них на хозяев и гостей. Хозяева — члены местной общины, гости — члены чужой общины. К праздникам готовятся заранее, иногда за год. В течение этого времени накапливаются вещи, предназначенные для обмена.

Один из праздников именовался *дьямалагом*. Даванием дьямалага называется особая церемония, которая может совершаться и во время других праздников. Гости танцуют и поют. Хозяева могут быть настолько восхищены тем или иным исполнителем, что дают дьямалаг: складывают перед ним кучу ценности всех родов, начиная с пищи и кончая вещами. Сам исполнитель в последующем распределяет эти ценности между своими товарищами. Немедленный возврат не предполагается. Однако позднее хозяева устраивают церемонию, во время которой гости в свою очередь должны дать дьямалаг им. Во время

праздника между отдельными хозяевами и отдельными гостями идет обмен подарками. В заключение хозяева дают большое количество пищи гостям. Едят ли ее гости или уносят с собой, неизвестно.

Во время праздника *ром* в течение первых десяти дней люди танцуют и поют. За счет чего все это время кормятся гости — не общается. Известно, что гости приносят с собой не только вещи для обмена, но и пищу. Устраивается пир, причем неясно, за чей счет — хозяев или гостей. Как сообщает автор, после этого вещи обмениваются и распределяются. Подробности отсутствуют.

Перед праздником *мидьян* будущие хозяева посылают предполагаемым гостям волосы, из которых последние изготавливают вещи. Непосредственно перед праздником хозяева собирают и готовят большое количество пищи. Несколько дней продолжаются танцы. Затем гости вручают хозяевам изделия из их волос. В ответ они получают копья, корзины и другие вещи. Затем приготовленная пища распределяется среди гостей. Примерно такой же характер носит праздник *вурбу*. Праздник *ньялаидж* начинается с танцев и песен. Затем следовал перерыв, когда организовывался пир. Хозяева готовили для него большое количество пищи. Гости в свою очередь приносили много пищи с собой. Затем снова начинались танцы и песни. Все это завершалось обменом вещами.

Особое место среди этих праздников занимает *мамурунг*. Инициатором его выступает один человек — мужчина, сын которого впервые в жизни убил игуана, поймал черепаху или рыбу. Несколько дней длятся танцы, а по вечерам устраивается дьямалаг. В заключение праздника гости кладут свои вещи в кучу перед родителями мальчика. Вслед за этим родители, которым помогают дети и близкие родственники, приносят свои вещи. Они также складываются в кучу. Дальнейшее изложение не отличается ясностью. По словам автора, далее происходит обсуждение сравнительной ценности вещей, и каждая группа производит распределение. Затем приносится и делится пища. После пира все вещи распределяются в соответствии с обязательствами. На этом праздник кончается.

Как видно из всего сказанного, в описании этих праздников много неясностей. Поэтому невозможно установить, являлись ли они подлинными дароторжествами. Но несомненно, что определенные элементы дароторжеств в них присутствовали.

4. Ваиваи и кубео: от межобщинных сборищ к дароторжествам

Как уже отмечалось, еще на стадии раннепервобытной общины у ряда народов появилось различие между хозяевами и гостями, между общиной, которая приглашала, и общинами, которые принимали приглашение.

В некоторых случаях уже на этой стадии хозяева начали кормить гостей. Это можно видеть хотя бы на примере танцевальных праздников ваиваи (Fock, 1963. P. 169–178). Наиболее известный из них — *шо-девка*. За неделю до этого праздника глава деревни посылал женщин на поля, чтобы они принесли большое количество горького маниока. Из последнего готовили хлеб и пиво. Мужчины шли на охоту и рыбную ловлю. Когда был заготовлен достаточный запас пива и пищи, посылались приглашения соседям.

Собравшиеся танцевали и пели. В перерывах пили. Для еды все садились совместно в круг. Продолжалось все это до тех пор, пока хватало хлеба и пива, как правило, от 3 до 7 дней. Но запастись на такой период мяса и рыбы туземцы не могли. Поэтому на третий день танцы приостанавливались и мужчины шли на охоту и рыбную ловлю. На следующий, т. е. четвертый день, танцы возобновлялись. Очень редким праздником был *ямо*. Исследователь о нем только слышал, но сам не наблюдал. Он длился два месяца. В течение его были дни отдыха, а также дни, когда мужчины шли на охоту и рыбную ловлю, а женщины собирали маниок.

Общее правило состояло в том, что деревня, приглашенная на танцевальный праздник, в свою очередь через некоторое время устраивала праздник, на который обязательно приглашали бывших хозяев. Долгом и делом престижа было отплатить гостеприимством за гостеприимство. На танцевальный праздник деревни Якаяка, детально описанный исследователем, была приглашена только одна деревня — Мауки. Через пять месяцев жители последней устроили ответный праздник.

Престижный момент, если и присутствовал в танцевальных праздниках ваиваи, то в крайне незначительной степени. Отнести эти праздники к числу явлений престижной экономики вряд ли будет правильным. Понять, чего же не хватает танцевальным праздникам ваиваи, чтобы стать дароторжествами, помогает их сопоставление с особыми рода праздниками у другого амазонского племени — кубео, которые можно было бы назвать питейными (Goldman, 1963. P. 81, 152–156, 202–220).

Совместное потребление маниокового пива имело место и внутри родовых общин кубео. Но подлинными *питейными праздниками* являются только те, которые носят межобщинный характер.

Такие праздники даются одновременно от имени рода и от имени отдельных членов рода — спонсоров праздника. Главным спонсором во всех больших межобщинных праздниках являлся главарь общины. Родовые общины организуют питейные праздники не реже одного раза в году.

Чтобы провести праздник, нужно иметь достаточно пива. Посадки маниока планируются с таким расчетом, чтобы 15 % его пошло на изготовление пива. На питейные праздники приглашаются все роды, принадлежащие к той же фратрии, что и род, выступающий в роли

хозяина. Пиво готовилось в огромном количестве. Оно наливалось в большие глиняные кувшины, огромные, размерами с каноэ, деревянные лохани и, наконец, в каноэ. Делом чести для рода являлось приготовить пиво в большем количестве, чем его способны потребить гости. Праздник длится до тех пор, пока не выпита последняя капля. Он продолжался обычно с полудня одного дня до рассвета следующего. Хозяева были горды, когда гости напивались до такой степени, что оказывались неспособными пить больше.

Питейный праздник является проверкой положения рода во фратрии. Если он пользуется уважением, то организованный им праздник привлекает много гостей. Внутри фратрии существует иерархия родов. Последние имеют разные социальные ранги, от низшего до высшего. И роды, имеющие высокий ранг, устраивают питейные праздники много чаще, чем роды с низким рангом. Насколько можно понять, сам ранг рода в конечном счете зависит от числа питейных праздников, устраиваемых им. Стремление повысить или поддержать высокий ранг рода заставляет его членов чаще устраивать праздники.

Ранжирование существует и внутри родов. Оно тоже в определенной степени связано с питейными праздниками. Во время этих праздников происходили танцы. Чтобы участвовать в них, мужчина должен был иметь набор украшений. Обычно ни один мужчина, кроме главаря, не обладал полным набором. Остальные вынуждены были одалживать у тех, кто имел. В некоторых родах низкого ранга ни один мужчина вообще не обладал полным набором украшений. Наоборот, в родах с высоким рангом некоторые мужчины имели в дополнение к обычному набору еще ряд высоко ценимых украшений, которые они навешивали на себя во время церемониальных танцев.

Во время танцевальных праздников ваиваи люди не только танцуют и поют, но едят и пьют пиво. Во время питейных праздников кубео индейцы не только пьют пиво, но и танцуют и поют. Элементы этих праздников по существу совпадают.

Но соотношение их различно. В праздниках ваиваи на первом плане выступают танцы, еда и питье находятся на заднем плане. И понятно почему. И еда, и питье носят ординарный, а не праздничный характер. Люди едят точно так же, как в обычное время. Имеет место потребление пищи, но не пир. Нет груд пищи, нет изобилия пищи, когда ее больше, чем необходимо для нормального потребления. Отсутствуют непомерная щедрость, расточительность в представлении пищи. Соответственно, кормление гостей не давало престижа хозяевам.

Иное дело — питейные праздники кубео. Пива здесь в изобилии. Хозяева щедро им потчуют гостей. Последние пьют, сколько только могут и даже сверх того. Поэтому питье пива выступает здесь на первый план, оттесняя танцы на задний. Здесь перед нами подлинное дароторжество, в котором в качестве дара выступает пиво. Это — настоящий пир. И щедрое представление пива приносит свои плоды — дает роду престиж, обеспечивает ему высокий социальный ранг.

У кубео питьем пива сопровождаются такие церемонии, как дача имени ребенку, инициации, погребения. Здесь перед нами не что иное, как со своеобразная форма дароплатежа.

Вполне понятно, что ту роль, которую у кубео играла пиво, у других народов могло принадлежать пище. Собственно зачатки этого наблюдается уже на примере куе. По мере роста избыточного продукта все большее внимание стало уделяться концентрации пищи. Чтобы создать изобилие пищи, ее заготавливали впрок. Соответственно, манипуляции с пищей начали становиться главным содержанием праздника. Вначале пищу, которой было в изобилии, просто совместно ели все присутствовавшие. Иногда этим все и ограничивались. Но в других случаях ее начали все в большей степени формально распределять среди гостей, т. е. дарить ее гостям. А последние, как уже указывалось, либо всю ее потребляли на месте, либо часть потребляли, а часть уносили с собой, либо, наконец, всю ее уносили с собой.

Как уже говорилось, во время межобщинных сборищ часто происходило дарение и отдаривание вещей. Но это шло в тени главных событий. Чтобы дарение и отдаривание вышло на первый план, необходимо было резкое возрастание массы даримого. Именно этой цели и служила концентрация вещей.

Дарение вещей, выйдя на первый план, став главным событием праздника, тем самым превратилось в великодарение. Могло оно принять и характер великораздаривания, т. е. дарения одним лицом вещей многим людям.

Во всяком случае с большей долей достоверности можно считать, что потлач представляет собой явление более позднее, чем совместное поедание больших количеств пищи. Такого мнения придерживалась известная советская американистка Ю. П. Аверкиева, специально исследовавшая потлач у индейцев северо-западного побережья Северной Америки (1961. С. 115). Как указывала она, у нутка розданное на потлаче именовалось съеденным (С. 179). У белла-кула раздача на потлаче обозначалась словом «лим», что буквально означало «раздача долго накапливавшегося (того), что может сгнить» (С. 246–247).

5. Гостеприимство и его место в системе социально-экономических отношений доклассового общества

Престижная экономика, будучи системой особого рода дарообращения, а именно престижного, не включала в себя все существующие отношения дарообмена. В обществе существовали и иные, кроме престижной, системы дарообращения. Одна из них — явление, именуемое в этнографической литературе *гостеприимством*.

Одним из первых сделал его объектом специального исследования Л. Г. Морган. На основе обобщения большого фактического матери-

ала, относящегося к индейцам, им был сделан вывод о существовании в первобытном обществе закона гостеприимства (Morgan, 1881. Р. 45–61). Обратил внимание на гостеприимство и Н. И. Зибер, который привел данные, относящиеся не только к Америке, но и к Океании, Азии, Африке и даже Европе (1883. С. 131–143).

И тот, и другой понимали гостеприимство очень широко, не отличая отношений между членами одной общины от отношений между членами разных общин. В результате Н. И. Зибер пришел к выводу, что «гостеприимство есть просто обхождение имущества» (С. 132).

В действительности же под словом «гостеприимство» скрываются два разных явления. Иногда это слово используется для обозначения одной из форм дележа, имевшей место внутри общины, а именно той, которая выше была названа трапезодачей. Однако чаще всего гостеприимством называют угощение и оказание иных услуг, в частности предоставление крова членам других общин.

Собственно только чужак и может быть назван подлинным гостем. И в данном случае мы имеем дело не с дележом, а с дарением. Как уже было показано выше, дар — совершенно необязательно вещь, что можно взять с собой. Даром может быть и пища, которая потребляется на месте. Наряду с *трапезодачей* существует и *трапезодарение*. Даром может быть и услуга. В целом угощение гостя и услуги, представляемые гостю, могут быть названы *гостевым даром* (*гостедаром*).

Любой дар предполагает отдар. Во многих случаях обмен гостедарами носил прямой характер. Хозяин и гость просто менялись ролями. Если сегодня А принимал Б, то завтра Б принимал А. Однако такое бывало не всегда. Связь двух конкретных лиц могла носить односторонний характер. Один из них мог выступать только в роли хозяина, другой — только гостя. Но человек, который по отношению к определенному лицу был лишь хозяином, по отношению к другому мог быть лишь гостем. И в конечном счете каждый получал примерно столько же, сколько давал. Поэтому вполне можно говорить о существовании особой системы *гостедараобмена*, или *гостедараобращения*.

Гостедараобмен существовал, вероятно, и на стадии раннепервобытной общины. Однако в целостную систему он сложился, по-видимому, лишь одновременно с престижной экономикой. И на первых порах гостедараобращение было нередко связано с какой-либо формой престижного или обычного дарообмена. Партнеры по дарообмену, которые в дальнейшем нередко становились и торговыми партнерами, были обязаны обеспечивать друг друга пищей, кровом и защитой. Такими были, например, отношения между меланезийцами о. Вогео и их соседями (Hogbin, 1935. Р. 398). С этим связано существование у многих народов обычая, согласно которому гость должен был вручить хозяину подарок (Belshaw, 1965. Р. 35–36).

Большинство данных о гостеприимстве относится к народам, стоявшим на стадии позднепервобытного и предклассового общества.

На этом основании Л. Г. Морганом был сделан вывод, что по мере увеличения разнообразия и количества средств существования закон гостеприимства все в большей и большей степени утверждался. Наивысшего развития он достиг, по его мнению, у оседлых индейцев, достигших средней ступени варварства (Morgan, 1881. P. 61).

Когда община перестала быть единым долежным кругом, то гостедарообращение в какой-то степени стало превращаться из отношения лишь между членами разных общин в отношения и внутри общины. Но в целом и тогда оно во многом продолжало сохранять межобщинный характер.

С исчезновением престижной экономики, что произошло с переходом к предклассовому обществу, гостедарообмен принял на себя некоторые ее функции. Наряду с обычным гостедарообменом, который осуществлялся в любое время, возник и получил развитие праздничный, когда люди навещали друг друга по случаю каких-либо торжественных событий. В некоторых случаях сам приезд гостя стал поводом для торжества, которое хозяин устраивал в его честь.

Необычайно развиты были все виды гостедарообмена у народов Северного Кавказа, находившихся в большинстве своем на стадии предклассового общества, в частности у адыгов, балкарцев, чеченцев, осетин (Гарданов, 1967. С. 289–321; Калоев, 1971. С. 195–198; Меретуков, 1965; Мусукаев, 1991), у горцев Балканского полуострова: албанцев и черногорцев (Иванова, 1974). Развита была и традиция гостеприимства на Древнем Востоке и в античном мире (см.: Соколова, 2009). Как будничное, так и праздничное гостедарообращение существовало в крестьянском мире классовых обществ. На бытование у русских крестьян XIX в. необычайно развитого гостеприимства обращают внимание некоторые этнографы (Иваницкий, 1890. С. 58–59; Миненко, 1989. С. 93–94; Громыко, 1990. С. 87–89). Интересно отметить, что в некоторых случаях полагалось при проводах гостей снабжать их подарками (Миненко, 1989. С. 94).

Раздвоение первобытной экономики на престижную и жизнеобеспечивающую и его последствия для развития общества

1. Раздвоение первобытной экономики на престижную и жизнеобеспечивающую

В результате появления и развития дародачи, дароплатежей и великодарения часть продукта, созданного в определенном первобытном социоисторическом организме, уходила в форме дара в другие социоисторические организмы. Соответственно, в социоисторический организм поступал продукт, созданный в иных общинах. Неизбежным было возникновение целостной системы циркуляции продукта между социоисторическими организмами. Вполне понятно, что между ними циркулировал не весь общественный продукт, а только часть его, а именно избыточный продукт. Если избыточный продукт в основном циркулировал между социоисторическими организмами, то жизнеобеспечивающий — внутри общин.

Таким образом, переход со стадии раннепервобытного общества на стадию позднепервобытного общества был ознаменован своеобразным раздвоением системы социально-экономических отношений первобытного общества: наряду с системой циркуляции жизнеобеспечивающего продукта возникла особая система циркуляции избыточного продукта.

Описаны системы циркуляции избыточного продукта были давно. Но как особое экономическое явление выделены они были сравнительно поздно. Это было сделано, как уже отмечалось, Б. Малиновским, не предложившим, однако, никакого общего термина для обозначения этих отношений. У. Станнер, столкнувшись с системой этих связей, назвал ее церемониальной экономикой (Stanner, 1933a, 1933b). Корой Элис Дюбуа (1903–1991) был предложен термин «престижная экономика» (DuBois, 1936), который стал общепринятым.

Различные объекты циркулировали в системе престижной экономики в форме даров. Престижная экономика была в своей сущности системой престижного дарообмена, престижного дарообращения. Дарообмен представляет собой переход объектов из собственности в собственность. Дар должен быть возмещен более или менее равноценным отдаром. Принцип эквивалентности данного и полученного был одним

из важнейших в престижной экономике. У многих народов, у которых была развита эта экономика, было выработано достаточно четкое понятие эквивалентности, появились слова, обозначающие ее. Примером могут послужить жители о-вов Тробриан (Malinowski, 1922. P. 182); маори Новой Зеландии (Firth, 1929. P. 406–407); полинезийцы о. Тикопия (Firth, 1967. P. 348); папуасы гахуку-гама (Read, 1959. P. 428–429), капауку (Pospisil, 1963. P. 314), тангу (Burridge. 1971. P. 99–100, 105) и др.

2. Престижная экономика и изменения в жизнеобеспечивающей экономике

Возникновение престижной экономики привело к существенному преобразованию ранее единственно существовавшей жизнеобеспечивающей экономики.

Прежде всего определенная часть общественного продукта оказалась исключенной временно или навсегда из дележа. Причем она исключалась из дележа еще до того, как поступала в сеть престижного дарообмена. У бушменов кунг стоило человеку заявить, что вещи, находящиеся в висящей у его шалаша сумке, предназначены для дарения, как они становились недоступными для членов его коллектива. Была исключена из дележа и огромная масса различного рода продуктов, которые в течение длительного времени накапливались для дароторжества.

Выше уже говорилось о существовании различия между потенциальным и реальным дачедележными кругами. Человек на коммуналистической стадии в принципе должен был делиться со всеми членами общины, но редко это делал, ибо не имел в своем распоряжении достаточного количества продукта. Члены общины фактически всегда подразделялись для него на более близких и менее близких, грань между которыми была всегда относительной: она во многом зависела от объема продукта, которым он в данное время располагал. С близкими он делился, с дальними — нет, ибо для этого не хватало ресурсов.

С появлением престижной экономики количество продукта, которым человек мог делиться, сократилось: он теперь должен был не только делиться с членами своей общины, но и дарить членам других обществ. Неизбежным результатом было сокращение его реального дачедележного круга. Все большее число членов его общины оказывалось за его пределами. И отношение к этим дальним для него членам общины стало меняться.

В сфере престижной экономики безраздельно господствовал принцип эквивалентного возмещения всего полученного в дар. И утвердившись в ней, он начал шаг за шагом проникать и в сферу жизнеобеспечивающей экономики. И если с близкими членами общины человек по-прежнему продолжал делиться, то от дальних он начал ждать эквивалентного возмещения данного им. Отношение к последним превратилось из дачедележа в дачеобмен. А это означало, что эти дальние

для данного человека члены его общины стали выпадать и, наконец, окончательно выпали из его не только реального, но и потенциального дачедележного круга. В результате дачедележный круг перестал совпадать с общиной. Если раньше община была одновременно и дачедележным кругом, то теперь в ней стало существовать несколько дачедележных кругов. То же самое произошло и с разделодележом. Раньше община была одним разделодележным кругом, теперь она стала состоять из нескольких. Раньше разделодележный круг совпадал с дачедележным. Теперь они могли разойтись.

Избыточный продукт циркулировал не только между членами разных общин, но и между людьми, принадлежащими к одной общине. Если первые с самого начала обменивались избыточным продуктом, то вторые первоначально делились им. Однако этот дележ в данной сфере возможно с самого начала приобрел своеобразный характер. В отличие от дачедележа, который происходил всегда, когда тот или иной человек создавал или добывал продукт, эта форма дележа имела место лишь тогда, когда у того или иного человека возникала нужда в каком-либо продукте. Он обращался за помощью к другим и получал ее. Такого рода отношения выше уже были названы *помогодачей*.

Возникнув, по-видимому, первоначально в сфере престижной экономики, *помогодатные* отношения в дальнейшем проникли и в сферу жизнеобеспечивающей. Дачедележные отношения стали дополняться, а отчасти и замещаться помогодатными связями. Помогодача, как и дачедележ, носила круго-линейный характер и не предполагала с необходимостью эквивалентного возмещения и вообще возмещения. Иначе говоря, она была своеобразным видом дележа. Помогодатные круги могли частично совпадать с дачедележными.

Скорее всего, помогодатные круги никогда не совпадали полностью с общиной. В ней с момента появления помогодачи всегда было несколько помогодатных кругов. Это отнюдь не значит, что люди находящиеся вне данного помогодатного круга, не могли рассчитывать на помощь со стороны его членов. Человек вполне мог помочь другому человеку, не входившему в его помогодатный круг. Но делал он это потому, что рассчитывал, что тот в свою очередь окажет ему помощь, когда в этом появится нужда. Это уже не круго-линейные, а линейные отношения, не распределение, а особого рода обмен, а именно обмен помощью, или, короче, *помогообмен*. Именно отношения помоогообмена, а не дачеобмена, все более и более замещали все виды дележных отношений (разделодележных, дачедележных и помогодатных) внутри позднепервобытной общины.

Но дележные отношения долгое время еще продолжали сохраняться. И на стадии позднепервобытного общества люди, принадлежавшие к одному дележному кругу (разделодележному, дачедележному или помогодатному), обязаны были делить продукт между собой или делиться им друг с другом, но теперь не только в форме разделодележа,

дачедележа, но и помогадочи. По-прежнему принадлежность к данному дележному кругу накладывала на человека обязанность давать часть продукта другим членам круга и давало ему право на получение доли продукта от них.

Но теперь эти дележные круги не только не совпадали с общиной, но и приобрели относительный характер. Одни продукты распределялись в более широком кругу, другие — в более узком. Так, например, хотя социоисторический организм перестал быть дележным кругом по отношению к большинству продуктов, некоторые виды добычи продолжали распределяться между всеми его членами. И по отношению к этим видам добычи он продолжал оставаться дележным кругом. Так, например, у нивхов (гиляков) селения Пуир добытые тюлени распределялись только между участниками охоты, а убитая белуха делилась между всеми семьями без исключения (Крейнович, 1935). Размеры дележного круга зависели также и от ситуации. В одной ситуации он включал в себя большее число людей, в другой — меньшее.

Выше (11.1) уже говорилось о существовании в первобытных социоисторических организмах нескольких систем циркуляции материальных благ. В раннепервобытном обществе могло быть несколько систем распределения. В позднепервобытном обществе функционировало несколько существенно отличных друг от друга систем и распределения, и обмена (Firth, 1967; Salisbury, 1962; Douglas, 1967; Bohannan and Bohannan, 1968). Некоторые авторы предпочитают говорить о бытии нескольких различных сфер обмена (Barth, 1967; Riches, 1975; Burch, 1988; Silioe, 2006). В одних системах мог полновластно действовать жесткий эгоистический расчет, а в других — полнейший альтруизм (DuBois, 1936. P. 51; Штернберг, 1933. С. 40).

Все это делало крайне своеобразными отношения собственности на продукты труда. Любой человек был отдельным собственником только в определенном отношении. Он был собственником по отношению к одним вещам, но лишь распорядителем по отношению к другим, а именно к тем, которыми был обязан делиться с членами своего дележного круга. Он был собственником данной вещи по отношению к одним людям, но лишь распорядителем — по отношению к другим, а именно членам своего дележного круга. Он был собственником данной вещи по отношению к определенным людям в одной ситуации, но лишь распорядителем — в другой.

И дальнейшее развитие шло по линии, во-первых, сужения круга лиц, обязанных делиться друг с другом, во-вторых, сокращения круга вещей, которыми человек был обязан делиться с другими, в-третьих, уменьшения числа ситуаций, в которых человек был обязан делиться. Однако в течение всей позднепервобытной стадии каждый взрослый человек был одновременно и отдельным собственником и не был им. Не существовало каких-либо определенных ячеек отдельной собственности. Грани между ними носили относительный характер. Условны были границы и между дележными кругами.

В этих условиях семья не могла быть единицей собственности. Каждый человек был отдельным собственником и, кроме того, входил в дележный круг, который не обязательно совпадал с теми, в которые входили члены его семьи. На существование в позднпервобытных и даже предклассовых обществах раздельной собственности мужа и жены указывают многие исследователи.

В одной из предшествующих глав (13.3) в качестве примера были приведены киваи, кума, сиане и капауку Новой Гвинеи. К ним можно добавить эскимосов Северной Аляски (Spencer, 1959. P. 148), эскимосов чучаей (Birket-Smith, 1953. P. 97), верховых танана (McKenna, 1959. P. 116), якутатов, тлинкитов (Laguna, 1972. P. 492), хопи Аризоны (Beaglehole, 1937. P. 10), кахуилла Калифорнии (Bean, 1972. P. 127), мундуруку (Murphy, 1960. P. 70), трумаи (Murphy and Quin, 1955, P. 40–41), камаюра (Oberg, 1953. P. 40–41) и восточных тимбира Бразилии (Nimuindaju, 1946. P. 157), меланезийцев о. Вогео (Hogbin, 1938a. P. 151), о-вов Танга (Bell, 1946. P. 169), о-вов Тробриан (Malinowski, 1922. P. 177), полинезийцев о. Тикопия (Firth, 1939. P. 264–265), маори Новой Зеландии (Firth, 1929. P. 342, 394), микронезийцев о. Понапе (Bascom, 1965. P. 18), ламба Замбии (Gluckman, 1967. P. 75), гвемба тонга Замбии и Зимбабве (Colson, 1960. P. 113).

Но не будучи единицей собственности, семья, оставаясь иждивенческо-потребительской ячейкой, все в большей степени становилась и хозяйственной ячейкой. Это было связано с целым рядом обстоятельств. Одно из них заключалось в том, что позднпервобытная община, переставая быть единым дележным кругом, тем самым переставала быть хозяйственной ячейкой. Она все в большей степени приобретала черты исключительно хозяйственного организма.

Другая причина состояла в том, что становились все более прочными экономические связи между мужем и женой. Если раньше все доставшееся человеку либо оставалось в его распоряжении, либо поступало в общий семейный фонд, а тем самым сразу же в потребление членов семьи и тех, кто примкнул к ним во время трапезы, то теперь, созданное одним супругом могло поступать в распоряжение другого и быть использовано последним в сфере престижной экономики. Обычно при этом муж использовал продукт, созданный женой.

Как уже указывалось выше, в сфере престижной, а затем и жизнеобеспечивающей экономики возникла помогодача. Первоначально в форме помощи выступали пища и вещи. Такого рода помогодача была довольно ограниченной, но тем не менее формой дележа. В первобытных земледельческих обществах возникла и получила широкое распространение помощь трудом. И пока эта помощь носила круговой характер, перед нами помогодача, а не какая-либо другая форма помощи.

Однако помощь трудом в отличие от помощи пищей и вещами уже не может быть охарактеризована как вид дележа. Трудом в отличие от пищи и вещей делиться нельзя. И когда в систему помогодатных отношений оказался втянутым труд, помогодача, сохраняя свой круговой

характер, частично вышла за рамки, пусть ограниченного, но дележа. Понятие помогодатного круга стало более широким, чем понятие дележного круга.

На стадии раннепервобытной общины все люди были включены в определенный дележный круг. Человек входил в состав дележного круга и получал определенную долю продукта и в том случае, если сам ничего в него не вносил. И это в принципе относилось и к тем людям, которые могли бы вносить вклад, но не делали этого. Как писал К. Биркет-Смит, первый неписанный закон у эскимосов состоит в том, что никто без причины не может избегать участия в борьбе за пищу и одежду. Однако тому, кто этого не делает, не позволяют умереть с голоду, хотя его и презирают (Birket-Smith 1936. P. 148. См. также: 1929. P. 261). Точно так же обстояло дело у андаманцев (Radcliffe-Brown, 1964. P. 50).

На каком-то этапе развития позднепервобытной общины положение начало меняться. Человек, который в принципе был способен, но не вносил вклада в дележный круг, исключался из него: он терял право на получение доли продукта от других людей.

Исключение из дележного круга людей, которые ничего сами не давали или давали мало, которые были скупы, практиковалось у индейцев вашо Невады и Калифорнии, которые жили охотой, рыбной ловлей и собирательством (Price, 1962. P. 37; 1975. P. 17).

На о. Вогео, расположенном вблизи Новой Гвинеи, основным занятием жителей было земледелие. Но один житель деревни Дап был настолько ленив, что не занимался расчисткой земли для посадок. В результате его жена была лишена возможности выращивать таро, ямс и другие культуры. Она могла лишь собирать дикие растения и моллюсков. В деревне существовал дачедележ огородной продукции. Но члены данной семьи были в силу указанных причин исключены из дележного круга. Они голодали. У них была дочь 8 лет. Когда девочка начинала плакать, мать брала ее с собой и шла просить пищу у сельчан. Плачущее дитя вызывало жалость, и соседи что-то давали. Но это был не дачедележ, а скорее подача милостыни. Другой путь изыскания пищи в подобных случаях — кража с чужих огородов (Hogbin, 1978. P. 117–118).

Сказанное выше относится не только к дачедележу, но и помогодаче. У энга гор Новой Гвинеи, когда человек сам не соблюдал обязательства, его репутация падала, и люди не оказывали ему помощи, на которую он в принципе мог рассчитывать (Meggitt, 1958. P. 294). Так же обстояло дело у тоамбаита о. Малаита (Соломоновы о-ва) (Hogbin, 1970. P. 58–59).

Что же касается вещей, то мы чаще всего сталкиваемся с еще одной формой, возникшей из дележных отношений, имеющей сходство с этими отношениями, но тем не менее отличной от них. Когда при дележных отношениях вещь переходила из одних рук в другие,

прежний ее распорядитель имел на нее не больше прав, чем любой иной член дележного круга. При новой форме отношений человек по-прежнему не может отказать другому, когда последний просит у него ту или иную вещь. Однако при этом тот, кто дал вещь, сохраняет на нее права. Человек, который получил вещь, может только пользоваться ею, но не больше, и в принципе по минованию надобности должен вернуть ее хозяину. Никакого возмещения за пользование вещью не предусматривается. Такого рода отношения, которые, как и дележные, были круговыми, можно было бы назвать *дачевозвратными*. В этнографической литературе такого рода явление чаще всего называется одалживанием вещей.

В первобытном обществе люди занимались не только добыванием (охота, рыболовство, собирательство), а в дальнейшем и производством (земледелие, животноводство) пищи, но и созданием определенных вещей — рукоделием. Существовала определенная специализация рукоделия: одни вещи изготовлялись исключительно или преимущественно мужчинами, другие — женщинами. Но дальше этого специализация обычно не шла. Каждый мужчина умел изготовлять все вещи, которые полагалось производить представителям его пола. То же самое относилось к женщинам. Но люди не одинаковы. Кто-то умел изготовлять те или иные вещи лучше остальных. Его изделия отличались более высоким качеством. В результате к нему обращались другие члены общины с просьбой изготовить для них данную вещь. На стадии раннепервобытной общины это делалось безвозмездно.

На стадии позднепервобытной общины, когда начало возникать распределение по труду, услугу, выражавшуюся в изготовлении вещи, начали возмещать, нередко — пищей. Здесь перед нами особая форма обмена, которую можно было бы назвать *услугоплатежом*. Когда человек начал получать за изготовление определенных вещей плату, он стал уделять этому виду деятельности больше времени.

Однако на позднепервобытной стадии, как правило, не наблюдалось появления людей, для которых занятие данной формой рукоделия стало бы не только единственным, но даже и основным видом их деятельности. Они обычно одновременно занимались и добыванием или производством пищи. В этом смысле их нельзя назвать ремесленниками. Лучше всего было бы именовать их *умельцами*, а само это явление — *умельчеством*. Умельчество представляет собой начальный этап развития, который завершился появлением ремесла. На этой стадии развития платили за услуги не только умельцам, но и колдунам, шаманам.

Возникновение в позднепервобытной общине нескольких дележных кругов во многих случаях привело к подразделению рода, ядро которого было одновременно и ядром общины, на подроды, а тех с течением времени и на подподроды. Вначале все эти подроды и подподроды были частями одного рода. Но в последующем в общине и могли оказаться подроды и подподроды, относящиеся к разным родам. Это

делало вполне законным и оправданным отказ от любых форм дележа между всеми членами общины.

Появление внутри общины нескольких дележных кругов помимо всего прочего открывало возможность значительного увеличения ее размеров. Пока община в общем и целом совпадала с дележным кругом, возможности ее роста были весьма ограничены. Дележный круг по своей природе не мог быть слишком большим. Когда же внутри общины образовалось несколько дележных кругов, это препятствие исчезло. В результате, если число членов раннепервобытной общины никогда не превышало сотеи человек, то позднепервобытные общины могли насчитывать в своем составе несколько сот людей. В свою очередь увеличение размеров общины делало существование в ней не одного, а нескольких дележных кругов насущно необходимым. Крупная община в принципе не могла быть одним единым дележным кругом.

3. Погоня за престижем как стимул развития производства. Возникновение престижной частной собственности и эксплуатации человека человеком

Уже на примере бушменов и аборигенов Австралии можно было видеть, что зарождение престижно-экономических отношений означало появление новых стимулов к производству. На первых порах эти стимулы были побуждениями к труду. В последующем развитии они приобрели иной характер.

Как уже указывалось, стремление к престижу возникло еще на стадии раннепервобытной общины. В основе его лежала объективная заинтересованность коллектива в том, чтобы каждый его член трудился с максимальной отдачей. На той фазе престиж обеспечивался вначале непосредственно величиной вклада человека в совокупный общественный продукт, а затем — щедростью при даче дележа.

На новой стадии, чтобы добиться престижа, нужно было прежде всего щедро дарить и отдаривать, а главное — устраивать дароторжества, или, по крайней мере, активно участвовать в них. Как уже указывалось, дарение вело к своеобразному накоплению имущества, которым человек мог располагать, которое уходило из-под контроля общины. Чем больше человек дарил, тем обширнее были его связи с членами других социогисторических организмов, тем большим числом материальных ресурсов он потенциально владел, тем, соответственно, большим престижем он пользовался как в своей общине, так и за ее пределами.

Стремление увеличить свои потенциальные материальные накопления и тем самым свой престиж побуждало человека как можно больше дарить. Но чтобы так поступать, нужно было иметь в своем непосредственном реальном распоряжении возможно больше продукта.

Один путь к этому — самому создавать его во все большем количестве, самому трудиться много и упорно. Но люди были не равны по своим способностям. Одни могли произвести больше продукта, другие — меньше. Соответственно, они не в одинаковой степени были включены в престижную экономику. Одни дарили больше, другие — меньше, а были и такие, которые вообще ничего не могли дарить. Уже здесь наметилось своеобразное имущественное, а вместе с тем и социальное расслоение, которое столь характерно для поздней первобытной общины.

Этнографы, исследующие первобытно-престижные общества, часто говорят о подразделении их человеческого состава на богачей, рядовых людей и бедняков. Но это неравенство носило специфический характер. Богатство человека, если можно так выразиться, было текучим. Богат был не тот, кто много имел, а тот, кто много дарил. Богатство он накапливал не столько с целью его использования для удовлетворения непосредственных своих потребностей, сколько для того, чтобы его раздаривать. Богатство человека исчислялось массой ценностей, которые проходили через его руки в сети престижно-экономических отношений. Поэтому слово «богач» в применении к таким людям имеет несколько иной смысл, чем тот, который мы привыкли в него вкладывать.

В основе рассматриваемого имущественного неравенства первоначально лежали различия в количестве созданного человеком продукта. Человек, который больше производил, соответственно, был способен и больше дарить. Однако всегда существовал предел тому, что человек мог произвести сам. Отсюда стремление использовать для дарения продукты чужого труда.

Еще на стадии раннепервобытной общины престиж человека с определенного момента стал непосредственно определяться количеством не созданного им, а розданного им членам общины продукта. Человек пользовался почетом не как труженик, а как даватель. Но так как на данном этапе давать можно было в основном лишь то, что человек создал собственным трудом, то в конечном счете в основе общественной оценки человека лежала реализация его способности к труду.

С увеличением массы избыточного продукта и переходом к стадии позднепервобытной общины престиж человека стал определяться прежде всего количеством даримого им продукта. На первых порах дарился в основном продукт собственного труда человека и труда членов его семьи. Почти одновременно возникли различного рода способы мобилизации продуктов чужого труда. В результате престиж человека стал определяться способностями не только к труду, но и к манипулированию престижными ценностями. Однако пока он прямо или косвенно, в большей или меньшей степени возмещал полученный им для раздаривания чужой продукт, престиж его зависел прежде всего от того, сколько он сам производил.

Преодолеть это ограничение можно было только путем перехода к систематическому безвозмездному присвоению чужого труда. Таким образом, логика развития престижной экономики с неизбежностью вела к появлению эксплуатации человека человеком. Когда это произошло, часть избыточного продукта стала одновременно и прибавочным продуктом.

С появлением эксплуатации количество даримого тем или иным человеком перестало определяться объемом созданного им продукта. В принципе теперь человек мог дарить, и при этом много, даже в том случае, если он сам ничего не создавал. А так как престиж человека зависел только от объема даримого продукта, то теперь добиться его мог и человек, который перестал участвовать в труде. Появление эксплуатации открыло возможность для беспредельного роста массы избыточного продукта, которую мог сосредоточить тот или иной человек в своих руках, а тем самым и беспредельного повышения его престижа.

Понятие эксплуатации выше уже было рассмотрено (3.3). Как уже указывалось, в узком, строго научном смысле слова эксплуатация есть безвозмездное присвоение (получение в собственность) одной частью общества доли общественного продукта, созданного другой частью общества. Эксплуатация есть присвоение прибавочного продукта. Она может происходить по-разному. Как уже отмечалось (3.2), существуют два основных ее рода.

При первом роде эксплуатация человека человеком происходит непосредственно в процессе собственно производства. Процесс производства в таком случае есть одновременно и процесс эксплуатации. При этом весь продукт или по крайней мере его часть (прибавочный продукт) создается производителем не как его собственность, а как собственность иных людей, которые тем самым выступают в роли эксплуататоров. В данном случае отношения эксплуатации выступают как отношения собственно производства. Это — либо способ, либо образ эксплуатации: *способ эксплуатации* в том случае, когда данные отношения образуют общественно-экономический уклад, *образ эксплуатации* — когда они существуют в неукладной форме, в виде подуклада.

Второй основной род характеризуется тем, что безвозмездное присвоение продукта происходит не в процессе собственно производства, а уже после того, как этот процесс завершился. Здесь процесс эксплуатации не совпадает с процессом производства и представляет собой явление, отличное от процесса производства. Это — *метод эксплуатации*. Так как метод эксплуатации есть форма только присвоения, но не создания прибавочного продукта, он всегда существует только в связи с тем или иным способом (образом) производства, антагонистическим или неантагонистическим.

В основе того или иного способа (образа) эксплуатации всегда лежит та или иная форма частной собственности. Несколько иначе

обстоит дело с методами эксплуатации. Такой, например, метод эксплуатации, как систематический военный грабёж, не основывается на какой-либо форме частной собственности. Но существуют и такие методы эксплуатации, которые базируются на той или иной форме частной собственности. Таково, например, ростовщичество.

В первобытно-престижном обществе возникали не только методы, но и образы эксплуатации. Это с необходимостью предполагало появление и существование в нем частной собственности. И она там действительно появилась и существовала.

Выше уже говорилось о бытии в первобытно-престижном обществе имущественного неравенства, которое выразилось в появлении «богатства» и, соответственно, его распорядителей — «богачей».

Понятие богатства в применении к отдельным людям всегда является относительным. Оно имеет смысл только в сопоставлении со своей противоположностью — отсутствием богатства. О богатых можно говорить только в том случае, если им противостоят небогатые. Иначе сами слова «богатство», «богачи» теряют смысл. Богатство в указанном смысле, в чем бы оно ни состояло, всегда является достоянием лишь части членов общества. И если оно является основой эксплуатации этой частью общества другой его части, то это дает право характеризовать данное богатство как частную собственность. На стадии поздне-первобытного общества богатство отличалось крайним своеобразием. Так как суть этого богатства заключалась в обеспечении высокого престижа, оно может быть названо *престижным богатством*. Оно, как уже указывалось, было текучим. В силу этого приходится говорить не столько о его владельцах, сколько о его распорядителях. Это текущее богатство было частной собственностью, но особого рода.

Оно было частной собственностью, ибо являлось основой эксплуатации человека человеком. Но была иная частная собственность, чем та, на которой базируется эксплуатация в классовом обществе. В классовом обществе частная собственность есть монопольная (полная или верховная) собственность части общества прежде всего на средства производства. Та же частная собственность, которая возникла и существовала в первобытно-престижном обществе, была монопольной собственностью части общества, но не на средства производства, а на что-то иное.

И этим чем-то иным были прежде всего предметы, которые циркулировали по каналам всех видов престижного дарообмена (дародаче-обмена, дароплатежеобмена, великодариообмена). Как мы уже видели, в качестве таких объектов могли выступать самые обычные предметы личного потребления: разнообразные вещи, различные виды пищи. Но богатством они становились только тогда, когда в распоряжении того и иного человека было такое их количество, которое могло обеспечить ему высокий престиж. Только в таком, но не ином количестве они становились престижным богатством.

С возникновением престижной экономики у многих народов совершенно отчетливо выделилась особая категория объектов, которые специально предназначались для циркуляции по престижно-экономическим каналам. В таком качестве могли выступать раковины, изделия из раковин, перья определенных птиц, медные пластины и т. п. Даже когда эти объекты первоначально имели потребительную ценность, они ее полностью теряли. Они теперь имели престижную и только престижную ценность. Примером могут послужить мвали и соулава, двигавшиеся по кольцу кулы. Потребление этих объектов состояло исключительно в движении по каналам престижного дарообмена. Эти объекты были *престижными* и только *престижными ценностями*, составляли *престижное богатство* в самом чистом виде. И они составляли престижное богатство, когда их число превышало определенный предел.

Престижными ценностями могли стать объекты, продолжавшие сохранять потребительную ценность, но их обычное потребление приобретало более чем своеобразный характер. Так обстояло с домашними свиньями у меланезийцев и папуасов (см. ниже: 22; 23; 24), крупным рогатым скотом у народов Юго-Восточной Азии и Африки (см. ниже: 26.4, 26.10). Могут сказать, что свиньи и скот являются не только предметами потребления, но и средствами производства. Но все дело в том, что в состав престижного богатства они входили только в качестве престижных ценностей, но ни в коем случае не средств производства. В этом отношении они ничем не отличались ни от раковин, ни от перьев птиц.

Престижное богатство было частной собственностью, но особого рода — престижной частной собственностью. На этой престижной частной собственности могли основываться различные методы эксплуатации, разные образы эксплуатации, но не способы эксплуатации. Способы эксплуатации могли базироваться только на обычной, ординарной, «классической» частной собственности — частной собственности на средства производства.

В престижно-первобытном обществе возникла и существовала частная собственность, но не та, на которой базируется классовое общество. Престижная частная собственность не могла превратиться в классическую частную собственность. В этом смысле первобытно-престижное общество не было формирующимся классовым обществом. Но его развитие подготовило условия для формирования классической, ординарной частной собственности. С началом становления ординарной частной собственности первобытно-престижное общество сменялось предклассовым. Формирование классической частной собственности предполагало отрицание престижной частной собственности. Грань между первобытно-престижным обществом кладет начало свертывания, исчезновения престижной экономики. С переходом к предклассовому обществу престижно-экономические отношения все больше теряют роль, которую они играли раньше, и постепенно исчезают. Но значительные пережитки престижной экономики продолжали

сохраняться на протяжении всей истории предклассового общества, а совершенно отчетливые следы былого ее существования наблюдаются в крестьянском мире классовых обществ.

Таким образом, не успев еще даже как следует сформироваться, распределение по труду сделало неизбежным появление своей противоположности — распределения по собственности, эксплуатации человека человеком. Только с возникновением последней могло в достаточной степени утвердиться зародившееся раньше имущественное и социальное неравенство. Лишь когда для дарения стал использоваться прибавочный продукт, возник достаточно большой отрыв «богачей» от рядовых людей. Что же касается бедняков, то их оформление в качестве особого слоя было связано не только с престижной, но и с новой жизнеобеспечивающей экономикой, в которой шел процесс вытеснения дележных отношений обменными.

В целом стадия позднепервобытной общины характеризуется существованием трех принципов распределения: (1) коммуналистического — по потребностям, (2) по труду и (3) по собственности. Шел процесс формирования не только отдельной, но и частной собственности, но частной собственности особого рода — престижной. В общем и целом развитие позднепервобытного общества шло по линии вытеснения распределения по потребностям и дележных отношений распределением по труду и по собственности, отношениями обмена и эксплуатации. Однако этот процесс не был до конца завершен и к концу этой стадии. Дележные отношения продолжали в виде пережиточных явлений существовать и на ранних этапах предклассового общества, особенно у охотников, рыболовов и собирателей.

С возникновением престижной экономики появился новый могучий стимул к производству. Для дародач, дароплатежей и особенно великодарения требовалась масса избыточного продукта. Она могла быть создана только трудом. О том, что церемониальный обмен, пиры и другие явления престижной экономики были на этой стадии развития важными стимулами к труду, пишут многие исследователи (Landtman, 1927. P. 383; Firth, 1929. P. 326; 1967. P. 320; Bell, 1931. P. 124; 1946. P. 139; Hogbin, 1932. P. 33; 1939a. P. 324; Deacon, 1934. P. 202; Groves, 1934. P. 355–356; Mead, 1947. P. 231; Oliver, 1955. P. 364; Justin, 1990. P. 87 и др.).

Порожденное престижной экономикой стремление к престижу, в отличие от многих иных потребностей, не имеет предела. Престиж недостаточно завоевать, его нужно постоянно поддерживать. Не существует абсолютного престижа, по достижению которого человек мог бы успокоиться. Престиж можно повышать бесконечно. Поэтому стремление к престижу как экономический мотив может быть сопоставлено лишь со столь характерной для капитализма погоней за прибавочной стоимостью. Возникновение престижно-экономических отношений открыло широкую возможность и дало могучий толчок развитию производительных сил первобытного общества.

4. Экономика и обычное право

Единственной властью в раннепервобытной общине была общественная воля, которая выражалась в двух формах: в унаследованной от праобщины форме табуитета (праморали) и более поздней форме настоящей морали. В общественной воле, прежде всего морали, выражались объективные интересы первобытного коллектива. Эта социальная воля проявлялась в общественном мнении и закреплялась в нормах поведения, обычаях и традициях, которые передавались из поколения в поколение. Соблюдение требований морали обеспечивалось исключительно лишь силой общественного мнения. Физическое насилие при этом не применялось даже по отношению к убийцам. Лишь в самых крайних случаях постоянного нарушителя моральных норм могли изгнать из коллектива. Но нарушение более архаичных норм — табу — могло повлечь за собой физическое наказание и нередко даже смертную казнь.

Важнейшая особенность как табуитета, так и первобытной морали заключалась в том, что обе эти формы общественной воли регулировали отношения только между членами того или иного социоисторического организма. Каждая община имела собственную волю, нормы которой распространялись исключительно на ее членов. Соблюдение социальных норм требовалось лишь в отношении членов своей общины и своего рода.

На человека, не входившего в состав данной общины, не распространялось действие ни негативных, ни позитивных норм, существовавших в данном социоисторическом организме. Для этнографов это являлось само собой разумеющимся (см. Косвен, 1925. С. 7–8). Достаточно привести обобщающее высказывание русского социолога и этнографа Максима Максимовича Ковалевского (1851–1916). «Их поведение, — писал он о людях доклассового общества, — совершенно различно, смотря по тому, идет ли дело об иностранцах или сородичах... Что позволено по отношению к чужеродцам, то нетерпимо по отношению к сородичам. Один и тот же способ поведения может представиться то дозволенным и даже заслуживающим похвал, то запрещенным и позорным... Тот, кто нарушает обычаи, тем самым обнаруживает злую волю по отношению к сородичам и должен быть поэтому извергнут из своей среды. Те же самые действия, совершенные над иностранцами, над лицами, стоящими вне группы, теряют всякую нравственную квалификацию, они не считаются ни дозволенными, ни запрещенными, или, вернее, интерес группы придает им ту или другую природу» (1913. С. 90).

Первобытная социальная воля была единственным регулятором поведения людей в раннепервобытном обществе. Никаких особых органов власти на этой стадии развития не существовало. Были лишь сугубо неформальные собрания всех или части членов общины, на которых согласовывались точки зрения, и вырабатывалось единое мнение

по тем или иным вопросам. Не было никаких специальных должностных лиц — старейшин, вождей.

Были люди, которые выделялись из числа остальных своим умом, жизненным опытом, способностями, успехами в том или ином виде деятельности. Они пользовались уважением, к ним прислушивались, их советам и указаниям следовали. Они руководили теми или иными совместными действиями людей. Но вся их власть базировалась исключительно на завоеванном ими авторитете. Когда они теряли авторитет, то тем самым лишались и всякого влияния. Когда в синполитейных раннепервобытных общинах встречаются формальные лидеры, то это — чаще всего результат влияния более развитых обществ.

Ни одна община никогда не жила в полной изоляции от других. Поэтому члены разных первобытных социоисторических организмов с неизбежностью должны были вступать в контакты друг с другом. Разные общины и их члены могли сотрудничать. Но между ними могли возникать и конфликты. Причиной конфликтов чаще всего был ущерб, который был нанесен члену или членам одного рода, а тем самым и этому роду, членом или членами другого. Этот ущерб мог носить различный характер: ранение, убийство человека, изнасилование или похищение женщины — члена рода или жены члена рода, хищение вещей и т. п.

Ущерб, нанесенный члену рода, затрагивал весь род. Причинение ущерба члену рода означало нанесение обиды не только ему, но и всему его роду. Обида и чувство обиды выливались во вражду. Весь обиженный род должен был реагировать на нанесенный ему ущерб. Ответ мог быть только один — роду обидчика или обидчиков должен быть нанесен не меньший ущерб. Убийство члена рода могло быть возмещено лишь убийством, не обязательно самого убийцы, но обязательно члена его рода.

Кровная месть возникла как явление межсоциорное. Внутри раннепервобытной общины кровной мести не могло быть в принципе. Когда один член рода убивал другого его члена, роду, безусловно, наносился ущерб. Но казнить убийцу означало нанести роду еще один такой же ущерб.

Кровная месть и вообще нанесение ответного ущерба на той стадии было суровой необходимостью. Ведь когда община теряла человека, то изменялось соотношение сил в пользу того социора, члены которой совершили убийство. Если оставить убийство безнаказанным, то это откроет дорогу для новых такого же рода действий, что в конце концов может привести к гибели общины, не нашедшей силы для нанесения ответного ущерба. Уничтожение члена общины-обидчика, во-первых, восстанавливало баланс сил, во-вторых, было предупреждением всем соседям, что ни одна насильственная смерть члена данной общины не останется безнаказанной. Они в свою очередь неотвратимо понесут потери. Не следует думать, что уничтожение члена рода

обидчика могло быть воздаянием только за убийство. Оно могло быть и воздаянием за другие тяжкие виды ущерба.

Кровная месть могла вызвать ответную кровную месть и положить начало бесконечной эстафете убийств, которая могла привести к гибели обоих враждующих коллективов. Необходимостью стало возникновение каких-то правил, регулирующих конфликты между коллективами. В результате возник знаменитый принцип, который известен под названием *талиона* (от лат. *talionis* — возмездие). Он состоял в том, что ответный ущерб должен быть равен инициальному ущербу: «око за око, зуб за зуб», смерть за смерть. В таком случае конфликт считался исчерпанным, вражде клался конец. Ныне потерпевшая сторона не имела права на возмездие. Если же она пыталась это сделать, то разворачивался новый конфликт, вновь возникала вражда.

Так начало формироваться одновременно и понятие, и чувство *справедливости*. Когда одной стороной был нанесен ущерб другой, то произошло нарушение справедливости. Справедливость должна быть восстановлена. Самый первый способ ее восстановления — нанесение потерпевшей стороной точно такого же ущерба стороне обидчика или обидчиков. Понятие справедливости было важнейшим в той новой форме регулирования отношения между людьми, которую принято именовать *обычным правом*. Такое название обусловлено тем, что его нормы в отличие от норм права классового общества выражаются и закрепляются не в государственных законах, а в обычаях. Из обычного права понятие справедливости перешло в законное, или легитимное (от лат. — *legitimus* — законный) право цивилизованного общества, где сохранило свое значение. Как известно, латинское слово «юстиция» (*justitia*) означает справедливость. Возникнув в сфере обычного права, понятие справедливости затем вошло и в число категорий морали.

Обычное право как форма регулирования отношений между людьми существенно отличалось как от табуитета, так и от морали. Оно первоначально регулировало отношения только между социоисторическими организмами, было явлением не внутрисоциальным (интрасоциальным), а межсоциальным (интерсоциальным), или, выражаясь привычным для нас языком, международным. В качестве сторон, отношения между которыми регулировались обычным правом, т. е. субъектом обычного права, первоначально выступали только группы, но не индивиды.

Этими группами вначале были роды, которые одновременно были и общинами. С расщеплением рода и общины субъектами обычного права стали роды, но не общины. Обычное право регулировало отношения прежде всего между родами и только через них между общинами, а не прямо между общинами. Силой, обеспечивавшей действие талиона, формально был род, но реально эту роль играло родовое ядро, которое на том этапе всегда входило в состав одной и только одной общины и составляло ее основу.

На этапе первобытно-коммунистического общества главным источником конфликтов между общинами был различного рода ущерб, нанесенный личности человека. С переходом к этапу первобытно-престижного общества и развитием дарообменных отношений и престижной экономики важным источником конфликтов стал имущественный ущерб. Первоначально конфликты на этой почве возникали лишь между членами разных общин. В последующем они стали возможными и между членами одной общины.

Однако главными по-прежнему оставались конфликты из-за ущерба, нанесенного личности и прежде всего из-за убийств члена одной родственной группы членами другой. Но раньше был возможен лишь один ответ пострадавшей стороны — возмездие, выражавшееся в нанесении аналогичного ущерба виновной стороне. Здесь действовал закон талиона. С развитием дарообменных отношений и утверждением принципа эквивалентности, возник еще один способ восстановления справедливости, а тем самым улаживания конфликта — не нанесение эквивалентного ущерба виновной стороне, а эквивалентное возмещение этой стороной нанесенного ущерба.

Если одна сторона по вине другой потеряла члена, то виновная сторона могла возместить нанесенный ущерб путем платежа. Так возникла цена крови — *вергельд*. Но если даже убийство можно было компенсировать платежом, то тем более возможной была компенсация за прочие виды личного ущерба: ранения, увечья, насилия, оскорбления и т. п. Так возникли различного рода компенсации. Но принятие вергельда не было обязательным. Потерпевшая сторона могла предпочесть возмездие — кровную месть.

Подобно тому как обязанность мстить за обиду лежала на всех членах потерпевшей родственной группы, и объектом кровавого возмездия мог быть любой член виновной стороны, обязанность выплаты возмещения за ущерб лежала не только на обидчике, но и на всей его группе. Действовал принцип коллективной вины. На стадии первобытно-коммунистического общества в качестве сторон, между которыми имел место конфликт, выступали роды. На стадии первобытно-престижного общества ими все в большей степени становились все более мелкие родственные группы — вначале в основном подразделения родов: подроды и подподроды, которые этнографы нередко называют линиджами.

Раньше конфликты из-за личного ущерба возможны были только между членами разных общин. С переходом к первобытно-престижному обществу, с увеличением размера общин и появлением в их составе нескольких родов и их подразделений конфликты стали возможными и внутри общин. Мстили друг другу и выплачивали компенсации родственные группы входившие в состав одной общины. В результате обычное право, которое раньше регулировало отношения только между членами разных общин, стало теперь, наряду с табуитетом и моралью, определять отношения людей и внутри социоисторических организмов.

В случаях, когда была очевидна и виновность одной из сторон, и размеры причиненного ею ущерба, конфликт обычно разрешался путем переговоров между вовлеченными в него группами. Эти переговоры могли вестись как прямо, так и через посредников. Когда же в деле было много неясного и каждая из сторон трактовала его по-разному, то возникала *тяжба*. И когда втянутые в нее стороны не были способны сами ее разрешить, то они могли обратиться к группе посторонних лиц с просьбой рассмотреть их доводы и решить, кто из них прав и кто виноват. Так, по-видимому, на этой стадии возник *суд посредников (медиаторов)*, или *третейский суд*. Чаще всего этот суд разрешал имущественные тяжбы, но в принципе он мог рассматривать любые конфликты. Третейский суд не был каким-то постоянным органом. Его состав каждый раз определялся заново сторонами, которые решали прибегнуть к такому способу разрешения конфликта. Само собой разумеется, что никакой принудительной силой этот суд не располагал. Единственной реальной силой, способной прибегнуть к физическому насилию, были только родственные группы. Когда стороны решались прибегнуть к услугам суда посредников, то само собой разумелось, что обе они примут его решение, каким бы оно ни было. И когда одна из сторон отказывалась исполнить решение суда, то другая получала санкцию общественного мнения на применение силы для обеспечения этого решения.

Когда социоисторические организмы были сравнительно малы, обычное право регулировало отношения как между ними, так и между различного рода родственными группами, входившими в состав разных обществ. С увеличением размеров социоисторических организмов обычное право стало явлением почти исключительно внутрисоциальным. Если в первобытно-коммунистическом обществе волевые отношения собственности были моральными, то в предклассовом в значительной степени завершился процесс, который начался с переходом к первобытно-престижному обществу. Теперь экономические отношения собственности стали выражаться и закрепляться не в нормах морали, а в нормах обычного права. Имущественные отношения, т.е. волевые отношения собственности, стали теперь не моральными, а обычно-правовыми. Обычное право регулировало различного рода отношения обмена (включая куплю-продажу, кредит и т.п.), пользование, распоряжение и владение движимым и недвижимым имуществом, землепользование и землевладение, наследование и др. (подробнее о возникновении и эволюции обычного права см.: Семенов, 2009).

Престижная экономика и зарождение первых форм эксплуатации человека человеком

1. Эскимосы Северной Аляски: пиры вестников, богатые и бедные, лидеры и приверженцы

Ранее был приведен пример охотников и собирателей, уже находившихся на стадии поздней первобытной общины. Это верховые танана. У них в сфере жизнеобеспечивающей экономики сохранялся дачеделаж. Несколько более продвинутым было общество эскимосов района мыса Барроу (Северная Аляска). На нем имеет смысл специально задержаться, ибо это одно из немногих обществ, у которого более или менее детально описана не только престижная, но и жизнеобеспечивающая экономика.

Исследования проводились в 1952–1953 годах Робертом Ф. Спенсером (Spencer, 1959). К этому времени аборигенная культура в целом уже не существовала, хотя многие старые институты еще продолжали функционировать. Основываясь отчасти на наблюдениях, отчасти на воспоминаниях старейших информаторов, исследователь реконструирует картину прошлой жизни этого общества.

Эскимосы района делились на береговых (тареумиют) и материковых (нуунамиют). Но к моменту исследования последняя группа по сути уже исчезла. У береговых эскимосов существовали постоянные деревни, члены каждой из которых использовали хорошо очерченную территорию. В одной из таких деревень в 1852–1853 гг. было 54 обитаемых дома, в которых жило 309 человек. К 1882–1883 гг. население этой деревни уменьшилось до 150 человек. В другой деревне в 1852–1853 гг. насчитывалось 40 домов с населением в 250 человек. Третья деревня в 1880 г. насчитывала в своем составе 250 человек. В четвертой деревне в 1882–1883 гг. жило 10 семей общей численностью 80 человек. Были и другие деревни. Кроме постоянных деревень, существовали временные поселки, в которых жило по 1–2 семьи. В целом в береговых поселениях жило в конце XIX в. 1000 человек. Это меньше, может быть даже на 300 человек, чем население в середине XIX в.

Деревни отличались друг от друга особенностями в языке. Летом в них оставались лишь старики. Остальное население разбрелось в поисках добычи. Осенью все возвращались.

Основным занятием береговых эскимосов была охота на морского зверя. Большую роль играл китобойный промысел. В весенний сезон добывалось до 25 китов, осенью — 2–3. Охота производилась на лодках-умияках. Поэтому особое значение имела такая ячейка, как команда лодки, состоящая из 8–9 мужчин. Во главе ее стоял владелец лодки — *умиалик*.

В одном доме могли жить две семьи. Главы их чаще всего были родственниками. Но поселиться вместе могли и неродственные семьи. Каждая из семей имела отдельное имущество и отдельную кухонную утварь. Однако они нередко ели вместе и делились пищей. Такие же отношения могли складываться и между соседями, жившими в отдельных домах.

Охотничья добыча подразделялась на две категории: добытая в одиночку и добытая кооперативно. Первая целиком принадлежала охотнику и не делилась. Вторая делилась поровну между всеми участниками охоты. Если использовалась лодка, то владелец ее получал дополнительную долю. В прошлом это была компенсация умиалику за все то, что он давал в течение года членам команды с тем, чтобы обеспечить ее поддержку и единство, сохранить ее в целостности до нового сезона.

Но хотя охотник, добывший в одиночку, не был обязан делиться ни с кем, от него требовалось быть щедрым. Щедрость была идеалом в обществе, а скупость и жадность презирались и ненавиделись. Когда охотник возвращался домой, он клал добычу у своего дома. И каждый член группы мог попросить. Отказа никогда не следовало. Однако просить можно было лишь ровно столько, сколько было нужно для немедленного потребления. Создавать из выпрошенного мяса запасы считалось позорным (Р. 148, 149, 164). Во всех этих случаях, скорее всего, имела место помогадача. Человек получал пищу лишь в случае нужды и лишь по просьбе с его стороны.

Особый характер носило распределение мяса кита. Каждый присутствующий член общины имел право отрубить от туши столько, сколько мог унести. Из полученного таким образом мяса можно было создавать запасы. Это было проявлением щедрости со стороны умиалика и команды. По внешней форме это был разбор, но по существу — дачедележ.

Затем шло распределение между командой лодки, убившей кита, и командами лодок, помогавшими первой. За ним следовало распределение мяса между членами команды каждой из лодок. Все это представляло собой разделодележ. И, наконец, удачливый капитан должен был устроить пир для всей общины. Мужчины ели мясо в общественных домах — *кариги*, женщины — в обычных домах (Р. 345–346). Это — трапезоразбор. После завершения весеннего китобойного сезона удачливая команда устраивала праздник, на котором из своих запасов кормила всех членов общины (Р. 347–350).

Деревня не была родственным объединением. Но родство играло немалую роль. Существовали родственные группировки, члены кото-

рых должны были помогать друг другу, прежде всего, делиться пищей и предоставлять кров (Р. 65–66). О существовании дачедележа у эскимосов Северо-Западной Аляски говорят и другие авторы (Birch, 1988. Р. 104–105).

Вещи личного пользования находились, по мнению Р. Спенсера, в собственности индивидов. Однако их легко одалживали друг другу. Чтобы получить вещь в пользование, нужно было попросить ее. Отказа обычно не следовало, ибо никому не хотелось прослыть скаредным. Такого рода одалживание было обычным явлением, особенно среди родственников, близких соседей, членов команды лодки. Когда одолженная вещь возвращалась, не требовалось никакой платы (Spencer, 1959. Р. 148, 150). Такого рода отношения выше были названы дачевозвратными.

В общине эскимосов названного района были люди, которые более других были искусны в изготовлении тех или иных вещей. Более того, некоторые из них (обычно не более 1–2 на общину) могли заниматься исключительно лишь рукоделием. Это клало на них пятно, ибо истинным призванием мужчины считалась охота. Если человек нуждался в услугах мастера, он заключал с ним соглашение. Один изготовлял вещь, другой платил ему за это. В качестве платежа чаще всего выступала пища, но платить могли и шкурами, жиром, одеждой (Р. 196). Оплачивались и услуги шамана (Р. 149). Все это свидетельствует о появлении в обществе услугоплатежных отношений.

Услугоплатеж не был торговлей. Как указывает Р. Спенсер, торговля в полном смысле этого слова происходила вне круга близких родственников и команды лодки (Р. 194). Фактом является, что торговое партнерство могло существовать только между членами разных общин. Это дает основание полагать, что раньше торговля вообще велась только между людьми, принадлежавшими к разным общинам.

Организованный обмен существовал между тареумиют и нуунами. Он велся летом в определенных пунктах, где встречались береговые и материковые эскимосы. На сборищах могло присутствовать до 600 человек, хотя более обычной цифрой было 400–500. Каждый участник в течение года копил вещи для обмена. Обменивалась и пища, но это нередко рассматривалось не как торговля, а как дарообмен.

Обмен совершался в первую очередь между людьми, нашедшими в формальных отношениях партнерства. Природа этих отношений была такова, что партнеры не могли торговаться друг с другом. Считалось, что одна сторона «просит» у другой что-то, а другая — выполняет пожелания. Люди, имевшие партнеров, не обязательно должны были обмениваться только с ними. Часть вещей выставлась на «свободную продажу». В таких случаях договаривались о цене, торговались. Все это длилось несколько дней. Затем начинались развлечения. Люди танцевали, устраивали игры, состязания (Р. 193, 200, 205–207).

В процессе обмена тареумиют приобретали множество шкур карибу, которые использовались не столько для утилитарных целей, сколько как предмет богатства. У эскимосов Северной Аляски уже было уже выработано понятие богатства.

У тареумиют рядом с домом находились ледяные погреба, в которых хранился запас мяса. Каждая семья имела свой погреб. Запасы пищи играли огромную роль у тареумиют, ибо в течение осени и зимы они жили в основном за счет их. Запасы пищи были у разных людей далеко не одинаковы. Некоторые люди имели большие погреба. У них могли просить и просили пищу, причем отказов не бывало (Р. 60).

Избыток пищи и вещей рассматривался как богатство. Соответственно, их обладатели были богатыми людьми. Богатого человека называли *умиаликом*. Он всегда — владелец умиака. Однако не каждый хозяин умиака считался умиаликом. Положение умиалика было социальным рангом. И этот ранг целиком был основан на богатстве. Положения умиалика могли достигнуть лишь немногие. И для этого, как правило, требовались годы. Движение к этому статусу было медленным. И в то же время один плохой китобойный сезон мог превратить умиалика в рядового человека (Р. 152, 153, 178, 179).

Чтобы стать умиаликом, нужно было быть искусным охотником, умелым торговцем, оратором, дипломатом. Первой добродетелью была щедрость. Любой в общине мог просить помощи у богатого человека и никогда не получал отказа. Это означало, что во время голодовок богач кормил целую группу, причем помощь распространялась и на не родственников. Богатый человек всегда должен был иметь приверженцев. Они рекрутировались прежде всего из числа родственников и членов команды умиака. Людям было выгодно иметь среди родственников богача, ибо они всегда могли получать от него помощь. Поэтому они всеми силами помогали ему достигнуть положения умиалика. Без помощи родственников обойтись было невозможно, ибо только собственными силами добыть столько богатства, чтобы стать умиаликом, было нельзя (Р. 152–154, 178).

Умиалик всегда был признанным лидером более или менее определенной группы людей, но это лидерство не было формальным. Как указывает Р. Спенсер, умиалик имел огромный престиж в общине, но его действительная сфера влияния охватывала только тех людей, которые связали свою судьбу с ним. В этом смысле он не был вождем или политическим лидером (Р. 152). В другом месте исследователь пишет, что хотя умиалик в общине имел влияние вождя, у него отсутствовала какая-либо определенная власть. Только в силу моральной репутации и престижа он мог играть ведущую роль в общине (Р. 178).

В общине всегда было несколько умиаликов. И они были определенным образом ранжированы (Р. 154). И когда речь заходит о рангах у умиаликов, то необходимо принять во внимание, что у эскимосов Барроу, кроме жизнеобеспечивающей экономики, существовала и престижная. Последняя находила свое выражение прежде всего в пире

вестников. Суть последнего состояла в укреплении и повышении социального статуса умиаликов (Р.210).

Устраивался пир обычно в январе. Умиалик, что затевал пир, был главным хозяином. Он готовился к нему годами, постепенно накапливая массу продукта. При этом он опирался на помощь команды. Когда главный хозяин считал, что все в основном запасено, он обращался за поддержкой к другим умиаликам. Последние принимали роль вторичных хозяев и тоже получали помощь своих команд в собирании больших количеств избыточного продукта. Накапливалась не только пища, но и одежда, шкуры, каяки, умиаки, сани, собаки и т. п. Каждому из умиаликов помогали не только члены команды, но и родственники (Р.153, 210–212).

Информаторы рассказывали об одном из умиаликов, обладавшем большим богатством. Заручившись поддержкой остальных умиаликов, он обращался к главам всех семей селения, указывая им, кто из них и сколько должен внести. Если человек не испытывал желания участвовать или пытался внести меньше, чем от него требовалось, то умиалик и его помощники угрозами заставляли его подчиниться (Р.212). В любом случае, действуя прямо или через других умиаликов, главный организатор всегда был способен обеспечить поддержку и вклад со стороны всей общины (Р.212).

Для праздника строился специальный дом, который, как и все вообще общественные дома, назывался кариги. Для участия в празднике в качестве главных гостей приглашались равные по рангу умиалики другой деревни. Между ними и хозяевами обычно существовали специфические отношения партнерства. Кроме торгового и «шуточного» партнерства, существовало специальное партнерство, связанное исключительно лишь с пиром вестников. Приглашение осуществлялось через специальных вестников. Последние сообщали также каждому гостю, какие именно подарки приглашающий его хозяин желает получить от него.

Гости в свою очередь предъявляли требование, чаще всего касавшееся особо редких видов пищи. И хозяева были обязаны, чтобы не стать объектом осмеяния, удовлетворить их.

Каждый гость мог взять с собой своих приверженцев. И хозяин был обязан кормить и одаривать их всех. Прибыв на место, гости располагались лагерем вблизи деревни хозяев.

Праздник начинался с состязаний в беге. Затем наступало время приема гостей. Их встречали танцами. Они входили в кариги, специально построенную для пира. Затем каждый хозяин вручал гостю, которого он специально пригласил, подарок. Гости шли к саням за ответными подарками, которые и вручали хозяевам. Все это повторялось четыре раза.

На третий день развлечения начинались с танца гостей. Затем танцевали рядовые члены обеих общин. За этим следовал танец хозяев

и главных гостей. И, наконец, начиналось раздаривание. Хозяева дарили самые различные вещи людям, принадлежащим к любой стороне, всем, кто только принимал участие во всех мероприятиях: танцорам, бегунам, погонщикам упряжек, барабанщику. Получали все сопровождавшие главных гостей: их родственники, торговые и шуточные партнеры.

Затем наступала главная часть пира. В поражающем количестве выставлялись самые разнообразные вещи. Возникало всеобщее возбуждение при виде такого необычайного обилия. Открыто выражалось всеобщее восхищение. Затем каждый хозяин вызывал по имени гостя, который был специально приглашен им, входил с ним в кариги и вручал ему большие дары. Одновременно гостю давали пищу, которую он требовал. Гость садился около кучи полученных даров и ел. После окончания церемонии дарения следовали танцы и песни. Четвертый и последний день пира был целиком посвящен различного рода развлечениям.

Все, что гость получал от хозяина, он возвращал ему во время следующего праздника, когда сам выступал в роли хозяина.

Нетрудно заметить, что пир вестников включал в себя потlach. Человек, раздаривая на нем вещи, подкреплял или даже повышал свой социальный статус. Во время церемонии умиалики обеих деревень сидели в определенном порядке, зависевшем от их престижа и числа приверженцев. Это — самый ранний этап зарождения системы рангов.

Пrestиж от пира вестников получали не только умиалики деревни, выступавшие в качестве хозяев, но и вся деревня в целом. Чем грандиозней был пир, тем большей была слава, которой пользовалась деревня. И каждая из них стремилась таким путем повысить свою репутацию (Р. 227). Таким образом, не только умиалики, но и вся деревня в целом выступала как хозяин. Пир вестников способствовали интеграции деревни в одно единое целое. Это было особенно важно для большой аморфной общины, какой являлось каждое селение эскимосов Северной Аляски.

И в заключение еще один момент. В обществе эскимосов района Барроу были богачи. Но были и бедняки. Высказывания Р. Спенсера на этот счет довольно противоречивы. С одной стороны, он говорит, что бедняками были люди, не имевшие родственников. Для обозначения бедняков применялся термин «сирота». Тот, кто входил в определенный круг родственников, никогда не рассматривался как бедняк (Р. 153). С другой стороны, он же утверждает, что каждая родственная группа имела в своем составе определенное количество бедняков. Это были семьи, главы которых были плохими кормильцами в силу разных причин, включая лень (Р. 155). Кстати, леность у эскимосов Северной Аляски считалась величайшим пороком (Р. 131).

Если выделение богачей имело корни не только в жизнеобеспечивающей, но и престижной экономике, то бедняков — в основном

в первой. У эскимосов Северной Аляски дачедележ был ограничен в проявлении. На первое место выдвинулась помогадача. Как и дачедележ, помогадача носила линейно-круговой характер. Существовали круги помогадачи. У эскимосов Барроу ближайший круг составляли родственники, более отдаленный — все члены общины. Но в отличие от дачедележа помогадача имела место не после каждой добычи, а только в случае нужды. Человек, испытывавший нужду, просил, и ему давали. Это означало, что в норме каждая потребительская ячейка должна была сама себя обеспечивать.

Более или менее обеспеченные члены общины могли обращаться и обращались друг к другу за помощью в случае нужды. В одних случаях они просили помощь, в других — сами ее оказывали. Бедняками были те, что только получали помощь, но сами ее не давали. Это выделяло их в особый слой. Они обращались за помощью к родственникам, к богатым людям, но в условиях общества, делавшего упор на обеспечение каждого собственными силами, делать это без конца было трудно (Р. 155).

В этой связи можно напомнить об отношении общества эскимосов Барроу к людям, которые были неспособны больше производить материальные ценности. Нормой считалось, что они не имеют больше права ожидать постоянной поддержки. Им могли давать, причем охотно, в силу сыновнего долга, но в чрезвычайных обстоятельствах ими жертвовали, их покидали (Р. 92). В какой-то степени это распространялось на бедняков. Им давали, но неохотно и мало. Правда, община в целом принимала определенные меры по оказанию помощи беднякам. Так, например, иногда зимой устраивались специальные танцы, во время которых беднякам давали пищу. Это избавляло от необходимости просить и не рассматривалось как милостыня (Р. 155–156).

2. Возникновение эгоцентрических помогадачедележных (центродележных) систем и центродележного метода эксплуатации

Выше были приведены примеры потлачей в двух обществах: индейцев верховьев Тананы и эскимосов Северной Аляски. Уже их достаточно, чтобы попытаться набросать общую схему эволюции изучаемых отношений.

На ранней стадии развития потлач, по-видимому, могли организовывать все. Как уже было сказано, у верховых танана каждый мужчина даже был обязан устроить до брака хотя бы один потлач. Но уже у них существовало значительное различие между потлачами, которые устраивали богатые люди, претендовавшие на лидерство в общине, и потлачами, которые устраивали все остальные. Потлачи первых были основными, потлачи последних — дополнительными.

Общая тенденция развития состояла в том, что потлачи становились монопольным делом богатей.

Именно это и наблюдалось у эскимосов района Барроу. Потлачи у них устраивали лишь умиалики. Все остальные участвовали в потлачах не прямо, а косвенно. Их участие в потлаче выражалось в том, что они помогали тому или иному умиалику, давали ему пищу и вещи с тем, чтобы они были использованы в потлаче. И опять-таки здесь значительное отличие от той практики, которая существовала у верховых танана.

Богачи у верховых танана тоже имели приверженцев. Но они не могли просить у них помощи. Вклады носили чисто добровольный характер, причем богач, получивший у приверженца вещи, должен был в последующем вернуть ему такое же количество (Guedon, 1981. P. 580).

У эскимосов Барроу вклад членов команды и родственников был по существу обязательным. И не было обязательства возврата, что отчасти связано с тем, что рядовые члены общины сами потлачей не устраивали. Это отнюдь не означает, что движение имущества носило односторонний характер: только от приверженцев к умиалику. Как уже отмечалось, умиалик давал в течение года членам команды и пищу, и вещи. Получали от него в случае нужды и родственники.

Как бы ни был богат человек, только собственными силами устроить достаточно пышный потлач он не мог. Обязательно нужно было привлечение имущества других людей. Особенно важно это было потому, что богач, чтобы подкрепить и повысить свое положение, должен был устраивать потлачи более или менее регулярно. Ему поэтому нужен был круг приверженцев, который он стремился по возможности увеличить.

В результате в обществе, в котором существовал потлач, возникали своеобразные экономические системы. Центром такой системы был человек, постоянно устраивавший потлачи. От него отходили линии — лучи, каждая из которых связывала его с каким-либо членом социоисторического организма, представлявшим собой периферийную точку той же системы. Чем больше было лучей и, соответственно, периферийных точек, тем мощнее была эта звездная система. Связи между центром системы и периферийными точками были отношениями дачедележа и помогалачи.

Возникла эта система на базе тех отношений дачедележа, которые существовали ранее в социоисторическом организме. В дачедележном круге каждый человек был центром, от которого отходил весь набор линий, связывающих его с другими его членами. По этим линиям шло движение продукта от данного человека к другим. Индивид делился добытым продуктом с остальными. Здесь мы имеем дело с *дающей* системой.

Но одновременно каждый человек был и центром, к которому сходились линии, по которым шло движение продукта от других людей к нему. С ним ведь тоже делились, причем делился не один человек,

а несколько. Здесь перед нами *получающая* система. Дающих и получающих систем в дачедележном круте, а тем самым и в общине, в идеале было столько, сколько в нем состояло взрослых людей.

В принципе на стадии раннепервобытной общины каждый человек должен был делиться со всеми ее членами. Но в действительности дело обстояло несколько иначе. Всегда были люди, которые добывали очень мало продукта, а то и совсем не добывали. У них либо полностью отсутствовала дающая система или же она была невелика. Но получающая система у них была, и она всегда превышала дающую. Были люди, у которых дающая система равнялась получающей. И наконец, существовали люди, у которых дающая система превышала получающую. Это были наиболее удачливые добытчики, наилучшие производители.

Чем большей была дающая система человека, тем значительнее был ее разрыв с получающей и тем большим престиж и уважение, которым он пользовался. Пределом расширения дающей системы человека был дачедележный круг, а тем самым социоисторический организм. Человек, систематически дававший всем членам общины, пользовался наивысшим престижем. И наибольшим был при этом разрыв между его дающей системой и получающей. Это особенно наглядно можно было видеть на примере пилага.

У них вождь систематически давал пищу всем членам общины, хотя получал от значительно меньшего числа лиц. Дающая система вождя охватывала всю общину, что и было основой его положения. Ради достижения престижа вождь у них отдавал значительно больше, чем сам получал. Для него важно было давание продукта, а не его получение.

С переходом к позднепервобытному обществу и возникновением престижной экономики важной задачей стала концентрация продукта в руках отдельных лиц. Для людей, которые устраивали потлачи, важно было не давание продукта (речь в данном случае идет об отношениях не вовне, а внутри общины), а его получение. С переходом к позднепервобытному обществу дачедележные круги дополнились помогодатными и их в общине стало несколько. Одновременно дележные круги приобрели относительный характер. И хотя в общине реально образовалось несколько дележных кругов, в идеале она все еще по-прежнему оставалась одним дележным кругом, а в отношении ряда продуктов иногда и действительно им являлась.

Человек, претендовавший на престиж и лидерство, входил, разумеется, в один из дележных кругов, которые теперь существовали в общине. Но участие только в этом кругу мало что могло ему дать. Если его дающая система охватывала весь круг, то по указанным выше причинам его получающая система была меньшей. Поэтому цель, которую он ставил перед собой, не могла быть достигнута без расширения его получающей системы за пределы данного дележного круга. В принципе это не было исключено, ибо как уже указывалось, вся община в целом по инерции продолжала считаться дележным кругом, хотя в реальности она им становилась лишь при некоторых обстоятельствах.

Но расширения получающей системы человек мог добиться только одним способом — путем расширения своей дающей системы, путем вывода ее за пределы своего реального дележного круга. Для этого человек должен был более или менее систематически делиться (в форме дачедележа или помогодачи) с людьми, находящимися вне его реального дележного круга, но в пределах его идеального дележного круга, совпадающего с общиной. Делясь продуктом с людьми, находящимися вне его реального дележного круга, человек тем самым накладывал на них обязательство делиться продуктом с ним.

Выше уже указывалось, что хотя человек, входивший в тот или иной дачедележный круг, в принципе был обязан делиться со всеми его членами, реально это обязательство действовало только тогда, когда у него было достаточно продукта, т. е. когда он был способен это делать. В противном случае он мог не давать. Искатель престижа не мог этого не понимать. Поэтому он расширял свою дающую систему за пределы своего реального дележного круга в основном за счет таких людей, которые производили достаточно продукта и были способны делиться с ним. В результате расширения его внешней (т. е. находящейся за пределами его реального дележного круга) дающей системы были с неизбежностью одновременно и расширением его внешней получающей системы. Его внешняя дающая и внешняя получающая системы совпадали.

По форме все это было просто расширением дающей и получающей систем одного человека в пределах одной дележной системы, какой является община. В действительности же шло становление совершенно особого экономического образования. Община на данном этапе была не столько реальным, сколько идеальным дележным кругом. Вхождение в нее само по себе не накладывало на людей реального обязательства делиться друг с другом. Поэтому люди, входившие во внешнюю дающе-получающую систему искателя престижа, не были реально обязаны делиться друг с другом, если, конечно, не входили в состав одного реального дележного круга. Каждый из них был реально обязан делиться лишь с одним человеком — тем, который находился в центре этой системы.

Таким образом, в результате рассматриваемых действий возникла особая *эгоцентрическая помогодачедележная система*, имевшая в основном лишь внешнее сходство с обычными дающей и получающей системами каждого из людей, входивших в тот или иной дачедележный или помогодатный круг. Она уже не была круговой, а состояла только из линий, связывающих человека, стоящего в центре системы, с каждым из остальных ее участников, представляющих периферийные точки этой системы. Это была не круго-линейная, как всякая дачедележная или помогодатная система, а линейная и только линейная система.

Как уже указывалось, каждые два члена обычного дачедележного или помогодатного круга, скажем, А и Б, в принципе, были связаны

двумя линиями, двумя каналами. По одному шло движение продукта от А к Б, по другому — от Б к А. В силу кругового характера дачедежных отношений движение продукта от А к Б не было необходимым условием движения продукта от Б к А.

В эгоцентрической помогодачедежной системе круг отсутствовал. В силу этого движение продукта от центра к периферии системы было необходимым условием его движения от периферии к центру и наоборот. По существу центр и каждую периферийную точку связывали не две линии, не два канала, как в случае с дачеделением, а одна линия, один канал, по которому шло встречное движение продукта. И в этом отношении данная линия была сходна с линиями дарообмена и дачеобмена. Существование этой линии было невозможно без взаимности. Если не было взаимности, не было встречного движения продукта, линия прекращала существование. И в то же время эта линия существенно отличалась от линий дарообмена и дачеобмена. Нормальное функционирование этого канала не предполагало с необходимостью эквивалентного соответствия между продуктом, который двигался от центра к периферии, и продуктом, который направлялся от периферии к центру. Здесь не требовалось равноценное возмещение. Принцип эквивалентности здесь не действовал. И в этом отношении линии, связывавшие центр системы с ее периферийными точками, оставались линиями дачедележа или помогодачи.

Система такого рода отношений, сформировавшись прежде всего за пределами реального дачежного круга, в который входил человек, ставший ее центром, в последующем оказала существенное влияние и на связи внутри данного круга. Связи указанного центрального персонажа с членами его собственного реального дачежного круга во многом стали такими же, что и отношения в данной эгоцентрической системе.

Расширение эгоцентрической помогодачедежной системы рано или поздно привело к очень своеобразному эффекту. В результате возрастания массы продукта, поступающего от периферии к центру, стало возможным направлять от центра к периферии продукт не только созданный в самом центре, но и полученный с периферии. Человек, стоящий в центре системы, получив продукт от одних периферийных точек системы, стал направлять его в другие ее периферийные точки. В результате система в значительной степени превратилась в самоподдерживающуюся и даже саморасширяющуюся. Если раньше возможность расширения системы была ограничена объемом продукта, создаваемого в ее центре, то теперь это ограничение исчезло. Расширение системы оказалось теперь возможным за счет продукта, поступающего из ее периферийных точек.

Человек, находившийся в центре системы, стал выполнять роль своеобразного механизма, перераспределяющего продукт труда целой группы людей. Продукт шел от периферийных точек системы к центру, а от него снова к периферийным точкам, что в свою очередь обеспечи-

вало его поступление от периферийных точек к центру и т.д. Именно для обозначения подобного рода экономического явления в определенной степени пригоден введенный К. Поланьи термин «редистрибуция». Редистрибуция в данном смысле слова действительно имела место в рассмотренных выше эгоцентрических помогадачеделажных системах. Но суть этих систем заключалась вовсе не в редистрибуции.

Между доходами, т.е. поступлениями от периферии к центру, и расходами, т.е. поступлениями от центра к периферийным точкам системы, могли быть различные соотношения. Доходы могли равняться расходам, могли превышать расходы, могли быть меньше расходов. При последнем варианте система прекращала функционировать, ибо не могла обеспечить реализации цели, для которой была создана.

При первом варианте функционирование системы было возможно. Но оно предполагало создание большого количества продукта в центре системы. Продукт, созданный в центре системы, вместе с продуктом, поступившим с ее периферии, мог составить большую массу, которая будучи розданной на потлаче обеспечивала человеку, находившемуся в центре, престиж. В свою очередь, получив на потлаче, устроенном бывшим гостям, соответствующее количество пищи и вещей, человек, являвшийся центром системы, мог направить все это на ее периферию. Это в свою очередь обеспечивало готовность периферийных членов системы в случае необходимости снова помочь ему при подготовке к новому потлачу.

Самым важным из перечисленных выше вариантов является тот, при котором доходы превышали расходы. Перед нами здесь по существу не что иное, как своеобразная форма эксплуатации человека человеком, которая стала возможной потому, что в *эгоцентрических помогадачеделажных, короче, центральных системах* не действовал принцип эквивалентного возмещения.

В рассматриваемом случае перед нами своеобразный метод эксплуатации, существующий на базе первобытно-престижного способа производства. Его можно назвать *эгоцентрическим помогадачеделажным, или, короче, просто центральным методом эксплуатации.*

Как уже указывалось, возникновение престижной экономики дало стимул к появлению эксплуатации человека человеком. Чтобы добиться престижа, нужно было раздарить как можно больше продуктов. Причем не имело значения, был ли этот продукт создан собственным трудом или трудом других людей. Собственным трудом нельзя было создать слишком много продуктов. Отсюда стремление получить продукт как можно больше от других людей. Но если весь этот продукт возмещать, то эффект будет носить преходящий характер. С этим связано стремление к безвозмездному присвоению продукта чужого труда, т.е. к эксплуатации.

Первой формой эксплуатации была центральная. Она и сама не была ни способом, ни даже образом эксплуатации и не предполагала существования какого-либо антагонистического способа или

даже образа эксплуатации. Одни центродележные системы были одновременно и системами эксплуатации человека человеком. Их можно было бы назвать *эксплуаторскими*. Другие таковыми не были. Это — *неэксплуаторские* центродележные системы.

Судьба рассмотренных выше центродележных систем была неразрывно связана с определенными конкретными лицами. Они были созданиями этих людей. Человек, желая выделиться и получить престиж, шаг за шагом формировал дележную систему, центром которой являлся. С годами, когда силы уходили, система начинала сужаться. Смерть человека, стоявшего в центре системы, означала ее окончательное разрушение. Такие центродележные системы можно было бы назвать *персонализированными* и *короткоживущими*.

Центродележные системы отличались и по своим масштабам. В принципе могли существовать и такие, каждая из которых охватывала лишь часть членов того или иного социоисторического организма — *субсоциорные*, и включающие в себя всех членов общины — *всесоциорные*, или просто *социорные*. Персонализированные центродележные системы обычно были субсоциорными. В результате в социоисторическом организме существовало несколько таких систем и, соответственно, несколько лидеров.

Необходим термин для обозначения искателей высокого престижа вообще, творцов центродележных систем в особенности. Специально создавать его нет смысла. Он давно уже существует в этнографической литературе. Другое дело, что его обычно не применяют по отношению к позднепервобытным охотничье-собираТЕЛЬским обществам. Это связано с тем он был создан на основе данных о позднепервобытных обществах земледельцев и скотоводов, прежде всего о социоисторических организмах Меланезии. Этот термин — слово «бигмен», что в переводе с английского языка на русский означает «большой человек». Между экономикой первобытно-престижных обществ собирателей, охотников и рыболовов, с одной стороны, земледельцев и скотоводов, с другой, нет никаких принципиальных различий. Поэтому термин «бигмен» (и производные от него) полностью применим не только к последним, но и к первым.

Среди бигменов можно выделить несколько типов. Самая ранняя их разновидность — бигмены, которые обходятся без центродележных систем. Таковы бигмены у верховых танана. Они не являются эксплуататорами. Их можно назвать *ранними бигменами*. Более продвинутой формой — бигмены, создающие центродележные системы. Они подразделяются на два вида. У одних доходы в общем и целом были равны расходам. Их центродележные системы не были эксплуататорскими. Это — *поздние бигмены*. У других центродележные системы были источниками прибавочного продукта. Это — *позднейшие бигмены*. Грань между этими двумя подтипами была крайне относительной. Весьма вероятно, что создаваемые поздними бигменами центродележные системы на первых порах почти всегда были неэксплуаторскими, и лишь со временем начинали приносить прибавочный продукт. Вооб-

ше в процессе экономической жизни бигмены, которые не были эксплуататорами, могли превратиться и превращались в эксплуататоров, а последние в силу разных причин, в частности в результате сокращения числа приверженцев, могли претерпеть обратную трансформацию. Бигменами-эксплуататорами были, по-видимому, если не все, то наиболее влиятельные лидеры-умиалики в подробно рассмотренном выше обществе эскимосов мыса Барроу.

Может быть, имеет смысл ввести особый термин для обозначения людей, отличавшихся особой активностью в системе отношений дародачеобращения, имевших большое количество партнеров. По-видимому, из их числа с появлением великодарения вышли первые бигмены. Этих искателей престижа можно назвать *прабигменами*, или *пребигменами*.

Как уже отмечалось, стремление к престижу не имеет предела. Людям, занимавшим ключевые позиции в системе престижно-экономических отношений, требовалось все больше и больше продукта как для дароторжеств, так и для даропредставлений. Возможности центростремительной формы эксплуатации были в этом отношении довольно ограниченными. Она была только методом, но не способом и даже не образом эксплуатации. Под ней не было достаточно прочной основы. Ни один бигмен-эксплуататор, взятый в отдельности, не располагал достаточными средствами для того, чтобы заставлять эксплуатируемых давать им все больше и больше продуктов. Не все рядовые члены общины становились приверженцами действовавших в ней бигменов.

На примере эскимосов мыса Барроу можно видеть, как бигмены пытались увеличить и число эксплуатируемых, и норму эксплуатации. У них бывало, что самый мощный лидер-умиалик, опираясь на других умиаликов и своих приверженцев, угрозами и силой заставлял всех общинников вносить определенную им долю продукта в фонд организованного им дароторжества.

Чтобы обеспечить регулярное поступление по возможности большой и стабильной массы прибавочного продукта, нужны были иные, чем центростремительная, формы эксплуатации человека. И они в процессе дальнейшего развития появились. Одна из них возникла в результате трансформации центростремительного метода эксплуатации. Другие имели иное происхождение.

3. Индейцы Калифорнии южнее мыса Мендосино: народ кормит вождей

О том, что собой представляла форма эксплуатации, пришедшая на смену центростремительному ее методу, помогают понять материалы об экономике индейцев Калифорнии, живших южнее мыса Мендосино. Все они были собирателями и охотниками, а некоторые и рыболовами. Общество у них было первобытно-престижным, но иным, чем описанные раньше.

А) Кахуилла

Первые контакты этих индейцев с европейцами относятся к 1776 г. Но хотя среди них, начиная с 1809 г., работала миссия, аборигенная культура сохранялась еще в 1851 г. В 1863 г. большая часть населения вымерла от оспы. Реконструкция общества, предпринятая Л. Дж. Бинном, была основана на материале, собранном им в 1959–1961 годах в резервации (Beap, 1972).

Основной общественной единицей у кахуилла была локально-родственная группа с отцовским счетом родства. Каждая из них занимала особую деревню. В селении люди жили круглый год. Только во время сбора дикорастущих растений от 1/3 до 1/2 жителей деревни покидали ее и жили в лагерях. До контакта с европейцами существовало примерно 80 локально-родственных групп. Средний их размер — 75 человек. Но были деревни, где жило 150–300 человек.

Несколько живших по соседству локально-родственных групп, ядро которых принадлежало к одному отцовскому роду, образовывали более широкое локально-родственное объединение, которое, однако, не играло сколько-нибудь существенной роли. Общиной была не родовая, а подродовая локально-родственная группа. Кроме родов и подродов у кахуилла существовали две патрилинейные фратрии.

Каждая локально-родственная группа имела свою определенную территорию, где ее члены занимались собирательством и охотились. Значительная часть земель, расположенная между деревнями, была открыта для всеобщего пользования. Внутри территории, принадлежащей локально-родственной группе, отдельные деревья и группы деревьев могли быть закреплены за индивидами. Право на пользование ими передавалось по отцовской линии (Р. 88).

Главным занятием кахуилла было собирательство. Растительную пищу запасали. У каждого семейного дома, а также церемониального дома селения находились житницы, где хранилось много пищи. А далее автор монографии вступает в явное противоречие с самим собой. С одной стороны, он утверждает, что запасы каждой семьи были всем известны. Тайное накопление пищи и скупость были серьезным отступлением от норм. Санкции на это были быстрыми, резкими и публичными. С другой стороны, он же сообщает, что кроме запасов у домов индивиды или семьи имели секретные склады, где хранились вещи и пища. Это делалось, чтобы избежать необходимости делиться хотя бы частью пищи и иметь запасы на случай крайней нужды. Общим правилом было, что голодный путник, нашедший тайный склад, мог взять пищу. Но ожидалось, что он позднее вернет ее или тем или иным путем компенсирует владельцу ущерб (Р. 54–55).

Продукты охоты принадлежали добытчику, однако различные члены общины имели право на долю добычи. От охотника ожидали, что он будет делиться с ближайшими родственниками и другими членами локально-родственной группы, особенно с пожилыми людьми (Р. 127, 147).

Дележ нередко принимал церемониальные формы. Церемонии были связаны с добычей оленя, антилопы, горной козы. Оленью церемонию устраивал молодой охотник, убивший первого оленя, или любой мужчина, желавший почтить церемониальный дом селения. Когда оленя доставляли в этот дом, собиралась пища со всех семей деревни, что были приглашены. После церемонии мясо распределялось по всей общине. Происходило это часто, и через подобного рода механизм большое количество мяса распределялось среди жителей деревни. Охотник тем самым зарабатывал признание и социальный престиж (Р. 146–147).

Если индивид накопил излишки пищи, причем скрытно, то, чувствуя свою вину, он отдавал их в церемониальный дом руководителям локально-родственной группы. Устраивалось совместное поедание пищи большим числом людей. При этом часто приглашались родственники и другие люди извне деревни. Всем лицам, участвовавшим в церемонии, давались специальные дары. Человек, проявивший такую щедрость, получал престиж (Р. 145).

Во главе локально-родственной группы стоял церемониальный лидер, должность которого переходила от отца к старшему сыну. Но если последний не был пригоден, то главарем становился младший брат, младший сын и т. д. Главарь проявлял заботу о церемониальном свертке и церемониальном доме. У него было два официальных помощника, которые прежде всего оказывали ему содействие в организации церемоний. Как сообщается, главарь организовывал экономическую деятельность членов общины, указывая, когда и где охотиться и заниматься собирательством. Он руководил церемонией первинков перед началом сбора желудей (Р. 194–196).

Главарь собирал с членов общины вещи и пищу для трех целей. Во-первых, для неприкосновенного запаса (Р. 105). По-видимому, собранная для этого пища хранилась в житнице при церемониальном доме. Никаких подробностей, каким образом использовались эти запасы, не сообщается.

Во-вторых, для обмена с другими группами (Р. 105). И об этом тоже сообщается крайне мало. Мы узнаем лишь, что главарь выступал как главный «торговец» от имени локально-родственной группы (Р. 123). Но слово «торговля» для обозначения обмена между данной общиной и соседями, по-видимому, не всегда подходит. Сведения о характере этого обмена противоречивы. Сообщается, что главным механизмом обмена была родственная система. Играла роль и ритуальная система. Но обмен нередко происходил и без родственных и ритуальных институтов. Некоторые люди имели в группах, иных чем своя, формальных торговых партнеров. Но общий итог таков: обмен имел тенденцию происходить скорее внутри родственных и церемониальных систем, чем через формальное торговое партнерство (Р. 123). Иначе говоря, здесь имеет место не чистый товарообмен, а скорее всего либо настоящий дарообмен, либо дароторговля.

В-третьих, сбор пищи и вещей производился для проведения церемоний. Об этом говорится подробнее. Одной из самых важных церемоний был *нукил*, который устраивался ежегодно или через два года в честь умерших. За несколько месяцев до него главарь и другие лидеры локально-родственной группы собирались и решали вопрос о времени проведения. Каждый член общины должен был внести пищу и вещи в фонд праздника (Р. 136).

Помощники главаря контролировали процесс сбора. Они указывали, что именно нужно внести, и следили, чтобы эти рекомендации соблюдались. Как и главарь, они внушали уважение и страх. В случае неповиновения они могли прибегнуть к сверхъестественной силе церемониального свертка, чтобы вызвать болезнь или смерть ослушника (Р. 106). Собранное для праздника считалось собственностью общества, но распоряжался всем этим главарь.

Когда время церемонии приближалось, посылались приглашения другим локально-родственным группам в лице их главарей. Церемония *нукил* длилась 7 дней и ночей. В ней участвовали сотни людей. Гостей кормили, устраивались танцы. Последние четыре дня отводились для песен (Р. 137). В каждой локально-родственной группе был ритуальный певец, статус которого переходил от отца к сыну. Он пел с тремя помощниками. Последние также и танцевали. Когда певец пел в своем церемониальном доме, то не получал формального вознаграждения, когда в чужом — ему платили пищей и вещами (Р. 106–107).

Главарь каждой приглашенной локально-родственной группы собирал с ее членов пищу и вещи и вручал в качестве дара главарю группы, организовавшей церемонию. В распоряжении руководителя группы, выступавшей в роли хозяина, оказывалось, таким образом, все собранное не только со своей группы, но и со всех приглашенных групп. Часть пищи потреблялась во время церемонии, а вся оставшаяся пища и все ценности в последний день распределялись среди главарей приглашенных групп. Последние приносили полученное в свои деревни и ритуально распределяли среди членов своих групп (Р. 137–138, 153). В добавление ко всему этому во время церемонии происходил обмен вещами и пищей между ее участниками, велись переговоры о заключении браков (Р. 136–138). Сходным образом проходили и другие церемонии, например, орлиный ритуал (Р. 138).

Как видно из всего приведенного выше, главарь локально-родственной группы получал в свое распоряжение значительную долю, если не весь, избыточный продукт группы, который в принципе должен был быть использован для ее нужд. У *кахуилла*, как и у других народов Калифорнии, были в ходу раковинные деньги. Большей частью таких денег распоряжался главарь, который использовал их в церемониальных обменах (Р. 127).

В целом *кахуилла* бесспорно относились к позднепервобытному обществу. С принадлежностью *кахуилла* именно к этой стадии связаны

определенные противоречия в системе их социально-экономических отношений, о которых отчасти было уже сказано выше. Как отмечается в монографии Л. Бина, каждого человека в этом обществе учили и побуждали делиться пищей. Что же касается прочего имущества, то здесь речь идет не о дележе, а об одалживании, т. е. дачевозврате. Скупость у кахуилла считалась серьезным нарушением норм поведения и часто наказывалась публичным осмеянием. Осуждались эгоизм и стяжательство.

Однако у них же все больше и больше утверждался принцип отплаты. Дачеделажные отношения все в более значительной степени превращались в дачеобменные и помоогобменные. Неспособность или нежелание отплатить также считалось нарушением норм и влекло за собой позор. Общий принцип отношений состоял в справедливости и равенстве. Были в почете упорные и ревностные работники, презирались ленивые люди (Р. 173—174).

Исследователь сообщает, что члены деревни обменивались дарами. Так ли это было, трудно сказать, ибо в самом изложении много противоречивого. С одной стороны, утверждается, и вполне справедливо, что дарение не предполагает немедленного отдаривания, с другой, говорится, что даже при случайном визите в другой дом человек приносил с собой дар и удалялся с ответным даром (Р. 123).

Но во всяком случае у кахуилла существовал услугоплатеж. Платили ритуальному певцу, шаману, возможно также и умельцам за изготовление тех или иных вещей (Р. 107, 114, 123).

Б) Номлаки

Несколько дальше по пути общественного развития продвинулся другой народ Калифорнии — номлаки (собственно винтун). Как писал в 1951 г. Уолтер Голдшмидт, их культура была разрушена век тому назад. Данные о ней получены от информаторов, ни один из которых не знал ее в целостности. Использовались также материалы европейцев, которые сталкивались с номлаками в XIX в. Вся картина их общественного строя является реконструкцией (Goldschmidt, 1951).

Основной единицей общества номлаков была община, базисом которой являлся отцовский род, сохранявший экзогамию. Каждая такая группа занимала отдельную деревню и имела вождя. В деревне было 5—50 семейных домов с общим населением от 25 до 200 человек. Средняя численность населения деревни — 100 человек (Р. 303, 317). Община была собственником земли. Контроль над землей был в руках вождя деревни. Отдельные индивиды претендовали на определенные деревья или рыбные места. Но все это не имело существенного значения для экономики (Р. 332—333).

Наиболее важными занятиями были охота и собирательство. Рыбная ловля играла второстепенную роль (Р. 401). Если в охоте участвовало несколько человек, «собственником» считался тот, кто спугнул

животное. Он получал шкуру, а мясо делилось между всеми охотниками (Р. 403, 406). Было ли это разделоделением или просто разделом, установить трудно. Некоторые сведения отличаются крайней противоречивостью. На одной и той же странице сообщается, с одной стороны, что, когда человек добывает оленя в одиночку, он полностью получает его, с другой, что все приходят и претендуют на мясо (Р. 406).

Общинники нередко целый день вместе рыбачили. Вечером это завершался пиром. Вся оставшаяся рыба делилась между участниками в соответствии с размерами семей (Р. 405). Известно также, что семьи внутри деревни делились друг с другом пищей (Р. 247). Утверждается в работе и неоднократно, что щедрость у номлаков была первой добродетелью (Р. 340, 370). Интересно сообщение о том, что все желуды, собранные жителями селения, хранились в общей житнице. Она не была собственностью главаря, последний только следил за тем, чтобы никто не брал для своей семьи больше, чем необходимо (Р. 224).

Весной устраивались танцы, на которые приглашались члены соседних деревень, вождь посылал членов общины на охоту и рыбную ловлю. Мясо вручалось вождю, а он раздавал его всем с тем, чтобы они принесли его к вечеру готовым. Танцоры не получали платы. Их только кормили (Р. 365).

В одном из регионов устраивались великие танцы дарения. Приглашали соседей, вкапывали столб. Когда хозяин церемонии называл имя человека, тот клал дары к подножию столба. Вслед за этим следовал ответный танец в другой деревне. При этом происходило соперничество в щедрости: каждая деревня стремилась превзойти другую и каждый человек — своего особенного друга в иной деревне. Индейца, что отказывался присоединиться к такого рода танцам, презирали (Powers, 1877. Р. 238).

Важную роль в обществе номлаков играло богатство. Оно состояло из перьев орла, шкур черного медведя, бус из магнезита и раковин. Бусы из раковин нанизывались на нитки, образуя ожерелья или снизки. Они использовались в качестве денег (Goldschmidt. 1951. Р. 303, 333–334, 336–337). Чем больше раковинных бус имел человек, тем более важным он считался (Р. 330).

Богатством обладали немногие. У номлаков существовало особое общество — *хута*, принадлежность к которому не зависела от членства в роде и деревне. Оно стояло выше деления на роды и деревни. В это общество принимали только богатых. Церемония инициации — приема в общество — отделяла элиту от остальных людей (Р. 317, 327, 330).

К элите прежде всего относился вождь. Его положение характеризуется как полунаследственное. Должность обычно переходила от отца к сыну. Но преемником мог стать брат, а в отсутствие близких родственников — кузен, внук. К будущему главарю присматривались, и если приходили к выводу о его негодности, то правило наследования могло быть не принято во внимание мужчинами деревни (Р. 324–325).

Власть вождя была ограниченной. Он был не правителем, а лидером. Влияние его зависело не столько от обладания должностью, сколько от личных качеств. Конечно, само обладание должностью давало престиж. Но главарь завоевывал положение и через богатство. Он был богатым человеком (Р. 317, 323, 325).

Это богатство, насколько можно понять, не было результатом его собственной трудовой деятельности. Как сообщается, вождь был освобожден от физического труда: охоты и плетения веревок, и жил на продукты работы своих товарищей (Р. 325). Известно, что люди давали подарки будущему вождю (Р. 325). У вождя были кладовые, в которые вносили даже бедняки, если они хотели, чтобы вождь был о них хорошего мнения (Р. 331). Люди в случае нужды могли брать пищу из кладовых главаря. Но они должны были либо платить за взятое бусами, веревками или другими предметами стандартной стоимости, либо возвращать натурой (Р. 324). В этом контексте возникновение общего хранилища для желудей можно рассматривать как способ обеспечить главарю доступ к продуктам чужого труда.

Важную роль играл вождь в «торговле». Под этим названием объединяют и чистый дарообмен, и дароторговлю, и собственно товарообмен (Р. 336–337). Им был в значительной степени монополизирован обмен с внешним миром. Он получал от рядовых членов общины продукты и обменивал их вовне (Р. 325). Результатом был рост его богатства. О том, получали ли рядовые члены общины что-либо от него, ничего не сообщается. Но, вероятно, что-то получали.

Вождь, выступая в качестве глашатая, определял нормы поведения. Он планировал работу своих приверженцев, распоряжался, давал задания отдельным людям. Выступал он и в качестве арбитра в спорах (Р. 323–324).

Существовали богатые люди, которые не были главарями. Они, как и главари, входили в общество хута. Сведения о них неоднозначны. Один из информаторов сообщал, например, что, по крайней мере, некоторые из этих людей не работали. Но это противоречит всем остальным сведениям о них. Если не все, то большинство этих людей специализировались на тех или иных видах деятельности. В числе их называются изготовление луков, стрел, одежды, вещей из камня, ловля белок и крыс, лазание за сосновыми шишками, татуирование, стрижка волос, протыкание ушей и носовой перегородки, выполнение роли вестника, шаманство, черная магия (Р. 331).

Некоторые информаторы заявляли, что эти люди охотились не постоянно, а от случая к случаю (Р. 330). Но в целом У. Голдшмидт считает сомнительным, чтобы специализация освобождала кого-либо от охоты, рыболовства, собирательства. Вожди и шаманы могли быть освобождены, но похоже, что остальные члены общества занимались всеми основными видами хозяйственной деятельности (Р. 332). Труд умельцев хорошо оплачивался и был источником богатства (Р. 330, 332).

Возникнув, услугоплатежные отношения получили широкое распространение. Человек мог собирать и рубить соседу дрова за пищу, лук, стрелы (Р. 339, 412). Существовали дароплатежи, в частности вергельд (Р. 337, 344).

Богатство в обществе номлаков, хотя и существовало, но не переходило по наследству. После смерти человека все его вещи либо погребались с ним, либо разрушались. Сжигались, в частности, раковинные деньги (Р. 379–380).

Если первую категорию членов общества у номлаков составляли главари, вторую — богатые люди, не бывшие главарями, то третью — рядовые люди. О последних говорили, что они ничего собой не представляют. Четвертая категория — ленивые люди (Р. 330).

В) Нисенан

Не у всех индейцев Калифорнии община состояла из жителей одной деревни, принадлежавших к одной локально-родственной группе. Так, например, у нисенан (южных майду) община объединяла несколько поселков. Но жители их действовали как одна монолитная социальная единица.

Во главе общины стоял вождь, реже — два (Beals, 1933. Р. 339, 359, 360). Должность главара была наследственной в определенном линидже, но кто именно из людей, имевших право стать вождем, становился им, решала община. Вождь мог быть смещен. Люди просто переставали подчиняться старому вождю и начинали слушаться другого человека (Р. 359–360).

Главарь играл огромную роль во время церемониальных собраний, на которые приглашались люди в радиусе 15–20 миль. Он был на них официальным хозяином, руководил накоплением, приготовлением и распределением пищи (Р. 359–360, 367).

Главарь был богатым человеком. Он имел много разнообразных вещей, включая раковины. У него было много пищи. Последней его обеспечивали члены общины и особенно родственники, которые были горды его положением. Он кормил всех навещавших деревню. Если он был щедр по отношению к гостям, то это давало престиж ему и общине. По-видимому, он давал пищу и членам общины. По крайней мере считалось, что он должен был «кормить народ» (Р. 360). Получал вождь от членов общины и вещи, составляющие богатство. Некоторые люди давали ему определенные продукты своего труда, чтобы он обменял эти вещи на нужные для них.

Главарь давал советы и указания, был арбитром в спорах. У него было мало прямой власти, но, если его поддерживало общественное мнение, он обладал большим влиянием. Человека, который не подчинялся ему, не оказывал ему уважения, рассматривали как плохого и иногда принуждали покинуть общину. Главарь мог нанять шамана, чтобы убить такого человека (Р. 359–360).

Довольно развиты были у нисенан дележные отношения, которые сочетались с делением на богатых и обычных людей (Р. 370), на богатых и бедных (Р. 379).

Г) Винту

При обращении к еще одной группе индейцев Калифорнии — винту — бросается в глаза существование у них развитых дачедележных отношений. Олень считался собственностью охотника, чья стрела первой поразила животное. Но мясо распределялось между всеми семьями локальной группы. Иногда устраивался пир, на который приглашались все мужчины локальной группы, а остатки распределялись между семьями. Когда убивался медведь, всегда устраивался пир. Разделодеж имел место при совместной охоте на кроликов, совместной ловле лосося. Если человек ловил лосося, каждый мог подойти и рассчитывать на долю. И вообще от удачливого охотника и рыболова ожидали, что он будет делиться с соседями. Между всеми членами локальной группы делилась желудевая каша и желудевый хлеб. Дележ пищи внутри селения происходил еще одним способом. Когда женщина приготовила что-либо, ее муж шел к двери и кричал, приглашая других мужчин. Последние собирались и ели, а из оставшегося женщина давала равную долю всем соседям (DuBois, 1935. Р. 9–10, 16, 18, 28).

Должность вождя в идеале передавалась от отца к сыну, но реальный ее переход зависел от способностей претендента и одобрения членов общины. Важность вождя определялась популярностью и числом людей, что группировались вокруг него (Р. 29–30).

Вожди организовывали празднества с приглашением гостей из других локальных групп. Посылали вестников. Каждому члену деревни давалось определенное поручение, а гостям сообщалось, какую провизию они должны принести. Пир с различными развлечениями длился несколько дней. В последний день вся оставшаяся пища делилась между гостями. Вождь деревни-хозяйки называл по имени главарей приглашенных локальных групп и вручал им столько пищи, чтобы ее хватило гостям на обратный путь (Р. 29, 31, 40).

Праздники устраивались по разным поводам. Один из них: наступление зрелости у той или иной девушки, отец которой был важным лицом. Главное бремя при этом ложилось на отца девушки, которому помогала деревня. Но общей организацией и посылкой вестников занимался главарь (Р. 29, 40).

Вождь был богат. Он был освобожден от тяжелых работ. Ему не нужно было охотиться и рыбачить, ибо он получал щедрую долю всей пищи, добытой членами деревни. Таков общий вывод К. Дюбуа (Р. 31). Однако одновременно сообщается о вожде, который был не только известным умельцем, но также охотником и рыбаком (Р. 22).

Д) Луисеньо

У них основной единицей были «ранчерии» с населением в среднем 200 человек. В каждой из них была, по крайней мере, одна деревня. Все население: мужчины, женщины, дети занимались поисками пищи. Большую часть добытого они отдавали вождю, который использовал это для пиров. В обыденной жизни вождь должен был сам охотиться для обеспечения своего существования. Однако он часто получал долю добычи других, хотя это не было принудительным (White, 1963. P 104, 116, 123).

Е) Йокутсы

Социоисторические организмы йокутсов исследователи именуют племенами или миниатюрными племенами. Их было примерно 50. В среднем численность племени составляла 300–350 человек. Каждое из них имело свое название и диалект. Были племена, каждое из которых обитало в одной деревне. Но чаще члены племени жили в нескольких деревнях, одна из которых считалась главной.

Каждое племя имело свою территорию. Земля была коллективной собственностью и каждый член племени имел право ею пользоваться. Лишь в некоторых местностях отдельные женщины претендовали на некоторые участки, особо богатые растительной пищей (Wallace, 1978a. P. 452, 454; 1978b. P. 466). Внутри племени важными единицами были патрилиниджи, каждый из которых имел свой тотем.

Во главе племени стоял лидер, которого исследователи именуют вождем. Но племя могло иметь и 2–3 вождей. Как соотносились между собой вожди племени, когда их было несколько, сказать трудно. Исследователи, указав, что вождей могло быть несколько, далее пишут так, как если бы вождь был один.

Должность вождя была наследственной. Он всегда происходил из определенного патрилиниджа. Во всех племенах, наряду с должностью вождя, существовала должность вестника. Она была наследственной в определенном патрилинидже, отличном от патрилиниджа вождя. Могли существовать и другие должностные лица: подвождь, руководитель танцев, оратор (Gayton, 1930. P. 361, 365, 377).

Кроме вождей и вестников, которые представляли собой подобие аристократов, все остальные были равны. Не было рангов. Существовали различия, но они были связаны с личными качествами. Хотя богатство было желанно, и богатых уважали, но имущественные различия были невелики. Не было класса богачей (P. 372).

В каждой деревне было от одного до нескольких вождей (P. 377). Иногда их именуют подвождями (Gayton. 1948b. P. 120). Но ничего конкретного о них не сообщается.

Вождь племени был организатором церемоний, из которых особо выделялись те, что давались в честь мертвых. Последние устраивались

каждым племенем ежегодно или через 2–3 года. Идеалом являлось ежегодное проведение церемонии (Gayton, 1930. P. 377; 1948a. P. 120).

Когда такая церемония приближалась, собирались пища, ценные вещи и раковинные деньги. Наибольшую долю вносили вожди, подвожди и семьи умерших. Но вкладывали также и все остальные члены племени независимо от того, желали они этого или не желали. Некоторые для этого даже занимали деньги из расчета 50 %. Если человек мог вложить, но не делал этого, то оказывался в конфликте с вождом и лишался поддержки с его стороны (Gayton, 1930. P. 377; 1948a. P. 120; 1948b. P. 163). Собиралось много раковинных денег, ценных вещей и пищи, которые оказывались в распоряжении вождя.

Когда все было готово, посылались вестники в соседние племена с приглашением. Но присутствовать могли все желающие. На церемонии собирались тысячи людей. На одной из них присутствовало, например, 2400 человек. Всех их обеспечивали кровом, дровами, водой и пищей (Gayton, 1948a. P. 126).

Церемония длилась несколько дней. Устраивались танцы, участники которых получали раковинные деньги от зрителей и делились с певцами. Происходили состязания шаманов, которые также получали деньги от зрителей. Из этих денег часть они отдавали певцам, своим вестникам, и большая доля доставалась их вождям (P. 127–129).

В один из последних дней устраивался своеобразный парад, во время которого члены племени-хозяина несли изображения умерших и корзины с раковинными деньгами и другими ценными вещами. Изображения бросали в огонь, а деньги и ценности доставались гостям (1948a. P. 129; 1948b. P. 164). Затем устраивался пир, где главным блюдом было оленьё мясо. Особняком стоит сообщение, что вестник вождя племени-хозяина собирал деньги со всех (надо, по-видимому, понимать: членов своего племени) и вручал их вестнику вождя племени-гостя. Вождь, получив эти деньги, в свою очередь распределял их среди своих людей (1948a. P. 131).

Одни и те же исследователи далеко не однозначно оценивают влияние церемоний на имущественное положение вождей. Анн Гайтон в одной и той же работе, с одной стороны, сообщает, что вожди не только не получали выгоды от церемонии, но иногда даже теряли, а с другой, утверждает, что хотя у йокутсов не было налогов в пользу вождей, но подарки на церемониях приводили к тому же результату (1930. P. 377). В другой работе она же пишет, что, когда вождь организует церемонию, то люди дают ему подарки (1948a. P. 94).

Но как бы то ни было, несомненно, что вождь был богат. Амбары вождя были полны пищей. Сыновья и братья вождя могли ходить на охоту, но сам вождь не охотился. Пищу для его семьи обеспечивали молодые люди деревни, которых вестник посылал за свежим мясом или рыбой (1930. P. 373; 1948a. P. 94; 1948b. P. 163).

Запасы пищи, находившиеся в распоряжении вождя, использовались для того, чтобы кормить путников, вестников из других племен,

вообще гостей извне (1930. Р. 373). Вождь должен был следить за тем, чтобы никто в племени не оставался без пищи и одежды. Получая от членов племени, вождь в свою очередь давал часть полученного нуждающимся. Престарелые, вдовы, сироты, вообще крайне бедные не обязаны были платить ему за это деньгами, вещами, услугами, разве только из чувства благодарности. Но в принципе этикет йокутсов требовал возмещения. Вдова, что получила мясо от вождя, могла дать корзину с едой из желудей или что-либо другое жене вождя, когда имела такую возможность. Но вообще возврат не был принудительным (1930. Р. 373; 1948а. Р. 94). Вожди устраивали также пиры для своего племени (1930. Р. 373; 1948b. Р. 163).

Вождь извлекал доходы из торговли. Люди из других племен, имевшие что-либо для обмена (корзины, гончарные изделия, шкуры, соль), шли прежде всего в дом вождя, который их угощал (1930. Р. 374–375). Вождь также давал деньги взаймы за большие проценты (Gayton, 1945. Р. 417).

Вождь играл определенную роль в разрешении конфликтов. Если какая-либо семья жаждала мести убийце или шаману, которого подозревали в смерти человека, то обращались к вождю. В случае согласия вождя семья новой жертвы не могла мстить (1930. Р. 381).

В обществе йокутсов заметную роль играли шаманы, которые получали значительную плату за лечение. У них были свои вестники (Р. 390, 394). Шамана всегда могли заподозрить в том, что он убил того или иного человека. Поэтому он был заинтересован в поддержании хороших отношений с вождем. С другой стороны, и вождь нуждался в услугах шамана.

Если богатый человек не делал взноса в какую-либо церемонию, то шаман по поручению вождя мог наслать болезнь на него или членов его семьи. Шамана приглашали лечить, и он это делал до тех пор, пока человек совсем не разорился или даже впадал в долг. Полученными за «лечение» деньгами шаман делился с вождем. Скупому богачу не сочувствовали. Идеалом была щедрость. Человек же, отказывавшийся вносить в фонд церемонии, тем увеличивал финансовое бремя остальных, что не могло не вызвать раздражения. Его в конце концов могли убить. Если родственники искали мщения, то вождь не давал согласия. В результате люди, особенно богатые, старались участвовать в финансировании общественных расходов (Р. 399–400).

Если вождю не хватало денег, он мог попросить шамана убить богача. Если жертва принадлежала к другому племени, то посылали дар его вождю и просили разрешения. Если вождь племени жертвы принимал дар, то шаман убивал. Полученные деньги делились между вождем и шаманом. Человека иногда убивали не из-за богатства, а потому что он слишком много знал о делах вождей (Р. 399–400).

Вождь не имел достаточной прямой власти. Если он выносил неверные решения или был заподозрен в самовозвеличении, то обще-

ственное мнение поворачивалось против него. Такой человек не лишался должности, но постепенно терял престиж. Его игнорировали в пользу другого вождя. Если была необходимость, новый вождь избирался из числа возможных наследников, которыми могли быть брат, сын, кузен. Но это было не часто. Потеря уважения и престижа означала потерю богатства (Р. 411).

Когда в трудах, посвященных индейцам Калифорнии, сообщается о частичном или полном освобождении вождя от физического труда, в большинстве случаев упоминается лишь сам вождь, но не члены его семьи. У йокутсов сам вождь не охотился. Что же касается его сыновей и братьев, то они принимали участие в этом занятии.

Ж) Патвин

Иначе обстоит дело у патвин. У них вождь, его жены, его сыновья и дочери были освобождены от необходимости заниматься охотой, рыболовством и собирательством. Если нужны были дрова, то вождь вызывал какого-либо юношу и отдавал приказ (McKern, 1922. Р. 245).

4. Возникновение главарно-приносного (капито-трибутивного) образа эксплуатации

Во всех рассмотренных выше обществах индейцев Южной Калифорнии, несмотря на множество различий в деталях, прослеживается существенное сходство в престижной экономике и организации общества. Везде присутствуют не просто лидеры, а формальные лидеры. Ведь бигмены, каким бы колоссальным влиянием они в обществе ни пользовались, были частными лицами, обязанными своим влиянием личным качествам, собственным делам, личным связям, наличием индивидуального богатства, добытого прежде всего своими собственными усилиями. Иное дело — лидеры южнокалифорнийских аборигенов. Каждый из них был не частным лицом, а обладателем зафиксированного в общественной воле определенного положения в системе отношений власти, носителем общественной должности, должностным лицом. Должность, которую каждый из этих лидеров занимал, была в большинстве случаев должностью главы социоисторического организма. Наряду с должностью главаря могли существовать и должности его помощников, членов возглавляемого им аппарата власти. Важнейшей обязанностью официального главаря, или вождя, была организация дароторжеств. При этом он и только он имел на это право. И обязанность и право организовывать дароторжества были его монопольным достоянием. Ни один другой член общества, каким бы богатством он ни обладал, не мог посягнуть на эту прерогативу главаря. Один лишь он имел не только право, но и обязанность вносить

часть своего богатства в фонд организуемого вождем праздника. Обязанность участвовать в сборе вещей и пищи для дароторжества лежала и на всех вообще взрослых членах социоисторического организма.

Именно такая социально-экономическая структура и должна была прийти на смену центростремительной системы и центростремительному методу эксплуатации. Хотя на предшествующей стадии дароторжества готовились и устраивались частными лицами — бигменами, но в их проведении была кровно заинтересована вся община в целом. С возникновением и развитием престижной экономики, особенно великодараобращения, обретение, сохранение и повышение престижа стало необходимостью не только для отдельных членов общества, но для общины как целостного образования. Наличие высокого престижа в глазах соседей давало членам данной общины огромные преимущества. Оно делало более безопасным их существование, гарантировало соблюдение их договоренности с членами других общин, установление выгодных для членов данной общины многообразных связей с членами других групп, в частности брачных отношений и т. п.

Утверждение и повышение престижа общины с необходимостью предполагало по возможности более частую организацию дароторжеств с возможно большим размахом. Но дароторжества организовывались частными лицами — бигменами, которые делали это по собственной инициативе с целью достижения личных целей. Они не были обязаны это делать. Для организации дароторжества необходима была концентрация избыточного продукта в руках его организатора. С этой целью бигмены создавали центростремительные системы. Но последние были нестабильными, короткоживущими и, как правило, не охватывали всех членов общины. В результате и организация дароторжеств, и их размах были во многом во власти случайностей.

Для ее преодоления необходимо стало создание в общине особого органа, в обязанность которого входила бы концентрация произведенного общиной избыточного продукта и систематическая организация дароторжеств. Это предполагало выделение человека, которому община доверила бы это дело. Выполнить такого рода обязанность данные человек мог только в том случае, если общество наделяло его властью над своими членами, обязывало их подчиняться ему. Иными словами, данный человек должен был стать лидером общины, ее руководителем, причем формальным, официальным, т. е. должностным лицом, обладателем должности. В одном лице должны были слиться организатор дароторжеств и руководитель общины. Деятельность по организации дароторжеств и раньше предполагало лидерство в общине. Бигмены всегда занимали лидирующее положение. Но их лидерство было неформальным. Члены общины могли подчиняться бигменам, но не обязаны были это делать. Формальному лидеру повиноваться они были должны.

Для того чтобы человек, занимающий должность главаря, мог мобилизовать для дароторжества весь созданный в общине избыточный

продукт, он должен был быть единственным, который имел на это право, должен был быть монополистом в этой сфере деятельности.

Возникшая на базе центростремительной системы новая система движения продукта существенно отличалась от прежней. Центростремительная система состояла из множества независимых друг от друга линий встречного движения продукта, которые связывали периферийные точки с центром. Каждый приверженец давал продукт бигмену потому, что сам получал продукт от него. По форме (но не всегда по содержанию) и поступления от периферии к центру и поступления от центра к периферии выступали как дачеделаж или помогадоча.

В новой системе рядовой человек давал продукт другому человеку, находящемуся в ее центре в силу не личной связи с ним, а принадлежности к общине, формальным главарем которой был последний. Он был обязан это делать, как и любой другой член общины. Эта связь носила не линейный, а круговой характер. Продукт, который он давал главарю, не был ни дачеделажом и не помогадочей. Его можно назвать *приношением*, или *приносом* (см.: Даль, 1882. С. 430). Эту систему отношений эксплуатации можно назвать *главарно-приносной*, или *капитотрибутной* (от лат. *capitis* — глава, главарь, вождь и *tributio* — подать, приношение).

Эта новая, главарно-приносная, система, как и прежняя, центростремительная система предполагала движение продукта и от центра к периферии, от главаря к рядовым членам общины. Оно тоже отличалось от поступлений от бигмена к его приверженцам. Бигмен давал другим людям для того, что превратить их в своих приверженцев и тем обеспечить поступление от продукта в фонд намечаемого им дароторжества.

Главарю делать это было не нужно: он получал продукт от других людей в силу своего положения в системе общественных отношений, в силу обладания должностью. И получал главарь продукт от рядовых общинников для того, чтобы он мог выполнить возложенную на него обществом важнейшую обязанность — организовать дароторжества. Продукт, поступающий главарю, предназначался не для его личного потребления, а прежде всего для удовлетворения общественных потребностей. Продукт, полученный им от общинников для организации дароторжества не был его личным престижным богатством. Фонд для дароторжества был общественным богатством. Главарь был только его распорядителем. Но так как он был единственным его распорядителем, то рядовые члены общины от распоряжения этим фондом практически были отстранены. И в процессе дальнейшего развития главарь все в большей и большей степени выступал как подлинный собственник. В результате произошло своеобразное раздвоение собственности на продукты, поступающие в распоряжение главаря. Они стали одновременно собственностью и общины, и ее главаря.

И их принадлежность не одному лишь главарю, но и общине, наглядно проявлялось в том, что главарь был обязан часть этого продукта возвращать рядовым членам общины. Происходило это в разных

формах. Одна из них — главарь устраивал пиры для членов общины. Другая — помогал в случае нужды тем или иным членам общины. Первое по форме напоминало трапезодачу, второе — помогадачу. Но это не было ни тем, ни другим. Это две формы того, что можно назвать *благодаянием*, первая — *трапезодаванием*, вторая — *помогаданием*.

Таким образом, и в главарно-приносной системе, как и в центро-дележной системе, шло встречное движение продукта. Но в данном случае вопрос об эквивалентности этих потоков не мог даже и стоять. Ведь приношения рядовых общинников шли главным образом не на удовлетворение личных потребностей главаря, а на общественные нужды, прежде всего на организацию дароторжеств, т. е. на обеспечение общих потребностей тех же самых общинников. О каком возмещении может тут идти речь. И второе. Главарь трудился для общества, тратил на это массу времени. И вполне понятно заслуживал вознаграждения. Кроме расходов на дароторжества, главарь должен был тратить и тратил продукты на пиры для сообщинников и на помощь нуждающимся семьям общины.

Поэтому и приношения от рядовых общинников должны были поступать не только во время подготовки к дароторжествам, но и в прочее время, поступать постоянно. Фонд, находившийся в распоряжении главаря, состоял из двух основных частей. Первая — продукты, предназначенные для дароторжества. Вторая — продукты, идущие на прочие расходы: вознаграждения главаря, пиры для общинников и помощь им в случае нужды.

Объем продукта, полученного главарем от общинников, всегда превышал объем продукта, потраченного главарем на дароторжества, пиры для своих и помощь им в случае нужды. В том случае, когда эта разница была невелика, этот продукт вряд ли можно считать прибавочным и говорить об эксплуатации человека человеком. Но если такое и встречалось, то, вероятно, крайне редко. У описанных выше аборигенов Калифорнии главари всегда обладали немалым богатством. Вряд ли можно сомневаться в том, что основная масса его была продуктом не его собственного труда, а труда подчиненных ему общинников. Перед нами, таким образом, предстает особый образ эксплуатации человека человеком, который можно назвать *главарно-приносным*, или *капито-трибутным*. Речь идет именно об особом образе, а не методе эксплуатации. Рядовой общинник в таком случае сразу же создавал определенную долю продукта как полностью или частично не свою отдельную собственность. Эксплуатация особо бросается в глаза, когда общинник не просто отдавал главарю продукт своего труда, но еще и прямо непосредственно работал на него, по его приказу, а иногда и под его присмотром. А такое явление наблюдалось и у описанных выше аборигенов Южной Калифорнии. Таким образом, кроме *приношения продуктов (продуктоприношения)* в описанной выше системе социально-экономических отношений существовало и *приношение труда (тру-*

доприношение). Здесь перед нами самые первоначальные зародышевые формы того, что получило название ренты продуктами и ренты трудом.

По мере развития этой системы возрастала степень эксплуатации, увеличивался объем прибавочного продукта. Это находило наглядное выражение в освобождении главаря, а затем и членов его семьи вначале от самых тяжелых форм физического труда, а в дальнейшем от всякого физического труда. Это тоже было отмечено у некоторых групп южнокалифорнийских индейцев.

Вопрос о характере лидерства и типологии лидеров в обществах позднепервобытных собирателей, охотников и рыболовов никогда специально не поднимался и не рассматривался. Иначе обстоит дело с обществами позднепервобытных земледельцев и животноводов. Эта проблема неоднократно поднималась и исследовалась, причем в большинстве случаев на материале обществ Меланезии и шире Океании (Sahlins, 1963; Valentine, 1963; Chowning, 1979; Douglas, 1979; Allen, 1984; Lederman, 1990; Brown, 1990).

Наиболее обстоятельно она рассмотрена в одной из работ М. Салинса (Sahlins, 1963), в которой предпринята попытка теоретического осмысления понятия бигмена. Рассматривая бигмена как фигуру типичную для Меланезии, М. Салинс противопоставляет ее вождю как фигуре типичной для Полинезии. Говоря о вождях, М. Салинс употребляет этот термин в довольно узком смысле. Он имеет в виду в основном лишь лидеров в обществах с отношениями, которые были ранее (3.3) названы протополитарными: во-первых, глав вождеств, во-вторых, подчиненных им глав подразделений вождеств.

Вождь есть формальный лидер. Он, прежде всего, обладатель должности, с которой связаны определенные права и обязанности. Должность представляет собой место в надличностной структуре, которое существует независимо от конкретного человека, его занимающего. Вождь является лидером четко фиксированной группы людей, все члены которой обязаны ему повиноваться исключительно лишь в силу принадлежности к ней. Вождь есть титульный собственник земли группы. Все люди, живущие на ней, обязаны отдавать ему часть созданного ими продукта. Где существует должность, там имеет место и официальное возведение в нее. Должность вождя у полинезийцев, как правило, передавалась по наследству (Р. 294–300).

Если, по мнению М. Салинса, полинезийский вождь может быть сопоставлен с феодалом, то меланезийский бигмен — с буржуа (Р. 288). С ним согласен Т. Швортц (Swartz, 1961. Р. 93). Арнолд Леонард Эпштейн говорит о буржуазности бигмена у толаи Новой Британии (Epstein, 1969. Р. 63–64), а Т. Скарлетт Эпштейн прямо характеризует их экономический строй как примитивный капитализм (Epstein, 1968. Р. 32). О капитализме у манус Адмиралтейских островов писала Маргарет Мид (1901–1978) (Mead, 1934. Р. 336), об упрощенном варианте капитализма у папуасов капауку — Л. Посписил (Pospisil, 1963. Р. 18).

Бигмен обязан был своим положением собственным усилиям. Если вождь имел подданных, то бигмен — приверженцев. И этих приверженцев он должен был привлечь к себе сам. Нет необходимости приводить нарисованную М. Салинсом картину достижения человеком положения бигмена (Sahlins, 1963. Р. 290–293). Это в достаточной мере полно было уже показано выше. Если прибегнуть к понятиям, которые были введены мною раньше, бигмен был центром центростремительной системы, а также системы дарообмена, которую он создавал сам. И важно отметить, что бигмен даже тогда, когда он становился признанным лидером определенной структурной единицы общества или даже целой общины, не был должностным лицом. Его не возводили в лидеры. Он имел положение, но не должность лидера. Его лидерство было неформальным (Р. 290).

С понятием бигмена в этнологической науке все более или менее ясно. Смысл слова «бигмен» в основном определился (хотя оно иногда употребляется и в иных значениях), и оно в силу этого обрело статус научного термина (см.: Lindstrom, 1991). Совершенно иначе обстоит дело с другими словами, которые применяются в этнографической литературе для обозначения формальных лидеров. Эти слова — вождь (chief) и главарь (headman). Они не имеют сколько-нибудь четкого содержания. Понятно лишь, что они употребляются для обозначения лидеров.

В этнографической литературе этими словами обычно обозначают формальных лидеров. Однако этот принцип сколько-нибудь последовательно не выдерживается. Так, например, Р. Маккеннан использовал слово «вождь» в своей монографии о верховых танана, правда, тут же оговариваясь, что оно вряд ли является подходящим для обозначения их лидеров (McKenna, 1959. Р. 131). Слово «вождь» в литературе прошлых лет очень часто, как с оговорками, так и без них, употреблялось для наименования лидеров из числа бигменов в Меланезии (см.: Токарев, 1933в. С. 14–17; Lindstrom, 1981). Точно также обстоит дело и со словом «главарь». Главарями, например, называют исследователи неформальных лидеров у индейцев толова (Gould, 1966. Р. 71).

Не существует никакой сколько-нибудь четкой договоренности о том, каких лидеров следует называть вождями, а каких — главарями. В целом принято считать, что главарь является лидером меньшего по размерам социального образования, чем вождь, и обладает меньшей властью, чем последний. В какой-то степени этот принцип соблюдается. Глав вождеств, т. е. протополитархий, всегда называют вождями, исключая разве случаи, когда для их обозначения употребляется термин «король». Обычно всегда называют вождями и формальных лидеров, которые предшествовали в процессе эволюции протополитархам. Но в остальных случаях царит полный произвол. Лидеры, во всех отношениях совершенно сходные, одними исследователями именуются вождями, другими — главарями.

Но даже если бы вождями и главарями именовали бы исключительно формальных лидеров, то и это ненамного бы облегчило сложившуюся в этнографии обстановку. Существуют формальные лидеры, положение которых вовсе не связано с местом в системе престижно-экономических отношений. Таковы главы вождеств — протополитархи. Таковы обычно называемые главарями (headmens) старосты деревень у значительного числа народов Африки. Можно спорить о том, являются ли формальными лидерами «вожди» у пилага, «главари» у ваиваи, но ясно, что к престижной экономике они отношения не имеют по той причине, что у этих народов таковая отсутствовала.

Из всего сказанного следует один вывод: ни один из уже существующих в этнографической науке терминов нельзя приспособить для обозначения тех, связанных с престижной экономикой, формальных лидеров, которые были рассмотрены выше. Такой термин должен быть создан заново. Для их обозначения было бы желательно подобрать термин, созвучный слову «бигмен». Им могло бы стать слово «чифмен» (chiefman), что в буквальном переводе с английского означает «главный человек».

Введение этого термина вполне понятно не исключает использования слов «вождь», «главарь», особенно при описании тех или иных конкретных обществ. Новые термины прежде всего нужны для определения типа, к которому относится тот или иной формальный лидер, связанный с престижной экономикой.

Теперь, когда для обозначения формальных лидеров, которые пользовались главарно-приносным образом эксплуатации, введен специальный термин, можно продолжить анализ данных общественных отношений.

Наличие должности лидера с необходимостью предполагало существование в обществе определенного принципа ее замещения. Во всех известных случаях этот принцип был одним — наследование. В должность главаря возводился человек, который был ближайшим родственником прежнего чифмена. При наличии в обществе отцовской филиации преемником чаще всего становился один из сыновей, обычно старший, при бытовании материнской — один из племянников.

Если бигменом в принципе мог стать любой, то чифменом — только человек, принадлежащий к определенному узкому кругу, вхождение в который определялось происхождением. Для всех остальных членов общины занятия должности чифмена было исключено.

С должностью чифмена были связаны определенные права и обязанности. Главным среди них было право и одновременно обязанность устраивать дароторжества. В дароторжествах в качестве дарителей могли выступать и другие члены группы, но только чифмен имел право их организовывать. Поэтому лишь он мог претендовать на высшую степень престижа. Ни один из рядовых членов общества не мог с ним в этом отношении соперничать. В силу своего положения в систе-

ме престижного типа экономических отношений чифмен имел право на приношения продуктами и трудом со стороны рядовых членов общины. И он использовал эти приношения не только для великодарений, но и для обеспечения существования и себя самого и своих ближайших родственников, что со временем выразилось в освобождении его вначале от тяжелого физического труда, а затем и труда вообще.

Таким образом, появление чифменов имело своим следствием образование в обществе двух слоев людей, принадлежность к которым определялась происхождением. Один слой — люди, имеющие право быть чифменами, второй — люди, для которых такая возможность была полностью исключена. Один из этих двух слоев был наделен такими правами, которых был лишен второй. Иначе говоря, один слой был привилегированным, другой — непривилегированным.

В применении к классовому обществу, в котором существует право, такие слои обычно именуют *сословиями*. Сословия — группы людей, неравные перед законом, имеющие по закону разные права и обязанности. В позднепервобытном обществе законного права в том понимании, в котором оно существует в классовом обществе, не было. В предклассовом оно только начало формироваться. Поэтому в отношении позднепервобытного и предклассового общества лучше всего было бы говорить не о сословиях, а о *прасословиях*.

В основе сословного деления лежало классовое, хотя сословия совершенно не обязательно совпадали с классами. В основе деления на прасословия в позднепервобытном обществе лежало имущественное и социальное расслоение, связанное с престижной экономикой.

Наследственный привилегированный слой принято именовать *знатью*, или *аристократией*. Представителей противостоящего знати непривилегированного слоя обычно именуют *простолюдными*, или *комонерами*. Начало становления прасословий достаточно прослеживается у рассмотренных выше индейцев Южной Калифорнии.

По мере дальнейшего развития главарно-приносного образа эксплуатации возникла необходимость подведения под отношения эксплуатации более прочной основы, чем престижно-экономические отношения, появления кроме престижной частной собственности обычной, ординарной частной собственности — собственности на средства производства и работников. И обе эти формы частной собственности начали постепенно формироваться. Уже у южнокалифорнийских индейцев чифмен начинает осуществлять контроль над территорией, являющейся собственностью общины. Следующий шаг — он становится единственным распорядителем общинной земли, что в дальнейшем ведет к его превращению в должностного, титульного собственника этой земли. В результате происходит раздвоение собственности на землю общины. Одним ее собственником по-прежнему является община, а вторым становится человек, занимающий должность ее главы. Его собственность на землю общины является не персональной, а долж-

ностной, титульной. И эта титульная, должностная собственность является частной. Главарь как титульный собственник противостоит всем остальным членам, которые такими собственниками не являются.

Чтобы обеспечивать успешную эксплуатацию, чифмен должен иметь право наказывать тех членов общины, которые уклоняются от приношений или дают ему меньше, чем он считает нужным. И уже у аборигенов Южной Калифорнии наблюдаются попытки чифмена приобрести право на жизнь и смерть члена общины, которые проявляются в использовании шаманов для обречения непослушных на болезни и даже смерть. Дальнейшее развитие идет по линии становления признанного обществом права главаря на жизнь и смерть всех остальных членов общины, т. е. превращения его в полного собственника всех этих людей. Становясь собственником личности работника, чифмен тем самым становится собственником его рабочей силы.

Иначе говоря, происходит возникновение зародышевой формы того антагонистического способа производства, который известен под названием «азиатского». Как уже указывалось (3.3), я предпочитаю называть его политарным (от слова «полития» — государство). Но в первобытно-престижном обществе государства не существовало. Поэтому применительно к нему нельзя говорить ни о политарных, ни даже о протополитарных отношениях. Можно говорить лишь о преполитарных отношениях, о преполитарном образе эксплуатации человека человеком.

Таким образом, у той части первобытно-престижных обществ, в которых на смену центростремительному методу эксплуатации пришел главарно-приносный ее образ, развитие пошло по линии превращения последнего в преполитарный образ эксплуатации. Там поздние бигмены трансформировались в чифменов, а последние стали превращаться в *преполитархов*. Процесс этого превращения шел крайне медленно и постепенно. Первоначально формирующиеся преполитархи, вероятно, были обладателями либо только титульной собственности на землю, либо только права на жизнь и смерть своих подданных. Это — *ранние преполитархи*. И только на следующем этапе они стали собственниками и земли, и своих подданных. Это — *поздние преполитархи*. Когда это произошло, открылся путь движения от преполитарных отношений к протополитарным и тем самым от первобытно-престижного общества к предклассовому.

Развитие престижной экономики с неизбежностью порождает имущественное и социальное расслоение общества. И как видно из предшествующего изложения, оно может происходить в разных формах. Одна из них наблюдается при развитии от ранних бигменов к позднейшим. Это — расслоение на людей, имеющих богатство и не имеющих его. Этот вид социального расслоения можно назвать *плутарным* (от греч. «плутос» — богатство), или, применительно к позднепервобытному обществу, *престижно-плутарным*.

Другая форма — разделение общества на знать (аристократию) и простолюдинов (коммонеров). Его можно назвать *аристарным*, или *престижно-аристрным*, расслоением (от греч. «аристос» — наилучший). Оно имело место при переходе от позднейших бигменов к чифменам.

С переходом от центродележного метода эксплуатации к главарно-приносному ее образу изменилось отношение богатства и лидерства. Если раньше богатство, раздаваемое на дароторжествах, обеспечивало лидерство, то теперь лидерство, возникшее из богатства, само стало приносить богатство.

Последнее обстоятельство не могло не быть замечено исследователями. Исходя из него, некоторыми из них был сделан вывод, что в отношении лидерства в обществе и богатства ведущим является первое, а второе — производным. При этом они игнорировали тот непреложный факт, что лидерство, приносящее богатство, само возникло на основе предшествующего богатства и для обеспечения роста этого богатства. Аристарное расслоение имело в своей основе в конечном счете расслоение на престижных богачей и бедняков, т. е. плутарное расслоение. Чифмены произошли от позднейших бигменов.

Развитие престижной экономики проявилось не только в превращении центродележного метода эксплуатации вначале в главарно-приносной, а затем и в преполитарный образы эксплуатации. Наряду с ним шел процесс возникновения еще нескольких форм эксплуатации человека человеком.

Возникновение помогодоминарного, заемнодоминарного и доминарного образов эксплуатации: финальные бигмены, преплутаристы и геронтократы

1. Престижная экономика и возникновение помогодоминарного, заемнодоминарного и доминарного образов эксплуатации

Становление распределения по труду необходимо предполагало постепенное утверждение отдельной и обособленной собственности и столь же постепенное превращение связей между членами общины из отношений распределения в отношения обмена. Этот процесс, как мы уже видели, шел далеко не по прямой линии. Он прежде всего нашел свое выражение в раздвоении экономики. Принцип эквивалентного возмещения, с самого начала существовавший в сфере престижной экономики в отношениях между членами разных общин, начал постепенно проникать и в отношения между членами общины, вначале в области престижной, а затем и жизнеобеспечивающей экономики.

Ранее уже говорилось, что с переходом к позднепервобытному обществу в общине возникло несколько дележных кругов. Дальнейшее развитие в общем и целом шло по линии сужения дележных кругов и возрастания их числа. Кроме того, появились люди, исключенные из дележных кругов. Члены дележного круга были связаны раздолоделажными, дачедележными и помогодатными отношениями. Между людьми, принадлежащими к одной общине, но разным дележным кругам, складывались различного рода отношения обмена.

Как уже отмечалось, дележные круги в позднепервобытном обществе носили относительный характер. В силу этого между одними и теми же людьми могли одновременно существовать как дележные и помогодатные отношения, так и отношения обмена. Отношения распределения и обмена могли переплетаться самым причудливым образом.

Вопреки довольно широко распространенному представлению, отношения экономического обмена далеко не сводятся к товарообмену. Последний представляет собой всего лишь один из многих видов экономического обмена, причем такой, который проникает в общину на довольно позднем этапе развития. Довольно поздно проникает

в общину и дарообмен, причем дарами становятся прежде всего престижные ценности.

Зато почти с самого начала в позднепервобытной общине возникает и получает развитие такая форма обмена, как услугоплатеж.

Что же касается дачеобмена, то он довольно скоро уступает место более широкой форме обмена — обмену помощью, или *помогообмену*. Если дачеобмен происходит всегда, когда одна из сторон что-то добыла, то помогообмен — только тогда, когда человек, испытывающий нужду в чем-либо, обращается к другому с просьбой помочь. Если дачеобмен ограничен пищей и вещами, то в качестве помощи могло выступить не только давание пищи и вещей, но и оказание услуг. Среди услуг важную роль играл труд. Помощь трудом была одной из важнейших форм помощи.

С понятием помощи мы уже сталкивались при рассмотрении помогодачей. И при помогодаче, и при помогообмене в равной степени оказывается помощь. Но при этом между помогодачей и помогообменом существует качественное различие. Помогодача, как и дачеделег, носит круго-линейный характер, в то время как помогообмен, как и дарообмен, является линейным и только линейным.

Возникнув на стадии позднепервобытной общины, помогообмен получил широкое распространение в пракрестьянской общине предклассового общества и достиг наивысшего развития в крестьянской общине классового общества. Поэтому лучше всего предварительно рассмотреть помогообмен в той его классической форме, которую он принял в крестьянском мире, и которая была детально проанализирована в целом ряде работ (Foster, 1961; Bernett, 1968; Семенов, 1976; 2002б). Это даст ключ к пониманию роли помогообмена и в более ранних обществах.

Помогообмен представлял собой отношение между двумя лицами, которые не обязаны были делиться и выступали по отношению друг к другу как отдельные или обособленные собственники. Человек (А), испытывавший нужду в пище, вещах или дополнительном труде, обращался к другому (Б) за помощью. Последний, если имел возможность, выполнял просьбу. Никакого формального договора при этом не заключалось. Дающий помощь даже устно не ставил никаких условий перед получателем. Не оговаривался срок возврата. И даже более того — возврата вообще не требовалось. Ни вещи, ни труд не считались взятыми займы. Получение помощи накладывало на А лишь одно обязательство — отозваться на призыв Б, когда последний в свою очередь будет испытывать нужду в чем-либо. И вполне понятно, что объем и характер того, что должен был А дать в этом случае, определялся не столько характером и размерами помощи, которую он получил ранее от Б, сколько нуждами последнего. Поэтому он мог дать и меньше, и больше, чем ранее получил от Б.

В первом случае его обязанность помогать Б сохранялась, во втором — аналогичное обязательство по отношению к нему возникало

у Б. Но в любом случае отношения между А и Б на этом не прекращались. Обмен помощью между ними продолжался. Он носил не разовый, как, например, при товарообмене, а длящийся, как при дарообмене, характер. Поэтому исследователи, описывающие элементарное отношение помоогообмена, квалифицируют его как «парное обменное партнерство» (Bernett, 1968) или как «парный контакт» (Foster, 1961).

Важная особенность описываемых связей заключалась в том, что обе стороны находились в равных отношениях друг к другу. Ни одна сторона не отдавала, не отплачивала, не возвращала. Каждая давала и только давала, причем одно и то же, а именно — *помощь*. Ни одна из них не требовала возмещения, возврата данного. Каждая обращалась к другой за одним и тем же, а именно — за помощью и только помощью. Б обращался к А вовсе не потому, что желал вернуть то, что ранее ему дал, а потому, что он, как ранее А, испытывал нужду в чем-либо, нуждался в помощи. То обстоятельство, что он ранее помог А, играло лишь одну роль — гарантировало ему, что его просьба о помощи не будет отвергнута.

Это, конечно, в определенной степени ставило стороны в неравное положение: одна имела право на помощь, другая — была обязана помогать. Но так как отношения имели длящийся характер, то каждая сторона попеременно оказывалась то в одном положении, то в другом. В результате отношения, будучи асимметричными в каждый данный момент, в целом имели симметричный характер.

Каждой из сторон было выгодно быть в положении оказавшей помощь, но еще не получившей ее. Это гарантировало ей получение помощи в случае нужды. С этим связано отрицательное отношение к возврату в точном смысле слова, открытому простому возмещению, ибо это лишало права на помощь. Человека, который старался по возможности быстрее вернуть, осуждали, ибо видели в этом желание расторгнуть отношения.

То обстоятельство, что данная связь была отношением не дачи и отдачи, а взаимной дачи помощи, исключала возможность открытого прямого расчета. Однако учет данного и полученного в помощь велся каждой из сторон. Он мог быть как приблизительным, так и более точным. Учет того, что было дано партнеру, и того, что было от него получено, велся с целью не допустить чрезмерной диспропорции между тем и другим. При обращении за помощью к партнеру человек исходил не только из собственных нужд. Он принимал также во внимание и существующее соотношение между данным партнеру и полученным от него. Учитывал его и тот, к кому обращались за помощью. Идеалом была эквивалентность между данным и полученным, которая, однако, реализовывалась лишь в общем и целом и только на протяжении длительного времени.

Однако даже приблизительная эквивалентность была возможна только между людьми, хозяйственные возможности которых были при-

мерно одинаковыми. В противном случае неизбежным было нарастание диспропорции между данным и полученным, и обмен помощью между данными людьми либо совсем прекращался, либо перерождался в отношения совершенно иного типа.

Беднейшая сторона (А) всегда была обязана помогать, более состоятельная (Б) всегда имела право на помощь со стороны другой. Но само собой разумеется, что А, не имея права на помощь со стороны Б, в то же время все время нуждалась в помощи от этой стороны, причем в тем большей степени, чем более бедной она являлась. И помощь ей оказывалась, но только в форме помощи-милости. Сторона А внешне выступала в роли благодетельствуемой, сторона Б — в роли благодетельствующей. В результате взаимная зависимость, которая характерна для помоогобмена, заменялась односторонней зависимостью беднейшей стороны от более состоятельной. Это давала последней возможность диктовать свои условия, определять, в частности, форму помощи-милости, которая оказывалась, как правило, лишь в виде пищи и вещей, но не труда. В ответ же на милость она требовала и получала возможность использовать рабочую силу беднейшей стороны. Это совпадало с желанием последней, ибо она не располагала ничем иным.

Чисто внешне все обстояло так, как если бы одна сторона оказывала другой стороне милость, которая лишь частично возмещалась трудом. На деле же имело место прямо противоположное: одна сторона использовала труд другой, лишь частично возмещая его пищей и вещами. Иными словами, имело место безвозмездное присвоение труда, т. е. эксплуатация. Перед нами не метод, а определенный образ эксплуатации, который можно было бы назвать *помогодоминарным* (от лат. *dominiri* — господствовать). Представители беднейшей стороны работали не только в своем собственном, но и чужом хозяйстве, куда были обязаны являться по первому требованию. Конечно, внешне это требование выступало как просьба о помощи. Поэтому в принципе беднейшая сторона могла и отказаться. Но в таком случае она навсегда бы лишилась милости, без которой уже не могла обходиться. Поэтому представители беднейшей стороны в самую горячую пору вынуждены были работать на полях благодетеля, позабыв о своих собственных.

В основе помогодоминарной эксплуатации лежало наличие богатства у одной стороны и его отсутствие у другой. Богатством таким образом обладала только часть членов общества, а это означало, что оно было частной собственностью. Богатство в крестьянском мире в отличие от позднепервобытного общества, было не престижным, а обычным, ординарным. В данном случае перед нами не престижная, а ординарная частная собственность. Но как явствует из сказанного, и ординарная частная собственность не обязательно является собственностью на средства производства. Собственностью на средства производства является не всякая, а только высшая форма ординарной

частной собственности. Только на этой высшей форме частной ней могут базироваться способы эксплуатации человек человеком. На остальных могут основываться лишь методы и образы эксплуатации. Кстати сказать, ростовщический метод эксплуатации имеет своей основой не собственность на средства производства, а просто богатство, обычно, но не обязательно всегда, денежное.

Когда в общине выделялись самостоятельные домохозяйства, между ними в силу самых различных причин неизбежно должно было возникнуть известное имущественное неравенство (Семенов, 2002б. С. 146–147). Однако в крестьянской общине оно не было ни слишком большим, ни постоянным. Возникновение рассмотренных выше отношений не только закрепило, но и углубило независимо от них возникшее неравенство. Эти отношения вели к дальнейшему накоплению богатства на одном полюсе и бедности на другом.

В процессе развития помогодоминарных отношений человек в конце концов мог лишиться собственного хозяйства и целиком перейти в хозяйство своего «благодетеля». Он мог работать на него за одно лишь содержание (пищу, одежду, кров). Такого работника можно было назвать *приживалом*, или *приживальщиком*. Здесь мы сталкиваемся с еще одной формой эксплуатации — *приживальчеством*. Но стать приживальщиком мог и любой человек, тем или иным способом лишившийся хозяйства или никогда его не имевший. Так обстояло дело в крестьянской общине классового общества.

Как мы уже видели, в позднем первобытном обществе с необходимостью зародилось имущественное неравенство, имевшее свою основу прежде всего в престижной экономике, хотя и не только в ней. В таких условиях наряду с помогообменными рано или поздно должны были зародиться помогодоминарные отношения. Последние складывались прежде всего между «богачами» и бедняками. Однако подобный характер могли приобрести также и отношения между «богачами» и рядовыми членами общины — «середняками». Последние, нуждаясь в престижных ценностях для великодарений и дароплатежей, могли обращаться за ними к «богачам». Не имея возможности ответить им тем же, они вынуждены были возмещать полученные ценности прежде всего трудом.

Помогодоминарно зависимые люди могли не только работать в хозяйствах «благодетелей», но и оказывать им иные услуги. В частности, в сельскохозяйственно-животноводческих обществах они могли выращивать для своих «благодетелей» животных, которые использовались в качестве престижных ценностей, например, свиней.

И здесь развитие помогодоминарных отношений могло привести к появлению приживальщиков. Очень часто ими становились люди, исключенные из дележных кругов. В сельскохозяйственно-животноводческих обществах особую ценность представлял женский труд. Именно женщины занимались выкармливанием свиней, которые во многих

таких обществах являлись одной из самых важных, если не самой важной престижной ценностью. Потребность в такого рода рабочих руках вполне могла быть удовлетворена путем заключения браков с возможно большим числом женщин. Возникновение престижной экономики способствовало развитию полигинии.

Формально, конечно, все эти женщины были женами и только женами «богачей». Но, по существу, если не все они, то по крайней мере значительная часть их представляла собой своеобразный вариант приживальщиков. Перед нами, таким образом, не что иное, как своеобразная скрытая форма эксплуатации человека человеком, которую можно назвать *бракоприживальчеством*. Вполне понятно, что и на данной ступени развития приживальщицами были не все вообще жены, а только те, чьим трудом создавался избыточный продукт, становившийся в руках мужа прибавочным.

Чем большим количеством жен располагали «богачи», тем, соответственно, большим было число мужчин, не имеющих возможности вступить в брак. И дело не только в нехватке свободных женщин. Во многих обществах, чтобы вступить в брак, нужно было совершить большие по размерам дароплаты. Не все мужчины располагали необходимыми средствами. Поэтому некоторая их часть была обречена на вечное холостячество. Но вести хозяйство без жены в этих обществах было невозможно. В результате значительная часть холостяков становилась приживалами.

С переходом к позднему первобытному обществу рано или поздно возникла такая своеобразная форма экономических отношений, как *заемные*, или *заемно-долговые*. Понятие займа necessarily предполагает существование понятия долга и понятия возврата долга. Если существует заимодавец, должен существовать и должник. Но если понятие займа не существует без понятий долга и возврата, то два последних понятия не предполагают с необходимостью бытие понятия займа.

Понятия долга и возврата зародились раньше понятия займа. С первым из них мы сталкиваемся при анализе дарообмена. Человек, получивший дар, находился в своеобразном долгу перед дарителем. Он был обязан раньше или позднее сделать отдар. Здесь действует понятие возмещения, причем более или менее эквивалентного, но нет понятия возврата. Отношения дарообмена, как уже указывалось, долгое время существовали только между членами различных общин.

Если обратиться к отношениям внутри общины, то с переходом к стадии позднепервобытного общества на базе дележных отношений возникает такая форма циркуляции вещей, как *дачевозврат*. Здесь существует понятие возврата вещи, но нет понятия займа. При подлинных дачевоzwратных отношениях, носивших круговой характер, не могло быть и речи о плате за использование вещи. И когда такая плата возникает, то это свидетельствует о качественном изменении природы связей. Они перестают быть круговыми. Внешне эти новые

отношения выступают как обычный услугоплатеж. Один человек оказывает другому услугу, давая ему в пользование вещь. За эту услугу он получает плату.

Однако при обычном услугоплатеже оплачивается труд давателя, который может выступать как в своем природном виде, так и в овеществленной форме, или вообще какой-либо форме деятельности, не обязательно находящей материальное воплощение (услуги певца, танцора, шамана и т. п.). Человек получает плату как труженик или вообще деятель. В целом мы здесь имеем дело с распределением по труду.

В рассмотренном же случае человек получает плату в качестве не деятеля, а собственника. Перед нами — распределение не по труду, а по собственности. Иначе говоря, мы здесь сталкиваемся со своеобразной формой присвоения прибавочного труда, своеобразным методом эксплуатации, который можно назвать *услуговещеплатежным методом эксплуатации*.

Понятие долга в неявной форме присутствует и в помоогообмене. На получившем помощь лежит обязанность помочь тому, кто ему ее дал. Но понятие возврата здесь отсутствует. Конечно, бывало, что помощь заключалась в предоставлении другому человеку во временное пользование какой-либо вещи. Эта вещь по миновании нужды возвращалась владельцу. Но этот возврат был явлением чисто физическим, а не экономическим. Возврат взятой в пользование вещи ни в коей мере не был возвратом помощи.

По мере дальнейшего утверждения принципа эквивалентного возмещения на основе отношений помоогообмена возникли новые — *помогозаемные отношения* (Семенов, 2002б. С. 130–133). Эти отношения, зародившись на стадии позднепервобытного общества, продолжали существовать в предклассовом и классовом обществах. В последнем они достигли наивысшего развития.

Помогозаемные отношения отличаются от помоогообменных наличием открытого взаимного расчета. Если при помоогообмене мы имеем дело с взаимной дачей, то здесь — с дачей и отдачей. Возврат, возмещение полученного — основной признак этих новых отношений. Все особенности помогозаемных отношений наиболее рельефно выступают, когда объектами дачи, а тем самым и отдачи являются не труд, а вещи разового пользования.

И здесь, как и при помоогообмене, одна сторона дает другой вещи, в которых последняя испытывает нужду. Но при этом в отличие от помоогообмена даваемые вещи выступают в форме не помощи, а займа. Как правило, определяется срок возврата займа, т. е. уплаты долга. При данных отношениях понятие возврата и понятие долга сливаются в одно — возврата долга, равнозначное понятию возврата займа. Но к одному лишь займу и возврату займа данные отношения не сводятся.

Каждый конкретный акт помощи всегда является единством двух неразрывно связанных моментов, первый из которых — *давание помоо-*

щи, а второй — *данное* в помощь. При анализе помоогобмена различие этих моментов не имело смысла, ибо помощью в равной степени являлось как давание, так и данное. Иначе обстоит дело с рассматриваемыми отношениями. То, что давалось, превратилось из помощи в заем. Помощью осталось лишь давание. Человек помог другому, дав ему займы вещи, в которых последний испытывал нужду.

И вследствие того, что мы в данном случае имеем дело не только с займом, но и помощью, возврат займа не означает прекращения отношения. Ведь возвращен только заем, но не помощь. На человеке, получившем заем, и после его возврата лежала обязанность помочь бывшему кредитору, а именно дать последнему в свою очередь заем, когда у него возникнет нужда в нем. Этот обмен помощью мог приобрести длящийся характер. В таком случае каждая из сторон будет попеременно выступать в роли то кредитора, то должника, и отношения в целом приобретут симметричный характер, столь свойственный помоогобмену. Однако может восторжествовать и принцип отдачи. В таком случае возврат бывшим кредитором долга своему бывшему должнику будет означать разрыв отношений между ними.

Вполне понятно, что помогаемые отношения еще в большей степени, чем помоогобменные, возможны только между людьми, равными в имущественном положении. Обмениваться займами могут только люди, которые в одинаковой степени в них нуждаются и в одинаковой степени способны их давать.

Между людьми с различным имущественным положением помогаемые отношения существовать не могут. Между ними возможны лишь заемно-долговые отношения, хотя внешне последние могут носить форму помогаемых. Для заемно-долговых отношений характерно, что одна сторона выступает в них только в роли кредитора, а другая — только в роли должника. Не имея возможности оказывать кредитору аналогичную услугу, должник должен ему чем-то отплатить. Когда должник находится только в экономической зависимости от кредитора, плата приобретает форму уплаты процентов. Перед нами *ростовщический метод эксплуатации*.

Если зависимость должника от кредитора приобретает и личный характер, мы сталкиваемся с явлением, которое принято именовать *кабалой*. Когда отношения становятся кабальными, кредитор нередко вынуждает должника работать в своем хозяйстве. Должник, таким образом, трудится не только в своем, но и чужом хозяйстве. Здесь перед нами уже не метод, а определенный образ эксплуатации, который можно назвать *заемнодоминарным образом эксплуатации*. Так же как и в случае с помогодоминарными отношениями заемнодоминарные имели своим следствием рост экономического могущества одной стороны и дальнейшее обеднение другой.

В процессе развития заемнодоминарных отношений человек мог оказаться полностью втянутым в чужое хозяйство. В случае займа пол

зalog личности с момента заключения договора сам должник или один из членов его семьи целиком переходил в хозяйство кредитора и начинал работать в нем. В случае неуплаты долга в срок заложник мог быть продан в рабство. Стать зависимым работником в хозяйстве кредитора или быть проданным в рабство мог также несостоятельный должник или член его семьи. Работников, которые оказались в составе чужого хозяйства в качестве заложников или несостоятельных должников, можно назвать *кабальниками*, а саму форму эксплуатации — *кабальничеством*.

Помогозаемные отношения являются более поздней формой, чем помогообменные, но возникновение первых отнюдь не означает исчезновения последних. Эти две формы могли существовать бок о бок в одном и том же обществе, на протяжении длительного периода времени. Так обстояло дело в классовом обществе.

Помогозаемные отношения, вероятно, зародились еще в поздне-первобытном обществе. Так как в нем существовало имущественное неравенство, то на определенном этапе в нем возникли и заемно-долговые отношения. Они завязались между «богачами» и бедняками, «богачами» и рядовыми членами общества. В последнем случае объектами займов чаще всего являлись престижные ценности, необходимые для великодарений и дароплатежей, особенно брачных. Все это могло привести и приводило к появлению кабальничества и кабальников.

Число рабочих рук в хозяйствах «богачей» могло быть увеличено не только за счет жен-приживальщиц, приживальщиков и кабальников. Существовало еще несколько способов рекрутирования рабочей силы. Один из них — использование в хозяйстве чужаков, захваченных в плен. Когда рабство получило развитие, рабов стали покупать. Возникла работорговля. Рабами становились и дети рабов.

Люди, лишившиеся хозяйства или не имевшие его, не обязательно должны были трудиться в хозяйстве состоятельного человека лишь за содержание. Они могли работать и за определенную плату. В таком случае перед нами — наемные работники докапиталистического типа, или *наймиты*. Эту форму эксплуатации можно назвать *наймитством*.

Конечно, можно было бы рассматривать приживальчество, бракоприживальчество, кабальничество, рабство и наймитство как разные образы (способы) эксплуатации. Однако в действительности все эти пять категорий работников, когда они существуют вместе, столь тесно связаны и играют столь одинаковую роль в производстве, что по существу мы имеем дело не с пятью разными образами (способами) производства, а с одним единым образом (способом) производства, который можно назвать *доминантным способом (образом) производства*. Таким образом приживальчество, бракоприживальчество, кабальничество, рабство, наймитство были одновременно и вариантами, и составными частями (субобразами, субспособами) одного и того же образа (способа) производства (см.: Семенов, 1965. С. 62–63).

Это отнюдь не означает, что рабство, например, не может стать и самостоятельным способом производства. Однако это происходит очень поздно, и рабство как особый способ производства существенно отличается от рабства как варианта и составной части доминарного образа (способа) производства. Качественное различие здесь не меньше, чем между наймитством и капиталистическим наемным трудом. И это различие выражается в терминологии. В литературе доминоравладельческие отношения принято именовать домашним, или патриархальным, рабством.

Из рассмотренных выше пяти вариантов доминарных социально-экономических отношений четыре, а именно доминоприживальческие, доминобракоприживальческие, доминокабальные и доминоравладельческие отношения, возникнув еще в престижно-первобытном обществе, получили развитие в предклассовом и классовом обществах. Что же касается доминонаймитских отношений, то они, появившись лишь в предклассовом обществе, получили развитие только в классовых обществах.

2. Танаина, татлиты и атна Аляски: престижная экономика с финальными бигменами

Престижная экономика существовала не только у верховых танаина, но и у других северных атапасков, в частности у танаина, кучинов и атна, которые тоже были собирателями, охотниками и рыбаками. Традиционное общество танаина Аляски не наблюдал воочию ни один этнограф. Оно было реконструировано исследователями на основе свидетельств путешественников и рассказов туземных информаторов. С этим связаны определенные неясности и расхождения при обрисовке тех или иных сторон их прежнего общественного устройства.

Несомненно существование у танаина престижной экономики. У них были и даропредставления, и дароторжества. Последние принимали форму потлачей (Врангель, 1849. С. 59–61; Osgood, 1937. P. 147–160, 163–165; Townsend, 1981. P. 632, 633; Аверкиева, 1974. С. 105). Джоан Таунсенд считает, что у танаина существовали только неформальные лидеры — богатые люди. Богачами они становились, привлекая приверженцев, которые работали на них. В свою очередь богатый человек должен был проявлять щедрость по отношению к приверженцам. В противном случае люди порывали с ним и либо начинали жить сами по себе, либо присоединялись к другому богачу. Чтобы завоевать престиж и укрепить свое положение, богач должен был устраивать потлачи с обильной раздачей подарков (Townsend, 1981. P. 627–632). По мнению Корнелиуса Осгуда, неформальные лидеры-богачи существовали только у некоторых групп танаина. У остальных были формальные лидеры — вожди, власть которых чаще всего передавалась по наследству (Osgood, 1937. P. 131–135).

В описании Дж. Таунсенд отношения богатей и людей, которые работали на них, имеют отчетливые черты центростремительного метода эксплуатации (1981. Р. 627–632). По описанию К. Осгуда, они ближе всего напоминают приживальчество (1937. Р. 134, 165). Скорее всего у танаина существовали обе эти формы эксплуатации. Спорен вопрос о рабстве. По мнению Дж. Таунсенд у танаина рабы в прошлом существовали (1981. Р. 632). К. Осгуд ставит это под сомнение (1937. Р. 131).

Уточнить картины помогают данные, относящиеся к другой группе северных атапасков Аляски — кучинам, точнее, к одному из их подразделений — татлитам. У них были и пиры, и потлачи. Богачи в погоне за престижем стремились накопить избыточный продукт. Работали они сами, причем много и упорно. Трудились на них и бедняки. Но последних нельзя охарактеризовать как приживалов. Они сами вели хозяйство и обеспечивали свои семьи всем необходимым. На богатей они работали для того, чтобы обеспечить помощь с их стороны в случае нужды. Кроме того, за свои услуги они получали дары. Холостяки из числа бедняков рассчитывали на поддержку богача в приобретении необходимого для брачных платежей. Количество труда, которое давал человек, зависело от его доброй воли. Бедняк мог всегда перейти от одного богача к другому или начать жить совершенно независимо от кого-либо из них. У татлитов в прошлом были рабы (Osgood, 1936. Р. 108, 120–122).

Дополнительный материал дают также непосредственные соседи танаина — атна. Хотя исследователи говорят о вождях, приводимые ими же самими данные свидетельствуют, что лидерство у атна носило неформальный характер. Только частая организация больших по размаху потлачей могла сделать человека признанным лидером. Когда он становился менее энергичным, то терял положение. Его приверженцы переходили к другому человеку. Бигмены опирались не только на приверженцев. На них работали приживалы и рабы (Laguna and McClellan, 1981. Р. 656–659).

Таким образом, у татлитов и атна центростремительный метод эксплуатации дополнялся доминарным образом эксплуатации в его двух разновидностях: доминорабовладельческой и доминоприживальческой. Бигменов, которые наряду с центростремительным методом эксплуатации использовали труд приживалов и рабов, т. е. были и доминаристами, можно назвать *финальными бигменами*, возникшими из позднейших.

В отношении танаина, вероятно нужно признать правоту К. Осгуда, считавшего, что у одной части их территориальных групп существовали неформальные лидеры, т. е. бигмены, а у другой — формальные наследственные лидеры, т. е. чифмены.

Исследователь высказывает предположение, что в прошлом у всех танаина лидерство было неформальным, и что возникновение у части их формального лидерства представляет собой сравнительно позднее явление, в какой-то степени связанное с влиянием русских (Osgood, 1936. Р. 131–133).

Выше уже отмечалось, что центродележный метод эксплуатации был нестабильным, ненадежным и ограниченным. Возможны были несколько путей движения вперед. Один — дополнение центродележного метода эксплуатации доминарным, другой — преобразования центродележного метода эксплуатации в главарно-приносный образ эксплуатации. У одних групп танаина развитие пошло по первому пути, у других — произошло совмещение обоих этих путей. Но относительно второго случая трудно сказать, с чего начались изменения: с появления доминаризма или главарно-приносного образа эксплуатации. Для этого не хватает фактического материала. Во всяком случае, вряд ли можно сомневаться в том, что у части групп танаина, как у татлитов и атна, существовала престижная экономика с финальными бигменами.

3. Толова и юроки: власть первобытных сокровищ

Очень своеобразна традиционная общественная организация аборигенов юго-западного Орегона и северо-западной Калифорнии: толова, тутутни, юроков, кароков, хупа. Сразу же нужно сказать, что ни один этнограф не наблюдал ее воочию. К тому времени, когда началось изучение этих народов, их прошлая культура давно уже была разрушена. Все, с чем мы имеем дело, это реконструкция прошлого состояния по воспоминаниям старейших информаторов. Отсюда масса лакун, противоречий, неясностей, неточностей. Все это, кстати, относится к материалу о всех вообще народах Калифорнии.

Наиболее полно в трудах этнографов обрисованы толова. Поэтому именно с них и следует начать. Основным занятием толова было рыболовство, охота, собирательство. Особое значение в их хозяйстве имели ловля лосося и собирание желудей.

Важной социальной единицей была у них локально-родственная группа с отцовским счетом родства. Каждая такая группа жила в селении, которое исследователи именуют и деревней, и городом. С главным городом было связано несколько меньших селений — пригородов. Город вместе с пригородами был почти полностью независимой экономической единицей (Drucker, 1937. P. 226, 235, 243–244). Средняя численность населения деревни толова — 43 человека (Schalk, 1979. P. 65). В ней люди жили большую часть года, в частности, всю зиму. Покидали они ее лишь в конце лета, когда отправлялись ловить лосося и собирать желуди.

Противоречивы сведения о собственности на промысловые угодья. С одной стороны, утверждается, что владела ими локально-родственная группа. И тут же добавляется, что номинальным собственником был глава группы (Drucker, 1937. P. 235). С другой стороны, говорится, что все промысловые угодья находились в частной наследственной собственности отдельных лиц. И тут же мы узнаем, что эта

собственность была номинальной, ибо все родственники собственника имели право пользоваться угодьями. Лишь чужаки должны были спрашивать разрешения, которое обычно свободно давалось (Р. 243).

В обществе толова существовало достаточно резкое имущественное неравенство: были богачи и бедняки. Каждая локально-родственная группа концентрировалась вокруг определенного индивида — человека, обладавшего большим богатством. Последний не имел никакой формальной власти. У толова вообще не было должности вождя как таковой (Р. 242, 244).

Но благодаря богатству и личным качествам данный человек обладал большим влиянием. С ним считались, ему подчинялись. Поэтому исследователи говорят о нем как о главаре (Gould, 1966. Р. 71). Когда в деревне была лишь одна родственная группа, ее глава был лидером селения. Как следует из сообщений одних авторов, в деревне был один богач, который над ней господствовал (DuBois, 1936. Р. 54). Но другие авторы говорят, что в каждой деревне было несколько богачей. Одновременно они же пишут о наличии в каждой деревне одного главаря (Gould, 1978. Р. 131–132). К сожалению, никаких подробностей об отношениях между несколькими богачами, живущими в одной деревне, не приводится.

Богач имел множество разнообразных объектов. Но среди них выделялась особая их категория, которая собственно и составляла богатство. К нему прежде всего относились раковинные деньги. В качестве их использовали раковины особого рода — денатели, нанизанные на нитку. В каждой нитке было 10 раковин. Снизки отличались друг от друга длиной. Другими предметами богатства были кожа с головы красноголового дятла, обсидиановые лезвия, шкурки морской выдры, бусы из различных раковин (Gould, 1966. Р. 72–73). Все эти вещи были редкими. Ни одну из них невозможно было получить в достаточном количестве на месте. Отсюда важность обмена с другими регионами.

Однако только наличие сокровищ само по себе не давало престижа. Необходимо было определенное использование их. Сокровища должны были выставляться. Это происходило во время танцев, которые устраивались богачами. Некоторые такие праздники длились 10 дней. И в течение всего этого времени богач должен был обеспечивать пищей всех участников. Если пища кончалась раньше, то это наносило ущерб его репутации (Р. 86). Естественно, богатый человек готовился к танцам за несколько месяцев: запасал пищу, занимал (у родственников) сокровища.

Богач на время танцев раздавал сокровища танцорам, которые украшали ими себя. Чем большее число танцоров обеспечивал он своими украшениями, тем большим был его престиж. Вполне понятно, что после танцев сокровища возвращались к нему. Одни авторы не останавливаются на составе участников танцев. Другие указывают, что в них принимали участие жители и другой деревни. В таком случае разгоралось соперничество между местными и пришлыми (Drucker, 1937.

Р. 264–265). Богач-главарь устраивал щедрое угощение и при спуске большого морского каноэ (Р. 86). Таким образом, потлача у толова не существовало. Но пиры были. И они давали престиж устройте-лю (Р. 87).

Богач не только давал своему окружению, но и получал от него. О том, что именно и как именно он получал, сообщается крайне мало. Но во всяком случае информаторы говорили, что некоторые из богатейших людей никогда не работали. Их приверженцы охотились и ловили рыбу для них (DuBois, 1932. Р. 254; Drucker, 1937. Р. 245).

На вопрос о том, что побуждало бедняков работать на богача, ответить не просто. Бедняки у толова отличались от бедняков у тлинкитов, квакиютлей и других их северных соседей. Они не представляли собой людей, которые не были способны обеспечить себя средствами к существованию. Бедняки у толова соответствовали простолюди-нам у тлинкитов, квакиютлей и т. д. Они вполне обеспечивали себя жизненными средствами и составляли большинство членов общества. Бедняками они были лишь потому, что у них либо совсем не было, либо было очень мало описанных выше сокровищ. А сокровища были нужны всем: не только богачам, но и беднякам. Необходимы были они потому, что у толова был развит дароплатеж, средствами которого и являлись сокровища.

И богачи не только выставляли сокровища напоказ, но и постоянно манипулировали ими. Прежде всего, богач использовал сокровища в качестве брачного платежа, а также платы за обиды, в частности, за кровь (вергельд). Имея большое количество сокровищ, богач мог обзавестись многими женами. Некоторые исследователи особо подчеркивают, что богач мог полностью распоряжаться трудом своих жен (Gould, 1966. Р. 75, 86). Чем больше женщин работало на него, тем большими были запасы пищи. Эти запасы могли быть обменены на сокровища, что в свою очередь обеспечивало возможность дальнейших браков и т. д. (Р. 68, 87).

Но в браки вступали не только богачи, но и бедняки. У последних не было или почти не было сокровищ. Им, конечно, должны были помогать родственники, но, если последние были бедными, то, разумеется, они не могли внести много. И тогда вступался богач. Он вносил весь брачный платеж или большую его часть за молодого человека. Тем самым он обеспечивал себе его преданность и труд. И при этом он ничего не терял. Сокровище считалось данным в долг, который должен быть возвращен (Р. 81). Когда сестры или дочери этого зависимого человека выходили замуж, то богач получал большую часть брачного платежа, внесенного за них (Drucker, 1937. Р. 245). Если бедняк наносил кому-либо обиду, в частности, совершал убийство, то повторялась та же история. Богач платил большую часть компенсации и тем избавлял человека от мщения. Вполне понятно, что такой человек был готов работать на богача и воевать за него. И опять богач даже в части сокровищ ничего не терял. Если кто-либо должен был выплатить

вергельд бедняку, то он и его родственники получали мало. Большая часть шла богачу (Р. 245, 249). Правда и бедняки имели право на долю брачного платежа или вергельда, полученного богатым родственником, но они получали столь мало, что это не имело практического значения (Р. 241–242).

В результате, сокровища в обществе в основном циркулировали между богачами. Бедняки, если и получали, то сушие пустяки. Все это увековечивало различие между богатыми и бедными. Последние практически были лишены возможности подняться до уровня первых. Социальная мобильность была ограничена до предела (DuBois, 1936. Р. 63; Drucker, 1937. Р. 240–241). Богатство передавалось по наследству. Получали все наследники, но основная доля шла старшему сыну (Drucker, 1937. Р. 241). Вместе с богатством передавалось и положение в обществе.

Наличие сокровищ давало богатым огромную власть. Информаторы рассказывали о богачах, которые посылали группы людей с целью убить других без каких-либо причин, кроме одной: они имели достаточно сокровищ, чтобы оплатить любую обиду (Р. 250).

С практикой дароплатежа была связана еще одна форма зависимости. Человек, оскорбивший богача или вообще совершивший какой-либо проступок и неспособный уплатить компенсацию, оказывался в долгу. В результате, как пишут все исследователи, он становился рабом (DuBois, 1936. Р. 55; Drucker, 1937. Р. 250; Gould, 1966. Р. 83). Точнее сказать, он становился кабальником (Семенов, 1968. С. 275–278; 1985. С. 62–63). Кабальники охотились и ловили рыбу для своих хозяев, как и бедные родственники. В хозяйства богачей, кроме кабальников, могли входить мужчины, которые вообще не женились из-за отсутствия сокровищ для брачного платежа (DuBois, 1936. Р. 59). Кроме того, богачи иногда усыновляли или покупали мальчиков из бедных семей. Последние должны были работать на своих хозяев (DoBois, 1932. Р. 254–255). И в первом, и во втором случае перед нами приживалы.

Таким образом, в обществе толова существовали такие отношения эксплуатации, как помогодоминарные и заемнодоминарные, когда люди, ведшие сами хозяйство, в благодарность за помощь или заем работали на богача, и доминарные в двух вариантах: кабальном и приживальческом.

Как видно из сказанного выше, в обществе толова был не только жизнеобеспечивающий, но и избыточный продукт. Различие между жизнеобеспечивающим и избыточным продуктом в разных обществах с престижной экономикой носит далеко не одинаковый характер. Как уже указывалось выше, оно может быть лишь количественным. Избыточный продукт составляют те же самые объекты, что и жизнеобеспечивающий продукт, но только взятые в большом количестве. Это относится, например, к пище, которая раздаривалась во время торжеств. У толова различие между жизнеобеспечивающим и избыточным продуктом было качественным. Избыточный продукт составляли особого

рода объекты, отличные от тех, что образовывали жизнеобеспечивающий продукт. Эти объекты сосредотачивались в руках только части общества и были основой эксплуатации человека человеком.

Сокровища у толова были, таким образом, престижной частной собственностью. Именно частная собственность на престижные ценности, а не на средства производства, лежала у толова в основе эксплуатации человека человеком.

Довольно противоречивы сведения об отношениях в сфере жизнеобеспечивающей экономики.

Информаторы Ф. Дракера настаивали на том, что вся пища внутри города была общей собственностью. Удачливый охотник на медведя или морского льва отдавал другим большую часть добычи, чем оставлял себе (Drucker, 1937. P. 235). Как считает Ф. Дракер, раковинные деньги у толова играли ту же роль, что обычные деньги в европейском обществе. Но было исключение. Они, как правило, никогда не обменивались на пищу. Покупать пищу не было нужды, ибо экономической единицей в этом отношении был не индивид, а локально-родственная группа. Если у человека не было пищи, то другие члены группы давали ему. В свою очередь, когда ему везло, он столь же щедро делился своей добычей (P. 241).

Как пишет К. Дюбуа, у толова имеющие пищу делятся с не имеющими ее. От удачливого охотника ожидают, что он будет щедр с родственниками. «Индивидуализм и скупость престижной экономики, — утверждает она, — не простираются на жизнеобеспечивающую» (DuBois, 1936. P. 51). Правда, одновременно мы находим у нее и утверждения иного рода. Как пишет она в другом месте той же самой работы, тот, кто не добыл пищи, должен покупать ее. Если он слишком беден, чтобы заплатить, то ему ее давали, но при этом смотрели на него свысока (P. 49).

Р. Гоулд сообщает, что были семьи, имевшие репутацию ленивых и непредусмотрительных. И всегда в обществе были люди, которые были готовы отдать пищу, заготовленную их женами, за раковинные деньги. За последние можно было получить все (Gould, 1966. P. 77). Но совершенно неясно, как люди, не имевшие пищи, могли в то же время обладать сокровищами. И непонятно, зачем нужно было покупать пищу, если ею охотно делились в масштабах целой деревни. Нельзя при этом не заметить противоречия в отношении обмена раковинных денег на пищу между К. Дюбуа и Р. Гоулдом, с одной стороны, и Ф. Дракером, с другой. Все это заставляет отнестись к этим утверждениям очень осторожно.

В целом очень вероятно, что дележные отношения у толова играли определенную роль. Частично на них сказывалось деление общества на богатей и бедняков. Выброшенный на берег кит был собственностью всех членов селения. Каждому из них причитался особый кусок. Но доли китового мяса были неравны. Больше всех порций «принадлежало» богачам. Однако последние обычно отдавали значительную

часть полученного беднякам, оставляя себе немного (Drucker, 1937. P. 235, 243).

Несомненно существование у толова услугоплатежных отношений. Люди платили раковинные деньги за изготовление каноэ, стрел, головного убора для танцев, украшений, за магическую формулу (P. 241–242). Сокровищами оплачивались услуги шаманов (Gould, 1966. P. 77).

Сходная картина наблюдалась у юроков. В отношении их существуют некоторые цифры. Средняя численность населения деревни — 45 человек. Но были деревни с населением и в 13, и в 165 человек (Kroeber, 1925. P. 16–17). По некоторым данным богачи составляли у них 5 % населения (Pilling, 1978. P. 141). Как первоначально считал Альфред Луис Кребер (1876–1960), 5–10 % населения у них составляли рабы (Kroeber, 1925. P. 32). В дальнейшем он снизил эту цифру до 1 % (Pilling, 1978. P. 143). В действительности, как у и толова, у юроков рабов в точном смысле слова не было. Рабами называют либо должников-кабальников, либо людей, работавших за кров и пищу, т. е. приживалов (Kroeber, 1925. P. 32; Pilling, 1978. P. 143).

Как сообщают некоторые исследователи, промысловые угодыя у юроков находились в индивидуальной или семейной собственности (Kroeber, 1925. P. 14). Однако другие считают, что земля в действительности была собственностью локально-родственной группы (Drucker, 1965. P. 185).

О юроках определенно говорится, что в их деревне могли обитать несколько локально-родственных групп (Kroeber, 1925. P. 12; Drucker, 1965. P. 179). Впрочем, некоторые авторы предпочитают говорить не о локально-родственных группах, а о совокупности родственников, приверженцев и зависимых, объединившихся вокруг богача, который обеспечивал им помощь и защиту (Kroeber, 1925. P. 3).

Когда деревня была невелика, богач полностью контролировал ее. Но нет указаний, чтобы богач контролировал большую деревню, не говоря уже о дистрикте (Pilling, 1978. P. 146). Отмечу, что из всех авторов о дистриктах пишет лишь один, Арнолд Р. Пиллинг, нигде их конкретно не характеризуя (P. 141, 143). Остальные исследователи знают лишь локально-родственную группу и деревню. В танцевальных праздниках, которые длились 5, 10 и более дней и на которых богачи выставляли свои сокровища (исключая раковинные деньги), кроме жителей деревни, где они происходили, участвовали гости из нескольких (от 1 до 5) других деревень (Kroeber, 1925. P. 55). Пищей гостей на таких праздниках обеспечивали богачи (Pilling, 1978. P. 141, 145, 146).

В целом толова и юроки представляют особый вариант престижной экономики, отличный от тех, что были рассмотрены ранее. У них не было ни центростремительного метода, ни главарно-приносного образа эксплуатации, не было ни бигменов, ни чифменов, ни преполитаристов. Их лидеры были богачами — прежде всего частными собственниками особого рода престижных ценностей. Эта престижная частная

собственность давала им возможность эксплуатировать членов своих общин и тем обеспечивала им обилие и иных продуктов, включая пищу. Среди используемых ими образов эксплуатации были и помогодоминарный, и заемнодоминарный, и доминарный в приживальческом, бракоприживальческом и кабальном вариантах.

В отличие от чифменов эти лидирующие фигуры не составляли прасословия, в отличие от бигменов они передавали свое богатство, состоявшее из престижных ценностей, а тем самым и свое положение в обществе потомкам. Их можно было бы назвать *преплутаристами* (от греч. плутос — богатство), а связанный с ними тип престижной экономики *преплутарным*.

Преплутаристы возникли из позднейших бигменов. Когда наряду с центростремительным методом эксплуатации возникли и получили развитие доминарные и иные близкие им отношения, последние стали доставлять такую массу прибавочного продукта, что это делало излишним центростремительный метод эксплуатации.

4. Нивхи Дальнего Востока: церемониальные сокровища и медвежьи праздники

Похоже, что к преплутарному варианту престижной экономики могут быть отнесены нивхи (гиляки) Дальнего Востока. Они тоже были охотниками, рыболовами и собирателями.

Как пишет Леопольд Иванович Шренк (1826–1894) в работе «Об инородцах Амурского края. Т. 3. Этнографическая часть, вторая половина: основные черты семейной, общественной жизни» (1903), у нивхов имело место значительное имущественное неравенство. Существовали специальные слова для обозначения бедных людей (*чолла-нибах*), более богатых (*колла*) и, наконец, очень богатых (*мыкшир-колла-нибах*). Были у них и рабы, и приживалы (Шренк, 1903. С. 16–20; см. также: Крейнович, 1973. С. 289; Таксами, 1975. С. 127–128).

Формальное лидерство у нивхов отсутствовало. Но богачи пользовались большим влиянием. Они практически были лидерами селений (Шренк, 1903. С. 33–34).

Доказательством богатства человека было наличие у него ценностей особого рода: рысьих шуб, старинных маньчжурских панцирей, луков, выложенных пластинками из рога буйвола или носорога, японских котлов с тремя ушками. Л. И. Шренк характеризует эти вещи как «мертвый» капитал, как «в сущности бесполезные, лишённые всякого практического значения» (С. 34). Но это не совсем так. Они были бесполезными лишь в чисто утилитарном смысле, но отнюдь не социальном. Эти вещи входили, в частности, в состав брачного платежа (С. 2–3). Поэтому только очень богатые люди могли иметь несколько жен. Кроме дароплатежей, существовал у нивхов и дарообмен (С. 41).

Но наличия такого рода богатства было еще недостаточно. Чтобы добиться уважения и популярности, богач должен был время от времени устраивать медвежьи праздники и роскошные пиршества с приглашением большого числа людей (С. 34–35).

Подготовка к медвежьему празднику начиналась с приобретения богачом животного. Взрослых медведей держали в заточении несколько месяцев, медвежат — несколько лет, пока они не вырастали. Участие в кормлении медведя принимала вся деревня. «Таким образом, — пишет Л. И. Шренк, — медвежий праздник в полном смысле этого слова — праздник коммунистический. Он соединяет вместе отдельных членов деревни и представляет тем самым как бы центр, около которого вращается общественная и социальная жизнь гиляков» (С. 65).

Л. Я. Штернберг, который несколько архаизирует социальный строй нивхов, характеризует этот праздник как такой, который устраивает род (1933. С. 59–60). Но и он не отрицает роли хозяина медведя (С. 61, 66). Как сообщает Л. И. Шренк, владелец медведя назначал день праздника и руководил пиром. Именно он, заботясь о большей пышности пира, созывал на него не только своих родных и односельчан, но вообще всех родственников, друзей и знакомых, живших в соседних деревнях, не исключая лиц чужого племени (Шренк, 1903. С. 65). Л. Я. Штернберг особо подчеркивает, что на медвежий праздник приглашались представители других родов, среди которых особую роль играли *нархи* — члены рода зятьев хозяина медведя. Число родов, представленных на празднике, могло доходить до 10 (1933. С. 59–62).

Праздник мог длиться несколько недель, представляя собой непрерывную череду пиров. Л. И. Шренк особо обратил внимание, что на первом из них, который происходил еще до убийства медведя, ни сам хозяин, ни его родственники с отцовской стороны ничего не ели (С. 76). Л. Я. Штернберг тоже утверждает, что ни хозяин, ни члены его рода не могли есть мясо медведя (С. 66).

Величайшей честью для хозяев было накормить гостей до насыщения. Кроме угощения, во время праздника устраивались танцы, игры, гонки на собаках, другие состязания. Как рассказывает Л. И. Шренк, на одном из пиров, устраиваемом уже после убийства медведя, каждый гость получал по куску вареного и сырого медвежьего мяса. Часть мяса гости съедали, часть завертывали и уносили с собой. Когда гости собирались уезжать, то на дорогу им давались различного рода съестные припасы, исключая лишь медвежье мясо, которое уже находилось в их свертках (Шренк, 1903. С. 87–88). Л. Я. Штернберг же сообщает, что в день отъезда нархов на их нарты укладывают куски туши медведя, а также всевозможные яства для членов их семей и сородичей (С. 66). Медвежьи праздники, но меньшего масштаба устраивались и после удачной охоты на это животное.

5. Тиви Северной Австралии: геронтократы, вечные жены и сателлиты

Тиви, которых в 1929 году насчитывалось 1062 человека, с незапамятных времен обитали на двух островах — Мелвилл и Батерст, расположенных к северу от полуострова Арнемленд. Общая площадь этих островов, отделенных от материка проливом, составляет 2900 кв. миль.

Первое известие об этих островах относится к 1705 году, когда в этом районе побывала голландская экспедиция. Вплоть до 1800 г. острова посещали португальцы с о. Тимор, которые захватывали аборигенов и обращали их в рабов. В 1824 г. на о. Мелвилл англичанами был основан форт Дундас, но спустя пять лет, в 1829 г., он был покинут. Домашний крупный рогатый скот разбрелся по острову и одичал. С тех пор европейцы только изредка появлялись на островах. Но какими бы редкими ни были эти контакты, к островитянам начали проникать стальные ножи и топоры.

С конца XIX в. в проливе, разделяющем острова, началась добыча жемчуга. В 1900 г. на о. Мелвилл поселился и прожил до 1916 г. Дж. Купер — охотник на буйволов. В 1911 г. на о. Батерст была основана католическая миссия.

В начале XX в. кратковременные поездки на острова были предприняты рядом исследователей. В 1905 г. там побывал Г. Браун, в 1906 г. — Г. Клаач, в 1911 г. — Г. Базедов (264а), в 1911 и 1912 гг. — Б. Спенсер (Spencer, 1914. Р. 43–45, 228–239; 1928в. Р. 643–713, 891–914), в 1913 г. — Г. Фрей (Feu, 1949; 1950). Затем наступил перерыв, длившийся до 1928 г., когда к исследованию тиви приступил Чарлз Уильям Мертон Харт, который провел на островах более года.

К этому времени аборигены уже были достаточно знакомы с европейцами. Некоторые из них даже работали в г. Дарвин в качестве домашних слуг. Кроме того, после Первой мировой войны о. Мелвилл начали регулярно посещать японские промысловые суда. Моряки и промысловики стремились к общению с молодыми женщинами. За это мужья и мужские родственники женщин получали от них различного рода вещи.

Но на островах не было европейских колонистов. В результате тиви оставались одним из немногих австралийских племен, которые продолжали жить на своей исконной территории и практически в прежних условиях. Не претерпела изменения и численность населения. В целом в 1928–1929 гг. продолжал сохраняться традиционный общественный строй и образ жизни.

Затем тиви были снова забыты. Лишь в 1943 г. появилась посвященная им небольшая статья У. Харни и Адольфуса Петера Элькина (Harney and Elkin, 1943). Следующее серьезное исследование этого племени было предпринято в 1953–1954 гг. Арнолдом Пиллингом, который прожил на о. Батерст целый год. В 1954 г. на островах в течение

шести месяцев работала комплексная научная экспедиция, в составе которой было два этнолога — Чарлз Маунтфорд (Mountford, 1958) и Дж. Гудейл (Goodale, 1962; 1982). К этому времени традиционная социальная организация тиви во многом была уже разрушена (Hart and Pilling, 1960. P. 101–112). В 1988–1989 гг. и 1991 г. на островах вел полевую работу Эрик Венбрукс (Venbrux, 1993).

Единственное более или менее полное описание традиционно-го общества аборигенов о. Мелвилл и о. Батерст было дано Ч. Хартом. Оно содержится частично в его статьях (Hart, 1930; 1931; 1970), но главным образом в написанных им первых четырех главах его совместной с А. Пиллингом монографии «Тиви Северной Австралии» (Hart and Pilling, 1960).

В 1928–1929 гг. тиви были подразделены на 9 общин численностью от 100 до 300 человек. 5 общин жило на о. Мелвилл, 4 — на о. Батерст. Каждая община занимала территорию в 200–300 кв. миль со строго определенными границами. Но если территория каждой общины была жестко фиксированной, то этого нельзя сказать об их составе. Люди в течение своей жизни могли несколько раз переместиться из одной общины в другую.

Тиви делились на 22 материнских экзогамных рода, которые были объединены в 3 экзогамных фратрии. Состав родов колебался от 2 до 132 человек. Члены одного и того же рода жили в разных общинах, а каждая община состояла из членов разных родов.

Ч. Харту прежде всего бросилась в глаза необычайность института брака у тиви. У них полностью отсутствовало понятие незамужней женщины. Все женщины у них независимо от возраста должны были иметь мужей. Девочек выдавали замуж до рождения или же сразу после него. Вполне понятно, что реальная супружеская жизнь начиналась для них гораздо позднее. По сообщению Ч. Харта девушка переходила жить к мужу только в возрасте 14 лет. До этого она жила с родителями. Поэтому Ч. Харт именует формальное вступление девочки в брак помолвкой (P 14–16).

Но в Европе помолвка и вступление в брак — два разных акта. У тиви был только один — вступление в брак. И понятие помолвки Ч. Харт вводит только для того, чтобы отличить вступление в брак от реального начала супружеской жизни. Он одинаково именует женами и девочек до 14 лет, и взрослых женщин, но чтобы отличить вторых от первых он вводит термин «жены-резиденты». Можно называть первых — потенциальными женами, вторых — реальными женами.

Если у женщины умирал муж, то ее сразу же снова выдавали замуж. Если она была девочкой, то снова оказывалась в положении потенциальной жены. Взрослая женщина, разумеется, сразу же становилась реальной женой нового мужа. В первом случае Ч. Харт снова говорит о помолвке, во втором — о заключении нового брака (Hart and Pilling, 1960. P. 14–17).

Но если все женщины в обязательном порядке имели мужей, то среди мужчин в браке состояла лишь часть. При этом имеются в виду не все вообще представители мужского пола, а лишь те, что достигли половой зрелости. У тиви только часть взрослых мужчин имела жен. И это было совершенно неизбежно, ибо у островитян царил полигиния, причем такая, при которой число жен у отдельных мужчин могло превышать два десятка. Известны случаи, относящиеся к XIX веку, когда мужчины имели по 20, 22, 25 и даже 29 жен. Но и в 20-х годах XX в., когда уже начало сказываться влияние миссионеров, активно борющихся против многоженства, отдельные мужчины имели по 10, 11, 12 жен. В 1930 г. у одного из них — Ту-унталуми была даже 21 жена (Р. 17).

Вполне понятно, что большое число жен имели очень немногие из женатых мужчин. Остальные вынуждены были довольствоваться меньшим числом. Все без исключения мужчины, имевшие много жен, были старыми или даже очень старыми людьми (Р. 36). Ту-унталуми, который имел в 1930 году 21 жену, было в то время около 70 лет (С. 17). Умер он в 1935 г.

У тиви было достаточно отчетливое понятие богатства. И оно по их представлениям заключалось прежде всего в большом числе жен. Чем больше жен было у человека, тем он был богаче. Богатство давало человеку силу, престиж и влияние. В свою очередь престиж и влияние обеспечивали дальнейшее накопление богатства. Богатых и влиятельных людей Ч. Харт называет бигменами, т. е. большими людьми (Р. 18, 40 и др.).

Но за последним термином в этнографической литературе уже установился достаточно определенный смысл, причем более широкий, чем тот, который в него вкладывает Ч. Харт. Исходя из характеристики последним общественного порядка у тиви как геронтократии, можно назвать существовавших у них богатых и влиятельных людей *геронтократами*. В каждой общине было по 2–3 геронтократа, а во всем племени число их не превышало 20 (Р. 50). И это незначительное меньшинство располагало подавляющим большинством женщин (Р. 77).

Хотя общины у тиви исследователи называют локальными группами и даже ордами, не все их члены жили в одном месте. Общины подразделялись на несколько групп людей, которые во многом являлись вполне самостоятельными экономическими единицами. На первых страницах монографии Ч. Харт заявляет, что такими единицами были семьи, каждая из которых состояла из мужа, жены или жен, детей и определенного числа добавочных лиц. Эти семьи были одновременно и домохозяйствами. Все продукты, добытые членами семьи, поступали в один фонд, находившийся в распоряжении ее главы. Члены семьи совместно ели и спали в одном месте. Размеры семей были различными. Самыми крупными были семьи, возглавляемые геронтократами. Они одновременно были и наиболее обеспеченными (Р. 32–36).

Главной рабочей силой в обществе тиви были женщины. Чем больше в семье было жен, тем больше производилось в ней продукта, прежде всего пищи. Большие семьи были наиболее эффективными производящими единицами. Меньшие семьи были обеспечены хуже. Поэтому существовала тенденция группировки нескольких небольших семей вокруг одной крупной (Р. 32–36). Не существовало обязанности дележа пищи между членами разных семей, принадлежавших к одной общине. Лишь на чисто личной основе члены крупных семей могли давать пищу пришедшим в гости членам небольших семей (Р. 36).

Но если на первых страницах работы Ч. Харт говорит о том, что каждая семья представляла собой самостоятельную экономическую ячейку, то на последующих — об экономических единицах, включавших в свой состав несколько семей (Р. 65–67). Он называет их *истеблишментами*. Каждый такой истеблишмент представлял собой «пищепроизводящую и пищепоглощающую единицу» (Р. 65).

Но термин «истеблишмент» Ч. Харт употребляет для обозначения не только многосемейных экономических единиц. Точно также он начинает называть и односемейные экономические ячейки (Р. 65). В дальнейшем изложении экономические ячейки общества тиви будут именоваться домохозяйствами с различием среди них многосемейных и односемейных.

Многосемейные домохозяйства обычно состояли из одной большой семьи и нескольких примкнувших к ней малых семей. В таком случае геронтократ, возглавлявший большую семью, был одновременно и главой всего многосемейного домохозяйства. Однако были домохозяйства, состоявшие из семей двух братьев, примерно равных по положению.

Община Малауила численностью в 109 человек состояла из 7 домохозяйств, из которых 4 были многосемейными, 3 — односемейными. В состав одного из многосемейных домохозяйств входило 32 человека, в состав другого — 31. В остальных пяти домохозяйствах насчитывалось всего 46 человек (соответственно — 15, 11, 8, 6 и 5).

Из 35 реальных жен (молодых и старых) в состав первого крупного домохозяйства входило 16, т. е. около половины всех реальных жен, в состав второго — 8, что вместе составляло 65,7 %. В остальных пяти домохозяйствах было лишь 11 жен. Еще более разительная картина обнаруживается, когда мы принимаем во внимание лишь молодых жен. Всего их в общине было 23. Из них к первому крупному домохозяйству принадлежало 11, т. е. почти половина, ко второму — 7, что вместе составляет 78 % всех молодых жен. На все остальные пять домохозяйств приходилось всего лишь 5 молодых жен, причем в двух из них молодых жен вообще не было.

Главе первого крупного домохозяйства — Ку-ин-куми было 66 лет. У него было 12 реальных жен, что составляет более одной трети всех реальных жен общины. Он был геронтократом в самом полном смысле

этого слова (Р. 66–68). Ступенькой ниже его находились два брата, возглавлявшие второе крупное домохозяйство. Им было по 60 с лишним лет (Р. 65–67).

Заветной мечтой каждого мужчины тиви было стать геронтократом, главой возможно более крупного домохозяйства. Это означало обладать богатством, силой, престижем, влиянием (Р. 67). Только крупное домохозяйство было способно создавать большой избыточный продукт, который обеспечивал его главе возможность совсем не участвовать в добычании пищи. В результате последний имел много свободного времени, что позволяло ему активно участвовать в иных сферах жизни. Располагая большим количеством избыточного продукта, он мог давать дары другим людям и устраивать большие пиры (Р. 52, 77).

Но главным богатством были женщины. Последние были богатством во многих отношениях и во многих смыслах. Женщины у тиви были основными производителями жизнеобеспечивающего и, что особенно важно, избыточного продукта. Женщины являлись богатством и в том смысле, что были сконцентрированы в руках небольшой части общества. Ведь богатство всегда есть достояние только части общества. Богатству в руках одной части общества всегда противостоит его отсутствию у другой части общества.

Значительная часть мужчин в течение длительного периода, а, может быть, и всей жизни была лишена жен (Р. 29, 36). Они не могли создать семьи, а тем самым и собственного домохозяйства. В таких условиях им ничего другого не оставалось, как работать в домохозяйствах, возглавляемых другими людьми, прежде всего, конечно, геронтократами. Тем самым последние получали в свое распоряжение рабочую силу не только женщин, но и значительного числа мужчин.

Особую ценность у тиви представляли молодые реальные жены. В отличие от старых жен они были способны не только работать в хозяйстве, но и рожать девочек (Р. 24). Девочки были в полном распоряжении главы семьи. Он, и только он решал вопрос, за кого именно выдать их замуж (Р. 53). И от его решения многое зависело в жизни других мужчин.

В получении девочки в жены были заинтересованы все мужчины. И те, которые совсем не имели жен, и те, у которых все жены были старыми, и, наконец, те, у которых было много жен, не исключая молодых. Для одних это открывало единственную дорогу, ведущую к статусу геронтократа, для других — означало дальнейший рост богатства и престижа.

Все это делало отца девочки очень влиятельным человеком. Если он выдавал девочку замуж за человека, находящегося в точно таком же положении, то мог рассчитывать в свою очередь получить от него дочь. Если человек, за которого отец девочки выдавал ее замуж, не мог ответить тем же самым, то он оказывался в зависимости от тестя. Он становился, как выражается Ч. Харт, его сателлитом, приверженцем, приспешником, подручным (Р. 67, 76–77).

И эта зависимость длилась долго, ибо девочка могла превратиться из потенциальной жены в реальную только через 14 лет. Стремясь заручиться расположением тестя, не дать ему повода для расторжения брака, человек нередко переходил в его домохозяйство, где начинал трудиться под его началом. Каждый геронтократ имел массу зависимых от него мужчин, причем формы этой зависимости были разными. Одни из них жили в его домохозяйстве, другие — находились вне его домохозяйства и даже общины (Hart and Pilling, 1960. P. 72–76; Hart, 1970. P. 301–302).

Как уже указывалось, страстным желанием каждого мужчины у тиви было добиться положения геронтократа. Однако только очень немногим удавалось его реализовать. Чтобы выбиться в геронтократы или даже приблизиться к этому положению, нужно было посвятить реализации этой цели всю взрослую жизнь.

Рисуя картину жизненного пути мужчины тиви, Ч. Харт иногда противоречит самому себе. С одной стороны, он утверждает, что у тиви мужчины до 28 и даже 30 лет совсем не имели жен (P. 29, 36). С другой, он пишет, что тот или иной геронтократ из массы юношей в возрасте 25 лет выбирал наиболее обещающего молодого человека и выдавал за него дочь. Его примеру следовали другие геронтократы, и как следствие такой юноша становился мужем нескольких потенциальных жен. В результате ему открывалась дорога в геронтократы. Каждое поколение геронтократов определяло состав тех, кто придет им на смену (P. 16, 77).

Вероятно, говоря о возрасте 25 лет, Ч. Харт говорит не столько об обычном порядке, сколько о пределе, ниже которого брак для мужчины был абсолютно исключен. Обычно первых потенциальных жен самый удачливый молодой человек получал все же позднее, в возрасте около 30 лет или даже старше. Во всяком случае, среди 7 мужчин общины Малауила, находившихся в возрасте от 21 года до 30 лет, 6 совсем не имели жен. Один был женат на дряхлой женщине, но это шло вразрез с традицией и было связано с европейским влиянием (P. 54).

Но даже если юноша в 25 лет получал потенциальную жену, она могла стать его реальной женой не раньше, чем ему исполнялось 40 лет (P. 16). А у менее удачливых его сверстников не было даже такой надежды. Трудно сказать, были ли у тиви вечные холостяки. Об этом Ч. Харт не говорит ни слова. Но он считает нормой, что мужчины, достигшие возраста 30 лет, вступали в брак, но только с вдовами, причем очень преклонного возраста (P. 25).

В обществе тиви, когда девочка достигала 14 лет и превращалась из потенциальной жены в реальную, ее мужу было самое малое 40 лет. А чаще всего он был значительно старше. Поэтому в норме она раньше или позже становилась вдовой. Это обычно происходило в течение ближайших 15 лет. И после смерти мужа вдова должна была немедленно вступить в новый брак. В связи с этим нужно отметить, что смерть геронтократа с неизбежностью означала конец его домохозяйства. Оно распадалось.

Пока вдова была молода, она почти неизбежно становилась женой влиятельного человека: геронтократа или мужчины, близкого к такому положению. Если ее выдавали замуж за сверстника прежнего мужа или человека еще более старого, она в скором времени вновь становилась вдовой и вновь выходила замуж. При этом все повторялось (Р. 18–19). В среднем женщина у тиви последовательно имела не менее трех мужей. Она обычно умирала, будучи замужем за четвертым (Hart, 1970. Р. 296).

Когда женщина старела, она постепенно теряла ценность для геронтократов и вообще влиятельных людей. Они не стремились во что бы то ни стало залучить ее. В результате она могла стать женой и молодого человека, не обладавшего престижем и влиянием. И мужчины в возрасте от 30 до 40 лет, если и имели реальных жен, то только старух. А некоторые из них всю жизнь имели только таких жен.

Вступая в некоторое противоречие со сказанным им ранее, Ч. Харт утверждает, что годы от 30 до 40 были решающими в жизни мужчины. Именно в это время определялось, пробьется он в геронтократы или на всю жизнь останется неудачником.

Счастлив был тот мужчина, который имел сестер и у которого была жива мать. Когда они становились вдовами, он имел право голоса при выдаче их замуж. Вопрос о браке девочки-младенца всецело решался отцом. Он распоряжался ею как вещью. Когда выдавалась замуж взрослая женщина, то решение вопроса о том, кто будет ее новым мужем, зависело от целого ряда людей, не только от отца, если он был жив, или нового мужа ее матери, но и от братьев и сыновей. К тому же, чем старше становилась женщина, тем больший вес приобретал ее собственный голос (Hart and Pilling, 1960. Р. 53, 71).

Способствуя выдаче замуж матери и сестер за тех или иных людей, мужчина тем самым ставил их в положение должников. В ответ он нередко получал в жены либо девочку, либо взрослую женщину, ставшую вдовой. Если человек, получивший в жены его мать или сестру, не мог ответить тем же, он обязан был возместить эту услугу каким-либо иным способом. Он превращался в его союзника или даже сателлита. Путем умелого манипулирования женщинами человек в возрасте до 40 лет окружал себя друзьями, союзниками, сателлитами и, соответственно, приобретал все большее влияние и престиж. Все это давало ему возможность обзаводиться все большим числом жен, потенциальных и реальных (Hart and Pilling, 1960. Р. 52, 53, 56, 72).

После 40 лет в домохозяйство удачливого человека начинали приходить молодые жены из числа тех, с которыми он был помолвлен в возрасте после 25 лет. Самое раннее в возрасте 45 лет у него появлялись дочери, которыми он мог полностью распоряжаться (Р. 72). Все это резко усиливало его положение. Дочерей он использовал как для выполнения прежних обязательств перед другими мужчинами, так и для создания новых обязательств, но уже в свою пользу. В результате

у него появлялись все новые и новые потенциальные жены. И этот процесс продолжался всю жизнь. У семидесятилетнего Ту-унталуми из 21 жены, которые он имел в 1930 г., 7 еще не достигли возраста 14 лет, а две из них были еще младенцами (Р. 17).

После появления у мужчины дочерей, которыми он мог распоряжаться, постепенно исчезала его зависимость от более старших. Зато в зависимость от него попадало все большее число мужчин возрастом моложе, чем он (Р. 72).

За положение геронтократа шла упорная борьба. И только самые оборотистые и удачливые побеждали соперников и приходили к желаемому финишу. Ч. Харт сравнивает эту ситуацию с непрерывной карточной игрой, главными козырями в которой были женщины. И только очень немногие могли в ней выиграть (Р. 52).

Таким образом, общество тиви характеризовалось резко выраженным социальным неравенством. Поэтому оно ни в коем случае не может быть отнесено к числу раннепервобытных. В нем уже существовал доминарный образ эксплуатации в двух своих вариантах: приживальческом и бракоприживальческом. Как видно из всего сказанного, взрослые мужчины, работавшие в домохозяйстве геронтократа, в большинстве своем были приживальщиками. Приживалами были и жены геронтократов. Они ценились не столько как половые партнеры, сколько добытчики, производители пищи. Как подчеркивал Ч. Харт, «социальные аспекты брака с необходимостью были подчинены его пищепроизводящим аспектам» (Р. 35).

Основой и приживальчества, и бракоприживальчества у тиви была частная собственность, но не на средства производства, а на женщин. Монополия на женщин части общества или, выражаясь словами Ч. Харта, концентрация женщин в руках небольшого числа стариков (Р. 77) давала этому меньшинству возможность и эксплуатировать другую часть общества, и осуществлять свою власть над ней. В соответствии с этим Ч. Харт характеризовал существующий у тиви общественный порядок одновременно и как геронтократию, и как олигархию (Р. 77).

Отношения эксплуатации выросли в нем на базе престижной экономики. Поэтому только использование понятий, относящихся к ней, дает ключ к проникновению в сущность изучаемых отношений.

Как в любом обществе с престижной экономикой, между общинами тиви происходил непрерывный обмен материальными ценностями. И этими ценностями были женщины. У тиви женщины выдавались замуж за членов общин, иных, чем те, к которым они принадлежали по рождению. И эта выдача женщин замуж в другие общины была не чем иным, как дарением. В определенной степени это осознает и Ч. Харт. В монографии он постоянно как синоним слова «помолвка» («betrothal») употребляет слово «дарение» («bestowal»). В другой, более поздней работе он использует только последнее слово (Hart, 1970). Обладание женщинами и манипулирование ими давало человеку престиж.

Женщины были не просто ценностями. Они являлись престижными ценностями. Обладание многими женщинами и манипулирование ими было не просто богатством, а престижным богатством.

Дарение женщины, как и всякое дарение, престижное прежде всего, ставило одаряемого в положение должника. Он был обязан дать в ответ такой же дар, т. е. такую же женщину, причем этот отдар мог быть сделан спустя много времени. Если он этого не делал, то оказывался в зависимости от дарителя и был вынужден отрабатывать свой долг каким-либо другим способом.

То, что выдача женщин замуж была у тиви экономическим, точнее, престижно-экономическим явлением, в какой-то степени осознает и Ч. Харт. Он не ограничивается применением для обозначения выдачи женщины замуж термина «дарение». В одном из мест работы он характеризует женщин как главную «валюту», используемую мужчинами в борьбе за престиж и влияние (Р. 52). Вслед за этим он особо подчеркивает, что мужчины тиви ценили женщин не столько как половых партнеров, сколько как политический капитал, который вкладывается (инвестируется) для приобретения благорасположения других людей (Р. 52). Особое значение имели дочери. Для отца они представляли активы, авуары, которые он вкладывал (инвестировал) для того, чтобы обеспечить свое благосостояние (Р. 15). Вступление мужчины в брак со все новыми и новыми женами Ч. Харт характеризовал как «накопление» (Hart and Pilling, 1960. Р. 17–18; Hart, 1970. Р. 299). Он отмечал, что подобно тому, как богатство привлекает богатство, капитал порождает капитал, наличие у человека большого числа жен обеспечивает дальнейшее увеличение их количества (Р. 17). Что же касается происходившей после смерти геронтократа выдачи его вдов замуж, то Ч. Харт называл это «распределением» (Р. 17).

Трудно сказать, был ли Ч. Харт знаком с понятием престижной экономики. Но если нет, то он сам самостоятельно пришел к нему на основе изучения общества тиви. Глава, в которой рисуется борьба мужчин за положение геронтократа, носит название «Система престижа и влияния» (Р. 51).

Достаточно четкая характеристика своеобразной престижной экономики тиви дана в кратком введении в книге Ч. Харта и А. Пиллинга, написанном Дж. Спиндлером и Л. Спиндлер. «Перед нами, — подчеркивали они, — исследование системы влияния и власти, основанной на очень странном средстве обращения. Этим средством обращения являются женщины. Новорожденные малютки, зрелые женщины, беззубые старые ведьмы — все они в понимании тиви являются ценностями. Так как мужчины борются за престиж и влияние путем достижения контроля над женщинами, последние ценятся как редкостные вещи» (см.: Hart and Pilling, 1960. Р. V).

Наряду с крайне своеобразной престижно-экономической системой, в которой в качестве даров и престижных ценностей циркулировали женщины, у тиви существовала и обычная престижная экономика.

Ч. Харт указывает, что геронтократы использовали избыточный продукт, созданный в их домохозяйствах, для дарения другим людям и для организации больших сборищ, на которых они старались не ударить в грязь лицом (С. 52). О дарах он больше не говорит ни слова. О дароторжествах сообщает больше.

Как и у многих других народов эти дароторжества были связаны со смертью того или иного человека. Когда человек умирал, его сразу погребали без особых церемоний. Последние совершались спустя довольно много времени после смерти, иногда даже через год и больше. Связано это было во многом с тем, что для церемонии нужно было накопить много пищи, чтобы в течение 5–6 дней кормить гостей. Особенно торжественными были церемонии, связанные со смертью геронтократов. Так, на церемонии, посвященной памяти геронтократа Тамбо, которая состоялась в мае 1929 г., прибыли члены четырех общин. Общее число участников превышало 400 человек (С. 40).

Церемонией всегда руководил один из близких родственников покойного. Он выступал либо от имени ближайшей его родни, либо, если был геронтократом, от своего собственного. Он стремился к тому, чтобы во время церемониального пира проявилась такая щедрость, такая расточительность, какая только была возможна. Это делалось им для того, чтобы подчеркнуть свою важность (Hart and Pilling, 1960. P. 92). Он старался всеми этими мерами повысить свой престиж или «по крайней мере, не потерять основу, необходимую для влияния и для гонки за престижем» (P. 92).

Кроме описанных выше, существовали церемонии, связанные с инициациями, — *колема*. На них тоже собирались массы людей и длились они две недели. Но никаких подробностей Ч. Харт не приводит. Самое активное участие во всех церемониях принимали геронтократы. Каждый из них в течение года посещал не менее 6 таких торжеств. Менее важные мужчины, а также женщины принимали участие в меньшем их числе (P. 37).

Дополнить представление о дароторжествах у тиви помогают материалы, собранные Ч. Маунтфордом в 1954 г. К этому времени брак у тиви в результате европейского влияния вообще, воздействия миссионеров в первую очередь, стал моногамным (Hart and Pilling, 1960. P. 108–109; Hart, 1970. P. 297). Исчезла полигиния, а вместе с ней и геронтократия. Это означает, что вся традиционная экономическая система тиви была разрушена. Однако дароторжества, связанные с поминовением мертвых, все еще продолжали сохраняться.

Они носили название *лукамуни*. Перед началом церемонии ее руководитель посылал вестников в другие общины обоих островов, чтобы пригласить их членов принять участие (Mountford, 1958. P. 68, 69). Вестники несли с собой особые жезлы, которые существовали с незапамятных времен. Собравшиеся на церемонию отчетливо делились на две группы: 1) хозяев и одновременно близких родственников

покойного и 2) гостей, среди которых были и его дальние родственники (Р. 70). Такое деление участников церемонии на две группы было отмечено еще Б. Спенсером (Spencer, 1914. Р. 46; 1928. Р. 911).

Из числа гостей выбирались люди, которые должны были установить на могиле погребальные столбы. Ч. Маунтфорд называет их «работниками». Хозяева собирали и готовили много пищи. Она предлагалась только «работникам». Для хозяев эта пища была табу. Получив пищу, работники ее ели (Mountford, 1958. Р. 72, 77). Спустя месяц после первой поминальной церемонии происходила вторая, которая длилась два дня. На ней хозяева дарили работникам различного рода вещи как плату за их услуги (Р. 81, 86, 88).

По утверждению Ч. Маунтфорда подобного рода церемонии не имеют параллелей в Австралии и вообще, насколько ему известно, где бы ни было в мире (Р. 178). Возможно, в части, относящейся к Австралии, это утверждение верно. Что же касается остального мира, то церемонии иногда до деталей сходные обнаруживаются у индейцев Аляски и северо-западного побережья Северной Америки.

Как уже говорилось, у верховых танана покойника обязательно погребали люди иной, чем он, фратрии. На потлаче, данном в честь покойного, последние присутствовали в качестве почетных гостей и получали дары как вознаграждение за службу. Члены рода покойного не получали ничего.

У тлинкитов, у которых как и у тиви существовали материнские роды, сгруппированные в три экзогамные фратрии, покойника всегда погребали члены другой фратрии. Родичи покойного устраивали пир, на котором угощали «работников». Через год или около этого устраивалась новая церемония, во время которой члены этой фратрии воздвигали на могиле тотемный столб или — уже после длительного контакта с европейцами — надгробный камень. После этого устраивался потлач, на котором все участвовавшие в погребении и установлении намогильного столба получали в качестве вознаграждения за работу различного рода дары (Oberg, 1973. Р. 23, 82–83).

Вероятно и у тиви объектами престижного дарообмена первоначально были только вещи и пища. В дальнейшем в этот обмен были втянуты женщины. Когда обмен ими стал монополией незначительного меньшинства общества, возникли бракоприживальчество и приживальчество. В результате обмен пищей и вещами стал отходить на задний план и постепенно угасать. Сходная картина наблюдается у толова и юроков, у которых возникла монополия небольшой части общества на престижные ценности.

Всю жизнь общества тиви пронизывал антагонизм между геронтократами и массой молодых мужчин. Существование бок о бок в одних и тех же домохозяйствах, с одной стороны, множества молодых неженатых мужчин, с другой, множества молодых женщин, мужья которых находились в весьма преклонном возрасте, причем один такой престарелый муж приходился на целую их группу, создавало серьезные

проблемы. Геронтократы прилагали все усилия, чтобы держать молодых мужчин в стороне от своих жен.

Во время инициаций, которые начинались, когда мальчикам исполнилось 14 лет, и завершались, когда юноши достигали возраста 24 лет, на молодых людей на всю их дальнейшую жизнь накладывались обязательства по отношению к тем, кто их инициировал, т. е. по отношению к старым людям. Первые становились патронами, а вторые — их сателлитами. Во время инициаций юношей на долгое время изолировали от остального общества. Диктовалось это прежде всего стремлением держать их подальше от молодых женщин (Hart and Pilling, 1960. P. 93–95). Но ничего не помогало. Связи между молодыми неженатыми мужчинами и женами геронтократов были самым обычным явлением. Об этом говорит, в частности, тот факт, что молодые женщины регулярно беременели, какими бы престарелыми не были их мужья. Когда связь между молодым человеком и женой геронтократа вскрывалась, возникал открытый конфликт. Оскорбленный муж апеллировал к общественному мнению и вызывал обидчика на своеобразную дуэль, во время которой он метал копья в последнего, а тот должен был увертываться.

Вообще для жизни тиви были характерны бесконечные ссоры, драки, дуэли. И в 90 % случаев в основе их лежали столкновения из-за женщин (P. 36–37, 79–81). Эти конфликты могли приводить к убийствам. Последние были у тиви более частым явлением, чем в других обществах аборигенов. За 10 лет (1892–1902 гг.) у тиви, которых тогда насчитывалось около 1000 человек, произошло 45 убийств, в то время как в Арнемленде, где жило 3000 аборигенов, за 20 лет было убито 200 человек (Verbrux, 1993. P. 3–4).

По словам Ч. Харта, геронтократы «как класс» идеальным считали порядок, при котором бы все остальные мужчины всю жизнь оставались холостяками (P. 18). Но в таком случае первые не смогли бы удержать в повиновении последних. И сознание этого вынуждало геронтократов предоставлять какую-то, очень незначительную часть женщин в распоряжение тех, кому не удалось выбиться наверх. Только таким способом можно было сохранить хотя бы относительное спокойствие (Hart and Pilling, 1960. P. 77). Что же касается женщин, то их принуждали к повиновению прямым, грубым насилием. Мужья их избивали и часто, и жестоко (P. 53).

Как отмечал Ч. Маунтфорд, орудия у тиви были очень примитивными, менее совершенными, чем у многих племен на материке (Mountford, 1958. P. 184). И если они тем не менее сумели подняться до стадии первобытно-престижного общества, то это во многом связано с благоприятными природными условиями. Исследователи говорят о необычайном богатстве природных ресурсов у тиви, которые позволяли им в течение круглого года создавать не только жизнеобеспечивающий, но и избыточный продукт (Harney and Elkin, 1945. P. 234; Hart and Pilling, 1960. P. 6, 34–35, 79; Goodale, 1982. P. 197–200).

Общество тиви не представляет собой абсолютно уникального явления. Если не полностью такие же, то очень сходные порядки наблюдались и у некоторых других племен Австралии. Наиболее изучены они у ваниндильяутва, которые жили на о. Грут-Айленд, расположенном к востоку от полуострова Арнемленд. Исследования велись Фридериком Роузом в 1941 г., когда обитатели острова, за небольшим исключением, все еще вели традиционный образ жизни (Rose, 1960; Роуз, 1989). Девочку здесь выдавали замуж или, как выражается Ф. Роуз, «обещали» выдать замуж за определенного человека еще до рождения. Переходила она жить к мужу, когда ей исполнялось 8–10 лет. Результатом был большой разрыв между возрастными мужа и жены. Мужчина обычно получал первую реальную жену, когда достигал 30 лет, а то и позже. Часть мужчин в возрасте свыше 30 и особенно 40 лет имели не одну, а несколько жен. В результате и здесь наблюдалась известная концентрация женщин в руках сравнительно небольшого числа старших мужчин (1960. Р. 63–69; 1989. С. 149–155). Все это очень напоминает тиви.

Но существовали и различия. Если ни один мужчина в возрасте от 16 до 20 лет не обладал ни одной реальной женой, то из 21 мужчины в возрасте от 21 до 30 лет 6 имели по одной жене каждый, а 3 — даже по две (Rose, 1969. Р. 69). «Обещали» жену юноше обычно в возрасте 18–20 лет. Хотя на Грут-Айленде и отмечены случаи, когда жена была старше мужа, но не было ни одного брака очень старой женщины (60 лет и более) с мужчиной в возрасте 20–30 лет. В отличие от тиви не все вдовы обязательно выходили замуж. Число жен у одного мужчины не превышало 6. И, наконец, после 51 года число жен у мужчин не возрастало, а уменьшалось (1960. Р. 69, 79; 1989. С. 149–155). В целом, как замечает Ф. Роуз, монополия на женщин принадлежала на Грут-Айленде не самым старым мужчинам, а тем, кому было от 30 до 50 лет (1960. Р. 91).

Таким образом, у ваниндильяутва намечалась тенденция движения по тому же пути, которая завершилась появлением общества подобного тому, что существовало у тиви, но она не получила полного развития. И, тем не менее, у островитян Грут-Айленда наблюдалось появление приживальчества. Приживалами становились, во-первых, мальчики в возрасте от 9 до 17–18 лет, которые в обязательном порядке отдавались под опеку взрослых мужчин, иных, чем их отцы, во-вторых, юноши в возрасте свыше 18 лет, которым «обещали» в жены девочку, чаще всего еще не родившуюся. Первый институт миссионеры характеризовали как «рабство мальчиков» (1960. Р. 20, 83; 1989. С. 150–153).

Еще в более ослабленной форме явление, которое именуется полигинно-геронтократическим браком, геронтократической полигинией или даже просто геронтократией, более или менее детально описано Мервином Меггиттом у валбири (Meggitt, 1965). При этом последний

ограничивается исключительно лишь семейно-брачными отношениями, совершенно не касаясь экономики.

В значительно большей степени, чем у ваниндильяутва и валбири, геронтократическая полигиния была развита у йолнгу (мурнгин) Арнемленда. У них среди 134 мужчин старше 21 года 49 вообще не имели жен. Зато три мужчины в возрасте от 61 до 70 лет имели, соответственно, 6, 8 и 9 жен, а один мужчина в возрасте от 50 до 59 лет обладал 10 женами. Среди мужчин в возрасте до 50 лет лишь один имел 5 жен, все остальные довольствовались меньшим их числом (Кеа, 1982. Р. 622). У этой группы известен случай, когда мужчина имел 29 жен (Р. 619). К сожалению, и в данном случае исследователь ограничивается лишь семейно-брачными отношениями.

Но, кроме более или менее детальных научных исследований, существует немало отрывочных сведений о геронтократической полигинии в Австралии. «Во внутренних и, вероятно, в северных прибрежных районах, — писал Э. Эйлман, — брачные отношения кажутся совершенно странными. Так 18–25-летние мужчины либо совершенно не имеют жен, либо по возрасту жены вполне годятся им в бабушки. В то же время самые старшие мужчины, пользуясь наибольшим влиянием в обществе, имеют больше всего жен, среди которых можно встретить как очень старых женщин, так и девочек-подростков» (Eylman, 1908. S. 131). Дж. Лав сообщает, что у вора плато Кимберли юноши женятся на старых женщинах, годящихся им в бабушки (Love, 1936. Р. 96). По утверждению Т. Уэбба, у аборигенов Арнемленда обычным является, когда мужчина в возрасте 50–60 лет женат на девочке 14–15 лет (Webb, 1944. Р. 27).

В работе Эдуарда Миклсуайта Карра (1820–1889) «Австралийская раса, ее происхождение, языки и обычаи», посвященной во многом аборигенам южных районов Австралии, говорится: «Мужчины могут иметь жен, если им удастся получить их, обычно после... 18 лет, когда они достигают статуса молодых мужчин. Нередко случается так, что женой 50-летнего мужчины является 8-летняя девочка» (Carr, 1886 Р. 107). Спустя несколько страниц, он снова возвращается к этой теме: «Результатом брачных обычаев чернокожих являются совершенно неподходящие в возрастном отношении союзы. Часто можно увидеть старых мужчин с женами-девочками и молодых мужчин, состоящих в браке со старыми вдовами. Как правило, мужчина не может получить жену по крайней мере до 30 лет...» (Р. 110). А. Ле Суф писал об аборигенах Виктории: «Полигамия универсальна: но обычно старые люди племени имеют наибольшее число жен. Причина состоит в том, что они обменивают своих дочерей на юных жен для себя» (Le Souef, 1873. Р. 291). Что же касается сообщений об «обещании» девочек в жены сразу после рождения или еще до него, об очень позднем браке мужчин и о резком разрыве между возрастными супругами, то они повсеместно встречаются в австраловедческой литературе.

Все это вместе взятое дает основание полагать, что тиви не были редчайшим исключением. По пути к геронтократическому варианту первобытно-престижного общества шло развитие целого ряда других племен Австралии, а некоторые из них, возможно, и достигли этой стадии эволюции.

Иными являются взгляды Ф. Роуза. Исходя из данных, подобных приведенным выше, а также общих рассуждений, он пришел к выводу, что полигинно-геронтократический брак является типичным для всей Австралии (Роуз, 1989. С. 146, 154–155). Редкость полигинии у тех или иных племен является, по его мнению, результатом контактов с европейцами (Rose, 1960. P. 96–97; 1965. P. 6, 54, 81). К выводу о том, что данная форма брака была общеавстралийским явлением, склоняется М. Меггитт (Meggitt, 1965. P. 156).

Однако согласиться с ними вряд ли возможно. В свое время с обоснованной критикой построений Ф. Роуза выступил Дж. Лонг. Сопоставляя данные о питьянтъяра, пинтупи и валбири, он показал, что у первых двух племен полигиния и в прошлом была значительно менее распространена, чем у последнего (Long, 1970. P. 293–303). Это вполне согласуется с материалами Р. М. и К. Х. Берндтов (Berndt and Berndt, 1943. P. 278–279) и А. Енгояна (Yengoyan A. A., 1970. P. 89).

А. Гамильтон категорически утверждает, что в Западной пустыне Австралии полигиния была хотя и возможной, но крайне необычной. Наличие у мужчины двух жен было исключительным явлением, а трех — поразительным (Hamilton, 1980. P. 9). Имеются многие свидетельства о том, что и в доконтактные времена полигиния в этой области была редкостью (Hilliard, 1968).

Рассматривая полигинно-геронтократический брак как явление типичное для Австралии, Ф. Роуз одновременно относит всех аборигенов к стадии первобытно-общинного строя. Поэтому он категорически выступает против трактовки геронтократической полигинии как системы эксплуатации старыми мужчинами женщин и молодых мужчин, хотя признает, что истолковать ее таким образом очень легко (Роуз, 1989. С. 30, 250). Единственный его основной довод против такой интерпретации заключается в том, «что то, что на первый взгляд может представиться эксплуатацией женщин, в конечном счете оказывается обоснованным хозяйственной необходимостью» (С. 250). Но ведь несомненно, что возникновение на определенном этапе развития общества эксплуатации всегда диктовалось не чем иным, как экономической, а тем самым и хозяйственной необходимостью. Таким образом, то, что он говорит, — не аргумент. И все попытки Ф. Роуза конкретизировать это положение мало что дают (С. 30, 66–67, 149–153, 250–251).

Понимание того, что в случае с геронтократической полигинией мы сталкиваемся с господством одной части общества над другой, более того, с эксплуатацией одной частью общества другой, все в большей степени проникает в умы зарубежных австраловедов. Дж. Берн-

как и Ф. Роуз, считает геронтократию типичной для общества аборигенов Австралии. Отсюда он делает вывод, что характерной чертой аборигенного общества (или, как он сам выражается, австралийской аборигенной социальной формации) является существование отношений господства и подчинения. Доминирующей группой в этом обществе являются зрелые мужчины, подчиненной — молодые мужчины и женщины. Хотя Дж. Берн и считает себя марксистом, но основу господства зрелых мужчин он ищет в сфере религии и ритуала. Впрочем, эту точку зрения он не выдерживает до конца последовательно. В господстве старших мужчин над женщинами Дж. Берн видит одно из тех зерен, из которых в дальнейшем развилось классовое общество (Bern, 1979).

Л. Хайэтт идет еще дальше. Обращаясь к анализу системы геронтократической полигинии, он прямо характеризует стариков как «господствующий класс», «привилегированный класс», а всех остальных как «непривилегированный класс или классы» (Hiatt, 1968. P. 37, 39).

Каждому, кому приходилось знакомиться с западной австраловедческой литературой, не может не броситься в глаза наличие в ней прямо противоположных трактовок чуть ли не всех сторон жизни аборигенов. Одни, ссылаясь, разумеется, на факты, говорят о крайнем демократизме аборигенного общества, о полном отсутствии в нем лидеров. Другие, тоже ссылаясь на факты, пишут о существовании у австралийцев мощных вождей, получающих власть по наследству.

Одни говорят о господстве в аборигенном обществе коммунистических отношений, другие — о присвоении одной частью общества продуктов, создаваемых другой его частью. Одни пишут об эгалитарном характере австралийского общества, другие — о существовании в нем резкого социального неравенства. Одни пишут о равенстве мужчины и женщины, другие о том, что женщины были покорными рабами мужчин (см. обзоры: Pilling, 1968; Edwards, 1987; Keen, 1989; Kolig, 1989 и др.).

Причины некоторых противоречий кроются в неверном истолковании фактов, в раздувании отдельных моментов, в преувеличении или преуменьшении тех или иных сторон действительности. Однако это касается далеко не всех расхождений во взглядах. Все попытки создать единую логически непротиворечивую и в то же время объективную картину аборигенного общества не приводили к успеху. За пределами такой картины всегда оставалось множество фактов, которые в нее явно не укладывались.

И это было неизбежным. Все дело в том, что никакого единого аборигенного общества, изображению которого посвящено немалое число работ (Токарев, Толстов (ред.) С. 99–271; Элькин, 1952; Берндт и Берндт, 1981; Madock, 1974 и др.), не существовало. Различные племена Австралии к моменту контакта с европейцами находились на разных ступенях общественного развития. Одни аборигенные общества были раннепервобытными, другие — позднепервобытными. Поэтому

то, что является совершенно верным по отношению к одним обществам, ложно по отношению к другим.

Непонимание того, что разные австралийские племена находились на разных стадиях развития, во многом обусловлено тем, что австраловеды меньше всего занимались исследованием аборигенной экономики. Экономическая антропология (этнология) в австраловедении так и не прижилась. Даже когда этнографы обращались к общественному производству у аборигенов, они в основном изучали лишь технику, технологию, формы хозяйственной деятельности и организацию труда. Социально-экономическим отношениям внимания почти не уделялось (см.: Berndt and Tonkinson, 1988).

Чтобы правильно подойти к изучению общественных порядков у австралийцев, нужно раз и навсегда отказаться от без конца повторяемого некоторыми нашими отечественными австраловедами утверждения, что все аборигены Австралии, подобно пигмеям и бушменам, находились «на самой ранней из существующих в настоящее время стадий общественно-экономического развития» (Кабо, 1968. С. 224), что они представляют собой «своего рода эталон первобытной культуры, первобытного общества на одном из ранних этапов его развития...» (Кабо, 1989. С. 6).

Не вполне точным является и утверждение того же автора, что «аборигены пятого континента на протяжении по крайней мере 40 тыс. лет развивались почти в полной изоляции от остального мира» (С. 6). Аборигены Северной Австралии от р. Виктория на западе до южного предела залива Карпентария на востоке, прежде всего обитатели Арнемленда, находились в контакте с внешним миром в течение нескольких веков до открытия континента европейцами (см.: Warner, 1932; McCarthy, 1939abc; Berndt and Berndt, 1954 и др.).

В заключение можно заметить, что крупный английский этнолог У. Риверс (1864–1922) считал, что геронтократия, подобная бытовавшей в Австралии, существовала в прошлом и в Меланезии (Rivers, 1914b. P. 59). Однако достаточно убедительных доказательств он привести не смог (см.: Лихтенберг, 1949).

Престижная экономика собирателей, охотников и рыболовов с поздними чифменами и преполитархами

1. Престижная экономика с поздними чифменами

Выше было выделено четыре типа бигменов: (1) бигмены, не пользовавшиеся никакими формами эксплуатации и не создававшие центростремительных систем, — *ранние*, (2) бигмены, создававшие центростремительные системы, которые не доставляли им прибавочного продукта, — *поздние*, (3) бигмены, пользовавшиеся центростремительным методом эксплуатации, — *позднейшие* и (4) бигмены, которые наряду с центростремительным методом применяли также доминарные и иные близкие к ним образы эксплуатации, — *финальные*. Чифмены тоже могли наряду со специфическим для них главарно-приносным образом эксплуатации применять доминарные и другие сходные с ними формы эксплуатации. Соответственно, их можно подразделить на *ранних чифменов*, использовавших только главарно-приносный образ эксплуатации, и *поздних чифменов*, дополнявших его доминарными и другими родственными им формами извлечения прибавочного продукта. Примерами ранних чифменов могут послужить главари южнокалифорнийских индейцев. Как уже указывалось, поздними чифменами были лидеры у ряда территориальных групп танаина Аляски. И это далеко не исключительное явление.

Реконструкция традиционного общества эскимосов чугачей, обитавших в районе залива Принца Уильяма, несовершенна. В ней много пробелов и противоречий. Но несомненно, что у них существовала престижная экономика. Наиболее яркое ее проявление — расточительные *пиры мертвых*. Каждый такой пир требовал столь больших расходов, что лишь богатые деревни способны были его давать. Общины устраивали его поочередно. Длиться каждый такой праздник мог до 2 недель. Гостей обильно угощали. Устраивались развлечения: песни и танцы. В качестве подарков выступали меха, пища (Birket-Smith, 1933. P. 112).

У чугачей были вожди — формальные лидеры, власть которых переходила по наследству. Нет никаких данных, которые позволили бы охарактеризовать их как преполитархов. Однако утверждается, что сами вожди не работали, что на них трудились другие. И бесспорно

существование у чучачей рабства (Р. 92–93, 102). Все это вместе взятое дает достаточное основание для вывода, что вожди чучачей были поздними чифменами.

Другой пример — алеуты Лисьих островов, традиционное общество которых было подробно описано в работе русского миссионера и одновременно выдающегося этнографа Ивана (в монашестве — Иннокентия) Евсеевича Вениаминова (1797–1879), прожившего в Русской Америке 15 лет, «Записки об островах Уналашкинского отдела» (СПб., 1840). У них, несомненно, существовала престижная экономика. То одно, то другое селение организовывало дароторжества, которые И. Вениаминов именует *игрушками* или *торжественными праздниками*. Как сообщает исследователь, для проведения праздника «все и каждый из жителей отдавал почти все, что имеет, особенно съестные припасы, так, что всякий из них после игрушки, непременно голодовал в полном значении этого слова» (С. 85–86). На торжества приглашались обитатели соседних селений. Гостей торжественно встречали, обильно угощали и устраивали для них своеобразные сценические представления и пляски. Праздник длился несколько дней, пока не кончались припасы. В заключение гостей щедро одаривали. Члены общины — хозяйки после праздника оставались нищими, но зато приобретали громкую славу. В роли главного хозяина выступал главарь селения, которого автор называет *тоэном*. Этот главарь, бесспорно, был чифменом, причем поздним.

Алеуты подразделялись на три группы, которые исследователь именует сословиями: (1) почетных, (2) простолюдинов и (3) калгов, или рабов. К почетным относились тоэны и их ближайшие родственники. Только они могли иметь рабов. Тоэн получал также часть добычи или улова каждого из своих подданных. Поэтому он всегда был богаче остальных членов селения.

2. Индейцы северо-западного побережья Северной Америки: потлачи, знать, простолюдины, приживалы, рабы

Северо-Западное побережье Северной Америки простирается от залива Якутата на севере до р. Колумбия на юг. Об индейцах, населявших этот регион, написано огромное количество работ. Прекрасные сводки материалов об их хозяйстве и общественной структуре существуют и на русском языке. Их автор — Юлия Петровна Аверкиева (1960; 1961). Но хотя литература об индейцах северо-западного побережья обширна, наши знания о них не лишены изъянов.

Существует, например, фундаментальный труд об одной из групп тлинкитов — якутатах, принадлежащий перу Фридерики де Лагуны (1906–2004), «У горы святого Ильи. История и культура якутатов-

тлинкитов» (Laguna, 1972). Исследовательница проводила полевую работу в 1949, 1952, 1953 и 1954 годах, когда от традиционной культуры якутатов почти ничего не сохранилось. Опираясь на данные информаторов, она реконструировала их прошлый общественный строй. Вполне понятно, что эта реконструкция не шла дальше начала XX в. Например, большинство потлачей, о которых рассказывали ей информаторы, относятся к 1905–1916 годам, а контакты якутатов с европейцами начались еще в 1741 г. Вполне понятно, что автор широко использует описания жизни якутатов, содержащиеся в трудах путешественников, администраторов, миссионеров. И все-таки перед нами прежде всего реконструкция.

Работа Гомера Гарднера Барнетта (1906–1985) «Береговые селиши Британской Колумбии» (Barnett, 1955) основана на полевых исследованиях, которые велись в 1935 г. К этому времени старая культура селишей была практически мертва. Картина, нарисованная автором, полностью представляет собой реконструкцию прошлого состояния.

Казалось бы, лучше обстоит дело с квакиутлями, которых Франц Боас (1858–1942) специально исследовал, начиная с 80-х годов XIX в. (Boas, 1897; 1921). Но не нужно забывать, что начало контактов квакиутлей с европейцами относится еще к XVIII в. В 1849 г. на земле квакиутлей компанией Гудзонова залива был построен Форт-Руперт. И связи с европейцами существенно сказались на обществе этих индейцев. Если к началу колонизации численность квакиутлей достигала 17 300 человек, то в 1900 г. их было всего лишь 1500 (Codere, 1950. P. 1, 52).

В силу этого существуют такие стороны жизни индейцев северо-западного побережья, о которых мало что известно. Нередко при описании одних и тех же явлений не только разные, но даже одни и те же авторы противоречат друг другу и сами себе. В результате трудно установить истину. Но набросать общую картину общественного строя индейцев этого региона все же возможно.

У всех у них уже существовало рабство. Тем не менее, у части этих народов сохранялись очень архаичные черты в общественном устройстве. У тлинкитов, хайда, цимшиан существовал материнский род. И в отличие от верховых танана он не просто существовал, но составлял основу первоначальной общины. Перед нами — второй вариант нормального развития первобытного общества. При нем, как уже указывалось, ядро общины составляли мужчины, принадлежавшие к одному материнскому роду.

Важнейшей ячейкой общества тлинкитов, хайда, цимшиан была группа, состоявшая из мужчин, принадлежавших к одному материнскому роду, их жен и детей. В исходной своей форме эта группа была родовой общиной. На стадии раннепервобытной общины деление родовой общины на две означало одновременно и образование двух вполне самостоятельных родов. Но на каком-то более позднем этапе эволюции деление общины и деление родов перестало совпадать.

Теперь с делением первоначальной общины на два дочерних ядра их продолжали считать принадлежащими к одному материнскому роду. Вместо распада рода на два самостоятельных имеет место его подразделение на два подрода. В результате вновь возникшие общины, конечно, в случае, если они стали вполне самостоятельными, заслуживают название не родовых, а подродовых.

Трудно сказать, одновременно с подразделением родов на подроды или несколько позднее наметилась тенденция к поселению нескольких подродовых общин разных родов в одной зимней деревне. С чисто формальной точки зрения, когда подродовые общины разных родов поселялись вместе, то они образовывали одну многогородовую общину, а сами становились подобщинами.

Однако в реальности все обстояло сложнее. И после поселения вместе бывшие ранее совершенно самостоятельными подродовые общины продолжали оставаться собственниками земель, угодий. Сохраняли они полную самостоятельность и во многих других отношениях. Поэтому, может быть, лучше всего было бы говорить о подродовых общинах, объединенных в надобшину.

Эту надобшину многие исследователи именуют племенем. Что касается составляющих ее общин, то их называют по-разному: «локальная группа», «локализованная родственная группа» (Drucker, 1965. P. 46–47, 50). Лучше всего было бы говорить о локально-родственной группе. Локально-родственные группы могли существовать как вполне самостоятельно, так и в составе более крупных объединений. Такая группа обычно жила в одном большом доме, в котором каждая элементарная семья имела свое место. Поэтому данные группы нередко называют домовыми общинами или даже домохозяйствами (Аверкиева, 1960. С. 20 сл.; 1961. С. 151). При этом невольно возникает параллель с большой семьей или семейной общиной типа задруги. На деле локально-родственная группа большой семьей или семейной общиной не была. Каждая элементарная семья, жившая в общем доме, обладала хозяйственной самостоятельностью. Она имела свои запасы пищи (1961. С. 151, 214). Семьи, жившие в одном доме, были неравны в имущественном отношении. В общем жилище обитали богачи, люди со средним достатком и бедняки. Вместе с ними жили и рабы.

У якутатов в общем доме обитало 50–60 человек, у цимшиан в конце XIX в. — 30–40 человек, в более отдаленном прошлом до 200 человек (Аверкиева, 1960 С. 97, 103; Laguna, 1972a. P. 294). Деревни якутатов до 1880–1890 годов состояли из 3–6 домов (Laguna, 1972a. P. 294).

Таким образом, в идеале у тлинкитов, хайда и цимшиан было две основных единицы: локально-родственная группа, обитавшая в одном доме, и зимняя деревня, состоявшая из нескольких таких домов. Но, конечно, реальность не вполне совпадала с идеалом. Локально-родственной группе могло стать тесно в одном доме. Часть ее могла перейти в новый дом, сооруженный по соседству. Первоначально люди,

жившие как в материнском, так и в дочернем доме, считались принадлежащими к одному подроду и, соответственно, к одной локально-родственной группе. В дальнейшем обитатели каждого из домов становились самостоятельной локально-родственной группой. Это означало разделение ранее единого подрода на два самостоятельных подрода.

В деревне, таким образом, могло обитать несколько локально-родственных групп, ядра которых относились к нескольким подкладам одного рода. Они жили по соседству, образуя некоторое единство. Глава одной из таких локально-родственных групп считался старшим над всеми остальными группами, относящимися к одному роду. Именно его, по-видимому, чаще всего имеют в виду, когда говорят о родовом вожде.

У южных квакиютлей, нутка, береговых селишей, белла-кула материнского рода не было. У них существовали амбилатеральные родственные объединения, которые играли ту же роль, что материнские роды у тлинкитов, хайда и цимшиан. Эти объединения лежали в основе локально-родственных групп. Если подклады в силу экзогамии никогда не могли полностью совпадать с локально-родственными группами, то амбилатеральные объединения — могли. В результате для обозначения тех и других нередко использовался один термин. У южных квакиютлей амбилатеральное родственное объединение и локально-родственная группа называлась *нумеймом*.

У нутка локально-родственная группа жила в одном доме. Она могла существовать как вполне самостоятельно, так и в составе зимней деревни, включавшей в себя несколько таких групп. Население нескольких зимних деревень нутка могло быть объединено в более широкую социальную единицу, которую исследователи иногда называют конфедерацией (Drucker, 1951. P. 5, 220).

Такого рода конфедерации существовали у цимшиан и южных квакиютлей. И у тех, и у других возникновение объединений подобного вида связано с совместным поселением жителей нескольких ранее самостоятельных зимних деревень. И у тех, и у других такое совместное поселение было результатом контактов с европейцами.

Около основанного в 1834 г. компанией Гудзонова залива торгового пункта Форт-Симпсон поселились жители 9 деревень цимшиан. В результате образовалось крупное поселение, состоявшее из 9 кварталов (Аверкиева, 1960. С. 113). У Форт-Руперта, заложенного в 1849 г. той же компанией, поселилось четыре «племени» квакиютлей (Аверкиева, 1961. С. 52–53).

Но конфедерация представляла собой редкое явление. Основными группировками в обществе индейцев северо-западного побережья были локально-родственная группа и зимняя деревня, состоящая из нескольких таких групп. При этом приоритетной единицей в большинстве случаев была локально-родственная группа.

В обществе индейцев этого региона существовало значительное имущественное и социальное неравенство. И речь идет не только

о рабах, составлявших достаточно определенную группу. Неравенство существовало в среде свободных. Внешне это выражалось в бытии у многих из названных народов лестницы рангов, на которой каждый человек занимал особую ступеньку. Некоторые авторы подчеркивают уникальность рангов. Как утверждают они, не было двух людей с одинаковым рангом (Drucker, 1956. P. 48). Люди ранжировались внутри локально-родственных групп, локально-родственные группы — внутри родов или зимних деревень. Ранжировались также роды и «племена». Но за этим непрерывным ранжированием скрывалось деление на несколько более или менее определенных социальных групп.

Первой группой была знать, аристократия. Когда речь идет об обществах с материнским родом, исследователи относят к ней прежде всего родовых вождей. При этом не уточняется, кто имеется в виду: вожди всего рода, части которого разбросаны по разным селениям, или вожди нескольких локально-родственных групп одного рода, находящихся в одной деревне. Главарей локально-родственных групп иногда именуют вождями, иногда им в этом титуле отказывают.

Но насколько можно судить по материалам, в большинстве случаев главы локально-родственных групп нужно также относить к знати. К аристократии в самом узком смысле слова относились не только родовые вожди и главы локально-родственных групп, но и члены их непосредственных элементарных семей. Должности вождей и глав локально-родственных групп переходили по наследству.

Следующая группа — простолюдины, коммонеры, составлявшие основную часть общества. Имущественное положение их было далеко не одинаковым, но все они в той или иной степени обеспечивали собственное существование.

Третью группу составляли люди, которые были не в состоянии обеспечить себя. Их называли по-разному: бедняками, нищими, ничтожными людьми. Их презирали, как говорилось, за лень. Впрочем, бедняками называли иногда и низший слой простолюдинов, но в таком случае подчеркивали отличие бедняков от лентяев (Barnett, 1955. P. 248). Вообще лень считалась у индейцев северо-западного побережья величайшим из пороков (Barnett, 1955. P. 248; Laguna, 1972a. P. 469).

Иногда выделялась группа, промежуточная между знатью и простолюдинами. Исследователи называют ее «меньшей знатью» или «средним классом» (Аверкиева, 1960. С. 108; 1961. С. 221).

В прошлом лишь представители знати, лишь вожди родов и главы локально-родственных групп имели право устраивать потлачи (Wike, 1957. P. 310; Аверкиева, 1960. С. 67; 1961. С. 122; Drucker and Hazer, 1967. P. 35–36; Piddocke, 1968. P. 284, 288; Rosman, Rubel, 1971. P. 87; Laguna, 1972b. P. 610). Причем это было не только их правом, но и обязанностью. Только потлачем могли они подтвердить свой статус в обществе. В противном случае они этого положения лишались, переставали быть вождями. С помощью потлача они не только подтверждали свой ранг в обществе, но и повышали его, приобретали новые почетные имена.

Когда вождь устраивал потlach, все члены возглавляемой им группы, исключая крайних бедняков, должны были внести свой вклад. Так обстояло дело у южных квакиютлей. Вождь, решивший устроить потlach, посылал помощников с тем, чтобы собрать всех членов нумейма.

Как рассказывал Ф. Боасу его главный информатор Джордж Хант, вождь, обратившись к собравшимся, благодарит их за то, что они пришли, и сообщает им о своем намерении устроить потlach. Но, говорит он, у него всего лишь 500 одеял, что явно недостаточно. Поэтому он надеется на то, что все отнесутся к нему как к вождю и дадут ему свое имущество для потлacha. При этом он подчеркивает, что потlach будет дан от их имени и прославит их среди других «племен».

Члены нумейма соглашались, хотя и не ждуг возврата. О том, что их согласие было далеко не добровольным, свидетельствует один факт. Когда собравшиеся идут по домам, второй после вождя человек в нумейме говорит: «Мне надоел наш вождь, слишком часто он просит у нас сокровища для своих потlachей. Я опозорю его. Я дам ему 100 одеял. Пусть его имя будет закопано под нашими сокровищами. Я хотел бы, чтобы вы дали ему, кто 50, кто 40, кто 10 пар одеял, а те, кто победнее — дадут ему 5 пар одеял» (Boas, 1921. P. 1340–1343). Иногда члены нумейма давали вождю более 1000 одеял (P. 1344).

У якутатов в потlach, устраиваемый вождем рода, вносили вклад члены не только данного рода, но и других родов фратрии (Laguna, 1972b. P. 606, 611). У нутка, когда человек, как правило, вождь локально-родственной группы, устраивал потlach, ему всегда помогали. Если приглашенными были члены других локально-родственных групп, то помогали члены своей локально-родственной группы, если гости были из других «племен», то — члены своей зимней деревни, если, наконец, ожидалось люди из другой «конфедерации», то — члены своей «конфедерации» (Drucker, 1951 P. 366–367). И во время церемонии раздаривания устроитель всегда объявлял, кто именно и сколько внес в данный потlach (P. 379). Обычно в последующем все внесшие вклад в потlach получали от его организатора оплату, но никогда в эквивалентном размере. Они всегда получали меньше, чем внесли (P. 381).

Члены локально-родственной группы были обязаны не только вносить вклад в потlach вождя, но и постоянно давать ему часть охотничьей добычи, улова, сбора ягод, корней. Так было у якутатов (Laguna, 1972a. P. 364, 464), цимшиан (Аверкиева, 1960, С. 107), береговых селишей (Barnett, 1955. P. 246). У нутка сам человек решал, сколько дать вождю. Количественные размеры «дани» не были установлены (Drucker, 1951. P. 251).

Как сообщает Дж. Хант, у южных квакиютлей, когда охотник убивал нескольких тюленей, то одного оставлял себе, а остальных отдавал вождю. Вождь получал из 3 убитых медведей одного, из 3 морских выдр — одну, из 10 горных коз — 5. Из 100 лососей рыбак мог отдать вождю 20. Когда женщина заготавливала ягоды, то из 5 связок ягодных

плиток одну отдавала жене вождя. Когда количество связок ягодных плиток достигало 200, то жене вождя шло 40 (Boas, 1921. P. 1333–1338). Вождь в свою очередь мог делиться и делился полученным с членами группы.

У нутка вождь, когда ему давали рыбу или мясо, нередко устраивал пир для членов своей группы (Drucker, 1951. P. 251). И вообще в прошлом вождь нутка должен был принимать гостей и устраивать большие раздачи своим людям (Sproat, 1868. P. 114). У южных квакиютлей вождь, получив от охотника тушу горной козы, мог разрубить мясо и раздать членам нумейма (Boas, 1921. P. 1334). У береговых селишей вождь часто устраивал пиры для членов своей локально-родственной группы. Щедростью он должен был отличаться не только по отношению к чужим, но и к своим (Barnett, 1955. P. 246). У якутатов считалось, что вождь должен был помогать бедным, обеспечивать их едой и одеждой (Laguna, 1972a. P. 467). В фольклоре тлинкитов содержатся указания на то, что вождь должен был заботиться о благосостоянии сородичей, кормить их во время голодовки. Для поддержания своего авторитета он устраивал угощения всему роду. На них часть продуктов раздавалась в сыром виде, чтобы люди могли унести с собой, другая часть готовилась для общей трапезы (P. 25). В легендах цимшиан подчеркивалось, что вожди обязаны кормить людей в дни нужды, должны быть щедрыми на угощения (P. 107).

Так как доходы вождя всегда превышал его расходы, то перед нами не что иное, как определенный образ эксплуатации человека человеком. Но это был уже не главарно-приносный, а *преполитарный образ эксплуатации*.

Ф. Дракер в своей работе о нутка со всей категоричностью заявляет, что у них охотничьи, рыболовные и ягодные угодья, вообще вся территория была частной собственностью определенных вождей (Drucker, 1951. P. 247–248). Вожди, будучи собственниками территорий, разрешали пользоваться находящимися у них угодьями людям, входящим в состав их групп. Этих людей в некоторых местах книги автор называет арендаторами (P. 251). Вообще создается впечатление, что одни только вожди были собственниками промысловых угодий, что все остальные люди никаких прав на них, которые не были бы производными от права вождей, не имели.

Но эта картина находится в противоречии с данными, которые приводит сам же Ф. Дракер. Он, например, сообщает, что каждый член локально-родственной группы был совершенно свободен в своем праве охотиться и рыбачить на территории, принадлежащей вождю группы (P. 251).

И в других своих работах этот исследователь отстаивает иной взгляд. По его мнению, истинным собственником земли у индейцев северо-западного побережья была локально-родственная группа. Групповой собственностью были не только промысловые угодья, но и дома

и многие важные предметы богатства. И хотя о главах локально-родственных групп и они сами, и другие люди действительно говорили как о «собственниках» земли, домов, многих сокровищ, в действительности же вожди были лишь «администраторами» групповой собственности, но не индивидуальными владельцами (Drucker, 1939. P. 58–60; 1955. P. 50).

Ф. Лагуна в монографии о якутатах сообщает, что каждый род или подрод владел территорией для охоты, рыбной ловли, собирательства, домами и местом, на котором были построены дома. Одновременно она, однако, пишет и о том, что вожди были «опекунами», «хранителями» как промысловых угодий, так и наследственных сокровищ рода или подрода (Laguna, 1972a. P. 361, 450).

Примерно то же самое говорится в монографии Г. Барнетта о береговых селищах. Хотя в определенной степени титул на землю и другие средства производства мог быть номинально закреплен за главой локально-родственной группы, последний был скорее «опекуном» коммунальной собственности, чем истинным ее владельцем (Barnett, 1955. P. 244). С. Пиддок сообщает о южных квакиютлях, что у них вождь был «опекуном» или «управляющим» ресурсами нумейма (Pid docke, 1969. P. 288). Можно было бы привести много подобных высказываний. Но и сказанного достаточно.

Несомненным можно считать, что локально-родственная группа у индейцев северо-западного побережья была собственником земли. Именно потому, что она была собственником промысловых угодий, все ее члены могли свободно ими пользоваться. Но столь же несомненным, на наш взгляд, является и то, что эти же угодья были одновременно собственностью главы локально-родственной группы, вождя. И эта собственность была в известной степени уже частной, ибо была собственностью только части общества.

Частная собственность вождя на землю проявлялась не только в эксплуатации, но и в распоряжении землей. У нутка, например, никто не мог рыбачить, пока вождь официально не открывал сезон. После этого люди могли ловить рыбу, где желали (Drucker, 1951. P. 251). У якутатов вождь не только открывал промысловый сезон, но и указывал, где, когда и какими орудиями должны были люди пользоваться и сколько животных человек мог добыть. И при навязывании своей воли в этой сфере вождь пользовался правом на жизнь и смерть людей (Laguna, 1972a. P. 464). Вождь мог разрешать охотиться на земле рода или подрода людям, которые не принадлежали к этим группам (P. 361).

Таким образом, у индейцев северо-западного побережья земля находилась одновременно в общей собственности локально-родственной группы и частной собственности одного из ее членов. Но последний был частным собственником земли, принадлежащей одновременно и локально-родственным группам, исключительно в силу того, что занимал должность ее главы. Описываемая частная собственность была не персональной, а должностной, титульной. Она была связана

не с личностью или даже группой лиц, а с определенной должностью и только тем самым с определенной индивидом. Чтобы стать частным собственником земли, принадлежавшей одновременно и локально-родственной группе, человек должен был занять должность ее главы. Если он лишался должности, то переставал быть частным собственником земли.

Должностная частная собственность на землю сосуществовала с общей собственностью на этот же самый объект локально-родственной группы. В силу этого она была неполной. Соответственно, ограниченной была и общая собственность локально-родственной группы на землю. У последней, таким образом, было два реальных собственника, каждый из которых обладал одними правами и был лишен других. Собственность на землю была расщепленной, разделенной.

Преполитарные отношения тесно связаны с престижной экономикой, хотя в определенной степени и выходят за ее рамки. Но, кроме престижной экономики, у индейцев этого региона существовала, разумеется, и жизнеобеспечивающая. И не разобравшись в отношениях в сфере последней, невозможно понять экономическую систему рассматриваемых народов в целом.

Наши знания о жизнеобеспечивающей экономике этих индейцев крайне ограничены, неполны, фрагментарны.

Ясно, что зимние деревни, состоявшие из нескольких локально-родственных групп, не были и не могли быть первобытными коммунами. Между членами разных локально-родственных групп, составлявших зимнюю деревню, почти что не было дележных отношений. Сложнее обстоит дело с отношениями внутри локально-родственных групп.

В отношении якутатов информаторы сообщают, что дележ пищи между членами локально-родственной группы был обычным явлением. Когда женщина из какой-либо элементарной семьи вскрывала свои зимние запасы, то ели все. Это происходило поочередно; на следующий день это делала другая женщина и т. д. Когда приносилось свежее мясо, то часть его тоже делилась между всеми: каждый отведывал кусок (Laguna, 1972a. P. 309–310). И в норме каждый человек всегда мог рассчитывать на кров и пищу в любом доме своего подрода или рода (P. 469).

Из этих сообщений складывается картина чуть ли не полного господства в жизнеобеспечивающей экономике дележных отношений. Однако имеются факты, противоречащие ей. Если бы дело обстояло именно так, то не было бы бедняков. А они несомненно у якутатов существовали. Иногда такой обнищавший человек, чтобы спастись от голода, обращался за пищей к людям, находившимся за пределами своей локально-родственной группы. В результате он становился зависимым особого вида, которого называли «рабом вяленой рыбы». В таком случае только родственники могли выкупить его (P. 469).

Таким образом, у якутатов дележ внутри локально-родственной группы носил ограниченный характер. Из дележного круга были ис-

ключены люди, которые сами не могли вносить в него вклад. Они могли рассчитывать даже не на помощь, а на милость. Способом обеспечения такой милости был труд на тех, кто ее давал. Так возникал образ эксплуатации, который выше был назван помогодоминарным. При помогодоминарных отношениях эксплуатируемые еще в какой-то степени сами ведут хозяйство. Когда они целиком входят в хозяйство эксплуататоров, помогодоминарные отношения превращаются в приживальческие или даже почти что рабские («рабы вяленой рыбы»). Наличие у индейцев северо-западного побережья обнищавших людей, работавших за пищу на вождей и вообще состоятельных людей, отмечено многими исследователями (Аверкиева, 1960. С. 28–29, 82, 85, 108; 1961. С. 33, 96–97; Laguna, 1972a. P. 297, 468).

У индейцев описываемого региона были и настоящие рабы — захваченные в плен или купленные. Данные об их числе противоречивы. Наиболее часты указания на владение 4–6–10 рабами. Однако отдельные люди могли иметь 30, 40 и даже 50 рабов. По переписи, проведенной около 1845 года, у цимшиан, живших в окрестностях Форт-Симпсона, насчитывалось 143 раба (3,5 % населения). У разных групп число их колебалось от 0 до 7,5 %. По переписи 1845 г. у тлинкитов рабы составляли 12 % населения, причем количество их в разных группах колебалось от 2–5 % до 24 %. По сообщению Вермана, в 14 обследованных им в 1861 г. селениях тлинкитов на 7769 свободных приходилось 828 рабов. Таким образом, рабы составляли 9,63 % населения. По переписи 1861 г., у кайгани — одной из групп хайда, было 198 рабов, что равнялось 26 % населения (Тихменев, 1853. С. 341; Аверкиева, 1961. С. 26, 93, 156, 222; Mitchell and Donald, 1985. P. 21–22).

Рабы выполняли самые различные работы. Они носили воду и вообще тяжести, кололи дрова, следили за огнем, собирали ягоды и раковины, готовили пищу, ухаживали за детьми. Их использовали на рыбной ловле, охоте, в качестве гребцов. Они помогали при постройке домов, изготовлении лодок и орудий (MacLeod, 1928. P. 638–641; Аверкиева 1941. С. 54–62; 1961. С. 36; Mitchell and Donald, 1985. P. 24–28). Этими же делами занимались помогодоминарно зависимые люди и приживалы. Рабство и приживальчество выступали как два варианта одной и той же формы эксплуатации человека человеком — доминарной.

Таким образом, вожди у индейцев северо-западного побережья Северной Америки наряду с главной основной формой эксплуатации — преполитарной использовали доминоравовладельческую и доминоприживальскую. Поэтому их можно назвать *позднейшими преполитархами*.

Противоречивы сведения об отношениях в сфере жизнеобеспечивающей экономики и у других групп индейцев северо-западного побережья. В одной из работ о береговых селищах сообщается, что человека, который добывал больше других, почитали. От него ожидали, что он будет делиться пищей с близкими родственниками и товарищами по дому. Когда добывались морские животные, устраивались пиры,

на которых присутствовал обязательно хотя бы один член каждой семьи. Он получал часть добычи, чтобы отнести домой. Люди делились пищей с соседями и родственниками из других общин (Suttles, 1960. P. 298–300). Но если дело обстояло именно так, то непонятно, почему у этой группы существовали бедняки, ничтожные люди (Suttles, 1956. P. 502–504; 1974. P. 303). Другой автор говорит о береговых селищах, что дележ был у них обычной вещью, что никто у них не желал прослыть скупым. Но тут же сообщается, что дележа ждали от хорошего соседа, когда он был особо удачлив в охоте или рыболовстве (Barnett, 1955. P. 59).

О нутка мы узнаем, что охотник, добывший зверя, должен был устроить пир (Sproat, 1868. P. 59; Drucker, 1951. P. 253). Сообщается о них также, что они охотно делятся своими запасами друг с другом. При этом подчеркивается, что никто не возражает, когда его запасами пользуется другой работающий индеец, оказавшийся в нужде (Sproat, 1868. P. 89). Из этого следует, что у них дачедележ и помогодача носили ограниченный характер. Описаны у них случаи разделодележа. Когда убит кит, его делят между всеми жителями селения, но далеко не поровну. Около центнера лучшей части получает вождь. Затем наступает черед гарпунщика, первым ранившего кита, шамана, предсказавшего успех охоты. После них получают доли меньшие люди, соответственно, рангу и, наконец, простой народ. В завершение люди, получившие наибольшую часть китового мяса, устраивают пиры (P. 60).

Развиты были у индейцев северо-западного побережья услугоплатежные отношения. Повсеместно у них встречались умельцы: охотники, изготовители каменных орудий, резчики по дереву, скульпторы, живописцы. Были у них также композиторы, песенники. Труд их всех хорошо оплачивался. Плату за лечение получали шаманы (Smith, 1940. P. 34, 146; Аверкиева, 1961. С. 7, 28, 84–85, 148, 159–160, 219–220, 243; Drucker, 1965. P. 27–31; Elmendorf, 1974. P. 318; Suttles, 1974. P. 224, 491–492).

Очень важны сведения об отношениях собственности внутри семьи. Однако они довольно противоречивы. Как указывают исследователи, у якутатов муж и жена — в теории полностью отличные в экономическом и правовом отношении индивиды, которые не могли иметь совместной собственности и наследовать друг другу (Laguna, 1972a. P. 492).

Г. Барнетт в работе о береговых селищах в принципе не отвергает этого положения. Однако картина, нарисованная им, довольно своеобразна. Всю собственность он делит на две категории. К первой он относит охотничьи, рыболовные, собирательские угодья, дома, орудия труда, мебель, каноэ, одеяла, ценные шкуры, рабов, медные пластины, украшения, одежду. Завершая этот перечень, он указывает, что за исключением небольших объектов, используемых женщинами, вся остальная собственность находилась в руках мужчин. Ко второй

категории он относит личные имена, песни, танцы, церемониальные привилегии. Здесь все поровну, но наиболее важные привилегии принадлежат все же мужчинам. В случае развода имущество, которое, противореча себе, Г. Барнетт называет общим, остается у мужа (Vaggett, 1955. Р. 250). У береговых селищ элементарная семья во многом продвинулась по пути превращения в ячейку собственности, чего, вероятно, нельзя сказать о всех индейцах этого региона.

Но хотя отношения эксплуатации у индейцев северо-западного побережья и существовали, однако не одни они обеспечивали существование эксплуататоров. Как правило, последние трудились и сами. Хотя в отношении вождей нутка информаторами часто повторялось, что они не работают, в действительности эти люди были освобождены только от некоторых видов тяжелого физического труда: не таскали дрова, не носили воду, во многих случаях даже не гребли. Однако им принадлежала ведущая роль в охоте на кита и морскую выдру (Drucker, 1951. Р. 244).

Противоречивы данные о тлинкитах. Архимандрит Анатолий (в миру Алексей Васильевич Каменский, 1863–1925) сообщает, что у них тойон (вождь) в мирное время ничего не делает. Он устраивает пиры и участвует в пирах, организованных соседями. В легенде об одном вожде говорится, что «он принадлежал к столь высокой семье, что не умел охотиться» (Анатолий, 1906. С. 29–30). «Но вообще-то, — пишет, обобщая имеющийся материал, Ю. П. Аверкиева, — вожди охотились и рыбачили вместе с другими и часто возглавляли охотничьи экспедиции» (1960. С. 29). У цимшиан вожди в повседневной жизни были заняты тем же, что и рядовые общинники. Они рыбачили и охотились. Жены и дочери вождей вместе с другими женщинами и рабынями собирали ягоды (С. 107). То же самое относится и к хайда (С. 85).

Но богатством своим вожди были обязаны не столько собственному труду, сколько эксплуатации членов своих общин и рабов. Информаторы из числа якутатов прямо говорили, что вождь богат потому, что его сородичи давали ему часть своей добычи (Laguna, 1972a. Р. 464). Будучи богатыми, вожди отличались от рядовых одеждой и украшениями (Аверкиева, 1961. С. 34. 95–96, 154; Laguna, 1972a. Р. 464). Это говорит о том, что часть богатств вожди оставляли за собой. Но все-таки основная часть сокровищ раздаривалась на потлачах.

Собственно сокровища и специально собирались для того, чтобы их раздаривать. Я уже неоднократно упоминал о потлачах у индейцев северо-западного побережья. Но в основном только упоминали. Имеет смысл на этом сюжете специально остановиться.

Как уже отмечалось, в прошлом потлачи могли устраивать только вожди. После контактов с европейцами, когда появились новые источники богатств, потлачи начали устраивать и другие лица (Codere, 1950. Р. 125; Laguna, 1972b. Р. 608, 610). В доконтактную эпоху потлачи устраивались довольно редко и носили сравнительно скромный

характер. В более позднее время и число потлачей, и количество раздаваемых на них богатств выросло (Codere, 1950. С. 89–95; Аверкиева, 1961. С. 186; Drucker, 1965. Р. 60).

Выше уже говорилось об источниках богатств, раздаваемых на потлачах. Наряду с описанными был еще один метод собирания сокровищ. Это — принудительный заем. За некоторое время до потлача человек, решивший его устроить, раздавал определенное количество сокровищ в долг друзьям и знакомым. Отказаться последние не могли, ибо иначе теряли лицо. А ко дню потлача они были обязаны все вернуть обычно в двойном размере (Barnett, 1955. Р. 258–259; Аверкиева, 1960. С. 27, 87; 1961. С. 184). И, наконец, можно упомянуть просто о займах, которые человек должен был в последующем вернуть, иногда с процентами (Codere, 1950. Р. 69–71; Аверкиева, 1960. С. 118; 1961. С. 120–122).

К потлачу обычно готовились долгое время. Устраивался он по разным поводам. Одним из самых важных считалось замещение должности вождя. Этот потлач обычно устраивался в пределах года после смерти старого вождя. Чем шире был круг приглашенных и чем больше сокровищ раздавалось, тем известнее становилось имя нового вождя. Но каков бы ни был повод для потлача, суть его заключалась в утверждении или повышении социального положения, социального ранга человека, который его устраивал. Престиж получала и группа, глава которой организовывал потлач. Собственно вождь всегда выступал не только от своего имени, но и имени целой группы. Не только он сам, но и вся группа в целом считалась устроителем потлача. Поэтому ее члены ничего не получали на потлаче (Barnett, 1938. Р. 350 сл.).

На потлач всегда приглашались члены других локально-родственных групп и чаще всего жители других деревень. Потлач, как правило, включал в себя пир. Гостей угощали. Устраивались различного рода развлечения: игры, танцы, песни. Все это длилось несколько дней.

Чаще всего гости приезжали с пустыми руками. Но у береговых селишей гости могли привозить с собой пищу, причем иногда в значительных количествах (Smith, 1940. Р. 107; Barnett, 1955. Р. 266). У тех же береговых селишей старейшина селения, приняв приглашение на потлач, одаривал вестников и посылал через них подарок устроителю потлача, причем нередко превосходящий дар, который он должен был получить позже на потлаче (Аверкиева, 1961. С. 227). Привозили гости с собой и вещи (С. 228). Однако все это, по-видимому, исключение.

Собственно потлач — процесс раздаривания — длился несколько часов. Наряду с вещами иногда раздаривалась и пища, которую гости увозили с собой (Аверкиева, 1960. С. 71). У береговых селишей она упаковывалась в корзины, заворачивалась в маты (Snyder, 1973. Р. 156).

Если раздаривание велось в помещении, то все важные гости занимали места согласно их рангам. Как правило, от рангов зависела последовательность, в которой гости получали дары. Менее важные гости оставались без мест. Важные гости получали большие дары.

менее важные — небольшие, иные даже — чисто символические. Когда перед нами уже вполне сформировавшаяся система, то ранжирование выступает как определяющее по отношению к потлачу. В истории дело обстоит как раз наоборот. Именно из распределения мест на потлаче выросло само ранжирование.

Дары, вполне понятно, получали только гости. В некоторых случаях формальной обязанности возврата не существовало. Но он все равно происходил, когда важный гость сам выступал в роли устроителя потлача. В других случаях требование возврата существовало. Возвратить человек, как правило, должен был столько же, сколько получал.

В отношении квакиютлей утверждается, что бывший гость, когда он выступал в роли хозяина, должен был дать в два раза больше, чем получил (Codere, 1950. P. 68). Если учесть, что хозяева и гости постоянно менялись ролями, то это должно было бы вести к умножению массы циркулирующих сокровищ до невероятных размеров. Но этого не происходило. И связано это с тем, что в действительности у квакиютлей человек, устроивший потлач, в общем и целом получал примерно столько же, сколько раздарил, да и то не всегда. Нужно при этом учесть, что не все получившие дары сами устраивали потлачи (Аверкиева, 1961. С. 127; Drucker and Heizer, 1967. P. 53–69; Piddocke, 1968. P. 291–293).

Особое место занимает так называемый потлач соперничества, который особенно ярко был представлен у квакиютлей. Такого рода потлач был обычно связан с претензией двух людей на одно и то же социальное положение. Каждый из соперников стремился превзойти другого в числе раздариваний и количестве фигурировавших на нем сокровищ. Важно отметить, что на потлачах соперничества богатства могли не только раздариваться, но и уничтожаться: убивались рабы, сжигалось огромное количество жира, в костер бросались одеяла, ружья, ломались лодки и т. п. Если соперник не был способен уничтожить равное количество собственности без большой отсрочки, то терял престиж. Особенно ценными среди сокровищ были медные пластины (Jorling, 1989). Человек, стремясь унижить соперника, разламывал пластину или бросал ее в море. Последний, чтобы не потерять лицо, должен был так же поступить с пластиной равной или большей по ценности (Codere, 1950. P. 75–78; Аверкиева, 1961. С. 131–132; 372. С. 62–66; Boas, 1921. P. 81–98; Drucker and Heizer, 1967. P. 98–117).

Потлачи были не единственным проявлением престижной экономики у индейцев северо-западного побережья. Кроме них существовали просто пиры, которые были более часты, чем потлачи. Впрочем, понятие пира является очень широким, включая и угощение сородичей. К престижной экономике относятся только те пиры, которые даются людям из других локально-родственных групп и деревень.

Кроме великодаров существовали и дароплатежи. Бытовала «плата за кровь» — вергельд. Размер последнего зависел от статуса убитого.

Если аристократ убивал простолюдина, то платил меньше, чем если бы он убил равного себе (Barnett, 1955. Р. 270–271).

Большую роль играли дары, связанные с браком. Это наглядно видно на примере береговых селишей (Р. 185–192). Когда готовилось заключение брака, отец юноши собирал одеяла, пищу и другое имущество для брачного дара родственникам невесты. Если не хватало, то обращался к родственникам сына за помощью. Происходил помогосбор. Когда все было готово, отправлялись к родственникам невесты.

Брачный дар, который получал отец девушки, делился на три части. Первая — пища, которая распределялась среди гостей, приглашенных на свадьбу. Пища использовалась либо для пира, т. е. угощения, либо в сыром виде раздавалась гостям, чтобы они могли унести ее домой. Вторая — ценные вещи, обычно одеяла. Они распределялись среди немногих, самих важных гостей. Третью часть отец невесты либо оставлял себе, либо раздавал родственникам.

После свадьбы отец новобрачной вручал мужу дочери значительные подарки: пищу, одеяла, каноэ. Кроме этих подарков, тесть должен был несколько позднее вернуть зятю дар по меньшей мере равный брачному. Этот отдар он собирал сам или с помощью родственников.

Отдар, подобно брачному дару, делился на три части. Первую часть — пищу — юноша использовал для пира в своей деревне. Вторая часть шла наиболее важным людям деревни. Третья часть номинально шла юноше, но фактически ею распоряжался его отец. Последний из этой части прежде всего возмещал расходы всем тем, кто участвовал в сборе брачного дара. Остальное шло юноше.

Относительно размеров брачного дара и отдара никогда не торговались. Каждая сторона стремилась превзойти другую. Обычным для стороны невесты было вернуть больше, чем она получила. Поэтому все описанное выше было лишь первым шагом в серии продолжающихся отдаров между семьями юноши и девушки. Так как ответный дар превышал брачный, то это накладывало обязательство подарка, который был бы равен избытку первого над вторым. Но обычно давалось в два раза больше, чтобы побудить тестя ко второму ответному дару. Последний сопровождался отдаром и так без конца. В каждом случае половина дара шла на то, чтобы покрыть существующее обязательство, а другая — чтобы создать ответное обязательство.

Но такая картина наблюдалась лишь когда в брак вступали знатные и богатые. В случае с обычными людьми устраивался небольшой пир, и совершался такой обмен имуществом, который носил символический характер.

Существовал у индейцев северо-западного побережья и обычный дарообмен. Различные исследователи много пишут о наличии у них торговли между разными группами и соседями. При этом она нередко трактуется как обыкновенная коммерция. Однако на деле так обстояло далеко не всегда, что особенно наглядно можно видеть на примере якутатов.

Обмен у них происходил не между любыми людьми, а только между торговыми партнерами, и предметы, вовлеченные в него, принимали форму даров. «Торговля» у якутатов была либо чистым дарообменом, либо товарообменом, облеченным в форму дарообмена. С чисто экономической точки зрения якутаты даже в 80-х годах XIX в. от обмена не зависели. Вещи, приходящие извне, не имели существенного значения для жизнеобеспечения. Это были в основном предметы роскоши и особо изысканные виды пищи, обладать которыми означало быть богатым. Однако не накопление богатства само по себе давало престиж, а способность щедро им наделить других, включая дары своим родственникам и раздаривание на потлачах (Laguna. 1972, 1. P. 352–357).

У береговых селишей имел место подлинный товарообмен. В нескольких местах по побережью и на р. Колумбии устраивались ежегодные ярмарки, в которых принимали участие береговые и материковые селиши, чинуки и другие группы индейцев. В межгрупповой торговле сложились определенные эквиваленты. Вяленая юкола расфасовывалась в пачки определенной величины по 100 штук в каждой. Пачки разделялись на половинки и четвертинки. В них исчислялись цены других товаров. Например, за половинку пачки можно было приобрести плетеную сумку, или курительную трубку, или томогавк. Широко использовались раковинные деньги. Они состояли из раковин, нанизанных на нитки. За единицу счета принималась низка раковин длиной от кончика среднего пальца одной вытянутой вбок руки до конца среднего пальца другой вытянутой руки. По-русски это называлось маховой саженью. Существовало несколько типов раковинных денег: цвай и солакс. Корзина стоила 1 единицу солакс, лодка — 4, раб — 20–40 (Аверкиева, 1961. С. 220).

И наконец, по всему Северо-Западному побережью шла оживленная торговля рабами. Их покупали и у соседних народов (MacLeod, 1928. P. 645; Аверкиева, 1951. С. 27, 157; 657).

В целом во многих отношениях община у индейцев северо-западного побережья была еще позднепервобытной. В ней все еще сохранялись дележные отношения. Как во всех первобытно-престижных обществах в нем сформировалась престижная частная собственность и различные методы и образы эксплуатации. И самое важное в нем начался процесс формирования ординарной частной собственности, что способствовало дальнейшему развитию методов и образов эксплуатации. Доминантные отношения (рабовладельческие и приживальческие) не образовывали особого уклада. Не существовало особых доминарных хозяйственных ячеек, тем более доминарного хозяйственного организма. В обществе существовал, таким образом, не доминарный способ, а лишь доминарный образ эксплуатации.

Кроме упомянутых образов эксплуатации в этом обществе получил развитие такой ее метод, как военный грабеж. Кроме различного рода имущества, захватывались люди, которые превращались в рабов (MacLeod, 1928. P. 642; Аверкиева, 1961. С. 27, 93, 156, 195–201, 221 и др.).

В целом индейцы северо-западного побережья еще не перешли грань, отделяющую первобытно-престижное общество от предклассового. Об этом свидетельствует сильное развитие престижной экономики. Именно участие в ней обеспечивало знати ее высокое положение в обществе. Не наблюдалось у них и превращения преполитарных отношений в протополитарные, хотя, казалось бы, условия для этого у них имелись. Это можно видеть на примере цимшиан.

Как уже отмечалось, у них возле Форт-Симпсона возникло крупное поселение, в котором в 1867 г. проживало 2300 человек. Жители его принадлежали к 50 локально-родственным группам, которые были объединены в 9 кварталов. Вождь самой влиятельной локально-родственной группы являлся старейшиной квартала. Старейшина наиболее богатого и многочисленного квартала был главой всего селения.

Старейшине селения или квартала подчинялись все жители независимо от их родовой и фратриальной принадлежности. И в отношении к нему они несли те же самые обязанности, что и в отношении родовых вождей: должны были отдавать часть рыболовной и охотничьей добычи, а также сбора ягод. Если старейшина селения или квартала устраивал потлач, то все члены этих образований должны были помогать ему, отдавая часть своего имущества (Аверкиева, 1960. С. 114—115, 119).

Таким образом, каждый житель Форт-Симпсона входил, по меньшей мере, в три преполитарные системы: одну — центром которой был вождь локально-родственной группы, другую — центром которой являлся старейшина квартала, третью — центром которой был старейшина всего селения. Все эти три системы существовали независимо друг от друга, параллельно.

Но вполне логично представить такое развитие, при котором эти системы образовывали бы единое целое. В таком случае возникла бы система, состоящая из трех этажей.

Первый этаж — системы внутри локально-родственных групп. Их центры — вожди этих групп, собирающие приношения со всех членов своих групп. Второй этаж — системы внутри кварталов. Их центры — старейшины кварталов, получающие приношения от всех глав входящих в их кварталы локально-родственных групп. Третий этаж — система в пределах всего селения. Ее центр — старейшина селения, которому идут приношения от глав кварталов.

В подобного рода системе движение прибавочного продукта шло бы от рядовых членов локально-родственных групп к вождям этих групп, от них — к старейшинам кварталов, а от последних — к главе селения. В ней достаточно четко обнаружилось бы деление людей на две группы: (1) создающих прибавочный продукт и (2) потребляющих его. И последние были бы объединены. Массе рядовых тружеников противостояли бы не отдельно взятые вожди локально-родственных групп, отдельно взятые старейшины кварталов и отдельно взятый глава селения, а единое целостное образование, включающее в себя всех их.

Это единое образование было бы одновременно и экономической системой, и аппаратом власти, противостоящей обществу, т. е. власти прагосударственной. Иначе говоря, перед нами были бы уже не преполитарные отношения, а протополитарные, не преполитарный образ эксплуатации, а протополитарный способ эксплуатации.

Организованное таким образом конкретное общество обычно имеет вождество. У индейцев северо-западного побережья Северной Америки такого рода социоисторические организмы, по-видимому, так и не возникли. Правда, некоторые авторы настаивают на том, что кое-где вождества в этом регионе все же существовали. Но сколько-нибудь убедительных данных не приводят (Price, 1979. P. 187–212; Tollefson, 1987).

Это отнюдь не означает, что возникновение такой структуры у охотников, рыболовов, собирателей вообще исключено.

Калуса юго-западной Флориды жили интенсивными рыболовством и собирательством. И тем не менее у них в XVI в. существовало настоящее вождество с населением в 4–7 тыс. человек. Люди жили в оседлых поселениях, которые путешественники именовали деревнями, и городами.

Правитель столичного «города» был главой вождества. Последнее было разделено на округа — «ранчерии», столицами которых были меньшие «города» (деревни). Округов было более 20. Главы этих подразделений собирали с населения и посылали в столицу налоги. Платили дань вождю калуса и некоторые соседние социальные единицы. Их тоже было более 20. Верховный вождь, главы «ранчерии», их семьи и приближенные образовывали знать, которая жила за счет труда простолудинов, коммонеров (Goggin and Srerevant, 1964; Marquardt, 1988; Widmer, 1988).

Новая Гвинея: жизнеобеспечивающая и престижная экономика земледельцев и животноводов

1. Первоначальные земледельцы: никаких общинных полей

Как видно из всего изложенного выше, люди, живущие присваивающим хозяйством, могут находиться и на этапе ранней первобытной общины, и на этапе поздней первобытной общины и, наконец, даже на стадии предклассового общества. Но не существует, и в истории не существовало ни одного подлинного классового общества, базой которого было бы присваивающее хозяйство. Везде, где перед нами подлинное раннее классовое общество, его основой всегда является земледелие, которое в большинстве случаев сочеталось с животноводством.

Как уже указывалось выше, нужно отличать общества с праземледелием и собственно земледелием. Праземледелие и даже собственно земледелие могли возникнуть еще на фазе раннепервобытной общины. Это наглядно можно было видеть на примере ваиваи.

Вполне понятно, что народы, у которых праземледелие и даже собственно земледелие возникло на стадии раннепервобытной общины, могли в дальнейшем развитии перейти на стадию позднепервобытной общины. Но это отнюдь не значит, что праземледелие и собственно земледелие всегда должны возникнуть на раннепервобытной стадии. Переход к праземледелию и собственно земледелию вполне мог произойти и в позднепервобытном обществе. Этот вариант, может быть, даже был самым распространенным. И наконец, нельзя исключить возможность перехода от присваивающего хозяйства к производящему и на стадии предклассового общества.

Выше были рассмотрены четыре общества с земледелием: ваиваи, намбиквара, чороти и кубео. Первые три, скорее всего, были раннепервобытными, четвертое — позднепервобытным. Соответственно, у кубео отмечено наличие престижной экономики, проявлявшейся в питейных праздниках. Значительно большее развитие престижная экономика получила у других народов, особенно у тех, у которых существовало не одно только земледелие, но и животноводство.

Но прежде чем переходить к рассмотрению жизнеобеспечивающей и престижной экономики у тех или иных конкретных групп земле-

дельцев и животноводов, нужно предварительно остановиться на ряде общих проблем.

Долгое время в советской этнографической литературе бытовала свособразная схема эволюции социально-экономических отношений у земледельцев и животноводов. Считалось, что на самом первом этапе родовая община имела общее поле, на котором совместно трудились все ее члены. Продукты труда шли в общий фонд. Дальнейшая их судьба мыслилась несколько по-разному. Один вариант — все члены общины совместно питались. Другой — каждая семья по мере надобности получала из общего фонда нужное количество продукта.

Следующий шаг — выделение внутри родовой общины больших семей (семейных общин), каждая из которых хозяйствовала точно так же, как на предшествующей стадии это делала родовая община. Только считалось наиболее вероятным, что все члены семейной общины питались совместно. И заключительный шаг: большие семьи распадались на малые семьи, каждая из которых вела самостоятельное хозяйство (см.: Маркс, 19. С. 418; 23. С. 371; Энгельс, 216. С. 139; Равлоникас, 1947. С. 77–79; Косвен. 1957. С. 124–137, 209–210; 1963. С. 6–7, 37; Колганов, 1962. С. 136–162; Маретин, 1968. С. 336–341 и др.).

Эта схема находится в противоречии с фактами.

Родовая община, подобная описанной выше, не встречается нигде. Везде в стадияльно самых ранних общинах, в которых существовало праземледелие или уже земледелие, земли подразделялась на участки, каждый из которых находится в пользовании членов одной определенной семьи. Члены семьи могли пользоваться как одним участком, так и несколькими. Урожай с этого участка (или этих участков) поступал в распоряжение членов данной семьи.

Говоря о семье, мы имеем в виду в основном *элементарную семью*, т. е. состоящую из мужа, жены и их не вступивших в брак детей. В состав семьи могли входить и дополнительные лица: вдовая свекровь или теща, вдовый свекор или тесть, незамужние сестры или неженатые братья одного из супругов и т. п. Такого рода семью можно было бы назвать *расширенной элементарной семьей*. Отличие ее от т. н. большой семьи состоит в том, что она включала в себя в норме только одну брачную пару.

Кроме элементарной семьи могла существовать *полигинная семья*, состоящая из мужа, нескольких жен и не вступивших в брак сыновей и дочерей. Дополнительно в нее могли входить те же самые лица, что и в расширенную элементарную семью. В таком случае мы имеем дело с *расширенной полигинной семьей*.

Когда и в элементарной, и в полигинной семьях дети подрастали и вступали в брак, они образовывали свои собственные самостоятельные семьи. Это было правилом для земледельцев и животноводов, относившихся к стадиям как раннепервобытной, так и позднепервобытной общины.

Участки земли, находившиеся в пользовании членов одной определенной семьи, существовали у намбиквара, ваиваи, чороти, кубео. Такая же картина наблюдается у всех земледельческих народов, находившихся на обеих стадиях собственно первобытного общества, и у многих уже перешедших на ступень предклассового общества.

Даже у значительного числа охотников, рыболовов, собирателей, относившихся к стадии позднепервобытного общества, существовали более или менее постоянные жилища, образовывавшие поселки, в которых люди жили по крайней мере значительную часть года. Если у позднепервобытных охотников, рыболовов, собирателей оседлость могла носить сезонный характер, то для земледельцев и животноводов была характерна годовая оседлость (см.: Семенов, 1989. С. 212–213).

В одних случаях все члены позднепервобытной общины земледельцев а животноводов жили в одном месте, образуя одно селение. Такое селение можно было бы назвать деревней, а общину, соответственно, — *деревенской*. Деревня могла делиться на кварталы. В других случаях общины жили не в одной деревне, а в нескольких поселках. Такую общину можно было бы назвать *поселковой*. Как деревенская, так и поселковая община существовала у живших присваивающим хозяйством индейцев Калифорнии. У земледельцев и животноводов обнаружен еще один вариант: жилища были более или менее равномерно рассеяны по всей территории общины. Такого рода общину можно было бы назвать *хуторской* (см.: Hoggbin and Wedgwood, 1953. P. 267–271).

В этой и последующих главах будут в основном рассматриваться земледельческие народы, находившиеся на стадии позднепервобытного общества.

Материалы о позднепервобытных земледельцах и животноводах существенно отличаются от тех, которыми наука располагает об индейцах Калифорнии Северной Америки. В последнем случае перед нами в основном — реконструкции прошлого состояния общества по воспоминаниям старейших информаторов. В первом, как правило, — описание реально существовавших к моменту исследования порядков. И важная задача — отделить аборигенные социально-экономические связи от тех изменений в них, которые вызваны влиянием более развитых обществ, прежде всего капиталистических.

Материалов об экономике позднепервобытных земледельцев и животноводов существует необычайно много. Однако они зачастую носят односторонний характер. Детально освещаются не столько социально-экономические отношения, сколько хозяйственная деятельность этих народов. А когда речь заходит о социально-экономических отношениях, то в основном описываются те, что относятся к сфере престижной экономики. Отношения в сфере жизнеобеспечивающей экономики уделяется значительно меньше внимания.

2. Кума Новой Гвинеи: типичное общество горных папуасов

Из всех материалов о земледельцах и животноводах, относившихся к стадии позднепервобытной общины, особую ценность представляют данные о папуасах, живших в горах Новой Гвинеи. Эти туземцы вплоть до начала 30-х годов XX в. не имели никаких прямых контактов с европейцами. И когда их начали изучать, то в ряде случаев этнографы были первыми цивилизованными людьми, с которыми туземцы вступили в регулярное общение.

К настоящему времени о папуасах гор Новой Гвинеи существует поистине море литературы. И свести имеющиеся данные воедино не так просто, хотя бы уже потому, что народы этого региона далеко не однородны. Но можно попытаться выделить то типичное, что присутствует если не всем, то, по крайней мере, многим группам жителей гор Новой Гвинеи.

Это можно сделать на примере социально-экономических отношений в социоисторических организмах одной из горных культурно-языковых общностей, известной под названием кума. Мария Рей (1922–2004), детально описавшая общество кума, вела среди них полевую работу в течение 15 месяцев с ноября 1953 г. по март 1955 г. (Reay, 1959). При этом она была единственным белым человеком среди них. Это не значит, что кума раньше не сталкивались с европейцами. Первые контакты имели место еще в 1933 г. К 1950 г. начал действовать запрет на войны (Reay, 1964. P. 245). Но европейцы среди кума раньше никогда не жили.

Основная единица у кума — родовая община, занимавшая определенную территорию. Ядром общины был патрилинейный род. Название рода — одновременно и название общины. Роды были объединены во фратрии. Последние состояли из 2–9 родов. Фратрии не были экзогамными и вообще не имели практического значения.

Роды делились на подроды. Соответственно, община подразделялась на подобщины, каждая из которых имела своим ядром подрод. Подобщина имела определенную территорию внутри земли общины. Подроды были, таким образом, локализованы. В ряде отношений подобщина являлась более важной единицей, чем община. Подроды обычно делились на еще меньшие единицы — подподроды. Соответственно, подобщины делились на подподобщины. В прошлом подподроды были локализованы. Сейчас так обстоит дело не всегда. Однако в любом случае подподроды и подподобщины представляют собой отчетливые социальные единицы, обладающие определенными функциями.

Роды могли состоять только из подродов. Численность населения общины, имеющей ядром такой род, — 100–300 человек. Там, где подроды делятся на подподроды, численность населения общины

200–900 человек. Встречались общины с населением в 700–1700 человек, но они были накануне распада на дочерние общины (Reay, 1964. P. 28–29). Естественно, что последнее предполагало, соответственно, распад рода на два самостоятельных рода.

Подразделение отцовского рода, образующего основу общины, на подроды и подподроды, явление, широко распространенное у папуасов гор Новой Гвинеи. Оно встречается, в частности, у чимбу (Brown, 1973. P. 211–213), мае энга (Meggitt, 1973. P. 196–199), менде (Ryan, 1959. P. 259–263), сиане (Salisbury, 1962. P. 15–17).

У некоторых из этих групп (чимбу, менде) наряду с фратриями, существовали своеобразные союзы родовых общин, которые могли совпадать, а могли и не совпадать с фратриями. Эти союзы родовых общин, часто называемые племенами, имели определенное практическое значение. Так, например, у чимбу в их пределах организовывались свиные пиры и распределения растительной пищи. Играли они определенную роль и в войне (Brown, 1973. P. 210).

Численность населения родовых общин у мае энга колебалась пределах 100–1000 человек, средняя цифра — 350 (Meggitt, 1973. P. 196). У чимбу она составляла 600–700 человек (Brown, 1973. P. 212), у сиане — 200 (Salisbury, 1962. P. 9). В одной из сводных работ о папуасах гор Новой Гвинеи численность населения их общин определяется в 200–300 человек, реже — 400 (Lepcrauche, 1967. P. 145).

У кума в идеале в каждой общине все мужчины должны были принадлежать к одному роду, в каждой подобщине — к одному подроду. Однако в действительности дело обстояло сложнее. В состав общины входили и мужчины, принадлежащие к другим родам. И их было немало. Чужаки не пользовались всеми правами члена общины. Их сыновья уже считались полноправными членами общины, но еще не были абсорбированы в род. Что же касается внуков, то они были уже полностью ассимилированы (Reay, 1959. P. 50–51).

Наличие мужчин-чужаков в составе родовых общин отмечено у многих групп папуасов гор Новой Гвинеи. У мелпа (мбовамб, хагенцев), например, в разных общинах их численность варьировалась от 18 % до 51 % всех мужчин (Strathern, 1971. P. 36), у энга они составляли 34 %, у ипили — 51 % (Meggitt, 1957. P. 39). В некоторых группах, в частности у мелпа и чимбу, ассимиляция чужаков происходила значительно быстрее, чем у кума (Strathern, 1971. P. 35; Brown, 1973. P. 215). Родовые общины были преобладающей, но не единственной формой организации у папуасов гор Новой Гвинеи. У некоторых из них роды, хотя и существовали, но не были основой общины. Так, например, обстояло дело у капауку (Pospisil, 1963a) и дани (Heider, 1970) Западного Ириана.

Главным занятием кума было земледелие. Основной культурой у них, как у большинства папуасов гор Новой Гвинеи, был сладкий картофель — батат. Разводили они, как и все горные папуасы, свиней. Земледелие было подсечно-огневым. С расчищенного участка собирали 3–4 урожая. После этого земля шла в залеж на 15 лет.

М. Рей ничего не сообщает о соотношении между рабочим и свободным временем у кума. В какой-то степени восполнить этот пробел помогает работа Э. Уодделла, посвященная другому обществу горных папуасов — раиапу (лаиапу) энга. Исследование велось в 1966–1967 годах, когда на жизни этой культурно-языковой группы уже в значительной степени сказалось влияние европейцев.

По подсчетам Э. Уодделла каждый взрослый человек у раиапу энга был занят в среднем 47,4 часа в неделю, т. е. 6,8 часа в день. Из этих 47,4 часа в неделю 11,1 часа тратились на участие в церемониях и хождение в гости; 6,7 часа — на участие в общественной жизни, посещение церкви и лечение; 3,4 часа — на покупки и другие коммерческие операции; 1,9 часа — на выращивание коммерческих культур; 3,0 часа — на приготовление пищи; 3,5 часа — на изготовление орудий и других вещей, заготовку дров, участие в строительстве жилищ и только 18,8 часа — на обеспечение себя пищей (Waddell, 1972. P. 97).

Таким образом, каждый взрослый папуас расходовал на обеспечение себя пищей 2,68 часа в день. Если добавить сюда деятельность по изготовлению орудий и т. п., получится 3,6 часа в день. И даже с учетом времени, потраченного на выращивание коммерческих культур, выйдет лишь 3,85 часа в день.

Самая простая форма собственности в доклассовом земледельческом обществе состоит в том, что земля принадлежит общине, а человек имеет особые права на определенный участок, пока им пользуется. Когда он прекращает его обрабатывать, то это его особенное право сразу же или же спустя некоторое время (2–3 года) исчезает. Он теперь имеет на него не больше прав, чем любой другой член общины.

Такая картина наблюдалась, например, в Северной Америке у гуронов (Knietz, 1940. P. 16; Tooker, 1964. P. 60; Trigger, 1969. P. 28), манданов, гро-вантра, арикара (Denig. 1930. P. 476–477), омаха (Fletcher and LaPleche, 1911. P. 269), в Южной Америке — у чороти, тоба, ма-тако и других племен Гран-Чака (Karsten, 1932. P. 37, 94), восточных тимбира (Ninuendaju, 1946. P. 157) и мундуруку (Murphy, 1960. P. 62, 69) Бразилии, в Азии — у сианг даяков центрального Калимантана (Province, 1937. P. 82), хануноо и буидо. Миндоро (Conklin, 1957. P. 35; Gibson, 1986. P. 38), в Африке — у тив Нигерии (Bohanan and Bohanan, 1968. P. 81). Подобного рода порядки могли существовать и в классовом обществе. Бытие их было отмечено, например, в некоторых русских крестьянских общинах Сибири (Кауфман, 1897. С. 74–80).

Иначе обстояло дело у кума. У них нерасчищенная земля принадлежала, как сообщает М. Рей, роду или подроду. Что же касается расчищенной земли, то она, по утверждению исследовательницы, была абсолютной собственностью мужчины, сделавшего ее пригодной к обработке. Земля эта переходила по наследству к сыновьям. Она могла быть подарена или отдана в пользование (Reay, 1959. P. 8–9). Но более точно, индивид все же не был собственником земли. Он был лишь ее

пользователем и распорядителем. И во всяком случае несомненно, что доступ к земле имели у кума все мужчины. Каждый, кто желал обрабатывать землю, мог иметь ее в достаточном для этого количестве (Reay, 1959. P. 8).

Так обстояло дело и у других горных папуасов. Например, о сиане говорится, что у них каждый мужчина в любое время мог получить землю, в которой нуждался (Salisbury, 1962. P. 45). У менде никто из членов рода не мог быть лишен доступа к земле (Ledernan, 1986. P. 101, 147). У мелпа никто не оставался без земли. Очень важным было справедливое распределение земли и огородов (Brandwie, 1971. P. 199). Хотя у чимбу земли было недостаточно, тем не менее каждый мужчина у них мог получить ее столько, сколько ему было нужно для использования в хозяйстве (Brookfield and Brown, 1963. P. 141; Brown, 1970. P. 216).

Если земля у кума находилась в распоряжении мужчин, то урожай, взращенный на ней, принадлежал женщинам, которые сеяли и убирали. И действительно, женщины имели большие права на выращенные ими плоды (Reay, 1959. P. 8). И это не исключение. О сиане сообщается, что женщины у них были собственниками урожая. Муж у них даже не имел права входить в огород жены без ее разрешения. Если он так поступал, то это приравнивалось к воровству (Salisbury, 1962. P. 62, 63, 74).

В обществе кума имел место дележ пищи, который, как указывает М. Рей, символизировал идентичность интересов. Как утверждает исследовательница, номинальной единицей дележа растительной пищи был род, а реальной — подрод. Только члены одного и того же подрода имели недвусмысленное право на долю пищи друг друга (Reay, 1959. P. 90).

В случае, если свинья погибала от болезни, возникала редкая возможность использовать ее для домашнего потребления. При этом хозяин давал немного мяса членам своего подподрода. Членам подрода свинина шла только в том случае, если они незадолго до этого сами давали ее хозяину (P. 13). Во втором случае перед нами уж не дачеслеж, а дачеобмен.

Неизвестно, существовала ли у кума помогодача продуктами труда. Но у них, несомненно, была помогодача трудом. Люди помогали друг другу в труде.

Такого рода явление почти что не наблюдается в обществах охотников, рыболовов, собирателей. Здесь люди не помогают друг другу трудом, а просто совместно трудятся: совместно охотятся, совместно ловят рыбу. Совместный труд имел место и у земледельцев. Так, например, у тех же кума группа братьев могла совместно расчистить участок земли для огорода, а затем разделить его поровну между всеми участниками (P. 8). Здесь есть совместный труд, но нет помощи трудом.

Иное дело, когда мужчина решал расчистить участок для собственного огорода. Самому ему одному справиться было трудно, и он приглашал несколько мужчин помочь ему в работе. Здесь перед на-

ми также совместный труд. Однако отношения между участвующими в труде иные, чем в первом случае.

В первом случае плоды труда достаются всем. Во втором — они достаются только одному из работавших. Он тот, кому помогают, остальные же — те, кто помогает. Первый получает от других труд, остальные же дают другому труд. Вполне понятно, что труд дают только в том случае, когда в нем имеется нужда. Именно поэтому можно говорить о помощи трудом.

Но эта помощь в свою очередь может носить различный характер. Она может быть врожденной, круговой. Это имеет место тогда, когда существует круг людей, обязанных помогать друг другу в силу одной только принадлежности к этому кругу. Это помогодача в точном смысле слова. Помощь при этом обычно дают сразу несколько человек, т. е. помогодача приобретает форму трудового помогосбора. Однако помощь трудом может носить и линейный, приобретенный характер. Здесь уже не помогодача, а с помогообмен.

Помогодачу трудом можно в свою очередь подразделить на две формы. Одна из них характеризуется тем, что человек, затеявший дело, требующее помощников, никого не приглашает на помощь. Он просто информирует о своей затее, а помощники являются сами. Другая форма — человек специально призывает на помощь.

У кума круг людей, внутри которого существовала помогодача, ограничивался в основном подподродом. В него могли входить мужчины подрода, женатые на женщинах того подрода, из которого происходила жена человека, нуждавшегося в помощи. За пределами этого круга начинался помогообмен. Члены подподрода могли приходить без просьбы, сами. Но их можно было и пригласить (Р. 14). В целом именно подподрод образовывал ячейку по организации повседневной деятельности. Он был банком рабочей силы для всех его членов (Р. 29).

Существовали у кума умельчество и услугоплатеж (Р. 12, 14).

Как и у всех папуасов гор Новой Гвинеи, у кума была развита престижная экономика. Фактически все вещи, находившиеся в распоряжении людей, делились на две категории. Одну из них образовывали обыкновенные вещи, включая орудия, оружие, различные ритуальные объекты (священные флейты). Другую составляли свиньи и так называемое «свиное богатство», состоявшее из перьев и украшений из раковин (Р. 95).

Цель владения свиньями, раковинами, перьями заключалась не в том, чтобы копить их, а в том, чтобы пускать их в обращение. Результатом была непрерывная циркуляция свиней, раковин, перьев. Богатство было «текучим». Чем большим был вклад человека в эту циркуляцию, тем значительнее был его престиж. Обращение ценностей шло в первую очередь между членами разных родов и осуществлялось с соблюдением принципа эквивалентности (Р. 95, 99).

Трудно что-либо сказать об обычных дарообменных отношениях у кума, но дароплатежные были у них необычайно развиты. Особенно

важны были дароплатежи, связанные с браком. Первый платеж имел место при помолвке. Он включал в себя перья, раковины, вареную свинину. Возврата при этом не было. Затем следовал главный брачный платеж. По крайней мере часть его создавалась путем помогосбора. Вклад вносили в основном члены подподрода жениха. Родственники невесты должны были дать ответные дары, не уступавшие своей ценностью брачному дару. За перья давали перья, за раковины — раковины такого же размера, за свинью — подобного же рода свинью. Жених, получив ответный дар, по крайней мере часть его распределял между теми людьми, которые вносили в его брачный платеж.

При рождении первого ребенка муж давал родственникам жены платеж, равный брачному, при рождении второго — несколько меньший. Когда умирал человек, его агнаты платили родственникам по матери. При всех этих платежах происходил помогосбор. Мужчина вносил вклад в платежи членов своего подподрода и тех членов своего рода, которые были женаты на женщинах из рода его жены (Р. 97–100).

Были у кума и дароторжества. К числу их правде всего относится *свиной праздник*, который каждая родовая община устраивала один раз в 15 лет (Reay, 1959. Р. 21). К нему готовились годами. В время его практически убивали всех свиней. Иногда несколько родовых общин устраивали свиной праздник одновременно. В одном таком случае тремя родовыми общинами было одновременно убито 2000 свиней (Р. 102).

В свином празднике выделяются два этапа. На первом из них, который происходил за 2 дня до главного забоя, каждый хозяин убивал одну свинью. Убитые свиньи сносились на церемониальную площадку, где разрезались на куски. Затем эти куски раздавались членам своего подподрода, своего подрода и, наконец, рода. Сами туземцы не рассматривали эти передачи как дар.

Но практически, примерно половина свинины давалась под условием возврата. Это, по-видимому, та часть, что шла членам иных подродов. Что же касается членов своих подподродов и подродов, то от них возврата не требовалось (Р. 102). Внутри подподродов и подродов имел место дачедележ. За этими пределами — дарообмен. Таким образом, дарообмен уже частично проник вовнутрь родовой общины.

Через день после массового забоя свиней, который происходил на церемониальной площадке, свинина раздаривалась членам других родов. Некоторая часть свинины шла сородичам, но последние не сохраняли ее для себя, а вместе со своей отдавали гостям (Р. 104).

Во время свиного праздника члены родовой общины, которая устраивала его, организовывали массовые танцы. Танцоры украшали себя перьями и раковинами, которые получали от членов других общин. После окончания танцев украшения возвращались вместе с дарами свининой, которые рассматривались как плата за использование (Р. 104). На свином празднике люди, изголодавшиеся по мясу, буквально обжирались свининой. Затем следовал период в 2–3 года, когда возможность получить свинину была практически равна нулю (Р. 21).

Кроме свиного, у кума существовал *ореховый праздник*, который происходил гораздо чаще. Он предполагал грандиозную выставку пищи. Так, в 1954 г. родовая община с населением в 500 человек выставила около 1700 кубических метров орехов и другой растительной пищи (сахарный тростник, бананы, ямс, таро).

В сборе пищи членам родовой общины, организующей праздник, помогали люди из других общин: свойственники, родственники по матери, торговые партнеры. Пища собиралась в виде больших куч и церемониально дарилась членам другой родовой общины. Обычно на праздник в качестве гостей приглашались члены одной родовой общины. Но на празднике, имевшем место в 1954 году, пища была раздарена, по меньшей мере, членами 4 родовых общин. Родовые общины, члены которых получали дары, должны были устроить ответный праздник. Это происходит раз в течение 3–7 лет (Р.86–87).

Кроме престижного дарообмена, у кума существовал и товарообмен. Он происходил между людьми, жившими в нескольких днях пути друг от друга, и велся обычно через торговых партнеров. Таким путем к кума поступали перья райских птиц, раковины, различного рода украшения, соль, стальные топоры (Р.104–105).

Как уже указывалось, между общинами и отчасти внутри общин шла непрерывная циркуляция ценностей (перьев, раковин, свиней). Разные люди в различной степени принимали в ней участие. Одни вкладывали больше, другие — меньше. Но чтобы вкладывать в обращение больше ценностей, их нужно было в большем количестве и иметь. Важнейшим богатством были свиньи. Именно на свиней выменивались в процессе торговли перья и раковины.

Свиней выращивали женщины. Чтобы вырастить больше свиней, нужно было иметь больше жен. Число жен у отдельных мужчин у кума никогда не превышало шести. В 1954 г. из 87 взрослых мужчин одного из родов 1 имел 4 жен, 5 по 3 жены, 12 по 2 жены, 50 по 1 жене, 18 были холостяками. Человек с 3 и более женами считался богатым (Р.81). У таких людей не только было больше жен, но они были более заняты. Если жена обычного мужчины заботилась о 3–12 свиньях, то жена важного человека имела на руках до 20 и более свиней (Р.12).

Богатый человек имел больше свиней, раковин, перьев. Но он не копил их, а пускал в обращение. Как уже указывалось, чем больше ценностей пускал человек в обращение, тем выше была его репутация, его престиж, больше его влияние на других людей.

Влияние человек имел не в силу занятия какого-либо поста, а прежде всего в силу своего места в системе обращения ценностей. Он был лидером, но неформальным. Как уже указывалось, за такого рода людьми в этнографической литературе закрепилось название бигменов.

Бигмен не только мог больше других вкладывать в обращение ценностей, но и обязан был это делать. Как уже говорилось, мужчина вкладывал в платежи членов своего подподрода и тех членов рода,

которые были женаты на женщинах из рода его жены. Чем больше жен имел человек, тем в большее число платежей ему приходилось вкладывать.

Бигменов у кума было много. По утверждению М. Рей, в каждой группе 1/3 мужчин была бигменами, а среди мужчин в возрасте от 35 до 55 лет бигмены составляли 3/5 (Reay, 1959. P. 116). Все они делились на две категории. Одну составляли спонтанные лидеры, другую — признанные лидеры.

В каждом подподрode был один человек, который считался главарем. Согласно представлениям кума, главарю подподрода должен наследовать старший сын. В результате проверки выяснилось, что сыновья наследовали отцам в 64 % случаев (P. 114). Но старший сын, если и становился главарем подподрода, то не автоматически. Он должен был вначале своими силами добиться положения в системе циркуляции ценностей. При этом после смерти отца он от него почти ничего не получал. Значительная часть свиней убивалась материнскими родственниками, а перья и раковины клались в могилу (P. 96–97). Во всяком случае, не бывало, чтобы признанным лидером становился человек моложе 30 лет (P. 117). Прежде чем добиться положения признанного лидера, человек был спонтанным лидером (P. 128).

Главарь подподрода стремился укрепить порядок и обеспечить соблюдение норм внутри этой единицы. Он выступал также в качестве ее представителя. Члены подподрода советовались с главарем по поводу своих дел. Если несколько человек желали построить дома, то главарь после обсуждения с каждым из них определял, в каком порядке будет идти строительство.

Один из главарей подподродов подрода выступал в качестве признанного оратора последнего. Он представлял подрод в отношениях с посторонними. Раньше оратор собирал мужчин подрода для решения вопроса о войне.

Бигмены, как спонтанные, так и признанные, имели группы личных приверженцев (P. 42, 114, 116, 128). Однако никаких подробностей об отношениях бигмена и его приверженцев в работе М. Рей не сообщает. Известно лишь одно, что бигмен мог внести брачный платеж за юношу своего подподрода. Далее следует два противоречащих друг другу сообщения. В одном из них утверждается, что юноша в дальнейшем постепенно погашал свой долг бигмену. В другом говорится, что юноша, получив ответный платеж от родственников невесты, давал бигмену в знак благодарности большой дар, чем получил от него (P. 97). Во всяком случае, здесь наблюдается переход к несколько иным отношениям, чем помогадоча.

Кроме бигменов, у кума существовали обычные ординарные люди и так называемые *раббишмены*, что буквально означает никуда не годные люди, рвань-люди. О последних мало что сказано. Мы узнаем о них лишь, что они не имеют достаточно пищи как для своих собственных нужд, так и для того, чтобы предложить родственникам и друзьям (P. 23).

Деление мужчин на 3 категории: бигменов, обычных людей и ничтожных людей (раббигменов) существовало, если не у всех, то у многих групп папуасов гор Новой Гвинеи. Оно отмечено у менде (Lederman, 1986. P. 28, 88), энга (Meggitt, 1958. P. 287), мелпа (Strathern, 1971. P. 2–3, 187–189, 200–203), чимбу (Brown, 1973. P. 216–217).

Не у всех у них в это слово вкладывалось одно и то же содержание. У энга раббигмены — постоянные холостяки, которые, как правило, работали на бигменов за содержание (Meggitt, 1974. P. 182–183). У менде раббигмены имели огороды, 1–2 свиньи и могли быть женатыми. Они лишь не принимали участия в родовых торжествах (Lederman, 1986. P. 28).

В отношении чимбу даже указывается соотношение разных групп населения. Ничтожные люди, т. е. мужчины, которые мало производили и либо совсем не принимали или принимали незначительное участие в распределениях и обменах, составляли у них не более 10 %. За ними следуют обычные люди. Выше существуют два уровня. Один из них — выдающиеся люди, которые составляют 20 %. Их нередко называют бигменами. Но подлинными бигменами являются лишь 5 % мужчин (Brown, 1973. P. 216, 217). У мелпа исследователи, соответственно, подразделяют бигменов на главных и второстепенных (Strathern, 1971. P. 44, 138, 140), у энга — на крупных и мелких (Meggitt, 1974. P. 185).

3. Папуасы гор Новой Гвинеи: дачеделаж, дародачеобмен, дароплатежи и дароторжества

Дополнить представление об отношениях в сфере жизнеобеспечивающей экономики у горных папуасов позволяют данные о сиане, приведенные в книге Ричарда Фрэнка Солсбери «От камня к стали. Экономические последствия технологических перемен в Новой Гвинее» (Salisbury, 1962). Община сиане, как правило, была деревенской. Численность ее составляла в среднем 200 человек. Деревня делилась на кварталы, ядром каждого из которых был определенный подрод. Квартал имел свой мужской дом, в котором жили женатые мужчины, юноши и инициированные мальчики. Подроды делились на подподроды, которые Р. Солсбери именует линиджами.

Как сообщает исследователь, индивид в любое время мог получить пищу от членов своего рода. Взаимная дача пищи составляла обязанность сородичей. Обязанность делиться была круговой. Когда один сородич давал пищу другому, то это не создавало никаких новых обязательств, в частности обязательства возврата. И лишь только постоянный отказ делиться пищей, постоянный прием пищи от сородичей без дачи пищи сородичам мог поставить человека вне круга, внутри которого существовало обязательство дележа (P. 74–75, 81).

Существовали различные формы дележа пищи. Женщины готовили пищу и приносили ее мужьям в мужской дом. Мужчину, получившего пищу, окружали его сыновья и члены его подподрода. Но прежде чем они начинали совместно есть, некоторая часть пищи давалась всем находившимся в этот момент в доме. Если мужчины подходили во время еды, то тоже получали долю. Так как в мужском доме обычно находились члены одного подрода, то пища распределялась прежде всего между ними. Но если при этом присутствовали члены других подродов и даже родов, то они тоже получали долю. В результате всего этого пищевые ресурсы поровну распределялись, и ни один член рода не оставался без пищи, даже если был холост (Salisbury, 1962. P. 76).

Иногда человек по тем или иным поводам давал свинину целому роду. Это тоже был дачедележ, хотя внешне он принимал форму, напоминающую разбор (P. 120).

Дачедележ пищи естественно дополнялся помогадачей трудом. Интересно отметить, что дача пищи и дача труда обозначались у сиане одним термином (P. 74). Человек, затеявший дело, требующее помощников, или заранее объявлял о своем намерении в мужском доме, или просто начинал трудиться на глазах у всех. Помощники всегда находились. Наиболее часто помощь оказывали члены подподрода, обычно члены подрода, реже — члены рода, принадлежащие к другим подродам. Никакого строгого счета не велось, но если человек слишком часто отказывался помогать другим, то и эти другие начинали отказывать ему в помощи (P. 55, 58). Жена инициатора приносила пищу для помощников, причем в большем количестве, чем обычно. Пища не рассматривалась как платеж и не освобождала инициатора от обязанности в свою очередь оказать помощь (P. 55–56).

Вполне понятно, что наряду с помогадачей существовала и совместная деятельность членов тех или иных групп по выполнению определенных общих задач. Так, например, все мужчины деревни кооперировались, когда расчищали большой огород, на котором должна быть выращена пища для праздника первых плодов. Но обычно при этом мужчины группировались по подродам (P. 52).

В применении к вещам у сиане была распространена практика, которую исследователь именует одалживанием. Если человек, которого он именует собственником, сам не использует вещи, то любой член рода может пожелать воспользоваться ею, и первый не может ему в этом отказать. Новые вещи, в частности одежду, хозяин носит лишь несколько дней. После этого ее поочередно используют другие члены рода. Новые орудия, которые заводит человек, берут все его сородичи. В результате чего они быстро изнашиваются (P. 65). Материалы, приводимые в монографии о сиане, не дают возможности точно определить, являются ли данные отношения разборными, дачеделажными или уже дачевозвратными.

В целом дачеделажные отношения в сфере жизнеобеспечивающей экономики выражены у сиане значительно более явно, чем

у других групп горных папуасов. Во многих работах, посвященных последним, дележные отношения либо совсем не упоминаются, либо о них говорится в самых общих выражениях. Трудно сказать, с чем это связано. С тем ли, что эти отношения играли скромную роль, или с тем, что исследователи не уделили им достаточного внимания. Вероятно, имело место и то и другое. Папуасы гор Новой Гвинеи находились далеко не на одном уровне общественного развития. И несомненно, что среди них были такие группы, в жизнеобеспечивающей экономике которых дележные отношения играли меньшую роль, чем у сиане.

Материалы о других, кроме кума, общностях горных папуасов позволяют лучше понять и существовавшую у них престижную экономику. Простейшая ее форма — дародачсбмен между индивидами, объектом которого были ценности, прежде всего свиньи и раковины. Он, вероятно, бытовал повсеместно в горах Новой Гвинеи. Но детальнее всего он описан в работе Рены Ледермен, посвященной обществу менде (Lederman, 1986).

У менде не только мужчины, но и женщины были включены в обширную обменную сеть, внутри которой шла непрерывная циркуляция ценностей. Эта сеть складывалась из множества конкретных звездных систем, центром каждой из которых был один определенный человек. Каждая такая система возникала, увеличивалась или уменьшалась, а со смертью человека исчезала.

Если исходить из одних утверждений исследовательницы, обменными партнерами могли быть только члены различных родов (Р. 35, 84, 156). Однако судя по другим местам монографии, дарообмен был возможен и велся между членами одного рода (Р. 110, 111). Исходя из общего контекста работы, можно предполагать, что если настоящий дарообмен и происходил внутри рода, то только между членами разных подродов (Р. 157).

Отношения завязывались, когда один человек давал другому ценности. Второй должен был спустя некоторое время вернуть их в таком же или большем количестве. Между людьми, только что завязавшими отношения, отдаивание происходило быстро. Оплата не обрывала отношения. Некоторые из них могли длиться всю жизнь. При этом между дарами могли пройти годы.

Необходимо отличать активные и пассивные отношения. Активными являются такие, когда между партнерами идет циркуляция ценностей. При пассивных отношениях партнеры ограничиваются визитами, взаимной помощью, дарениями свинины. Но дарение свинины играет большую роль и при активном партнерстве. Возможно обращение с просьбой о даре. Оно происходит в виде информации о том, что человек для определенной цели нуждается в ценностях. Индивид может просить об отдаре, если у него возникает потребность в ценностях (Р. 90–93). Если один из партнеров не отдаривает или отдаривает неадекватно, то другой может предупредить о прекращении отношений (Р. 98). Когда человек не имеет на руках ценностей для дарения

или отдаривания, то он может взять их у третьего лица. Так возникают своеобразные цепи обменов (Lederman, 1986. Р. 100).

Понять значение дародачеобмена у менде помогают цифры. У 23 исследованных мужчин было 1510 обменных партнеров, т. е. в среднем один мужчина имел 66 партнеров. Из 1510 партнеров 917 были активными, т. е. у одного мужчины было в среднем 40 активных партнеров. У 20 исследованных женщин было 849 партнеров, из которых 435 активных, т. е. в среднем одна женщина имела 42 партнера, из которых 22 активных (Р. 106–107).

Развита была система дародачеобмена у энга (Meggitt, 1958). Свиней у них, как у всех вообще горных папуасов, для повседневного потребления не убивали. Но если у кума забитая по болезни свинья частично делилась с родственниками, частично поедалась семьей, то у энга семье шли лишь потроха. Мясо же шло обменным партнерам в качестве либо дара, либо отдара. Один из них получал половину туши, другие — небольшие куски. Человек, получивший половину туши, либо разрезал ее на мелкие куски и, оставив 0,5–1 кг для семьи, отдавал остальное обменным партнерам, либо передавал одному из них мясо полностью.

В результате половина туши могла за 4–5 дней до 6 раз перейти из рук в руки, проделав путь в 50 и более миль. Это продолжалось до того, пока свинина не начинала смердеть. Тогда ее отказывались брать. В самом худшем положении оказывался тот, кто в последний раз принял ее. Он не мог ее использовать ни для дарения или отдаривания, ни для потребления. Подгнившее мясо обычно выбрасывалось. Но нередко его употребляли в пищу, вследствие чего немалое число людей умирало. В результате подобного рода практики, хотя энга и выращивали много свиней, свинины они ели мало. Средний мужчина был счастлив, если съедал 0,90–1,36 кг мяса в месяц. Жена и дети получали половину этого количества (Meggitt, 1958. Р. 297).

Вторая форма престижно-экономических отношений — дароплатежи. Они имели место при браке, рождении детей, смерти, убийствах. Как и у кума, у многих горных папуасов ценности для платежа собирали целые группы, чаще всего подподроды, но иногда и подроды. Так обстояло, в частности, у сиане. Когда намечался брак, отец жениха выставлял ценности в мужском доме. Члены подподрода смотрели и добавляли. Свои вклады вносили также и бигмены, входившие в состав мужского дома, включая главаря. Помощь давалась свободно, без обязательства возврата (Salisbury, 1962. Р. 94).

Сложен состав брачного платежа у менде. Так, например, один из первичных брачных платежей включал в себя 50 жемчужных раковин, 9 свиней и 382 кина (денежная единица Папуа — Новой Гвинеи). Из них 13 раковин (26 %), 5 свиней (56 %) и 60 кина (16 %) внес сам жених. 9 членов подрода жениха вложили 19 раковин (36 %), 4 свиньи (44 %) и 12 кина (3 %). 6 раковин (12 %) дали две сестры жениха и брат

мужа одной из них. Остальное поступило от 10 обменных партнеров, принадлежавших к другим родам. Вполне понятно, что все полученное от последних позднее должно было быть возвращено. Это были не дачи, а дары (Lederman, 1986. P. 76).

Также обстоило у менде и со смертными платежами. Часть ценностей организаторы платежа получали от членов своего рода. Это была помогодача. Другую часть — от обменных партнеров. Это были дары, подлежавшие отплате (P. 35, 162).

Как правило, дароплатежи не носили одностороннего характера. Вслед за брачным платежом со стороны жениха следовал ответный платеж со стороны родственников невесты (P. 75). Смертному платежу, поступавшему от агнатов умершего его родственникам по матери, предшествовал инициальный платеж, который давали последние первым (P. 161).

Все платежи распределялись первоначальными получателями среди членов своей группы, по-видимому, чаще всего подрода (P. 71). Все это имело следствием непрерывную циркуляцию ценностей. У менде человек обычно бывал вовлечен в качестве вкладчика в смертные платежи 2–6 раз в году. В качестве организатора смертных платежей обычный индивид выступал 3–4 раза в жизни. В брачные платежи он же в течение жизни вкладывал 10–15 раз и столько же раз получал ценности из таких платежей (P. 155–156).

По крайней мере у части горных папуасов существовала такая форма дароплатежа, как вергельд. Исследователи чаще всего пишут о компенсациях за убитых во время войны между общинами и союзами общин (Brown and Brookfield, 1959. P. 42; Meggitt, 1956. P. 106; 1958. P. 273; Feil, 1987. P. 80–85). Но в отношении ипили, например, известно, что у них возмещались дарами и обычные убийства. Вергельд составлял 54–70 свиней, его уплата, как правило, лишала права на месть (Meggitt, 1957. P. 43, 45–46). У вака (вага) вергельд был дифференцирован. За обычного человека род убийцы платил роду жертвы 15 свиней, за важного — 30–40 свиней (Meggitt, 1956. P. 106). У них же компенсировалось не только убийство, но другой ущерб, нанесенный личности и собственности (P. 106). Различного рода компенсации за ущерб и смерть существовали у хули (Glasse, 1968. P. 111–132).

Особое место среди дароплатежей занимают такие, которые делались родовой общиной — инициатором войны — родовой общине — союзнице в войне в качестве компенсации за убитых членов последней. У менде они назывались *олтенга*. Этому платежу предшествовал инициальный платеж со стороны общины — союзницы, носившей название *топове*. Компенсационный платеж всегда был больше инициального. После первого топове происходил первый олтенга — 24–48 свиней. После второго топове следовал новый олтенга, в процессе которого дарились сотни раковин (Ledtrman, 1986. P. 162–163).

Компенсационные платежи делались от имени не индивидов, а групп. Длились они 2–3 дня и предполагали публичное выстав-

ление богатств и произнесение речей. Часть ценностей передавалась одними индивидами другим, другая часть — представителем одной группы — представителю другой. Последний, получив ценности, распределял их среди различных подразделений своей группы (Lederman, 1986. P. 163–164). По существу в случае с олтенга мы имеем дело не просто с даропредставлением, а с дароторжеством. Соответственно, дароплатежи на олтенга были не чем иным, как великодарами.

К числу несомненных дароторжеств относятся грандиозные раздаривания растительной пищи членам других родов. Кроме кума, они описаны у сиане, у которых такие праздники устраивались каждые 3 года (Salisbury, 1962. P. 33), и чимбу. У последних при главном дароторжестве из вкладов отдельных участников создавалась огромная куча орехов, бананов, сахарного тростника, ямса, таро и другой растительной пищи диаметром в 15–60 м, высотой почти в 2 м. Затем с нее снимался пласт за пластом. Каждый индивидуальный вкладчик давал индивидуальному получателю. Последним обычно являлся обменный партнер (Brown and Brookfield, 1959. P. 48; Brown, 1970. P. 103–104; 1970. P. 220).

Но самыми важными у папуасов гор Новой Гвинеи были дароторжества, связанные со свиньями и раковинами. На одних свиньи убивались. Такие дароторжества чаще всего именуются *свинными пирами* или *свинными праздниками*. На других происходило дарение живых свиней. Такие дароторжества нередко являлись звеньями сложных систем передач, которые принято именовать церемониальным обменом. Таков обмен *те* (*tee*) у центральных энга и томбема и обмен *мока* у кьяка и мелпа. Впрочем, у всех у них передача живых свиней сочеталась с дарением свинины.

Церемониальный обмен *те* у центральных энга, к которым относятся мае энга, включая йандапу и раиапу (лаиапу), и тем самым и сьяка, связывал общины региона с населением в 60–70 тыс. человек. Он состоял из трех фаз. Первая состояла в том, что люди, живущие на западе области, посылали на восток каменные, а теперь и стальные топоры, иногда раковины. Эти вещи шли через множество рук от общины к общине. В обмен через несколько месяцев они получали свиней, ножи, перья, раковины, которые таким же образом двигались с востока на запад. Это — вторая фаза. Когда свиньи достигали пункта назначения, по крайней мере половину их убивали и часть мяса посылали по проторенной дороге назад. Это — третья фаза. Кульминационного пункта обмен достигал каждый 3,5–4 года. В движении находилось до 30 тыс. свиней. Много мяса при этом портилось (Bus, 1951. P. 814–823; Elkin, 1953. P. 177–178, 195–196; Meggitt, 1958. P. 298; Waddell, 1972. P. 108–110).

Передача даров вообще, свиней в частности, происходила во время второй фазы в торжественной обстановке. Устраивалась выставка свиней. Их привязывали к колышкам, образующим несколько параллельных линий. В одном случае было выставлено, а затем передано

в другие руки 443 свиньи. При этом присутствовало 2500 человек (Bus, 1951. P. 820–823; Elkin, 1953. P. 179).

Сходным образом происходил церемониальный обмен те у томбе-ма, которых, как и кьяка, многие исследователи относят к энга (Feil, 1980; 1984).

Отчетливо все указанные три фазы прослеживаются в обмене *мока* у кьяка. Характерными для второй фазы были праздники, каждый из которых устраивался определенной родовой общиной. Он включал в себя два этапа. На первом этапе происходил обмен дарами между членами рода. На втором — выставка раковин и свиней и дарение их членам других родов. На последнем этапе дарение производилось только бигменами, которые выступали как от собственного имени, так и от имени своих приверженцев. Во время праздников происходили танцы. Участники их были украшены перьями и другими танцевальными регалиями, часть которых была получена в пользование от членов других родов. Праздники проводились последовательно одной общиной за другой. Когда очередь доходила до последней общины в цепи, кончалась вторая фаза и начиналась третья (Bulmer, 1960. P. 6–8).

Обмену *мока* у мелпа посвящена монография Эндрю Стратерна (Strathern, 1971). В передачи *мока* автор включает также и платежи, имеющие целью компенсировать убийство людей, принадлежавших либо к родовой общине, с которой велась война, либо к общине, выступавшей во время войны в качестве союзницы. И том и другом случае компенсации предшествовал инициальный платеж со стороны общины, желавшей получить ее. Имеются цифровые данные об одном из таких инициальных платежей. Была подарена 71 живая свинья. В качестве дарителей выступило 9 человек, в качестве получателей — 6 (P. 132, 138–139).

Компенсационный платеж всегда превосходил по размерам инициальный. В одном случае община выплатила в качестве компенсации 640 раковин (17 дарителей, 13 получателей), 53 свиньи и 4 контейнера с маслом (12 дарителей, 12 получателей). Кроме того, 45 свиней было дано людям из других групп (P. 134).

По ряду передач *мока* известно число мужчин, которые участвовали в дарении. Так, например, в одном из родов из 102 мужчин 50 (49 %) выступило в качестве дарителей, в другом из 115 — 48 (41,7 %), в третьем из 116 — 34 (29,3 %) (P. 142–143).

Свиньи праздники происходили у разных культурно-языковых общностей с различным интервалом. Если у кума община устраивала такие праздники раз в 15 лет, то у гахуку-гама они происходили каждые 5–7 лет (Read, 1952. P. 16), а у сиане с промежутком в 3 года (Salisbury, 1962. P. 93).

У многих групп в свинных праздниках активно участвовало, т. е. убивало свиней, большое число мужчин. Так, например, у менде в декабре 1979 г. в южной части территории племени суолол в один день

122 мужчины убили 672 свиньи. На другой день в северной части этой территории было убито еще 728 свиней. Таким образом, всего было убито 1400 свиней (Lederman, 1986. P. 174).

После забоя свинина готовилась в длинных земляных печах. Затем каждый мужчина, убивший хотя бы одну свинью, самостоятельно раздаривал свинину. Впрочем, во многих случаях он не столько раздаривал, сколько отдаивал. Так, например, один из участников должен был прежде всего дать 11 свиных окороков тем людям, от которых он получил то же самое (причем в 8 случаях во время свиных праздников), и один свиной хребет. Кроме того, он имел 50 обменных партнеров, которым должен был дать по куску мяса. Всего он убил 8 свиней (P. 203). Гости, получившие свинину, несли ее домой, снова ее готовили и в тот же или на следующий день дарили собственным обменным партнерам. Последние могли снова проделать то же самое (P. 180).

Родовые общины или племена, члены которых были получателями свинины на празднике, должны были в свою очередь устроить свиной праздник, чтобы отплатить полученные дары. Если они не могли это сделать, то тем самым оставались в долгу и теряли престиж. Это особенно наглядно видно на примере чимбу, у которых свиные праздники проводились каждым племенем с промежутком в 6–10 лет (Brown, 1970. P. 104–105).

У них, как и у кума, свиной праздник проходил две фазы. Свиньи, которые убивались на первой фазе, назывались спиритуальными. Распределение их шло в основном внутри племени и чаще всего внутри подрода. Но эти же свиньи использовались для смертных платежей и других компенсаций. Часто в это время устраивались браки, с чем была связана циркуляция не только свинины, но и других ценностей. На второй фазе вареная свинина раздаривалась членам других племен. Раздаривание шло либо целыми свиными тушами, либо половинами туш, но не мелкими кусками. Задолго до кульминации праздника, иногда за недели и даже месяцы начинались танцы (P. 105–106). На праздники собиралось много тысяч людей, представлявших почти все соседние племена и многие дальние, включая людей из других культурно-языковых групп (Brown, 1979. P. 224).

У гахуку-гама на свиных праздниках, которые происходили каждые 5–7 лет, компенсировались потери, понесенные союзниками во время войн, совершались инициации юношей. Общины стремились превзойти друг друга в пышности праздников и тем самым повысить свой престиж (Read, 1948. P. 157; 1952. P. 16–23).

Свиные пиры у дани организовывались союзами общин каждые 4–6 лет. Длелись они 2–3 недели. Во время этих праздников происходили инициации, заключались браки, поминались мертвые и умиротворялись духи. На одном из таких праздников, состоявшемся в 1970 году, присутствовало от 5 до 8 тыс. человек (Heider, 1972).

У нондугл великие свиные праздники происходили раз в поколение. На них совершались обряды плодородия и происходила инициа-

ция мальчиков. Длились они больше года. На них собирались многие тысячи людей, причем некоторые приходили издалека. Во время одного такого праздника было убито более 3000 свиней. Участники ели необычайно много свинины. На одного человека приходилось до 4,5 кг в день. Кроме такого рода праздников, у нондугл имели место дароторжества более скромного характера (Luzbettak. 1954).

4. Папуасы гор Новой Гвинеи: бигмены, приверженцы и приживалы

Нет смысла описывать все многообразие дароторжеств, в ходе которых происходила передача свиней, раковин и других престижных ценностей. Но институт бигменов среди папуасов гор Новой Гвинеи заслуживает особого рассмотрения. Статус бигмена не передавался по наследству, хотя сын бигмена имел больше шансов добиться этого положения, чем другие люди. В принципе бигменом мог стать каждый. Для этого нужно было обладать определенными качествами, в частности способностями воина, оратора, организатора. Но главное: человек должен был занимать особое место в циркуляции ценностей, которая шла в обществе.

Э. Стразерн говорил о двух «стратегиях», двух способах, которые могли обеспечить человеку положение бигмена. Один способ — опора на «домашнее производство», которое исследователь понимает довольно широко, включая в него не только собственное хозяйство человека, но и хозяйства приверженцев. Другой способ — опора на «финансы», т. е. создание широкой сети обменных партнеров. Говорит он и о сочетании этих двух стратегий, а также о формах промежуточных между первым и вторым способами (Strathern, 1969. P. 42–43; 1978).

У ряда групп горных папуасов на первый план выступали «финансы». Это особенно наглядно видно на примере менде. Как уже указывалось, в среднем у них каждый мужчина имел 66 партнеров, из них 40 активных. Но за этими средними цифрами скрываются большие различия между индивидами. Один из мужчин имел лишь 26 партнеров, из них 11 активных. В противоположность ему один из бигменов имел 150 партнеров, из которых 96 были активными. У другого бигмена был 171 партнер, из которых 86 были активными (Lederman, 1986. P. 245).

Огромное количество партнеров позволяло бигмену активно участвовать во всех передачах и мобилизовать в случае необходимости свиней для соответствующих праздников. Вторым из указанных бигменов было убито во время свиного праздника 27 свиней. И ни одна из них не была полностью выращена в его хозяйстве (P. 204–205).

Звездная система дарообменов, центром которой был бигмен, создавалась им упорно и целенаправленно. У менде, как можно понять из исследования Р. Ледермен, бигмены не имели ни дополнительных работников в хозяйстве, ни приверженцев, которые бы помогали им трудом.

Большую роль играли звездные системы дарообменов у энга. Один из бигменов у них имел, например, 140 партнеров по обмену те, принадлежавших к 18 родам (Meggit, 1973. Р. 205).

И у чимбу бигмены были центрами звездных систем дарообменов. Но этим дело не ограничивалось. Бигмены имели в составе своих хозяйств зависимых взрослых мужчин. И, кроме того, вокруг каждого из них группировались приверженцы — до 20 мужчин с семьями. Это были прежде всего члены подподрода бигмена. Они вели свои хозяйства, но постоянно или от случая к случаю помогали бигмену в расчистке огородов, строительстве домов, а также снабжали его пищей и вещами для платежей и пиров.

Бигмен вербовал приверженцев и из числа свойственников, а также родственников, не являвшихся агнатами. Он убеждал их поселиться рядом с ним, давал землю. Все они имели независимые хозяйства, но отдавали часть труда и вещей бигмену для дароплатежей и великодаров (Brown, 1970. Р. 102–103). Таким образом, бигмены у чимбу были создателями центростремительных систем. Движение вещей и услуг в этих системах шло, по-видимому, не только от периферии к центру, но и в обратном направлении. Однако какие-либо конкретные данные о движении вещей от центра к периферии отсутствуют.

Но о мелпа известно, что бигмен у них, получив от 8 до 20 свиней во время церемониального обмена — мока, раздавал их своим приверженцам (Strathern, 1971. Р. 132). И вообще он должен был давать свиней, раковины и деньги членам своей группы. Иначе он терял положение (Brandwie, 1971. Р. 200). У кьяка люди, которые сами не принимали непосредственного участия в мока, помогали бигменам в выращивании и сборе свиней. В свою очередь бигмены помогали им при платежах за невесту и в других делах (Bulmer, 1960. Р. 8–9).

Во всяком случае можно предполагать, что при такого рода отношениях доходы бигменов превышали расходы. Иными словами, мы имеем здесь дело с центростремительным методом эксплуатации.

Как уже указывалось, бигмены всегда имели нескольких жен. Для бигмена у мелпа идеалом считалось обладать 8–10 женами. У некоторых даже было по 15–20 (Strathern, 1971. Р. 202). По контрасту с этим в некоторых группах мелпа более четверти мужчин были холостяками. Часть из них оставались ими всю жизнь. Они, безусловно, относились к числу «ничтожных людей». Многие холостяки становились помощниками и слугами бигменов. Они работали в хозяйствах последних за кров и пищу (Р. 188–189, 200–202). Здесь мы сталкиваемся не с чем иным, как с той разновидностью доминарной формы эксплуатации, которая была названа приживальчеством.

И мелпа — не исключение. У мае энга раббисмены, которых, правда, было немного (4–5 на общину), навсегда оставались холостяками. Следствием была тенденция к превращению их в приживалов. Они за содержание ухаживали за свиньями бигменов, возделывали их

огороды, строили дома, рубили и носили дрова и вообще выполняли все их поручения (Meggitt, 1974. P. 182–183).

У раиапу энга вечные холостяки составляли среди взрослых мужчин 19%. Некоторые из них, несмотря на сыпавшиеся со всех сторон насмешки, пытались вести собственное хозяйство. Однако большая часть постоянных холостяков становилась приживалами в хозяйствах бигменов (Waddell, 1972. P. 27, 188). На их долю приходилась значительная часть самых тяжелых и грязных работ. Если обычный взрослый мужчина тратил на расчистку и огораживание полей 7 часов в неделю, то приживал — 10,6 часа. Если обычный мужчина уделял уходу за свиньями 0,6 часа в неделю, то приживал — 1,4 часа (P. 104–105).

Кроме приживалов, бигмен привлекал к работе в своем хозяйстве значительное число мужчин, ведущих самостоятельное хозяйство. Они помогали ему во многих делах, а главное — всеми способами обеспечивали его самое активное участие в церемониальном обмене — тее (те). Нередко влияние бигмена распространялось на всю подродовую или даже родовую территорию (P. 188–191).

Постоянное холостячество наблюдалось и у других групп папуасов гор Новой Гвинеи, например у коколи (Bowers, 1965). Причина везде одна — неспособность внести брачный платеж. Сам человек не был в состоянии собрать необходимое количество ценностей (свиней, раковин), а достаточной помощи со стороны других он не получил. Если, например, у кума и сиане в сборе ценностей для брачного платежа участвовали члены целого подподрода, то у мелпа и коколи — по существу только отец и старшие братья человека. И если отец к тому времени, когда юноше пришла пора вступить в брак, умер, а старшие братья не торопились помочь ему, то индивид надолго, а может и навсегда обречен быть холостяком (Bowers, 1965; Strathern, 1971. P. 196, 204).

У мае энга на бигменов работали не только раббисмены, но и молодые неженатые юноши, для которых такое состояние было преходящим. В обмен на труд и поддержку в общественных делах бигмены помогали им собрать необходимое количество средств для брачного платежа, а также для участия в дароторжествах (Meggitt, 1974. С. 184).

Таким образом, помогосбор ценностей для брачного платежа у разных групп горных папуасов существовал в различной степени. Общая тенденция развития — постепенное сокращение его масштабов и, в конечном счете, исчезновение. Одновременно с этим идет зарождение и развитие доминарной формы эксплуатации человека человеком.

Основой ее была частная собственность, но не на средства производства, а на престижные ценности. В число престижных сокровиш входили и такие объекты, которые являлись одновременно и средствами производства. Речь идет о свиньях. Но свиньи у папуасов гор Новой Гвинеи выступали прежде всего как престижные ценности. И была масса вещей, которые не имели никакой другой ценности, кроме престижной. Это — раковины, перья райских птиц и т. п.

Их ценность была связана с редкостью. Раковины, в частности, поступали в горы Новой Гвинеи издалека и в доконтактные времена в ограниченном количестве. В результате у мелпа, например, наметилась явная тенденция к превращению операций с ними в монополию бигменов. Вся сеть престижного дарообращения стала приобретать элитарный характер (Strathern, 1971. P. 108; 1979. P. 532–533; 1987. P. 259).

Как следствие, Г. Фицедом, работавший в районе г. Хаген в 1934–1939 гг., пришел к выводу, что в обществе мбовамб (мелпа) существовало несколько достаточно жестко разграниченных слоев, между которыми существовали отношения эксплуатации. Представители низших страт работали на членов высших (Vicedom und Tischner, 1943. S. 46–48).

В целом у мелпа наметилась тенденция к перерастанию системы престижной экономики с бигменами в систему престижной экономики с богачами, подобную той, что существовала у толова и юроков. Трудно сказать, смогла ли бы она полностью реализоваться. Ведь в отличие от толова и юроков в число ценностей у мелпа входили свиньи, которых в принципе мог вырастить каждый. Однако сразу же замечу, что для этого нужно было иметь жену, а брак был невозможен без дароплатежа, включавшего в себя раковины да и тех же свиней.

С приходом европейцев положение изменилось. Белые начали платить раковинами за растительную пищу и труд (Strathern, 1971. P. 107–108). В результате многие бедняки получили доступ к этим ценностям, а тем самым и возможность включиться в престижный дарообмен. Некоторые из них стали нуворишами. Сократилось число зависимых. Бигмены лишились многих рабочих рук. Как следствие, они стали увеличивать число обменных партнеров (Vicedom und Tischner, 1947. S. 45–61, 149–151).

Общества горных папуасов находились не на одинаковых ступенях развития. Одни из них относились к ранним этапам развития позднепервобытного общества. Это, по-видимому, сиане, менде. Более продвинуты были кума. К поздним этапам могут быть причислены чимбу, мелпа, мае энга, раиапу энга, а также капауку.

Экономика капауку отличалась значительным своеобразием. У них существовали раковинные деньги, которые использовались не только для дароплатежей (брачные платежи, вергельд и т. п.), но и как средство товарного обращения. В качестве денежных единиц выступали не низки раковин, а отдельные раковины (Pospisil, 1963a. P. 300–310). Купля-продажа имела место и внутри общины (P. 313).

У капауку существовали умельцы, услуги которых оплачивались (P. 298–299). Плату за лечение получал шаман (P. 326). Встречались случаи труда на поле другого человека за денежное вознаграждение (P. 153–154). Но подлинных наймитов не существовало. Развита была заемно-долговые отношения. Должники были наиболее верными приверженцами бигменов (P. 31, 348–355).

Бигмены у капауку отдавали свиней на откорм другим людям. Человек, получивший поросенка, должен был довести его вес до 90 кг. После этого он возвращал свинью собственнику и получал в качестве вознаграждения от 4 до 7 единиц раковинных денег. Или же он сам убивал свинью, оставлял себе 6 кг чистого мяса (стоимостью в 3 единицы раковинных денег), голову и внутренности, а все остальное отдавал владельцу (Р. 213–214).

Если учесть, что поросенок стоил 7 единиц раковинных денег, а цена взрослой свиньи весом в 90 кг равнялась 20 единицам (Р. 210–211), то в данном случае перед нами безвозмездное присвоением человеческого труда, а именно — одно из проявлений помогодоминарного образа производства.

Бытовало у капауку приживальчество, хотя для каждого конкретного работника это состояние, как правило, было временным. Приживалами обычно становились молодые люди, стремившиеся заручиться поддержкой бигменов в приобретении средств для брачного платежа (Р. 38–39).

Будучи центрами обширных звездных систем дарообмена, имея приверженцев, а иногда также дополнительные рабочие руки в своих хозяйствах, бигмены значительно активнее, чем рядовые люди, участвовали в дароплатежах и великодарениях. Так, например, в одном из обменов мока у мелпа 4 главных бигмена дали в дар 265 раковин (в среднем по 66,3 раковины), в то время как 43 обычных человека — 428 раковин (в среднем по 10 раковин). 5 главных бигменов дали в дар 79 свиней (в среднем по 15,8 свиней), а 38 обычных людей — 74 (в среднем по 2 свиньи) (Strathern, 1971. Р. 150–151). Некоторые бигмены сосредотачивали в своих руках столь много ценностей, что устраивали такие дароторжества, в которых они выступали в качестве единственных дарителей (Р. 220).

Бигмены были людьми, которые указанными способами сами создавали себе положение. И когда они добивались своей цели, то становились лидерами. Нередко они становились главарями существующих в обществе структурных групп: подподродов, подродов, родов. Так обстояло дело, например, у мае энга. Причем у них бигмен, являвшийся главарем рода, был одновременно главарем одного из подродов этого рода, а также главарем одного из подподродов указанного подрода (Meggitt, 1973. Р. 200).

У ряда народов наблюдалась тенденция к совпадению группы приверженцев бигмена с самым мелким структурным подразделением общества. Так обстояло дело у мелпа. Но и у них это никогда полностью не реализовывалось. Каждый подподрод имел своим главарем бигмена, но не каждый бигмен был главарем подподрода (Brandwile, 1971. Р. 196, 199, 200).

В целом число бигменов совершенно не обязательно должно совпадать с числом структурных единиц общества. Это можно видеть

на примере кума, у которых кроме признанных лидеров, т. е. таких, которые являлись главарями определенных социальных единиц, были спонтанные лидеры.

У сиане, наряду с институтом бигменов, существовал особый институт главарей подподродов. Последние назывались *ярафо* — «старшими братьями». Ими становились самые старшие члены старейшего поколения. Когда «старший брат» умирал, его замещал следующий по старшинству член его поколения. Если поколение вымирало, то «старшим братом» становился старейший член следующего за ним поколения.

«Старший брат» мог стать бигменом, но мог и не быть им. В подподроде могло быть несколько бигменов, а могло не быть ни одного (Salisbury, 1962. P. 21–22, 29). Выше подподрода должностных лиц у сиане не существовало. Главарями подродов и родов становились те или иные бигмены. Когда они оказывались неспособными выполнять свои функции, их заменяли другие (P. 29). У мае энга шло постоянное соперничество бигменов за власть. Бигмен — главарь подрода стремился оттеснить бигмена — лидера рода и занять его место (Meggitt, 1973. P. 201–202).

Было время, когда среди этнографов почти безраздельно господствовала точка зрения, что бигмены существовали у всех папуасов гор Новой Гвинеи. С критикой ее выступил М. Годелье, который основывался на материалах своих полевых исследований у баруйа (Godelier, 1986). Им был предложен термин «великий человек» («грейтмен»), который имеет у него два смысла. В самом широком смысле М. Годелье под грейтменами понимает всех вообще людей, которые пользовались большим престижем и влиянием, чем обычные, рядовые люди. Одной из разновидностей грейтменов являются бигмены, в основе влияния которых лежит накопление материальных ценностей (свиней, раковин) и манипулирование ими. Но существуют и такие влиятельные люди, которые добиваются престижа иными путями. Именно они и являются грейтменами в узком смысле.

К числу грейтменов у баруйа относились великие воины, шаманы, охотники на казуаров, добычки соли. Великими людьми являлись также наследственные владельцы священных предметов и выдающиеся земледельцы и животноводы (P. 81–135, 169).

Как утверждает М. Годелье, бигменов у баруйа не было, ибо никакой нужды в них не существовало (P. 171). Вообще, вся жизнь этого народа описывается в его книге так, как если бы у них полностью отсутствовала престижная экономика. И только буквально из одного абзаца мы узнаем, что престижная экономика у баруйа все-таки существовала. Оказывается, что большие инициации у них сопровождались пирами и дарениями пищи. На них присутствовали сотни гостей из соседних племен. Вполне понятно, что к этим праздникам создавались запасы пищи, причем работа начиналась задолго до их начала. Узна-

ем мы также, что вся эта праздничная деятельность в конечном счете контролировалась небольшим числом ведущих людей (Р. 171).

И поэтому совершенно не удивительно, что в другой работе М. Годелье прямо признает существование у баруя «людей очень сходных с бигменами, подобных тем, что существовали перед колонизацией у мелпа горы Хаген и повсюду». Правда, он тут же утверждает, что эти бигмены у баруя появились лишь в результате контакта с европейцами (1982. Р. 34).

Стремясь доказать, что баруя не были исключением, М. Годелье ссылается на работу Черри Лоумен-Вайды о бигменах у маринг. Хотя исследовательница употребляет термин «бигмен», фактически речь у нее идет исключительно лишь о грейтменах в узком смысле этого слова. О собственно бигменах она даже не упоминает (Lowman-Vayda, 1973). Но несомненно, что у маринг существовала престижная экономика (Rappoport, 1967; LiPuma, 1981, 1988). И описывая ее, Э. Липума как о само собой разумеющемся говорит и о подлинных бигменах (1988. Р. 56, 71. 117, 120, 134, 173, 183, 188, 210).

Еще дальше М. Годелье пошел Дарил Кизс Фейл. В работе «Эволюция обществ гор Папуа — Новой Гвинеи» (Feil, 1987) он выделяет три типа лидеров: бигмены, грейтмены и деспоты. Эта классификация крайне уязвима с чисто логической точки зрения: в ее основе не лежит единый признак. Еще М. Годелье отмечал, что грейтмены, являвшиеся великими воинами, могли быть настоящими деспотами (Godelier 1986. Р. 119–120). Но согласно точке зрения Д. К. Фейла, деспотизм — не отклонение и не крайняя форма других типов лидерства, прежде всего бигменства, а особый тип лидерства, присущий определенным обществам гор Новой Гвинеи (1987. Р. 103).

Однако резко противопоставляя общества с деспотами обществам с бигменами, Д. К. Фейл не может подтвердить это фактами. Он ссылается на статью А. Шафера, в которой, как он утверждает, рассказывается о деспоте по имени Кавагл у чимбу (Schaffer, 1938). Но ведь бесспорно, что у чимбу существовали бигмены в точном смысле этого слова. К тому же сам А. Шафер подчеркивал, что хотя Кавагл являлся самоуверенным, опасным в гневе человеком, убившим много врагов и даже двух своих жен, но «тираном не был» (S. 108). Не существует данных, которые позволили бы говорить о деспотическом правлении Кавагла. По словам Поли Браун, много работавшей среди чимбу, ее информаторы характеризовали последнего как просто влиятельного человека (Brown, 1990. Р. 99).

Другой пример — деспот Матото у таирора, умерший около 1930 г. Рассказы туземцев о нем были записаны Джеймсом Уотсоном (Watson, 1973). Как явствует из его статьи у таирора существовала престижная экономика (Р. 252, 264). У них были великие люди, под которыми Дж. Уотсон понимает людей с большими средствами, и раббишмены — люди с малыми средствами (Р. 265). В связи с этим нельзя не отметить,

что типичная престижная экономика с даропредставлениями и дароторжествами описана у одного из подразделений таирора — оммура (Johnson, 1982).

Матото был богат. Он имел 16 или даже больше жен, которые трудились на огородах. На него работали и мужчины, прежде всего родственники и свойственники. В результате он имел в своем распоряжении необычайно большое количество огородной продукции, свиней и другого добра. Отношения Матото и его приверженцев не были односторонними. Он не только получал от них, но и давал. Обитатели его мужского дома, которые вместе с ним сражались, постоянно получали от него пищу. Он делал вклады в брачные платежи своих приверженцев. Матото участвовал в обменах, устраивал пиры (Р. 231, 245, 250–253, 259, 264–265, 271–272). Иначе говоря, Матото был настоящим бигменом.

Деспотизм у горных папуасов, несомненно, кое-где имел место (см. также: Salisbury, 1964). Однако абсолютное противопоставление деспотов и бигменов не имеет под собой достаточной основы. Деспотами в определенных конкретных условиях становились те же самые бигмены. Чаше всего это имело место тогда, когда человек не только искусно манипулировал богатствами, но был одновременно и великим воином, предводительствовал в сражениях. Кстати говоря, деспотизм в послеколониальную эпоху некоторые авторы связывают с влиянием австралийской администрации (Brown, 1963).

Но хотя среди бигменов были и деспоты, в целом исследователи склоняются к выводу, что власть бигменов в большинстве случаев носила довольно ограниченный характер (Leperanche, 1968. Р. 175–184; Strathern, 1966).

Бигмен, как правило, не мог никого принудить следовать своим решениям. Члены группы, главарем которой является бигмен, могут совершенно безнаказанно не считаться с его указаниями. Они всегда имели возможность стать приверженцами другого бигмена или действовать совершенно самостоятельно (Brandwic, 1971. Р. 197, 205). Чтобы люди подчинились решению бигмена, нужно было их убедить в его правильности. С этим связано значение ораторского искусства (Read, 1959. Р. 431).

Но основа влияния бигмена — прежде всего его роль в циркуляции ценностей: в даролачеобмене, дароплатежах, великодарях. Через его руки проходила масса ценностей. Он располагал большими возможностями их получения, что не могло не привлекать к нему ординарных людей, которые всегда нуждались в свиньях и раковинах.

Когда человек старел и не был способен ни производить ценности в необходимых количествах, ни расширять и поддерживать обширную систему дарообменных отношений, ни привлекать нужное количество приверженцев, его влияние падало и он переставал быть бигменом (Pospisil, 1963a. Р. 405; Brandwic, 1971. Р. 209; С. 88–89; Brown, 1973. Р. 218 и др.).

Созданная на основе материалов о поздних охотниках, рыбаках и собирателях, типология бигменов вполне применима к горным папуасам, которые были земледельцами и животноводами. Нельзя, конечно, с полной уверенностью утверждать, что среди них были общества с ранними и поздними бигменами. Но не исключено, что к числу их относятся общества менде и сиане. Во всяком случае в литературе не содержится никаких прямых свидетельств, что бигмены у этих народов в какой-то форме эксплуатировали других людей. Позднейшими, по-видимому, являются бигмены у кума. Финальные бигмены существовали у чимбу, мелпа, мае энга, раиапу энга, капауку.

Пожалуй, нет ни одного доклассового общества, кроме общества папуасов гор Новой Гвинеи, в котором бы столь отчетливо выступали все основные элементы престижной экономики. В нем необычайно был развит дародачеобмен, что наглядно можно было видеть на примере менде. Существовала в нем и целостная система дароплатежного обращения. Она была детально изучена Р. Ледермен у тех же менде (Lederman, 1986), М. Меггиттом у мае энга (Meggitt, 1965. P. 110–181). Робертом М. Глассе у хули (Glasse, 1968. P. 54–55, 111–132). И наконец, повсеместно у горных папуасов существовал великодараобмен. Описания дароторжеств имеются почти у всех исследователей, которые работали в этом регионе.

Нельзя не отметить и своеобразие престижного дарообращения у разных групп горных папуасов. У центральных энга, кьяка, мелпа великодараобращение, например, во многом носило черты и дародачеобмена. По существу это был дародачеобмен, ставший великодараобменом. Именно поэтому его, так же как мербок и кулу, называют церемониальным обменом. Но наряду с ним существовал и обычный дародачеобмен.

Престижная экономика существовала у всех папуасов гор Новой Гвинеи. Кроме упомянутых выше народов, она описана также у гурурумба (Newman, 1965), вола (Silitoe, 1979), кева (Leroy 1979a; 1979b; Josephides, 1985), дариби (Wagner, 1967), дуна (Modjeska, 1982), камана, усруфа, джате, форе (Berndt, 1962), усино (Couton and Eisler, 1976), полопа (Brown D., 1979). Система престижно-экономических отношений наличествовала у аборигенных жителей и всех остальных районов Новой Гвинеи. Более или менее детально она была исследована у маринд-аним (Baal, 1966), мейпрат (Elmberg, 1966), варопен (Held, 1957), тор (Oosterveld, 1961), арапеш (Mead, 1937; 1947), абелям (Kaberry, 1941–1942), гариа (Lawrence, 1934), тангу (Buridge, 1973), нгаравапум (Read, 1946; 1950), мафулу (Williamson, 1912), орокаиwa (Williams, 1930; Schwimer, 1973), мекео (Hu'ofa, 1971; 1981), койта (Seligman, 1910), сию (475), ведау (Kahn, 1966), меланезийцев залива Хьюон (Hogbin, 1951), района Вага-Вага (Seligman, 1910).

**Архипелаги меланезии
и остров Алор (Индонезия):
престижная экономика с бигменами**

**1. Престижная экономика в Меланезии
за пределами Новой Гвинее**

Престижная экономика существовала не только на Новой Гвинее, но по всей Меланезии. Имеются описания престижно-экономических отношений на о. Тубетубе (Seligman, 1910), о. Boreo (Hogbin, 1970c; 1978), о. Манам (Wedgwood, 1934), у манус одноименного острова (Mead, 1934; Schwartz, 1961), на о. Новая Ирландия (Powdermaker, 1932; 1933, Billings and Peterson, 1987), о-вах Табар (Groves, 1934–1935), о-вах Танга (Bell, 1946–1948; Foster, 1990), о-вах Ниссан (Nachman, 1982; у киленге (Zelenletz, Grant, 1980), лакалан (Chowning and Gudenough, 1973) и толаи (Epstein T., 1964; Epstein A., 1969; Salisbury, 1966; 1970. Новой Британии, на о-вах Мопехафен (Todd, 1934; 1935), о-вах Тробриан (Malinowski, 1922; Weiner, 1983), о. Гава (Munn, 1966), о. Норманби (Thune, 1983), о. Добу (Fortune, 1932), о. Гуденаф (Yong, 1971), у молима о. Фергюссон (Chowning, 1983), на о. Тогула (Lepewski, 1983), о. Сабара (Battaglia, 1983), о. Россель (Armstrong, 1928; Liep, 1983), на о. Бука и севере о. Бугенвиль (Blackwood, 1935), у населения района Буин (Thurnwald, 1934) и у сиуаи (Oliver, 1955) о. Бугенвиль, на о. Шуазель (Scheffler, 1965), у каока о. Гуадалканал (Hogbin, 1938; 1964), на о. Эдистоун и о. Рононго (Hosart, 1922), у тоамбаита и фаталека о. Малаита (Hogbin, 1970; Риделанд, 1973. С. 129–136), на о. Улава (Ivens, 1927), о. Сан-Кристоваль (Fox, 1923), на о. Пентекост (Аттенборо, 1966. С. 26–28), о. Малекула (Deacon, 1934), о-вах Санта-Крус (Davenport, 1964). На о. Танну деревни поочередно устраивали пиры, на которых часть пищи поедалась, а часть уносилась гостями домой (Humphreys 1965. Р. 85–86). На о. Эроманга существовали питейные праздники, как у кубео, а также грандиозные дароторжества, которыми обменивались дистрикты (Humphreys, 1965. Р. 179–181). Отчетливые следы престижной экономики зафиксированы на о-вах Фиджи (Sahlins, 1962; Turna, 1987).

Во многих, если не в большинстве случаев престижная экономика в Меланезии была связана с фигурой бигмена. Собственно само понятие бигмена возникло на основе обобщения меланезийского ма-

териала вообще, данных, относящихся к папуасам гор Новой Гвинеи, в частности (см.: Lindstrom, 1971).

Экономика с бигменами, особенно позднейшими и финальными, у земледельцев и животноводов отличается необычайным разнообразием. Поэтому ограничиться материалами об одних лишь папуасах гор Новой Гвинеи невозможно. Во избежание односторонности нужно привести дополнительные данные, причем желательно об обществах, экономика которых значительно отличалась бы от той, которая была рассмотрена выше.

За основу нужно взять какое-либо одно общество, причем такое, у которого была бы достаточно описана не только престижная, но и жизнеобеспечивающая экономика.

Из всех народов Меланезии с бигменовским вариантом экономики этим требованиям в наибольшей степени отвечают сиауи, которые говорили на языке папуасского типа и жили на юге о. Бугенвиль (Соломоновы о-ва).

2. Сиауи острова Бугенвиль: раковинные деньги, займы, пиры соперничества

Экономика этого народа описана в обширной монографии «Общество Соломоновых островов. Родство и лидерство у сиауи Бугенвиля» и ряде других работ Дугласа Ллэулина Оливера (1913–2009) (Oliver, 1949a; 1949b; 1949c; 1949d; 1955; 1973). Фактический материал был собран исследователем во время полевой работы, которая была проведена им в 1938–1939 гг.

В октябре 1938 г. всех сиауи насчитывалось 4658 человек. К этому времени на их жизни существенно сказалось европейское влияние. Еще в 70-х годах XIX в. к ним проникли стальные орудия, заменившие каменные, бамбуковые, раковинные, костяные. Затем туземцы, нанимавшиеся на плантации, привезли с собой европейских свиней, которые быстро вытеснили местных. Все это имело своим следствием подъем производства, рост избыточного продукта, увеличение роли торговли, накопление богатства в форме свиней и раковинных денег, развитие престижной экономики (1955. Р. 120, 470–471).

К 1915 г. относится установление над сиауи контроля со стороны австралийской администрации. Были прекращены войны, назначены должностные лица из числа туземцев (Р. XVII). Но в целом к моменту исследования область обитания сиауи была сравнительно изолирована от поселений, в которых жили европейцы (Р. XVII).

Сиауи занимались земледелием, которое было подсечно-огневым. Основной культурой у них было таро, которое составляло 80 % весового состава пищи (Р. 22, 26). Выращивались также ямс, батат, бананы, кокосовые и саговые пальмы, хлебные деревья. Разводились свиньи. Бывало собирательство, охота с собаками, рыболовство.

В прежние времена сиауи жили небольшими разбросанными поселками, в которых насчитывалось от 2 до 9 домов. В каждом из таких жилищ обитала элементарная или полигинная семья. С 1920 г. австралийская администрация заставила их селиться в сравнительно большие деревни (10–25 домов). Но и сейчас многие семьи имеют два дома: один в поселке, другой — в деревне.

Несколько поселков обычно образовывали общину, которую Д. Оливер называет «соседством». Именно жителей поселков, входивших в состав одной общины, чаще всего и селяли в одну деревню. Но были и такие поселки, жители которых составляли самостоятельную общину. В общине насчитывалось от 5 до 50 домохозяйств (Р. 333–334).

У сиауи существовали экзогамные материнские роды. Роды делились на подроды, подроды — на подподроды. Последние состояли из матрилиниджей, которые иногда были локализованными. Состав матрилиниджей варьировал от 1 до 30 человек. Матрилиниджи считались собственниками земли (Р. 112).

Человек имел полное право пользоваться землей, принадлежавшей его матрилиниджу. Обращивать ее могли и другие люди, но их право было временным. При этом они обычно должны были спрашивать разрешения у собственников, хотя это имело место не всегда. Во многих общинах все их члены имели свободный доступ к земле независимо от их принадлежности к тому или иному матрилиниджу. В целом земли у сиауи было достаточно и каждый имел возможность ею пользоваться (1955. Р. 133, 239, 334, 339, 483; 1973. Р. 291).

Каждая семья у сиауи занимала отдельное жилище и самостоятельно вела хозяйство, обеспечивая себя всем необходимым. Состояла она в среднем из 4 человек (1955. Р. 479). Экономические связи в обществе сиауи носили разнообразный характер. Существовал у них дележ (Р. 229, 455). Но упоминая его, Д. Оливер мало что о нем сообщает. Известно лишь, что он имел место внутри семьи, между семьей, в которой человек родился, и той, в которую вошел в результате брака, между близкими родственниками, а также между членами рода (Р. 231, 292, 455). Говорится и о том, что близкие родственники могли давать друг другу пищу и вещи без ожидания отдачи (Р. 230, 455). Существовала у сиауи помогодача. Сообщается, что человека, который не помогал родственникам и знакомым во время нужды, осуждали (Р. 361).

Помощь состояла не только в вещах, но и в труде. Когда человек строил дом, ему могли помогать родственники. Если он приглашал на помощь значительное число соседей, то после завершения работы устраивал пир, на котором угощал всех свининой (Р. 127, 354). Владелец саговой пальмы тоже мог устроить помогосбор. Приглашенные не получали доли саго. Их угощали таро и мясом опоссума (Р. 311). Женщины помогали друг другу в прополке участков (Р. 238). Но существовали и другие формы совместного труда. Группа мужчин сообща расчищала и огораживала определенную территорию. Каждый получал по участку (Р. 238, 309–310).

Существовал между родственниками и друзьями дачевозврат, но с тенденцией перехода в помоогобмен (Р. 229).

Получили у сиауи развитие услоуплатежные отношения. У них существовали умельцы, которые изготовляли веревки, гребни, тканые нарукавные повязки, головные уборы, коробки, фигурки из дерева, оружие с украшениями и т. д. Особо выделялись горшечники, которые в отличие от других умельцев уделяли своему занятию значительно больше времени: один день из каждых 3–4. Некоторые из умельцев были известны далеко за пределами своих деревень. Услуги умельцев оплачивались раковинными деньгами (Р. 298, 346). Раковинные деньги за свои услуги получали также знахари, костоправы, повивальные бабки, колдуны, предсказатели, композиторы (Р. 301–306, 355). Некоторые из умельцев изготовляли вещи специально для обмена.

Еще в доконтактные времена сиауи вели регулярный обмен с островами Алу и Моно. Они вывозили таро, свиней, орехи канариум, гончарные изделия, разукрашенные копья, а взамен получали раковинные деньги, рыбу, известь. С появлением после 1880 г. европейских торговцев предметом экспорта стала копра, которую выменивали на европейские ткани и стальные орудия. Но в этот ранний период сиауи в большинстве случаев вели обмен с белыми не прямо, а через посредников с Алу и Моно (Р. 295–296).

После первой мировой войны торговля с Алу и Моно прекратилась. Но внутренний обмен к моменту исследования стал еще более оживленным, чем раньше. Он происходил между различными районами области расселения сиауи и был связан с известной их специализацией. Горшки, например, изготовлялись на северо-востоке, который славился также и обилием орехов канариум, охра добывалась на севере, известь — на юге (Р. 297–298).

По крайней мере отчасти межрайонный обмен велся через торговых партнеров — *таови*. Обмен между ними был частично чистым дарообменом, частично дароторговлей. Он имел специальное название — *соту*. Таови не могли торговаться друг с другом. При этом виде обмена человек, давший вещь, получал эквивалент не сразу, а через неопределенный период времени, который, однако, не мог превышать 1–2 лет. Партнеров связывали самые различные взаимные обязательства (Р. 230, 297, 299). Обыкновенный товарообмен называли *ту*. При нем можно было торговаться, но в определенных рамках (Р. 300).

Как уже указывалось, у сиауи были в ходу раковинные деньги. Они состояли из раковин, нанизанных на нитки. За единицу счета принималась снизка раковин длиной в маховую сажень. Существовало несколько типов раковинных денег. Наиболее распространенной формой были *мауаи*. Снизки всех остальных видов раковинных денег выражались в единицах мауаи. Так, например, 1 снизка *курури* была эквивалентна 5 снизкам мауаи (Р. 339–440).

У сиауи многие из объектов, которые поступали в обмен, имели цену, выраженную в единицах мауаи. Так, например, цена 20 кокосовых

орехов была равна одной единице мауаи, так же как и цена двух опоссумов, одного охотничьего лука, десяти охотничьих стрел, одного горшка среднего размера и т. д. Молочный поросенок стоил 10 единиц мауаи, большая свинья — 50 (Р. 341–342).

В прошлом торговля с Алу и Моно шла как обмен вещи на вещь. Бартерный характер носил обмен горшков с севера на известь с юга, а также сделки, в результате которых сиуаи получали европейские товары. В остальных случаях туземцы предпочитали оплату в раковинных деньгах. И даже когда обмен носил бартерный характер, стороны исходили из цен обмениваемых вещей в единицах мауаи. Именно существование у сиуаи описанного выше «прейскуранта» и ограничивало возможность людей торговаться друг с другом.

Обмен у сиуаи шел не только между районами. Д. Оливер пишет о торговле между поселками и даже между домохозяйствами (Р. 297). При этом под торговлей он нередко понимает и услугоплатеж (Р. 298). Но, вероятно, у сиуаи товарообмен, причем в форме купли-продажи за раковинные деньги, проник уже и вовнутрь общины. Описаны, например, случаи, когда человек продавал соседу саговую муку (Р. 346–347).

До сих пор речь шла в основном о жизнеобеспечивающей экономике у сиуаи. Но у них существовала и престижная. Необычайно важное значение придавали сиуаи обладанию *мануну*. Мануну составляли все раковинные деньги, все свиньи, а также все те созданные в домохозяйстве вещи, которые не были необходимы для удовлетворения повседневных нужд его членов и поэтому могли быть обменены на раковинные деньги и свиней. Слово «мануну» означало избыток, избыточный продукт (Р. 337). Его, вероятно, можно было бы перевести и как богатство (Р. 345).

Сиуаи стремились иметь как можно больше свиней и особенно раковинных денег (Р. 345). Богатыми людьми, для обозначения которых существовало слово «*руренопа*», восхищались. Взрослых мужчин, не имевших мануну, презрительно именовали ничтожными людьми (*роруки номмаи*), если только не было объективных обстоятельств, оправдывавших их бедность (Р. 337–338). Сказать о мужчине, что он не имеет свиней, означало нанести оскорбление (Р. 348).

Имеются цифры, свидетельствующие о существовании у сиуаи имущественного неравенства. 199 домохозяйств, о которых были собраны данные, все вместе имели 740 свиней, т. е. на каждое из них приходилось в среднем по 3,7 свиньи. Но среди них были, с одной стороны, такие, которые совсем не обладали свиньями, а с другой, было несколько семей с 10–17 свиньями (1949с. Р. 13).

Неравномерно были распределены и раковинные деньги. В северо-восточном районе расселения сиуаи из каждых 5 домохозяйств 2 (т. е. 40 %) либо совсем были без раковинных денег, либо имели их не больше, чем 20 единиц мауаи. На каждую из оставшихся 270 семей

приходилось в среднем по 634 единицы. Но в реальности только 62 семьи имели больше 600 единиц, причем у 29 было более 1000 единиц (1955. Р. 517).

Основным источником богатства было выращивание свиней. Свиньи не только сами по себе были ценностью, но за них всегда можно было получить раковинные деньги (Р. 345). Чтобы иметь больше свиней, нужно было расширять площадь под огороды. Большая часть земледельческих работ приходилась на долю женщин. Они же выращивали свиней.

Поэтому накопление богатства требовало дополнительных рабочих рук, прежде всего женских. В период, когда велось исследование, выходом из положения было многоженство. Наиболее богатые и тем самым влиятельные люди имели по несколько жен (Р. 352–353). Из 900 исследованных семей 809 были моногамными, 71 мужчина имел по 2 жены, 19 — по 3–4, один важный лидер имел 8 жен (1949d. Р. 17).

Различия в богатстве мало сказывались на уровне повседневной жизни. Ежедневное потребление пищи было в богатых семьях в основном таким же, что и в бедных. Все жили в домах одного и того же типа, использовали те же самые орудия и т. п. (1955. Р. 337, 364, 453).

Сиауи не убивали свиней для домашнего потребления. Раковинные деньги не использовались для приобретения пищи для нужд семьи. И очень мало их шло на покупку одежды и орудий (Р. 337, 348).

Свиньи и раковинные деньги были прежде всего нужны для дароплатежей, которые сопровождали все основные события в жизни людей: рождение, наречение, различного рода инициации, помолвки, брак, смерть (1949c. Р. 5; 1955. Р. 155–162, 175, 178–182, 217–219, 284–288). Собиравшиеся по поводу этих событий родственники и друзья получали в сыром виде куски свинины и таро, которые потом относили домой и готовили (1955. Р. 364). Существовал у сиауи вергельд. За убийство человека его родственникам платили 10 единиц мауан (Р. 342).

Раковинные деньги для брачных платежей обеспечивал отец юноши. Если его не было, то деньги давал брат матери, старший брат или другой близкий родственник. Но эти деньги считались займом, который должен быть возвращен (Р. 284).

Вообще заемно-долговые отношения были у сиауи довольно развиты. Занимали у родственников, соседей. В основном в долг давались предметы престижного богатства: раковинные деньги и свиньи. Заем должен быть возвращен в более или менее определенный срок, причем с процентами. Для обозначения надбавки к долгу существовал определенный термин — *тотокаи*. Обычно надбавка равнялась четверти долга (25 %). Но некоторые люди, известные своей щедростью, добавляли половину долга (50 %). Существовали различные способы принуждения должника к выплате долга. Как утверждает Д. Оливер, давание в долг не было средством обогащения. Каждый имел долж-

ников, но и сам был должен. У многих было по 5–6 должников, но столько же и кредиторов (Р. 229, 307, 356).

Щедрость, кстати, совершенно не обязательно предполагала безвозмездное давание. Человек считался щедрым, если давал часто и не требовал строго эквивалентного возврата. Скупых не любили (Р. 361, 397). Но щедрость сама по себе еще не давала известности. Престиж обеспечивала щедрость, проявлявшаяся в частом давании пиров (Р. 362). Многие мужчины стремились повысить свой престиж, но не все в одинаковой степени продвигались в этом направлении. Признанными лидерами, которые у *сиуаи* назывались *муми*, становились немногие.

Человек, который стремился стать *муми*, начинал с выращивания свиней, которых обменивал на раковинные деньги. Нередко он занимался также изготовлением тех или иных вещей, например, горшков, что приносило ему деньги (1949d. Р. 60). Все это требовало дополнительных усилий. Искатель престижа и члены его семьи работали гораздо больше, чем остальные люди, и отказывали себе во многих лакомых кусках, которые поедались в других хозяйствах. Для достижения престижа жертвовали и досугом, и полным желудком (1955. Р. 456–457).

Однако при всем этом важнейшую роль играла помощь со стороны близких родственников. Она оказывалась во многом безвозмездно. Так, например, родственники давали искателю престижа поросят без ожидания возврата. Как отмечает Д. Оливер, здесь имел место элемент *дележа* (Р. 386).

Важным шагом в карьере будущего *муми* являлось строительство особого дома, в котором могли бы собираться мужчины. В каждой общине обычно уже имелось несколько таких домов. Их владельцы совершенно не обязательно являлись *муми*. Но нельзя было стать *муми* не построив собственного мужского (клубного) дома.

Для этого нужно было собрать как можно больше мужчин. В одном описанном случае в строительстве дома участвовали почти все мужчины данной общины, а также помощники из шести соседних деревень. После окончания работы хозяином дома устраивался грандиозный пир, который был вознаграждением за службу. Ни один мужской дом не считался законченным, пока в нем не размещалось определенное число (обычно 9) деревянных гонгов. Выдалбливание и водворение на место каждого гонга требовало привлечения помощников и сопровождалось пиром. В результате этой серии пиров человек обзаводился приверженцами из числа жителей общины и становился местным *муми* (1949d. Р. 60; 1955. Р. 377–386; 1973. Р. 282).

Пирьы этого типа детально не описаны. Не уточнен состав их участников. При описании карьеры одного лидера указывается, что таких пиров было 7 и что в них участвовали лидеры соседних селений (1955. Р. 425). О пирах, целью которых было приобретение престижа,

в общем виде говорится, что гости получали на них блюда, наполненные пищей (без свинины), что на них происходило распределение свинины и раковинных денег (Р. 349, 367–369). Но относится ли последнее к пирам описываемой серии, трудно сказать. Однако пища, в том числе свинина, на них раздавалась. И поедалась она гостями чаще всего после возвращения домой (Р. 371).

Некоторые люди, добившись положения местного муми, на этом останавливались. Это не значит, что они могли почитать на лаврах. Чтобы сохранить достигнутый статус, они должны были продолжать устраивать пиры. Но наиболее честолюбивые лидеры переходили к пирам иного рода, которые назывались *муминаи*. Такие пиры — редкое явление. Наиболее активные лидеры за 15–30 лет давали их всего лишь 10–15 раз.

Суть муминаи — в соперничестве. Признанный лидер одной общины бросал вызов такому же лидеру другой. Один приглашал другого в качестве почетного гостя, чтобы дать такое количество ценностей (раковинных денег и свиней), которое последний не был в состоянии вернуть. Такой пир готовился несколько месяцев.

К этому времени объединение приверженцев лидера внутри общины приобретало форму иерархически построенного мужского союза. Высшее место в нем занимал сам лидер. Он был единственным в общине. За ним следовали главные его приверженцы, которых также часто называли муми. Некоторые из них сами стремились стать лидерами, но потом смирились с тем, что оказались на вторых ролях. Третий «класс» составляла основная масса приверженцев. Существовал и четвертый «класс». Во время подготовки пира члены мужского общества выступали как сохозяева.

Когда почетный гость давал согласие, организатор пира приглашал еще одного из соседних лидеров со всеми его приверженцами и близкими союзниками. Они выступали в роли «защитников». Почетный гость в свою очередь посылал приглашение своим союзникам с тем, чтобы они вместе с их приверженцами сопровождали его на пир. Они играли роль «атакующих».

Пир начинался с ритуального нападения союзников почетного гостя на союзников хозяина. Затем следовала музыка, песни, танцы. Почетному гостю вручались раковинные деньги, свинья, изысканные кушанья. «Атакующие» получали приготовленную пищу, а затем либо ели ее, либо уносили с собой. Глава «защитников» забирал свою долю свиней с тем, чтобы распределить ее между теми, кто вместе с ним играл эту роль. На долю приверженцев хозяина оставалось 1–2 свиньи.

Почетный гость в своем мужском доме распределял полученных свиней между лидерами «атакующих», а последние уже в собственных клубных домах готовили свинину и раздавали приверженцам. «Атакующие» не были обязаны возвращать свиней почетному гостю. Это было вознаграждением за услугу.

Лидер, выступавший в роли почетного гостя, должен был устроить ответный пир. Если на этом пиру он давал меньше ценностей, чем получил, его престиж падал. В общественном мнении его ранг считался более низким, чем ранг соперника. Если возврат был эквивалентным, то соперничество на этом прекращалось, и лидеры становились таови. Но если бывший почетный гость давал бывшему хозяину больше, чем получил, то последний снова устраивал пир с тем, чтобы либо сбалансировать счет, либо превзойти соперника.

В последнем случае нужен был достойный ответ. И так соперничающие лидеры могли давать друг другу пиры много раз. В конце концов возможности одного из них истощались, и он выходил из борьбы. Другой либо прекращал деятельность по организации пиров, либо находил более достойного соперника. В результате серии победоносных пиров главарь одной из общин получал высокий ранг и широко распространял свое влияние. Во время исследования 4 человека достигли кульминации в своих районах, а двое начали соперничать за самый высокий ранг во всей области расселения сиуаи (1955. P. 329, 388–395, 404, 419; 1973. P. 282).

В старые времена, когда шли непрерывные войны, муми были военными лидерами, хотя и не всегда сражались сами. Некоторые из них объединяли под своей властью значительное число общин. Десятилетие, предшествовавшее введению австралийского контроля, в области сиуаи существовало 6–7 районов, между которыми велись войны, но внутри которых царил мир. Во главе их стояли выдающиеся, великие муми. Со смертью такого лидера объединение распадалось (1955. P. 419–421). Но и в старые времена власть муми внутри общины покоилась прежде всего на его способности устраивать пиры (1973. P. 283–284).

Источники средств для пиров, которые устраивали муми, были различными. Определенная часть их создавалась в его собственном хозяйстве. Лидер с неизбежностью должен был иметь несколько жен (1955. P. 452). В старые времена, когда велись войны, дополнительные рабочие руки могли быть получены и иным путем. В ходе войн захватывались пленные. Были люди, которые искали у муми защиты и убежища. И те и другие работали в хозяйстве лидера: обрабатывали огороды, рубили дрова, огораживали поля и т. д. За это их кормили (P. 331, 419). Таким образом, в прошлом у сиуаи существовали и рабы. и приживалы.

И в самом начале своей карьеры, и в дальнейшем лидер давал родственникам и друзьям в соседних поселках молодых свиноматок с тем, чтобы они вернули ему 3–4 поросенка от каждого помета. Затем муми распределял поросят среди отдаленных родственников и соседей, которые должны были выращивать их и содержать до тех пор, пока они не потребуются владельцу. Человек возвращал вместо поросенка взрослое животное и получал за услугу 10 единиц мауаи (P. 351).

386–387). Если учесть, что поросенок стоил у сиауи 10 единиц мауаи, а взрослое животное — 50 (Р. 342), то здесь несомненно имеет место безвозмездное присвоение труда, а именно помогодоминарный образ эксплуатации.

Готовясь к пиру, лидер прибегал к помощи своих обменных партнеров — таови, которых у него было 5–6 в разных районах (Р. 296–297, 365–366). От них он получал наиболее ценных свиней — с большими клыками. За это нужно было платить (Р. 365–366, 396–397). Лидер и просто покупал свиней, орехи канариум и таро у родственников и соседей (Р. 298–299, 366–367). Он занимал нужные для пира средства. Активный даватель пиров обычно бывал должен 20–30 чело-векам (Р. 307).

Но главный источник средств для пиров — труд приверженцев. В какой-то степени об этом уже было сказано. Ведь порясат лидер раздавал в основном приверженцам, хотя среди тех, кто их выращивал, могли быть и люди из других общин (Р. 351). Приверженцы и просто давали ему различного рода ценности, включая свиней, и оказывали разные услуги (1955. Р. 386, 408; 1973. Р. 293). Много времени и энергии они затрачивали на сбор и приготовление пищи, распределяемой в мужском доме (Р. 387). Некоторые наиболее ревностные из них работали целыми днями, отказывались от ценных животных, от организации собственных пиров, сокращали потребление кокосов и все это ради нужд лидера (Р. 406). Не только в процессе подготовки к пирам, но и в обычное время, когда кто-либо убивал свинью, лидеру давали лучшую часть. После большой охоты или рыбной ловли муми получал долю, независимо от того, участвовал он в этом деле или нет (Р. 407). Лидер часто звал приверженцев работать на себя, отплачивая пиром, на котором угощал свининой (1940d. Р. 60; 1955. Р. 106). И вообще он мог распоряжаться их трудом и ресурсами (1955. Р. 404–405).

Но лидер не только получал. Он в свою очередь должен был помогать приверженцам. Последним доставалась часть пищи, распределяемой в его мужском доме. Он был щедрым хозяином, делал вклады в дароплатежи своих приверженцев (Р. 100, 387, 410, 423).

Но в целом лидер получал от приверженцев больше, чем они от него. По мере того, как муми устраивал все более грандиозные пиры, его требования к приверженцам непрерывно возрастали, а материальный возврат становился все меньшим.

Согласно взглядам сиауи, вклады приверженцев в пиры муми и проистекавшие отсюда лишения вознаграждались их долей в увеличивающемся престиже лидера. Ответ престижа муми ложился и на них. Однако в реальности между лидером и его приверженцами нередко возникал своеобразный конфликт. И первый, и последние жаловались на то, что не получают адекватной отдачи. Лидер упрекал приверженцев за то, что они недостаточно помогают ему и вообще плохо ценят его тяжкий труд по организации пиров, которые приносят такой престиж

всей общине. Приверженцы ворчали по поводу того, что они мало что реально получают. Но пока лидер продолжал увеличивать или сохранять престиж, это почти совсем не сказывалось на положении дел (Р. 387).

Если исходить только из сказанного выше, то в целом перед нами достаточно четко выраженная картина центростремительного метода эксплуатации, дополненного приживальчеством и рабством. Однако нужно отметить, что у сиауи земля общины нередко характеризовалась как принадлежащая лидеру (1949d. Р. 63; 1955. Р. 400–401). Но эту «подразумеваемую собственность» лидера на землю общины Д. Оливер отличает от «истинной собственности» на нее. Лидер имеет лишь «молчаливое, суверенное» право на землю общины, но не является истинным ее собственником (1949d. Р. 64). Истинные собственники земли — определенного матрилиниджа (1955. Р. 239).

У сиауи, таким образом, уже началось становление титульной частной собственности лидера на землю общины. Соответственно, шло перерастание центростремительного метода эксплуатации прямо в преполитарный образ присвоения прибавочного труда, минуя главарно-приносный образ эксплуатации. Но этот процесс не получил своего завершения.

Центростремительная система, сформировавшаяся вокруг муми, включала в свой состав по существу всех членов общины. Как указывает Д. Оливер, власть лидера распространялась не только на его приверженцев, но прямо или косвенно на все члены общины (1955. Р. 405). Это способствовало началу процесса становления титульной частной собственности лидера на землю общины.

Но положение лидера не было должностью. Когда конкретный лидер умирал, созданная им центростремительная система исчезала. Его положение не передавалось другому лицу. Каждый лидер заново должен был создавать для себя такую систему. Иногда после смерти прежнего лидера в той или иной общине вообще не находилось человека, который был бы способен достигнуть положения муми. В результате снижалось единство общины, происходило обособление составляющих ее поселков (1973. Р. 295–296). Существовали у сиауи и такие общины, лидеры которых не были давателями престижных пиров, а тем самым и муми (Р. 288–291).

Но хотя у сиауи титульная частная собственность лидера на землю только формировалась, это явление значительно способствовало укреплению его позиции. Это особенно наглядно видно на примере сопоставления муми с лидерами каока о. Гуадалканал (Соломоновы о-ва). Там человек тоже достигал положения лидера общины путем организации серии больших пиров, на которые приглашались жители других деревень. Для подготовки одного такого пира было использовано 5 тонн ямса. На нем было представлено более 136 кг сушеной рыбы, 5 тыс. лепешек из ямса, 19 сосудов с ямсовым пудингом, 13 свиней.

Всего хозяином было сделано 257 отдельных дарений. Но в отношении каока нет даже намека на зарождение титульной частной собственности лидера на землю деревни. И как всякий классический бигмен, лидер у каока сохранял свое положение, пока активно действовал. С годами его активность снижалась, и он впадал в «ничтожество» (Hogbin, 1938; 1964. P. 64–70).

У муми во всех известных случаях муми сохранял свое положение до смерти. И после кончины лидера его продолжали почитать. Ему устраивали грандиозные похороны, особенно в том случае, когда он умирал в пике подъема сил. Но торжественно хоронили и престарелого лидера, уже пережившего расцвет славы (1955. P. 402).

Муми вообще отличался от классического бигмена. Он был освобожден от некоторых физических работ: не носил тяжестей, не лазил на деревьях за орехами. Но в огородах он трудился (1949d. P. 60; 1955. C. 106, 401).

Муми имел немалую власть. Он был судьей и арбитром, мог накладывать на приверженцев штрафы. Но в период, когда велось исследование, в его распоряжении не было никакой физической силы. Он опирался в основном на престиж и общественное мнение. В старые времена власть муми была большей. Ее опорой было оружие приверженцев. Человека наказывали, когда он говорил что-нибудь плохое о муми. Лидер даже мог убить или ранить непокорного приверженца. Но абсолютной его власть была только над рабами (1949d. P. 61; 1955. P. 406, 411, 418–419). Лидер обладал властью в общине и определенным влиянием за ее пределами. Одни муми не вмешивались в дела соседних общин, другие — это делали (1955. P. 396, 405). Но, несмотря на все прерогативы, уровень жизни муми был не намного выше, чем у других людей. Пищу для повседневного потребления он производил сам (P. 420).

3. Торговля, рынки, кредит и ростовщичество в Меланезии

Раковинные деньги самых различных видов широко использовались в Меланезии, включая и Новую Гвинею. Им посвящено значительное число работ (Woodford, 1908; Lewis, 1929; Salisbury, 1964; Counts D. and D., 1970; Cooper, 1971). Особо отличается своей основательностью труд Хельмута Петри «Формы денег в Южном море» (Petri, 1936). Раковинные деньги в готовом виде в природе не встречались. Их нужно было производить. На этом специализировались жители местностей, чаще всего скудных пищевыми ресурсами. Такого рода туземные «монетные дворы» существовали на островах Банкс и Соломоновых островах. Один из них до самого последнего времени действовал (а, может быть, действует и сейчас) на островке Ауки, расположенном в лагуне атолла Ланга-Ланга (Стингл, 1978, С. 52–60).

Мужчины добывали раковины, а изготовлением из них денег занимались женщины, что было делом сложным, требующим большого мастерства. На Ауки изготавливались раковинные деньги трех видов: красные, самые дорогие, — *ронго*, белые, и самые дешевые — черные. Эти деньги островитяне обменивали на свинину, таро, ямс.

Раковинные деньги появились в Меланезии до начала колонизации. Их существование было замечено европейскими наблюдателями на некоторых ее островах еще в 80-х годах XIX в. На о. Новая Британия раковинные деньги назывались *тамбу*. За единицу счета принималась снизка раковин длиной в маховую сажень. Туземцы терминологически отличали обмен вещи на вещь — *буана* от купли-продажи вещи на раковинные деньги — *кул*. И у них, как и у сиуаи, многие объекты, поступавшие в обмен, имели цену в единицах тамбу. Так, например, крупная рыба стоила 0,5 единиц тамбу, 60 плодов хлебного дерева — 1 единицу, большое каноэ — от 20 до 50 единиц, малое каноэ — от 7 единиц и выше, свиньи (в зависимости от величины) — от 7 до 10 единиц, большой нож — 3 единицы, большая рыболовная сеть — от 40 до 50 единиц и т. п. Но были и такие вещи, цены на которые колебались в зависимости от спроса и предложения (Danks, 1888. P. 305–308).

В целом товарообмен у туземцев Новой Британии в 80-х годах XIX в. был более развит, чем у сиуаи Бутенвиля в конце 30-х годов XX в. На Новой Британии существовали рынки, т. е. особые места, где люди постоянно собирались для товарообмена. Рынки действовали во многих местах на побережье каждый третий день. Люди, которые жили очень далеко от берегов, создавали свои собственные рынки во внутренних районах острова. На этих рынках они обменивались продуктами с теми, кто жил ближе к берегу, а те в свою очередь вели обмен с береговыми жителями.

Рынки были так организованы, что два соседних редко функционировали в один и тот же день. В результате человек, сегодня побывавший на одном рынке, мог на следующий день посетить другой. Береговые жители встречались на рынках с насельниками внутренних районов острова и обменивали рыбу и европейские товары на тамбу или на пищу и другие вещи (P. 315).

Рынки существовали и в других районах Меланезии. Встречались они, в частности, на севере о. Малаита (Hogbin, 1970. P. 17, 32, 58, 105; Ross, 1973; 1978), о-вах Адмиралтейства (Mead, 1934; Schwartz, 1961. P. 78), на о. Малекула (Deacon, 1934. P. 203). У ятмул Новой Гвинеи каждый средний день трехдневной недели был рыночным (Bateson, 1936. P. 143–144), у квомы рынки действовали каждые 3–5 дней (Whiting and Read, 1938. P. 188). Рынки существовали и в горных районах Новой Гвинеи (Nillcs, 1944; Brown, 1970).

И заемно-долговые отношения тоже были широко распространены в Меланезии. Во второй половине XIX в. на о-вах Герцога Йорк-

ского и Новой Британии раковинные деньги, взятые займы, возвращались с надбавкой в 10 % (Danks, 1888. P. 308–309), на о-вах Банкс — в двойном размере (Congington, 1891. P. 326). В то же самое время на Северных Новых Гебридах роль престижных ценностей выполняли маты. В случае займа рост здесь доходил до 100 % (P. 323–324). По крайней мере, в двух последних случаях перед нами — ростовщический метод эксплуатации.

В начале XX в. у ругара юга о. Бугенвиль процент при займах раковинных денег доходил до 100. Пока долг не был выплачен, кредитор мог пользоваться имуществом должника (свиньями, плодовыми деревьями) и даже его трудом (Thurnwald, 1912. S. 41–45).

4. Генезис примитивных (первобытных) денег

Раковинные деньги существовали не только в Меланезии. Бытование их было уже отмечено у береговых селищ, толова, юроков и других индейцев Калифорнии. Они являются одной из разновидностей примитивных (первобытных) денег, о которых существует несколько фундаментальных работ, прежде всего монографии Алисона Хайтона Квиггина «Обзор примитивных денег. Начало денежного обращения» (Quiggin, 1949) и Пола Эйнцига «Примитивные деньги в их этнологическом, историческом и экономическом аспектах», вышедшей первым изданием в 1949 г., вторым, переработанным — в 1966 г. (Enzig, 1966). Неплохой обзор примитивных денег содержится в одной из глав работы крупного немецкого этнолога Юлиуса Липса (1895–1950) «Происхождение вещей. Из истории культуры человечества» (Липс, 1954. С. 208–230). Отсылая желающих ознакомиться в деталях с первобытными деньгами к данным трудам, остановлюсь коротко лишь на вопросе об их генезисе.

Вряд ли было бы правильным рассматривать возникновение всех первобытных денег, в первую очередь раковинных, как прямой результат развития товарообмена. Раковинные деньги, как и многие другие примитивные деньги, зародились первоначально в сфере престижной экономики. Они возникли как средство престижного дарообращения и, вероятно, в первую очередь как средство дароплатежа. Вызвала их к жизни потребность обеспечения эквивалентности при дарообмене.

Известны народы, у которых снизки раковинных бус использовались только в дарообращении. Так обстояло дело у канаков Новой Каледонии, где обмен ими происходил при рождении, браке, смерти и в некоторых других ситуациях. В соответствии с этим П. Бессанье отказывается видеть в них даже зародыш денег (Bessaiguet, 1956. P. 333–339).

И Новая Каледония, вероятно, — не исключение. Во всяком случае, Р. Турнвальд писал, что «на Новой Гвинее деньги совсем не имеют

реального коммерческого назначения, они выполняют только социальные функции» (Thurnwald, 1912. S. 38). Указывая, что снизки раковин, раковинные бусины, маты, перья определенных птиц и т. п. вещи являются центральными объектами церемониальных обменов, связанных со вступлением в брак, в тайные общества, инициациями, Сирил Белшоу выступал против того, чтобы называть их деньгами. Как подчеркивал он, эти «деньги» даже и не приближаются к тому, чтобы быть ими в том смысле, в каком этот термин используется в применении к западной экономике (Belshaw, 1950. P. 169–170, см. также: 1954. P. 12).

Раковинные деньги зародились в процессе дарообращения. Но наряду с ним развивался и товарообмен. И когда последний в своей эволюции достиг такой стадии, на которой возникла нужда во всеобщем эквиваленте, в роли его начали использоваться возникшие независимо от товарообмена раковинные деньги. Они стали не только престижными, но и «товарными» деньгами, т. е. деньгами в привычном смысле слова.

Но даже, когда раковинные деньги стали средством товарного обращения, у всех народов, у которых продолжала сохраняться престижная экономика, это не стало их главной функцией. Они продолжали использоваться прежде всего в дарообращении: для дароплатежей и великодаров. Это наглядно можно было видеть на примере сиауи.

Еще более отчетливо церемониальная функция раковинных денег выступает у меланезийцев о. Россель (архипелаг Луизиана) (Armstrong, 1928. P. 59–114). Так же обстояло дело у толаи Новой Британии даже после того, как они уже были в значительной степени втянуты в орбиту капиталистической экономики (Epstein T., 1964. P. 56–58; Epstein A., 1969. P. 230–245; Salisbury, 1966. P. 115–125). Как специально подчеркивал австралийский этнограф Герберт Ян Хогбин, у каока о. Гуадалканал главной функцией раковинных дисков и собачьих зубов была церемониальная (Hogbin, 1964. P. 47–48).

5. Мужские союзы и экономика: ранги и платежи

Как явствует из предшествующего, у сиауи наметилась тенденция к образованию мужских союзов, члены которых были подразделены на несколько категорий. На некоторых островах Меланезии вполне оформленные мужские союзы (общества) существовали уже давно.

На о-вах Банкс бытовало два вида мужских союзов: *тамате* и *сукве*. Все члены сукве были подразделены на ранги. На о. Мота известный исследователь Меланезии Роберт Кодрингтон (1830–1922) насчитал их 18, У. Риверс в 1908 г. застал там только 13. Каждый ранг имел свое отделение в мужском доме — *гамале*. Для вступления в союз и для продвижения со ступеньки на ступеньку нужны были взносы раковинными деньгами, свиньями и пищей, причем с каждым новым рангом расходы возрастали.

Почти все мужчины были членами союза. Они вступали в него еще мальчиками. Подавляющее большинство членов союза никогда не поднималось выше средних рангов. Но многие задерживались и на низших. Высших ступеней достигали только богатые люди. И лишь совсем немногим удавалось подняться до самого высокого ранга.

При вступлении в общество в гамале происходило распределение раковинных денег и пищи среди его обитателей. Платежи делались и при обретении каждого нового ранга. Затем устраивался пир. При переходе на высшие ступени он приобретал большие масштабы. Собирались толпы людей. Устраивались развлечения: песни, танцы. Выставлялись раковинные деньги. Убивались свиньи. Пища посылалась в качестве даров жившим в отдалении людям того же ранга.

Мальчика при вступлении в общество и переходе со ступени на ступень обеспечивал всеми необходимыми средствами обычно отец. Поэтому исследователи говорят о «покупке» богатыми семьями рангов для мальчиков. Взрослый мужчина должен был в основном сам обеспечивать расходы. В этом ему помогали родственники, которые давали раковинные деньги и свиней (Codrington, 1891. P. 103–107; Rivers, 1914a. P. 61–67).

На том же о. Мота существовал также институт пиров *колоколе*. Такой пир организовывал человек в свою честь или в честь сына или племянника. Собирались люди со всего острова. Танцоры и барабанщики старались вовсю, предвкушая будущую награду. Певцы соревновались друг с другом, чтобы добиться призов и почета. Ораторы прославляли давателя пира. Другие люди носили корзины с раковинными деньгами, восхваляя его щедрость. Свиньи посылались в отдаленные деревни от его имени (Codrington, 1981. P. 110–111). Как в случае с подъемом по лестнице рангов союза сукве, так и в данном мы имеем дело с уже знакомым явлением: продвижением в бигмены. Люди, достигшие высших рангов в мужском союзе, становились лидерами.

На о. Пентекост (Новые Гебриды), где существовал мужской союз *Лоли* с 12 рангами, человек, достигший высшего, фактически становился «вождем» (P. 114). Существовала тенденция к закреплению высших рангов за определенным слоем людей. Дойти до последней ступени в союзе Лоли можно было лишь при том условии, если семья человека «покупала» для него первые ранги, когда он еще был ребенком. Но для этого она должна была быть богатой (P. 114–115). Система рангов продолжала существовать на этом острове и в 50–60 годы XX в (Аттенборо, 1966. С. 27–28).

Мужские союзы подобного же рода существовали и на других островах, относящихся к Новым Гебридам: Маэво (Аврора), Эспири-ту-Санто, Амбрим, Эпи (Codrington, 1891. P. 112–113; Corlette, 1935a. P. 475; 658. С. 687–696). Еще в XX в. они функционировали на о. Малескула, причем число рангов в некоторых из них доходило до 32 (Deacon, 1934. P. 270–275).

Э. Корлетте, давая общую характеристику мужских союзов на Новых Гебридах, писал, что ступеней в них обычно насчитывалось не менее 5. Платежи при вступлении в общество и продвижение по ступеням производились свиньями, матами и раковинными деньгами. Если перевести их в английские деньги, то прием в общество обходился в 2 фунта стерлингов, переход на вторую ступень стоил 4 фунта, на третью — 15 фунтов, на четвертую — 50 фунтов. Расходы, связанные с переходом на более высокие ступени, носили такой характер, что исчислить их в деньгах невозможно. Нужны были свиньи с закрученными клыками, каждая из которых обходилась от 10 до 150 фунтов, особого рода украшения, служившие показателем ранга. Необходимо было сооружение каменных платформ, воздвижение каменных колонн.

В союз вступали все мужчины, но в большинстве своем они задерживались на низших ступенях. Их называли раббшменами. Высших рангов могли достигнуть только богатые люди. Если человек был достаточно богат, то мог подняться на высшие ступени, минуя промежуточные. В некоторых дистриктах доступ к высшим рангам был открыт лишь для представителей определенных семей, а именно семей вождей. При вступлении в общество и переходе со ступени на ступень устраивались праздники, на которые приглашались жители других деревень (Corlette, 1935b. P. 50–57).

Бытие мужских союзов отмечено на о-вах Торрес, о-вах Герцога Йоркского, о. Лавонгай (Новый Ганновер), о. Новая Британия, о. Новая Ирландия, некоторых Соломоновых островах (Codrington, 1891. P. 69–102; Schurtz, 1902. S. 230–238, 369–386; Wedgewood, 1930; Токарев, 1933б. С. 79–84; Allen, 1972).

Мужской союз на о. Аоба (Омба, Оба), который назывался также и о. Прокаженных, был в полной силе еще в конце XIX в. Как утверждал Р. Кодрингтон, этот союз носил название *Хуге* и имел 4 ступени (Codrington. P. 112–113). Другие исследователи приводят иные названия: *Хунгва*, *Хунгве*, *Хугве* (658, С. 691; Allen, 1972; Blackwood, 1981. P. 42, 53).

М. Аллен, который вел исследования в 1959–1961 и 1969 гг., говорит о 4 рангах, каждый из которых делился на две ступени. Особое значение имели 3 высших ранга, приобретение которых требовало все более и более тяжких трат. Для каждой из 3 главных церемоний нужно было убить, например, 10 боровов с большими клыками.

Часть расходов человек покрывал за счет собственного хозяйства, часть получал от близких родственников. Но важнейшим условием успеха было создание сложной сети долговых обязательств, в которой он выступал в качестве и займодавца, и должника.

Мужчина, достигнувший высокого ранга, имел клубный дом, полный молодых людей, которые работали на него. Он же использовал их и для того, чтобы убить того или иного неудобного ему человека, уничтожить его дом или посевы. Нередко обладатель высокого ранга становился лидером общины.

Но если он в силу лени, некомпетентности или старости начинал почитать на лаврах, делать просчеты и ошибки, то терял поддержку, а вместе с тем и власть. Люди переставали делать вклады в его начинания, его клубный дом пустел. Но ранга он не лишался, а тем самым продолжал сохранять и некоторое влияние (Allen, 1972. P. 272–281, см. также: 1981).

6. Горные жители острова Алор (Индонезия): престижная экономика, имущественное неравенство, соперничество и конфликты

Своеобразный вариант престижной экономики описан в монографии Кору Элис Дюбуа (1903–1991) «Люди Алора. Социально-психологическое исследование восточно-индийского острова» (DuBois, 1944). Берега острова населяли мусульмане, горы — язычники. К. Дюбуа в 1938–1939 гг. в течение 18 месяцев занималась изучением жизни одной из групп горных деревень — Атимеланга с населением в 600 человек. Он включал 4 главные деревни и несколько поселков. Кроме того, 50 человек обитало в одиноко расположенных домах. Раньше жители занимались выращиванием сухого риса, теперь — маиса. Разводились свиньи, но мясо их для повседневного питания не использовалось. Оно предназначалось для церемониальных пиров и другого рода церемониальных мероприятий. Если свинья случайно все же погибала, то тут же организовывался пир.

Женщины были хозяйками всех растительных продуктов. Главное занятие мужчин — деятельность в системе, которую исследовательница именует финансовой. В этой системе циркулировали три основных вида ценностей, которые в монографии называются деньгами: (1) свиньи, (2) гонги и (3) металлические котлообразные барабаны, которые горцами именовались *мокос*. В качестве мелкой разменной «монеты» использовались стрелы. Главным видом денег были *мокос*. Они ранжировались от 1 рупии (50 центов) до 300 рупий (150 долларов). В единицах *мокос* оценивались свиньи.

Мужчины, как это предписывала им туземная культура, большую часть своего времени проводили в манипуляции с этими видами ценностей. Как уверяет К. Дюбуа (Р. 24), они в этой деятельности руководствовались концепциями прибыли, процентов, кредита и реципрокации. Они бесконечно торговались друг с другом. Получив те или иные ценности взаймы, они выплачивали долги не иначе как под жестким давлением.

В действительности перед нами — не что иное, как своеобразный вариант престижного дарообращения. Необычайно развиты были у горцев Алора дароплатежи, особенно брачные. Три вида платежей со стороны жениха и его родственников были сбалансированы тремя видами платежей со стороны невесты и ее родных. И цикл обменов

между сторонами мужа и жены длился в течение всей брачной жизни. Серия погребальных и поминальных пиров могла продолжаться на протяжении жизни одного или даже двух поколений. Трудно сказать, были ли эти пиры даропредставлениями или дароторжествами, но бесспорно, что они обеспечивали их устроителям престиж.

Каждый мужчина, что давал пир или делал платежи, достигающие суммы в 100 долларов, считался богатым — *кафакаи*, о бедняке говорят, что он не имеет ничего.

Завоевав престиж, его нужно было постоянно подтверждать. Считалось, что все мужчины были вовлечены в систему соперничества. Но реально оно имело место в основном лишь между богачами. Соперничество могло выражаться в том, что один богач, бросая вызов другому, убивал свиней, ломал гонги и т. п., а последний должен ответить тем же самым.

Богатые люди приобретали приверженцев, сателлитов, которые оказывали им различные услуги. За это последние получали протекцию и помощь в случае платежей. В исследуемой деревенской группе из 112 мужчин 12 отличались особым богатством, к ним примыкало 6 их братьев, что составляло 18 человек. Остальные были середняками или бедняками. Чем богаче был человек, тем больше он рассматривал физический труд как что-то, роняющее его достоинство. Считалось, что единственно подобающие ему дела — ходить в гости, говорить, жевать аракку.

Были у горцев Алора и несомненные дароторжества. Организатор его назначал день, когда должны собраться, во-первых, его должники (люди, обязанные его отдарить, его дародолжники), во-вторых, его кредиторы (люди, которым он сам обязан отдарами, его дародатели). Получив от прибывших на торжество своих дародолжников отдары, организатор раздавал полученное прибывшим на него своим дародателям. При этом шли бесконечные споры. Хозяин дароторжества возмущался тем, что его должники привезли слишком малые отдары, а его дародатели — его чересчур неэквивалентным отдариванием. Бывало, что дародолжники в назначенный день вообще не являлись, и дароторжество срывалось.

Должникам приходилось угрожать применением силы, а то и применять ее. Богач-дародатель, собрав своих приверженцев, нападал на хозяйство должника и захватывал его свиней, гонги и мокос. Так как богач был не только дародателем, но и должником, то ему самому приходилось принимать меры против захвата его богатства. Один из таких способов — свиное партнерство: человек заводил в другой деревне партнера, который выращивал для него и содержал у себя его свиней.

Жизнеобеспечивающая и престижная экономика земледельцев и животноводов: вариант с чифменами

1. Остров Вогео: экономика будней и экономика праздников

Как уже отмечалось, даже престижная экономика с бигменами в качестве ключевой фигуры отличалась в Меланезии необычайным разнообразием. Но в том же регионе существовали общества с престижной экономикой, относящейся и к иным, чем бигменовский, вариантам.

Одно из них — общество меланезийцев о. Вогео (о-ва Схаутен). На нем имеет смысл остановиться, ибо существует детальное описание как его жизнеобеспечивающей, так и престижной экономики.

Полевая работа велась там с февраля по декабрь 1934 г. Исследователь — Герберт Ян Хогбин (1904–1989) был первым европейцем, который жил на острове. Но жители Вогео вступили в контакт с белыми еще в конце XIX в. В результате его на острове появились стальные топоры. С 1905 г. мужчины начали вербоваться на европейские плантации вне Вогео. К 30-м годам практически каждый взрослый мужчина провел на них 3–4 года. В 1920 г. на острове правительством Австралии был установлен административный контроль, но все же к 1934 г. островитяне в основном сохраняли традиционный образ жизни.

Все жители острова подразделялись на две матрилинейные фратрии. На острове существовало 15 селений, которые были сгруппированы в 5 дистриктов. В одной из работ, написанной в соавторстве с Камиллой Веджвуд, Я. Хогбин охарактеризовал дистрикты Вогео как общины. Соответственно, в ней он называет селения острова поселками (Hogbin and Wedgwood, 1953a. P. 267). Но во всех остальных работах, не исключая и более поздних, он говорит о них как о деревнях. Поэтому и я буду употреблять именно данный термин.

Средняя численность населения деревни составляла 60–70 человек. Жители любой деревни делились на две группы, каждая со своим главарем — *коквалом*.

Основным занятием островитян было земледелие. Главной культурой было таро. Кроме него, выращивались также ямс, батат, бананы и др. Разводились свиньи, но их никогда не убивали для повседнев-

ного потребления. Они предназначались для особых случаев. Туземцы ловили рыбу, охотились на диких свиней.

Гористая местность внутри Вогое была общей собственностью жителей острова. Права на болота с саговыми пальмами принадлежали деревне или внутридеревенской группе. Береговой пояс был подразделен на земли деревень, а последние — на земли внутридеревенских групп. В свою очередь земля группы состояла из участков двух типов: больших и малых. Права на большие участки принадлежали группе. Когда на этих участках восстанавливалось плодородие, главарь расчищал определенную часть и разрешал делать это и другим. Хотя участок принадлежал группе, человека, начавшего расчищать часть его для себя, никто не мог согнать.

Права на малые участки принадлежали отдельным мужчинам. Каждый из них претендовал на исключительное право делать огороды и сажать деревья на нескольких участках, равно как и собирать плоды и орехи с деревьев, растущих на них. Практически все участки человека находились в деревне, в которой он жил. Однако он мог иметь права на участки и в других селениях.

Земля в норме переходила от отца к сыновьям. Большинство последних получало несколько участков еще при жизни отца. Ни один сын не оставался обделенным. Больше всего получал старший сын, почти столько же — второй, остальные поровну из оставшейся земли. Однако в нескольких случаях отец не выделял землю сыновьям до тех пор, пока у последних не становились взрослыми свои дети. Здесь наблюдается появление зачатков т. н. большой семьи. Главарь одной из групп деревни Дап, настаивая на контроле над всей своей землей, отказывался выделить участки наследникам, включая сына брата отца, сына старшего брата, младшего брата и трех сыновей.

Существовало неравенство в распределении земли. У некоторых ее было в несколько раз больше, чем у других. Но обычно люди, имевшие много земли, с одобрения внутридеревенской группы отдавали ее тем, у кого ее было мало (Hogbin, 1939b. P. 118–138). В целом же каждый имел столько земли, сколько ему было нужно, хотя и не обязательно лучшего качества. Так, например, 2/3 населения располагали участками лишь на склонах холмов, но не на равнине (Hogbin, 1938b. P. 142).

Мужчина имел несколько огородов. Каждый огород делился на участки, предназначенные для каждого члена семьи (жен, детей, зависимых), исключая мужа. Кроме того, 1–2 участка могли быть выделены для родственников и друзей. Каждая жена, если их было несколько, обрабатывала участки, предназначенные для нее и ее детей. Жена имела право на все, что вырастила, и могла, если желала, давать продукты своим родственникам и друзьям. Она также снабжала пищу гостей мужа и давала продукты его родственникам (P. 145–147, 151).

Щедрость в распределении пищи рассматривалась на Вогое как первая добродетель. И люди стремились быть щедрыми, чтобы избежать обвинения в низости (Hogbin, 1939a. P. 289). Женщина каждый

день готовила пищи больше, чем ее было необходимо для нужд семьи. Эта избыточная пища шла случайно зашедшим юношам и детям. Кроме того, специальные блюда с пищей посылались определенным родственникам, чаще всего старикам. Дачедележ происходил в масштабах не только внутридеревенской группы или деревни, но и целого дистрикта. В солнечный день из Дапа, где было 12 домохозяйств, часто посылалось 6–7 контейнеров (корзин, кувшинов) с пищей в другие деревни дистрикта Воневаро — Мварок, Кинаба, Джоб, Барият. А из этих деревень в свою очередь в Дап приходило 4–5 контейнеров (Hogbin, 1939a. P. 289; 1978. P. 27).

Представить масштабы обращения пищи могут помочь некоторые цифры, относящиеся к одной семье, состоявшей из 4 человек: мужа, жены, малолетней дочери и юноши-сироты в возрасте 17 лет. Жена каждый день готовила 8,16 кг таро, 1,48 кг бананов. Отдавалось ежедневно вовне или терялось 2,50 кг таро и 0,45 кг бананов. Поступало извне и съедалось еженедельно 3,18 кг таро и 0,80 кг бананов, что в перерасчете на день дает, соответственно, 0,45 кг таро и 0,11 кг бананов. Всего ежедневно семьей потреблялось 6,10 кг таро и 1,13 кг бананов. Дневная доля одного человека составляла 2,02 кг таро и 0,34 кг бананов. К этому нужно добавить те бананы, что съедались сырыми (их один человек потреблял 1–1,5 кг в неделю). Имеются цифры и за период 6 месяцев (183 дня). Семьей было произведено 7000 таро и 4200 бананов. Получено было извне — 1000 таро и 750 бананов. Отдано вовне или потеряно 3000 таро и 2300 бананов. Съедено — 5000 таро и 2600 бананов (1939a. P. 290).

Таким образом, на Вогео существовал дачедележ. Наряду с ним бывал, вероятно, и дачеобмен, и, возможно, отличное от дачедележа гостеприимство по отношению к чужакам.

Бытовала на Вогео помогадача трудом. Когда сооружался дом, строилось каноэ, расчищался участок под огород, требовались дополнительные рабочие руки. Организовывался трудовой помогосбор. Человек приглашал родню. Но бывало, что в просьбе о помощи не было нужды. Люди, узнав о затеянном деле, являлись сами, по собственной инициативе. И они тем охотнее это делали, чем больше помощи получали в свое время от инициатора. Помощников всегда кормили (P. 289, 299).

Существовали на Вогео дачевозвратные отношения (1978. P. 48). Об умелчестве и услугоплатеже ничего не сообщается.

Наблюдался на Вогео дароплатеж. Когда у девушки наступали первые менструации, устраивался пир. Если она была уже помолвлена, то родители ее будущего мужа щедро вкладывали в него. Если помолвки не было, то большой дар пищи, сделанный в это время родственниками какого-либо юноши, рассматривался как предложение. Через несколько дней после пира девушка отправлялась к мужу. Ее сопровождали родственники, которые несли с собой дары для молодоженов. Гостей угощали специально приготовленной пищей (Hogbin, 1945. P. 330–331).

Однако чаще всего браки на Вогео происходили без предварительной помолвки. Решив пожениться, молодые люди скрывались от родителей. В дальнейшем между новобрачными, с одной стороны, родителями жены — с другой, происходил обмен пищей (Hogbin, 1945. P. 335–336).

Передачи пищи и ценностей происходили также и в связи со смертью человека (Hogbin, 1970b. P. 165).

Щедрость на Вогео требовалась от всех. Но особенно она ожидалась от главаря — *коввала*. Последний был формальным лидером. Стать им мог не каждый. Нужна была «благородная кровь». Новый главарь — всегда сын старого, не обязательно старший, но обязательно первый сын женщины. Так как у главаря всегда было несколько жен, то он имел возможность выбора преемника. Решение о выборе преемника объявлялось в торжественной обстановке. Будущего главаря украшали клыками борова — символом должности. Затем следовал большой пир (Hogbin, 1935b. P. 399; 1940; 1952; 1970b. P. 94. 190).

Главарь всегда должен был держать свой дом открытым для всех. Он давал пищу не только членам своей деревни, но и гостям издалека. Он всегда вкладывал долю, когда кто-либо из его приверженцев устраивал небольшие сборища, чтобы отметить то или иное семейное событие. Но главное — он организовывал малые и большие пищевые праздники, внося при этом наибольший вклад. Только организацией праздников главарь мог обеспечить себе престиж, а тем самым влияние и, соответственно, власть. Чем больше праздников устраивал главарь, тем большим авторитетом он пользовался не только в своей группе, но и среди населения всего острова (Hogbin, 1935a. P. 319–320; 1970c; 1978. P. 39).

Но чтобы быть щедрым, нужно было иметь в своем распоряжении много пищи. А для этого ее нужно было произвести. И действительно, главарь имел огороды большего размера, чем рядовые люди. Если у обычных людей они не превышали 0,2 га, то огороды главаря одной из групп деревни Дап — Маригума были общей площадью более 1,2 га. Канариумовых пальм у Маригума было в 4–5 раз больше, чем у рядовых членов общины (Hogbin, 1939b. P. 148).

Конечно, чтобы обрабатывать их, нужно было иметь больше рабочих рук. Главари имели несколько жен и больше сыновей. В хозяйство Маригума, например, входило 12 человек. И сам главарь работал больше, чем обычные люди. Он раньше других уходил на работу в огороде и позже других возвращался домой. У островитян даже существовала поговорка, что главаря можно узнать по грязным рукам и по запаху пота (Hogbin, 1978. P. 40–41).

Кроме того, на главаря работали члены его группы, причем не ожидая отплаты. Их лишь кормили в случае, если затевалась важная работа (расчистка земли, строительство дома, каноэ). Как сообщает Я. Хогбин, за 5 месяцев каждый житель деревни Дап работал на Маригума в среднем немного меньше, чем один день в неделю. Иногда

Маригум прямо требовал услуг. Однако чаще всего он вечером, когда все возвращались в деревню, садился на веранде своего дома и громким голосом жаловался, что члены его группы ему не помогают, хотя он старается все делать для них, в частности дает пиры. Обычно на следующее утро все шли с ним на работу, забросив на время свои дела (1939a. P. 299–300). Главарь получал и приношения от членов его группы (Hogbin, 1939b. P. 149). Здесь перед нами главарно-приносной образ эксплуатации. Главарь не только получал, но и давал. Если в рядовом хозяйстве потреблялось 70% произведенных в нем продуктов, то в хозяйстве Маригума лишь 40%. Остальные 60% использовались для дачедележа, помогодачи, дарения, угощения гостей, а также в качестве вклада в праздники (1939a. P. 299–300). Но в целом Маригум, по всей вероятности, давал членам собственной группы меньше, чем получал от них.

Праздники, которые организовывались главарями, были двух родов. Первые — *валаге* — устраивались внутри дистрикта. Вторые — *варабва* — предполагали, что главарь и его приверженцы устраивали дарение людям того же ранга в другом дистрикте (1970с; 1978. P. 151–178).

Я. Хогбин описал один из *валаге*, который организовал Маригум.

За несколько недель до праздника главарь объявил запрет на сбор плодов дерева, который Я. Хогбин именует таитянским каштаном. Мужчины и женщины собирали каштаны, юноши — сухие кокосы. Затем было послано приглашение главарям других деревень дистрикта. Жители этих деревень немедленно занялись сбором каштанов, а некоторые и кокосов с тем, чтобы «помочь Дапу».

В полдень назначенного дня обитатели Дапа принесли все собранное к дому Маригума. Каштаны были сложены в три большие корзины и рядом с каждой было положено по 50 кокосов. 150 кокосов остались в куче позади. Пришли жители деревень Мварок, Джоб и Кинаба. Принесенными ими каштанами были заполнены еще три корзины. Кроме того, жители Джоб принесли еще 50 кокосов.

Затем началось распределение. Корзина каштанов и кокосы, принесенные жителями Джоб, были даны обитателям Мварок, корзина каштанов, принесенная из Мварок, и кокосы — жителям Джоб, одна из корзин, заполненная каштанами жителей Дап, — обитателям Кинаба. Старшие этих деревень поделили поровну каштаны и кокосы между семьями своих сельчан. Затем все это было унесено. Половина оставшегося следующим утром была отнесена в деревню Бариат, члены которой не участвовали в празднике. Другая половина была разделена на 3 равные доли, одна из которых пошла жителям южной части деревни Дап, другая жителям ее северной части, третья — Маригуму.

С чисто утилитарной точки зрения весь этот обмен лишен смысла. Но он дает повод для выставки пищи в большом количестве и сборища, что нарушает монотонное течение жизни. Он также способствует росту престижа главаря.

Но все же главный путь к престижу лежит через организацию варабва. Целью этого праздника, кроме личного возвышения, было воздать честь и выразить добрую волю. Но под всем этим скрывается еще одно стремление — унижить одаряемых необычайной экстравагантной щедростью. Все полученное через некоторое время должно быть полностью возмещено в таком же количестве. Неспособность отдаривать навлекает позор. Поэтому многие главари иногда старались избежать приглашения на варабва. Главари, решившему устроить праздник, иногда приходилось идти на хитрости с тем, чтобы совершить своеобразный обряд, после которого отказаться было невозможно.

После этого начиналась подготовка к празднику, которая длилась 8–12 месяцев. Через 1–2 недели главарь, устраивающий варабва, накладывал запрет на убиение свиней. В течение этого периода выкармливались свиньи, накапливались запасы ореха канариум, создавались дополнительные огороды под таро, а также участки под бананы.

За несколько дней до праздника будущие дарители, сопровождаемые женами и друзьями, направлялись в деревню будущих получателей. Всего собиралось иногда до 400 человек. Достигнув деревни, жены будущих дарителей вешали на крыши хижин заранее намеченных людей столько кокосов, сколько собирались подарить свиней. В ответ люди, получившие кокосы, одаривали гостей: мужчины — мужчин, женщины — женщин.

Затем следовал интервал приблизительно в 4 дня, когда заканчивались последние приготовления. В деревне, устраивавшей праздник, сооружалась платформа в форме каноэ для выставки пищи, собиралась пища. В предпоследний день перед праздником в деревню давателей приходили женщины из деревни получателей и устраивали танцы. Им давали подарки и угощали. Затем являлись мужчины из деревни получателей, которые устраивали своеобразный парад и танцы. Их тоже угощали.

В последний день перед праздником платформа, предназначенная для выставки пищи, заполнялась. Во время варабва, которую организовал один из главарей деревни Гол — Каванг, было выставлено 17 свиней, 6 тонн таро, 4 тонны сушеного ореха канариум, 2,5 тысячи бананов (0,5 тонны), 5 тысяч зеленых кокосов, сотни связок орехов арековой пальмы и других плодов (Hogbin, 1978. P. 161). Не все выставленное было создано трудом Каванга и членов его группы. Многие они получили со стороны, в частности, от Маригума, других жителей деревни Дап и обитателей остальных деревень дистрикта Воневаро. Маригум, например, внес 2 свиньи.

Последний день праздника начинался с ритуальной схватки между хозяевами и гостями, за которой следовали танцы, в которых участвовали только мужчины. Затем наступало время получения даров. Хозяева не вмешивались. Они лишь указывали гостю, какая или какие свиньи предназначены для него. Орехи канариум и другие продукты делились с таким расчетом, чтобы на каждую свинью пришлось равная доля. Затем, нагрузившись, гости удалялись в свою деревню.

Спустя некоторое время после варавба должно было последовать отдаривание. Оно производилось без особых церемоний. Главарь отдаривающей деревни указывал время, когда бывшие дарители должны были явиться и забрать полагающееся им добро. Каждый получал столько свиней, сколько подарил на варавба. Во время отдаривания, которое было совершено Куманом — одним из главарей деревни Фалала — Маригуму, последний из 15 свиней получил 2.

Полученных свиней убивали, готовили, а затем начиналось выполнение обязательств перед родственниками и свойственниками. Куски свинины раздавались нескольким людям. Маригум, например, одну свинью дал Кавангу, куски от другой — трем людям из разных деревень.

Каждый из людей, получивших свинину, тоже имел обязательства перед родственниками и свойственниками, которые должен был выполнять. Последние находились в точно таком же положении. Вся эта циркуляция свинины длилась по меньшей мере неделю. Каждое утро свинина снова готовилась, чтобы не испортилась, причем во все меньших и меньших количествах. Кусок, который первоначально весил 7–10 кг, пройдя через 5–7 рук и 8 варок, превращался в 6 небольших ломтей. На третий день часть мяса начинала возвращаться в Дан. 50 кг свинины вернулись в Фалала.

Более конкретный пример. 3 взрослых человека, получив первоначально 6 кг, разделили мясо на 5 частей и отдали все, кроме 0,5 кг. Через промежуток в 5 дней 5 разных людей дали им 5 кг, из которых 2 кг снова ушли. Кончилось все тем, что у них осталось для себя и двоих детей 3,5 кг.

В конечном счете Куман не получил ничего, Маригум — лишь небольшую порцию, подтвердив поговорку, что главарь прежде всего думает о своих приверженцах. В целом в результате ответного дара людей Кумана людям Маригума в обращение поступило 1500 кг свинины. Если исключить из 929 жителей Вого 129 младенцев и 100 человек, которые ничего не получили, то оставшимся 700 пришлось примерно по 2 кг на душу. Это очень мало, если учесть, что до следующего убийства свиней должно было пройти несколько месяцев.

Как замечает Я. Хогбин, в холодном свете здравого смысла эти праздники выглядят абсурдом (1978. Р. 176). Но они играют огромную роль в жизни Вого. Они — основа власти главарей. Они ставят лидеров в такое положение, когда он не только могут требовать от своих приверженцев дополнительного труда, но и разрешать споры и конфликты между ними.

О. Вого не был изолирован от окружающего туземного мира. Жители его довольно часто навещали другие острова архипелага. Каждый 5–6 лет устраивались экспедиции на больших заморских каноэ, конечным назначением которых были деревни на побережье Новой Гвинеи. Имели место и ответные визиты.

Во время поездок происходил обмен. Он велся исключительно лишь через особых партнеров. Каждый житель Вого имел по крайней

мере по одному такому партнеру в каждой из посещаемых деревень. С Вогео вывозились сети для рыбной ловли, небольшие корзины, орехи. В обмен поступали горшки, большие корзины, копья, резные деревянные блюда, табак и различного рода украшения, включая, разнобразные изделия из раковин, ожерелья из собачьих зубов. Вещи переходили из рук в руки в качестве даров. Частично это был настоящий дарообмен, частично товарообмен, но такой, который шел в оболочке дарообмена.

Украшения представляли собой ценности — *куда*. Создается впечатление, что стремление их получить было главным мотивом экспедиций. После возвращения украшения публично выставлялись, и тот, кто привез их много, приобретал престиж. Ценности находились в постоянной циркуляции (1935b. P. 399–403).

Важную роль в заморских плаваниях традиционно играл один из коквалов деревни Дап. Во время исследования им был Маригум (1935b).

Таким образом, на Вогео существовала престижная экономика, ведущей фигурой в которой был чифмен, причем скорее всего ранний. Чифмен был формальным лидером. Существовала должность главаря определенной группы, которая передавалась по наследству. Но этот носитель должности должен был постоянно подтверждать свое положение путем устройства праздников. Иначе он мог практически лишиться всякой власти.

На Вогео было уже довольно заметно начало деления членов общества прасословия. Я. Хогбин прямо пишет о «благородной крови» коквалов и противопоставляет им всех остальных членов общества как людей низкого ранга (1935b. P. 399; 1938b. P. 142).

2. Острова Мовехафен: знать и простолюдины

Значительно более укorenившимся было деление на прасословия на о-вах Мовехафен. Эти крошечные островки были теснейшим образом связаны с Новой Британией. Основные огороды их жителей были расположены на последней. Жизнь туземцев о-вов Мовехафен наблюдалась Дж. Тоддом, который с апреля 1933 г. по апрель 1934 г. жил в деревне Авикло на о. Эглед (Todd, 1934; 1936). К этому времени аборигены были в значительной степени затронуты европейским влиянием. Большое число мужчин работало на европейцев в качестве рабочих на плантациях, домашних слуг, полицейских. Но, как утверждает Дж. Тодд, туземная культура к моменту исследования в целом все еще сохранялась.

На островах существовало несколько деревень с населением не более 100 человек в каждой. Основным занятием туземцев было земледелие. Главная культура — таро, вторая по важности — бананы. Известную роль играли батат, ямс, сахарный тростник, кокосовые и саговые пальмы. Разводились свиньи. Было развито рыболовство.

Об отношениях в сфере жизнеобеспечивающей экономики наблюдатель ничего не сообщает. Все внимания он уделяет престижной экономике, которая была развита.

Существовали дародачи и дароплатежи. Последние были связаны с рождением, браком, смертью. Имели место праздники, на которые приглашались люди из многих деревень, ближних и дальних. На них убивалось много свиней, происходил обмен золотыми раковинами и свиньями. Объектом сложного церемониального обмена была рыба.

Высоко ценились особого рода камни — *мукмок*. Их было немного, и все они находились во владении важных людей. Эти камни и золотые раковины были главными объектами богатства. К числу престижных ценностей относились также закрученные свинные клыки, снизки собачьих зубов и черных раковинных дисков.

Как подчеркивает Дж. Тодд, на островах был развит институт ранга и лидерства. К знати («людям с рангом») прежде всего относились лидеры деревень, должность которых, как правило, переходила от отца к сыну. Но, кроме первородства, ранг зависел также от богатства в форме престижных ценностей, которые редко использовались в утилитарно-экономических целях. Главарь всегда имел камни *мукмок*.

Главарь был центром экономической жизни общины. Он имел много огородов под таро, строил большие каноэ, организовывал церемонии и пиры. Последние были важнейшим способом повышения ранга. Играли роль также число приверженцев и личные качества лидера.

К знати относились не только главари, но и некоторые другие люди. Иметь ранг и передавать его по наследству могли и женщины. Наследственный ранг был важен, но не меньшую роль играло богатство. Человек с рангом, но не обладавший большим богатством, не имел сколько-нибудь значительного влияния. Прерогативой знатных людей было многоженство.

Большие дароплатежи и пышные даропредставления имели место только при рождении, браке и смерти аристократов. Когда это случилось с коммонером, дароплатежи были либо весьма скромными, либо иногда даже совсем отсутствовали. Различие между знатью и простолюдинами красной нитью проходило в обществе меланезийцев о-вов Мовехафен. Лишь в последние годы положение начало меняться. Появились нувориши из числа людей, работавших на европейцев (Todd, 1934. P. 80–98, 183–212; 1936. P. 402–426).

3. Мафулу Новой Гвинеи: престижная экономика с чифменами

Престижная экономика с чифменами существовала и на Новой Гвинее. Примером могут послужить мафулу, общество которых было изучено в 1910 г. Р. У. Уильямсоном (Williamson, 1912). Община мафулу состояла из нескольких поселков (от 2 до 8). Ядро каждого из них

составляли члены одного патрилинейного экзогамного рода. Члены одного рода могли жить и в нескольких поселках, но обязательно входивших в состав одной общины.

Во главе рода стоял формальный лидер, которого исследователь именует вождем. Должность вождя переходила по наследству от отца к сыну. Власть вождя не была слишком большой. Он, в частности, не имел права наказывать членов рода. Так как в состав общины обычно входило несколько родов (2–3), то, соответственно, в ней было несколько вождей. Вождь рода был одновременно и лидером поселка, в котором жил.

В остальных поселках, принадлежавших к этому роду, тоже были лидеры, которых исследователь называет подводжами. Они не рассматривались как настоящие вожди. Вожди, подводжи и еще некоторые люди представляли собой наследственную аристократию. Остальные были коммонерами (Williamson, 1912. P. 82–96, 256).

Важной функцией вождей была организация больших пиров, которые были делом всей общины в целом. К ним начинали готовиться за 1–2 года. Закладывались новые огороды, продукция с которых предназначалась исключительно для праздника. Но они не были общими. Обработка каждого из них производилась силами одной определенной семьи. Каждая семья должна была внести в праздник и свиней (P. 77, 125). К свиньям у мафулу было особое отношение: человек вообще не мог есть мясо собственного животного. Он мог лишь дарить его гостям (P. 78).

На предварительный праздник приглашались члены всех соседних общин, на основной — лишь одной из них. Во время праздника организовывались танцы. Но самым важным было распределение пищи среди гостей. Оно производилось в несколько приемов.

Ямс, бананы и другие продукты земледелия раскладывались по кучам, число которых равнялось числу получателей. К каждой куче обычно добавлялся кусок свинины. Раздаривание производилось вождями. Они поочередно выкликали получателей: вначале вождей, затем важных людей и, наконец, остальных.

В последний день убивали свиней, число которых могло превышать 100. На одном из таких больших пиров было убито 135 свиней. Хозяева свиней разрубали туши на куски и дарили их мужчинам-гостям. На этом праздник заканчивался. Гости уносили свинину домой, где готовили и ели. Община, которая была приглашена, должна была в последующем устроить ответный пир (P. 125–153).

Пирыв устраивались по разным поводам: рождение, возрастные обряды, смерть. На них приглашались люди из разных общин, которым дарились продукты земледелия и свинина. Они уносили все это с собой. На погребении обычных людей распределение среди гостей совершалось вождем. Особое место занимали брачные платежи. В их состав входили собачьи зубы, жемчужные раковины, ожерелья, тесла

и обязательно свиньи. Особо пышными были погребения вождей. Весь род обеспечивал растительную пищу и свиней, причем в очень больших количествах. Приглашались все члены одной из соседних общин, которые и получали дары (Р. 157–164, 173, 243–263).

Вряд ли, на наш взгляд, можно сомневаться в том, что вожди у мафулу были чифменами. Но нельзя с уверенностью определить их конкретный тип. В монографии не содержится ни малейших указаний на то, что у мафулу существовала какая-либо форма эксплуатации. Мы узнаем лишь, что у вождей и богатых людей было до 6 жен. Но несколько жен (до 3–4) могли иметь и другие мужчины (Р. 168).

4. Остров Гуденаф: от бигменов к чифменам

К материалам об обществе меланезийцев о. Гуденаф (о-ва Д'Антракasto) пужно отнестись с известной осторожностью. Полевые исследования велись М. Юнгом в 1966–1968 гг. (Young, 1971; 1983; 1985). В дальнейшем он побывал там в 1973, 1977 и 1980 гг. Но уже к 60-м годам XX в. в жизни островитян произошли значительные изменения. О-ва Д'Антракasto были открыты европейцами в 1782 г., впервые посещены ими в 1784 г. В 90-х годах XIX в. в некоторых деревнях колониальной администрацией были назначены констебли, с 1898 г. одновременно начала действовать методистская миссия и проводиться регулярное патрулирование острова. К середине 20-х годов XX в. в результате усилий колониальной администрации было окончательно покончено с войнами и людоедством.

На острове существует несколько европейских кокосовых плантаций, а также коммерческих предприятий. Островитяне в массе своей нанимаются на европейские плантации за пределами родины. Нет мужчины, который бы не провел 1–2 года вне острова. Сейчас все островитяне нуждаются в деньгах для уплаты налогов и покупки европейских товаров: топоров, ножей, тканей, ламп, керосина и т. п. (Young, 1971. Р. 1, 7–9, 16–18; 1985. Р. 188). И, несмотря на все это, на острове продолжает существовать престижная экономика.

В 1967 г. население Гуденафа составляло 10 345 человек. Они входили в состав 23 общин с населением от 123 до 1087 человек. Объектом исследования М. Юнга была община, или, как он называет ее, деревня Калауна с 470 обитателями. Она состояла из 17 подразделений, которые М. Юнг называет поселками. 12 из них были по существу кварталами одного селения, 5 других действительно являлись отдельными поселками.

Жители Калауны принадлежали к 8 отцовским родам, которые подразделялись на 38 патрилиниджей. Были поселки, в которых все мужчины принадлежали к одному патрилиниджу. Но чаще всего в поселке было несколько патрилиниджей, принадлежащих обязательно

к одному роду. Иногда в поселке обитали все патрилиниджи рода, т. е. весь род (1971. Р. 1, 15–16, 20–21).

Основным занятием жителей Калауны, как и всех вообще островитян, было земледелие. Главная культура — ямс. Выращивались свиньи. Об отношениях в сфере жизнеобеспечивающей экономики М. Юнг не говорит ничего. Все внимание он уделяет престижной экономике.

В 1966–1968 гг. одним из важнейших проявлений престижной экономики была *абуту* — обмен пищей между поселками или общинами, в ходе которого каждая сторона стремилась посрамить другую. Жители Калауны устраивали междеревенские абуту раз в год.

Абуту начиналась с вызова, который один поселок (или деревня) бросал другому поселку (деревне). Если вызов принимался, род инициаторов вместе с помощниками из других родов собирал много пищи, которая дарилась «противнику». После этого дарения на следующее утро происходило отдаривание. Чтобы сохранить лицо, другая сторона тоже вместе с помощниками собирала такое количество пищи, которое бы превосходило полученное. За отдариванием на другой день следовало второе дарение со стороны инициаторов абуту. Чтобы выиграть состязание, они должны были подарить больше, чем получили в отдар. После этой серии взаимных дарений полученная каждой стороной пища распределялась среди помощников. Сами соперничающие стороны не могли ничего есть из пищи, представленной в абуту (1971. Р. 189–227; 1985).

Информаторы утверждали, что абуту есть позднее явление, возникшее после прекращения войн. «Раньше мы сражались копьями, теперь — пищей», — говорили туземцы. Сам М. Юнг считает, что хотя абуту существовала и в доконтактное время, беспрецедентно расцвела она лишь после запрещения войн как своеобразный их заменитель (1971. Р. 189; 1985. Р. 188).

Другим важным проявлением престижной экономики были праздники, которые длились от нескольких месяцев до 3 лет и были составными элементами праздничных циклов, охватывающих период от 4 до 12 лет. Возможно, что в недавнем прошлом эти праздники были столь же важны для жителей Гуденафа, как кула в других обществах Массима. На эти праздники собирались люди из многих общин, иногда даже 20, включая группы с о. Фергюссон. Гостям дарилась растительная пища и свинина. Считалось, что данные праздники были более древними, чем абуту (1971. Р. 228–253, 265–268).

К концу 70-х годов жители Калауны практически перестали устраивать абуту. На первый план вышли смертные пиры и церемониальные обмены (1985. Р. 195–196). Кроме смертных дароплатежей у островитян всегда существовали и брачные (1971. Р. 51–52). Еще одним проявлением престижной экономики были церемониальные визиты жителей одной общины в другие деревни, ближние и дальние. Во время этих визитов гости получали дары, которые широко распределялись (Young, 1983).

Абуту была важным средством приобретения престижа. В ходе этого соперничества выявлялось, кто из его участников является «наибольшим» человеком (1971. Р. 224). Престиж давало и активное участие в организации праздников (Р. 224, 257). Людей, добившихся большого престижа путем манипулирования массой избыточного продукта, циркулировавшего по каналам престижной экономики, М. Юнг именует бигменами (1971. Р. 224; 1985. Р. 185). И в то же время он показывает, что лидеры у островитян Гуденафа в определенной степени отличались от обычных бигменов.

В каждом поселке общины был только один признанный лидер, который направлял и контролировал престижные обмены пищей с внешним миром (1971. Р. 76–78). Он был «управляющим пищей» поселка (Р. 80). Но самое, пожалуй, важное: положение лидера поселка фактически уже передавалось по наследству. В 1967 г. из 16 лидеров поселков Калауны 11 были родными сыновьями прежних главарей, один был классификационным сыном и еще один — родным братом своего предшественника (Р. 77).

Никакого официального возведения в должность не происходило. Не существовало формально и самой должности. Просто старый лидер шаг за шагом передавал выбранному им преемнику свои функции и, соответственно, сам постепенно отстранялся от дел (Р. 95–96). Так как выбирал он чаще всего старшего из сыновей, то в сознании людей начал постепенно утверждаться принцип первородства (Р. 108–109).

Материалы об островитянах о. Гуденаф важны тем, что позволяют понять, каким образом шел процесс трансформации положения неформального лидера в должность главара той или иной общественной группы, превращения бигмена в чифмена.

О том, что именно по такому пути шло развитие и ряде других позднеспервобытных обществ, свидетельствуют данные о меланезийцах о-вов Мовехафен. У них, как уже отмечалось, существовало вполне сложившееся формальное лидерство. Но должность главара все еще продолжала у них передаваться точно таким же образом, как у туземцев о. Гуденаф. Сын постепенно перенимал дела у отца (Todd, 1934. Р. 94; 1936. Р. 418). У мекео Новой Гвинеи новый главарь официально возводился в должность еще при жизни старого (Harris, 1940. Р. 164–165).

У меланезийцев Гуденафа процесс становления формального лидерства не был еще завершен. В частности, это выражалось в том, что лидеры у них еще не превратились в привилегированное прасословие. Лидеры у туземцев острова были бигменами, начавшими превращаться, но еще не превратившимися в чифменов. На их промежуточное положение между бигменами и вождями указывал М. Юнг (1971. Р. 110–111).

У лидеров поселков Калауны были приверженцы или, как называли их аборигены, помощники. От них ожидалась поддержка при совершении обменов с другими группами. Число таких помощников у разных лидеров колебалось от 5 до 27 (Р. 94–95).

Можно с уверенностью утверждать, что «помощники» лидера входили в его центродележную систему. Скорее всего, главарь получал от приверженцев больше, чем давал им. Иначе их вряд ли бы назвали помощниками. В таком случае перед нами центродележный метод эксплуатации. Соответственно, островитяне Гуденафа дают нам пример движения от данного метода эксплуатации к главарно-приносному ее образу.

5. Манус островов Адмиралтейства: от чифменов к бигменам

Парадоксальная картина наблюдалась на о-вах Адмиралтейства у манус, живших на юге одноименного острова и на прилегающих к нем островках.

Полевая работа велась среди них Маргарет Мид (1901–1978) и Рео Ф. Форчуном (1903–1979) в 1928–1929 гг. Манус — народ с присваивающим хозяйством. Их основным занятием было рыболовство. Однако они вели повседневный обмен с соседними земледельческими народами, получая от них взамен рыбы таро, ямс, кокосы, плоды дынного дерева и т. п. (Mead, 1934. P. 214). Более поздние исследователи утверждают, что манус выращивали свиней (Scudder, 1962. P. 76). Но как бы то ни было, по уровню своего общественного развития манус ни в каком отношении не стояли ниже своих соседей-земледельцев.

У манус была развита престижная экономика со всеми ее составляющими: дародачеобменом, дароплатежами, великодарами. Но определить ее характер далеко не просто.

У манус существовало деление на два слоя людей, принадлежность к которым передавалась по наследству. Первый — люди высокого ранга, имеющие благородную кровь, — *лапан*, второй — люди низкого ранга, или коммонеры, — *лау*. В каждой деревне (а их у манус было 11) лишь одна из семей лапан имела наследственное право выдвигать военного вождя общины — *лулаи*. Последний организовывал междеревенские пиры, в чем ему помогала вся община (Mead, 1934. P. 195, 204–205; 1937b. P. 216). Казалось бы, вся ясно: у манус была престижная экономика с чифменами. Но практически ничего кроме сказанного выше мы о лулаи не узнаем.

Все дело в том, что к тому времени, когда проводилось исследование (1928–1929 гг.), чифмены у манус были оттеснены на задний план бигменами. Особо важную роль в престижной экономике этого общества играли брачные платежи, которые достигали непомерной величины. Они включали в себя до 10 тысяч собачьих зубов, не считая раковинных денег и других престижных ценностей.

Юноша, желавший вступить в брак, нередко не располагал таким богатством. Он вынужден был обращаться к бигмену, который давал ему все это в долг. В результате молодой человек оказывался

в зависимости от бигмена и должен был не только вести собственное хозяйство, но и работать на кредитора, в частности ловить для него рыбу. Это избавляло последнего от необходимости ежедневно заниматься рыболовством.

У одного бигмена могло быть 6–7 таких зависимых. Положение должников исследователи характеризуют как фактическое экономическое рабство. Человек продолжал оставаться в таком положении до тех пор, пока не выплачивал долг. Это обычно длилось 5–6 лет. Перед нами тот образ эксплуатации, который был уже назван заемодоминантным. Он был основан на частной собственности на престижные ценности.

В результате в обществе манус достаточно отчетливо выделялось три слоя: 1) бигмены, 2) работающие на них должники, 3) независимые ординарные люди. Но по крайней мере некоторая часть последних были связаны с тем или иным бигменом, вкладывали ценности в его дародаче, обменные и дароплатежные операции, т. е. были его приверженцами (Mead, 1934. Р. 207, 292–294, 316, 318, 328; 1937b. Р. 214–216, 219, 222–225). Это центродежный метод эксплуатации.

И основным у манус в конце 20-х годов было деление не на лапан и лау, а на бигменов, работающих на них должников и обычных людей, часть которых была приверженцами бигменов. И два деления далеко не совпадали. Путем манипуляции с брачными платежами энергичный и предприимчивый человек мог добиться высокого положения в обществе независимо от того, какой ранг он получил от рождения (Mead, 1934. Р. 336). А с другой стороны, были бедняки из числа лапан, которые работали на богатых лау (Mead, 1937b. Р. 21).

М. Мид высказывает предположение, что претензии на благородную кровь, не подкрепленные потоком ценностей, иссякали, а потомки богатых лау с течением времени начинали рассматриваться как лапан (1934. Р. 204). Но гораздо более верным является, на мой взгляд, ее утверждение, что система рангов в обществе манус по существу уже не функционировала, что она представляла собой пережиток прошлого состояния, реальное значение которого было невелико (Р. 205). Соответственно и лулаи сейчас не имел никакой власти, которая не происходила бы из богатства и авторитета (Р. 205).

С чисто формальной точки зрения можно говорить о сосуществовании у манус чифменов и бигменов. Но по существу у них царила престижная экономика с позднейшими бигменами, которая пришла на смену престижной экономике с чифменами.

**Жизнеобеспечивающая и престижная
экономика земледельцев
и животноводов: преполитаризм
и переход к протополитаризму**

**1. Острова Улава и Манам, мекео
Новой Гвинеи, Буин: ранние преполитархи**

В Меланезии, кроме социоисторических организмов, с бигменами и общин с чифменами существовали и общества с преполитархами.

А) Саа (остров Улава)

Примером может послужить община Саа на о. Улава (Соломоновы о-ва). У. Айвэнс впервые наблюдал жизнь этого региона в 1896–1909 гг., а затем вел интенсивную полевую работу в Саа в 1924–1925 гг. По территории общины было разбросано несколько поселков. Общее их население составляло в 1896 году 250 человек, в 1924 году — 100. В Саа существовало резкое деление на вождей — *ахаха* и простолюдинов — *аполоа*. Принадлежность к слою вождей была наследственной.

Исследователь говорит то о нескольких вождях, то об одном. Возможно, что в первом случае он имеет в виду всех представителей знати, а во втором — только лидера. Но нельзя исключить, что лидеров было несколько.

Вместе с вождем в его поселке жили его приверженцы из местных жителей и зависимые — люди, пришедшие из других общин. Приверженцы выступали в роли глашатаев, вестников, посредников. Зависимые, которым вождь помогал обзавестись женами, оказывали ему различные услуги, работали на него. Среди них были отчаянные головы, которые искали у вождя убежища и были готовы ради него идти на все.

Но на вождя трудились не только непосредственно зависимые от него люди, но и основная часть населения — простолюдины. Коммонеры обрабатывали огороды вождя, за что он обеспечивал их в конце дня пищей. Они же каждый год давали вождю в качестве приношений большое количество ямса и таро. Готовая пища давалась также жрецу. Вождь и жрец были освобождены от обязанности все отплачивать. Вождь мог потребовать любую свинью у простолюдина.

Коммонеры давали вождю раковинные деньги. Они использовались для выплаты вергельда и устройства пиров. Последнее было главной и монопольной функцией вождя. Целью пира было повышение престижа вождя и одновременно общины. На большой праздник приглашались люди из других общин. Число гостей могло доходить до нескольких сот. На каждом пиру вождю давались раковинные деньги. В качестве вознаграждения человек получал свинину. На пиру объявлялись также имена всех тех, кто раньше дал деньги вождю, и им дарилась свинина.

Важнейшим моментом пира было раздаривание пищи гостям из соседних деревень. Называлось имя определенного вождя, и передавалась пища, предназначенная для него и возглавляемых им людей. После завершения ритуала каждая такая группа ела свою долю отдельно. Как правило, значительную часть пищи гости забирали с собой.

Исследователь не говорит ни слова о титульной собственности вождя на землю. Но сообщается, что личность вождя считалась священной. За оскорбление его полагалась смерть. Одновременно сообщается, что вождь не правил в привычном для нас смысле, хотя мог наказывать или взимать штрафы за нарушение табу, которое сам накладывал. Все прочие нарушения улаживались заинтересованными сторонами без обращения к вождю (Ivens, 1927. P. 7–8, 24, 28–32, 64, 118, 125–128, 160–165).

Весь приведенный выше материал дает определенные основания для вывода о том, что вожди Саа были уже не чифменами, а ранними преполитархами.

Б) Остров Манам

Полевые исследования на о. Манам, относящиеся, как и Вогео, к о-вам Схаутен, проводились Камиллой Веджвуд с января 1933 г. до февраля 1934 г. (Wedewood, 1934). На острове обитало около 4 тыс. человек. Они входили в состав 13 общин, относительно которых трудно сказать, были ли они поселковыми или хуторскими.

Во главе общины стоял наследственный вождь — *танепва*. Он сам, его сыновья, его младшие братья с их сыновьями составляли аристократию. Всех этих его родственников тоже называли танепва, но с добавлением прилагательного «малые». Лишь лидер общины был истинным танепва. Слово «танепва» применялось для обозначения и лидеров патрилинейных родов, которых в каждой деревне было несколько. Но их статус был явно ниже, чем очерченной выше группы. В старые времена все рядовые члены общины работали на огородах вождя. Вознаграждением был большой пир, на котором было изобилие пищи.

Люди не могли есть мясо свиней, которых сами выкормили. Свинина использовалась для дароплатежей и великодаров. Одна деревня приглашала на праздник другую. Танепва одной общины дарили

свиней и пищу аристократам другой. Гости-коммонеры получали растительную пищу. Община, приглашенная на пир, должна была ответить тем же. Между общинами завязывалось соперничество. Каждая старалась накопить как можно больше пищи и свиней для дарения. Неспособность дать адекватный отдар роняла репутацию.

К. Веджвуд ничего не говорит о титульной собственности вождей на землю. Но власть их в прошлом была велика. Они играли заметную роль в обеспечении порядка и даже, как сообщали информаторы, имели право на жизнь и смерть жителей общины.

Туземцы рассказывали, что в прошлом вождь Булиа был верховным правителем всех общин западной части острова. На этом основании можно было бы сделать вывод о существовании на Манаме хотя бы одного вожества. Но этому противоречит сообщение о том, что в прежние времена между этими общинами велись войны (Weddewood, 1934. P. 383–385, 387, 394, 397–398; 1939. P. 239–240, 249).

Судя по всем данным, общество о. Манам скорее всего было преполитарным.

В) Мекео (Новая Гвинея)

Еще один пример, причем очень любопытный, дают мекео — меланезийский народ Новой Гвинеи (Seligman, 1910. P. 311–348; Williamson, 1913. P. 278–279).

Всего их было 6 тыс. человек. Жили они компактными деревнями с населением от 130 до 1000 человек. В 1969 г. были изучены две деревни: в одной из них числилось 120 жителей, принадлежавших к 3 под родам, в другой — 800, принадлежавших к 14 под родам (Nau'ofa, 1971; 1981). Каждый под род занимал в деревне особый квартал. Несколько соседних под родов обычно образовывали союз, возглавляемый одним из них.

В прошлом у мекео существовали вожди двух родов: гражданские и военные. С запрещением войн военные вожди исчезли. Сейчас в каждом под роде два вождя: старший и младший. Вторым является заместителем первого. Вождь — хозяин *уфу* — церемониального дома своего под рода. Должность вождя переходит от отца к сыну. Если сын новой несколько, то вождь сам выбирает преемника.

Как правило, старый вождь сам возводит наследника в должность. Для этого нужно устроить пир с раздариванием огромного количества свиней и пищи другим вождям. Если он сам не успевает это сделать, то пир должен быть устроен после его смерти. Без этого преемник не мог стать вождем. В 1969 г. из 17 под родов названных выше деревень 9 были без вождей, ибо оказались не в состоянии обеспечить расходы на пир.

Только вожди могли устраивать церемонии и пиры. Они должны их организовывать, ибо только таким способом может быть подтвержден престиж вождя и обеспечено сохранение за ним этой должности.

Чтобы обеспечить достаточное количество продуктов для пиров, вождь

объявлял табу на потребление тех или иных огородных культур, табу на охоту на определенных участках и т. п. Все, что приносилось членами подрода в уфу, поступало в его полное распоряжение.

Вождь раздаривал все это от своего имени, причем не подродам или их союзам, а их правителям. Последние в свою очередь являлись на пир с дарами. Пища на пиру никогда не ставилась на стол. Она раскладывалась по большим вместилищам, которые затем дарились каждому вождю-гостю. Вожди, получившие мясо, никогда его сами не ели. Вся пища, которая была подарена вождю, доставлялась в его уфу, где и распределялась между членами подрода. Сам вождь при этом не получал ничего, кроме почета. С должностью вождя был связан ореол щедрости и бескорыстия.

В уфу вождя постоянно поступала пища, которую он использовал для того, чтобы кормить свой народ. Он должен был стремиться к тому, чтобы не было голодных, оказывать помощь в беде и т. п. Поэтому он выступал как отец народа. В работах ничего не говорится о соотношении доходов и расходов вождя. Но имеются все основания полагать, что доходы вождя превышали его расходы.

Ни в одной из работ, посвященных мекео, о титульной собственности вождя на землю ничего не говорится. В пользу существования у мекео преполитарных отношений говорит несколько обстоятельств. Это прежде всего существование по меньшей мере 6 категорий должностных лиц, которые должны были служить вождю. Из них четыре разряда (второй, третий, четвертый и пятый) должны были обеспечивать подготовку и проведение пиров. Первый разряд: ораторы и посредники. Шестой — «полицейские». Это были люди, которые использовали колдовство, искусство отравления и манипулирования змеями для навязывания норм поведения, обеспечения порядка и утверждения власти вождей. Некоторые исследователи прямо утверждают, что вождь у мекео имел власть на жизнь и смерть своих подданных (Chowning, 1979. P. 81).

В прошлом наказание смертью грозило за оскорбление вождя, повреждение его собственности, присвоение земли и похищение чужой жены, убийство, безмерное хвастовство. Под последним прежде всего разумелось накопление личного богатства. Отношение к этому явлению как преступлению, требующему наказания смертью, имело особое значение. Целью было предотвратить появление «предпринимателей», богатых и влиятельных людей из числа простолюдинов, иными словами, бигменов. Когда коммонер начинал проявлять чрезмерные амбиции, вмешивались «полицейские» и быстро возвращали его в исходное положение. Тем самым сохранялось положение вождей как особого слоя, возвышавшегося над простолюдинами.

В вопросе о соотношении вождей разных категорий нет ясности. С одной стороны, утверждается, что власть вождя, доминирующего в союзе подрода, распространялась и на все остальные входящие в него

подроды. С другой, говорится, что лидеры меньших групп не подчинялись лидерам больших. Но определенная система рангов существовала. Вожди доминирующих подродов стояли выше вождей подродов, входивших в один с ними союз, а последние выше глав подродов, которые не были вождями.

Г) Область Буин (остров Бугенвиль)

Общественные отношения у населения района Буин о. Бугенвиль (Соломоновы острова) Рихард Турнвальд изучал в 1908–1909 гг. Затем он провел там еще десять месяцев уже в 30-х годах. У туземцев была развита престижная экономика с грандиозными дароторжествами. Население было резко подразделено на два слоя. Один из них образовывала знать — *мумира*, другой простолюдины — *ките*. Собственником всей земли каждого дистрикта была аристократическая семья, представленная ее главой — вождем. Каждый взрослый член аристократической семьи имел в своем распоряжении определенное число семей простолюдинов: вождь — несколько дюжин, его родственники — от половины дюжины до двух дюжин. Простолюдины работали на вождя и его родственников (Thurnwald, 1967. Р. 125–126). При малейшем проступке простолюдин мог быть убит по повелению вождя (Р. 126–127).

Таким образом, вожди дистриктов в районе Буин были и титульными собственниками земли и пользовались правом на жизнь и смерть рядовых членов подвластного им общества. Они, бесспорно, были преполитархами.

2. Остров Тикопия: единственное преполитарное общество, экономика которого детально изучена

Еще одним из немногих позднепервобытных земледельческих обществ, о котором можно с определенной долей уверенности сказать, что оно было преполитарным, является общество полинезийцев о. Тикопия. Это связано с тем, что тикопийское общество в целом, существующая в нем система социально-экономических отношений в особенности, были детальнейшим образом изучены Раймондом Уильямом Ферсом (1901–2002) и обстоятельно описаны в его трудах, прежде всего в монографиях «Мы, тикопийцы. Социологическое исследование родства в примитивной Полинезии» (Firth, 1936; 1968) и «Примитивная полинезийская экономика» (Firth, 1939; 1965; 1967).

О. Тикопия хотя и заселен полинезийцами, но географически относится к Меланезии. Р. Ферс вел на нем полевую работу с июля 1928 г. по июль 1929 г. До него никто из европейцев на острове не жил. Впервые остров был посещен европейцами в 1813 г. Определенные контакты имели место и в дальнейшем. Одним из результатов была

замена раковинных орудий (каменных на Тикопии было мало) стальными. Ко времени исследования на остров раз в год прибывал корабль христианской миссии. Примерно половина туземцев была окрещена, однако принятие христианства носило чисто внешний характер. В целом Тикопия к 1928–1929 гг. оставалась почти совсем не затронутой внешними влияниями. Жители ее во многом сохраняли традиционный образ жизни. В последующем Р. Ферс провел исследования на Тикопии в 1952 г. (Firth, 1959).

Население Тикопии в 1929 г. составляло 1281 человек. Площадь острова — 7,72 кв. км. Основное занятие — земледелие. Главная культура — таро. Выращивались также ямс, бананы. Важную роль играли кокосовые и саговые пальмы, хлебные деревья, каштаны. Занимались тикопийцы и рыболовством.

Жители Тикопии подразделялись на 4 патрилинейные неэкзогамные группы, которые Р. Ферс называет кланами: Кафика, Тафуа, Таумако и Фангарере с числом членов соответственно 443, 365, 384 и 89 человек. Каждый из кланов, в свою очередь, состоял из меньших патрилинейных групп, которые туземцы называли *паито*. В дальнейшем изложении они будут именоваться субкланами. Субкланы состояли из ветвей — субсубкланов.

Ни кланы, ни субкланы не были локализованы. Их части были рассеяны по всему острову (1968. Р. 299–336). Тикопийцы жили в 25 деревнях. Были деревни, в которых жили члены одного клана. Однако большинство деревень имело смешанный состав. Но общей тенденцией было преобладание в каждой деревне членов одного клана (Р. 66–67). Существовало на Тикопии и деление на дистрикты (Р. 63, 67, 71).

Основными собственниками земли были субкланы. Но права на конкретные участки земли имели определенные индивиды или их группы. Участки передавались по наследству. В результате существовало определенное неравенство в распределении земли между отдельными лицами. Однако оно не было сколько-нибудь значительным. Доступ к земле имели все.

Кроме использования участков, которые человек считал своими, он имел полное право посадить таро на земле любого другого, если она пустовала. Он мог это сделать, даже не спрашивая согласия того, кто имел права на эту землю, хотя обычно это делалось. Но после того как урожай снимался, человеку, имевшему право на землю, посылались корзина пиши (1967. Р. 57–58, 259–261; 1968. Р. 316, 330–366).

На Тикопии каждый взрослый человек имел обязательство давать пищу определенному числу других людей. Вообще пища на острове имела не только потребительную ценность. Она была важнейшим средством выполнения социальных обязательств перед другими людьми, прежде всего родственниками (1967. Р. 35–37).

И, по крайней мере, часть из них проистекала из обязанности делиться пищей с членами определенной группы. Каждая деревня состояла из нескольких групп домов. В каждой из таких групп жили

обычно близкие родственники. И внутри этой группы существовал дачеделаж. Одна семья посылала пищу другой. Обычно ребенку давали в руки дымящийся горшок и говорили, кому отнести (1968. Р. 60–61).

Каждый человек, которого мучила жажда, мог взять зеленый кокос, растущий на участке, мимо которого он шел. После этого он должен был поставить в известность хозяина. Если он этого не делал, его поступок считался кражей. Никакой компенсации со стороны человека, сорвавшего кокос и сообщившего об этом хозяину, не требовалось. Если человек не желал, чтобы у него таким способом брали кокосы, то привязывал к стволу пальмовый лист. В таком случае взять плод мог только близкий родственник или вор (Р. 358–359).

Существовал на Тикопии раздел совместно пойманной рыбы. Когда рыба ловилась с каноэ, то обычно добыча делилась поровну между всеми членами команды. Долю получал и собственник судна, причем совершенно независимо от того, участвовал ли он в данной экспедиции или нет. Если человек поймал 1–2 рыбы, в то время как остальные члены команды не добыли ничего, то он отдавал добычу последним. Себе он не оставлял ничего. Но если человек в одиночку ловил сетью рыбу в озере, то все оставлял себе (1967. Р. 281).

Если рыба ловилась с берега с помощью сети большой группой людей, то раздел производил какой-либо важный человек. Одна доля шла владельцу сети, другая — вождю клана. Остальная рыба делилась между различными семьями, представленными в группе, но не поровну. Наиболее важные люди либо получали лучшую рыбу, либо на 1–2 рыбы больше, чем остальные. Если рыбы было мало, то она вся шла важным людям. В результате менее важные люди нередко старались выхватить рыбу из сети и утаить. Такое поведение осуждалось, но было обычным (Р. 284–285).

Широко был распространен на Тикопии дачевозврат. Человек, который нуждался в какой-либо вещи, мог попросить ее в пользование у другого или даже взять без спроса, но обязательно открыто. Это обычно имело место внутри небольшой родственной группы. Если вещь имелась у человека, не входившего в состав этой группы, то нуждавшийся, когда шел просить, брал с собой корзину пищи и ценности. Ему не отказывали, даже если это было не по душе.

Когда вещь возвращалась, то за пользование ею обычно не платили. Но в случае использования важных вещей (каноэ, сеть) плата была необходима. Владелец каноэ или сети давали часть улова, равную доле человека, принимавшего участие в ловле (Р. 305). В таком случае перед нами услуговещеплатежный метод эксплуатации. Однако последний окончательно еще не утвердился. Об этом свидетельствует хотя бы то, что получивший платеж может дать ответный дар (Р. 35, 305–306, 319).

Обычным явлением была помогодача трудом. Приглашались родственники и соседи. Группе людей, занятых неспециализированным

трудом, причем в течение 1–2 дней, давались в процессе труда зеленые кокосы, а в конце дня их кормили. Нередко пищи при этом было столь много, что часть ее работники забирали домой. После завершения некоторых работ еще дополнительно давалась пища (Р 291–293). При этом интересно отметить, что сами работники являлись не с пустыми руками. Они сами приносили с собой пищу, которая шла в печь (Р. 149).

Работы большой продолжительности, а также труд специалиста вознаграждались большими количествами пищи: перед работником ставили или относили ему домой корзины пищи. В этом случае человек, на которого работали, получал помощь пищей со стороны родственников, а также самих работников. При этом работники, исключая специалистов, нередко давали ответные дары (Р. 291–292).

В полном смысле слова об услугоплатеже можно говорить лишь применительно к специалистам, точнее, умельцам. Специалист мог быть приглашен в качестве эксперта в состав группы, остальные члены которой были заняты неспециализированным трудом. Но он мог быть приглашен в единственном числе для изготовления той или иной сложной вещи. Его кормили и ему платили. Причем в его плату, кроме пищи, входили определенные предметы: маты, одеяла из особого рода коры, куски этой коры.

И вообще на Тикопии многие вещи делались умельцами за плату пищей и кусками коры (Р. 294–297). Таким образом, услугоплатеж на острове был довольно развит. Иное дело — товарообмен. Случаи его были крайне редки (Р. 35).

Труд высоко ценился на Тикопии. Он рассматривался как единственный источник существования человека. Чтобы кормить себя и семью, нужно было трудиться. Общество поощряло упорный труд и с неодобрением относилось к лени. Лентяев порицали и высмеивали. Существовали специальные термины для искусных и плохих работников. Одним из мотивов труда был интерес к работе самой по себе. Фактором, стимулировавшим труд, было соперничество между индивидами и группами. Индивиды, кланы, дистрикты стремились превзойти друг друга в различных видах трудовой деятельности (Р. 151–162).

На Тикопии была развита престижная экономика. Существовала обширная сеть социальных обязательств, которая далеко не исчерпывалась дачедележом. Большую роль играл дарообмен. С этим связано существование в тикопийском обществе принципа эквивалентности (Р. 348). Особенно частым явлением были дароплатежи. Р. Ферс называет их церемониальным обменом. Они были связаны с множеством событий: рождение, инициации, брак, болезнь, смерть, религиозные ритуалы.

Приготовления к дароплатежам начинались за несколько месяцев: сажали таро, изготавливали и накапливали ценности (маты, одеяла из коры, куски ткани из коры, деревянные кувшины и др.). Требовалось большое количество пищи — от 20 до 40 корзин (Р. 321). В назначенный день человек получал помощь от родственников и соседей.

За дарами всегда следовали отдары. Они могли быть эквивалентными. Так, например, большой дар пищи, данный семьей жениха, отплачивался даром равной величины со стороны семьи невесты. Однако строгая эквивалентность между дарами и отдарами существовала не всегда. Нередко баланс восстанавливался в процессе дальнейших обменов (Р. 322–323).

В случае погребальных дароплатежей стороне умершего дарилась пища, которая отдаривалась вещами. В одном таком случае сторона умершего получила 49 корзин пищи. Они поступили от 16 домохозяйств и были распределены между 20 домохозяйствами. Но в целом семья умершего давала больше, чем получала (Р. 326–328).

Были на Тикопии и дароторжества. Их организовывали вожди. Особенность социальной структуры острова заключалась в достаточно четком различении двух основных слоев людей: вождей и простолюдинов, коммонеров.

Как уже отмечалось, на острове существовало 4 клана. И каждый из них имел вождя, который носил титул *арики*. К слою вождей относились не только эти четыре человека, но и члены их семей и более широкий круг их ближайших родственников. Речь идет именно о ближайших родственниках, ибо более отдаленные потомки ранее живших вождей превращались в коммонеров.

Сыновья и братья вождя образовывали при нем свособразный исполнительный орган. Они отвечали за порядок и выполняли волю вождя в случае социальной напряженности, когда необходимы были определенные дисциплинарные меры (Р. 188).

Вожди занимали особое положение в системе экономических отношений. Выше уже указывалось, что земля на Тикопии была собственностью субкланов, а права на отдельные ее участки принадлежали определенным индивидам или группам индивидов. Но это не все. Земля всех субкланов одного определенного клана была вдобавок еще и собственностью вождя этого клана (1967. Р. 190, 264; 1968. Р. 356). Здесь, как и в случае с индейцами северо-западного побережья Северной Америки, перед нами должностная частная собственность на землю.

Отличие состоит в том, что у индейцев названного региона у одной и той же земли было одновременно два собственника: одним из них была локально-родственная группа, другим — ее вождь. На Тикопии собственником был только вождь клана, но не клан в целом. Но вождь не был единственным собственником земли. Ее собственниками были и подразделения клана — субкланы. Собственность на землю была, как и у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, расщепленной, разделенной.

Должностная частная собственность вождя на землю проявлялась по-разному. Вождь мог лишить тех или иных членов клана определенных участков земли (1968. Р. 341, 356). Но главное — вождь получал от членов клана приношения по самым различным поводам и даже без

повода. Чаще всего это была пища. Но нередко и определенного типа сырые материалы. И, по крайней мере, периодические приношения пищи прямо связывались с правами вождя на землю своего клана. Все эти приношения вместе взятые образовывали постоянный поток прибавлений к богатству вождя (1967. Р. 171, 188, 191, 213–218). Представить размеры подношений позволяет один пример. Когда арики Тафуа был в гостях у арики Таумако, то члены его клана каждый день доставляли ему 8–10 корзин пищи (Р. 216).

Однако вождь никогда не оставлял все полученное себе. Он распределял его между членами своей семьи, между близкими родственниками и соседями. Он был обязан давать тем, от кого получал, правда, не обязательно в тех же размерах (Р. 213). В целом вождь из всего полученного отдавал больше, чем использовал сам (Р. 117). Все это создавало в округ него ореол щедрости (Р. 214). Щедрость всегда ожидалась от вождя. Он посылал излишки пищи членам своего клана и, в конечном счете, получал от них ответные дары (Р. 219). Сами коммонеры не были однородным слоем. Среди них были бедные люди. От вождя ожидали, что он будет давать им, не предполагая возврата (Р. 221).

Но не нужно думать, что вожди на Тикопии целиком жили за счет эксплуатации членов своих кланов. Они и сами трудились: возделывали огороды, ловили рыбу (Р. 172, 181, 193). И когда они давали пищу членам своего клана, она совершенно не обязательно была получена извне. Она могла быть произведена ими самими. Но хотя вожди трудились, от некоторых работ, например, поднятия тяжестей, они были освобождены (Р. 112, 191).

В целом вожди были богаче простолудинов. У них были большие дома, больше вещей, особенно ценностей, более изысканная пища, хотя в общем они ели то же самое, что и остальные (Р. 34, 243).

На Тикопии уже начали уделять внимание богатству, не только проходящему через руки людей, но и тому, которое накапливалось не только для раздачи. Однако крупное накопление богатств в руках коммонеров не поощрялось. Они обязательно должны были их раздавать. Простолудины, стремившиеся разбогатеть, вызывали подозрения у вождей. Были в истории Тикопии случаи, когда вожди либо захватывали богатство коммонера или даже убивали его (Р. 243).

Пирь, которые устраивали вожди, носили то же самое название, что и дароплатежи во время инициации и браков. Но они значительно отличались от дароплатежей, которые устраивались и коммонерами, по своим масштабам.

Каждый вождь в течение своего правления должен был организовать несколько пиров, каждый из которых носил специальное название. Хотя на Тикопии вождем обычно становился старший сын, это происходило не автоматически. Вождя избирали. Первый пир устраивался вскоре после выборов и знаменовал начало правления нового вождя. Он был исходным в серии из 4 пиров, из которых первые 3 были обязательны. Кроме пиров, входивших в эту серию, были и другие.

Первый пир из названной серии происходил через несколько дней после окончания погребальных обрядов, связанных со смертью старого вождя. Собиралась пища из огородов вождя и его родственников. Другие вожди и их родственники тоже делали вклады (Р. 224). Когда к пиру все было готово, посылались вестники для приглашения членов субкланов других кланов. На пиру происходил обмен пищей между хозяевами и гостями.

Главное угощение дня готовилось в большой печи. Большие корзины с приготовленной пищей ставились по одной для каждого вождя. К этому добавлялись кокосовые орехи, связки бананов и другая растительная пища. Люди каждого клана вместе со своим вождем занимали особые места в хозяйском доме. Затем входили женщины — представительницы разных субкланов — и одаривали нового вождя. Они давали ему ткани из коры и корзины пищи. Этих женщин организатор пира в дальнейшем отдаривал. Вслед за этим совершалась масса различных передач и обрядов. В заключение каждый вождь распределял все, что он получил, среди членов своего клана (Р. 225–227).

Во всех пирах, даваемых вождями, присутствуют одни и те же моменты: сбор пищи, собрание всех вождей, взаимные приветствия и одаривание пищей. При этом пищи бывает большое количество. На одном из таких праздников было представлено 150 корзин только двух видов пищи (Р. 227).

К пирам обычно начинали готовиться за несколько месяцев. Расширялись огороды, причем это делал не только вождь, который устраивал праздник, и его семья, но и члены его и других кланов, а также вожди иных кланов. Создавались и накапливались различного рода туземные ценности, такие как, например, ткани из коры (Р. 288).

В целом полинезийцы Тикопии находились на грани перехода к предклассовому обществу. Они очень напоминали индейцев северо-западного побережья Северной Америки. Еще ближе к последним находились маори Новой Зеландии.

3. Маори Новой Зеландии: протополюитархий пока еще нет

В отличие от Тикопии картина традиционного маорийского общества есть реконструкция его прошлого состояния. С этим связано наличие многих противоречий, которые невозможно устранить, ибо это общество давно уже исчезло. И тем не менее имеет смысл его рассмотреть, ибо в распоряжении науки находится такое первоклассное исследование, как монография Р. Ферса «Примитивная экономика маори Новой Зеландии» (Firth, 1929).

В хозяйстве маори главную роль играло земледелие. Основной культурой был батат (кумара). Но в некоторых местах главным источником пищи было собирательство. Люди, жившие у моря, на берегах

рек и озер, занимались рыболовством. Известную роль играла охота. Животноводство в доконтактный период отсутствовало.

В середине XIX в. маори делились на примерно 50 племен — *иви*, каждое из которых произошло от определенного члена команды одного из каноэ, на которых прибыли к берегам Новой Зеландии первопоселенцы. Племена, происшедшие от членов команды одного каноэ, образовывали аморфное объединение, которое называлось *вака*, что означает каноэ. Число членов племени варьировалось от нескольких до многих тысяч людей.

Племена в свою очередь делились на амбилатеральные родственные группы — *хапу*, которые были основными единицами общества маори. Численность *хапу* в среднем 200–300 человек (Winiata, 1967. P. 26). Как правило, *хапу* составляла население одной деревни. Но бывало, что в деревне жило несколько таких групп. В таком случае каждая *хапу* занимала особый квартал, отделенный от других изгородами. Браки обычно заключались между членами одной *хапу*.

Ячейкой более низкого порядка была *вануа*, которую обычно определяют как расширенную семью. В ее состав входило 3–4 поколения людей. Мнения исследователей о характере *вануа* довольно противоречивы.

С одной стороны, утверждается, что *вануа* образовывало одно домохозяйство, которое располагало несколькими строениями: для сна, приготовления пищи, хранения запасов, сборищ, что *вануа* была базисной ячейкой маорийской экономики, члены которой жили, работали и ели вместе (Firth, 1929. P. 125; Winiata, 1956. P. 218–219).

С другой стороны, эти же авторы пишут, что семья, состоявшая из мужа, жены и детей, в какой-то степени сама обеспечивала себя пищей, обладала в какой-то степени экономической независимостью и могла в некоторых случаях жить в отдельном доме (Firth, 1929. P. 106–108). Если *вануа* владела каноэ, сетями, то другие вещи (орудия, посуда, оружие) принадлежали отдельным людям (Firth, 1929. P. 334, 339; Winiata, 1956. P. 219). Сообщается и об участках земли, которые принадлежали отдельным людям и обрабатывались ими самими или с помощью членов их элементарных семей (Firth, 1929. P. 334).

В целом об отношениях в сфере жизнеобеспечивающей экономики у маори известно немного. Сообщается, что у маори было невозможно, чтобы одна семья голодала, когда у других имелась пища (Firth, 1929. P. 280). Это говорит о наличии у них, по крайней мере, помогодачи.

При ловле рыбы сетью с берега руководитель делил улов на равные доли согласно числу семей, участвовавших в работе. Когда происходила ловля большой сетью, то после дележа обычно оставалось много рыбы, которую мог взять каждый. После ловли сетью с каноэ, когда судно приближалось к берегу, его ждали женщины, и каждая получала долю. При этом никто не уходил с пустыми руками, хотя преимущество

отдавалось работникам (Р. 276–277). В целом пища, добытая совместным трудом, распределялась между всеми членами общины согласно потребностям, но с учетом их вклада в производство (Р. 280).

Рыба, пойманная при помощи удочки, доставалась рыбаку. На севере при ловле акул каждый человек клал свою добычу отдельно, и дележа не было (Р. 278).

Среди маори в прошлом широко практиковался дачевозврат. Если человек сам не пользовался вещью, то она могла быть взята другим, иногда даже без спросу. Когда человек обращался к другому с просьбой дать ему в пользование вещь, то ему могло быть в этом отказано. Но это происходило не часто. При возвращении вещи иногда делался платеж в форме дара (Р. 336). Здесь перед нами перерастание дачевозвратных отношений в услуговещеплатежный метод эксплуатации. Довольно развит был у маори услугоплатеж. Плату за услуги получали люди, изготовлявшие каменные тесла, резчики по дереву, специалисты по строительству каноэ и домов, татуировщики, жрецы (Р. 168, 205–209, 289–294).

Был развит у маори и дарообмен, который может быть подразделен на два основных вида. Один из них был оболочкой товарообмена. Примером может послужить обмен между береговыми жителями и населением внутренних районов островов. Первые поставляли рыбу, вторые — птицу, крыс, лесные продукты.

Второй вид — церемониальный обмен, в котором главным было — не желание получить определенный продукт, а установить и укрепить социальные связи. С развитием дарообмена связано существование у маори принципа эквивалентности — *ути*. Каждый дар должен был быть возмещен равным по ценности отдаром (Р. 395–406).

Разновидностью церемониального обмена были различного рода дароплатежи, которыми сопровождалось важнейшие события в жизни человека: рождение, брак, смерть. Дароплатежи сочетались с пирами или даже происходили в форме пиров. У южных племен группа мужа давала пир группе жены. Возмещением был пир при рождении ребенка. Его устраивали родственники мужа, хотя родственники жены при этом тоже вкладывали пищу (Р. 305–306).

Однако самые грандиозные пиры устраивались вождями. Общество маори было стратифицированным. Основными социальными слоями были люди высокого ранга — вожди, или аристократы, коммоне-ры и рабы. Последними становились пленники, захваченные на войне. Вожди хапу назывались *рангатира*. Вождь старшей хапу был одновременно и вождем племени — *арики* (Bowden, 1979. Р. 50–52).

Вождь племени был должностным частным собственником земли племени (Firth, 1929. Р. 368–370, 384–385). Территория племени делилась на территории хапу, каждая из которых ревниво оберегала свою землю, не допуская нарушения границ. Земля хапу была распределена между вануа и индивидами. В одних случаях люди пользовались

участками земли группами, в других — в одиночку (Р. 371–375). Таким образом, и у маори собственность на землю была расщепленной.

Принадлежность к слою вождей была наследственной. Но вождь должен был быть не только родовитым, но и богатым. Важнейшим видом богатства была пища. Значительная доля этого богатства обеспечивалась трудом самого вождя, его жен, слуг и рабов. У вождей в отличие от людей низкого ранга было много жен. Только им в основном принадлежали и рабы (Р. 115–120). Таким образом, вожди у маори, как и вожди у индейцев северо-западного побережья Северной Америки, были позднейшими преполитархами.

По некоторым данным вожди высшего ранга были освобождены от грубой физической работы. Но они занимались резьбой по дереву, изготовлением оружия, украшений. В целом труд у маори рассматривался как почетное дело (Р. 163–164). Но источником богатства вождей был не только их собственный труд, а также труд их жен и рабов. Они получали подарки от своих приверженцев и вообще от всех, кто хотел заслужить их милость (Р. 119, 284).

Из работы Р. Ферса трудно понять, получали ли приношения только арики или также и рангатира. Речь у него в основном идет об арики. Сообщается, что у некоторых племен арики получали первые плоды урожая. Узнаем мы также, что в старые времена выдающийся вождь приглашал людей соседних хапу работать на него и обеспечивать его птицей и рыбой. Члены этих хапу также делали ему дары в знак признания его лидирующей роли в племени (Р. 286). Вождю высокого ранга люди оказывали гостеприимство и делали ему подарки, когда он посещал их деревню (Р. 287). Число и ценность подарков увеличивались с рангом и наследственным положением вождя (Р. 288). Арики обладали определенными правами на некоторых морских животных: китов, дельфинов, черепах, выброшенных на берег на их территории, и на любую белую цаплю, которую видели на их землях. Вождь получал дань от вассальных племен (Р. 201, 284).

Но отношения вождя и коммонеров не были односторонними. Вождь должен был отличаться щедростью (Firth. 1929. Р. 118–119; Winiata, 1967. Р. 37). Он проявлял широкое гостеприимство, принимая соседних вождей со всей их свитой. Вокруг него толпились родственники, ожидая от него отплаты за все услуги, которые они ему оказывали. За все дары, которые ему давались, ожидалась отплата. Он должен был оказывать помощь членам племени, которые находились в нужде (Firth. 1929. Р. 288).

Таким образом, хотя через руки вождя проходила большая масса ценностей, он ни в один момент не имел в своем распоряжении их слишком много. Р. Ферс считает, что доходы и расходы вождя уравнивали друг друга (Р. 289). Вряд ли с ним в этом можно согласиться. Поток ценностей, включая пищу, шедших от рядовых членов общества, в целом превышал обратный поток. Таким образом, у маори

основой формой эксплуатации была преполитарная. Она дополнялась рабством и, может быть, приживальчеством.

Не очень ясны отношения между арики и рангатира. Имеется сообщение о том, что во время посещения племенным вождем деревни главарь ее ставил перед ним лучшую пищу, причем часть ее выступала в качестве подарка (Р 287). Ежегодные подарки давались вождями низкого ранга арики во время урожая (Р. 284). Но в целом большая часть приношений поступала непосредственно к арики, минуя руки рангатира. Племя у маори не было вождеством. Имеется даже прямое сообщение, что рангатира мало обращали внимания на власть арики (Bowden, 1979. Р. 56). Хапу одного племени могли враждовать, мстить друг другу за убийства, грабить, даже сражаться друг с другом (Firth, 1929. Р. 368, 372; Bowden, 1979. Р. 56).

Все это говорит о том, что рассматриваемые отношения эксплуатации не были еще протополитарными. Об этом свидетельствует существование межплеменных дароторжеств, которые принимали форму грандиозных пиров.

Организовывали их вожди. Для этого мобилизовывались ресурсы всего племени. Такому пиру предшествовала длительная подготовка. Расчищалась новая земля под батат, заготавливались рыба, птица, крысы. Иногда все это начиналось за год до праздника. Кроме пищи, накапливались также и вещи: маты и одежда.

Когда подготовка заканчивалась, посылались приглашения, причем не отдельным индивидам, а хапу. Гости нередко приносили с собой дары. Собранная пища складывалась в форме пирамиды. Количество ее было велико. В одном случае было выставлено 109 104 литра (109,1 м³) батата, из которых 72 736 (72,4 м³) съели, и 290 свиней. Присутствовало на празднике 5 тыс. человек (Firth, 1929. Р. 318–320).

В случае большого пира в первый день устраивалось угощение. Являлись женщины с корзинами готовой пищи и распределяли поровну между всеми присутствовавшими. На следующий день происходило церемониальное раздаривание пищи. Производилось оно либо самим вождем, либо, чаще, человеком, им назначенным. Раздариватель шел от кучи пищи к куче и выкликал определенную группу (хапу) гостей. Распределение пищи между хапу шло примерно в соответствии с их численностью и рангом людей, их составляющих. Получив пищу, каждая группа часть ее готовила для потребления.

Гости оставались в деревне, пока не истощались запасы пищи. Пища потреблялась в огромных количествах, часто ее даже расходовали впустую. По другим данным, гости, получив пищу, уносили ее с собой. Во всяком случае, каждый такой крупный пир опустошал запасы деревни. В результате несколько месяцев, вплоть до нового урожая, она вела полуголодное существование.

Пир, данный одним племенем другому, накладывал на последнее обязательство отплатить в будущем. Этикет требовал, чтобы бывшие

гости превзошли бывших хозяев в обилии пищи и вещей. При этом теперешние гости приходили на праздник с дарами. Два племени старались превзойти друг друга (Firth, 1929. P. 299–327; Best, 1929. P. 99; Rubel, Rosman, 1976).

Кроме рассмотренных выше образов эксплуатации, у маори существовал такой ее метод, как систематический военный грабеж. Войны у маори в большинстве своем представляли кратковременные набеги. Сломив сопротивление защитников деревни, победители подвергали ее грабежу. Захватывали добычи столько, сколько можно было унести с собой. Брали пищу, маты, украшения, рыболовное снаряжение, корзины, сосуды. Все, что не могли унести, уничтожали. Деревня сжигалась. Часть пленных убивали и съедали. Другую часть превращали в рабов.

Чаше всего после успешного набега нападающие покидали чужую землю. Но серия побед могла привести к захвату территории. Ее прежние жители истреблялись, изгонялись или обращались в рабов.

В некоторых случаях между враждующими сторонами заключался мир. С такой просьбой обращалась слабейшая сторона. Условием мира могла быть уступка территории. Иногда побежденные обязывались давать в определенные сезоны в качестве подарков победителям особые виды пищи (птиц, крыс, угрей). Это другой метод эксплуатации — данничество. Но подобного рода данничество было у маори редким и кратковременным явлением. Когда данники восстанавливали силы, то прекращали уплату (Vayda, 1970; 1976. P. 75–87).

Традиционный обшество маори стояло перед гранью, отделяющей преполитаризм от протополитаризма. Не исключено при этом, что некоторые игруппы аборигенов Новой Зеландии уже перешагнули ее. Во всяком случае, в XIX веке в значительной степени под европейским влиянием у них возникли короткоживущие социальные образования, которые исследователи называют вождествами. Возможно, что они действительно являлись таковыми. Но об их социально-экономической организации ничего не известно (см. Sutton, 1990).

4. Острова Тробриан: протополитарии возникают

Протополитарных обществ существует множество. Но в них этот строй выступает в основном как уже вполне сложившийся. Единственный известный мне пример переходного состояния от преполитарной стадии к протополитарной — меланезийцы островов Тробриан.

Эти острова расположены на востоке от Новой Гвинеи в Соломоновом море. Главным в группе является остров Киригина (другое название — Бойова). Открыты европейцами острова были в 1773 году. Еще в 40-х годах XIX в. к туземцам стали проникать стальные топоры, но первоначально они были сосредоточены в руках немногих: людей, участвующих в куле и их ближайших родственников. Начало прямых

контактов с европейцами относится к 70–80 годам XIX в. В основном это были моряки. Некоторые из них покидали корабли, становились торговцами, женились на туземках и поселялись на Киривине.

Около 1895 г. в лагуне Киривина был найден жемчуг, что привлекло внимание европейских торговцев. В последнее десятилетие XIX в. начала действовать методистская миссия, обращавшая туземцев в христианство. В 1904 г. острова посетил известный этнограф Чарлз Г. Селигмен (Seligman, 1910). В 1905 г. была создана постоянная правительственная станция. Вместе с белыми пришли болезни, в результате которых численность населения уменьшилась. На 30 июня 1921 г. на островах жило 8781 человек, на 31 января 1935 г. — 8537, из которых 7093 обитало на о. Киривина (Austen, 1945. P. 15–17, 24, 43, 45, 57; Weiner, 1983. P. 25–33).

Бронислав Каспер Малиновский (1884–1942) вел полевые исследования в 1915–1918 гг. В общей сложности он провел на островах около двух лет. В 1931–1936 гг. администрация на архипелаге была представлена Лео Остином, изложившим результаты своих наблюдений в ряде статей (Austen, 1939; 1945a; 1945b). С мая 1950 г. по май 1951 г. на севере Киривины занимался полевой работой Г. Пауэлл (Powell, 1960, 1969). С июня по октябрь 1971 г. и с мая по ноябрь 1972 г. на Киривине вела этнографические изыскания Анет Вейнер (1933–1997) (Weiner, 1983, 1988).

Основным занятием тробрианцев являлось земледелие, носившее подсечно-огневой характер. Главная культура — ямс. Возделывались также таро, бананы. Выращивались свиньи, жители прибрежных деревень занимались рыболовством.

Важной социальной единицей на о-вах Тробриан была деревня (Malinowski. 1922. P. 57; Powell, 1960. P. 121). На островах существовало 4 материнских рода, которые подразделялись на множество подродов. Одни из подродов были привилегированными, «вождейскими», другие — коммонерскими. В некоторых деревнях ядро обитателей состояло из членов одного подрода, но в большинстве жили члены несколько подродов.

Как указывал Б. Малиновский, подроды исконно считались собственниками земли (Malinowski, 1965. P. 334, 341). Земля делилась на поля, а последние — на участки. Все участки были закреплены за определенными людьми, которых Б. Малиновский также характеризует как собственников (P. 90, 371, 380). Человек мог иметь право на несколько таких участков. Но это не обязательно означало, что он их обрабатывал. Можно было иметь одни участки, а пользоваться другими. В общине всегда были люди, за которыми не был закреплен ни один из участков. Это — члены подродов, входивших в состав не этой, а других деревень, а также младшие члены местных подродов.

Некоторые сельчане могли иметь участки, но не в тех полях, которые были предназначены для обработки. Они нуждались в земле

и получали ее. Им давались в пользование участки, которые числились за другими (Р. 329–330, 371–372). Вопрос о распределении участков решался в ходе переговоров между заинтересованными лицами. Оформлялось все это на особом совете (Р. 90, 371). В среднем человек обрабатывал от 3 до 6 участков. Наиболее старательные могли использовать до 10 участков (Р. 90).

Человек, получивший в пользование чужой участок, после уборки отдавал тому, кто имел на него права, 2–3 корзины ямса, что составляло 1/20 урожая. Вряд ли это можно считать эксплуатацией, тем более что человек, имевший право на землю, в свою очередь давал пользователю ответный дар, превышающий по размерам инициальный (Р. 372). Правда, за этим следовал новый ответный дар, но все равно экономическая выгода, получаемая человеком, имевшим права на участок, была ничтожной.

Главное заключается в том, что каждый тробрианец всегда мог получить столько земли, сколько мог обработать. «Каждый, — пишет Б. Малиновский, — обеспечивался землей, достаточной для удовлетворения его нужд» (Р. 373). Хотя земля продолжала считаться собственностью подродов, практически все члены деревенской общины независимо от своей принадлежности к тому или иному подроду имели право пользоваться всей ее территорией (Р. 329).

Об отношениях в сфере жизнеобеспечивающей экономики известно немного. От человека, который имел бетель или табак, ожидали, что он будет давать их другим. Многие люди, чтобы избежать дефека и в то же время не покрыть свое имя позором, скрывали от других наличие этих вещей (Malinowski, 1922. Р. 178). Все это говорит о том, что дачедеж, если и существовал у тробрианцев, то лишь в пережиточных формах. Ничего неизвестно о разделедеже или даже разделе. Существовала помогодача продуктами. Каждый, кто оказывался в нужде, автоматически получал все необходимое от родственников (Malinowski, 1965. Р. 374).

Если человек нуждался в помощи трудом, то ему ее тоже оказывали. Причем помогали обычно родственники и свойственники. После работы всегда следовало распределение пищи, которое однако не рассматривалось как плата за труд (Malinowski, 1922. Р. 160).

Несколько жителей деревни могли сообща поочередно обрабатывать участки друг друга. Здесь по существу наблюдается переход от помогодачи к помогообмену. Каждый участник работой на участках других отплачивал труд этих других на своем собственном участке (Р. 161).

Когда готовились большие празднества, глава деревни собирал ее членов, и они вначале обрабатывали его участок, а затем участки всех остальных. Каждый хозяин давал пищу группе в тот день, который она посвящала работе на его участке. Перед началом работы устраивалась праздничная еда, а затем в ее процессе несколько пиров, последний — в самом конце. Иногда такую работу предпринимало несколько деревень совместно (Р. 160–161).

На Тробрианах существовал услугоплатеж. Оплачивалась работа умельцев, а также колдунов (Р. 181–183). Платили создателям танцев и песен за право использовать их. Племянник платил дяде по матери за то, что последний обучал его магическим обрядам (Р. 185–186). Платили за использование каноэ (Р. 186).

В целом, в обществе тробрианцев происходила непрерывная циркуляция вещей и пищи. Как писал Б. Малиновский, реальное положение дела на Тробрианах характеризуется тем, «что вся племенная жизнь пронизана постоянным давлением и получением, что каждая церемония, каждый правовой акт сопровождался материальным даром и отдаром, что богатство, даваемое и получаемое, является главным инструментом социальной организации, власти вождей, уз родства и отношений свойства» (Р. 167).

На Тробрианах муж и жена владели имуществом раздельно. Существовала особая собственность мужа и особая собственность жены. Когда один из супругов умирал, то вещи наследовали его или ее родственники (Р. 177).

Кроме услугоплатежа, на Тробрианах существовали дарообмен и товарообмен. Последний частично происходил в форме дарообмена. Но нередко он выступал и в открытой форме (Р. 181–188). Со всем этим связано наличие у тробрианцев понятия эквивалентности — *манула* (Р. 182).

Подлинный дарообмен в значительной степени относится уже к сфере престижной экономики. Целиком к этой сфере принадлежала знаменитая кула, о которой уже шла речь.

Существовала на Тробрианах развитая система дароплатежного обращения. Дароплатежи были связаны прежде всего с браком и смертью. Человеку, который должен был произвести платеж, помогали члены его подрода, а также иные родственники. Помогосбор был обычным явлением как при брачных, так и смертных дароплатежах.

После смерти человека происходила целая серия обменов между членами разных подродов. Только при одном таком обмене из рук в руки перешли 30 тыс. связок сушеных банановых листьев, 212 юбок. Всего было совершено 1035 передач. Связки сушеных банановых листьев не использовались ни для каких иных целей, кроме как для дарообмена. Обмен ямсом и ценными предметами происходил при заключении брака (Weiner, 1983. Р. 55–115, 178–187).

Мужчина из года в год должен был значительную часть своего урожая ямса отдавать мужу сестры. Как сообщил Б. Малиновский, этот платеж носил название *уригубу* (Malinowski, 1922. Р. 181). С ним не согласна А. Вейнер. Она утверждает, что слово «уригубу» использовалось тробрианцами для обозначения дарений не ямса, а свинины, кокосов, орехов арековой пальмы. Причина ошибки, по ее мнению, заключается в том, что все это шло в большинстве случаев тому же человеку, которому давался ямс (Weiner, 1983. Р. 139–140, 204).

Однако сама же она в дальнейшем признает, что на юге о. Киривина слово «уригубу» использовалось для обозначения и ямсовых платежей, шедших от родственников жены ее мужу (Р. 246, 248). Все это позволяет употреблять слово «уригубу» в том смысле, в котором его использовал Б. Малиновский.

А. Вейнер уточняет, что платежи ямсом шли не только от братьев женщины, но и от ее отца и формально предназначались самой женщине. Однако фактически их получал муж (Р. 196–197). Уригубу никогда полностью не возмещалось, хотя человек, получивший его, время от времени давал брату жены подарки — ценности, свиней (Malinowski, 1922. Р. 180–181).

На о. Киривина существовало 80 главных деревень. В одной из самых больших — Омаракана — проживало 92 человека, в то время как в Касанаи — 43, что дает среднюю цифру 65 жителей на деревню (Powell, 1960. Р. 121). В деревнях, в которых было несколько подродов, один из них считался старшим. И признанный лидер этого подрода был главарем деревни. Несколько деревень образовывали группу, которая в целом ряде отношений выступала как единое целое. Группа деревень, объединенная вокруг Омаракана, насчитывала в своем составе 325 человек (Р. 121).

Один из подродов группы деревень признавался старшим, а его глава — лидером группы. Вполне понятно, что лидером группы деревень был главарь деревни, являвшейся центром этой группы. Если главарем деревни мог быть и коммонер, то лидером группы деревень обязательно был член аристократического подрода.

Одни лидеры группы деревень ограничивались таким своим положением. Другие стремились распространить свою власть за пределы своей группы деревень, подчинив себе другие группы. И когда это удавалось, возникали объединения групп деревень во главе с лидером одной из таких групп. В таком случае возникала трехступенчатая структура: деревня — группа деревень — объединение групп деревень.

Но такая структура вырисовывается лишь в работе Г. Пауэлла (1960). Какие-то намеки на нее имеются в одной из статей Л. Остина, который пишет о деревнях, конфедерациях деревень и дистриктах (Austin, 1945a. Р. 18). У Б. Малиновского речь идет только о деревнях и объединениях деревень, которые он именует дистриктами. Как пишет он, на главном острове архипелага существовали такие дистрикты, как Киривина, Тилатаула, Кубома и Луба (Malinowski, 1965. Р. 369). Здесь он под дистриктами понимает те образования, которые у Г. Пауэлла выступают как объединения групп деревень.

Не во всем одинаково изображают Б. Малиновский и Г. Пауэлл и связи внутри объединений деревень.

Взгляды Б. Малиновского на отношения между вождем и подвластными ему людьми с годами претерпели известные изменения. Он всегда писал, что вождь получает приношения из всех деревень своего

дистрикта. Но в своих ранних работах исследователь подчеркивал, что эти приношения вождю связаны не с его должностью, а с местом, которое он занимал в системе отношений свойства. Каждый подрост из числа живущих в деревнях дистрикта, находящегося под управлением вождя, дает ему жену. Эта связь является постоянной, ибо если данная жена вождя умирала, то подрост незамедлительно заменял ее другой женщиной. В результате все мужчины подрода как классификационные братья женщины должны платить ежегодно уригубу ее мужу, т. е. вождю. Они обычно вручали свою долю ямса главе подрода, а тот от их имени передавал собранное вождю. Таким образом, каждый мужчина дистрикта работал на вождя, но не как его подданный, а как свойственник (Malinowski, 1922. P. 64, 180–181; 1968. P. 111–112).

Правда, Б. Малиновский и в ранних работах признавал, что члены дистрикта давали вождю и другие приношения: первый улов рыбы, орехи, плоды, которые уригубу не являются. Но все это вождь, по его словам, оплачивает в полной мере (1922. P. 111). Он даже приводит слово, обозначающее приношение вождю как таковому, — *покала*. Но отношение между уригубу и покала остается у него не ясным. Мы узнаем лишь, что существует несколько разновидностей покала (Malinowski, 1922. P. 180–181).

В одной из более поздних работ Б. Малиновский отчетливо отделяет подношения вождю, называемые покала и *бабубула*, от уригубу. Указывая, что приношения, обозначаемые как уригубу, составляли основную массу того, что получал вождь, он в то же время подчеркивает, что только часть их были истинной уригубу, т. е. поступали от матрилинейных родственников его жен. Другая часть приношений только называлась уригубу, но в реальности ею не являлась. Эту вторую часть люди давали вождю фактически в качестве не свойственников, а подданных. В отношении этой части можно говорить лишь об оболочке, видимости уригубу, но не подлинной уригубу. Среди приношений вождю дистрикта Киривина истинная уригубу составляла лишь 50 % (1965a1. P. 192, 196, 392–396).

Подданные не только давали вождю плоды своих трудов. Они совместно работали на полях вождей, главарей, вообще влиятельных и богатых людей, причем на огородах вождя могли трудиться целые деревни. Хозяин давал работникам пищу (Malinowski, 1922. P. 160–161).

Уточнить картину позволяют работы Г. Пауэлла. У него покала имеет место уже в рамках деревни и даже подрода. Она выражается в форме даров и услуг, которые поступают от молодых членов подрода старшим его членам, в первую очередь главе подрода, от которого в свою очередь идет помощь и материальные блага молодым. Приводится пример, когда молодой член подрода работал на его главара, чтобы дать последнему возможность больше трудиться на лидера группы деревень (Powell, 1960. P. 125–127). Признанный главарь подрода выступает как опекун земли, деревьев, магических обрядов и других

форм подродовой собственности. Он дает право пользоваться этой собственностью членам подрода или жителям деревни, что позволяет ему требовать от них покала. Соответственно он может лишить тех, кто не признает его главенства, материальных преимуществ, которых они добиваются (Р. 133).

Физическая сила в норме не используется внутри деревни, тем более главарем из числа коммонеров. Последний может только убеждать, но не отдавать приказы. В целом лидер коммонерского подрода имеет мало выгод от своего положения. Он не может стать многоженцем и накопить больше богатств, чем другие старшие члены подрода и деревни. В то же время он несет ответственность за дела подрода (Р. 128, 133).

Лидер группы деревень тоже действовал скорее убеждением, чем принуждением. Но в силу лидерства в группе деревень он мог временами проявлять почти диктаторскую власть над жителями своей деревни (Р. 133, 137).

Новый лидер группы деревень мог ожидать более или менее автоматического признания его главенства лидерами других деревень и их приверженцами. Их зависимость оформлялась путем выдачи женщин определенных подродов замуж за него. В результате этого они платили уригубу. Что же касается подродов, которые относились к собственному роду лидера, то они платили ему покала. Но отношения последнего типа часто рассматривались как недостаточно эффективный механизм зависимости. В результате создавались фиктивные отношения свойства. Те или иные подроды, относящиеся к роду лидера, объявлялись родственниками той или иной его жены и, как следствие, начинали платить уригубу (Р. 134). В общем, лидер группы деревень имел больше богатства, власти и престижа, чем главарь деревни (Р. 138).

Когда существовало объединение групп деревень, то новый лидер группы деревень, являвшейся центром этого объединения, не мог рассчитывать на автоматическое признание своего главенства над ним. Он во многом должен был создавать это объединение заново (Р. 118).

Возможно, что это результат европейского влияния, которое в первые десятилетия XX в. привело к определенному ослаблению власти вождей, по крайней мере, в некоторых дистриктах (Malinowski, 1922. Р. 464–467; Austin, 1945a. Р. 21–22). В таком случае в недалеком прошлом объединения групп деревень, т. е. дистрикты, были более постоянными и прочными. Но если дело обстоит именно так, то перед нами по существу возврат к состоянию, предшествовавшему образованию прочных дистриктов. Поэтому и в случае правильности такого предположения тробрианский материал все равно дает нам картину становления вожества. Во всяком случае новому главарю группы деревень и в рассматриваемый период обычно удавалось утвердить свою власть и над дистриктом.

Механизм известен: он брал в жены женщин из других групп деревень, прежде всего родственников лидеров этих групп. В результате

последние начинали платить ему уригубу. Сам вождь объединения групп деревень не платил уригубу никому более старшему по рангу, хотя делал это в отношении 1–2 мужей женщин своего подрода (Powell, 1960. P. 136).

Отношения вождя и людей, плативших ему уригубу и покала, не были односторонними. Вождь давал последним подарки различного рода: ценности, свинину, ямс, разные плоды. Но это, разумеется, не возмещало полученного от них (Malinowski, 1922. P. 180–181).

Чем более крупным было объединение групп деревень, тем более абсолютной становилась власть его главы в своей группе (Powell, 1960. P. 138). Примером могут послужить главари деревни Омаракана, которые были одновременно лидерами группы деревень и вождями объединения групп деревень. Размеры этого объединения не оставались неизменными, но само оно на протяжении многих лет существовало. Его обычно именуют дистриктом Киривина.

В одной из работ Б. Малиновского утверждается, что в прошлом главарь Омаракана имел 40 жен и получал 30–50 % всей огородной продукции дистрикта Киривина (1922, P. 64). В другой говорится о 60 женах, от родственников которых вождь получал 300–350 тонн ямса в год (1968. P. 112). И наконец, еще цифры: 60–80 жен (1965. P. 392–393).

Рядом исследователей они были поставлены под сомнение (Fortune, 1964a. P. 90–91; Bradfield, 1964. P. 186). Документально засвидетельствовано, что в 1893–1895 гг. вождь Омаракана — Нумакала (Нумукала, Энамакала) имел 19–20 жен (Fortune, 1964a. P. 90; 1964b. P. 186; Irvin, 1983. P. 47). У его преемника — Тоулувы в первые годы пребывания на острове Б. Малиновского было 16 жен (Malinowski, 1922. P. 64), к 1918 г. у него оставалось только 12 (1965. P. 392).

В том же 1918 г. после уборки урожая Тоулува получил от своих подданных 20 014 корзин ямса. Если принять во внимание, что каждая корзина вмещала примерно около 15 фунтов, или 6,80 кг ямса (Austin, 1945a. P. 18), то общий доход вождя превышал 136 тонн. Собирая об этом, Б. Малиновский тут же отмечает, что это количество приблизительно в 4 раза превышало размер обычных поступлений. Но именно таким, по его мнению, был объем приношений вождю в старые времена. 9444 корзины составляла настоящая уригубу. Она поступила от 35 человек. Остальные 42 человека дали либо фиктивную уригубу, либо их приношения даже формально не относились к ней. Правда, к последней категории относилось лишь 472 корзины (1965. P. 392–396).

Чтобы оценить масштабы дохода вождя, нужно учесть, что у самых лучших хозяев в наиболее плодородных частях острова урожай ямса не превышал 300 корзин (т. е. 2040 кг). У остальных людей, живших в тех же районах, урожай колебался от 200 корзин (1360 кг) до 75 (510 кг) (Austin, 1945a. P. 17–18).

В 1959 г. главарь Омаракана — Матаката имел 13 жен. В этом году он получил платежи от 76 человек, из которых 57 (75 %) жили

за пределами его группы деревень. Сам он выплатил трем жителям своей деревни (Powell, 1960. P. 125; 1969. P. 591).

В результате поступлений из других групп деревень глава Омаракана был столь богат, что не зависел от поддержки ведущих людей своей группы деревень. В добавление к этому он создал команду из людей, положение которых в его деревне и его группе деревень зависело исключительно от него. Ее ядро составляли люди, которые происходили из других групп деревень. Эта команда использовалась вождем как исполнительная сила, как мощный отряд, выполняющий его приказы (1960. P. 138).

Б. Малиновский пишет о том, что правитель Омаракана имел в своем распоряжении 1–2 наследственных служителей, обязанностью которых было убивать людей, нанесших обиду вождю. Вождь выносил приговор, эти люди его приводили в исполнение. Кроме того, вождь располагал колдунами, которых оплачивал. Он им приказывал, чтобы тот или иной человек умер от черной магии. И вождь принимал меры, чтобы это стало известно всем (Malinowski, 1921. P. 10–12; 1922. P. 64–65). Сам вождь имел репутацию колдуна. Тоулува, например, за использование черной магии был приговорен австралийским судом к заключению в тюрьму, что значительно ослабило его власть (Austin, 1945b. P. 19).

Между деревнями одной группы вооруженных конфликтов не бывало. Иначе обстояло дело с группами деревень. Но когда вспыхивал конфликт между группами деревень, входящих в объединение, возглавляемое вождем, то последний вмешивался, не допуская его превращения в вооруженное столкновение. Причем требование прекратить конфликт подкреплялось угрозой применения силы: из столичной деревни посылался отряд личных приверженцев вождя (Powell, 1960. P. 139).

Все вместе взятое говорит о том, что на Тробрианах начали формироваться настоящие вождества. Один из важных признаков этого — возникновение иерархии людей, имеющих право на подношения со стороны рядовых членов общества. К ней, безусловно, относились лидеры групп деревень и вождь объединения таких групп. Они образовывали зачаток класса, протокласс. Входили в эту иерархию, по видимому, и главы деревень. Во всяком случае, все они, хотя у них было всего лишь по одной жене, были обеспечены лучше, чем рядовые члены общества (Malinowski, 1965. P. 192). О том, что люди, обрабатывавшие землю подрода, делали постоянные платежи его главе, пишет А. Вейнер (Weiner, 1983. P. 42, 146, 157, 202).

Возникло движение прибавочного продукта от рядовых членов общества к главам деревень, от них — к лидерам групп деревень и далее к вождю объединения групп деревень. Правда, сколько-нибудь стройной системы здесь еще не оформилось. Прибавочный продукт от рядовых членов общества мог поступить и поступал прямо вождю, минуя промежуточные звенья. Но общие контуры системы в целом уже наметились.

Другой признак — появление у вождя права на жизнь и смерть его подданных, возникновение собственности вождя на личность людей. Здесь это связано с зарождением государства.

Но самое важное: вождь дистрикта считался собственником всей его земли. Это в равной степени относится к правителям как Киривина, так и Тилатаула, Кубома. Все они именовались хозяевами, господами земли, что было основанием для получения ими в качестве подати части урожая (Malinowski, 1921. Р. 3–4; 1965а. Р. 328, 334). В одной из работ Б. Малиновский говорит о верховном праве вождя на землю дистрикта, отличая ее от обычного права на отдельные участки земли подрода, которым обладал не только вождь, но и многие из его подданных (1921. Р. 4).

Главарь деревни считался верховным хозяином земли деревни. главарь подрода — хозяином земли подрода (Malinowski, 1965. Р. 328, 334). Именно в том, что главарь подрода был «управляющим» всей его землей, А. Вейнер видит источник получения им платежей от людей, которые трудились на этой земле (1983. Р. 42, 146).

Как утверждает Л. Остин, в доевропейские времена вожди и главари деревень монопольно владели свиньями, кокосовыми и бетелевыми пальмами (1939. Р. 23; 1945. Р. 23). По словам Б. Малиновского, вождь дистрикта Киривина был титульным собственником всех кокосовых и бетелевых пальм в дистрикте. Это проявлялось в том, что ему ежегодно давались определенные порции орехов с каждой пальмы. Б. Малиновский сообщает, что правитель Киривина был единственным человеком в дистрикте, который имел право держать свиней. Но это нельзя понимать так, что никто в дистрикте, кроме вождя, не выращивал свиней. Это просто означало, что каждый человек, вырастивший свинью, должен был, когда ее закалывал, дать часть мяса вождю (Malinowski, 1965. Р. 39, 46–47). Иначе говоря, собственность вождя на свиней, кроме тех, что были выращены в его личном хозяйстве, была титульной, должностной, верховной, а не полной.

Короче, все основные особенности протополитарных отношений у части тробрианцев уже оформлялись, но еще окончательно не оформились. Однако решающий шаг был сделан.

Подчинение лидеров групп деревень общему вождю порождало тенденцию к прекращению соперничества между ними как в форме войны, так и организации праздников. Вместо того чтобы самостоятельно выставлять свои богатства на праздниках, устраиваемых ими самими, они стали отдавать их в форме обильных ежегодных уригубу вождю, а также в форме столь же щедрых вкладов в *пака* — пиры достоинства, на которых вождь время от времени выставлял свои богатства. Вожди дистриктов соперничали, стремясь превзойти друг друга в пышности пиров (Powell, 1960. Р. 139). К сожалению, пиры достоинства лишь коротко упоминаются в работе Г. Пауэлла. Никакого описания их не дается. Поэтому не очень ясно, в каком отношении они нахо-

дятся к *сагали* — церемониальному раздариванию и вещей, и пищи. Можно предполагать, что пиры достоинства включали в себя сагали.

Сагали был связан с различными событиями, в частности со смертью человека, спуском на воду каноэ, ежегодным сезоном развлечений (Malinowski, 1922. P. 147, 170, 193; 1968. P. 136. 292). Особенно грандиозный характер сагали носил в случае смерти вождя объединения групп деревень. Его преемник проявлял необычайную щедрость в раздаривании, демонстрируя тем самым свое богатство, силу, наличие большого числа приверженцев и свою готовность требовать жен от других групп деревень. Получателями при этом были прежде всего члены деревень, которые платили уригубу умершему вождю (Powell, 1960. P. 135).

Во всяком случае несомненно, что вожди на Тробрианах постоянно давали большие пиры, в которых принимали участие люди не только из разных деревень, но и дистриктов. Для всех больших праздников деревни дистрикта объединялись, и его вождь выступал в качестве хозяина. Тем самым он повышал свой престиж и влияние (Malinowski, 1920. P. 12; 1921. P. 12; 1922. P. 63–64; 1968. P. 111).

Самое активное участие принимали вожди в куле. В старые времена в нее было включено лишь меньшинство мужчин. С ростом доходов, связанным с добычей жемчуга, число участников кулы возросло (Austin, 1939. P. 21). Но если у коммонера было несколько партнеров, то у вождя — несколько сот (Malinowski, 1922. P. 91).

В заключение нужно отметить, что даже такой важный правитель, как вождь дистрикта Киривина, день за днем работал в своих огородах (1965. P. 9).

Таким образом, тробрианское общество сделало решающий шаг по пути превращения из преполитарного в протополитарное, но окончательно протополитарным еще не стало. Если преполитарное общество было одним из вариантов первобытно-престижного общества, то протополитарное — уже одним из вариантов, причем важнейшим, предклассового общества.

Первобытно-престижный способ производства и первобытно-престижная общественно-экономическая формация

Как уже неоднократно отмечалось, система престижно-экономических отношений в своем полном виде включает в себя три основных вида связей: (1) дародачеобмен, (2) дароплатежеобмен и (3) великодараобмен, из которых самым важным является последний. На первый взгляд престижно-экономические связи суть отношения между членами разных социоисторических организмов, отношения месоциорные. И они действительно являются таковыми, но не только. Они одновременно представляют собой связи и внутрисоциорные. Они входят в систему социально-экономических отношений, образующих социально-экономический строй общества, его экономический базис. Причем входят они в экономический базис позднепервобытного общества в качестве его важнейшего, ведущего компонента. Именно они определяют социальную структуру общества, существование в нем отношений эксплуатации и тем самым его подразделение на социальные слои. Именно престижно-экономические отношения порождают престижное богатство, являющееся первичной формой частной собственности — престижной частной собственностью, ведут к появлению бигменов, чифменов и преполитархов. Именно под воздействием престижно-экономических отношений идет процесс трансформации всех остальных социально-экономических отношений: перехода от распределения по потребностям к распределению по труду и распределению по собственности, вытеснения внутри социоисторического организма дележно-коммуналистических отношений распределения отношениями обмена и эксплуатации, замена дележно-коммуналистической собственности собственностью отдельной и престижно-частной.

Возникновение и развитие престижной экономики было крайне сложным процессом. Уже когда появился и получил развитие дародачеобмен, возникло престижное имущественное неравенство. Выделились люди, которые имели много обменных партнеров, были центрами больших звездных систем дарообмена. Это были еще не бигмены, но их прямые предшественники — пребигмены, или прабигмены. Бигмены появились лишь с выявлением дароторжеств. Первоначально бигмены создавали накопления для раздаривания за счет труда своего и членов своей семьи, а также мобилизации ресурсов дарообменных партне-

ров. Они не были эксплуататорами. Это — ранние бигмены. Затем они стали создавать центростремительные системы, вербовать приверженцев из числа членов своей общины. Но эти системы первоначально не были эксплуататорскими. Это — поздние бигмены. С превращением центростремительных систем в механизмы извлечения прибавочного продукта и тем самым с появлением центростремительного метода эксплуатации поздние бигмены превратились в позднейших.

От позднейших бигменов развитие пошло по нескольким линиям.

Одна из них заключалась в дополнении центростремительного метода эксплуатации несколькими образами эксплуатации, возникшими на основе синтеза помоогобменных и заемно-долговых отношений, с одной стороны, и престижной частной собственностью, с другой: помогодоминантным, заемдоминантным и доминантным в четырех вариантах: приживальчества, бракоприживальчества, кабалничества и рабства. Когда бигмены начали применять наряду с центростремительным методом эксплуатации один или несколько из указанных образов эксплуатации, они из позднейших превратились в финальных бигменов. От них в свою очередь пошли несколько путей развития, два из которых были боковыми тупиковыми.

Один из боковых путей привел к появлению преплутаристов — частных собственников особых престижных ценностей, обладание которыми было достаточной основой доминантного и других близких к нему образов эксплуатации. Примеры дают толова, юраки и, возможно, нивхи.

Другой тупиковый путь завершился возникновением частной престижной собственности на женщин, которая стала основой тех же самых образов эксплуатации. По этому пути пошло развитие некоторых обществ аборигенов Австралии и приняло законченную форму у тиви островов Мелвилл и Батерст. Это геронтократический вариант.

Оба указанных варианта престижной экономики: преплутарный и геронтократический крайне редки. Не может быть исключено открытие и других тупиковых путей развития престижной экономики.

От позднейших бигменов развитие могло пойти не только к финальным бигменам. Другая линия развития состояла в переходе от центростремительного метода эксплуатации к главарно-приносному (капитотрибутному) образу эксплуатации и, соответственно, в превращении позднейших бигменов в чифменов. Ранние чифмены, которые использовали только главарно-приносной образ эксплуатации, могли начать применять доминантный и иные близкие к нему образы эксплуатации. Тогда они превращались в поздних чифменов.

Но превратиться в чифменов могли не только позднейшие, но и финальные бигмены. В таком случае чифмены сразу же возникали как поздние. Именно такое развитие, по-видимому имело место у танаина Аляски.

Следующий шаг состоял в постепенном, поэтапном превращении чифменов в преполитархов. Ранних преполитархов характеризовало

наличие титульной, должностной собственности либо на своих подданных, выражавшееся в праве на их жизнь и смерть, либо на землю общины. Поздние преполитархи обладали правом и на то, и на другое. Позднейшие преполитархи наряду с преполитарным образом эксплуатации использовали доминарные и близкие к ним формы эксплуатации.

Но развитие не обязательно шло строго по линии трансформации чифменов в ранних политархов, а тех в поздние, которые сменились позднейшими. Возможны были разные варианты. Не может быть исключено происхождение части преполитархов не из чифменов, а прямо из бигменов. Бигмены у сиуаи Бугенвиля вплотную подошли к грани, отделяющей их от преполитархов.

В книге «Эволюция человеческих обществ» А. У. Джонсон и Т. Эрл (Johnson, Earle, 1987) называют вождя индейцев северо-западного побережья Северной Америки бигменами, прямо сопоставляя их с лидерами энга гор Новой Гвинеи. Основание — конкурентный, предпринимательский, по виду даже «капиталистический» характер экономики индейского общества этого региона (Р. 160–161). Согласиться с этими исследователями вряд ли можно. Вожди у индейцев северо-западного побережья существенно отличались от бигменов энга. Они были, во-первых, формальными лидерами, во-вторых, титульными собственниками земель руководимых ими общин.

Но, может быть, известная доля истины в утверждениях, названных авторов, содержится. Определенные признаки бигменов действительно проступают в вождях индейцев северо-западного побережья. И объясняется это может быть, тем, что преполитархи этого региона произошли непосредственно от бигменов, скорее всего финальных.

Известен этнографии и случай смены престижной экономики с чифменами престижной экономикой с бигменами. Но при этом превращения чифменов в бигменов не происходит. Бигмены появляются рядом с чифменами и оттесняют их на задний план. Скорее всего, это связано с влиянием на туземную жизнь и экономику контактов с европейцами. Самое начало подобного процесса зафиксировано исследователями у индейцев Северо-западного побережья Северной Америки, а почти полное его завершение — у манус Меланезии. И в том и в другом случае этнографы объясняют появление нуворишей, бросающих вызов аборигенной знати, созданной европейцами, возможностью получить доходы из нетрадиционных источников.

Таким образом, можно выделить пять основных типов престижной экономики: (1) с бигменами, (2) с чифменами, (3) с преполитархами, (4) с преплутаристами и (5) с геронтократами. Первые три являются в известной степени стадийными, основными и подразделяются на подтипы. Последние два — боковыми и тупиковыми.

Если подвести итоги всему сказанному, становится ясным, что магистральным путем развития престижной экономики, пробивающемся через массу случайностей и отклонений является движение от пребигменов к бигменам, от них к чифменам и, наконец, к преполитархам.

Самое важное, что бросается в глаза, — это качественное отличие системы социально-экономических отношений, ядром которой были престижно-экономические связи, от той системы социально-экономических отношений, что существовала в первобытном обществе раньше. Хотя на этой стадии наряду с новыми социально-экономическими отношениями все еще продолжали в какой-то степени сохраняться дележные, в целом первобытный коммунизм уже ушел в прошлое.

Если в основе раннепервобытного общества лежал первобытно-коммунистический (коммуналистический) уклад, а тем самым первобытно-коммунистический способ производства, то фундаментом позднепервобытного общества был качественно отличный от него общественно-экономический уклад, а тем самым и способ производства. Так как ядром данной системы социально-экономических отношений были первобытно-престижные отношения, то вполне правомерно называть этот общественно-экономический уклад и тем самый способ производства престижно-экономическим укладом и соответственно престижно-экономическим способом производства.

Таким образом, в основе раннепервобытного и в основе позднепервобытного общества лежит не один и тот же способ производства, а два качественно отличных способа производства. Поэтому раннепервобытное общество и позднепервобытное общество представляют собой не две стадии развития одной общественно-экономической формации, а две разные общественно-экономические формации. Раннепервобытное общество есть *первобытно-коммунистическая (коммуналистическая) общественно-экономическая формация*, позднепервобытное общество — *первобытно-престижная общественно-экономическая формация*.

Возникновение престижной экономики было обусловлено достижением производительными силами общества такого уровня, который требовал отказа от распределения по потребностям. Коммуналистические отношения стали тормозом для развития производительных сил. Нужна была замена их иными социально-экономическими отношениями, необходим был переход от распределения по потребностям к распределению по труду. Но в существовавших условиях он был невозможен без появления престижного дарообмена.

Престижная экономика сыграла огромную роль в развитии человеческого общества. С ее возникновением появился новый, могучий стимул к производству. Появление престижно-экономических отношений дало мощный толчок развитию производительных сил общества. Рынок в развитии производства вызванный появлением престижной экономики сделал дальнейшее существование коммуналистических отношений совершенно невозможным. Престижная экономика не только обеспечила дальнейшее развитие производительных сил. Ее появление и развитие привело к вытеснению из социоисторических организмов коммуналистических отношений, замене дележа обменом, к становлению и победе отдельной собственности. Когда это произошло, престижная экономика перестала быть необходимой. В результате

она стала терять реальное значение и отмирать. Можно выделить два варианта этого процесса. Первый — буквальное исчезновение тех или иных разновидностей престижно-экономических связей. Еще на стадии позднепервобытного общества произошло сворачивание дародаче-обмена. С переходом к новой стадии его практически совсем не стало. Второй вариант отмирания престижной экономики — те или иные виды престижно-экономических отношений внешне, по форме сохранились, но потерял экономическое содержание. Они перестали быть экономическими отношениями, перестали входить в экономический базис общества и определять его социальную структуру. Они из объективно-реальных связей превратились в отношения чисто волевые, ритуальные. Престижная экономика стала престижной экс-экономикой. Былые престижно-экономические связи стали связями экс-экономическими. Вполне понятно, что этот процесс мог затянуться надолго.

Начало отмирания главного вида престижно-экономических связей — великодараобмена — кладет грань между первобытно-престижным обществом и обществом предклассовым.

Дополнительные материалы о всеобщности престижной экономики: доклассовые общества

1. Вводное замечание

В настоящей работе отстаивается взгляд, согласно которому возникновение и развитие престижной экономики есть закономерный этап эволюции доклассового общества. В этом и только в этом смысле престижная экономика является всеобщим, универсальным явлением в истории человеческого общества.

В пользу этого положения выше было приведено немало данных. Престижная экономика существовала как у собирателей, охотников и рыболовов, так и у первобытных земледельцев и животноводов. Однако кому-то может показаться, что тезис об универсальности престижной экономики все же недостаточно обоснован. Особенно это касается обществ с производящим хозяйством. Примером сельскохозяйственно-животноводческих обществ с престижной экономикой приведено немало, но почти все они за небольшим исключением (маори, горцы Алора, кубео) относятся к одному единственному региону — Меланезии.

Само по себе это отнюдь не означает, что престижная экономика у земледельцев и животноводов была по преимуществу региональным, а не стадийным явлением. Это вполне можно объяснить тем, что подавляющее большинство земледельцев и скотоводов, относящихся к доклассовому обществу, либо уже миновали стадию, для которой характерен расцвет престижной экономики, либо утратили ее в результате различного рода внешних влияний.

И все-таки желательным было бы приведение дополнительного материала в пользу положения об универсальности престижной экономики. И такой материал имеется в отношении обществ как с присваивающим, так и производящим хозяйством.

Он распадается на материал о доклассовых обществах и материал, относящийся к классовым обществам. С первым дело обстоит довольно сложно. Он подразделяется на данные об (1) раннепервобытных обществах с зачатками первобытно-престижных отношений, (2) общества с подлинной престижной экономикой, т.е. находящихся на позднепервобытной стадии, (3) предклассовых обществах, в которых престижная экономика начала превращаться, но еще окончательно

не превратилась в престижную экс-экономику, и (4) предклассовых обществах, в которых престижно-экономические отношения в основном стали лишь ритуальными. И дополнительная сложность заключается в том, что о некотором из этих обществ фактический материал столь скуден, что невозможно сколько-нибудь точно определить, имеем ли мы там дело с подлинной престижной экономикой или уже частично либо полностью престижной экс-экономикой.

В отношении классовых обществ все обстоит гораздо проще: там могут существовать только пережитки престижной экономики, лишь престижная экс-экономика. Правда, в позднем капиталистическом обществе заново возникает что-то похожее на престижную экономику (Семенов, 2003а. С. 515–516). Но это — новообразование, которое к рассматриваемой проблеме не имеет прямого отношения.

2. Полинезия и Микронезия

Престижная экономика была в состоянии расцвета не только у маори Новой Зеландии и на о. Тикопия, но и на атолле Онтонг-Джава (Hogbin, 1932; 1934), подобно Тикопии географически относящемуся к Меланезии, но населенном полинезийцами.

Престижно-экономическим отношениям в Полинезии в целом посвящена работа Г. Я. Хогбина «Полинезийский церемониальный дарообмен» (Hogbin, 1932). Престижная экономика бытовала на Маркизских о-вах (Handy, 1933). Явные ее пережитки отмечены на о-вах Самоа (Buck, 1930; Mead, 1937; 1969; Tiffany, 1975; Tiffany and Tiffany, 1978). До наших дней сохранился обычай, именуемый *маланга*, истоки которого явно уходят к дароторжествам (Воляк, 1978. С. 223–224). До сих пор свиньи там служат не для обычной еды, а для церемониальных обрядов (С. 123). И сейчас важнейшей ценностью считаются циновки из пандануса — *иетонга*, которые на протяжении веков играли роль церемониальной валюты. К ним относятся с благоговением и поклонением. Без них не могут обойтись ни свадьбы, ни крестины, ни похороны, вообще никакие торжества, требующие богатых даров и угощения. Иетонга переходят из рук в руки, протираются, рвутся, и чем больше они изношены и потерты, тем выше их ценность. Самые старые и красивые из них имеют собственные имена (С. 157–158).

Следы престижной экономики явственно обнаруживаются и на тех островах Полинезии, где уже существовали вполне сложившиеся вожества: Тонга, Таити (Gifford, 1929; Bell, 1931; Hogbin, 1932).

Следы былого господства престижной экономики наблюдались в Микронезии, в частности на о. Понапе (Bascom, 1965; Shumizu, 1987).

Хотя на островах Яп уже существовали вожества, там деревни по-прежнему соперничали в щедрости даров и отдаров. Одна из них, чтобы обеспечить престиж, одаривала другую раковинными деньгами.

матами из пандануса, перьями птицы-фрегата и другими церемониальными ценностями. Деревянно-получательница была обязана в последующем вернуть не меньший отдар (Moller, 1917). Всемирно знамениты каменные деньги Япа. Они в большинстве своем представляют собой каменные круги, диаметр которых может достигать четырех метров, а вес — нескольких тонн. Посередине круга проделано отверстие, сквозь которое просовывали бамбуковые жерди, чтобы круги можно было переносить и передвигать. Эти «монеты» считались величайшей ценностью. Ими жители Япа пользуются до сих пор, особенно во время важных событий: окончательного оформления брака, усыновления ребенка и т. п. Меняя хозяев, деньги чаще всего остаются на старом месте (Gilliland, 1975; Стингл, 1978. С. 149–156).

На островах Палау тоже существовали и играли огромную роль в жизни аборигенов свои местные деньги, изготовленные из стекла и глины. Их было около трехсот видов. Эти деньги использовались при купле и продаже. Но они были не только «товарными», но и церемониальными деньгами. Особо важным было их значение в регулировании брачных отношений (Barnett, 1949; Ritzenthaler, 1954; Force, 1959; Стингл, 1978. С. 157–167).

3. Островная Юго-Восточная Азия

У коренных жителей Никобарских островов, занимавшихся главным образом земледелием, большие родственные группы постоянно устраивали расточительные пиры, на которые приглашались гости из других деревень. Стремление организовывать такие пиры было у никобарцев важным стимулом к труду (Justin, 1990. Р. 63–64. 86–87).

Выше уже была рассмотрена престижная экономика горных жителей индонезийского острова Алор. Но такого рода экономические отношения или отчетливые пережитки их отмечены и на других островах Индонезии.

Полевая работа у тораджа Сулавеси (Целебеса) проводилась в 1976–1978 гг. Т. А. Волкмен. У них существовало деление на знать, простолюдинов и рабов. Знатные люди именовались также богачами и бигменами. Чтобы подкрепить свое имя и привлечь приверженцев, богачи устраивали большие распределения мяса буйволов и свиней. Буйволы у этого народа использовались лишь для ритуальных жертвоприношений.

Особенно грандиозные пиры, которые исследовательница именуется *пирами чести*, устраивались во время похорон. Наследники умершего жертвовали несколько буйволов. Число их зависело от статуса покойника. Многие люди вручали хозяевам буйволов и свиней. Таким образом, отплачивались старые долги и создавались новые. Все эти животные убивались, и мясо их распределялось среди гостей, число которых могло достигать нескольких тысяч. Мясо посылалось также и людям, которые оставались во время праздника дома. Получив мясо,

гости уносили его с собой. После окончания церемонии целые толпы людей тянулись во все стороны с кусками мяса в руках.

Во время одного такого пира было убито столько животных, что их стоимость равнялась 300 буйволам. В целом церемония обошлась устроителям в 50 млн рупий (225 000 долларов).

Вполне понятно, что у рядовых людей пиры носили более скромный характер. Так, например, на одном из них были убиты 1 буйвол и 10 свиней (Volkman, 1995. Р. 22, 25, 68–103, 191–192).

Грандиозные расточительные пиры, на которые приглашалось несколько сот гостей су, существовали у даяков Саравака (о. Борнео, или Калимантан) (Dunn, 1906. Р. 415–416). Торжества, называемые *пирами достоинства*, отмечены на о. Ниас (Lebar (ed.), 1972. Р. 38–40). На о. Сумба на дароторжествах имело место не только раздаривание, но и уничтожение ценностей (Р. 74–75). Дж. П. Б. де Йосселин де Йонг (1886–1964) в своей работе о минангкабау Суматры отмечал наличие у них обычаев, имеющих черты потлача. Говорит он также о потлаче у лампонг того же острова (Joselling de Jong, 1960. Р. 78–79).

Пиры, которые одни исследователи именуют престижными (Barton, 1948. Р. 75–76), а другие — пирами достоинства (Furer-Haimendorf, 1975), существовали у ифугао о. Лусон (Филиппины). В их обществе существовал слой своеобразных аристократов. Принадлежность к нему определялась комбинацией происхождения и богатства. Люди, происходившие от аристократов, чтобы подтвердить свой статус, должны были устраивать пиры с впечатляющей тратой богатств. В качестве давателей пира обычно выступали супруги.

На пирах, которые длились несколько дней и на которые собиралось много людей, убивалось большое количество свиней и несколько буйволов. Мясо распределялось среди присутствовавших, прежде всего среди родственников. Последние приносили с собой подарки природателям: буйволов, свиней, птиц, одеяла, деньги. Часть мяса шла помощникам из числа жителей деревни (Furer-Haimendorf, 1975).

У канканан о. Лусон церемонии проводились по разным поводам. И в одной из них, называемой *мандит*, на первое место выступало стремление повысить престиж и увеличить влияние. Она совершалась богатыми людьми. Длился этот праздник три дня. На одном из них только в первый день было убито 12 свиней. Мясо было сварено. Часть его съели гости на месте, часть унесли с собой. Пир сопровождался песнями и танцами (Moss, 1920. Р. 349, 355–357).

У наболои того же острова соответствующая церемония называлась *пачит*. Она требовала больших расходов (до 5 тыс. песо). Поэтому только очень немногие люди могли ее организовывать. От каждого богатого человека ожидали, что он будет устраивать такие праздники с интервалом в 5 лет до тех пор, пока их число не достигнет пяти. На первом празднике должно быть заколото для церемониальных целей 5 свиней, на втором — 5, на третьем — 6, на четвертом — 8,

на пятом — 10. Вдобавок к этому должно быть убито только на пищу много свиней, буйволов и другого крупного рогатого скота, а также и лошадей. На праздник приглашались не только все жители «города», но и влиятельные люди из других селений. Некоторые из почетных гостей жили на расстоянии от 50 до 100 миль (Р. 294–295).

Престижные пиры имели место у бонток о. Лусон (Kesing, 1949. Р. 597). Престижным был почти каждый пир у калинга того же района (Barton, 1948. Р. 75–76).

4. Континентальная Юго-Восточная Азия

Если не подлинная престижная экономика, то во всяком случае значительные ее следы наблюдалась у мнонгаров — народа, живущего в горах южного Вьетнама. Исследование проводилось Жоржем Кондоминасом в 1948 г.

Основное занятие мнонгаров — подсечно-огневое земледелие. Главная культура — рис. Разводили свиней, в меньшем количестве — буйволов. Основной социальной единицей была деревенская община. В каждой из них было три должностных лица — «священные люди леса и деревни». Но параллельно с ними существовал институт *куан-гов* — людей, обладающих большим престижем. Завоевать его можно было только путем приношения в жертву буйволов.

Особенно высоко поднимало престиж человека обменное жертвоприношение. Его совершали два человека, не уступавшие друг другу по положению в обществе, которые после этого становились *джо-ками* — друзьями, союзниками. Они всегда принадлежали к разным деревням.

Первый акт состоял в том, что 1–2 буйволов одного из двух главных действующих лиц (А) приводили в деревню другого (Б), где и убивали в присутствии жителей обоих селений. Хозяева и гости ели, а еще больше пили. Б раздаривал мясо гостям, которые его уносили с собой, а также вручал А множество вещей: одежду, украшения, инструменты, посуду. Второй акт: такое же количество буйволов, принадлежащих Б, приводили в деревню А, где они также закалывались в присутствии жителей обоих селений. Затем следовала попойка, раздаривание мяса, и Б получал от А эквивалент того, что сам ему подарил.

Престиж не приобретался раз и навеки. Его нужно было поддерживать и из года в год укреплять новыми жертвоприношениями буйволов, а если возможно, то и установлением новых связей (Кондоминас, 1968. С. 34–87; Condominas, 1972. Р. 202–205).

Существовали у мнонгаров дароторжества и другого рода. Во время великого праздника земли одна деревня приглашала другую. Гостей поили и кормили. Затем хозяева приносили в жертву буйволов. В одном из описанных случаев в деревне с населением в 80 человек было убито

11 животных. Туши разрубались, и мясо дарилось гостям, которые уносили его домой. В последующем бывшие гости должны были отплатить тем же (Кондоминас, 1968. С. 222–244). Для полноты характеристики общества мнотгаров нужно отметить наличие у них рабов (С. 27).

У народов Юго-Восточной Азии было широко распространены торжества, за которым в этнографической литературе закрепилось название *пира достоинства* (Feast of Merit). Впрочем, иногда его называют престижным пиром. Целью пиров достоинства было достижение престижа и тем самым высокого социального положения.

О теснейшей связи пиров достоинства с престижной экономикой говорит хотя бы тот факт, что К. Биркет-Смит использует этот термин и для обозначения дароторжеств папуасов и меланезийцев (Birket-Smith, 1967. Р. 50–70), которые, как было показано выше, являлись наиболее ярким проявлением существовавшей у последних целостной системы престижно-экономических отношений.

Весьма возможно, что престижная экономика как более или менее целостная система существовала и у некоторых народов Юго-Восточной Азии. Фридерик Лехман в работе о чинах Мьянмы (Бирмы) неоднократно говорит о существовании у них престижной экономики (Lehman, 1963. Р. 103, 203, 218). Сложную систему престижно-экономических отношений рисует Генри Нозл Кохран Стивенсон в книге «Экономика племен центральных чингов» (Stevenson, 1944). Она включала в себя многочисленные дароплатежи, связанные с браком и смертью, и самые разнообразные пиры, среди которых наиболее важную роль играли пиры достоинства (Р. 118–147, 156–163). Последние исследователь характеризует как краеугольный камень экономической структуры чингов (Р. 137). Не исключено, что у ряда групп чингов Мьянмы, в частности у южных, престижная экономика играла ту же роль, что у папуасов и меланезийцев. Однако у других групп она в определенной степени уже утратила свое былое значение.

У многих народов Юго-Восточной Азии наблюдалась уже не собственно престижная экономика, а отдельные ее элементы. У разных культурно-языковых общностей пиры достоинства были далеко не одинаковы по своим характеристикам. У одних они представляли собой типичные дароторжества. У других наблюдался больший или меньший отход от классической модели.

Одна линия изменений: пир все в большей степени начал даваться для членов не столько чужих общин, сколько своей. Логическим завершением этого процесса было превращение пира в исключительно внутриобщинное явление. Другая линия: даватель пира все в большей степени должен был рассчитывать на ресурсы своего собственного хозяйства и все в меньшей степени на помощь родственников и односельчан. В конце концов это должно было завершиться тем, что человек должен был устраивать пир лишь на собственные средства. Но для этого нужно было быть богачом.

Вполне понятно, что эти две линии изменений ни в малейшей степени не исключали друг друга. Они вполне могли сочетаться. И там, где эти две линии слились воедино и где развитие дошло до своего логического конца, раздаривание по сути сменилось своеобразным дедежом. Богатый человек на пиру делился частью своего состояния с менее удачливыми соседями. Этот дедеж мог принимать форму либо трапезодачи (дачеугощения), когда гости ели на месте, или дачедедежа, когда они уносили пищу с собой. Трапезодача и дачедедеж могли сочетаться. Вполне понятно, что такого рода пир достоинства уже не может быть назван дароторжеством. Он представляет собой качественно иное явление, которое можно было бы назвать *дачеторжеством*. Между подлинным дароторжеством, с одной стороны, и дачеторжеством, с другой, могло существовать и существовало множество переходных форм. В свете сказанного выше нетрудно представить, насколько разнообразными могли быть пиры достоинства у разных народов. Трудно, например, точно определить характер торжеств с приношением в жертву буйволов у ламет северного Лаоса (Sprenger, 2005).

У северных чинов района Захуа (область Фалам) существовала целая серия пиров достоинства. В нее входило 8 основных пиров, каждый из которых имел особое название. С первым пиром человек входил в состав клуба давателей пиров, с каждым новым — занимал в нем все более высокое положение, приобретал все более высокий ранг. Каждый новый пир обходился ему все дороже. Например, расходы на восьмой пир серии более чем в 16 раз превышали расходы на второй пир. Если первые пиры серии совершались в один день, то восьмой длился 10 дней (7 дней — ритуал, 3 — сам пир). В накоплении средств для пира человеку помогали его родственники и друзья. Свой вклад вносили братья матери и братья жены, но не родственники со стороны отца.

Важнейшей частью пиров было приношение в жертву животных. На втором пиру серии убивали одну свинью, на восьмом — 8 свиней и три митхена (особый вид крупного рогатого скота). Мясо распределялось среди участников пира. Его, прежде всего в соответствии с рангом получали члены клуба пиродателей. Их доля росла с каждым пиром, пока не достигала 50 %. Определенные части животного получал главарь селения, другие деревенские должностные лица, а также кузнец. Мясо получали друзья, помогавшие в подготовке к пиру, а также отец, родные и сродные братья и сестры, братья матери и братья жены (Stevenson, 1944. P. 137–447).

У северных чинов области Хака жена организатора пира разбрасывала с помоста гостям различного рода ценности (Lehman, 1963. P. 178). Точно такая же картина наблюдалась у родственных чинам Мьянмы лакхеров Индии. Бросались гонги, медные сосуды, деньги. Но раздаривание у лакхеров было фиктивным. После церемонии вещи возвращались хозяевам. В отличие о лакхеров у их ближайших родственников — мизо (лушсеев) точно такие же вещи, разбрасываемые

на пиру, устроенном вождем, переходили в собственность гостей (Parry, 1932. P. 376–377).

Пирей достоинства существовали у качинов Мьянмы (Leach, 1954. P. 118–119).

У кафиров Гиндуша человек, стремившийся добиться положения джаста, должен был устроить серию из 21 расточительного пира (Робертсон, 1905. С. 133–141).

Апа-тани жили в одной из долин восточных Гималаев. Они занимали 7 деревень, которые образовывали три группы. Для них характерной была резкая имущественная и социальная дифференциация. Богачи с целью увеличить престиж устраивали пиры, на которых убивались митхены. На пирах одной категории закалывалось 5–6 таких животных. У дома давателя собирались представители всех деревень, которые сообщали ему о числе хозяйств в каждой из них. На следующий день члены рода давателя разносили мясо по всей долине. Все домохозяйства получали равные доли, исключая тех, в которых было много едоков. Последним давались дополнительные порции. После пиров меньших масштабов, на которых убивались 2–3 митхена, мясо получали лишь жители деревень, входивших в группу, к которой принадлежала деревня давателя (Furer-Haimendorf, 1975. P. 4, 62, 138–140).

Когда у апа-тани два выдающихся человека боролись за господствующее положение в роду или деревне, то их соперничество могло принять форму ритуального разрушения богатств — *лисуду*. Все начиналось с того, что один из соперников (А) убивал одного или несколько митхенов у дома конкурента (Б). Иногда к этому добавлялись ценности: тибетские колокола, бронзовые пластины и мечи. Если противник принимал вызов, то должен был убить по меньшей мере столько же митхенов и разрушить имущество равной ценности. После этого А закалывал еще больше митхенов. Б отвечал ему соответствующим образом.

Соперничество все в большей степени разоряло обе стороны. В идеале победитель должен был получить всю собственность противника, включая землю и движимость. Но обычно до этого дело не доходило. Вмешивались лидеры родов и улаживали конфликт. Мясо убитых животных съедалось жителями деревни, а если его было очень много, то часть доставалась и людям, пришедшим из других селений (P. 110–117).

В том же районе пиры достоинства зафиксированы у ади (абор) (Birket-Smith, 1967. P. 43).

Пирей достоинства отмечены почти у всех нага Индии. У лхота нага существовала серия из 4 пиров. На первом из них человек убивал быка и угощал мясом и пивом мужчин своего рода, живших в одной с ним деревне и давших уже свой первый пир. Небольшие куски мяса посылались сородичам в соседние деревни.

Второй пир длился два дня. В первый убивались большая свинья и бык. Основными гостями были мужья женщин рода давателя,

хотя могли также присутствовать некоторые кровные родственники и старики деревни. Во второй день убивались две небольшие свиньи и несколько петухов. В пире участвовали члены деревенского подразделения рода давателя, уже давшие свой второй пир.

Третий пир — повторение второго. Самым важным был четвертый. На нем приносился в жертву митхен. Часть мяса получали члены рода давателя, часть — члены рода его жены, еще часть — мужья женщин его рода (Mills. 1932. P. 136–144). Самому давателю пира у лхота нага, как и у большинства нага, было строжайше воспрещено пробовать жертвенное мясо (Stenor, 1950. P. 10–11).

У сангтам нага на первых двух пирах из пяти даватель был обязан приглашать прежде всего членов иной, чем его собственная, фратрии. Именно им в первую очередь давалось пиво. На следующих трех главная роль принадлежала членам собственной фратрии устроителя. Наряду с ними принимали участие в пире влиятельные люди и друзья из другой фратрии. На все пиры приглашались родственники и друзья, живущие в других деревнях (P. 1–4).

Пирей достоинства описаны у ангами нага (Hutton, 1921. P. 230–233, 345–347), ао нага (Mills, 1922. P. 257–263, 370–396), ренгма нага (Mills, 1937. P. 62–63, 181–185). И у всех у них на этих пирах приносили в жертву митхенов.

Вообще роль митхенов в Юго–Восточной Азии была сходна с той, которую играли в Меланезии свиньи. У большинства народов, которые разводили митхенов, этих животных не доили и не использовали в качестве тягловой силы. Их не убивали специально для домашнего потребления. Митхенов использовали для брачных платежей, для прекращения распрей между родами, в качестве штрафов за преступления, выкупа, податей. Но прежде всего они были жертвенными животными на пирах достоинства (Simoons, 1968. P. 170, 178, 185).

5. Средняя Азия

Отчетливые следы престижной экономики обнаруживаются у полукочевых и кочевых скотоводов Средней Азии.

У киргизов влиятельные люди — *манапы* для поднятия своего престижа, в глазах народа устраивали грандиозные пиршества (Гаврилов, 1927. С. 208, 212–214; Кушнер, 1929. С. 83–84, 88, 131; Погорельский и Батраков, 1930. С. 164–169). Одни из них — *тои* — были связаны со свадьбами, обрезанием, другие — *аши* — представляли собой поминки. На них приглашались люди из соседних селений и даже волостей, в первую очередь манапы. Число участников могло доходить до нескольких тысяч.

Присутствующих кормили. Если устраивались состязания, победителям вручались призы. Представители других родов получали подарки. По старому обычаю люди должны были делиться полученным

с членами своих родов. В качестве даров, которые получали приглашенные манапы, нередко выступали лошади.

На похоронах манапа Шабдана, умершего в 1892 г., присутствовало 15 тыс. человек. Для гостей было зарезано 300 кобыл. Было раздано 100 лисьих шуб, каждая из которых была сшита из 15 шкурок. Дети манапа израсходовали на обряд отпущения грехов 1500 рублей, 9 лошадей и полную арбу всякой поклажи. Поминки длились 10 дней. Были устроены скачки и разные игры.

Перед торжеством обычно проводился сбор средств с подвластного населения. В расходах на аш должны были участвовать приглашенные. Формально приношения были добровольными, фактически — обязательными. Если не всегда, то в некоторых случаях манап получал больше, чем расходовал. В 1925 г. манап Керим-бай получил 500 приношений. Часть он потратил на угощение, часть — на призы. Но в результате количество лошадей у него возросло на 50, баранов — на 100.

И у казахов большое значение для усиления авторитета крупного скотовладельца и его влияния на массу кочевников имели периодические устраиваемые пиршества. Это были поминки — *асы*, свадьбы и другие сходные с ними торжества — *тои*, просто щедрые угощения — *конак-асы*. Во время пиршеств происходила раздача даров — призов победителям конских скачек, борцам, сказителям (Толыбеков, 1959. С. 95–100).

На поминках по отцу, устроенных в 50-х годах XIX в. Байсенгиром Канебаевым, присутствовало 5 тыс. человек. Было съедено около 500 голов скота, в том числе 150 лошадей. Первый приз на конских скачках включал 40 лошадей, ковры, одеяла, халаты и другие вещи. Кроме него, было еще 8 призов (Добросмыслов, 1895. С. 133).

В 1860 г. на поминках по Ердню Сандыбаеву для гостей, которые собрались из Акмолинской, Сырдарьинской и Тургайской областей, было поставлено 500 юрт. Для угощения было зарезано 160 лошадей и 200 баранов. Первым призом на скачках было 100 лошадей, вторым — 50 лошадей, а всего было 20 призов. Песенники получили 25 лошадей. Всего было израсходовано 620 лошадей и 200 баранов. Такие поминки были устроены еще дважды, в результате чего общие расходы возросли до 1860 лошадей и 600 баранов (Шарипов, 1924. С. 152).

Как сообщает один исследователь о более близких временах, асы устраивали только баи. Целью их было поднятие авторитета. На них приглашалось большое число людей из других волостей и уездов. Перед асом организатор устраивал сбор скота и денег с сородичей и друзей. Как утверждает при этом, доходы устроителя всегда превышали расходы (Токжанов, 1934. С. 28–29).

По мнению Сергали Есбембетовича Толыбекова, пиршества, подобные описанным выше, существовали «почти у всех народов, стоявших на переходной, полуфеодальной (патриархально-феодальной) стадии развития, а не только у казахов XV–XVIII вв.» (1959. С. 96).

Многообразные пережитки престижной экономики зафиксированы у народов Кавказа. Это прежде всего крайне расточительные брачные и поминальные дароплатежи, тяжким бременем лежавшие на рядовых членах общества.

Особо разорительными были расходы на поминки в Осетии. Хозяин дома «истрачивает в продолжении года все свое имение на поминки. Справляя их, он должен пригласить всех жителей не только своей деревни, но и окрестных аулов. В противном случае он подвергает всю свою фамилию вечному нареканию» (Гатиев, 1876. С. 11). Также обстояло дело и у других народов региона. «Поминки, — пишет М. М. Ковалевский в работе „Закон и обычай на Кавказе“ (1890), — обходятся семье ежегодно от 5 до 50 рублей, смотря по состоянию, и являются для пшавов таким же частым источником разорения, как и для осетин и сванетов» (С. 77).

Как писал Рафаил Давидович Эристов (1897. С. 390) о совершаемых в Сванетии поминках по усопшему, именуемых *лаван*, «обряд этого требует огромных, почти непосильных расходов и потому и благовременного приготовления к нему». Хотя обряд проводится осенью, готовиться начинали к нему с весны: угоняли на пастбище в горы от 2 до 121 быков, откармливали на месте от 2 до 8 свиней и столько же баранов, заготавливали большое количество муки (иногда весь годовой урожай) и араки. Накануне поминок пекли огромное множество хлебов и в гигантских котлах варили мясо. В день поминок гости поочередно с корзинами входили в дом, где жил усопший, получали на каждого члена своей семьи по четыре хлеба и порцию мяса. Все это потом уносились домой. После этой раздачи каждому гостю выдавали по хлебу и по куску мяса для поедания на месте. В деревянных ковшах и чашах подавалась водка. В конце трапезы выставлялись корыта, наполненные водкой, и желающие пили ее «до безобразия» (С. 39). У сванов существовал также обычай, согласно которому в определенный праздник один из домохозяев, когда наступала его очередь, устраивал угощение для всех жителей селения. На следующий год его сменял другой, а он присутствовал теперь уже в качестве гостя (С. 103).

Не менее разорительными были поминки и у ингушей. Собирались сотни обитателей из своего и окрестных аулов и их всех нужно было в течение нескольких дней кормить и поить (Грабовский, 1876. С. 59–60).

Огромных расходов требовало и заключение брака. В начале XX века в ряде общин Балкарии калым — брачный платеж со стороны жениха — составлял: для знати — 1500 рублей с добавлением пары лошадей и пары быков, для среднего слоя — 600–800 рублей с парой быков, для низшего — около 200 рублей со скотом в придачу. В других балкарских общинах калым было вдвое больше (Тульчинский, 1903). Неда-

ром исследователи называли калым «бичем горского населения» (С. 212). Примерно также обстояло дело и в Большом Карачае (Сысоев, 1913. С. 52).

Сходная картина наблюдалась и в 70-е годы XX в. В Карачаево-Черкесии затраты со стороны жениха доходили до 3–4 тыс. рублей. Встречные платежи со стороны невесты — *бере* — были не менее велики. Например, в ауле Кызыл-Уруп бере состояло из 16–20 готовых костюмов или отрезов на костюм, 20–25 готовых платьев или отрезов на платье, 3 золотых часов, 5–6 золотых колец, 3 пуховых одеяла, множества мужских сорочек, полотенец и т. п. В денежном отношении такой бере равнялся 3100–3200 рублям. «По единодушному мнению всех людей, охваченных этносоциологическими исследованиями КЧНИИ, — пишет научный сотрудник этого института Г. Т. Гочияев, — ведущим мотивом раздувания этих трат выступает стремление людей выделиться среди других... Порождается своего рода соревнование в показе... материальных богатств, своеобразная оценка взаимного уважения и проявления внимания уровнем понесенных затрат, дороговизной оказанных услуг, всякого рода „подарков“ и „приношений“, что тяжким бременем ложится на тружеников» (1977. С. 45). Не менее обременительным были в Карачаево-Черкесии того времени и номинальные расходы (С. 52–56).

По свидетельству материалов, собранных в 1971–1997 гг. Г. А. Сергеевой (1993), точно такая картина наблюдалась у всех коренных народов Дагестана. «...Устройство свадьбы, — писала исследовательница, — несмотря на помощь родственников продуктами, подарками и деньгами, связано с большими расходами с обеих сторон (на сватовство и саму свадьбу)» (С. 94). Размеры калыма доходили до 2–5 и более тысяч рублей, приданое обходилось в среднем от 1 до 3–4 тыс. рублей. Огромные суммы тратились на взаимное дарение и отдаривание. «В целом же следует отметить, — указывал автор, — это соблюдение обычая дарения часто требует чрезмерных затрат и формирует ложные представления о престижности, не совместимые с современным образом жизни, новыми реалиями» (С. 84). Во время самой свадьбы, число гостей на которой могло превышать 500 человек, только на угощение в течение двух дней уходило более 4 тыс. рублей.

7. Дальний Восток и Сибирь

Как показано выше, медвежий праздник у нивхов был подлинным дароторжеством. Черты дароторжества носили медвежьи праздники и у других малых народов Дальнего Востока и Сибири.

Как сообщает Л. Я. Штернберг, у орочей медвежий праздник устраивался родом. В этом смысле он являлся родовым. Покупал медведя один из тех, кто побогаче. Остальные делали вклады. Праздник обходился очень дорого. На него обязательно приглашались члены других родов. В этом смысле праздник был межродовым. Гости получали

большую часть медвежьей туши, а также съестные припасы на дорогу и всякие подарки (1933. С. 424).

Медвежий праздник у ульчей обычно был связан с поминками. Хозяин медведя откармливал его до пяти лет. К празднику накапливалась масса съестных припасов (Золотарев, 1939. С. 103–108). Пир на медвежьем празднике состоял из пяти отделений и длился много часов. В первых четырех отделениях принимали участие лишь почетные гости из других деревень. Односельчане хозяина могли принять участие лишь в пятом отделении пира (согласно другим утверждениям — лишь на следующий день). Порции, предлагаемые гостям, были столь велики, что те не могли их одолеть (С. 89–93). Во время праздника потреблялась огромное количество пищи. Одной только рыбы съедалось до 50–70 пудов. Делом чести хозяину было довести гостей до такого состояния, чтобы они воскликнули: «Ух, было много съедено». Такой праздник приносил хозяину большую славу (Золотарев, 1939. С. 110).

У негидальцев медвежий праздник длился 8 дней. Перед его началом посылался человек с тем, чтобы пригласить гостей (Штернберг, 1933. С. 536). Медвежий праздник, на который съезжались люди из всех окрестных селений, бывовал у орочей (Леонтович, 1897. С. 56–57).

Медвежий праздник у айнов Сахалина был обычно связан с поминовением мертвых (Пилсудский, 1914. С. 67, 147). Все заботы о медведе лежали на его хозяине. Другие лица не были обязаны ему помогать, хотя из ближайших селений обыкновенно посылали для кормления медведя связки юколы. Часть расходов на праздник брали на себя ближайшие родственники и зятя. На праздник приглашались люди со всего острова. В одном из них участвовало 210 человек. Гостей щедро кормили и поили. Исполнялись песни, устраивались танцы. Несколько кусков медвежьего мяса посылалось в соседние деревни дряхлым, но уважаемым людям (С. 68, 75, 83, 89, 125, 136).

Ороки Сахалина были не только охотниками и рыболовами, но и оленеводами. Однако оленей они использовали лишь для передвижения. Медвежий праздник у них ничем существенным не отличался от аналогичного праздника соседних народов. Медведь выращивался в течение 2–3 лет. Пищу для пира заготавливали члены рода хозяина. Для созыва гостей последний посылал вестника. Съезжалось до 80 человек. Медведя убивал обязательно член другого рода (Васильев, 1929. С. 8–9, 15, 18–19).

У нанайцев (гольдов) медвежьего праздника не было. Но у них существовал обычай устраивать, кроме нескольких обычных поминок, особо пышные, которые именовались *каза таори*. Траты на них были столь велики, что некоторые семьи вынуждены были откладывать поминки на 5–6 лет. Человек, решивший провести каза таори, ездил по стойбищам и приглашал однофамильцев, друзей и знакомых. Если он был богат, то нанимал вестников.

На поминки собиралось от 100 до 150 человек. Длелись они не менее 3 дней, но обычно от 5 до 10. Чем продолжительнее был праздник, тем больше чести он приносил хозяину. Отсюда стремление по возможности продлить его. Богачи были обуяны духом соперничества. Один стремился превзойти другого. Иногда семья тратила столько на поминки, что разорялась и впадала в бедность. Угощение должно было быть изысканным и обильным. Гости ели и пили круглые сутки. Кроме того, приходилось кормить их собак. Для гостей устраивались развлечения. И. А. Лопатин, описавший эти поминки, сравнивает их с пиром мертвых у эскимосов (1922. С. 306–316; 597. С. 160–176).

Б. А. Васильев в работе «Медвежий праздник» (1946) показывает огромное сходство медвежьего праздника у народов Амурского края и Сахалина с описанными выше празднествами культурно-языковых общностей Юго-Восточной Азии, в которых фигурировали буйволы и иные животные (С. 98–104).

В отличие от большинства народов Амура и Сахалина у эвенков (тунгусов) существовало оленеводство. Но главным видом деятельности у них была охота. Занимались они также рыболовством и собирательством. Олень в основном использовался как транспортное животное. Однако по крайней мере у части эвенков оленя использовали на мясо, особенно зимой (Рычков, 1917. С. 41, 64).

У енисейских эвенков в прошлом существовал обычай вскармливать медведя. В более позднее время праздник устраивался только после удачной охоты. Охотиться на медведя могли только братья или сородичи. Но свежевать медведя обязательно должен был чужеродец. Устройство праздника было родовым делом, но одновременно он сводил вместе представителей разных родов. «Убиение медведя, — писал Константин Михайлович Рычков (1878–1922), — имеет характер родового или даже междуродового праздника» (1922б. С. 110). В силу этого он играл огромную роль в социальном общении эвенков. Праздник длился несколько дней и сопровождался развлечениями (Рычков, 1922а. 1–2. С. 91; 1922б. С. 109–117). Такой же характер носил этот праздник и у эвенков других районов Сибири. Свежевать медведя должен был член рода, связанного брачными узами с родом, устраивавшим праздник, что позволяет вспомнить роль нархов у нивхов (Анисимов, 1958. С. 106–121).

Ханты (остяки) были охотниками и рыболовами. На севере они практиковали также и оленеводство. Традиционными занятиями манси (вогулов) были охота, рыболовство и оленеводство. Когда они убивали медведя, то удачливый охотник давал об этом знать как близким, так и дальним соседям. Съезжались люди с расстояния в десятки и даже сотни километров. Всего собиралось до 60 и даже до 100 человек. Праздник длился не менее 3, 4 или 5 дней в зависимости от того, был ли убит молодой самец, самка или матерый медведь. Но это был минимум. Максимум же зависел от запасов хозяина. Удачная охота на медведя

буквально его разоряла. Как на всех вообще медвежьих праздниках устраивались развлечения: песни, пляски, драматические представления (Гондатти, 1888. С. 74–76; Ядринцев, 1890). Существование следов медвежьих праздников отмечено у бурят (Струков, 1865. С. 162).

Часть коряков и чукчей были оленеводами. На один из ежегодных корякских праздников богачи приглашали всех соседей. Для гостей убивалось много оленей. Каждый собственник большого стада раз в год устраивал оленьи бега. На них собирались люди из соседних стойбищ. Победители получали призы. Существовал у коряков и медвежий праздник, но никаких подробностей о нем не приводится (Jochelson, 1905. P. 87–88).

Первый осенний убой оленей у чукчей производился соседними стойбищами в разные дни, чтобы все могли побывать на празднике вначале в одном месте, затем в другом. Богатые оленеводы заранее рассылали приглашения не только близким, но и дальним соседям. Не делалось исключения и для иноплемеников. Богачи убивали 100–120 оленей, из которых гостям шла одна треть. Кроме мяса, каждому гостю дарилась шкура специально убитого для него олененка. Чужие люди получали лучшие подарки, чем родственники. Считалось, что гость не обязан отдаривать. Но обычно соседи в последующем давали бывшему хозяину такие же подарки. Во время праздника устраивались состязания в беге. Подарки получали гости и во время второго осеннего убоя (Богораз, 1934. С. 74–77). В. Г. Богораз, описавший эти раздаривания, специально подчеркнул, что они напоминают потлачи индейцев Северной Америки (Богораз-Тан, 1931. С. 106). М. Мосс прямо именовал описанные выше праздники чукчей и коряков потлачами (1996. С. 105).

8. Северная Америка

Выше уже говорилось о престижной экономике у эскимосов мыса Барроу и чукчей. Пир вестников, подобный тому, что был описан Р. Спенсером у тарсумиют, существовал почти у всех эскимосов Аляски (Lantis, 1966. P. 67–68). Некоторые исследователи не считают этот пир потлачем, ибо во время его происходило не только раздаривание со стороны хозяев, но и ответные дары со стороны гостей (Lantis, 1984. P. 67–68).

Но у эскимосов были и такие праздники, на которых происходило в основном только раздаривание. Таков великий пир мертвых, который наблюдался у эскимосов Аляски, живших между рекой Кускокум и заливом Кошебу (Врангель, 1839. С. 76–77; Nelson, 1899. P. 363–375; Lantis, 1966).

Этот пир давался не часто, иногда не чаще одного раза в десять лет. Обычно несколько семей, не обязательно родственных, объединялись для организации праздника. Они изготовляли, собирали и накапливали

орудия, меха, одежду и пищу до тех пор, пока этого не оказывалось достаточным, чтобы содержать несколько десятков людей и их собак в течение 4–5 дней и дать им много даров.

На одном из таких пиров присутствовало 70 человек, не считая детей. В других двух принимало участие соответственно 100 и 200 человек. Последний пир давался в честь 12 мертвых. На нем в качестве даров было роздано 1200 кг мороженой рыбы, около 1000 кг вяленой рыбы и множество всяких вещей. Только одна женщина-хозяйка раздала 100 матов, другая — 60 матов (Lantis, P. 23–24).

На великих пирах мертвых гости, прибывшие из далеких селений, иногда давали хозяевам дары, не шедшие, разумеется, ни в какое сравнение с теми, что они получали. Конечно, гости в свою очередь устраивали праздники в честь своих мертвых родственников и приглашали на них бывших хозяев. Раздача даров на великих пирах мертвых создавала престиж, подтверждала или поднимала социальное положение дарителей (P. 23, 53).

Потлачи существовали не только у верховых танана, танаина, татлитов и атна, но и у других северных атапасков: коюконов (Загоскин, 1956; Loyens, 1964), ингаликов (Загоскин, 1956; Snow, 1961. P. 607–608); хан, клуане, нижних танана (McKenna, 1959. P. 139), каска (Honigman, 1954. P. 170), талтанов (Enmons, 1911. P. 108), чилкотинов (Jenness, 1934. P. 361), носильщиков (карриер) (Jenness, 1943. P. 514–516; Tobey, 1981), тагишей (McClellan, 1981. P. 468), эяков (Birket-Smith K. and Laguna F. de, 1938. P. 169–170). Бытовали дароторжества и у материковых селишей: лиллуэт, шусвап, томпсон (Birket-Smith, 1967. P. 27). Престижная экономика существовала у помо центральной Калифорнии (Vayda, 1967).

В XVII в. путешественниками и миссионерами были описаны пиры мертвых у алгонкинов, живших в районе Великих озер. К такому пиру деревня готовилась в течение целого года. Когда приближалось время праздника, во все соседние деревни посылались вестники с приглашениями. Гостями могли быть люди из других алгонкинских племен, а также кри, дакота, гуроны. Во время пира устраивались танцы и состязания, победители которых получали призы. Гостей щедро угощали. Выставлялись напоказ богатства, а затем они раздаривались гостям.

На пире мертвых, который устроили ниписсинги в 1641 году, присутствовало около 2000 человек, в числе которых были сольто и гуроны. Гостям дарились металлические ножи, топоры, шилья, копья, европейские ткани, ожерелья из бисера, меха. По подсчету присутствовавшего там миссионера, все эти подарки вместе взятые стоили бы во Франции 40–50 тыс. франков. В 1660 г. на пиру, устроенном сольто, присутствовали меномини, дакота и кри. Было роздано огромное количество бобровых накидок. Только французы, присутствующие на празднике, получили 300 накидок, что равнялось 3000 шкурок (Hickerson, 1960. P. 82–96; Аверкиева, 1968. С. 21).

Своеобразным был хозяйственный уклад индейских племен, живших в центральной полосе степей Северной Америки в XVII–XIX вв. Они разводили лошадей. Однако прямо отнести их к числу народов с производящим хозяйством вряд ли возможно. Основным источником их существования была охота на крупных животных, прежде всего бизонов. Мясо бизонов составляло главную их пищу, а кожа служила материалом для одежды, жилищ и домашней утвари. Лошади использовались в основном для охоты, хотя у команчей и ряда других племен в XIX в. появились такие элементы чисто скотоводческого хозяйства, как потребление конины, использование конской кожи и т. п. (см. Аверкиева, 1970. С. 17, 39). Лошади были важнейшим видом собственности. Именно с наличием лошадей связана значительная имущественная дифференциация у индейцев степей (С. 27–28, 45–51).

Несомненно наличие у этих народов дарообмена, дароплатежей и, наконец, дароторжеств, хотя трудно сказать, были эти отношения экономическими или уже экс-экономическими.

Дж. Мирски в работе о дакотах подчеркивает, что важным способом приобретения престижа у этих индейцев была раздача имущества. Существовали специальные церемонии, которые завершались пиром и раздачей различного рода ценностей: лошадей, одежды, сумок. Вещи для раздачи накапливались нередко в течение целого года, причем человеку, который устраивал церемонию, помогали своими вкладами родственники (Mirski, 1937. Р. 385, 388, 407–413). К сожалению, исследовательница не указывает точно, кому именно давались вещи.

Уточнить картину позволяет работа С. Мекила «Экономика современной общины тетон-дакота». Он тоже подчеркивает, что тетон-дакоты свою «щедрость демонстрировали при каждом общественном сборище. Их использовали для раздачи имущества. Поводом могло служить: присутствие чужестранца, первые менструации дочери, первая охота сына или повествование о делах минувших. Раздачи имели место также при похоронах, рождении, свадьбах, по выздоровлении и радости по случаю возвращения родных и т. п.» (Mekel, 1936. Р. 11). Традиции раздачи богатств были столь стойкими, что сохранились и тогда, когда тетон-дакота оказались в резервациях. На одном из праздников, который отмечался каждый год летом, член одной из общин раздаривал гостям из других общин лошадей, бисерные вышивки, сундуки, куски тканей, предметы утвари. В накоплении вещей ему помогала вся община (Р. 12).

У черноногих (блэкфут) тоже практиковалась щедрая раздача имущества, особенно лошадей. Формализованный характер она носила во время ежегодных танцев в честь солнца. На них присутствовали гости из других племен черноногих. Их вызывали по имени и вручали лошадей, одеяла, куски тканей, оружие. Этот обычай продолжал сохраняться и в резервациях. Различные общины устраивали танцы, на которые приглашались члены других общин. Гостям давались по-

дарки, которые в дальнейшем они должны были отплатить (Ewers, 1955. P. 255–256).

Различные формы раздачи имущества существовали у команчей (Wallace and Hoebel, 1962. P. 131, 152–153), кпу (Lowie, 1956. P. 228) и кайова (Mishkin, 1940. P. 51).

Обмен подарками между хозяевами и гостями имел место на пирах омаха, сочетавших коневодство и охоту с земледелием (Dorsey, 1884. P. 272–273, 279–280).

По причине скудости материала невозможно совершенно точно установить, существовала ли у гуронов, живших главным образом земледелием, подлинная престижная экономика или уже престижная экс-экономика.

В первой половине XVII в. они образовывали конфедерацию из четырех племен и жили между озерами Гурон и Онтарио. Всего их было примерно 30 тыс. человек. У них существовали материнские роды.

О социально-экономических отношениях в сфере жизнеобеспечивающей экономики мало что известно. Большое значение у гуронов имела внешняя торговля, которая велась в форме дарообмена. Достаточно широко распространена была в обществе гуронов практика собственно дарообмена. В качестве особой ценности, обеспечивающей влияние, выступал *вампун* (снизки раковин). Имел место дароплатеж, который был связан с лечебными церемониями и погребениями. Существовал вергельд. В возмещение за убийство мужчины давали 30 подарков, за убийство женщины — 40. Вклад в вергельд вносили все члены рода убийцы, проживавшие в одной с ним деревне. В свою очередь возмещение, полученное за убийство, распределялось среди членов такой же группы. Ранения тоже возмещались подарками (Herman, 1956. С. 1050–1053; Tooker, 1964. P. 52–53, 101–131; Trigger, 1969. P. 78–81).

Большую роль в жизни гуронов играли различного рода пиры, часть которых была связана с дароплатежами. Щедрость у гуронов была важнейшим средством завоевания уважения. Чтобы хорошо угостить друзей и соседей, нужно было упорно трудиться. Желание превзойти других в этом деле было важным стимулом производства (Trigger, 1969. P. 93).

Были пиры, которые давались тем или иным человеком с целью повысить престиж. В такой роли нередко выступали важные вожди. Приготавлилась масса пищи. Приглашались люди из других деревень, в первую очередь вожди. Часто собирались сотни (200, 400, даже 500) гостей из 8–9 селений и даже со всей конфедерации. Пир мог длиться несколько дней. Устраивались танцы. В 30–40 котлах варилось до 30 оленей. Гости должны были есть до пресыщения. Сам же хозяин совсем не ел или ел мало (Tooker, 1964. P. 72–76; Trigger, 1969. P. 93–96).

Самым важным у гуронов был пир мертвых, который совершался каждые 8–10–12 лет. В деревню, где он проводился, приглашались соседние племена. Собиралось до 2 тыс. человек. Во время торжества выставлялись шкуры и другие ценные вещи. Число подарков доходило

до 1200. Затем все это распределялось, причем по крайней мере часть даров шла гостям извне. Вождь, на котором лежала ответственность за пир, вручал дары вождям других племен. Вообще вожди получали большую долю подарков (Kniets, 1940. P. 100–117; Hickerson, 1960. P. 88; Tooker, 1964. P. 134–139; Trigger, 1969. P. 106–112).

Определенные следы престижной экономики обнаруживаются и у ирокезов, у которых тоже существовали материнские роды. Ирокезы образовывали союз (лигу), в которую входило вначале 5, в последующем 6 племен. Большое значение придавалось у них такому виду ценностей, как вампум, обладание которым давало престиж. Вампум, в частности, использовался для вергельда. Убийство мужчины возмещалось 20 снизками вампума, женщины — 30–40. Практиковалось накопление избыточного продукта с последующей его раздачей. Целью было завоевание престижа. Большие пиры давались одной деревней другой (Stites, 1905. P. 6. 66, 75–76).

Когда умирал сахем (вождь), осиротевшее племя собирало все остальные на траурный совет для оплакивания покойника и «поднятия» его преемника. С завершением церемонии наступал праздник, длившийся несколько дней. Светлое время суток посвящалось атлетическим играм, сумерки — пиршеству, подготовленному женщинами племени-хозяина, вечер — пляскам (Морган, 1983. С. 66–71).

Праздник благодарения клену проводился в нескольких селениях лиги. В каждое из них собирался народ из прилегающих округов, т. е. из окрестных деревень. Устраивались игры, пляски, а также пиршество (С. 101–103).

В прошлом, когда алгонкины населяли атлантическое побережье Северной Америки, они широко использовали вампум как средство уплаты вергельда и в качестве денег. У некоторых их групп, в частности у наррагансетт, на пирах, на которые собирались тысячи мужчин и женщин, гостям дарились деньги и вещи (Flannery, 1939. P. 118–121, 143–144).

Все эти отрывочные свидетельства о прошлом можно дополнить материалами об экономической жизни двух деревень хопи (северо-восток Аризоны), которые были собраны Эрнестом Биглхоулом во время полевых исследований, проводившихся летом 1932 и 1934 гг. (Beaglehole, 1937). И хотя к тому времени хопи уже больше полувека жили в резервации, определенные черты их традиционной экономики проступают достаточно отчетливо.

Основным занятием хопи было земледелие. Главная культура — кукуруза. Разводились овцы и крупный рогатый скот. Практиковались охота и собирательство. У хопи существовали материнские роды, которые подразделялись на матрилиниджи. Родам принадлежал контроль над землей. Родовая земля была разделена на земли матрилиниджей, а последние — на участки отдельных семейных хозяйств (P. 8–9, 14–16).

Члены рода помогали друг другу в случае бедствий: обеспечивали пострадавших пищей, обрабатывали их поля (P. 9). Существовала помогодача трудом. В качестве помощников обычно выступали род-

ственники и друзья. В середине дня и после окончания работы их кормили. На вечернюю еду приглашались жены и дети работников. Наряду с помощью существовал уже и помогообмен (Р. 27–28). Был развит дачевозврат (Р. 11, 81). Существовало умельчество. Услуги умельцев оплачивались в основном пищей, в последнее время и деньгами (Р. 21).

Практиковался товарообмен как внутри деревни, так и между деревнями. В прошлом действовали рынки, правда, не очень регулярные, ко времени исследования они почти что исчезли (Р. 81–82). Товарообмен с другими народами (зуньи, пайуте, апачи, навахо), который в старые времена был развит, велся через «торговых друзей» (Р. 82–86).

В определенной степени сохранялась у хопи и престижная экономика. Широко распространенным был у них дарообмен. Большую роль играли дароплатежи. После рождения ребенка родственники со стороны отца вручали матери различного рода подарки (вещи, пищу). Устраивался пир, на который приглашали соседей. После обильного угощения каждая гостя получала контейнер с пищей, который уносила домой (Р. 72–73). Дарами и пирами сопровождалась инициация (Р. 74).

Заключение брака сопровождалось потоком встречных дароплатежей со сторон жениха и невесты. Устраивалось несколько пиров, на которые приглашалась вся деревня. С каждым браком была связана циркуляция туземных богатств, в которую были вовлечены практически все семьи деревни. Заключение брака предполагало накопление большого количества пищи, вещей. Поэтому данное событие планировалось за много месяцев, которые являлись временем напряженной работы не только для семей жениха и невесты, но и для всех их родственников и сородичей (Р. 75–77).

Многие праздники у хопи сопровождалась пирами. По крайней мере на один из них, который устраивался всей деревней, приглашались гости из соседних деревень, причем не только хопи, но и навахо. На празднике шли танцы и в больших количествах потреблялась пища. Много даров всех видов давалось женщинам и детям (Р. 78–79).

Главой деревни хопи был вождь, должность которого наследовалась по материнской линии. Были в деревне и другие должностные лица. Некоторых из них тоже именовали вождями. Существовали церемониальные общества, во главе которых стояли вожди. Поля главы деревни и некоторых ее должностных лиц обрабатывались всеми жителями деревни. На вождей церемониальных обществ работали члены этих объединений (Р. 16, 21, 23, 29, 37–40). По всем имеющимся данным, хопи в прошлом, скорее всего, относились к числу поздепервобытных обществ с чифменами.

9. Центральная и Южная Америка

Отчетливые следы престижной экономики отмечены у мискито Гондураса и Никарагуа. У них существовал пир (праздник) мертвых, который устраивался обычно через год после смерти человека. Основ-

ные расходы несли родственники умершего, которые убивали 1–2 головы крупного рогатого скота. Но им активно помогали соседи, которые принимали участие в посадке и уборке маниока. На пир прибывали все мужчины и многие женщины из окрестных селений. Длился он, пока хватало пищи и питья, обычно 2–3 дня. Сходный праздник существовал у суму того же региона (Conzemius, 1932. С. 151–164).

Рассмотрение престижной экономики в Южной Америке лучше всего начать с варрау дельты Ориноко (Венесуэла), которых можно назвать земледельцами лишь с определенной оговоркой. Их традиционное хозяйство было присваивающим. К земледелию они начали переходить лишь начиная с 20–30 годов XX в. До этого времени основой их существования было добывание съедобного крахмала из сердцевин пальмы мариче. Занимались они также охотой и рыбной ловлей.

У варрау существовали особые праздники, на которые приглашались обитатели соседних селений. Готовясь к такому празднику, жители селения, в котором он намечался, собирали большую массу крахмала. Иногда его количество доходило до 1500 кг. Праздник существовал в разных вариантах: религиозном — *наханам* и светских — *хаби*, *санука* и *новара*.

Во время *наханам*, на котором могло присутствовать более 400 человек, одна часть собранного крахмала распределялась между жителями данного селения, а другая — раздаривалась гостям. Организатором *наханам* был жрец-шаман. Вклады в праздничный фонд делали все жители селения-хозяина. Чем больше вкладывал человек в этот фонд, тем больше был его престиж. Результатом было существование своеобразной системы престижного ранжирования.

Светские праздники организовывали люди, стремившиеся повысить свой престиж. И в данном случае происходил сбор крахмала. И при этом размеры вклада в праздничный фонд определяли престиж человека. Светские праздники представляли собой прежде всего пиры, во время которых поедалось большое количество хлеба из крахмала, мяса крабов и черепах. Пища не только потреблялась, но и раздаривалась. Чем грандиознее был пир, чем щедрее был его организатор, тем больший престиж приобретал последний, тем прочнее было его положение в качестве лидера. При этом организатор праздника мог сам раздаривать корзины с крахмалом (Heinen and Ruddle, 1974. P. 127–134).

От варрау можно перейти к настоящим земледельцам. Если о наличии престижной экономики у кубео можно спорить, то несомненно ее существование у яномамо, обитающих на юге Венесуэлы и в прилегающих районах Бразилии. Общество их было обстоятельно исследовано Наполеоном А. Шаньоном, который провел у них в общей сложности 19 месяцев в период с 1964 по 1968 гг.

Всех яномамо насчитывалось в то время примерно 10 тыс. человек. Они жили в 125 деревнях с населением от 40 до 250 человек. Обычная цифра — 75–80 человек. Яномамо занимались собирательством, охотой и земледелием. Основной культурой у них были бананы.

Возделывали они также кукурузу, сладкий и горький маниок, таро, батат. Хотя охоте они уделяли столько же времени, сколько земледелию, продукты последнего составляли 85 % весового состава их пищи.

Проявлением престижной экономики были большие пиры, которые одна деревня устраивала для другой. На них гостям предлагалось неимоверное количество пищи, устраивались танцы. Число гостей могло доходить до 100 человек. Они торжественно входили в деревню, выстраивались в центре, а затем хозяева приглашали их в свои дома. Приглашенных не только угощали, но и давали им пищу в корзинах с тем, чтобы они унесли ее с собой. Во время праздника хозяева дарили гостям вещи, которые те пожелали получить. Эти вещи позднее должны были быть возмещены. За каждым пиром следовал ответный (Chagnon, 1968. Р. 1, 33, 35–36, 93–96, 101–116).

Полевую работу среди пиароа Венесуэлы Дж. О. Каплан вела в 1968 г. Их к тому времени насчитывалось 2–3 тыс. человек. Главным источником их существования было земледелие. Оно дополнялось охотой, рыболовством, собирательством. Наибольшую социальную единицу у пиароа исследовательница называет «территорией». Их было 12–15. Численность населения «территории» — 100–350 человек, в среднем — 150. Каждая «территория» состояла из 6–7 «локальных групп». В состав каждой из них входило от 16 до 50 человек.

Локальная группа жила в одном доме. Все продукты охоты, рыболовства и собирательства делились поровну между всеми ее членами. Крупная добыча — пекари — совместно готовилась и коллективно потреблялась.

Локальные группы и «территории» возглавлялись лидерами — *рувангами*. Положение лидера не было наследственным, хотя сыну руванга было легче его достичь. Чтобы стать лидером «территории» и сохранять за собой это положение, нужно было систематически, из года в год устраивать большие пиры, на которые приглашались гости из других локальных групп. Возможно, что в них участвовали и люди из других «территорий». Во всяком случае, на одном из таких пиров присутствовало 350 человек, что равнялось числу всех жителей данной «территории», включая младенцев. Пирей эти длились несколько дней. Таким путем человек добивался положения и привлекал приверженцев. Устраивали пиры и вербовали сторонников также и руванги локальных групп. Между ними шло соперничество. Конечная цель — стать лидером «территории».

Руванг «территории» считался собственником ее земли. Он получал дары от рувангов локальных групп. Дары от своих приверженцев получали и последние. В свою очередь поток материальных ценностей шел от рувангов к их приверженцам (Kaplan, 1975. Р. VIII, 15, 26, 29, 33, 35, 38–39, 45, 49–64, 146).

Престижная экономика существовала у бороро Мату-Гросу (Бразилия), занимавшихся охотой, собирательством и земледелием. Они

делились на несколько материнских родов, принадлежавших к двум фратриям. Между родами практиковался ритуальный обмен. Частым явлением были церемониальные пиры, которые фратрии давали друг другу. Каждая из них старалась превзойти другую в количестве и качестве пищи, что дало основание исследователям говорить о наличии у бороро умеренной формы потлача (Crocket, 1969. P. 53–55).

Индейцы камаюра Мату-Гросу изучались Калерво Обергом в 1948 г. К этому времени их насчитывалось 110 человек, которые жили в одной деревне, возглавляемой вождем. Должность вождя переходила по наследству. Основным занятием камаюра было земледелие. Главная культура — горький маниок. Возделывались также сладкий картофель, кукуруза, земляной орех. Важную роль играло рыболовство.

В августе камаюра устраивали церемонию, длившуюся несколько дней. Во время ее исполнялся особый танец в честь мертвых. В праздновании принимали участие гости из соседних деревень. Другое большое торжество происходило в апреле. На него обязательно приглашалось одно из соседних племен (ваура, ауэти, трумаи). Между камаюра и гостями происходило состязание.

Неотъемлемой частью каждой публичной церемонии был пир. К нему хозяева специально готовились. Производилось большое количество маниоковой муки. Она упаковывалась в большие корзины, которые размещались в специальном сооружении на деревенской площади. Высота этой конструкции достигала 3,6–4,6 м. Жарилось огромное количество рыбы.

Когда деревня обеспечивала сверхизобилие пищи, это высоко поднимало ее престиж. Важными были и грандиозная выставка пищи, и щедрость, с которой она растрачивалась. Вождь деревни в церемониальной манере распределял пищу среди гостей. Гости не только ели на месте, но и уносили с собой дары пищи. Существовали, по-видимому, у камаюра и особые престижные ценности. Индейцы высоко ценили ожерелья из раковинных дисков (Oberg, 1953. P. 17–18, 25, 42, 49, 56–59).

Полевая работа среди бакаири Мату-Гросу велась К. Обергом в 1947 г. Основным источником их существования было земледелие. У бакаири был необычайно развит церемониализм. На праздники, отличавшиеся обилием пищи, обычно приглашались люди из соседних деревень (P. 71–72, 75).

Мундуруку центральной Бразилии были исследованы Р. Мерфи в 1952–1963 гг. Основные их занятия — охота и земледелие. Главная культура — горький маниок. В каждой деревне было несколько больших домов, где жили женщины и дети, и мужской дом, в котором проводили большую часть времени и спали юноши и женатые мужчины.

Описание отношений в сфере жизнеобеспечивающей экономики создает впечатление безраздельного господства дележно-коммуналистических связей. Когда охотник убивал крупное животное, мясо поровну делилось между всеми домовыми группами деревни. Селение

с 80 обитателями съедало за 24 часа тапира или двух диких свиней (Murphy, 1960. P. 54, 113). Каждая элементарная семья имела огород. Но если у человека по каким-либо причинам не было своего участка, ему давали пищу или позволяли взять ее самому с огорода другого жителя деревни (P. 63). В результате, хотя определенный человек и считался собственником добычи или урожая, все это теряло значение в силу существующей системы распределения (С. 69). Отказ от дележа был серьезным нарушением этикета (P. 113). В целом ни один человек в деревне не голодал, если у других ее жителей была пища (P. 69).

Охотник отдавал добычу своей жене, которая, отделив мясо для потребления внутри домовой группы, остальное распределяла среди женщин других домов. Когда пища была приготовлена, женщины каждого дома приносили часть ее в мужской дом, где все мужчины совместно ее ели (P. 103, 105).

Однако в целом мундуруку, по-видимому, уже находились на стадии позднепервобытной общины. Об этом говорит существование у них престижной экономики. К моменту исследования она в результате контакта с европейцами почти совсем исчезла. Одна из самых важных церемоний, длившаяся раньше весь дождливый сезон, не праздновалась с 1930 г. Другая последний раз отмечалась в 1945 г.

Церемонии эти организовывались поочередно несколькими соседними деревнями. Когда одно селение устраивало торжество, жители всех остальных приглашались на него в качестве гостей. Обитатели деревни, выступавшей в качестве хозяйки, готовили в большом количестве пищу и питье для угощения приглашенных (Murphy, 1958. P. 51–60; 1960. P. 132–133).

Джибаро (дживаро) восточного Эквадора и Перу были изучены Р. Карстеном в 1916–1919 и 1928–1929 гг. Главным их занятием было земледелие. Основная культура — маниок. Важную роль играли охота и рыболовство. У джибаро отмечено существование различного рода пиров. Самые важные из них были связаны с охотой за головами. После возвращения с трофеем победитель устраивал пир, спустя 3–4 месяца — еще один. Но главным был третий, финальный пир. К нему готовились 2–3 года. Специально для него выращивались свиньи и птица. Делались новые посадки маниока, бананов и других культур. За две недели до пира молодые люди отправлялись охотиться и рыбачить. Такие экспедиции могли длиться до 15 дней. Еще до открытия пира начинались танцы. Сам он продолжался 6 дней и ночей.

Гости издали прибывали накануне и проводили ночь во временных укрытиях. Только утром их приглашали в дом. Одновременно приходили и гости из числа живущих поблизости. Во время пира потреблялось невероятное количество маниокового пива. Пьянство переходило всякие границы. Гости не только пили, но и ели. Им предлагалась разнообразная пища. В один из последних дней происходило церемониальное убийство свиней. На одном из таких пиров было убито 9 животных (Karsten, 1935. P. 61–62, 301–363).

Еще один важный пир был связан с достижением девушкой брачного возраста. К нему тоже готовились 2–3 года. Длился он 4 дня. На нем также присутствовали гости издалека, церемониально убивались свиньи, в изобилии потреблялись пиво и пища, устраивались танцы (Р. 190–205).

10. Африка

У африканских народов, относившихся к стадии предклассового общества, засвидетельствовано существование пиров, иногда грандиозных по тратам. Но последние давались главами вождеств своим подданным (Culwick and Culwick, 1935. Р. 51). Поэтому дароторжествами их назвать нельзя, хотя они и возникли, вероятно, в результате трансформации именно этого института.

Что-то похожее на пир достоинства существовало у фанти Западной Африки в XVII в. У них каждый представитель знати один раз в год устраивал дорогостоящий праздник. Среди рядовых общинников распределялось мясо буйвола или коровы, нескольких овец или коз и много пальмового вина (Kea, 1982. Р. 103).

У дорзе Эфиопии человек, стремившийся стать временным лидером и одновременно приобрести пожизненное почетное звание, должен был устроить большой пир, который требовал больших расходов. Подготовка к нему длилась несколько лет. На последнем этапе организатору пира помогали друзья и соседи. Гостей на пиру усердно потчевали. Между организатором пира и гостями шел интенсивный обмен подарками. Но в целом даватель пира раздаривал больше, чем получал. Чем он был щедрее, тем большим был его престиж и политическое влияние (Halperin and Olmstead, 1976. Р. 146, 154–162).

Явление, сходное с пиром достоинства, наблюдалось у некоторых народов, у которых не было вождеств. У логоли и вугусу Восточной Африки богатый человек, добываясь престижа, более или менее часто устраивал пиры для сородичей. Пир состоял в том, что убивался бык, а куски его туши распределялись среди членов рода. Мясо обычно не потреблялось на месте, а уносилось домой. На пир приглашались старейшие и влиятельные люди других родов, которые тоже получали долю. Последней каждый из них делился со своими сородичами. Когда один из влиятельных людей, получивший мясо от члена другого рода, сам закалывал быка, он был обязан либо пригласить бывшего давателя на пир, либо послать ему в дар мясо или пиво (Wagner, 1956. Р. 106–107; 1969. Р. 208, 232).

В применении к Меланезии вообще, Новой Гвинее в частности, иногда говорят о «свином комплексе» (Reay, 1959. Р. 20–21; Strathern, 1971), имея в виду особое отношение к данному животному в этом регионе. Как уже отмечалось выше, свиней в Меланезии, как правило,

не убивали для домашнего потребления. Они использовались прежде всего для дародач, дароплатежей, великодаров.

Само это понятие было создано по аналогии с понятием «*бычье-коровий комплекс*» (cattle complex), введенном в 20-х годах XX в. М. Херсковицем для обозначения отношения к крупному рогатому скоту в Восточной Африке (Herscovits, 1926). Крупный рогатый скот в этом регионе ценился крайне высоко. Он был мерой богатства, от его количества зависел социальный престиж человека. Но специально для домашнего потребления он, как правило, не закалывался.

Скот приносился в жертву, причем по различным поводам. Наиболее важной была его роль как средства дароплатежа. Прежде всего скот использовался для брачных платежей. У ряда народов, например у туркана и джи, эти платежи были столь велики, что оказывались не по силам одной семье (Gulliver, 1955.). Скот фигурировал также в церемониях, связанных с рождением и смертью. В последнем случае он и передавался, и убивался, нередко на пиру. Скот употреблялся в качестве компенсации за убийство и ранение. Им выплачивались различные штрафы (Herscovits, 1926; Deshler, 1955; Lienhardt, 1961; Grunnet, 1962; Allan, 1965; Dyson-Hudson, 1972; Шнирельман, 1979; Эванс-Притчард, 1985).

Нарисовав сложнейшую сеть передач крупного рогатого скота у логоли и вугусу, Понтер Вагнер охарактеризовал ее как особую взаимосвязанную, интегрированную систему обмена, отличную от обычного экономического обмена (Wagner, 1956, P. 108–135).

Иначе говоря, у этих народов, как и у большинства культурно-языковых общностей Восточной Африки, существовала целая система престижно-экономических или престижно-экс-экономических отношений, состоявшей в основном из дароплатежных связей. Поэтому совершенно не случайно С. Белшоу в работе «Традиционный обмен и современные рынки» поставил восточно-африканский «бычье-коровий комплекс» в один ряд с потлачем и кулой (Belshaw. 1965. P. 11–34).

Описанное выше отношение к крупному рогатому скоту характерно не для одной лишь Восточной Африки. У тив Нигерии крупный рогатый скот и лошади были, как выражаются Пол и Лаура Боханнаны, престижными животными. Коров не доили. Быки не использовались как рабочий скот. Крупный рогатый скот закалывался на праздниках, а также в связи с другими важными событиями. Лошадей не убивали и не ели.

У тив существовало несколько сфер обмена, из которых первая была связана с жизнеобеспечением, вторая — с престижем, а третья — с правами на женщин и детей. Крупный рогатый скот и лошади, наряду с рабами и медными прутьями, относились к сфере престижного обмена (Bohannan and Bohannan, 1968. P. 120–123, 228–231).

У деле Конго огромную роль играли отрезки ткани из раффии. Они были престижными ценностями, которые использовались во всех

видах дароплатежей. Важную роль они играли в отношениях между супругами. Одновременно у леле существовали своеобразные отношения к женщинам, напоминающие те, что наблюдались у тиви Австралии. Вот, что пишет об этом Маргарет Мери Тью Дуглас, которая вела исследования этого народа в 1949–1950 гг. и дополнительно в 1953 г. (Douglas, 1958; 1963). «Все мужское соперничество разворачивается в борьбе за жен. Мужчина, не имеющий жен, стоит на статусной лестнице ниже самого низкого уровня. Мужчина, у которого есть одна жена, может стать на начальную ступеньку, если у него будет ребенок... Если у него родится дочь, он может рассчитывать на поддержку зятя. Если у него будет несколько дочерей и столько же обрученных с ними зятьев, и особенно, если будут внуки, то он окажется стоящим наверху статусной лестницы, окруженным уважением и привилегиями. И все это потому, что женщины, которым он дал жизнь, — это женщины, которых он может предложить в жены другим мужчинам. Этим он также обеспечивает себе поддержку у мужчин. Каждый зрелый мужчина может рассчитывать найти двух-трех жен, а молодые люди в это время вынуждены ждать, оставаясь холостяками... Во всей социальной жизни леле доминирует институт выплаты компенсаций за передачу прав на женщин. В конечном счете ситуация состоит в том, что в определенной связи женщины рассматриваются как разновидность валюты, посредством которой мужчины устанавливают размер долга и предъявляют друг другу долговые претензии. Взаимные задолженности мужчин накапливаются до такой степени, что на карту оказываются поставлены права на еще нерожденных девочек на поколение вперед. Мужчина, у которого нет надлежащих прав на женщин, оказывается в тупиковой ситуации, в какой оказался бы современный бизнесмен, у которого нет банковского счета» (Дуглас, 2000. С. 221–222).

В Западной Африке, а именно в Сенегале, Гамбии, Гвинее, Сьерра-Леоне, Либерии, Кот-д'Ивуаре, Гане, Буркина-Фасо (Верхней Вольте), Бенине (Дагомее), Нигерии, Конго, Экваториальной Гвинее, Гвинее-Бисау, Анголе, в прошлом были широко распространены секретные общества, имевшие огромное сходство с рассмотренными выше мужскими союзами Мсланезии (Schurtz, 1902. S. 297–312, 408–438). В большинстве их существовала целая лестница ступеней. В обществах *Эмба*, *Огбони*, *Оконко* было по десять таких градаций, в других по 6–7 (Butt-Thompson, 1929. P. 27–34). Об обществе *Поро* сообщается, что в нем было 99 рангов (Little, 1956a. P. 359).

Каждый мужчина должен был вступить в общество. Иначе он рассматривался как неполноценный человек. Но большинство никогда не продвигалось выше начальной ступени (P. 358).

Вступление в общество было невозможно без определенного взноса. Платежи, причем непрерывно возрастающие, требовались для движения вверх по иерархической лестнице. Для вступления в общество *Оконко* нужно было внести 10 фунтов стерлингов деньгами или натурой (обычно козами), для подъема на вторую ступень — 20 фунтов,

на третью, четвертую и пятую — по 25 фунтов, на шестую — от 50 до 90 фунтов и в дополнение дать одну или несколько коров должностным лицам союза.

При переходе на седьмую ступень нужно было дать по 15 фунтов каждому советнику и должностному лицу общества. Подъем на восьмую и девятую ступень предполагал уплату 90 фунтов деньгами и дарение коз и коров должностным лицам. В дополнение нужно было устроить пир с участием многих сот людей, который должен был длиться несколько дней. И наконец, нужно было принести в жертву лошадь. Чтобы достигнуть десятой ступени, было необходимо уплатить 130 фунтов и организовать праздник, длившийся от недели до месяца в зависимости от средств, которыми обладал претендент.

При продвижении в обществе *Идионг* устраивались пиры, в которых участвовало население целого дистрикта, и на которых «деньги сыпались как дождь» на гостей (Butt-Thompson, 1929. Р. 34–36).

Поэтому только очень богатые люди могли достигнуть высших рангов. Например, число людей, достигших десятой ступени в обществе Оконко, в каждый данный момент не превышало 6 (Butt-Thompson, 1929. Р. 34–35; Little, 1965. Р. 359). В некоторых обществах достигнуть высших рангов могли только люди, принадлежавшие к определенным семьям (Little, 1965. Р. 358).

Люди, достигшие высших ступеней в тайных обществах, пользовались огромным престижем и влиянием. Они обладали подлинной властью в масштабе целых регионов. Там, где существовали вожества, советы тайных обществ контролировали и ограничивали власть правителей (Little, 1965b).

Дополнительные материалы о всеобщности престижной экономики: классовые общества

1. Древний Китай

Марсель Мосс в «Очерке о даре», рисуя картину широкого распространения престижной экономики, ничего не сказал о Китае. Этот пробел был восполнен его коллегой и единомышленником Марселем Гране. Последний в работе «Танцы и легенды древнего Китая» привел определенный материал, свидетельствующий о том, что и китайцы в прошлом прошли стадию, для которой было характерно существование потлача (Granet, 1926. Р. 38). В последующем о бытовании пережитков потлача в древнем Китае писал отечественный исследователь Григорий Григорьевич Стратонович (1912–1977) (1967). В 1981 г. появилась статья американского ученого Ю. Купера «Потлач в древнем Китае. Сходство в социологической структуре обществ древних китайцев и американских индейцев северо-западного побережья» (Cooper, 1981).

Специально на огромном эпиграфическом материале эта проблема была рассмотрена в работе безвременно ушедшего из жизни китаеведа Василия Михайловича Крюкова (1962–2008) «Ритуальная коммуникация в древнем Китае» (М., 2004). После его труда вряд ли могут быть сомнения в существовании пережитков престижной экономики в Китае эпохи Шан-Инь (XVI–XIII вв. до н. э.) и эпохи Западного Чжоу (XII–VIII вв. до н. э.).

2. Индоевропейцы. Древние германцы и Древняя Русь

К настоящему времени все народы, говорящие на языках, которые принадлежат к индоевропейской семье, живут в составе классовых обществ. Первобытность для них — давно пройденная стадия развития. Поэтому особенно интересно, что исследование индоевропейских языков доказало существование у них в далеком прошлом престижной экономики. Крупнейший авторитет в этой области знания Эмиль Беневист (1902–1976) в книге «Словарь индоевропейских социальных терминов» (1970) писал: «Таким образом, в индоевропейском обществе обнаруживается социальное явление, называемое на языке этнографов

потлач, т. е. показ и потребление богатства по случаю торжеств. Необходимо было высказать свою щедрость для того, чтобы продемонстрировать свое пренебрежение к своим богатствам, унижить соперника мгновенным расточительством накопленного богатства. Человек выходит победителем и подтверждает свой статус, если он превосходит своего соперника в этих безудержных тратах. Потлач — это вызов, бросаемый другим, делать ответные траты» (1995. С. 68).

О том, что в прошлом престижная экономика существовала у индоевропейцев свидетельствуют данные не только лингвистики. Как показывает М. Мосс в работе «Очерк о даре», развитые системы дарообмена, включая и такую его форму, как *потлач*, существовали в раннюю эпоху у всех германцев (Мосс, 1996).

Убедительные примеры дают, в частности, северные германцы. Грандиозные пиры, длившиеся несколько дней, завершались у норманнов раздачей подарков гостям. В просторных комнатах собиралось до тысячи и больше людей. Спустя 14 дней после смерти отца Олаф Палин позвал «пить наследственное пиво» 900 человек (Стрингольм, 2002. С. 611–615). В «Книге о заселении Исландии» сообщается, что сыновья знатного человека по имени Хьялти создали на поминки 1440 человек. При этом все выдающиеся люди ушли с пира с подарками (Гуревич, 1970. С. 76). Как рассказывается в «Саге о людях из Лаксдала», сыновья знатного и богатого Хаскульда затратили на подготовку поминок по отцу больше года. На тризну были приглашены как знатные люди, так и простолюдины. Всего собралось 1080 человек. Все знатные люди получили подарки (Исландские саги, 1956. С. 310–311).

Обстоятельный обзор данных о престижной экс-экономике у восточных славян в начале II тысячелетия н. э. дан в статье историка Игоря Яковлевича Фроянова «Престижные пиры и дарения в Киевской Руси» (1976). «Таким образом, — пишет он в заключении, — престижные пиры и дарения на Руси X–XII вв. явления привычные взору современников. Они соответствовали более сложному в структурном плане обществу, чем *потлач* североамериканских индейцев и родственные ему институты других племен, хотя имели единые с ними истоки» (Фроянов, 1976. С. 46).

3. Пережитки престижной экономики в мире традиционного крестьянства, прежде всего российского

На протяжении почти всей истории первобытности существовала одна единая культура всего общества в целом. На последнем этапе его бытия, когда стали зарождаться классовые отношения, внутри единой культуры начал формироваться две субкультуры: субкультура верхов общества и субкультура его низов. С возникновением классового, или цивилизованного, общества культура окончательно раздвоилась.

Как известно, признаками перехода к цивилизации считаются: в области материальной культуры — появление монументальных каменных или кирпичных строений (дворцов, храмов и т. п.), в области духовной культуры — возникновение письменности. И монументальное зодчество и письменность представляют собой яркое проявление культуры верхов, или элитарной культуры.

Элитарная культура есть новообразование, хотя, конечно, и связанное генетически с культурой первобытности. Что же касается культуры низов, простонародной, то она представляет собой прямое продолжение единой культуры первобытности. Она возникла в результате трансформации этой культуры и обладает многими чертами, роднящими ее с последней. В частности простонародная культура, как и первобытная, является бесписьменной и анонимной.

Элитарная культура была порождением возникших с переходом к цивилизации относительно крупных классовых социоисторических организмов. Эти социоисторические организмы были творцами и носителями данной культуры. В этом смысле элитарная культура была культурой общества в целом, несмотря на то, что она длительное время являлась достоянием в основном лишь верхних его слоев.

Но внутри большинства ранних (и не только ранних) классовых социумов существовали крестьянские общины, которые возникли в результате трансформации пракрестьянских общин предклассовых обществ. И эти крестьянские общины не были простыми подразделениями классовых социоисторических организмов. В основе крестьянских общин лежали иные экономические отношения, чем те, что образовывали базис классового социоисторического организма, в состав которого они входили. Поэтому крестьянские общины обладали некоторыми особенностями социоисторических организмов, выступали в ряде отношений как социумы. Они были субсоциумами.

И будучи таковыми они являлись создателями и носителями качественно отличной от элитарной культуры общества в целом простонародной культуры. Простонародная культура была прежде всего культурой крестьянской, культурой крестьянских общин. Именно эта простонародная, крестьянская культура и была культурой возникших с переходом к цивилизации этнических общностей. Только ее и изучает этнография. Элитарная культуры находится вне предметной области данной науки.

Так как крестьянская культура возникла в результате трансформации единой культуры первобытного общества, то в ней с неизбежностью должно было сохраниться многое из того, что было характерно для последней. И в частности многочисленные пережитки престижной экономики.

У восточных славян переход к классовому обществу произошел лишь в конце первого тысячелетия н. э. Русское крестьянство даже в XIX отделяло от первобытности всего несколько столетий. Это обусловило сохранение в его культуре крайне много архаики. И среди

этой архаики совершенно отчетливо проступают следы престижной экономики: пережитки и дароторжеств и дароплатежного обмена.

Поразительное сходство с первобытными дароторжествами обнаруживает определенная разновидность русских крестьянских праздников. Такого рода торжества в разных местностях России назывались по-разному: скопищами, съезжими, зваными, гостиными, пивными и т. п. праздниками. Я буду в дальнейшем изложении называть их *съезжими праздниками*.

Съезжие праздники могли приурочиваться к общим церковным праздниками. Но гораздо чаще они происходили в дни святых, которым были посвящены те или иные сельские церкви или их приделы. В таком случае они внешне выступали как храмовые или престольные праздники. Наконец, они могли быть не связаны ни с какими: ни с общими, ни с местными церковными праздниками. Все это мало сказывалось на их сущности. Наблюдатели специально подчеркивали, что эти праздники даже в том случае, когда были приурочены к общим или местным церковным праздникам, церковными по существу не являлись. «Праздники эти, — писал сибирский священник Т. Попов, — дни, выбранные всей деревней из числа праздничных дней года, для празднования, как говорится, в свое удовольствие. Религиозной цели тут нет и тени». (Попов, 1866. С. 58).

Бросающаяся в глаза особенность съезжих праздников состояла в том, что они были торжествами всей крестьянской общины, деревни в целом, причем такими, на которые в обязательном порядке приглашались и непременно прибывали (приходили, съезжались) люди из других деревень. Кроме специально приглашенных лиц на них могли присутствовать и всегда присутствовала масса незваных гостей.

Таковыми, в частности, были почти все, если не все, храмовые и престольные праздники. Они в соседних деревнях почти всегда, если не всегда, приходились на разные дни. В результате жители целой округи могли поочередно побывать на храмовых и престольных праздниках всех деревень. И это относилось не только к храмовым, но и вообще ко всем народным праздникам. В статье о братчинах Дмитрий Константинович Зеленин (1878–1954) специально подчеркивал естественное стремление населения к тому, чтобы праздники расположенных рядом деревень приходились на разные дни, ибо только такой порядок обеспечивал возможность побывать на всех пиршестве соседей (1928. С. 134).

В значительном числе местностей России очередность проведения праздников носила совершенно четко выраженный, можно даже сказать, вполне оформленный характер. Так, например, в Орловском уезде Вятской губернии существовал своеобразный союз трех деревень. Каждая из них в определенный день (для одной из них это был Ильин день, для другой — Петров, для третьей — Спасов) соборно угощала две остальные (Аноним, 1886. С. 3). В других местах

количество деревень, поочередно устраивавших праздники, на которые приглашались жители всех остальных, было значительно большим, что, конечно, не меняло сути дела. Существование подобного рода порядков, кроме Вятской губернии, отмечено в Холмогорском, Пинежском и Шенкурском уездах Архангельской губернии (Ефименко, 1877. С. 139–143; Шейн, 1898. С. 334–335; Чирцов, 1916б, С. 463; Богатырев, 1915. С. 80; Бернштам, 1988. С. 218–219), Кадниковском, Вельском и Усть-Сысольском уездах Вологодской губернии (Шустиков, 1892. С. 11–112; Шустиков, 1895. С. 175; Бернштам, 1988. С. 218), Новгородском уезде Новгородской губернии (Бернштам, 1988. С. 219), Мещерском крае Рязанской губернии (Петров, 1914, С. 38), Макарьевском уезде Костромской губернии (Диев, 1887. С. 83; Бернштам, 1988. С. 218), Моложском уезде Ярославской губернии (Бернштам, 1988. С. 218), Курганском, Ялуторовском и Тарском уездах Тобольской губернии (Андрианов, 1858; Абрамов, 1860; 1864; Попов, 1866), в Барнаульском округе Томской губернии (Школдин, 1863), по всей Енисейской губернии (Макаренко, 1907; 1913. С. 32, 52–53, 79, 114, 122, 220–221). «Съезжий праздник, — объяснял крестьянин Бутурлинской волости Барнаульского округа П. Школдин (1863. С. 40), — это общественный форум, очередь известной деревни, на которой она должна дать своим соседям пир».

В некоторых случаях соседние деревни по очереди отмечали не разные праздники, а разные дни (и даже недели) больших продолжительных праздников. Так обстояло дело в Юрьевском уезде Владимирской губернии, в Никольском и Тотемском уездах Вологодской губернии, в Буйском и Варнавинском уездах Костромской губернии (Бернштам, 1988. С. 218).

В отличие от первобытных дароторжеств на съезжих праздниках русских крестьян раздаривание вещей не производилось. Имело место только трапезодарение. Лишь в Курганском уезде Тобольской губернии были отмечены случаи, когда при проводах гостей, почтивших своим присутствием съезжий праздник данной деревни, им вручались подарки (Андрианов, 1858). Гости обычно лишь угощали, но всегда очень щедро. Некоторые из этих праздников были складчинами, братчинами, ссыпками. Со всех жителей деревни собирались продукты, и устраивалась общая трапеза, в которой участвовали как хозяева, так и гости.

На Кубани во время подготовки к престольному празднику происходил сбор продуктов со всех жителей станицы. Они шли на общую трапезу, в которой принимало участие множество съехавшихся на праздник гостей (Чистов (ред.), 1967. С. 251).

Подробное описание подобного рода праздника было дано Иваном Петровичем Сахаровым (1907–1963) (1885. С. 182 сл.). Целое селение устраивало складчину: варили брагу, готовили щи, лапшу, кашу, пекли пироги. Все этим делом руководил староста или земской. Для

участия в празднике приглашались люди из соседних деревень. Званные гости приезжали еще с вечера.

В день праздника со всех сторон стекалась масса народу как званого, так и незваного. На открытом воздухе стояли столы с пирогами, кадушки с брагой. В земской избе на столах были готовы для гостей щи, лапша, каша. После обедни начиналось пиршество. Гости ходили по избам, ели, что душе угодно, и пили. Многие из них так напивались, что еле могли шевелиться. Для хозяев довести их до такого положения считалось особым почетом. Сходные картины рисуют и другие авторы.

В описанном И. П. Сахаровым празднике общественное угощение дополнялось угощением по отдельным домам. Однако во многих случаях во время съезжих праздников наблюдалось лишь второе. Гости, расходились по домам, где их угощали. Каждый хозяин приглашал родственников и других близких людей. Люди, никем не приглашенные, считались общими гостями. Как незванные гости, так и хозяева со зваными гостями, попирав в одном доме, шли в другой, и так до конца деревни. Если она была велика, то на это уходило 2–3 дня. Дом каждого был открыт для всех входящих. Стол оставался накрытым на все время праздника. У одного хозяина могло побывать до 150 человек. Таким образом, и угощение по домам было по существу общественным.

Из домов праздник выплескивался на улицу. Толпы народа с пением и плясками бродили по деревне. Праздник обычно длился несколько дней, а иногда и неделю. Такая картина наблюдалась в дни сельских праздников, кроме уже названных выше местностей, в Псковской, Тверской, Тульской, Калужской, Орловской и других губерниях (Семевский, 1882. С. 97–98; Анохина, Шмелева, 1964. С. 243–244; Громыко, 1966. С. 153–155).

О том, что угощение по домам было более поздним явлением, чем складчины и общественные трапезы, свидетельствует своеобразный обычай, существовавший в Тверской губернии в деревнях близ городов Тверь, Красный Холм, Бежецк, Весьегонск. Там во время подготовки к празднику практиковалось общественное пивоварение, т. е. приготовление пива в общем котле. От каждого дома приносили солод, кто сколько мог. А затем готовое пиво распределялось между всеми участниками складчины в соответствии с их вкладом в общий котел (Анохина, Шмелева, 1964. С. 222). Вообще обычай варить пиво не отдельными семьями, а всем миром имел самое широкое распространение. При этом оно нередко не распределялось по семьям, а совместно потреблялось во время праздника (Шустиков, 1892. С. 111–112; Макаренко, 1907; 1913).

Во время такого рода праздников необычайно много ели, а еще больше пили. Бывали и такие съезжие праздники, где только пили. Наблюдатели чаще всего называют их пивными. В Кадниковском уезде Вологодской губернии жители «очередной» деревни сообща варили пиво, которое выставляли в день праздника прямо на улице. Каждый мог

пить столько, «сколько влезет» (Шустиков, 1892. С. 111–112). То же самое наблюдалось и в Вельском уезде той же губернии (Шустиков, 1895).

Хозяева прилагали все усилия для того, чтобы накормить гостей до отвала, причем не один, а несколько раз, и напоить их, как говорится, до положения риз. Чем более щедры были хозяева на угощение, тем выше поднималась их репутация в глазах жителей остальных деревень.

Вполне понятно, что такие праздники требовали огромных расходов и были по существу разорительными для большинства крестьян, что отмечали многие наблюдатели. Тем не менее, крестьяне шли на эти расходы. И не могли не идти. Участие в празднике было по существу совершенно обязательным. К уклоняющимся от праздников односельчане относились подозрительно или с крайним неодобрением. Считалось, что из-за них «бог может послать кару на все селение» (Бернштам, 1988. С. 224). Крестьянин Вельского уезда Вологодской губернии, готовясь к празднику, использовал для варки пива 10–15 пудов ржи и покупал от 1/4 до 1 ведра водки. Это он делал даже в том случае, когда у него не хватало хлеба для собственного пропитания. «Не варить же пива значит не уважать праздника, грешить против святого, день которого чтут. Таковы понятия у населения, такова сила обычая, стариками установленного» (Шустиков. С. 175).

Вот, например, что писал один исследователь об отношении рядового крестьянина Пошехонского уезда Ярославской губернии к престольным и иным праздникам: «Живя впроголодь в течение нескольких месяцев, питаюсь иногда исключительно одним только хлебом и пустыми шами, он справляет свои праздники необычайно широко» (Балов, 1899. С. 216). И справляет он их «во всю ширь» для того, «чтобы не ударить лицом в грязь», т. е. сохранить, поддержать свой престиж. Для множества приехавших отовсюду гостей в течение 2–3 дней выставляется на праздничный стол масса «праздничных кушаний». В результате, «справив на широкую ногу 2–3 таких праздника, крестьянину ничего не остается делать, как только „положить зубы на полку“ в течение нескольких месяцев» (С. 217).

В дополнение к уже сказанному о расходах на праздники можно привести еще несколько цифр. В северных и поволжских губерниях для праздника варилось до 30–40 корчаг пива. В Макарьевском уезде Костромской губернии мерой пива, которое варилось для праздника, был «печник». Печь вмещала от 6 до 12 корчаг объемом в два ведра каждая (Зеленин, 1915, С. 760). В Тарском уезде Тобольской губернии при подготовке к съезжему празднику в каждом доме варилось от 50 до 150 ведер пива (Попов, 1866. С. 58).

Д. Чирцов в статье «Праздники в Пинежском уезде» (1916. С. 463–465) подсчитал, что каждая средняя семья тратила на подготовку к съезжему празднику только денег, не считая продуктов собственного хозяйства, 10 рублей, а семьи побогаче — по 20 рублей. Так как в течение

года устраивалось несколько таких праздников, то только денежные расходы семьи на эти цели достигали суммы в 50–100 рублей. Кроме того, средняя семья тратила на подготовку и участие в празднике собственной деревни до 50–100 дней и на пребывание в гостях в других деревнях еще 50 дней. Общий вывод его состоит в том, что съезжие праздники ложились «тяжелым бременем на карман населения». Чтобы понять, насколько обременительными были все эти расходы, достаточно принять во внимание, что денежные доходы средней крестьянской семьи составляли в это время примерно 80 рублей в год.

Как уже рассказывалось (22.3), у некоторых групп горных папуасов Новой Гвинеи, в частности у мае энга, раиапу, томбема и кьяка, было зафиксировано движение потоков великодаров по территории целого региона. Дары двигались от одной общины к другой до тех пор, пока поток не достигал границ региона. После этого начинался обратное движение великодаров. Когда эти дары доходили до мест, в котором начался первый поток, часть их начинала двигаться в противоположном направлении. Это перемещение великодаров сопровождалось своеобразным движением дароторжеств. Праздники проводились последовательно одной общиной за другой.

Интересно сопоставить с этим описание протекания праздников в Покровско-Сицкой волости Моложского уезда Ярославской губернии. Приходской праздник начинался в одном из сел, после службы его участники шли гостить вначале в ближайшие села, а затем в дальние. После достижения конечного пункта участвующие в празднестве тем же самым путем возвращались домой. Во время праздника Николы Зимнего, например, такое движение шло с 6 по 10 декабря. Время от 3 до 4 дней было обычным. В Покровском же приходе подобного рода путешествие длилось 7–8 дней (Преображенский, 1853а. С. 99–100; 1853б. С. 162–163).

Для обозначения съезжих праздников в Енисейской губернии использовалось слово «канун». Последнее не является местным, сибирским. Оно издавна употреблялось русскими крестьянами для обозначения питья, приготовленного для братчины (Попов, 1854. С. 37). Братчины, складчины, ссыпчины, ссыпки, мольбы с давних времен повсеместно существовали в России. Все историки и этнографы, писавшие о братчинах, не сомневались в том, что своими корнями они уходят в глубокую старину (Попов, 1854. С. 19, 34, 39–41; Соловьев, 1856. С. 118–119; Зеленин, 1928).

Но еще большей архаикой отдают русские крестьянские праздники (не обязательно престольные), на которых убивались и коллективно поедались животные (Терещенко, 1848. С. 51; Сахаров, 1885. С. 101, 110, 123; Зеленин, 1928. С. 131–133). В некоторых праздниках такого типа следы дароторжеств проступают особо отчетливо.

Еще в начале 20-х годов XX в. в деревне Б. Будогошь Новгородской губернии (по дореволюционному административному делению)

в день Успения собирались окрестные жители и приводили баранов. При этом первым должен был быть баран из Б. Будогоши. Остальные деревни не считались. Животных резали, мясо варили в больших котлах, а затем раздавали присутствующим. Существовал обычай первыми покормить чужаков, странников и нищих, а за ними весь народ. В начале 20-х годов он уже не соблюдался. Часть мяса поедалась на месте, а часть разносилась по домам (Дуйсбург, 1933. С. 89–91, 98).

В первой трети XIX в. жители села Обыченского Пермской губернии в день святого Прокопия убивали мирского барашка и поедали его вместе со зваными гостями (Сахаров, 1885. С. 122). На границе Вельского и Тотемского уездов Вологодской губернии в верховьях р. Ваги ежегодно в первое воскресенье после Петрова дня устраивался праздник, на который собиралось множество народа. Убивался бык, купленный на средства всей волости, мясо варилось в больших котлах и поедалось (Снегирев, 1839. С. 64–65).

В Карбозере Пудожского уезда Олонецкой губернии за несколько дней до Ильина дня жители села вскладчину покупали быка. Его резали, и мясо раздавалось по дворам. В день праздника все хозяева приносили мясо, рыбу, хлеб в одно место. Пока шла обедня, мясо и рыба варились. После окончания каждая семья шла к своему котлу и ела. При этом угощали родственников и знакомых, «приходящих всегда к празднеству из соседних деревень» (Харузин, 1889. С. 145–147).

Сходным образом праздновали Ильин день в Каргопольском уезде той же губернии. Быка резали в день праздника после молебна. Мясо варили и угощали им всех пришедших на праздник. В этом же уезде пиво к праздникам варилось в таком количестве, что съехавшиеся гости пировали целую неделю (Шустиков, 1895. С. 101–102).

Интересно отметить, что в некоторых случаях животное, обреченное на заклание, откармливалось за счет всей общины (Зеленин, 1928 С. 132).

Почти все крестьянские праздники, на которых убивались и коллективно поедались животные, были складчинами или братчинами.

Праздники, на которых убивали и совместно поедали животных, трактуются обычно как пережитки языческих жертвоприношений (Харузин, 1889. С. 340; Дуйсбург, 1933. С. 89, 96–98; Зеленин, 1991. С. 383–385). Но если у русских крестьян существовали только пережитки жертвоприношений, то у горных марийцев (черемисов), удмуртов (вотяков), коми-пермяков убийства животных были подлинными жертвоприношениями. Во многих случаях в этих жертвоприношениях принимали участие жители нескольких деревень (Терещенко, 1848. С. 51; Знаменский, 1867. С. 69–71; Верещагин, 1886. С. 94; Тезяков, 1896. С. 5–9).

В области обитания коми-пермяков в некоторые деревни в определенные дни собирался народ со всего края. Люди приводили с собой животных, которых резали. Мясо варилось, частично съедалось, а ча-

стично раздавалось нищим (Смирнов, 1891. С. 251–252). В Елабужском уезде Вятской губернии удмурты устраивали *бульда* — праздник с жертвоприношением — поочередно в одной из трех деревень. Сходные явления отмечены и в других районах (Смирнов, 1890. С. 226).

Еще более широкое распространение, чем дароторжества, имел в среде российского крестьянства другой компонент престижной экономики — дароплатежеобмен. Наиболее обычным их видом были брачные дароплатежи. Они совершались при заключении брака.

Любые дароплатежи вообще, брачные в частности, даже в том случае, когда они осуществлялись между двумя лицами, всегда предполагали отношения двух сторон, двух групп индивидов. Поэтому в большинстве случаев они происходили на особом рода сборищах, на которых присутствовали представители обоих вовлеченных сторон, а нередко также и другие лица, — даропредставлениях.

Именно брачные даропредставления легли в основу тех явлений, которые получили название сговора, свадьбы и т. п. Вплоть до начала XX века и даже позже никакие сборища, предшествовавшие русской крестьянской свадьбе, и сама свадьба не обходились без обмена материальными ценностями. Очень часто вещи, которые циркулировали между сторонами невесты и жениха, прямо назывались дарами.

Но эти дары были своеобразными. Они были обязательными. Нередко существовала строгая регламентация. Заранее было известно, что именно и кому именно из числа представителей одной стороны должны дарить представители другой стороны. Довольно часто существовала примерная эквивалентность между взаимными дарами обеих сторон. Все это дает основания характеризовать материальные ценности, которыми обменивались стороны при заключении брака в русской крестьянской среде как дароплатежи. Явным дароплатежом была кладка, поступавшая со стороны жениха.

Отсылая желающих подробно со всем этим ознакомиться к соответствующей литературе, упомяну лишь об одной, на мой взгляд, необычайно интересной особенности по крайней мере некоторых русских предсвадебных сборищ, описанной в хранящейся в этнологическом архиве Общества исследователей Рязанского края рукописи Н. Зеленцова «Остатки язычества в русском народе». Когда родня жениха приходила в гости к невесте, то ее сажали за стол и угощали. Родственники же невесты за стол не садились. Они стояли и пели. Когда в последующем родня невесты навещала жениха, то роли менялись. Родственники невесты садились за стол и ели, а родственники жениха стояли и пели (Мансуров, 1930 С. 9.). В Клетинском обществе Гороховской волости Мещевского уезда Калужской губернии в день брака, когда родственники невесты обедали в доме жениха, сам он ничего не ел (Зеленин, 1915. С. 601).

Эта картина поразительно напоминает кус — брачное даропредставление, имевшее место в жизни двух племен Арнемленда (Северная

Австралия) — мулук-мулук и маднгелла. Куе — пир, который устраивался через некоторое время после заключения брака мужчиной для родственников жены. В подготовке куе ему помогали братья и сестры. Во время куе не только родственников жены, но и других присутствующих лиц, обильно потчевали. Но сам устроитель куе, его братья и сестры не имели права во время этого даропредставления есть. Они сидели голодными. И это вполне объяснимо. Угощение было их даром. Но самим себе люди дарить не могли.

В селе Усть-Ницинском Тюменского уезда Тобольской губернии во время съезжего праздника за стол садились только гости. Садиться хозяевам вместе с гостями считалось предосудительным (Зобнин, 1884. С. 52). В связи с этим нельзя не отметить, что точно таким было поведение хозяев во время дароторжества (абуту) у меланезийцев о. Гуденаф, медвежьего праздника у нивхов и пира достоинства у ангами нага. Два последних пиршества, хотя уже и не являлись подлинными дароторжествами, но генетически были связаны с последними.

Хотя дароторжества и даропредставления и отличались друг от друга, грань между ними была весьма относительной. Даропредставления могли превращаться в дароторжества, а тем самым дароплатежи — становиться великодарами. В ряде случаев и в крестьянском мире России свадьбы приобретали облик съезжих праздников. Такое наблюдалось, например, судя по материалам, приведенным в статье Д. Чирцова «Свадебные обычаи в Пинежском уезде Архангельской губернии» (1916а), в указанной местности.

Там в брак обычно вступали жители разных селений. В свадебном пиру, который длился несколько дней, принимало участие все взрослое население обоих деревень, к которым присоединялось немало посторонних. Во время свадьбы происходил обмен богатыми дарами между сторонами жениха и невесты, который был в значительной степени регламентирован. Гостей щедро угощали, а также поили. Плохой считалась свадьба, если охотники выпить 3–4 раза не доводилось до «зела». Хлеба, которого обычно в деревне всегда не хватало, расходовалось в 5 раз больше, чем было нужно, ибо его роняли на пол, растапывали, портили, выбрасывали.

Но свадьба не только требовала больших расходов. Во время ее проведения приостанавливались все работы в обеих деревнях. С учетом потерянного времени каждая свадьба обходилась обеим сторонам в 1000–1500 рублей. Но, как отмечал Д. Чирцов: «Когда будешь говорить, что этот безумный и безрезультатный расход нужно сократить, то над вами будут смеяться. Каждый хозяин отвечает: „Как же я буду делать хуже, если я сам везде бывал. Я должен отплатить тем же самым“» (Чирцов, 1916а. С. 358).

Об обязательном обмене подарками между сторонами жениха и невесты и об огромных расходах на брачное торжество писали многие знатоки русской крестьянской жизни (Ефименко, 1869; Бравина, 1875;

Гуляев, 1875 и др.). «Не всем это было под силу, и в результате многие пары долгое время оставались неженатыми» (Гуляев, 1875. С. 297).

Дароплатежный обмен и даропредставления имели место не только в среде русских крестьян. Они характерны для всего мира традиционного крестьянства. Обзор их содержится в работах Дж. Гуди и С. Дж. Тамбиа, посвященных платежам за невесту и приданому (Goody, 1973; Tambiah, 1973). Об огромных «церемониальных расходах» китайского крестьянства писал Фэй Сяотун в книге «Китайская деревня глазами этнографа» (1989). Чтобы устроить свадьбу, похоронить близкого родственника, крестьяне экономили на всем, влезали в долги (С. 95–97).

В мире зарубежного традиционного и полутрадиционного крестьянства существовали и многочисленные пережитки дароторжеств. Особенно много их было у крестьян Латинской Америки. Достаточно сослаться на работы Ф. Канкиана «Экономика и престиж в общине майя: Религиозная система карго в Зинкантане» (Canclán, 1965), Дж. Монана «Праздничные финансы в Мезоамерике и происхождение системы обмена дарами» (Monaghan, 1996).

Разнообразные пережитки престижной экономики сохранялись у крестьян и Западной Европы еще в конце XIX в. и начале XX в. (Рикман, 1983; Мосс, 1996. С. 202–203). Самое пожалуй любопытное, что празднества, очень сходные со съезжими праздниками русских крестьян, до самого последнего времени сохранялись в сельских местностях Англии, в которой традиционное крестьянство давно уже исчезло (Hole, 1979. P. 312).

Часть четвертая

**Экономика предклассового общества
и переход к классовому
(цивилизованному) обществу**

Глава 29. Общие тенденции развития экономики доклассового общества	589
Глава 30. Основные социально-экономические типы предклассового общества	602
Глава 31. Переход от предклассового общества к классовому: основные пути и варианты развития	632

Глава 29

Общие тенденции развития экономики доклассового общества

1. Формирование ячеек приватной (обособленной и частной) собственности. Пракрестьянские домохозяйства и пракрестьянская община

Для стадии предклассового общества было характерно одновременное бытие нескольких существенно отличающихся друг от друга типов социально-экономических структур. Однако при всем различии между ними было общее. Оно заключалось в том, что все они включали в себя формирующийся крестьянско-общинный общественно-экономический уклад, который можно назвать *пракрестьянско-общинным укладом*.

На базе пракрестьянско-общинного способа производства, который по своей природе не был антагонистическим, могли возникнуть и возникали различного рода антагонистические образы и способы производства. Становление крестьянско-общинного уклада с необходимостью предполагало формирование ячеек особой (обособленной) собственности, в которые входили средства производства и создавался общественный продукт, — *пракрестьянских домохозяйств*, или *дворов*, и их объединения, хозяйственного организма — *пракрестьянской общины*.

Ячейками обособленной собственности были и хозяйства ремесленников, которые стали возникать на этой же стадии развития. Формирование различного рода антагонистических укладов было невозможно без оформления ячеек частной собственности. Так как для ячеек обособленной (особенной) собственности, как и для ячеек частной собственности, было характерно распределение по собственности, то

можно для простоты изложения объединить эти хозяйственные единицы под названием ячеек *приватной* (лат. *privatus* — частный) собственности.

Все эти ячейки собственности, кроме ячейки политарной частной собственности, возникали на базе существовавших ранее иждивенческо-потребительских ячеек. В большинстве обществ такими ячейками были семьи, что дало основание рассматривать подобный путь развития как универсальный. Однако существовал и иной.

Были общества, где наряду с семьями продолжали существовать и даже играть ведущую роль роды. В этих обществах существовала возможность возникновения домохозяйств на базе не семьи, а роды. И в ряде их такая возможность превратилась в действительность.

Возникновения на основе иждивенческой ячейки приватно-собственнической ячейки требовало и предполагало, во-первых, исчезновение границ собственности между лицами, которые входили в их состав, во-вторых, разрыв связей совместной собственности, а также иждивенческих отношений между этими индивидами, с одной стороны, и всеми остальными людьми, с другой. Этот двуединый процесс происходил по-разному в зависимости от того, какая именно из иждивенческих ячеек — семья или родья — была исходным пунктом.

В случае с родьей необходимым был разрыв экономических связей между мужем и женой, между мужем и детьми жены и, соответственно, полное исчезновение семьи как иждивенческой ячейки и вообще осознание социального образования. На этнографическом материале можно проследить все стадии этого процесса. Самая ранняя представлена ирокезами того времени, когда они только вступили в контакт с европейцами, следующая — микронезийцами островов Трук. Еще дальше в этом отношении продвинулись яо Центральной Африки, ашанти Западной Африки, минангкабау Суматры, наси Южного Китая и часть кхаси Индии (См.: Семенов, 2010. С. 220–227).

Примером общества, в котором этот процесс полностью завершился, могут послужить наяры Малабарского берега (Индостан). Общество наяров было уже классовым. Хозяйственной ячейкой был у них *таравад* — группа, состоящая из братьев, сестер, детей сестер и детей дочерей сестер. Жили все члены таравада в одном общем доме. Женщины в общей кухне совместно готовили пищу. Взрослые члены наярской роды совместно владели всем имуществом.

Каждая взрослая женщин имела нескольких мужей, которые всегда принадлежали к иному материнскому роду и тараваду. Каждый взрослый мужчина имел несколько жен из числа членов других родов и таравадов. Мужчина при заключении брака дарил жене кусок ткани. Позднее он должен был делать ей небольшие подарки во время каждого из трех великих праздников. Прекращение дарения было молчаливым знаком расторжения брака. Муж время от времени ночевал у жены. Он приходил поздно вечером и покидал жилище таравада жены рано утром, до завтрака. Тот мужчина, который ночевал у женщины,

оставлял оружие у дверей ее комнаты, что служило предупреждением для тех ее мужей, которые пришли позже. И этим связи мужа и жены исчерпывались.

Мужчина не нес никаких обязанностей по отношению к детям жены и не имел на них никаких прав. Он не жил с ними, не кормил их, не передавал и не имел права передавать им никакого имущества. Весь свой труд он полностью отдавал родье. Кормил он и воспитывал только детей сестер и детей дочерей сестер. Таким образом, у наядов совсем не существовало семьи. Подобные порядки были зафиксированы у них еще в XVIII и первой половине XIX в. (С. 227—231).

У народов, развитие которых шло по рассмотренному выше пути, материнский род сохранялся вплоть до перехода к классовому обществу и даже после этого. Отцовский род у них так и не возник. Но этот вариант развития характерен для сравнительно небольшого числа народов.

У подавляющего большинства народов ячейка частной собственности возникла на базе семьи. В принципе элементарная, или нуклеарная, семья, т. е. состоящая из мужа, жены и детей, вполне могла стать отдельным домохозяйством. И в поздних докапиталистических классовых обществах такая односемейная хозяйственная ячейка была часто встречавшейся, если не преобладавшей формой.

Однако в условиях перехода к классовому обществу хозяйственная ячейка, состоящая из членов одной элементарной семьи, не могла быть достаточно устойчивой. Отсюда — тенденция к образованию многосемейных домохозяйств. Такого рода домохозяйства существовали не только в предклассовом, но и во многих докапиталистических классовых обществах. Один из наиболее распространенных путей, который вел к образованию многосемейных домохозяйств, состоял в том, что взрослые сыновья после вступления в брак не отделялись, а продолжали вместе со своими семьями входить в состав одной с отцом хозяйственной ячейки. Такого рода объединение обычно называют большой, неразделенной, а также патриархальной семьей, что является явной ошибкой. Если понимать под семьей объединение людей, основой которого был брак между индивидами, то данное социальное образование никак не может быть названо семьей. Несколько более удачно другое название — семейная община. Но еще более точным является название *отцовского многосемейного домохозяйства*.

В одних случаях такое многосемейное домохозяйство после смерти его главы — отца — распадалось на односемейные хозяйственные ячейки, каждая из которых в дальнейшем превращалась в многосемейное домохозяйство, кое постигала та же участь. В других случаях после смерти отца многосемейное хозяйство сохранялось, но претерпевало определенные изменения.

Главой его становился один из сыновей умершего, обычно старший из братьев. Такого рода объединение тоже обычно называют большой семьей. Другие названия — братская семья и семейная община.

Лучше всего говорить о *братском многосемейном домохозяйстве*. Особым случаем было домохозяйство, состоящее из мужчины и нескольких его жен с детьми. Еще одна форма — домохозяйство, состоящее из семьи отца и семьи только одного из сыновей, обычно самого младшего. Остальные сыновья, вступая в брак, отделялись. В англоязычной этнографической литературе такого рода образование обычно называют «stem family» (стволовая семья). Были и другие виды хозяйственных ячеек.

Все домохозяйства независимо от типа являлись ячейками приватной собственности. Именно отношения данного вида собственности связывали воедино членов каждого из данных образований. Эту собственность в литературе обычно называют семейной и нередко понимают как собственность всех членов семьи вместе взятых. Однако в действительности она таковой не была.

Особенно наглядно это можно видеть на примере многосемейного домохозяйства. Брак был патрилокальным. Когда женщина выходила замуж, она оказывалась в составе задолго до этого существовавшей совершенно чужой для нее ячейки собственности. И как она не имела никаких прав на имущество этой ячейки до брака, так она не приобретала их и в результате брака. Не менял положения женщины и распад многосемейного хозяйства на односемейные. Единственным собственником семейного имущества становился в таком случае муж.

Элементарная семья и сразу могла возникнуть как вполне самостоятельная хозяйственная ячейка. Основная часть имущества, которым располагала новая семья, поступала, как правило, из той ячейки приватной собственности, к которой до вступления в брак принадлежал муж. Жена могла принести с собой определенное имущество, которое состояло из средств потребления. В крестьянском домохозяйстве жена, как правило, продолжала быть полной собственницей этого имущества. В иных семейных ячейках оно могло переходить в собственность или единоличное распоряжение мужа.

Войдя в состав домохозяйства, жена принимала участие в труде. Она не только вела домашнее хозяйство, но и, как правило, участвовала в создании общественного продукта. В условиях, когда существовало распределение по труду, это несомненно дало бы ей бесспорное право на часть созданного продукта. Однако становление ячеек приватной собственности означало коренное изменение принципа распределения. На смену как коммуналистическому, так и трудовому принципам распределения пришел новый — принцип распределения по собственности.

Сущность его заключалась в том, что собственником созданного продукта становился собственник использованных при его создании средств производства. Приватная собственность — это прежде всего собственность на средства производства, причем такая, которая делает их владельца собственником созданного продукта. С появлением приватной собственности труд сам по себе взятый перестал давать право на созданный продукт. И так как в односемейном домохозяйстве

собственником средств производства был муж, то продукт, созданный трудом жены, всецело становился собственностью первого.

В принципе, конечно, можно допустить и такой вариант развития, когда средства производства переходят в руки не мужа, а жены. И в некоторых предклассовых обществах дело обстояло именно таким образом. Но хотя сведения о такого рода семейных порядках отличаются крайней неполнотой, ни в одном из таких обществ мужа не находились в экономической зависимости от жен. Но главное — этот вариант нигде не получил развития. Ни в одном классовом обществе подобного рода семейный строй не существовал.

Возникшая в предклассовом обществе семья, основанная на частной собственности мужа, была типична для всех докапиталистических классовых обществ. Чтобы в дальнейшем больше к ней не возвращаться, рассмотрим здесь все ее черты. Они особенно наглядно проявлялись, когда она была совершенно самостоятельной хозяйственной ячейкой. Экономически самостоятельную элементарную семью чаще всего именуют малой семьей. Чем дальше шло развитие докапиталистического классового общества, то тем в большей степени именно малая семья, основанная на частной собственности, становилась господствующей, преобладающей формой.

Эта семья, как и ранее протозгальтарная, была иждивенческой ячейкой. С переходом к классовому обществу необходимость в иждивенческих ячейках не только не исчезла, а, наоборот, стала абсолютно настоятельной. Только таким образом можно было обеспечить содержание детей, а тем самым и воспроизводство человеческого состава общества.

Но с переходом к классовому обществу иждивенческие отношения существенно изменились. Прежде всего обязанность содержать детей теперь целиком легла на семью. Это, во-первых. Во-вторых, во всех классовых докапиталистических обществах в роли иждивителей выступали только мужчины. Это связано с тем, что лишь они были собственниками средств производства. Только мужчины в этих обществах были непосредственно включены в систему социально-экономических отношений: отношений собственности на средства производства и отношений распределения продукта в масштабах общества, т. е. первичного и вторичного. Только они получали долю общественного продукта непосредственно от общества.

Женщины в докапиталистических классовых обществах в отличие от первобытного непосредственно в систему социально-экономических отношений не входили. Они не являлись собственниками средств производства и поэтому не имели прав на созданный в какой-либо из хозяйственных ячеек продукт. Они не могли получить долю общественного продукта непосредственно от общества. Поэтому они не только не могли выступать в роли иждивителей, но, наоборот, сами должны были иметь иждивителей.

Свою долю общественного продукта они могли получить только из доли мужчин: до замужества — отца, после вступления в брак — му-

жа. Выступая в роли единственного иждивителя, мужчина тем самым неизбежно представлял в качестве кормильца не только детей, но и жены. Иждивенческие отношения в докапиталистическом классовом обществе не только были замкнуты в рамках семьи, но и существовали как отношения мужа и отца ко всем ее членам.

Таким образом, в докапиталистических классовых обществах женщины экономически зависели от мужчин. Мужчины, будучи собственниками средств производства, господствовали и в семье, и в обществе. Экономическое неравенство мужчины и женщины, как правило, находило свое закрепление в праве. Вплоть до самого последнего времени женщины в классовом обществе были не равны с мужчинами и перед законом. Они были лишены многих гражданских прав и отстранены от участия в политической жизни общества.

Господство мужчины накладывало отпечаток на все стороны брачной и семейной жизни, определяло характер брака и семьи в целом. Иной характер приобрели в классовом обществе отношения мужчины к детям. Возникновение приватной собственности на средства производства превратило его в единственного их кормильца. Но как собственник средств производства он выступал перед ними не только косвенно, но и прямо. Воспроизводство приватной собственности на средства производства немыслимо без воспроизводства частных собственников. И семья в классовом обществе представляет собой ячейку не просто по производству людей, но по воспроизводству частных собственников. Такое воспроизводство осуществляется через наследование, т. е. передачу собственности на средства производства от одного поколения к другому, от отца к сыновьям.

Если по отношению ко всем своим детям глава семьи выступал в качестве иждивителя, то по отношению к сыновьям — и в качестве наследодателя. Это обеспечивало ему господство над последними и после того, как они становились взрослыми. Чтобы получить право на долю общественного продукта, в классовом докапиталистическом обществе совершенно недостаточно стать трудоспособным. Необходимо обладать средствами производства. А они находились в руках отца. И пока отец не передавал их сыновьям, все они независимо от возраста и степени участия в труде были в положении иждивенцев, находились в экономической зависимости от него. Это позволяло отцу распоряжаться их судьбой и, в частности, нередко решать вопрос об их вступлении в брак.

Положение дочерей было еще хуже. Если сыновья могли надеяться обрести в конце концов самостоятельность, то дочери об этом не могли и мечтать. Единственное, что их могло ожидать, — перемена иждивителя. До вступления в брак они зависели от отца, после — от мужей. Вполне понятно, что вопрос о их замужестве решался, по крайней мере в докапиталистических обществах, чаще всего без их участия. Они не выходили замуж, их выдавали. Брак чаще всего был

сделкой, заключаемой главами двух семей. Брак в классовом обществе всегда юридически оформлялся. Будучи выданной замуж, женщина, как бы ни сложились ее отношения с мужем, в большинстве докапиталистических классовых обществ была лишена возможности порвать с ним. Расторгнуть брака по своей воле она, как правило, не могла. Таким образом, она не только находилась в экономической зависимости от мужа, но и законом была прикреплена к нему. В тех классовых обществах, где право на развод существовало, оно принадлежало почти исключительно мужчине.

Превращение отца в единственного иждивителя детей и наследодателя имело своим следствием окончательную смену старой, групповой (классификационной) системы родства, фиксировавшей прежде всего отношения между группами, новой, линейно-степенной (описательной), знавшей отношения только между индивидами. В ней нашел свое выражение новый принцип «прикрепления» иждивенцев к иждивителю, который был одновременно и принципом «прикрепления» наследников к наследодателю.

В первобытном обществе принцип «прикрепления» иждивенцев к иждивителям был довольно прост. В качестве иждивителя прежде всего выступала мать, естественная связь которой с детьми была более чем очевидной. В результате отношения иждивения между матерью и детьми, которые были порождены общественной необходимостью в обеспечении детей, были по своей природе социальными, экономическими, выступали в глазах людей как производные от естественных, биологических уз, как их необходимая сторона. Мужчина был связан с детьми не непосредственно, а только через жену. Он был обязан участвовать в содержании детей только потому, что был мужем их матери. Понятие «отец» совпадало с понятием «муж матери». Породительство, т. е. биологическое отцовство, во внимание обществом не принималось и не имело общественного значения.

Когда мужчина стал единственным иждивителем, положение изменилось. Его иждивенческие отношения к детям приняли прямой, непосредственный характер. Что же касается отношений наследования, то они иного характера, кроме прямого, в обществе классовом носить и не могли. Эти прямые связи отца с детьми требовали наглядного и простого обоснования. И оно было найдено — в биологическом отцовстве. Общественные по своей природе связи иждивения и наследования были осознаны как производные от биологической связи между отцом и детьми.

Передача имущества, прежде всего средств производства, от отца сыновьям, т. е. внутри элементарной семьи было необходимым условием ее утверждения в качестве единицы приватной собственности. Стремление отцов передать имущество своим детям, зародившееся еще на стадии первобытно-престижного общества, получило развитие в предклассовом обществе.

Но хотя социальное и биологическое отцовство в классовом обществе стали обозначаться одним словом, на практике различие между ними проводилось. Как ни велика была вера в то, что именно биологическое отцовство лежит в основе заботы мужчины о детях, однако в действительности оно, взятое само по себе, не порождало и не могло породить отношения иждивения и наследования. Мужчина не был обязан содержать детей, которые родились вне брака и соответственно не входили в состав его семьи, каким бы достоверным ни являлось его биологическое отцовство. Как уже указывалось, в классовом обществе отношения иждивения и наследования были замкнуты в пределах семьи, которая была и экономической и юридической единицей.

Но если не всякое биологическое отцовство рассматривалось обществом как социальное, то всякое социальное рассматривалось как производное от биологического, как одновременно и биологическое. Этот принцип, которым руководствовалось почти всякое классовое общество, нашел свое наиболее четкое выражение в кодексе Наполеона, статья 312 которого устанавливает, что «ребенок, зачатый во время брака, имеет своим отцом мужа [матери]» (Французский гражданский кодекс 1804 года, 1941. С. 97). В результате мужчина был обязан обеспечивать детей, рожденных в браке, даже если у него были серьезные сомнения относительно своей причастности к их появлению на свет.

Все это с неизбежностью порождало у мужчин стремление обеспечить достоверность своего биологического отцовства. То была объективная потребность, имевшая корни в существующей системе социально-экономических и семейно-экономических отношений. Она могла быть удовлетворена лишь при условии исключения возможности вступления женщины в половые отношения с каким-либо другим мужчиной, кроме мужа, причем не только после, но и до замужества. Отсюда требование к женщине не только быть верной мужу, но и сохранять девственность до вступления в брак. Во всех сколько-нибудь развитых докапиталистических классовых обществах потеря девушкой целомудрия считалось величайшим позором, а измена мужу рассматривалась не только как нарушение морали, но и как преступление, влекущее за собой суровое наказание.

В предклассовом и на ранних стадиях развития классового общества муж нередко имел законное право убить жену, уличенную в измене, не говоря уже о других мерах наказания. В более позднее время обязанность карать неверную жену взяло на себя государство. Так, например, во Франции еще в середине XIX в. супружеская неверность со стороны жены могла повлечь за собой ее заключение в тюрьму сроком от 3 месяцев до 2 лет (Бebelъ, 1959. С. 356). Во многих обществах отец имел право наказать дочь, опозорившую его имя вступлением в добрачную связь. Строжайший запрет девушке вступать в половые отношения был связан не только с тем, что это могло лишить ее родителей перспективы выдать ее замуж. Результатом добрачной связи мог быть ребенок. И у этого ребенка не было места в существующей си-

стеме социальных отношений. У него не было законного иждивителя. Мать в такой роли выступить не могла, а социального отца он не имел.

Существование в докапиталистических классовых обществах строгой запрета женщинам вступать в половые отношения до брака было объективной необходимостью. Но полностью исключить вступление женщины в добрачные или внебрачные связи можно было, лишь распространив этот запрет и на мужчин. Во многих классовых обществах ограничение половых отношений исключительно рамками брака считалось обязательным для представителей обоих полов. Индивидуальный брак в этих обществах выступал в качестве единственной формы регулирования отношений между полами. Как правило, такие общества характеризовались одновременно и безраздельным господством единобрачия. Именно это обстоятельство дало основание именовать базирующийся на частной собственности индивидуальный брак классового общества моногамией.

Такое название нельзя считать удачным. И дело не только в том, что оно не выражает главной и основной особенности данной формы индивидуального брака — господства мужчины. В предклассовом обществе и в классовом, особенно на ранних стадиях его развития, встречаются браки одного мужчины с несколькими женщинами, т. е. *многоженство (полигиния)*. И это форма полигамии по своим основным чертам ничем не отличается от моногамии. И здесь имеет место господство мужчины над женщинами и детьми. И здесь от жены требуется соблюдение супружеской верности и т. п. Единобрачие и многоженство в предклассовом и классовом обществе представляют две основные разновидности одной и той же формы брака, которую можно было бы назвать *патриархическим браком*. Соответственно и семью, основанную на этом браке, можно было бы именовать *патриархической семьей*.

В некоторых предклассовых и даже классовых обществах встречалось и *многомужество (полиандрия)*. Однако оно было не только крайне редким явлением, но и отнюдь не свидетельствовало о привилегированном положении женщины. В Тибете, например, на женщину, вышедшую замуж за старшего из братьев получали по достижению зрелости права и все остальные его братья. Цель — не допустить создания братьями своих собственных семей, ибо это повлекло бы за собой раздел и без того крайне небольшого семейного земельного участка, если не между ими самими, то между их потомством (см.: Rockhill, 1891; Peter, 1963). Поэтому ни о каком матриархическом браке даже в случае полиандрии говорить не приходится. И вообще матриархата в истории человечества никогда не существовало.

В полигинной форме патриархического брака наглядно выступает неравенство мужчины и женщины не только в сфере экономических, правовых и т. п. отношений, но и в отношениях собственно между полами. Если женщина по закону может вступать в половые отношения только с одним мужчиной, то мужчина — одновременно с несколькими женщинами.

При моногамной форме патриархического брака между мужчиной и женщиной в этом отношении существует равенство. Не только женщина может иметь лишь одного мужа, но и мужчина — лишь одну жену. Но это равенство всегда носило формальный характер. Не буду уже говорить о том, что если мужчина мог иметь голос при решении вопроса о его вступлении в брак, то с мнением женщины при выдаче ее замуж считались мало или совсем не принимали его во внимание. Неравным было и реальное положение супругов.

Особенно ярко оно проявлялось в тех классовых обществах, где хотя и господствовало единобрачие, но соблюдение верности считалось обязательным только для жены. К числу таких обществ относилось древнегреческое. Общество не осуждало внебрачные связи мужчин, ибо объектом их были главным образом рабыни. Это не ставило под угрозу ни целомудрие свободных девушек, ни верность жен. Родившиеся от таких связей дети не имели социального отца, но у них был хозяин (Lacey, 1968).

Неравенство мужчины и женщины в сфере собственно отношений полов имеет место и при классической форме моногамии, при наличии в обществе запрета не только женщинам, но и мужчинам вступать в половые отношения вне рамок брака. Это прежде всего связано с тем, что в обществе, основанном на приватной собственности, нет реальной силы, которая могла бы заставить мужчин соблюдать этот запрет.

Женщины такой силой, разумеется, не являлись. Что же касается мужчин, то их позиция была крайне противоречивой. Каждый мужчина, который был женат и имел дочерей, конечно, хотел, чтобы другие мужчины соблюдали эту норму, но для него самого следование ей не всегда было желательным. Что же касается неженатых мужчин, то они вовсе не были заинтересованы в соблюдении этого запрета.

В результате в классовом обществе запрет половых отношений вне брака, когда он существовал, имел реальную силу по отношению лишь к женщинам, но не мужчинам. Если не формально, то фактически в таком обществе моральные нормы, регулирующие отношения между полами, были правилами поведения, обязательными лишь для женщин. Только в случае их нарушения женщинами общество применяло реальные санкции.

Возвращаясь к предклассовому обществу, важно подчеркнуть, что возникновение ячеек обособленной собственности — пракрестыанских домохозяйств было одновременно и формированием их объединения — пракрестыанской общины. Ее экономической основой были прежде всего помогообменные отношения, которые дополнялись помогозаемными и услугоплатежными (подробно см.: Семенов. 2002б).

2. Формы эксплуатации в доклассовом обществе

В предклассовом обществе получили развитие ранее появившиеся методы эксплуатации, в частности, *ростовщичество*. Появилась *посред-*

ническая торговля. Особый размах получил систематический военный грабеж. Это — *военно-грабежный*, или *милито-рантарный* (от лат. *rapto* — грабить) *метод эксплуатации*. Недаром, когда-то период предклассового общества в нашей литературе нередко именовали эпохой военной демократии. В действительности демократии на этой стадии либо совсем не было, либо ее было очень мало. А вот набеги и войны с целью грабежа велись постоянно. Близких и дальних соседей не только систематически грабили, но с них взимали контрибуции, отступное и обкладывали данью. Такой метод эксплуатации как *данничество* на этой стадии стал необычайно распространенным явлением.

В предклассовом обществе продолжали существовать *помогодоминарный* и *заемнодоминарный* образы эксплуатации. Получил развитие и пополнился *доминарный* образ производства. Люди, лишившиеся хозяйства или не имевшие его, не обязательно должны были трудиться в хозяйстве состоятельного человека лишь за содержание. Они могли работать и за определенную плату. Это — наемные работники докапиталистического типа, или *наймиты*. *Наймитство* вошло в состав доминарного образа эксплуатации в качестве еще одного, наряду с *приживальчеством*, *брако-приживальчеством*, *кабальничеством* и *домашним рабством*, его варианта и части. В значительном числе предклассовых обществ доминарный образ производства превратился в *доминарный способ производства*.

В идеале каждый доминарно-зависимый работник (*доминарий*) трудился исключительно в хозяйстве *доминариста*. Но в жизни все обстояло сложнее. Так, например, человек мог одновременно трудиться в чужом хозяйстве и иметь свое собственное, правда, такое, которое не могло обеспечить существование его самого и его семьи. Из всех перечисленных категорий работников чаще всего в таком положении находились наймиты. Даже если наймит не обладал собственным хозяйством, он нередко со своей семьей жил обособленно от хозяина. Особенно это относится к поденщикам, которые нанимались то к одному, то к другому хозяину.

С переходом к предклассовому обществу возникли и новые антагонистические образы и способы производства.

При одном из них основное средство производства — земля, находившаяся в полной собственности эксплуататора, передавалась в обособленное пользование работника. Работник более или менее самостоятельно вел хозяйство при помощи частично собственных, частично полученных от собственника земли средств труда. Встречались и такие случаи, когда подобного рода работник получал от эксплуататора не только землю, но все вообще средства труда. Чаще всего подобного рода работники отдавали собственнику земли определенную долю урожая. Остальная часть урожая поступала в полное их распоряжение, а иногда и в собственность. Если не всех, то по крайней мере часть таких работников в литературе именуют *издольщиками*, а случае, когда они отдавали хозяину половину урожая — *испольщиками*, или *половниками*.

Но бывало, что работник вместо того, чтобы отдавать хозяину часть урожая с выделенного участка, работал еще на одном поле, урожай с которого полностью шел хозяину. Последнее поле могло непосредственно входить в собственное хозяйство владельца земли.

Во всех этих случаях перед нами особый антагонистический образ (способ) производства, который можно назвать *магнарным* (от лат. *magna* — великий, ср. -лат. *magnat* — владыка). Он предполагал существование двух групп людей, из которых одна безвозмездно присваивала труд другой. Эксплуататоров можно именовать *магнаристами*, а эксплуатируемых — *магнариями*.

В положение магнария человек мог попасть различными путями. Один из них состоял в том, что собственник земли выделял своему рабу участок земли, снабжал его другими средствами труда и позволял обзавестись собственным домом и семьей. Это *магнарно-рабовладельческий*, короче, *магнорабовладельческий*, вариант данного способа производства. Если хозяин сажал на землю приживала, то перед нами *магнарно-приживальская* (*магноприживальская*) разновидность магнарного способа производства.

В положении магнарно-зависимого работника мог оказаться и человек, попавший в зависимость от владельца земли в результате займа, особенно когда он был получен под залог земли или личности. Нередко при этом человек обрабатывал бывшую свою землю, перешедшую в результате неуплаты долга в собственность кредитора. Это *магнарно-кабальный* (*магнокабальный*) вариант данного способа производства.

Еще один путь состоял в том, что свободный человек, лишенный основных средств производства, брал в аренду участок земли. При этом он мог пользоваться либо только своими средствами труда, либо только средствами труда, полученными от собственника земли, либо, наконец, частично своими, частично хозяйскими средствами труда. Это — *магнарно-арендный* (*магноарендный*) вариант данного способа производства. Такая аренда всегда ставила человека не только в экономическую, но и личную зависимость от владельца земли.

В идеале подобного рода производитель полностью работал только на арендованной земле. Но в действительности все обстояло сложнее. Подобного рода арендатор мог, наряду с работой на арендованной земле, вести хозяйство и на собственной земле, однако такое, доходов с которого было недостаточно для содержания его самого и семьи.

Все эти четыре варианта магнарного образа (способа) эксплуатации были теснейшим образом связаны. Грани между ними были весьма относительноны и один такой вариант мог легко превратиться в другой. Так, например, магнарист с тем, чтобы прочнее прикрепить арендатора к земле, давал ему ссуду деньгами, зерном и т. п. В результате последний оказывался в долговой, кабальной зависимости от владельца земли, избавившись от которой он мог только вернув ссуду и уплатив проценты.

Весьма относительной была и грань между магнарным и доминарным образами (способами) производства. Магнарно-зависимого арен-

датора, который обрабатывал землю с помощью полученных от ее владельца средств труда и засеивал ее полученным из того же источника зерном, не всегда легко отличить от наймита. В этом случае трудно сказать, отдавал ли он часть урожая владельцу земли в качестве арендной платы или, наоборот, получал часть урожая от него в качестве платы за труд.

Связь между доминарным и магнарным способами производства выражалась часто в том, что на одного и того же человека одновременно работали как магнарно-зависимые, так и доминарно-зависимые работники. Он был одновременно и доминаристом, и магнарристом, т. е. по существу доминомагнарристом. Магнарные и доминарные отношения в таком случае столь тесно переплетались и срастались, что вместе образовывали один единый гибридный общественно-экономический уклад — *доминомагнарный*.

Магнарные отношения многие исследователи, считающиеся себя марксистами, нередко принимали и принимают за феодальные, особенно в тех случаях, когда речь шла об обществах, существование которых относилось ко времени после V в. н. э. Когда же рассматривалось более раннее время, то эти отношения описывались, но никак не характеризовались. И это понятно. Если магнарные отношения принимать за феодальные, то пришлось бы признать, что феодальные отношения существовали по всему Древнему Востоку, в архаической Греции, в раннюю эпоху истории Древнего Рима. А это означало бы признание феодализма первой и единственной докапиталистической классовой формацией. На это, однако, решались немногие.

Несмотря на наличие определенных черт сходства между магнарным и феодальным способами производства, они существенно отличаются друг от друга. Для феодализма характерно существование разделенной собственности на землю и личность производителя материальных благ. Феодал является не полным собственником земли, а только верховным ее собственником. Соответственно феодально-зависимые производители являются подчиненными собственниками земли, которой пользуются, что отличает их от магнарно-зависимых работников, которые прав собственности на землю, которой пользуются, не имеют.

При магнарризме хозяйство магнарриста является основой хозяйства магнарно-зависимых работников. Магнаррист нередко дает работнику не только землю, но и рабочий скот, зерно. При феодализме, наоборот, хозяйство феодально-зависимого работника является основой хозяйства феодала. В основе феодального общественно-экономического уклада лежит крестьянско-общинный общественно-экономический уклад. Когда существует отработочная рента, феодально-зависимый работник обрабатывает землю, входящую в состав собственного хозяйства (домена) феодала, при помощи принадлежащих ему самому средств труда.

Основные социально-экономические типы предклассового общества

1. Пракрестьянское и пракрестьянско- доминомагнарное общество

Известны предклассовые общества, в которых существовал один единственный общественно-экономический уклад — пракрестьянско-общинный. Такого рода общества можно было бы назвать *пракрестьянскими*. Они существовали в двух основных вариантах; один — собственно пракрестьянское общество, другой — пракрестьянско-доминомагнарное.

Пракрестьянское общество имело достаточно широкое распространение. Существовало оно в Азии. Бытие множества независимых деревенских «республиканских общин» было отмечено в районе Гиндукуша (Биддельф, 1886. С. 5). Пракрестьянско-доминомагнарным было общество кафипров Гиндукуша (Робертсо, 1906). Пракрестьянскими были предклассовые общества ади (абор) (Roy, 1960), дафла (Shukla, 1969), мишми (Showdhury, 1973), гаро (Nacane, 1967), ангами нага, ао нага, ренгма нага, лхота нага Северо-Восточной Индии (Hodson, 1911; Mills, 1922; 1926; 1927; Elwin (ed.), 1969), часть чинов и качинов Мьянмы (Бирмы) (Stevenson, 1944; Leach, 1954), ва Мьянмы и Юнания (Китай), литзу, лаху, акха Юнания, яо, тин, лава Таиланда, ламет Лаоса, со Таиланда и Лаоса, саох и пеар Камбоджи, джен Лаоса и Вьетнама, ловен, менем, седанг, хре, срс, стиенг, мнонгары Центрального и Южного Вьетнама (Lebar, Hickey, Musgrave (eds.), 1964; Mole, 1970), дулун Юнания (Решетов, 1982).

В Африке южнее Сахары пракрестьянские и пракрестьянско — доминомагнарные общества описаны у бвамба Уганды (Winter, 1955; 1958), тив Нигерии (Bohannan and Bohannan, 1968), кпе Камеруна (Ardner, 1956), конкомба Того (Tait, 1958), талленси Ганы (Fortes, 1969), логоли, вугуси и других банту Кавирондо (Wagner, 1969), части алуров Уганды и Конго (Southall, 1953), шиллуков (Evans-Prichard, 1962), ануаков (Evas-Prichard, 1940; Lienhard, 1957–1958) и нуэров Судана (Эванс-Причард, 1985). Встречались такие общества у некоторых индейцев Северной Америки, в частности у гуронов (Trigger, 1969) и ирокезов (Stites, 1905).

У части перечисленных выше и ряда других народов социоисторическими организмами были пракрестьянские общины. В пракрестьян-

ском обществе, как и в предклассовом обществе в целом действовала тенденция к укрупнению социально-исторических организмов. Она проявлялась по-разному.

Одно основное направление — укрупнение размеров пракрестьянских общин. Для этого существовало два способа. Один — соединение ранее независимых общин, превращение последних в подразделения одной общины. Среди пракрестьянских общин особое место занимают деревенские, члены которых жили в одном селении. Объединение деревенских общин сопровождалось их сселением в одном месте. Ранее самостоятельные общины становились кварталами одной деревенской общины. Были селения, в которых кварталы играли большую роль, чем деревня в целом. В таком случае жители деревни образовывали не столько общину, сколько союз общин. Но в целом развитие в таких случаях шло по пути образования одной единой общины.

Другой способ — прекращение разделения общин. Обычно общины, разрастаясь, делились. Возникали дочерние общины, которые сразу или со временем становились вполне самостоятельными. Когда возникла тенденция к укрупнению общин, последние, разрастаясь, делились на части, но эти части становились не самостоятельными общинами, а кварталами существующей общины. В результате размеры общин возрастали.

Укрупнение общины, каким бы способом оно не происходило, имело своим следствием не только увеличение ее размером, но и изменение ее внутренней структуры. Община стала состоять из субобщин. Такая община, с одной стороны существенно отличалась от обычной пракрестьянской общины, не говоря уже о первобытной общине, с другой, имела немало общего с той и другой. Роднило ее как с первобытной, так и пракрестьянской общинами, то, что в основе ее лежали экономические связи между всеми ее членами. Именно наличие таких связей, которые можно назвать *низовыми*, делало любую общину более или менее прочной общественной единицей.

Такого рода социоисторический организм, как сходный с обычной пракрестьянской общиной, так и отличный от последней, можно назвать пракрестьянской *сверхобщиной*, *мегаобщиной* (от греч. «мега» — великий), или *великообщиной*. Пракрестьянские великообщины существовали, например, у ангамов нага. В некоторых из их деревень было по 800 дворов с населением в 4 тыс. человек (Butler, 1969).

В пракрестьянских общинах управление делами общины находилось в руках своеобразного совета (нередко неофициального), состоявшего из старших и наиболее авторитетных мужчин, и обычно избираемого, реже — наследственного деревенского старосты. Но последней должности могло и не быть. Наиболее важные дела могли решаться на общих собраниях всех взрослых мужчин деревни.

В пракрестьянских великообщинах наряду с должностью ее главы могла появиться должность командующего народным ополчением.

Чаще всего и совет старейшин, и народное собрание в великообшине были уже институционализированы. Нередко существовал также и выборный суд.

Второе основное направление, по которому шло укрупнение общества, — возникновение социоисторических организмов, состоящих из нескольких общин. Разрастаясь, общины делились, но вновь возникшие общины продолжали образовывать один социоисторический организм. Общины в таком случае переставали быть социоисторическими организациями, становились частями более крупного организма. Такие надобщинные социоисторические организмы часто именуют племенами. Но так как слово «племя» в этнографической литературе имеет много разных значений, то для обозначения подобного рода многообщинных демосоциоров будет использоваться термин «*трибосоциор*» (от лат. *triba* — племя).

Наиболее ярким примером такого пути развития могут послужить индейцы гуруны первой половины XVII в. У них существовало 4 трибосоциора. Один из них занимал 14 деревень, два — по 7 деревень каждый, все члены четвертого жили в одной деревне (Trigger, 1969). В последнем случае перед нами не столько трибосоциор, сколько деревенская община. Но эта община занимала равное с многообщинными организмами положение, что дает основание именовать ее трибосоциором.

Таким образом, на стадии предклассового общества пракрестьянские общины существовали в двух разных формах. Они могли быть вполне самостоятельными социоисторическими организмами. Но могли существовать лишь как части крупных, многообщинных социоисторических организмов. В последнем случае они были не социорами, а субсоциорами. Это различие требует закрепления в терминологии. В последующем изложении самостоятельные пракрестьянские общины будут называться *пракрестьянскими общиносоциорами*. Что же касается пракрестьянских великообшин, то они почти всегда были самостоятельными социоисторическими организмами.

Кроме описанного выше, существовало еще два способа возникновения более крупных социальных формирований. Один из них состоял в подчинении одних пракрестьянских социоров другими. Нередко при этом подчиненные социоры платили дань господствующему. Так, например, обстояло дело у некоторых групп нага. Другой путь состоял в образовании более или менее добровольных союзов пракрестьянских социоров. Союзы отличались от трибосоциоров, которые были едиными социоисторическими организмами. Они были объединениями, в составе которых каждая община продолжала оставаться социором. Конечно, союз общин со временем мог превратиться в один социоисторический организм, но это не было обязательным.

Союзы пракрестьянских общиносоциоров существовали у бвамба Уганды (Winter, 1958), гаро северо-Восточной Индии (Che Ncane, 1967), ва Мьянмы (Бирмы) и Юньнана (Lebar, Hickey, Musgrave (eds.), 1954), седанг Южного Вьетнама (Mole, 1970).

Одним из довольно спорных вопросов исторической и этнографической науки является проблема общественного строя Дагестана. Дореволюционные отечественные исследователи в большинстве своем считали, что народы горного Дагестана и большей части Северного Кавказа жили родовым строем. В советской историографии восторжествовал взгляд на общественные порядки если не всех, то большинства дагестанских и северокавказских социоисторических организмов как на феодальные (см.: Хашаев, 1961. С. 125–128).

В действительности же никакого феодализма там не было. В подавляющем большинстве своем эти общества были предклассовыми. За феодальные социально-экономические отношения принимались протополитарные и магнарные связи. Предклассовые общества Дагестана принадлежали к несколько разным типам. Если оставить в стороне протополитарии, о которых еще пойдет речь ниже, то все остальные предклассовые социоисторические организмы — аульные общины (джамааты) Дагестана XVIII — начале XIX в. были либо общиносоциорами, либо, великообщинами. Некоторые исследователи отмечают, что эти социоисторические организмы, которые они называют сельскими общинами, принадлежали к нескольким разным типам (см. Магомедов Р., 1957. С. 48; Магомедов Д., 1981. С. 42–43). И как следует из приводимого ими материала, один из типов этих социальных образований — общества, которые я называю пракрестьянскими и пракрестьянско-доминантными.

И эти общества наряду с общиносоциорами иных типов в большинстве случаев входили в состав союзов, которые часть аборигенов называла *магалами*, а внешние наблюдатели — *вольными обществами* (Брюханов, 1957; Мамедов, 1957; Хашаев, 1961; Алиев, 1972; Дзаурова, 1974; Гаджиев (ред.), 1981; Агларов, 1988). Примером может послужить вольное общество Ахты-Пара, состоявшее из 12 селений во главе с аулом Ахты. Таких обществ в разное время было от 40 до 70: Анандал, Анди, Гидатл, Тлейсерух, Чамал, Кабо-Дарго и др. Если трибосоциоры характеризовались единством культуры и языка, то в союзы иногда могли входить социоры, члены которых говорили на разных языках и имели разную культуру.

Начавшись, процесс возникновения крупных социальных образований мог идти и дальше. Так, все четыре трибосоциора гурунов составляли союз. Другой пример — Лига ирокезов — Ходеносауни, которая объединяла вначале пять, а затем шесть трибосоциоров (Морган, 1983). Вольные общества Дагестана, представлявшие собой союзы аульных общин — джамаатов, могли объединяться в сверхсоюзы. Сверхсоюз Акуша-Дарго, например, включал в себя четыре магала, Антль-Ратль — восемь (Агларов, 1988; Умаханов, 1981. С. 71).

В пракрестьянских обществах могли существовать и существовали различные разновидности доминарных, реже магнарных отношений. У тив и во многих вольных обществах Дагестана имело место рабство.

Ирокезы собирали дань с подчиненных демосоциоров. Были у них и рабы (Stites, 1905). Но и доминарные, и магнарные отношения, если и существовали в пракрестьянских обществах, то никогда ни по отдельности, ни вместе не образовывали общественно-экономических укладов. Они бытовали лишь в качестве придатков к пракрестьянско-общинному укладу, т. е. существовали только как общественно-экономические подуклады.

С развитием доминарных и магнарных отношений собственно пракрестьянские общества могли превратиться в пракрестьянско-доминарномагнарные. Описывая последние, исследователи говорят о существовании в них четырех групп. Первую из них образовывали свободные члены общины. Вторую — должники и слуги. Третью — рабы из числа военнопленных. Четвертую составляли свободные люди, жившие в общине, но не являвшиеся ее членами — чужаки. Таковы, например, общества бахнар, пакох и кату Южного Вьетнама (Mole, 1970).

Но целом грань между собственно пракрестьянскими и пракрестьянскодоминарными обществами весьма относительна. Их трудно отделить друг от друга.

2. Протополитарные общества

Ранее (3.3) уже была дана общая характеристика *политарных способов производства* вообще, *древнеполитарного способа* производства в частности. Все политарные способы производства были основаны на общеклассовой частной собственности, выступающей в форме государственной собственности. С этим связано совпадение господствующего класса с ядром государственного аппарата.

Один из процессов, который шел в предклассовом обществе, состоял в формировании древнеполитарного способа производства. Формирующийся палеополитарный способ производства был уже назван *протополитарным*. Соответственно, предклассовое общество, основанное на нем, лучше всего может быть наименовано *протополитарным обществом*.

В протополитарном обществе шел процесс становления общественных классов и государства. К этому процессу не вполне подходит привычная марксистская формула: раскол общества на классы имел своим следствием образование государства, которое стало орудием принуждения в руках класса эксплуататоров, в результате чего этот класс стал господствовать не только экономически, но и политически. В данном случае процесс формирования экономически господствующего класса был одновременно и процессом становления государства. Государственный аппарат, конечно, возникал как орудие подавления эксплуатируемого класса. Но он не был чем-то отличным от класса, который его использовал. Если не весь он, то, по крайней мере, основное ядро его было одновременно и господствующим классом. Совпадая

с государственным аппаратом, класс эксплуататоров с самого начала был господствующим одновременно и экономически, и политически.

Протополитарный способ производства, также как и основной вариант древнеполитарного способа производства, был двухэтажным. Протополитарный общественно-экономический уклад включал в себя в качестве необходимейшего компонента формирующийся крестьянско-общинный (пракрестьянско-общинный) уклад. Низовой единицей протополитарного общества была формирующаяся крестьянская (пракрестьянская) община. Последняя всегда входила в состав более крупного социального образования — *протополитархии*.

Протополитархия могла быть непосредственным объединением пракрестьянских общин. В таком случае верховному правителю — *протополитарху* — были непосредственно подчинены старосты общин. Перед нами протополитархия с двумя уровнями управления. Такой, например, была одна из протополитархий басога (Восточная Африка), носившая название Бусамбиры. Ее наследственному правителю — *кисамбире* были непосредственно подчинены старосты всех 12 входивших в нее деревень. Население Бусамбиры составляло около 4 тыс. человек (Fallers, 1956).

В более крупных протополитархиях существовала трехзвенная система. Протополитарху подчинялись правители подразделений протополитархии (дистриктов, округов) — *субпротополитархи*, которым в свою очередь были подчинены старосты общин. При этом протополитарх был обычно и правителем столичного округа. Еще более крупные протополитархии представляли системы из четырех уровней: протополитархия — области (провинции) — округа (дистрикты) — общины. В протополитархии Басутоленд (Южная Африка) с населением в 682 тыс. человек в 1939 г. насчитывалось 18 правителей областей, 316 правителей округов и 1006 старост (Schapera, 1956). В этнографической литературе протополитархии обычно именуются вождествами (*chiefdoms*), государствами (*states*), королевствами (*kingdoms*) и даже иногда империями (*empires*). Последние два термина употребляются обычно для обозначения крупных и очень крупных протополитархий.

Иногда протополитархия совпадала с деревней, но в таком случае последняя была обязательно подразделена на кварталы, во главе которых стояли старосты, подчиненные правителю деревни — протополитарху. Так, например, все 2300 тлоква Бечуаналенда (Южная Африка) жили в одной деревне, подразделенной на 5 кварталов, одним из которых непосредственно управлял вождь селения. Роль общины в таком случае играла не деревня в целом, а каждый из ее кварталов. Во всяком случае в любой протополитархии было не менее двух уровней управления.

Даже старосты общин, если не формально, то реально имели право на долю продукта, создаваемого ее членами. Право всех вышестоящих правителей — субпротополитархов и протополитарха — на долю

продукта, создаваемого их подданными, было безусловным. Для них обрабатывались особые поля, им шла доля податей, штрафов и т. п. Наибольшая доля прибавочного продукта шла верховному правителю — протополитарху, который имел право на жизнь и смерть своих подданных. Он мог не только приговаривать их к смерти, но также и казнить без суда.

Как уже указывалось, политарный (а тем самым и протополитарный) способ производства предполагал собственность политаристов (и соответственно протополитаристов) не только на средства производства, прежде всего землю, но и на личность непосредственных производителей. Особенно зверское обличье политарная собственность на личности подданных приобретала на стадии становления этого строя.

Примером может послужить Буганда (Восточная Африка) середины XIX в., которая была формирующимся палеополитарным обществом. Ее социально-экономический и политический строй был детально описан в превосходной монографии Джона Роско (1861–1932), проработавшего в Восточной Африке более двух десятков лет (Roscoe, 1911). Верховный правитель страны — *кабака* — не только имел абсолютное право на жизнь и смерть своих подданных, но и систематически им пользовался. Важную роль в Буганде играл институт человеческих жертвоприношений. Существовало 13 специальных мест, каждое со своим верховным жрецом, где они совершались. Число людей, приносимых в жертву одновременно, могло достигать до нескольких сот и даже тысяч.

Право и одновременно обязанность поставлять людей для жертвоприношений принадлежало кабаке. В жертву могли быть принесены не только люди, совершившие какие-либо проступки, но и совершенно ни в чем не повинные. Время от времени кабака посылал вооруженные отряды, которые хватали всех, кто попадал им по дороге. Схваченных людей вели во двор кабаки. И затем только от его воли зависело, будет ли тот или иной человек отпущен на волю или принесен в жертву (Roscoe, 1911; Fallers (ed.), 1964).

В протополитарном обществе всегда существовали прасословия. Однако в нем далеко не всегда правящий протокласс был одновременно и высшим сословием. К числу знати всегда относился сам протополитарх и его ближайшие родственники. Назовем эту группу людей родом протополитарха, употребляя слово «род» в обычном его смысле, т. е. имея в виду группу людей, происходящую от одного общего предка. Они всегда составляли самое высшее прасословие. Только члены этого рода могли занимать должность протополитарха. Никто из всех остальных членов общества этого права не имел. Так обстояло дело не только в протополитархиях, но и во многих политархиях классового общества.

Поэтому когда тот или иной могущественный человек, не принадлежащий к роду политарха, захватывал власть и фактически становился политархом, то он должен был либо путем различного рода

подтасовок доказать свою принадлежность к этому роду, либо править от имени какого-либо члена этого рода, который формально числился правителем, но в реальности им не был. Достаточно вспомнить Мамаю и Тамерлана. Ни тот, ни другой не принадлежали к числу чингизидов и вынуждены были поэтому держать при себе подставных правителей из этого рода. И возникновение сегуната в Японии связано с тем, что люди, захватившие власть, не принадлежали к роду бывших властителей и не могли поэтому претендовать на титул императора.

Нередко в протополитархии, кроме рода протополитарха, были и иные знатные роды. Обычно это были роды бывших протополитархов, владения которых вошли в состав более крупной протополитархии в качестве ее провинций. Подчинив себе какую-либо протополитархию, победитель нередко оставлял бывшего протополитарха в качестве правителя этой, уже не протополитархии, а субпротополитархии. И должность субпротополитарха, как раньше должность протополитарха, становилась наследственной в этом знатном роду.

Однако это крайне ограничивало возможность высшего правителя распоряжаться прибавочным продуктом этой провинции и тем самым ослабляло его власть над ней. Соответственно, это делало субпротополитарха слишком самостоятельным, что всегда угрожало если не номинальным, то реальным выходом провинции из-под власти центра. Поэтому протополитархии обычно стремились заменить этих слишком самостоятельных правителей более зависимыми от себя. Это часто сопровождалось полным истреблением знатных провинциальных родов.

Нередко на освободившиеся места протополитархии назначали своих ближайших родственников — братьев, сыновей. Но результатом было превращение этих должностей в наследственные, но уже в пределах различных ветвей рода протополитарха. И это не только ограничивало власть протополитарха и угрожало целостности протополитархии. Представители местной знати не имели никаких прав на должность протополитарха. Субпротополитархи из числа членов рода протополитарха таким правом обладали. Они, опираясь на ресурсы своей провинции, вполне могли предпринять попытку захватить верховную власть.

Протополитарху всегда угрожала опасность со стороны членов своего рода. Отсюда стремление назначать на должности как в центральном аппарате, так и на местах простолюдинов (коммонеров). Даже в протополитархиях, в которых знать играла большую роль, на должность, которую этнографы обычно характеризуют как пост премьер-министра, протополитарх почти всегда назначал коммонера.

Общей тенденцией развития протополитархий было превращение всех должностей в такие, на которые протополитарх в любое время мог назначить любого удобного ему человека и с которых он мог тоже в любое время снять любого, ставшего неудобным. Тогда он становился полным распорядителем всего прибавочного продукта. Даже когда субпротополитарх сам собирал подати и сам оставлял себе часть их,

настоящим распорядителем продукта был протополитарх. Именно он, назначая человека субпротополитархом, тем самым выделял ему долю прибавочного продукта, и он же мог в любое время лишить его этой доли, сняв его с этого поста. Наиболее прочной становилась протополитархия тогда, когда он получал право на жизнь и смерть не только рядовых подданных, но и всех протополитаристов.

Когда протополитарх отстранял членов своего рода от участия в управлении прагосударством, они не всегда тем самым теряли право на получение доли прибавочного продукта. Но теперь они получали его в силу принадлежности не к прагосударственному аппарату, а лишь к роду протополитарха. Обычно численный состав рода протополитарха довольно быстро возрастал. Прибавочного продукта для его содержания не хватало.

В результате возникали различные способы выведения членов этого, а также и других знатных родов, из состава господствующего протокласса. Так, например, начиная с определенного поколения, люди, происходящие от одного с протополитархом предка, переставали считаться членами его рода, переставали быть знатью и становились коммонерами. Разумеется, они теряли и право на занятие должности протополитарха. В Буганде, например, существовал целый слой людей, которых называли «крестьянскими принцами». Это были потомки общих с протополитархом предков, но ставшие к этому времени простолюдными.

Таким образом, данная тенденция развития протополитархий состояла в утверждении абсолютной власти протополитарха над всеми членами протополитосистемы, особенно субпротополитархами, прежде всего его права не только по своему произволу назначать и смещать их с должностей, но и на их жизнь и смерть, в превращении знатности в исключительно достояние протополитарха и ближайших его родственников. Члены протополитосистемы, особенно субпротополитархи, должны были составлять только протокласс, но не прасословие.

Но наряду с этой тенденцией в протополитархиях действовала и иная, причем прямо ей противоположная. Она состояла в стремлении протополитаристов вообще, субпротополитархов в особенности превратить занимаемые ими должности не только в пожизненные, но и наследственные. Победа этой тенденции означала превращение совокупности членов протополитосистемы в замкнутое привилегированное прасословие, — в знать, аристократию и полное или почти полное прекращение социальной мобильности.

В обществе могла брать верх то одна, то другая тенденция, но обычно ни одна из них не реализовывалась полностью. В нем постоянно происходила социальная осцилляция. В результате в большинстве протополитархий существовал своеобразный баланс между этими противоположными тенденциями: была знать, но имела место и социальная мобильность и т. п.

Протополитарное общество, — один из самых важных, если не самый важный тип предклассового общества. Оно имело самое широкое распространение.

Больше всего протополитарных, т. е. формирующихся политарных, обществ было обнаружено этнографами в Африке. Выше уже были упомянуты басога, бечуаны, баганда. Протополитарии существовали у всех банту Южной Африки (Schapera, 1956; Scapera (ed.), 1966; Hammond-Tooke. (ed.), 1974), а также у азанде (Evans-Prichard, 1971), базинга, баньоро, баньянколе, баторо, баха, васукума (Richards, 1960), ашанти, балунда, бамилеке, бамум, волоф, дагомба, мампруси, менде, моси, тикар, фанти, фон, хауса, эдо (бини) (Ким, 1968; Forde and Kaberry (eds.), 1971), алур, базинза, баконго, бакуба, балуба, балунда, баньяруанда, лапула, мланье, чагга (Vansina, 1962), леле (Douglas, 1963), бемба (Richards, 1939), лувале (White, 1957), нупе (Nadel, 1964), мальгашей (Lebar (ed.), 1972) и еще многих других культурно-языковых общностей Африки южнее Сахары.

Протополитарии были обнаружены этнографами и далеко за пределами Африки, в частности в ряде регионов Азии.

К ним относится Дагестан. Выше уже указывалось, что советские ученые в большинстве своем считали дагестанские общества феодальными. Как вполне зрелые феодальные общества характеризовались социоисторические организмы, которые именовались ханствами, султанствами, шамхальствами, уцмийствами (см., например: Хашаев, 1961. С. 125 сл.). В действительности феодальными они не были. Можно спорить лишь о том, относились ли они к числу уже сформировавшихся политарных обществ или только еще формирующихся. На мой взгляд, имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что все они, исключая Дербентского ханства, были не политархиями, а протополитархиями.

Политарные порядки существовали в обществах Гиндукуша. Некоторые из этих социоисторических организмов скорее всего были уже политархиями. Но наряду с ними существовали там и протополитарии (Биддельф, 1886). Вождества были обнаружены в Северо-Восточной Индии у части коньяк нага (Furer-Haimendorf, 1969) и колья нага (Watt, 1969. P. 461). Возможно, что протополитарии существовали у кхаси того же региона (Gurdon, 1914).

Протополитарии существовали в Юго-Восточной Азии. Вождества бытовали у той части чинов Мьянмы (Бирмы), общественный строй которых характеризуется как автократический (Stevenson, 1944), а также у тех качинов той же страны, социальные порядки назывались *гумса* (Leach, 1964). Протополитарии с двухзвенной системой управления существовали у муонгов Вьетнама (Nguyen Tu Chi, 1972), с трехзвенной — у муонгов Лаоса (Barney, 1967) и у кхму Вьетнама (Dang Nghiem Van, 1973). В трехуровневых вождествах мео Вьетнама каждая семья рядовых общинников должна была отдавать вождям

100 кг риса и 50 кг опиума в год и отрабатывать на них 12 дней. Половина всего полученного шла протополитарху, четверть — правителям округов и четверть — главам деревень (Lam Tam, 1973).

Протополитархии были у палаун Мьянмы (Бирмы) (Lowis, 1906), у черных лису бирмано-китайского пограничья (Rose, Goggin Brown, 1911), у на Юньнана (Юго-Западный Китай) (Cai Hua, 2001).

Алан Уинингтон в книге «Рабы Прохладных гор» (1960) описал социальную систему, существовавшую еще в 50-х годах XX в. у цзинпо Юньнана. Господствующий слой этого народа автор именует классом или кастой чиновников. Территория обитания цзинпо подразделялась на пять социальных единиц, каждая с населением примерно 10 тысяч человек. Во главе такой крупной территориальной единицы стоял особый чиновник. Ему были подчинены чиновники более низкого ранга, управлявшие подразделениями этой единицы и деревнями. Всего их было 500 семей. На них работали рядовые цзинпо. Каждая семья простолюдинов должна была отработать на чиновников 3–5 дней в году и доставить им определенное количество риса. Чиновники получали окорок от каждого принесенного в жертву и забитого животного, а также различного рода приношения по случаю тех или иных событий в их семьях (рождение, свадьба, смерть). У цзинпо существовали, таким образом, настоящие протополитархии (Уинингтон, 1960. С.). Одно такого рода социальное образование описано у пайван о. Тайвань (Mabuchi, 1960).

В островной Юго-Восточной Азии протополитархии существовали у части батаков Суматры (Loeb, 1935), на островах Бату (Ibid.), о. Бали (Lebar (ed.), 1972. P. 63–64), о. Сумбава (Ibid. P. 71), у атони и тетумов Тимора (Ormelling, 1956; Canningham, 1965). Только на востоке Тимора в 80-х годах XIX в. насчитывалось 47 протополитархий, правители которых обладали абсолютной властью (Forbes, 1884; Capell, 1944). 37 вождей было на о. Нياس (Sunderman, 188; Lebar (ed.), 1972. P. 141–142), 50 на востоке о. Сумба (Lebar (ed.), 1972. P. 74–77), 5 — на о. Саву (P. 77–78), 39 — у мангараев о. Флорес (P. 81–83). Существовали вожества и у других народов Флореса (P. 88).

Протополитархии существовали в Меланезии. Жители Новой Каледонии в XIX в. делились на 40–50 самостоятельных единиц, которые исследователи именуют племенами. При населении острова примерно в 80 тыс. человек это составляет в среднем 1600–1800 человек в племени. Во главе племени стоял наследственный властитель — вождь, имевший право на жизнь и смерть своих подданных. Он мог также приказывать сжечь дом виновного, разорить его поля. В распоряжении вождя был штат лиц, составлявший его центральный аппарат. Ниже племенного вождя стояли деревенские вожди, которые вместе с ним и его приближенными составляли привилегированный слой общества. Рядовые подданные обрабатывали поля вождей, строили им дома, делали им подношения натурой (Guiart, 1963). Подобного рода социаль-

ные единицы в более зрелом виде существовали на островах Фиджи (Hocart, 1932; Sahlins, 1962).

Протополитарные отношения были развиты в Полинезии. К моменту открытия европейцами Гавайского архипелага там было обитаемо восемь островов, на которых жило примерно 240–400 тыс. человек. Каждый остров был, как правило, самостоятельной социальной единицей. Особое место занимал среди них самый крупный — Гавайи с населением, примерно, 75–100 тыс. человек. Шесть крупных округов, на которые он был разделен, в одни эпохи выступали как самостоятельные единицы, а в другие — как составные части одного социального образования, охватывавшего весь остров.

Во главе острова стоял наследственный правитель — *алинуи*, которого в литературе именуют верховным вождем, или королем. Он имел абсолютное право на жизнь и смерть своих подданных. Большие острова были разделены на округа (*моку*), во главе которых стояли *алии аль моку*. Моку делились на меньшие территориальные подразделения — *ахупуа*. Ахупуа в свою очередь состояли из *или*. Небольшие острова непосредственно подразделялись на ахупуа. Как король, так и местные правители имели в своем распоряжении штат лиц, при помощи которого управляли. Рядовые подданные были обязаны работать на землях короля и местных правителей, а также платить подати, среди которых особую роль играл большой ежегодный налог. Их привлекали также для строительства дорог, сооружения и очистки каналов и т. п. (Anonym, 1933; Sahlins, 1958; Goldman, 1970; Earle, 1978).

Сходные социальные порядки описаны на Таити (Oliver, 1970) и Тонга (Gifford, 1929). Вождества были также на островах Токелау (Macgregor, 1931) и на о. Мангарева (Goldman, 1970).

Существовали протополитархии и в Микронезии. Самые крупные из них имели трехзвенную систему управления. Такими были: вождество на о. Косраэ с населением 6 тыс. человек, 5 вождеств на о. Понапе и 3 на Маршалловых островах, с населением около 3,5 тыс. человек каждое. Более десятка протополитархий с двухзвенной системой управления имелись на островах Палау, 6 — на Северных Гильбертовых островах, 60 — на о. Яп, 2 — на атолле Луканор, по одной на атоллах Ламотрек и Этол (Cordy, 1986; Peoples, 1995).

К моменту открытия Америки европейцами на о. Гаити (Эспаньола) проживало не менее 100 тыс. человек. Остров был подразделен на шесть самостоятельных социальных единиц, которые в литературе именуются провинциями или вождествами. Во главе каждой из них стоял правитель — вождь, или *карик*. Каждая «провинция» делилась на несколько десятков округов (до 30), возглавляемых субвождями. Ниже субвождей стояли старосты деревень, число которых в «провинции» доходило до 70–80. Субвождь был одновременно и старостой деревни, в которой жил. В руках правителей был суд. Даже староста деревни имел право на жизнь и смерть подвластного населения. Жители деревни были обязаны представлять в распоряжение старосты

часть произведенного продукта. Вождь и субвожди не получали податей с населения иных деревень, кроме собственной, но имели права распоряжаться их трудом. Правители всех рангов имели различного рода помощников (Rouse, 1948).

Восемнадцать вождеств существовало на о. Пуэрто-Рико (Steward, Faron, 1959). Жившие в Северных Андах собственно чибча, или муиски, к моменту испанского завоевания насчитывали 300 тыс. человек. Они делились на 5 больших образований, которые исследователи называют государствами, или вождествами. В самом крупном из них — Зипа — верховному вождю подчинялись вожди меньшего ранга, возглавлявшие шесть подразделений вождества. Вожди жили в роскоши. Рядовые свободные обязаны были как платить налоги, так и непосредственно трудиться на своих повелителей (Kroeber, 1946).

В восточной Боливии, горном Эквадоре, северной и западной Колумбии, существовало несколько десятков вождеств (Бауре, Манаси, Паресси, Кара, Пуруха, Пикаро, Торо, Пасто, Каламари, Момпоке, Арма и др.). Несколько вождеств существовало и на территории современной Панамы. Около двух десяткой вождеств находилось на территории современной Венесуэлы (Steward, Faron, 1959).

Самое известное из вождеств Северной Америки существовало у натчей. К тому моменту, когда с ними столкнулись французские путешественники (XVII в.) их было всего несколько тысяч (3,5–5), которые жили в 9–12 деревнях. Во главе натчей стоял наследственный правитель, носивший титул «великого солнца». Он пользовался огромной властью, в частности имел абсолютное право на жизнь и смерть своих подданных. Достаточно было его каприза, чтобы человек был убит. В его распоряжении был большой штат должностных лиц, а также воины. Ему были подчинены вожди деревень. Подданные были обязаны работать на полях вождя, а также отдавать часть продукта, произведенного в их собственных хозяйствах. Формы, в которых взимался продукт, были самыми разнообразными (Swanton, 1911). И натчи не исключение. На юго-востоке нынешних США существовало несколько вождеств. Самым крупным из них был Поухатан. Его вождь отличался абсолютной властью, имел право на жизнь и смерть подвластного населения. Ему платили налоги население как собственно вождества, так и покоренных областей (Swanton, 1946).

Во всем мире протополитархии существовали только у народов с производящим хозяйством. Единственное известное пока исключение — калуса Юго-Западной Флориды, общество которых уже было уже рассмотрено выше (21.2).

В обществах рассматриваемого типа наряду с протополитарными отношениями существовали и иные образы и даже способы эксплуатации, прежде всего различные разновидности доминаризма и магнаризма. Например в Буганде и Кайоре наряду с протополитаризмом существовало рабство. Но все эти формы эксплуатации играли в данных обществах второстепенную роль. Ведущим в них был протополитар-

ный способ производства, что дает основание характеризовать их как протополитарные.

Протополитарный способ производства возник из преполитарного образа эксплуатации. Первоначально протополитархии были невелики. В дальнейшем началось их укрупнение. Одни протополитархии подчиняли себе другие.

Вначале зависимость одних протополитархий от других выражалась в уплате дани. Возникали державы — объединения, состоящие из одной доминирующей протополитархии и некоторого числа зависимых. Следующий шаг — превращение ранее самостоятельных протополитархий в составные части — округа или провинции одной единой крупной протополитархии. Наглядный пример возникновения крупного протополитарного социоисторического организма, окруженного массой зависимых более мелких протополитархий, дает история зулусов (Южная Африка) (Bryant, 1929; Krige, 1965; Риттер, 1969).

В 1816 г. Чака стал правителем протополитархии Зулу, занимавшей территорию в 100 кв. миль, с населением чуть более 2 тыс. человек. В его армии было 500 воинов. За год он подчинил себе 6 протополитархий. Территория, которую он контролировал, возросла в 4 раза, а армия увеличилась до 2 тыс. человек. К концу 1818 г. под властью Чаки оказалось более 30 протополитархий с общей территорией в 7 тыс. кв. миль. В конце 1821 г. территория протополитархии, возглавляемой Чакой, равнялась 11,5 тыс. кв. миль. В его армии насчитывалось 20 тыс. человек. К 1828 г. территория, контролируемая Чакой, увеличилась до 200 тыс. кв. миль, а его армия выросла до 50 тыс. человек.

В результате экспансии, но только растянувшейся на несколько веков, возникла протополитархия Буганда (Schapera, 1956; Fallers (ed.). 1964; Годинер, 1982). К началу XIX в. ее территория равнялась 26 тыс. кв. км, а население составляло около 1 млн человек. В зависимости от Буганды находилось множество соседних областей, одни из которых представляли протополитархии, а другие — местные системы небольших протополитархий (Анколе, Торо, Коки, Кизиба, Бухайя, Карагве, Ихангири, Бусога и др.). Их население в общей сложности равнялось примерно 1 млн человек.

Если мелкие протополитархии (вождества) представляли собой демосоциальные организмы, то крупные («королевства» и особенно «империи») прирастали к земле, приобретали территориальную структуру, превращались в геосоциальные организмы, хотя остатки демосоциальных структур еще долгое время продолжали сохраняться. С превращением протополитархии в геосоциальный организм, совокупность людей, входивших в ее состав, начала выступать как ее население. Это сделало возможным формирование таких групп населения, которые именуются этносами, или этническими общностями.

Укрупнение протополитархий способствовало созреванию протополитарных отношений, их превращению в политарные. Становящиеся классовые социоисторические организмы трансформировались в ранние классовые.

Формирующиеся классовые отношения вообще и протополитарные в частности отличает от сформировавшихся классовых отношений вообще и политарных в частности прежде всего степень зрелости. Внешним признаком завершения процесса созревания, формирования классовых отношений вообще и политарных в частности, является систематическое сооружение монументальных каменных или кирпичных строений (храмов, дворцов) и появление письменности. Это достаточно надежный показатель перехода от предклассового общества к классовому.

Превращение одной из протополитархий в политархию произошло в Западной Африке буквально на глазах европейских наблюдателей (Орлова, 1988; Орлова, Львова, 1978). Крупная протополитархия Конго возникла в XIII в. в результате объединения под властью одного правителя целого ряда более мелких протополитархий: Мпемба, Мпангу, Сойя, Мбамба, Мбатта, Нсунди. Последние из самостоятельных социоисторических организмов превратились в составные части — провинции одного единого социора. Возникшее прагосударство Конго стало ядром крупной державы. Его данниками стали протополитархии Нгойо, Каконго, Лоанго, Ангола, Матамба и некоторые другие. Расцвет державы Конго приходится на XV в. К этому времени ее территория равнялась 300 тыс. кв. км.

К концу этого столетия в Конго начали проникать португалцы. Влияние их было значительным. Было принято христианство, началось сооружение каменных храмов и дворцов, возникли школы, получила некоторое распространение грамотность. В Конго в XVI–XVII вв. появились основные признаки цивилизации. Это было общество уже не предклассовое, а классовое.

Было бы ошибочно полагать, что развитие протополитарного общества всегда шло по линии непрерывного укрупнения протополитархий. Наряду с этим процессом наблюдался и прямо противоположный: распад крупных протополитархий на мелкие. Так, например, возникшие в XVI в. в Тропической Африке крупные протополитархии Лоанго, Лунда, Луба к XIX в. распались на множество мелких протополитарных образований.

И переход к цивилизации не гарантировал от подобной участи. С XVI в. отчетливые признаки упадка обнаруживаются в Конго. В XVII в. бывшие его провинции становятся вполне самостоятельными социоисторическими организмами. В XVIII в. и они распадаются. Одновременно происходит полный отход от христианства, прекращается строительство новых монументальных каменных сооружений, а старые забрасываются и разрушаются, исчезает письменность. Классовое общество сменяется предклассовым. В XIX в. на месте некогда могущественного государства существует множество не очень прочных протополитархий (Weeks, 1914).

Развитие по восходящей линии протополитарных обществ описанного типа привело к возникновению классовых обществ, подоб-

ных древнеегипетскому, древнекитайскому в Старом Свете, инкскому в Новом Свете.

В описанных выше случаях перед нами такой вариант развития общества с протополитарным (а затем и политарным) способом производства, который в литературе иногда именуют «деревенским». В полной мере это применимо к державе зулусов и Буганде, где никаких городов вообще не существовало. Даже их столицы не могут быть названы городами. В Конго были города, но они представляли собой прежде всего административно-управленческие центры, столицы государств в целом, провинций и округов.

3. Протополиномагнатурное общество

Иным был вариант развития общества с протополитарным (а затем и политарным) способом производства, который в литературе иногда обозначается как «городской». В этих обществах город не просто существовал, а был основной социальной единицей. Город был не столицей протополитархии, а самой протополитархией. К подобного рода социальным образованиям термин «вождество» не применяют. Их обычно называют городами-государствами. Вполне созревшие социоисторические организмы такого типа можно называть *урбополитархиями* (от лат. *urb* — город), еще только становящиеся, формирующиеся *урбопротополитархиями*. Соответственно политарные и протополитарные общества «сельского» типа можно именовать *орбополитархиями* (от лат. *orbo* — мир, страна, область) и *протоорбополитархиями*.

Наиболее яркий пример пртоурбополитархий дают йорубы Западной Африки (Lloyd, 1960; Johnson, 1966, Smith, 1969; Кочакова, 1968; 1986). В XVI–XVII вв. население наиболее крупных йорубских городов насчитывало до 20–50 тыс. человек, в середине XIX в. — 20–70 тыс., в начале XX в. доходило до 35–60 и даже 175 тыс. человек. Но одновременно в том же XX в. в подчинении города Адо (25 тыс. жителей) находилось 17 городов с общим населением всего лишь 35 тысяч человек. Все города — *илу* — были окружены крепостной стеной и рвами. В них были царский дворец и рынок.

Низовой единицей города был *агболе*. Это слово буквально означает «куча домов». Классический агболе состоял из множества домов или точнее комнат, смежных друг с другом боковыми стенами, так что строение в целом образовывало четырехугольник, огораживавший внутренний двор. На улицу агболе был обращен глухими стенами, высота которых достигала 2 м. Многие агболе состояли из целой серии внутренних дворов.

Люди, населявшие агболе, назывались *ара-иле* (дословно «дети дома»). Ядром агболе являлись *омоле* («жители дома»). В идеале все омоле относились к одному *идиле* — экзогамному объединению, принадлежность к которому считалась по отцу. Иначе говоря, *идиле* являлась

отцовским родом или патрилиниджем. Этот род считался собственником земли. Но хотя в идеале ядро агболе должно было совпадать с ядром одного иди́ле, в реальности дело обстояло сложнее. В одном агболе могли жить вместе несколько иди́ле, в то время как одна иди́ле могла быть расселена в нескольких агболе. Агболе играл огромную роль. Человек мог быть членом той или иной социально-политической общности только через членство в агболе.

О численности агболе в литературе ничего не сообщается. Размер иди́ле в XX в. колебался от нескольких десятков до 500 человек. Все члены агболе подчинялись старшему мужчине омо́ле — старейшине, что носил титул *бале* («отец земли»). Несколько более или менее родственных агболе составляли квартал — *адубо*. Во главе его стоял вождь. Он управлял кварталом и представлял его население в городском совете. Во главе города стоял правитель — *оба*. Он считался собственником всей земли города.

Все население города несло подати и повинности в пользу его правителя. Подати в натуральной форме (ямс, зерно, пальмовое масло, вино) собирались с глав семейств главой агболе и далее по иерархической цепочке доходили до правителя. Подобным же образом собирались поборы, носившие нерегулярный характер, но осуществлявшиеся постоянно по разным поводам (покупка оружия, возмещение потерь от стихийных бедствий). Как и в случае с податями, часть собранных средств оседала в руках людей, представлявших все инстанции между рядовым общинником и царем. И главы агболе и вожди кварталов присваивали в свою пользу часть прибавочного продукта. Являясь добровольными по форме, подношения нижестоящих лиц вышестоящим были в сущности обязательными и регулярными.

Нетрудно заметить, что агболе соответствует сельской общине народов, развитие которых шло по «деревенскому» варианту, квартал — окруту, а весь город в целом — вождеству. Однако между двумя выделенными выше типами общества с протополитарным способом производства существовало различие не только в форме поселений. Протоорбополитархия состояла из общин, но сама общиной не была. Всех людей, входивших в ее состав, объединяло лишь одно, — все они были подданными одного протополитарха. Все общины протоорбополитархии соединяла воедино протополитосистема во главе с протополитархом. Основной протополитархии были, если можно так выразиться, верховые экономические связи, связи между членами господствующего протокласса.

В протоорбополитархии были и протополитосистема и протополитарх. Но людей, входивших в ее состав, объединяли не только эти верховые связи. Протоорбополитархия в отличие от протоорбополитархии была одновременно и своеобразной великообщиной. Поэтому она была основана не только на верховых, но и низовых экономических связях. Жители протоорбополитархии были не только подданными протополитарха, но и членами этой великообщины, т. е. пусть

своеобразными, но тем не менее общинниками. Потому в ней могло существовать и нередко существовало подразделение ее состава на полноправных ее членов — «общинников», или «граждан», и людей, хотя и живущими в ней, но членами ее не являющимися.

Жители городов в основном занимались земледелием. В небольших городах основной массив обработанных полей был удален от крепостных стен на 7–8 км. Для населения очень крупных городов это расстояние возрастало до 30 км и больше. На время полевых работ горожане, занятые в земледелии, переселялись ближе к своим участкам. Так возникли деревни — *аба*. Каждый более или менее значительный город был окружен сотнями, даже тысячами *аба*. Деревни были естественным продолжением города.

Многие горожане проводили в *аба* большую часть своей жизни, появляясь в городе лишь на время. Хотя большую часть населения *аба* составляли горожане, в *аба* было какое-то количество постоянных жителей. Правитель (*оба*) никогда не жил в *аба*. Свадьбы, похороны проводились только в городских жилищах. Лишь в стенах города происходил сбор податей, торговля, отправленные важнейших религиозных ритуалов.

Кроме протополитарной формы эксплуатации, у йорубов существовали и другие. Человек, взявший в долг, должен был наряду с работой в собственном хозяйстве часть времени трудиться на кредитора. Это — заемнодоминантные отношения. У йорубов существовало рабство. Часть рабов трудилась в хозяйствах владельцев. Они жили вместе с хозяевами и питались вместе с ними из одного котла. Другая часть рабов наделялась средствами производства. Такой раб получал в пользование участок земли, на котором строил дом и вел самостоятельное хозяйство для содержания своей семьи. При этом часть времени он должен был работать на господском поле. Таким образом, у йорубов бытовали как доминорабовладельческие, так и магнорабовладельческие отношения.

Доминорабовладельческие отношения не просто существовали в обществах описанного выше типа, но и играли в них существенную роль. Поэтому данные общества, может быть, следует называть не просто протополитарными, а *протополитодоминорабовладельческими*, или, короче, *протополитомагнарными*.

Как и в случае с вожествами, одни города-протополитархии могли путем войн подчинять себе другие. В результате возникали более крупные протополитархии, включавшие в себя несколько городов, и державы. Ко второй половине XVIII в. йорубская держава Ойо контролировала огромную территорию, простиравшуюся от реки Нигер на севере и северо-востоке до современной Ганы на западе. Ядром Ойо были земли, населенные собственно йорубами — ойо-йоруба. Они включали в себя столичный город и подчиненные города. Подчиненные города имели своих наследственных правителей — *оба* или

бале. Они избирались на трон в соответствии с местными обычаями, но должны были ехать в Ойо за одобрением верховного правителя — *алафина*. Подчиненные города должны были платить подать Ойо и поставлять воинов в его армию. Во внутренних делах города пользовались большой самостоятельностью. Внешняя же их политика находилась под жестким контролем центра.

Метрополия была разделена на четыре провинции (Экун Оси, Экун Отуп, Ибоко, Эно) во главе с правителями, которые были промежуточным звеном между алафином и главами городов. В свою очередь между алафинами и правителями провинций стояли столичные «патроны». Главной функцией последних был контроль над сбором дани. В провинциальных городах находились официальные царские наблюдатели и сборщики дани — *илари* и *аджеле*. Последние рекрутировались из числа доверенных рабов или слуг правителя Ойо. Они обеспечивали мир в подчиненном городе и его лояльность центру.

Вокруг ядра — крупной протополитархии — группировались земли, населенные другими этническими группами йорубов (эгбо, эгбадо) и нейорубскими народами (бариба, фон и др.). Дань Ойо платили Дагомея, Нупе и Боргу.

Во второй половине XVIII в. начинается распад державы Ойе. В 80-х годах отпала юго-западная окраина — Эгба. В конце XVIII в. прекратила уплату дани Дагомея, а вслед за ней Нупе и Боргу. Затем начался распад метрополии. Около 1817 г. в результате восстания отделилась самая богатая область — Илорин. В 1836 г. в результате вторжения фульбе держава Ойе пала. На ее территории образовалось несколько новых независимых протополитархий: Эгба, Кету, Иджебу, Ибадан, Иджему, Ифе, которые вели друг с другом постоянные войны.

Развитие предклассовых обществ описанного выше типа привело к появлению классовых обществ, подобных шумерскому и финикийскому в Старом Свете, майянскому и ацтекскому в Новом Свете.

Несмотря на то, что в рассмотренных в данном разделе обществах существенную роль играли доминамагнарные отношения, все же ведущим, господствующим в них был протополитарный уклад. Они были протополитархиями, хотя и отличными от тех, что были описаны в предшествующем разделе. Скорее всего собственно протополитарное общество и протополитомагнарное общество следует рассматривать как два варианта протополитарного общества.

4. Взаимопревращение протополитарных и пракрестьянских обществ

В случаях с Лунда, Луба, Конго развитие не пошло дальше распада крупных протополитарных и политарных социоисторических организмов на множество мелких протополитархий.

Однако известны примеры и полного исчезновения протополитархий, а тем самым и протополитарного способа производства. На месте бывшей протополитархии оказывались множество вполне самостоятельных пракрестьянских общин. Что-то очень похожее произошло с шиллуками Восточного Судана (Evans-Pritchard, 1962). И совершенно определенно это можно сказать об ануаках того же региона (Evans-Pritchard, 1940; Lienchard, 1957–1958). Однако о том, когда и каким образом исчезла протополитархия у ануаков, мало что известно.

Более определенными являются свидетельства о качинах Мьянмы (Бирмы) (Leach, 1954). У части их существовали протополитархии. Эта общественная система, которую исследователи характеризуют как аристократическую, носила название *гумса*. У другой части качинов были обнаружены лишь самостоятельные пракрестьянские общины. Эту систему, которую исследователи характеризуют как демократическую, называли *гумлао*.

И эти две системы не только сосуществовали, но по крайней мере одна из них — *гумса* — могла превратиться и превращалась в *гумлао*. Это превращение происходило в результате «революций», направленных против протополитарха и протополитаристов. Правителей убивали, изгоняли или в лучшем случае лишали всех прежних прав. Результатом «революций» было превращение протополитархий (вожеств) в конгломераты независимых пракрестьянских общин. Первые общества характеризуются исследователями и как «автократические», вторые — как «демократические». Превращение *гумса* в *гумлао* есть факт, который никем не оспаривается. По мнению некоторых исследователей, имел место и обратный процесс: превращение *гумлао* в *гумса* (Leach, 1954; Friedman, 1975).

Если в отношении качинов нельзя с уверенностью сказать, что у них имело место превращение пракрестьянского общественного строя в протополитарный, то у алуров Конго и Уганды и их соседей такой процесс засвидетельствован (Southall, 1953). У алуров по соседству с протополитархиями существовало множество самостоятельных пракрестьянских общин. Нередко случалось, что несколько таких общин объединялось под властью сына правителя одной из протополитархий. В результате образовывалось вассальное вождество. Это могло произойти как под давлением правителя протополитархии, нередко угрожавшего применить силу, так и по добровольному согласию жителей общин, образовавших новое вождество.

Возникшее как вассальное, новое вождество могло долго сохраняться в таком состоянии, а могло либо войти в качестве округа в состав доминирующей протополитархии, либо стать вполне самостоятельным прагосударством. В результате наблюдалось постоянное расширение территории, занимаемой протополитархиями, за счет земель, на которых обитали самостоятельные пракрестьянские общины.

Протополитархии могли распасться на самостоятельные пракрестьянские общины, а последние синтезироваться в протополитархии.

Таким образом, протополитархии и пракрестьянские общиносоюзы не были последовательно сменяющимися стадиями эволюции предклассового общества. Протополитарное общество совершенно не обязательно должно было возникнуть из пракрестьянского. Его появление было закономерным результатом развития преполитарного общества. И самостоятельные пракрестьянские общины совершенно не обязательно должны были образоваться в результате распада протополитархий. Они вполне могли прийти на смену обществу с позднейшими бигменами. Протополитарное и пракрестьянское общества были двумя параллельно существующими вариантами развития предклассового общества. Но это были такие параллельные линии, которые могли взаимно переходить друг в друга. При всем различии между ними было фундаментальное сходство: и тот, и другой вариант предполагал существование пракрестьянской общины.

Антиполитарные «революции» не были чрезмерно редким явлением. В преданиях гаро, ао нага, ангами нага Северо-Восточной Индии рассказывается о существовании в прошлом у этих народов вождей с деспотической властью и ниспровержении их господства в результате народных бунтов (Playfair, 1909. Р. 1–2, 9; Ао Таженуба, 1957. Р. 9; Маретина, 1980. С. 197–198).

В Дагестане тоже в некоторых протополитархиях имели место крестьянские восстания, результатом которых было уничтожение протополитарных отношений. Протополитарха при это могли убить (Хашаев (ред.), 1969. С. 30). Могло иметь место и возрождение протополитарных отношений. Но более частым явлением было в Дагестане насильственное включение ранее независимых джамаатов в состав той или иной уже существующей протополитархии и прямо противоположное процесс — выход, чаще всего в результате восстания, аульной общины из состава протополитархии и превращения ее в самостоятельный социоисторический организм (Хашаев, 1961. С. 127, 142, 145–146; Гаджиев, 1981. С. 7–811–16; Магомедов, 1981. С. 4–35, 43; Умаханов, 1981. С. 66–69, 81–82; 1988. С. 194; Алиев, Умаханов, 2001. С. 238). А в 30–50 годах XIX в. на волне широкого движения горцев Кавказа против утверждения русского владычества на территории Дагестана и Чечни Шамилем была создана крупная протополитархия — имамат. Она была разделена на около полсотни округов во главе с субполитархами — *наибам*, которым были подчинены деревенские общины. Шамилем была предпринята попытка превратить трехзвенную систему управления в четырехзвенную путем создания четырех губерний, но она не удалась (Хашаев, 1961. С. 52).

И в районе Гиндукуша было имело место втягивание пракрестьянских общин в состав протополитархий и политархий. Но зафиксирован и случай распада скорее всего не политархии, а протополитархий, превращения их в конгломерат независимых «республиканских общин» (Биддельф, 1886. С. 22).

5. Протодоминамагнарное общество

Пракрестьянское общество могло превратиться не только в протополитарное и пракрестьянско-доминамагнарное. В результате развития доминарных и особенно магнарных отношений мог возникнуть доминамагнарный общественно-экономический уклад. Показателем возникновения этого уклада было появление в обществе наряду с пракрестьянскими дворами особых хозяйственных ячеек, которые можно было бы назвать *доминамагнариумами*.

Следствие такой эволюции — превращение общества из пракрестьянского (или пракрестьянско-доминарного) в протодоминамагнарное (приставка «прото» указывает на принадлежность этих обществ к числу предклассовых). Протодоминамагнарные социоисторические организмы были, как правило, великообщинами, но отличными как от пракрестьянских, так и протополитомагнарных. От протополитомагнарных их отличало отсутствие протополитарных отношений, от пракрестьянских — наличие значительной социальной стратификации, в частности выделение эксплуататоров в особый социальный слой, отличные от рядовых свободных общинников.

Из числа синполитейных предклассовых обществ классическим примером протодоминамагнарного общества может послужить ифутао о. Лусон (Филиппины) (Barton, 1922; 1949). У них все свободные члены общины подразделялись на три основные категории: *кадангианги* (богачи и одновременно аристократы), *натумок* (люди среднего состояния) и *наватват* (бедняки). Последние нередко работали на богачей. Одни бедняки трудились в хозяйстве эксплуататора за содержание (пищу, одежду). Другие брали в аренду у богачей поля. Хозяин давал землю и половину семян для посева. Другую половину семян обеспечивал работник. Урожай делился пополам между хозяином и арендатором. В некоторых местностях арендатор не был обязан вносить половину семян, но тогда он получал лишь обеспечение на год и животное для жертвоприношения. Практически он был не столько арендатором, сколько работником в хозяйстве эксплуататора.

Практиковались займы под залог полей и детей. В первом случае кредитор получал право пользоваться полем должника как собственным вплоть до уплаты долга. Во втором случае ребенок поступал в распоряжение кредитора. Существовало и рабство. Рабами могли стать как несостоятельные должники, так и люди, захваченные в плен. Практиковалась продажа в рабство детей должниками. Хозяин имел право на жизнь и смерть раба. Когда ребенок-раб подрастал, то хозяин мог выделить ему участок земли для обработки. Невозможно точно установить, работали ли сами эксплуататоры. В литературе имеется лишь указание, что даже богатые люди, когда располагали временем, брались за лопату.

Протодоминарные общества существовали и у других горных народов Лусона: иснег, калинга, банток, игоротов (каканаев и наболоев)

У последних кроме уже описанных форм эксплуатации существовало и наймитство (Barton, 1948; Sy-Chan, 1958).

У апа-тани Гималаев существовали три разновидности доминарных отношений (рабство, кабальничество, наймитство) и рабовладельческий вариант магнаризма (Furer-Haimendorf, 1962). К числу протодоминомагнарных обществ относятся также пакох и кату Южного Вьетнама (Mole, 1970), восточные тораджи Сулавеси (Целебеса) (Volkman, 1985), ли о. Хайнань (Odaka, 1950), некоторые аульные социоисторические организмы (джамааты) Дагестана. Протодоминомагнарные социоры могли образовывать союзы. Так обстояло дело, например, в Дагестане. И там в одни и те же союзы могли входить одновременно и пракрестьянские, и протодоминомагнарные великообщины. Скорее всего к числу протодоминомагнарных обществ относились якутское, каким оно было в XVII–XVIII веках (Токарев, 1945).

6. Протонобиларное и протонабилодоминарное общество

Как уже указывалось, протополитарное общество могло возникнуть и возникало из преполитарного. Это процесс предполагал превращение ранее самостоятельных позднепервобытных общин с преполитарными отношениями в пракрестьянские общины и одновременно в части более крупного социоисторического организма — протополитархии. Когда же протополитарные отношения не возникали и в то же время эти общины продолжали оставаться самостоятельными социорами, то с ними происходили серьезные изменения.

Основой должностной собственности преполитарха, позволявшей ему эксплуатировать членов общины, были межобщинные отношения великодараобмена. Со свертыванием престижной экономики эта база стала исчезать. Но по инерции глава общины некоторое время мог по-прежнему считаться верховным собственником земли общины и по-прежнему безвозмездно получать часть труда рядовых ее членов. Но слишком долго это продолжаться не могло. Бывшие преполитаристы, чтобы сохранить возможность такой эксплуатации, должны были подвести под свое положение новый фундамент.

Те из них, которые не сумели этого сделать, сохраняя титул верховных собственников земли общины, практически лишились права на плоды труда ее рядовых членов. В результате такие общины превратились в пракрестьянские. В пракрестьянских общинах значительного числа народов этнографами зафиксировано существование людей, которые считались хозяевами земли общины, но не извлекали из этого никаких материальных выгод. Более того, эти люди не всегда были и главами деревень.

Одно из направлений перестройки состояло в изменении характера отношений внутри протокласса, который был одновременно приви-

легированным прасословием. Раньше один лишь глава общины имел право на получение прибавочного продукта, созданного трудом рядовых ее членов. Остальные представители знати могли получить долю этого продукта только от него. Теперь за каждым взрослым членом этого протокласса (имеются в виду лишь мужчины) было закреплено определенное число рядовых членов общины, с которых он сам получал прибавочный продукт. В результате частная собственность, бывшая должностной и тем самым персональной, стала групповой, корпоративной, общепротоклассовой, причем такой, которая была распределена между членами корпорации — протокласса, т. е. корпоративно-персональной частной собственностью.

Эти отношения уже не были преполитарными. Их можно назвать *нобиларными* (от лат. *nobilis* — знатный), а в применении к предклассовому обществу — *протонобиларными*. Соответственно всех членов протокласса-прасословия можно было бы именовать *нобиларистами* (*протонобиларистами*), выделенную каждому из них совокупность рядовых членов общины — *нобилариумом* (*протонобилариумом*), протонобилариста, занимающего должность главы общины, — *протонобилархом*, а общину в целом — *протонобилархией*.

Ни один из нобиларистов не был обязан делиться полученным со своего нобилариума прибавочным продуктом с протонобилархом. Последний получал прибавочный продукт только со своего нобилариума. В результате зависимость рядовых протонобиларистов от протонобиларха была крайне слабой. Непрочными были и связи между протонобиларистами. Отсюда проистекала тенденция к превращению нобилариумов в протонобилархии, т. е. к распаду первоначальной протонобилархий.

Еще преполитархи, а затем и преполитаристы могли иметь зависимых людей — приживалов и рабов. Протонобиларх, стремясь укрепить свое положение в общине, старался по возможности увеличить число таких зависимых, особенно приживалов. Почти каждый протонобиларх был одновременно доминаристом. Иметь зависимых людей стремились и рядовые протонобиларисты. Доминантные отношения на первых порах были придатком к протонобиларным отношениям. В последующем число доминарно-зависимых стало возрастать, среди них появились кабльники и рабы. В результате общество стало *протонобиларнодоминантным*. Но в целом грань между протонобиларным и протонобиларнодоминантным обществами весьма относительна. Их скорее всего следует рассматривать как два варианта одного в своей основе общества.

Протонобиларное и протонобиларнодоминантное общество имело определенное, хотя и не очень широкое распространение. Подобного рода социоисторические организмы существовали, например, у части коньяк нага, у сема нага (Hutton, 1968), мизо (лушеев) (Shakspear, 1912; Dew, Lahizi, 1983; Baduopadhyay, 1985), лакхеров (Party, 1932), тадоу-куки (Ray, 1940) Северо-Восточной Индии, на островах Танимбар (Южные Молукки) (Lebar (ed.), 1972. P. 112–113) и, может быть,

у части аборигенов Тайваня (Mauchi, 1960). У той части батаков Суматры, у которых бытовал протонобиллодоминаризм, только протонобилархи и протонобиларисты имели право иметь рабов и много жен (Lebar, 1972. P. 22). Возможно так было во всех протонобиллодоминарных обществах.

7. Протонобилломагнарное общество

Развитие в описанных выше обществах доминарных и особенно возникновение магнарных отношений и образование доминомагнарного уклада вело к появлению нового типа предклассовых социосторических организмов — *протонобилломагнарного общества*.

Возникновение такого рода общества нередко сопровождалось превращением общины в великообшину и исчезновением должности и положения протонобиларха. Организация власти во многих протонобилломагнарных великообщинах была такой же, как и в пракрестьянских общинах: глава великообщины, совет старейшин, народное собрание, великообщинный суд, но с тем различием, что власть фактически приналежала богатым людям прежде всего из числа протонобилломагнаристов, но не только их. В таких обществах правом иметь рабов и иных зависимых лиц пользовались не только протонобиларисты, но и любые богатые люди.

Протонобилломагнарные порядки существовали в ряде обществ Северного Кавказа, которые в советской историографии обычно характеризовались как феодальные. За феодальные отношения принимались при этом и нобиларные, и магнарные связи. Ярким примером могут послужить карачаевцы конца XVIII — первой половины XIX века (до реформы) (Сысоев, 1913; Студецкая, 1937; Невская, 1960). Они подразделялись на четыре основных прасословия, из которых два первых считались свободными. Первое свободное сословие составляли *таубии* (горские князья). В 1867 г. они составляли 3,7 % населения Карачая. Для них считалось недопустимым и неприличным заниматься физическим трудом. Таубии считались белой костью.

Второе свободное сословие — *карауздени*. Их было 67,7 %. Они относились к «черному» народу. Хотя карауздени и считались вполне свободными, тем не менее несли некоторые повинности в пользу таубиев. В основе данной формы эксплуатации лежала верховная собственность таубиев на землю караузденей. Эта форма эксплуатации обычно характеризуется как феодальная, хотя здесь полностью отсутствовала основная ячейка феодализма — манор. В действительности она была протонобиларной.

Два зависимых прасословия: *юльгюлькулы* (12,4 %) и *башзыскулы* (3,3 %). Первые были людьми, которые получив от других лиц землю и скот, сами вели хозяйство и отдавали часть своего труда владельцам

земли и скота. Чаще всего это были люди, захваченные в плен. Но в таком положении могли оказаться и ранее свободные члены общины. Один путь — задолженность, другой — аренда земли на условии выплаты доли урожая. Таким образом, у карачаевцев существовали магнорабовладельческие, магнокабальные и магноарендные отношения. Башзыскулы были рабами, которые трудились в хозяйстве владельца.

В роли доминомагнаристов чаще всего выступали таубии. Но ими могли быть зажиточные карауздени. Более того, даже юлгыюлкулы в свою очередь могли иметь и магнариев, и домашних рабов. Наряду с богатыми караузденями существовали разорившиеся таубии. Таким образом, прасословное деление общества не вполне совпадало с протоклассовым.

Особое место в карачаевском обществе занимали *азаты* — вольноотпущенники из числа бывших магнарно-зависимых и рабов-доминариев (12,9 %). Формально они считались свободными, но фактически продолжали нести некоторые повинности в пользу бывших владельцев.

Высшей формой объединения у карачаевцев были великообщины. Некоторые их аулы состояли из более чем десятка кварталов и численность их населения превышала 6 тыс. человек (Сысоев, 1913. С. 118–136).

К этому же типу относится общество балкарцев (Тульчинский, 1903; Кумыков, 1959; Кучмезова, 1972а; 1972б). Как и у карачаевцев, представители привилегированного прасословия носили название *таубиев*. Свободные рядовые общинники именовались *каракишами*. Магнарно-зависимые производители делились на две группы: *чагары* (*кулы*) и *ясакчи* (*жасакчи*). На низшей ступени находились *казаки* и *караваши*, жившие в доме хозяина и исполнявшие все домашние и дворовые работы. Были в Балкарии и вольноотпущенники.

Протонобиломагнарные великообщины существовали и в Дагестане, где они обычно входили в союзы, причем в те же самые, в которые входили пракрестьянские и протодоминомагнарные социоры.

С карачаевским удивительно сходно общество и (ицзу) Ляншаня (провинция Сычуань, Китай) (Итс, Яковлев, 1967; Итс, 1982). Они делились на четыре прасословия: *носу* (7 %), *цуюно* (55 %), *ацзя* (30 %) и *сяся* (8 %). Носу были аристократами. В идеале они не должны были заниматься производительным трудом. Носу считались верховными собственниками всей земли. В силу этого рядовые свободные общинники — *цуюно* несли в их пользу повинности. *Ацзя* находились в полной собственности своих хозяев, которые могли их убить, подарить и т. п. Получая от своих владельцев землю, орудия труда, семена, жилище, они более или менее самостоятельно вели хозяйство. *Сяся* были рабами, которые трудились в хозяйстве владельца.

Прасословное деление в обществе ицзу далеко не полностью совпадало с протоклассовым. Большинство носу (88,47 %) жило за счет чужого труда. Но 11,53 % носу вынуждены были трудиться сами. Людей, живших целиком за счет эксплуатации, можно найти и среди

щюжно. Они составляли 4,16 %. Но при этом 41,5 % щюжно были частично или полностью доминариями или магнариями. Разбогатевшие ацзя с разрешения хозяина могли приобретать участки земли, скот и рабов. В целом ацзя владели 17,68 % сяся и 1,46 % ацзя.

Имеются цифровые данные о протоклассовом составе общества ицзу: люди, жившие полностью за счет эксплуатации, составляли 8,3 % населения, производители, которые вполне самостоятельно вели свое хозяйство, иногда с использованием чужого труда, — 36 %, магнарии и доминарии — 55,7 %.

8. Взаимопревращение протонобиломагнарных и протодоминомагнарных обществ

К числу протонобиломагнарных обществ принадлежали те адыгские социоисторические организмы XVIII – первой половины XIX в., которые принято называть аристократическими племенами (Покровский, 1958; Тхамоков, 1961; Бочвадзе, 1965; Гарданов, 1967; Джимов, 1986; Кажаров, 1994; Марзей, 2000).

В этих обществах совершенно отчетливо выделяются те же самые основные социальные группы, что и у карачаевцев, балкарцев, ицзу. Но только адыгская знать носила отчетливо военный характер. Аристократию составляли князья (*ниши*) и часть их дружинников. Последние делились на несколько разрядов. К высшему относились *первостепенные уорки*, или *уздени* (*тлекотлеши* и *деженуго*). К ним примыкали остальные уздени, которые находились на службе у князей и первостепенных уорков. Одни из них вели собственное хозяйство, другие были на содержании у князей. Князья и первостепенные уорки производительным трудом не занимались. Важнейшим занятием знати был систематический военный грабёж. В военных набегах адыгская знать проводила шесть месяцев в году.

Вторая после знати группа — рядовые свободные члены общин — *тфокотли* (*фокотлы*, *тлухотлы*). Хотя они считались свободными людьми, но тем не менее выполняли определенные повинности в пользу князей и первостепенных уорков. В основе этой эксплуатации лежала верховная собственность пши, тлекотлешей и деженуго на землю, которую обрабатывали тфокотли. Князья и первостепенные уорки считались «владельцами аулов».

Третья группа — зависимые производители. Они подразделялись на *лагунапытов* (*нишитлей*) и *огов*. Лагунапыты были полной собственностью своих хозяев. В большинстве случаев они сами вели хозяйство, но на земле, которая была предоставлена им хозяевами. Последние же обеспечивали лагунапытов рабочим скотом и орудиями труда. За это лагунапыты отдавали владельцам часть урожая и работали на их полях. Жили они в одном дворе с хозяевами, хотя и в своих домах. Но были и такие лагунапыты, которые работали исключительно в хозяйстве владельца.

Оги всегда сами вели хозяйство. Они жили особыми дворами за пределами усадьбы хозяина, пользовались определенными семейными и имущественными правами, имели собственность и свободно распоряжались ею. К огам были близки *азаты* — вольноотпущенники.

Четвертую группу составляли *унауты* — рабы. Они жили в усадьбе владельца и выполняли все домашние и полевые работы. Унауты могли быть переведены в лагунапыты. Другие источники пополнения группы пшитлей — пленные и обнищавшие тфокотли. Лагунапыты могли превратиться в огов, но возможен был и обратный процесс. Даже оги и лагунапыты могли иметь рабов и наймитов. Тем более это относится к свободным общинникам.

Разные исследователи приводят далеко не одинаковые цифры относительно прасловного деления адыгских «аристократических» обществ. Роднит их одно: преобладание в составе общества рядовых свободных общинников. По некоторым данным они составляли 75 %. Более определенные данные имеются о составе населения Кабарды. В 60-х годах XIX в. оно равнялось примерно 35 тыс. человек. По списку 1828 г. среди кабардинцев было 46 князей, 209 первостепенных уорков и 1213 узденей низших степеней. В 60-х годах XIX в. тфокотлей вместе с вольноотпущенниками насчитывалось 20–25 тыс., лагунапытов — 10 тыс., огов — 75 человек.

В ряде адыгских обществ в конце XVIII в. произошли своеобразные «революции», направленные против знати. Многие из протонобилархов («князей») и протонобиларистов («дворян») были убиты, а из числа оставшихся в живых позволено было жить на старом месте только тем, которые поклялись отказаться от владельческих прав. В результате этого переворота были уничтожены протонобиларные отношения. Но доминомагнарные сохранились. Адыгские общества, в которых отсутствовали протонобиларные отношения в литературе принято именовать «демократическими» племенами. Их общественный строй был протодоминомагнарным.

Таким образом, протодоминомагнарные общества совершенно не обязательно должны были произойти из пракрестьянских и пракрестьянско-доминомагнарных. Они могли возникнуть из протонобилмагнарных обществ в результате уничтожения в них протонобиларных отношений.

Выше уже шла речь о антиполитарных «революциях» в предклассовых протополитарных обществах: у части качинов Мьянмы (Бирмы), в некоторых социоисторических организмах Дагестана. Теперь выяснилось, что в предклассовых обществах иного типа — протонобилмагнарных — могли происходить и происходили антинобиларные «революции». И адыгейцы в этом отношении далеко не уникальны. Восстания, в ходе которых уничтожались или изгонялись нобиларисты, имели место и в ряде обществ Дагестана (Алиев, 1972. С. 123–124; Агларов, 1988. С. 135–137; Умаханов, 1988. С. 191, 194). В результате крестьянской борьбы исчезла знать в ряде общин Сванетии (Гасвиани, 1988. С. 204–205).

9. Протомилиномагнарное общество

Еще один тип предклассового общества наиболее ярко представлен социоисторическими организмами древних германцев I в. до н. э. — VI в. н. э. (Инама-Штернег, 1899; Неусыхин, 1929; 1956; 1968) и северных германцев (норманнов) начала эпохи викингов (конец VIII–IX вв. н. э.) (Стриннгольм, 2002; Ковалевский, 1977; Буайе, 2012).

У древних германцев великообщин не было. Их социоисторические организмы, включавшие в свой состав много общин, представляли собой трибосоции. Трибосоции могли объединяться в союзы, а последние — в союзы союзов — сверхсоюзы.

Древнегерманское общество подразделялось на несколько социальных групп. Первая — аристократы, которые были полностью освобождены от физического труда. Вторая — рядовые свободные. Они составляли большинство состава общества. Первым и вторым, как людям свободным, противостояли люди несвободные, рабы. Хозяева имели полное право на их жизнь и смерть. Несвободные в свою очередь подразделялись на две группы. Одни из них непосредственно работали в хозяйстве своих господ. Другие получали в пользование землю и в какой-то степени самостоятельно вели хозяйство.

Между свободными и несвободными существовали промежуточные группы. Члены одной из них у франков, фризов, саксов назывались *литами*, у лангобардов и баваров — *альдионами*. Литы (альдионы) были прикреплены к земле, на которой поселил их господин, и несли в его пользу различные службы и повинности. Но, в отличие от рабов, они обладали определенными семейными и имущественными правами. Литы могли жить как во дворах своих господ, так и за их пределами. В последнем случае их самостоятельность была большей. Разбогатевшие литы сами могли иметь рабов. Второй промежуточной группой были вольноотпущенники, статус которых мало отличался от положения литов.

У древних германцев бытовал, таким образом, доминомагнарный способ производства. Он был у них единственным способом эксплуатации человека человеком, но не единственной формой присвоения прибавочного продукта. Наряду с ним существовало несколько образов и методов эксплуатации, среди которых особо выделялся — систематический военный грабеж. Последний существовал практически во всех поздних предклассовых обществах, но не во всех он был в одинаковой степени развит.

Особого развития систематический военный грабеж достигал в предклассовых обществах в обстановке постоянных перемещений и столкновений с иными обществами и особенно соседства с классовыми обществами, которые, с одной стороны, представляли собой большую угрозу, а с другой — манили возможностью богатой добычи. Тогда в предклассовых обществах возникали специальные постоянные орга-

низации по ограблению соседей. Этими организациями были военные дружины — *милиции* во главе с предводителями — *милитархами*.

Милитархи сами по себе не были должностными лицами. Они могли не занимать никаких постов в обществе. Дружины были их частным делом. Эти хорошо организованные отряды вооруженных людей состояли на службе не общества, а частных лиц, представляли собой не публичные, общественные, а частные организации. Институт военных дружин получил у германцев необычайное развитие. В каждом трибосоциоре имелось несколько милитархов, которых называли князьями, или вождями.

В каждом трибосоциоре было народное собрание, избиравшее из среды знати должностных лиц, которые творили суд по округам и селам. Избирало оно также и короля, который был главным военачальником, верховным судьей и руководителем народного собрания. Им обычно становился один из милитархов. В трибосоциорах, не имевших королей, лидерство принадлежало нескольким равноправным могущественным лицам, каждый из которых был милитархом.

В целом у германцев шел процесс становления и утверждения королевской власти, которая возникала из власти особо могущественного милитарха, избранного военным вождем трибосоциора или союза трибосоциоров и стремившегося сохранить свое положение и в мирное время. Налогов внутри трибосоциора не существовало. Однако в некоторых из них бытовал обычай поголовно и добровольно приносить в дар князьям какое-то количество крупного рогатого скота и зерна. Это — *милитарный* метод эксплуатации.

Таким образом, в германских социоисторических организмах существовали доминомагнарные и милитарные отношения. Они относились к еще к одному типу предклассового общества, который можно *протомилитомагнарным*. Этот тип общества, скорее всего, возник в результате взаимодействия предклассовых обществ с их цивилизованными соседями. Протомилитомагнарные общества довольно близки к протонобиломагнарным обществам, что можно видеть на примере аристократических адыгейских социоров. И эти два типа вполне могли взаимно превращаться.

Переход от предклассового общества к классовому: основные пути и варианты развития

1. Стадия предклассового общества как межформационный период

Как видно из всего изложенного выше, первобытное (доклассовое) общество в своем историческом развитии прошло три основных этапа. Первой стадией было первобытно-коммунистическое общество, которое представляло собой особую общественно-экономическую формацию. За ним последовала первобытно-престижная общественно-экономическая формация.

Развитие первобытно-престижного общества подготовило появление общества, которое было переходным от собственно первобытного к классовому (цивилизованному), — предклассового общества. Последнее существовало, по меньшей мере, в шести основных формах. Этими формами предклассового общества были:

- (1) пракрестьянское общество, существовавшее в двух вариантах:
 - 1.1. собственно пракрестьянское общество и
 - 1.2. пракрестьянско-доминантное;
- (2) протополитарное общество, также существовавшее в двух вариантах:
 - 2.1. собственно протополитарное общество и
 - 2.2. протополитомагнарное;
- (3) протодоминомагнарное общество;
- (4) протонобиларное общество, существовавшее в двух вариантах:
 - 4.1. собственно протонобиларное общество и
 - 4.2. протонобилодоминантное;
- (5) протонобиломагнарное и
- (6) протомилитомагнарное.

Не все эти типы выделены по господствующему общественно-экономическому укладу, а тем самым способу производства. Для некоторых из них было характерно устойчивое сочетание двух общественно-экономических укладов, которое и определяло их тип. Такие

общества можно было бы назвать *симбиотическими*. Нельзя исключить существование, кроме названных выше, и иных типов предклассового общества, которые пока еще не открыты.

Ни один из этих социально-экономических типов предклассового общества не может быть охарактеризован как общественно-экономическая формация, ибо они не были стадиями всемирно-исторического развития. Такой стадией было лишь предклассовое общество в целом, но оно тоже не может быть охарактеризовано как общественно-экономической формацией, ибо оно не представляло единого социально-экономического типа. Вероятно, лучше всего назвать выделенные выше социально-экономические типы предклассового общества *общественно-экономическими проформациями* (от греч. про — вместо). А стадию предклассового общества в целом нельзя охарактеризовать иначе, как *межформационным периодом*.

Проформации не выступали по отношению друг к другу как стадии развития. Они были альтернативными вариантами предклассового общества. Их альтернативность наглядно проявлялась в том, что они могли превращаться и реально превращались друг в друга. При этом процесс трансформации был обратимым и сама эта трансформация могла иметь место не один, а несколько раз.

Во всех проформациях, исключая пракрестьянскую, шли процессы становления частной собственности, общественных классов и государства. Но из пяти оставшихся типов предклассового общества только одно общество было способно превратиться в классовое без воздействия извне более развитых (а именно классовых) социоисторических организмов. Такой была протополитарная проформация в обоих ее вариантах: собственно протополитарном и протополитомагнарном. Трансформация остальных с неизбежностью предполагала охарактеризованное внешнее влияние. Поэтому первые классовые общества могли быть только политарными и политомагнарными.

Материальные условия для подъема на уровень классового общества были созданы таким крупным переломом в развитии производительных сил человечества, каким была *аграрная (агрикультурная) революция* — переход от охоты и собирательства к земледелию и животноводству. Первые очаги земледельческо-животноводческого хозяйства появились примерно в IX–VII тысячелетиях до н. э. на территории Передней Азии.

Первобытно-коммунистические общества в большинстве своем основывались на охоте, собирательстве, реже — рыболовстве. Земледельческие первобытно-коммунистические общества были довольно редким явлением, и скорее всего этот вид хозяйства не возник в них в результате собственной эволюции, а был заимствован ими у более развитых обществ. Первобытно-престижные общества могли быть как охотничье-рыболовецко-собирательскими (обычно с преобладанием специализированного рыболовства или морской охоты), так

и земледельческими и земледельческо-животноводческими. Почти все предклассовые общества, за редкими исключениями (калуса Юго-Западной Флориды), были земледельческими или земледельческо-скотоводческими.

Позднее, уже после возникновения настоящих классовых обществ, появились общества, которые были в основном скотоводческими. Это — кочевые общества. Все они в обычном, нормальном состоянии были по своему социально-экономическому строю предклассовыми. Одни из них были пракрестыанскими, другие — протодоминомагнарными, третьи — протонобиларномагнарными, четвертые — протомилитомагнарными.

Все классовые общества без исключения были либо земледельческо-животноводческими, либо земледельческими. Не обнаружено ни одного классового общества, хозяйство которого было бы присваивающим, а не производящим.

Как известно, первые классовые общества появились почти одновременно, в конце IV тыс. до н. э., в двух местах Старого Света. В долине Нила возник крупный древнеполитарный социоисторический организм — вначале Раннее, а затем Древнее (Старое) царство Египта. В нижнем междуречье Тигра и Евфрата возникла целая система сравнительно небольших древнеполитомагнарных социоисторических организмов — городов-государств Шумера. Появление этих двух обществ означало вступление человечества в эпоху цивилизации.

Но после возникновения цивилизованных обществ доклассовые общества не только не исчезли, но долгое еще время продолжали существеннейшим образом влиять на общий ход мировой истории. И без учета этого влияния всемирную историю понять невозможно.

2. Глобально-формационная теория всемирной истории*

Существуют два основных подхода к истории человечества. Первый из них заключается во взгляде на всемирную историю как на один единый процесс поступательного, восходящего развития человечества. Такое понимание истории предполагает существование стадий развития человечества в целом. Поэтому его можно назвать *унитаристским*, или, точнее, *унитарно-стадиальным* (от лат. *unitas* — единство). Возник такой подход давно. Он нашел свое воплощение впервые в четко сформулированном Адамом Фергюсоном (1723–1816) делении истории человечества на стадии дикости, варварства и цивилизации.

Одновременно с ним экономисты Анн Робер Жак Тюрго (1727–1781) и Адам Смит (1723–1790) выделили в истории человечества охотничье-собираТЕЛЬский, пастушеский (скотоводческий), земледель-

* Подробно об этом см.: Семенов, 2003а.

ческий и торгово-промышленный периоды. Тот же подход проявился и в выделении трех всемирно-исторических эпох в развитии цивилизованного человечества: античной, средневековой и новой. Это подразделение, начало которому положили труды историков-гуманистов Лео-нарда Бруни (1370/74–1444) и Флавио Бьондо (1392–1463), получило окончательное выражение в работах Кристофа Келлера (Христофора Целлариуса) (1637–1707).

К числу унитарно-стадиальных концепций истории относится и марксистская теория общественно-экономических формаций. В ней в качестве стадий развития человечества выступают согласно одним представлениям четыре, согласно другим — пять общественно-экономических формаций (первобытная, азиатская, античная, феодальная, капиталистическая).

По господствовавшему в среде марксистов мнению, схема развития и смены общественно-экономических формаций, предложенная К. Марксом, представляет собой модель развития каждого социоисторического организма, т. е. каждого конкретного отдельного общества. Всемирная история в их представлениях выступала как простая совокупность историй множества от века существующих социоисторических организмов, каждый из которых в норме должен был «пройти» все общественно-экономические формации.

Таким образом, смена общественно-экономических формаций мыслилась ими как происходящая лишь внутри социоисторических организмов. Соответственно, общественно-экономические формации выступали у них, прежде всего, как стадии развития не человеческого общества в целом, а отдельных социоисторических организмов. Основание считать эти формации стадиями всемирно-исторического развития давало только то, что их «проходили» все или, по крайней мере, большинство социоисторических организмов. Такой взгляд, несомненно, находится в противоречии с исторической реальностью, что и дало основание противникам материалистического понимания истории объявить эту концепцию ошибочной.

Основной недостаток привычной версии смены общественно-экономических формаций состоял в том, что в ней, по сути, единство мировой истории сводилось к общности законов, действующих в каждом социоисторическом организме. При этом все внимание концентрировалось только на связях внутрисоциальных, «вертикальных», связях во времени, диахронных, да и то понимаемых крайне односторонне — лишь как связи между различными стадиями развития внутри одних и тех же социоисторических организмов.

Что же касается связей «горизонтальных», т. е. связей между существующими в пространстве социоисторическими организмами, связей межсоциальных, синхронных, то в привычном варианте теории общественно-экономических формаций им не уделялось внимания. Такой подход делал невозможным подлинное понимание един-

ства мировой истории, закрывал дорогу к подлинному историческому унитаризму.

Данный недостаток был присущ не только привычной версии теории общественно-экономических формаций, но практически и всем названным выше конкретным унитарно-стадиальным концепциям. Такого рода вариант унитарно-стадиального подхода к истории вообще я буду называть *линейно-стадиальным*, а в применении к теории формаций — *линейно-формационным*. Именно линейно-стадиальное понимание общественного развития практически чаще всего имеют в виду, когда говорят об эволюционизме в исторической и этнологической науках.

Как своеобразная реакция на линейно-стадиальное понимание истории возник совершенно иной общий подход к истории. Суть его состоит в том, что человечество подразделяется на несколько совершенно автономных образований, каждое из которых имеет свою собственную, абсолютно самостоятельную историю. Каждое из этих исторических образований возникает, развивается и рано или поздно с неизбежностью гибнет. На смену погибшим историческим единицам приходят новые, которых постигает та же участь.

В силу того, что каждое такое историческое образование все начинается с начала, ничего принципиально нового внести в историю оно не может. Отсюда следует, что все такого рода образования совершенно равноценны. Ни одно из них по уровню развития не стоит ни ниже, ни выше всех остальных. Каждое из этих образований развивается, причем до поры до времени даже поступательно, но человечество в целом не эволюционирует и уж тем более не прогрессирует.

Таким образом, история человечества в этих концепциях раздроблена не только в пространстве, но и во времени. Вся история человечества есть бесконечное повторение множества одних и тех же происходящих как параллельно, так и друг за другом историй множества обществ, совокупность множества циклов.

Согласно такой точке зрения, не существует ни человеческого общества в целом, ни всемирной истории как единого процесса. Соответственно, не может быть и речи о *стадиях* развития человеческого общества в целом и тем самым об *эпохах* мировой истории. Поэтому такой подход к истории с полным основанием можно назвать *плюралистским* (от лат. *pluralis* — множественный), или, точнее, *плюрально-циклическим*. Исторический плюрализм всегда включает в себя циклизм.

У истоков плюрально-циклического понимания истории стоят Жозеф Артюр де Гобино (1816–1882) и Генрих Рюккерт (1823–1875). Основные его положения были достаточно четко сформулированы Николаем Яковлевичем Данилевским (1822–1885), доведены до крайнего предела Освальдом Шпенглером (1880–1936), в значительной степени смягчены Арнолдом Джозефом Тойнби (1889–1975) и наконец приобрели карикатурные формы в сочинениях Льва Николаевича Гумилева (1912–1992). Названные мыслители именовали выделенные ими

исторические образования по-разному: цивилизации (Ж. А. де Гобино, А. Дж. Тойнби), культурно-исторические индивиды (Г. Рюккерт), культурно-исторические типы (Н. Я. Данилевский), культуры, или великие культуры (О. Шпенглер), этносы и суперэтносы (Л. Н. Гумилев). Но это не меняло самой сути такого понимания истории.

Плюрально-циклическое понимание истории находится в противоречии с исторической реальностью. С этим связаны и бесконечные неувязки в построениях его сторонников.

Для многих историков и философов понятие унитарно-стадиального понимания истории было равнозначно понятию линейно-стадиального подхода к ней. Поэтому в их глазах выявление несостоятельности линейно-стадиального понимания истории выступало как крах унитарно-стадиального подхода к ней.

В действительности же, кроме линейно-стадиальной интерпретации унитарно-стадиального подхода к истории, возможна и иная. Выше уже было сказано, что большинство марксистов понимало марксову схему развития и смены общественно-экономических формаций как модель эволюции *каждого* социоисторического организма, взятого в отдельности. Но возможно, однако, и иное истолкование этой схемы — ее понимание как воспроизведения внутренней необходимости развития всех существовавших и существующих социоисторических организмов только *вместе взятых*, т. е. человеческого общества в целом.

В таком случае общественно-экономические формации представляют, прежде всего, как стадии развития человеческого общества в целом. Они могут быть и стадиями развития отдельных социоисторических организмов. Но это совершенно не обязательно. Смена формаций в масштабах человечества в целом может происходить и без их смены в качестве стадий внутреннего развития социоисторических организмов. Одни формации могут быть воплощены в одних социоисторических организмах и их системах, а другие — в других. Такая интерпретация унитарно-формационного подхода может быть названа *глобально-формационным* ее пониманием. В применении же к унитарно-стадиальному подходу в целом она может быть названа *глобально-стадиальным* пониманием истории.

И в глобально-формационной теории всемирной истории на первом месте находятся «вертикальные», диахронные, межстадиальные связи. В ее основе лежит определенная стадиальная типология социоисторических организмов. Но одновременно она предполагает всесторонний учет «горизонтальных» связей, т. е. связей между одновременно существующими социоисторическими организмами.

В этой теории «горизонтальные», межсоциорные связи не заслоняют и связи «вертикальные», диахронные, межстадиальные, но наоборот, способствуют более глубокому пониманию последних. Это предполагает отказ от трактовки «вертикальных», диахронных, межстадиальных связей как связей только внутрисоциорных, понимание того,

что, кроме внутрисоциальных «вертикальных», межстадиальных связей, существуют «вертикальные», межстадиальные связи в масштабах человеческого общества в целом. Линейно-формационная концепция знала лишь одну форму смены общественно-экономических формаций — внутрисоциальную, переход от одной стадии развития социоисторического организма к другой в результате действия внутрисоциальных сил. Глобально-формационная теория предполагает существование и внесоциальной формы смены общественно-экономических формаций.

3. Понятийный аппарат глобально-формационного понимания всемирной истории

Основные категории материалистического понимания истории (общественно-экономическая формация, способ производства, общественно-экономический уклад и др.) были уже введены в первой главе. Поэтому здесь будут рассмотрены только те понятия, которые дают возможность уяснить значение в истории горизонтальных межсоциальных связей.

Связи между одновременно существующими социоисторическими организмами всегда существовали (и существуют сейчас), если не всегда между всеми, то, по крайней мере, между соседними социумами. Всегда существовали и сейчас существуют региональные системы социоисторических организмов, а к настоящему времени возникла всемирная их система.

Связи между социумами и их системами проявляются в их взаимном воздействии друг на друга. Это взаимодействие выражается в самых различных формах: набеги, войны, торговля, заимствование достижений культуры и т. п. Все это можно назвать *межсоциальным взаимодействием*, или *межсоциальной интерактацией* (от лат. *inter* — между и *actio* — действие).

Одна из важнейших форм межсоциального взаимодействия — такое влияние одних социоисторических организмов (или систем социоисторических организмов) на другие, при котором последние сохраняются как особые единицы исторического развития, но при этом под воздействием первых либо претерпевают существенные, надолго сохраняющиеся изменения, либо, наоборот, теряют способность к дальнейшему развитию. Это *социальная индукция* (лат. *inductio* — возбуждение, наведение), которая может принимать различные формы.

Начиная с определенного времени важнейшей особенностью всемирной истории стала неравномерность развития социоисторических организмов и, соответственно, их систем. Результат — бытие на Земле в одно и то же время социоисторических организмов, относящихся к разным социально-экономическим типам вообще, к разным общественно-экономическим формациям в частности, сосуществование

и взаимовлияние разных исторических миров. Под *историческим миром*, или просто *миром*, я понимаю совокупность организмов одного типа, независимо от того, составляют ли одну систему или не составляют.

В случае сосуществования нескольких исторических миров один из них представлен социоисторическими организмами самого нового, самого высокого для той или иной эпохи типа. Такие, самые передовые, социоры я буду называть *супериорными* (от лат. *super* — сверх, над), а все остальные — *инфериорными* (от лат. *infra* — под). Разумеется, что различие между теми и другими относительно. Социоры, которые были супериорными в одну эпоху, могут стать инфериорными в другую.

В супериорных социоисторических организмах воплощена наивысшая достигнутая к данному конкретному времени человечеством степень эволюции. Они находятся на магистрали исторического развития, являются *магистральными*. Многие (но не все) инфериорные социоисторические организмы принадлежат к типам, которые ранее находились на магистрали всемирно-исторического развития. С появлением более высокого типа они сошли с магистрали, из магистральных превратились в бывшие магистральные (*экс-магистральные*).

Такое подразделение социоисторических организмов было подмечено уже давно. Историки и вообще все обществоведы говорили о передовых и отставших (или отсталых) странах и народах. В XX в. последние термины стали рассматриваться как обидные и заменяться другими — «слаборазвитые» и, наконец, «развивающиеся» страны.

После возникновения классовых обществ если не все, то, во всяком случае, значительная часть утверждающихся супериорных социоисторических организмов спустя некоторое время начинала образовывать систему, которая становилась *центром всемирно-исторического развития*, или просто *историческим центром*. Эту систему супериорных социоисторических организмов можно назвать *центрально-исторической*, или *мировой*. Мировой она была не в том смысле, что она охватывала весь мир, а в том, что ее существование сказалось на всем ходе мировой истории. Все социоисторические организмы, не входившие в состав мировой системы, исторического центра, образовывали *историческую периферию*.

Любая передовая классовая общественно-экономическая формация, возникнув и утвердившись, существовала прежде всего или даже исключительно в форме мировой системы супериорных социоисторических организмов данного типа. Мировая система супериорных социоисторических организмов была формой существования передовой, супериорной классовой общественно-экономической формации. Когда появлялась новая, более передовая классовая общественно-экономическая формация, приходил конец господству в мире формации, бывшей до этого супериорной. Социоисторические организмы старого типа либо исчезали, либо становились периферийными. Бывшая мировая система либо исчезала, либо лишалась роли центра мирового ис-

торического развития и тем самым переходила в состав исторической периферии. Роль центра мирового исторического развития переходила к системе организмов нового типа, которая тем самым становилась мировой.

Таким образом, после перехода от доклассового общества к классовому смена общественно-экономических формаций происходила в форме смены мировых систем социоисторических организмов все более высокого типа. Со сменой мировых систем происходила смена эпох всемирной истории. Смена социоисторических организмов все более высокого типа и тем самым переход от одной общественно-экономической формации к другой, более высокой, т. е. смена мировых систем мог происходить и происходила по-разному.

Смену общественно-экономических формаций принято называть *социальной революцией*. Одна из форм социальной революции известна давно. Это превращение социоисторических организмов одного типа в результате собственного внутреннего развития в социоры другого, более высокого типа. Назовем ее *эндогенной* (от греч. «эндон» — внутренний, «генез» — происхождение) *социальной революцией*. При одном варианте развития смена стадий происходит внутри продолжающих свое существование социоисторических организмов. Это смена формаций является внутрисоциорной в буквальном смысле слова. Так в большинстве случаев происходила смена феодализма капитализмом. Именно ее прежде всего и имели в виду сторонники линейно-формационной концепции. От этого варианта они практически не отличали несколько иной, при котором при смене стадий происходило слияние нескольких социоисторических организмов в один более крупный или другие трансформации единиц исторического развития. Так нередко происходила смена предклассового общества классовым.

Как супериорные социоисторические организмы могли влиять на инфериорные, так и последние на первые. Наибольший интерес для понимания мирового исторического процесса представляет воздействие супериорных социоисторических организмов на инфериорные, которое я буду называть *социорной супериндукцией*. Я сознательно употребляю здесь слово «организм» во множественном числе, ибо на инфериорные организмы обычно воздействовал не единичный супериорный социор, а целая их система.

Результатом супериндукции может быть изменение типа инфериорного организма. В некоторых случаях он превращается в социоисторический организм того же типа, что и воздействующие на него, т. е. поднимается на самую высокую для данной эпохи стадию развития. Подобного рода трансформацию инфериорных социоров в супериорные можно назвать *формационным подтягиванием*, *формационным возвышением*, или *супериоризацией*. Если инфериорный социор принадлежал к стадильному типу, непосредственно предшествующему супериорному, то влияние супериорных организмов чаще всего лишь *ускоряло* процесс его стадильной трансформации. Если же тип инфериорного

организма был на несколько ступеней ниже супериорного, влияние супериорных организмов *вызывало, инициировало* процессе его превращения в супериорный.

Супериоризация есть своеобразная форма смены формаций. Но она явно дополнительная. При этом происходит не возникновение новых формаций, а всего лишь увеличение числа социоров, относящихся к уже существующей супериорной формации.

Однако супериоризация — лишь один из вариантов изменения типа инфериорного социора в результате супериндукции. Под воздействием супериорных социоров инфериорные социоры могут превратиться в соционисторические организмы более высокого, чем исходный, типа, но такого, который находится не на магистрали, а на одном из боковых путей исторического развития. Этот тип является не магистральным, а *латеральным* (от лат. *lateralis* — боковой). Этот процесс я буду называть *латерализацией*. Латерализация — шаг одновременно и вперед, и в сторону.

Таким образом, кроме основных социально-экономических типов общества — общественно-экономических формаций, — существуют и неосновные его социально-экономические типы — *общественно-экономические параформации* (от греч. «пара» — около, возле, рядом). Если общественно-экономические формации являются не только типами общества, но и стадиями всемирной истории, поочередно сменяющимися на магистрали всемирно-исторического развития, то параформации — стадии развития лишь отдельных обществ или социорных систем.

При латерализация происходит возникновение новых социально-экономических типов общества, но они — не основные типы, не формации, а лишь параформации.

Понятия супериоризации и латерализации важны, но они дают ключ лишь к объяснению части (и только части) явлений, которые обычно характеризуются как «пропуски» или «минование» теми или иными «народами» тех или иных формаций, но не смены формаций на магистрали мирового развития.

Эндогенная социальная революция может иметь место лишь тогда, когда внутри общества, относящегося к той или иной формации, действуют силы, способные превратить его в общество другого, более высокого типа. Но существуют общественно-экономические формации, в принципе не способные превратиться в более высокие. В таком случае часть инфериорных социосторических организмов выступает в качестве своеобразного исторического резерва, в качестве запасного материала, из которого могут возникнуть более высокие, чем существующие в данное время супериорные соционисторические организмы, общества.

Этот процесс возникновения новой формации, как и супериоризация, предполагает воздействие системы супериорных соционисторических организмов на инфериорные социоры. Но эти последние в результате такого воздействия претерпевают более чем своеобразную

трансформацию. Они не превращаются в организмы того же типа, что воздействующие на них. Супериоризация не происходит. Но социально-экономический тип инфериорных организмов меняется. Инфериорные организмы превращаются в социоры такого типа, который, если подходить чисто внешне, должен быть причислен к латеральным. Этот тип общества действительно представляет собой не формацию, а параформацию.

Но это возникшее в результате супериндукции общество оказывается способным к дальнейшему самостоятельному прогрессу, причем особого рода. В результате действия теперь в основном уже внутренних сил оно превращается в общество нового типа. И этот тип общества находится уже на магистрали исторического развития. Он представляет собой более высокую стадию общественного развития, более высокую общественно-экономическую формацию, чем та, к которой относились супериорные социоисторические организмы, воздействие которых послужило импульсом к такому развитию. Это явление можно назвать *формационным сверхвозвышением*, или *ультрасупериоризацией*.

Если в результате супериоризации инфериорные социоисторические организмы «подтягиваются» до уровня супериорных социоров, то в результате ультрасупериоризации они «перепрыгивают» через этот уровень и выходят на еще более высокий. Появляется группа социоисторических организмов, которые принадлежат к общественно-экономической формации более высокой, чем та, к которой принадлежали бывшие до этого супериорными социоры. Теперь первые становятся супериорными, магистральными, а последние либо превращаются в инфериорные, экс-магистральные, либо вообще исчезают.

Происходит смена общественно-экономических формаций, причем не внутри тех или иных социоисторических организмов, а в масштабах человеческого общества в целом. Разумеется, в процессе этого перехода имели место две последовательные смены социально-экономических типов внутри вовлеченных в этот процесс инфериорных социоисторических организмов, а именно (1) смена исходного инфериорного типа общества особой общественно-экономической параформацией, а затем (2) смена этой параформации новой, ранее не существовавшей общественно-экономической формацией. Но ни один из сменившихся внутри этих социоров социально-экономических типов не был той формацией, которая ранее господствовала, которая ранее была высшей. Таким образом, смена этой ранее господствовавшей формации более высокой, к которой теперь перешла ведущая роль, не произошла внутри ни одного социоисторического организма. Она произошла исключительно лишь в масштабах человеческого общества в целом.

При такой смене общественно-экономических формаций происходит подлинная передача исторической эстафеты от одной совокупности социоисторических организмов к другой. Социоры второй группы не проходят той стадии, на которой находились социоры первой, не повторяют их развития. Выходя на магистраль человеческой исто-

рии, они сразу начинают движение с того места, на котором остановились ранее бывшие супериорными социоисторические организмы.

Такова вторая основная форма смены общественно-экономических формаций, вторая основная форма социальной революции — *внесоциорная эстафетная социальная революция*. Она обязательно сопровождается пространственным перемещением центра всемирно-исторического развития.

4. Возникновение древнеполитарных обществ и наступление первого периода истории цивилизованного общества — эпохи Древнего Востока

Первые классовые общества возникли как небольшие острова в море первобытного общества. Это произошло в конце IV тыс. до н. э. почти одновременно в двух местах земного шара: в северной части долины Нила и на юге междуречья Тигра и Евфрата.

В долине Нила классовое общество возникло в форме крупного социоисторического организма, в междуречье Тигра и Евфрата — в качестве региональной системы, состоявшей из нескольких десятков небольших социоисторических организмов (городов-государств) с общим языком и культурой. Общим термином для обозначения этих двух видов бытия классового общества могло бы быть словосочетание «*историческое гнездо*». Таким образом, можно говорить о египетском историческом гнезде и шумерской гнездовой социорной системе. И египетское, и шумерское классовые гнезда были *первичными* классовыми обществами.

Они возникли в результате эндогенной социальной революции. Египетское общество произошло из протополитарного общества. Оно было орбополитарным. Шумерское произошло из протополитоманного. Оно было урбополитарным. Оба эти типа были вариантами одной общественно-экономической формации — *древнеполитарной*.

Процесс дальнейшего перехода человечества от доклассового общества к классовому шел в различных регионах по-разному. Можно выделить два основных пути развития.

Первый путь — возникновение новых одиночных исторических гнезд, новых островов в море первобытного общества. Во второй половине III тыс. до н. э. новое историческое гнездо возникло в долине Инда — цивилизация Хараппы, или Индская. Около середины II тыс. до н. э. появилось историческое гнездо в долине Хуанхэ — Иньская, или Шанская, цивилизация. И хотя и Индское, и Иньское классовые общества возникли тогда, когда на земле уже несколько веков существовали другие цивилизации, они возникли не под влиянием и вообще без влияния последних. И в этом смысле они, не в меньшей степени, чем Шумер и Египет, могут быть названы *первичными* цивилизациями.

Второй путь развития — появление новых исторических гнезд по соседству со старыми историческими гнездами и в значительной степени под влиянием последних. Здесь имел место процесс супероризации. Данные классовые общества уже были *вторичными*. Этот процесс первоначально имел место лишь на Ближнем Востоке. Следствием было появление огромной системы исторических гнезд, охватывавшей весь этот регион. Она простиралась от западных границ Египта до восточных пределов Элама. К началу II тыс. до н. э. в нее был втянут Крит, где утвердилась Минойская цивилизация, а около его середины и часть материковой Европы, где возникла Микенская, или Ахейская, цивилизация.

Такое пространство, включавшее в себя множество тесно связанных исторических гнезд, в последующем изложении будет именоваться *исторической ареной*. Ближневосточная историческая арена уже не может быть названа островом в море первобытного общества. Это был целый континент, причем первый такого рода континент.

Занимая лишь ограниченную часть земного шара, ближневосточная система социоисторических организмов тем не менее являлась системой *мировой*. Ее мировое значение проявилось в том, что ее существование и эволюция подготовила и сделала в дальнейшем возможным подъем человечества на следующую ступень исторического развития. Об Индии и Китае этого сказать нельзя. Они могли быть, могли не быть, но вплоть до Нового времени это не могло сколько-нибудь существенно сказаться на мировой истории. В течение III и II тыс. до н. э. ближневосточная арена, которая была не только первой, но единственной существующей в то время исторической ареной, являлась *центром мирового исторического развития (центроареной)*.

С этих пор можно говорить о разделении мира на *исторический центр (ядро)*, или просто *центр*, и *историческую периферию*, или просто *периферию*. Центр был классовым, древнеполитарным, периферия делилась на первобытную, прежде всего варварскую (предклассовую), и классовую. Ни первобытная, ни классовая периферия не представляли собой единого целого. Классовая периферия состояла из нескольких, первоначально во многом изолированных исторических гнезд.

Характерным для древневосточных обществ был циклический характер их развития. Они возникали, расцветали, а затем приходили в упадок. В большинстве случаев последний проявлялся в распаде крупного социоисторического организма на несколько более мелких. в превращении его в гнездовую систему социоров, каждый из которых продолжал оставаться классовым обществом. При этом исчезали крупные социоисторические организмы, но цивилизация сохранялась. В последующем гнездовая система социоров могла снова превратиться в один социоисторический организм, и общество вступало в новый период расцвета, который завершался очередным упадком.

Пришедшее в упадок классовое общество нередко либо подпадало под власть процветавших соседних цивилизованных обществ, либо становилось добычей соседей-варваров. Варварское завоевание могло

привести к тому, что классовое общество погибло не в смысле исчезновения тех или иных конкретных классовых социумов, а в том, что оно перестало бы быть классовым, рассыпалось на массу предклассовых социоисторических организмов. В таком случае можно говорить о гибели цивилизации в точном смысле слова. Таким образом, наряду с *супериоризацией* социоисторических организмов была возможна и имела место их *инфериоризация*.

Цивилизация Хараппы, возникнув в XXIII в. до н. э., рухнула в XVIII в. до н. э. С ее гибелью на этой территории произошел возврат на стадию предклассового общества. Исчезли монументальное зодчество и письменность. Вновь классовое общество на территории Индии возродилось лишь в начале I тыс. до н. э. На территории материковой Греции классовое общество — Микенская, или Ахейская, цивилизация — сложилось первоначально к XVI в. до н. э. В XII в. до н. э. оно погибло. Прекратилось монументальное строительство, исчезла письменность. Снова классовое общество в Греции возникло лишь около 800 г. до н. э.

Способ роста производительных сил, который лежал в основе развития древнеполитарного общества, был темпоральным, а тем самым — тупиковым. Для того чтобы человечество могло двинуться дальше, нужны были принципиально иные производственные отношения, более высокие, более прогрессивные. Но в недрах древнеполитарного общества они вырваться не могли. И в этом смысле оно тоже было тупиковым. И если бы все конкретные общества развивались бы одинаковыми темпами и достигли бы одновременно древнеполитарной стадии, то прогресс человечества был бы исключен.

Но политарные социоисторические организмы даже на исходе II тыс. до н. э., когда наряду с изолированными историческими гнездами возникла мировая ближневосточная система, занимали сравнительно небольшую часть ойкумены. Остальная ее часть была заполнена первобытно-коммунистическими, первобытно-престижными и предклассовыми обществами. Предклассовой, или варварской, была вся ближайшая периферия политарных обществ. Наряду с политарным историческим миром продолжал существовать первобытный, прежде всего варварский, мир.

5. Возникновение античного серварного (рабовладельческого) общества и наступление второго периода истории цивилизованного общества — античной эпохи

Вплоть до начала I тыс. до н. э. появлялись и существовали классовые общества только политарного типа. В VIII в. до н. э. начали возникать классовые общества иного вида. Их обычно называют античными. Первым античным обществом было древнегреческое.

На территории Греции ранее уже существовало классовое общество древнеполитарного типа — Микенская цивилизация. Но античное общество возникло не из предшествовавшего политарного и не в результате его трансформации. Как уже указывалось, возникшее в XVI в. до н. э. Ахейское политарное общество в XII в. до н. э. погибло. Произошел возврат на стадию предклассового общества.

В VIII в. до н. э. классовое общество на территории Греции возникло заново, во второй раз. И возникло оно, как и любое древнеполитарное общество, из общества предклассового, варварского. На этом основании многие авторы пришли к выводу, что от предклассового общества идут, по меньшей мере, две параллельные линии развития, одна из которых ведет к политарному обществу, а другая — к античному. В этом их убеждало и то обстоятельство, что на территории Италии, где несколько позднее тоже возникло общество античного типа, никаких политарных обществ ранее вообще не существовало. Высшей формой, предшествующей античному обществу, там было предклассовое общество и никакое другое.

Но при этом они упускали из вида два крайне важных обстоятельства.

Прежде всего эти ученые совершенно не принимали во внимание, точнее, вообще не знали, того, что предклассовые общества могли существенно отличаться друг от друга. Не все они были протополитарными, которые были способны превратиться лишь в политарные. Кроме протополитарных существовали предклассовые общества еще нескольких иных типов. Эти последние проформации представляли собой своеобразный исторический резерв. Именно одна из проформаций и была востребована, когда возникла настоятельная необходимость в переходе человечества в целом на новую, более высокую стадию общественного развития, чем древнеполитарная.

И далее. Хотя эти исследователи не могли этого не знать, но они совершенно не принимали во внимание то, что новое греческое классовое общество формировалось в зоне интенсивного всестороннего воздействия мировой системы социоисторических организмов, существовавшей на Ближнем Востоке. Это не могло существеннейшим образом не сказаться на материальной и духовной культуре и на экономической структуре возникавшего классового античного общества. Последнее творчески усвоило все достижения цивилизаций Ближнего Востока, прежде всего египетской и месопотамской (шумерской и вавилонской). В этом смысле между политарным обществом Древнего Востока и античным существует глубочайшая преемственная, генетическая связь. И это давно уже в самом общем виде было осознано теми философами и историками, которые принимали идею исторической эстафеты.

К настоящему времени огромное воздействие ближневосточной системы на формирующиеся античные социоисторические организмы можно считать неопровержимо доказанным наукой.

«Прошли те времена, — писал еще в 1928 г. известный английский археолог Чарльз Леонард Вулли (1880–1960), — когда начало всех начал искали в Греции, а Грецию считали возникшей сразу, вполне законченной, точно Афина из головы олимпийского Зевса. Мы знаем теперь, что этот замечательный цветок вобрал в себя соки мидийцев и хеттов, Финикии и Крита, Вавилона и Египта. Но корни идут еще дальше: за всеми ими стоит Шумер» (Woolly, 1928. P. 193)¹¹.

«Влияние Востока, — вторит британскому археологу-ориенталисту российский антиковед Валерий Петрович Яйленко (1990. С. 210), — не ограничивается сферой искусства — это был всеобъемлющий процесс воздействия восточной цивилизации на складывающуюся культуру архаической Греции». Роль Востока в формировании античного классового общества столь велика, что в настоящее время зарубежные историки говорят об ориентализационном периоде в истории античной Греции и даже о происшедшей тогда в Греции «ориентализационной революции» (Mittag, 1993; Burkert, 1992).

Но речь должна идти не просто об усвоении и переработке всех достижений древнеполитарного общества в области материальной и духовной культуры, без чего появление античного общества было совершенно немыслимым. Нужно принять во внимание мощное экономическое воздействие ближневосточной мировой системы на социально-экономический строй возникающих в Греции новых классовых обществ. К этому времени сложилась система мировой (по тогдашним меркам) торговли, в которую были сразу же втянуты новые формирующиеся классовые социоисторические организмы Греции. Они сразу же в готовом виде получили и освоили экономические формы, которые были результатом длительного развития экономической жизни Востока.

В качестве примера можно привести монету. Хотя классовое общество на Ближнем Востоке возникло еще в конце IV тыс. до н. э., но монета впервые появилась там лишь на рубеже VIII и VII вв. до н. э. Греки же начали использовать монету уже на заре своего второго классового общества. На о. Эгина чеканка монеты началась в VII в. до н. э. Все это не могло не сказаться на древнегреческой экономике.

Уже предклассовое общество, которое существовало в Греции в XII–IX вв., было качественно иным, чем то, которое предшествовало восточным классовым социоисторическим организмом. Шумерское, древнеегипетское, древнекитайское и прочие древнеполитарные общества возникли из протополитарных предклассовых обществ. Предклассовое общество, из которого возникло древнегреческое (это предклас-

¹¹ Возражение Л. Вулли прежде всего направлено против одного из высказываний Г. Д. С. Мейна, которое было использовано Теодором Гомперцем в качестве эпиграфа к первой части его работы «Греческие мыслители» (1895). Вот что было сказано Г. Д. С. Мейном: «Маленькому народу было дано создать принцип прогресса. Народ этот был эллины. За исключением слепых сил природы, все, что движется в этом мире, имеет свое начало в Греции» (см.: Гомперц, 1999. С. 6).

совое общество нередко называют гомеровским), во всяком случае, протополитарным не было. Протополитарные отношения в нем полностью отсутствовали. Там существовал протонабиларные отношения, по меньшей мере, три варианта доминарных отношений (приживальчество, наймитство и рабство) и магнорабовладельческие. Греческие предклассовые («гомеровские») социоисторические организации были протонобиломагнарными великообщинами (Петрушевский, 1913; Кагаров, 1937а; Ленцман. 1963; Андреев, 1976; Фролов, 1988; Finley, 1980; Donlan, 1985).

Как уже указывалось, предклассовое общество такого типа могло превратиться в классовое только под воздействием соседних более развитых (в данном случае — древнеполитарных) обществ. Результат классогенеза и политогенеза в данном случае определялся двумя факторами. Первый — характер исходного предклассового общества, второй — природа и сила внешнего влияния.

Конечным результатом была ультрасупериоризации, т. е. переход греческого предклассового общества к более высокой стадии всемирного развития, чем древнеполитарная формация, а именно к античной формации. Этот переход не был непосредственным. Связующим звеном между греческим предклассовым обществом и античной формацией была очень своеобразная параформация.

Превращение «гомеровских» протонобиломагнарных великообщин в архаические полисы был ознаменован довольно бурным ростом магнокабальных и, возможно, магноарендных отношений. Причина этого во многом заключалась в развитии товарно-денежных отношений, что было связано, прежде всего, с все большим втягиванием греков в систему тогдашней мировой торговли. При этом продолжали существовать наймитство и рабство, причем последнее уступало по значению первому. Общество архаической Греции (VIII–VI вв. до н. э.) не было рабовладельческим. Оно являлось доминомагнарным, относилось к доминомагнарной общественно-экономической параформации. Это был второй в истории человечества межформационный период.

В результате внутреннего развития доминомагнарной параформации произошел выход греческого общества на историческую магистраль. В ходе революций VI–V вв. до н. э. в передовых социоисторических организациях Греции были уничтожены магнарные отношения, что сделало не только возможным, но и необходимым развитие рабства и его превращение из всего лишь элемента доминарного способа производства в самостоятельный способ, который и стал основой общества. Этот способ производства я предпочитаю называть *серварным* (от лат. *servus* — раб). Архаические полисы трансформировались в классические. Общество классической Греции, бесспорно, относилось к более высокой, чем политарная, общественно-экономической формации — античной, рабовладельческой или, точнее, серварной.

Смена древнеполитарной общественно-экономической формации серварной носила эстафетный характер. Поэтому эта трансформация

не могла привести и не привела к исчезновению ранее существовавших древнеполитарных обществ. С этого времени, наряду с первобытным, прежде всего варварским миром, на Земле стали сосуществовать два классовых исторических мира: древнеполитарный и античный, из которых первый был инфериорным, экс-магистральным, а второй — супериорным.

И явные признаки выхода на более высокий уровень развития, чем тот, который был характерен для политарного общества, начали обнаруживаться еще в архаической Греции. Вновь возникшая в этом обществе письменность была уже не идеографической, а алфавитной. Греция является родиной первого в истории человечества подлинного алфавита, возникшего из финикийского полуалфавитного слогового письма, которое в свою очередь появилось в результате тысячелетий развития на Востоке идеографической письменности. Древнегреческое общество было первым, в котором была распространена грамотность.

Если на Востоке существовали лишь деспотические режимы, выступавшие в форме монархии, то в Греции впервые возникла республиканская форма правления. На Востоке были только подданные, в Древней Греции впервые появились граждане, а тем самым и гражданское общество. Для Греции было характерно многообразие политических режимов. И наряду с тираническими, олигархическими, аристократическими способами правления там впервые в истории человечества возникла демократия, а вместе с ней политическая жизнь, политическая борьба, политические партии, свобода политической деятельности, выражающаяся в свободе слова, собраний, выборные и подотчетные гражданам органы государственной власти.

Политическая борьба немыслима без борьбы идеологической, без столкновения разных мнений, противопоставления политических платформ. Ставятся под сомнение и подвергаются критике устоявшиеся взгляды, представления, включая религиозные. Возникает идейный плюрализм, впервые получает развитие свободомыслие. Огромное значение приобретает ораторское искусство, умение убеждать, вербовать сторонников.

Возникает первая форма теоретического знания — философия, причем сразу же светская. Вместе с ней появляется наука (точнее, пранаука) как особая форма человеческого знания. Кроме естественных пранаук, появляется историческая пранаука. В Древней Греции впервые возникает подлинная художественная литература, включая поэзию, прозу, драматургию, появляется настоящий театр с профессиональными актерами. Это гигантский взлет человеческого духовного творчества нередко именуется «греческим чудом».

Греческое историческое гнездо возникло первым. Но оно было не единственным классовым обществом нового типа. Вслед за ним появилось этрусское историческое гнездо, затем латинское гнездо, в котором ведущее положение занял Рим.

Карфагенское общество принято рассматривать в курсе истории Древнего Востока. Финикийские социоисторические организмы действительно были древнеполитарными, точнее древнеполитомагнарными. В новых условиях, создавшихся в первой половине I тыс. до н. э., стало возможным превращение древнеполитомагнарных обществ в доминагнарные, а затем — и в рабовладельческие. По этому пути пошло развитие Карфагена, который с полным основанием должен быть включен не в восточный, а в античный исторический мир. Его история была неотъемлемой частью истории последнего, а не первого.

Греческое, этрусское, латинское и карфагенское исторические гнезда вместе взятые образовали новую историческую арену — средиземноморскую. В эту систему входили и греческие полисы, расположенные на берегах Черного моря. В отличие от древнеполитарного мира, который никогда не был единым, весь античный мир составлял собой одну систему — античную средиземноморскую.

К ней от ближневосточной политарной системы перешла роль центра всемирного исторического развития. Именно она становится теперь *мировой системой*. Ближневосточная же система перестает ею быть. С возникновением средиземноморской античной системы и переходом к ней главенствующей роли в истории человечества произошла смена эпох всемирной истории. Эпоха Древнего Востока сменялась античной. Но когда это произошло, Восток, конечно, не исчез. Он не стал античным, серварным, а продолжал оставаться древнеполитарным. Между ближневосточной политарной и средиземноморской античной аренами всегда существовала тесная связь. В результате походов Александра Македонского они вместе взятые образовали целостную социорную систему — *центральное историческое пространство*.

В последующем ведущая роль, или гегемония в средиземноморской, античной зоне центрального исторического пространства от Греции перешла к Риму. В результате римской экспансии возникла грандиозная держава, охватившая в себя все центральное историческое пространство, исключая лишь самую восточную его окраину — Парфию. Но если самый крайний восток центрального исторического пространства оказался вне границ Римской державы, то зато это пространство значительно расширилось за счет внешней периферии, как классовой, цивилизованной, так варварской, предклассовой (большая часть Западной Европы, включая территорию нынешней Англии, некоторые районы Центральной Европы и Северной Африки). Включение в состав Римской державы, а тем самым и центрального исторического пространства областей, население которых было на предклассовой стадии развития, сопровождалось приобщением их к цивилизации. На всем пространстве Римской державы развернулся процесс романизации.

Но рабовладельческий, серварный способ производства, лежащий в основе античного общества, был тупиковым. В результате рано

или поздно оно вступило в эпоху кризиса. В Греции кризис общества начался еще в IV в. до н. э., что во многом способствовало ее подчинению вначале Македонии, а затем Риму. В Риме переход к серварной формации произошел на несколько веков позднее, чем в Греции. Соответственно, позднее начался и ее кризис. Выйти из него античное общество было не способно. Казалось, развитие человечества зашло в тупик. Но кроме древнеполитарных обществ и зашедшего в тупик античного общества продолжали существовать предклассовые социо-исторические организмы, причем разнообразных типов, составлявшие своеобразный исторический резерв.

6. Возникновение феодального общества и наступление третьего периода истории цивилизованного общества — эпохи Средних веков

Западная Римская империя была обречена на гибель. И она с неизбежностью рухнула. Решающую роль в ее падении сыграли германцы. Вторжение германских племен и союзов племен на территорию Римской империи было составной частью Великого переселения народов, в котором участвовали и другие демосоциорные ассоциации и союзы: гунны, сарматы, славяне и т. д. Все эти народы находились на стадии предклассового общества. Их общества были не геосоциальными, а демосоциальными, т. е. мобильными, способными перемещаться с одной территории на другую. Великое переселение народов было перемещением демосоциорных союзов, сверхсоюзов и прадержав.

Западная Римская империя была завоевана германцами. На всей ее территории возникли германские государства, которые принято именовать варварскими королевствами. Варварские королевства возникли и исчезали, границы между ними менялись. К началу IX в. возникло государство, которое практически охватывало всю Западную Европу — империя Каролингов.

Для коренного населения данной территории все эти изменения были регрессом. Многие из их духовной и материальной культуры погибли. Но этот регресс не был столь глубоким как в случае с Индской и Микенской цивилизациями.

Новые социоисторические организмы, возникшие на развалинах Западной Римской империи, были уже не предклассовыми, а классовыми. Это было обусловлено тем, что германцами были восприняты и усвоены определенные элементы античной культуры. Внешне это выразилось в принятии ими христианства, которое было одновременно и продуктом античного мира и его отрицанием. Христианство возникло как сила, враждебная существующим порядкам и примирилась с ними тогда, когда они претерпели существенные изменения. Для

германцев, таким образом, возникновение варварских королевств несомненно было прогрессом: они поднялись со стадии предклассового общества на стадию классового. Об этом переходе наглядно свидетельствует сохранение письменности и монументального зодчества.

Но это внешняя сторона итогов завоевания. За ней скрываются значительно более сложные процессы. Западная Римская империя была геосоциальным организмом. Когда варвары разорвали ее на клочки, то эти куски сами становились более или менее самостоятельными геосоциальными организмами. Германские завоевания не были простыми походами варварских армий. Перемещались не только и просто воинские отряды, перемещались не просто массы людей. Передвигались общества: демосоциальные организмы, их союзы и сверхсоюзы.

Иначе говоря, на территориях, которые были геосоциальными организмами, обществами определенного типа, поселялись демосоциальные организмы, т. е. опять-таки общества, но качественно иного типа. Одни общества накладывались на другие. Создавалась ситуация, когда на одной и той же территории часть людей жила в системе одних общественных отношений (прежде всего социально-экономических), а другая — в системе совершенно иных. Слишком долго это длиться не могло. Дальнейшее развитие должно было пойти по одному из трех вариантов. Первый вариант — демосоциоры разрушаются, а их члены входят в состав геосоциора, т. е. происходит *геосоциорная ассимиляция*, или *демосоциорная аннигиляция*. Второй вариант — разрушается геосоциор, а составлявшие его люди становятся членами демосоциорных организмов. Это — *демосоциорная ассимиляция*, или *геосоциорная аннигиляция*.

При третьем варианте происходит синтез социально-экономических и вообще всех социальных отношений наложившихся друг на друга обществ, в результате которого возникают социально-экономические отношения совершенно нового типа, а, соответственно, и остальные социальные отношения. Появляется геосоциальный организм нового, ранее не существовавшего типа. Именно последний вариант реализовался в Западной Европе во второй половине I тысячелетия н. э.

Результатом завоевания германцами Западной Римской империи был синтез частично разрушенной западно-римской социально-экономической системы и той социально-экономической системы, что существовала у германцев. Как уже указывалось, предклассовое общество германцев было протомилитомагнарным. Этот тип предклассового общества был, скорее всего, не апополитейным, а синполитейным. Он возник в результате взаимодействия предклассовых обществ с их цивилизованными соседями. Иначе говоря, этот тип предклассового общества сам был продуктом социорной супериндукции.

В результате синтеза частично разрушенной западно-римской социально-экономической структуры и германской протомилитомагнарной системы производственных отношений возник совершенно новый

общественно-экономический уклад и, соответственно, способ производства, который принято именовать феодальным. Сам факт слияния порядков коренного населения Западной Римской империи с германскими давно уже замечен историками, которые назвали это явление *романо-германским синтезом*.

Процесс синтеза позднеримских и германских структур носил сложный и противоречивый характер и занял несколько веков. Это был третий межформационный период в истории человечества. Существовали тенденции к возникновению на основе милитарных отношений как нобиларных, так и политарных связей. Но в конечном счете результатом было возникновение феодального уклада. Завершился процесс его формирования, скорее всего, на грани X и XI веков. На смену предфеодальному обществу пришло феодальное. В западной исторической науке переход от предфеодального общества к феодальному в последние десятилетия начали называть *феодальной революцией*, или *феодальной мутацией*, причем некоторые историки трактуют его даже как смену античного строя феодальным (Дюби, 2000; Флори, 2006; Ле Гофф, 2007; Решин, 2001; Щеглов, 2001). Следствием был распад империи Каролингов и наступления состояния, которое принято называть феодальной раздробленностью. Таким образом, не только античное, но и феодальное общество возникло в результате ультрасупериоризации.

Как мы уже видели, в отличие от древнеполитарных социои-сторических организмов, которые могли возникать и возникали независимо друг от друга в самых различных регионах земного шара, античное общество было территориально ограниченным. Все античные социои-сторические организмы образовывали одну систему, причем мировую. Это связано с тем, что они могли возникнуть первоначально лишь в зоне влияния мировой ближневосточной системы, а затем только в зоне воздействия средиземноморской мировой системы.

Ограниченной была и территория феодальной системы. Как считал выдающийся французский медиевист Марк Блок (1886–1944), феодальными в точном смысле слова первоначально были лишь Франция, Западная Германия и Северная Италия. В дальнейшем этот регион расширился за счет Англии и Южной Италии. К этому центральному ядру примыкали области в той или иной степени феодализированные — Северо-Западная Испания и Саксония. За этими пределами феодализм в Европе не существовал. Не были феодальными ни скандинавские страны, ни Ирландия, не говоря уже об остальных (Блок, 2003. С. 241–242, 433–434).

Таким образом, первоначально феодальные порядки возникли лишь на той территории, которая входила в состав западных провинций Римской империи и была завоевана германцами, и лишь в последующем распространились на некоторые прилегающие области. Это было обусловлено тем, что феодализм родился и мог родиться только в результате романо-германского синтеза. Где не было этого синтеза,

феодализм не возник. Феодалный мир, как ранее античный, представлял собой одну единую систему. Эта феодальная система охватывала Западную Европу, была западноевропейской.

Романо-германский синтез вывел человечество из тупика, в который зашло развитие античного мира. Появление феодализма было в огромной степени подготовлено развитием античного мира. Феодальная общественно-экономическая формация преемственно, генетически связана с предшествовавшей ей во времени античной серварной формацией. На смену античной мировой системе путем ультрасупероризации пришла феодальная система, к которой и перешла ведущая роль в мировой истории. Смена мировых систем означала и смену эпох мировой истории. Кончилась античная эпоха и началась новая — средневековая.

7. Возникновение классового общества в Центральной, Восточной и Северной Европе

Одновременно со становлением феодализма в Западное Европе шел процесс формирования классового общества на территории Северной, Центральной и Восточной Европы (за границу между двумя последними регионами я условно принимаю западный рубеж расселения восточных славян).

В VII в. в Северном Причерноморье возникла крупная прадержава, господствующее положение в которой занимали кочевники-тюрки — болгары (булгары). Вскоре она распалась. Одна часть болгар оказалась под властью нового государственного образования — Хазарского каганата. Другая, спасаясь от хазар, дошла в конечном счете до Среднего Поволжья, где в X в. образовала государство — Волжско-Камскую Болгарию.

Третья часть болгар во главе с ханом Аспарухом переправилась через Дунай и захватила большую территорию, простиравшуюся до Балканских гор и Черного моря, населенную в основном славянами. Так, в 681 г. возникло Первое Болгарское царство. В дальнейшем тюрки растворились в среде завоеванного населения, и Болгария стала славянской страной.

В IX в. классовое общество возникает в сербо-хорватском районе. В VII в. на территории Чехии, Моравии, Словакии возникло, но быстро исчезло прагосударство Само. В IX в. в этом регионе образовалось Великоморавское государство, которое постепенно расширило свои пределы. В начале X в. оно распалось. Еще в конце IX в. из его состава выделились земли, населенные чехами, и возникло Чешское государство. В X в. образовалось Польское государство.

Самым крупным из сложившихся славянских государств была Русь. Эта держава возникла в конце IX в. (предположительно в 882 г.)

в результате объединения двух прагосударственных образований, одного — с центром в Новгороде, другого — с центром в Киеве. Первым правителем Руси был варяжский (норманнский) конунг Олег.

К началу второго тысячелетия классовое общество возникло почти у всех славян, исключая лишь полабских и прибалтийских, которые продолжали оставаться на стадии предклассового общества.

В конце IX в. в Центральную Европу прорываются кочевники-мадьяры. Закрепившись на территории современной Венгрии, они в течение ста лет совершают грабительские набеги на окружающие страны, доходя до Кельна, Парижа, Рима. На рубеже X–XI вв. у венгров возникает классовое общество и государство. Набеги прекращаются.

К VIII в. на стадии предклассового общества продолжали оставаться северные германцы — норманны. Жажда обогащения и нехватка земли были основными причинами их экспансии. Состояние феодальной раздробленности, характерное в то время почти для всей Западной Европы, облегчало и набеги, и завоевания.

Викинги действовали и в Восточной Европе, где их называли варягами. Они освоили дорогу от Балтийского моря до Византии (путь из варяг в греки), по Волге добирались до Каспийского моря и грабили его побережье, активно вмешивались в жизнь восточных славян, выступая в роли и военных предводителей, и наемников. Варягами были и первый правитель Руси — Олег, и его преемник — Игорь.

На грани I и II тыс. в Дании, Швеции и Норвегии возникло классовое общество, что, в конце концов, привело к прекращению походов викингов.

Становление классовых обществ, как в центрально-восточноевропейском, так и в североевропейском регионах шло под мощным воздействием уже существовавших классовых социоисторических организмов. Все классовые общества Северной Европы и часть обществ Центральной Европы испытали влияние западноевропейской мировой системы. Это в частности выразилось в принятии ими католичества и латиницы. На остальных обществах Центральной Европы и на Руси существенно сказалось влияние Восточной Римской империи — Византии. Ими были приняты православие и кириллица.

Но на всех территориях, на которых возникли рассмотренные выше новые классовые общества ранее существовали социоисторические организмы, которые либо исконно были предклассовыми, либо стали таковыми в результате варварских завоеваний. Поэтому там синтеза классовых и предклассовых социально-экономических структур произойти не могло. Эти общества не могли стать и не стали феодальными.

Но так как в большинстве своем эти общества, во-первых, как и германские, были не протополитарными, а протомилитомагнарными, во-вторых, долгое время находились под огромным влиянием вначале мировой античной, а затем мировой феодальной систем, то они

не стали и классическими древнеполитарными, как общества Востока. Результатом мощной социорной супериндукции было их прогрессивное развитие, но оно не представляло собой не ультрасупериоризацию, как в случае с Западной Европой, и даже не супериоризацию, а латерализацию.

В этих обществах, как и в западноевропейских, существовали и боролись тенденции перерастания милитарных связей, с одной стороны, в политарные отношения, с другой — в нобиларные. Но в отличие от Западной Европы там не намечался процесс синтезирования милитарных и магнарных отношений. Доминомагнарный уклад продолжал сохраняться. А милитарные отношения в одних обществах стали превращаться в политарные связи, в других — в нобиларные.

В результате возникли два разных социально-экономические типа общества, две разные общественно-экономические параформации. Одна из них базировалась на симбиозе политарного и магнарного укладов, другая — на симбиозе нобиларной и магнарной систем социально-экономических отношений. *Медиполитомагнарная* (от лат. *medi* — средний) параформация утвердилась в Северной Европе (Блок, 2003. С. 241–242, 433–434), *нобиломагнарная* — в Центральной и Восточной Европе. Обе эти параформации имели своей основой не какой-либо определенный общественно-экономический уклад, а симбиоз двух социоэкономических укладов. Они были дуалистическими, симбиотическими, химерными. Нобиломагнарным было общество Древней Руси.

В заключение нельзя не отметить, что вплоть до начала Нового времени не только появление новых параформаций, но возникновение всех общественно-экономических формаций, исключая одну лишь капиталистическую, невозможно понять, не обращаясь к проблеме перехода от предклассового общества к классовому. Это относится не только к древнеполитарной формации, но и античной и феодальной.

Сокращения

- АБКИЕА** Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
- АВОПР** Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974.
- ВИ** Вопросы истории. М.
- ВКА** Вестник Коммунистической академии.
- ВФ** Вопросы философии. М.
- ЖС** Живая старина.
- ЗКОИРГО** Записки Кавказского отдела Императорского русского географического общества. Тифлис.
- ЗИРГООЭ** Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. СПб.
- ИАОИРС** Известия Архангельского общества изучения Русского Севера.
- ИГАИМК** Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л.
- ИИОЛЕАЭ, ТЭО** Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском московском университете. Труды этнографического отдела.
- ИИРГО** Известия Императорского русского географического общества. СПб.
- ИОАИЭ** Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском казанском университете.
- МПЭ** Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР. Материалы по этнографии.
- НАА** Народы Азии и Африки. М.
- НС** Нижегородский сборник, издаваемый Нижегородским губернским статистическим комитетом. Нижний Новгород.
- ОСССОД** Общественный строй союзов сельских общин Дагестана в XVII – начале XIX в. Сборник научных работ / Под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1981.
- ОСР** Охотники, собиратели, рыболовы. Проблемы социально-экономических отношений в доземледельческом обществе. Л., 1972.
- ПИДО** Проблемы истории докапиталистических обществ (журнал).
- ПИДО** Проблемы истории докапиталистических обществ (сб. статей). Кн. I. М., 1968.
- ПРСФКО** Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.
- РФОНСК** Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа / Под ред. В. Г. Гаджиева. Махачкала, 1988.

- CACA Современный аул Средней Азии (социально-экономический очерк). Ташкент.
- СМКГ Сборник материалов о кавказских горцах. Тифлис.
- СМОМПК Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис.
- СНВ Страны и народы Востока. М.
- СС Советский Север. М.
- СЭ Советская этнография. М.
- ТГВ Тобольские губернские ведомости.
- ТИАЭ Труды Института антропологии и этнографии.
- ТИЭ Труды Института этнографии. Новая серия.
- ФН Философские науки. М.
- ЭО Этнографическое обозрение.
- AA American Anthropologist.
- AAA Australian Aboriginal Anthropology, Modern Studies in the Social Anthropology of the Australian Aborigines. Ed. by R. M. Berndt. Nedlands, 1970.
- AE American Ethnologist.
- AMA Aboriginal Man in Australia. Essays in Honor of Emeritus Professor A. P. Elkin Ed. by R. M. Berndt and C. H. Berndt. Sydney, 1965.
- APAMNH Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. New York.
- APS African Political Systems. Ed. by M. Fortes and E. E. Evans-Prichard. L., 1969; first ed.: L., 1939.
- AR Anthropological Records. Berkeley and Los Angeles.
- ArA Arctic Anthropology.
- ARB(A)E Annual Report of the Bureau of (American) Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution. Washington.
- ASAM A. S. A. (Association of Social Anthropologists of the Commonwealth) Monographs.
- AF Anthropological Forum.
- BPBMB B. P. Bishop Museum Bulletin. Honolulu.
- CA Current Anthropology.
- CABS Contribution to Anthropology: Band Societies. Ed. by D. Damas // National Museum of Canada. Bull. 228. Ottawa, 1969.
- CCPP Cooperation and Competition Among Primitive Peoples. Ed. by M. Mead N. Y. and L., 1937.
- CNAE Contribution to North American Ethnology. Washington.
- CPSA Cambridge Papers in Social Anthropology.
- CSSA Cambridge Studies in Social Anthropology.
- CSWW Coast Salish and Western Washington Indians. N. Y. and L., 1974.
- EA Essays in Anthropology Presented to A. L. Kroeber in Celebration of his Birthday. Ed. by R. Lowie. Berkeley, 1936.
- ECA Exploration in Cultural Anthropology. Essays in Honor of G. P. Murdock. Ed. by W. H. Goodenough. N. Y., etc., 1964.

- EIAA Emergent Inequalities in Aboriginal Australia. Ed. by J. C. Altman // Oceania Monographs, 38. Sydney, 1989.
 NAI The North American Indian. Norwood, Mass.
 HEA A Handbook of Economic Anthropology. Ed. by J. G. Carrier. Cheltenham, UK and Northampton MA, USA, 2005.
 HE Human Ecology.
 HG1 Hunters and Gatherers 1. History, Evolution and Social Change. Ed. by T. Ingold, D. Reches, J. Woodburn. Oxford etc., 1988.
 HG2 Hunters and Gatherers 2. Property, Power and Ideology. Ed. by T. Ingold, D. Reches, J. Woodburn. Oxford etc., 1988.
 HGT Hunters and Gatherers Today. A Socioeconomic Study of Eleven Such Cultures in the Twentieth Century. Ed. by M. G. Bicchieri. N. Y. etc., 1972.
 HNAI Handbook of North American Indians. Washington.
 HPBS History and Politics in Band Societies. Ed. by E. Leacock, R. Lee. Cambridge etc., 1982.
 HSAI Handbook of South American Indians. Ed. by J. H. Steward // Smithsonian Institutions Bureau of American Ethnology. Bulletin 143. Washington.
 HSCA Handbook of Social and Cultural Anthropology. Ed. B. J. J. y Honigmann. Chicago. 1973.
 INGHS Inequality in New Guinea Highlands Societies. Ed. by A. Strathern. Cambridge, 1982.
 ISA Illinois Studies in Anthropology.
 JAR Journal of Anthropological Research.
 JPH The Journal of Pacific History.
 J(R)AI The Journal of the (Royal) Anthropological Institute of Great Britain and Ireland.
 JPS The Journal of the Polynesian Society.
 KNPME The Kula. The New Perspectives on Massim Exchange. Ed. by E. R. Leach and J. W. Leach. Cambridge, 1983.
 LSEMSA London School of Economics Monographs on Social Anthropology.
 MAAA Memoirs of the American Anthropological Association. Menasha.
 MAES Monographs of the American Ethnological Society.
 MAMNH Memoir of the American Museum of Natural History. Leiden, N. Y.
 MEA Monographs in Economic Anthropology. Lanham.
 MH Man the Hunter. Ed. by I. De Vore and R. B. Lee. Chicago, 1968.
 MI Man in India.
 NNC The Nagas in Nineteenth Century. Ed. by V. Elvin. Oxford, 1969.
 NSER National Museums Skifter Ethnografisk Rakke. Copenhagen.
 OP Omnivorous Primates. Gathering and Hunting in Human Evolution. Ed. by R. S. O. Harding and G. Teleki. N. Y., 1981.
 PAPS Proceedings of the American Philosophical Society.
 PNG Politics in New Guinea. Traditional and in the Context of Change. Some Anthropological Perspective. Ed. by R. M. Berndt and P. Lawrence. Seattle etc., 1973.

- REA Research in Economic Anthropology. Greenwich.
- RM Resource Managers: North American and Australian Hunter-Gatherers. Ed. by N. M. Williams and E. S. Hunn, Boulder. Colorado, 1982.
- RLP The Rhodes-Livingstone Papers.
- RTE Report of the Fifth Thule Expedition 1921–1924. Copenhagen.
- SATMN Southeast Asian Tribes, Minorities and Nations. Ed. by V. P. Kunstader. V. 1. Princeton, 1967.
- SCA Smithsonian Contribution to Anthropology. Washington.
- SES Senri Ethnological Studies. Osaka.
- SIBAEB Smithsonian Institutions Bureau of American Ethnology Bulletin. Washington.
- SIISAP Smithsonian Institution Institute of Social Anthropology Publication. Washington.
- SJA Southwestern Journal of Anthropology.
- SSFCHL Societas Scientiarum Fennica. Commentationes Humanarum Litterarum. Helsingfors.
- TEA Themes in Economic Anthropology. Ed. by R. Firth. L., 1967.
- TMEE Trade and Market in the Early Empires. Economies in History and Theory. Ed. by K. Polanyi, C. M. Arsenberg, and H. W. Pearson. Glencoe, 1957.
- TWR Tribes Without Rulers. Ed. By J. Middleton and D. Tait. London, 1958.
- UCPAAE University of California Publications in American Archaeology and Ethnology. Berkeley.
- VFPA Viking Fund Publications in Anthropology. N. Y.
- VPER Vanuatu. Politics, Economics and Ritual in Island Melanesia. Ed. by M. Allen. Sydney etc., 1981.
- VS Vietnamese studies. Hanoi.
- YUPA Yale University publications in Anthropology. New Haven.

Литература*

- Абрамов Н., 1860. Слобода Царево-городища с окрестностями до переименования ее городом Курганом // ТГВ. 1860. № 6.
- Абрамов Н., 1864. Город Ялutorовск и с его округом // ТГВ. 1864. № 2.
- Аверкиева Ю. П., 1941. Рабство у индейцев Северной Америки. М.; Л.
- Аверкиева Ю. П., 1960. К истории общественного строя у индейцев северо-западного побережья Северной Америки (род и потлач у тлинкитов, хайда и цимшиан) // ТИЭ. Т. 57. М.; Л.
- Аверкиева Ю. П., 1961. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений у индейцев северо-западного побережья Северной Америки // ТИЭ. Т. 70. М.
- Аверкиева Ю. П., 1967. Естественное и общественное разделение труда и проблема периодизации первобытного общества // От Аляски до Огненной Земли. М.
- Аверкиева Ю. П., 1968а. Род и община у алгонкинов и атапасков Американского Севера // РРСФКО.
- Аверкиева Ю. П., 1968б. Индейское кочевое общество XVIII–XIX вв. М.
- Аверкиева Ю. П., 1974. Индейцы Северной Америки. М.
- Аверкиева Ю. П., 1979. История теоретической мысли в американской этнографии. М.
- Автономов В. С. и др., 1999. Очерки экономической антропологии. М.
- Агларов М. А., 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. М.
- Алексеев Е. А., 1967. Кеты: Историко-этнографические очерки. Л.
- Алиев Б. Г., 1972. Каба-Дарго в XVIII–XIX вв. Махачкала.
- Алиев Б. Г., 1999. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII–XIX вв. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала.
- Алиев Б. Г., 2006. Традиционные институты управления и власти Дагестана XVII–XVIII–XIX вв. Махачкала.
- Алиев Б. Г., Умаханов М. С., 2002. Политическая география Дагестана. Кн. II. Махачкала.
- Андреев Н. Н., 1929. История общества в докапиталистическую эпоху. Л.
- Андреев Ю. В., 1976. Раннегреческий полис (гомеровский период). Л.
- Андрянов В., 1858. Как проводят праздники крестьяне Курганского округа Слободы Белозерской // ТГВ. 1858. № 48.
- Анисимов А. Ф., 1953. О социально-экономических отношениях в охотохозяйстве эвенков // СС. 1933. № 5.
- Анисимов А. Ф., 1958. Религия эвенков. М.; Л., 1958.
- Аноним, 1886. Вятский уезд (Деревенский праздник «сысыпки»). Братчина. Мирская ячница) // Волжский вестник. 1886. № 154.
- Аноним, 1965. Первобытный коммунизм // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 32. М.
- Аноним, 1975. (в пер. М. Л. Гаспарова) Стих о вселили денег // Поэзия вагантов. М.
- Анохина Л. А., Шмелева М. Н., 1964. Культура и быт колхозников Калининской области. М.
- Анатолий (Архимандрит Анатолий), 1906. Индиане Аляски. Быт и религия их. Одесса; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012.
- Аристотель, 1983а. Никомахова этика // Соч. в 4 т. Т. 4.
- Аристотель, 1983б. Политика // Соч. в 4 т. Т. 4.
- Архинчеев И. С., 1957. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства // ТИЭ. Т. 35. М.
- Аттеборо Д., 1966. Люди рая. М.
- Байбури А. К., Топорков А. Л., 1990. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л.
- Балов А. В., 1899. Очерки Пошехонья // ЭО. 1899. № 1–2.

* В список вошли лишь те работы, на которые даются ссылки в тексте.

- Барбье П. Ж., Карре М., 1885. Куплеты Мефистофеля / Пер. В. Калашникова // Фаст. Музыка Гуно. М.
- Барсукова С. Ю., 2004. Реципрокные взаимодействия. Сущность, функции. Специфика // Социс. 2004. № 9.
- Бахта В. М., 1960. К вопросу о структуре первобытного производства // ВИ. № 7.
- Бахта В. М., 1968. Папуасы Новой Гвинеи: производство и общество // ПИДО.
- Бахта В. М., Сенюта Т. В., 1972. Локальная группа, семья и узы родства в обществе аборигенов Австралии // ОСР.
- Бгажноков Б. Х., 1983. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик.
- Бибель А., 1959. Женщина и социализм. М.
- Белин Л. А. 1935. Некоторые проблемы политической экономии доклассового общества // СЭ. 1935. № 6.
- Белл Дж., 1974. Дневник пребывания в Черкессии в течение 1837, 1838, 1839 гг. // АБКИЕА.
- Бенвенист Э., 1995. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.
- Берндт Р. М., Берндт К. Х., 1981. Мир первых австралийцев. М.
- Бернштам Т. А., 1988. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л.
- Бернье Ф., 2008. История последних политических потрясений в государстве Великого Могола. М
- Бидделф Дж., [1886]. Народы населяющие Гиндукуш. Асхабад.
- Билибин Н., 1932. У западных коряков (очерк) // СС. 1932. № 1–2.
- Билибин Н., 1933а. Батрацкий труд в кочевом хозяйстве коряков // СС. 1933. № 1.
- Билибин Н. Н., 1933б. Классовое расслоение кочевых коряков. [Хабаровск].
- Билибин Н., 1934а. Обмен у коряков. Л.
- Билибин Н. Н., 1934б. Формы материального производства у коряков Пенжинской губы (По материалам Корякской кулбазы Комитета Севера) // ПИДО. 1934. № 6.
- Блинов А. И., 1947. Партнерство (к вопросу о ранних формах обмена) // ТИЭ. Т. 2. М.
- Блок М., 2003. Феодалное общество. М.
- Богатырев П. Г. 1916. Веражения великорусов Шенкурского уезда // ЭО. 1916. № 3–4.
- Богораз В. Г., 1900. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора. Ч. 1. Образцы народной словесности чукоч. СПб.
- Богораз В. Г., 1934. Чукчи. Ч. 1. Л.; 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012.
- Богораз В. Г., 1939. Чукчи. Ч. 2. Л.; 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011.
- Богораз-Тан В. Г., 1931. Классовое расслоение у чукоч оленеводов // СЭ. 1931. № 1–2.
- Боцвадзе Т., 1965. Социально-экономические отношения в Кабарде в первой половине XIX в. Тбилиси.
- Бравина М. В., 1875. Село Оленино и селения, составляющие Оленинскую волость Горбатовского уезда Нижегородской губернии // НС. Т. 5.
- Бромлей Ю. В. (ред.), 1983–1988. История первобытного общества. Т. 1–3. М.
- Брюханов П. А., 1947. Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой половине XIX века // Сб. трудов Пятигорского пед. ин-та. Вып. 1. Ставрополь.
- Буае Р., 2012. Викинг. История и цивилизация. СПб.
- Бутинов Н. А., 1960. Разделение труда в первобытном обществе // ТИЭ. Т. 54. М.; Л.
- Бутинов Н. А., 1968. Папуасы Новой Гвинеи (хозяйственно-общественный строй). М.
- Бутинов Н. А., 1979. Американская экономическая этнология (формализм и субстантивизм) // Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Л.
- Бухарин Н. И., 1920. Экономика переходного периода. М.
- Бухарин Н., 1924а. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М.; Пг.
- Бухарин Н. И., 1924б. К постановке проблем теории исторического материализма // Бухарин Н. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М.; Пг.
- Бухарин Н. И., 1925. Выступление на дискуссии // ВКА. Кн. 11.
- Бюхер К., 1897. Происхождение народного хозяйства и образование общественных классов (две публичные лекции). СПб.
- Бюхер К., 1898. Хозяйство первобытных народов. Ковно.
- Бюхер К., 1899. Экономический строй первобытных народов. Одесса.

- Бюхер К., 1918. Возникновение народного хозяйства. Пг.
- Вайдя С., 1968. Острова, залитые солнцем. М.
- Васильев Б. А., 1929. Основные черты этнографии ороков // Этнография. 1929. № 1.
- Васильев Б. А., 1946. Медвежий праздник // СЭ. 1946. № 4.
- Васильев Л. С., 1982. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.
- Вебер М., 1923. История хозяйства. Пг.
- Вебер М., 1990. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М.
- Вениаминов И., 1840. Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. 2. СПб.
- Верещагин Г., 1886. Вотяки Сосновского края // ЗИРГООЭ. Т. 14. Вып. 2. СПб.
- Вильсон Э., 1986. Загадки муравьиных «государств» // За рубежом. 1986. № 37.
- Винклер Г., 1913. Вавилонская культура и ее отношение к культурному развитию человечества. М.
- Виткин М. А., 1968. Проблема перехода от первичной формации ко вторичной // ПИДО.
- Виткин М. А., 1972. Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса. М.
- Власов К. И., 1962. Значение родовых отношений в первобытном обществе // ВФ. 1962. № 11.
- Вольевич Я., 1976. У аборигенов Оксани. М.
- Воляк Е., 1978. Архипелаг мореплавателей. М.
- Врангель Ф. П., 1839. Обитатели северо-западных берегов Америки // Сын отечества. Т. 7.
- Гаврилов М. Ф., 1927а. Классовый состав «букары» горной Киргизии // САКА. Вып. 10. 1927.
- Гаврилов М. Ф., 1927б. Манап // САКА. Вып. 10. 1927.
- Гаджиев В. Г. (ред.), 1981. Общественный строй союзных сельских общин Дагестана в XVII – начале XIX в. (Сборник научных работ). Махачкала.
- Гаджиев В. Г., 1981. Союзы сельских общин Дагестана // ОСССОД.
- Гапанович И. И., 1926. Камчатка: Природа, население, хозяйство. Владивосток.
- Гарданов В. К., 1967. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М.
- Гасвани Г. А., 1981. Социально-экономическая структура Сванетии в XI–XVIII вв. // ОСССОД.
- Гатиев Б., 1876. Суевверия и предрассудки у осетин // ССКГ. Вып. 9.
- Гегель Г. В. Ф., 1935. Философия истории // Сочинения. Т. 8. М.
- Гельмольд, 1963. Славянская хроника. М.
- Годелье М., 2007. Загадка дара. М.
- Годинер Э. С., 1982. Возникновение и эволюция государства в Буганде. М.
- Гомперц Т., 1999. Греческие мыслители. Минск.
- Гондatti Н. Л., 1888. Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // ИИОЛЕАЭ. Т. 48. Вып. 2. ТОЭ. Кн. 8.
- Гордиенко П., 1931. Ойротия. Новосибирск.
- Гофман А. Б., 1976. Социологические концепции Марселя Моссса // Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды. М.
- Гофман А. Б., 1996. Социальная антропология Марселя Моссса // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии, М.
- Гочиев Г. Т., 1977. Фетишизация затрат в обычаях и обрядах // Новый быт — новые обычаи (Формирование прогрессивных традиций у народов Карачаево-Черкесии). Ставрополь.
- Грабовский Н. Ф., 1876. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Вып. 9.
- Грей Дж., 1961. Разделение и связь // Курьер ЮНЕСКО. 1961. № 7–8.
- Гринберг Р., Рубинштейн А., 2010. Теория, инновации и контуры будущей экономики в диалоге с Кеннетом Эрроу // Вопросы экономики. 2010. № 10.
- Гринев А. В., 1990. Ред.: S. A. Kan. Symbolic Immorality. The Tlingit Potlach of the Nineteenth Century. Washington, L., 1990 // ЭО. № 1.
- Громыко М. М., 1986. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.
- Громыко М. М., 1990. Мир русской деревни. М.
- Гроссе Э., 1898. Формы семьи и формы хозяйства. М.

- Гроций Г., 1994. О праве войны и мира. М.
- Гуляев Г. Н., 1975. Финансовая сторона крестьянской свадьбы в селе Васильевом Майдане // НС. Т. 5.
- Гуревич А. Я., 1970. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.
- Гуртовий И. Л., 1928. Условия найма рабочей силы в крестьянском хозяйстве Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 9–10.
- Даль В. 1882. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб.; М.
- Данилова Л. В., 1968. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // ПИДО.
- Данилова Л. В. и Данилов В. П., 1978. Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: Проблемы типологии.
- Дахшлейгер Г. Ф., 1961. К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле (1921–1928). М.
- Дахшлейгер Г. Ф., 1965. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1922 гг.). Алма-Ата.
- Де Лаат З. Я. (ред.), 2003. История человечества. Т. 1. Доисторические времена и начало цивилизации. М.
- Джонс Р., 1937а. Вводная лекция по политической экономии // Экономические сочинения. Л.
- Джонс Р., 1937б. Политическая экономия народов // Экономические сочинения. Л.; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011.
- Дзагурова В. П., 1974. Еще раз о союзах сельских общин // Вопросы истории Дагестана Махачкала.
- Джимов Б. М., 1986. Социально-экономическое и политическое положение адыгов в XIX в. Майкоп.
- Дзенискевич Г. И., 1987. Атапаски Аляски. Очерки материальной и духовной культуры. Конец XVIII – начало XX в. Л.
- Лидро Д., 1956. Добавление к «Путешествию» Бугенвиля // Избранные атеистические произведения. М.
- Лиев М., 1887. Письма И. М. Снегиреву 1830–1857 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1887. Кн. 1.
- Добросмилов А. И., 1895. Скотоводство в Тургайской области. Оренбург.
- Дробышевский С. В., 2010а. Предшественники. Предки? Архантропы. Гоминиды, переходные от архантропов к палеоантропам. М.: Издательство ЛКИ/URSS.
- Дробышевский С. В., 2010б. Предшественники. Предки? Палеоантропы. М.: Издательство ЛКИ/URSS.
- Дуглас М., 2000. Чистота и опасность. М.
- Дуйсбург А. Я., 1933. Праздник «барана» в деревне Б. Будогошь // СЭ. 1933. № 5–6.
- Дюби Ж., 2000. Трехчастная модель или представление средневекового общества о самом себе. М.
- Дюркгейм Э., 1900. Об общественном разделении труда. Одесса.
- Дятел Е. П., 1973а. Собственность первичных формаций. К постановке проблемы // Актуальные вопросы марксистско-ленинской политической экономии. Хабаровск.
- Дятел Е. П., 1973б. Формы присвоения и распределения у охотников и собирателей Африки // НАА. 1973. № 6.
- Дятел Е. П., 1974. Присваивающее хозяйство у пигмеев, бушменов и тидинга: особенности воспроизводства и развития // АВОПР.
- Ефименко А. Я., 1878. Юридические обычаи лопарей, корелов и самоедов Архангельской губернии // ЗИРГООЭ. Т. 8.
- Ефименко П. С., 1869. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии / Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1867 и 1868 гг.. Вып. 3. Архангельск.
- Ефименко П. С., 1877. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Ч. 1 // ИИОЛЕАЭ. Т. 30. Вып. 1. ТЭО. Кн. 5., Вып. 1. М.
- Загоскин Л. А., 1956. Путешествия исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М.
- Зеленин Д. К., 1915. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 2. СПб.

- Зеленин Д. К., 1928. Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая // Сборник отделения русского языка и словесности АН СССР. Т. 101. № 3. Л.
- Зеленин Д. К., 1934. Имущественные запреты как пережитки первобытного коммунизма // ТИАЭ. Вып. 1. Л.
- Зеленин Д. К., 1991. Восточнославянская этнография. М.
- Зибарев В. А., 1990. Юстиция у малых народов Севера (XVII–XVIII вв.). Томск.
- Зибер Н. И., 1883. Очерки первобытной экономической культуры. М.
- Знаменский П., 1867. Горные черемисы Казанского края // Вестник Европы. 1867. Т. 4. Декабрь.
- Зобнин Ф., 1894. Из года в год (описание круговорота крестьянской жизни в с. Усть-Ницинском Тюменского округа) // ЖС. 1894. Вып. 1.
- Зобнин Ф., 1898. Усть-Ницинская слобода Тюменского уезда Тобольской губернии // ЖС. 1898. Вып. 2.
- Золотарев А. М., 1939. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск.
- Иваницкий Н. А., 1890. Материалы по этнографии Вологодской губернии // ИИОЛЕАЭ. Т. 69. ТЭО Т. 11. Вып. 1. М.
- Иванова Ю. В., 1974. Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа. М.
- Инама-Штернегг [К. Т.], 1899. Сословия. История сословий в Германии // Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб.
- Иохельсон В. И., 1898. По рекам Ясачной и Коркорлону. Древний и современный юкагирский быт и письма // ИИРГО. Т. 34. Вып. 3.
- Иохельсон В. И., 2005. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы. Новосибирск
- Исландские саги. М., 1956.
- Итс Р. Ф., 1982. Об общественном устройстве ляншаньских и (ицзу) // СНВ. Вып. 23. М.
- Итс Р. Ф., Яковлев А. Г., 1967. К вопросу о социально-экономическом строе ляншаньской группы народности // Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л.
- К., 1858. Очерки Васюганской тундры. Тундра, лес, река, быт остяков // ТГВ. № 11.
- Кабо В. Р., 1962. Каменные орудия австралийцев // ТИЭ. Т. 80, М; Л.
- Кабо В. Р., 1968. Первобытная община охотников и собирателей (по австралийским материалам) // ПИДО.
- Кабо В. Р., 1986. Первобытная доземледельческая община. М.
- Кабо В. Р., 1989. Предисловие // Роуз Ф. Аборигены Австралии. Традиционное общество. М.
- Кагаров В. Г., 1937а. Общественный строй греков в гомеровскую эпоху // СЭ. № 4.
- Кагаров В. Г., 1937б. Пережитки первобытного коммунизма в общественном строе древних греков и германцев. М.; Л.; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012.
- Кажаров В. Х., 1994. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик.
- Калоев Б. А., 1971. Осетины (историко-этнографическое исследование). М.
- Картье Ж., 1999. Краткий рассказ о плавании, совершенном к островам Канады, Хошелаге, Сагенею и другим с описанием нравов, языка и обычаев их жителей. М.
- Каутский К., 1907а. Общественные инстинкты в мире животных // Каутский К. Очерки и этюды. СПб.
- Каутский К., 1907б. Общественные инстинкты у людей // Каутский К. Очерки и этюды. СПб.
- Каутский К., 1922. Этика и материалистическое понимание истории. М.; 2-е изд. М.: URSS, 2004.
- Каутский К., 1923. Размножение и развитие в природе и обществе. Харьков.
- Кауфман А. А., 1897. Крестьянская община в Сибири. По местным исследованиям 1886–1892 гг. СПб.; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011.
- Кибер (доктор Кибер), 1823. Замечания о некоторых предметах естественной истории, учиненные в Нижне-Колымске и окрестностях оного в 1821 году // Сибирский вестник. Ч. 2.
- Ким С. Р., 1968. Раннеклассовое государство в центральном Камеруне (по материалам султана Бахум XIV–XIX вв. // ПИДО.
- Киплинг Дж. Р. (в пер. С. Займовского), 1936. Законы джунглей // Избранные стихи. Л.

- Кипятков В. Е., 2013. Мир общественных насекомых. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS.
- Кириллов А. С., 1928. Земельная реформа в Дагестане. М.
- Кисляков Н. А., 1936. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло // ТИАЭ. Т. 10. Этнографическая серия. № 2. М.; Л.
- Кобищанов Ю. М., 1974. Африканские феодальные общества: воспроизводство и неравномерность развития // АВОПР.
- Ковалевский М. М., 1890. Закон и обычай на Кавказе. Т. 2. М.
- Ковалевский М. М., 1913. Обособление дозволенных и недозволенных действий // Новые идеи в социологии. Сб. 4. СПб.
- Ковалевский С. Д., 1977. Образование классового общества и государства в Швеции. М.
- Ковязин Н., 1931. Комовские тунгусы // СС. 1931. № 7–8.
- Козлов Г. А. (ред.), 1969. Политическая экономия. Т. I. М.
- Коландер Д. и др., 2010. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки // Вопросы экономики. 2010. № 6.
- Колганов А. И., 2012. Что такое социализм? Марксистская версия. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS.
- Колганов В. М., 1962. Собственность. Докапиталистические формации. М.
- Коландер Д. и др., 2010. Финансовый кризис и провалы современной экономической науки // Вопросы экономики. 2010. № 6.
- Колумб Х., 1950. Путешествия Христофора Колумба. Дневники, письма, документы. М.
- Кондоминас Ж., 1968. Лес священного камня. М.
- Косвен М., 1925. Преступление и наказание в догосударственном обществе. М.
- Косвен М., 1927. Происхождение обмена и меры ценности. М.; Л.
- Косвен М. О., 1957. Очерки истории первобытной культуры. М.
- Косвен М. О., 1963. Семейная община и патронимия. М.
- Кочакова Я. Б., 1968. Города-государства йорубов. М.
- Кочакова Я. Б., 1986. Рождение африканской цивилизации. Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея. М.
- Крапивенский С. Э., 1963. По поводу так называемой ошибки Ф. Энгельса // ФН. 1963. № 2.
- Крейнович Е. А., 1935. Охота на белуху у гиликов деревни Пуир // СЭ. 1935. № 2.
- Крейнович Е. А., 1973. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. М.
- Кропоткин П., 1922. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. Пг.; М.
- Крюков В. М., 1997. Ритуальная коммуникация в древнем Китае. М.
- Ксенофонт, 1993. Домострой // Ксенофонт. Сократические сочинения. СПб.
- Кузнецов А. С., 1964. О методологических истоках учебника П. Самуэльсона «Экономика» // Самуэльсон П. Экономика. М.
- Куликов М. И., 1958. Характер экономических (производственных) отношений у чукчей в конце XIX и начале XX в. // Сборник статей по истории Дальнего Востока. Под ред. М. Н. Тихомирова. М.
- Кумыков Т. Х., 1959. Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии. Нальчик.
- Кунов Г., 1929. Всеобщая история хозяйства. Т. 1. Хозяйство первобытных и полукультурных народов. М.; Л.
- Кунов Г. 1930. Марксова теория исторического процесса, общества и государства. Т. 2. М.; Л.; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2010.
- Кучмезова М., 1972а. Землевладение и землепользование в Балкарии по обычному праву // Вестник Кабардино-Балкарского НИИ. Вып. 6. Нальчик.
- Кучмезова М., 1972б. Имущественное и наследственное права балкарцев в VIX в. // Там же.
- Кушнер П., 1927. Маналство в Горной Киргизии // Революционный Восток. 1927. № 2.
- Кушнер (Кнышев) П., 1929. Горная Киргизия (социологическая разведка). М.
- Кушнер-Кнышев П., 1931. Предисловие // Гуковский А., Тахтенберг О. Очерк истории докапиталистического общества и происхождения капитализма. М.
- Лавик-Гудолл Дж., 1974. В тени человека. М.
- Левада Ю. А., 1983. Проблемы экономической антропологии у К. Маркса // Экономика и общество. Сборник трудов ВНИИСИ. 8.
- Ле Гофф Ж., 2007. Рождение Европы. СПб.
- Ланглюа Ш. В., Сеньобос Ш., 2004. Введение в изучение истории. М.

- Левин М. Г., Потапов Л. П. (ред.), 1956. Народы Сибири. М.
- Ленин В. И., 1а. Что такое «дружья народа» и как они воюют против социал-демократов? Вып. 1 // Полн. собр. соч. Т. 1.
- Ленин В. И., 1б. Экономическое содержание народничества и его критика в книге г. Струве // Полн. собр. соч. Т. 1.
- Ленин В. И., 4. Рецензия на книгу А. Богданова «Краткий курс экономической науки» // Полн. собр. соч. Т. 4.
- Ленин В. И., 18. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18.
- Ленин В. И., 39. О государстве // Полн. собр. соч. т. 39.
- Ленин В. И., 48. Письмо к А. М. Горькому // Полн. собр. соч. Т. 48.
- Ленин В. И., 1929. Замечания на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода» // Ленинский сборник. XI. М.; Л.
- Ленцман Я. А., 1963. Рабство в Микенской и Гомеровской Греции. М.
- Леонтович С., 1897. Природа и население бассейна р. Тумы // Землеведение. 1897. Т. 4. Кн. 3–4.
- Летурно Ш., 1897. Эволюция рабства. М.
- Летурно Ш., 1899. Эволюция собственности. СПб; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012.
- Летурно Ш., 1899. Эволюция торговли. СПб.
- Липс Ю., 1954. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества. М.
- Литавин Г. Г. (ред.), 1991. Раннефеодальные государства и народности, М.
- Лихтенберг Ю. М., 1949. Система родства о. Рага и вопрос о геронтократии в Меланезии // СМАЭ. XII. М.; Л.
- Лопатин И. А., 1922. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования. Владивосток.
- Лурье С. Я., 1940. История Древней Греции. Л.
- Люксембург Р., 2010. Введение в политическую экономию. М.: Красанд/URSS.
- Мабли Г., 1950. О законодательстве, или Принципы законов // Избранные произведения. М.; Л.
- Магомедов Р. М., 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVII – начале XIX вв. Махачкала.
- Магомедов Д. М., 1981. Некоторые особенности социального развития союзов сельских общин Дагестана в XV – нач. XVIII вв. // ОССОД.
- Макаренко А. А., 1907. Канун по сибирским деревням (Восточная Сибирь. Енисейская губерния) // ЖС. 1907. Вып. 4.
- Макаренко А. А., 1913. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния // ЗИРГООЭ. Т. 36. СПб.
- Маковецкий П. Е., 1886. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. 1. Матеотальное право. Омск.
- Мамедов Р. М., 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала.
- Мансуров А. А., 1930. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края. Вып. 3. Рязань.
- Мареев С. Н., 2008. Из истории советской философии: Лукач, Выготский, Ильенков. М.
- Маретин Ю. В., 1968. Основные типы общины в Индонезии // ПИДО.
- Маретин Ю. В., 1972. Кочевые кубу Суматры и их место на ступенях эволюции общества // ОСР.
- Маретина С. А., 1980. Эволюция общественного строя у горных народов Северо-Восточной Индии. М.
- Маретина С. А., 1995. Андаманы. СПб.
- Марзей А. С., 2000. Черкесское наездничество «Зеклуэ». М.
- Маркс К., 3. Тезисы о Фейербахе // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 3.
- Маркс К., 4. Ницше философии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 4.
- Маркс К., 9. Военный вопрос — Парламентские дела — Индия // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 9.
- Маркс К., 13. К критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. Т. 13.
- Маркс К., 16. О Прудоне (письмо И. Б. Швейцера) // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. Т. 16.

- Маркс К., 19. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 19.
- Маркс К., 23. Капитал. Т. 1 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 23.
- Маркс К., 25.1. Капитал. Т. 3. Кн. 3. Ч. 1 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 25. Ч. 1.
- Маркс К., 25.2. Капитал. Т. 3. Кн. 3. Ч. 2 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. Т. 25. Ч. 2.
- Маркс К., 27. Письмо П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 27.
- Маркс К., 29. Письмо Ф. Энгельсу 2 апреля 1858 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 29.
- Маркс К., 42. Экономическо-философские рукописи 1842 года // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 42.
- Маркс К., 45. Конспект книги Льюиса Генри Моргана «Древнее общество» // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 45.
- Маркс К., 46.1. Экономические рукописи 1857–1858 годов (первый вариант «Капитала»). Ч. 1 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 46. Ч. 1.
- Маркс К., 46.2. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала»). Ч. 2 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 46. Ч. 2.
- Маркс К., 48. Экономическая рукопись 1861–1863 годов // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 48.
- Маркс К. и Энгельс Ф., 2. Святое семейство // Соч. Изд. 2. Т. 2.
- Маркс К. и Энгельс Ф., 3. Немецкая идеология // Соч. Изд. 2. Т. 3. М., 1955.
- Маркс К. и Энгельс Ф., 4. Манифест Коммунистической партии // Соч. Изд. 2. Т. 4.
- Маркс К. и Энгельс Ф. 1955. Избранные произведения. Т. 2. М.
- Маркс К. и Энгельс Ф. 1966. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений. М.
- Маслов П. П. 1934. Кочевые объединения единоличных хозяйств в тундре Северного края // СС. 1934. № 5.
- Маслов П., 1935 Организация северного промыслового хозяйства // Крайний Север. Вып. 1. М.
- Межуев В. М., 2007. Маркс против марксизма. М.
- Мелвилл Г., 1956. Тайпи. М.
- Мердок Дж. П., 2003. Социальная структура. М.
- Меретуков М. А., 1985. Гостеприимство у горцев Северного Кавказа // Материалы по этнографии Грузии. 22. Тбилиси.
- Миддендорф А., 1878. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 2. Север и Восток Сибири в естественно-историческом отношении. СПб.
- Миненко Н. А., 1989. Живая старина. Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск.
- Михайловский Н. К., 1894. Литература и жизнь // Русское богатство. 1894. № 1,
- Монтень М. 1954. Опыты. Кн. 1. М.
- Морган Л. Г. 1934а. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации // МПЭ. Т. 1. Л.
- Морган Л. Г. 1934б. Дома и домашняя жизнь американских индейцев // МПЭ. Т. 2. Л.; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2013.
- Морган Л. Г., 1983. Лига Ходенсауни, или ирокезов. М.
- Морелли, 1957. Кодекс природы или истинный дух ее законов. М.; Л.
- Моторин Н. А. (ред.), 1932. Первобытное общество. М.
- Мусукаев А. И., 1990. Традиционное гостеприимство кабардинцев и балкарцев. Нальчик.
- Невская В., 1960. Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (дореформенный период). Черкесск.
- Неусыхин А., 1929. Общественный строй древних германцев. М.,
- Неусыхин А. И., 1956. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе в VI–VIII веках. М.
- Неусыхин А. И., 1968. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному (на материалах истории Западной Европы раннего средневековья) // ПИДО.
- Нибур Г. И., 1907. Рабство как система хозяйства. Этнологическое исследование. М.; 2-е изд. М.: Красанд/URSS, 2011.

- Николаева У. Г., 2005а. Экономическая архаика и современность. М.
- Николаева У. Г., 2005б. Vita pluvia архаических экономических отношений. Загадки современной российской неформальной экономики. М.
- Никольский В. К., 1929. Доклассовое общество // Преображенский В. Д. Очерк истории общественных форм. М.
- Никольский В. К., 1933. Первобытно-коммунистическая формация // Преображенский В. Д. Краткий очерк экономики докапиталистических формаций. М.
- Никольский Н. П., 1939. Первобытные производственные отношения и социалистическое строительство у эвенков. Л.
- Носилов К., 1888. Юридические обычаи маньчжур // Сборник материалов по этнографии, издаваемых при Дашковском этнографическом музее. Вып. 3. М.
- Нуреев Н. М., 1989. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе.
- Обычкин Т. Д., 1963. Письмо в редакцию // ВФ. 1963. № 3.
- Олдерогге Д. А., Потехин И. И., 1951. Функциональная школа на службе британского империализма // Англо-американская этнография на службе империализма. М.
- Орлова А. С., 1968. История государства Конго в XVI–XVIII вв. М.
- Орлова А. С., Львова Э. С., 1978. Страницы истории великой саванны. М.
- Османов Г. Г., 1965. Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула. М.
- Патнем Э., 1961. Восемь лет среди пигмеев. М.
- Пекарский Э. К. и Цветков В. П., 1913. Очерки быта приамурских тунгусов // СМАЭ. Т. 2. Вып. 1. СПб.
- Передельский Е., 1883. Станица Темижбековская и песни, поющиеся в ней // СМОМПК. Вып. 3. Тифлис.
- Периц А. И., 1955. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории // СЭ, 1955. № 4.
- Периц А. И., 1960. Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории // ТИЭ. Т. 5. М.; Л.
- Периц А. И., Хазанов А. М. (ред.), 1978. Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий (Проблемы исторических контактов). М.
- Петраков Н., 1992. От экономических фетишей к логике свободной экономики // Хайек Ф. А. Дорога к рабству. М.
- Петраков Н., 1998. Русская рулетка. М.
- Петров В., 1914. Мецкерский край (этнографический очерк) // Вестник Рязанского губернского земства. 1914. № 1.
- Петрушевский Д. М., 1913. Общество и государство у Гомера. М.; 3-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2011.
- Петрушевский Д. М., 1922. Средневековое общество и государство. М.
- Петрушевский Д. М., 1928. Очерки из экономической истории средневековой Европы. М.; Л.
- Пилсудский Бр., 1914. На медвежьем празднике айнов о. Сахалина // ЖС. 1914. Вып. 1–2.
- Платковский В., 1959. Выдающееся произведение научного коммунизма // Коммунист. 1959. № 14.
- Плеханов Г. В., 1956. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Избранные философские произведения. Т. 1. М.
- Погорельский П. и Батраков В., 1930. Экономика кочевого аула Киргизстана. М.
- Поджидов В. П., 1925. Хозяйственный быт Кабарды (историко-этнографический очерк) // Труды естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды. Т. 3. Вып. 1. Воронеж.
- Покровский М., 1958. Адыгские племена в конце XVIII – первой половине XIX в. // ТИЭ. Т. 46.
- Поланы К., 2002. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.
- Поланы К., 2010. Аристотель открывает экономику // Избранные работы. М.
- Пономарев С., 1887. Очерки народного быта. Обычное право // Северный вестник. 1887. № 2.
- Попов А. А., 1984. Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л.

- Попов А. Н., 1854. Пирь и братчины // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Книги второй половины первая. М.
- Попов К. А., 1874. Зыряне и зырянский край // ИОЛЕАЭ. Т. 13. Вып. 2. ТЭО. Кн. 3. Вып. 2.
- Попов Т., 1866. Слобода Такмышка // ТГВ. 1866. 9.
- Потапов Л. П., 1933. Очерк истории Ойротии. Новосибирск.
- Потапов Л. П., 1935. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. 1. Материальное производство / ИГАИМК. Вып. 128. М.; Л.
- Потапов Л. П., 1936. Очерки по истории Шории. М.; Л.
- Преображенский А., 1853а. Волость Покровско-Сникая. Ярославская губ. Моложский у. // ЭС. Вып. 1.
- Преображенский А., 1853б. Приход Станиловский на Сити. Ярославская губ., Моложского у. // ЭС. Вып. 1.
- Пригожин А. Г., 1933. Карл Маркс и проблема социально-экономической формации // ИГАИМК. Вып. 68.
- Пр-ский Ив., 1856. Сельский праздник (этнографические очерки Кадниковского уезда) // Современник. 1856. Т. 106.
- Рабинович М. Г., 1978. Очерки этнографии русского феодального города. М.
- Равдоникас В. И., 1934. История первобытного общества. Ч. 1. Л.
- Равдоникас В. И., 1947. История первобытного общества. Ч. 2. Л.
- Расмуссен К., 1958. Великий санний путь. М.
- Расцветаев М. К. 1932. Очерки по экономике и общественному быту у якутов. Л.
- Расцветаев М. К. 1933. Тунгусы Мамяльского рода. Социально-экономический очерк с приложением бюджетов // Труды Совета по изучению производительных сил АН СССР. Серия якутская. Вып. 13. Л.
- Р-в П., 1885. От Колымы до Якутска // Сибирь. 7.
- Рейнак С., 1919. Орфей. Всеобщая история религий. Вып. 1. М.
- Рейхарт В. 1934. Очерки по экономике докапиталистических формаций. М.; Л.
- Решетов А. М., 1982. Социально-экономические отношения у дулун в первой половине XX в. // СНВ. Вып. 23.
- Решин А. И., 2001. Еще раз о «феодальной революции» и источниках ее изучения в монографии Д. Бартеlemi «Имела ли место революция тысячного года?» // Средние века. Вып. 62. М.
- Риделанд Ф., 1973. Остров в Меланезии. М.
- Рикардо Д. 1955. Начала политической экономии и налогового обложения // Сочинения. Т. 1. М.
- Рикман Э. А., 1983. Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М.
- Риттер Э. А., 1968. Чака Зулу. Возвышение зулусской империи. М.
- Робертсон Дж. С., 1906. Кафиры Гиндукуша. Ташкент.
- Роуз Ф., 1989. Аборигены Австралии. Традиционное общество. М.
- Румянцев А. М., 1981. Возникновение и развитие первобытного способа производства. Присваивающее хозяйство (политико-экономические очерки). М.
- Румянцев А. М., 1985. Возникновение и развитие первобытного способа производства. Первобытное воспроизводящее хозяйство (политико-экономические очерки). М.
- Румянцев А. М., 1987. Первобытный способ производства. Политико-экономические очерки. М.
- Рычков К. М., 1917. Енисейские тунгусы // Землеведение. 1917. Кн. 1–2.
- Рычков К. М., 1922а. Енисейские тунгусы // Землеведение. 1922. Кн. 1–2.
- Рычков К. М., 1922б. Енисейские тунгусы // Землеведение. 1922. Кн. 3–4.
- Салинс М., 1999. Экономика каменного века. М.
- Самохин А. Т., 1929. Тунгусы Бодайбинского района. Статистико-экономический очерк // Сибирская живая старина. 1929. Вып. 8–9.
- Сахаров И. П., 1885. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. Народный дневник. Праздники и обычаи. Кн. 2. СПб. (1 изд. — 1836, 1837).
- Свердлов М. Б., 1997. Становление феодализм в славянских странах. СПб.
- Семевский В. И., 1882. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. // Устол. 1882. № 2.

- Семенов Ю. И., 1968. Об одной из ранних нерабовладельческих форм эксплуатации // РРСФКО.
- Семенов Ю. И., 1969. Рецензия на книгу: Бутинов Н. А. Папуасы Новой Гвинеи. М., 1968 // СЭ. 1969. № 3.
- Семенов Ю. И., 1973. Теоретические проблемы «экономической антропологии» // Этнологические исследования за рубежом. Критические очерки. М.
- Семенов Ю. И., 1974. Происхождение брака и семьи. М.
- Семенов Ю. И., 1976. Первобытная коммуна и соседская крестьянская община // Становление классов и государства. М.
- Семенов Ю. И., 1985. Типология ранних форм эксплуатации // НАА. 1985. № 4.
- Семенов Ю. И., 1989а. Рец.: В. А. Шнирельман. Возникновение производящего хозяйства // СЭ. 1989. № 4.
- Семенов Ю. И., 1989б. На заре человеческой истории. М.
- Семенов Ю. И., 1992. О «социологии племени», теоретическом мышлении и многом другом // ЭО, 1992. № 5.
- Семенов Ю. И., 1993. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. Вып. 1–3. М.
- Семенов Ю. И., 1998. Предмет этнографии (этнологии) и основные составляющие ее научных дисциплины // ЭО. 1998. № 2.
- Семенов Ю. И., 2002а. Как возникло человечество. 2-е изд. С новым предисловием и приложениями. М.
- Семенов Ю. И., 2002б. Общая теория традиционной крестьянской экономики (крестьянско-общинного способа производства // Власть земли. Традиционная экономика крестьянства России XIX века начала XX века. М.
- Семенов Ю. И., 2003а. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней. М.
- Семенов Ю. И., 2003б. О мосм «пути в первобытность» // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. М.
- Семенов Ю. И., 2009. Возникновение и развитие социальных норм // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 6. Культурное наследие и его развивающиеся добродетели. Под ред. М. Н. Губоголо. М.
- Семенов Ю. И., 2010. Происхождение брака и семьи. 2-е изд. М.: Красанд/URSS.
- Семенов Ю. И., 2011. Политарный («азиатский») способ производства: Сущность и место в истории человечества и России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS.
- Семенов Ю. И., 2013а. Введение в науку философии. Книга 2. Вечные проблемы философии. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS.
- Семенов Ю. И., 2013б. Введение в науку философии. Книга 4. Современные проблемы теории познания, или логики разумного мышления. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS.
- Семенов Ю. И., 2013в. Введение в науку философии. Книга 5. Проблема истины. Мышление, воля и мозг. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS.
- Семеновский Б. Н., 1941. Экономика кочевого хозяйства Казахстана в начале реконструктивного периода // Известия Всесоюзного Географического общества. Т. 73. Вып. 1. М.; Л.
- Сергеев М. А., 1955. Некапиталистический путь развития малых народов Севера // ТИЭ. Т. 17. М.; Л.
- Сергеева Г. А., 1993. Свадьба у народов Дагестана в XX в: общее и особенное // Свадебные обряды народов России и ближнего зарубежья. М.
- Сергучевский А., 1907. Очерки Белоруссии (из жизни полесских белорусов южной части Слуцкого у. Минской губернии) // ЖС. 1907. Вып. 3.
- Сидоров И. М., 1874. Описание Кудинского инородческого ведомства Иркутской губернии и округа // Иркутские епархиальные ведомости. 1874. 14.
- Скалон В., 1930. В тундре Северного Таза (фактические данные к вопросу о классовом расслоении) // СС. № 3.
- Скачко А., 1930. Имущественные показатели социальных групп у малых народов Севера // СС. 1930. № 3.

- Скачко А., 1931. Социально-производственные отношения в охотничьем хозяйстве Севера // СС. 1931. № 11–12.
- Скачко А., 1933. О социальной структуре малых народов Севера // СС. 1933. № 2. № 3.
- Скворцов-Степанов И. И., 1925. Что такое политическая экономия? // ВКА. Кн. 11. М.
- Сластухин Ф., 1933. Социалистическая перестройка кочевого казахского аула // СЭ. 1933. № 1.
- Смирнов Н. И., 1890. Вотяки. Историко-этнографический очерк // ИОАИЭ. Т. 8. Вып. 2.
- Смирнов Н. И., 1891. Пермь. Историко-этнографический очерк // ИОАИЭ. Т. 9. Вып. 2.; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012.
- Смит А., 1952. Исследование о природе и причине богатства народов. М.
- Снегирев И., 1839. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 4.
- Соколова М. В., 2009. Феномен гостеприимства на Древнем Востоке и в античном мире. М.
- Соколовский В. А., 1926. Казахский аул. Ташкент.
- Соловьев С., 1856. Братчины // Русская беседа. 1856. Кн. 4.
- Софокл, 1988. Антигона (в пер. С. Шервинского и В. Позднякова) // Софокл. Трагедии. М.
- Спиноза Б., 1957. Политический трактат // Избранные произведения. М.
- Спиридонов Н. И., 1930. Одулы (юкагиры) Колымского округа // СС. 1930. № 9–12.
- Сталин И., 1953. О диалектическом и историческом материализме. М.
- Стингл М., 1978. По незнакомой Микронезии. М.
- Стингл М., 1986. Приключения в Океании. М.
- Страханович Г. Г., 1967. Ритуальное убийство быка (по материалам обрядности народов Восточной и Юго-Восточной Азии) // Религия и мифология народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М.
- Стринггольм А., 2002. Походы викингов. М.
- Струков К., 1865. Очерки монголо-бурят, кочующих в Восточной Сибири // Записки Сибирского отдела ИРГО. Кн. 8.
- Студенецкая Н., 1937. К вопросу о феодализме и рабстве в Карачае // СЭ. 1937. № 2–3.
- Сутерланд А., 1900. Происхождение и развитие нравственного инстинкта. СПб.
- Суслов И. М., 1928. Социальная культура у тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски и верховьев р. Таймуры (Из материалов Чунской экспедиции 1926 года) // Северная Азия. 1928. № 1.
- Сусолов А. А., 2006. Культура и обмен: Введение в экономическую антропологию. М.
- Сысоев В. М., 1913. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении // СМОМПК. Вып. 43. Тифлис.
- Тавернье Ж. Б., 1974. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет // АБКИЕА.
- Такала И. Р. 2002. Веселие Руси. История алкогольной проблемы в России. СПб.
- Таксами Ч. М., 1975. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Середина XIX – начало XX в. Л.
- Тезляков Н. 1896. Праздники и жертвоприношения у вотяков-язычников // Новое слово. 1896. № 4. Январь.
- Тер-Акопян Н. Б., 1966. К истории термина и понятия «первобытный коммунизм» // История социалистических учений. Сб. статей. М.
- Тер-Акопян Н. Б., 1973. Маркс и Энгельс об азиатском способе производства и земледельческой общине // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М.
- Тер-Акопян Н. Б., 1968. К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации // ПИДО.
- Тер-Акопян Н. Б., 1991. Первобытное общество. Проблемы теории и истории в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. М.
- Терещенко А., 1848. Быт русского народа. Ч. 6. СПб.
- Терлецкий П. Е., 1930. Основные черты хозяйства Севера // СС. 1930. № 9–12.
- Терлецкий П. Е., 1934. К вопросу о пармах Ненецкого округа // СС. 1934. № 5.
- Тимофеев Л., 2000. Институциональная коррупция. Очерки теории. М.
- Тих Г. А., 1956. К вопросу о филогенезе человека // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 214. Серия философских наук. Вып. 9.
- Тих Н. А., 1957. Поведение обезьян в свете проблемы антропогенеза // Материалы Совещания по психологии. М.
- Тих Н. А., 1970. Предыстория общества: Сравнительно-психологическое исследование. Л.

- Тихменев П., 1863. Историческое обозрение образования Российско-Американской Компании. Ч. 2. СПб.
- Токарев С. А., 1933. Родовой строй в Меланезии // СЭ. 1933. № 1–2. № 3–4. № 5–6.; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012.
- Токарев С. А., 1936. Докапиталистические пережитки в Ойротии. Л.
- Токарев С. А., 1978. История зарубежной этнографии. М.
- Токарев С. А., 1945. Общественный строй якутов в XVII–XVIII вв. Якутск.; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012.
- Токарев С. А., Толстов С. П. (ред.), 1956. Народы Австралии и Океании. М.
- Токжанов Г., 1927. О казахском ауле. Кызыл-Орда.
- Токжанов Г., 1934. Казахский колониальный аул. Ч. 1. М.
- Толстов С. П., 1935. Пережитки тотемизма и дальних организации у туркмен // ПИДО. № 9/10.
- Толанд Дж., 1927. Письма к Серене // Избранные сочинения. М.; Л.
- Толыбеков С. В., 1959. Общественно-экономический строй казахов в XVII–XIX веках. Алма-Ата.
- Тульчинский Н. П., 1903. Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Вып. 5. Владикавказ.
- Тхамков Т. Х., 1961. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик.
- Уиннингтон А., 1960. Рабы Прохладных гор. М.
- Умханов М.-С. К., 1981. Политические взаимоотношения союзов сельских общин Дагестана в XVII–XVIII вв. // ОСССОД.
- Умханов М.-С. К., 1988. Формы классовой борьбы в Дагестане в XVI–XVIII вв. // РФОНСК.
- Файнберг Л. А., 1964. Общественный строй эскимосов и алеутов. М.
- Фергюсон А., 2000. Опыт истории гражданского общества. М.
- Флори Ж., 2006. Повседневная жизнь рыцарей в средние века. М.
- Фостер Дж. Б. и Мэддофф Ф., 2008. Финансовое схлопывание и стагнация: возврат к реальной экономике // Прогнозис. 2008. № 4.
- Фольц В., 1935. В девственных лесах Суматры. М.
- Французский гражданский кодекс 1804 года. М., 1941.
- Фрейд З., 1991. Тотем и табу // Фрейд З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет. Кн. 1. Тбилиси.
- Фролов Э. Д., 1988. Рождение греческого полиса. Л.
- Фроянов И. Я., 1976. Престижные пиры и дарения в Киевской Руси // СЭ. 1976. № 6.
- Фэй Сяотун, 1989. Китайская деревня глазами этнографа. М.
- Хайлбронер Р. Л., 1993. Экономическая теория как универсальная наука // THESIS. Т. 1. Вып. 1.
- Харузин Н. Н., 1889. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. 1. ИИОЛЕАЕ. Т. 61. ТЭО. кн. 9.
- Харузин Н. Н., 1903. Этнография. Вып. 3. Собственность и первобытное государство. СПб.
- Хашаев Х.-М., 1961. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.
- Хашаев Х.-М. (ред.), 1969. Феодальные отношения в Дагестане в XIX – начале XX в. Архивные материалы. М.
- Хейлбронер Р., Туроу Л., 1994. Экономика для всех. Новосибирск.
- Хейердал Т., 1959. Аку-аку. М.
- Хикс Дж., 2006. Теория экономической истории. М.
- Хитров (протоиерей Хитров), 1956. Описание Жиганского улуса // Записки Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества, кн. 1. СПб.
- Хрустов Г. Ф., 1959. К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе (о характере земельной собственности у австралийцев) // СЭ. 1959. № 6.
- Цаголов Н. А. (ред.), 1970. Курс политической экономии в двух томах. Т. 1. Досоциалистические способы производства. М.
- Чаянов А. В., 1989. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М.
- Чирцов Д., 1916а. Свадебные обычаи в Пинежском уезде, Архангельской губернии // ИАОИРС. 1916. № 9.
- Чирцов Д. 1916б. Праздники в Пинежском уезде // ИАОИРС. 1916. № 11.

- Чистов К. В. (ред.), 1967. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М.
- Чурсин Г. Ф., 1913. Очерки по этнологии Кавказа. Тифлис.
- Чучалов (ред.), 1932. Десять лет Советской Ойротии. Политико-экономический сборник. Улала.
- Шарипов, 1924. Баганалинцы // Советская Киргизия. 1924. № 3–4.
- Шейн П. В., 1898. Великоорусы в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. 1. Вып. 1. СПб.
- Шейн П. В., 1900. Великоорусы в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. Т. 1. Вып. 2. СПб.
- Шкодин П. 1863. Хозяйственно-статистическое описание Бутурлинской волости // Журнал заседаний Императорского Московского общества сельского хозяйства. Кн. 1.
- Шмелев Н. П., 1989. Либо сила, либо рубль // Знамя. 1989. № 1.
- Шнирельман В. А., 1979. Доместикация животных и религия // Исследования по общей этнографии. М.
- Шнирельман В. А., 1989. Возникновение производящего хозяйства. М.; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012.
- Шовен Р., 1960. Жизнь и нравы насекомых. М.
- Шрадер Х., 1999. Экономическая антропология. СПб.
- Шренк Л., 1903. Об инородцах Амурского края. Т. 3. Этнографическая часть, вторая половина: основные черты семейной, общественной и внутренней жизни. СПб.
- Штернберг Л. Я., 1933а. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии // МПЭ. Т. 3. Л.
- Штернберг Л. Я., 1933б. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Хабаровск.
- Штернберг Л. Я., 1936. Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л.; 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком»/URSS, 2012.
- Шустиков А., 1892. Троищина, Кадниковского уезда. Бытовой очерк // ЖС. 1892. Вып. 3.
- Шустиков А., 1895. Тавреньга Вельского уезда. Этнографический очерк // ЖС. 1895. Вып. 2.
- Шустиков А. А., 1915. По деревням Олонешского края (поездка в Каргопольский уезд) // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. 2.
- Шапов А., 1875. Бурятская улусная родовая община // Известия Сибирского отдела ИРГО. Т. 5. № 3–4. Иркутск.
- Шеглов А. Д., 2001. «Феодальная революция» и насилие: Дискуссия в журнале «Past and Present» // Средние века. Вып. 62. М.
- Эванс-Причард Э. Э., 1985. Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М.
- Элькин А., 1952. Коренное население Австралии. М.
- Энгельс Ф., 1. Наброски к критике политической экономии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., изд. 2. Т. 1.
- Энгельс Ф., 20. Анти-Дюринг // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 20.
- Энгельс Ф., 21а. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 21. М., 1961.
- Энгельс Ф., 21б. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 21.
- Энгельс Ф., 1949. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.
- Энгельс Ф., 22. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 22.
- Энгельс Ф., 36а. Письмо А. Бебелю 18 января 1884 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 36.
- Энгельс Ф., 36б. Письмо К. Каутскому 16 февраля 1884 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 36.
- Энгельс Ф., 36в. Письмо К. Каутскому 26 июня 1884 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 36.
- Энгельс Ф., 39. Письмо Н. Ф. Даниельсону 17 октября 1893 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 39.
- Эрстов Р. Д., 1997. Заметки о Сванетии // ЗКОИРОГО. Кн. 19.
- Яйленко В. П., 1990. Архаическая Греция и Ближний Восток. М.

- Ядринцев Н. Я., 1890. О культе медведя, преимущественно у северных инородцев // ЭО. 1890. Кн. 4. № 1.
- Ao *Tajenyuba*, 1967. Ao Naga Customary Law. Gauhati.
- Aiyappan A., 1930–1937. Social and Physical Anthropology of the Nayadis of Malabar // Bulletin of the Madras Government Museum. New Series. General Section V. 2.
- Akin D. and Robbins J. (eds.), 1999. Money and Modernity: State and Local Currencies in Melanesia. Pittsburgh.
- Alkire W. H., 1965. Lamotrek Atoll and Interisland Socio-Economic Ties // ISA. № 5. Urbana.
- Allan W., 1965. The African Husbandman. L.
- Allen M., 1972. Rank and Leadership in Nduindui, Northern New Gebrides // Mankind. 1972. V. 8. № 4.
- Allen M., 1981. Rethinking Old Problem: Matriliney, Secret Societies and Political Evolution // VPER.
- Allen M., 1984. Elders, Chiefs, and Big Men: Authority, Legitimation and Political Evolution in Melanesia // AE. 1984. V. 11. № 1.
- Altman J. C., 1984. Hunter-Gatherers Subsistence Production in Arnhem Land: The Original Affluence Hypothesis Re-Examined // Mankind. 1984. V. 14. № 3.
- Altman J. C., 1987. Hunter-Gatherers Today: An Aboriginal Economy in North Australia. Canberra.
- Anonym., 1933. Ancient Hawaiian civilization. Honolulu.
- Anonym., 1990. The Onge. Negrito Hunter-Gatherers of Little Andaman. Calcutta, 1990.
- Appadurai A. (ed.), 1986. The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspectives. Cambridge.
- Arsenberg C. M., 1957. Anthropology as History // TMEJ.
- Ardner E., 1956. Coastal Bantu of Cameroons. L.
- Armstrong W. E., 1928. Rossel Island. An Ethnological Study. Cambridge.
- Arsdale P. W. van., 1978. Activity Patterns of Asmat Hunter-Gatherers: A Time Budget Analysis // Mankind. 1978. V. 11. № 4.
- Aspelin P. L., 1979. Food Distribution and Social Bonding Among the Maimainde of Mata Grosso, Brazil // JAR. 1979. V. 35. № 3.
- Austen L., 1939. Seasonal Gardening Calendar for Kiriwina // Oceania. 1939. V. 9. № 3.
- Austen L., 1945a. Cultural Changes in Kiriwina // Oceania. 1945. V. 16. № 1.
- Austen L., 1945b. Native Handicrafts in the Trobriand Islands // Mankind. 1945. V. 3. № 7.
- Baal J. van, 1966. Dema. Description and. Analysis of Marind-Anim Culture (South Hew Guinea) // Koninklijk Instituut Voortaal-, land-en Volkekunde. Translation Series 9, The Hague.
- Banduopadhyay P. K., 1985. Leadership among the Mizos. Delhi.
- Barnard A., 1992. Hunters and Herders of Southern Africa: Comparative Ethnography of Khoisan People. Cambridge.
- Barnett H. G., 1938. The Nature of Potlach // AA. V. 40. № 3.
- Barnett H. G., 1955. The Coast Salish of British Columbia // University of Oregon Monographs. Studies in Anthropology. № 4. Eugene.
- Barnett H. G., 1968. The Nature and function of the Potlach. Eugene.
- Barney G. L., 1967. The Meo of Xieng Khouang Province of Laos // Southeast Asian Tribes, Minorities and Nation. V. I. Princeton.
- Barth F., 1967. Economic Spheres in Darfur // TEA.
- Barton R. F., 1922. Ifugao Economics // UCFAE. V. 15. № 5.
- Barton R. F., 1948. The Kalingas. Their Institutions and Custom Law. Chicago.
- Bascom W. R., 1948. Ponapean Prestige Economy // SJA. 1948. V. 4. № 2.
- Bascom W. R., 1965. Ponape. A Pacific Economy in Transition // AR. V. 22.
- Basedow H., 1913. Notes on the Natives of Bathurst Island, North Australia // JRAI. 1913. V. 18. Pt 1.
- Basedow H., 1924. The Australian Aborigines. Adelaide.
- Bateson G., 1936. Naven. A Survey of the Problems Suggested by a Composite Picture of the Culture of a New Guinea Tribe Drawn from Three Points of View. Cambridge.
- Battaglia D., 1983. Syndroms of Ceremonial Exchange in the Eastern Calvados: The View from Sabari Island // KNPME.
- Beaglehole E., 1937. Notes on Hopi Economic Life // YUPA. № 15.
- Beals R. L., 1933. Ethnology of the Nisenan // UCFAE. 1933. V. 36. № 6. Berkeley.

- Beals R. L.*, 1970. Gifting, Reciprocity, Savings and Credit in Peasant Oaxaca // *SJA*. 1970. V. 26. № 3.
- Bean L. J.*, 1972. Mukat's People. The Cahuilla Indians of Southern California. Berkeley, Los Angeles, L.
- Bell F. L. S.*, 1931. The Place of Food in the Social Life of Central Polynesia // *Oceania*. 1931. V. 2. № 2.
- Bell F. L. S.*, 1946–1947. The Place of Food in the Social Life of the Tanga // *Oceania*. 1946. V. 17. № 1; 1947. V. 17. № 3; 1947. V. 18. № 1.
- Bell F. L. S.*, 1949. The Place of Food in the Social Life of the Tanga // *Oceania*. 1948. V. 19. № 1.
- Belshaw C. S.*, 1950. Changes in Heirloom Jewellery in the Central Solomons // *Oceania*. V. 20. № 3.
- Belshaw C. S.* 1954. Changing Melanesia. Social Economics of Culture Contact. Melbourne, Wellington.
- Belshaw C. S.*, 1955. In Search of Wealth. A Study of the Emergence of Commercial Operations in the Melanesian Society of South-Eastern Papua // *MAAA*. 1955. № 80.
- Belshaw C. S.*, 1965. Traditional Exchange and Modern Markets. Engelwood Cliffs.
- Belshaw C. S.*, 1967. Theoretical Problems in Economic Anthropology // *Social Organisation*, Ed. by M. Freedman. L.
- Bennett J. W.*, 1968. Reciprocal Economic Exchange Among North American Agricultural Operators // *SJA*. 1968. V. 24. № 3.
- Bennett J. W. and Bowen J. R.* (eds.), 1988. Production and Autonomy. Anthropological Studies and Critiques of Development. Lanham. N. Y., L.
- Bergman R. W.*, 1980. Amazon Economics: The Simplicity of Shipibo Indian Wealth // *Dellplain Latin American Studies*, 6. Syracuse, N. Y.
- Bern J.*, 1979. Ideology and Domination: Toward a Reconstruction of Australian Aboriginal Social Formation // *Oceania*. 1979. V. 50. № 2.
- Berndt R. M.*, 1951. Ceremonial Exchange in Western Arnhem Land // *SJA*. 1951. V. 7. № 2.
- Berndt R. M.*, 1962. Excess and Restraint. Social Control Among New Guinea Mountain People. Chicago.
- Berndt R. M.*, 1965. Law and Order in Aboriginal Australia // *AMA*.
- Berndt R. M. and Berndt C. H.*, 1943. A Preliminary Report of Field Work in the Ooldea Region, Western South Australia // *Oceania*. 1943. V. 13. № 3.
- Berndt R. M. and Berndt C. H.*, 1954. Arnhem Land. Its History and its People. Melbourne.
- Berndt R. M. and Tonkinson R.* (eds), 1988. Anthropology and Australian Aboriginal Economy. 1961–1968 // *Social Anthropology and Australian Aboriginal Studies. A Contemporary Overview*. Canberra.
- Bessagnet P.*, 1956. An Alleged Case of Primitive Money (New Caledonian Beads) // *SJA*. 1956. V. 12. № 3.
- Best E.*, 1929. The Maori as He Was. A Brief Account of Maori Life as It Was in Pre-European Days. Wellington.
- Bicchieri M. G.* (ed.), 1972. Hunters and Gatherers Today. A Socioeconomic Study of Eleven Such Cultures in the Twentieth Century. N. Y. etc.
- Bloch M.* (ed.), 1975. Marxist Analysis and Social Anthropology. L.
- Billings D. K. and Peterson N.*, 1967. Malanggan and Memai in New Ireland // *Oceania*. 1967. V. 37. № 1.
- Bird-David N.*, 1990. The Giving Environment: Another Perspective on the Economic Systems of Gatherer-Hunters // *CA*. 1990. V. 31. № 2.
- Bird-David N.* 1992. Beyond «The Original Affluent Society»: A Culturalist Reformulation // *CA*. 1992. V. 33. № 1.
- Birdsell J. B.*, 1968. Some Predictions for the Pleistocene based on Equilibrium Systems Among Recent Hunters-gatherers // *MH*.
- Birdsell J. B.*, 1970. Local Group Composition Among the Australian Aborigines: a Critique of the Evidence from Fieldwork Conducted Since 1930 // *CA*. 1970. V. 11. № 2.
- Birket-Smith K.*, 1929. The Caribou Eskimos. Material and Social Life and their Cultural Position. 1. Descriptive Part // *RTE*. V. 5.
- Birket-Smith K.*, 1936. The Eskimos. L.
- Birket-Smith K.*, 1955. The Chugach Eskimo. Kobenhavn.

- Birket-Smith K.*, 1967. *Studies in Circumpacific Culture Relations*. 1. Potlatch and Feast of Merit. København.
- Birket-Smith K. and Laguna F. de*, 1938. *The Eyak Indians of the Copper river delta*, Alaska. København
- Blacking J.*, 1960. Comment to article of G. Dalton // CA. 1960. V. 10. № 1.
- Black-Michand J.*, 1986. *Sheep and Land. The Economics of Power in Tribal Society*. Cambridge.
- Blackwood B.*, 1935. *Both Sides of Buka Passage. An Ethnographic Study of Social and Economic question in Northwestern Solomon Islands*. Oxford.
- Blackwood P.*, 1961. *Rank, Exchange and Leadership in Four Vanuatu Societies* // VPER.
- Boas F.*, 1888. *The Central Eskimo* // 6 ARBAE.
- Boas F.*, 1897. *Social Organisation and Secret Societies of the Kwakiutl Indians* // Report of US Natural Museum for 1895. Washington.
- Boas F.* 1898. *Twelfth and Final Report on the North-West Tribes of Canada* // Report of British Association for the Advancement of Science. Bristol Meeting. Section H.
- Boas F.*, 1921. *Ethnology of the Kwakiutl. Based on Data Collected by George Hunt* // 35 ARBAE. Pt. 2.
- Boas F.*, 1966. *Kwakiutl Ethnography*. Chicago and L.
- Bohannan P.*, 1955. *Some Principles of Exchange and Investment Among Tiv* // AA. 1955. V. 57. № 1.
- Bohannan P. and Bohannan L.*, 1968. *Tiv economy*. Evanston.
- Bohannan P. J. and Dalton G.* (eds.), 1962. *Markets in Africa*. Evanston.
- Bohannan P., Dalton G.*, 1965. Karl Polanyi. 1856–1964 // AA. 1965. V. 67. № 6. Pt. 1.
- Bose S.*, 1964. *Economy of the Onge of Little Andaman* // MN. 1964. V. 44. № 4.
- Bourlet A.*, 1904. *Socialisme dans les hua phan (Laos, Indo-Chine)* // Anthropos. Bd. 1.
- Bowden R.*, 1979. *Tapu and Mana: Ritual Authority and Political Power in Traditional Maori Society* // JPH. V. 14. № 1–2. Pt. 1.
- Bowers N.*, 1965. *Permanent Bachelorhood in the Upper Kaugel Valley of Highlands New Guinea* // Oceania. 1965. V. 26. № 1.
- Bracken S.*, 1997. *Potlatch Papers: A Colonial Case History*. Chicago.
- Bradfield R. M.*, 1964. *Malinowski and «the Chief»* // Man. 1964. № 224.
- Brandwie E.*, 1971. *The Place of Big Man in Traditional Hagen Society in the Central Highlands of New Guinea* // Ethnology. 1971. V. 10. № 2.
- Briffault R.*, 1927a. *The Mothers*. Vol. 2. L.
- Briffault R.*, 1927b. *The Mothers*. Vol. 3. L.
- Brookfield H. C. and Brown P.*, 1963. *Struggle for Land. Agriculture and Group Territories Among Chimbu of New Guinea Highlands*. Melbourne.
- Brown D. J. J.*, 1979. *The Structuring of Polopa Feasting and Warfare* // Man. 1979. V. 14. № 5.
- Brown P.*, 1963. *From Anarchy to Satrapy* // AA. 1963. V. 65. № 1.
- Brown P.*, 1970. *Chimbu Transactions* // Man. 1970. V. 5. № 1.
- Brown P.*, 1973. *The Chimbu Political System* // PNG.
- Brown P.* 6 1979. *Highland Peoples of New Guinea*. Cambridge (1 ed. — 1978).
- Brown P.*, 1990. *Big Man, Past and Present: Model, Person, Hero, Legend* // Ethnology. 1990. V. 29. № 2.
- Brown P. and Brookfield H. C.*, 1959. *Chimbu Land and Society* // Oceania. 1959. V. 30. № 1.
- Bryant A. T.*, 1929. *Olden Times in Zululand and Natal, Containing earlier Polid History of the Eastern-Nguni Clans*. L.
- Bucher K.*, 1893. *Die Entstehung der Volkswirtschaft*. Tubingen.
- Bucher K.*, 1898. *Die Wirtschaft der Naturvölker*. Dresden.
- Buck P. H.*, 1930. *Samoan Material Culture*. BPBMB. 75.
- Bulmer R.*, 1960. *Political Aspects of the Moka Ceremonial Exchange System Among the Kyaka People of the Western Highlands of New Guinea* // Oceania. 1960. V. 31. № 3.
- Bunzel R.*, 1938. *The Economic Organisation of Primitive Peoples* // General Anthropology. Ed. by F. Boas. Boston etc.
- Burch E. S. jr.*, 1988. *Modes of Exchange in North-West Alaska* // HG2.
- Burkert W.*, 1992. *The Orientalising Revolution: Near Eastern Influence on Greek Culture in the early Archaic Age*. Cambridge, Mass.
- Burling R.*, 1962. *Maximization Theories and the Study of Economic Anthropology* // AA. 1962. V. 64. № 4.

- Burridge K., 1973. Tangu Political Relations // PNG.
- Bus G.A.M., 1951. The Te Festival or Gift Exchange in Enga (Central Highlands of New Guinea) // *Anthropos*. 1951. Bd. 46. № 5-6.
- Butler J., 1969. Rough Notes on the Angamis // *NNC*.
- Butt-Thompson F.W., 1929. West African Secret Societies. Their Organisations, Officials and Teaching. L.
- Buxton L.H.D., 1924. Primitive Labor. L.
- Cai Hua, 2002. A Society Without Fathers or Husbands. The Na of China. N.Y.
- Cancian F., 1965. Economics and Prestige in Maya Community: Religious Cargo System in Zinacantan. Stanford.
- Cancian F., 1968. Maximization as Norm, Strategy and Theory. A Comment on Programmatic Statements in Economic Anthropology // *AA*. 1968. V.66. № 2.
- Capell A., 1944. Peoples and Languages of Timor // *Oceania*. 1944. V.14. № 3.
- Carey I., 1976. Orang Asli. The Aboriginal Tribes of Peninsular Malaysia. Kuala Lumpur.
- Carniero R.L., 1973. Slash-and-Burn Cultivation Among the Kuikuru and its Implications for Cultural Development in the Amazon Basin // *Peoples and Culture of Native South America*. Ed. by D.R. Gross. N.Y.
- Carrier J.G. (ed.), 2005. A Handbook of Economic Anthropology. Cheltenham, UK and Northampton, MA, USA.
- Cashdan E., 1985. Coping with Risk: Reciprocity Among the Basarwa of Northern Botswana // *Man*. 1985. V.20. № 3.
- Cashdan E. (ed.), 1990. Risk and Uncertainty in Tribal and Peasant Economies. Boulder, Colorado.
- Chagnon N.A., 1968. Yanomamo. The Fierce People. N.Y. etc.
- Cheal D., 1988. Gift Economy. N.Y.
- Chowning A., 1979. Leadership in Melanesia // *JPH*. 1979. V.14. № 1-2. Pt. 2.
- Chowning A., 1983. Wealth and Exchange Among Molima of Fergusson Island // *KNPME*.
- Chowning A. and Goodenough W.H., 1973. Lakalai Political Organisation // *PNG*.
- Christiansen S., 1975. Subsistence on Bellona (Mungiki). København.
- Clammer J. (ed.), 1978. The New Economic Anthropology. L. and Basingstoke.
- Clammer J., 1985. Anthropology and Political Economy. Theoretical and Asian Perspective. L.
- Clammer J. (ed.), 1987. Beyond the New Economic Anthropology. N.Y.
- Clastres P., 1988. The Guayaki // *HGT*.
- Clastres P., 1977. Society Against the State. Leader as Servant and the Human Uses of Power Among the Indians of Americas. N.Y.
- Codere H., 1950. Fighting with Property. A Study of Kwakiutl Potlaching and Warfare 1792-1930 // *MAES*. 18. N.Y.
- Codrington R.H., 1891. The Melanesians. Studies in their Anthropology and Folklore. Oxford.
- Cohen P.S., 1967. Economic Analysis and Economic Man. Some Comments on a Controversy // *TEA*.
- Colson E., 1960. Social Organisation of the Gwemba Tonga. Manchester.
- Mead M. (ed.), 1937. Competition and Cooperation Among Primitive Peoples. L. and N.Y.
- Condominas G., 1972. Aspects of Economics Among the Mnong Gar of Vietnam: Multiple Money and the Middleman // *Ethnology*. 1972. V.11. № 3.
- Conklin H.C., 1957. Hanunoo Agriculture. Rome.
- Conton L. and Eisler D., 1976. The Ecology of Exchange in the Upper Ramu Valley // *Oceania*. 1976. V.47. № 2.
- Conzemius E., 1932. Ethnographical Survey of the Miskito and Sumu Indians of Honduras and Nicaragua // *SIBAEB*. 106. Washington.
- Cook S., 1966a. The Obsolete «Anti-Market» Mentality: A Critique of Substantive Approach to Economic Anthropology // *AA*. 1966. V.68. № 2. Pt. 1.
- Cook S., 1966b. Maximization, Economic Theory, and Anthropology. A Reply to Cancian // *AA*. 1966. V.68. № 6.
- Cook S., 1973. Economic Anthropology: Problems in Theory, Method and Analysis // *HSCA*.
- Cooper E., 1981. Potlach in Ancient China // *Bulletin of the Institute Ethnology Academia Sinica*. 51.
- Cooper J., 1939. Is the Algonquian Family Hunting Ground System Pre-Columbian? // *AA*. 1939. V.41. № 1.
- Cooper J.H., 1946. The Jahan // *HSAI*. I. The Marginal Tribes.

- Cooper M., 1971. Economic Context Shell Money Production in Malaita // *Oceania*. 1971. V. 41. № 4.
- Cordy R., 1986. Relationships between the Extent of Social Stratification and Population in Micronesian Polities at European Contact // *AA*. 1986. V. 88. № 1.
- Corlette E. A. C. 1935. Notes on the Natives of the New Gebrides // *Oceania*. 1935. V. 5. № 4; V. 6. № 1.
- Counts D. and D., 1970. The *Vula* of Kalai: A Primitive Currency with Commercial Use // *Oceania*. V. 41. № 2.
- Crocker J. Ch., 1969. Reciprocity and Hierarchy Among Eastern Bororo // *Man*. 1969. V. 4. № 1.
- Culwick A. T. and G. M., 1935. *Ubena of Rivers*. L.
- Cunow H., 1897–1898. Die Ökonomischen Grundlagen der Mutterherrschaft // *Die Neue Zeit*, Jahrgang 16, Bd. 1. № 4–8.
- Cunow H., 1926. *Allgemeine Wirtschaftsgeschichte*. Bd. 1. Die Wirtschaft der Natur- und Halbkulturvolker. Berlin.
- Curr M. E., 1886. *The Australian Race*. V. 1. Melbourne.
- Curtis E., 1913. The Coast Selish // *NAI*. V. 9.
- Curtis E., 1915. The Kwakiutl // *NAI*. V. 10.
- Curtis E., 1916. The Nootka and Haida // *NAI*. V. 11.
- Dahlberg F. (ed.), 1981. *Woman the Gatherer*. New Haven, 1981.
- Dalton G., 1961. Economic Theory and Primitive Society // *AA*. 1961. V. 63. № 1.
- Dalton G., 1962. Traditional Production in Primitive African Economies // *Quarterly Journal of Economics*. 1962. V. 76. № 3.
- Dalton G., 1964. The Development of Subsistence and Peasant Economies in Africa // *International Social Science Journal*. 1964. V. 16. № 3.
- Dalton G., 1966a. Primitive Money // *AA*. 1966. V. 68. № 3.
- Dalton G., 1966b. Bridewellth vs brideprice // *AA*. 1966. V. 68. № 3.
- Dalton G. (ed.), 1967. Tribal and Peasant Economies. Readings in Economic Anthropology. N. Y.
- Dalton G., 1968. Introduction to «Primitive, Archaic and Modern Economies. Essays of Karl Polanyi». Ed. By G. Dalton. N. Y.
- Dalton G., 1969a. Theoretical Issues in Economic Anthropology // *CA*. 1969. V. 10. № 1.
- Dalton G., 1969b. Reply // *CA*. 1969. V. 10. № 1.
- Dalton G. (ed.), 1971a. *Economic Anthropology and Development. Essays on Tribal and Peasant Economies*. N. Y.
- Dalton G. (ed.), 1971b. *Economic Development and Social Change. Modernisation of Village Communities*. N. Y.
- Dalton G. (ed.), 1971c. *Studies in Economic Anthropology*. Washington.
- Damas D., 1969. Characteristics of Central Eskimo Band Structure // *CABS*.
- Damas D., 1972. Central Eskimo Systems of Food Sharing // *Ethnology*. 1972. V. 11. № 3.
- Dang Nghiem Van, 1973. The Khmu in Viet Nam // *Vietnamese Studies*. № 36. Hanoi.
- Danks B., 1888. On the Shell-Money of New Britain // *JAI*. 1888. V. 17. № 4.
- Davenport W., 1964. Social Structure of Santa Cruz Island // *ECA*.
- Davidson D. S., 1928. The Family Hunting Territory in Australia // *AA*. 1928. V. 30. № 4.
- Dawson G. M., 1887. Notes and Observations on the Kwakiutl People of the Northern Port of Vancouver Island and Adjen Coasts Made During the Summer of 1885 etc. // *Proceedings and Transactions Royal Societies of Canada. First Series*. V. 5. Section 2.
- Dawson J., 1881. *Australian Aborigines: The Language and Customs of Several Tribes of Aborigines in Western Desert of Victoria, Australia*. Melbourne.
- Deacon A. B., 1934. *Malekula. A Vanishing People in the New Gebrides*. L.
- Denig E. T., 1930. *Indian Tribes of the Upper Missouri* // 46 ARBAF.
- Deshler W. W., 1955. *Native Cattle Keeping in Eastern Africa* // *Nan, Culter and Animal*. Washington.
- DeVore I. and Lee R. B. (eds.), 1968. *Man the Hunter*. Chicago.
- Dew Bimal J., Lahizi Dilip Kumar, 1983. *Lushai Customs and Ceremonies*. Delhi.
- Dingle T., 1988. *Aboriginal Economy*. Ringwoods etc.
- Donlan W. 1985. The Social Groups of Dark Age Greece // *Classical Philology*. V. 80. № 4.
- Dorjahn D. V. R. and B. L. Isaac B. L. (eds.), 1979. *Essays on Economic Anthropology: Liberia and Sierra Leone*. Newark, Delaware.
- Dorsey J. O., 1884. *Omaha Sociology* // 3 ARBE.

- Douglas B., 1979. Rank, Power, Authority: a Reassessment of Traditional Leadership in South Pacific Societies // JPH. 1979. V. 14. № 1-2. Pt. 1.
- Douglas M., 1963. Lele of Kasai. Oxford.
- Douglas M., 1967. Primitive Rationing: Study of Controlled Exchange // TEA.
- Dowling J. H., 1968. Individual Ownership and the Sharing of Game in Hunting Societies // AA. 1968. V. 70. № 3.
- Drucker Ph., 1937. The Tolowa and their South-West Oregon Kin // UCFAAE. V. 36. № 4.
- Drucker Ph., 1939. Rank, Wealth, and Kinship in Northwest Coast Society // AA. 1939. V. 41. № 1.
- Drucker Ph., 1951. The Northern and Central Nootkan Tribes // SIBAEB. 144.
- Drucker Ph., 1965. Cultures of the North Pacific Coast. San Francisco.
- Drucker P. and Heizer R., 1967. To Make My Name Good. A Reexamination of the Southern Kwakiutl potlach. Berkeley.
- DuBois C., 1932. Tolowa Notes // AA. 1932. V. 34. № 2.
- DuBois C., 1935. Wintu Ethnography // UCFAAE. V. 36. № 1.
- DuBois C., 1936. The Wealth Concept as an Integrative Factor in Tolowa-Tututni Culture // EA.
- Du Bois C., 1944. The People of Alor. A Social-Psychological Study of an East Indian Island. Minneapolis.
- Duncan C. M. and Tandy D. M. (eds.), 1994. From Political Economy to Anthropology: Situating of Economic Life in Past Societies. Montreal.
- Durkheim E., 1893. De la Division du Travail Social. Paris.
- Dunn E., 1906. Religious Rites and Customs of the Iban or Dyaks of Sarawak // Anthropos. 1906. Bd. 1.
- Dyson-Hudson R., 1972. Pastoralism: Self-image and Behavioral Reality // Journal of Asian and African Studies. 1972. V. 7. № 1/2.
- Earle T., 1997. How Chiefs Come to Power: The Political Economy in Prehistory. Stanford.
- Richards A. (ed.), 1960. East African Chiefs. A Study of Political Development in Some Uganda and Tanganyika Tribes. L.
- Plattner S. (ed.), 1989. Economic Anthropology. Stanford.
- Edel M., 1969. Economic Analysis in an Anthropological Setting. Some Methodological Consideration // AA. 1969. V. 71. № 3.
- Edwards W. H., 1987. Leadership in Aboriginal Society // Traditional Aboriginal Society: Reader. Ed. by W. H. Edwards. Melbourne.
- Eggan F., 1969. Typology // CABS.
- Ehrenfels U. R., 1952. Kadar of Cochin. Madras.
- Ehrenreich P. von., 1887. Ueber die Botocudos der brasilianischen Provinzen Espiritu Santo and Minas Geraes // Zeitschrift für Ethnologie. 1887. Bd. 19.
- Eidlitz K., 1969. Food and Emergency Food in the Circumpolar Area. Uppsala.
- Einzig P., 1949. Primitive Money in its Ethnological, Historical and Economic Aspects. Oxford. (rev. ed. — N. Y., 1966).
- Elkin A. P., 1953. Delayed Exchange in Wabag Sub-district, Central Highlands of New Guinea, with Notes on the Social Organisation // Oceania. 1953. V. 23. № 3.
- Elmberg J. E., 1966. The Popot Feast Cycle. Acculturated Exchange Among the Mejprat Papuans, Stockholm.
- Elmendorf W. W., 1974. The Structure of Twana Culture // CSUWJ. 4.
- Emmons G. T., 1911. The Thaltan Indians // University of Pennsylvania Museum Anthropological Papers. 4. 1.
- Endicott K., 1988. Property, Power and Conflict among Batek of Malaysia // HG 2.
- Epstein A. L., 1969a. Matupit. Land, Politics and Change Among Tolai of New Britain. Canberra.
- Epstein A. L., 1969b. Power, Politics and Leadership: Some Central African and Melanesian Contrasts // Local-level Politics: Social and Culture Perspectives. Ed. by M. J. Swartz. Chicago. (first ed.: 1968).
- Epstein T. S., 1964. Personal Capital Formation Among Tolai of New Britain // Capital, Savings and Credit in Peasant Societies. Ed. by R. Firth and B. S. Yamey. L.
- Epstein T. S., 1968. Capitalism, Primitive and Modern. Some Aspects of Tolai Economic Growth. Manchester.
- Evans-Pritchard E. E., 1940. The Political System of the Anuak of the Anglo-Egyptian Sudan. L.

- Evans-Pritchard E. E. 1962. The Divine Kingship of the Shilluk // *Evans-Pritchard E. E. Social Anthropology and Other Essays*. Glencoe.
- Evans-Pritchard E. E., 1971. The Azande. History and Political Institutions. L.
- Ewers J. C., 1955. The Horse in Blackfoot Indian Culture. With Comparative Material from Other Western Tribes // *SIBAEB*. 159.
- Eylmann E., 1908. Die Eingeborenen der Kolonie Sudastralien. Berlin.
- Eyre E. J., 1845. Journals of Expeditions of Discovery in Central Australia and Overland from Adelaide to King George's Sound in Years 1840-1. V. 2. L.
- Fallers L. A. (ed.), 1964. The King's Men. L.
- Fallers L. A., 1956. Bantu Bureaucracy. A Study Integration and Conflict in the Political Institution of an East African People. Cambridge.
- Feil D. K., 1980. Symmetry and Complementarity: Patterns of Competition and Exchange in the Enga Tee // *Oceania*. 1980. V. 51. № 1.
- Feil D. K., 1984. Ways of Exchange. The Enga Tee of Papua New Guinea. St. Lucia.
- Feil D. K., 1987. The Evolution of Highland Papua New Guinea Societies. Cambridge.
- Ferdon E. N., 1958. Eastern Island Exchange Systems // *SJA*. 1958. V. 14. № 2.
- Ferguson A., 1767. An Essay in the History of Civil Society. Edinburgh.
- Finley M., 1980. The World of Odysseus. Harmondsworth.
- Firth R., 1929. Primitive Economics of New Zealand Maori. L.
- Firth R., 1930. Report on Research in Tikopia // *Oceania*. 1930. V. 1. № 1.
- Firth R., 1951. Elements of Social Organisation. L.
- Firth R., 1956. Human Types. An Introduction to Social Anthropology. L.
- Firth R., 1959. Social Change in Tikopia. A Sociological Study of Kinship in Primitive Polynesia.
- Firth R., 1967. Primitive Polynesian Economy. L., Hamden (first ed. — 1939).
- Firth R., 1968. We, the Tikopia. A Sociological Study of Kinship in Primitive Polynesia. Boston. (first ed. — 1936).
- Firth R. (ed.), 1967. Themes in Economic Anthropology // *ASAM*, 6.
- Fison L., Howitt A. W., 1880. Kamlaroi and Kumai. Group-marriage and Relationship, and Marriage by Elopement. Melbourne etc.
- Flannery R., 1939. An Analysis of Coastal Algonquian Culture // The Catholic University of America. Anthropological series. № 7. Washington.
- Fletcher A. C. and LaFleche F., 1911. The Omaha Tribe // *27 ARBAE*.
- Fock N., 1963. Waiwai. Religion and Society of an Amazonian Tribe // *NSER*, 8. Copenhagen.
- Force R. W., 1959. Palauan Money: Some Preliminary Comments on Material and Origins // *JPS*. 1959. V. 69. № 1.
- Forbes H. O., 1884. On some of Tribes the Island of Timor // *JAI*. 1884. V. 13. № 4.
- Forde D. and Kaberry P. M. (eds.), 1971. West African Kingdoms in the Nineteenth Century. L.
- Fortes M., 1969. The Political System of the Tallensi of the Northern Territories of the Gold Coast // *APS*.
- Fortes M. and Fortes S. L., 1936. Food in Domestic Economy of Tallensi // *Africa*. 1936. V. 9. № 2.
- Fortune R. F., 1932. Sorcerers of Dobu. The Social Anthropology of Dobu Islanders of Western Pacific. L.
- Fortune R. F., 1964a. Malinowski and «the Chief» // *Man*. 1964. № 102.
- Fortune R. F., 1964b. Malinowski and «the Chief» // *Man*. 1964. № 225.
- Foster G. M., 1961. The Dyadic Contract: A Model for the Social Structure of Mexican Peasant Village // *AA*. 1961. V. 63. № 6.
- Foster R. J., 1990. Value Without Equivalence: Exchange and Replacement in a Melanesian Society // *Man*. 1990. V. 25. № 1.
- Fox C. E., 1924. The Threshold of the Pacific. An Account of the Social Organisation. Magic and Religion of the People of San Cristoval in Solomon Islands. L.
- Fox R. G., 1969. «Professional Primitives»: Hunters and Gatherers of Nuclear South Asia // *MI*. 1969. V. 49. № 2.
- Frankenberg R., 1967. Economic Anthropology. One Anthropologist View // *TEA*.
- Freichen P., 1961. Peter Freichen's Book on the Eskimos. Cleveland and N. Y.
- Fried M., 1967. The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. N. Y.
- Friedman J. 1975. Tribes, States and Transformation // *Marxist Analysis in Social Anthropology*. L.
- Fry H. K., 1949. A Bathurst Island Mourning Kite // *Mankind*. 1949. V. 4. № 2.

- Fry H. K., 1950. Bathurst Island Initiation Rite // *Mankind*. 1950. V. 4. № 4.
- Fürer-Haimendorf Ch. von, 1939. The Naked Nagas. N. Y.
- Fürer-Haimendorf Ch. von, 1943. The Aboriginal Tribes of Hyderabad. V. I. Chenchu. L.
- Fürer-Haimendorf Ch. von, 1962. The Apa Tanis and Their Neighbours. A Primitive Civilization of the Eastern Himalayas. L., N. Y.
- Fürer-Haimendorf Ch. von, 1969. The Konyak Nagas. N. Y.
- Fürer-Haimendorf Ch. von, 1975. Notes on Feasts of Merit Among the Ifugaos of Luzon // *Ethnos*. 1975. V. 40. 1-4.
- Fusfield D. B., 1957. Economic Theory Misplaced: Livelihood in Primitive Society // *TREE*.
- Furness W. H., 1910. Island of Stone Money. Uap of Karolins. Philadelphia.
- Gardner D. and Modjeska N. (eds.), 1985. Recent Studies in the Political Economy of Papua New Guinea Societies // 1985/ *Mankind*. V. 15. № 2. Special issue 4.
- Gardner P. M., 1972. The Paliyans // *HGT*.
- Garfield V., 1945. A Research Problems in Northwest Indian Economics // *AA*. 1945. V. 47. № 4.
- Gaul W., 1914. Das geschenk nach form und inhalt in besonderen untersucht an afrikanischen Völkern // *Archiv fur Anthropologie*. Bd. 13. Heft 3.
- Gayton A. H., 1930. Yokuts-Mono Chiefs and Shamans // *UCPAAE*. V. 24. № 8.
- Gayton A. H., 1945. Yokuts and Western Mono Social Organisation // *AA*. V. 47. № 3.
- Gayton A. H., 1948a. Yokuts and Western Mono Ethnography. 1. Tulare Lake, Southern Valley and Central Foothill Yokuts // *AR*. V. 10. № 1.
- Gayton A. H., 1948b. Yokuts and Western Mono Ethnography. 2. Northern Foothills Yokuts and Western Mono // *AR*. V. 10. № 2.
- Gibson T., 1986. Sacrifice and Sharing in the Philippine Highlands. Religion and Society Among the Buid of Mindoro // *LSEMSA*. № 57. L. and Dover.
- Gifford E. W., 1929. Tongan Society // *BRBMB*. 61.
- Gilliland C. L. C., 1975. The Stone Money of Yap. A Numismatic Study // *Smithsonian Studies in History and Technology*. № 23, Washington.
- Gimpel J., 1983. The Medieval Machine. The Industrial Revolution of the Middle Ages. Harmondsworth.
- Gitlow A. L., 1947. Economics of the Mount Hagen Tribes, New Guinea // *MAES*. № 12. N. Y.
- Granet M., 1926. Dances et legends de la Chine ancienne. V. 1-2. Paris.
- Guiart J., 1963. Structure de la chefferie en Melanesia du Sud. Paris.
- Glasse R. M., 1968. Kuli of Papua. A Cognatic Descent System. Paris, The Hague.
- Gluckman M., 1941. Economy of Central Barotse Plain // *RLP*. 7. Livingstone.
- Gluckman M., 1967. Politics, Law and Ritual in Tribal Society. Oxford.
- Godelier M., 1966. Rationalite et Irrationalite on Economie. Paris.
- Godelier M., 1972. Rationality and Irrationality in Economics. N. Y. and L.
- Godelier M., 1973. Horizon, Trajets Marxistes en Anthropologie. Paris.
- Godelier M., 1977. Perspectives in Marxist Anthropology // *CSSA*. № 18. Cambridge.
- Godelier M., 1978a. The Concept of «Asiatic Mode of Production» and Marxist Model of Social Evolution // *Relations of Production. Marxist Approach to Economic Anthropology*. Ed. by D. Seddon. L.
- Godelier M., 1978b. Infrastructures, Societies and History // *CA*. 1978. V. 19. № 4.
- Godelier M., 1979. On the Infrastructures, Societies, and History // *CA*. 1979. V. 20. № 1.
- Godelier M., 1982. Social Hierarchies Among The Baruya of Hew Guinea // *INGHS*. CPISA. № 11.
- Godelier M., 1986. The Making of Great Men. Male Domination and Power Among the New Guinea Baruya // *CSSA*. № 56. Cambridge, Paris. 6 (Originally publ. in French, Paris, 1982).
- Goggin J. M. and Sturevant W. C., 1964. The Calusa: Stratified, Nonagricultural Society // *ECA*.
- Goldman I., 1948. Tribes of the Vaupes-Caqueta Region // *HSAJ*. V. 3. The Tropical Forest Tribes.
- Goldman I., 1963. The Cubeo. Indians of the Northwest Amazon // *ISA*. № 2. Urbana.
- Goldman I., 1970. Ancient Polynesian Society. Chicago.
- Goldschmidt W., 1951. Nomlaki Ethnography // *UCPAAE*. V. 42. № 4. Berkeley and Los Angeles.
- Goodale J., 1962. Marriage Contracts Among the Tiwi // *Ethnology*. 1962. V. 1. № 4.
- Goodale J. C., 1971. Tiwi Wives. A Study of Women of Melville Island, North Australia. Seattle.
- Goodale J. C., 1982. Production and Reproduction of Key Resources Among Tiwi of North Australia // *RM*.

- Goodfellow D.*, 1939. Principles of Economic Sociology. Economics of Primitive Life as Illustrated from Bantu. L.
- Goody J.*, 1973. Bridewealth and Dowry in Africa and Eurasia // *Goody J. and Tambiah S. J.* Bridewealth and Dowry. L. etc.
- Gould R. A.*, 1966. The Wealth Quest Among Tolowa Indians of Northwestern California // *PAPS*. V. 110. № 1.
- Gould R. A.*, 1967. Notes on Hunting, Butchering, and Sharing of Game Among the Ngatatjara and their Neighbours in the West Australian Desert // *Kroeber Anthropological Society Papers*. № 36. Spring.
- Gould R. A.*, 1969. Yiwara. Foragers of the Australian Desert. N. Y.
- Gould R.*, 1978. Tolowa // *HNAI*. V. 8. California.
- Gould R. A.*, 1981. Comparative Ecology of Food-Sharing in Australia and Northwest California // *OP*.
- Gould R. A.*, 1982. The Have and Have Not: The Ecology of Sharing Among Hunter-Gatherers // *RM*.
- Graeber D.*, 2001. Toward an Anthropological Theory of Value. N. Y.
- Gras N. S. B.*, 1927. Anthropology and Economics // *The Social Sciences and their Interrelations*. Ed. by W. F. Ogborn and A. Goldenweiser. Boston.
- Gregory J. R.*, 1975. Image of Limited Goods, or Expectation of Reciprocity // *CA*. 1975. V. 16. № 1.
- Gregory C. A.*, 1982. Gifts and Commodities. L., N. Y.
- Gregory C. A.*, 1997. Savage Money: The Anthropology and Politics of Commodity Exchange. Amsterdam.
- Grey G.*, 1841. Journals of Two Expeditions of Discovery in North-Western and Western Australia, During the Years 1837, 38 and 39. V. 2. L.
- Gray R. and Birmingham D.* (eds.), 1970. Pre-Colonial African Trade. Essays on Trade in Central and Eastern Africa Before 1900. L.
- Gribble J. R.*, 1874. Black but Comely. L.
- Grierson P. J. H.*, 1903. The Silent Trade. A Contribution to the Early History of Human Intercommerce. Edinburgh.
- Grosse E.*, 1996. Die Formen der Familie und die Formen der Wirtschaft. Leipzig.
- Groves W. C.*, 1934. Tabar To-day: a Study of a Melanesian Community in Contact with Alien Non-primitive Cultural Forces // *Oceania*. 1934. V. 5. № 2; 1935. V. 5. № 3.
- Grunert N. T.*, 1962. An Ethnographie-Ecological Survey of the Relationship Between the Dinka and their Cattle // *Volk*. 1963. V. 4. № 1.
- Gudeman S.*, 1986. Economics as Culture. Models and Metaphors of Livelihood. L.
- Gudeman S.* (ed.), 1998. Economic Anthropology. Cheltenham, UK, Northampton, MA, USA.
- Gudeman S.*, 2001. The Anthropology of Economy. Oxford.
- Guedon M. F.*, 1981. Upper Tanana River Potlatch // *HNAI*. V. 6 Subarctic.
- Guillard I.*, 1958. Essai de Mesure de l'Activite d'un Paysan Africain: le Toupouri // *L'Agronomie Tropicale*. 1958. V. 13. № 3.
- Gurdon P. O.*, 1914. The Khasis. L.
- Gulliver P. H.*, 1955. The Family Herds. L.
- Hage P.*, 1977. Centrality in the Kula Ring // *JPS*. 1977. V. 86. № 1.
- Hage P. and Harary F.*, 1988. Exchange in Oceania. L.
- Hage P., Harary F., James B.*, 1986. Wealth and Hierarchy in the Kula Ring // *AA*. 1986. V. 88. № 1.
- Halperin R. H.*, 1988. Economies Across Cultures. Towards a Comparative Science of the Economy. Basingstoke and L.
- Halperin R. H.*, 1994. Cultural Economies Past and Present. Austin.
- Halperin R. and Olmstead J.*, 1976. To Catch a Feastgiver: Redistribution Among the Dorze of Ethiopia // *Africa*. 1976. V. 4. № 2.
- Hamilton A.*, 1980. Dual Social Systems: Technology, Labor and Women's Secret Rites in the Eastern Western Desert of Australia // *Oceania*. 1980. V. 51. № 1.
- Hammond P. B.*, 1966. Yatenga. Technology in the Culture of a West-African Kingdom. N. Y.
- Hammond-Tooke W. D.* (ed.), 1974. The Bantu-Speaking Peoples of Southern Africa. L. and Boston.
- Handy E. S.*, 1923. The Native Culture in the Marquesas // *BPMB*. 9.

- Hann C. (ed.), 1998. Property Relations: Renewing of Anthropological Traditions. Cambridge.
- Hunt R. C. and Gilman A. (eds.), 1998. Property in Economic Context. MEA. 14.
- Harako R., 1981. The Culture Ecology of Hunting Behavior Among Mbuti Pygmies in the Ituri Forest, Zaire // OP.
- Harding T. G., 1967. Voyagers of the Vitiaz Strait. Study of New Guinea Trade Systems // MAES. 44. Seattle and L.
- Harding T. G., 1985. Kunai Men. Horticultural Systems of a Papua New Guinea Society // University of California Publications in Anthropology. V. 16. Berkeley, Los Angeles, L.
- Harney W. H. and Elkin A. P., 1945. Melville and Bathurst Islanders: A Short Description // Oceania. 1945. V. 13. № 4.
- Harris J. S., 1940. The White Knife Shoshoni of Nevada // Acculturation in Seven American Indian Tribes. Ed. by R. Linton. N. Y.
- Hart C. M. W., 1930. The Tiwi of Melville and Bathurst Islands // Oceania. 1930. V. 1. № 2.
- Hart C. M. W., 1931. Personal Names Among the Tiwi // Oceania. 1931. V. 1. № 3.
- Hart C. M. W., 1970. Some Factors Affecting Residence Among the Tiwi // Oceania. 1970. V. 40. № 4.
- Hart C. M. W. and Pilling A. R., 1960. The Tiwi of North Australia. N. Y.
- Hau'ofa E., 1971. Mekeo Chieftainship // JPS. 1971. V. 80. № 2.
- Hau'ofa E., 1981. Mekeo. Inequality and Ambivalence in a Village Society. Canberra.
- Hawkes K. and O'Connell J. F., 1981. Affluent Hunters? Some Comments in Light of the Alyawara Case // AA. 1981. V. 83. № 3.
- Hayden B., 1981. Subsistence and Ecological Adaptation of Modern Hunter/Gatherers // OP.
- Healey C. J., 1990. Maring Hunters and Traders; Pouction and Exchange in the Papua New Guinea Highlands. Berkeley.
- Heider K., 1970. The Dugum Dani. A Papuan Culture in the Highlands of West New Guinea // VFPA. № 49.
- Heider K., 1972. The Grand Valley Dani Pig feast: a Ritual of Passage and Intensification // Oceania. 1972. V. 42. № 32.
- Heinen H. D. and Ruddle K., 1974. Ecology Ritual and Economic Organisation in the Distribution of Palm Starch Among the Warao of the Orinoco Delta // JAR. V. 30. № 3.
- Held G. J., 1957. The Papuans of Waropen. The Hague.
- Helm J. (ed.), 1965. Essays in Economic Anthropology. Seattle.
- Helm J. P., Bohannon P. and Sahlin M. (eds.), 1965. Essays in Economic Anthropology, dedicated to the Memory of Karl Polanyi. Seattle.
- Henry J., 1941. Jungle People. A Kaingang Tribe of the Highlands of Brazil. Richmond.
- Henry J., 1951. The Economics of Pilaga Food Distribution // AA. 1951. V. 53. № 2.
- Herman M. W., 1956. The Social Aspect of Huron Property // AA. 1956. V. 58. № 6.
- Hermant P., 1904. Les Coutumes et les Conditions Economiques de Peuples Primitifs // Bulletin de la Societe Royale Belge de Geographie. V. 28. № 1. № 2.
- Herskovits M., 1926. The Cattle Complex in East Africa // AA. 1926. V. 28. № 1-4.
- Herskovits M. J., 1949. The Economic Life of Primitive Peoples. N. Y.
- Herskovits M. J., 1952. The Economic Anthropology. A Study of Comparative Economics. N. Y.
- Herskovits M. J., 1965. Economic Anthropology. The Economic Life of Primitive Peoples. N. Y.
- Herskovits M. J. and Harwitz M. (eds.), 1964. Economic Transition in Africa. Evanston.
- Hiatt L. R., 1962. Local Organisation Among the Australian Aborigines // Oceania. 1962. V. 32. № 4.
- Hiatt L. R., 1968. Ownership and Use of Land Among the Australian Aborigines // MH.
- Hiatt L. R., 1985. Maidens, Males and Marx: Some Contrasts in the Work of Frederick Rose and Claude Meillassoux // Oceania. 1985. V. 56. № 1.
- Hickerson H., 1960. The Feast of Dead Among Seventeenth Century Algonquians of the Upper Great Lakes // AA. 1960. V. 62. № 1.
- Hill K., Hawkes K., Hurtado A. M. and Kaplan H., 1984. Seasonal Variance in the Diet of Ache Hunter-Gatherers in Eastern Paraguay // HE. 1984. V. 12. № 2.
- Hill K., Kaplan H., Hawkes K., Hurtado A. M., 1985. Men's Time Allocation to Subsistence Work Among the Ache of Eastern Paraguay // HE. 1985. V. 13. № 1.
- Hill K. and Hurtado A. M., 1996. Ace Life History: the Ecology and Demography of Foraging People. N. Y.
- Hill P., 1972. Rural Hausa. A Village and Setting. Cambridge.

- Hilliard W., 1968. The People in Between. L.
- Hocart A. M., 1922. The Cult of the Dead in Eddystone of the Solomons // JRAI. 1922. V. 52. Pt. 1-2.
- Hocart A., 1932. The Northern States of Fiji. L.
- Hocart A. M., 1937. Kinship Systems // Anthropos. 1937. Bd. 32. Heft 3-4.
- Hodder B. W. and Ukwu U. I., 1969. Markets in Western Africa. Studies of Markets and Trade Among the Yoruba and Ibo. Ibadan.
- Hodson T. C., 1911. The Naga Tribes of Manipur. L.
- Hogbin H. I., 1932. Polynesian Ceremonial Gift Exchanges // Oceania. 1932. V. 8. № 1.
- Hogbin H. I., 1934. Law and Order in Polynesia. A Study of Primitive Legal Institutions. L.
- Hogbin H. I., 1935a. Native Culture of Wogeo. Report on Fieldwork in New Guinea // Oceania. 1935. V. 5. № 3.
- Hogbin H. I., 1935b. Trading Expeditions in Northern New Guinea // Oceania. 1935. V. 5. № 4.
- Hogbin H. I., 1938a. Social Advancement in Guadalcanal, Solomon Islands // Oceania. 1938. V. 8. № 3.
- Hogbin H. I., 1938b. Tillage and Collection. A New Guinea Economy // Oceania. 1938. V. 9. № 2.
- Hogbin H. I., 1939a. Tillage and Collection. A New Guinea Economy // Oceania. 1939. V. 9. № 3.
- Hogbin H. I., 1939b. Native Land Tenure in New Guinea // Oceania. 1939. V. 10. № 2.
- Hogbin H. I., 1940. The Father Chooses his Heir: a Family Dispute over Succession in Wogeo // Oceania. 1940. V. 11. № 1.
- Hogbin H. I., 1945. Marriage in Wogeo, New Guinea // Oceania. 1945. V. 15. № 4.
- Hogbin H. I., 1947. Shame. A Study of Social Conformity in a New Guinea Village // Oceania. 1947. V. 17. № 4.
- Hogbin I., 1951. Transformation scene. The Changing Culture of New Guinea Village. L.
- Hogbin H. I., 1952. Sorcery and Succession in Wogeo // Oceania. 1952. V. 23. № 2.
- Hogbin I., 1964. A Guadalcanal Society. The Kaoka Speakers. N. Y.
- Hogbin H. I., 1970a. Experiments in Civilization. The Effects of European Culture on Native Communities of Solomon Islands. N. Y. (first ed.: L., 1939).
- Hogbin I., 1970b. The Island of Menstruating Men. Religion in Wogeo, New Guinea. Scranton etc.
- Hogbin I., 1970c. Food Festivals and Politics in Wogeo // Oceania. 1970. V. 40. № 4.
- Hogbin I., 1978. The Leaders and the Led. Social Control in Wogeo, New Guinea. Carlton.
- Hogbin H. I. and Wedgewood C. H., 1953. Local Grouping in Melanesia // Oceania. 1953. V. 23. № 4; V. 24. № 1.
- Hole Ch., 1978. A Dictionary of British Folk Customs. L. etc.
- Holmberg A. R., 1950. Nomads of the Long Bow. The Siriono of Eastern Bolivia // SIISAP. № 10.
- Honigsmann J. J., 1954. Culture and Ethos of Kaska Society // YUPA. № 51.
- Hopkins T. K., 1957. Sociology and Substantive View of the Economy // TMEI.
- Howitt A. W., 1904. Native Tribes of South-East Australia. L.
- Hoyt E., 1926. Primitive Trade. Its Psychology and Economics. L.
- Hrdlička A., 1930. The Skeletal Remains of Early Man. Washington.
- Huges Ch., 1958. An Eskimo Deviant from the Eskimo Type of Social Organisation // AA. 1958. V. 60. № 5.
- Huges I., 1977. New Guinea Stone Age Trade. Canberra.
- Humphreys C. and High-Jones C. (eds.), 1992. Barter, Exchange and Value: Anthropological Approach. Cambridge.
- Humphreys C. B., 1926. The Southern New Gebrides. Cambridge.
- Humphreys S. C., 1965. History, Economics and. Anthropology: The Work of Karl Polanyi // History and Theory. 1965. V. 8. № 1.
- Hunter W. W., 1879. Statistical Account of Assam. L.
- Huntingford G. W. B., 1955. The Economic life of Dorobo // Anthropos. 1955. V. 50. Fasc. 4-6.
- Hurtado A. M., Hawkes K., Hill K., Kaplan H., 1985. Female Subsistence Strategies Among Ache Hunter-Gatherers in Eastern Paraguay // HE. 1985. V. 13. № 1.
- Hurtado A. M. and Hill K. R., 1990. Seasonality in Foraging Society: Variation in Diet, Work Effort, Fertility, and Sexual Division of Labor Among the Hiwi of Venezuela // JAR. 1990. V. 46. № 3.
- Hutton J. H., 1921. The Angami Nagas. L.
- Hutton J. H., 1968. The Sema Nagas. Bombay, Oxford.
- Hyde L., 1983. The Gift. Imagination and the Erotic Life of Property. N. Y.

- Ichikawa M.*, 1979. The Residential Groups of the Mbuti Pygmies // *Africa* 1. SES. № 1.
- Ingold T.*, 1980. Hunters, Pastoralists and Ranchers: Reindeer Economics and Their Transformations // *CSSA*. 28. Cambridge.
- Irrvin G. J.*, 1983. Chieftainship, Kula and Trade in Massim Prehistory // *KNPME*.
- Ivens W. G.*, 1027. Melanesians of the South-East Solomon Islands. L.
- Iyer L. K.*, 1909–1912. Anantha Krishna. Cochin Tribes and Castes. Higginbotham, L.
- Jenness D.*, 1922. The Life of the Copper Eskimos // Report of the Canadian Arctic Expedition 1913–1918. V. 12. Ottawa.
- Jenness D.*, 1934. The Indians of Canada // *Bulletin* 65. Anthropological Series. № 15, of National Museum of Canada. Ottawa.
- Jenness D.*, 1943. The Carrier of the Bulkley River // *SIBAEB*. 133.
- Jochelson W.*, 1905. The Koryak. Pt. 1. Religion and Myth // *MAMNH*. V. 6. Pt. 1.
- Jochelson W.*, 1908. The Koryak. Pt. 2. Material Culture and Social Organization // *MAMNH*. V. 6. Pt. 2.
- Jochelson W.*, 1910. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus // *MAMNH*. V. IX. Pt. 1. Leiden, N. Y.
- Johnson A.*, 1975. Time Allocation in a Machiguenga Community // *Ethnology*. 1975. V. 14. № 3.
- Johnson A. W. and Earle T.*, 1987. The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State. Stanford.
- Johnson S.*, 1966. The History of Yorubas. From Earliest Time to the Beginning of the British Protectorate. L.
- Johnson S. R.*, 1982. Food, Other Valuables, Payment, and the Relative Scale of Ommura Ceremonies (New Guinea) // *Anthropos*. 1982. V. 77. № 34.
- Jones R.*, 1980. Hunters in the Australian Coastal Savanna // *Human Ecology in Savanna Environments*. Ed. by D. Harris, L.
- Jopling C. F.*, 1989. The Coppers of the Northwest Coast Indians. Their Origin, Development, and Possible Antecedents // *Transactions of the American Philosophical Society*. V. 79. Pt. 1. Philadelphia.
- Josephides L.*, 1985. The Production of Inequality, Gender and Exchange Among the Kewa. L., N. Y.
- Josseling de Jong P. E. de.*, 1960. Minangkabau and Negri Sembilan. Socio-political Structure in Indonesia. Djakarta.
- Just P.*, 1980. Time and Leisure in the Elaboration of Culture // *JAR*. 1980. V. 36. № 1.
- Justin A.*, 1990. The Nicobarese. Calcutta.
- Kaberry Ph.*, 1939. Aboriginal Woman. Sacred and Profane. L.
- Kaberry P. M.*, 1941–1942. Law and Political Organisation in the Abelam Tribe, New Guinea // *Oceania*. 1941. V. 12. № 1. 1942. V. 12. № 3. № 4.
- Kahn M.*, 1986. Always Hungry, Never Greedy. Food and the Expression of Gender in a Melanesian Society. Cambridge.
- Kahn J. S. and Llobera J. R. (eds.)*, 1981. Anthropology of Pre-Capitalist Societies. Basingstoke.
- Kan S. A.*, 1990. Symbolic Immortality. The Tlingit Potlach of the Nineteenth Century. Washington, L.
- Kaplan D.*, 1968. The Formal-Substantive Controversy in Economic Anthropology. Reflections on its Wider Implications // *SJA*. 1968. V. 24. № 3.
- Kaplan H. and Hill K.*, 1985. Food Sharing Among Ache Foragers: Tests of Explanatory Hypothesis // *CA*. 1985. V. 26. № 2.
- Kaplan J. O.*, 1975. The Piaroa. A People of Orinoco Basin. A Study in Kinship and Marriage. Oxford.
- Karsten R.*, 1932. Indian Tribes of the Argentine and Bolivian Chaco // *SSFCHL*. T. 4. № 1.
- Karsten R.*, 1935. The Head-hunters of Western Amazonas. The Life and Culture of the Jibaro Indians of Eastern Ecuador and Peru // *SSFCHL*. T. 7. № 1.
- Kea R. A.*, 1982. Settlements, Trade, and Politics in the 17th Century Gold Coast. Baltimore and L.
- Keen I.*, 1982. How Some Murugin Men Marry Ten Wives: The Marital Implications of Matrilateral Cross-Cousin Structures // *Man*. 1982. V. 17. № 4.
- Keen I.*, 1969. Aboriginal Governance // *EIAA*.
- Keesing F. M.*, 1949. Some Notes on Bontok Social Organisation, Northern Philippines // *AA*. 1949. V. 51. № 4. Pt. 1.

- Kelly R., 1995. The Foraging Spectrum: Diversity in Hunter-Gatherer Lifeways. Washington.
- Kent S., 1993. Sharing in an Egalitarian Kalahari Community // *Man*. 1993. V. 28/ № 3.
- Kidd D., 1908. Kafir Socialism and the Dawn of Individualism. L.
- Kinietz W. V., 1940. The Indians of the Western Great Lakes 1615-1760 // Occasional Contributions from the Museum of Anthropology of the University of Michigan. № 6. Ann Arbor.
- Köcke J., 1979. Some Early German Contributions to Economic Anthropology // *REA*. V. 2.
- Kolig E., 1989. The Powers that be and those who Aspire to them: Power, Knowledge and Reputation in Australian Aboriginal Society // *EIAA*.
- Koppers W., 1915-1916. Die ethnologische Wirtschaftsforschung. Eine historisch-Kritische Studie // *Anthropos*. Bd. 10-11.
- Kotani Y. and Workman (eds.), 1980. Alaskan Native Culture and History. SES. № 4.
- Krause F., 1924. Die Wirtschaftsleben der Völker. Breslau.
- Krige E. J., 1965. The Social System of the Zulus. Pietermaritzburg.
- Kroeber A., 1900. The Eskimo of Smith Sound. N. Y.
- Kroeber A. L., 1925. Handbook of the Indians of California // *SIBAEB*. 78.
- Kroeber A. L., 1946. The Chibcha // *HSAL*. Vol. 2. Andlan Civilizations. Washington.
- Kumar K., 1988. The Rise of Modern Society. Oxford.
- Lacey R., 1979. Holders of the Way: a Study in Pre-colonial Socio-Economic History in Papua New Guinea // *JPS*. 1979. V. 88. № 3.
- Lacey W. K., 1968. The Family in Classical Greece, Ithaca, N. Y.
- Laftau J. F., 1724. Moeurs des sauvages américains, compères aux mœurs des premiers temps. V. 1. Paris.
- Laguna F. de, 1972a. Under Mount Saint Elias. The History and Culture of the Yakutat Tlingit. Pt. I // *SCA*. V. 7.
- Laguna F. de, 1972b. Under Mount Saint Elias. The History and Culture of the Yakutat Tlingit. Pt. II // *SCA*. V. 7.
- Laguna F. de and McClellan C., 1981. Ahtna // *HNAI*. V. 6. Subarctic.
- Lam Tam, 1973. A Survey of Meo // *Vietnamese Studies*. № 36.
- Landtman G., 1927. The Kiwai Papuans of British New Guinea. L.
- Landtman G., 1938. The Origin of the Inequality of the Social Classes. Chicago.
- Lantis M., 1946. Social Structure of the Nunivak Eskimo. Philadelphia.
- Lantis M., 1966. Alaskan Eskimo Ceremonialism // *MAES*. 11. Seattle and L.
- Lantis M., 1984. Aleut // *HNAI*. V. 5. Arctic.
- Lawrence P., 1984. The Garia. An Ethnography of a Traditional Cosmic System in Papua New Guinea. Carlton.
- Layard J., 1942. Stone Men of Malekula. Vao., L.
- Leach E. R., 1940. Social and Economic Organisation of the Rowanduz Kurds // *LSEMSA*. № 3.
- Leach E. R., 1964. Political Systems of Highlands Burma. A Study of Kachin Social Structure. L.
- Leach J. W. and Leach E. (eds.), 1983. The Kula. New Perspectives on Massim Exchange. Cambridge.
- Leacock E., 1954. The Montagnais' «Hunting Territory» and the Fur Trade // *MAAA*. № 78. Menasha.
- Leacock E., 1982. Relations of Production in Band Society // *HPBS*.
- Lebar F. M. (ed.), 1972. Ethnic Groups of Insular Southeast Asia. V. 1. New Haven.
- Lebar F. M., Hickey G. C., Musgrave J. K. (eds.), 1964. Ethnic Groups of Mainland Southeast Asia. New Haven.
- LeClair E. E., 1962. Economic Theory and Economic Anthropology // *AA*. 1962. V. 64. № 6.
- LeClair E. E. and Schneider H. K. (eds.), 1968. Economic Anthropology. Readings in Theory and Analysis. N. Y.
- Lederman R., 1986. What Gifts Engender. Social Relations in Mendi, Highlands Papua New Guinea. N. Y.
- Lederman R. L., 1990. Big Men, Large and Small? Towards a Comparative Perspective // *Ethnology*. 1990. V. 29. № 1.
- Lee R. B., 1968. What Hunters Do for a Living: or, How to Make out on Scarce Resources // *MH*.
- Lee R. B., 1969. Kung Bushmen Subsistence: Input-Output Analysis // *Environment and Cultural Behavior*. Ed. by A. P. Vayda. N. Y.
- Lee R. B., 1972. The Kung Bushmen of Botswana // *HGT*.
- Lee R. B., 1979. The Kung San. Men, Women and Work in a Foraging Society. N. Y.

- Lee R. B., 1984. The Dobe Kung. N. Y. etc.
- Lee R. B., 1988. Reflections on Primitive Communism // HG1.
- Lee R. B. and Daly R. (eds.), 1999. The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers. Cambridge.
- Lehman F. K., 1963. The Structure of Chin Society. A Tribal People of Burma Adopted to a Non-western Civilization // ISA. № 3.
- Leons M. B. and Rothstein F. (ed.), 1979. New Directions in Political Economy. Westport.
- Leperanche M. de., 1967–1968. Descent, Residence and Leadership in the New Guinea Highlands // Oceania. 1967. V. 38. № 2; 1968. V. 38. № 3.
- Lepowski M., 1983. Sudest Island and the Louisiade Archipelago in Massim Exchange // KNPME.
- Leroy J. D., 1979. The Ceremonial Pig Kill of the South Kewa // Oceania. V. 49. № 3.
- LeRoy J., 1979. Competitive Exchange in Kewa // JPS. 1979. V. 88. № 1.
- Leroy O., 1925. Essai d'Introduction Critique a l'Etude de l'Economie Primitive. Paris.
- Le Souef A. A. C., 1878. Notes on the Natives of Australia // The Aborigines of Victoria: with Notes Relating to the Habits of the Natives of Other parts of Australia and Tasmania. Ed. by R. B. Smyth. Melbourne.
- Letourneau Ch., 1889. L'Evolution de la Propriete. Paris.
- Letourneau C. L., 1897a. Evolution du Commerce dans les Diverses Humaines. Paris.
- Letourneau Ch., 1897b. L'Evolution de l'Esclavage. Paris.
- Lewis A. B., 1929. Melanesia Shell Money // Field Museum Collection. Field Museum of Natural History Anthropological Series. V. 20. № 1. Chicago.
- Levi-Strauss C., 1944. The Social and Psychological Aspects of Chieftainship in Primitive Tribe: The Nambikuara of Northwestern Mato Grosso // Transactions of New York Academy of Sciences. 1944. V. 7. № 1.
- Lienchard G., 1957–1958. Anuak Village Headman // Africa. 1957. V. 17. № 4; 1958. V. 18. № 1.
- Lienchard G., 1961. Divinity and Experience: The Religion of Dinka. Oxford.
- Liep J., 1983. Ranked Exchange in Yela (Rossel Island) // KNPME.
- Lindstrom L., 1981. «Big Man». A Short Terminological History // AA. 1981. V. 83. № 4.
- LiPuma E., 1981. Cosmology and Economy Among the Maring of Highland New Guinea // Oceania. 1981. V. 51. № 4.
- LiPuma E., 1988. The Gift of Kinship. Structure and Practice in Maring Social Organisation. Cambridge.
- Little K., 1965–1966. The Political Function of the Poro // Africa. 1965. V. 35. № 4; 1966. V. 36. № 1.
- Lloyd P., 1960. Sacred Kingship and Government among Yoruba // Africa. 1960. Vol. 30. № 3.
- Loeb E. M., 1935. Sumatra. Its History and People. Vien.
- London S. (ed.), 1963. Contemporary Subsistence Economy of Alaska. Fairbanks.
- Long J. P. M., 1970. Polygyny, Acculturation and Contact: Aspects of Aboriginal Marriage in Central Australia // AAA.
- Lopatin I. A., 1960. The Cult of Dead Among Natives of the Amur Basin. The Hague.
- Lopez R. S., 1976. The Commercial Revolution of the Middle Ages, 950–1350. Cambridge etc.
- Love J. R. B., 1936. Stone Age Bushmen of Today. L. and Glasgow.
- Lowie R. H., 1956. Crow Indians. New York.
- Lowie R. H., 1961. Primitive Society. N. Y. (first ed.: 1920).
- Lowie C. C., 1906. A Note of Palaungs of Uspaw and Tawngpeng // Ethnographical Survey of India, Burma. № 1. Rangoon.
- Lowman-Vayda C., 1973. Maring Big Men // PNG.
- Loyens W. Y., 1964. The Koyukon Feast of Dead // ArA. 1964. V. 2. № 2.
- Lumholtz K., 1892. Unter Menschenfressern. Hamburg.
- Luzbetak L. J., 1954. The Socio-Religious Significance of New Guinea Pig Festival // Anthropological Quarterly. 1954. V. 27. № 3. № 4.
- Mabuchi T., 1960. Aboriginal Peoples of Formosa // Social Structure in Southeast Asia. Ed. by G. P. Murdock. Chicago, L.
- Macgregor G., 1931. Ethnology of Tokelau Island // BPBM. Bul. 146.
- Macintyre M., 1983. The Kula. A Bibliography. Cambridge.
- Maclachlan M. D. (ed.), 1987. Household Economics and Their Transformation // MEA. № 3. Lanham.

- MacLeod M. C., 1928. Economic Aspects of Indigenous American Slavery // AA. 1928. V. 30 № 4.
- Maddock K., 1974. The Australian Aborigines: A Portrait of their Society. Ringwood, Victoria.
- Mair L., 1964. Primitive Government. Harmondsworth.
- Malinowski B., 1913. The Family Among the Australian Aborigines. L.
- Malinowski B., 1920a. War and Weapon Among the Natives of the Trobriand Islands // Man. 1920. V. 20. № 5.
- Malinowski B., 1920b. Kula. The Circulating Exchange of Valuables in the Archipelagoes of Eastern New Guinea // Man. 1920. V. 20. № 51.
- Malinowski B., 1921. Primitive Economics of Trobriand Islanders // The Economic Journal. 1921. V. 31. № 121.
- Malinowski B., 1922. Argonauts of the Western Pacific. An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagoes of Melanesian New Guinea. L.
- Malinowski B., 1965. Coral Gardens and Their Magic. Vol. 1. Bloomington. (first ed.: 1935).
- Malinowski B., 1968. The Sexual Life of Savages in North-Western Melanesia. L. (first ed.: N. Y., 1929).
- Marquardt W. H., 1988. Politics and Production Among the Calusa of South Florida // HG1.
- Marshall L., 1961. Sharing, Talking, and Giving: Relief of Social Tension Among Kung Bushmen // Africa. 1961. V. 31. № 3.
- Marshall L., 1967. Kung Bushmen Bands // Comparative political Systems. Ed. by R. Cohen and J. Middleton. N. Y.
- Marshall L., 1976. The Kung Bushmen of Nyae-Nyae. Cambridge and L.
- Martin M. K., 1969. South American Foragers: a Case Study in Culture Devolution // AA. 1969. V. 71. № 2.
- Massing A., 1980. The Economic Anthropology of the Kru (West Africa). Wiesbaden.
- Mathiassen T., 1928. Material Culture of the Iglulik Eskimos // RTE. V. 6. № 1. Copenhagen.
- Mauss M., 1925. Essai sur le Don: Forme et Raison de Exchange dans les Societes Archaïques // L'Annee Sociologique. N. S. 1 (1923-1924). Paris.
- Mayer F., 1905. Wirtschaft und Recht der Herero. Berlin.
- McCarthy F. D., 1939. «Trade» in Aboriginal Australia and «Trade» Relationship with Torres Strait, New Guinea and Malaya // Oceania. 1939. V. 9. № 4; V. 10. № 1, 2.
- McCarthy F. D. and McArthur M., 1960. The Food Quest and the Time Factor in Aboriginal Economic Life // Records of the American-Australian Expedition to Arnhem Land. V. 2. Melbourne.
- McClellan C., 1964. Culture Contacts in the Early History Period in Northwestern North America // ArA. 1964. V. 2. № 2.
- McClellan C., 1981. Tagish // HNAI. V. 6. Subarctic.
- Macgregor G., 1971. Ethnology of Tokelau Islands. N. Y.
- McIntosh S. K. (ed.). Beyond Chiefdoms: Pathways to Complexity in Africa. N. Y.
- McKannan R., 1959. The Upper Tanana Indians // YUPA. № 55.
- McKannan R. A., 1969. Atapaskan Groupings and Social Organisation in Central Alaska // CABS.
- McKannan R. A., 1981. Tanana // HNAI. V. 6. Subarctic.
- McKern W. C., 1922. Functional Families of the Patwin // UCPAAE. V. 13. № 7. Berkeley.
- Mead M., 1934. Kinship in the Admiralty Islands // APAMNH. V. 34. Pt. 2.
- Mead M., 1937. The Arapesh of New Guinea // CCPP.
- Mead M., 1937. The Manus of the Admiralty Islands // CCPP.
- Mead M., 1937. The Samoans // CCPP.
- Mead M., 1947. The Mountain Arapesh. III. Socio-economic Life // APAMNH. V. 40. Pt. 3.
- Mead M., 1969. Social organisation of Manua // BPBMB. 76. (first ed.: 1930).
- Meehan B., 1982. Shell Bed to Shell Midden. Canberra.
- Meggitt M. J., 1956. The Valleys of the Upper Wage and Lau Rivers, Western Highlands, New Guinea // Oceania. 1956. V. 27. № 2.
- Meggitt M. J., 1957. The Ipli of the Porgera Valley, Western Highlands District, Territory of New Guinea // Oceania. 1957. V. 28. № 1.
- Meggitt M. J., 1958. The Enga of the New Guinea Highlands: Some Preliminary Observations // Oceania. 1958. V. 28. № 4.
- Meggitt M. J., 1962. Desert People. A Study of the Walbiri Aborigines of Central Australia. Sydney.
- Meggitt M. J., 1965a. The Lineage System of the Mae-Enga of New Guinea. Edinburgh, L.

- Meggitt M. J.*, 1965b. Marriage Among the Walbiri of Central Australia: A Statistical Examination // AMA.
- Meggitt M. J.*, 1973. The Patterns of Leadership Among Mae-Enga of New Guinea // PNG.
- Meggitt M. J.*, 1974. «Pigs are Our Hearts!»: The Te Exchange Cycle Among the Mae Enga of New Guinea // Oceania. 1974. V. 44. № 3.
- Meillassoux C.*, 1964. Anthropologie Economique des Gouro de Cote d'Ivoire. De l'Economie de Subsistence a l'Agriculture Commerciale. Paris.
- Meillassoux C. (ed.)*, 1971. The Development of Indigenous Trade and Markets in West Africa. L.
- Meillassoux C.*, 1972. From Reproduction to Production: a Marxist Approach to Economic Anthropology // Economy and Society. 1972. V. 1. № 1.
- Mekeel H. S.*, 1936. The Economy of a Modern Teton Dakota Community // YUPA. № 6.
- Melitz Y.*, 1970. The Polanyi School of Anthropology on Money. An Economist's View // AA. 1970. V. 72. № 5.
- Metraux A.*, 1946. Indians of the Gran Chaco. Ethnography of the Chaco // HSAI. V. 1. Marginal Tribes.
- Miller N.*, 1937. Primitive Economics in the Light of Consistency in the Mores // Studies in the Science of Society. Ed. by G. P. Murdock. New Haven.
- Mills J. P.* 1922.. The Lhota Nagas. L.
- Mills J. P.*, 1926. The Ao Nagas. L.
- Mills J. P.*, 1937. The Rengma Nagas. L.
- Mirski J.*, 1937. The Dakota // CCPP.
- Mishkin B.*, 1940. Rank and Warfare Among the Plains Indians. N. Y.
- Mitchell D. and Donald L.*, 1985. Some Economic Aspects of Tlingit, Haida and Tsimshian Slavery // REA. V. 7.
- Modjeska N.*, 1982. Production and Inequality: Perspectives from Central New Guinea // INGHS. CPSA. № 11.
- Mole R. L.*, 1979. The Mountagnars of South Vietnam. A Study of Nine Tribes. Ruthland and Tokyo.
- Monaghan J.*, 1996. Fiesta Finance in Mesoamerica and the Origins of Gift Systems // JRAI. 1996. V. 2. № 3.
- Morgan L. H.*, 1851. The League of the Ho-de-no-sau-nee, Iroquois. Rochester.
- Morgan L. H.* 1881. Houses and House-Life of the American Aborigines // CNAE. V. 4.
- Morgan L. H.*, 1963. Ancient Society, or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery Through Barbarism to Civilization. Cleveland and N. Y. (first ed. — N. Y., 1877).
- Morris B.*, 1982. Forest traders. A socio-economic Study of the Hill Pandaram // ISEMSA № 55.
- Moss C. R.*, 1920a. Nabaloi Law and Ritual // UCFAAE. V. 15. № 3. Berkeley.
- Moss C. R.*, 1920b. Kaakanai Ceremonies // UCFAAE. V. 15. № 4. Berkeley.
- Moszkowski M.*, 1911. Vom Wirtschaftsleben der primitiven Völker (unter besonderer Berücksichtigung der Papua von Neuguinea und Sakei von Sumatra). Jena.
- Moszkowski M.*, 1912. L'Economie des Peuples Primitifs // Revue Economique Internationale. Dezember-Nummer. Brussels.
- Mounford C. P.*, 1958. The Tiwi. Their Art, Myth and Ceremony. L. 2727.
- Muller W.*, 1917. Yap // Erg. Der Sudsee Exped. 1908–1910. II. Ethnografie. B. Mikronesien. Bd. 2. 1 Halb. Hamburg.
- Mulvaney D. J.*, 1976. «The Chain of Connection». The Material Evidence // Tribes and Boundaries in Australia. Ed. by N. Peterson. Canberra.
- Munn N. D.*, 1986. The Fame of Gawa. A Symbolic Study of Value Transformation in a Massim (Papua New Guinea) Society. Cambridge.
- Murdock G. P.*, 1936. Rank and Potlach among Haida // YUPA. № 13.
- Murdock G. P.*, 1937. Comparative Data on the Division of Labor by Sex // Social forces. 1937. V. 15. № 4.
- Murdock G. P.*, 1955. North American Social Organisation // Davidson Journal of Anthropology. 1955. V. 1. № 2.
- Murdock G. P.*, 1965. Social Structure. N. Y. (first ed.: 1949).
- Murdock G. P. and Provasi C.*, 1937. Factors in the Division of Labor by Sex: A Cross-Cultural Analysis // Ethnology. 1937. V. 12. № 2.
- Murphy R. F.*, 1958. Mundurucu Religion // UCFAAE. V. 49. № 1, Berkeley and Los Angeles.

- Murphy R. F., 1960. *Headhunter's Heritage. Social and Economic Change Among the Mundurucu Indians*. Berkeley and Los Angeles.
- Murray O., 1993. *Early Greece*. L.
- Myers F. R., 1991. *Pintupi Country, Pintupi Self. Sentiment, Place, and Politics Among Western Desert Aborigines*. Berkeley etc. (first ed.: 1986).
- Nacane Ch., 1967. *Garó and Khasis. Comparative Study in Material Systems*. Paris, The Hague.
- Nachman S., 1982. The Validation of Leadership on Nissan // *Oceania*. 1982. V. 52. № 3.
- Nadel S. F., 1964. *A Black Byzantium. The Kingdom of Nupe in Nigeria*. N. Y.
- Nash M., 1966. *Primitive and Peasant Economic Systems*. San Francisco.
- Ndisi J. W., 1974. *A Study in the Economuc and Social Life of the Luo of Kenya*. Uppsala
- Neale W. C., 1957a. *Reciprocity and Redistribution in Indian Village: Sequel to Some Notable Discussions* // *TMEE*.
- Neale W. C., 1957b. *The Market in Theory and History* // *TMEE*.
- Nelson E. W., 1899. *The Esimo about Bering Strait* // 18 *ARBAE* 1896–1897.
- Newman P., 1965. *Knowing the Gururumba*. N. Y.
- Nicolaisen J., 1974–1975. *The Negritos of Casiguran Bay. Problems of Affluency, Territoriality and Human Agressiveness in Hunting Societies of Southeast Asia* // *Folk*. V. 16–17.
- Nieboer H. J., 1900. *Slavery as an Industrial System. Ethnological Researches*. The Hague.
- Nillks J., 1944. *Natives of the Bismark Mautains, New Guinea* // *Oceania*. 1944. V. 15. № 1.
- Nimuedaju K., 1946. *The Eastern Timbira* // *UCPAAE*. V. 41. Berkeley and Los Angeles.
- Nguyen Tu Chi, 1972. *A Muong Sketch* // *Vietnamise Studies*. № 32. Hanoi.
- Nugent D., 1982. *Closed Systems and Contradiction: The Kachin in and out History* // *Man*. 1982. V. 17. № 3.
- Oberg K., 1953. *Tribes of Northern Mato Grosso, Brazil* // *SIISAP*. № 15.
- Oberg K., 1972. *Social Economy of Tlingit Indians* // *MAES*. № 55. Seattle and L.
- Odaka K., 1950. *Economic Organisation of the Li Tribes of Hainan Island* // *Yale Southeast Studies. Translation Series*. New Haven.
- Oldfield A., 1865. *On the Aborigines of Australia* // *Transactions of the Ethnological Society*. New series, 3. L.
- Oliver D. L., 1949. *Studies in the Anthropology of Bougainville, Solomon Islands* // *Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology*. Harvard University. V. 29. № 1–4. Cambridge, Mass.
- Oliver D. L., 1955. *A Solomon Island Society. Kinship and Leadership Among the Siuai of Bougainville*. Cambridge, Mass.
- Oliver D. L., 1970. *Ancient Tahitian Society*. V. 1–2. Hoholulu.
- Oliver D., 1973. *Southern Bougainville* // *PNG*.
- Olson R., 1954. *Social Life of the Owikeno-Kwakiutl* // *AR*. 1954. V. 14. № 3. 1954.
- Oosterwal G., 1961. *People of Tor. A Cultural-Anthropological Study on the Tribes of the Tor Territory (Northern Netherlands New Guinea)*. Assen.
- Ormelling F. J., 1956. *Timor Problem. A Geographical Interpretation of the Underdeveloped Island*. Djakarta.
- Ortiz S. (ed.), 1983. *Economic Anthropology. Topics and Theories*. Lanham. N. Y., L.
- Ortiz S. and Lebs S. (eds.), 1992. *Undestanding Economic Process* // *MEA*. 10.
- Osgood C., 1936. *Contribution to the Ethnography of the Kutchin* // *YUPA*. № 14.
- Osgood C., 1937. *The Ethnography of the Tanaina* // *YUPA*. № 16.
- Ostene M. (ed.), 2002. *The Question of the Gift*. L.
- Palmer E., 1884. *Notes on Some Australian Tribes* // *JAI*. 1884. V. 13. № 3.
- Panckow H., 1896. *Betrachtungen über das Wirtschaftsleben der Naturvölker* // *Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin*. Bd. 31.
- Panoff M., 1970. *Marcel Mauss's Gift Revisited* // *Man*. 1970. V. 5. № 1.
- Pant S. D., 1935. *The Social Economy of the Himalayans*. L.
- Parry N. E., 1932. *The Lakhers*. L.
- Parry J. and Bloch M. (eds.), 1969. *Money and the Morality of Exchange*. Cambridge.
- Pearson H. W., 1957a. *The Secular Debate on Economic Primitivism* // *TMEE*.
- Pearson H. W., 1957b. *Parsons and Smelser on the Economy* // *TM EE*.
- Pearson H. W. 1957c. *The Economy has no Surplus: Critique a Theory of Development* // *TMEE*.
- Peoples J. G., 1993. *Political Evolution in Micronesia* // *Ethnology*. Vol. 32. № 1.

- Perry R. J., 1989. Matrilineal Descent in a Hunting Context: The Athapaskan Case // *Ethnology*. 1989. V. 28. № 1.
- Persson J., 1983. Cyclical Change and Circular Exchange: a Re-examination of the Kula Ring // *Oceania*. 1983. V. 54. № 1.
- Peterson J. T., 1978. The Ecology of Social Boundaries. Agta Foragers of the Philippines // *ISA*. № 11. Urbana, Chicago and L., 1978.
- Peterson N. and Masuyama T. (eds.), 1991. Cash, Commoditisation and Changing Foragers // *SES*. № 30.
- Petri H., 1936. Die Geldformen der Sudsee // *Antropos*. 1916. Bd. 31.
- Phelps Brown E. H., 1972. Underdevelopment of Economics // *Economic Journal*. 1972. Vol. 82. № 235.
- Piddocke S., 1968. The Potlach System of the Southern Kwakiutl: A New Perspective // *SJA*. 1968. V. 21. № 2.
- Plattner S. (ed.), 1975. Formal Methods in Economic Anthropology. Washington.
- Plattner S. (ed.), 1985. Markets and Marketing. Lanham, N. Y., L.
- Playfair A., 1909. The Garos. L.
- Pilling A. R., 1968. Southeastern Australia: Level of Social Organisation // *MH*.
- Pilling A. R., 1978. Yurok // *HNAI*. V. 8. California.
- Polanyi K., 1944. The Great Transformation. The Political and Economic Origins of our Times. N. Y.
- Polanyi K., 1957a. Our Obsolete Market Mentality // *TMEE* (впервые опубликовано: Commentary, 1947. 13).
- Polanyi K., 1957b. Aristotle Discovers the Economy // *TMEE*.
- Polanyi K., 1957c. Economy as Instituted Process // *TMEE*.
- Polanyi K., 1957d. Marketless Trading in Hammurabi's Time // *TMEE*.
- Polanyi K., 1966. Dahomey and Slave Trade. An Analysis of an Archaic Economy // *MAES*, 42. Seattle.
- Polanyi K., 1968. Primitive, Archaic and Modern Economics. Essays of Karl Polanyi. Ed. by G. Dalton. N. Y.
- Polanyi K., 1977. The Livelihood of Man. Ed. by H. W. Pearson. N. Y.
- Polanyi K., Arsenberg C. M., Pearson H. W. (eds.), 1957. Trade and Market in Early Empires. N. Y.
- Polanyi K., Arsenberg C. M., and Pearson H. W., 1957. The Place of Economies in Societies // *TMEE*.
- Polanyi-Levit K. (ed.), 1990. The Life and Work of Karl Polanyi. Montreal.
- Pospisil L., 1958. Kapauku Papuans and Their Law // *YUPA*. № 54.
- Pospisil L., 1963a. Kapauku Papuan Economy // *YUPA* № 67.
- Pospisil L., 1963b. The Kapauku Papuans of West New Guinea. N. Y.
- Powdermaker H., 1932. Feasts in New Ireland: the Social Functions of Eating // *AA*. 1932. V. 34. № 2.
- Powdermaker H., 1933., Life in Lesu. The Study of the Melanesian Society in New Ireland. L.
- Powell H. A., 1960. Competitive Leadership in Trobriand Political Organisation // *JRAI*. 1960. V. 90. Pt. 1-2.
- Powell H. A., 1969. Territory, Hierarchy and Kinship in Kiriwina // *Man*. 1969. V. 4. № 4.
- Powell J. W., 1971. Anthropology of the Numa, John Wesley Powell's Manuscripts on the Numic Peoples of Western North America. 1868-1880. Ed. by D. Fowler and C. S. Fowler // *SCA*. № 14.
- Powers S., 1877. Tribes of California // *CNAE*. V. 3.
- Price D., 1987. Nambiquara Geopolitical Organisation // *Man*. 1987. V. 22. № 1.
- Price J. A., 1962. Washo Economy // *Nevada State Museum Anthropological Papers*. № 6. Carson City.
- Price J. A., 1975. Sharing: The Integration of Intimate Economies // *Anthropologica*. 1975. V. 17. № 1.
- Price J. A., 1979. Inaian of Canada. Cultural Dynamics. Scarborough, Ontario.
- Price T. D. and Feinman C. M. (eds.), 1995. Foundations of Social Inequality N. Y.
- Prior F. L., 1977. The Origin of Economy. A Comparative Study of Distribution in Primitive and Peasant Economies. N. Y. etc.
- Provinse J. H., 1937. Cooperative Ricefield Cultivation Among Siang Dyaks of Central Borneo // *AA*. 1937. V. 39. No 1.

- Putnam P., 1953. The Pigmees of the Ituri Forest // A Reader in General Anthropology. Ed. by C. S. Cook. N. Y.
- Quiggin A. H., 1949. A Survey of Primitive Money. The Beginnings of Currency. L.
- Radcliffe-Brown A. R., 1913. Three Tribes of Western Australia // JRAI. 1913. V. 43. № 2.
- Radcliffe-Brown A. R., 1918. Notes on the Social Organisation of Australian Tribes // JRAI. 1918. V. 48.
- Radcliffe-Brown A. R., 1930-1931. The Social Organisation of Australian Tribes // Oceania. 1930. V. 1. № 1, 2; 1931. V. 1. 3, 4.
- Radcliffe-Brown A. R., 1951. Murngin Social Organisation // AA. 1951. V. 53. № 1.
- Radcliffe-Brown A. R., 1964. The Andaman Islanders. N. Y. (first ed.: 1922).
- Ransom J. R., 1946. Aleut Natural-food Economy // AA. 1946. V. 48. № 4. Pt. 1.
- Rappaport R. A., 1967. Pigs for Ancestors. Ritual in the Ecology of Hew Guinea People. New Haven and L.
- Rasmussen K., 1931. The Netsilik Eskimos. Social Life and Spiritual Culture // RTE. V. 8. № 1-2. Copenhagen.
- Rasmussen K., 1932. Intellectual Culture of the Copper Eskimos // RTE. V. 11. Copenhagen.
- Ray Asok Kumar, 1990. Authority and Legitimacy. A Study of the Thadou-Kukis in Manipur. Delhi.
- Read K. E., 1946. Social Organisation in the Markham Valley, New Guinea // Oceania. 1946. V. 17. № 2.
- Read K. E., 1950. The Political System of the Ngarawapum // Oceania. 1950. V. 20. № 3.
- Read K. E., 1951. The Gahuku-Gama of the Central Highlands // South Pacific. 1951. V. 5. № 8.
- Read K. E., 1952. Nama Cult of the Central Highlands, New Guinea // Oceania. 1952. V. 23. № 1.
- Read K. E., 1959. Leadership and Consensus in a New Guinea Society // AA. 1959. V. 61. № 3.
- Reay M., 1959. The Kuma. Freedom and Conformity in the New Guinea Highlands. Melbourne.
- Reay M., 1964. Present Day Politics in the New Guinea Highlands // AA. 1964. V. 66. № 4. Pt. 2.
- Redmond E. M. (ed.), 1998. Chieftoms and Chieftaincy in Americas. Gainesville.
- Renshaw J., 1988. Property, Resources and Equality Among the Indians of the Paraguayan Chaco // Man. 1988. V. 23. № 2.
- Richards A. I., 1932. Hunger and Work in a Savage Tribe. A Functional Study of Nutrition Among the Southern Bantu. L.
- Richards A. I., 1939. Land, Labor and Diet in North Rhodesia. An Economic Study of Bemba Tribe. L.
- Riches D., 1975. Cash, Credit and Gambling in Modern Eskimo Economy: Speculation on Origins of Spheres of Economic Exchange // Man. 1975. V. 10. № 1.
- Richter M., 1911. Die Wirtschaft der Sudafrikanischen Bantuniger. Leipzig.
- Rink H., 1875. Tales and Tradition of the Eskimo. With Sketch of Their Habits, Religion, Language and Other Peculiarities. Edinburgh and L.
- Rivers W. H. R., 1907. On the Origin of the Classificatory System of Relationship // Anthropological Essays Preseted to E. B. Tylor. Oxford.
- Rivers W. H. R., 1914. History of Melanesian Society. Vol. 1-2. Cambridge.
- Rogers E. S., 1988. The Mistassini Cree // HGT.
- Rogers J. E. T., 1866. A History of Agriculture and Prices in England. Vol. 1. Oxford.
- Roper M. K., 1969. A Survey of the Evidence in Intrahuman Killing in the Pleistocene // CA. 1969. Vol. 10. № 4. Pt. 2.
- Rose A., Goggin Brown J., 1911. Lisu (Yawyn) Tribes of Burma-China Frontier // Memoirs of the Royal Asiatic Societe of Bengal. 3.
- Rose F. G. G., 1960. Classification of Kin, Age Structure and Marriage Amongst the Groote Eylandt Aborigines. A Study in Method and a Theory of Australian Kinship. Berlin.
- Rose F. G. G., 1965. The Wind of Change in Central Australia. Berlin.
- Roscoe J., 1911. The Baganda. An Account of their Native Customs and Beliefs. L.
- Rosman A., Rubel P. G., 1971. Feasting with Mine Enemy. Ranks and Exchange Among Northwest Coast Societies. N. Y.
- Ross H. M., 1973. Baegu. Social and Ecological Organisation in Malaita, Solomon Islands // ISA. № 8. Urbana, Chicago, L.
- Ross H. M., 1978. Baegu Markets, Areal Integration, and Economic Efficiency in Malaita, Solomon Islands // Ethnology. 1978. V. 17. № 2.

- Roth W. E.*, 1897. Ethnological Studies Among North-West-Central Queensland. Aborigines. Brisbane and L.
- Roth W.*, 1901. Food: Its Search, Capture and Preparation // North Queensland Ethnography. № 3. Brisbane.
- Rouse L.*, 1948. The Arawak // HSAI. Vol. 4. The Circum-Caribbean Tribes. Washington.
- Roy S.*, 1960. Aspects of Padam-Miuong Culture. Shilong.
- Rubel P., Rosman A.*, 1976. Potlach and Hakari: an Analysis of Maori Society in Terms of the Potlach Model // Man. 1976. V. 6. № 4.
- Rubel P. and Rosman A.*, 1978. Your Own Pigs You May Not Eat. A Comparative Study of New Guinea Societies. Canberra.
- Ryan D. A.*, 1959. Clan Formation in the Mendi Valley // Oceania. 1959. V. 29. № 4.
- Sackett L.*, 1979. The Pursuit of Prominence: Hunting in an Australian Aboriginal Community // Anthropologica. 1979. V. 21. № 2.
- Sahlins M. D.* 1958. Social Stratification in Polynesia. Seattle.
- Sahlins M. D.*, 1960. Political Power and the Economy in Primitive Society // Essays in the Science of Culture. Ed. by G. Dole and R. Carniero. N. Y.
- Sahlins M. D.*, 1962. Moala. Culture and Nature on a Fijian Island. Ann Arbor.
- Sahlins M. D.*, 1963. Poor Man, Rich Man, Big Man, Chief: Political Types in Melanesia and Polynesia // Comparative Studies in Society and History. 1963. V. 5. № 3.
- Sahlins M. D.*, 1965. On Sociology of Primitive Exchange // The Relevance of Models for Social Anthropology. Ed. by M. Banton. ASAM. J. L.
- Sahlins M. D.*, 1968. Tribesmen. Englewood Cliff.
- Sahlins M. D.*, 1969. Economic Anthropology and Anthropological Economics // Social Science Information. 1969. V. 8. № 5.
- Sahlins M.*, 1968. Notes on the Original Affluent Society // MH.
- Sahlins M.*, 1972. Stone Age Economics. Chicago and N. Y.
- Salisbury R. F.*, 1962. From Stone to Steel. Economic Consequences of a Technological Change in New Guinea. Melbourne.
- Salisbury R. F.*, 1964. Despotism and Australian Administration in New Guinea // AA. 1964. V. 66. № 4. Pt. 2.
- Salisbury R. F.*, 1966. Politics and. Shell-Money Finance in New Britain // Political Anthropology. Ed. by M. J. Swartz, V. W. Turner and A. Tuden. Chicago.
- Salisbury R. F.*, 1970. Vunamami. Economic Transformation in a Traditional Society. Carlton.
- Saxena R. P.*, 1964. Tribal Economy in Central India. Calcutta.
- Schäfer A.*, 1938. Kavagi, der Mann mit der Launpfahlkeule // Anthropos. 1938. Bd. 33. Heft 1/2.
- Schalk R. F.*, 1979. Land Use and Organisation Complexity Among Foragers of Northwestern North America // Affluent Foragers. Ed. by S. Koyama and D. H. Thomas. SES. № 9.
- Schapera I.*, 1930. The Khoisan Peoples of South Africa. Bushmen and Hottentotes. L.
- Schapera I.*, 1956. Government and Politics in Tribal Society. L.
- Schapera I.* (ed.). 1966. The Bantu-Speaking Tribes of South Africa. L.
- Schapera I., Goodwin A. J. H.*, 1937. Work and Wealth // The Bantu-Speaking Tribes of South Africa. Ed. by I. Schapera. L.
- Schebesta I.*, n. d. Among the Forest Dwarfs of Malaya. L.
- Scheffler H. W.*, 1965. Choiseul Island Social Structure. Berkeley and Los Angeles.
- Schmidt M.*, 1907. Rechtliche, soziale und wirtschaftliche Verhältnisse bei den südamerikanischen Naturvölker // Blätter für vergleichende Rechtswissenschaft und Volkswirtschaft. Bd. II.
- Schmidt M.*, 1920–1921. Grundriss der ethnologischen Volkswirtschaftslehre. Bd. 1–2. Stuttgart.
- Schmidt M.*, 1926. The Primitive Races of Mankind. L.
- Schmidt W.*, 1937. Die Eigentum auf den Ältesten Stufen der Menschheit. Bd. I. Des Eigentum in den Urkulturen. Münster.
- Schmidt W. und Koppers W.*, 1924. Völker und Kulturen. 1 Teil. Gesellschaft und Wirtschaft. Bd. 3. Regensburg.
- Schneider H. K.*, 1970. Wahi Wanyaturu. Economics in an African Society // VFPA. № 48.
- Schneider H. K.*, 1974. Economic Man. The Anthropology of Economics. N. Y., L.
- Schurtz H.* 1898. Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes. Weimar.
- Schurtz H.* 1902. Alterklassen und Männerbünde. Berlin.
- Schwartz T.*, 1961. Systems of Areal Integration: Some Consideration Based on Admiralty Islands of Northern Melanesia // AE. 1961. V. 1. № 1.

- Schwimmer E.*, 1973. Exchange in the Social Structure of the Orokaiva. Traditional and Emergent Ideologies in the Northern District of Papua. L.
- Scudder T.*, 1962. The Ecology of the Gwembe Tonga. Manchester.
- Seddon D.* (ed.), 1978. Relations of Production. Marxist Approach to Economic Anthropology. L.
- Seligman C. G.*, 1910. The Melanesians of British New Guinea. Cambridge.
- Seligman C. G. and Seligman B. Z.*, 1911. The Veddas. Cambridge.
- Service E. R.*, 1966. Hunters. Englewood Cliffs.
- Service E.*, 1971. Primitive Social Organisation. An Evolutionary Perspective. N. Y. (first ed.: 1962).
- Shakespeare J.*, 1912. The Lushei Kuki Clans. L.
- Sharp L.*, 1934. Ritual Life and Economics of the Yir-Yoront of Cape York Peninsula // Oceania. 1934. V. 5. № 1.
- Showdhury J. H.*, 1973. Arunchal Panorama. A Study in Profile. Shilong.
- Shukla B. K.*, 1969. The Dafla of Subansiri Region. Shilong.
- Shumizu A.*, 1987. Feasting as Socio-Political Process Chieftainship on Ponape, Eastern Carolines // Cultural Uniformity and Diversity in Micronesia. Ed. By I. Ushjima and S. Kenichi. SES. 21. Osaka.
- Shirokogoroff S. M.*, 1929. Social Organisation of the Northern Tungus. Shanghai.
- Silberbauer G. B.*, 1981a. Hunter and Habitat in the Central Kalahari Desert. Cambridge etc.
- Silberbauer G.*, 1981b. Hunter/Gatherers of the Central Kalahari // OP.
- Sillitoe P.*, 1979. Give and Take: Exchange in Wola Society. N. Y.
- Sillitoe P.*, 2006. Why Spheres of Exchange // Ethnology. 2006. V. 45. № 1.
- Simoons F. J.*, 1968. A Ceremonial Ox of India. The Mithan in Nature, Culture, and History. Madison, Milwaukee, and L.
- Singh R. R. P.*, 1966. Aboriginal Economic Systems of the Olympic Peninsula Indians, Western Washington // Sacramento Anthropological Papers. 4.
- Singh K. S.* (ed.), 1982. Economies of Tribes and Their Transformation. New Delhi.
- Smith E. A.*, 1988. Risk and Uncertainty in the «Original Affluent Society» and Evolutioning Ecology of Resource-Sharing and Land Tenure // HG 1.
- Smith E.*, 1991. Inuijumiut Foraging Strategies: Evolutionary Ecology of an Arctic Hunting. Chicago.
- Smith M. G.*, 1955. The Economy of Hausa Communities of Zaria // Colonial Research Studies. 16. L.
- Smith M. W.*, 1940. The Pualyp-Nisqually // Columbia University Contribution to Anthropology. V. 32. N. Y.
- Smith R. S.*, 1969. Kingdoms of Yoruba. L.
- Snow J. H.*, 1981. Ingalik // HNAI. V. 6. Subarctic.
- Snyder S.*, 1975. Quest for the Sacred in Northern Puget Sound: an Interpretation of Potlach // Ethnology. 1975. V. 14. № 2.
- Solecki R.*, 1971. Shanidar. The First Flower People. N. Y.
- Solway J. S. and Lee R. B.*, 1990. Foragers. Genuine or Spurious // CA. 1990. V. 31. № 2.
- Somlo F.*, 1909. Der Güterverkehr in der Urgesellschaft. Bruxelles. Leipzig.
- Southall A. W.* 1953. Alur Society. Cambridge.
- Specht J. and White J. P.* (eds), 1978. Trade and Exchange in Oceania and Australia // Mankind. 1978. V. 11. № 3.
- Speck F. and Eiseley L. C.*, 1942. Montagnais-Naskapi Bands and Family Hunting Districts of Central and Southern Labrador Peninsula // PAPS. V. 85. № 2.
- Spencer B.*, 1914. Native Tribes of the Northern Territory of Australia. L.
- Spencer B.*, 1928. Wanderings in Wild Australia. V. 2. L.
- Spencer B., Gillen F. J.*, 1927. The Arunta. A Study of Stone Age People. V. 1. L.
- Spencer R. F.*, 1959. The North Alaskan Eskimo. A Study in Ecology and Society // SIBAEB. 171.
- Sprenger G.*, 2005. The Way of the Buffaloes: Trade and Sacrifice in Northern Laos // Ethnology. 2005. V. 44. № 4.
- Sproat G. M.*, 1868. Scenes and Studies of Savage Life. L.
- Stanfield J. R.*, 1986. The Economic Thought of Karl Polanyi: Lives and Livelihood. N. Y., 1986.
- Stanner W. F. H.*, 1933a. The Daly River Tribes. A Report of Field Work in North Australia // Oceania. 1933. V. 3. № 4; V. 4. № 1.

- Stanner W. E. H.*, 1933b. Ceremonial Economics of the Mulluk Mulluk and Madngella Tribes of the Daly River // *Oceania*. 1933. V. 4. № 2.
- Stanner W. E. H.*, 1934. Ceremonial Economics of the Mulluk Mulluk and Madngella Tribes of the Daly River // *Oceania*. 1934. V. 4. № 4.
- Stanner W. E. H.*, 1961. Comment to the Article of J. Goody // *CA*. 1961. V. 2. № 1.
- Stefansson V.*, 1929. My Life with the Eskimo. N. Y.
- Steltzer U.*, 1984. A Haida Potlatch. Seattle, L.
- Stevenson H. N. C.*, 1944. The Economics of the Central Chin Tribes. Bombay.
- Steward J. H.*, 1936. The Economic and Social Basis of Primitive Bands // *EA*.
- Steward J. H.*, 1938. Basin-Plateau Aboriginal Socio-political Groups // *SIBAEB*, 120.
- Steward J. H.*, 1955. The Theory of Culture Change. The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana.
- Steward J. H.*, 1968. Causal Factors and Processes in the Evolution of Pre-Farming Societies // *MH*.
- Steward J. H.*, *Faron L. C.* (eds.), 1959. Native Peoples of South America. N. Y.
- Steward C. S.*, 1928. Journal of Residence in the Sandwich Islands During the Years 1823, 1824. N. Y.
- Stewart T. D.*, 1977. The Neanderthal Skeletal Remains from Shanidar Cave, Iraq: A Summary of Evidence to Date // *PAPS*. 1977. Vol. 121. № 2.
- Stiles S. H.*, 1905. Economics of Iroquois // *Bryn Mawr College Monographs. Monographs Series*. V. 1. № 3. Lancaster.
- Stonor C. R.*, 1950. The Feasts of Merit Among the Northern Sangtam Tribe of Assam // *Anthropos*. 1950. Bd. 45. Heft 1-3.
- Strathern A. J.*, 1966. Despots and Directors in the New Guinea Highlands // *Man*. 1966. V. 1. № 3.
- Strathern A. J.*, 1969. Finance and Production. Two Strategies in New Guinea Highlands Exchange System // *Oceania*. 1969. V. 40. № 1.
- Strathern A. J.*, 1971a. Pig Complex and Cattle Complex: Some Comparisons and Counterpoints // *Mankind*. 1971. V. 8. № 2.
- Strathern A. J.*, 1971b. The Rope of Moka. Big Man and Ceremonial Exchange in Mount Hagen, New Guinea // *CSSA*. № 4.
- Strathern A. J.*, 1978. «Finance and Production» Revisited: in Pursuit of Comparison // *REA*. V. 1.
- Strathern A. J.*, 1979. Gender, Ideology and Money in Mount Hagen // *Man*. 1979. V. 14. № 3.
- Strathern A. J.*, 1987. Social Classes in Mount Hagen? The Early Evidence // *Ethnology*. 1987. V. 26. № 4.
- Strathern M.*, 1999. Property, Subsistence and Effect. L.
- Straus W. L.*, *Cave A. J.*, 1957. Pathology and Posture of Neanderthal Man // *Quarterly Review of Biology*. 1957. Vol. 32. № 4.
- Sunderman H.*, 1888. The Island of Nias and Its People // *The Popular Science Monthly*. Vol. 33. № 3.
- Sundström L.*, 1965. Exchange Economy of Pre-Colonial Tropical Africa // *Studia Ethnographica Upsaliens*, 24. Uppsala (2 ed.: L., 1974).
- Suttlies W.*, 1958. Private Knowledge, Morality and Social Classes Among the Coast Salish // *AA*. V. 60. № 2.
- Suttlies W.*, 1960. Affinal Ties, Subsistence and Prestige Among the Coast Salish // *AA*. V. 62. № 2.
- Suttlies W. P.*, 1979a. The Economic Life of the Coast Salish of Haro and Rosario Straits // *CSWW*. 1.
- Sutton D. G.*, 1990. Organisation and Ideology. The Origin of the Northern Maori Chiefdom, New Zealand // *Man*. 1990. V. 25. № 4.
- Swanton J. R.*, 1911. Indian Tribes of the Lower Mississippi Valley and Adjacent Coast of the Gulf of Mexico. Washington.
- Swanton J. R.*, 1946. The Indians of Southwestern United States. N. Y.
- Sy-Chuan Guy G.*, 1958. The Economic Life of the Mountain Tribes of Northern Luzon. Philippines // *Journal of East Asiatic Studies*. 1958. V. 7. № 1.
- Tambiah S. J.*, 1973. Bridewealth and Dowry on the Property Rights // *Goody J. and Tambiah S. E. Bridewealth and Dowry*. L. etc., 1973.
- Tanaka J.*, 1976. Subsistence Ecology of Central Kalahari San // *Kalahari Hunter-Gatherers and their Neighbours*. Ed. by R. B. Lee and I. DeVore. Cambridge, Mass.

- Tanaka J.*, 1979. A Study of the Comparative Ecology of African Gatherer/Hunters with Special Reference to San (Bushmen-Speaking People) and Pygmies // *Africa* 1. SES. № 1.
- Taplin G.*, 1879. The Folklore, Manners, Customs and Languages of the South Australia Aborigines. Adelaide.
- Tait D.*, 1958. The Territorial Pattern and Lineage System of Konkombe // *TWR*.
- Terashima H.*, 1980. Hunting Life of the Bambote. An Anthropological Study of Hunter-Gatherers in Wooded Savanna // *Africa* 2. SES. № 6.
- Terray E.*, 1969. Le Marxisme Devant les Societes «Primitives», Paris.
- Terray E.*, 1972. Marxism and «Primitive» Societies. N. Y. L.
- Testart A.*, 1986. Le Communisme Primitif. Economie et Ideologie. 1. Paris.
- Testart A.*, 1987. Game Sharing and Kinship Among Hunter-Gatherers // *Man*. 1987. V. 22. № 2.
- Testart A.*, 1988. Some Major Problems in the Social Anthropology of Hunter-Gatherers // *CA*. 1988. V. 29. № 1.
- Thomas E. M.*, 1959. The Harmless People. L.
- Thomson D. F.*, 1949. Economic Structure and the Ceremonial Exchange Cycle in Arnhem Land. Melbourne.
- Thune C. E.*, 1983. Kula Traders and Lineage Members: The Structure of Village and Kula Exchange on Normanby Island // *KNPME*.
- Thurnwald R.*, 1912. Forschungen auf den Solomon-inseln und dem Bismark-archipelag. Bd. 3. Volk, Staat und Wirtschaft. Berlin.
- Thurnwald R.*, 1932. Economics in Primitive Communities. Oxford.
- Thurnwald R. C.*, 1934. Pigs and Currency in Buin // *Oceania*. 1934. V. 5. № 2.
- Tiffany S. W.*, 1975. Giving and Receiving: Participation in Chiefly Redistribution Activities in Samoa // *Ethnology*. 1975. V. 14. № 3.
- Tiffany S. W. and Tiffany K. W.*, 1978. Optation, Cognatic Descent and Redistribution in Samoa // *Ethnology*. 1978. V. 17. № 4.
- Tindale N. B.*, 1953. Tribal and. Intertribal Marriage Among Australian Aborigines // *Human Biology*. 1953. V. 20. № 3.
- Tindale N. B.*, 1963. Tribal Distribution and Population // *Australian Aboriginal Studies*. Ed. by W. E. H. Stanner. Melbourne.
- Tindale N. B.*, 1974. Aboriginal Tribes of Australia. Their Terrain, Environmental Controls, Distribution, Limits, and Proper Names. Berkeley etc.
- Titmus R. M.*, 1971. The Gift Relationship: From Human Blood to Social Policy. N. Y.
- Todd J. A.*, 1934. Report on Research Work in South-West New Britain, Territory of New Guinea // *Oceania*. 1934. V. 5. № 1. № 2.
- Todd J. A.*, 1936. Redress of Wrongs in South-West New Britain // *Oceania*. 1936. V. 6. № 4.
- Tollefson K. D.*, 1987. The Snogqualmil: A Pu8 get Chiefdom // *Ethnology*. 1987. V. 26. № 2.
- Tooker E.*, 1954. An Ethnography of Huron Indians, 1615-1649 // *SIBAEB*. 190.
- Townsend J. B.*, 1961. Tanaina // *HNAI*. V. 6. Subarctic.
- Turner P.*, 1963. The Meaning of Gift. Richmond, Vi.
- Trigger B. G.*, 1969. The Huron. Farmers of the North. N. Y. etc.
- Trinkaus E.*, 1978. Hard Times among Neanderthals // *Natural History*. 1978. Vol. 87. № 10.
- Trinkaus E. and Zimmerman M. R.*, 1979. Palaeopathology of Shanidar Neanderthals // *AJPA*. 1979. V. 50. № 3.
- Trinkaus E.*, 1985. Pathology and posture of the la Shapelle-aux-Saints Neanderthal // *AJPA*. 1985. V. 67. № 1.
- Trinkaus E. and Zimmerman M. R.*, 1982. Trauma among Shanidar Neanderthals // *AJPA*. 1982. V. 57. № 1.
- Tuebing L.*, 1935. Native Trade in Southeast New Guinea // *B. P. Bishop Museum Occasional Papers*. V. 11. № 15. Honolulu.
- Turna J. W.*, 1987. Blessed to Give and Receive: Ceremonial Exchange in Fiji // *Ethnology*. 1987. V. 26. № 3.
- Turnbull C. M.*, 1966. Wayward Servants. The Two Worlds of the African Pygmies. L.
- Turner L.*, 1894. Ethnology of Ungava District, Hudson Bay Territory // *II ARBAE*.
- Uberoi J. P. Singh.*, 1962. Politics of the Kula Ring. Analysis of the Findings of B. Malinowski. Manchester.
- Valentine C. A.*, 1963. Social Status, Political Power, and Native Responses to European Influence in Oceania // *AE*. 1963. V. 1. № 1.

- Van der Pas H. T.*, 1973. *Economic Anthropology. 1940–1972. An Annotated Bibliography.* Oosterhout.
- Vanoverbergh M.*, 1924. Negritos of Northern Luzon // *Anthropos*. 1924. Bd. 20. Heft 3, 4.
- Vansina J. A.* 1962. Comparison of African Kingdoms // *Africa*. 1962. Vol. 32. № 4.
- Vayda A. P.*, 1967. Pomo Trade Feasts // *TPE*.
- Vayda A. P.*, 1970. Maori Warfare // *Polynesian Society Monographs*. № 2. Wellington. (first ed.: 1960).
- Vayda A. P.*, 1976. War in Ecological Perspective. Persistence, Change, and Adaptive Processes in Three Oceanian Societies. N. Y., L.
- Verbrux E.*, 1993. Under Mango Tree. A Case of Homicide in an Australian Tribe.
- Vicedom G. F. and Tischner H.*, 1943. *Die Mbawamb*. Bd. 2. 1. Gesellschaft. 2. Religion and Weltbild. Hamburg.
- Vierkandt A.*, 1899. Die wirtschaftlichen Verhältnisse der Naturvölker // *Zeitschrift für Socialwissenschaft*. Jahrgang 2, Heft 2, 3.
- Viljoen S.*, 1936. The Economics of Primitive Peoples. L.
- Vogel F. W.*, 1975. A History of Ethnology. N. Y. etc.
- Volkman T. A.*, 1985. Feasts of Honor. Ritual and Change in the Toraja Highlands // *ISA*. № 16. Urbana and Chicago.
- Waddell E.*, 1972. The Mound Builders. Agricultural Practices, Environment and Society in the Central Highlands of New Guinea // *MAES*. 53. Seattle and L.
- Wagner G.*, 1956. The Bantu of Kavirondo. V. 2. Economic Life. L.
- Wagner G.*, 1969. The Political Organisation of the Bantu of Kavirondo // *AP S*
- Wagner R.*, 1967. The Curse of Souw. Principle of Daribi Clan Definition and Alliance in New Guinea. Chicago and L.
- Walker K. F.*, 1942. The Study of Primitive Economics // *Oceania*. 1942. V. 13. № 2.
- Wallace E. and Hoebel A.*, 1962. The Comanches: Lords of the South Plains. Norman.
- Wallace W. J.*, 1978a. Southern Valley Yokuts // *HNAI*. V. 8. California.
- Wallace W. J.*, 1978b. Northern Valley Yokuts // *HNAI*. V. 8. California.
- Ward B.*, 1972. What's Wrong With Economics? L.
- Warner W. L.*, 1932. Malay Influence on the Aboriginal Culture of North-Eastern Arnhem Land // *Oceania*. 1932. V. 2. № 4.
- Warner W. L.*, 1958. A Black Civilization. A Social Study of an Australian Tribe. Chicago. (first ed.: 1937).
- Watson J. M.*, 1973. Tairora: The Politics of Despotism in a Small Society // *PNG*.
- Watt G.*, 1969. The Nagas of Manipur // *NNC*.
- Webb T. T.*, 1944. From Spears to Spades. Melbourne (first ed.: 1938).
- Wedgwood C.*, 1930. The Nature and Function of Secret Societies // *Oceania*. 1030. V. 1. № 2.
- Wedgwood C.*, 1932. The Economic Life in Melanesia // *Man*. V. 32. № 117.
- Wedgwood C. H.*, 1934. Report on Research in Manam Island, Mandated Territory of New Guinea // *Oceania*. 1934. V. 4. № 4.
- Wedgwood C. H.*, 1959. Manam Kinship // *Oceania*. 1959. V. 29. № 4.
- Weeks J. H.*, 1914. Among the Primitive Bakongo. L.
- Weiner A. B.*, 1983. Women of Value, Men of Renown. New Perspectives in Trobriand Exchange. Austin (first ed.: 1976).
- Weiner A. B.*, 1988. The Trobrianders of Papua New Guinea. N. Y.
- Weiner P.*, 1992. Inalienable Possessions: the Paradox of Keeping-while-giving, Berkeley.
- Wenzel G. W., Hovelsrud-Broda G., Kishigani N.* (eds), 2000. The Social Economy of Sharing: Resource Allocation and Modern Hunter-Gatherers // *SES*. № 33.
- Werner D., Flowers N. M., Ritter M. L., Gross D. R.*, 1979. Subsistence Production and Hunting Effort in Native South America // *HE*. 1972. V. 7. № 4.
- Weyer E. M.*, 1962. The Eskimos. Their Environment and Folkways. Hamden, Conn.
- Whiffen Th.*, 1915. The North-West Amazons. Notes of Some Months Spent Among Cannibal Tribes. L.
- White C. M. N.*, 1957. Clan, Chieftainship, and Slavery in Luvalé Political Organization // *Africa*. 1957. V. 27. № 1.
- White C. H. M.*, 1959. Preliminary Survey of Luvalé Rural Economy // *RLP*. 29. Manchester.
- White R. C.*, 1963. Luiseno Social Organisation // *UCPAE*. V. 48. № 2. Berkeley and Los Angeles.

- Whiting J. W. M., 1941. Becoming a Kwoma. Teaching and Leading in a New Guinea Tribe. L.
- Whiting J. W. M. and Reed S. W., 1938. Kwoma Culture. Report on Fieldwork in the Mandated Territory of New Guinea // Oceania. 1938. V. 9. № 2.
- Widmer R. J., 1988. The Evolution of Calusa: a Nonagricultural Chiefdom on the Southwest Florida Coast. Tuscaloosa.
- Wiessner P., 1982. Risk, Reciprocity and Social Influence in Kung San Economics // HPBS.
- Wiessner P., 1986. Kung San Network in Generational Perspective // The Past and Future Kung Ethnography: Critical Reflections and Symbolic Perspectives. Essays in Honor of Lorna Marshall. Ed. by M. Biesele and R. Lee. Hamburg.
- Wike J., 1957. More Puzzles on the Northwest Coast // AA. 1957. V. 59. № 2.
- Wilkins G. H., 1928. Undiscovered Australia. L.
- Williams B. J., 1968. The Birhor of India and Some Comments on Band Organisation // MH.
- Williams B. J., 1974. A Model of Band Society // American Antiquity. 1974. V. 39. № 4. Pt. 2.
- Williams F. E., 1930. Orokaiva Society. L.
- Williamson M. A., 1913. Some Unrecorded Customs of the Mekeo People of British New Guinea // JRAI. 1913. V. 43. Pt. 1.
- Williamson R. W., 1912. The Mafulu. Mountain People of British New Guinea. L.
- Wilmsen E. N., 1989. Land Filled with Flies: A Political Economy of the Kalahari. Chicago.
- Winiata M., 1956. Leadership in Pre-European Maori Society // JPS. 1956. V. 65. № 3.
- Winiata M., 1967. The Changing Role of the Leader in Maori Society. A Study in Social Change and Race Relations. Auckland.
- Winter E. H., 1955. Bwamba Economy. The Development of Primitive Subsistence Economy in Uganda // East African Studies. № 5. Kampala.
- Winter E. H., 1958. Aboriginal Political Structure of Bwamba // TWR.
- Winterhalder B., 1986. Diet Choice, Risk, and Food Sharing in a Stochastic Environment // Journal of Anthropological Archaeology. 1986. V. 5. № 4.
- Wittfogel K. A., 1957. Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power. New Haven.
- Woodburn J., 1968a. An Introduction to Hadza Ecology // MH.
- Woodburn J., 1968b. Stability and Flexibility in Hadza Residential Groupings // MH.
- Woodburn J. C., 1982. Egalitarian Societies // Man. 1987. v. 17. № 3.
- Woolly L., 1928. The Sumerians. Oxford.
- Worswic G. D., 1972. Is Progress of Economic Science Possible // Economic Journal. 1972. V. 82. № 325.
- Woodford A., 1908. Notes on Manufacture of the Malaita Shell-Bed Money // Man. V. 8. № 43.
- Yan Y., 2005. The Gift and Gift Economy // HEA.
- Yde J., 1965. Material Culture of Waiwai // NSER. 10. Copenhagen.
- Yengoyan A. A., 1970. Demographic Factors in Pitjandjara Social Organisation // AAA.
- Yellen J. and Harpending H., 1972. Hunter-Gatherer Population and Archaeological Inference // World Archaeology. 1972. V. 4. № 2.
- Yerkes R. M., 1943. Chimpanzees. A Laboratory Colony. New Haven.
- Young M. W., 1971. Fighting with Food. Leadership, Values and Social Control in a Massim Society. N.Y.
- Young M. W., 1983. Ceremonial Visiting in Goodenough Island // KNPME.
- Young M. W., 1985. Abutu in Kalauna: a Retrospect // Mankind. 1985. V. 15. № 2.
- Zelenietz M., Grant J., 1980. Kilenge Narogo: Ceremonies, Resources and Prestige in a West New Britain Society // Oceania. 1980. V. 51. № 2.

Именной указатель

Аверкиева Ю. П. 137, 139, 343, 408,
436, 438–441, 445–449, 451,
452, 562, 563

Айвенс У. 516

Акоста И. де 98, 99

Аллен М. 498

Алтмен Дж. 226

Анатолий, архимандрит 447

Андреев Н. Н. 20

Аристотель 63, 94

Аспарух 654

Базедов Г. 418

Барнетт Г. 107, 437, 443, 446, 447

Барсукова С. Ю. 141

Бартон Р. Ф. 111

Бастиа Ф. 84

Белл Ф. Л. С. 173, 184

Белшоу С. С. 496, 572

Беневист Э. 575

Бердселл Дж. Б. 248

Берлинг Р. 127

Берн Дж. 432, 433

Берндт Р. М. 300, 339

Берндт К. Х. 300, 432, 433

Берндт Р. М. 432

Бернье Ф. 69

Бессэньс П. 495

Биглхоул Э. 565

Бин Л. Дж. 378, 381

Биркет-Смит К. 189, 257, 258, 299,
351, 552

Блауг М. 75

Блинов А. И. 137

Блок М. 653

Блэкинг Дж. 125

Боас Ф. 107, 296, 437, 441

Богданов (Малиновский) А. А. 83

Богораз (Тан) В. Г. 182, 254, 561

Боханнан Л. 572

Боханнан П. 572

Браун Г. 418

Браун П. 479

Бриффо Р. С. 208

Бруни Л. 635

Буагильбер П. Л. де 63

Бунцел Р. 296

Бутинов Н. А. 39, 40, 137, 139

Бухарин Н. И. 40, 82, 83

Бьондо Ф. 635

Бюхер К. В. 73

Вагнер Г. 572

Вайдя С. 229

Вановсберг М. 267

Васильев Б. А. 560

Васильев Л. С. 83

Вебер М. 59

Веджвуд К. 501, 517, 518

Вейнер А. 532, 534, 535, 539, 540

Венбрукс Э. 419

Вениаминов И. Е. 436

Верман 445

Винклер Г. 142

Виткин М. А. 83

Вишняцкий Л. Б. 143

Волкмен Т. А. 549

Врангель П. Ф. 408, 561

Вудберн Дж. 225, 269, 291

Вулли Ч. Л. 647

Гадеман С. 135

Гайтон А. 387

Гамилтон А. 432

Гауль В. 231

Гегель Г. В. Ф. 143

Гедон М. 328, 330, 331

Генри Дж. 276–279, 287

Гиллен Ф. Дж. 289, 297

Глассе Р. М. 481

Гобино Ж. А. де 636, 637

Годелье М. 131–133, 140, 231,
478, 479

Голдшмидт У. 381, 383

Гомперц Т. 647

Гоулд Р. 414

Гофман А. Б. 139
 Гочияев Г. Г. 558
 Гране М. 575
 Гребер Д. 135
 Грегори К. 231
 Грей Дж. 150, 225
 Гроций Г. (Гроот Х. де) 99
 Гудейл Дж. 419
 Гуди Дж. 586
 Гудолл Дж. 221
 Гудфеллоу Д. М. 112
 Гумилев Л. Н. 636, 637
 Гуно Ш. 61
 Гуревич А. Я. 83

Дальтон Дж. 119, 122–128, 130, 132
 Дамас Д. 181, 267
 Данилевский Н. Я. 636
 Данилова Л. В. 83, 142, 148
 Данинг Т. Дж. 88
 Двойлацкий Ш. М. 83
 Джевонс У. С. 74
 Желиус К. 76
 Женесс Д. 181, 266
 Джонс Р. 67–70, 85
 Джонсон А. 226, 284, 544
 Дидро Д. 100
 Дингл Т. 227
 Доулинг Дж. 260, 295
 Доусон И. М. 107
 Дракер Ф. 414, 442
 Дуглас М. М. Т. 573
 Дюбуа К. 346, 385, 414, 499

Енгоян А. А. 432

Загоскин Л. А. 562
 Засулич В. И. 102, 145, 171
 Зеленин Д. К. 136, 578, 581–584
 Зеленцов Н. 584
 Зибер П. И. 103, 104, 344

Игорь 655
 Иохельсон В. И. 172, 174, 254, 260

Йосселин де Йонг Дж. П. Б. де 550

Каберри Ф. М. 289
 Кабо В. Р. 137, 169, 280, 300, 434

Каватл 479
 Каванг 506, 507
 Кагаров Е. Г. 161
 Канебаев Байсенгир 556
 Канкиан Ф. 586
 Каплан Дж. О. 568
 Каплан Х. 226
 Кариер Дж. 135
 Карр Э. М. 431
 Карстен Р. 298, 570
 Картье Ж. 97
 Келлер К. 635
 Керим-бай 556
 Кимон 188
 Киплинг Дж. Р. 213
 Кирман А. 76
 Клаач Г. 418
 Кламмер Дж. 133
 Кларк Дж. Б. 74
 Ковалевский М. М. 359
 Кодрингтон Р. 496, 498
 Коландер Д. 76
 Колганов А. И. 137, 148, 306, 455
 Колумб Х. 97
 Кон А. Ф. 83
 Кондоминас Ж. 551, 552
 Корлетте Э. А. 498
 Кребер А. 415
 Кристианс С. 227
 Крицман Л. Н. 83
 Крюков В. М. 575
 Ксенофонт 63
 Ку-ин-куми 421
 Кук С. 129, 131, 134
 Куман 507
 Кумар К. 93
 Кунов Г. 111, 148, 253, 296, 303, 304
 Купер Дж. 418
 Купер Ю. 575
 Куртис Э. 107
 Кушнер (Кнышев) П. И. 20

Лав Дж. 431
 Лагуна Ф. де 443
 Ланглуа Ш. В. 142
 Лаперуз Ж. Ф. 190
 Лафито Ж. Ф. 98, 99
 Ле Суф А. 431
 Левада Ю. А. 139
 Ледермен Р. 467, 473, 481

ЛеКлер Э. 127–129
 Ленивый Кви 276
 Ленин В. И. 82, 136, 138, 148, 155
 Лехман Ф. 552
 Ли Р. Б. 224–228, 271, 273, 274, 276,
 287, 295, 296, 315
 Лики Л. 199
 Ликок Э. 300
 Липс Ю. 495
 Липума Э. 479
 Лонг Дж. 432
 Лопатин И. А. 104, 254, 296, 560
 Лоун Р. Г. 250, 303
 Лоумен-Вайда Ч. 479
 Лумхольц К. 289
 Люке Т. 76
 Люксембург Р. 103

Мабли Г. 100
Макартур М. 225
Маккарти Ф. 225
Маккеннан Р. 328–331, 394
Малиновский Б. К. 106–111, 118,
 138, 140, 231, 302, 303, 319,
 320, 346, 532–536, 538–540
Мамай 609
Мареев С. Н. 84
Маретина С. А. 295
Маригум 504–508
Маркс К. 22, 32–34, 39–41, 52, 61,
 66, 70, 71, 84, 85, 88, 92, 101,
 102, 105, 110, 125, 131, 137,
 142–145, 148, 169–172, 635
Мартин М. К. 270
Мартир де Ангьера П. 97, 99
Маршалл А. 74
Маршалл Л. 271, 275, 287
Матото 479, 480
Маунтфорд Ч. 419, 427–429
Меггитт М. 248, 430, 432, 481
Межуев В. М. 84
Мейн Г. Д. С. 647
Мекил С. 563
Менгер К. 74
Мердок Дж. П. 107
Мерфи Р. 569
Мид М. 393, 514, 515
Миддендорф А. Ф. 104, 183, 186
Миллер Н. 111
Мирска Дж. 563

Михайловский Н. К. 148
Михен Б. 226
Монан Дж. 586
Монкретьен А. 62, 63
Монтень М. Э. де 99
Морган Л. Г. 157
Морелли 100
Мосс М. 112, 139, 140, 231, 561,
 575, 576, 586
Мздофф Ф. 75

Нелсон Э. У. 313
Николаева У. Г. 140
Николайсен Дж. 299
Никольский В. К. 20
Никульшин Н. П. 136, 259, 267,
 270, 271
Нумакала 538

Оберг К. 569
Огилби Дж. 98, 99
Олег 655
Оливер Д. Л. 483, 484, 486–488, 492
Ольдерогге Д. А. 138
Осгуд К. 408, 409
Осинский (Оболенский) В. В. 83
Остин Л. 532, 535, 540

Палин Олаф 576
Палмер Э. 289
Патнем П. 253, 268
Патнем Э. 253
Пауэлл Г. 532, 535, 536, 540
Першиц А. И. 17, 143
Петерсон Дж. Т. 253, 291
Петраков Н. Я. 76, 77
Петри Х. 493
Петти У. 63, 64
Пиддок С. 443
Пиллинг А. Р. 415, 418, 419, 426
Плеханов Г. В. 33
Покровский М. Н. 83
Полань К. 118–127, 130–132, 140,
 141, 375
Попов Т. 187, 578, 579, 581, 582
Посписил Л. Я. 312, 393
Потехин И. И. 138
Пребраженский Е. А. 83
Прудон П. Ж. 33, 84

Радклифф-Браун А. Р. 247, 248,
258, 289, 294, 296, 297, 302
Расмуссен К. И. В. 182, 184, 229
Расиветаев М. К. 136, 259
Рей М. 457, 459, 460, 464
Рейнак С. 209
Риверс У. Х. Р. 149, 434, 496
Рикардо Д. 64, 65, 76
Ричардс О. И. 172
Роджерс Дж. Т. 86
Роско Дж. 608
Роуз Ф. Г. Г. 430, 432, 433
Румянцев А. М. 137, 169, 280
Рычков К. М. 560
Рюккерт Г. 636, 637

Салинс М. 231
Сандыбаев Ердень 556
Сахаров И. П. 579, 580, 582, 583
Седдон Д. 133
Селигмен Б. З. 296
Селигмен Ч. Г. 296, 532
Сеньобос Ш. 142
Сервис Э. 250, 283, 304, 305
Сергеева Г. А. 558
Сержпутовский А. К. 292
Скворцов-Степанов И. И. 83
Слот В. 76
Смит А. 64–66, 76, 634
Солсбери Р. Ф. 465
Софокл 93
Спенсер Р. Ф. 364, 366, 367, 369, 561
Спенсер У. Б. 289, 297, 418, 428
Спиндлер Дж. 426
Спиндлер Л. 426
Спиноза Б. 100
Сталин И. В. 83, 136, 170
Станнер У. 318, 319, 322, 346
Стефансон В. 266
Стивенсон Г. Н. К. 552
Стразерн Э. 471, 473
Стратонович Г. Г. 575
Стюард Дж. 249, 250, 287
Сусоколов А. А. 140

Тамбия С. Дж. 586
Тамбо 427
Тамерлан 609
Танака Дж. 272
Таплин Дж. 297

Таунсенд Дж. 408, 409
Тер-Акопян Н. Б. 101, 148
Террей Э. 132, 133
Тестарт А. 234, 262
Тимофеев Л. М. 78
Тиндаль Н. 243
Толд Дж. 508, 509
Тойнби А. Дж. 636, 637
Токарев С. А. 139
Толанд Дж. 98
Толстов С. П. 157
Толыбеков С. В. 556
Томас Э. М. 271, 274, 276, 297
Томсон Д. Ф. 319
Тоулува 538, 539
Ту-унталуми 420, 425
Туголуков В. А. 183
Турнвальд Р. 106, 495, 520
Туроу Л. К. 79
Тюрго А. Р. Ж. 634

Уильямс Б. 250
Уильямсон Р. У. 509
Уинингтон А. 612
Уисснер П. 259, 315
Уиффен Т. 186
Уодделл Э. 459
Уорд Б. 75
Уорнер У. 326
Уорсвик Д. 75
Уотсон Дж. 479
Уэбб Т. 431

Файнберг Л. А. 137, 182
Фейл Д. К. 479
Фелпс Браун Г. 75
Фельмер Г. 76
Фергюсон А. 634
Фердон Э. 190
Ферс Р. У. 113–117, 173, 520, 521.
523, 526, 529
Фицедом Г. 476
Фольц В. 229
Фортес М. 173
Фортес С. Л. 173
Форчун Р. Ф. 514
Фостер Дж. Б. 75
Франкенберг Р. 133
Фрей Г. 418
Фрейд З. 215

Фрид М. Г. 283
 Фроянов И. Я. 576
 Фэй Сяотун 586

Хаас А. 76
Хайэтт Л. 247, 433
Хант Дж. 441
Харако Р. 261
Харни У. 418
Харрис Дж. 261
Харт Ч. У. М. 418–427, 429
Хаскульд 576
Хауитт А. У. 258
Хейлбронер Р. Л. 79, 80, 82, 87
Херскович М. Дж. 113, 117, 231, 572
Хикс Дж. Р. 82
Хилл К. 226
Хогбин Г. Я. 496, 501, 504, 505, 507, 508, 548
Хокарт А. М. 158
Хокс К. 226
Холмберг А. Р. 269, 270
Хоум Г. (лорд Кеймс) 101
Хуртадо А. М. 226
Хьялти 576

Чака 615
Чирцов Д. 579, 581, 585

Шабдан 556
Шамиль 622
Шаньон Н. А. 567
Шапера И. 294–296, 302
Шарп Л. 189, 297

Шафер А. 479
Швейцер И. Б. 33
Шворц Т. 393
Шебеста П. 268
Школкин П. 579
Шмелев Н. П. 76, 77
Шмидт М. 106
Шнейдер Г. 127–129
Шомло Ф. 104, 230
Шпенглер О. 636, 637
Шрадер Х. 140
Шренк Л. И. 104, 184, 187, 296, 416, 417
Штернберг Л. Я. 175, 187, 296, 349, 417, 558, 559

Эйлман Э. 431
Эйнциг П. 495
Эйр Э. Дж. 225
Элькин А. П. 247, 300, 418, 433
Энгельс Ф. 32, 33, 39, 41, 66, 70–73, 84, 85, 92, 101, 102, 133, 137, 143–149, 159
Эндикотт К. 299
Эпстейн А. Л. 393
Эпстейн Т. С. 393
Эренрейх П. фон 253
Эристов Р. Д. 557
Эрл Т. 284, 544
Эрроу К. Дж. 75

Юнг М. У. 511–513

Яйленко В. П. 647

Указатель названий культурно-языковых общностей («народов», «племен» и т. п.)

- Абелям** 481
Австралийцы (аборигены) 104, 189, 243, 248, 249, 252, 259, 286, 287, 289, 297, 300, 304, 322, 339, 433, 434
Агта см. Аэта
Ади (абор) 554, 602
Адыги 183, 345
Азанде 611
Айны 559
Албанцы 345
Алгонкины 300, 562, 565
Алеуты 253, 436
Алуры 602, 611, 621
Альявара (илиаура) 226
Анбарра 226
Ангами нага 555, 585, 602, 603, 622
Англичане 418
Андаманцы 104, 244, 256, 260, 261, 269, 295, 297, 300, 302, 351
Ануаки 602, 621
Ао нага 554, 555, 602
Апа-тани 554, 624
Апачи 566
Арапеш 481
Арикара 459
Арунта (аранда) 297
Асма 228
Атапаски северные 250, 328, 408, 409, 562
Атна 408–410, 562
Атони 612
Ауэти 569
Аштеки 620
Аче см. Гуаяки
Ашанти 590, 611
Аэта (агта) 249, 253, 291, 301
- Бавары** 630
Баганда 611
Базинга 611
- Базинза** 611
Бакаири 569
Баконго 611
Бакуба 611
Балкарцы 345, 627, 628
Балуба 611
Балунда 611
Бамботе 301
Бамилеке 611
Бамум 611
Банток 623
Банту 602
Баньоро 611
Баньянколе 611
Баньяруанда 611
Баруйа 478, 479
Басога 607, 611
Батаки 612, 626
Батеки 256, 258, 268, 299
Баторо 611
Баха 611
Бахнар 606
Бвамба 602, 604
Белла-кула 343, 439
Белорусы 292
Бемба 225, 611
Бечуаны 611
Бирхоры 269, 301
Бонток 551
Бороро 228, 568, 569
Ботокуды 104, 253
Буид 459
Буряты 187, 561
Бушмены 183, 244, 249, 286, 287, 295, 297, 302, 353
— гана 272
— гви 267, 272
— кунг 224–226, 228, 229, 259, 271, 274, 280, 300, 310, 315, 347

Ва 602
 Ваиваи 280, 281, 341, 342, 395,
 454, 456
 Вака (вага) 469
 Валбири 247–249, 430–432
 Ваниндилъяутва 430, 431
 Варопен 481
 Варрау 567
 Васукума 611
 Ватчандее 268
 Ваура 569
 Вашо 351
 Ведау 481
 Ведды 185
 Винту 381, 385
 Виральюри 252
 Вола 481
 Волгал 288
 Волоф 611
 Ворора 431
 Вотьебалук 252
 Вугусу 571, 572, 602

Гавайцы 225
 Гариа 481
 Гаро 602, 604, 622
 Гахуку-гама 347, 471, 472
 Гвемба тонга 350
 Германцы (древние) 161, 630
 — северные 184, 576, 630
 Гидйингали 226
 Греки (древние) 66, 79, 84, 184
 Грингаи 252
 Гро-вантра 459
 Гуаяки (аче) 226, 256, 288
 Гунвинггу 226
 Гурндитч-мара 252
 Гуроны 459, 562, 564, 602, 604
 Гурурумба 481

Дагомба 611
 Дакота 296, 298, 562, 563
 Далебура 268
 Дани 472
 Дариби 481
 Дафла 602
 Даяки 550
 Джате 481
 Джен 602
 Джи 572

Дживаро (джибаро) 570
 Дорзе 571
 Доробо 269
 Дулун 602
 Дуна 481

Зулусы (зулу) 615
 Зуньи 566

Игороты 623
 Ингалики 562
 Ингуши 557
 Индейцы Аляски 328, 370, 428
 — Большого бассейна и плато
 256, 287
 — Калифорнии 377, 384, 385, 389,
 393, 396, 435, 456, 495
 — Северной Америки 97–99, 107,
 561, 576, 602
 — северо-западного побережья 115,
 283, 284, 343, 428, 436, 437,
 439, 440, 442, 443, 445–447,
 449–453, 456, 524, 526,
 529, 544
 — степей 563
 Инки 132
 Ипили 458, 469
 Ирокезы 565, 590, 605, 606
 Иснег 623
 Ифугао 111, 550, 623
 Ицзу (и) 627, 628

Йандапу 470
 Йеркла-мининг 252
 Йимар 288
 Йир-йоронт 189, 297
 Йокутсы 386–389
 Йолнгу см. Мурингин
 Йорубы 617, 619, 620

Кабардинцы 629
 Кадары 301
 Казахи 136, 190, 556
 Кайгани 445
 Кайнганги 269
 Кайова 564
 Калинга 551, 623
 Калуса 453, 614, 634
 Камана 481

Камаюра 283, 350, 569
 Канаки 495
 Канела 228
 Канканаи 550
 Каока 482, 492, 493, 496
 Капауку 225, 244, 283, 312, 313, 347,
 350, 393, 458, 476, 477, 481
 Карачаевцы 626–628
 Кароки 410
 Каска 562
 Кату 606, 624
 Кафиры 554
 Кахуилла 350, 378, 380, 381
 Качины 554, 602, 611, 621, 629
 Квакиютли 107, 412, 437, 439,
 441–443, 449
 Квома 288, 494
 Кева 481
 Киваи 244, 350
 Киленге 482
 Киргизы 136, 284, 555
 Китайцы 575
 Клуане 329, 562
 Койта 481
 Коколи 475
 Коля нага 611
 Команчи 563, 564
 Коми-пермяки 583
 Конкомба 602
 Коньяк нага 611, 625
 Коряки 561
 Коюконы 562
 Кле 602
 Кри 300, 562
 Кубео 282, 283, 298, 341–343, 454,
 456, 482, 547, 567
 Кубу 229, 249
 Куикуру 225
 Кулин 267
 Кума 244, 350, 457–464, 467, 468,
 470–472, 475, 476, 478, 481
 Курнаи 287
 Кучины 408, 409
 Кхаси 590, 611
 Кхму 611
 Кхойсаны 294
 Кыка 470, 471, 474, 481, 582

Лави 602
 Лакалаи 482

Лакхеры 553, 625
 Ламба 350
 Ламет 553, 602
 Лампонг 550
 Лангобарды 630
 Лапула 611
 Лаху 602
 Леле 572, 573, 611
 Ли 624
 Лиллуэт 562
 Лису черные 612
 Литзу 602
 Ловен 602
 Логоли 571, 572, 602
 Лувале 611
 Луисеньо 288
 Лхота нага 555, 602

Маднжелла 318, 322, 324, 325, 585
 Мае энга 458, 474–478, 481, 582
 Майя 586, 620
 Малапантарам (горные пандарамы)
 249, 253, 301
 Мальгаши 611
 Мамайнде 282
 Мампруси 611
 Манггараи 612
 Манданы 459
 Мандари 283
 Манси (вогулы) 560
 Манус 393, 482, 514, 515, 544
 Маори 347, 350, 526–531, 547, 548
 Марийцы (черемисы) 583
 Маринг 284, 479
 Маринд-аним 481
 Матако 459
 Мафулу 481, 509–511
 Мачигуенга 226, 284
 Мейпрат 481
 Мекео 481, 513, 518, 519
 Мекраноти 228
 Меланезийцы 106, 173, 302, 335,
 344, 350, 357, 481, 496, 501,
 509, 511, 513, 531, 552, 585
 Мелпа 458, 460, 465, 470, 471,
 474–477, 479, 481
 Менде (Африка) 611
 — (Новая Гвинея) 458, 460, 465,
 467–469, 471, 473, 476, 481
 Менем 602

Мео 611
 Мизо (лушей) 553, 625
 Микронезийцы 350, 590
 Минангкабау 550, 590
 Мискито 184, 566
 Мишми 602
 Мланье 611
 Мнонгары 551, 552, 602
 Молима 482
 Монтанье 269, 300
 Моси 611
 Мукьяравайнт 186
 Муллул-муллул 318, 322, 324, 325, 585
 Мундуруку 350, 459, 569, 570
 Муонги 611
 Мурингин (йолнгу) 326, 431

На 612
 Наболои 623
 Навахо 566
 Нага 554, 555
 Намбиквара 279, 281, 282, 454
 Нанайцы (гольды) 187, 254, 559
 Нариньери 185
 Наррагансэтт 565
 Нарранг-га 288
 Наси 590
 Наскапи 300
 Натчи 614
 Наяди 301
 Наяка 269, 301
 Наяры 590, 591
 Нганасаны 187, 284
 Нгаравапум 481
 Нгариги 288
 Нгатарьяра 263
 Негидальцы 559
 Ненцы 187
 Нивхи (тиляки) 184, 187, 254, 349, 416, 417, 543, 558, 560, 585
 Никобарцы 549
 Ниписсинги 562
 Нисенан 384, 385
 Номлаки 381, 382, 384
 Нондугл 472, 473
 Носильщики (карьер) 562
 Нупе 611
 Нутка 343, 439, 441–443, 446, 447
 Нуэры 602

Омаха 459, 564
 Оммура 480
 Онге (онгхи) 185, 229
 Орокаива 481
 Ороки 559
 Орочи 558, 559
 Осетины 345, 557

Пайван 612
 Пайуте (нуму) 253, 256, 269, 287, 566
 Пакох 606, 624
 Палаун 612
 Палийан 228
 Папуасы 459, 473, 552
 — горные 457–461, 465, 467–470, 473, 475, 476, 478, 480, 481, 483, 582
 Патвин 389
 Пеар 602
 Пиароа 568
 Пигмеи Ака 288
 — Батва 301
 — Мбути (бамбути) 253, 256, 261, 268, 310
 Пилага 256, 276–279, 287, 291, 372, 395
 Пинтупи 263, 432
 Питьянтьяра 263, 432
 Полинезийцы 187, 190, 227, 347, 350, 393, 520, 526, 548
 Полопа 481
 Помо 562
 Португальцы 418, 616
 Пунан 299
 Пшавы 557

Раипу (лаипу) энга 459, 470, 475, 476, 481, 582
 Ренгма нага 555, 602
 Ругара 495
 Русские 345, 578, 579, 582–586

Саксы 630
 Сангтам нага 555
 Саох 602
 Сваны 557
 Седанг 602, 604

Селиши береговые 107, 437, 439,
441–443, 445–448, 450,
451, 495

— материковые 562

Сема нага 625

Семанги 258, 268

Сианг даяки 459

Сиане 183, 244, 350, 458, 460,
465–468, 470, 471, 475, 476,
478, 481

Сио 481

Сирионо 230, 269, 270, 288

Сиуаи 283, 482–488, 490–494,
496, 544

Славяне 651, 654, 655

— восточные 576, 577

— прибалтийские 184

Со 602

Сольто 562

Сре 602

Стиенг 602

Суму 567

Суолол 471

Сьяка 470

Тагиши 562

Тадоу-куки 625

Таирора 479, 480

Тайпи 255

Талленси 173

талленси 602

Талтаны 562

Танаина 408–410, 435, 543, 562

Танана верховые 328–332, 350, 364,
370, 371, 376, 394, 408, 428,
437, 562

— низовые 562

Тангу 347, 481

Татлиты 409, 410, 562

Тетон-дакота 563

Тетум 612

Тиви 418–421, 543, 573

Тикар 611

Тикопийцы 283, 520, 521

Тимбира 350, 459

Тин 602

Тлинкиты 329, 350, 412, 428,
436–439, 442, 445, 447

Тлоква 607

Тоамбаита 351, 482

Тоба 459

Толан 393, 482, 496

Толова 179, 394, 410–415, 428, 476,
495, 543

Томбема 470, 471, 582

Томпсон 562

Тор 288, 481

Торалджа 549

Тробрианцы 106, 108, 109, 112, 302,
532–534, 540

Трумаи 350, 569

Тупури 225

Туркана 284, 572

Тутутни 179, 410

Удмурты (вотяки) 583

Уитото 186

Украинцы 184

Ульчи (ольчи) 187, 559

Урубун 279

Усино 481

Усуруфа 481

Фанти 571, 611

Фаталека 482

Фиджийцы 283

Финикийцы 620

Фон 611, 620

Форе 481

Франки 630

Французы 562

Фризы 630

Фульбе 620

Хадза 224, 249, 256

Хайда 107, 437–439, 445, 447

Ханты (остяки) 186, 560

Хануноо 459

Хауса 611

Хиви 228–230

Хопи 350, 565, 566

Хре 602

Хуаненьо 288

Хули 469, 481

Хупа 410

Цзинпо 612

Цимшиане 107, 437–439, 441, 442,
445, 447, 452

Чагга 611
Ченчу 301
Чепара 185, 258
Черногорцы 345
Черноногие (блэкфут) 563
Чеченцы 345
Чибча (муиски) 614
Чилкотины 562
Чимбу 458, 460, 465, 470, 472, 474, 476, 479, 481
Чинук 451
Чины 552, 553, 602, 611
Чороти 282, 298, 454, 456, 459
Чукчи 182, 254, 561

Шаванте 228
Шиллуки 602, 621
Шошоны западные 250, 253, 261, 284, 287
Шумеры 620
Шусвап 562

Эвенки (тунгусы) 186, 254, 560
Эвены 259, 288
Эгбадо 620
Эгбо 620
Эдо (бини) 611
Энга 351, 458, 465, 468, 470, 471, 474, 475, 481, 544
 — центральные 284, 481
Эскимосы (инуиты) 180, 253, 364
 — Аляски 350, 366

— нуунамиют 364, 366
 — тареумиют 364, 366, 367, 561
 — чугачи 253, 350, 435, 436, 561
 — Кадыака 261
 — центральные 181, 183, 185
 — медные 335
 — нетсилик 181, 182, 249, 261, 263, 266, 335
 — уткиликьялингмиют 239
 — карибу 181, 189, 244, 257, 260, 335, 367
 — иглулик 181, 249, 288, 335
 — уналит 253
 — Лабрадора 290
 — Гренландии 253
 — полярные 181, 253, 264, 266, 289, 290
Эяки 562

Юин 287
Юагиры 174, 187, 254, 260, 288
Юраки 543
Юроки 410, 415, 428, 476, 495

Ягана (ямана) 269
Якутаты 350, 436–438, 441–444, 446, 447, 450, 451
Якуты 136, 187, 255, 624
Яномамо 284, 567
Яо Африки 590
 — Таиланда 602
Ятмул 288, 494

Указатель географических названий

Авикло, дер. 508

Австралия 97, 103, 104, 185, 225, 226, 242, 243, 247, 249, 256, 263, 267, 268, 289, 297, 300, 318, 321, 325, 338, 353, 418, 419, 428, 430–434, 501, 543, 573, 585

Адмиралтейства о-ва 494, 514

Азия Средняя 555

Азия Юго-Восточная 357, 552, 560, 611, 612

Акмолинская обл. 556

Алор, о. 499, 500, 547, 549

Алу, о. 485, 486

Аляска Северная 254, 350, 364, 366, 367, 369, 370

Аляска, п-ов 181, 284, 328, 408, 409, 428, 435, 561

Амазонка, р. 282

Амбрим, о. 497

Америка 76, 97, 98, 102, 103

Америка Северная 107, 115, 343, 428, 445, 453, 456, 459, 524, 526, 529

Америка Центральная 13

Америка Южная 279, 280, 459, 566, 567, 586

Амур, р. 187, 560

Амфлетт, о-ва 319

Ангола 573

Андаманские о-ва 258, 289, 294

Анды 614

Аоба (Омба, Оба, Прокаженных), о. 498

Аргентина 256, 276

Аризона, штат 350, 565

Арктика 303

Арнемленд, п-ов 189, 225, 226, 259, 318, 319, 321, 322, 325–327, 339, 418, 429–431, 434, 584

Архангельская губ. 187, 188, 579, 585

Ауки, о. 493

Афганистан 284

Африка 79, 97, 98, 103, 117, 197, 225, 344, 357, 395, 459

Африка Восточная 199, 571, 572, 607, 608

Африка Западная 571, 573, 590, 616, 617

Африка Южная 40, 87, 294, 602, 607, 611, 615

Ахты, аул 605

Балкария 557, 627

Банкс, о-ва 493, 495, 496

Барият, дер. 503, 505

Барнаульский округ 579

Барроу, м. 254, 364, 367, 369–371, 377, 561

Батерст, о. 418, 419, 543

Бату о-ва 612

Бежецк 580

Белиз 292

Бенин (Дагомея) 573

Берингов пр. 313

Боливия 230, 269, 288, 614

Большая Будогошь, дер. 582, 583

Большой бассейн, геогр. обл. 253, 256, 284, 287

Ботсвана 271

Бразилия 104, 186, 253, 281, 283, 350, 459, 567

Британская Колумбия, пров. 107, 437

Бугенвиль, о. 100, 482, 483, 495, 520, 544

Буин, обл. 482, 520

Буйский уезд 579

Бука, о. 482

Булиа, община 518

Буркина-Фасо (Верхняя Вольта) 573

Бутурлинская волость 579

Вага, р. 583
 Вага-Вага, местн. 481
 Варнавинский уезд 579
 Варуо 320
 Васюганская тундра 186
 Великие озера (Северная Америка) 562
 Вельский уезд 579, 581, 583
 Венесуэла 228, 284, 567, 568, 614
 Весегонск 580
 Виктория, р. 434
 Виктория, штат 431
 Владимирская губ. 579
 Вогео (Вокео), о. 320, 344, 350, 351, 482, 501–504, 507, 508, 517
 Вологодская губ. 579–581, 583
 Воневаро, дистрикт 503, 506
 Вьетнам 551, 602, 604, 606, 611, 624
 Вятская губ. 578, 579, 584

Гава, о. 482
 Гавайи, о. 613
 Гавайские о-ва 613
 Гаити (Эспаньола) о. 613
 Гайяна 280
 Гамбия 573
 Гана 573, 602, 619
 Гвинея 573
 Гвинея-Бисау 573
 Герцога Йоркского о-ва 494, 498
 Гильбертовы о-ва 613
 Гималаи 554, 624
 Гиндукуш 602, 611, 622
 Гол, дер. 506
 Гондурас 566
 Гороховская волость 584
 Гран-Чако, геогр. обл. 282, 459
 Гренландия, о. 181, 253
 Грут-Айленд, о. 430
 Гуалалканал, о. 482, 492, 496
 Гуденаф, о. 482, 511–514, 585
 Гудзонов зал. 437, 439
 Гурон, оз. 564

Д'Антраксто, о-ва 511
 Дагестан 136, 558, 605, 622, 627
 Дальний Восток 416, 558
 Дап, дер. 351, 502, 503, 505
 Дарвин. гор. 418
 Дейли, р. 318

Джоб, дер. 503, 505
 Добе, обл. 224, 315, 319, 322, 338
 Добу, о. 315, 482
 Дундас, форт 418

Евфрат, р. 634, 643
 Елабужский уезд 584
 Енисейская губ. 579, 582

Замбия (Северная Родезия) 225, 350
 Западная пустыня (Австралия) 263, 432
 Западный Ириан 225, 312
 Захуа, р-н 553
 Зимбабве (Южная Родезия) 350

Инд, р. 643
 Индия 79, 97, 98, 102, 301, 553, 590, 604, 611, 625
 Индонезия 549
 Индостан, п-ов 217, 228, 249, 253, 301, 590
 Исландия, о. 576
 Италия 219, 646
 Итури, лес 253

Йегума, о. 320

Кабарда 629
 Кавирондо, местн. 602
 Кавказ 345, 557, 622
 Кавказ Северный 136, 188, 605, 626
 Кадниковский уезд 579, 580
 Калауна, община 511–513
 Калахари, пустыня 87, 224, 256, 267, 272
 Калимантан (Борнео) о. 299, 459, 550
 Калифорния, штат 104, 350, 377, 380, 384, 389, 392
 Калужская губ. 580, 584
 Камбоджа 602
 Камерун 225, 602
 Канада 97, 181, 184, 250
 Карачаево-Черкесия 558
 Карачай 626
 Карбозеро, село 583
 Каргопольский уезд 583

Каролинские о-ва 255
 Карпентария, зал. 434
 Касанаи, дер. 535
 Квинсленд, штат 252, 338
 Кения 284
 Керала, штат 253, 301
 Кимберли, плато 431
 Кинаба, дер. 503, 505
 Киривина (Бойова), о. 532, 535
 Киривина, дистрикт 531, 532, 536, 538
 Китай 79, 575, 590, 602, 612, 644
 Колумбия, р. 436, 451
 Конго 256, 572, 573, 602, 616, 617, 621
 Косраз, о. 613
 Костромская губ. 579, 581
 Кот-д'Ивуар 573
 Коцебу, зал. 561
 Красный холм 580
 Ксаи-Ксаи, водн. ист. 315, 316
 Кубань 579
 Кубома, дистрикт 535, 540
 Курганский уезд 579
 Кусокуим, р. 561
 Кызыл-Уруп, аул 558

Лабрадор, п-ов 290
 Лавонгай (Новый Ганновер), о. 498
 Ламотрек, атолл 255, 613
 Ланга-Ланга, атолл 493
 Лаос 602
 Лафлон о-ва 320
 Лена, р. 255
 Либерия 573
 Лисьи о-ва 436
 Луба, дистрикт 535
 Луизиана, арх. 496
 Луканор, атолл 613
 Лусон, о. 267, 301, 550, 551, 623

Макарьевский уезд 579, 581
 Малабарский берег 590
 Малаита (Большая Мала), о. 351, 482, 494
 Малакка, п-ов 256, 258, 268
 Малекула, о. 482, 494, 497
 Малый Андаман, о. 185, 229, 256
 Манам, о. 482, 517, 518
 Мангарева, о. 613

Манус, о. 482
 Маркизские о-ва 255, 548
 Маршалл-Беннетт, о-ва 319
 Маршалловы о-ва 613
 Массим, регион 512
 Мату-Гросу, штат 568, 569
 Мауки, дер. 341
 Маэво (Аврора), о. 497
 Мварок, дер. 503, 505
 Мексика 292
 Меланезия 319, 376, 393, 434, 482, 544, 547, 548, 555, 571–573, 612
 Мелвилл, о. 255, 418, 419, 543
 Мендосино, м. 377
 Мешевский уезд 584
 Мешерский край 579
 Микронезия 548, 613
 Минас-Жерайс, штат 253
 Миндоро, о. 459
 Мисима, о. 320
 Мовехафен, о-ва 482, 508, 509, 513
 Моложский уезд 579, 582
 Моно, о. 485, 486
 Мота, о. 496, 497
 Муруа (Вудларк), о. 320
 Мьянма (Бирма) 552, 553, 602, 611, 621

Намибия 271
 Невада, штат 261, 351
 Ниас, о. 550, 612
 Нигер, р. 619
 Нигерия 459, 572, 602
 Никарагуа 566
 Никобарские о-ва 549
 Никольский уезд 579
 Нил, р. 634, 643
 Ниссан, о-ва 482
 Новая Британия, о. 393, 482, 494, 495, 498, 508
 Новая Гвинея, о. 106, 225, 228, 244, 283, 284, 312, 319, 350, 351, 457, 458, 461, 465, 467, 470, 473, 475, 476, 478, 479, 481–483, 493–495, 507, 509, 513, 518, 531, 544, 571, 582
 Новая Зеландия, о-ва 347, 350, 526, 527, 531, 548
 Новая Ирландия, о. 482, 498

Новая Каледония, о. 495, 612
 Новгородская губ. 579, 582
 Новгородский уезд 579
 Новые Гебриды, о-ва 495, 497, 498
 Норманби, о. 319, 482
 Нукухива, о. 255
 Ньяе-Ньяе, обл. 271, 274, 275, 280

Оахака, долина 292
 Обыченское, село 583
 Огненная Земля, о. 72, 269
 Океания 97, 103, 117, 344, 393
 Олонецкая губ. 583
 Омаракана, дер. 535, 538
 Онтарио, оз. 564
 Онтонг-Джава, атолл 548
 Орегон, штат 410
 Ориноко, р. 567
 Орловская губ. 580
 Орловский уезд 578
 Осетия 557

Палау о-ва 549, 613
 Панама 614
 Панаэти, о. 320
 Папуа — Новая Гвинея 469, 479
 Парагвай 226, 256
 Пасхи (Восточный, Рапа Нуи), о.
 187, 190
 Пентекост (Пага), о. 482, 497
 Пермская губ. 583
 Перу 284, 570
 Пинежский уезд 579, 585
 Покровско-Сицкая вол. 582
 Полесье 292
 Полинезия 393, 520, 548, 613
 Понапе, о. 350, 548, 613
 Пошехонский уезд 581
 Принца Уильяма зал. 435
 Псковская губ. 580
 Пудожский уезд 583
 Пуир, дер. 254, 349
 Пуэрто-Рико, о. 614

Рононго, о. 482
 Россел (Иела), о. 482, 496

Саа, община 516, 517
Сабара (Сабарл), о. 482

Саву, о. 612
 Самоа, о-ва 548
 Сан-Антонио, дер. 292
 Сан-Кристобаль, о. 482
 Санароа, о. 319
 Санта-Катарина, штат 269
 Санта-Крус, о-ва 482
 Саравак, штат 299, 550
 Сахалин, о. 559, 560
 Сванетия 557
 Северо-западное побережье
 Северной Америки 115, 343
 Сенегал 573
 Сибирь 174, 187, 270, 459, 558, 560
 Соломоново море 319, 531
 Соломоновы о-ва 76, 106, 227, 351,
 483, 492, 493, 520
 Судан 283, 602
 Судан Восточный 621
 Сулавеси (Целебес), о. 624
 Суматра, о. 229, 249, 550, 590,
 612, 626
 Сумба, о. 550
 Сумбава, о. 612
 Схаутен, о-ва 501, 517
 Сырдарьинская обл. 556
 Сычуань 627
 Сьерра-Леоне 573

Табар, о-ва 482
 Таиланд 602
 Таити, о-ва 548, 613
 Тайвань, о. 612, 626
 Таймыр, п-ов 284
 Тамилнад, штат 269
 Танана, р. 328, 370
 Танга, о-ва 173, 350, 482
 Танзания 217, 221, 224, 256
 Танимбар, о-ва 625
 Танну, о. 482
 Тарский уезд 579, 581
 Тверская губ. 580
 Тверь, г. 580
 Тевара, о. 319
 Темижбековская, станица 188
 Тибет 597
 Тигр, р. 634, 643
 Тикопия, о. 347, 350, 520–526, 548
 Тилатаула, дистрикт 535, 540
 Тимор, о. 418, 612

Тобольская губ. 579, 581, 585

Тогула, о. 482

Токелау о-ва 613

Токона (Токуна) о. 320

Томская губ. 579

Тонга, о-ва 548, 613

Торрсе, о-ва 498

Тотемский уезд 579, 583

Тробриан (Тробрианд), о-ва 106,
108, 302, 347, 350, 482, 531,
534, 539, 541

Трук, о-ва 590

Тубетубе, о. 320

Туле, местн. 289

Тульская губ. 580

Тургайская обл. 556

Тюменский уезд 585

Уганда 602, 604, 621

Улава, о. 482, 516

Усть-Ницинское, село 585

Усть-Сысольский уезд 579

Фалала, дер. 507

Фалам, обл. 553

Фергюссон, о. 319, 482, 512

Фиджи, о-ва 482, 613

Филиппины, о-ва 104, 249, 253,
550, 623

Флорес, о. 612

Флорида, п-ов 453, 614, 634

Форт-Руперт 437, 439

Форт-Симпсон 439, 445, 452

Хаген, г. 476, 479

Хайнань, о. 624

Хака, обл. 553

Холмогорский уезд 579

Хуанхэ, р. 643

Хьюон, зал. 481

Цейлон (Шри-Ланка), о. 104,
185, 296

Центральноафриканская
Республика 288

Шенкурский уезд 579

Шуазель, о. 482

Эглеп, о. 508

Эдистоун, о. 482

Эквадор 570, 614

Экваториальная Гвинея 573

Эпи, о. 497

Эроманга, о. 335, 482

Эспириту-Санта, о. 253, 497

Этол, атолл 613

Эфиопия 571

Юньнань 602, 604, 612

Юрьевский уезд 579

Ява, о. 102

Якаяка, дер. 281, 341

Якутата, зал. 436

Ялutorовский уезд 579

Янаба, о. 320

Яп, о. 548, 549, 613

Япония 76, 609

Ярославская губ. 579, 581, 582

**Указатель названий
предгосударственных,
прагосударственных и древних
государственных образований**

- А**
Адо 617
Акуша-Дарго 605
Анандал 605
Ангола 616
Анди 605
Анколе 615
Антль-Ратль 605
Армаа 614
Афины 85, 188
Ахты-Пара 605
- Б**
Басутоленд 607
Бауре 614
Бечуаналенд 607
Болгарское (Первое) царство 654
Боргу 620
Буганда 608, 610, 614, 615, 617
Бусамбира 607
Бусога 615
Бухайя 615
- В**
Великоморавское государство 654
Волжско-Камская Болгария
(Булгария) 654
Восточная Римская империя
(Византия) 655
- Г**
Гидатл 605
Греция 645–651
- Д**
Дагомея 573, 620
Дербентское ханство 611
- Е**
Египет 643
- З**
Западная Римская империя
651–653
- Зипа 614
Зулу 615
- И**
Ибадан 620
Иджебу 620
Илорин 620
Индская (Хараппы) цивилизация
643, 645, 651
Иньская (Шанская)
цивилизация 643
Ифе 620
Ихангиро 615
- К**
Кабо-Дарго 605
Кайор 614
Каконго 616
Каламари 614
Кара 614
Карагве 615
Каролингов империя 651, 653
Карфаген 650
Кету 620
Кизиба 615
Коки 615
Конго 253, 301, 616, 620
- Л**
Лига ирокезов 605
Лоанго 616
Луба 616, 620
Лунда 616, 620
- М**
Манаси 614
Матамба 616
Мбамба 616
Мбатта 616
Микенская (Ахейская)
цивилизация 644–646, 651
Минойская цивилизация 644

Момпоке 614
Мпангу 616
Мпемба 616

Нгойо 616
Нсунди 616
Нупе 620

Ойо 619, 620

Паресси 614
Пасто 614
Пикаро 614
Поухатан 614
Пуруха 614

Римская держава 650
Русь 654–656

Само, государство 654
Сояя 616
Союз гуронов 605

Тлейсерух 605
Торо (Африка) 615
Торо (Южная Америка) 614

Хазарский каганат 654
Ходеносауни (Лига ирокезов) 605

Чамал 605

Шумер 634, 643, 647

Эгба 573, 620
Элам 644

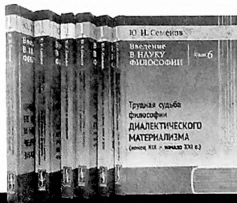
Издательская группа URSS
представляет фундаментальный труд
доктора исторических наук, профессора
Юрия Семенова

Введение в НАУКУ ФИЛОСОФИИ

в шести книгах:

- 1 Предмет философии, ее основные понятия и место в системе человеческого знания
- 2 Вечные проблемы философии: От проблемы источника и природы знания и познания до проблемы императивов человеческого поведения
- 3 Марксистский прорыв в философии
- 4 Современные проблемы теории познания, или логики разумного мышления
- 5 Проблема истины. Мышление, воля и мозг
- 6 Трудная судьба философии диалектического материализма (конец XIX – начало XXI в.)

Исходная идея всех книг цикла — **философия есть наука**, есть исследование, в ходе которого решаются проблемы и тем самым делаются открытия. Предметом философского исследования является **истина**. Философия есть теория познания истины. Цель исследования процесса познания истины — вооружить человека, и прежде всего ученого, руководством к **познанию** истины, методом познания истины. Истину способно дать лишь **мышление**. Только процесс мышления поддается управлению со стороны человека. Поэтому философия есть наука о мышлении (логика) и одновременно предельно общий метод мышления (диалектика).

**Систематическое изложение
всех без исключения важнейших
проблем философии**

Карл Маркс • КАПИТАЛ: Квинтэссенция всех томов «Капитала» в одной книге

КНИГА КНИГ

«КАПИТАЛ» — необходимый актив в арсенале каждого интеллектуала, интересующегося законами развития социально-экономических процессов.

«Квинтэссенция всех томов „КАПИТАЛА“ в одной книге»

— результат титанической работы немецкого историка и экономиста Ю. Борхардта (1868–1932), посвятившего 30 лет доскональному изучению и популяризации бессмертной книги К. Маркса. Ю. Борхардт — переводчик «Капитала» на французский язык, автор книги «Экономическая история Германии».

«... Тот, кто хочет прочесть „Капитал“, наталкивается на множество затруднений. Можно даже сказать, что для непосвященного эта книга вообще недоступна.

... Задача состоит в том, чтобы познакомить читателя с основным ходом мысли Маркса в его собственном изложении ... и до последних пределов возможности оставить нетронутыми подлинные слова Маркса» — писал Ю. Борхардт.

Серия «Из наследия Е. С. Варги»

Серия

Из наследия Е. С. Варги

Евгений Самуилович ВАРГА

Академик АН СССР. Лауреат Ленинской премии.

Выдающийся советский экономист, специалист в области политической экономики капитализма и мировой экономики. Один из первых советских экономистов, заслуживших мировое признание. Он внес огромный вклад в развитие экономической теории, в изучение основных тенденций мирового капиталистического хозяйства, в том числе экономических циклов и кризисов, а также в исследование мировой экономической конъюнктуры, аграрных проблем, теории денег. Именно он вначале предсказал наступление мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., а затем его окончание.

Научное издательство

URSS

СОХРАНИТЬ,
РАЗВИВАТЬ
И ПРИУМНОЖАТЬ
НАУЧНОЕ
НАСЛЕДИЕ

ИСПОЛЬЗУЙ ШАНС реализовать свои знания и творческий потенциал В НАУЧНО- ИЗДАТЕЛЬСКОМ ДЕЛЕ!

ДО
аналитика

ОТ
оператора

ДО ведущего
редактора

ОТ
корректора

ДО
специалиста

ОТ
ученика

ДО
управленца

ОТ
помощника

Достойно

Перспективно

Осуществимо

Звони:

+7 (499) 724 25 45

Пиши: URSS@URSS.ru

Присоединяйся:

V vk.com/editorial_urss

f facebook.com/urss.ru

Заходи:

117335, Москва,
Нахимовский пр-т, 56

http://URSS.ru